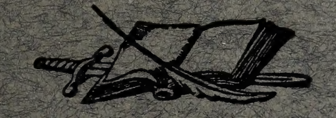
ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.



REVUE
PUBLIÉE PAR LA SOCIÉTÉ
DES ZÉLATEURS DES SCIENCES
MILITAIRES.

ВОЈНИ ЗБОРНИК
ДРУШТВА ПРИЈАТЕЉА
ВОЈНИХ ЗНАЊА.

Книга 3.

1922 г.

БѢЛГРАДЪ
Королевство Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ.

Военный Сборникъ

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХЪ ЗНАНIЙ.

REVUE
PUBLIÉE PAR LA SOCIÉTÉ
DES ZÉLATEURS DES SCIENCES
MILITAIRES.

ВОЈНИ ЗБОРНИК
ДРУШТВА ПРИЈАТЕЉА
ВОЈНИХ ЗНАЊА.

Книга III.

1922 г.

БѢЛГРАДЪ

Королевство Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ.

— Печатано въ типографіи Об-ва „Presse“ —
Berlin S. W. 19. Leipzigerstr. 59.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція «Военнаго Сборника» приглашаетъ всѣхъ желающихъ сотрудничать въ Сборникѣ, присылать свои статьи на имя Редактора, Генеральнаго Штаба Полковника В. М. ПРОНИНА — Сербія, Бѣлградъ, Проте-Матеіе улица, № 51.

Редакторы «ВОЕННАГО СБОРНИКА»:

Генеральнаго Штаба Полковникъ В. М. ПРОНИНЪ.
Генеральнаго Штаба Полковникъ И. Ф. ПАТРОНОВЪ.

Редакторъ Военно-Морского отдѣла:
Адмиралъ А. Д. БУБНОВЪ.

„СОВРЕМЕННАЯ“ ВОЙНА и „КРАСНАЯ“ ВООРУЖЕННАЯ СИЛА.

I

Первое, что рѣзко бросается въ глаза, даже поверхностному наблюдателю, это то громадное количество людей, которое каждое государство вынуждено мобилизовать для своей защиты. Широкое развитіе желѣзныхъ дорогъ обусловило возможность появленія на современныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій милліоныхъ армій. Телеграфъ и телефонъ облегчили управленіе этими массами. Дальнѣйшія усовершенствованія техники въ области передвиженія и связи все шире и шире раздвигаютъ рамки этихъ возможностей. Несмотря на то, что эпоха, предшествовавшая Европейской войнѣ, характеризовалась возрастающими вооруженіями народовъ и даже называлась «вооруженнымъ миромъ», тѣмъ не менѣе, требованія, предъявленныя вспыхнувшей въ 1914 году войной, превзошли всѣ ожиданія. Милліоновъ людей, призванныхъ общими мобилизаціями въ началѣ войны, оказалось недостаточно.*) Во всѣхъ воюющихъ странахъ производились дополнительныя мобилизаціи и къ концу войны общее число призванныхъ достигало: въ Россіи 17.000.000, во Франціи 8.000.000, въ Германіи 14.000.000. По отношенію къ общей численности населенія въ этихъ странахъ число призванныхъ равнялось: въ Россіи 9,4%, въ Германіи 20% и во Франціи (исключая колоніальные контингенты) 20%. Принимая во вниманіе, что число мужчинъ рабочаго возраста не превышаетъ четверти общей численности населенія, мы увидимъ, что для веденія войны пришлось мобилизовать: въ Россіи до 40%, въ Германіи и во Франціи до 80% всѣхъ мужчинъ ра-

*)	Численность войска въ мирное время	Число мобилизованныхъ съ объявленіемъ войны	Общее число мобилизован. въ теченіи всей войны
Россія	1.320.000	6.870.000	17.000.000
Франція	630.000	4 500.000	8.000.000
Германія	770.000	5.490.000	14.000.000

бочаго возраста. Въ Германіи и во Франціи война потребовала мобилизаціи всего физически годнаго мужского населенія.

Сопоставляя опытъ только что минувшей войны съ данными вооруженной борьбы народовъ въ XIX столѣтіи, можно совершенно ясно обнаружить одинъ изъ основныхъ законовъ въ эволюціи, черезъ которую проходитъ въ современную эпоху война. Этотъ законъ можно формулировать такъ: *для своей защиты во время вооруженной борьбы каждый народъ долженъ быть готовъ призвать все свое боеспособное мужское населеніе.*

Причины, вызывающія къ жизни этотъ законъ, лежатъ прежде всего въ области соціальныхъ явленій. Активное участіе въ политической жизни страны все болѣе и болѣе широкихъ народныхъ массъ, не могло, конечно, не повлечь за собой появленіе этихъ же массъ въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ вынужденъ былъ браться за оружіе для защиты своей политики. Но параллельно съ этими причинами работаютъ въ томъ же направленіи и силы чисто матеріальнаго характера.

Развитіе современной техники не только облегчаетъ развертываніе милліонныхъ армій, но *оно само требуетъ участія* въ оборонѣ страны все большаго и большаго числа людей.

Усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія дало возможность прострѣливать обойденный флангъ и тылъ на нѣсколько верстъ въ глубину, что сильно увеличило чувствительность фланговъ дерущихся войскъ. Эта тактическая особенность современной войны выразилась въ стратегіи минувшей войны въ настойчивомъ «исканіи фланговъ» въ первомъ маневренномъ періодѣ этой войны. Эта «погоня» за флангами продолжалась до тѣхъ поръ, пока воюющія стороны, вводя все новыя и новыя силы, не образовали каждая непрерывный фронтъ, упиравшійся въ моря или въ нейтральныя страны.

Наступилъ позиціонный періодъ войны. Для достиженія побѣды, стратегія требовала отъ армій достаточно мощнаго прорыва. Это вызвало новую острую нужду въ численности войскъ. Въ современныхъ фронтальныхъ бояхъ пѣхота таетъ въ непріятельскомъ огнѣ какъ солома, брошенная въ костеръ. Для производства *стратегически* успѣшнаго прорыва нужны въ резервѣ многочисленныя, свѣжія дивизіи.

Но не только условія самой борьбы вліяютъ на ростъ численности. Функціонированіе и снабженіе сложнаго и разнообразнаго техническаго оборудованія современной вооруженной силы требуетъ людей и людей. Если Франція была въ состояніи довести къ концу войны число дѣйствующихъ аэроплановъ до 3.500, то это, въ свою очередь, потребовало довести число людей въ авіаціонныхъ частяхъ до 150.000. Экипажъ аэроплана или танка, прислуга при орудіи или пулеметѣ, могутъ со-

стоять всего изъ нѣсколькихъ людей, но за этими бойцами должны имѣться готовые для немедленной ихъ замѣны уже обученные люди и, кромѣ того, подготовляться еще люди для дальнѣйшей замѣны; значительное число людей должно находиться въ ближайшихъ починочныхъ мастерскихъ и въ депо, снабжающихъ эти сложныя машины; наконецъ, въ глубокомъ тылу многочисленные рабочіе будутъ заняты изготовленіемъ всего необходимаго для ихъ безостановочной работы.

Сопоставляя современную войну съ борьбою въ прежнія эпохи, невольно напрашивается сравненіе съ современной промышленностью, съ ея сложными машинами, замѣнившую прежняго кустаря со своимъ примитивнымъ станкомъ. Машина сократила потребность числа рукъ для производства опредѣленнаго размѣра работы, но въ соціальномъ отношеніи она имѣла обратное вліяніе. Она вызвала сложную дифференціацію въ производственномъ процессѣ и въ связи съ общимъ повышеніемъ уровня потребностей, она привела къ увеличенію численности рабочаго класса. Ростъ численности армій есть только одна изъ сторонъ этого общаго соціальнаго процесса и *«численность» стала однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ современной стратегіи.*

Наученная опытомъ минувшей войны Франція стремится, въ случаѣ новаго вооруженнаго столкновенія съ Германіей, быть готовой проявить сразу напряженіе большее, чѣмъ то, къ которому она была способна въ августѣ 1914 г. Ея военные руководители отлично понимаютъ, что за затяжку войны приходится расплачиваться еще большими усиліями и большими жертвами.

Въ одной изъ статей газеты «Танъ», въ январѣ 1922 года, была помѣщена статья довольно авторитетнаго военнаго публициста (генерала де-Лакруа), въ которой общественное мнѣніе Франціи подготовлялось къ принятію новыхъ военныхъ законовъ (о комплектованіи арміи, о срокѣ службы и о кадрахъ), вносимыхъ въ Палату Депутатовъ въ мартѣ этого же года. Въ случаѣ принятія этихъ законовъ, генералъ де-Лакруа указываетъ, что Франція при общей мобилизаціи будетъ въ состояніи выставить:

1) въ армію (первой и второй линіи)

а. Пѣхота	1.150.000
Кавалерія	235.000
Артиллерія	620.000
Инженерныя войска . .	185.000
Авіація	200.000
Всего	2.390.000

б. Обозы	65.000
Охрана снабженія . . .	20.000
Санитарные органы . . .	25.000
Итого въ арм. тылахъ	110.000
ИТОГО ВЪ АРМІИ	2.500.000

изъ нихъ 1.685.400 бойцовъ.

2) въ тылу

А. въ запасныхъ частяхъ

а. Пѣхота	560.000
Кавалерія	120.000
Артиллерія	327.000
Инженерныя войска . . .	93.000
Авіація	100.000
Всего	1.200.000
б. Обозы	30.000
Охрана снабженія	10.000
Санитарные органы . . .	10.000
Запасъ арміи тыла . .	50.000
ИТОГО ВЪ ЗАПАСѢ АРМІИ	1.250.000

Б. Призванные на основаніи мобилизаціи:

Промышленной
Земледѣльческой
Торговой
Административной

ИТОГО	1.250.000
ОБЩІЙ ИТОГЪ МОБИЛИЗОВАННЫХЪ	5.000.000

Это составляегъ 12—13% всего населенія Франціи.

Примѣру Франціи слѣдуютъ тѣ Европейскія Государства, право самозащиты которыхъ не ограничено Версальскимъ договоромъ. Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ для Россіи государства, непосредственно съ ней соприкасающіяся. Вмѣстѣ взятыя эти государства готовятся призвать при общей мобилизаціи около 6.000.000 людей. Въ этомъ можно убѣдиться, если обратить вниманіе на численность ихъ армій мирнаго времени *). (См. табл. на стр. 9).

Великобританія и С.-А. С. Ш. идутъ по другому пути; они значительно сократили число войскъ, содержимыхъ въ мирное время, доведя его до такой, относительно, малой цифры какъ 150.000. Сокращая такимъ образомъ кадры мирнаго времени, они несомнѣнно уменьшаютъ и степень своей боевой готовности. Но было бы ошибочно видѣть въ этомъ нарушеніе хода того общаго процесса, о которомъ мы говорили выше. Оба эти государства защищены отъ вторженія морями и океанами; если же они будутъ вынуждены принять участіе въ новой Европейской войнѣ, то время для подготовки массовыхъ армій у нихъ будетъ измѣряться не днями или даже часами, какъ это обстоитъ съ Европейскими государствами, а мѣсяцами или даже годами, какъ это имѣло мѣсто въ минувшую войну. Но мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что въ этомъ случаѣ они вынуждены будутъ высаживать милліоны людей и такимъ образомъ «численность» останется въ стратегіи будущей Европейской войны столь же важнымъ факторомъ, какимъ она была въ минувшую.

Первыя боевыя столкновенія 1914 года выяснили, что на ряду съ требованіемъ большого числа войскъ, современная война предъявляетъ и повышенныя требованія къ ихъ качеству. Нервное напряженіе, требующееся отъ бойца въ современномъ бою, столь велико, что необходимо несравненно большее *стремленіе къ побѣдѣ*, чѣмъ это было въ прежнія эпохи.

Вмѣстѣ съ этимъ, успѣшное веденіе огневого боя во встрѣчныхъ столкновеніяхъ могло основываться лишь на самомъ широкомъ развитіи самодѣятельности рядового бойца, т. е. на его индивидуальной активности.

*)

Названіе государства	населеніе въ милліонахъ	численность армій мирнаго времени въ тысячахъ	% отношеніе числ. армій мирн. врем. къ общей числен. населенія
Польша	27	300-350	1,1-1,30
Румынія	15,4	192	1,25
Эстонія	1,75	20	1,14
Латвія	1,75	20	1,14
Финляндія	3,33	30	0,9
Литва	4,7	20	0,42

Примѣчаніе: Таблица эта составлена на основаніи свѣдѣній помѣщенныхъ: 1) въ „Militär Wochenblatt“ № 34—1922 г. 2) въ „Revue Militaire Française“; 3) въ „The Statesem's, „Jear Bork“ — 1922 г. и въ „Parlamentary Paper.“

Въ 1915 году фронты начали закапываться въ землю, оплетаться проволокой и становиться неподвижными. Внѣшняя картина борьбы рѣзко измѣнилась. Въ управленіи боевыми дѣйствіями началъ все полнѣе проводиться принципъ централизаціи. Казалось, что рядовой боецъ превращался въ ничтожную, лишенную всякой индивидуальности, частицу огромнаго, сложнаго механизма, приводимаго въ движеніе одной только волей и мыслью высшаго командованія.

Но съ началомъ позиціонной войны постепенно вырисовывалась и другая сторона этой картины. На сцену выступила небывалая еще по своему могуществу артиллерія. Своимъ огнемъ она разрушала всѣ препятствія, воздвигнутыя обороняющимися, засыпала окопы и почти уничтожала всѣхъ защитниковъ. Даже на русскомъ фронтѣ, несравненно бѣднѣе оборудованномъ технически, опытъ приводилъ насъ къ слѣдующему выводу: заполнять первыя линіи окоповъ бойцами нѣтъ смысла, потому что, чѣмъ больше тамъ ихъ будетъ, тѣмъ большія будутъ потери. Рѣшить этотъ вопросъ можно было только однимъ путемъ: перенести главную линію сопротивленія назадъ — на тыловыя линіи окоповъ, первую же, держать лишь самымъ небольшимъ числомъ бойцовъ, малочисленность которыхъ восполнялась бы могуществомъ «машиннаго» огня, т. е. пулеметовъ.

Этотъ, логически вытекающій изъ анализа новыхъ условій борьбы, выводъ оказывался трудно выполнимымъ на практикѣ. Я хорошо помню, какъ въ зиму 1915—16 г.г., когда наша армія возстанавливалась послѣ пережитыхъ тяжелыхъ испытаній въ предшествовавшую лѣтнюю кампанію, пришлось констатировать фактъ, что для новыхъ формъ обороны нужны лучше обученные офицеры и солдаты, чѣмъ тѣ, которые прибывали на укомплектованіе нашихъ рядовъ. Командиры корпусовъ и начальники дивизій съ опасеніемъ смотрѣли на проповѣдуемыя новшества. Они справедливо указывали на то, что для проведенія въ жизнь новыхъ принциповъ нужны бойцы съ исключительно хорошей индивидуальной подготовкой. Въ самомъ дѣлѣ, отъ бойцовъ помѣщенныхъ рѣдкими, малочисленными группами, требовалась способность совершенно самостоятельно разбираться въ боевой обстановкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ нихъ требовалась и громадная выдержка. Вопросъ шелъ не о томъ, чтобъ они подобно сторожевому охраненію при давленіи противника отходили назадъ, а о томъ, чтобы каждая изъ этихъ группъ не равняясь на своихъ сосѣдей, оставалась бы до конца на своемъ мѣстѣ и своимъ огнемъ поражала бы наступающую непріятельскую пѣхоту. Въ томъ случаѣ, когда волнамъ непріятельской пѣхоты всетаки удавалось захлестнуть участки нашихъ окоповъ первой линіи, отъ нихъ требовалось

перенесеніе пулеметнаго огня во флангъ и въ тылъ прорвавшагося противника.

Тому, кому приходилось быть участникомъ подобныхъ боевъ, хорошо памятны случаи, когда послѣ захвата первой линіи окоповъ побѣда казалась уже въ рукахъ атаковавшаго и... вдругъ, гдѣ-то въ тылу начинаютъ стучать непріятельскіе пулеметы. Какъ часто вслѣдъ за тѣмъ приходилось видѣть въ безпорядкѣ отхлынувшую назадъ, только что торжествовавшую, пѣхоту. Изъ этихъ строкъ ясно, насколько возрастали требованія, предъявляемыя обороной къ индивидуальности рядового бойца.

То, что переживали мы, переживали и наши союзники и наши противники . Воспоминанія Гинденбурга и Людендорфа представляютъ въ этомъ отношеніи интересную иллюстрацію. Они создаютъ въ своемъ тылу цѣлую систему учебныхъ лагерей и инструкторскихъ частей съ цѣлью поднять подготовку младшихъ начальниковъ и рядовыхъ бойцовъ до высоты требованій, предъявляемыхъ современнымъ боемъ.

Въ зиму 1917—18 г.г., нѣмцы подготовляютъ наступленіе на французскомъ фронтѣ.

Имъ приходится считаться съ французской и британской арміями, уже подготовленными къ современной оборонѣ и обладающими могущественнѣйшей артиллеріей. Наступленіе требовало тоже примѣненія новыхъ формъ. И дѣйствительно, Людендорфъ кладетъ въ основу наступленія пѣхоты новую тактическую идею, аналогичную съ той, которая была проведена въ новой системѣ обороны. Въ виду того, что обороняющійся не занимаетъ теперь густыми цѣпями первой линіи окоповъ, для захвата послѣднихъ аттакующимъ тоже не требовалось густыхъ цѣпей — достаточно было проникновенія отдѣльныхъ, небольшихъ группъ пѣхотинцевъ, притащившихъ съ собой ручные пулеметы. Продвиженіе впередъ пѣхоты, группами въ нѣсколько человѣкъ, представлялось болѣе легкимъ, чѣмъ движеніе впередъ цѣлыхъ цѣпей. Эти небольшія группы представляли собой несравненно менѣе замѣтную цѣль и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ могли использовать для своего закрытія воронки, продѣланныя артиллеріей атакующаго во время массоваго обстрѣла непріятельской позиціи. Проникая все дальше и дальше вглубь прорванной позиціи противника, онѣ должны были стремиться «просочиться» до непріятельскихъ батарей и заставить ихъ отойти со своихъ позицій — если это удавалось, можно было считать, что атака удалась, т. к. вся сложная система артиллерійской обороны противника разстраивалась. За этими разрозненными, отдѣльными группами пѣхотинцевъ съ ручными пулеметами, продвигались цѣпи, задача которыхъ была: съ одной стороны все время питать передовыя группы, съ другой—

очищать захваченные окопы отъ оставшихся тамъ группъ непріятельской пѣхоты и закрѣплять за собой захваченное пространство.

Новыя формы наступленія пѣхоты, примѣненныя нѣмцами въ 1918 году, дали блестящіе результаты. Произведенные ими въ мартѣ и маѣ мѣсяцѣ прорывы измѣрялись не такъ какъ у союзниковъ глубиной въ нѣсколько сотъ или тысячъ метровъ; каждый изъ этихъ прорывовъ проникалъ вглубь расположенія противника на 40—50 километровъ.

Новая тактика германской пѣхоты, основанная на самостоятельной работѣ отдѣльныхъ группъ въ нѣсколько человѣкъ съ пулеметомъ, характерно названная французами словомъ „infiltration“ производитъ сильное впечатлѣніе на войска нашихъ союзниковъ. «Вездѣ», пишетъ одинъ изъ очень внимательныхъ наблюдателей этихъ боевъ, французскій офицеръ ген. штаба, «наши части жалуются, что ихъ опорные пункты обходятъ «инфильтраціей» непріятельскихъ стрѣлковъ съ пулеметами. Это слово (инфильтрація) становится роковымъ, оно внушаетъ нашему солдату родъ суевѣрнаго страха и мѣшаетъ его силѣ сопротивленія». «Дѣйствительно», добавляетъ тотъ же авторъ, «нѣмецкіе пѣхотинцы и пулеметчики маневрируютъ. Нужно дѣлать такъ же, какъ и они». Но для того, чтобы дѣлать такъ же, какъ и нѣмцы, нужно было имѣть стольже хорошо обученную пѣхоту.

Французы, благодаря неустанной и желѣзной энергіи Маршала Петэна, всю зиму 1917—18 г. провели въ подготовкѣ и обученіи. Нѣкоторые изъ недальновидныхъ подчиненныхъ Маршала Петэна обвиняли его въ томъ, что онъ превратилъ армію въ какую-то академію. Но уже въ серединѣ іюня соотвѣтствующій отвѣтъ новой германской тактикѣ былъ данъ. Я не хочу отрываться сейчасъ отъ основной мысли и излагать въ чемъ заключался этотъ отвѣтъ, основанный на еще болѣе полномъ и глубокомъ переносѣ главной линіи сопротивленія назадъ, но долженъ подчеркнуть то, что этотъ отвѣтъ могъ быть данъ *только потому, что французскій боецъ былъ хорошо подготовленъ къ индивидуальному веденію боя.*

Обдумывая формы, въ которыя можетъ вылиться будущая война, есть много данныхъ предполагать, что маневръ получитъ въ ней большее развитіе, чѣмъ въ только что нами пережитую. Но одно несомнѣнно: бой сохранитъ за собой прежній «огневой» характеръ. Огонь сталъ рѣшающимъ средствомъ. Нельзя не согласиться въ этомъ отношеніи съ резолюціей Маршала Петэна, которая была положена въ основу разработки французскимъ штабомъ новыхъ тактическихъ инструкцій сейчасъ же послѣ окончанія войны: «*оборона — это огонь, остающійся на мѣстѣ; атака — это огонь, который надвигается; маневръ —*

это огонь, который перемѣщается». Какой бы характеръ ни приняла будущая война, полевой или позиціонный, но въ поясъ ураганнаго артиллерійскаго огня можетъ вступать только пѣхота, расчленившаяся на небольшія группы; безъ этого расчлененія не можетъ быть движенія впередъ, т. е. не можетъ быть и маневра. Не лишнее обратить здѣсь вниманіе на ту послѣдовательность, черезъ которую проходятъ тактическія формы. Ударная тактика Наполеона базировалась на примѣненіи сомкнутыхъ строевъ; въ бояхъ второй половины XIX вѣка усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія и особенно введеніе скорострѣльнаго ружья, заставляетъ перейти къ разсыпнымъ и разомкнутымъ строямъ; въ минувшую войну, возросшее до крайнихъ предѣловъ могущество артиллерійскаго огня и широкое примѣненіе пулеметовъ, заставило первую линію пѣхоты еще болѣе разомкнуться, расчленившись на разбросанныя на широкомъ фронтѣ отдѣльныя небольшія группы стрѣлковъ, вооруженныхъ автоматическимъ оружіемъ. «Тактика цѣпей», смѣнившая «тактику колоннъ», въ свою очередь уступаетъ мѣсто новой «тактикѣ звеньевъ». Эта эволюція предъявляетъ все большія и большія требованія къ индивидуальности бойца.

Въ широкой публикѣ существуетъ мнѣніе, что примѣненіе современнаго оружія позволяетъ уменьшить численность войскъ.

Во всѣхъ арміяхъ мы замѣчаемъ ясно выраженную къ концу войны тенденцію уменьшенія численности дивизіи, которая съ 12-ти — 16-ти тысячъ бойцовъ въ 1914 г. нисходитъ въ 1918 году до 8 — 10 тысячъ. Но параллельно съ этимъ, мы видимъ постоянный ростъ числа дивизій: нѣмцы къ концу войны имѣютъ въ два раза болѣе дивизій, чѣмъ въ августѣ 1914 года; наши союзники не отстаютъ отъ нихъ; французы тоже увеличиваютъ число ихъ, а англичане удесятеряютъ.

Такимъ образомъ, опытъ войны совершенно опредѣленно установилъ существованіе двухъ тенденцій въ эволюціонномъ процессѣ современной войны: въ стратегіи — увеличеніе значенія численности войскъ, въ тактикѣ — увеличеніе значенія индивидуальныхъ качествъ бойца. При организаціи вооруженной силы страны оба эти требованія являются другъ другу противорѣчащими; но особенностью современной эпохи является то, что оба эти требованія идутъ рука объ руку. Западно-Европейскій «организованный индивидуализмъ», т. е. Западно-Европейская культура отвѣчаетъ такой реальной силой, съ которой не въ состояніи состязаться на поляхъ сраженія Восточный «коллективизмъ». Послѣдній можетъ дать «массы», но онъ не дастъ эти «массы», состоящими изъ бойцовъ съ ярко

выраженной индивидуальностью. Это будетъ «масса рабовъ», но не масса свободныхъ гражданъ.

Въ докладѣ на 7-омъ Всероссійскомъ съѣздѣ совѣтовъ, 7-го декабря 1919 г. («наше военное строительство и наши фронты») Бронштейна (Троцкаго), мы можемъ прочесть слѣдующія мѣста: «Армія должна отражать тотъ режимъ, который мы строимъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни... Въ красную армію введенъ *классовый* критерій... Это армія не *общенародная*, не *общенаціональная*». Такимъ образомъ, большевики, бросившіе вызовъ во всѣхъ сферахъ соціальной жизни, претендуютъ на не менѣе радикальный переворотъ въ области военнаго дѣла. Насколько далеко заходятъ въ этомъ отношеніи ихъ претензіи, можно убѣдиться изъ рѣчи того же Бронштейна, сказанной имъ на торжественномъ засѣданіи, бывшемъ въ красной академіи Генеральнаго Штаба, въ концѣ 1921 года; въ своей рѣчи, обращенной къ красному командному составу, онъ утверждалъ, что красная армія открываетъ новую эру въ военномъ искусствѣ, подобно тому, какъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ открыли новую эру Французскія революціонныя арміи.

Неудачный конецъ Бѣлыхъ выступленій породилъ, въ довольно широкихъ кругахъ общества, мнѣніе о томъ, что современные властители Россіи дѣйствительно содѣйствовали возрожденію внѣшней силы Россіи. Даже упорные противники комиссародержавія принимаютъ эту идею и считаютъ, что большевики, сами того не желая, послужили національнымъ интересамъ Россіи. Внѣшній видъ отборныхъ частей, марширующихъ по улицамъ Москвы или Петрограда, нѣсколько парадовъ и снимковъ, помѣщенныхъ въ иллюстрированныхъ журналахъ или продемонстрированныхъ въ кинематографѣ, казались достаточными доказательствами для убѣжденія въ боеспособности красной арміи.

Далѣе мы много разъ будемъ возвращаться къ оцѣнкѣ «красной организаціи» и покажемъ читателю, что и въ военной сферѣ вся творческая работа большевиковъ оказалась такимъ же сплошнымъ блефомъ, какъ ихъ созидательныя попытки во всѣхъ прочихъ областяхъ общественной жизни. Въ этомъ отношеніи Бронштейнъ оказался совершенно правъ. Армія должна отражать тотъ режимъ, который большевики создали во всѣхъ областяхъ общественной и политической жизни.

Здѣсь же мы остановимъ вниманіе на разсмотрѣніи краеугольнаго вопроса: *можетъ ли государство въ современныхъ условіяхъ вооруженной борьбы быть способнымъ къ самозащитѣ, если оно организуетъ свою вооруженную силу не на общенародномъ принципѣ, а на классовомъ?*

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ вся военная исторія. Красной нитью черезъ всю историческую эволюцію проходитъ постоянное перерожденіе вооруженной силы изъ узко-кастовыхъ формъ въ классовыя и затѣмъ въ общенаціональныя. Это перерожденіе идетъ рука объ руку съ общей эволюціей, происходящей въ соціальной жизни. Рыцарство, долго бывшее непобѣдимымъ для пѣхотныхъ ополченій, оказывается побѣжденнымъ этими же ополченіями, когда ростъ городовъ рождаетъ въ городскихъ массахъ самосознаніе и достаточную солидарность. Не примѣненіе пороха выноситъ приговоръ боевой несостоятельности рыцарской вооруженной силѣ, а появленіе новой, болѣе обширной, соціальной силы. Сраженія при Моргартенѣ въ 1315 г., при Лаупенѣ—1339, Земпахъ—1388 г. выигрываются городскими ополченіями задолго до изобрѣтенія пороха. Не менѣе рѣзкій переломъ въ военной исторіи мы видимъ, когда Французская революція, поднявшая весь французскій народъ на великій патріотическій подвигъ, побѣждаетъ въ многочисленныхъ сраженіяхъ революціонныхъ и Наполеоновскихъ войнъ «классовыя арміи», выступившихъ противъ Франціи противниковъ. Въ обоихъ этихъ переходныхъ періодахъ мы обнаруживаемъ одно и то же принципіальное сходство: болѣе сильной оказывается та вооруженная сила, которая имѣетъ болѣе широкую *соціальную базу*.

Въ этомъ принципіальномъ сходствѣ нельзя не видѣть выявленія одного и того же закона развитія формъ вооруженной борьбы: все увеличивающееся значеніе «массъ» въ стратегіи и индивидуальности бойца въ тактикѣ. Та изъ формъ соціальной жизни, которая можетъ родить вооруженную силу болѣе отвѣчающую обоимъ этимъ требованіямъ оказывается и болѣе побѣдоносной. Въ этомъ выражается и большая жизнеспособность этихъ соціальныхъ формъ и, такимъ образомъ, окончательная побѣда въ вооруженной борьбѣ, обнимающей иногда цѣлый рядъ войнъ, предрѣшается прежде всего общими соціальными условіями.

Въ цитированномъ уже выше докладѣ Бронштейна, говорится, что красная армія есть армія трудящихся классовъ, что она опирается на широкія массы крестьянской бѣдноты и трудового крестьянства. Такъ ли это? Могутъ ли опираться большевики на эту «соціальную базу»?

Опытъ прошедшихъ четырехъ лѣтъ даетъ совершенно опредѣленный *отрицательный* отвѣтъ. Крестьянскія массы и даже рабочіе, послѣ того какъ прошелъ революціонный угаръ, за большевиками не идутъ.

Вступивъ на путь деспотизма, подъ какими бы лозунгами не производили свои насилія, они вынуждены были вернуться къ устарѣлымъ формамъ кастоваго устройства вооруженной

силы. Это послѣднее выливается въ организацію отборныхъ частей и въ созданіе въ остальныхъ частяхъ коммунистическихъ ячеекъ. Въ томъ же своемъ докладѣ отъ 7-го декабря 1919 г. Бронштейнъ говоритъ: «Въ каждомъ полку, въ каждомъ баталіонѣ, въ каждой ротѣ, вы найдете коммунистическую ячейку».

— «Безъ этой коммунистической закваски, безъ самоотверженія, безъ примѣрной доблести лучшихъ представителей рабочаго класса, — красная армія *распалась бы прахомъ.* И не разъ командующіе фронтами и арміями и главнокомандующій, когда на томъ или иномъ участкѣ фронта дѣло складывалось неблагопріятно, обращались къ рев. воен. совѣту прямо или черезъ посредство соотвѣтствующихъ инстанцій съ просьбой и даже съ требованіемъ о присылкѣ надлежащаго числа коммунистовъ . . . »

— «Мы когда-то съ интересомъ относились къ японской кастѣ самураевъ, которые, во имя коллектива, національнаго цѣлаго — не останавливаются никогда передъ смертью. Я долженъ сказать», утверждаетъ Бронштейнъ, «что въ лицѣ нашихъ комиссаровъ, передовыхъ бойцовъ - коммунистовъ — мы получили новый коммунистическій орденъ самураевъ . . . »

Богатый опытъ минувшей войны даетъ исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ о созданіи отборныхъ частей войскъ. Арміи всѣхъ главныхъ воюющихъ сторонъ выступили въ августѣ 1914 г., имѣя въ своемъ составѣ дивизіи 1-ой и 2-ой линій. Дивизіи второй линіи назывались въ Россіи — второочередными, во Франціи — территоріальными, въ Германіи — резервными. Предполагалось, что эти дивизіи не будутъ участвовать въ главныхъ операціяхъ, а послужатъ для выполненія болѣе легкихъ, второстепенныхъ задачъ (охрана тыла, блокада крѣпостей и т. д.) и поэтому, въ Россіи и во Франціи при организаціи смотрѣли на нихъ, какъ на дивизіи «второго сорта».

Съ самаго же начала войны жизнь заставила насъ сразу ввести въ дѣло эти дивизіи «второго сорта» наравнѣ съ первоочередными дивизіями. Результаты оказались плачевными. Большинство нашихъ неудачъ обусловливалось неустойчивостью этихъ дивизій; общій фронтъ прорывался, фланги первоочередныхъ дивизій обнажались и это тяжелымъ грузомъ ложилось на всѣ наши оперативныя предположенія.

Франція не использовала сразу свои территоріальныя дивизіи наравнѣ съ полевыми. Однако результатъ оказался не менѣе плачевнымъ. Развертываніе французскихъ армій легко обойдено германцами; французы терпятъ въ первой битвѣ пораженіе („la bataille de la Frontière“) и Франція очутилась въ критическомъ положеніи; правительство даже покидаетъ Парижъ и переѣзжаетъ въ Бордо. Многіе французскіе военные

авторитеты совершенно справедливо упрекаютъ маршала Жоффра, въ рукахъ котораго сосредоточена была съ 1911 г. подготовка защиты Франціи, въ томъ, что онъ не организовалъ использованіе территоріальныхъ дивизій сразу же наравнѣ съ полевыми.

Въ Германіи различіе въ боеспособности дивизій полевыхъ и резервныхъ было значительно меньше. Германскій Генеральный Штабъ использовалъ систему скрытыхъ въ мирное время кадровъ для резервныхъ дивизій главнымъ образомъ для того, чтобы ввести въ заблужденіе своихъ будущихъ противниковъ въ исчисленіи нѣмецкихъ боевыхъ силъ, развертываемыхъ при первомъ наступленіи. Рядомъ съ полевыми корпусами они сразу же вводили въ дѣло резервные корпуса, мало отличающіеся по качеству, и благодаря этому осенняя кампанія 1914 г. протекаетъ для Германіи особенно успѣшно.

Первыя операціи минувшей войны показали всѣмъ воюющимъ странамъ необходимость созданія однородной вооруженной силы.

Февральская революція, пошатнувшая нашу военную мощь, заставила насъ прибѣгнуть къ формированію отборныхъ частей. Эти части получили самыя разнообразныя наименованія: ударныхъ полковъ, революціонныхъ баталіоновъ, взводовъ и ротъ смерти и т. д. Эти формированія являлись попытками спасти русскую армію отъ начавшейся гангрены. Выходъ лучшихъ элементовъ изъ больныхъ войсковыхъ частей, еще больше дезорганизовывалъ ихъ и даже ускорялъ окончательный развалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но мы были вынуждены примѣнить это средство, подобно тому, какъ хирургъ ампутируетъ ногу, чтобы спасти больного; нѣкоторыя изъ частей могли считаться уже неизлѣчимыми, и тогда важно было спасти отъ зараженія или просто отъ избіенія лучшихъ офицеровъ и солдатъ, которые могли послужить потомъ ядромъ для новыхъ формированій. Такимъ образомъ, на эту мѣру надо было смотрѣть исключительно какъ на способъ спасенія кадровъ. Но когда наше высшее командованіе сочло, что можно использовать эти отборныя части для наступленія — жизнь нанесла жестокій ударъ. Вся тяжесть атакъ при наступленіи въ іюнѣ 1917 г. легла на эти ударныя части. На ихъ же долю пришлась вся тяжесть потерь. Когда онѣ были уничтожены, сохраняемая съ большимъ трудомъ устойчивость арміи рухнула. Достаточно было нѣмцамъ произвести слабый нажимъ на небольшой участокъ II-й арміи, какъ всѣ арміи Юго-Западнаго Фронта, неудержимымъ потокомъ и въ полномъ безпорядкѣ, покатились назадъ.

Минувшая война произнесла окончательный приговоръ существованію отборныхъ частей, въ какомъ бы видѣ онѣ не

существовали: въ видѣ цѣлыхъ корпусовъ или небольшихъ ячеекъ въ самихъ войсковыхъ частяхъ. Судьба ихъ всегда та же. Онѣ будутъ уничтожены въ первыхъ бояхъ, а за ними останутся небоеспособныя массы.

До сихъ поръ «классовая организація» красной арміи не имѣетъ еще крещенія настоящей войны. Условія, въ которыхъ протекала русская гражданская война сильно отличаются отъ условій «большой войны», какъ только что минувшей, такъ и будущей. Малочисленность артиллеріи, постоянный недостатокъ въ снарядахъ и патронахъ, отвратительное состояніе матеріальной части, все это вмѣстѣ взятое, возвращало боевыя дѣйствія къ старымъ формамъ XVIII столѣтія. На поляхъ сраженія, въ сферѣ дѣйствительнаго ружейнаго огня, могли появляться колонны; требованія къ «индивидуальности» бойца не превышали требованій того же XVIII вѣка, когда можно было воевать насильно завербованными солдатами, замурованными въ компактные строи и подготовляемыми палками капраловъ.

Отсутствіе стремленія къ побѣдѣ въ массахъ бойцовъ, вслѣдствіе не полнаго сочувствія народныхъ массъ и краснымъ и бѣлымъ, дѣлало бой очень кратковременнымъ. Достаточно было незначительнаго напряженія огневого боя, чтобы одна изъ сторонъ сдавалась въ плѣнъ или въ безпорядкѣ откатывалась назадъ. Эта постоянная подвижность фронтовъ придала гражданской войнѣ внѣшній видъ маневренной войны. По существу же это было поочередное бѣгство одной или другой стороны.

Въ такихъ условіяхъ организація товарища Бронштейна могла оказаться удовлетворительной. И дѣйствительно . . . на бѣлой сторонѣ мы тоже видимъ созданіе отборныхъ частей. Возвращеніе къ прежнимъ условіямъ борьбы, приводило къ устарѣлымъ формамъ.

Но въ будущей большой войнѣ подобная организація вооруженной силы поведетъ къ грандіозному краху. Въ лучшемъ случаѣ, если арміи противника окажутся сами плохого качества, «красная армія» продержится небольшой періодъ времени, пока не будутъ выбиты коммунисты, — «новые самураи» — по опредѣленію Бронштейна. Когда же это произойдетъ, красная армія уподобится китайскимъ войскамъ Зеленаго Дракона, бѣгущимъ передъ горстью организованнаго на современныхъ началахъ непріятеля.

Красная армія есть *орудіе, годное только для гражданской войны.*

Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать справедливости послѣдовательности большевиковъ. Они всю возможность своего дальнѣйшаго существованія основываютъ на всемірной соціальной революціи. Если эта ставка будетъ бита — то съ ней вмѣстѣ будетъ бита и красная армія. Поэтому, надежды тѣхъ,

кто думаетъ, что среди всеобщаго разрушенія Россіи большевиками, какимъ то *чудомъ уцѣлѣла* русская вооруженная сила, ошибочны. Большевистскій геній разрушенія коснулся и русской національной силы, и Россія при большевистскомъ режимѣ представляетъ собой легкую добычу для всѣхъ другихъ государствъ.

2.

Громадное значеніе вооруженія и прочихъ средствъ борьбы, предоставляемыхъ современной техникой, не явилось неожиданнымъ въ 1914 г. Тактическія изслѣдованія посвящали большое вниманіе этому вопросу. Всѣ государства работали надъ усовершенствованіемъ вооруженія своихъ армій и надъ обезпеченіемъ ихъ снабженія.

Несмотря на это, требованія, предъявленныя войной, превзошли всѣ ожиданія.

Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ Франція; она при помощи своихъ, богатыхъ средствами и техникой, союзниковъ могла наиболѣе полно отвѣтить этимъ требованіямъ. Ни Германія, блокированная съ моря, ни тѣмъ болѣе Россія, сдѣлать это не могли. Въ августѣ 1914 г. французская армія выступаетъ въ походъ, имѣя: 3.700 легкихъ пушекъ, 290 тяжелыхъ пушекъ, 350 аэроплановъ и 600 грузовиковъ. Въ концѣ войны во французской арміи состоитъ: 2.200 траншейныхъ пушекъ, 6.560 легкихъ пушекъ, 5.500 тяжелыхъ пушекъ, 3.500 аэроплановъ и 92.000 грузовиковъ и тракторовъ; къ этому нужно добавить еще около 2.000 танковъ. Средній ежедневный расходъ снарядовъ въ боевой періодъ 1918 года достигаетъ: 275.000 легкихъ и 100.000 тяжелыхъ. Насколько вообще увеличилось техническое оборудованіе войскъ, можно видѣть изъ того, что, несмотря на уменьшеніе численнаго состава дивизіи къ концу войны, общій грузъ ея снабженія сильно возросъ. Въ началѣ войны снабженіе дивизіи въ день боя, въ среднемъ, составляло 70—140 тоннъ, то есть, помѣщалось въ 10—20 вагонахъ; въ 1918 году наши союзники считали, что снабженіе дивизіи, вступившей въ бой, требуетъ ежедневнаго доставленія груза въ 1.000 тоннъ, то есть, два поѣзда 50-ти вагоннаго состава. *)

*) Другимъ интереснымъ признакомъ того „техническаго“ характера, который все болѣе и болѣе принимаетъ современная война служитъ уменьшеніе въ процентномъ отношеніи пѣхоты и возрастанія въ процентномъ отношеніи артиллеріи, аэронафтики и инженерныхъ частей. Численность людей распредѣляется во Французской арміи:

Непредвидѣнные размѣры потребностей въ оружіи, патронахъ и снарядахъ, вызвали въ первый же годъ войны кризисъ снабженія во всѣхъ воюющихъ государствахъ. Потребовалась мобилизація промышленности всей страны. Въ особенно трудномъ положеніи оказалась Россія, вслѣдствіе недостаточнаго развитія ея промышленности въ мирное время. Въ этомъ отношеніи война показала, что она является не только боевымъ состязаніемъ арміи, но и испытаніемъ производительности всего хозяйственнаго строя страны.

Не говорятъ ли въ этомъ отношеніи краснорѣчиво слѣдующія цифры: къ веснѣ 1918 года союзники должны были довести запасы своихъ снарядовъ до 35.000.000.

Но также точно, какъ ошибочнымъ является выводъ, утверждающій, что примѣненіе въ стратегіи «массъ» войскъ уменьшило значеніе качества отдѣльнаго бойца, такой же грубой ошибкой было бы предположеніе, что современая война перенесла весь центръ тяжести борьбы въ область состязанія количества матеріальныхъ силъ.

Въ прежнія эпохи арміи воюющихъ сторонъ въ теченіи всей войны вели борьбу тѣмъ же оружіемъ, съ которымъ они выступили въ походъ. Вопросъ сводился исключительно къ тому, чтобы удовлетворить требуемому расходу; иначе говоря, вопросъ сводился къ «количеству» матеріальнаго снабженія арміи. Минувшая война, какъ мы видѣли выше, въ этомъ отношеніи предъявила небывалыя требованія; но она предъявила въ области техники и новое требованіе, которое относится къ области духовной жизни человѣчества. *Она потребовала постояннаго «изобрѣтательства». Она потребовала напряженной работы въ области мысли.* Бѣглый взглядъ на развитіе въ теченіе войны авіаціи, а также двухъ новыхъ средствъ борьбы: газовъ и танковъ, ярко обрисовываетъ этотъ новый видъ состязанія борющихся народовъ.

Арміи всѣхъ воюющихъ державъ вступаютъ въ кампанію 1914 г. съ небольшимъ количествомъ аэроплановъ, обслуживающихъ лишь стратегическую развѣдку. Работа производится одиночными аэропланами. Угрозы воздушнаго боя нѣтъ. Аэропланы работаютъ безоружными; на нѣкоторыхъ изъ нихъ наблюдатели имѣли въ рукахъ ружья-пулеметы. Нерѣдки были случаи, когда два враждебные аэроплана, встрѣтившись на

	1915 г.	въ іюнѣ 1916 г.	въ октябрѣ 1917 г.	въ октябрѣ 1918 г.
Пѣхота	71,6%	66,7%	56,9%	50,4%
Артиллерія . . .	18,4 „	22,3 „	27,7 „	35,4 „
Воздуш. войска	0,4 „	1,2 „	1,8 „	3,3 „
Инженер. части	4,9 „	6,4 „	6,4 „	6,6 „

своихъ воздушныхъ путяхъ, посылали другъ другу рукой привѣтствіе и каждый продолжалъ свой путь.

Естественно, что долго такъ продолжаться не могло. Каждая изъ воюющихъ сторонъ оцѣнивала значеніе захвата господства въ воздухѣ, съ тѣмъ, чтобы не позволить противнику его воздушную развѣдку. Нарождается «истребитель». Но для этого потребовалось изобрѣтеніе стрѣльбы черезъ пропеллеръ; въ 1915 г. при помощи синхронизаціи это удается и воздушная стихія становится такой же ареной борьбы, какъ земля и вода. Въ 1916 году идея борьбы за господство въ воздухѣ властно предъявляетъ свои требованія, и для ея осуществленія воздушныя силы начинаютъ массироваться.

Одновременно съ работой мысли въ области воздушной борьбы происходитъ не менѣе напряженная работа для усовершенствованія воздушнаго наблюденія. Изобрѣтенія въ области фотографіи позволяютъ самолетамъ, начиная съ 1915 г., производить такія точныя развѣдки непріятельскихъ позицій, которыя являются въ полномъ смыслѣ слова немыслимыми при всякихъ другихъ способахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ примѣненіе фотографическаго аппарата позволяетъ воздушному наблюдателю оставаться на высотѣ, предохраняющей его отъ пораженій съ земли. Въ 1915 г. усовершенствованія безпроволочнаго телеграфированія позволяютъ широко использовать аэропланы для корректированія артиллерійской стрѣльбы. 1916 годъ представляетъ собой періодъ особенно интенсивнаго усовершенствованія безпроволочнаго телеграфированія въ авіаціи. Это эпоха большихъ боевъ у Вердена и на Соммѣ, когда фронты загромождаются невиданнымъ дотолѣ количествомъ артиллеріи. Передъ безпроволочнымъ телеграфированіемъ выросла задача — дать возможность одновременно переговариваться возможно большему числу аэроплановъ. И дѣйствительно, достигаютъ многаго; въ 1915 году, въ бояхъ Шампаньи, можно было пользоваться однимъ аэропланомъ на одинъ километръ фронта, а въ 1917 г. на томъ же участкѣ фронта — шестью. Съ примѣненіемъ безпроволочнаго телеграфированія и фотографіи, авіація становится столь необходимымъ участникомъ боя, что безъ нея полное использованіе могущества современнаго огня становится *невозможнымъ*.

По мѣрѣ тактическаго усовершенствованія авіаціи требованія къ ней растутъ. Пѣхота также проситъ у авіаціи «спеціальной» помощи. Пѣхотныя части, пошедшія въ атаку, начинаютъ въ 1917 году сопровождаться своими «пѣхотными» аэропланами. Эти аппараты помогаютъ открывать сверху тѣ неразрушенныя или неоткрытыя раньше точки сопротивленія, которыя вдругъ обнаруживаются штурмующимъ войскамъ. Къ концу войны авіація можетъ уже оказывать атакующимъ вой-

скамъ боевое содѣйствіе, противъ этихъ неожиданныхъ задержекъ, пулеметнымъ огнемъ или бомбой. Кромѣ того, сопровождающіе атаку пѣхоты аэропланы даютъ возможность установить новый видъ связи. Они опредѣляютъ рубежи, достигнутые пѣхотными частями, и ставятъ объ этомъ въ извѣстность батареи и войсковые штабы; они сообщаютъ о случившихся задержкахъ и передаютъ просьбы о помощи артиллеріей и другими техническими средствами (танками); они передаютъ также просьбы о присылкѣ подкрѣпленій и боевыхъ припасовъ; были даже случаи, когда на аэропланахъ же посылались ружейные патроны въ отрѣзанную непріятелемъ часть. Но всѣ виды этой помощи стали возможны только послѣ того, какъ аэропланы стали хорошими «лазалщиками»; дѣло въ томъ, что участіе въ наземномъ бою требуетъ работы аэроплана на небольшихъ высотахъ (ниже 500 метровъ), т. е. въ условіяхъ, при которыхъ особенно опасно пораженіе съ земли. Поэтому, самолеты должны были обладать способностью быстраго взлета, дабы оставаться въ низкихъ зонахъ только въ нужный для нападенія моментъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, какой шагъ впередъ сдѣлала въ этомъ отношеніи матеріальная часть авіаціи, слѣдуетъ сравнить слѣдующія двѣ данныя: въ 1914 г. скорость подъема аэроплана на 2.000 метровъ измѣрялась 25 минутами, а въ 1918 г. — 4 минутами*). Окончившаяся война остановила разработку вопроса бронированіе аэроплана, призваннаго работать на низкой высотѣ.

Въ области бомбометанія въ авіаціи идетъ столь же интенсивная работа, развивающаяся этапами по мѣрѣ того, какъ техника преодолѣваетъ то или иное матеріальное затрудненіе. Растетъ грузоподъемность самолета и вѣсъ бомбы; становятся возможными ночныя нападенія, возрастаетъ продолжительность полета и, слѣдовательно, раіонъ дѣйствій. Здѣсь также ярко обнаруживается напряженная изобрѣтательская работа надъ постояннымъ усовершенствованіемъ существующихъ средствъ борьбы и надъ открытіемъ новыхъ путей для достиженія побѣды.

Въ январѣ 1915 г. нѣмцы нарушаютъ постановленія Гаагской Конференціи и примѣняютъ противъ насъ ядовитые газы. Они выпускаютъ волну хлора на одинъ изъ участковъ на-

---

*) Общая картина интенсивности усовершенствованія матеріальной части авіаціи обрисовывается слѣдующими цифровыми данными:

	въ 1914 г.	1918 г.
Сила мотора (число лошадиныхъ силъ)	80	370
Скорость полета (километровъ въ часъ)	115	220
Скорость подъема на 2000 метровъ	25 минутъ	4,5 минуты
„ „ „ 4000 „	—	13 минутъ
Наибольшая высота подъема	до 3500 метр.	8000 метр.

шей позиціи. Дивизія, занимавшая этотъ участокъ позиціи, почти поголовно отравлена, но нѣмцы не использовали наступленіемъ своей пѣхоты бреши, сдѣланной въ нашемъ расположеніи, и мы сейчасъ же возстанавливаемъ нашъ фронтъ. Аналогичное происходитъ и на французскомъ фронтѣ въ раіонѣ Ипра въ апрѣлѣ того же года. Наши союзники, тоже захваченные врасплохъ новымъ средствомъ борьбы, несутъ тяжелыя потери.

Но выпускъ газовой волны изъ устанавливаемыхъ въ первыхъ линіяхъ окоповъ, въ большомъ количествѣ, бидоновъ, оказывается скоро средствомъ слишкомъ громоздкимъ, невѣрнымъ и даже для своихъ войскъ опаснымъ. Внимательный непріятель легко могъ обнаружить длительную подготовку этой операціи и своей артиллеріей разбить сосредоточенные для готовящейся газовой атаки бидоны; вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось ждать соотвѣтствующихъ метеорологическихъ условій и случалось такъ, что внезапно повернувшій вѣтеръ приносилъ огромную волну обратно къ выпустившему ее. Въ воспоминаніяхъ Людендорфа мы можемъ встрѣтить указанія на то, что дѣйствовавшая противъ насъ 9-ая Германская армія, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ примѣненія новаго средства борьбы отказывалась его примѣнять. Наконецъ, сама же химія скоро дала противосредство въ видѣ масокъ. Въ виду того, что выпускъ газовой волны могъ производиться только при наличіи соотвѣтствующаго вѣтра, то тотъ же вѣтеръ проносилъ волну далѣе и длительность пребыванія въ маскахъ не была значительной. Поэтому, примѣненіе противогазовыхъ масокъ, можно было думать, нанесло окончательный ударъ первому вступленію газовъ въ число средствъ борьбы.

На самомъ дѣлѣ это было не такъ. Химія нашла новые пути и изысканія во всѣхъ воюющихъ странахъ настойчиво продолжались. Появились, такъ называемые, химическіе снаряды.

Въ 1916 году, во время нашего наступленія въ Галиціи, мы могли обнаружить новое слѣдствіе примѣненія химическихъ снарядовъ. Обстрѣлъ непріятельской батареи газовыми снарядами заставлялъ прислугу надѣвать маски. Для подобнаго обстрѣла требовалась меньшая точность пристрѣлки и сравнительно небольшое число снарядовъ. Затѣмъ, постоянно поддерживая рѣдкій огонь химическими снарядами, въ тотъ же раіонъ, мы заставляли непріятельскихъ артиллеристовъ все время оставаться въ маскахъ. Въ виду того, что пребываніе въ маскахъ продолжалось несравненно дольше, чѣмъ при выпускѣ газовой волны, и могло продолжаться въ теченіи долгихъ часовъ, то въ результатѣ оказывалось, что непріятельская артиллерія вынуждалась прекратить свой огонь. Затрудненіе ды-

ханія, вызываемое маской, становилось такъ велико, что артиллеристы и пулеметчики не могли продолжать свою работу.

Такимъ образомъ, родилась новая форма борьбы, имѣвшая цѣлью — не вывести бойца совсѣмъ изъ строя, а временно его «нейтрализовать». Эта форма борьбы явилась очень выгодной для борьбы съ артиллеріей противника при ускоренныхъ артиллерійскихъ подготовкахъ наступленія; она была широко использована нѣмцами при ихъ наступленіи на французскомъ фронтѣ въ мартѣ и маѣ 1918 года; удачное выполненіе первоначальныхъ прорывовъ въ большой мѣрѣ было обязано германскимъ химикамъ, давшимъ нѣмецкой арміи «империтовый» снарядъ.

По мѣрѣ того, какъ выяснилось значеніе газовыхъ снарядовъ, во всѣхъ воюющихъ странахъ химики изготовили цѣлый рядъ различныхъ газовыхъ снарядовъ, начиная отъ сильно ядовитыхъ, кончая, такъ называемыми, «слезоточивыми» и просто дымовыми, имѣвшими цѣлью создать вокругъ непріятельскихъ наблюдательныхъ пунктовъ дымовую завѣсу.

Насколько выросла, къ 1918 году, роль химическихъ снарядовъ, можно видѣть изъ того, что къ концу войны общее число примѣненныхъ французами такихъ снарядовъ всѣхъ сортовъ превосходило 12.000.000.

Развитіе примѣненія газовыхъ снарядовъ показываетъ, что роль химіи, въ числѣ средствъ борьбы, будетъ все расти. Резолюціи международныхъ конференцій, вродѣ Вашингтонской, безсильны остановить этотъ ростъ.

Примѣромъ этой несостоятельности можетъ служить слѣдующій фактъ. Параграфъ 71 Версальскаго мирнаго договора заявляетъ о запрещеніи Германіи производства удушливыхъ газовъ. Инициаторы этого параграфа, повидимому, не отдавали себѣ отчета всей фиктивности подобнаго запрещенія. Четыре основные продукта, служащіе для добыванія этихъ газовъ, суть: хлоръ, бромъ, бензолъ и сѣрная кислота. Достаточно самыхъ незначительныхъ манипулляцій съ этими продуктами, чтобы добыть ядовитые газы. Запретить же ввозъ или производство вышеназванныхъ продуктовъ, равносильно запрещенію Германіи стирать бѣлье, фотографировать, и поддерживать какое либо химическое производство. Параграфъ 71 Версальскаго договора былъ разсмотрѣнъ спеціальной технической подкомиссіей изъ выдающихся химиковъ всѣхъ странъ, собранныхъ Вашингтонской Конференціей для обсужденія вопроса объ общемъ запрещеніи примѣненія удушливыхъ газовъ въ будущей войнѣ. Эта подкомиссія, въ первомъ же своемъ засѣданіи, пришла къ заключенію, что параграфъ 71 Версальскаго договора, представляетъ собой величайшій абсурдъ или, если угодно, наивный дипломатическій обманъ. «Для того, чтобы этотъ параграфъ

былъ исполнимъ, потребовалось бы запрещеніе ввоза въ Германію продуктовъ, которые необходимы для повседневной жизни народа или же назначеніе агентовъ-контролеровъ въ каждый изъ химическихъ заводовъ, въ каждую врачебную лабораторію и даже въ каждое фотографическое ателье и въ каждую прачешную». Вмѣстѣ съ этимъ, эта подкомиссія пришла къ выводу, что при современныхъ условіяхъ жизни запрещеніе фабрикаціи ядовитыхъ газовъ не можетъ быть обставлено никакой реальной гарантіей.

Тѣмъ не менѣе Вашингтонская конференція вынесла резолюцію, запрещающую употребленіе на войнѣ удушливыхъ газовъ. Г-у Рутъ (Root) оставалось искать мотивировку этого заключенія въ области общихъ фразъ. «Пессимисты», говоритъ онъ, «предсказываютъ, что правила человѣчности, устанавливаемыя для войны, будутъ нарушены. Но пессимисты всегда близоруки. Безъ сомнѣнія, можетъ случиться, что въ пылу войны правила, ограничивающія примѣненіе оружія и средствъ борьбы, будутъ нарушены. Тѣмъ не менѣе, надъ этими правилами и надъ Правительствами, господствуетъ общественное мнѣніе. Народы, нарушившіе эти правила, получаютъ наказаніе, которое поведетъ ихъ къ гибели». Не лишено интереса то, что въ числѣ «пессимистовъ», по свидѣтельству газетъ, оказался также и бывшій Американскій Главнокомандующій Генералъ Першингъ.

Франція, принимавшая участіе въ указанныхъ выше конференціяхъ, на первой страницѣ своей „instruction provisoire sur l'emploi tactique des grandes unités“ такъ оговариваетъ свое право примѣненія на войнѣ газовъ: «Уважая международныя соглашенія, въ которыхъ Франція участвовала, Французское Правительство вмѣстѣ со своими союзниками приложитъ всѣ усилія на то, чтобы при возникновеніи войны получить со стороны враждебныхъ Правительствъ обязательство не примѣнять газа, какъ средства пораженія. Если это обязательство не будетъ дано — Французское Правительство сохраняетъ за собой свободу дѣйствій».

Французское Правительство поступаетъ совершенно честно и правильно, ставя вопросъ на такую плоскость, иначе оно взяло бы на себя тяжелую отвѣтственность за проигрышъ будущей войны.

Опасенія, которыя испытываетъ человѣчество передъ призракомъ химической борьбы въ будущей войнѣ, не лишены основаній. Химія не остановится на примѣненіи газовъ удовлетворяющихъ «нейтрализаціи»; она будетъ искать газы настолько ядовитые, которые вернутъ «химическую борьбу» къ прежней идеѣ «уничтоженія бойца». Она будетъ искать пораженія глазъ бойца, какъ наиболѣе нужнаго для дѣйствій органа и

тогда она явится носительницей самаго жестокаго вида искалѣченія человѣка. Но нужно вмѣстѣ съ тѣмъ твердо проникнуться мыслью — что спасеніе отъ этого надвигающагося зла можно обрѣсть не въ красивыхъ словахъ, высказываемыхъ блестящими представителями дипломатіи, а въ настойчивыхъ изысканіяхъ въ лабораторіяхъ ученыхъ. *Наука, открывающая ядъ, непремѣнно вслѣдъ за тѣмъ даетъ и противоядіе.* Нужно лишь имѣть мужество смотрѣть прямо въ глаза надвигающемуся злу и не уподобляться человѣку, подходящему къ пропасти съ закрытыми глазами.

Изъ сказаннаго выше вырисовывается насколько увеличится въ будущей войнѣ потребность постояннаго напряженія научной мысли. Давая все новыя и новыя средства пораженія, только она можетъ дать и средства противодѣйствія.

Остается еще сказать о третьемъ, новомъ пути, по которому пошло въ минувшую войну развитіе «машинизаціи».

До минувшей войны усовершенствованіе средствъ защиты ограничивалось въ полевой войнѣ примѣненіемъ окоповъ и устройствомъ передъ ними быстро набрасываемыхъ проволочныхъ загражденій. Примѣненіе этихъ средствъ требовало остановки и поэтому усиливало оборону. Это явилось одной изъ причинъ, почему минувшая война быстро, послѣ первой маневренной стадіи, приняла формы позиціонной войны. Съ переходомъ къ послѣдней, на помощь обороняющемуся пришли и болѣе громоздкія средства, примѣнявшіяся раньше только въ крѣпостной войнѣ: бетонъ и броня. Но, такъ какъ окончаніе войны могло быть достигнуто только наступленіемъ хотя бы одной изъ сторонъ, то техника стала настойчиво изыскивать средства для того, чтобы уравнять шансы наступающаго. На ряду съ разработкой орудій разрушенія непріятельскихъ средствъ обороны посредствомъ усиленія могущества артиллеріи и другого вида метательныхъ орудій, напримѣръ — минометовъ, наука занялась изысканіемъ способовъ доставленія закрытія для наступающаго, не останавливая его движенія. Первые результаты этой работы выразились въ примѣненіи касокъ, панцырей, подвижныхъ щитовъ; изъ всѣхъ этихъ средствъ нашли широкое примѣненіе каски. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ настойчивое стремленіе примѣнить броню.

Рѣзкій скачекъ впередъ сдѣлала эта работа, когда для переноса брони была примѣнена сила мотора и когда явилась мысль замѣнить колеса «гусеницами». Въ 1916 году на поля сраженія выползаютъ первые танки. Во Франціи это танки — «Крезо» и „Saint Chaumont." Въ Англіи танки въ формѣ ромба (Rhombus Tanks). Всѣ эти танки, вѣсящіе отъ 20—30 тоннъ (1.000—2.000 пудовъ) тихоходы; они представляли собою легко поражаемую непріятельской артиллеріей цѣль.

Количество ихъ незначительное и только впервые подъ Камбре, въ ноябрѣ 1917 г., англичане бросаютъ въ атаку около двухъ сотенъ танковъ сразу. Неожиданность этого новаго вида атаки производитъ большое моральное впечатлѣніе на германскую пѣхоту, и брешь въ ихъ расположеніи пробита. Но англичане дѣлаютъ здѣсь ту-же ошибку, какую сдѣлали нѣмцы при первомъ примѣненіи газовой волны. Они думаютъ, что атака танковъ можетъ привести сама по себѣ къ рѣшительнымъ результатамъ; за линіей танковъ они приготовили только кавалерію для преслѣдованія, но не соорганизовали сопровожденія танковой атаки крупными частями пѣхоты и артиллеріи. Въ общемъ, несмотря на блестящій первоначальный успѣхъ, атака у Камбре не приводитъ къ результатамъ большимъ, нежели предыдущія наступленія союзниковъ, произведенныя безъ помощи танковъ. Въ руки нѣмцевъ досталось 64 англійскихъ танка, разстрѣлянныхъ ихъ артиллеріей. Это вселяетъ въ нѣмецкія войска увѣренность въ малую пригодность танковъ и самовлюбленный Людендорфъ торжествуетъ.

Высшее командованіе союзниковъ не обезкуражено тѣмъ, что первыя выступленія танковъ не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Оно принимается за разработку малаго типа танка. Во Франціи создается танкъ «Рено». Вѣсъ его не превосходитъ 6—7 тоннъ (300—400 пудовъ). Это достигается тѣмъ, что броней защищены только нѣкоторыя его части, вооруженіе его состоитъ или изъ одной 37 м.м. пушки, или пулемета и экипажъ его состоитъ лишь изъ двухъ человѣкъ — (шофера и артиллериста или пулеметчика). Это позволяетъ сдѣлать танкъ значительно быстроходнѣе и малымъ по размѣрамъ, что затрудняетъ попаданіе непріятельской артиллеріи. Вмѣстѣ съ этимъ, облегченіе постройки позволяетъ приступить къ массовому изготовленію и въ программѣ на 1918 г. Франція намѣчаетъ выпускъ 2.000 танковъ. На этотъ же путь становится Великобританія (Whipet Tank) и тоже приступаетъ къ массовому изготовленію малыхъ танковъ. Опытъ перваго боевого примѣненія танковъ заставляетъ пересмотрѣть ихъ роль въ тактикѣ; союзное командованіе отказывается видѣть въ нихъ машины, дѣйствующія независимо отъ другихъ родовъ войскъ, а смотритъ теперь на танки лишь какъ на пушки и пулеметы, *сопровождающіе* атаку пѣхоты.*)

---

*) Инструкція Маршала Петэнъ, данная 29 декабря 1917 г., очень поучительна. „Нужно особенно настаивать на томъ“, говорится въ ней, „что танки дѣйствуютъ только въ самой тѣсной связи съ пѣхотой, что послѣдняя не присутствуетъ лишь какъ зритель, но дерется вмѣстѣ съ ними, слѣдуя сейчасъ же за ними, дабы немедленно использовать нейтрализацію или уничтоженіе ими непріятельскихъ пулеметовъ. Если танки замѣтятъ,

Германскій Генеральный Штабъ, съ Людендорфомъ во главѣ, совершилъ величайшую ошибку. Онъ не пожелалъ учесть тѣ крупныя измѣненія, которыя вносило появленіе танковъ во взаимоотношенія между наступленіемъ и обороной. И когда во второй половинѣ іюля 1918 г. начинается наступленіе союзниковъ, сопровождающееся работой массы танковъ, нѣмецкія войска теряютъ свою прежнюю увѣренность, что сильно отражается на ихъ устойчивости. Чтобы дать понятіе о томъ числѣ танковъ, которые выводятся теперь сразу на поле сраженія, достаточно указать, что, 18-го іюля, на фронтѣ только 6-ой и 10-ой французскихъ армій выползаютъ 742 танка.

Людендорфу въ его воспоминаніяхъ, въ которыхъ онъ старается превратить себя изъ побѣжденнаго — въ невинно пострадавшаго, остается лишь написать: «лучшимъ оружіемъ противъ танковъ являются нервы, мужество и неустрашимость. Впервые, съ паденіемъ мужества и съ ослабленіемъ боеспособности нашей пѣхоты, танки пріобрѣли рѣшающее вліяніе на ходъ событій».

Окончаніе войны прерываетъ начавшійся, съ примѣненіемъ танковъ, переворотъ въ тактикѣ. Бои второй половины 1918 г. лишь предисловіе къ новому періоду. Можно предвидѣть вновь появленіе тяжелыхъ танковъ въ роли «прокладывателей» дороги для малыхъ танковъ и пѣхоты. Во французской арміи такіе танки предусмотрѣны. Но нужно помнить, что танки являются лишь однимъ изъ видовъ примѣненія «гусеничной» тракціи, которая позволила *примѣнить броню въ наступленіи.* Будущая война укажетъ на многочисленныя новыя возможности подобнаго примѣненія. Можетъ быть это будетъ въ видѣ небольшихъ щитовъ для отдѣльнаго бойца съ ручнымъ пулеметомъ или болѣе широкія закрытія, за которыми пѣхотныя звенья будутъ скрываться въ минуты интенсивнаго обстрѣла; рядомъ съ этимъ, небольшія броневыя закрытія защитятъ командные посты и центры связи; подвижная броня облегчитъ также снабженіе боевыхъ линій огнестрѣльными припа-

---

что пѣхота отъ нихъ отстала, они должны вернуться и установить опять непосредственное соприкосновеніе съ пѣхотой, помочь ей преодолѣть препятствія, задерживающія ея наступленіе. Работа танковъ не должна представлять собою отдѣльнаго боя (Pas de cavalier seul!). Связь съ пѣхотой и взаимная выручка — вотъ основные принципы примѣненія танковъ".

Примѣчаніе Редакціи: Въ маѣ 1919 г. въ гражданской войнѣ на югѣ Россіи добровольцами впервые были примѣнены противъ красныхъ танки, которыхъ не было на русскомъ фронтѣ великой войны. Появленіе ихъ произвело панику среди красныхъ и дало возможность ничтожнымъ силамъ бѣлыхъ сдвинуть весь Донецкій фронтъ красныхъ. Однако въ дальнѣйшемъ танки не помогли: во первыхъ ихъ было мало и, во вторыхъ, они не сопровождались даже минимальнымъ количествомъ пѣхоты, которой у бѣлыхъ было въ нѣсколько разъ меньше нежели у красныхъ.

сами. Примѣненіе «Гусеничной тракціи» позволитъ также тяжелымъ пушкамъ сопровождать пѣхоту по самой пересѣченной мѣстности; вопросъ о быстрой замѣнѣ колесъ «гусеницами» въ тотъ моментъ, когда артиллерія сходитъ съ дороги, усиленно разрабатывается современной техникой . . . Здѣсь не мѣсто высказывать всѣ предположенія и мы ограничиваемся лишь утвержденіемъ, что дальнѣйшее развитіе примѣненія мотора и «гусеницъ» вызоветъ новыя измѣненія въ формахъ веденія боя, не меньшія, чѣмъ продолжающіяся усовершенствованія въ авіаціи и въ употребленіи газовъ.

Какъ мы уже говорили, наука открывающая новыя средства борьбы, можетъ дать также и средства противодѣйствія. Въ ней самой ведется своего рода борьба: противъ увеличенія силы пушки борется усовершенствованіе брони; противъ газовъ выступаютъ маски; противъ налетовъ воздушнаго противника выростаетъ сложная система, называемая французами Д. С. А. (Défense contre aéronefs) и состоящая изъ комбинацій наблюдательныхъ постовъ, линій связи, противоаэропланныхъ пулеметовъ и батарей, прожекторовъ и заградительныхъ воздушныхъ шаровъ. Въ этой борьбѣ побѣдительницей бываетъ то одна, то другая сторона, но лишь временно. Усиліе ума на противоположной сторонѣ быстро измѣняетъ взаимное соотношеніе. Боеспособность каждаго народа будетъ въ предстоящихъ войнахъ въ значительной степени зависѣть отъ удѣльнаго вѣса его научныхъ силъ. Народъ, способный владѣть новѣйшими изобрѣтеніями техники, будетъ обладать лучшими средствами для нападенія и самозащиты. Въ прежнія эпохи лучшее вооруженіе можно было купить. Теперь вооруженіе тоже можно купить, но для того, чтобы владѣть «лучшимъ» оружіемъ, нужно быть способнымъ все время побѣждать противника въ области чисто научной борьбы.

Можетъ быть, любители примитивнаго объясненія сложныхъ явленій современной эпохи будутъ возлагать свою надежду на появленіе генія; но увы, надежды эти тщетны. Нужна работа, не только сильная качествомъ, но и по объему, требующая усилій тысячи спеціалистовъ. Съ 13-го ноября 1915 года до заключенія перемирія, въ «высшую комиссію по изобрѣтеніямъ», учрежденную во Франціи, поступило 33.313 заявленій о новыхъ изобрѣтеніяхъ, изъ которыхъ 1.654 было передано для испытанія и 781 полностью осуществлено. Наилучшій отвѣтъ новому требованію современной эпохи, сдѣлавшему войну не только технической, но и научной, можно видѣть въ тѣхъ усиліяхъ, которыя прилагаетъ сейчасъ Франція для защиты себя въ будущемъ. Среди французскихъ ученыхъ образовалась инціативная группа для изученія вопроса о подготовкѣ мобилизаціи научныхъ и техническихъ силъ въ случаѣ новаго

вооруженнаго столкновенія Франціи. Многочисленныя ассоціаціи бывшихъ учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній и синдикаты инженеровъ дали свое согласіе принять участіе. Общее число участвующихъ ученыхъ и инженеровъ достигаетъ 30.000. Это представляетъ цѣлую научную армію. Участіе въ защитѣ страны эти ученые представляютъ себѣ двояко: одна часть, служа въ рядахъ арміи, должна слѣдить за самой работой орудій современной техники и способствовать правильному ихъ функціонированію; другая будетъ занята въ лабораторіяхъ и мастерскихъ, усовершенствуя эти орудія и изыскивая новыя средства борьбы и защиты.

Изъ этого мы видимъ, что современная война является не только борьбой людскихъ массъ, пользующихая всѣми накопленными средствами матеріальной культуры, но и состязаніемъ этихъ массъ въ области ума и науки. При этомъ, вслѣдствіе быстроты, съ которой возможно совершенствованіе современной техники, этотъ послѣдній видъ борьбы все болѣе и болѣе выдвигается на первое мѣсто.

Обращая теперь свой взоръ на Россію, находящуюся подъ игомъ большевиковъ, не нужно большой проницательности, чтобы опредѣленно заявить о полной ея несостоятельности вступить въ подобнаго рода борьбу. Разореніе, которое внесли коммунисты въ промышленность Россіи, служитъ первымъ, ярко бросающимся въ глаза, доказательствомъ. Попытка ихъ обезпечить снабженіе арміи переводомъ военной промышленности на «ударное положеніе» не выдерживаетъ, конечно, серьезной критики. Подобный пріемъ былъ годенъ только въ гражданской войнѣ противъ бѣлыхъ армій, лишенныхъ своей промышленности тыла. Требованія большой войны столь велики, что даже прежняя промышленность Царской Россіи не могла полностью отвѣтить имъ. Пришлось въ широкой степени пользоваться заказами у союзниковъ и въ нейтральныхъ странахъ. Экономическое разореніе, произведенное большевиками, уничтожаетъ и эту возможность для Россіи; но даже, если бы она и оставалась, то всетаки вопросъ не былъ бы разрѣшенъ. Большевики не могутъ допустить малѣйшаго проявленія свободы мысли; лучъ свѣта, проникающій въ непроглядную тьму лжи и преступленія, въ которую они погрузили Россію, страшнѣе для нихъ, чѣмъ «интервенція». Они пробовали создать какую-то свою «пролетарскую» науку, но нелѣпость подобной попытки не замедлила сказаться сейчасъ же. Вынужденное «отступленіе» въ экономической политикѣ, породившее «нэп», дало возможность русскимъ гражданамъ нѣсколько легче дышать въ отравленной совѣтской атмосферѣ. Изъ корней старой русской науки начали подыматься рѣдкіе побѣги. Но этого было совершенно достаточно для того, чтобы Апфельбаумъ (Зиновьевъ)

ударилъ въ набатъ на Всероссійской конференціи коммунистической партіи, собравшейся въ Кремлѣ, въ августѣ 1922 г. Наука, литература, профессора, студенчество объявлены Апфельбаумомъ скрытыми врагами совѣтской власти; онъ настаиваетъ на необходимости перейти въ «политическое наступленіе» противъ этихъ враговъ; говоря другими словами, онъ призываетъ къ новымъ репрессіямъ и къ террору. Оставаясь еще у власти — большевики срѣжутъ и эти слабые ростки. Наука и большевизмъ — несовмѣстимы.

3.

Въ 1914 году, съ первыхъ же дней войны, французы уступили нѣмцамъ пограничный раіонъ Бри (Briey). Вслѣдствіе этого они оказались въ критическомъ положеніи въ отношеніи добычи руды и въ то же время помогли военной индустріи врага, который не замедлилъ воспользоваться этой рудой. Естественно, что наряду съ нареканіями на Французское Высшее Командованіе, не сумѣвшее въ началѣ войны оцѣнить стратегическое значеніе этого раіона, общественное мнѣніе Франціи неоднократно высказывало требованіе прибѣгнуть къ авіаціи, съ цѣлью не позволить нѣмцамъ пользоваться этимъ раіономъ. Но выполненіе этой задачи потребовало бы, по расчетамъ спеціалистовъ, созданія *спеціальной программы* авіаціоннаго строительства, вродѣ того, какъ это было сдѣлано нѣмцами въ отношеніи подводнаго флота, когда они рѣшили объявить подводную блокаду въ 1916 году. Французы не могли этого сдѣлать, ибо и безъ того вся ихъ мобилизованная промышленность работала при полномъ напряженіи и выполненіе этой спеціальной программы могло быть произведено лишь за счетъ остановки другихъ работъ, которыя Высшее Командованіе считало болѣе необходимыми.

Здѣсь намъ приходится коснуться одного, очень интереснаго вопроса. Быстрые успѣхи техники легко порождаютъ въ общественномъ мнѣніи преувеличенныя ожиданія, которыя я позволилъ бы себѣ назвать «Жюль Вернизмомъ». Для массы людей, не посвященныхъ въ спеціальное изученіе вопроса, остается незамѣтной та громадная подготовительная работа, которая требуется при практическомъ использованіи всякаго новаго слова техники. Чѣмъ машина сложнѣе и совершеннѣе, тѣмъ она болѣе спеціализована, тѣмъ болѣе ея пригодность ограничена узкими рамками. «Универсальная» машина всегда менѣе могущественна въ каждомъ опредѣленномъ случаѣ, нежели машина спеціально для этого случая построенная.

Возможность широкой помощи современной техники зависитъ, прежде всего, отъ правильной постановки заданій. Заданія же эти можетъ ставить только тактика и стратегія. Такимъ образомъ, мы обнаруживаемъ здѣсь, что современная война, предъявивъ усиленныя требованія къ общей наукѣ, подобныя же, если не большія требованія, предъявляетъ къ военной наукѣ. Въ старой военной наукѣ существовало стремленіе къ «универсальности» орудій. Это выражалось, напримѣръ, въ томъ, что въ артиллеріи старались избѣгать разныхъ калибровъ для веденія полевой войны, считая возможнымъ большинство задачъ исполнять однимъ типомъ «универсальной» пушки. Уже Русско-Японская война разрушила это заблужденіе и мы увидѣли со стороны Японіи примѣненіе въ полевой войнѣ тяжелыхъ калибровъ. Минувшая война окончательно разрушила прежнее ученіе и наглядно показала, что современная техника, какъ при обслуживаніи задачъ мирнаго времени, такъ и привлеченная на поля сраженія, дальнѣйшее свое развитіе основываетъ на все большей и большей дифференціаціи и специализаціи своихъ аппаратовъ. При такихъ условіяхъ, отъ военной науки потребовалась напряженная работа по изученію тѣхъ условій, въ которыхъ должна протекать будущая война и по расчлененію общей работы вооруженной силы на большое число отдѣльныхъ задачъ, каждая изъ которыхъ нуждается въ спеціальной помощи техники.

Подобная работа требуется теперь въ каждой области военнаго дѣла и съ теченіемъ времени требуетъ все большаго и большаго расчлененія заданій и спеціализаціи приборовъ. Для примѣра вспомнимъ эволюцію, черезъ которую, въ теченіи 4-хъ лѣтъ войны, прошла авіація. Война 1914 года началась съ идеей «универсальнаго» воздухоплавательнаго прибора. Были различія въ величинѣ, въ скорости, въ строеніи, но эти различія диктовались исключительно техническими соображеніями; военная наука предъявляла одно общее требованіе: воздушная развѣдка. Къ концу войны мы видимъ, что на ряду съ авіаціей воздушной развѣдки, выростаетъ авіація бомбометанія, авіація воздушнаго боя и, наконецъ, нарождается авіація наземнаго боя. Въ каждомъ изъ перечисленныхъ видовъ авіаціи, жизнь требуетъ еще новыхъ подраздѣленій; каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ свой аппаратъ*). Во время войны эволюція въ техникѣ происходитъ подъ давленіемъ кроваваго ежедневнаго опыта; поэтому, хотя роль тактики и стратегіи, какъ составительницъ новыхъ заданій, и велика, но отъ нихъ не требуется той способности *предвидѣнія*, которая должна быть

*) Въ развѣдывательной авіаціи — аэропланы стратегической развѣдки и аэропланы ближней тактической развѣдки и наблюденія; въ авіаціи

имъ присуща въ мирное время. На основаніи минувшаго опыта, являющагося для каждой новой войны устарѣлымъ, стратегія и тактика должна быть въ состояніи приподнять завѣсу будущаго. Способность же науки предсказывать явленія — есть высшая степень развитія науки.

Отсутствіе военно - научной разработки въ мирное время тяжелымъ грузомъ ложится на работѣ общей науки и техники во время войны, когда приходится созидать все въ спѣшномъ порядкѣ. Яркимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить безплодность усилій С.-А. С. Ш. для созданія во время минувшей войны воздушнаго флота.

Когда Сѣверо-Американскіе Штаты объявили въ 1917 году войну, казалось бы естественнымъ ожидать, что, обладая широчайшими техническими средствами, они развернутъ во Франціи громадныя воздушныя силы. Я самъ помню, какъ въ бытность мою начальникомъ штаба арміи Румынскаго Фронта, мнѣ приходилось выслушивать утвержденія Американскаго военнаго агента о томъ, что Американская армія придетъ въ Европу съ 12.000 аэропланами.

Германскій Генеральный Штабъ особенно опасался засилія Америки «въ воздухѣ». Вырабатывается спеціальная программа по усиленію нѣмецкаго воздушнаго флота, получившая даже названіе „Amerika - Programm“, которая энергично проводится въ жизнь. Что же происходитъ въ С.-А. С. Ш.? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить выдержка изъ «Нью-Іоркъ Таймсъ» отъ 27-го марта 1918 г., описывающая засѣданіе Американскаго Сената бывшее наканунѣ: «Съ начала вступленія въ войну Америки, ни одно изъ засѣданій Сената не носило столь бурнаго характера и не производило столь тяжелаго впечатлѣнія, какъ сегодняшнее. Правительству было предъявлено обвиненіе, въ недопускающихъ никакого оправданія упущеніяхъ, въ подготовкѣ къ войнѣ. Во главѣ оппозиціи стоялъ сенаторъ Лоджъ; онъ заявилъ: «Исходъ войны виситъ въ воздухѣ. Въ этотъ тяжелый часъ было бы преступленіемъ скрывать отъ американскаго народа дѣйствительность, которая непріятелю давно уже извѣстна. Прошло много недѣль, какъ мы знаемъ — и нѣмцы тоже это знаютъ, — что у насъ, американцевъ, *нѣтъ* аэроплановъ во Франціи. Это фактъ. Американскій флотъ во Франціи лишенъ всякой воздушной защи-

воздушнаго боя — одномѣстные истребители, двумѣстные боевые аппараты и нарождающійся типъ воздушныхъ крейсеровъ вооруженныхъ пушками; въ авіаціи наземнаго боя — бронированные аппараты вооруженные пулеметами и аэропланы съ пушкой обѣщающіе быть лучшимъ средствомъ борьбы съ танками; въ авіаціи бомбометательной — аппараты дневного и ночного полета. Интересно указать здѣсь, что въ теченіи войны у нѣмцевъ было выпущено около 200 различныхъ типовъ аэроплановъ.

ты. Англичане и французы сами нуждаются въ каждомъ изъ своихъ аппаратовъ. Въ прошломъ году мы ассигновали 840 милліоновъ долларовъ на постройку воздушнаго флота и до сихъ поръ не имѣемъ ни одного аэроплана во Франціи».

«Другой ораторъ, отвѣчая на попытку сенаторовъ — Оверманъ и Хитчкокъ защитить правительство, возразилъ: «Мое намѣреніе открыть неоспоримую и скандальную несостоятельность правительства. Ежедневно мы узнаемъ изъ солдатскихъ писемъ съ фронта о томъ, что наши войска безъ всякой воздушной защиты; что они безпомощно смотрятъ, какъ нѣмецкіе аэропланы летаютъ взадъ и впередъ надъ нашими линіями, и что ихъ воздушная охрана всецѣло зависитъ отъ союзнической помощи французовъ . . . »

«Во время дальнѣйшихъ преній, сенаторъ Джонсонъ изъ Калифорніи, спросилъ, не можетъ ли быть ему сообщена, какъ члену сенаторской комиссіи по военнымъ дѣламъ, программа Правительства, устанавливающая сдачу аэроплановъ къ 1 іюля 1918 г. Сенаторъ Нью отвѣтилъ, что по первоначальной программѣ правительства, подлежало сдачѣ во Франціи, къ 1 іюля 1918 г., 12.000 аппаратовъ. «Тогда я бы просилъ г. сенатора», продолжалъ Джонсонъ, «сказать мнѣ, если отвѣтъ на этотъ вопросъ не составляетъ служебной тайны, сколько же аэроплановъ было въ дѣйствительности сдано или сколько ихъ Американское правительство будетъ въ состояніи передать войскамъ во Франціи къ 1 іюля 1918 г.» — «37», отвѣтилъ сенаторъ Нью.

Но сенаторъ Нью ошибся, добавимъ мы.

По свидѣтельству авторитетнѣйшаго французскаго источника „Les leçons de Guerre; l'aironautique" Commandant Orthlieb. до самаго окончанія войны, то есть, за полтора года войны, С.-А. С. Ш. не имѣли *ни одного* аэроплана, дѣйствовавшаго на театрѣ войны.

Современная война требуетъ громадной подготовительной работы мирнаго времени во всѣхъ областяхъ науки. Но эта работа можетъ имѣть практическую цѣнность лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ протекать въ тѣсномъ единеніи съ выводами и запросами военной науки.

Военная исторія послѣдняго времени изобилуетъ примѣрами, когда воюющая сторона не умѣетъ использовать того преимущества, которое ей даетъ лучшее вооруженіе, изъ за военной неграмотности. Во время боксерскаго возстанія, при столкновеніи нѣкоторыхъ нашихъ отрядовъ съ китайцами, оказалось, что противъ нашихъ старыхъ клиновыхъ пушекъ у китайцевъ были новыя скорострѣльныя Крупповскія орудія. Но отсутствіе

военной подготовки приводило къ тому, что дѣйствовавшія противъ насъ войска китайцевъ были въ самомъ же началѣ боевъ обращены въ бѣгство. Менѣе рѣзкій примѣръ, но пожалуй болѣе поучительный, представляетъ собою Русско-Японская война 1904—1905 года. Несмотря на то, что русская винтовка и русская пушка были лучше японскихъ, мы сплошь терпимъ тактическія неудачи. Наши войска выступили съ совершенно устарѣвшей тактической доктриной. Нашъ полевой уставъ 1904 года, представлялъ собою воплощеніе ударной доктрины, рожденной примѣрами Наполеоновской эпохи. Противъ насъ выступила японская армія, вполнѣ воспріявшая отъ нѣмцевъ новую огневую тактическую доктрину.

Такимъ образомъ, русско - японская война подчеркнула зависимость успѣха отъ правильности тактической доктрины, научно разработанной еще въ періодъ мира. Она обнаружила въ этомъ отношеніи, громадное различіе съ Наполеоновской эпохой, когда формы боевыхъ дѣйствій были просты и медленно измѣнялись, войны же велись такъ часто, что армія имѣла возможность вырабатывать методы и усвоивать ихъ исключительно путемъ непосредственнаго опыта. Поэтому, въ Наполеоновской арміи могъ все время существовать уставъ 1791 года, написанный сторонниками устарѣлой къ тому времени линейной тактики.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ современную эпоху.

Новое оружіе — новая тактика. Быстрый темпъ усовершенствованій въ XIX столѣтіи, заставилъ сказать другого крупнаго полководца — фельдмаршала Мольтке — фразу, что теперь «тактика мѣняется каждыя десять лѣтъ». Послѣдняя война показала еще большую измѣнчивость тактическихъ формъ. Война всегда вызываетъ напряженіе во всѣхъ проявленіяхъ соціальной жизни и заставляетъ различныя стадіи развитія слѣдовать гораздо быстрѣе, чѣмъ въ мирное время. Это ускорило еще и безъ того скорый темпъ развитія современной техники и вызвало вмѣстѣ съ тѣмъ быструю измѣнчивость въ методахъ веденія боя. Отъ современной военной науки требуется нѣчто значительно большее, чѣмъ это было въ періодъ русско-японской войны.

«Подвижность» тактическихъ формъ имѣетъ слѣдствіемъ то, что армія уже не можетъ руководиться въ теченіе всей войны одной и той же, разработанной въ мирное время, доктриной. И дѣйствительно, минувшая война показала, что каждый періодъ боевыхъ столкновеній на Западномъ фронтѣ подготовлялся кропотливой научной разработкой новыхъ методовъ боевыхъ дѣйствій.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ всей огромной научной работы, которая выполнялась французскимъ и германскимъ выс-

шимъ команднымъ составомъ и объединялась ихъ Ставками. Бросимъ лишь общiй взглядъ на первый перiодъ кампанiи 1918 года.

Подготовляя наступленiе на французскомъ фронтѣ въ 1918 году, германскiй генеральный штабъ разрабатываетъ новую доктрину. Въ тактикѣ артиллерiи, какъ мы имѣли уже случай говорить выше, при помощи «иперитовыхъ» снарядовъ проводится идея «нейтрализацiи» непрiятельскихъ батарей, что позволяетъ германскому командованiю сократить до нѣсколькихъ часовъ продолжительность артиллерiйской подготовки и поэтому положить въ основу своихъ штурмовъ «принципъ внезапности», совершенно непримѣнимый при многодневныхъ артиллерiйскихъ подготовкахъ союзниковъ въ наступленiяхъ 1916 и 1917 г.г. Въ тактикѣ пѣхоты проводится новая идея «инфильтрацiи».

Но обѣ эти идеи представляютъ собою лишь неразрывную часть разработанной нѣмцами новой доктрины наступленiя на французскомъ фронтѣ.

Замѣтивъ, что тяжелая артиллерiя крупныхъ калибровъ, примѣненная при наступленiи на Верденъ въ 1916 году, не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ, т. к., вслѣдствiе своей малой подвижности, она не могла сопровождать наступавшую пѣхоту далеко вглубь непрiятельскаго укрѣпленнаго раiона, нѣмцы обращаютъ особое вниманiе на развитiе калибровъ въ 6-ть дюймовъ и ниже, а также на придачу пѣхотнымъ частямъ большого количества минометовъ; они стремятся дать самимъ пѣхотнымъ дивизiямъ достаточную огневую силу, чтобы сдѣлать ихъ способными своими средствами побороть дальнѣйшую непрiятельскую оборону.

Для того, чтобы провести эту новую доктрину въ жизнь, создается рядъ курсовъ для высшаго командного состава, въ которыхъ новыя идеи преподаются, объясняются и развиваются.

Аналогичную работу мы видимъ и на французской сторонѣ.

Мы уже упоминали о томъ, что Маршалъ Петэнъ настойчиво проводилъ идею относа въ оборонѣ главной линiи сопротивленiя пѣхоты назадъ.

Сейчасъ послѣ своего вступленiя въ командованiе, маршалъ Петэнъ возлагаетъ на свой штабъ научную разработку оборонительной доктрины противъ ожидаемаго наступленiя нѣмцевъ. Начиная съ середины 1917 года, онъ даетъ французскимъ войскамъ рядъ инструкцiй (№№ 1, 2, 2-бисъ, 3, 4). Эти директивы встрѣчаются въ нѣкоторыхъ кругахъ французскаго командованiя осужденiемъ; не всѣмъ исполнителямъ была ясна общая картина состоянiя вооруженной мощи и взаимоотноше-

ніи ея съ непріятельской, которая могла быть обнята цѣликомъ только самимъ Верховнымъ Командованіемъ. Но маршалъ Петэнъ, самъ выдащійся профессоръ французской Военной Академіи и въ то же время герой Вердена, находитъ въ себѣ достаточно силы воли, чтобы настоять на проведеніи въ жизнь тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ.

Основнымъ принципомъ его оборонительной доктрины является — рѣшительный относъ линіи главнаго сопротивленія назадъ. Но теперь вопросъ идетъ не объ относѣ сопротивленія пѣхоты на вторую линію окоповъ, а на относѣ центра тяжести боя, какъ пѣхотнаго, такъ и артиллерійскаго на вторую позицію: разстояніе этой позиціи отъ первой опредѣлялось невозможностью для непріятельской артиллеріи обстрѣливать вторую позицію съ прежнихъ мѣстъ расположенія., т. е. достигало 6—8 верстъ.

Благодаря подобнымъ мѣрамъ, нѣмецкая пѣхота оказывалась, въ ту минуту, когда барражъ ея артиллеріи не могъ полностью ее сопровождать, въ необходимости вступить въ борьбу съ организованнымъ контръ-наступленіемъ всѣхъ массъ французской пѣхоты и артиллеріи. Мы видѣли выше, что Людендорфъ предвидѣлъ трудное положеніе атакующей пѣхоты на этомъ удаленіи отъ своей артиллеріи и старался парализовать этотъ критическій періодъ времени придачей самой пѣхотѣ сильныхъ огневыхъ средствъ. И эти средства были бы совершенно достаточными при тѣхъ условіяхъ, когда обороняющійся отодвигался для контръ-атакъ только на вторыя линіи окоповъ первой позиціи. Тогда нѣмцы успѣли бы въ достаточной мѣрѣ разстроить артиллерію обороняющагося, вступившую въ состязаніе съ болѣе могущественной артиллеріей наступающаго, а также потрясти духъ французскихъ резервовъ, вступившихъ въ бой въ раіонѣ огня нѣмецкой артиллеріи. Но маршалъ Петэнъ настойчиво требуетъ переноса всей тяжести обороны на вторую позицію, удаленную на 6—8 верстъ отъ первой.

Эта мысль, какъ мы уже видѣли, была не всѣмъ понятна, и при проведеніи въ жизнь встрѣтила нѣкоторыя затрудненія. Маршалъ Петэнъ прибѣгаетъ для внѣдренія ея къ тѣмъ же пріемамъ, какъ и Людендорфъ для внѣдренія своей. Командный составъ настойчиво привлекается къ подготовкѣ на многочисленныхъ курсахъ. Тѣмъ не менѣе, когда приходится на практикѣ рѣшать вопросъ объ относѣ рѣшительной обороны назадъ, находятся множество предлоговъ для невыполненія этого: любимый изъ нихъ — вредное впечатлѣніе захвата нѣмцами первой позиціи на общественное мнѣніе.

Когда съ весной 1918 года волны германскаго наступленія начали обрушиваться на союзническій фронтъ, наука, въ лицѣ

маршала Петэнъ, получила поразительное подтвержденіе своей силы въ сложныхъ условіяхъ современной войны.

Первое наступленіе нѣмцевъ начинается 21 марта; оно направлено противъ Британскаго фронта. На атакованномъ участкѣ фронта находится менѣе боеспособная португальская дивизія и 5-ая Британская армія генерала Гофа. Послѣдній принадлежалъ къ числу генераловъ, военно-научное развитіе которыхъ не отвѣчало требованіямъ, предъявляемымъ къ высшимъ начальникамъ современной войной. Идеи Петэна, конечно, не могли быть ему понятными и его армія, пытавшаяся обороняться всѣми своими силами на высотѣ первой позиціи, быстро дезорганизована и не въ состояніи остановить нѣмцевъ. Новая доктрина наступленія, выкованная Людендорфомъ, достигаетъ здѣсь полныхъ результатовъ.

Второе наступленіе нѣмцевъ, начавшееся 27 мая, направлено противъ участка французскихъ позицій, носящаго названіе „Chemin de Dames". Здѣсь опять оказалось, что обороняющійся принялъ бой въ раіонѣ первой позиціи и результаты прорыва оказались столь же грандіозными, какъ и при первомъ германскомъ наступленіи.

Но третье наступленіе нѣмцевъ, начавшееся 9 іюня, встрѣчается уже съ примѣненіемъ въ 3-ей и 10-ой Французскихъ арміяхъ новыхъ идей, преподанныхъ инструкціями маршала Петэна. Результатъ оказывается другой и нѣмецкая атака захлебывается на глубинѣ нѣсколькихъ километровъ. Это была первая встрѣча новой нѣмецкой наступательной доктрины съ новой французской доктриной обороны. Методы противодѣйствія получили освященіе на опытѣ. Поэтому, когда нѣмцы, не измѣняя своей доктрины, начали свое четвертое наступленіе въ раіонѣ Реймса, то они не только отбиты, но оказались сами въ очень невыгодномъ положеніи; этимъ пользуется маршалъ Фошъ и начинаетъ общее наступленіе союзниковъ, которое и приводитъ ихъ къ окончательной побѣдѣ надъ нѣмцами.

Въ боевомъ періодѣ съ 21 марта по 20 іюля принимаютъ участіе милліоны людей и десятки тысячъ пушекъ. Величайшее геройство и человѣческія слабости переплетаются на красномъ фонѣ крови въ сложный узоръ, который захватилъ все вниманіе современниковъ и приковываетъ къ себѣ взглядъ всякаго, изучающаго эти событія и теперь. Но за этими картинами эпической борьбы интересно сумѣть разсмотрѣть и ту борьбу тактическихъ идей, которая велась между Французскимъ и Нѣмецкимъ командованіемъ. Это состязаніе чисто научнаго характера. Въ то время какъ Людендорфъ въ зиму 1917—1918 г.г. разрабатываетъ свою доктрину наступленія, — маршалъ Петэнъ работаетъ надъ парированіемъ ея. Не служитъ ли это од-

нимъ изъ наиболѣе яркихъ доказательствъ того «научнаго» пути борьбы, на который вступила минувшая война и по которому неминуемо пойдетъ и будущая?

Невольно мысль останавливается на вопросѣ: способно ли красное командованіе къ подобной научной работѣ? Въ рѣчахъ главнаго руководителя этой арміи Бронштейна все время звучитъ призывъ къ такой работѣ; имъ же принимаются мѣры для созданія своего краснаго генеральнаго штаба.

Результаты этой работы можно уже теперь обнаружить. Стоитъ лишь просмотрѣть тощіе, по содержанію, военные журналы Р. С. Ф. С. Р. Общія всѣмъ этимъ писаніямъ черты рѣзко бросаются въ глаза: 1) стремленіе попасть въ тонъ диктаторовъ Россіи, 2) незнаніе и непониманіе тѣхъ выводовъ, къ которымъ привелъ военную науку опытъ минувшей Европейской войны.

Первая особенность является совершенно понятнымъ слѣдствіемъ того деспотическаго режима, подъ которымъ изнемогаетъ сейчасъ русскій народъ. Тутъ повторяется общій соціальный законъ. Вторая же отличительная черта является болѣе сложной производной изъ той же основной причины — господства большевиковъ. Съ уничтоженіемъ свободы мысли прекращается возможность движенія науки по новымъ путямъ. Какъ нѣкоторые отзвуки прошлаго, люди науки прежней формаціи, еще будутъ работать, но это явится по большей части лишь творчествомъ «на старыхъ дрожжахъ» или, въ случаѣ, работой машины «на холостомъ ходу».

Насколько даже въ области чисто военной науки плодотворная работа возможна только при наличіи уваженія къ свободѣ мысли, можетъ служить примѣръ изъ періода, предшествовавшаго Европейской войнѣ. При этомъ, авторъ, конечно, понимаетъ, что не можетъ быть ни малѣйшаго сравненія между деспотическимъ и антинаціональнымъ режимомъ большевиковъ и бывшимъ Царскимъ, имѣвшимъ полное право, несмотря на свои недостатки, считаться культурнымъ и національнымъ. Тѣмъ не менѣе, даже тогда, достаточно было установиться въ военномъ вѣдомствѣ режиму Сухомлинова, чтобы остановить поступательное движеніе военной науки, вызванное неудачами войны съ Японіей. Какъ выше мы говорили, Полевой Уставъ 1904 г., съ которымъ дралась наша армія на поляхъ Маньчжуріи, являлся яркимъ представителемъ устарѣвшей ударной тактической доктрины. Съ демобилизаціей нашей арміи началась лихорадочная работа по возстановленію Русской Вооруженной Силы. На посты высшихъ военныхъ руководите-

лей были выдвинуты просвѣщенные и понимавшіе современное военное дѣло генералы: Редигеръ — какъ военный министръ. Палицынъ — какъ Начальникъ Генеральнаго Штаба. Но уже въ 1908 году эти генералы оказались не отвѣчающими общему духу Петербургской бюрократіи. Они имѣли гражданское мужество указывать на нашу военную неподготовленность и такимъ образомъ разрушали легенду о нашей врожденной непобѣдимости. На небосклонѣ этой бюрократіи восходитъ новое свѣтило — генералъ Сухомлиновъ. Хотя и кончившій въ семидесятыхъ годахъ Военную Академію и украшенный Георгіевскимъ крестомъ въ Турецкую войну 1877—78 г.г., онъ представлялъ собою одну изъ наиболѣе печальныхъ фигуръ Русскаго генералитета. Легкомысленный, а главное — въ корнѣ природы своей — невѣжественный, онъ умѣлъ придавать своей дѣятельности видъ простоты, практичности и рѣшительности. Этого было достаточно, чтобы съ минуты своего вступленія въ ряды министровъ онъ началъ пользоваться исключительнымъ вліяніемъ. Столь же невѣжественный въ своемъ пониманіи государственной жизни, какъ и въ военномъ дѣлѣ, онъ вносилъ всюду режимъ личнаго произвола и фаворитизма. Это сейчасъ же отразилось на работахъ по составленію новаго Полевого Устава.

Въ 1907 г. побѣдительница Японія въ корнѣ переработала свой прежній полевой уставъ. Германія, Франція, Австро-Венгрія, Великобританія слѣдуютъ ея примѣру и къ 1909 году имѣютъ новые полевые уставы. Только въ Россіи комиссіи разрабатывали проэкты, которые все не могли получить одобреніе всесильнаго военнаго министра. Одна изъ подобныхъ комиссій была составлена въ декабрѣ 1911 г. изъ шести профессоровъ нашей Военной Академіи, считавшихся заразившимися «новаторскимъ» духомъ. Порученіе, данное имъ, носило скорѣе характеръ испытанія въ «тактической благонадежности», причемъ Сухомлиновъ предусмотрительно ограничилъ срокъ ихъ работы двумя недѣлями. Тѣмъ не менѣе эта комиссія, исполнила это требованіе, но представленный ею проэктъ вызвалъ гнѣвъ Сухомлинова. Это недовольство Сухомлинова вскрыло передъ всѣми истинную причину невозможности составить Полевой Уставъ, отвѣчающій опыту послѣдней Русско-Японской войны. Дѣло въ томъ, что хотя авторомъ Русскаго Полевого Устава 1904 г. офиціально считался генералъ Драгоміровъ, но ближайшимъ сотрудникомъ послѣдняго былъ ген. Сухомлиновъ, втайнѣ считавшій себя истиннымъ авторомъ этого произведенія. Всякій новый проектъ Полевого Устава, отвѣчающій требованіямъ современности, долженъ былъ рѣзко расходиться съ устарѣлыми идеями Устава 1904 г. Это оскорбляло самолюбіе Сухомлинова, отставшаго отъ всякой научной мысли и даже хваставшаго во

время одного изъ своихъ посѣщеній Академіи тѣмъ, что «вотъ уже двадцать пять лѣтъ какъ онъ не прочелъ ни одной военной книжки» и говорившаго, что одни только слова «современная война» выводятъ его изъ себя. Такимъ образомъ для составленія новаго полевого устава оставался лишь одинъ путь компромисса. Этотъ путь и былъ выбранъ Сухомлиновымъ. Онъ поручилъ составленіе окончательнаго проэкта Устава своему другу генералу Рузскому, бывшему впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ безталанныхъ Командующихъ и Главнокомандующихъ арміями. Въ помощь Рузскому онъ назначилъ одного изъ своихъ фаворитовъ полковника Бончъ-Бруевича, малограмотнаго въ военной наукѣ, но чрезвычайно охотно прислуживавшагося ко всякому «начальству». Такъ родился русскій Полевой Уставъ 1912 года, представлявшій собою не переработанный винегретъ старыхъ и новыхъ мыслей. Насиліе, продѣланное надъ наукой въ Полевомъ Уставѣ, потребовало отъ Сухомлинова и дальнѣйшихъ насилій въ области военной мысли. Нужно было оградить произведеніе Рузскаго и Бончъ-Бруевича отъ критики. Внѣшнимъ предлогомъ имъ была избрана совершенно ложно имъ трактуемая идея «единства доктрины»; для объясненія же въ верхахъ муссировался слухъ о существованіи въ Академіи тайной «младотурецкой» организаціи, стремящейся путемъ подрыва авторитета старшихъ генераловъ, въ особенности военнаго министра, подорвать существующій политическій строй. Военная Академія начала очищаться отъ крамольныхъ профессоровъ. Въ самой Академіи новымъ начальникомъ академіи генераломъ Янушкевичемъ запрещалось произнесеніе словъ «встрѣчный бой» и другихъ подобныхъ, считавшихся порожденіемъ «новой тактики». Даже указанія на то значеніе, которое пріобрѣтетъ въ полевыхъ бояхъ ближайшей войны тяжелая артиллерія, считалось не вполнѣ «благонадежнымъ» и изгоняемому въ числѣ «новаторовъ» лектору курса артиллеріи полковнику Гобято*) только въ виду его настойчиваго требованія разрѣшено было прочесть одну изъ его прощальныхъ лекцій на тему о будущей роли тяжелой артиллеріи въ полевомъ бою. Пользуясь своей властью, Сухомлиновъ началъ оказывать соотвѣтствующее давленіе на органы военной печати, призвавъ въ то-же время на помощь угодническіе передъ всякимъ начальствомъ перья г.г. Бончъ-Бруевичей, Заіончковскихъ и К-о. Русская военная наука начала хирѣть и къ счастью для Россіи, что все описываемое, происходило всего за полтора года до войны и потому не могло отразиться на самомъ ходѣ войны. Но изъ этого примѣра видно, что цвѣтъ военной науки представ-

*) Герой Портъ-Артура; въ 1915 году погибъ геройской смертью у Перемышля.

ляетъ собою растеніе, весьма чувствительное къ окружающимъ вліяніямъ; достаточно было дуновенія Сухомлиновскаго вѣтра, чтобы цвѣтокъ началъ чахнуть. Что же должно происходить въ душной обстановкѣ большевистскаго режима? Тщетно ожидать цвѣтовъ, ибо могутъ вырости только лопухи!

Одинъ изъ такихъ лопуховъ мы можемъ уже лицезрѣть — это Полевой Уставъ Красной Арміи. Если Уставъ 1912 года мы считали себя въ правѣ назвать винегретомъ новыхъ и старыхъ мыслей, то по отношенію Устава красной арміи подобный отзывъ былъ бы слишкомъ лестный. Это сплошной наборъ не переработанныхъ и не осознанныхъ идей; богатѣйшій опытъ 4-хъ лѣтней большой Европейской войны заслоненъ міровоззрѣніемъ гражданской борьбы, съузившимся въ рамки малой войны и усмиренія безоружнаго населенія. Полевой Уставъ красной арміи, выражаясь языкомъ Горькаго, представляетъ собою «планетарный» скандалъ. Смѣло можемъ сказать, что въ современныхъ условіяхъ войны, армія, имѣющая подобный уставъ, осуждена на безпросвѣтныя тактическія пораженія.

По установленной традиціи (въ томъ числѣ и раньше въ Россіи) на послѣдней страницѣ Устава приводится списокъ именъ всѣхъ участниковъ комиссіи, составлявшей уставъ. Слово «утверждается», надписанное на первой страницѣ подлежащей властью, превращаетъ уставъ въ официальную доктрину, но не снимаетъ моральной отвѣтственности составителей за проводимыя въ уставѣ идеи. Полевой Уставъ «Р. С. Ф. С. Р.» на послѣдней страницѣ (288) имѣетъ лишь одну подпись: «Предсѣдатель Революционого Военного Совета Республики и Народный Комиссар по военным делам Л. Троцкий». Составители Устава благоразумно скрыли свои имена. Эта небольшая деталь открываетъ многое. Она указываетъ на то, что въ области мысли угрозой разстрѣла можно заставить сдѣлать работу, но качество этого труда таково, что сами авторы будутъ его стыдиться.

Интересна и другая деталь. Единственно прилично составленныя главы краснаго полевого устава—глава XI (§§ 779—812) отдѣла V — трактуетъ объ уличномъ боѣ и отдѣлъ VI (§§ 821—836) — о партизанскихъ дѣйствіяхъ. Всѣ эти параграфы посвящены Русской гражданской войнѣ. Послѣдняя самими большевиками характеризуется тѣмъ, что приходится имѣть дѣло съ «неорганизованными, недисциплинированными, впечатлительными и легковѣрными массами» (§ 781), иначе говоря гражданская война въ отношеніи военнаго искусства представляетъ собою самую низкую стадію. Этимъ и объясняется возможность для большевиковъ осилить эту ступень военнаго развитія. Здѣсь они, олицетворяющіе собою разложеніе цивилизаціи, могутъ вполнѣ развернуть забытую было въ XIX вѣкѣ

жестокость первобытныхъ дикарей. Заложники, дѣйствія противъ безоружныхъ жителей, ихъ любимые пріемы и именуются «проявленіемъ энергіи и рѣшительности». Но въ настоящей войнѣ, когда приходится имѣть дѣло съ организованными войсками противника, одной жестокости недостаточно. Нужна наука, а ее то у большевиковъ и не можетъ быть.

Тлетворное вліяніе Сухомлинова на Русскую армію было парализовано одной могущественной внутренней силой. Въ самой Русской арміи, также какъ во всей Россіи послѣ неудачной Японской войны, кипѣла ключемъ новая жизнь. Въ распоряженіи толщи арміи находился только что пережитый богатый опытъ Японской войны, открывшій глаза большинства участниковъ на современные методы войны. Ея строевой составъ продолжаетъ дальнѣйшую работу, создавъ для парализованія Сухомлиновскаго духа мракобѣсія своего рода компромиссъ; формально уставъ выполнялся, фактически же на практикѣ готовились къ другому. Подобное ненормальное положеніе вещей не сказалось въ августѣ 1914 года, вслѣдствіе, какъ мы уже указывали, краткости Сухомлиновскаго вліянія, успѣвшаго задѣть лишь верхи науки, а также вслѣдствіе того, что во главѣ «практической» подготовки арміи сталъ Великій Князь Николай Николаевичъ. Ненавидящій его Сухомлиновъ былъ противъ него безсиленъ. Великій же Князь Николай Николаевичъ призвалъ къ себѣ на помощь всѣхъ начальниковъ, выдвинувшихся въ Русско-Японскую войну. Генералы — Лечицкій, Лешъ, Ивановъ, Даниловъ и многіе другіе, а также генералъ Алексѣевъ — способствовали Великому Князю превратить Красносельскій Лагерный сборъ въ своего рода практическую академію, въ которой двигалась дальнѣйшая разработка боевыхъ методовъ. Происшедшій разрывъ между теоріей и практикой восполнялся послѣдней своими средствами. Въ артиллеріи аналогичную роль сыграло просвѣщенное руководство Великаго Князя Сергія Михаиловича.

Такимъ образомъ поднявшійся послѣ опыта Русско-Японской войны уровень средняго и младшаго начальника парализовалъ вредное вліяніе Сухомлинова.

То же высокое состояніе «среды начальниковъ» сдѣлало возможнымъ Фошу и Петэну достигнуть того, чего они добивались. Идеи Петэна, какъ всякія новыя идеи, встрѣчали протесты, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ попадали въ среду, которая всетаки способна была ихъ воспринять. Какъ ни велико значеніе индивидуальности въ явленіяхъ войны, но она такъ же, какъ и вездѣ, дѣйствуетъ не въ безвоздушной средѣ. «Непонятой»-ей не суждено привести къ большимъ достиженіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и сама возможность выдвиженія впередъ соотвѣтствующихъ начальниковъ во многомъ обусловливается состояніемъ

«среды», въ которой они призваны творить. Для того, чтобы во Франціи могли выдвинуться такіе полководцы какъ Фошъ, Петэнъ и другіе изъ ихъ плеяды, должны были существовать соотвѣтствующія условія. Появленіе ихъ не есть случайность. Не обращаетъ ли на себя вниманіе слѣдующій фактъ? И Фошъ, и Петэнъ, оба они профессора военной академіи и одной и той же «научной школы». При этомъ «школа», къ которой они принадлежали, не была въ фаворѣ передъ войной и въ началѣ войны у власть имущихъ. Послѣдніе поставили съ 1911 года во главѣ Французской арміи генерала Жоффра, за спиной котораго выдвигалось входившее тогда въ моду въ кругахъ молодого Генеральнаго Штаба теченіе «наступленіе во что бы то ни стало. Генералъ Фошъ и Петэнъ съ болѣе глубокими воззрѣніями на военное искусство считались устарѣлыми. Но опытъ войны заставилъ вернуться къ ихъ «школѣ»; и положительная сторона условій, существовавшихъ во Франціи и заключается въ томъ, что подобное возвращеніе было возможно. Постороннія военному дѣлу вліянія всегда и вездѣ существуютъ, но необходимо, чтобы они не заглушали истинныхъ требованій жизни. Это достижимо лишь при условіи, если жизнь не втискивается въ Прокрустово ложе, какъ это происходитъ при всякаго рода деспотическихъ режимахъ.

Но повѣримъ въ чудо. Допустимъ, что появится «Красный Бонапартъ». Посмотримъ въ какой средѣ вынужденъ онъ будетъ творить.

Въ приведенной ниже таблицѣ указанъ составъ «краснаго комсостава» по степени его спеціальной подготовки.

1. Офицеры *не* прошедшіе военныя школы	45%
2. Офицеры прошедшіе «красные военные курсы» .	15%
3. Унтеръ-офицеры старой Русской Арміи . . .	13%
4. Офицеры старой Русской Арміи воен. времени .	22%
5. *Кадровые* офицеры старой Русской Арміи . . .	5%
	100%

Первая категорія краснаго комсостава — это тѣ «первые воины» Совѣтской власти, которые произвели большевистскій переворотъ. Въ гражданской войнѣ они «захватили» или заслужили свое офицерское званіе. Военная цѣнность ихъ не только не равна нулю, но представляетъ собой большую отрицательную величину, ибо несмотря на ихъ чрезвычайное невѣжество, это они призваны давать тонъ «Классовой арміи» Бронштейна.

Вторая категорія — это бывшіе курсанты; нужно помнить, что первые «Красные курсы» по существу не подготовляли офицеровъ, а «пекли» ихъ. Обученіе на этихъ курсахъ велось совершенно не подготовленными къ тому людьми. Этимъ объ-

ясняется, что одно время функціонировало 190 курсовъ, чѣмъ Бронштейнъ очень хвастался. Что стоятъ офицеры-ученики этихъ курсовъ я приведу оцѣнку одного изъ совѣтскихъ «полководцевъ» Фрунзе: «Военныя школы для подготовки красныхъ командировъ себя не оправдали и новые начальники едва удовлетворяютъ самымъ низкимъ требованіямъ, значительно уступая старымъ унтеръ-офицерамъ, какъ въ отношеніи общей подготовки, такъ и въ отношеніи спеціальныхъ знаній».

Третья категорія — въ настоящей арміи могла бы служить только унтеръ-офицерами.

Четвертая категорія — составляетъ ту массу офицерства, которую призываетъ во время современной войны каждое государство. Всѣ государства и заняты въ настоящее время вопросами о наибольшей подготовкѣ этого рода офицерства, но вмѣстѣ съ этимъ вездѣ совершенно опредѣленно учитывается, что хорошая работа офицеровъ военнаго времени возможна лишь при наличіи прочнаго и многочисленнаго остова изъ кадроваго офицерства, т. е. офицеровъ профессіоналовъ. Офицерство съ ускоренной подготовкой военнаго времени не въ состояніи быть активными участниками совершенствованія арміи; они могутъ быть лишь хорошими исполнителями, разработанной профессіоналами, доктрины.

Наконецъ, *пятая* категорія — это и есть офицеры профессіоналы старой Русской Арміи. По отношенію ко всему наличному офицерскому составу красной арміи они составляютъ по расчету большевиковъ 5%. Но если принять во вниманіе, что некомплектъ «краснаго комсостава» превышаетъ 50%, что ежегодная убыль въ этой категоріи офицерства не можетъ пополняться, можно считать, что въ дѣйствительности количество кадроваго офицерства не многимъ болѣе 2% штатной потребности Красной Арміи.

Нарисованная картина становится еще мрачнѣе, если вспомнить тѣ моральныя условія, въ которыхъ приходится работать указаннымъ выше 4-ой и 5-ой категоріи офицеровъ.

Прежде всего нужно вспомнить, что большевики «прорѣдили» ихъ, указывая сами, что они разстрѣляли 54.650 бывшихъ офицеровъ. Надо ли при этомъ указывать, что это какъ разъ были лучшіе офицеры старой Русской Арміи?

Пошедшіе служить въ Красную Армію офицеры могутъ быть въ свою очередь подраздѣлены на шесть группъ.

Первая группа — наиболѣе развитая съ наибольшимъ процентомъ офицеровъ Генеральнаго Штаба — добровольно пошедшая въ красные войска въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ 1918 г. Большинство изъ нихъ шло во имя идеи — дать отпоръ нѣмцамъ во что бы то ни стало. Эти офицеры шли на вольнонаемныхъ

условіяхъ. Многіе изъ нихъ ставили непремѣннымъ условіемъ отправленіемъ на фронтъ противъ наступавшихъ нѣмцевъ и неупотребленіе частей, въ которыхъ они служили, для гражданской войны. Условія эти были большевиками приняты, но, конечно, съ цѣлью обмана. Уже въ маѣ 1918 г. всѣ офицеры, ставившіе такія условія, были взяты на особый учетъ Чека и посланы на внутренніе фронты, и такимъ образомъ были поставлены передъ необходимостью идти противъ тѣхъ, на кого у нихъ не поднималась рука. Многіе изъ нихъ поплатились головой (какъ, напр., одинъ изъ талантливѣйшихъ офицеровъ Русскаго Генеральнаго Штаба полковникъ Люндеквистъ), нѣкоторые покончили самоубійствомъ (какъ, напр., одинъ изъ лучшихъ нашихъ генераловъ — Селивачевъ). Изъ этой группы много офицеровъ, при первой къ тому возможности, бѣжало въ арміи Деникина и Колчака.

Вторая группа офицеровъ состояла изъ людей слабыхъ волей и не устоявшихъ подъ давленіемъ тяжести условій общественной или семейной жизни. Эти люди были принуждены поступить въ красную армію голодомъ, нищетой и страхомъ преслѣдованія. Къ этой же категоріи нужно отнести и лицъ, обремененныхъ большими семействами и не имѣвшихъ возможности бѣжать изъ подъ ига большевиковъ изъ за невозможности вывести семью и изъ боязни, что, въ случаѣ бѣгства главы семьи, отвѣтитъ передъ большевиками семья.

Третья группа — офицеры, поступившіе въ Красную армію для того, чтобы подготовлять въ ея средѣ разложеніе и возстанія. Это все герои, которые отвѣчали головой при неудачѣ и огромное число среди нихъ погибло за идею спасенія народа.

Четвертая группа — офицеры «выжидающіе», трусливо ждавшіе: чья возьметъ . . .

Пятая группа — офицеры, идейно вошедшіе въ орбиту большевизма. Среди нихъ главную массу составляли не старые кадровые офицеры, а офицеры военнаго времени. Изъ кадровыхъ это были безпринципные карьеристы, видѣвшіе въ «мутной водѣ» гражданской войны болѣе удобныя условія для быстраго выдвиженія впередъ, чѣмъ обстановка большой войны, въ которой большинство изъ нихъ не преуспѣвало.

Шестая группа — офицеры, служащіе въ красной арміи изъ желанія содѣйствовать образованію военной силы Россіи. Они не связаны съ большевиками никакими идейными принципами, наоборотъ — они противъ нихъ, но вѣря въ ихъ неизбѣжный крахъ въ ближайшемъ, — работаютъ по укрѣпленію военной мощи Россіи, дабы не отдать свою Родину на расхищеніе иностранцамъ — въ особенности въ критическій періодъ новой

революціи. Эта группа увеличилась по мѣрѣ гибели бѣлыхъ фронтовъ. Она представляетъ собой тотъ элементъ, который будетъ содѣйствовать процессу перерожденія красной арміи въ Россійскую.

Изъ изложеннаго выше видно, что ни вторая, ни четвертая группа не могутъ представить собою благопріятную почву для совершенствованія арміи. Во всѣ времена подобные элеманты составляли мертвый грузъ, удерживающій армію въ рутинѣ. Пятая группа, хотя и представляетъ собою болѣе активный элементъ, но это въ полномъ смыслѣ продуктъ гражданской войны; въ будущую большую войну они могутъ внести лишь духъ авантюры, и армія заплатитъ за ихъ присутствіе дорогой цѣной крови и пораженій.. Остается лишь первая, третья и шестая группы. Ни къ одной изъ нихъ большевики не могутъ питать довѣрія. Вслѣдствіе этого въ красной арміи создалось сразу столь ненормальное положеніе, когда командный составъ, на которомъ лежитъ долгъ вести своихъ подчиненныхъ въ бой, превращался въ своего рода чиновниковъ-спецовъ, за которыми постоянно должно было слѣдить зоркое око комиссара. При подобныхъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о дальнѣйшемъ совершенствованіи командаго состава до высоты требованій современной войны, когда ставится на первое мѣсто гражданское мужество и частная инициатива всѣхъ начальниковъ. Не въ атмосферѣ произвола и деспотіи развиваются эти качества!

Ненормальное положеніе, конечно, создавалось большевиками и терпятъ они бывшихъ офицеровъ лишь какъ неизбѣжное зло. Они напрягаютъ всѣ усилія, чтобы создать свое красное офицерство. «Перестройка арміи на принципѣ единоначалія, согласно заявленію Смилги, началась еще въ началѣ 1920 года». По заявленію Бронштейна: «Коммунистъ-комиссаръ долженъ былъ умереть, чтобы воскреснуть въ новой высшей формаціи — коммуниста-командира». Въ одномъ изъ своихъ докладовъ въ 1920 г. онъ говоритъ: «Образованіе сплоченнаго краснаго командного состава обезпечиваетъ намъ возможность постепеннаго перехода къ единоначалію, — ибо, конечно, комбинація изъ командира и одного или двухъ комиссаровъ, — комбинація, надъ которою въ свое время подшучивали представители оппозиціи,—не является идеальной и вѣчной въ военномъ дѣлѣ. Наоборотъ, — военное дѣло требуетъ въ лицѣ командира единства военнаго, а равно и политическаго, и моральнаго авторитета . . . »

Каковы же результаты послѣднихъ усилій большевиковъ для созданія вѣрнаго имъ «краснаго комсостава»?

Въ серединѣ мая 1922 года въ совѣтской Россіи имѣлись слѣдующія высшія военно-учебныя заведенія: Академія Гене-

ральнаго Штаба, Артиллерійская, Инженерная, Электро-техническая и Военно-хозяйственная Академіи. До послѣдняго времени правомъ поступленія въ академіи пользовались одни коммунисты. Теперь же, вслѣдствіе некомплекта въ академіяхъ и низкаго уровня образованія коммунистовъ, поступившихъ въ академіи, пришлось сдѣлать уступку и принимать наравнѣ съ коммунистами также и такъ называемыхъ «безпартійныхъ». Такую же уступку приходится дѣлать большевикамъ и для поступающихъ въ военныя школы, несмотря на то, что къ іюню 1922 г. было ликвидировано 36 подобныхъ школъ. Курсанты всѣхъ родовъ войскъ представляли до послѣдняго времени надежную опору совѣтской власти. Теперь же, когда разрѣшенъ свободный доступъ въ военныя школы некоммунистамъ, курсанты начинаютъ «бѣлѣть». Въ итогѣ теперь можно опредѣленно сказать, что большевикамъ не удалось разрѣшить задачу «перестройки арміи на принципѣ единоначалія».

Интересно еще разъ бросить взглядъ на качество спеціальной подготовки, которая дается въ красныхъ академіяхъ и школахъ. Это лучше всего обрисовывается изъ результатовъ военной игры, организованной въ Москвѣ съ 23-го по 28 декабря 1921 г., въ которой участвовали начальники нѣсколькихъ военно-учебныхъ округовъ, ихъ ближайшіе помощники и нѣкоторые изъ начальниковъ школъ. Ходъ игры показалъ полную несостоятельность «комсостава» красныхъ военно-учебныхъ заведеній къ веденію большой войны. Невѣжество участвующихъ въ игрѣ оказалось столь безнадежнымъ, что «очень часто», какъ говорится въ разрѣшенномъ къ опубликованію отчетѣ объ этой игрѣ, «далеко немногочисленнымъ руководителямъ и посредникамъ приходилось давать объясненія, почти лекціи . . . » «По мѣрѣ хода игры выяснились и нѣкоторые организаціонные недостатки (?), изъ которыхъ главнымъ образомъ пришлось признать слабую подготовленность «начснабов», требовавшихъ не веденія съ ними игры, а простѣйшаго руководства и указанія имъ того, что слѣдуетъ дѣлать, а также полный (!) недостатокъ руководителей для бригадъ, необходимыхъ для того, чтобы въ послѣдовательномъ развитіи игры управленія бригадъ могли пополнить и расширить свои часто недостаточныя познанія. Въ очень мягкихъ выраженіяхъ это—расписка въ полномъ невѣжествѣ лицъ, которыя призваны обучать будущій «красный комсоставъ». И это въ Москвѣ! Какова же картина въ другихъ городахъ! Здѣсь выявляетъ свою силу общій законъ: являясь продуктомъ соціальнаго разложенія, большевики не способны ни къ какой созидательной работѣ.

4.

Большевистскіе деспоты ведутъ Россію къ смерти. Сейчасъ ихъ хозяйничаніе уже привело къ такому хозяйственному кризису, который трудно было даже мысленно допустить. Но, несмотря на всю мрачность окружающей насъ картины, сердце каждаго русскаго не можетъ примириться съ мыслью о безвозвратной гибели Родины. Вѣрится въ ея Воскресеніе. И вотъ, объ этой воскресшей Россіи хочется сказать нѣсколько словъ въ концѣ настоящей главы.

Тяжкимъ будетъ наслѣдство, которое получитъ наша Родина, возставшая съ одра перенесенной ужасной соціальной болѣзни: нищета, голодъ, всеобщее разрушеніе. Потребность въ капиталѣ и въ то же время беззащитность, могутъ сдѣлать изъ Россіи легкую добычу для эксплоатаціи иностранцевъ и уподобить ея судьбу — судьбѣ другой великой континентальной державы — Китаю. Потребуется напряженнѣйшая работа во всѣхъ областяхъ, чтобы вывести Россію изъ того тупика, въ который завелъ ее III Интернаціоналъ. Составною частью этой работы неизбѣжно явится возстановленіе русской военной мощи. Не для нападенія на сосѣдей, и не для какихъ либо агрессивныхъ намѣреній нужна будетъ эта работа; она нужна будетъ для того, чтобы сохранить за собою элементарное право на независимое существованіе.

Освобожденіе Россіи изъ подъ ига III-го Интернаціонала можетъ произойти лишь подъ натискомъ выросшаго національнаго чувства. Побѣда надъ большевиками еще болѣе обостритъ это чувство и, въ ближайшій періодъ послѣ сверженія ига, несомнѣннымъ спутникомъ національнаго чувства явится ксенофобія *).

Вотъ противъ этой крайности, въ особенности въ области военной, и хотѣлось бы предостеречь. Военное дѣло является наиболѣе «интернаціональнымъ», чѣмъ какое-либо другое. Пораженіе, наносимое ружьемъ, пулеметомъ, пушкой, не зависитъ отъ національности арміи стрѣляющей и національности войскъ поражаемыхъ. Аэропланъ, рожденный французскимъ геніемъ, оказался столь же необходимымъ средствомъ борьбы въ германской арміи, какъ и во французской. Эволюція военнаго искусства идетъ общимъ для всего міра путемъ. *Для того, чтобы обезпечитъ за собою побѣду, нужно идти по этому пути.*

Мы останавливаемъ вниманіе читателя на этой, казалось бы, элементарной истинѣ, ибо считаемъ, что нежеланіе учитывать общеміровую эволюцію военнаго искусства, являлось однимъ изъ слабыхъ мѣстъ прежней русской военной науки. Вѣ-

*) Ненависть ко всему иностранному.

ра во врожденную непобѣдимость и въ особые пути развитія русскаго военнаго искусства, являлась чрезвычайно удобнымъ и красивымъ предлогомъ для самоуспокоенія; пусть матеріалистическій Западъ нервно торопится усовершенствовать свою технику — мы можемъ спокойно сидѣть, сложа руки — вотъ идеологія той рутины, къ которой, къ сожалѣнію, очень склоненъ пассивный русскій характеръ. Отсюда любовь, которая была замѣтна въ русской военной наукѣ, уносится въ заоблачныя высоты для отысканія «неизмѣнныхъ принциповъ военнаго искусства» и пренебреженіе къ «западной техникѣ». А, между тѣмъ, мы видѣли изъ всего предыдущаго изложенія, насколько современная война становится все болѣе и болѣе технической.

Первый періодъ возстановленія вооруженной силы Россіи чреватъ и другой, хотя и аналогичный, опасностью. Опытъ гражданской войны можетъ заслонить собою опытъ большой войны. Между тѣмъ, цѣнность этихъ опытовъ далеко не одинакова. Болѣе того, я принимаю на себя смѣлость утверждать, что опытъ нашей гражданской войны можетъ имѣть отрицательное вліяніе. Условія, въ которыхъ протекали въ ней боевыя дѣйствія, совершенно отличны отъ условій международной войны.

Созиданіе вооруженной мощи будущей Россіи должно быть построено на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Тщательное изученіе «Западной техники» и опыта минувшей войны; въ особенности же кампаніи 1918 г. на французскомъ фронтѣ. Послѣдняя представляетъ собою новѣйшія стадіи эволюціи военнаго искусства.

2. Возсозданіе Россійской вооруженной силы должно происходить на основаніи научно разработанной «программы»; всякія случайныя, торопливыя, отдѣльныя мѣропріятія поведутъ только къ непроизводительной тратѣ оскудѣвшаго народнаго достоянія и вмѣстѣ съ тѣмъ легко могутъ отклонить общее развитіе Россійской вооруженной силы съ пути «общеміровой» эволюціи.

3. Пацифистскіе русскіе общественные круги должны проникнуться идеей, что энергичная работа по возсозданію вооруженной силы Россіи не есть «милитаризмъ», а вызывается здоровымъ инстинктомъ національнаго самосохраненія; шовинистическіе же русскіе круги должны понять, что работа этого возстановленія чрезвычайно велика. Большевики разрушили не только экономическую жизнь страны, они разрушили и народную вооруженную силу. Возстановленіе же народной вооруженной силы требуетъ для Россіи долгаго періода мира, который придется, можетъ быть, покупать цѣной національнаго униженія.

Н. Головинъ.

НОВОЕ УСТРОЙСТВО ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ. *)

(По даннымъ къ 1 августа 1922 г.)

Въ Европѣ сильно пахнетъ гарью плохо затушеннаго міроваго пожара. Искры тлѣютъ въ разныхъ углахъ стараго материка и кое-гдѣ готовы вспыхнуть опять и пламенемъ новой войны объять съ трудомъ воздвигаемый остовъ измѣненнаго международнаго порядка. Мерещится туманный контуръ будущихъ европейскихъ соединенныхъ штатовъ, зароненный мечтательной рукой *Вильсона* въ формѣ Лиги Націй съ зародышемъ всеевропейскаго правительства въ Женевѣ. Но дымъ залитаго пожара мѣшаетъ приняться за сооруженіе будущей Европы, и пока главныя усилія устремлены къ предотвращенію возобновленія огня и къ парализованію тлѣющихъ очаговъ борьбы. Происходитъ коллизія двухъ началъ. Съ одной стороны, разоруженіе государствъ и первая ступень его — ограниченіе вооруженныхъ силъ наименьшимъ предѣломъ. Этому вопросу была посвящена Вашингтонская конференція въ ноябрѣ прошлаго года, созванная преемникомъ Вильсона, Президентомъ *Хардингомъ*, для закладки фундамента будущаго устройства Европы. Конференція потерпѣла фіаско. Въ Генуѣ была повторена попытка уже скромнѣе, по предложенію Ллойдъ-Джорджа, но и тамъ все ограничилось лишнимъ письменнымъ соглашеніемъ, имѣющимъ цѣну не болѣе пресловутыхъ — «клочковъ бумаги». Съ другой стороны — необходимость реальныхъ мѣръ по страховкѣ народовъ отъ возможности новой катастрофы, которая окончательно смела бы старую культуру.

Таковы два борющихся начала. Во время Версальской мирной конференціи, подъ вліяніемъ идей Вильсона, дѣятели ея носились съ мыслью создать въ Европѣ *международную* постоянную военную силу въ распоряженіе Совѣта Лиги Націй. Была образована особая военная подкомиссія, подъ предсѣда-

*) Перепечатка этой статьи воспрещается на основаніи закона о литературной собственности.

тельствомъ Думэра, для разработки такой организаціи. Означенная подкомиссія предполагала, что державы-побѣдительницы, т. е. Англія, Соединенные Штаты, Франція, Италія, Бельгія, выставятъ, каждая, одну или двѣ дивизіи военнаго состава, снабженныя новѣйшей матеріальной частью. Эти дивизіи должны были оставаться въ полной боевой готовности на своей территоріи и по первой надобности перебрасываться туда, гдѣ нужно поддержать силою авторитетъ Совѣта Лиги Націй. Американскія дивизіи составили бы резервъ такой международной Арміи.

Однако уже сама подкомиссія натолкнулась на трудно разрѣшимыя, практически, подробности командованія и всей техники управленія этой Арміи. А вскорѣ вопросъ и совсѣмъ заглохъ, когда выяснилась насогласованность взглядовъ на организацію самой Лиги Націй, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ отвергнутой Америкой.

Если бы мысль объ интернаціональной арміи осуществилась, можно было бы признать, до нѣкоторой степени, возможность практически приступить къ частичному разоруженію европейскихъ государствъ.

Въ дѣйствительности, всѣ государства послѣ войны остались съ тѣми же убѣжденіями и взглядами на защиту своей безопасности, какъ и до 1914 г. Разница только въ томъ, что нынѣ въ основу международнаго порядка въ Европѣ положенъ Версальскій договоръ, ограничивающій права побѣжденныхъ въ отношеніи вооруженія.

Болѣе всѣхъ, Франція озабочена обезпеченіемъ своей безопасности. Тяжело доставшаяся побѣда, дважды испытанное, въ теченіе жизни одного поколѣнія, нашествіе врага и вѣроятность окончательнаго крушенія націи при новомъ повтореніи подобнаго вторженія — заставляютъ Францію особенно недовѣрчиво относиться къ гуманнымъ идеаламъ заатлантическихъ друзей. Поэтому правительство республики очень чутко отнеслось къ своему положенію среди европейскаго пожарища и, охотно участвуя въ политическихъ конференціяхъ объ устройствѣ судебъ Европы и даже — цѣлаго міра, въ дѣлѣ безопасности своей страны пошло своимъ самостоятельнымъ путемъ, подсказаннымъ недавними испытаніями и великимъ опытомъ войны.

Результатъ заботъ о національной оборонѣ вылился въ рядъ военныхъ законопроэктовъ, которые внесены въ Палату Депутатовъ и, въ цѣломъ, представляютъ *стройное разрѣшеніе военной проблемы въ современномъ государствѣ.*

Переустройство Французской Арміи поучительно по многимъ причинамъ.

Въ политическомъ отношеніи, французская армія призвана, въ силу своей гегемоніи на континентѣ, выполнять тѣ за-

дачи, которыя предполагалось возложить на упомянутую выше международную армію. Она представляетъ самый реальный факторъ обезпеченія установленнаго порядка въ Европѣ. Вмѣстѣ съ арміями своихъ союзниковъ и государствъ Малой Антанты, включая и Польшу, французская армія образуетъ скелетъ тѣхъ вооруженныхъ силъ, которыя встанутъ, если понадобится, для защиты въ Европѣ порядка, добытаго міровой войной, противъ силъ тѣхъ государствъ, которыя такимъ порядкомъ недовольны.

Въ военномъ смыслѣ на французской арміи весьма поучительно выяснить, какъ сказался боевой опытъ міровой войны на устройствѣ вооруженныхъ силъ государства. Весь міръ долго жилъ подъ гипнозомъ германскаго военнаго превосходства. Оттуда преимущественно черпались образцы, приглашались спеціалисты-инструктора, заимствовались принципы военной доктрины. Теперь штемпель «made of Germany» мѣняется на французскій. Нужно внимательно присмотрѣться и прислушаться къ побѣдителямъ на Рейнѣ. Въ чемъ же секретъ ихъ побѣды? Каковы послѣднія формы эволюціи военнаго искусства и особенно — у той арміи, которая подарила міру Тюренна и «величайшаго изъ полководцевъ всѣхъ временъ» Бонапарта Наполеона.

Неисчерпаемый источникъ боевого и государственнаго опыта, какимъ стала послѣдняя война, укрѣпилъ все важное значеніе для благополучія государства сильной, во всѣхъ смыслахъ, арміи. Армія есть его становой хребетъ. Чтобы государство могло обезпечить своимъ гражданамъ сносное существованіе, его армія должна быть устроена на основаніи новѣйшихъ данныхъ военнаго искусства. Въ такой организаціи ея одинаково заинтересовано все общество, и поэтому необходимо, чтобы интересъ къ арміи проявлялся всѣмъ образованнымъ обществомъ, а не былъ бы только удѣломъ однихъ военныхъ спеціалистовъ. Болѣе чѣмъ когда-либо вѣрно изреченіе, что «между выиграннымъ и проиграннымъ сраженіями лежатъ имперіи», т. е., что отъ побѣды и пораженія зависитъ судьба государства...

I

На другой день по заключеніи мира Франція оказалась въ положеніи побѣдителя по окончаніи битвы. Оба врага одинаково изнеможены, обезсилены, изнурены и жаждутъ перерыва, чтобы «подсчитать свои раны», пополнить запасы и быть готовыми схватиться вновь. Обѣ стороны одинаково разстроены; вся суть въ настроеніи: у побѣдителя — духъ высокъ и внушаетъ ему приливъ новой энергіи; у побѣжденнаго энергія пала, и онъ отдается на волю своего врага. Поле чести осталось за Фран-

ціей, но страна была обезкровлена, ея лучшихъ 10 сѣверо-восточныхъ департаментовъ обращены въ пустыню, финансы разстроены. Вотъ нѣсколько цыфръ: 1.364.000 убит., 740.000 инвалидовъ отъ ранъ, сверхъ того, 430.000 попавшихъ въ плѣнъ; всего же раненыхъ 3.000.000. Потеряно 85% источниковъ металлургіи; разрушено 594.000 жил. домовъ, 20.000 фабр., 5.000 клм. ж. д.; произведено опустошеніе раіона, который вырабатывалъ шерстяныхъ издѣлій 94% всего количества во Франціи; стали 80%, сахару 70%, шелковыхъ издѣлій 60%, угля 55% выплачивалъ налоговъ — 18,5%. Ея нынѣшній долгъ выросъ съ 35 милліард. до 221 милліарда фр. *). По послѣдней переписи *передъ войной*, въ 1911 г., общее количество населенія Франціи исчислялось въ 39.604.992 человѣка; по переписи 6 марта 1921 года населеніе ея выражается цыфрою 39.209.766 человѣкъ; это количество исчислено вмѣстѣ съ населеніемъ возвращенныхъ 3-хъ департаментовъ Эльзасъ-Лотарингіи, на которые приходится 1.109.149 жит. Населеніе 87 департаментовъ, составлявшихъ Францію до войны, уменьшилось на 2.104.975 чел. сравнительно съ 1911 годомъ. Если добавить 192.973 чел., которые, въ качествѣ военно-служащихъ, находились внѣ предѣловъ Франціи, въ колоніяхъ и въ плаваніи, то окончательная цифра населенія Франціи годъ тому назадъ была въ 39.402.739 человѣкъ.

Таковы грозные результаты войны для Франціи, несмотря на торжество побѣды.

Съ другой стороны, не менѣе *зловѣщіе признаки германскаго реванша*. Онъ кошмаромъ стоитъ передъ Франціей. Особенно подчеркивается нежеланіе Германіи разоружиться *морально*. Версальскій договоръ почти уничтожилъ сильную нѣмецкую армію, уничтожилъ матеріальныя средства для возобновленія борьбы, но онъ не могъ уничтожить духа нѣмецкой вражды; наоборотъ, примѣненіе договора возбуждаетъ ее. Повторяется буквально исторія первыхъ лѣтъ XIX вѣка. Послѣ Іены и Ауэрштедта въ 1806 году Наполеонъ вошелъ въ Берлинъ, и Пруссія Фридриха II была кончена, ея территорія сократилась вдвое, а армія была сведена къ 40 тысячамъ. Наполеона упрекали, почему онъ не лишилъ Пруссію права конскрипціи, ежегодныхъ наборовъ. Черезъ 7 лѣтъ Прусская армія возродилась, и геній Наполеона гибнетъ подъ Ватерлоо отъ тѣхъ же пруссаковъ, подъ начальствомъ Блюхера.

*) Вѣсъ одного милліарда франковъ золота равняется нѣсколько болѣе 300.000 килогр.; для его перевозки нуженъ поѣздъ въ 35 вагоновъ, при условіи если каждый вагонъ поднимаетъ грузъ не менѣе 8000 килогр. т. е. около 500 пудовъ.

Теперь союзники дальновидно обязали Германію имѣть армію только въ сто тысячъ, изъ волонтеровъ за плату — на срокъ не менѣе 12 лѣтъ.

Матеріальныя средства Германіи парализованы, но въ странѣ такой развитой техники, ихъ возрожденіе не можетъ встрѣтить непреодолимыхъ препятствій. Каждая война выдвигаетъ какой-либо новый матеріальный факторъ побѣды. Въ минувшую войну такихъ сразу явилось нѣсколько. Въ будущемъ вырисовывается все огромное значеніе авіаціи, и, вѣроятно, обнаружится важная роль ядовитыхъ газовъ. Возможны и новыя открытія въ области военной техники, какъ, напримѣръ, производство взрывовъ воздушными электрическими волнами на дальнія разстоянія.

По ходячему выраженію французовъ, война для нѣмцевъ остается ихъ l'industrie nationale, ихъ національнымъ ремесломъ.

Вотъ сжатая характеристика теперешняго состоянія Германіи *во французскомъ представленіи*, какъ изобразилъ бывшій военный министръ Андре Лефевръ въ Палатѣ Депутатовъ 22 іюля с. г. при обсужденіи военнаго законопроекта.

«Это Германія-то ослабленная, разрушенная, разоруженная? Какое заблужденіе! Приростъ ея населенія таковъ, что оно уже достигло численности 1914 года. Ея фабрики изобилуютъ заказами; она уже успѣла возстановить свой коммерческій флотъ. Недавно ею былъ поднятъ вопросъ о международномъ займѣ для репарацій; но этотъ заемъ фактически ею полученъ: уже давно Германія вывезла предметы своей промышленности, заготовленные ею еще во время войны. Она вывезла заграницу бумажныхъ денегъ на 40—45 милліардовъ золота, а такъ какъ война ей обошлась въ 60 милліардовъ марокъ, то въ результатѣ Германія, не платя намъ, уже другихъ заставила оплатить свои военные расходы.

«Германія уже успѣла возстановить свои военные матеріалы, свои склады; она купила въ прошломъ году стали болѣе, чѣмъ обыкновенно; купила никель, вольфрамъ, марганецъ; пріобрѣла 250.000 тоннъ мѣди — наибольшее количество, какое когда-либо Германія покупала. Мы стоимъ передъ страною, которая возстановила свои продовольственные запасы. Оспаривая требованія комиссіи генерала Nollet объ уничтоженіи военныхъ матеріаловъ, Германія пользуется уничтоженіемъ для укрывательства ихъ. Орудія, напримѣръ, не уничтожаются цѣликомъ, и фабрикація ихъ такова, что въ сломанномъ орудіи остаются всегда цѣлыми всѣ части, которыя желательно сохранить.

«Такое же укрывательство въ отношеніи личнаго состава. Въ рейхсверѣ вмѣсто 100.000 имѣется на-лицо 250.000, изъ

коихъ половина составляетъ штатный кадръ, а другая половина вкраплена въ населеніе.

«Германія возстанавливаетъ свои силы съ цѣлью реванша; точныя свѣдѣнія подтверждаютъ о томъ каждый день. Тайные склады оружія, резервисты, призываемые вопреки закона для повторительнаго обученія; общества ветерановъ; сохраненіе призывныхъ учрежденій подъ предлогомъ неоконченныхъ расчетовъ пенсій и отставокъ. Жизнь Германской арміи возобновилась въ солдатскихъ и офицерскихъ обществахъ прежней имперской арміи. Всѣ эти общества собираются ежемѣсячно одинъ или два раза; они объединяются и поддерживаютъ среди своихъ членовъ духъ реванша и ненависти къ побѣдителю. Они составляютъ армію, которую напрасно считать разрушенной и которая вполнѣ достаточна и сильна, чтобы въ нужную минуту стать арміей прикрытія . . . »

При такихъ условіяхъ пришлось разрѣшить вопросъ о томъ, *какая же армія нынѣ*, послѣ одержанной побѣды и Версальскаго договора, *нужна Франціи?*

Когда какъ не послѣ счастливо оконченной войны, послѣ возвращенія отторгнутыхъ провинцій, при всемъ томъ изнуреніи, какое испытываетъ страна, не облегчить населеніе отъ бремени военныхъ тяготъ? Не время ли подумать о замѣнѣ системы постоянной арміи *новою системою милиціоннаго устройства* вооруженныхъ силъ республики? Тѣмъ болѣе, что самъ опытъ міровой войны наводитъ на мысль о милиціи.

Грандіозность развернувшейся борьбы, и по размѣру участвовавшихъ массъ, и по своей продолжительности, совершенно поглотила тѣ постоянныя арміи, которыя были въ Европѣ до войны. Къ концу войны въ 1918 году, много ли въ рядахъ бойцовъ оставалось профессіональныхъ воиновъ, которые избрали военную службу своею карьерою? Если не считать различныя вспомогательныя службы, то строевыхъ, въ главномъ родѣ войскъ, въ пѣхотѣ, были только отдѣльные единицы. *Постоянная армія растворилась въ вооруженномъ народѣ.* На міровую сцену вышли арміи двухъ націй, которыя имѣли до войны ничтожные постоянные кадры: арміи великобританская и американская. Въ августѣ 1914 года великобританскія силы достигали 733.000 чел.; въ 1918 году они достигли развитія до 8.689.000, изъ коихъ, болѣе одного милліона было во Франціи; экипажи военнаго флота съ 146.000 чел. увеличились до 408.000. Соединенные Штаты въ іюнѣ 1918 года перевезли во Францію армію болѣе одного милліона человѣкъ, изъ нихъ на фронтѣ развернулось — 600.000 чел.

Введеніе милиціонной системы, казалось бы, особенно покровительствуетъ усилившееся чрезмѣрно значеніе матеріальныхъ средствъ борьбы.

Въ 1914 г. артиллерія составляла $1/4$ часть всей пѣхоты; въ 1918 году пропорція эта подошла къ $1/2$: во Франціи состояло 620.000 артиллеристовъ на 800.000 пѣхотинцевъ; съ каждымъ годомъ войны росла численность артиллеріи.

Развитіе матеріальныхъ средствъ слагалось на устройствѣ самой пѣхоты. Къ концу войны, въ 1918 году, пѣхотная рота представляла собою совсѣмъ иную единицу борьбы, чѣмъ въ 1914 г. Тогда это была основная коллективная единица бойцовъ, въ среднемъ, около 200 стрѣлковъ, вооруженныхъ винтовками, для веденія огневого и штыкового боя, въ зависимости отъ умѣнія каждаго бойца. Въ 1918 году пѣхотная рота состояла изъ нѣсколькихъ кучекъ людей, *группировавшихся вокругъ пулеметовъ;* каждый стрѣлокъ, кромѣ винтовки, имѣлъ на своемъ вооруженіи ручную гранату, противогазовую маску, ножницы для рѣзки проволоки. Эти группы въ маневренномъ бою предшествовались танкомъ, который прокладывалъ пѣхотѣ дорогу.

Эта рота въ 150 человѣкъ, сопровождаемая танкомъ и пулеметами, представляла совсѣмъ иную боевую фигуру, чѣмъ рота въ 200—250 человѣкъ въ 1914 году. Въ недалекомъ будущемъ возможно, что пѣхота будетъ представлять изъ себя соединеніе группъ въ 2, 3 человѣка, заключенныхъ, каждая, въ подвижную, вмѣстѣ съ пулеметомъ, броневую каретку.

Значеніе матеріальныхъ средствъ потребовало развитія военной промышленности; всѣ заводы и фабрики были приспособлены къ производству этихъ средствъ и привлекли большое число военно-обязанныхъ къ работамъ въ тылу.

Отнынѣ государство цѣликомъ участвуетъ въ войнѣ, и подготовка къ ней должна имѣть въ виду общую національную мобилизацію, которая предоставитъ государству всѣ народныя средства: промышленныя, экономическія и продовольственныя — наравнѣ съ физическими и моральными силами всей націи.

Въ результатѣ такой подготовки, ея идеаломъ, по крайней мѣрѣ для многихъ, было бы имѣть, съ объявленіемъ войны на фронтѣ наименьшее число бойцовъ съ наибольшимъ количествомъ матеріальныхъ средствъ, а въ тылу, на заводахъ и мирныхъ поляхъ максимумъ рабочихъ, вырабатывающихъ и доставляющихъ для фронта максимумъ матеріальныхъ и техническихъ средствъ.

Если бы французская военная проблема разрѣшалась подъ такимъ теоретическимъ угломъ зрѣнія, то это и привело бы въ мирное время къ небольшимъ кадрамъ для военнаго обученія населенія, — къ обезпеченію государства изобильными матеріальными средствами борьбы и къ такому общему плану войны, который привлекалъ бы все государство, со всѣми элементами его строя, со всѣмъ его сложнымъ организмомъ, къ актив-

ному участію въ будущей борьбѣ. Этому рѣшенію могла бы отвѣчать *милиціонная военная система.*

Но *германская опасность* вынудила Францію имѣть уже въ мирное время сильную постоянную армію.

Поэтому въ основу новаго устройства вооруженныхъ силъ Франціи положены слѣдующіе принципы:

1. Уже въ мирное время должна быть на-лицо на Рейнѣ армія прикрытія l'armée de couverture sur le Rhin, способная въ первые дни войны отразить вторженіе нѣмцевъ въ предѣлы Франціи и прикрыть мобилизацію всего государства.

2. Внутри страны нужна достаточной численности «внутренняя армія» — l'armée à l'intérieur — преимущественно для проведенія черезъ нее всѣхъ военно-обязанныхъ съ цѣлью ихъ наилучшей военной подготовки въ кратчайшій срокъ. Эта армія составляетъ ядро для подъема, въ случаѣ войны, всей націи, для осуществленія идеи вооруженнаго народа. Для максимальнаго развитія военнаго могущества страны все мужское населеніе, кромѣ дѣтей и стариковъ, участвуетъ въ войнѣ. Развитіе этого принципа теперь гораздо полнѣе, нежели передъ войною 1914—1919 г.г.

Нужно обезпечить извѣстный переходный періодъ, въ теченіе котораго, государство приспособляется для веденія такой всеобъемлющей борьбы. Постоянная армія должна послужить основой для всесторонней мобилизаціи государства и для прикрытія ея отъ попытокъ врага воспрепятствовать и разстроить эту мобилизацію.

3. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо имѣть въ мирное время военное устройство съ наименьшими тяготами для народа. Мы только что видѣли, какъ потрясено его благосостояніе, какъ важно направить его производительныя силы для возстановленія этого благосостоянія. Такимъ образомъ, удачное разрѣшеніе военной проблемы вращается въ тѣсномъ кругѣ противоположностей. Армія должна быть такъ устроена, чтобы служить дѣйствительной защитой государства отъ внѣшнихъ посягательствъ на его жизненные интересы. Такая армія представляетъ столь же положительный элементъ народнаго благополучія, какъ и любое богатство народа. Чѣмъ армія лучше, тѣмъ менѣе шансовъ возникновенія войны. Но, тѣмъ болѣе она поглощаетъ всякихъ народныхъ средствъ. Плохая армія, — дешевая, — наоборотъ, вызываетъ со стороны соперниковъ соблазнъ нападенія и подвергаетъ государство самой реальной опасности. Нужно найти какой-то средній компромиссъ. Ни чисто милиціонная система, вродѣ швейцарскаго военнаго устройства, ни система крупныхъ постоянныхъ армій минувшаго періода «вооруженнаго мира», Францію не могутъ удовлетворить. Внесенный нынѣ въ палаты проэктъ военнаго устрой-

ства, представляетъ попытку средняго, между упомянутыми системами, рѣшенія.

Незадолго до пасхальныхъ вакацій началось въ палатѣ депутатовъ разсмотрѣніе военныхъ законопроэктовъ. Судя по тому интересу, который проявляютъ французскіе законодатели къ проэктамъ, пройдетъ достаточно времени, пока они будутъ приняты окончательно.

Всего 12 законопроэктовъ. Изъ нихъ первый — loi sur le recrutement de l'armée — Законъ о комплектованіи арміи, внесенный еще 14 декабря 1920 года бывшимъ военнымъ министромъ Андре Лефевромъ. Законъ принятъ Палатою 22 іюля сего года.

Второй законопроэктъ — объ общей организаціи арміи — loi sur l'organisation générale de l'armée — внесенъ тогда же Лефевромъ. Слѣдующіе четыре проэкта — о вооруженіи арміи, о кадрахъ и численномъ составѣ, о комплектованіи туземныхъ или колоніальныхъ войскъ и объ управленіи арміей — внесены въ Палату военнымъ министромъ Луи Барту.

Остальные шесть законопроэктовъ — объ устройствѣ генеральнаго штаба, о службѣ штабовъ, объ организаціи службы авіаціи, о военныхъ инженерахъ, о военныхъ судахъ, о пенсіяхъ — изучаются военною комиссіею Палаты Депутатовъ.

Три основныхъ данныхъ характеризуютъ устройство арміи:

I. Использованіе человѣческихъ силъ націи и ихъ организація;

II. Снабженіе этихъ силъ новѣйшей техникой;

и III. Объединеніе живыхъ и матеріальныхъ силъ арміи командованіемъ, вполнѣ подготовленнымъ для своего дѣла.

Въ этихъ трехъ отношеніяхъ и разсмотримъ проэктъ устройства французской арміи.

Использованіе живыхъ силъ націи основано по прежнему на всеобщей воинской повинности населенія, проводимой какъ и раньше, безъ всякихъ исключеній. Все физически годное мужское населеніе страны подлежитъ личной военной службѣ — въ возрастѣ отъ 20-ти и до 49 лѣтъ включительно. *Всего 30 лѣтъ каждый французскій гражданинъ обязанъ нести налогъ крови.* Тридцать возрастовъ мужского населенія, т. е. половина всего взрослаго мужского населенія страны, примутъ участіе въ вооруженной защитѣ своего отечества. Сравнительно съ прошлымъ продолжительность срока военнообязанности *увеличена на четыре года.*

Размѣръ кадровой арміи мирнаго времени находится въ зависимости отъ численности мужчинъ призывного возраста, каковая выражается, въ среднемъ, въ 250.000 человѣкъ.

Срокъ дѣйствительной службы установленъ въ 18 мѣсяцевъ. Этотъ срокъ сокращается до 12 мѣсяцевъ для старшихъ сыновей многодѣтныхъ семействъ, имѣющихъ пятеро живыхъ дѣтей и болѣе. Эта мѣра — для поощренія дѣторожденія въ виду остановки во Франціи прироста населенія. Число молодыхъ людей, которые могутъ воспользоваться этою льготою, въ среднемъ, опредѣляется въ 15.000 человѣкъ.

Не взирая на многія попытки депутатовъ въ пользу и иныхъ семейныхъ льготъ, палата отвергла для кого-либо, сверхъ указанной льготы, сокращеніе 18 мѣсяцевъ срока службы.

Очередные призывы совершаются дважды въ годъ — по возрастному полуклассу каждый разъ — 10 мая и 10 ноября. Поэтому полуклассы одного и того же возраста находятся не въ одинаково благопріятныхъ условіяхъ въ отношеніи обученія и увольненія въ запасъ. Младшій полуклассъ увольняется 10 октября, — прочіе 10 августа.

Отсрочки пріема на службу, ежегодно возобновляемыя, предоставляются не только студентамъ, но и сельско - хозяйственнымъ рабочимъ (ouvriers agricoles), а также и всѣмъ профессіоналамъ, при условіи если ихъ спеціальное обученіе подтверждается въ моментъ дѣйствія повѣрочныхъ комиссій.

Законъ разрѣшаетъ молодымъ людямъ выполнить свою воинскую повинность и ранѣе своего призывного возраста, начиная отъ 18 лѣтъ.

Въ теченіе дѣйствительной службы солдату разрѣшается отпускъ на 20 дней. Кто заслужитъ особое удостовѣреніе въ своихъ военныхъ способностяхъ, пользуется правомъ отпуска въ 30 дней и въ качествѣ особой награды за примѣрную службу отпускъ можетъ быть увеличенъ до 45 дней.

Слѣдовательно, въ арміи мирнаго времени насчитывается $1^1/_2$ возрастныхъ класса, т. е. 375.000 человѣкъ. Къ этой цифрѣ нужно добавить профессіональныхъ военныхъ нижняго званія, т. е. унтеръ-офицеровъ, заключившихъ контрактъ на продолжительную службу; таковыхъ около 100.000 человѣкъ. Итого составъ арміи мирнаго времени, не считая корпуса офицеровъ, опредѣляется въ 475.000 человѣкъ.

Туземное населеніе колоній даетъ особую армію.

Использованіе этого населенія зависитъ отъ тѣхъ кадровъ, которые составляютъ надежный остовъ колоніальной арміи. Кадры должны состоять изъ настоящихъ французовъ, знающихъ туземный языкъ. Необходимо также учитывать громадную разницу культурности французовъ и туземцевъ.

Во французскихъ колоніяхъ до 50.000.000 туземцевъ самыхъ различныхъ расовыхъ свойствъ. А именно:

Арабы — алжирскіе, марроканскіе; отличаются благородным характеромъ; мусульмане; требуютъ деликатнаго съ ними обращенія;

Берберійцы — живутъ на Атласѣ и въ Сахарѣ. Они также носятъ названіе кабиловъ, туареговъ; отличаются особенной храбростью и весьма преданы французской націи. Изъ нихъ комплектуется прекрасная пѣхота;

Черные или *настоящіе негры* — сенегальцы, суданцы — потомки Хама. Живутъ въ Сенегаліи, по Нигеру, въ Гвинеѣ и Дагомеѣ. Также очень преданы французамъ, и ими преимущественно комплектовались черныя войска въ минувшую войну. Отличаются особенной чувствительностью къ холоду и совершенно цѣпенѣютъ при наступленіи европейскихъ морозовъ. Поэтому во время войны для нихъ были устроены огромные лагери въ С. Рафаэлѣ и въ Аркашонѣ, на Югѣ Франціи, куда отправляли каждую зиму до сотни тысячъ человѣкъ изъ негритянскихъ частей;

Креолы — это французскіе граждане и несутъ службу по нормальному закону;

Индо-китайцы — аннамиты — жители Тонкина, Аннама, Кохинхины, Камбоджи и Лаоса. Это желтые туземцы, очень интеллигентные, культурные, но плутоватые и скрытные. Ими въ минувшую войну пополнялись авіаціонныя войска.

Малгаши — туземцы острова Мадагаскара; типъ малайскій, чернокожій. Храбрые солдаты. Въ концѣ войны отличался своею военною доблестью стрѣлковый полкъ изъ малгашей. Мягки, простоваты, терпеливы.

Въ общемъ, допускается возможность имѣть въ мирное время до 500.000 чел. туземной арміи на основахъ обязательной воинской повинности въ размѣрѣ: 1 военно-обязанный отъ 100 туземныхъ жителей; продолжительность дѣйствительной службы отъ 4-хъ до 5-ти лѣтъ. Обязательнымъ условіемъ организаціи подобной туземной арміи является большой процентъ сверхсрочнослужащихъ: не менѣе 50.000 чел. изъ среды туземцевъ. Французы должны составлять въ этой арміи не менѣе $^{1}/_{4}$ части всего ея состава. Но окончательно еще не выяснено, какъ новый французскій законопроэктъ разрѣшаетъ вопросъ о колоніальной арміи изъ туземцевъ.

Въ итогѣ сухопутныя вооруженныя силы составляютъ армію, расположенную на территоріи Франціи и Сѣверной Африки; это —armée métropolitaine— основная французская армія. Она комплектуется годовымъ контингентомъ метрополіи и Сѣверной Африки, включая и наборъ туземцевъ. Цифра туземнаго контингента пока точно неизвѣстна и о ней приходится судить по бюджету — 1922 года:

контингентъ Сѣверо - Африканскій . .	123.000
иностранный Легіонъ	14.000
Итого . .	137.000

Добавляя эту цыфру къ упомянутой выше численности арміи получимъ всего 612.000 чел. — *размѣръ всей арміи метрополіи.*

Сверхъ того, особая колоніальная армія, предназначенная для отдаленныхъ колоній — въ составѣ 80.000 человѣкъ. Въ колоніальную армію входитъ, кромѣ собственно колоніальныхъ войскъ, Сирійскій контингентъ въ 10.106 чел.

Всего составъ арміи мирнаго времени по новому закону опредѣляется въ 700.000.

Если сравнить съ численностью арміи передъ войной 1914 года, включая арміи метрополіи и колоніальную, то разница такова:

Въ 1914 году	856.000 чел.	—	100%
» 1922 »	769.628 »	—	89%
По новому закону всего	700.000 »	—	80%

Послѣ $1^1/_2$ лѣтней службы подъ знаменами, въ постоянной арміи, французскій гражданинъ выполняетъ свою военную повинность, въ теченіи $18^1/_2$ лѣтъ въ запасѣ арміи и послѣдніе 10 лѣтъ въ составѣ территоріальной арміи, по нашему — въ ополченіи.

Первые два года пребыванія въ запасѣ арміи резервистъ состоитъ въ распоряженіи правительства, которое имѣетъ право декретомъ призвать на пополненіе арміи мирнаго времени два младшіе возрастные класса.

Слѣдовательно, распредѣленіе всѣхъ 30 возрастныхъ сроковъ населенія подчиняется такой градаціи:

На дѣйствительной службѣ — $1^1/_2$ срока,
Состоящихъ въ распоряженіи правительства — 2 срока (disponibles)
Состоящихъ въ запасѣ арміи — $16^1/_2$ сроковъ,
Территоріальная армія — 10 сроковъ.

Disponibles даютъ въ распоряженіе правительства до 500.000 человѣкъ; при посредствѣ ихъ можетъ быть произведена частичная мобилизація французской арміи. Въ прошломъ году, когда рѣшено было занять правый берегъ Рейна, былъ призванъ одинъ младшій возрастъ запаса — срокъ 1919 года.

Таковъ контингентъ мирнаго времени. *Въ случаѣ войны* Франція будетъ располагать всего слѣдующимъ количествомъ человѣческихъ силъ:

1. состоящіе на дѣйствит. службѣ . .	700.000	чел.
2. два срока, состоящихъ въ распоряженіи правительства	500.000	"
3. 16½ сроковъ активнаго запаса . . (По 250.000 годовой запасъ со скидкой 4% на убыль)	3.900.000	"
4. 10 сроковъ территоріальной арміи . . (со скидкой 10% на убыль)	2.250.000	"
Итого . .	7.350.000	"

Итого Франція можетъ выставить до 7½ милліоновъ, принимая въ расчетъ Сѣверо-Африканскіе контингенты, но безъ прочихъ колоній.

Для сравненія возьмемъ цифры выставленныхъ Франціей контингентовъ въ минувшую войну.

Въ теченіе войны были призваны и приняли участіе сроки 1914, 1915, 1916, 1917 и 1918 годовъ, всего 5 годовыхъ призывовъ. Согласно закона о военной службѣ обязательная служба продолжалась 26 лѣтъ, но старшіе классы, выслужившіе на войнѣ этотъ срокъ, оставались призванными и были уволены только при общей демобилизаціи арміи.

Въ мирное время, *передъ войною*, подъ ружьемъ въ 1914 году всего было во Франціи и Сѣверной Африкѣ:*)

французовъ	817.000
туземцевъ Сѣверной Африки . . .	53.000
черныхъ	14.000
Итого . .	884.000 чел.

По окончаніи мобилизаціи въ 1914 году Франція располагала — 3.781.000 чел.

Означенный составъ распредѣлялся такъ:

Въ арміяхъ и крѣпостяхъ	2.689.000
Въ сѣверной Африкѣ	157.000
Внутри Франціи	935.000

Въ теченіе войны, затѣмъ, было выслано на фронтъ:

въ 1915 году	2.264.000	чел.
въ 1916 "	1.261.000	"
въ 1917 "	789.000	"
въ 1918 "	987.000	"

Всего, въ теченіе пяти лѣтъ войны, Франція мобилизовала и использовала для потребностей войны 7.909.000 человѣкъ; кромѣ того, 207.000 туземцевъ Сѣверной Африки и 201.000 прочихъ колоніальныхъ туземцевъ, т. е. всего 408.000 туземцевъ изъ своихъ колоній.

А всего съ туземцами — 8.317.000 человѣкъ.

*) Изъ сочиненія: Colonel F.-L.-L. Pellegrin. La Vie d'une armée pendant la grande Guerre. 1921. стр. 12 и 13.

Развитіе военно-технической промышленности потребовало, начиная съ 1915 года, удержанія части мобилизованныхъ въ качествѣ всякаго рода рабочихъ внутри страны. Цифра использованныхъ для экономическихъ и промышленныхъ надобностей военно-обязанныхъ, постепенно увеличивалась и дошла въ концѣ войны, въ ноябрѣ 1918 года, до 1.400.000 человѣкъ.

Численность $7^1/_2$ милліоновъ составляетъ максимумъ того людского матеріала, который можетъ страна выставить для цѣлей войны и въ будущемъ пока не измѣнятся общія условія роста населенія.

II.

Приведенныя выше цифры ярко выражаютъ все значеніе человѣческихъ массъ въ нынѣшней войнѣ. Міровая война закончилась побѣдою Франціи и ея союзниковъ въ 1918 году, когда ими, въ общемъ, было выставлено не менѣе 10 милліоновъ бойцовъ. Для управленія такою массою нуженъ подходящій и качествомъ, и количествомъ *корпусъ офицеровъ*. Офицеровъ-профессіоналовъ хватать не можетъ: они дороги и быстро выбиваются. Пріобрѣтаютъ огромную важность офицеры резерва. Ихъ подготовку правительство предполагаетъ осуществить путемъ введенія спеціальныхъ курсовъ военныхъ знаній въ высшихъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ, въ нормальныхъ школахъ, въ политехникумахъ.

Командный составъ мирнаго времени состоитъ изъ корпуса офицеровъ и многочисленнаго состава сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ въ размѣрѣ 14% мирнаго состава арміи.

Корпусъ офицеровъ карьеры исчисленъ въ 26.000 человѣкъ. Къ нему предъявляются нынѣ особенно большія требованія. Офицеръ долженъ умѣть быстро разбираться въ сложной обстановкѣ боя и не поддаваться его впечатлѣніямъ. Для этого онъ долженъ быть умственно развитъ, и его развитіе должно опираться на душевную твердость, на твердость его воли. И то, и другое достигается воспитаніемъ и образованіемъ и постояннымъ упражненіемъ пріобрѣтаемыхъ свойствъ въ теченіе всей службы.

Война подтвердила, что въ народныхъ арміяхъ, лишенныхъ продолжительной военной подготовки, вся тяжесть боя ложится на офицеровъ. Основательно подготовленный корпусъ офицеровъ достигаетъ нужныхъ результатовъ и съ плохими солдатами. Армія есть вѣрное отраженіе своего народа; привить нынѣшней арміи специфическія военныя свойства, которыхъ въ зародышѣ нѣтъ у народа, теперь нельзя. Французскій солдатъ,

вообще развитой умственно, проникнутъ духомъ личной иниціативы. Воодушевленный патріотизмомъ онъ мужественно держится подъ огнемъ, но склоненъ критически относиться къ приказаніямъ свыше. Онъ имъ охотно подчиняется, когда онъ постигаетъ ихъ смыслъ и понимаетъ, что эти приказанія дѣйствительно направлены къ достиженію успѣха. Но если распоряженія начальства становятся ему непонятными, если начальникъ своимъ управленіемъ вообще не заслужитъ его довѣрія, то духъ дисциплины начинаетъ колебаться. Французскому солдату вовсе несвойственна нѣмецкая дрессировка; ему муштра не прививается.

По свидѣтельству генерала Ланрезака*), во время отступленія къ Марнѣ, въ августѣ 1914 г., дисциплина быстро падала среди французскихъ войскъ. Стояли сильныя жары, и люди массами самовольно оставляли строй, бросали аммуницію, носимый запасъ, шанцевый инструментъ, кучами оставляя все свое имущество по дорогамъ. Во время остановокъ уходили далеко въ глубь страны въ поискахъ вина и продовольствія. Части таяли, настроеніе разлагалось. Начальники возбудили ходатайства о возстановленіи декрета 1870 года о военно-полевыхъ судахъ, но тогда ходатайства эти не были уважены, и министръ Мисеими категорически воспретилъ преданіе людей массовымъ казнямъ; послѣ Марненской побѣды новое правительство ввело въ арміи военно-полевой судъ.

Во Франціи считаютъ, что бороться съ національными недостатками арміи нужно повышеніемъ уровня развитія офицеровъ и ихъ спеціальной подготовки. Особенно желательно вырабатывать гибкость ума (la souplesse d'esprit), которая позволяетъ начальнику быстро оріентироваться въ незнакомой обстановкѣ и умѣть выходить изъ самыхъ трудныхъ положеній. Подготовка высшаго командного персонала взываетъ къ особому вниманію. Во Франціи учитывается вся важность для побѣды имѣть во главѣ армій генераловъ, стоящихъ на уровнѣ новѣйшихъ военныхъ требованій.

Опытъ первыхъ дней войны показалъ, что французскій генералитетъ не удовлетворялъ своему назначенію: въ первый мѣсяцъ войны 1914 г. во Франціи было отчислено, за несоотвѣтствіемъ, отъ должностей, — 2 командующихъ арміями (ген. Ruffey и Lanrezac), 7 командировъ корпусовъ, 20 начальниковъ пѣхотныхъ дивизій и 4 кавалерійскихъ дивизій; всего 33 старшихъ генерала (около 30% строевого генералитета) признаны были не подходящими для командованія на войнѣ. Всѣ отчисленные генералы были назначены въ распоряженіе военнаго ми-

*) Générale Lanrezac — Le Plan de Campagne français. Paris 1921 Онъ былъ въ началѣ войны командующимъ 5-ю арміею.

нистра; большинство изъ нихъ было отправлено въ городъ Лиможъ (Limoges) въ ожиданіи новыхъ распоряженій. Отсюда въ обществѣ появилось выраженіе limogés, которымъ окрестили генераловъ, по своимъ свойствамъ подлежащихъ отчисленію, и limogeage — самый актъ признанія негодности *)

Кромѣ Военной Академіи Ecole superiéure de Guerre, въ 1921 г. была заново переработана программа тѣхъ теоретическихъ и практическихъ знаній по всѣмъ важнѣйшимъ отраслямъ военнаго дѣла, которыя должны проходится старшими представителями арміи на особыхъ спеціальныхъ курсахъ для «начальства». Кромѣ того, съ января нынѣшняго года возобновлены въ Парижѣ Высшіе Военные Курсы при Академіи — „Centre des hautes études militaires".

«Бригадные генералы и полковники**), назначенные для усовершенствованія и освѣженія знаній, дѣлятся на три категоріи. Изъ нихъ одна предназначена для прохожденія полнаго цикла занятій, т. е. четырехмѣсячнаго періода, различныхъ спеціальныхъ курсовъ и полугодичнаго періода «Высшихъ военныхъ курсовъ». Изъ двухъ остальныхъ категорій, одна — заключающая въ себѣ генераловъ и полковниковъ, не избранныхъ для прохожденія «Высшихъ курсовъ», проходитъ лишь курсы— «освѣженія», другая же, состоящая изъ генераловъ, уже командующихъ дивизіями или корпусами, привлекается на «Высшіе курсы» всего лишь на 6-ти дневный срокъ.

Цѣль этихъ курсовъ, какъ гласитъ инструкція, «дать серьезныя познанія обо всемъ, что имѣетъ отношеніе къ веденію войны, какъ въ области науки, промышленности, экономики, такъ и въ области военнаго дѣла». Курсы заканчиваются двумя полевыми поѣздками. Въ общественномъ мнѣніи эти курсы уже пріобрѣли кличку „école des maréchaux"— школы маршаловъ.

«Прохожденіе этого научнаго стажа протекаетъ не въ обстановкѣ обученія обыкновенныхъ учениковъ, а въ положеніи людей, имѣющихъ совершенно законченное спеціальное образованіе, пользующихся уже извѣстнымъ авторитетомъ, а зачастую и именемъ, и лишь нуждающихся въ ознакомленіи съ послѣднимъ словомъ въ различныхъ областяхъ военной науки и техники.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, высшіе курсы являются одновременно и военно-научными институтами, преслѣдующими цѣли военнаго прогресса и разработку данныхъ, необходимыхъ для поднятія уровня боевой подготовки войскъ».

*) De Thomasson — Le revers de 1914 et ses causes.

**) Изъ статьи „Военная сверхакадемія во Франціи" — статья Ген. Носкова въ № 1 журн. „Война и Миръ".

Главное руководство курсами ввѣрено профессору военной академіи, а нынѣ ея начальнику, генералу Дебенэ(Debeney). Во время войны онъ съ успѣхомъ командовалъ одной изъ армій.

Обширная программа «Высшихъ курсовъ» обнимаетъ вопросы стратегіи, тактики, военной техники, промышленности, экономики, разработана при участіи лучшихъ силъ арміи и по всей вѣроятности подлежитъ измѣненіямъ въ результатѣ перваго опыта.

Дѣло командованія есть одинъ изъ основныхъ элементовъ успѣха на войнѣ. Значеніе вождя, не взирая на ростъ военной техники, стало еще выше въ нынѣшнихъ милліонныхъ арміяхъ, формируемыхъ изъ всего способнаго мужского населенія государства.

Еще Наполеонъ говорилъ, что, «со времени изобрѣтенія пороха, силу генерала составляетъ его *качества гражданскія* — les qualités civiles. Вѣрный взглядъ, талантливость, умъ, способности административныя, краснорѣчіе, знаніе людей — все это гражданское. Если бы было достаточно, чтобы быть генераловъ, обладать силою и храбростью, каждый солдатъ могъ бы претендовать на командованіе. Начальникъ, который способенъ сдѣлать большія дѣла—тотъ, который соединяетъ въ себѣ наибольшее число гражданскихъ дарованій, потому что онъ обладаетъ наибольшею возможностью заставить солдата слушаться его и почитать. Нужно не пренебрегать тѣмъ, о чемъ говорятъ на бивакахъ. Солдатъ уважаетъ болѣе того генерала, который умѣетъ разсчитывать, нежели того, который выказалъ себя наиболѣе храбрымъ».

Французы оцѣнили ту огромную силу, какую представляетъ для государства правильно поставленный, на уровнѣ требованій современной войны, институтъ старшихъ начальниковъ и прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы онъ обладалъ неоспоримымъ интеллектуальнымъ и моральнымъ авторитетомъ среди той человѣческой массы, которую онъ ведетъ въ бой; чтобы въ немъ соединялось наибольшее количество гражданскихъ качествъ, которыя обезпечиваютъ ему послушаніе и уваженіе.

Число генеральскихъ должностей въ арміи метрополіи опредѣлено штатами въ 365, изъ коихъ дивизіонныхъ генераловъ 112 и бригадныхъ — 253.

Предѣльный возрастъ устанавливается: для дивизіонныхъ генераловъ, командующихъ корпусами — 64 года, для прочихъ — 62, а для бригадныхъ генераловъ — 60 лѣтъ.

По достиженіи предѣльнаго возраста, генералъ зачисляется на 5 лѣтъ въ резервъ арміи, послѣ чего онъ подлежитъ увольненію въ отставку.

Въ арміи установлено для мирнаго времени три маршала и, кромѣ того, 6 маршаловъ, носящихъ этотъ титулъ, какъ по-

четное званіе, но безъ опредѣленныхъ должностей. Эти послѣдніе не будутъ замѣщаться послѣ ихъ убыли. Предѣльный возрастъ для маршала устанавливается въ 68 лѣтъ.

Въ настоящее время всего 6 маршаловъ — Жоффръ, Фошъ, Петэнъ, Файоль, Ліонтэй, Франше б'Эпре и одинъ седьмой былъ назначенъ по смерти — незабвенный защитникъ Парижа и его военный губернаторъ — Галльени.

III.

Значеніе техники сказалось въ устройствѣ родовъ войскъ. Къ традиціоннымъ 4-мъ родамъ войскъ — пѣхотѣ, артиллеріи, кавалеріи и инженернымъ войскамъ добавленъ еще пятый родъ войска — воздушныя войска.

Одновременно съ тѣмъ, относительный размѣръ каждаго рода войскъ измѣнился. Вотъ сравнительныя процентныя величины въ началѣ войны и въ концѣ ея:

	Къ 1 Мая 1915 г.	Къ 1 Октября 1918 г.
пѣхота	71,6%	50,4%
кавалерія	4,7%	4%
артиллерія	18,4%	35,7%
инженерныя войска .	4,9%	6,9%
авіація	0,4%	3%

Приблизительно въ тѣхъ же предѣлахъ измѣнилось взаимное отношеніе родовъ войскъ и по новому законопроэкту.

Высшею войсковою единицею въ мирное время становится дивизія, пѣхотная, кавалерійская, авіаціонная. Корпусъ будетъ только въ военное время. При чемъ, повидимому, необязательна группировка дивизій по корпусамъ; возможно иногда предвидѣть соединеніе нѣсколькихъ дивизій прямо въ армію. Это имѣетъ свои преимущества, устраняя лишнюю командную инстанцію, которая не всегда будучи способна руководить боемъ въ нынѣшнихъ условіяхъ его развитія, является лишь передаточною, отвлекаетъ много офицеровъ въ тылъ и тормозитъ проявленіе непосредственнаго вліянія командующаго арміей на ходъ боя. Но споръ о преимуществахъ и недостаткахъ дивизіонной и корпусной системы старый. Одно только можно сказать, что созданіе передъ самой войною или во время мобилизаціи новой инстанціи всегда влечетъ крупныя невыгоды.

Дивизія французская состоитъ изъ 3-хъ или 4-хъ полковъ пѣхоты, одного эскадрона кавалеріи, двухъ полковъ артиллеріи, легкаго и тяжелаго, двухъ ротъ саперъ-минеровъ, изъ

одной эскадрильи аэроплановъ. При дивизіи имѣется привязной аэростатъ, батальонъ піонеровъ и особый органъ Centre d'instruction divisionnaire — центръ дивизіоннаго обученія.

Всего 34 пѣхотныхъ дивизій *). Изъ нихъ 6 дивизій на Рейнѣ усиленнаго состава, каждая въ 15.000 чел. Затѣмъ 6 дивизій въ пограничномъ раіонѣ — второй эшелонъ оккупаціонной арміи; каждая дивизія — въ 12.500 человѣкъ.

Первыя 12 дивизій всего даютъ численность въ 165.000 человѣкъ. Такъ какъ весь 1½ годовой контингентъ призывныхъ составляетъ 375.000 человѣкъ, то на внутреннія дивизіи и для войскъ, не входящихъ въ составъ дивизій, приходится 210.000 человѣкъ. Всякое уменьшеніе годового призыва (вызванное количествомъ льготныхъ) ложится только на контингентъ въ 210.000 чел. Численность внутренней дивизіи выражается въ 10.500 чел., изъ нихъ 3.500 новобранцевъ и 7.000 обученныхъ. Эти 7.000 даже не достигаютъ половины военнаго состава дивизіи. Поэтому, никакая льгота по отбыванію установленнаго срока дѣйствительной службы непріемлема, такъ какъ она непосредственно отразится на и безъ того маломъ штатномъ составѣ дивизіи мирнаго времени.

20 внутреннихъ дивизій нормальнаго состава. Дивизія въ 10.500 бойцовъ; въ ротѣ всего по 100 стрѣлковъ; пѣхотный полкъ въ 1.800 бойцовъ. Въ этихъ 20 дивизіяхъ, въ общемъ, 210.000 бойцовъ.

Итого въ 34 пѣхотныхъ дивизіяхъ въ мирное время 420.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 80.000 туземцевъ Африки, которые по законопроэкту, будутъ всегда нести службу на территоріи Франціи и на Рейнѣ.

Если по политическимъ причинамъ признано будетъ недостаточнымъ ограничиться 165.000 чел. дивизій усиленнаго состава, тогда правительство можетъ обратиться къ двумъ классамъ контингента, находящимся въ его распоряженіи, къ такъ называемымъ disponibles.

Призывомъ только одного класса disponibles всѣ 34 дивизіи могутъ быть доведены до 15.000 состава; для чего потребуется всего — 160.000 человѣкъ.

Рейнская оккупаціонная армія нынѣ состоитъ изъ 6-ти дивизій усиленнаго состава и 2-хъ колоніальныхъ; но съ этой арміей можно считать связанными, какъ сказано выше, и тѣ 6 дивизій, которыя расположены къ востоку отъ Мааса, въ Эльзасѣ-Лотарингіи и въ Саарскомъ округѣ. Всѣ эти дивизіи уси-

*) Въ числѣ 34 дивизій двѣ дивизіи колоніальныя — на Рейнѣ. Послѣ долгаго обсужденія военнымъ министерствомъ было признано, что 32 дивизіи составляютъ наименьшій предѣлъ, за которымъ дальнѣйшее уменьшеніе числа дивизій недопустимо.

леннаго состава. При частичной мобилизаціи, призывомъ одного класса disponibles, эти 14 дивизій составятъ 280.000 человѣкъ, а внутреннія дивизіи дадутъ 300.000 человѣкъ.

Съ призывомъ слѣдующаго класса disponibles французская армія мирнаго времени дастъ на границѣ 800.000 человѣкъ, что и составитъ уже настоящую армію прикрытія для обезпеченія всеобщей мобилизаціи государства.

Кавалерія, по законопроэкту, должна состоять изъ 45 полковъ (кирасиръ, драгунъ, конно-егерей *) и гусаръ), изъ 7 полковъ африканскихъ конно-егерей **) и 14 полковъ спаговъ, всего 66 полковъ. Каждый полкъ въ 4 эскадрона. Кромѣ того, въ кавалеріи состоитъ 20 эскадроновъ авто-пулеметовъ, 1 полкъ иностраннаго легіона, 6 школьныхъ конныхъ группъ, принадныхъ военнымъ школамъ, 17 ремонтныхъ конныхъ группъ во Франціи и 10 ремонтныхъ конныхъ ротъ въ Сѣверной Африкѣ и въ Левантѣ. Всего 5 кавалерійскихъ дивизій, которыя включаютъ въ свой составъ 30 полковъ; 15 остальныхъ и 7 полковъ chasseurs d'Afrique составляютъ дивизіонную конницу; спаги несутъ службу въ Сѣверной Африкѣ. Всего — 47.800 кавалеристовъ. Кавалерійская дивизія значительно усилена на основаніи опыта войны; каждая дивизія состоитъ изъ 6 полковъ по 4 эскадрона, изъ группы 3-хъ конныхъ батарей, группы трехъ эскадроновъ авто-пулеметовъ и группы легкихъ танковъ. Всего въ дивизіи — 150 офицеровъ и 4.650 всадниковъ.

Наиболѣе характерною особенностью новой арміи служитъ богатое техническое ея оборудованіе, ея крайняя *матеріализація;* настолько сильная, что отнынѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, война стала исключительно машиною. По выраженію генерала Estienne'a, военная техника стала третьимъ лицомъ бога войны, который традиціонно до сихъ поръ олицетворялся стратегіей и тактикой. Но человѣкъ всегда сохранитъ свое первое мѣсто, а всѣ матеріальные факторы представляютъ только могущественныя средства для проявленія въ борьбѣ всѣхъ его душевныхъ силъ — моральныхъ и умственныхъ.

Техникою пропитанъ любой элементъ нынѣшней арміи, но особенно ярко техника выразилась въ снабженіи пѣхоты автоматическимъ оружіемъ, въ придачѣ пѣхотѣ боевыхъ повозокъ, или танковъ chars de combat, въ придачѣ многочисленной тяжелой артиллеріи, въ широкомъ развитіи авіаціонныхъ частей, въ изобильномъ снабженіи войскъ всякаго рода автомобильными машинами и въ использованіи въ будущей борьбѣ удушливыхъ газовъ ***).

---

*) Chasseurs à cheval.

**) Chasseurs d'Afrique.

***) Вотъ одинъ изъ примѣровъ примѣненія техники въ минувшую войну: Въ сраженіи въ Пикардіи, въ Мартѣ 1918 года, когда нѣмцы начали

Относительно автоматическаго огня въ пѣхотѣ правильно сказать, что отнынѣ онъ станетъ преобладающимъ. Основною коллективной единицей въ пѣхотѣ является группа стрѣлковъ въ 10-12 человѣкъ, которые, кромѣ личнаго вооруженія, всѣ группируются у ружья-пулемета или автоматическаго ружья; оно и объединяетъ каждые 10 или 12 человѣкъ въ одну группу. Кромѣ того на каждые 3 роты стрѣлковъ имѣется 1 пулеметная рота въ 16 пулеметовъ. Такимъ образомъ, трехбаталіонный пѣхотный полкъ снабженъ 48 пулеметами. Вспомнимъ, что средняя скорость стрѣльбы изъ пулемета — 450 выстрѣловъ въ минуту.

Съ пѣхотою органически связаны 14 полковъ танковъ, легкихъ или тяжелыхъ, каждый полкъ изъ трехъ батальоновъ по три роты. Нормально къ пѣхотной дивизіи придается одинъ танковый батальонъ. Въ ротѣ 25 танковъ, изъ нихъ 15 боевыхъ. Въ настоящее время два типа: легкій танкъ вооруженъ или пулеметомъ, или 37 м.м. пушкой, скорость движенія 5 клм. въ часъ. Въ бой танки вводятся не меньше какъ въ составѣ группы въ числѣ пяти, три съ пушкою и два съ пулеметомъ; это основная боевая единица, которая по уставу не раздѣляется. Широкое примѣненіе танковъ въ послѣдній періодъ минувшей войны дало возможность выработать опредѣленную для ихъ употребленія тактику, основныя указанія которой введены въ соотвѣтствующіе французскіе уставы.

Затѣмъ — *воздушныя войска.* Отнынѣ это такой же автономный родъ войска, пятый, какъ и четыре основные до сихъ поръ — пѣхота, кавалерія, артиллерія, піонеры. Воздушныя войска, безъ преувеличенія, можно сказать, родились въ міровой войнѣ; до ея начала были только слабыя попытки.

Одно сравненіе числовыхъ данныхъ подтверждаетъ это: Въ августѣ 1914 года во французской арміи было всего 25 эскадрилій съ 158 аэропланами; въ день заключенія перемирія 11 ноября 1918 года, было 258 эскадрилій съ 3.432 аппаратами. А всего къ этому сроку существовало 17.000 аэроплановъ и 45.000 моторовъ; а въ производствѣ было 18.000 аэроплановъ и 25.000 моторовъ.

Воздушныя войска во Франціи раздѣляются на авіаціонныя, аэростатныя и вспомогательныя части.

Авіаціонныя части состоятъ изъ двухъ дивизій, каждая по 4 полка. Сверхъ того, 16 отдѣльныхъ авіаціонныхъ полковъ; въ

атаку противъ англійскихъ армій на фронтѣ между Аррасомъ и Ла-феромъ массою въ 900.000 человѣкъ на участокъ въ 75 клм. по фронту, атакѣ предшествовала короткая Артиллерійская подготовка, при чемъ въ первый день боя, 21 Марта, въ теченіи одного часа нѣмцами было выпушено 650.000 снарядовъ — т. е. такое же количество, сколько ими было разстрѣляно въ теченіи всей войны 1870 года.

Сѣверной Африкѣ 3 полка и отдѣльныя группы. Всѣ эти части образуютъ 140 боевыхъ (истребительныхъ и бомбардировочныхъ) эскадрилій и 80 эскадрилій наблюдательныхъ. Эскадрилья есть основная тактическая единица, состоящая изъ извѣстнаго числа аэроплановъ (отъ 10 до 15-ти), грузовиковъ, транспортовъ и легкихъ повозокъ.

Аэростатныя части въ количествѣ двухъ полковъ, раздѣленныхъ на 19 аэростатныхъ ротъ. Имѣются привязные аэростаты и нѣкоторое количество дирижаблей.

Всего въ воздушныхъ войскахъ состоитъ 37.000 человѣкъ, изъ которыхъ, собственно, летчиковъ 3.650 человѣкъ, т. е. на одного летчика приходится 10 тыловыхъ. Въ военное время воздушныя силы могутъ развернуться до 300.000 человѣкъ, въ томъ числѣ цыфра летчиковъ достигнетъ 30.000 человѣкъ.

Генералъ Мичель (Mitchel), помощникъ управляющаго военной авіацией Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ даетъ слѣдующую общую схему воздушныхъ операцій въ будущую войну:

Будутъ цѣлыя арміи въ воздухѣ, тактическими единицами ихъ будутъ группы по 100 аэроплановъ въ каждой. Эта война въ воздухѣ имѣетъ ту особенность, что совсѣмъ не чувствительна къ путямъ сообщенія.

Снабженіе ихъ будетъ вестись также по воздуху. Для снабженія будутъ служить крупные дирижабли типа Цеппелина; раіонъ дѣйствія такого воздушнаго корабля равняется 15.000 километрамъ. Они будутъ поднимать до 30 тоннъ груза, т. е. 1.800 пудовъ всякаго рода снабженія, въ томъ числѣ и продовольствія. Авіаціонный паркъ будетъ также воздушный. Въ послѣдніе мѣсяцы минувшей войны авіаціонная французская дивизія состояла изъ развѣдывательныхъ и изъ двухъ бомбардировочныхъ эскадрилій и ей сопутствовали два парка, которые слѣдовали по поверхности земли, по дорогамъ и состояли каждый изъ цѣлаго поѣзда грузовиковъ. Эта система неестественнаго сочетанія птицы съ черепахою въ будущемъ будетъ замѣнена болѣе натуральнымъ сочетаніемъ аэроплановъ съ дирижаблями. Въ случаѣ японо-американской войны, гигантскіе воздушные флоты устремятся, чтобы сѣять разрушеніе сверху надъ территоріей противника.

Подобно тому, какъ въ русско-японскую войну неожиданная атака японскихъ миноносцевъ сразу нарушила равновѣсіе морскихъ силъ на Тихомъ Океанѣ не въ нашу пользу, такъ и будущая борьба, весьма вѣроятно, начнется неожиданнымъ появленіемъ сильнаго воздушнаго флота, можетъ быть, надъ промышленнымъ центромъ враждебнаго государства. Представить себѣ появленіе такого флота надъ Нью-Іоркомъ, который сброситъ надъ сердцемъ страны, на основаніи заблаго-

временно произведенной развѣдки, бомбы, каждую вѣсомъ въ 2.000 килограммовъ, т. е. въ 120 пудовъ и приведетъ въ полное разрушеніе, хотя бы часть этого міроваго центра. Развѣ такое нападеніе не окажетъ своего вліянія на дальнѣйшій ходъ войны?

Въ Соединенныхъ Штатахъ *) минувшимъ лѣтомъ производились крайне интересные опыты стрѣльбы съ аэроплановъ по современнымъ кораблямъ. Для этихъ опытовъ американцы рѣшили пожертвовать нѣсколькими крупными своими судами. въ томъ числѣ изъ полученныхъ отъ Германіи: подводную лодку, легкій крейсеръ «Франкфуртъ» и дредноутъ Ostfriedland.

Цѣль опытовъ заключалась въ выясненіи, можетъ ли аэропланъ потопить морскія суда. Для стрѣльбы по двигающемуся судну былъ назначенъ старый броненосецъ, направляемый при посредствѣ безпроволочнаго телеграфа. Особенно интересенъ опытъ потопленія дредноута въ 23.000 тоннъ водоизмѣщенія (11-дюймовая броня, бронированная палуба, толщина брони 3 д.). Онъ съ честью выдержалъ Ютландскій бой, устоялъ передъ взрывомъ мины въ этомъ бою у своего борта. Опыты были въ двѣ очереди: послѣдняя продолжалась 25 минутъ, сброшены были 2 бомбы, каждая въ 800 килограммовъ. упавшія въ разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ праваго борта судна. Онѣ разворотили этотъ бортъ, отдѣливъ броню, и черезъ 15 минутъ дредноутъ исчезъ подъ водою . . .

Для характеристики автомобильнаго оборудованія французской арміи можетъ служить отправною данною размѣръ автомобильной службы къ моменту заключенія перемирія: 2.000 офицеровъ, 110.000 автомобилистовъ и 43.000 машинъ, кромѣ автомобилей, приданныхъ артиллеріей и авіаціи, которыхъ насчитывалось 25.000.

Относительно примѣненія удушливыхъ газовъ во французской инструкціи о тактическомъ употребленіи высшихъ соединеній напечатано, вмѣсто предисловія, нѣсколько знаменательныхъ строкъ:

«Уважая международныя обязательства, подъ которыми Франція подписалась, ея правительство, въ случаѣ войны, по соглашенію со своими союзниками, постарается получить отъ непріятельскихъ правительствъ согласіе не употреблять боевые газы (des gaz de combat) въ качествѣ военнаго средства. Если такое согласіе не будетъ достигнуто, оно сохраняетъ за собою право дѣйствовать по обстоятельствамъ».

Недавно въ Англіи напечатана книга маіора Виктора Лефебюра (Lefebure), члена Лондонскаго Химическаго Общества:

*) См. очень интересную статью: La Guerre future et l'aviation. Revue des deux Mondes 15 decembre 1921.

«Загадка Рейна. Химическая стратегія въ мирное время и на войнѣ» — L'énigme du Rhin. La stratégie chimique en temps de paix et en temps de guerre. Къ французскому ея переводу написано предисловіе маршалами Фошемъ и недавно погибшимъ Генрихомъ Вильсономъ.

Фошъ пишетъ: «Развитіе боевой авіаціи найдетъ въ будущей войнѣ себѣ мощнаго союзника въ ядовитыхъ газахъ, которыми будутъ начиняться бомбы большого калибра, сбрасываемыя въ тылу въ скопленія резервовъ и въ крупные населенные и промышленные пункты. Поэтому, удушливые газы получатъ широкое примѣненіе съ весьма грозными результатами. Напоминаю, что Германія, лишенная нѣкоторыхъ серьезныхъ матеріальныхъ средствъ борьбы, используетъ въ широкомъ масштабѣ химическую борьбу. И намъ нужно, не откладывая, позаботиться о мѣрахъ противодѣйствія, если мы не хотимъ подвергнуться страшнымъ послѣдствіямъ этого новаго фактора военной техники . . .»

Вильсонъ къ этому добавляетъ: «Нужно оставить всякую сентиментальнось, никакіе договоры не воспрепятствуютъ использовать въ полной мѣрѣ это могущественное средство борьбы. Никакая конвенція, соглашеніе или соображенія о гуманности не помѣшаютъ примѣнить на войнѣ удушливые газы, какъ только станетъ это выгоднымъ для достиженія побѣды; особенно тѣмъ врагомъ, который можетъ усовершенствовать это средство.

Германія, при своей изобильной и хорошо организованной химической промышлености, имѣетъ возможность въ кратчайшій срокъ вырабатывать удушливые газы въ какомъ угодно размѣрѣ. И намъ нужно теперь же готовиться къ тому, чтобы отвѣтить тѣмъ же. Иначе, намъ угрожаетъ самая грозная опасность и тяжкія потери человѣческихъ жизней».

Оба горячо рекомендуютъ упомянутый трудъ англійскаго спеціалиста.

Во внесенномъ въ Палату, въ числѣ 12 военныхъ законопроэктовъ, законѣ объ устройствѣ военныхъ инженеровъ, предусматривается особая корпорація инженеровъ-химиковъ (les ingénieurs chimistes), на которыхъ возлагается военно-техническая подготовка боевого употребленія ядовитыхъ или удушливыхъ газовъ.

Таково, въ крупныхъ штрихахъ, матеріальное состояніе нынѣшней французской арміи.

IV.

Въ случаѣ войны мобилизуется и разворачивается дѣйствительно вооруженная нація въ лицѣ тридцати годовыхъ воз-

растовъ мужского населенія страны. Эта многомилліонная людская масса пропитывается всѣми средствами новѣйшей техники. Колоссальное соединеніе бойцовъ и машинъ объединяется и руководится соотвѣтствующими органами управленія.

Устройство командованія такою арміей — вооруженной націей — является третьимъ основнымъ факторомъ разрѣшенія французской военной проблемы.

До міровой войны организація высшаго управленія вооруженными силами во Франціи отличалась сложностью, подсказанной деликатнымъ положеніемъ этого вопроса для правительства третьей республики. Мерещился призракъ Бонапарта, который въ удобный моментъ, казалось, можетъ воплотиться въ лицѣ какого-либо честолюбиваго и предпріимчиваго генерела. Буланже, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, былъ недалекъ отъ подобной попытки. И французская армія — эта великая молчальница въ странѣ, гдѣ любятъ говорить — была обезглавлена, будучи подчинена статскому человѣку — тому, кто занималъ кресло военнаго министра въ постоянно чередующихся министерскихъ кабинетахъ. Только незадолго до войны, въ 1911 году, подъ вліяніемъ надвигающейся военной грозы, была сдѣлана арміи нѣкоторая уступка: вице-предсѣдатель высшаго военнаго совѣта, — онъ же предполагаемый генералиссимусъ, въ случаѣ войны, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначенъ начальникомъ генеральнаго штаба арміи (Le chef d'état-major général de l'Armée) и такимъ образомъ, получилъ возможность фактически проявлять свою власть въ арміи въ мирное время. Это былъ *Жоффръ*, первый генералъ въ республикѣ, окончательно пробившій брешь въ недовѣріи къ арміи со стороны правящихъ верховъ. Но счастливая война, въ этомъ отношеніи, окончательно разсѣяла всякую тѣнь подозрѣнія. Рядъ старшихъ чиновъ, впервые, за время существованія 3-й республики, получилъ высшее званіе маршала и въ настоящее время, крупнымъ нововведеніемъ въ области командованія, является учрежденіе въ январѣ этого года высшей военной должности, символизирующей верховную военную власть. Декретомъ отъ 18 января учреждена должность генералъ-инспектора арміи, на таковую назначенъ маршалъ *Петэнъ* — герой Вердена.

Генералъ-Инспекторъ въ то же время состоитъ вице-предсѣдателемъ высшаго военнаго совѣта, предсѣдателемъ коего остается военный министръ — членъ кабинета. Генералъ-Инспекторъ арміи есть предполагаемый генералиссимусъ, въ случаѣ войны. Учрежденіе должности Генералъ-Инспектора встревожило соціалистовъ и въ Палатѣ послѣдовалъ запросъ. Правительство поспѣшило ихъ успокоить и были даны разъ-

ясненія: Генералъ-Инспекторъ есть постоянный совѣтникъ (un conseil permanent) министра во всемъ, что касается подготовки войскъ и военныхъ учрежденій къ войнѣ; онъ скрѣпляетъ письменныя распоряженія по военному вѣдомству, подписываемыя военнымъ министромъ. Окончательная власть сохраняется за послѣднимъ. Но внутри арміи Генералъ-Инспекторъ облеченъ большимъ вліяніемъ. Ему непосредственно подчиняются члены высшаго военнаго совѣта и инспектора спеціальныхъ родовъ войскъ. Военный министръ выслушиваетъ его доклады относительно личнаго состава генералитета. Начальникъ генеральнаго штаба ему докладываетъ по всѣмъ вопросамъ, относящимся до обученія и мобилизаціи войскъ.

Другимъ послѣдствіемъ войны въ устройствѣ высшаго военнаго управленія нужно считать расширеніе функцій *высшаго совѣта національной обороны.* —Conseil supérieur de la défense nationale. Его не надо смѣшивать съ высшимъ военнымъ совѣтомъ, который представляется какъ бы техническимъ совѣщаніемъ при военномъ министрѣ. Первый же есть правительственный органъ для обсужденія всѣхъ вопросовъ обороны государства. Постояннымъ его предсѣдателемъ — предсѣдатель Совѣта Министровъ. Можетъ предсѣдательствовать, по желанію, Президентъ республики. Членами — министры тѣхъ вѣдомствъ, которые имѣютъ отношеніе къ подготовкѣ государства къ войнѣ—министры иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, военный, морской, публичныхъ работъ и колоній и вице-предсѣдатели высшихъ совѣтовъ военнаго и морского, но только съ совѣщательнымъ голосомъ.

Въ составѣ совѣта имѣется особая постоянная комиссія по разработкѣ вопросовъ Commission d'études, раздѣленная на 4 секціи — общая подготовка націи къ военному времени, веденіе войны, общее снабженіе страны и всякаго рода транспортъ; всякаго рода промышленность для нуждъ войны. Сверхъ того, временно, секція по аэронавтикѣ. При совѣтѣ состоитъ генеральный секретаріатъ.

Этотъ совѣтъ, по устройству и задачамъ, свидѣтельствуетъ, какъ широко во Франціи поставлена военная проблема, какимъ единствомъ въ этомъ отношеніи проникнуты всѣ органы правительственной власти и какъ вѣрно угадывается конечное рѣшеніе этой проблемы, въ которомъ заинтересовано и должно участвовать все государство безъ исключенія со всѣми функціями своей дѣятельности.

По вопросу о *подготовкѣ національной мобилизаціи* всего государства, заслуживаетъ вниманія указаніе, данное въ Палатѣ, при обсужденіи закона, полковникомъ Фабри — докладчикомъ этого закона. «Такая мобилизація Франціи, административная, промышленная и торговая, въ настоящее время

разрабатывается и не закончена, такъ какъ въ планъ подобной мобилизаціи войдетъ совокупность очень сложныхъ законовъ и распоряженій».

Высшее главное командованіе въ военное время будетъ организовано по примѣру міровой войны, давшей, въ окончательномъ счетѣ, положительный выводъ. Верховный Главнокомандующій, Главнокомандующіе группами армій, Главнокомандующіе на внѣшнихъ фронтахъ, т. е. внѣ главнаго театра дѣйствій (les théâtres exterieurs d'opérations) и командующіе арміями.

Для ознакомленія съ боевой подготовкой арміи лучшій матеріалъ даютъ послѣдніе уставы и наставленія, принятые нынѣ въ арміи. На основаніи боевого опыта всѣ уставы подверглись коренной переработкѣ, нѣкоторые изданы заново. Изученіе ихъ даетъ полную характеристику усвоенной послѣ войны тактики и отчасти стратегіи французской арміи. Вспомнимъ наполеоновское выраженіе, что «тактика мѣняется каждыя 10 лѣтъ». Дѣйствительно, у французовъ эволюція военной доктрины никогда не отличалась устойчивостью, теперь война съ ея господствомъ техники особенно ярко подтвердила наполеоновскій афоризмъ.

Но оцѣнку уставовъ необходимо дать *отдѣльно* . . .

Не лишнее только здѣсь сказать нѣсколько словъ по поводу послѣдняго устава, представляющаго *синтезъ* взглядовъ французскихъ офиціальныхъ военныхъ круговъ на веденіе боя: «Наставленіе о тактическомъ употребленіи крупныхъ войсковыхъ единицъ» — Instruction provisoire sur l'emploi tactique des Grandes imitès утвержденъ военнымъ министромъ 6 октября прошлаго года.

Во Франціи новые уставы явились результатомъ пересмотра и изученія боевыхъ наставленій, дававшихся передъ операціями. Теперь всѣ уставы объединены общими руководящими началами, совокупность которыхъ представляетъ французскую военную доктрину. *Ея изученію будетъ посвящена особая статья *).* При бѣгломъ знакомствѣ съ упомянутымъ наставленіемъ обращаетъ на себя особое вниманіе:

1. Въ соотвѣтствіи съ принятою организаціей арміи, полное вниманіе къ техникѣ въ бою. Оно проглядываетъ въ каждомъ § устава. Могущество огня стало нынѣ сокрушающимъ (écrasant) всякое сопротивленіе врага. Этотъ факторъ рѣшаетъ участь боя, глубоко вліяетъ на планъ всей операціи. Подчеркивается разнообразіе способовъ дѣйствія огня.

2. Атака остается преимущественною формою боя, но она можетъ вестись только при широкомъ примѣненіи всѣхъ раз-

*) Въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ „Военнаго Сборника".

нообразныхъ средствъ техники. Поэтому, атака ведется скачками, порывами, отдѣляемыми одинъ отъ другого періодами технической подготовки для дальнѣйшаго продвиженія. Совсѣмъ новое отношеніе къ оборонѣ; этотъ видъ боя признается также вполнѣ *правомочнымъ*. Уставъ говоритъ, что при веденіи наступательнаго сраженія, командованіе можетъ признать, въ цѣляхъ маневра, *предпочтительными оборонительныя дѣйствія на нѣкоторыхъ участкахъ фронта.*

3. Быстрое изнуреніе войскъ въ бою приводитъ къ необходимости предусматривать смѣну частей въ теченіе развитія операціи.

4. Авіація не только замѣнила дальнюю развѣдку кавалеріей, но отнынѣ она ведетъ боевую операцію въ воздухѣ.

5. Боевыя повозки (танки) способствуютъ наступленію пѣхоты, ломая мертвыя преграды и устраняя сопротивленіе живыхъ силъ врага въ полевомъ бою.

6. Особенно подчеркивается важное значеніе заранѣе продуманнаго управленія боемъ, значеніе одухотвореннаго сильной и глубокой мыслью веденія боя.

«Никогда еще ясновидящая (clairvoyante) и послѣдовательная мысль и упорная и энергичная воля не были такъ нужны, какъ въ нынѣшнемъ бою».

7. Для кавалеріи признается пѣшій огневой бой нормальной формой ея употребленія. Конный бой холоднымъ оружіемъ остается возможнымъ только для малыхъ единицъ и въ спеціальныхъ случаяхъ. Лошадь есть только средство быстраго передвиженія.

8. Частная инициатива, по прежнему, остается въ нѣкоторомъ подозрѣніи. О ея значеніи для боя почти не упоминается. Съ другой стороны, постоянно подчеркивается вся важность руководства боемъ старшимъ начальникомъ. Онъ заставляетъ чувствовать въ теченіе всего боя свое личное вліяніе и придаетъ сраженію характеръ объединенныхъ усилій, которыя одни только обезпечиваютъ побѣду . . .

Вся нынѣшняя военная система Франціи проникнута идеей подъема, въ случаѣ борьбы, всей націи, но такой подъемъ можетъ послѣдовать не сразу, *постепенно.* Какъ бы государство ни было къ тому подготовлено, но нельзя въ нѣсколько дней перейти отъ нормальной жизни къ жизни грандіознымъ военнымъ лагерямъ. Неизбѣжны промежуточные этапы. Возьмемъ одинъ изъ вѣроятныхъ случаевъ: новая борьба съ Германіей въ ближайшіе годы, когда тетъ-де-поны на правомъ берегу Рейна заняты французскими войсками и слѣдовательно французская оккупаціонная армія стоитъ на Рейнѣ.

Несомнѣнно, это даетъ крайне выгодное исходное стратегическое положеніе французамъ, а именно: встрѣтиться съ врагомъ не на своей, а на чужой территоріи, гдѣ, выбравъ опредѣленный рубежъ, сосредоточить свою полевую, перволинейную армію, подъ ея прикрытіемъ вести мобилизацію всего государства, и перебросить колоніальныя войска въ метрополію.

Указаннымъ рубежомъ едва ли можетъ быть выбранъ Рейнъ, такъ какъ это означало бы начать войну съ пассивной обороны этой водной линіи. Именно, владѣніе мостами уже въ мирное время указываетъ, что раіонъ сосредоточенія будетъ выбранъ восточнѣе Рейна. Этому способствуетъ и то, что нѣмцы въ настоящихъ условіяхъ не могутъ предупредить французовъ ни своей мобилизаціей, ни своимъ сосредоточеніемъ. По Версальскому договору, 50 километровая полоса восточнѣе средняго Рейна не можетъ заниматься нѣмецкими войсками. Военная граница Германіи отстоитъ на 50 километровъ къ востоку отъ Рейна. Мѣстность для развертыванія французовъ съ другой стороны, не можетъ быть избрана далеко отъ Рейна: нужно помнить о трудности обезпеченія своего тыла и коммуникацій во враждебной странѣ.

Наиболѣе подходящей линіей можетъ быть горный кряжъ. приблизительно въ 50 километрахъ восточнѣе и параллельно теченію средняго Рейна — по массивамъ Зауэрланда, Винтерwальда, Таунуса, Оденвальда и Шварцвальда; лѣвый флангъ упрется въ голландскую границу, правый — въ верхній Дунай близъ швейцарской границы. Эссенъ и Франкфуртъ на Майнѣ останутся въ раіонѣ, занятомъ французами. Сразу едва ли французы съ этой линіи начнутъ наступленіе на Берлинъ, не выждавъ полнаго окончанія всеобщей мобилизаціи. Надо считаться съ врагомъ и съ тѣмъ, что приходится дѣйствовать въ самомъ сердцѣ его страны. Для французовъ важно будетъ выждать время, и для этого выигрыша возможенъ даже временный постепенный отходъ къ Рейну, пока, наконецъ, на Рейнѣ не развернутся всѣ силы Франціи . . .

Такова конструкція французскихъ вооруженныхъ силъ послѣ міровой войны. Нельзя отказать въ логичности ея замысла, и въ цѣльности руководящей идеи ихъ устройства. Сквозитъ явное желаніе облегчить военныя тяготы мирнаго времени при условіи подготовки *всей націи къ борьбѣ* съ началомъ войны. Это не есть милиціонная система, это — милитаризація всего народа *на случай войны.*

Военный законъ, обезпечивающій государству использованіе всего здороваго мужского населенія; физическая подго-

товка молодежи до призыва; спеціальная школьная подготовка всей образованной молодежи для потребностей командованія на войнѣ; небольшіе кадры постояныхъ войскъ въ мирное время, приготовленныя къ потребностямъ содержанія оккупаціонной арміи и минимальнаго, въ теченіе 18 мѣсяцевъ, обученія очередного призыва; — только обученія, но не воспитанія; солидная подготовка многочисленнаго командного персонала, низшаго, средняго и высшаго; самое широкое использованіе современной техники и созданіе обширныхъ складовъ всякаго рода военно-техническихъ аппаратовъ и машинъ — техническая, матеріализація человѣческихъ силъ до предѣла; подготовка превращенія всего государства въ одинъ сплошной военный лагерь въ случаѣ войны.

Таковы отличительныя черты французской военной системы.

На ней лежитъ отпечатокъ національной культуры; обязательными залогами ея осуществимости являются пламенный патріотизмъ французскихъ гражданъ, широкая образованность населенія, привычка къ труду и сильное развитіе техники въ странѣ.

Всякая армія есть вѣрный отпечатокъ своего народа. Поэтому, что достижимо для Франціи, то совсѣмъ можетъ быть не подъ силу Россіи. Съ возстановленіемъ русской національной государственности, одновременно возникнетъ задача возсозданія Русской Арміи. Подражать французамъ не придется, нужно вдохновляться собственными мотивами, но было бы непростительно пренебречь ихъ мыслями и опытомъ въ устройствѣ основного института государства . . .

Сергѣй Добророльскій.

„ОТЪ СЕДАНА КЪ МАРНѢ“.

(Параллели 1870 и 1914 г.г-)

Въ сентябрѣ 1914 года, когда участь Парижа была на волоскѣ, когда судьба всей Франціи становилась сомнительной, а мы въ гостепріимной Россіи уже готовились, быть можетъ, принимать французскихъ бѣженцевъ, случилось «Чудо на Марнѣ».

Гордые, непобѣдимые нѣмцы, вдругъ оказались побѣжденными. Они спѣшно покатились на сѣверъ, бросая плѣнныхъ, бросая трофеи и что особенно важно, бросая надежды на побѣду, которую такъ внезапно вырвали у нихъ изъ рукъ.

Ясно, что столь необычайное явленіе должно было вызвать къ себѣ исключительный интересъ и дѣйствительно въ современной военной литературѣ операціи на Марнѣ удѣляется особенно много мѣста. Но, познакомившись съ источниками, я былъ захваченъ особой мыслью: Изучая начало европейской войны и въ частности бой на Марнѣ, я увидалъ, что виновникомъ его исхода является не Жоффръ и не Галліени, ни Мольтке и Клукъ, а нѣчто большее и неизбѣжное: Что глубокая причина побѣды и пораженія лежитъ не только въ счастливой комбинаціи, внезапно осѣнившей Жоффра и не въ изъятіи генераломъ Мольтке въ рѣшительный моментъ и изъ рѣшительнаго мѣста 2 корпусовъ, но, главнымъ образомъ, въ природѣ доктринъ.

Я пришелъ къ заключенію, что залогъ побѣды и пораженія на Марнѣ лежитъ въ кампаніи 70-71 года.

Вотъ почему, подходя къ очерку перваго мѣсяца великой войны, я долженъ коснуться Франко - Прусской кампаніи и остановиться на продолжительномъ періодѣ подготовки французскаго реванша.

ФРАНКО - ПРУССКАЯ ВОЙНА.

Къ 1870 г. на Францію надвигалась гроза съ Востока. Въ стремленіи закончить свою историческую задачу по объединенію германскихъ народовъ, а также съ цѣлью создать себѣ проч-

ное стратегическое положенiе въ Европѣ, желѣзный канцлеръ Бисмаркъ въ полномъ единенiи съ Начальникомъ Генеральнаго Штаба графомъ Мольтке, ковали свой мечъ противъ Францiи.

Когда политическая и стратегическая подготовки были закончены, когда взвѣшены были всѣ «за и противъ», когда по мудрому принципу Наполеона все предпрiятiе было обезпечено на 99 проц., тогда легко былъ найденъ поводъ для вызова легкомысленному Наполеону III и война, рѣшившая вопросъ господства въ Западной Европѣ, началась.

Планъ войны, разработанный графомъ Мольтке въ тиши кабинета былъ простъ, но продуманъ и предусмотрѣнъ до предѣловъ возможности.

Цѣль ставилась опредѣленная — уничтоженiе живой силы противника.

Средства къ этому — объединенныя германскiя армiи, а *способы* — упрежденiе въ мобилизацiи, рѣшительное вторженiе въ предѣлы Францiи и широкiй стратегическiй охватъ праваго фланга.

Внимательное изученiе свойствъ границы подсказало выборъ раiона сосредоточенiя и развертыванiя армiй.

Если мы обратимся къ картѣ (см. сх. № 1), то увидимъ, что Франко-Прусская граница рѣзко дѣлилась на два участка:

1) Отъ Люксембурга и до Лаутенбурга, который имѣлъ направленiе съ Сѣверо-Запада на Юго-Востокъ протяженiемъ около 150 верстъ, и

2) отъ Лаутенбурга до Швейцарiи вдоль Рейна; тянется прямо съ сѣвера на югъ, протяженiемъ около 200 верстъ. Второй участокъ исключалъ всякую возможность рѣшительныхъ дѣйствiй крупными силами.

Дѣйствительно, граница здѣсь представляла рядъ серьезныхъ естественныхъ препятствiй: прежде всего Рейнъ, а за нимъ Вогезы, лѣсистые, трудно доступные, съ весьма ограниченнымъ количествомъ узкихъ проходовъ. Къ тому же эти проходы запирались серьезными укрѣпленiями (Бельфоръ).

Ясно было, что дѣйствуя въ этомъ направленiи, нужно было бы терять много времени, нести очень большiя потери и безусловно отказаться отъ надежды нанести молнiеносный ударъ.

Война здѣсь становилась затяжной и получала характеръ крѣпостной.

Это не входило въ разсчеты нѣмцевъ и не отвѣчало ихъ военнымъ взглядамъ.

Наконецъ, уже и тогда являлась на сцену зависимость армiй отъ тыловыхъ дорогъ. Армейскiя сообщенiя прiобрѣтали свои права.

Въ Вогезахъ этихъ сообщенiй не было.

КАРТА
Западно-Европейскаго театра
военныхъ дѣйствій
Масштабъ
СѢВЕРНОЕ МОРЕ
ГОЛЛАНДІЯ
ГЕРМАНІЯ
БЕЛЬГІЯ
ФРАНЦІЯ
ШВЕЙЦАРІЯ
Антверпенъ
Калэ
Лилль
Монсъ
Намюръ
Льежъ
Мобежъ
Сенъ-Кантэнъ
Мезьеръ
Реймсъ
Верденъ
Метцъ
Шато-Тьерри
р. Марна
ПАРИЖЪ
Туль
Эпиналь
Бельфоръ
Мюльгузенъ
Люксембургъ
Прежняя граница Германіи обозначена пунктиромъ

Однимъ словомъ, второй участокъ, какъ раіонъ активныхъ дѣйствій отпадалъ. Наоборотъ, онъ въ полной мѣрѣ отвѣчалъ возможности надежнаго обезпеченія операціи слабыми силами.

Такимъ образомъ, оставался первый участокъ. Онъ не представлялъ серьезныхъ препятствій, ближе и легче выводилъ къ Парижу. Здѣсь-то на фронтѣ въ 150 верстъ и развернулись германскія арміи, которыя по плану Мольтке, должны были, вторгнувшись въ предѣлы Франціи, начать свой заходъ лѣвымъ плечомъ, отрѣзывая французовъ отъ Парижа и прижимая ихъ къ сѣверу, къ Бельгійской границѣ.

Война продолжалась не долго: 3 августа германскія арміи начали свое движеніе изъ раіона сосредоточенія; подъ Фрешвиллеромъ первое значительное столкновеніе головныхъ частей, послѣ котораго, не закончившіе своего сосредоточенія, наспѣхъ и безпорядочно мобилизованные, французы катятся къ Метцу.

16-го августа случайный, завязанный по частной иниціативѣ генерала Альвенслебена (командиръ III корпуса) бой, въ результатѣ коего Базенъ со своей арміей загнанъ и запертъ въ Метцѣ. Въ это время графъ Мольтке изъ газетъ узнаетъ объ арміи Макъ Магона, спѣшащей изъ Парижа на выручку къ Метцу вдоль Бельгійской границы.

Громадный механизмъ германскаго фронта заходитъ плечомъ и, завершая свой планъ охвата лѣвымъ флангомъ, 30 августа настигаетъ Макъ-Магона подъ Седаномъ.

Въ ночь съ 30 на 31 историческій приказъ Германской Главной Квартиры: «наступленіе возобновится съ разсвѣтомъ. Вездѣ, гдѣ противникъ будетъ встрѣченъ, атаковать рѣшительно», и въ результатѣ вся французская армія съ самимъ Императоромъ Наполеономъ III въ плѣну. На этомъ, собственно говоря, и окончилась эта молніеносная война.

Три недѣли понадобилось нѣмцамъ для того, чтобы разгромить французскую армію.

Большія потрясенія, достигнутыя въ столь краткій срокъ и съ такими малыми жертвами, не могли не ошеломить весь міръ, и война 70-71 г. послужила новымъ крупнымъ толчкомъ въ дѣлѣ развитія военной науки и искусства. Слишкомъ ясно было, что они должны въ полной мѣрѣ соотвѣтствовать современой культурѣ, что, нельзя останавливаться на мѣстѣ въ дѣлѣ ихъ развитія, и что, если и есть незыблемые принципы, то надо къ ихъ примѣненію подходить научно. Стало ясно, что военная теорія требуетъ внимательнаго къ себѣ отношенія и жестоко караетъ за небрежность.

ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ ТЕХНИКА.

Германія пережила свой Седанъ въ 1806 году. Іена и Ауэрштедтъ, вызвавшіе въ здоровой націи жажду жизни послужили и къ возрожденію военнаго дѣла. Въ 1816 году появляется Военная Академія.

Во главѣ ея становится прародитель германской военной науки и крупный военный мыслитель Клаузевицъ, который кладетъ начало изученію военной исторіи.

Въ 1858 году во главѣ германскаго Генеральнаго Штаба становится графъ Мольтке; достойный ученикъ Клаузевица, онъ идетъ дальше его и въ изученіе исторіи вкладываетъ новыя жизненныя начала. Это уже не простое констатированіе фактовъ, съ описаніями боевъ, поучительными выводами и опредѣленіемъ ошибокъ. Исторію онъ переноситъ на практическую почву современности. Выводы онъ приспосабливаетъ къ тѣмъ явленіямъ и условіямъ, которыя господствуютъ въ серединѣ XIX столѣтія, а отсюда и создаетъ военную доктрину, построенную на исторической почвѣ, съ правилами для настоящаго и путями для будущаго. Его база Наполеоновскія войны, Наполеоновскіе принципы. Что новаго въ элементахъ обстановки даетъ середина XIX вѣка?

Это: 1) ростъ армій, 2) усовершенствованіе оружія, 3) новыя средства передвиженія и связи.

Дѣйствительно, постепенный переходъ отъ рекрутскихъ армій къ общеобязательной повинности, наконецъ, самый характеръ войнъ, превратившихся изъ династическихъ споровъ, въ войны за насущные интересы, заставляетъ участвовать въ нихъ все большія и большія массы; а отсюда небывалый ростъ количества вооруженныхъ силъ и отъ десятковъ тысячъ, сотенъ тысячъ, арміи начинаютъ подходить къ милліону.

Нарѣзное оружіе дѣлаетъ его скорострѣльнымъ, увеличиваетъ его дальность, мѣткость и дѣйствительность. Губительность огня становится рѣшающимъ факторомъ на поляхъ сраженій.

Наконецъ, появленіе желѣзныхъ дорогъ, телеграфа, открываетъ новыя перспективы. Войска могутъ быстро перебрасываться; донесенія и распоряженія передаются на громадныя разстоянія; вмѣстѣ съ тѣмъ громоздкія арміи, какъ будто привязываются къ этимъ путямъ, начинаютъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ нихъ.

Словомъ ясно, что нельзя уже ограничиваться платоническими восторгами передъ «солнцемъ Аустерлица», блескомъ Ульма и т. д.; нужно что то пересматривать, передумывать, приспосабливать. И за эту работу, съ полнымъ восхищеніемъ пе-

редъ геніемъ Наполеона, берется его добросовѣстный и талантливый послѣдователь Мольтке.

Я подчеркиваю, что онъ послѣдователь, ибо дѣйствительно основные взгляды Мольтке, его отправныя данныя: «Принципъ частной побѣды, экономія силъ, пассивный участокъ и маневренная группа, обходы и охваты, какъ средство рѣшенія участи боя . . .» вѣдь это все то, что говорилъ и дѣлалъ Великій Полководецъ.

Мольтке отчеканилъ эти формулы, придалъ имъ научную форму и, проникшись ими, пошелъ дальше.

Уже въ способахъ управленія боемъ, въ непосредственномъ веденіи его мы видимъ разницу.

Наполеонъ воевалъ корпусами; онъ командовалъ своими маршалами; за полемъ боя слѣдилъ непосредственно и въ рѣшительную минуту, въ рѣшительномъ мѣстѣ лично пускалъ свои резервы, а иногда и самъ становился во главѣ ихъ.

Для Мольтке подобная роль была уже недоступной роскошью. По размѣрамъ армій и пространству полей онъ не могъ командовать, ему приходилось лишь управлять.

Вмѣсто приказаній, отдавались директивы. Резервы распредѣлялись между арміями и самъ Мольтке уже былъ не дѣйствующимъ лицомъ драмы, хотя бы и главнымъ, а режиссеромъ. Отсюда видоизмѣнилась и роль старшаго начальника. Въ созданіи плана, въ подготовкѣ операціи онъ властно и безраздѣльно царствовалъ, но послѣ того, какъ роли были распредѣлены, а машина заведена, старшій начальникъ могъ только руководить: подгонять одного, задерживать другого и въ очень рѣдкихъ случаяхъ, быть можетъ, тогда, когда грозила катастрофа, личное, но временное вмѣшательство.

Но такая, какъ будто «пассивная» роль старшаго начальника въ бою, обязывала его особенно продумывать операціи. Нужно было многое предусмотрѣть, нужно было многое обезпечить, чтобы несмотря на преграды навязать свою волю и дать событіямъ въ общихъ чертахъ тотъ ходъ, который считалъ нужнымъ начальникъ.

Мольтке говорилъ, что при рѣшеніи операціи, нужно, собственно, задаваться только двумя крупными вопросами: сначала «что я хочу?» и затѣмъ «какъ мнѣ можетъ помѣшать противникъ», первое, т. е. ясно сознанная цѣль, опредѣляетъ и необходимыя средства и общее направленіе ихъ, т. е. даетъ всѣ основныя данныя; второй предусматриваетъ возможныя случайности и говоритъ объ обезпеченіи операціи. Этотъ способъ мышленія при разрѣшеніи задачъ, дѣйствительно, въ наибольшей мѣрѣ обезпечиваетъ начальнику свободу дѣйствій. Онъ категорически отрицаетъ рѣшеніе за противника, т. е. стремленіе предугадать его дѣйствія; ими какъ будто пренебрегаютъ.

отводя лишь мѣсто во второй, менѣе важной, части: «какъ можетъ помѣшать противникъ».

Словомъ, по теоріи Мольтке, создается извѣстная предвзятость рѣшенія, которому надо противника подчинить. Теоретически рѣшеніе должно приниматься какъ бы въ отсутствіи противника, а затѣмъ уже вносятся поправки за счетъ возможныхъ его дѣйствій. Такимъ образомъ, по ученію Мольтке, побѣда должна быть не выиграна, а строго продумана, разсчитана и затѣмъ уже взята, какъ естественный призъ.

Роль Мольтке въ Германіи была чрезвычайна, послѣ удачной кампаніи 66 г., гдѣ впервые его теорія получила практическое примѣненіе, значеніе его еще болѣе усилилось, а послѣ блестяще выдержаннаго экзамена 1870-71 г. на поляхъ Франціи, онъ дѣлается абсолютнымъ авторитетомъ, своего рода, апостоломъ военной науки. Послѣ 1870 года онъ уже царствуетъ безраздѣльно. Принципы его проникаютъ и живутъ въ самой толщѣ германской арміи. Всѣ уставы, изданія, военно-ученыя работы опираются безусловно на авторитетъ Мольтке. Его духомъ, какъ бы пропитана вся армія, отъ мала до велика.

Всѣ его преемники не смѣли, да и не хотѣли что-либо мѣнять въ его ученіи и являлись лишь послушными послѣдователями по намѣченному имъ пути. Собственно говоря, въ 1914 году германская армія вышла съ тѣмъ же военно-научнымъ багажемъ, который она получила въ 1870 году, конечно, дополненнымъ и исправленнымъ данными, которые далъ XX-й вѣкъ и бывшія въ промежутки войны (Русско-Японская).

Авторитетъ Мольтке способствовалъ тому, что въ германской арміи установилось такъ называемое единство доктрины. И всѣ начальники отъ взводнаго командира до Командующаго арміей, въ общемъ, смотрѣли на вещи одинаково и въ тѣ или иныя военныя опредѣленія вкладывали совершенно точныя и ясныя понятія. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что и Капитанъ и Генералъ въ германской арміи, каждый въ своемъ масштабѣ, одинаково понимали бой, одинаково оцѣнивали обстановку и принимали въ большинствѣ случаевъ однообразныя по духу рѣшенія. Въ этомъ, конечно, была громадная сила германской арміи, но въ этомъ же, была и ея слабая сторона. Рождена была эта слабая сторона тѣми тѣневыми пятнами на блестящемъ фонѣ Франко-Прусской кампаніи, которыя, повидимому, прошли незамѣченными или не привлекли должнаго вниманія, и о которыхъ будетъ изложено ниже.

Обращаясь къ характеристикѣ дѣйствій сторонъ въ 1870 году, мы увидимъ, прежде всего, необычайную активность нѣмцевъ. Весь планъ былъ, собственно, проникнутъ этой активностью. Поставленная цѣль требовала быстрыхъ дерзкихъ дѣйствій и всѣ частные начальники, воспитанные въ этомъ напра-

вленіи проявляли эту дерзость въ полной мѣрѣ. Начальники не ждали указаній сверху, они сами оцѣнивали «мѣстную» обстановку, принимали частныя рѣшенія и настойчиво проводили ихъ въ жизнь. Проявленіе «частной инициативы» въ этой фейерверочной кампаніи сдѣлалось правиломъ. Достаточно было какой-нибудь колоннѣ услышать выстрѣлы по сосѣдству, чтобы принимать на мѣстѣ же свое рѣшеніе, въ большинствѣ случаевъ сворачиваніе для поддержки сосѣда. Отсюда родилась даже цѣлая теорія «движенія на выстрѣлы». При строгомъ разборѣ нельзя не остановиться на этой чрезмѣрной инициативѣ «даже ротныхъ командировъ», которая нерѣдко ставила старшаго начальника передъ совершившимся фактомъ и заставляла его принимать бои, которые, быть можетъ, въ общія соображенія и не входили.

Въ результатѣ нерѣдко Начальникъ дивизіи тянулся за своими рѣшительными бригадами и даже арміи за преисполненными активности Командирами корпусовъ (Альвенслебенъ. 16 августа).

Съ другой стороны, успѣхи нѣмцевъ рождали у нихъ необычайную самоувѣренность и чрезмѣрное развитіе первой части доктрины «что я хочу» такъ, что забывали вторую «какъ мнѣ можетъ помѣшать противникъ», почему, постепенно, начали пренебрегать обезпеченіемъ операціи. Таже самоувѣренность и предвзятость создавали иногда неотвѣчающія обстановкѣ рѣшенія, которыя потомъ наспѣхъ приходилось исправлять (направленіе армій на Маасъ, 16 августа).

Наконецъ, обращало на себя вниманіе и то, что вся система съ заранѣе принятымъ окончательнымъ рѣшеніемъ съ пренебреженіемъ къ «случайностямъ» и отсутствіемъ средствъ у Главнаго Командованія для непосредственнаго ихъ парированія, оказались какъ бы слишкомъ громоздкой, мало поворотливой, дѣйствующей по шаблону и отводящей мало мѣста для творчества.

Однако, война 70-71 года привела къ блестящимъ результатамъ, побѣдителей не судятъ «и большія дѣла малой кровью содѣянныя» оправдали и покрыли всѣ эти темныя стороны.

На поляхъ Бельгіи и Франціи въ 1914 году эти ошибки, какъ увидимъ, повторились, но «маленькій человѣкъ съ большой фамиліей» не справился съ наслѣдіемъ своего великаго дяди и позоръ Марны былъ послѣдствіемъ этихъ ошибокъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА.

По мѣткому выраженію «Режиналя Каннъ», французская военная доктрина, рождена была въ несчастьи пораженія, ея воспреемниками были неувѣренность и отчаяніе. Дѣйствитель-

но, трагедія Седана явилась для французовъ страшнымъ ударомъ по ихъ національному самолюбію, это былъ тотъ хлыстъ, который заставилъ ихъ очнуться отъ спячки, обратиться къ переоцѣнкѣ цѣнностей и броситься въ лихорадочныя поиски причинъ пораженія.

Почившая на лаврахъ, послѣ блестящихъ дѣяній Наполеона I-го, французская армія застыла въ своемъ развитіи. Казалось ей нечему было больше учиться. Но нѣтъ ничего постояннаго на свѣтѣ и если она остановилась въ своемъ совершенствованіи, то незамѣтно для себя она быстро покатилась по пути регресса.

Кончились великія войны и забыты были классическіе примѣры Великаго Императора. Дальнѣйшей боевой школой для французской арміи явились поля Африки. Малыя войны, узкіе масштабы, маленькіе начальники. Эта колоніальная война выдвинула отдѣльныхъ героевъ — удальцовъ, борьба была легкой, вела неизмѣнно къ побѣдѣ и на ряду съ необычайнымъ самомнѣніемъ родила опасное представленіе: «военное дѣло», говорили африканскіе герои, «не наука, а искусство». Научиться военному дѣлу нельзя, надо имѣть врожденный талантъ, а въ арміи воспитывать жажду подвиговъ и славы.

Съ такой подготовкой и съ такой доктриной явились въ 70 году арміи Наполеона III. Ошеломляющія пораженія этой несчастной кампаніи, подчеркнули невѣроятное невѣжество начальниковъ всѣхъ степеней. Полная растерянность, полное отсутствіе управленія, безразсудное отношеніе къ обстановкѣ, а отсюда, какъ естественное слѣдствіе, инертность, пассивность. Въ этомъ - то и увидѣли главную причину всѣхъ неудачъ.

Едва только пришли въ себя отъ страшныхъ ударовъ несчастной войны, горячо французы принялись за изученіе военнаго дѣла. Вскорѣ была создана Военная Академія, и естественно, что первое время тотъ же Мольтке былъ въ ней законодателемъ. Отвергнувъ все свое, французское, которое оказалось гнилымъ и устарѣвшимъ, сначала слѣпо увлеклись германскимъ; простое копированіе германской организаціи, германской доктрины, вотъ первые нервные шаги французской военной мысли. Но мало-по-малу, когда прошли увлеченія и оставалось лишь жгучее сознаніе перенесенныхъ ударовъ, начали болѣе внимательно изучать Мольтке и, наконецъ, поняли, что проще и пріятнѣе для французовъ обратиться къ первоисточнику, т. е. Наполеону. Занялись тщательнымъ изученіемъ Наполеоновскихъ войнъ, задавшись цѣлью создать свою національную научную теорію, свою французскую военную доктрину. Остановились на двухъ афоризмахъ Наполеона, которымъ цѣлая плеяда французскихъ военныхъ мыслителей,

какъ Ланглау, Бональ, Кардо и друг., придавала особенное значеніе, а именно: „S'engager partout et voir" и „provoquer l'evenement avec une masse de manoeuvre".

На ихъ основаніи была создана теорія. Французскій полевой Уставъ изд. 1895 г., въ главѣ о «боѣ» говорилъ слѣдующее: «Только наступленіе позволяетъ одержать рѣшительный успѣхъ. Бой дѣлится на три фазы: 1) подготовительный бой, завязываемый вначалѣ передовыми частями (конница, авангарды), а затѣмъ, частью главныхъ силъ; его назначеніе истомить врага, оріентировать начальника въ условіяхъ, въ которыхъ ему придется вести свою рѣшительную атаку; 2) рѣшительная атака, которая ведется въ самомъ слабомъ мѣстѣ противника въ самый выгодный моментъ, маневренной группой, не принимавшей участія въ бою до этихъ поръ; 3) вводъ въ дѣло общаго резерва, имѣющаго назначеніе преслѣдовать въ случаѣ успѣха или прикрыть отходъ, въ случаѣ неудачи».

Однако, эти взгляды, несмотря на то, что они были офиціально признаны и приняты, какъ руководство къ обученію, царили недолго и вскорѣ подверглись жестокой критикѣ съ разныхъ сторонъ: военная мысль еще бурлила, твердости взглядовъ все еще не устанавливалось.

Въ началѣ XX вѣка, на основаніи Англо-Бурской войны и, въ частности, неудачныхъ атакъ англичанъ, Генералъ Негріе обрушился на уставъ, находя его слишкомъ активнымъ, не удѣляющимъ мѣста комбинированнымъ дѣйствіямъ, съ пассивными и активными участками. Однако, авторы устава отстояли его и онъ уцѣлѣлъ. Но вскорѣ нападки появились, какъ разъ, съ противоположной стороны. Въ военныхъ кругахъ родилось мнѣніе о чрезвычайной пассивности устава. Находили, что въ немъ слишкомъ много методики. Возвращаясь къ образцамъ 70 года подчеркивали, что стремительность ударовъ, хотя бы въ ущербъ осмотрительности, рождаетъ успѣхъ. Восхваляли иниціативу частныхъ начальниковъ, бросавшихся на врага, не спрашивая «сколько его, а гдѣ онъ». Генералъ Альвенслебенъ, атаковавшій своимъ корпусомъ всю Армію Базена, почитался едва ли не большимъ героемъ, чѣмъ самъ Мольтке. Этого послѣдняго начали развѣнчивать во Франціи за его чрезмѣрную методику.

Отъ пассивности 70 года во Франціи въ XX вѣкѣ перешли въ другую крайность. Народился культъ активности. Наступленія во что бы то ни стало, какой угодно цѣной и при какихъ угодно обстоятельствахъ. Все тѣ же принципы Наполеона, или вѣрнѣе, древніе, какъ міръ, военныя аксіомы, были истолкованы послѣдователями этой «новой школы» по своему.

Къ Наполеоновской пропорціи, по которой $^3/_4$ успѣха основано на морали, съ легкимъ сердцемъ добавили еще одну

четверть и объявили, что *никогда нельзя быть слишкомъ активнымъ*.

Постепенно, эта «новая школа» все болѣе закрѣпляла свои позиціи, захватывала все болѣе и болѣе широкіе круги, наконецъ, сдѣлалась побѣдительницей и настолько покорила умы, что оказывала абсолютное вліяніе не только во всѣхъ отрасляхъ военной жизни, но даже и на общественное мнѣніе.

1. *въ подготовкѣ и обученіи войскъ* это отразилось прежде всего въ офиціальныхъ руководствахъ: въ послѣднемъ уставѣ уже говорилось: «Храбрая пѣхота съ энергичнымъ командиромъ можетъ ходить подъ самымъ сильнымъ огнемъ даже противъ упорно обороняемыхъ окоповъ и овладѣть ими».

Всегда, при разрѣшеніи тактическихъ задачъ и на всѣхъ военныхъ играхъ каждый начальникъ стремился только къ одному — какъ можно раньше и во что бы то ни стало атаковать. На маневрахъ, части бросались въ атаку, съ развернутыми знаменами, подъ бой барабановъ.

Еще въ одиночной подготовкѣ стрѣлка была извѣстная поучительность, но всякое двустороннее ученіе обязательно приводило къ встрѣчной атакѣ, каждый стремился броситься на врага нисколько не интересуясь, какъ и когда это можно сдѣлать.

Наступленіе изъ средства сдѣлалось цѣлью. «*Неосторожность въ наступленіи, лучшее обезпеченіе*», вотъ одна изъ ходячихъ фразъ того времени.

2. *Въ организаціи арміи.*

Организаціи и техническое снабженіе арміи было подчинено той же идеѣ.

Германія добросовѣстно шла по пути начертанному Фельдмаршаломъ Мольтке и внимательно изучала и приспосабливала всѣ новѣйшія явленія жизни. Въ частности, Русско-Японская война толкнула Германію на усиленіе артиллеріи и на созданіе пулеметныхъ частей, и полевой тяжелой артиллеріи.

Во Франціи, тотъ же опытъ былъ истолкованъ по своему: пораженіе русскихъ объясняли только пассивностью, а потому отказались и отъ тяжелой артиллеріи и отъ сильныхъ пулеметныхъ частей, опасаясь обременить пѣхоту, стѣснить ея порывъ.

Лишь противъ желанія, какъ бы отдавая дань времени, къ 1914 году, во всей французской арміи было создано 21 батарея 15 см. гаубицъ Римальо и незначительное число пулеметовъ.

Въ конницѣ, все въ тѣхъ же стремленіяхъ, сохранилось 12 полковъ тяжелой кирасирской конницы, со всѣми ея атрибутами, съ коими они выступили и по мобилизаціи. И въ *стратегіи* французы оставались вѣрны себѣ и Верховное командо-

ваніе было проникнуто той же наступательной тенденціей и планъ войны, какъ увидимъ это ниже, былъ разработанъ Генеральнымъ Штабомъ въ томъ же направленіи — наступленіе немедленно и по всему фронту.

Общественное мнѣніе было также захвачено идеей наступленія, которая сдѣлалась какъ бы національнымъ пониманіемъ веденія войны. Послѣднее является чрезвычайно характернымъ и имѣло серьезныя послѣдствія, давя на волю Верховнаго командованія даже тогда, когда глаза его раскрылись и неизбѣжность катастрофы обрисовывалась уже достаточно ярко.

Такъ завершилась къ началу Великой войны эволюція военной мысли во Франціи!

Причины, почему французы пошли именно этимъ путемъ, мы уже выяснили.

Слѣдствія мы увидимъ изъ дальнѣйшаго хода событій, а для законченной характеристики военной подготовки французовъ интересно привести остроумное заключеніе Режиналя Каннъ, который говоритъ: «мы потратили 40 лѣтъ на то, чтобы изучить, что надо было бы сдѣлать для того, чтобы выиграть войну 70 года».

Такимъ образовъ, въ то время, какъ нѣмцы добросовѣстно и прилежно идя по стопамъ своего учителя Фельдмаршала Мольтке, тщательно изучали и совершенствовали свою систему, зорко слѣдили за всѣми событіями и къ 1914 году создали сложную, но стройную механическую систему, французы шли съ рѣзкими колебаніями, мѣняли свои взгляды, переходили отъ крайности къ крайности, и вкладывали въ свою работу больше нервовъ и сердца, чѣмъ разума и логики.

Въ результатѣ, къ 1914 году, у нѣмцевъ — могучая армія, богато снабженная технически, однообразно выученная — послушное орудіе въ рукахъ вождя. У французовъ одна идея, одинъ принципъ — наступленіе во что бы то ни стало; въ угоду ему армія слабо снабжена, плохо обучена.

Съ другой стороны, у нѣмцевъ много методики и разсчета: частные начальники, привыкшіе къ побѣдѣ увѣрены въ ней, воспитаны въ духѣ иниціативы, но самая иниціатива въ силу однообразія взглядовъ вложена, собственно говоря, въ весьма узкія рамки.

Однимъ словомъ, много научности, но мало простора для творчества. Вся система мало подвижна, построена на предварительномъ разсчетѣ, дѣйствуетъ механически, но мало приспособлена къ случайностямъ.

У французовъ ничего опредѣленнаго, лишь одинъ ярко выраженный, но довольно расплывчатый принципъ активности. Мало научности и логики, но зато безконечный просторъ

для творчества. Сильно культивированный порывъ, жажда мести, высокая мораль, развитая въ ущербъ матеріальной сторонѣ. Масса возможностей, отъ катастрофы и вплоть до блестящихъ успѣховъ, если Германское командованіе представитъ къ тому удобный случай. Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ двѣ доктрины, которыя въ рѣшительной схваткѣ встрѣтились на поляхъ Бельгіи и Франціи въ 1914 году и разрѣшили свой споръ въ бою на Марнѣ.

ПЛАНЫ СТОРОНЪ *).

ГЕРМАНСКІЙ ПЛАНЪ.

Несмотря на то, что послѣ блестящихъ побѣдъ 1870-71 г.г. военная мощь Франціи была сломлена и она непосредственной угрозы представить уже не могла, Германія все же оружія не складываетъ; попрежнему она зорко слѣдитъ за своей западной сосѣдкой, попрежнему мечъ и перо, стратегія и дипломатія продолжаютъ работать рука объ руку и въ самомъ тѣсномъ контактѣ.

Тотчасъ послѣ войны и даже первые 20 лѣтъ послѣ нея, общая обстановка, въ сущности, остается неизмѣнной. Неизмѣннымъ въ общихъ чертахъ остается и планъ войны. Въ предвидѣніи ея въ Эльзасъ-Лотарингіи ведутся усиленныя работы стратегическаго масштаба: подводятъ линіи желѣзныхъ дорогъ, строятъ военныя платформы, создаютъ маневренныя крѣпости (Метцъ) и т. д.; все говоритъ за то, что здѣсь подготовляются возможно выгодныя условія вступленія въ войну, по пути, уже проторенному маститымъ Фельдмаршаломъ.

Въ то же время и величайшій государственный мужъ своего времени Бисмаркъ, дополняетъ эту подготовку Генеральнаго Штаба, давая постоянное политическое обезпеченіе операціи: своей твердой, мудрой, внѣшней политикой, онъ создаетъ обстановку, при которой Германіи приходится считаться всегда лишь съ однимъ противникомъ; Бисмаркъ почти устраняетъ возможность борьбы на два фронта.

Но проходятъ годы и условія мѣняются: умираетъ графъ Мольтке, уходитъ со сцены желѣзный Канцлеръ. На смѣну приходитъ Вильгельмъ II со своей политикой бряцанія оружіемъ. Образуется тройственный союзъ; въ противовѣсъ ему республиканская Франція ищетъ сближенія съ монархической Россіей и въ 1893 году является Франко-Русскій Союзъ, а вмѣстѣ съ нимъ и небывалая для Германіи угроза борьбы на два

*) Примѣч. Редакціи. Вопросу подготовки Германіи и Франціи къ міровой войнѣ посвященъ обширный и всесторонне разработанный трудъ ген Добророльскаго „Стратегическіе планы сторонъ передъ началомъ міровой войны“. См. Военный сборникъ № 2 1922 г,

фронта, борьбы съ ненавидящей, полной жажды мести Франціей и спокойнымъ, правда, тяжелымъ на подъемъ, но могучимъ русскимъ колосомъ.

Явились новыя данныя — нужны новыя рѣшенія!

Въ 1870-71 году графъ Мольтке учитывалъ возможность борьбы на два фронта, ибо не была вполнѣ устранена возможность выступленія Австро-Венгріи, проигравшей войну 1866 г.

На этотъ случай, графъ Мольтке рѣшалъ вопросъ просто и послѣдовательно: онъ нападалъ на Францію, оборонялся противъ Австріи. Во Франціи онъ искалъ быстраго и дѣйствительнаго рѣшенія, на второстепенномъ театрѣ онъ былъ готовъ на какія угодно временныя уступки, хотя бы даже очищеніе всей Силезіи. Онъ не оглядывается назадъ. Онъ знаетъ, что все это вернетъ сторицею. (Цѣльность рѣшенія, достойная большого вниманія!).

Отсюда и развертываніе силъ: 10 корпусовъ противъ Франціи и только заслонъ — три корпуса противъ Австріи.

Этотъ планъ послужилъ примѣромъ и для Шлиффена. Начальника Германскаго Генеральнаго Штаба съ 1891 по 1906 годъ, которому, въ главныхъ чертахъ, принадлежитъ планъ послѣдней войны.

Въ своемъ рѣшеніи Шлиффенъ исходилъ изъ слѣдующей оцѣнки свойства противника.

Французы мобилизуются быстро, по характеру своему они крайне впечатлительны: паденіе Парижа почти знаменуетъ конецъ войны, во всякомъ случаѣ, какъ показалъ опытъ 70-71 года, конецъ серьезнаго, организованнаго сопротивленія. Парижъ близко и достигнуть его можно скоро.

Россія мобилизуется и сосредотачивается медленно, даетъ выигрышъ во времени, вмѣстѣ съ тѣмъ, средства ея неизсякаемы. Для того, чтобы ее прикончить, мало, какъ доказала это гибель Наполеона, даже взять Москву.

Отсюда, основное рѣшеніе: всѣми силами обрушиться на Францію, въ это время заслоняться противъ Россіи, отходя здѣсь передъ превосходными силами. Разгромивъ Францію, перебросить свои войска противъ Россіи и схватиться съ ней одинъ на одинъ.

Рѣшеніе подобно плану Мольтке, цѣльное, смѣлое, но также требующее готовности къ жертвамъ, въ случаѣ вторженія Русскихъ Армій. Рѣшеніе, которое требовало отъ исполнителя не только мудрости, но и желѣзныхъ нервовъ. Великія дѣла требовали и великихъ исполнителей.

Этотъ планъ былъ принятъ и въ осуществленіе его съ полной послѣдовательностью приступили къ работамъ: на востокѣ создавался рядъ укрѣпленій, имѣвшихъ цѣлью дать большій выигрышъ времени; укрѣплялась линія Вислы,

которая должна была быть крайнимъ предѣломъ вторженія русскихъ; вся Восточная Пруссія приспосабливалась для упорной затяжной обороны малыми силами.

На Западѣ лихорадочно развивались желѣзныя дороги, военныя платформы, создавались и совершенствовались пути сообщенія — все для ускоренія развертыванія и облегченія маневрированія.

Обращаясь къ подробностямъ, интересующаго насъ плана войны на Западѣ, надо отмѣтить, что по сравненію съ 70-71 годомъ, условія значительно измѣнились. Физическія свойства новыхъ границъ оставались тѣ же. Если Рейнъ отошелъ въ глубь страны, то на смѣну ему явились Вогезы, пересѣченныя, бездорожныя, недоступныя для серьезныхъ операцій крупными массами, къ тому же, эти неудобства усугублялись еще наличіемъ линіи крѣпостей Туль-Бельфоръ, которыя затрудняли, а главное, замедляли всякія операціи.

Оставался, такимъ образомъ, тотъ же участокъ границы отъ Люксембурга и до Донона въ 150 верстъ шириной. Однако, это пространство уже и въ 1870 году оказалось недостаточнымъ для развертыванія, что какъ извѣстно, едва не повлекло вооруженнаго столкновенія I и II германскихъ армій между собой изъ-за перекрещиванія частей; теперь же, когда арміи сильно возросли, когда даже корпусъ на одной дорогѣ академически не допускался, этотъ участокъ уже не отвѣчалъ своему назначенію. Взоры обратились къ Сѣверу, и нарушеніе нейтралитета Бельгіи и Люксембурга было предрѣшено. Правда, вторженіе въ Бельгію ставило ее въ ряды противниковъ, но, во-первыхъ, армія ея не представляла серьзной силы, а во-вторыхъ, не трудно было предвидѣть, что Бельгія, родственная по духу и языку Франціи, все равно примкнетъ къ ней.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, захватъ Бельгіи давалъ неоцѣненныя военныя выгоды. Онъ позволялъ вторгнуться во Францію съ Сѣвера, создавалъ глубокій обходъ ея Армій или вызывалъ сильную ихъ растяжку по фронту. Общее начертаніе границъ получало выгодную форму охватывающаго угла. Наконецъ, здѣсь же лежали кратчайшіе и удобнѣйшіе пути къ Парижу.

Такимъ образомъ, если по международному праву это нарушеніе нейтралитета являлось преступнымъ, то военная наука, законъ разумной логики, властно толкали на это преступленіе.

Послѣдовательные въ своихъ рѣшеніяхъ, нѣмцы этотъ рубиконъ рѣшили перейти и планъ ихъ на западѣ въ общихъ чертахъ былъ таковъ:

Слѣва, въ Эльзасѣ, пассивная оборона ничтожными частями, ибо здѣсь трудно ожидать дѣйствія противника, а если бы это и случилось, то естественныя препятствія и сильныя

укрѣпленія вполнѣ обезпечатъ необходимый выигрышъ во времени.

Справа, мощная ударная группа вторгается въ Бельгію и быстро форсируетъ Маасъ. Въ пространствѣ между Маасомъ и Шельдой двигается въ общемъ направленіи на Парижъ. Обходитъ арміи противника съ сѣвера. Отбрасываетъ французовъ въ юго-восточномъ направленіи, сбивая ихъ въ безпорядочную массу къ Швейцарской границѣ и здѣсь, заканчивая окруженіе, ликвидируетъ эти арміи, а съ ними вмѣстѣ и судьбы Франціи.

Въ центрѣ, въ раіонѣ Метца, по свойствамъ мѣстности и важности направленія можно ожидать серьезнаго натиска французовъ съ первыхъ же дней войны. Серьезный успѣхъ, развиваемый въ сѣверо-восточномъ направленіи, былъ бы грозенъ: онъ можетъ сорвать всю операцію; слѣдовательно, здѣсь нужно сосредоточить серьезныя силы, обезпечивающія успѣхъ задуманнаго плана. Особое содѣйствіе этимъ силамъ долженъ оказать Метцъ, большая маневренная крѣпость. Силы эти будутъ занимать выжидательное положеніе и выдержавъ первый натискъ противника, сами послѣдующими активными дѣйствіями разовьютъ ударъ маневренной группы.

Мы видимъ стройный планъ, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ стратегіи Мольтке: мы видимъ и ясно поставленную цѣль, «что я хочу» — уничтоженіе живой силы; и способы проведенія этого въ жизнь — мощная маневренная группа справа; и, наконецъ, разумную предусмотрительность, «какъ можетъ помѣшать противникъ», въ видѣ сильной группы въ раіонѣ Метца; какъ проводилось практически это рѣшеніе въ жизнь, увидимъ ниже (см. сх. № 2).

Въ подсчетѣ силъ германскаго плана войны фигурировали Германскія, Австрійскія арміи и, въ незначительной степени, Итальянскія. По существовавшему соглашенію съ Итальянскимъ Генеральнымъ Штабомъ, послѣдній къ началу войны долженъ былъ выставить противъ французовъ 2-3 корпуса, составляя угрозу ея правому флангу со стороны Швейцаріи.

Въ послѣдніе годы передъ войной явилось рядъ условій, осложнившихъ обстановку. Въ Бельгіи была объявлена всеобщая воинская повинность, что увеличило ея боевой составъ; въ Россіи быстро развивалась желѣзно-дорожная сѣть, что все болѣе и болѣе сокращало основной элементъ въ разсчетахъ Германскаго Генеральнаго Штаба — выигрышъ времени; этотъ выигрышъ становился все меньше, ибо съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ ускорялся темпъ и мобилизаціи и сосредоточенія Русской Арміи. Наконецъ, и въ политической обстановкѣ явились неблагопріятные симптомы: слабѣли связи съ Италіей, а историческая ея вражда съ Австріей подсказывала всю шат-

кость и искусственность тройственнаго союза. Конечно, эти данныя не мѣняли плана въ корнѣ, но какія-то поправки на реальную дѣйствительность требовались. Но не было уже въ живыхъ творца Германской системы Фельдмаршала Мольтке, не было и внимательнаго его ученика фонъ-Шлиффена; во главѣ Германскаго Генеральнаго Штаба былъ, правда, тоже Мольтке, но этому Мольтке его громкая фамилія была не по плечу и онъ принялъ переданный ему по наслѣдству планъ, не будучи въ состояніи по завѣтамъ Фельдмаршала приспособить его къ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, оцѣнивая планъ войны, мы должны признать, что при данныхъ условіяхъ онъ въ крупныхъ своихъ чертахъ былъ вполнѣ цѣлесообразенъ, но были въ немъ и тревожныя трещины, были тѣ тонкія мѣста, которыя рвутся, и если въ части его активной «что я хочу» все обстояло благополучно, то въ части пассивной — «какъ мнѣ можетъ помѣшать противникъ» — уже намѣчались слабыя стороны.

Было и еще одно тревожное явленіе моральнаго свойства. Раздавались голоса о томъ, что жертвовать, въ случаѣ вторженія русскихъ, всей Восточной Пруссіей нельзя, что слѣдуетъ побольше думать о ея обезпеченіи. Вниманіе полководца отвлекалось отъ воли къ побѣдѣ, все больше въ тылъ къ богатой хлѣбной провинціи. Въ планѣ войны явились указанія на необходимость добиваться рѣшенія на западѣ для того, чтобы «успѣть предотвратить ужасы нашествія русскихъ».

Въ стратегію начинала вмѣшиваться внутренняя политика и если реально это еще не сказывалось, то уже можно было сомнѣваться, устоитъ ли воля вождя передъ общественнымъ мнѣніемъ въ тотъ моментъ, когда кризисъ надвинется?

Такимъ образомъ арміи выпускались на западъ, но не съ непоколебимымъ твердымъ рѣшеніемъ добиваться своего во что бы то ни стало, а съ тревожной оглядкой назадъ. Система, которая сильна была только своей логикой и неумолимой послѣдовательностью, окутывалась легкой дымкой сомнѣнія.

ФРАНЦУЗСКІЙ ПЛАНЪ.

Помимо наступательной тенденціи, на которой, какъ мы видѣли, были воспитаны во Франціи и общественность и арміи, были и реальныя данныя, съ которыми долженъ былъ считаться Французскій Генеральный Штабъ, вырабатывая свой планъ войны. Этими реальными данными были: 1) неизбѣжное запаздываніе въ мобилизаціи; 2) невозможность первыми нарушить Бельгійскій нейтралитетъ и наконецъ, 3) физическія неудобства нѣкоторыхъ участковъ границъ.

Доктрина толкала французовъ къ наступленію во что бы то ни стало и гдѣ бы то ни было, т. е. по всему фронту.

Учетъ реальныхъ условій подсказывалъ необходимость выжидательнаго плана. Желая удовлетворить всѣмъ требованіямъ сразу, т. е. и съ жизненностью посчитаться и доктрину уважить, французы пришли къ половинчатому рѣшенію: *наступать по всему фронту* отъ Швейцаріи до Метца; на Бельгійской границѣ обороняться, выждавъ здѣсь событій. Изучая работу мирнаго времени Германскаго Генеральнаго Штаба, французы видѣли, какъ центръ тяжести военной подготовки уже сначала XX вѣка переносится изъ Эльзаса въ раіонъ пограничной съ Бельгіей полосы. Нетрудно было понять, что это значитъ. Ясно становилось, что нѣмцы вторгнутся въ Бельгію и черезъ нее станутъ угрожать Франціи; и отдавая дань дѣйствительности, Французскій Генеральный Штабъ сталъ гадать за противника: въ какомъ масштабѣ разовьются операціи нѣмцевъ въ Бельгіи, гдѣ будутъ предѣлы вторженія, обходъ или охватъ? Ставши на путь догадокъ, и какъ полагается колебались, и въ результатѣ ошиблись: Учитывая трудности форсированія Мааса, переоцѣнивая значеніе Льежа, французскій Генеральный Штабъ пришелъ къ заключенію, что обходное движеніе нѣмцевъ въ Бельгіи ограничится восточнымъ берегомъ Мааса, а потому группу обезпеченія рѣшилъ сосредоточить въ раіонѣ Мозера.

Такимъ образомъ планъ выражался въ общихъ чертахъ такъ: 1) наступленіе по всему фронту — Швейцарская граница — Метцъ; 2) обезпеченіе лѣваго фланга со стороны Бельгіи; 3) главный ударъ наносится съ развитіемъ событій, для чего мощный стратегическій резервъ долженъ быть сохраненъ до этого соотвѣтствующаго момента.

Ниже, изучая развертываніе армій, мы увидимъ съ какими искаженіями и этотъ расплывчатый планъ проводился въ жизнь.

Оцѣнивая приведенный здѣсь планъ, намъ должна броситься въ глаза туманность, позволю себѣ сказать, безидейность плана: не было въ немъ ни точнаго—«что я хочу», ни продуманнаго — «какъ мнѣ можетъ помѣшать противникъ».

Въ настоящемъ планѣ налицо уступки и сердцу, и разуму; и наступательному духу, и тревогамъ; и чистой доктринѣ, воспитанной на маневрахъ и военныхъ играхъ и реальной дѣйствительности, предъявлявшей свои требованія. Половинчатость рѣшеній приводитъ къ роковымъ результатамъ, мы ихъ увидимъ ниже. Сравнивая лишь планы сторонъ, мы найдемъ у нѣмцевъ *опредѣленное предвзятое рѣшеніе; ему подчинено все и оно, неумолимо ломая всякія преграды и предразсудки (международное право), должно твердо проводиться въ жизнь:*

стратегическое наступленіе, оборона на лѣвомъ флангѣ, ударъ справа. У французовъ цѣлью является лишь наступленіе, но гдѣ, какъ и для чего, это предоставлено рѣшить ходу событій.

Нѣмецкой предусмотрительности и методикѣ противупоставляется порывъ и случайность.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНІЕ АРМІЙ).*

(См. схему **№ 2.**)

По германскому плану стратегическое развертываніе армій произодилось такъ. На пассивномъ участкѣ отъ Швейцарской границы до Донона всего 150 верстъ развертывался только одинъ корпусъ, усиленный ополченскими частями. Въ раіонѣ Метцъ — Дононъ — выжидательная группа 6-й и 7-й армій (8 корпусовъ).

Далѣе, къ сѣверу отъ Метца и вдоль Бельгійской границы (активный участокъ) разворачивались 5, 4, 3, 2 и 1 арміи, всего 27 корпусовъ, причемъ части здѣсь постепенно сгущались къ правому флангу, а собственно ударную группу, которая должна была форсировать Маасъ и выходить въ тылъ французамъ въ общемъ направленіи Мобежъ—Парижъ, составляли 1 и 2 арміи въ 13 корпусовъ.

Такимъ образомъ, распредѣленіе силъ вполнѣ отвѣчало идеѣ; принципъ экономіи силъ соблюденъ въ полной мѣрѣ: — изъ 72 дивизій — 54-56 дивизіи для удара, 16 — обезпечиваютъ операцію и только 2+ополченскія части прикованы къ мѣсту, имѣя узкую, пассивную задачу. Но мало того, строгая продуманность распредѣленія силъ идетъ дальше, и если вообще для активныхъ дѣйствій вначалѣ предназначалось 27 корпусовъ, т. е. $^3/_4$ всѣхъ силъ на этомъ фронтѣ, то для рѣшительнаго удара удѣляется половина всѣхъ активныхъ силъ — 13 корпусовъ, сосредотачиваемыхъ притомъ на участкѣ вдвое меньшемъ, чѣмъ другая половина. Такимъ образомъ, если не быть придирчивымъ, то слѣдуетъ признать развертываніе продуманнымъ и на первое время безусловно цѣлесообразнымъ. Цѣльность и опредѣленность рѣшенія въ планѣ, ярко проведены въ жизнь.

Французы, какъ извѣстно, по идеѣ различали въ своемъ планѣ двѣ части: наступательную и выжидательную; такимъ образомъ въ стратегіи своей французы какъ будто допускали, что наступать будутъ только на одномъ участкѣ, но въ тактикѣ, они не могли уже идти такъ далеко по пути уступокъ реальности и, побуждаемые своей военной доктриной, французы рѣшили, что тактически наступать будутъ всѣ арміи.

---

*) **Примѣчаніе редакціи.** См. № 2 Военнаго Сборника. — „Стратегическіе планы сторонъ передъ началомъ міровой войны“ — С. Добророльскаго.

Для того, чтобы осуществить наступленіе, надо быть достаточно сильнымъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ соображеній французы растянули по всей границѣ отъ Швейцаріи и до Мозьера 1, 2, 3, и 5 арміи, приблизительно равномѣрно распредѣливъ въ нихъ силы.

Въ этой группировкѣ только искусственно можно намѣтить активный (1 и 2 арм.) участокъ и пассивный (3 и 5), никакихъ же внѣшнихъ признаковъ, ввидѣ экономіи силъ или особой группировки найти нельзя. Все подчинено одной доми-

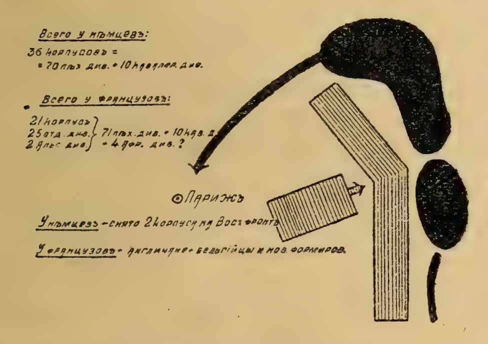
нирующей идеѣ наступать во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе. Въ результатѣ за этими арміями, приблизительно въ центрѣ, стояла 4-я армія, очевидно предназначенная для развитія успѣха въ будущемъ рѣшительномъ направленіи.

Въ результатѣ развертыванія французской арміи — тонкій равномѣрный кордонъ по всей границѣ. Отсутствіе цѣли въ планѣ создало растянутость армій ввидѣ пограничнаго кордона; отсутствіе яснаго сознанія «какъ можетъ помѣшать противникъ» и невѣрная разгадка его намѣреній, привела къ тому, что уже въ самомъ развертываніи французы подставили свой флангъ и тылъ, ударной германской арміи.

Схема № 3, рисующая сравнителное развертываніе арміи ввидѣ схематической идеи, ясно говоритъ, что въ сосредоточеніи армій, въ стратегіи сторонъ лежалъ залогъ первоначальныхъ пораженій французовъ: сильному механизму германскихъ

СХЕМА №3

сравнительнаго развертыванія французскихъ и Германскихъ Армій по идеѣ.



армій, этому мощному, занесенному молоту, подставлялась подъ удары хрупкая растянутая полоса; какъ же было ее не разбить?

Сравнивая силы сторонъ, мы видимъ, что въ общемъ онѣ равны, однако вездѣ, гдѣ рѣшается участь сраженія, нѣмцы сильнѣе и только тамъ, гдѣ сама природа помогаетъ нѣмцамъ и гдѣ серьезныхъ объектовъ нѣтъ, французы сильнѣе нѣмцевъ (отъ Донона до Швейцаріи).

Не рѣшаюсь давать рецептовъ, но невольно напрашивается рѣшеніе для французовъ: обстоятельства диктовали необходимость выжидательныхъ дѣйствій; расположеніе частей должно отвѣчать обстановкѣ; слѣдовательно, картина развертыванія должна была быть примѣрно такова: сильныя развѣдывательныя части по границѣ, прикрывающія сосредоточеніе и раскрывающія карты нѣмцевъ. Арміи сгруппированы въ глубинѣ въ уступномъ порядкѣ, обезпечивающемъ взаимодѣйствіе. Съ раз-

витіемъ наступленія нѣмцевъ, встрѣчное наступленіе: прикрывая Парижъ, ударъ по внѣшнему флангу.

Конечно, подобное рѣшеніе потребовало жертвъ, и матеріальныхъ, ввидѣ уступки части территоріи и моральныхъ — отказъ отъ немедленнаго наступленія; но зато оно несло бы въ себѣ какую то идею; отвѣчало бы маневромъ на маневръ.

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

(См. схемы № 4 и 5).

3-го августа объявлена война, въ ночь съ 3-го на 4-е германскія арміи переходятъ Бельгійскую границу — 5-го августа генералъ Людендорфъ во главѣ бригады дерзко атакуетъ Льежъ открытой силой, форты падаютъ, а Цитадель сдается Людендорфу, подъѣхавшему на автомобилѣ съ адъютантами. Такъ началась война.

Съ этого момента тайное стало явнымъ, догадки начали воплощаться въ жизнь. Рѣшительная атака Льежа раскрыла карты, она показала, что расчеты французовъ не оправдались, что нѣмцы не удовлетворяются полумѣрами, что Маасъ и даже Льежъ не остановилъ ихъ натиска. Грозовая туча нависла глубоко надъ лѣвымъ флангомъ и тыломъ французскихъ армій. Нужны были срочныя мѣры противодѣйствія; германская доктрина навязывала свою волю — французамъ приходилось повиноваться ей.

Чтобы прикрыть тылъ и остановить обходящую группу — лѣвый флангъ французовъ — 5 армія протягивалась до Самбра. Въ промежутокъ между 3 и 5 арміями вклинялась резервная 4 армія. Всѣ французскія арміи растягивались въ одну линію, безъ всякой глубины, безъ всякаго резерва; лѣвый участокъ, по идеи представлявшій собой пассивную часть плана, усиливался за счетъ праваго, активнаго. Мало того, наканунѣ рѣшительныхъ дѣйствій всѣ арміи были въ движеніи, совершая рокировку частей вдоль фронта справа налѣво. Залогъ пораженія изъ стратегіи переходилъ въ тактику.

Такъ по странной ироніи судьбы, французы, которые превыше всего ставили иниціативу дѣйствій, съ мѣста же принуждены были уступать ее врагу. Жизнь и дѣйствительность предъявляли свои неумолимыя права.

Во исполненіе своего плана германскія арміи, перейдя Маасъ, отбрасываютъ Бельгійцевъ безъ особаго труда; заслоняются отъ нихъ двумя корпусами и начинаютъ заходить правымъ плечемъ, продвигая его первоначально въ общемъ направленіи на юго-западъ. Вся система, опираясь на Метцкую группу, какъ на ось, медленно, но вѣрно и почти безпрепятственно надвигается къ Франко-Бельгійской границѣ.

Между тѣмъ французы, спѣшно выполняя намѣченныя перегруппировки, не отказываются отъ своихъ первоначальныхъ стремленій — наступать немедленно и по всему фронту; нужды нѣтъ, что обстановка какъ будто измѣнилась, что нѣтъ уже даже и той masse de manoeuvre, которая должна рѣшать вопросъ. Прежде всего наступленіе. И оно начинается во всѣхъ арміяхъ по мѣрѣ того, какъ они готовы. Сначала (14—20 августа) атакуютъ передъ своимъ фронтомъ 1 и 2 арміи: много мужества, много подвиговъ, но нуль существенныхъ результатовъ и, послѣ незначительныхъ мѣстныхъ успѣховъ, атаки замираютъ.

21-го августа 3 и 4 арміи вторгаются въ Бельгію, входятъ закрывши глаза въ лѣсистыя пересѣченныя Ардены; нарываются на нѣмцевъ; въ колоннахъ попадаютъ подъ артиллерійскій огонь и, наконецъ, въ безпорядкѣ отходятъ.

5-я армія спѣшитъ къ Самбру, гдѣ она тоже должна принять свое участіе въ наступленіи. Но на переправахъ ее упреждаетъ 2 германская армія, бьетъ ее и, наконецъ, она,

угрожаемая съ тыла 3-й германской арміей, въ безпорядкѣ также откатывается на югъ. Сѣвернѣе англичане, не оказывая сопротивленія, поспѣшно уходятъ, гонимые фонъ-Клукомъ (1-я германская армія). Такъ неудачно закончилась попытка французовъ быть настойчивыми въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи, теперь, меньше чѣмъ когда либо, отвѣчавшемъ создавшейся обстановкѣ.

Дѣйствительно, если присмотрѣться къ этому наступленію, проводившемуся съ упрямствомъ, достойнымъ лучшей участи, то увидимъ, что оно, собственно говоря, не выдерживало критики ни съ какой стороны.

Стратегически это наступленіе, хотя бы и въ важномъ направленіи черезъ Дельмъ и далѣе на Сѣверо-Востокъ, уже опоздало и не могло дать желательныхъ результатовъ: раіонъ оказывался слишкомъ удаленнымъ и даже существенный успѣхъ теперь, не спасалъ положенія на лѣвомъ флангѣ. Слѣдовательно, оно было безцѣльно.

Тактически — наступленіе велось неудачно: арміи атаковали вразбродъ, не считались съ трудностями мѣстности (Вогезы, Ардены), съ укрѣпленными раіонами (Метцъ); велись въ слѣпую, безъ развѣдки. Все напоминало маневры мирнаго времени: очень много было лихости и порыва, но мало выучки и оцѣнки обстановки.

Здѣсь, на границѣ Франціи и въ лѣсистыхъ Арденахъ, впервые столкнулись порывъ съ методикой и расчетомъ; чувство — съ разумомъ.

Что же нужно было дѣлать французамъ при создавшейся обстановкѣ?

Обстоятельства показали, что первоначальный планъ, а съ нимъ вмѣстѣ и группировка армій были ошибочны. Положеніе рѣзко измѣнилось; съ атакой Льежа, становились ясными и намѣренія нѣмцевъ. Нужны слѣдовательно, не частныя поправки, а крупныя рѣшенія.

Только маневромъ можно вырвать иниціативу у противника.

Просторъ для маневра только на Сѣверѣ въ Бельгіи, здѣсь же, какъ разъ и слабое мѣсто нѣмцевъ.

Если въ началѣ сосредоточенія угрожающимъ направленіемъ являлся Метцъ, то съ заходомъ праваго фланга и главная угроза переносилась сюда, ибо обходящій всегда самъ можетъ быть обойденъ.

Наконецъ, здѣсь же въ Бельгіи, французы приближались и къ Бельгійской арміи и къ англичанамъ, высаживавшимся въ Калэ, чѣмъ обезпечивалось, слѣдовательно, и сосредоточеніе силъ, а на войнѣ «нѣтъ лишнихъ батальоновъ».

Отсюда и рѣшеніе: снять все, что можно на правомъ флангѣ и въ центрѣ; оставшимся частямъ поручить прикрытіе Парижа съ опорой на укрѣпленныя мѣста; на Сѣверѣ въ Бельгіи сосредоточить крупныя силы и, соединившись съ бельгійцами и англичанами, отвѣтить маневромъ на маневръ.

Однако, были глубокія причины, которыя мѣшали французамъ принять подобное рѣшеніе, когда грянулъ громъ. Причины эти были: военная доктрина и общественное мнѣніе, воспитанное на ней. Подобная перегруппировка требовала времени, отсрочки наступленія, а кромѣ того, вѣроятно. частичнаго отхода и уступки части территоріи. Но этого не позволяли привитые арміи взгляды, а общественное мнѣніе могло заклеймить и подозрѣніемъ въ предательствѣ. И немедленное наступленіе было предпринято во имя доктрины, но вопреки здраваго смысла.

Мы только что бѣгло познакомились съ первымъ періодомъ начала кампаніи. Для нѣмцевъ — это форсированіе Мааса, наступленіе черезъ Бельгію и, наконецъ, первые побѣдоносные бои съ французами на югѣ Бельгіи и на Самбрѣ.

Для французовъ это частныя поправки въ первоначальномъ планѣ; рокировки по фронту; частичныя атаки; вездѣ неудачи, особенно грозныя въ Арденахъ и на Самбрѣ, которыя и повели за собой общій отходъ.

Планъ операціи у нѣмцевъ, какъ извѣстно, состоялъ въ томъ, чтобы обходя французовъ правымъ флангомъ, отбросить ихъ въ юго-восточномъ направленіи, отрѣзать отъ Парижа и выйти въ тылъ линіи крѣпостей, прижимая французскія арміи къ Швейцарской границѣ.

Тотъ же планъ 70 года, но лишь съ перемѣной заходящаго фланга. А «Седанъ», видимо, предполагался гдѣ-то на границахъ Швейцаріи.

Начало кампаніи разыгрывалось какъ по нотамъ: палъ Льежъ, обходящій флангъ захватилъ французовъ врасплохъ и заставилъ ихъ сразу передать иниціативу нѣмцамъ. Казалось, все было благополучно и въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями доктрины. Но отъ взгляда внимательнаго наблюдателя не должны бы ускользнуть нѣкоторыя шероховатости, которыя грозили внести разладъ въ сложную систему, построенную на условіи полнаго взаимодѣйствія частей. Прежде всего произошла нежелательная задержка на Маасѣ; нѣкоторыя части вышли изъ рукъ и въ то время какъ рѣшительный, волевой Генералъ Людендорфъ ворвался въ Льежскую Цитадель, вправо и влѣво отъ него — конница Марвица и Армія Бѣлова, росписанія не выполнили и въ тылъ своевременно не вышли.

Въ результатѣ, Бельгійская армія довольно благополучно ускользнула изъ разставленныхъ ей сѣтей. Бельгійцы не

были разгромлены, они не были уничтожены, а всего лишь отброшены, что по классической теоріи уже и не считается побѣдой. Мало того, не оправдались и разсчеты на то, что Бельгія будетъ выброшена со счетовъ: отойдя, бельгійцы не отказались отъ сопротивленія, а, подогрѣтые патріотизмомъ и нравственной поддержкой союзниковъ, поднялись «людно и оружно», устраиваясь сначала за р. Геттой, а потомъ за Шельдой.

Понадобился заслонъ, потребовалось ослабленіе, именно рѣшающей группы, т. е., какъ разъ той части, куда при производствѣ распредѣленія силъ, по теоріи Мольтке, слѣдуетъ назначать «какъ можно больше». Это наличіе хотя и слабой, но все же представлявшей собой потенціальную силу, бельгійской арміи, имѣло еще одно немаловажное значеніе. Оно создавало съ дальнѣйшимъ продвиженіемъ на юго-западъ угрозу правому флангу и даже тылу Германскихъ армій. Оно заставляло задумываться надъ вопросомъ «какъ можетъ помѣшать противникъ», и отвѣчая на этотъ вопросъ слѣдовало рѣшить, что отнынѣ здѣсь на правомъ и даже за правымъ флангомъ должно быть налицо надежное обезпеченіе. Что тѣ 8 корпусовъ, которые были умѣстны въ самомъ началѣ, въ раіонѣ Метца, теперь большей своей частью нужны, именно, здѣсь. Мѣнялась обстановка — нужно было мѣнять и группировку. Но этому мѣшала германская доктрина, вся ихъ тяжеловѣсная малогибкая система, неумѣвшая или нежелавшая приспосабливаться къ частнымъ измѣненіямъ обстановки.

Дѣйствительно, графъ Мольтке училъ, что все крупное должно быть разсчитано, взвѣшено и рѣшено заранѣе, а затѣмъ уже настойчиво проводиться въ жизнь, не считаясь съ преградами по пути; и надо было быть Фельдмаршаломъ Мольтке, чтобы возвыситься надъ собственнымъ ученіемъ; его же добросовѣстные, но не достаточно одаренные, ученики и наслѣдники оказались ниже такого пониманія и надлежащихъ мѣръ не приняли.

Наконецъ, сказался уже въ этотъ періодъ и другой недостатокъ системы: отсутствіе управленія, недостаточно активная роль Верховнаго Начальника. Дѣйствительно, Бельгійская армія ушла изъ подъ Льежа не раздавленная, вслѣдствіе того, что не было полнаго взаимодѣйствія 1-й и 2-й армій и конницы Марвица, — слѣдовательно, не было своевременнаго вмѣшательства Главной Квартиры, не было ея твердаго руководства: выпустивъ арміи по намѣченнымъ направленіямъ, она выпустила и управленіе ими , предоставила дальнѣйшій ходъ событій собственному теченію и удовлетворилась ролью наблюдателя.

Если на маленькомъ примѣрѣ Бельгійской арміи это было еще недостаточно рельефно, то въ бояхъ 23 августа на Сам-

брѣ, это отсутствіе управленія сказалось уже чрезвычайно ярко и подготовило въ будущемъ почву для пораженія на Марнѣ.

Трагедія Самбра, если вдуматься въ этотъ бой, состояла въ томъ, что 5-я Французская армія выскользнула потрясенной, но не уничтоженной, между тѣмъ, какъ обстановка позволяла это вполнѣ. Дѣйствительно, 23-го августа 1-я Германская армія гнала передъ собой слабую англійскую армію и увлеклась этимъ дешевымъ преслѣдованіемъ англичанъ, не оказывавшихъ сопротивленія. Вторая армія атаковала 5-ю Французскую армію въ лобъ, а 3-я Германская армія двигалась прямо передъ собой, тоже почти не имѣя противника, но мало интересуясь сосѣдомъ. Между тѣмъ, ясно, что 1-я армія справа, а 3-я слѣва, одновременными дѣйствіями со 2-й могли и должны были окружить французовъ и заставить 5-ю армію положить оружіе, раздавить ее.

Чрезмѣрная инщіатива начальниковъ, приводившая въ 70 году къ движенію на выстрѣлы, въ данномъ случаѣ повела ихъ въ расходящихся направленіяхъ; также какъ и въ 70 году начальники ставили свои частныя цѣли и рѣшенія, хотя бы и очень активныя, выше общихъ. Слѣдствія, по сравненію съ 70 годомъ получились различныя, но причины были тѣ же.

Главная Квартира должна была здѣсь, вопреки теоретическихъ правилъ, вести арміи въ поводу, объединить ихъ дѣйствія и отказавшись на этотъ разъ отъ принципа «Свободы мѣстнымъ начальникамъ» лично, не только подготовить, но и произвести въ жизнь окруженіе 5-й Французской арміи. Сказались здѣсь, конечно, и недочеты организаціи. Жизнь послѣ графа Мольтке ушла впередъ и если онъ могъ управлять арміями, то уже въ 1914 году на Западномъ фронтѣ Верховное командованіе должно было управлять группами армій (фронтами); 1, 2, а отчасти и 3-я арміи послѣ Мааса выполняли единую по духу задачу, слѣдовательно и начальникъ у нихъ долженъ былъ быть единымъ. Нѣмцы, какъ будто чувствовали это, но недостаточно осознали: они подчинили фонъ-Клуку (Командующаго 1-й арміей) Бѣлову (Командующему 2-ой арміей), но это была полумѣра, которая, пожалуй, принесла только вредъ. Подчиненіе равнаго равному и недостаточно авторитетно и, наконецъ, нерѣдко создаетъ недоброжелательство, вредное соревнованіе.

«Организація не терпитъ импровизаціи», за нарушеніе этого принципа нѣмцы поплатились на Самбрѣ. Но кто вѣдаетъ, быть можетъ, если бы 23-го августа 4-я Французская армія перестала существовать, то не было бы и Марны.

Къ 24-му августа общая обстановка на западномъ фронтѣ складывалась такъ (см, сх. № 4 и№ 5): у французовъ — пра-

вый флангъ расшибся въ неудачныхъ атакахъ и сдѣлался пассивнымъ; центръ и лѣвый флангъ послѣ тяжелыхъ неудачъ въ Арденахъ и на Самбрѣ разбитъ и въ полномъ отступленіи на югъ.

Англичане уходятъ безъ сопротивленія и колеблются какое окончательное направленіе избрать: чувство самосохраненія влечетъ ихъ къ морю, поближе къ судамъ — своей естественной базѣ; чувство солидарности съ союзниками и

Жоффръ зовутъ ихъ на югъ, на присоединеніе къ Французскимъ арміямъ; наконецъ, они рѣшаютъ отходить на С.-Кантенъ.

Нѣмцы, упоенные дешевыми побѣдами, продолжаютъ методическое выполненіе своего плана: арміи медленно, но настойчиво преслѣдуютъ врага, правый флангъ (1-я армія) идетъ въ юго-западномъ направленіи на «Перонъ Бовэ»; лѣвѣе ея вторая, идетъ по слѣдамъ 5-й Французской арміи; еще лѣвѣе,

третья — движется прямо на югъ. Прочія арміи выравниваютъ свой фронтъ по заходящей группѣ.

Назрѣваетъ моментъ исключительнаго напряженія. Съ одной стороны неудачи, растерянность, признаки разочарованности; арміи несутъ большія потери плѣнными, отсталыми, теряютъ матеріальную часть. Съ другой — ростъ самоувѣренности и механическая точность движенія. Казалось, катастрофа неминуема.

Въ эти трагическія минуты Жоффръ долженъ былъ принимать рѣшеніе: что дѣлать дальше, какъ спасти положеніе, которое кажется уже почти безнадежнымъ?

Обыкновенно въ такой обстановкѣ два рѣшенія представляются возможными.

Одно, это шаблонъ, покореніе своей участи: арміи отходятъ стихійно, надо только въ мѣрѣ возможности регулировать ихъ движеніе и давать ежедневные рубежи въ своихъ же собственныхъ корридорахъ — тыловыхъ полосахъ.

Рѣшеніе простое, не требуетъ никакихъ напряженій ума и воли, но зато оно и не сулитъ ничего хорошаго: нѣтъ основаній считать, что при этихъ условіяхъ обстановка можетъ серьезно измѣниться. Каждый слѣдующій день лишь приближаетъ къ смерти. Части разлагаются, остается только подсчитывать убытки и, закрывши глаза, терпеливо и безропотно ждать своего конца. Это рѣшеніе для слабыхъ. Рѣшеніе посредственностей, уже неспособныхъ проявить свою волю, потерявшихъ жажду побѣды, морально признавшихъ свое пораженіе. Такъ поступали французы въ 70 году. Такъ поступалъ Куропаткинъ въ 1904 году.

Но есть и другое рѣшеніе. Разсчеты не оправдались; операція не удалась. Надо во время сознать это и, отказавшись отъ первоначальной цѣли, намѣчать новую. Надо задумать новый маневръ, рѣшительно перегруппировать свои части и, выигравъ время, атаковать противника въ тотъ моментъ, когда онъ увлеченный преслѣдованіемъ, готовится только пожинать плоды своей побѣды. Это рѣшеніе не легкое. Оно требуетъ жертвъ, много безсонныхъ ночей и волненій, громаднаго напряженія всѣхъ отъ генерала до рядового; оно грозитъ большимъ рискомъ въ случаѣ неудачи. Это ставка ва-банкъ. Но зато, только такое рѣшеніе можетъ сразу повернуть ходъ событій и вернуть побѣду, вѣра въ которую еще не потеряна. Отъ полководца это рѣшеніе требуетъ ясности ума, твердости воли и несокрушимой жажды побѣды. Отъ частей оно требуетъ великаго духа и большой маневренной способности. На такомъ рѣшеніи и остановился Жоффръ.

Воспитанный въ духѣ французской доктрины, проникнутый ею, быть можетъ больше, чѣмъ кто-либо другой, онъ, видя

неудачи 23-го августа, не могъ примириться съ мыслью, что дѣло проиграно, что отступленію уже нѣтъ конца. Какъ французъ, онъ хотѣлъ только наступать и всѣ силы своего ума и воли приложилъ къ тому, чтобы создать условія возможности вновь перейти къ наступленію. Для практическаго осуществленія его оставалось только выбрать время и мѣсто. Изучая обстановку, Жоффръ понялъ, что укрѣпленный лагерь Парижа это тотъ козырь, на которомъ онъ можетъ и долженъ сыграть. Опираясь на него, можно было комбинировать свой маневръ противъ фланга противника. Нужно было, слѣдовательно, составить игру такъ, чтобы Парижъ получилъ свою роль.

Въ раіонѣ Парижа есть два рубежа — Марна и Сена. Бить врага до Марны — слишкомъ рано, ибо Парижъ окажется внѣ театра и значеніе его не будетъ использовано. Пустить нѣмцевъ за Сену — будетъ слишкомъ поздно. Парижъ окажется оторваннымъ, изолированнымъ и тоже роли не сыграетъ. Отсюда съ достаточной ясностью опредѣлились важнѣйшія данныя — гдѣ-то между Марной и Сеной должна разыграться заключительная часть драмы, здѣсь, на вѣсы, будетъ брошена судьба Франціи.

Въ директивѣ отъ 25-го августа и находитъ свое опредѣленіе основная мысль будущей операціи: «Предположенное наступленіе не могло осуществиться. Предстоящая операція будетъ состоять въ томъ, чтобы возсоздать на лѣвомъ флангѣ путемъ соединенія 4, 5-й Англійскихъ армій и новыхъ частей, снятыхъ съ востока, группу, способную перейти въ наступленіе, между тѣмъ, какъ остальныя арміи будутъ сдерживать противника необходимое время».

Въ приведенной директивѣ достаточно ясно выражена *цѣль* будущихъ дѣйствій, это ударъ въ правый флангъ противника; въ общихъ чертахъ указаны и *средства* для выполненія — это 4, 5-я, Англійская арміи и «новыя части снятыя съ востока»; наконецъ, дальше указаны и *способы* — это постепенный отходъ съ перегруппировкой къ лѣвому флангу.

Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ идея Жоффра рисуется такъ: Арміи будутъ отходить на югъ, ведя оборонительные бои для выигрыша времени, въ это время, ослабляя центръ и правый флангъ, собирая новыя части на лѣвомъ флангѣ. будетъ сформирована могучая ударная группа, и когда настанетъ моментъ, этотъ кулакъ ударитъ въ правый флангъ, а можетъ быть и тылъ германцевъ.

Какъ не похоже это на прежнее, какъ не похоже на маневры и военныя игры. Здѣсь уже не наступленіе ради наступленія, тутъ ставится опредѣленная цѣль; здѣсь налицо и пассивныя участки, лишь выигрывающія время и маневренная группа, рѣшающая ударъ. Здѣсь налицо комбинированныя

дѣйствія — маневръ. Это нарушеніе принципа наступленія гдѣ бы то ни было и во что бы то ни стало.

Подъ вліяніемъ доктрины и военныхъ дарованій, Жоффръ принимаетъ классическое рѣшеніе, а претворяя его въ жизнь, онъ нарушаетъ свою вдохновительницу безразсудно — наступательную доктрину. Такъ творчество и жизнь вступили въ свои права. Ради здраваго смысла и въ минуту кризиса «забросили доктрину и занялись нѣмцами».

Въ осуществленіе этой директивы, арміи начали свой отходъ. Первоначально Жоффръ предполагалъ перейти въ наступленіе еще 2-го сентября въ раіонѣ Соммы, но по обстановкѣ это не удается и тогда арміямъ сразу дается далекій рубежъ, глубоко въ тылу. Арміи рѣшительно отрываются отъ противника, отходя къ линіи Сены — Орнайна и выполняютъ предписанныя перегруппировки. Отходъ прикрывается арьергардами и конницей, которые задерживаютъ нѣмцевъ на каждомъ рубежѣ. Между тѣмъ, въ тылу идетъ лихорадочная работа: пополняется матеріальная часть, собираются укомплектованія, потрепанныя части реорганизуются. Формируется заново 6 армія, которая сосредотачивается къ сѣверу отъ Парижа; за счетъ праваго фланга создается 9 армія, которая заполняетъ прорывъ, образовавшійся съ передвиженіемъ 5-й арміи влѣво.

Части замѣтно приходятъ въ себя; моральное состояніе улучшается не по днямъ, а по часамъ; все полно вѣры въ успѣхъ и жажды возстановить свое запятненное имя.

ОТЪ ФРАНКО-БЕЛЬГІЙСКОЙ ГРАНИЦЫ ДО МАРНЫ.

Разсуждая отвлеченно, внѣ матеріальныхъ условій, можно считать, что 24-25 августа является крупнымъ психологическимъ моментомъ поворота событій. Дѣйствительно, у Жоффра рождается къ этому времени новое рѣшеніе, будущее для него уже не такъ мрачно, — оно полно надеждъ и возможностей. У нѣмцевъ старый планъ, онъ уже разгаданъ противникомъ, но нужды нѣтъ: вѣдь послѣдній разбитъ, онъ покорно слѣдуетъ своей несчастной судьбѣ и остается только довершить начатую побѣду, поскорѣе покончить здѣсь, ибо съ востока уже несутся грозныя вѣсти — заслоны тамъ не выдерживаютъ натиска и русскіе, превзошедшіе всякія ожиданія и разсчеты, вторгаются въ житницу Германіи, Восточную Пруссію. Уже гостинницы Берлина переполнены бѣженцами, оттуда несутся уже мольбы и жалобы крупныхъ землевладѣльцевъ, теряющихъ свои восточно-прусскія помѣстья, они достигаютъ трона, а «маленькій» Мольтке, не имѣющій къ тому же и такого союзника, какъ «желѣзный канцлеръ» прислушивается и къ

этимъ жалобамъ, и къ требованіямъ трона и сдаетъ. Онъ не находитъ въ своемъ сердцѣ достаточно силъ, чтобы бороться съ такими вліяніями и, забывъ примѣры большихъ генераловъ временъ Фридриха Великаго, забывъ даже поученія своего маститаго дяди, безтрепетно отдаетъ въ жертву Востока два корпуса. Но мало этого, онъ беретъ ихъ съ праваго фланга, беретъ ихъ изъ той группы, которая должна громить, которая должна рѣшать судьбу Франціи. Счастливая судьба: резервный Гвардейскій, 9-й Армейскій корпуса и 8-я Кавалерійская дивизія переброшены на востокъ для того, чтобы слишкомъ рано уйти именно оттуда, гдѣ ихъ отсутствіе сыграло такую роковую роль и опоздать туда, гдѣ сумѣли обойтись и безъ нихъ.

Германскія арміи продолжаютъ свое наступленіе. Французы отходятъ вездѣ; правда, они даютъ упорные арьергардные бои, но ни что не способно удержать натиска «желѣзныхъ армій», овѣянныхъ побѣдами. Трофеи растутъ, плѣнники прибываютъ, богатыя поля Франціи переходятъ въ руки побѣдителей. Плѣнительная картина, которая способна увлечь и опьянить многихъ. Германскія арміи слѣдуютъ непосредственно за французами и постепенно растягиваются уступами справа. 28 августа они примѣрно на линіи Аміенъ-Сенъ-Кантенъ, Гизъ, Лафоссъ-Седанъ; впереди всѣхъ 1-ая армія Клука.

По директивѣ Германской Главной Квартиры на 28-е августа всѣмъ арміямъ предписывается энергично преслѣдовать потрясеннаго противника, не давая ему времени опомниться и придти въ себя. У Германской Главной Квартиры имѣются свѣдѣнія (впослѣдствіи, оказались ложными), что противникъ отходитъ двумя группами на югъ и на юго-западъ, а потому, Клуку дается прежнее направленіе, т. е. на юго-западъ, но съ предупрежденіемъ, что по обстановкѣ оно можетъ будетъ измѣнено и на южное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Клукъ теперь и формально выходитъ изъ подчиненія Бѣлову. Онъ получаетъ, такимъ образомъ, еще большую свободу дѣйствій, которую, по своему разумѣнію, используетъ въ полной мѣрѣ. Между тѣмъ, именно въ это время (30 августа), Бѣловъ опять натыкается на 5-ю Французскую армію въ раіонѣ Сенъ-Кантена, но вновь ударъ въ лобъ, отсутствіе содѣйствія сосѣдей и 5-я Французская армія, опять благополучно ускользаетъ.

31-го августа 4-я и 5-я арміи по оріентировкѣ Германской Главной Квартиры наталкиваются на серьезное сопротивленіе, 3 армія спѣшитъ на выстрѣлы, сворачивая на юго-востокъ, а 2 армія сворачиваетъ туда же и свои лѣвофланговые корпуса; но это оказывается ложной тревогой, справляются своими силами; снова направленіе мѣняется, а въ это время 1-я армія уходитъ еще дальше и добросовѣстно выполняя извѣстную намъ директиву, гонитъ передъ собой англичанъ.

1-го сентября фонъ- Клукъ замѣчаетъ, что противникъ сворачиваетъ на югъ и даже юго-востокъ, онъ слѣдуетъ за нимъ и, проявляя инициативу, тоже рѣзко мѣняетъ свое направленіе на юго-востокъ. 2-го сентября головныя его части подходятъ уже къ Марнѣ, а одинъ изъ корпусовъ даже форсируетъ ее у Шато Тьери безъ особаго труда.

Создается довольно ясное представленіе: противникъ сломленъ окончательно, онъ бѣжитъ, бросая обозы и тяжести по пути. Дальше онъ врядъ ли способенъ на сопротивленіе, ибо онъ оставилъ даже такую сильную оборонительную линію, какъ рѣка Марна. Нужно только спѣшить и скорѣе замкнуть кольцо. Рѣшеніе такъ близко. Такъ просто повторить директиву 70 года передъ Седаномъ: «Наступленіе возобновится съ разсвѣтомъ. Вездѣ, гдѣ противникъ будетъ встрѣченъ, атаковать рѣшительно».

Въ этой пріятной увѣренности и пребываетъ Германская Главная Квартира. Къ этому времени она уже утратила связь съ Клукомъ и потому, не отдавала себѣ яснаго отчета въ обстановкѣ; тѣмъ не менѣе, она не сомнѣвается нисколько и въ ночь на 3 сентября отдаетъ директиву: «Цѣль, отбросить французовъ въ юго-восточномъ направленіи. 1-я армія уступомъ за 2 арміей и кромѣ того, обезпечиваетъ флангъ армій».

. . . .

Съ внѣшней стороны, въ директивѣ все обстоитъ, какъ будто и благополучно. Обстановка развивается нормально, слѣдвательно и задачи остаются прежнія. Проявляется даже и извѣстная предусмотрительность, говорятъ объ обезпеченіи фланга, но воплощеніе директивы въ жизнь оставляетъ желать многаго. Во-первыхъ, директива не отвѣчаетъ дѣйствительности, ибо Клукъ уже далеко уступомъ впереди всѣхъ, кромѣ того, она даетъ Клуку двойственную задачу: и содѣйствіе 2 арміи въ охватѣ противника и обезпеченіе фланга. Первая задача активная, вторая пассивная. Оцѣнивая эту директиву Клукъ рѣшаетъ такъ. Если цѣль, отбрасывать противника на юго-востокъ, то онъ долженъ быть уступомъ впереди; кромѣ того, если онъ начнетъ оттягивать, то, во-первыхъ, потеряетъ драгоцѣнное время, выжидая подхода 2 арміи, а, во-вторыхъ, утратитъ то выгодное маневренное положеніе, которое создалось для него. Выполнить обѣ задачи одновременно — онъ слишкомъ слабъ для этого: ушли корпуса на заслоны въ Бельгіи, ушли корпуса въ Восточную Пруссію. Если бъ у него были эти два корпуса, то надежный заслонъ противъ Парижа можно было бы и создать. Но въ Парижѣ такъ тихо, наконецъ, заслоны изъ Антверпена, освободившіеся послѣ его паденія, уже подтягиваются, можетъ быть они и подоспѣютъ во время. Наконецъ, лавры Аннибала подъ Каннами не даютъ покоя и ак-

тивный по характеру Клукъ рѣшаетъ ринуться черезъ Марну, дабы замкнуть побѣдное кольцо. Для наблюденія за Парижемъ онъ останавливаетъ одинъ корпусъ съ конницей на сѣверномъ берегу Марны, еще одинъ ставитъ на уступѣ южнѣе Марны.

Съ этого момента Главная Квартира совершенно выпускаетъ изъ рукъ управленіе. Командующіе арміями ставятъ ее передъ фактомъ совершившимся, а потому и директивы ея всегда опаздываютъ и рисуютъ только то, что, быть можетъ, хотѣлось бы видѣть, но не то, что есть. Чувство дѣйствительности потеряно окончательно. Такъ, 4-го сентября вечеромъ, въ директивѣ германской Главной Квартиры говорится: «1-я армія между Марной и Уазой, 2 — между Марной и Сеной и это въ то время, какъ Клукъ уже давно южнѣе Марны. Въ результатѣ вмѣсто той картины, которую рисовало себѣ германское Верховное Командованіе, въ дѣйствительности нѣмцы совершаютъ рискованный фланговый маршъ въ одномъ переходѣ отъ Парижа, прикрываясь отъ него только однимъ корпусомъ и имѣя въ тылу р. Марну.

Оцѣнивая дѣятельность нѣмцевъ въ разсмотрѣнный періодъ по 4-е сентября, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Отсутствіе твердаго управленія Верховнымъ Командованіемъ. Это сказалось въ бою 30—31 августа подъ Сенъ-Кантеномъ, гдѣ французская 5-я армія, которая также, какъ и на Самбрѣ, могла и должна была быть окружена совмѣстными дѣйствіями 1, 2 и 3 армій, благополучно ускользаетъ.

Нѣмецкія арміи дѣйствуютъ каждая сама по себѣ, Главная Квартира наблюдаетъ, но не руководитъ.

Это же сказывается и въ стремительномъ маршѣ 1-й арміи. Главная Квартира должна была уравнивать движеніе или по переднему, тогда надо подгонять отстающихъ, или по заднему, тогда надо сдерживать увлекающагося.

Способы управленія по примѣру 70 года, но, вѣдь, обстановка различна и если тогда можно было констатировать факты и только направлять ихъ въ желательное русло, то здѣсь требовалось твердое непосредственное руководство — не только подготовка рѣшеній, но и проведеніе ихъ въ жизнь.

Между тѣмъ Верховное Командованіе только мирится и приспосабливается къ рѣшеніямъ командующихъ арміями: 28 августа Клуку дается направленіе западнѣе Парижа, 1-го сентября онъ самъ мѣняетъ свое направленіе и сворачиваетъ на юго-востокъ — ему не возражаютъ.

2. Невѣрное пониманіе, недооцѣнка обстановки. Уже съ 24-го августа нѣмцы рѣшаютъ, что сопротивленіе французовъ сломлено и что ихъ надлежитъ лишь гнать. Въ этомъ пріятномъ заблужденіи они остаются вплоть до начала катастрофы.

Ошибку организаціи, допущенную еще въ Бельгіи, они усугубляютъ, окончательно выдѣляя Клука изъ подчиненія Бѣлову, тогда какъ объединеніе дѣйствій требовалось больше, чѣмъ когда либо. Извѣстное намъ трагическое для нѣмцевъ рѣшеніе перебросить на Востокъ два корпуса, взявъ ихъ при томъ изъ маневренной группы, можно объяснить только полнымъ извращеніемъ обстановки, маразмомъ воли генерала Мольтке. Это была та счастливая случайность, на которую никто никогда разсчитывать не можетъ. Наконецъ, чѣмъ другимъ, какъ непониманіемъ обстановки можно объяснить столь нервное реагированіе на временную задержку одной изъ центральныхъ армій и немедленный заворотъ на поддержку ей двухъ армій, идущихъ въ рѣшительныхъ направленіяхъ. Или, быть можетъ, это было неудачное слѣдованіе традиціямъ движенія на выстрѣлы?

3. Отсутствіе связи, отсюда и академическія директивы.

4. Несоотвѣтствіе задачъ и средствъ: двѣ задачи Клуку. Задача обезпеченія всей операціи должна была ложиться на спеціальныя силы, исключительно для того предназначенныя. Нельзя часть, предназначенную для главнаго удара и идущую рѣшительно къ своей цѣли, внезапно дѣлать пассивной; изъ средства достиженія того «что я хочу» превращать ее въ орудіе того «какъ мнѣ можетъ помѣшать противникъ».

Самый блестящій маневръ, но не отвѣчающій наличію средствъ и дѣйствительной обстановкѣ, легко превращается въ катастрофу. Если въ сердцѣ уже закралось сомнѣніе и интересы Восточной Пруссіи начинали какъ будто повелѣвать, то и не слѣдовало продолжать затѣянной игры, если не умѣли найти новыя для нея средства.

Въ дѣятельности частныхъ начальниковъ обращаетъ на себя вниманіе: отсутствіе взаимодѣйствія; чрезмѣрная частная иниціатива, къ тому же проникнутая стремленіемъ къ общей цѣли; пренебрежительное отношеніе къ противнику; предвзятость рѣшеній и упрямство въ ихъ осуществленіи. Отсюда отсутствіе должной развѣдки — она не нужна, ибо все ясно.

Въ общемъ вѣра въ непогрѣшимость своей системы, дѣйствія по способамъ 70 года, а въ результатѣ къ рѣшительному мѣсту въ рѣшительный моментъ ударный «кулакъ», столь тщательно подготовленный еще въ мирное время, подкатывается уже съ растопыренными пальцами.

Послѣ отмѣны перехода въ контръ-атаку, намѣченную было 2-го сентября, французскія арміи продолжаютъ свой отходъ къ Сенѣ. (См. сх. № 5). Ближайшая задача Жоффра состояла въ томъ, чтобъ, оторвавшись отъ противника, выиграть необходимое время и создать намѣченную группировку. 3 сентября въ раіонѣ Парижа уже сформирована группа, состоящая изъ 6 арміи и гарнизона Парижа подъ общей командой престарѣлаго Галліени;

къ юго-востоку отъ Парижа отошли Англичане, правѣе 5 армія. Это, такъ сказать, активная часть расположенія; далѣе идутъ арміи, имѣющія выжидательную роль. Ихъ цѣль — рѣшительными дѣйствіями сковать противника на фронтѣ, привязать его къ мѣсту въ то время, какъ лѣвофланговая группа будетъ наносить свой рѣшающій ударъ.

Перегруппированныя арміи, оставляя Марну почти безъ боя, продолжаютъ свой систематическій отходъ къ Сенѣ.

Въ эту трудную минуту, когда надо окончательно опредѣлить тотъ барьеръ, гдѣ остановится отходъ и откуда будетъ начатъ бросокъ впередъ, Жоффръ еще колеблется, въ немъ происходитъ глубокая борьба. Съ одной стороны осторожность подсказываетъ ему необходимость продолжать отходъ, быть можетъ и за Сену: части еще утомлены, не вполнѣ пришли въ порядокъ, есть въ подготовкѣ еще много незаконченнаго. Съ другой стороны «промедленіе времени, смерти безвозвратной подобно», кромѣ того, никогда подготовка не будетъ казаться вполнѣ законченной, всегда въ ней найдется что нибудь недодѣланное, наконецъ, нельзя же такъ отрываться отъ Парижа, нельзя бросать его на произволъ судьбы. Въ этотъ психологическій моментъ, когда даже незначительный внѣшній факторъ способенъ нарушить равновѣсіе въ сторону того или иного рѣшенія, на сцену появляется хотя и старый, но пылкій Галліени.

Съ началомъ отхода армій, когда онъ сталъ Военнымъ Губернаторомъ Парижа, онъ понялъ, что ему не избѣжать активной роли. Съ лихорадочной энергіей онъ принимается готовить Парижъ къ бою: сколачиваетъ и комплектуетъ части. собираетъ и мобилизуетъ техническія средства, совершенствуетъ и развиваетъ укрѣпленія, вдохновляетъ молодыя ополченскія части гарнизона.

Когда съ отходомъ къ Парижу въ его подчиненіе попадаетъ и 6 армія, онъ уже чувствуетъ свои силы, онъ уже отчетливо предвидитъ свою близкую роль и внимательно изучаетъ обстановку, зорко слѣдтъ за дѣйствіями Клука. Куда онъ пойдетъ на Парижъ или мимо Парижа? Придется ли обороняться подъ стѣнами Парижа или самому обрушиться на него съ фланга?

Уже 2-го сентября драгунскій капитанъ *Лепикъ* убѣжденно доноситъ о рѣзкомъ поворотѣ германскихъ колоннъ на юго-востокъ. 3-го сентября ему доноситъ о томъ же авіаторъ «Бриндежи де Мулине», а вслѣдъ за нимъ и цѣлый рядъ другихъ летчиковъ. Теперь сомнѣній нѣтъ: 1-я Германская армія идетъ мимо Парижа, нѣмцы подставляютъ свой флангъ, надо использовать эту роковую ошибку.

Долго колеблется Жоффръ, трудно принимать такія историческія рѣшенія, они давятъ всѣмъ величіемъ нравственной

отвѣтственности, но, наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, доводовъ, взвѣшиванiй, Галлiени вырываетъ у Жоффра, въ сущности, давно выношенное, рѣшенiе. Отходъ остановленъ.

Въ 20 часовъ 4-го сентября Жоффръ объявляетъ, что съ разсвѣтомъ 6-го сентября всѣ армiи перейдутъ въ наступленiе. Жребiй брошенъ.

Такъ нарождалась обстановка наканунѣ историческаго сраженiя.

Сравнивая теперь положенiе сторонъ, нужно отмѣтить: у нѣмцевъ упрямое преслѣдованiе своей первоначальной цѣли, намѣченной еще въ мирное время въ тиши кабинета. Научность и механизмъ системы переносятся даже и на поле сраженiя.

Ни первыя предупрежденiя въ Бельгiи, ни дважды неудавшееся уничтоженiе 5-й Французской армiи, ни шероховатости въ маршѣ армiй къ Марнѣ, ни потеря связи и туманность обстановки, ни даже ослабленiе армiй, ничто не мѣняетъ теченiя мысли Германской Главной Квартиры. Они упрямо несутъ въ своемъ воображенiи свой Седанъ 1914 года, а обстановку подчиняютъ этой навязчивой идеѣ и видятъ только то, что хочется видѣть. Въ результатѣ, ринулись въ слѣпую преслѣдовать черезъ Марну, «безпорядочно отходящаго противника», тогда какъ на самомъ дѣлѣ, французы давно пришли въ порядокъ, окрѣпли и заняли выгодное охватывающее положенiе.

Такимъ образомъ, наканунѣ «Марны» у нѣмцевъ, силы ослаблены, матерiальная часть разстроена, управленiе ускользнуло изъ рукъ, обстановка понята извращенно. Въ тылу — Марна, на флангѣ — Парижъ.

У французовъ, наоборотъ: силы возросли, матерiальная часть пополнена, части укомплектованы;армiи въ рукахъ, неудачи заставили отъ чистой доктрины перейти къ тактикѣ здраваго смысла.

Секретъ Марны, можетъ быть, уже легко разгаданъ.

БОЙ НА МАРНѢ.

(См. сх. №6 и 7).

Къ вечеру 4-го сентября обстановка сложилась такъ. Правый флангъ (1, 2 и 3 армiи) нѣмцевъ перешелъ Марну и движется прямо на югъ, неосторожно подставивъ свой флангъ противнику. Уступомъ справа и впереди идетъ пылкiй Клукъ, который жаждетъ настичь и докончить французовъ. Обезпеченiе отъ Парижа только два корпуса, притомъ еще раздѣленныхъ Марной.

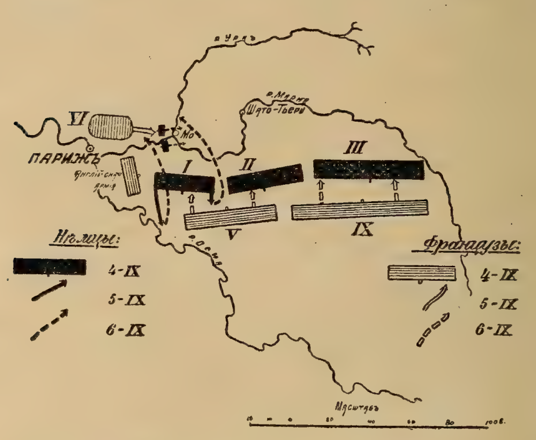
4 и 5 арміи сдерживаются упорнымъ сопротивленіемъ французовъ. 6 и 7 арміи довольно пассивны. Французскія арміи остановили свой отходъ, перегруппировались и готовятся къ переходу въ наступленіе. На лѣвомъ ихъ флангѣ 6-я армія, усиленная частями Парижскаго гарнизона, занесла уже свой ударъ по флангу и тылу нѣмцевъ въ общемъ направленіи на р. Уркъ, правымъ флангомъ на Мо.

Оцѣнивая создавшуюся обстановку (см. сх. № 6), мы увидимъ, что роли уже перемѣнились, что всѣ тактическія преимущества теперь на сторонѣ французовъ.

На 5-е сентября Клукъ приказываетъ продолжать движеніе на югъ, стремясь охватить воображаемый флангъ французовъ. Утромъ 5-го сентября, онъ получаетъ, извѣстную намъ

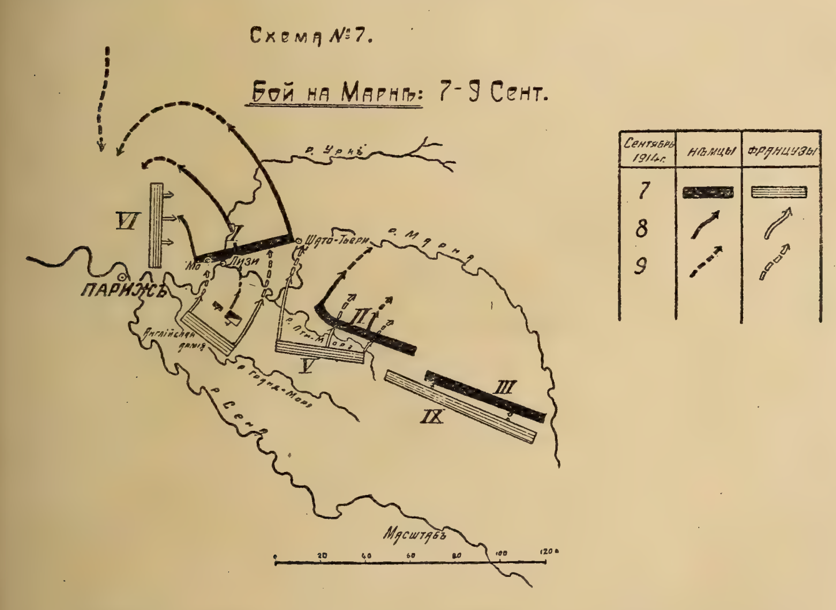
СХЕМА № 6.

Бой на Марнѣ: Положеніе сторонъ 4-6 сент. на правомъ флангѣ.



директиву Главной Квартиры отъ 19 часовъ 4-го сентября. Въ ней говорится, что 1 и 2 арміи должны быть фронтомъ противъ Парижа — 1-я армія между Уазой и Марной, 2-я армія между Марной и Сеной. Мы уже оцѣнивали эту директиву, съ точки зрѣнія ея своевременности, а главное, соотвѣтствія дѣйствительной обстановкѣ. Однако, характерно въ ней то, что она точно намекаетъ на угрозу Парижа, она уже чувствуетъ ее, но еще не рѣшается сказать это открыто. Она указываетъ мѣры противъ Парижа, но не говоритъ ясно и опредѣленно, почему эти мѣры нужны, а главное, въ ней нѣтъ рѣшительнаго отказа отъ основного плана операцій, отбрасыванія армій въ юго-восточномъ направленіи. Ясно, что при такихъ условіяхъ, Клукъ который все еще упорствовалъ въ своемъ стремленіи уловить «флангъ бѣгущихъ» французовъ, не хотѣлъ принять ее къ ис-

полненію. Онъ счелъ эту директиву запоздавшей, неотвѣчающей обстановкѣ и рѣшилъ продолжать свои дѣйствія на югъ, о чемъ сообщилъ сосѣду и донесъ въ Ставку, не отмѣняя своего приказа и начавшагося съ разсвѣтомъ движенія. Между тѣмъ, 3 сентября (6 французская армія) Монури началъ свои дѣйствія сѣвернѣе Марны и потѣснилъ передовыя части нѣмецкаго заслона (IV резервнаго корпуса). Только теперь открылись глаза Германской Главной Квартиры, только теперь она увидѣла какъ далеко зашла и сознала злую насмѣшку судьбы, превратившую нѣмцевъ изъ охватывающихъ въ охватываемыхъ. Нѣмцы всегда носившіе въ себѣ идею охвата или окруженія, возведшіе этотъ маневръ въ культъ, сами подставили свой флангъ подъ удары врага.



Передъ неминуемой катастрофой, они сразу отказываются отъ своего основного плана, рѣшительно мѣняютъ его и предписываютъ новый, сущность котораго сводится къ слѣдующему: (директива 5. IX) 1 и 2 арміи заслонъ противъ Парижа, задача во что бы то ни стало задержать маневренную группу французовъ. 4-я и 5-я арміи рвутъ фронтъ прямо передъ собой и выходятъ въ тылъ линіи крѣпостей. Прочія арміи содѣйствуютъ, 3-я армія справа, 6-я и 7-я слѣва. Но этому плану уже не суждено осуществиться, онъ повисъ въ воздухѣ, ибо уже иниціатива передана французамъ; теперь ихъ воля диктуетъ и нѣмцамъ остается только парировать удары.

Событія на правомъ флангѣ развиваются, Монури тѣснитъ IV резервный корпусъ. Опомнившійся, наконецъ, Клукъ, лихорадочно перебрасываетъ свои корпуса для поддержки заслона сѣвернѣе Марны, не задумываясь надъ рискованнымъ фланговымъ маршемъ на полѣ сраженія. Только слабый арьергардъ изъ конницы съ бригадой пѣхоты долженъ прикрывать этотъ маневръ (См. сх. № 6 и 7). Въ центрѣ, Французскія арміи сдерживаютъ всѣ бѣшенныя попытки нѣмцевъ осуществить прорывъ.

5-я Французская армія, перешедшая въ рѣшительное наступленіе съ разсвѣтомъ 6-го сентября, сковываетъ 2 Германскую армію; она не можетъ уйти за Марну, она едва держится, ибо уходящіе корпуса Клука, оголяютъ ея флангъ. Только англичане, 5-го и даже въ теченіи всего 6-го сентября, остаются пассивными зрителями разыгрывающейся драмы. Ни горячія убѣжденія пылкаго Галліени, ни настойчивыя требованія Жоффра, не въ состояніи сломить упорства Френча, который рѣшилъ «дать отдыхъ своимъ частямъ». Онъ хладнокровно позволяетъ корпусамъ Клука 6-го сентября совершать свой флангоотступательный маршъ въ 1/2 переходѣ отъ него. Не трудно представить себѣ, каковы были бы результаты, если бы съ разсвѣтомъ 5-го сентября Френчъ атаковалъ бы эти части во флангъ и тылъ и отрѣзалъ бы ихъ отъ мостовъ на Марнѣ. Поистинѣ невозмутимое спокойствіе и завидная непреклонность рѣшеній англичанъ, спасла Германскія арміи отъ грозившаго имъ своего «Седана на Марнѣ». Но и 7-го сентября, двинувшись, наконецъ, впередъ англичане, не проявляютъ активности и въ теченіи 8 и 9 сентября вся Англійская арміи сдерживается всего лишь однимъ коннымъ корпусомъ съ пѣхотной бригадой, позволяя нѣмцамъ ускользать почти безнаказанно.

Къ 9 сентября Клукъ остановилъ и сковалъ активность Монури, онъ уже сосредоточилъ превосходныя силы и съ подходившей съ сѣвера бригадой, имѣвшей выгодное направленіе въ тылъ французамъ, онъ даже надѣялся предпринять новый маневръ и можетъ быть, раздавить Монури.

Но было поздно, 9 сентября къ нему прибылъ изъ Главной Квартиры Генеральнаго Штаба Полковникъ Хенчъ съ директивой, предписывавшей общій отходъ.

Судьба была рѣшена. Отчаявшись въ надеждахъ, разбившись о непоколебимую стойкость французскаго центра, нѣмцы признали себя побѣжденными и начали спѣшно оттягивать свои арміи за Эснъ.

Конченъ былъ бой на Марнѣ, началось пораженіе нѣмцевъ. Оцѣнивая дѣйствія сторонъ въ только что разсмотрѣнномъ бою, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ. У нѣмцевъ никакой подготовки операціи, слѣпое преслѣдованіе

все той же навязчивой идей, въ результатѣ всѣ недочеты, уже намѣчавшіеся раньше, здѣсь только усугубляются: ослабленіе силъ приводитъ къ тому, что въ рѣшительный день у нѣмцевъ 900.000 противъ 1.000.000 французовъ, т. е. утрачено даже то равенство, которое было въ началѣ войны, а если еще снять со счетовъ 1-ю армію, которая 6-го сентября, въ сущности, боя не вела, ибо она въ этотъ день скользила на право за Марну, то это численное превосходство французовъ становится еще рѣзче.

Управленіе теряется еще больше, арміи вовсе выходятъ изъ повиновенія и ставятъ Главную Квартиру передъ фактами совершившимися.

Дѣйствительную обстановку нѣмцы осязаютъ только послѣ того, какъ она выявила себя сама боемъ. Гдѣ же необходимое предвидѣніе, гдѣ пресловутая продуманность и пониманіе «какъ мнѣ можетъ помѣшать противникъ?»

Когда обстановка уже рѣзко бьетъ въ глаза, нѣмецкое Главное Командованіе рѣшительно мѣняетъ планъ: изъ охвата правымъ флангомъ — прорывъ центромъ. Всякое рѣшеніе хорошо, но надо проводить его въ жизнь, иначе—бумага останется бумагой. Между тѣмъ, задавшись прорывомъ, нѣмцы не думаютъ о соотвѣтствіи средствъ, поставленнымъ цѣлямъ. Они хотятъ и заслониться прочно и прорвать основательно, а силъ для этого уже нѣтъ. Прорывъ поручается тѣмъ двумъ арміямъ, которыя и такъ едва справлялись съ сопротивленіемъ французовъ. Въ результатѣ, въ новомъ, рѣшительномъ мѣстѣ, въ центрѣ, они слабы, а въ новой пассивной своей части, на правомъ флангѣ, они даже черезчуръ сильны, но это уже безполезно и измѣнить хода событій не можетъ.

Здѣсь-то, со всей своей яркостью, сказалась неподвижность, механичность системы; ея недоступность для живого творчества, неприспособленность къ быстрымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ. Когда это потребовалось, машина отказалась работать, составныя ея части вдругъ потеряли необходимое сцѣпленіе и пошли каждая сама по себѣ. Руководства арміями не было и въ этотъ рѣшающій моментъ. Верховное Командованіе оставалось пассивнымъ зрителемъ далеко отъ поля сраженія и не сумѣло личнымъ вмѣшательствомъ, въ критическую минуту повернуть ходъ событій. Директивы неоднократно запаздывали, не отвѣчали обстановкѣ, а потому, и не внушали должнаго уваженія къ себѣ даже и тогда, когда были, быть можетъ, и цѣлесообразны (директива 4 сентября).

То, что было хорошо въ 70 году, съ растеряннымъ и пассивнымъ противникомъ, оказалось гибельнымъ на этотъ разъ.

У французовъ много продуманной подготовки, вдумчивая оцѣнка обстановки, создающая и превосходство силъ и вы-

годное тактическое положеніе, примѣрная инициатива у Галліени, исключительное самоотверженіе у Жоффра. Онъ не упорствуетъ въ своемъ рѣшеніи, сдается на разумные доводы своего подчиненнаго и, разъ послушавши ихъ, отдается имъ въ полной мѣрѣ. Чуждый свойства зависти или ревности къ подчиненному, онъ его мысли дѣлаетъ своими и твердой рукой ведетъ арміи къ побѣдѣ. Не его вина въ томъ, что англичане своимъ упрямствомъ, своей пассивностью, искажаютъ всю операцію, лишаютъ ее ожидаемыхъ блестящихъ результатовъ. Нѣмцы не уничтожены, они даже не разбиты, какъ бы это можно было ожидать, они только отброшены, но съ проигрышемъ на Марнѣ для нѣмцевъ проигранъ весь планъ кампаніи; рухнули всѣ тѣ разсчеты, которые строились еще задолго до войны, на которыхъ были основаны гордыя мечты о міровой гегемоніи. Въ этомъ историческое значеніе «чуда на Марнѣ».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Бой на Марнѣ не представляетъ собой чего-то самодовлѣющаго, это не законченный самостоятельный эпизодъ, который можно изслѣдовать внѣ общаго хода событій, на узкомъ пространствѣ, ограниченномъ Сеной и Марной, Парижемъ и Верденомъ. Это логическій конецъ сложнаго хода событій, начатыхъ еще до объявленія войны.

Вотъ почему, прежде чѣмъ говорить о второстепенныхъ причинахъ пораженія, объ ошибкахъ, которыя всегда и вездѣ можетъ найти безпристрастный досужій критикъ, необходимо остановиться на глубокихъ причинахъ, на неизбѣжности, въ которой нѣтъ непосредственно виноватыхъ и правыхъ. Эта неизбѣжность здѣсь заключается въ природѣ доктринъ, съ которыми противники выступили на единоборство.

Талантливый графъ Мольтке, научнымъ путемъ, анализомъ историческихъ примѣровъ съ примѣненіемъ къ нимъ критическаго метода и здраваго смысла, создалъ военную теорію. Эта теорія блестяще оправдывается въ двухъ побѣдоносныхъ войнахъ, послѣ чего она дѣлается «евангеліемъ».

Но какъ и въ каждомъ произведеніи человѣка, хотя бы и великаго, но все же смертнаго, и въ этой теоріи были свои слабыя стороны. Этой слабой стороной являлась сложность, нѣкоторая излишняя искусственность, а отсюда и неповоротливость системы. По теоріи Мольтке, полководецъ заранѣе долженъ все продумать, все взвѣсить, *все предусмотрѣть*, почти не оставляя мѣста для случайностей. Это внѣ человѣческихъ силъ и даже въ 70 году, самъ Мольтке наталкивался на непредусмотрѣнныя случайности. Его военное дарованіе позволяло ему справиться съ ними легко и съ честью выходить изъ соз-

давшихся трудныхъ положеній. Но когда на его мѣстѣ оказались люди посредственные, то свойства доктрины: «все взвѣсить, все предусмотрѣть и тогда пренебречь мелкими случайностями, оставаясь вѣрнымъ своему рѣшенію до конца», сдѣлали неповоротливой всю машину и она разбилась объ эти случайности. Правда, въ методѣ Мольтке было одно важное правило — постоянно учитывать развивающуюся жизнь и въ соотвѣтствіи съ новыми факторами вносить немедленныя поправки. Но это трудно учитывать и правило было забыто.

Въ XX вѣкѣ жизнь ушла впередъ: еще больше расширились поля сраженій, неудержимо росли арміи, развивались техническія средства... Нужна была новая, болѣе совершенная, организація управленія. Развились средства передвиженія и огнестрѣльное оружіе; ускорилось маневрированіе — нужны были особыя заботы объ обезпеченіи операціи. Обстановка мѣнялась быстрѣе — нужно больше вниманія къ дѣйствіямъ противника. Этого не учли.

На побѣдномъ опытѣ 70-71 г. Германская армія послѣ смерти гр. Мольтке, какъ бы застываетъ и потому въ половинѣ 1914 г. она выступаетъ съ опредѣленной военной доктриной, очень научно построенной, но уже нѣсколько устарѣвшей. Это даетъ себя знать и когда жизнь требуетъ поправокъ, то на полѣ сраженія ихъ провести уже не удается.

Французы идутъ другимъ путемъ, въ ихъ доктринѣ мало научности, большой просторъ для творчества, главное вниманіе отведено морали. Когда эта доктрина столкнулась съ методикой и разсчетомъ, она треснула по всѣмъ швамъ и едва не кончилась крушеніемъ Франціи; но зато высокая мораль вызвала къ жизни творчество и помогла, отказавшись отъ искусственныхъ принциповъ, быстро справиться со случайностями, даже использовать ихъ и изъ побѣждаемыхъ превратиться въ побѣдителей. Правда, нѣмцы не уничтожены, они даже отдѣлались сравнительно легко, этому помогли ихъ собственныя качества: тактическая выучка частей, рѣшительность дѣйствій, упорство, и наоборотъ, недостатки французовъ: слабое маневрированіе, пассивныхъ нѣкоторыхъ участковъ и т. д. Но все же, нѣмцы послѣ Марны очутились у «разбитаго корыта».

Къ причинамъ второго порядка, къ ошибкамъ, относятся тѣ нарушенія, которыя нѣмцы допускали противъ своей же собственной теоріи.

Въ стратегіи: не было достаточной политической подготовки, не говоря уже объ условіяхъ подобныхъ 70 году — война противъ одного только врага и дипломатическое обезпеченіе тыла, но даже и возможныхъ союзниковъ потеряли (сначала Италія, а потомъ и Румынія).

Недооцѣнка противника: просчитали Бельгію, какъ извѣстную вооруженную силу, и ошиблись въ опредѣленіи сроковъ готовности Россіи. Эти данныя, конечно, не мѣняли плана войны въ корнѣ, но должны были внести свои поправки и въ стратегическомъ развертываніи — необходимость еще большаго усиленія маневренной массы, хотя бы за счетъ Мецкой группы; и въ самомъ темпѣ операціи — требовалось вести ее какъ можно рѣшительнѣе, необходимо было сразу же ликвидировать Бельгійскую армію, чтобы съ возможно большими силами скорѣе прикончить французовъ.

Самый планъ не былъ достаточно цѣльнымъ, повидимому, чувствовалась оглядка на Восточную Пруссію, повидимому, еще въ мирное время, не было опредѣленной категорической готовности къ жертвамъ здѣсь во имя достиженія основной цѣли на западѣ, что и отозвалось такъ тяжело впослѣдствіи.

Въ тактикѣ: нарушался важнѣйшій принципъ сосредоточенія силъ въ рѣшительномъ мѣстѣ. У нѣмцевъ оказались «лишніе батальоны», и они перебрасываютъ корпуса на востокъ, снимая ихъ именно съ важнѣйшаго участка, за что и платятся столь трагически на Марнѣ. Поистинѣ, кровь Генерала *Самсонова*, пролитая подъ Танненбергомъ, оказалась жертвой во имя спасенія Парижа.

Необезпеченіе операціи: забывали о собственномъ хорошемъ правилѣ всегда думать о томъ, «какъ можетъ помѣшать противникъ»; не думала объ этомъ Главная Квартира, не думаетъ объ этомъ и Клукъ. А въ результатѣ, сюрпризъ и апологеты охвата, они въ рѣшительный моментъ сами охвачены. Думая, настойчиво только о томъ, «что я хочу», они вдругъ сами подчинены волѣ противника.

Отсутствіе управленія, взаимодѣйствія, связи, развѣдки . . . извращенная, предвзятая оцѣнка обстановки и т. д., о чемъ уже говорилось достаточно.

Въ общемъ, вначалѣ у нѣмцевъ идея, подготовка, маневръ и въ результатѣ побѣда; у французовъ ни того, ни другого, ни третьяго — пораженіе. На Марнѣ у французовъ идея, подготовка, маневръ — побѣда; у нѣмцевъ упрямое прямолинейное движеніе — пораженіе.

Къ 1914 году въ Европѣ было два ярко выраженныхъ, но противоположныхъ другъ другу военныхъ ученія. Это французское и нѣмецкое.

Французы въ своей военной доктринѣ, являлись, главнымъ образомъ, носителями чистаго искусства; нѣмцы, наоборотъ, методики и научности.

Эти ученія мертвой схваткой сразились на поляхъ Бельгіи и Франціи. Но въ крайностяхъ нѣтъ истины. Сначала нѣмцы бьютъ французовъ, и послѣдніе катятся къ Парижу. Но

въ позорѣ пораженія, они черпаютъ новыя силы, отказываются отъ своихъ одностороннихъ взглядовъ и въ свою очередь, жестоко бьютъ, опьяненныхъ успѣхами, нѣмцевъ.

Однако и для нѣмцевъ разочарованіе служитъ урокомъ. Они тоже прозрѣваютъ, отходятъ за Эснъ, спѣшно вносятъ свои поправки.

Дальше, судорожныя попытки обѣихъ сторонъ вырвать побѣду у врага и, наконецъ, къ ноябрю 1914 года устанавливается равновѣсіе. Нѣтъ больше противоположныхъ доктринъ. Явилось нѣчто среднее.

Цѣною разрушенныхъ надеждъ и моря человѣческой крови, пришли къ тому, съ чего слѣдовало начинать.

Намъ остается сдѣлать свой выводъ, что только счастливое сочетаніе чувства и разума, науки и искусства, даетъ торжество побѣды.

В. Крейтеръ.

ВОЙНА И ПСИХОЛОГІЯ.

(По поводу параллели г. В. Крейтера «Отъ Седана къ Марнѣ»).

«Подготовка войны—наука, веденіе войны—искусство»— такою краткою мыслью начинаетъ генералъ Servigny свои „Réflexions sur l'Art de la Guerre".

Въ этой, полной глубокаго значенія мысли, дано по существу исчерпывающее опредѣленіе различія между способами подготовки современныхъ государствъ къ войнѣ съ одной стороны и способами примѣненія вооруженныхъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій съ другой.

Какъ бы ни былъ тщательно приготовленъ хирургическій инструментъ — разъ нѣтъ искуснаго врача — самъ по себѣ инструментъ не пригоденъ. Какъ бы ни былъ искусенъ хирургъ, — безъ надлежащихъ инструментовъ онъ не можетъ выполнить даже и простой оперціи. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это было, напримѣръ, въ Австро-Германской войнѣ 1866 г. и во Франко-Прусской 1870-71 г.г., одна изъ воюющихъ сторонъ всесторонне подготовлена, а арміи ея болѣе или менѣе искусно предводимы, совпаденіе указанныхъ выше двухъ условій давало побѣдителю блестящіе успѣхи и полную побѣду.

Но съ тѣхъ поръ, масштабы войнъ расширились до необычайныхъ въ міровой исторіи размѣровъ: театромъ войны становится почти полміра, а арміями являются многомилліонныя полчища вооруженныхъ народовъ.

Требуются цѣлые годы со дня открытія военныхъ дѣйствій и привлеченія всѣхъ активныхъ силъ каждой страны для того, чтобы охваченныя войной страны могли развернуть имѣющіяся и создать новыя средства для неуспѣвающей въ мирное время военной подготовки въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Съ увеличеніемъ размѣровъ сражающихся массъ, въ еще большей, конечно, степени пріобрѣтаютъ значеніе вопросы объ искусствѣ управленія ими, правильнаго опредѣленія цѣлей, театровъ и противниковъ и примѣненія всѣхъ возможныхъ средствъ для достиженія основной цѣли войны — подчиненія себѣ воли противника.

Психологическіе факторы, управляющіе дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ и массъ, пріобрѣтаютъ еще болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ раньше, ибо на сцену выходятъ уже цѣлые народы со всею сложностью ихъ психологій, находящихся въ таинственной зависимости отъ генетическихъ и историческихъ причинъ.

Изученіе этихъ психологическихъ факторовъ, къ сожалѣнію, еще сравнительно недостаточно развито, и даже не во всѣхъ военныхъ академіяхъ удѣлялось достаточно вниманія изученію не только общей, но даже спеціально военной психологіи.

Можно съ увѣреностью сказать, что вслѣдствіе пренебреженія этимъ важнѣйшимъ элементомъ воинскаго воспитанія командного состава, у насъ было столь быстрое разложеніе русской арміи и флота въ тяжелые дни и мѣсяцы 1917 года.

Захваченное врасплохъ революціей, русское офицерство въ подавляющемъ большинствѣ, за незначительными исключеніями, оказалось въ безпомощномъ положеніи: не будучи обучено умѣнію *управлять собою и людьми,* оно могло только *командовать и приказывать,* тогда какъ въ это необычайное время потрясенія и почти крушенія народнаго духа, требовалось *умѣніе подчинять себѣ волю другихъ и управлять,* вліяя на окружающихъ не только силою воинскаго кодекса, но главнымъ образомъ, *силою духа и психологическаго умѣнія,* пріобрѣтаемыхъ лишь тщательнымъ изученіемъ и постояннымъ упражненіемъ.

Неувѣренность въ себѣ, неумѣніе уловить и разсѣять грозовыя волны нарастающихъ вредныхъ психологическихъ настроеній, а отсюда и растерянность собственной воли и нерѣшительность, или примѣненіе несоотвѣтствующихъ обстановкѣ способовъ дѣйствій — вотъ обычныя слѣдствія психологическаго состоянія подъ вліяніемъ грозящихъ какою-то бѣдой невѣдомыхъ событій или явленій. Онѣ какъ бы гипнотизируютъ волю и сознаніе подвергающагося имъ субъекта и препятствуютъ найти правильный выходъ изъ положенія.

Въ зависимости отъ природной психологіи даннаго народа и отъ мѣръ ея развитія тѣми или другими способами — общими ли условіявми жизни, какъ это въ большинствѣ случаевъ бываетъ, или искусственными пріемами воспитанія и практики, какъ это дѣлается въ тѣхъ государствахъ, гдѣ на это уже успѣли обратить вниманіе *), вырабатываются, конечно, и психологическіе типы отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ составляются арміи и ея вожди.

Если народъ не обладаетъ отъ природы гибкостью мышленія и способностью быстро примѣняться къ новымъ обстоя-

*) С. А. Соединенные Штаты и Германія. См. Брошюру К. Піорковскаго „Человѣческій интеллектъ". Изданіе „Аргонавты". Берлинъ 1922 г.

тельствамъ, то психологическое его развитіе въ извѣстномъ направленіи, такъ сказать, по шаблону, можетъ вмѣсто пользы принести непоправимый вредъ, ибо сила привычки къ опредѣленнымъ заранѣе способамъ дѣйствія и пріемамъ можетъ заглушить необходимое для данной обстановки проявленіе творческаго начала, безъ утраты психологической сопротивляемости.

Такимъ образомъ, можно заключить, что только сочетаніе твердой, устойчивой психологіи съ гибкимъ, подвижнымъ, богатымъ знаніями, творческимъ умомъ, могутъ дать ту способность повелѣвать обстановкой, которая, какъ нигдѣ болѣе, требуется на войнѣ и особенно въ бою. Съ этой точки зрѣнія представляетъ значительный, для каждаго интересующагося военнымъ дѣломъ, интересъ опытъ параллели дѣйствій нѣмцевъ и французовъ, главнымъ образомъ, ихъ командованія, въ 1870 и въ 1914 г.г., проводимый въ статьѣ г. В. Крейтера «Отъ Седана къ Марнѣ».

Въ основу своей параллели авторъ кладетъ не обычный методъ военно-историческихъ сравненій, базирующихся на подсчетахъ силъ и разсчетахъ времени, съ описаніями боевыхъ столкновеній, а совершенно новый методъ сравненій тѣхъ психологически-умовыхъ, если позволено будетъ такъ выразиться для краткости, мотивовъ и пріемовъ, которые свойственны каждой изъ сражающихся сторонъ.

Авторъ самъ опредѣляетъ это слѣдующими словами: «Ознакомившись съ источниками, я былъ захваченъ особою мыслью: изучая начало европейской войны и въ частности бой на Марнѣ *), я увидалъ, что виновникомъ его исхода является не Жоффръ и Галліени, ни Мольтке и Клукъ, *а нѣчто большее и неизбѣжное;* что глубокая причина побѣды и пораженія лежитъ не только въ счастливой комбинаціи внезапно осѣнившей Жоффра и не въ изъятіи генераломъ Мольтке въ рѣшительный моментъ и изъ рѣшительнаго мѣста 2 корпусовъ, *но, главнымъ образомъ, въ природѣ доктринъ.* Я пришелъ къ заключенію, *что залогъ побѣды и пораженія на Марнѣ лежитъ въ кампаніи 1870-1871 года*».

Изъ приводимаго въ параллели сжатаго очерка подготовки и хода Франко-Прусской войны 1870-71 г., а затѣмъ изъ болѣе пространнаго очерка развитія «Германской военной доктрины», вполнѣ опредѣленно вытекаетъ, что, по мысли автора, заключающейся въ словахъ: «Залогъ побѣды и пораженія на Марнѣ лежитъ въ кампаніи 1870-71 г.г.», этимъ залогомъ являются всецѣло психологическіе факторы.

*) Правильнѣе назвать: „операція на Марнѣ“. В. В.

Такъ, опредѣляя значеніе фельдмаршала Мольтке и вліяніе его на ходъ развитія германской военной мысли, авторъ отмѣчаетъ, что благодаря Мольтке «установилось такъ называемое единство доктринъ», что «всѣ начальники, отъ взводнаго командира до командующаго арміей, въ общемъ смотрѣли на вещи одинаково и въ тѣ или иныя военныя опредѣленія вкладывали совершенно точныя и ясныя понятія», что «духъ рѣшеній начальниковъ разныхъ степеней въ большинствѣ случаевъ бывалъ однообразенъ» и что «духъ иниціативы былъ развитъ до крайнихъ предѣловъ, въ ущербъ велѣніямъ общей обстановки».

Въ этомъ авторъ видитъ и «громадную силу германской арміи и одновременно ея слабую сторону», которая заключается въ короткомъ опредѣленіи автора «много научности, но мало простора для творчества», т. е. другими словами, привычка къ шаблону, «система къ заранѣе принятымъ окончательнымъ рѣшеніямъ, съ пренебреженіемъ къ случайностямъ . . .» «дѣйствующая по шаблону» — «я хочу» — и отводящая мало мѣста творчеству для противодѣйствія тому, «какъ мнѣ помѣшаетъ противникъ».

Естественымъ слѣдствіемъ этой системы являются развитіе самоувѣренности и предвзятости, крушеніе которыхъ волею противника должно вызывать антитезы ихъ, т. е. растерянность и нерѣшительность.

Примѣняя выраженія Режиналя Каннъ, что 1) «французская военная доктрина рождена была въ несчастіи пораженія, ея воспріемниками были неувѣренность и отчаяніе» и 2) что «мы (французы) потратили 40 лѣтъ на то, чтобы изучить то, — что надо было бы сдѣлать для того, чтобы выиграть войну 1870 года», авторъ отмѣчаетъ, что французы, также подъ вліяніемъ психологическихъ факторовъ, но другого рода, чѣмъ воздѣйствовавшіе на нѣмцевъ, «шли съ рѣзкими колебаніями въ развитіи своихъ взглядовъ на войну и бой, переходили отъ крайности въ крайность, рѣзко мѣняя свои взгляды, и вкладывая въ свою работу больше нервовъ и сердца, чѣмъ разума и логики».

Такимъ образомъ, въ міровой войнѣ 1914 года главные противники встрѣчаются въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ психологической подготовки: «у нѣмцевъ много научности, но мало простора для творчества; система мало подвижна; расчетъ прежде всего дѣйствія механическія; малая приспособленность къ случайностямъ», у французовъ: «ничего опредѣленнаго, только одинъ ярко выраженный, но расплывчатый принципъ активности, мало научности и логики, но зато безконечный просторъ для творчества; высокій духовный подъемъ съ жаждой мести». Вотъ тѣ главнѣйшіе психологическіе факторы,

которые положены авторомъ въ основу метода его сравненія дѣйствій двухъ противниковъ на Марнѣ, и, базируясь на которыхъ, авторъ, сравнивая планы сторонъ, находитъ: «у нѣмцевъ опредѣленное предвзятое рѣшеніе, не останавливающееся ни передъ чѣмъ, вплоть до нарушенія международнаго права, стратегическое наступленіе, оборона на лѣвомъ флангѣ, ударъ справа» у французовъ — «цѣлью является лишь наступленіе, но гдѣ, какъ и для чего — это предоставлено рѣшить ходу событій».

«Нѣмецкой предусмотрительности*)и методикѣ, противопоставляются — порывъ и случайность».

Сжато изслѣдуя ходъ событій отъ развертыванія сторонъ до столкновенія на Марнѣ, авторъ, оставаясь вѣрнымъ своему методу выявленія психологіи сторонъ, отмѣчаетъ у нѣмцевъ: «упрямое преслѣдованіе ихъ первоначальной цѣли, намѣченной еще въ мирное время, въ тиши кабинета»; стремленіе къ новому Седану; дѣйствія предвзятыя, несмотря на рядъ предупрежденій ходомъ событій — сказывается психологія шаблона, привычки «видѣть то, что хочется видѣть», несмотря на то, что «наканунѣ Марны у нѣмцевъ силы ослаблены, матеріальная часть разстроена, управленіе ускользнуло изъ рукъ, обстановка понята извращенно». Французы къ этому времени «ради здраваго смысла и въ минуту кризиса забросили доктрину и занялись съ нѣмцами», т. е. проявили творческую активную силу и создали то, что предрѣшало исходъ Марны, «силы возросли, матеріальная часть пополнена, управленіе въ рукахъ, здравый смыслъ господствуетъ надъ предвзятостью».

Не касаясь описанія Марненскихъ дѣйствій, нужно отмѣтить лишь, что здѣсь рѣзче всего проявилась предвзятость рѣшеній Клука, какъ слѣдствіе психологической подготовки, приведшая его къ окруженію и переходу иниціативы въ руки французовъ.

Давая въ заключеніе своей параллели сводку стратегическихъ и тактическихъ выводовъ, авторъ говоритъ: «Къ 1914 году въ Европѣ было два ярко выраженныхъ, но противоположныхъ другъ другу, военныхъ ученія.

Это французское и нѣмецкое; первое — доктрина чистаго искусства, второе — методики и научности».

Но здѣсь все время надо твердо помнить, что ученія эти, становясь достояніемъ человѣческой психологіи, даютъ свое отраженіе главнымъ образомъ на дѣйствіяхъ вождей и только черезъ нихъ на дѣйствіяхъ подчиненныхъ имъ массъ. Послѣднія же, по мѣрѣ увеличенія ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, становятся все менѣе и менѣе поддающимися личнымъ вліяніямъ высшаго командованія, въ случаѣ неудачъ легче подвергаются

*) и „предвзятости". В. В.

моральному разложенію, которое въ свою очередь затрудняетъ высшее командованіе въ исправленіи положеній, и что поэтому только при правильномъ психологическомъ воспитаніи всего народа, при выработкѣ въ немъ твердыхъ психологическихъ основъ и при развитіи ума и воли, можно достигать успѣха въ неизбѣжной борьбѣ за существованіе, которая, пока морально не переродится все человѣчество, вѣчно будетъ имѣть своимъ конечнымъ фазисомъ войну и бой, въ какихъ угодно видахъ.

И вполнѣ можно присоединиться къ конечной мысли автора, что «только счастливое сочетаніе чувства и разума, науки и искусства даетъ торжество побѣды».

Но для достиженія этого торжества необходимо самое серьезное и непрерывное вниманіе къ изученію и использованію свойствъ человѣческой психологіи во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ массахъ. Ибо человѣкъ всегда былъ, есть и будетъ главнымъ дѣятелемъ и орудіемъ войны.

И можетъ быть, если бы мы, русскіе, лучше знали эту область науки и примѣняли бы ее практически, мы не испытывали бы теперь всего ужаса «самопораженія».

Вотъ та основная мысль, которую я имѣлъ въ виду при разборѣ талантливой параллели г. В. Крейтора.

В. Вязьмитиновъ.

КРАТКІЙ СТРАТЕГИГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ НА ФРАНКО-ГЕРМАНСКОМЪ ФРОНТѢ ВЪ 1918 Г.

Введеніе.

Возникшая въ разгаръ Великой войны въ 1917 году русская революція, повлекшая за собой гражданскую войну, втянула въ водоворотъ своихъ интересовъ всю мыслящую Россію и настолько заполонила собою все вниманіе русскаго обывателя, что грандіозныя событія, происходившія въ теченіи 1918 года на фронтѣ міровой войны, прошли мимо него, какъ бы незамѣченными и во всякомъ случаѣ неизученными большинствомъ нашихъ соотечественниковъ.

Чрезвычайный, жгучій интересъ гражданской борьбы отвлекалъ вниманіе и всецѣло поглощалъ мысль военныхъ круговъ, которымъ некогда было разбираться въ отрывочныхъ извѣстіяхъ и неясныхъ раскатахъ, доносившихся съ далекаго Запада. А между тѣмъ, тамъ происходили событія совершенно исключительнаго интереса и необычайнаго по грандіозности масштаба.

Ко времени окончанія гражданской войны въ Россіи, великія событія 1918 года уже отошли въ исторію и теперь мы получаемъ возможность судить о нихъ по безконечной серіи всевозможныхъ воспоминаній, записокъ современниковъ и отчетовъ, представляющихъ полуобработанный историческій матеріалъ.

Вся эта масса печатныхъ трудовъ мало доступна среднему русскому читателю, какъ по матеріальнымъ условіямъ, такъ и по причинѣ изложенія ихъ на иностранныхъ языкахъ.

Вышеуказанныя соображенія побудили насъ предложить вниманію читателей «Сборника» краткій стратегическій очеркъ вооруженной борьбы на франко-германскомъ театрѣ въ 1918 году.

Стратегическая и политическая обстановка въ 1916—17 годахъ.

Для правильной оцѣнки интересующихъ насъ событій, намъ необходимо бросить взглядъ на тѣ условія, въ какихъ

протекала вооруженная борьба въ послѣднее время передъ русской революціей.

Силы сторонъ, втянутыхъ въ борьбу, росли съ самаго начала войны, какъ вслѣдствіе вступленія новыхъ государствъ, бросавшихъ свои еще свѣжія арміи на чашу вѣсовъ военнаго счастья, такъ и благодаря росту этихъ самыхъ армій. Послѣднія, становясь все многочисленнѣе и многочисленнѣе, обращались въ вооруженные народы и въ то же время все лучше и лучше обезпечивались разнообразнѣйшими техническими средствами борьбы.

Однако уже съ половины 1916 года, холодный кабинетный расчетъ приводилъ къ заключенію, что это напряженное состязаніе не можетъ продолжаться до безконечности. Условія для борящихся сторонъ были слишкомъ различны.

Охватывающее положеніе Антанты, владѣніе морями, возможность привлеченія новыхъ союзниковъ съ свѣжими контингентами, широкое использованіе ресурсовъ Новаго Свѣта, наконецъ обладаніе почти всѣми источниками нефти, — все это вмѣстѣ взятое допускало еще очень большой ростъ ея силъ и дѣлало борьбу на *выносливость* безнадежной для Германіи и ея союзниковъ.

Блестящіе успѣхи Германской стратегіи, за первые два года войны, уже вездѣ были остановлены и парализованы.

Окружающее четверной союзъ, гигантское кольцо огня и желѣза начинало постепенно стягиваться. Для оказанія даже пассивнаго сопротивленія этому, все возраставшему давленію, приходилось расходовать все больше и больше силъ, а въ распоряженіи Германской стратегіи оставалось *все меньше свободныхъ резервовъ* не только для нанесенія, но и для парированія ударовъ, которые уже стала наносить Антанта.

Борьба въ такомъ фазисѣ сводилась къ вопросу времени. Количество войскъ, *связанныхъ* на фронтахъ, постепенно все возрастало, резервы таяли, также какъ источники ихъ формированія и ясно было, что наступитъ нѣкогда день, когда всѣ свободные резервы изсякнутъ и тогда прорывъ фронта въ какомъ либо пунктѣ повлечетъ за собой общую катастрофу.

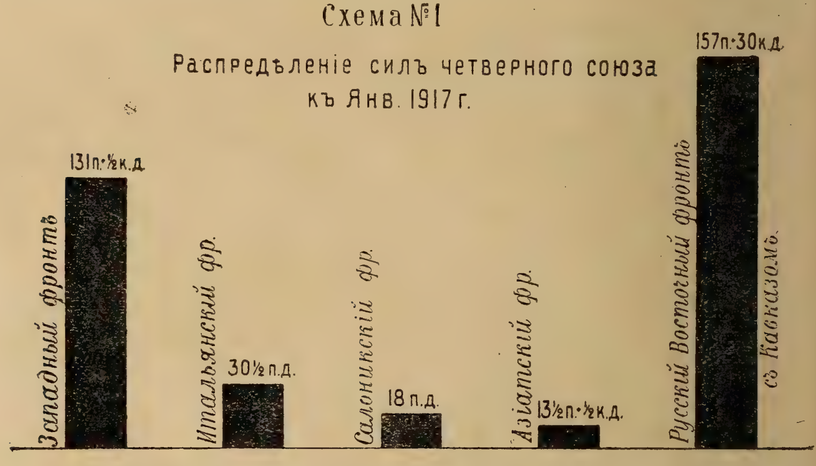
Желаніе нарушить равновѣсіе въ свою пользу и явно обнаружившаяся невозможность развить силы союза въ большей мѣрѣ, чѣмъ силы противной стороны, породило у Германіи стремленіе искать выхода въ другой области.

Средствами стратегіи исправить обстановку уже не представлялось возможнымъ и нѣмцы обращаются вновь къ посредству политическихъ воздѣйствій.

Попытка заключить почетный миръ, пользуясь нахожденіемъ своихъ армій на территоріи противника — не удается. Борьба продолжается. Увеличить свои силы въ требуемой для

побѣды мѣрѣ невозможно, — остается уменьшить силы врага путемъ сепаратнаго мира. На какомъ же фронтѣ и съ какой страной искать этого мира? Естественно на восточномъ. Во первыхъ, фронтъ этотъ связывалъ максимальное количество силъ (см. схему № 1), освобожденіе ихъ, или даже большей ихъ части, развязало бы руки стратегіи на другихъ фронтахъ. Во вторыхъ, на восточномъ фронтѣ приходилось договариваться только съ одной Россіей, ибо силы Румыніи были ничтожны и она одна продолжать борьбы не могла.

Необходимо было сдѣлать Россію сговорчивой, причемъ, какъ уже сказано выше, достигать этого средствами стратегіи значило нести непроизводительные расходы, ибо и безъ того чувствовался недостатокъ въ средствахъ.



Отличное знаніе обстановки русской внутренней политики и состоянія интернаціональнаго соціалистическаго движенія помогло и указало Германскому Генеральному Штабу, гдѣ искать союзниковъ.

Еще по завѣтамъ стараго фельдмаршала Мольтке, Большой Генеральный Штабъ тщательно и системетически изучалъ соціалистическое движеніе, хорошо зналъ его разновидности, былъ знакомъ съ характеристикой его вождей.

Великая война прекратила жизнь II интернаціонала, поставивъ національную проблему выше интернаціональныхъ интересовъ рабочаго класса. Наиболѣе активные вожди международнаго пролетаріата въ 1915-16 годахъ организовали съѣзды въ Циммервальдѣ и Кienталѣ*). Слѣдя за ихъ работой, нѣмцы договорились съ образовавшейся на этихъ съѣздахъ «крайней

*) деревни въ Швейцаріи.

лѣвой». Предоставивъ ея вождямъ средства для веденія пацифистской пропаганды въ тылахъ армій своихъ противниковъ, они гарантировали одновременно отъ нихъ свои собственныя войска.

Тайно поддерживая крайнія лѣвыя теченія русскихъ революціонныхъ круговъ, — нѣмцы этимъ самымъ укрѣпляли позиціи реакціонныхъ слоевъ общества въ ихъ вліяніи на Верховную Власть въ странѣ. При полной свой легальности, правые, особенно дворцовые круги русскаго высшаго общества, всегда имѣли нѣсколько германофильскую тенденцію, симпатизируя больше Императорской Германіи, чѣмъ Республиканской Франціи. Это было второе и притомъ кратчайшее политическое «операціонное» направленіе для воздѣйствія на волю Страны, при посредствѣ вліянія на Верховную Власть.

Игра была безпроигрышная.

Важно только было питать крайнія направленія, стравливая ихъ между собой. Усиленіе реакціи порождало революціонныя настроенія, которыя въ свою очередь вызывали репрессіи.

Ловко муссируемые слухи пугали русское общественное мнѣніе призракомъ постыднаго сепаратнаго мира, на который якобы способна пойти Верховная Власть.

Создавалась тенденція ограничить эту власть, — во имя побѣднаго окончанія войны.

Такъ думали благомыслящіе либеральные круги, оріентировавшіеся и поддерживаемые Антантой.

Они не отдавали себѣ отчета въ дѣйствительныхъ свойствахъ того соціалистическаго вулкана, изверженіе котораго началось при первыхъ же ихъ революціонныхъ дѣйствіяхъ. И печальные результаты сего скоро сказались.

Въ мартѣ 1917 года произошла революція, а вслѣдъ за ней все прогрессирующее разложеніе русской арміи, какъ результатъ работы соціалистической пропаганды всѣхъ оттѣнковъ.

Сила сопротивляемости огромнаго восточнаго фронта стала стремительно падать и уже къ осени нѣмцами были достигнуты значительные успѣхи: захватъ Риги и Моонъ-Зунда, Тарнопольскій прорывъ, отходъ русскихъ армій въ предѣлы Волыни и Подоліи. Но важнѣе всего было то, что всѣ эти успѣхи не только не вызвали расхода резервовъ, а наоборотъ, до 40 дивизій было снято съ русскаго фронта и переброшено въ Италію, гдѣ только своевременное вмѣшательство Французскаго Командованія и прибытіе французскихъ частей остановило побѣдоносную операцію нѣмцевъ на Піаве.

Но не на русскомъ фронтѣ и не въ горахъ Тинторетто должна была рѣшиться эта титаническая борьба народовъ.

Германія сознавала, что ей необходимо нанести сокрушительный ударъ своимъ западнымъ противникамъ, въ ряды которыхъ вмѣсто выбывшей Россіи вступили Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Тамъ, на нѣкогда цвѣтущихъ поляхъ сѣверо-восточной Франціи, произойдетъ этотъ послѣдній рѣшительный бой . . .

Вожди интернаціонала, предупредительно доставленные нѣмцами въ Россію, приступили къ выполненію своихъ завѣтныхъ желаній: обращенію Россійской Имперіи въ Р. С. Ф. С. Р.

Окончательно захвативъ власть въ концѣ октября 1917 года, они къ марту подписали сепаратный Брестъ - Литовсій миръ, развязавъ руки нѣмцамъ и предоставивъ имъ возможность вывоза продовольственныхъ грузовъ съ юга Россіи (особый договоръ съ Украиной).

Начавшаяся въ Россіи гражданская война, окончательно направила всѣ силы этой страны на внутреннюю борьбу, вычеркнувъ ее на годы изъ мірового обращенія.

Поставленная Германіей цѣль была достигнута: не только огромныя силы, связанныя прежде на восточномъ фронтѣ, но и почти всѣ боевыя средства и запасы брошеннаго русскаго фронта достались ей и притомъ почти безъ потерь. Правда, успѣхъ этотъ былъ купленъ довольно противоестественнымъ соглашеніемъ Императорской Германіи и III Интернаціонала, но въ страстномъ стремленіи какой бы то ни было цѣной достигнуть побѣды. Императорское Правительство упускало изъ вида конечныя цѣли своего временнаго сподвижника.

Событія русской революціи, повидимому, настолько ошеломили умы, что лѣтомъ 1917 года на всѣхъ фронтахъ настало затишье . . . затишье передъ грядущей бурей. Во Франціи отошедшіе нѣмцы заняли заблаговременно укрѣпленную позицію Гинденбурга. Обѣ стороны лихорадочно готовились къ новымъ операціямъ, но ясно было, что инипіатива дѣйствій будетъ уже за нѣмцами . . .

Оплодотворенная приливомъ свѣжихъ силъ, германская стратегія готовилась къ послѣднему и величайшему акту всей войны. Германскому Командованію рисовалось, что предстоящія операціи должны повлечь за собой побѣдоносное окончаніе войны и на долгіе годы обезпечить Германіи міровую гегемонію.

Въ такихъ условіяхъ ничего нельзя было упустить, необходимо было все предусмотрѣть и обнаружить максимумъ того, на что способенъ нѣмецкій геній. Поэтому то на весеннюю операцію 1918 года надо смотрѣть какъ на максимальное усиліе воли, таланта и организаціи, на которое были способны нѣмцы; — въ этой типично нѣмецкой операціи ярко проглядываетъ

германская военная доктрина, а также сказывается и вся ихъ военная система.

Еще въ руководствахъ мирнаго времени «Большого Генеральнаго Штаба» можно было прочесть довольно громоздкую формулу, въ которую укладывалась вся Мольтковская доктрина:

«Высшее искусство заключается въ томъ, чтобы сумѣть взять у населенія максимальное количество живой силы, изъ этой массы — максимумъ поставить подъ ружье, сосредоточить максимальное количество вооруженныхъ силъ на главномъ театрѣ войны, подведя большую ихъ часть къ избранному полю сраженія и, наконецъ, направить большую массу изъ числа собраннаго, для нанесенія рѣшительнаго удара противнику, — или формулируя кратко: «напряженіе опредѣляетъ успѣхъ».

Такой рецептъ на $^3/_4$ сводитъ искусство высшаго управленія къ *подготовкѣ операціи* до того момента, когда, наконецъ, собранныя массы брошены въ рѣшительный бой. Съ этого же момента роль Главнаго Начальника какъ бы отходитъ на 2-ой планъ, его роль уже сыграна, что онъ могъ, то сдѣлалъ . . . и начинается работа войскъ.

По этимъ нормамъ разыграли нѣмцы и весеннюю операцію 1918 года.

Цѣль операціи.

Цѣль, которую поставили себѣ нѣмцы, былъ разрывъ между французскимъ и англійскимъ фронтами. Достигалось это направленіемъ удара по участку англичанъ, по крайнимъ двумъ арміямъ, ближайшимъ къ стыку съ французами. (сх. № 2).

Ударъ, наносимый въ направленіи С. Кантенъ-Мондидье, черезъ Пикардію, долженъ былъ опрокинуть правый флангъ англичанъ, отбрасывая ихъ въ море, и обнажить лѣвый флангъ французовъ. Успѣшное проведеніе этой первой фазы борьбы, обусловливало развитіе успѣха въ обходъ лѣваго фланга французовъ, въ направленіи на Парижъ, съ послѣдовательнымъ скручиваніемъ французскаго фронта къ югу и отбрасываніемъ его къ Швейцарской границѣ.

Ближайшей задачей послѣ прорыва фронта, ставился перерывъ мощной желѣзнодорожной магистрали Калэ - Амьенъ-Парижъ, связывавшей столицы Англіи и Франціи.

Подготовка весенней операціи.

Подготовка къ этой операціи началась задолго и была крайне разносторонней.

1. На западномъ фронтѣ было сосредоточено *максимальное количество живой силы;* съ русскаго фронта была вывезена

не только большая часть дивизій, но въ оставшихся для оккупаціи частяхъ были замѣнены молодые сроки службы болѣе старыми или инвалидами, а все наиболѣе высокое, качественно, было отправлено на пополненіе западнаго фронта.

2. Западный фронтъ былъ значительно усиленъ артиллерійскими средствами, ручнымъ оружіемъ и пулеметами. Особенно увеличено было количество орудій крупнаго калибра свы-

ше 9 дюймовъ (до 17 дюймовъ), количество пулеметовъ, главнымъ образомъ, тяжелыхъ и дальнобойныхъ и, наконецъ, введены автоматическія ружья и ружья-пулеметы. Общее количество пуль, выбрасываемое тѣмъ же числомъ людей, было повышено въ нѣсколько разъ.

3. Введены особыя орудія большой дальности, бросавшія свои снаряды на разстояніе до 100 километровъ спеціально для

бомбардированія съ большого разстоянія крупныхъ населенныхъ пунктовъ.

4. Въ мѣрѣ возможности увеличено количество аэроплановъ и авіо-части снабжены новѣйшими аппаратами-истребителями.

5. Увеличено количество авто-машинъ, какъ грузовыхъ, такъ и броневыхъ автомобилей и приступлено къ изготовленію танковъ. Въ дѣлѣ снабженія этого рода имуществомъ главное командованіе встрѣтилось съ невозможностью удовлетворить запросы фронта, даже при полномъ использованіи всѣхъ производительныхъ силъ страны. Приходилось выбрать одно изъ двухъ, — грузовики или танки. Людендорфъ предпочелъ грузовики, чтобы обезпечить наилучшимъ образомъ переброску войскъ и подвозъ того чудовищнаго количества грузовъ, которое поглощалъ и выбрасывалъ на противника фронтъ. Онъ считалъ, что можно будетъ обойтись незначительнымъ, сравнительно, количествомъ танковъ, т. к. была значительно развернута тяжелая артиллерія, а пѣхота перевооружена.

Кромѣ недочетовъ въ авто-снабженіи въ это время нѣмцы уже чувствовали недостатокъ и въ горючемъ высокаго качества, а замѣна его худшими сортами вліяла на сносъ машинъ и ихъ заболѣваемость. Повидимому въ погонѣ за нефтью нѣмцы произвели дессантъ въ 1918 году въ Грузію и заняли Закавказье и Бакинскія мѣсторожденія нефти.

6. Въ это же время нѣмцы испытывали и недочетъ въ конскомъ составѣ. Они уже не могли держать запряженными всю полевую артиллерію и обозы, а принуждены были завести дивизіи разныхъ штатовъ въ отношеніи снабженности конскимъ составомъ: а) годныя для всѣхъ операцій, б) съ ограниченнымъ раіономъ дѣйствій и, наконецъ, приспособленныхъ только къ позиціонной борьбѣ. Это обстоятельство сильно усложняло свободу управленія.

7. Была произведена такая перегруппировка всѣхъ силъ, которая бы обезпечила быстрое и внезапное сосредоточеніе и планомѣрное развитіе задуманной операціи. Изъ 210 дивизій, собранныхъ на западномъ фронтѣ, противъ участка: море — Реймсъ (275 километровъ фронта) было сосредоточено 176 дивизій, а на участкѣ Реймсъ — Швейцарская граница (430 километровъ фронта) 44 дивизіи, т. е. 80% силъ сосредоточено на 39% длины фронта. (см. стр. 140).

Изъ прилагаемой таблицы видно, какъ систематически былъ проведенъ принципъ «сосредоточенія силъ»; характерной цифрой этой таблицы является огромная численность общаго резерва — 80 пѣхотныхъ дивизій.

Если мы вспомнимъ, что въ январѣ 1917 года все число дивизій на французскомъ фронтѣ было 131, а теперь 210, т. е.

что оно увеличилось на 79 дивизій и сравнимъ это количество съ величиной общаго резерва, то намъ станетъ ясно, какими событіями обусловливалось возможность созданія этого колоссальнаго кулака.

8. Выбрано мѣсто и направленіе удара. Для атаки намѣченъ участокъ отъ линіи Камбрэ-Бапомъ до линіи Ла-Феръ-Нуайонъ шириной въ 50 километровъ съ директриссой С. Кантенъ-Мондидье. Указанный участокъ оборонялся двумя англійскими арміями въ 130 и 170 тысячъ человѣкъ. Противъ нихъ сосредоточивалось до 1,5 милліона нѣмцевъ.

Распредѣленіе германскихъ дивизій по фронту.

°/₀	Разстояніе	Длина фонта армій.	Составъ армій	Общій резервъ	Всего	°/₀
39°/₀	275 клм.	45 клм. 30 „ 100 „ 50 „ 80 „	7 дивизій 26 „ 25 „ 15 „ 13 „	80 дивизій	166 дивизій	80°/₀
61 °/₀	430 клм.	75 клм. 20 „ 50 „ 45 „ 120 „ 70 „	9 дивизій 3 „ 7 „ 8 „ 7 „ 10 „		44 дивизіи	20°/₀
100°/₀	705 клм.	705 клм.	130 дивизій	80 дивизій	210 дивизій	100°/₀

9. Были приняты мѣры скрытности и мѣры введенія въ заблужденіе противника относительно раіона сосредоточенія. Предназначенныя для атаки дивизіи были распредѣлены на относительно обширномъ пространствѣ, но передъ самой операціей, 8 ночными переходами, сосредоточились и заняли исходное тактическое положеніе. Тыловой раіонъ нѣмецкихъ армій противъ Шампани былъ искусственно бутафорски оборудованъ въ качествѣ раіона сосредоточенія; здѣсь производились обширныя краско-маскировочныя работы, фотографическіе снимки съ которыхъ давали эффектъ устройства аэродромовъ, санитарныхъ городковъ, интендантскихъ складовъ и т. д. Словомъ симмулировалось сосредоточеніе противъ Шампани, а производилось — противъ Пикардіи.

10. Противъ намѣченнаго для атаки участка была развернута мощная артиллерія по расчету отъ 20 — 30 батарей на каждый километръ, калибровъ отъ 3 до 17 дюймовъ. Кромѣ того, на первой линіи окоповъ была развернута окопная артиллерія бомбометовъ и минометовъ той же насыщенности, т. е. 20 —30 батарей на километръ.

11. Вся эта масса войскъ и боевыхъ средствъ была широко обезпечена снарядами, патронами и всѣми видами питанія.

12. За 5 недѣль до атаки былъ намѣченъ приблизительно день окончанія всѣхъ подготовительныхъ работъ и намѣчена атака на 21 марта. Но окончательно выборъ для атаки принадлежалъ не старшему войсковому начальнику, а «метереологу». Цѣлая сѣть метереологическихъ станцій вела систематическія наблюденія погоды, записывая ихъ и составляя предсказанія впередъ, которыя затѣмъ свѣрялись съ дѣйствительностью.

Такимъ образомъ, опытнымъ путемъ была установлена степень вѣроятности и характеръ ошибокъ. Вся эта работа была необходима для того, чтобы имѣть возможность какъ можно шире использовать во время атаки удушливые газы.

Современные авгуры признали ночь на 21 марта удачной, обѣщая слабый вѣтеръ въ сторону противника и жребій былъ брошенъ.

Организація управленія.

Весь Западный германскій фронтъ былъ раздѣленъ на 4 группы армій: группа Кронпринца Рупрехта Баварскаго отъ моря до С.-Кантена, Кронпринца Прусскаго далѣе до Аргонскаго лѣса включительно, генерала Гальвитца до Меца и герцога Альбрехта до Швейцарской границы. *Такимъ образомъ, граница между фронтами двухъ Главнокомандующихъ приблизительно совпадала съ директриссой намѣченнаго удара*, а исполненіе всей операціи было объединено лишь въ самой высшей инстанціи, гдѣ объединялось управленіе вообще всѣми фронтами.

Отсутствіе непосредственнаго общаго начальника, полномочнаго руководителя операціи должно было сказаться, да и несомнѣнно и сказалось во всемъ ея дальнѣйшемъ развитіи. Чѣмъ же объяснить такое завѣдомое нарушеніе принциповъ военнаго искусства?

Принцъ Рупрехтъ, значительно превосходившій и въ старшинствѣ и особенно въ подготовленности и опытности Кронпринца Германскаго, — уступалъ ему лишь въ политическомъ своемъ значеніи. Имѣя въ виду, что по замыслу, намѣченная операція должна была имѣть послѣдствіемъ окончательное пораженіе союзниковъ и что лицо руководившее ею могло стать крайне популярнымъ въ Германіи, — Высшее Германское Ко-

мандованіе не нашло въ себѣ гражданскаго мужества предпочесть баварскаго принца Рупрехта — Гогенцоллерну, да еще сыну Императора и Наслѣднику Престола.

Кромѣ этихъ соображеній, могло повліять и отрицательное отношеніе самаго Кронпринца Рупрехта къ выбору операціоннаго направленія и цѣли операцій, — по его мнѣнію слѣдовало атаковать въ направленіи на Калэ, ставя себѣ задачей захватъ портовъ, служащихъ базой англичанамъ. Такое направленіе совершенно устраняло участіе Наслѣднаго Принца.

Нежеланіе поручать операцію лицу, несогласному съ ея основной идеей и стремленіе дать возможность участвовать въ послѣднемъ „Kaiserschlacht“ Германскому Кронпринцу — очевидно повліяли на принятое рѣшеніе, можетъ быть даже въ его цѣломъ.

Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы поручить Принцу Гогенцоллерну руководство всей операціей. На самомъ же дѣлѣ было принято компромиссное рѣшеніе. Объясненія и оправданія, приводимыя Людендорфомъ, что мѣра эта отнюдь не вызвана политическими соображеніями, а только лишь желаніемъ возможно легче вліять на ходъ операцій, подъ благовиднымъ предлогомъ координаціи дѣйствій обоихъ Главнокомандующихъ, и что единоначаліе было соблюдено, т. к. всѣ нити управленія сходились все таки въ Главной Квартирѣ — не выдерживаютъ даже поверхностной критики.

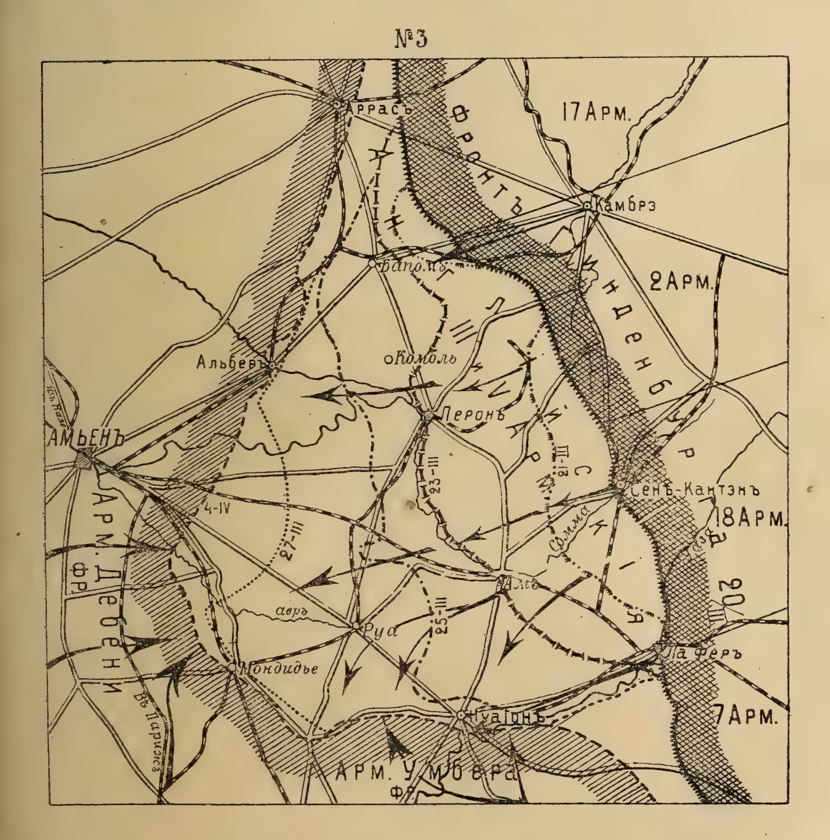
Итакъ, самой организаціей управленія, задуманной операціи въ ея рѣшительный періодъ — боя, не было обезпечено наилучшаго, рѣшительнаго, активнаго и своевременнаго руководства.

Выполненіе мартовской операціи.

Хотя господами воздуха были союзники и цѣлыя бюро въ развѣдывательныхъ отдѣленіяхъ съ лупами въ рукахъ ежедневно изучали богатый фотографическій матеріалъ воздушной развѣдки, сличая снимки, улавливая разницу и стараясь разгадать планы и намѣренія противной стороны, — однако дѣйствительныя приготовленія нѣмцевъ не были открыты ни французами, ни англичанами (см. сх. № 3). Англичане совершенно не подозрѣвали-бы о надвигавшейся на нихъ грозѣ, если бы среди нѣмцевъ не нашлось двухъ человѣкъ, нервы которыхъ не выдержали тревожнаго ожиданія. Эти два нѣмца перебѣжали 20 марта къ англичанамъ и предупредили о грядущей атакѣ. Было приказано произвести артиллерійскую развѣдку, огнемъ 12-дюймовыхъ орудій. Выпустили нѣсколько сотъ снарядовъ, но нѣмецкая артиллерія молчала, не оправдывая на этотъ разъ стараго афоризма, что голосъ пушки будитъ артиллерію противника. Англичане успокоились. Наступила роковая ночь.

Въ 2 часа ночи вся масса нѣмецкой артиллеріи одновременно открыла огонь. Согласно особыхъ указаній огонь этотъ велся каждой батареей по опредѣленной цѣли и поддерживался съ неослабѣвающей интенсивностью шесть часовъ. Тяжелая артиллерія была обращена противъ фортификаціонныхъ сооруженій и артиллеріи противника; послѣдюю, а также и подступы съ тыла къ непріятельской позиціи засыпали снарядами съ удушливыми газами, портящими механизмы.

№3



Окопы, блиндажи, лисьи норы и прочія фортификаціонныя сооруженія засыпались бомбами, гранатами и минами.

Послѣ 6 часовой подготовки, часть орудій, стрѣлявшая по первой линіи, стала медленно переносить огонь свой вглубь позицій. Быстрота этого переноса должна была быть километръ въ часъ. Одновременно около милліона человѣкъ пѣхоты двинулось въ атаку. По глубинѣ пѣхота распредѣлялась на 3 волны, приблизительно по 300 тысячъ человѣкъ къ каждой.

На каждую дивизію приходилось меньше одного километра фронта.

Предполагалось, что переносъ огня по глубинѣ будетъ соотвѣтствовать быстротѣ передвиженія пѣхоты, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ пѣхота отстала, тогда остатки англичанъ своимъ огнемъ по сплошнымъ массамъ атакующихъ нанесли имъ существенныя потери; въ большинствѣ же случаевъ потери нѣмцевъ были незначительны, а оставшіеся еще въ живыхъ англичане, по разсказамъ нѣмцевъ, имѣли видъ сумасшедшихъ и были неспособны къ сопротивленію.

Только на самомъ лѣвомъ флангѣ англичане отбили всѣ атаки и не отдали своей позиціи.

Вся первая и значительная часть второй линіи англійской позиціи пала. Нѣмцы продвинулись отъ 2 до 4 и даже до 6 верстъ, нанеся англичанамъ чрезвычайныя потери; почти вся артиллерія послѣднихъ погибла; пѣхота понесла очень тяжелыя потери, какъ при бомбардировкѣ, такъ и при отходѣ, отъ ружейно-пулеметнаго огня нѣмцевъ; но что было важнѣе всего — психика англичанъ была сломлена. При дальнѣйшемъ наступленіи, вопросъ о серьезномъ сопротивленіи этими же войсками не могъ быть поставленъ. Дѣло сразу свелось къ отступленію подъ прикрытіемъ аріергардовъ, которые хотя и доблесно сражались, но остановить нѣмцевъ не могли.

Нѣмецкая лавина продолжала вкатываться въ образовавшійся прорывъ, постепенно проникая все глубже и глубже, а инерція англичанъ не уменьшалась, а увеличивалась. Только на лѣвомъ флангѣ своемъ, на участкѣ V арміи они оказывали упорнѣйшее сопротивленіе, благодаря чему фронтъ получалъ все болѣе и болѣе крутой изгибъ правымъ флангомъ назадъ.

Положеніе становилось крайне тяжелымъ. Лѣвый флангъ французовъ обнажался. Главнокомандующій французскими Арміями генералъ Петэнъ сразу же приступилъ къ переброскѣ своихъ резервовъ на лѣвый флангъ, образовавъ изъ нихъ армейскую группу ген. Умбера.

Характерно для французовъ — они ставятъ этой группѣ активную задачу, атаковать нѣмцевъ во флангъ, недопуская ихъ продвиженія вглубь расположенія. Происходитъ рядъ встрѣчныхъ боевъ, вынуждающихъ нѣмцевъ развертываться фронтомъ на югъ и суживающихъ сферу ихъ движенія. Тѣмъ не менѣе продвиженіе ихъ продолжается. 23-го они берутъ Перонъ и Амъ, а 24-го форсируютъ Сомму.

Обстановка для союзниковъ все продолжаетъ ухудшаться.

По мѣрѣ продвиженія нѣмцевъ—фронтъ союзниковъ какъ бы раскалывался на свои національныя составныя части.

Организація высшаго военнаго управленія у союзниковъ.

Кризисъ принципа коллективности.

Чтобы яснѣе отдать себѣ отчетъ въ дальнѣйшихъ событіяхъ, какъ данной операціи, такъ и всей войны, оторвемся на нѣкоторое время отъ мартовскихъ дней 1918 г. къ предшествующимъ годамъ и ознакомимся съ организаціей высшаго управленія вооруженными силами Антанты.

Какъ армія Франціи, такъ и армія Англіи и остальныхъ союзниковъ имѣли во главѣ своихъ особыхъ Главнокомандующихъ, отвѣтственныхъ передъ своей страной и не были связаны въ единый организмъ единой общей волей.

Необходимая координація дѣйствій достигалась аппаратомъ связи и Высшимъ Совѣтомъ Обороны, который, будучи совѣщательнымъ учрежденіемъ, обсуждалъ предположенія стратегическаго характера и давалъ заключенія компетентныхъ военныхъ экспертовъ по разнымъ вопросамъ военнаго снабженія, въ связи съ задуманными операціями.

Съ половины 1916 г., со времени контръ наступленія французовъ подъ Верденомъ, и до марта 1918 г., иниціатива дѣйствій на франко-бельгійскомъ фронтѣ принадлежала Антантѣ.

Подготовка къ операціямъ велась медленно, систематически; силы и средства собирались обезпечивающія выполненіе тѣхъ относительно скромныхъ заданій, которыя ставились операціямъ союзниковъ въ 1916 и 1917 годахъ.

Въ такихъ условіяхъ, отсутствіе единовластія не давало себя чувствовать слишкомъ рѣзко.

Роли въ операціяхъ распредѣлялись загодя. Заданія ставились отдѣльнымъ Главнокомандующимъ и ими выполнялись, причемъ они напередъ *договаривались* о времени начала операцій и главнѣйшихъ моментахъ ея; естественныя въ подобныхъ обстоятельствахъ тренія между старшими начальниками не могли имѣть роковыхъ послѣдствій, такъ какъ вліяли только на большую или меньшую активность, на время начала операціи и т. п.

Роль Высшаго Совѣта Обороны въ значительной мѣрѣ сводилась къ устраненію или смягченію этихъ треній.

Во главѣ Исполнительнаго Комитета этого Совѣта стоялъ французскій генералъ *Фошъ,* личному обаянію и такту котораго, въ значительной мѣрѣ, были обязаны союзники своевременнымъ предупрежденіемъ или устраненіемъ различныхъ треній и даже распрей среди старшихъ начальниковъ союзныхъ контингентовъ.

Совершенно другая картина получилась, когда иниціатива дѣйствій перешла къ нѣмцамъ.

Ударъ, направленный на стыкъ фронтовъ и послѣдовавшій неожиданный и молніеносный разгромъ двухъ англійскихъ армій, могъ легко обратиться въ общую катастрофу союзниковъ, необходимо было безотлагательно принять какія-то радикальныя и рѣшительныя мѣры. Между тѣмъ о нихъ приходилось еще договариваться. Легко было потерять ощущеніе безусловной общности интересовъ и начать противопоставлять одни интересы другимъ. Англичане, напримѣръ, могли предпочесть интересъ сохраненія своей базы Калэ, — интересу прикрытія Парижа. Даже въ случаѣ достиженія согласія, на самое обсужденіе убивалось время, а самыя мѣропріятія принимали характеръ компромиссныхъ рѣшеній, полумѣръ по существу.

Казалось, рокъ уже тяготѣлъ надъ союзными арміями, когда къ генералу Фошу обратились представители Союзныхъ Правительствъ за компетентнымъ совѣтомъ, — какъ исправить обстановку? Какъ выйти изъ бѣдъ?

Генералъ Фошъ далъ классическій отвѣтъ: Единственнымъ средствомъ, которое можетъ спасти положеніе и даже вырвать побѣду у нѣмцевъ — является установленіе принципа единоначалія. Въ частности, если бы выборъ остановился на немъ самомъ, онъ обязывался не только парализовать успѣхи нѣмцевъ, но и нанести Германіи окончательное пораженіе. По его мнѣнію, германское командованіе совершало въ это время крупную ошибку, задавшись сразу послѣднимъ актомъ борьбы — «рѣшительнымъ ударомъ»; оно расходовало слишкомъ большія силы, а между тѣмъ, наличіе неизрасходованныхъ резервовъ у союзниковъ и бывшія у нихъ въ распоряженіи огромныя средства для ихъ переброски, давали возможность быстро сосредоточить резервы къ угрожающему раіону и парализовать германскіе успѣхи.

Какъ въ тактикѣ, такъ и въ стратегіи, по мнѣнію генерала Фоша, надо различать три стадіи борьбы: 1) завязку боя, 2) бой на истощеніе и 3) нанесеніе рѣшительнаго удара.

Нѣмцы начали операцію сразу съ «нанесенія рѣшительнаго удара», о чемъ можно судить, какъ по ширинѣ фронта атаки, такъ и по количеству силъ введенныхъ въ дѣло, — такой пріемъ хорошъ лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, напримѣръ въ началѣ войны, при условіи, что противная сторона запаздываетъ въ готовности, или на бездорожномъ театрѣ войны, напримѣръ, въ Россіи или Сербіи, гдѣ рѣдкая сѣть путей не даетъ возможности во время подать резервы для парированія удара.

Но на Франко-Бельгійскомъ театрѣ и на 4-ый годъ войны такой пріемъ ошибоченъ — ударъ будетъ остановленъ, а систематическое примѣненіе методическаго веденія боя на истощеніе, вырветъ у нѣмецкаго Главнаго Командованія созданные имъ свободные резервы и тогда, . . . *и только тогда,* наступитъ время для нанесенія рѣшительнаго удара. Такой ударъ уже нечѣмъ будетъ ни парировать, ни останавливать. Но для проведенія этого метода борьбы необходимы «единоначаліе» и «полная мочь» Верховному Главнокомандующему, при соотвѣтственномъ выборѣ котораго, это единственная, необходимая и достаточная мѣра для обезпеченія успѣха.

Развитіе операціи съ 23 - 27 марта. Переходъ къ принципу единоначалія.

Пока шли эти переговоры и генералъ Фошъ академически доказывалъ необходимость единоначалія, жизнь приводила свои доказательства, а нѣмцы вынуждали къ скорѣйшему принятію категорическаго рѣшенія. Германская лавина 24 перекатилась черезъ Сомму, 26 заняла г. Руа и, отбрасывая на западъ почти уничтоженную V англійскую армію, продолжала свое продвиженіе. Англійскій Главнокомандующій сэръ Дугласъ Хегъ просилъ французскаго Главнокомандующаго ген. Петэна предоставить ему 20 дивизій для занятія образовавшагося прорыва, но послѣдній считалъ возможнымъ бросить противъ нѣмцевъ лишь 12 дивизій, которыя были имъ направлены, по мѣрѣ ихъ прибытія съ юга, въ раіонъ Нуайонъ, Амъ, Руа. Этотъ ударъ во флангъ вынуждалъ нѣмцевъ на встрѣчные бои фронтомъ на югъ и механически останавливалъ ихъ продвиженіе, но силы были такъ велики, что они, образовавъ цѣлую группу для обезпеченія своего фланга, имѣли еще десятки дивизій для продолженія движенія на западъ. 26-го нѣмцы берутъ Руа, 27-го они овладѣваютъ Альберомъ и Мондидье, пройдя въ 6 дней 60 километровъ.

Въ раіонѣ Мондидье происходитъ характерный эпизодъ. Французская воздушная развѣдка сообщаетъ, что на опредѣленномъ фронтѣ, въ нѣсколько километровъ, нѣтъ ни французскихъ, ни англійскихъ частей; англичане уже оторвались, а французовъ еще не подвезли, и что къ этому раіону приближаются нѣмецкія походныя колонны. Было приказано нѣсколькимъ эскадрильямъ аэроплановъ въ составѣ 80 машинъ, изъ которыхъ 20 спеціально для бомбометанія, атаковать эти колонны и разсѣять ихъ, недопустивъ дальнѣйшаго развитія прорыва. Задача была выполнена: на голову нѣмцевъ было сброшено 14,5 тысячъ кило взрывчатыхъ веществъ и нѣсколько сотъ тысячъ стрѣлъ; колонны были разсѣяны, а участокъ обороненъ *съ воздуха,* до прибытія подвозимыхъ резервовъ.

Сопротивленіе V англійской арміи окончательно пало и разрозненные остаки ея, лишенные управленія уходятъ на сѣверо-западъ на Калэ.

Казалось, нѣмцы достигали своей цѣли. Уже въ очередныхъ директивахъ англичанъ стояла на первомъ мѣстѣ задача по прикрытію Калэ, а на второмъ, по поддержанію, по возможности, связи съ лѣвымъ флангомъ французовъ, точно также какъ и ген. Умберъ, командовавшій арміей въ раіонѣ Нуайона, получилъ задачу по прикрытію Парижа, обезпечивая въ то же время связь съ англичанами. Самая *цѣль боя* въ главныхъ своихъ заданіяхъ уже разслоилась *на двѣ*, въ то время, какъ противникъ сохранялъ единство цѣли, — результаты сего не замедлили бы сказаться.

Съ 23 по 26 происходятъ засѣданія Высшаго Совѣта въ Ставкѣ ген. Петэна въ Компіени; съ 25-го въ нихъ принимаетъ участіе и прибывшій изъ Англіи лордъ Мильнеръ, чрезвычайный уполномоченный Великобританскаго Правительства, а со стороны Франціи присутствуютъ: Президентъ Республики, Предсѣдатель Совѣта Министровъ Клемансо, Фошъ и Петэнъ.

Ген. Фошъ въ промежутки между засѣданіями поспѣвалъ лично посѣщать штабы армій, выясняя обстановку и учитывая тѣ средства, которыя могли бы быть сняты съ другихъ фронтовъ для парированія нѣмецкаго удара. Наконецъ, 26-го англичане подписали въ Дуленсѣ соглашеніе, по которому на ген. Фоша возлагалось высшее координированіе операцій всего западнаго фронта, въ цѣляхъ согласованія общихъ усилій*).

Послѣдній періодъ операціи съ 27 марта по 4 апрѣля.

Первымъ дѣломъ ген. Фоша было измѣненіе задачи: какъ ген. Петэну, такъ и сэру Дугласу Хегу ставится *одна задача «прикрыть Аміенъ»*. Резервы взятые съ французскаго фронта, свозятся въ раіонъ къ югу отъ Аміена, гдѣ образуется армія *Дебени*. Обѣ арміи *Умбера и Дебени* подчиняются одному лицу — *ген. Файолю*, которому ставится та же задача *«прикрыть Аміенъ»*. Штабъ *Файоля* располагается въ *Бовэ*, тамъ же, гдѣ и Ставка ген. Фоша, *состоявшая* въ первые дни его управленія *изъ 7 офицеровъ* и достигшая впослѣдствіи, считая и офицеровъ для связи, — только 21 человѣка.

Строгое раздѣленіе труда и полное объединеніе усилій, вотъ тѣ два принципа, на которыхъ строилась работа этого шта-

---

*) 28-го марта Главнокомандующій Американской Арміей ген. Першингъ прибылъ въ Ставку къ ген. Фошу и заявилъ о своемъ безусловномъ ему подчиненіи.

ба. Во главѣ его стоялъ *ген. Вейгандъ*, лицо пользовавшееся безусловнымъ довѣріемъ ген. Фоша, и работавшее съ нимъ съ самаго начала войны. Съ нимъ и *только* съ нимъ ген. Фошъ былъ совершенно откровененъ въ своихъ замыслахъ и планахъ. Полное довѣріе сковывало этихъ людей.

Отнынѣ всѣ усилія были обращены на достиженіе одной цѣли; единство мысли и воли были достигнуты, но нужны были еще средства и ихъ необходимо было собрать съ величайшимъ напряженіемъ.

При изученіи этого момента войны чувствуется, что борьба, дѣйствительно, ведется двумя народами, національный геній ихъ выявляется, выдвигая для своей самозащиты такихъ личностей, какъ Клемансо и Фошъ и заставляя сотни и тысячи гражданъ работать съ максимальнымъ напряженіемъ силъ.

Переброска французскихъ резервовъ велась какъ по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и автомобильными транспортами по шоссе. Пропускная способность ихъ была доведена до максимума, въ раіонъ сосредоточенія прибывалъ поѣздъ каждыя 5 минутъ, а по нѣкоторымъ участкамъ шоссе каждые 16 секундъ проходилъ автомобиль. Пѣхота перебрасывалась автомобилями безъ обозовъ и артиллеріи, которые шли походомъ или поѣздами. Всякое иное движеніе, кромѣ вызваннаго мѣрами сосредоточенія было прекращено и когда Германскія Арміи 27-го достигли линіи Альберъ, Мондидье, они уже столкнулись съ французскими частями, преградившими имъ пути къ Амьену и къ желѣзной дорогѣ Амьенъ—Парижъ.

Въ теченіи недѣли велась жесточайшая борьба, преисполненная активности съ обѣихъ сторонъ, но къ 4-му апрѣля всякое дальнѣйшее продвиженіе нѣмцевъ было остановлено всего въ 7-8 кил. отъ желѣзной дороги и въ 15-18 кил. отъ *Амьена* *).

Причины, заставившія нѣмцевъ прекратить развитіе операцій.

Въ этихъ бояхъ, огромному количеству нѣмцевъ, французы противопоставили болѣе высокую технику. Казалось бы, что техника нѣмцевъ не должна была уступать французской, но въ дѣйствительности, нѣмцы подошли къ указанной выше линіи съ 3-хъ дюймовыми и небольшимъ числомъ 6-ти дюймовыхъ орудій, такъ какъ болѣе тяжелые калибры были задержаны въ пути. Теперь имъ приходилось пожинать плоды своихъ же мѣропріятій по разрушенію и разоренію Пикардіи, которыя они примѣнили къ этой странѣ, въ періодъ своего отступ-

*) 4 апрѣля было достигнуто еще большее признаніе власти ген Фоша: въ его рукахъ сосредоточено было все руководство фронтомъ въ стратегическомъ отношеніи, Главнокомандующимъ же оставлено тактическое.

ленія весной 1917 года, — со всей свойственной имъ систематичностью. Имъ, дѣйствительно, удалось создать за собой искусственную пустыню, по которой тогда съ трудомъ прошли союзники, но занявъ ее, англичане оборудовали страну лишь въ мѣрѣ строгой необходимости, для питанія арміи на пассивномъ участкѣ. При этомъ, англичанъ стояло на фронтѣ 300 тыс., а нѣмцы черезъ этотъ же фронтъ провели милліонъ, который продвигался съ боями, поэтому, и снабженіе его требовало куда болѣе обильнаго количества грузовъ. По мѣрѣ продвиженія впередъ боевого фронта расширялась и пустынная полоса, отдѣлявшая его отъ головныхъ станцій и передовыхъ складовъ. Уходя, англичане тоже разрушали искусственныя сооруженія на путяхъ нѣмцевъ. Необходимо было произвести значительныя строительныя работы на всѣхъ переправахъ, обезпечить желѣзно-дорожныя линіи водоснабженіемъ и т. д. Однако, въ воздухѣ безусловно доминировали союзники и всѣ раіоны работъ подвергались систематическому бомбардированію. Нѣмцамъ приходилось работать ночью, а пока довольствоваться тѣми техническими средствами борьбы, которыя удавалось дотащить до поля сраженія; въ числѣ этихъ средствъ были и дальнобойныя орудія, которыя изъ раіона Мондидье приступили къ бросанію снарядовъ въ Парижъ. Но эти пріемы моральнаго воздѣйствія, только озлобляли парижанъ, и вмѣсто паники, выковывали то настроеніе народныхъ массъ, которое обезпечивало общую и напряженную работу всѣхъ для достиженія завѣтной цѣли — отмщенія.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства привели къ тому неравенству въ техническихъ средствахъ борьбы, которое ярко отразилось на поляхъ сраженія Нуайонъ, Мондидье, Альберъ и проявилось большими потерями нѣмцевъ, парализовавъ всѣ ихъ усилія и вынудивъ къ 4 апрѣля прекратить борьбу. Къ этому времени потери ихъ достигали 250 тысячъ.

Рѣшеніе нѣмцевъ начать новую операцію.

Передъ Германскимъ Командованіемъ встала диллема — или, подготовивъ свой тыловой раіонъ въ Пикардіи, повторить операцію въ томъ же операціонномъ направленіи, или же, признавъ, что выборъ этого направленія былъ неправильнымъ, начать новую операцію въ другомъ направленіи.

Подготовка Пикардіи заняла бы значительно больше времени, чѣмъ подготовка новой операціи, кромѣ того, силы противной стороны были привлечены въ раіонъ мартовскаго наступленія, которое такимъ образомъ, какъ бы выполняло роль демонстраціи.

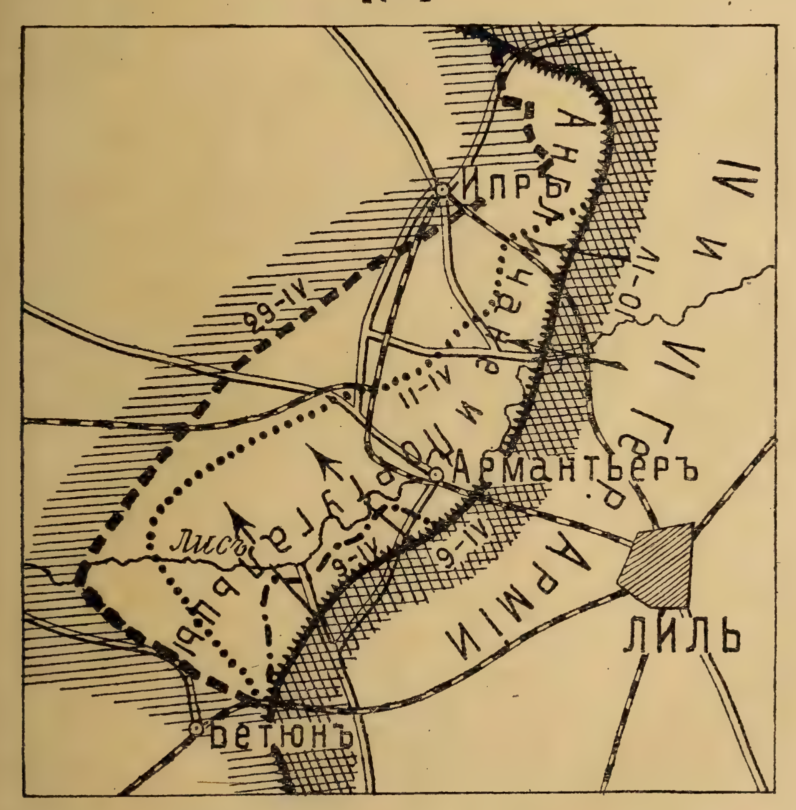
Стратегическая неудача постигшая нѣмцевъ въ Пикардіи вынуждаетъ Гинденбурга склониться къ мнѣнію принца Руп-

рехта, которому и поручается силами его группы осуществить операцію, съ цѣлью захвата портовъ.

Операція 9 - 29 апрѣля.
(Схема № 4)

Атака была произведена въ раіонѣ къ югу отъ Армантьера 9-го апрѣля и въ раіонѣ къ сѣверу отъ него 10-го апрѣля.

№4



Ударъ подготавливался сравнительно недолго и былъ нанесенъ 1-ой Англійской арміи и двумъ Португальскимъ корпусамъ нѣмецкой массой въ 500 тысячъ. Характеръ подготовки и атаки въ общемъ былъ подобенъ мартовской операціи, но англичане проявляютъ большее упорство, а единство управленія отражается на характерѣ переброски силъ. Стремительный успѣхъ первыхъ двухъ дней смѣняется упорнымъ и систе-

матическимъ продвиженіемъ нѣмцевъ въ послѣдующіе дни. Тѣмъ временемъ прибываютъ французскіе резервы.

Опредѣляя размѣры помощи лишь строго необходимыми нормами, Фошъ отказываетъ сэру Дугласу Хэгу подмѣнить часть его фронта французскими войсками, онъ предпочитаетъ использовать ихъ въ качествѣ подвижныхъ резервовъ. Въ угрожаемый раіонъ переброшено 10 французскихъ пѣхотныхъ и 3 кавалерійскихъ дивизій и германское наступленіе къ 29 апрѣля окончательно парализовано, съ потерей лишь полосы въ 5-15 кил. шириной*) и до 40 кил. длиной.

Но еще не были занесены на карту послѣдніе дни оборонительной операціи, какъ Фошъ уже обдумывалъ вопросъ о переходѣ въ наступленіе и сталъ собирать потребные для того резервы.

Установленіе единства власти союзниками.

Теперь онъ легче могъ распоряжаться этими сборами, такъ какъ 14-го апрѣля новымъ актомъ союзныхъ Правительствъ онъ былъ, наконецъ, признанъ: «Верховнымъ Главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ Западнаго фронта».

Фошъ начинаетъ собирать резервы къ югу отъ Амьена для удара по Соммѣ, одновременно устанавливается наличіе различныхъ работъ нѣмцевъ въ Пикардіи, указывающихъ, что они, будто бы, хотятъ опять продолжить свою весеннюю операцію . . .

Въ приготовленіяхъ обѣихъ сторонъ къ наступленію проходитъ почти весь май.

Подготовка союзниковъ къ наступленію.

Работа вновь установленнаго высшаго управленія союзниковъ характерна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ послѣдовательномъ и систематическомъ укрѣпленіи власти, проводимомъ мягко, но неукоснительно генераломъ Фошемъ, во-вторыхъ, въ разнообразнѣйшихъ мѣропріятіяхъ, предпринимаемыхъ имъ для увеличенія живыхъ силъ, свободныхъ резервовъ и технической снабженности ввѣренныхъ ему армій. Сюда, главнымъ образомъ, относятся: 1) мѣры по ускоренію перевозки и подготовки американскихъ контингентовъ, 2) привлеченіе на французскій театръ итальянскихъ частей и рабочихъ, 3) настойчивое требованіе о возстановленіи всѣхъ англійскихъ дивизій, понесшихъ большія потери, или уничто-

*) Потеря была тяжела въ томъ отношеніи, что въ занятомъ нѣмцами раіонѣ были угольныя копи, работавшія на оборону.

женныхъ въ предыдущихъ операціяхъ. Всѣ эти мѣропріятія находили горячую поддержку въ Клемансо, который, велъ политику безусловной благожелательности ко всѣмъ стратегическимъ потребностямъ фронта. Усилія этихъ двухъ спасителей Франціи и дѣла союзниковъ сказывались въ послѣдовательномъ и значительномъ наростаніи живыхъ силъ арміи.

Подготовка нѣмцевъ.

Отдавая себѣ по прежнему отчетъ, что въ борьбѣ на *выносливость*, Германія и ея союзники не въ состояніи выдержать конкуренціи съ Антантой, нѣмцы вновь рѣшаются попытать счастье въ нанесеніи *рѣшительнаго удара*, дабы привести борьбу къ скорѣйшему окончанію, пока они еще чувствуютъ себя сильнѣе своихъ противниковъ.

Нѣмцы на этотъ разъ ставятъ себѣ цѣлью разгромъ французскихъ армій на Парижскомъ операціонномъ направленіи, съ нанесеніемъ удара изъ Шампани.

Вся подготовка операціи и мѣры скрытности и введенія противника въ заблужденіе были произведены настолько искусно, что самая атака произошла внезапно для французовъ, какъ по времени, такъ и по мѣсту.

Желая обезпечить максимальный тактическій успѣхъ, нѣмцы выбираютъ для атаки относительно слабо занятый раіонъ Шеменъ-де- Дамъ, гдѣ на 45-50 верстахъ было 8 французскихъ и 3 англійскихъ дивизій (постановка англійскихъ дивизій для отдыха въ резервы французскихъ армій и на пассивные участки фронта практиковалась ген. Фошемъ, повидимому, какъ одна изъ мѣръ, укрѣплявшихъ его власть).

Майское наступленіе нѣмцевъ.
(Схема № 5).

Для атаки были назначены VII и I Германскія арміи.

27-го мая, нѣмцы, имѣя тройное превосходство въ силахъ, атакуютъ французскія позиціи на Шеменъ-де-Дамъ. Ударъ былъ совершенно неожиданъ и далъ нѣмцамъ максимальный успѣхъ изъ всѣхъ трехъ операцій . . .

На этотъ разъ, нѣмцы, убѣдившіеся, что ихъ успѣхи надъ португальцами и англичанами вырывались изъ ихъ рукъ французами, — рѣшили нанести новый ударъ главному своему врагу, поставивъ территоріальной цѣлью своихъ достиженій — Парижъ.

Такимъ образомъ, еще разъ измѣнено операціонное направленіе и цѣль операціи.

Сама операція развивалась головокружительно скоро и на 4-ый день, послѣ ея начала головныя германскія части до-

стигли Марны — продвинувшись на 50 кил. Особенностью развитія этой оперціи было нанесеніе нѣмцами ударовъ по расходящимся направленіямъ, для того, чтобы возможно скорѣе разорвать части фронта.

При первыхъ же извѣстіяхъ о новомъ прорывѣ, Фошъ направляетъ французскіе резервы въ раіонъ Суассона и приступаетъ къ снимапію своихъ дивизій съ союзныхъ фронтовъ *). Однако, англичане еще не оправились отъ двухъ страшныхъ ударовъ, полученныхъ ими; части ихъ еще далеко не всѣ пополнены, а самое главное, моральное состояніе ихъ еще не воз-

№5

становлено и безъ французской поддержки, внезапно увезенной, сопротивляемость ихъ легко могла понизиться.

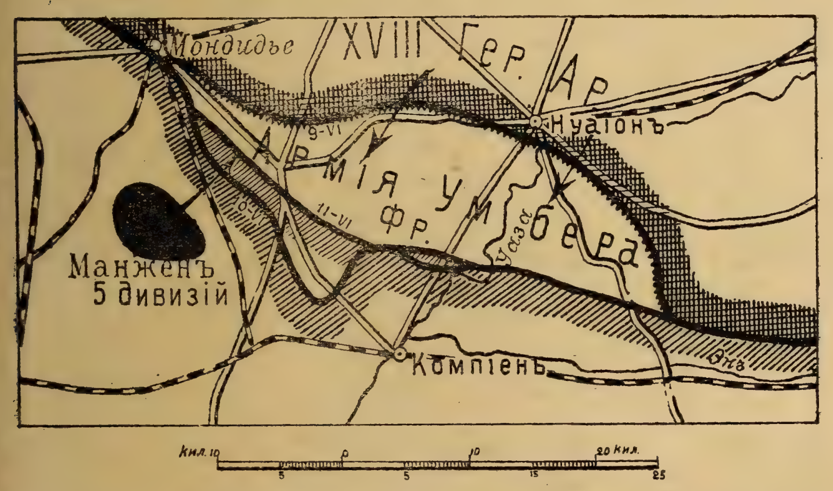
Однако, ген. Фошъ, учитывая значеніе быстраго продвиженія нѣмцевъ, не только стягиваетъ французскія дивизіи, но предлагаетъ сэру Дугласу Хегу направить въ распоряженіе

*) Перевозки дивизій резерва начинаются при первыхъ извѣстіяхъ о начавшейся атакѣ. За 27 и 28 мая перевезено автомобилями 12 дивизій. Къ 2 іюня перевезено 19 дивизій автомобилями и 14 поѣздами. А всего къ 15 іюня въ связи съ сосредоточеніемъ резерва произведены перевозки автомобилями 63 дивизій и поѣздами 41 дивизіи.

ген. Петэна двѣ британскія дивизіи и выдѣлить въ резервъ еще одинъ корпусъ, имѣя въ виду, что и онъ можетъ быть переброшенъ на французскій фронтъ. На послѣдовавшія настойчивыя просьбы сэра Хега объ отмѣнѣ этихъ распоряженій ген. Фошъ сообщилъ свое мнѣніе, что такъ какъ, въ случаѣ разгрома французскихъ армій и паденія Парижа война будетъ проиграна не только Франціей, но и Англіей, то онъ приказа своего не отмѣняетъ и предлагаетъ принять мѣры по обезпеченію скорой переброски указанныхъ частей.

Скорое прибытіе французскихъ резервовъ и боязнь нѣмцевъ опять поставить свои части въ тяжелыя условія снабженія, заставили ихъ удовлетвориться, на время, достигнутыми успѣхами и остановиться, занявъ къ 4 іюня раіонъ Нуайонъ,

№6



Шато-Тьери и ближайшія окрестности Реймса. На 20 кил. участкѣ они достигли берега Марны. До Парижа оставалось еще 60 километровъ. Быстрое очищеніе французами указаннаго раіона носило катастрофическій характеръ и въ руки нѣмцевъ досталось много плѣнныхъ и богатыя трофеи, въ видѣ значительной артиллеріи, всевозможныхъ складовъ и, наконецъ, самой мѣстности, съ неснятымъ еще урожаемъ.

Іюньское наступленіе нѣмцевъ.

(Схема № 6).

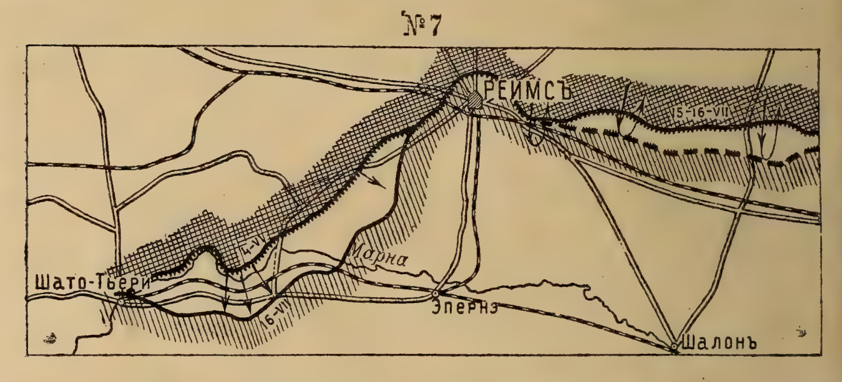
Между Мондидье, Нуайономъ и Шато-Тьери образовался обширный плацдармъ, входившій въ нѣмецкое расположеніе и очередной задачей нѣмцевъ было спрямить фронтъ отъ Мон-

дидье на Компіенъ, Шато-Тьери. XVIII Германская армія уже 7-го іюня должна была атаковать на участкѣ Мондидье, Нуайонъ, но къ этому времени не была закончена переброска тяжелой артиллеріи, предназначенной для подготовки атаки, которая была отложена на 9-ое іюня.

На этотъ разъ мѣры по подготовкѣ атаки были своевременно обнаружены французами, которые и приняли рядъ мѣръ по парализованію нѣмецкаго успѣха. Артиллерія была развернута глубже, первая линія позиціи занята крайне слабо, главное сопротивленіе оказывалось на 2-й линіи; верстахъ въ 20-25, къ югу отъ Мондидье сосредоточено пять дивизій для контръ-атаки наступающаго, группа эта подчинена ген. Манжену.

Хотя нѣмцы и прорвали фронтъ и продвинулись нѣсколько впередъ, но это имъ стоило большихъ усилій и потерь, а 11-го они были контръ-атакованы группой ген. Манже-

№ 7



на, отброшены нѣсколько назадъ и, закрѣпившись на занятомъ фронтѣ, прекратили дальнѣйшія попытки къ наступленію. Операція окончилась.

Вновь настало затишье и подготовка обѣихъ сторонъ къ переходу въ наступленіе.

Учитывая опытъ послѣднихъ операцій, союзники приняли къ руководству особую инструкцію для оборонительнаго боя, выработанную французскимъ Генеральнымъ Штабомъ. Она была построена на идеи парированія всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя обезпечивали тактическіе успѣхи нѣмцевъ. Противъ внезапности рекомендовалось усиленіе развѣдки всѣхъ видовъ и лучшая организація службы наблюденія. Огромное накопленіе артиллерійскихъ средствъ, разрушавшее первую линію обороны и тушившее артиллерію, — парировалось занятіемъ первой линіи только постами наблюденія и глубокимъ расположеніемъ артиллеріи обороняющагося, которая мало

страдала отъ бомбардировки и сохраняла полную возможность обрушить свой губительный огонь на густыя массы наступающихъ, въ періодъ занятія ими первой линіи или попытокъ его сразу занять и вторую линію.

Старшіе начальники обязаны были обдумать, гдѣ сосредоточивать прибывающіе резервы и изъ какихъ раіоновъ и куда именно направлять контръ-атаки, стремясь нанести ударъ по флангу наступающаго.

Іюльское наступленіе нѣмцевъ.

(Схема № 7).

Цѣлый мѣсяцъ обѣ стороны дѣятельно готовились къ переходу въ наступленіе. Мѣры развѣдки дали возможность французскому командованію съ большой точностью опредѣлить и мѣсто и время атаки.

Задаваясь взятіемъ Реймса, нѣмцы рѣшили повести, одновременное наступленіе западнѣе и восточнѣе его, дабы обойти его съ обѣихъ сторонъ.

VII армія атаковала между Шато-Тьери и Реймсомъ, I и III арміи восточнѣе Реймса до Массижа. Атаки произошли 15-го и 16-го іюля. На участкѣ Реймсъ—Массижъ, на фронтѣ ген. Гуро бой велся строго по вышеизложенной инструкціи и привелъ къ жесточайшимъ потерямъ нѣмцевъ, которые были отброшены отъ 2-ой линіи занятыхъ позицій. На участкѣ югозападнѣе Реймса, — стоявшія здѣсь итальянскія дивизіи были сбиты съ позицій и VII Германская армія продвинулась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 7 километровъ, перейдя Марну и перебросивъ 6 дивизій на лѣвый берегъ рѣки. Однако, дальнѣйшіе успѣхи нѣмцевъ были остановлены.

Ген. Фошъ счелъ, наконецъ, свои приготовленія законченными, моментъ для перехода въ наступленіе удачнымъ, а обстановку для нанесенія противнику пораженія подходящей. Рѣшительно проведенной операціей онъ вырываетъ инициативу у нѣмцевъ, а захвативъ уже не упускаетъ ее изъ своихъ рукъ до самаго окончанія войны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Р. Дрейлингъ.

ВЪ ШТАБѢ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО ФРОНТА

(Съ конца апрѣля 1915 года по 30 августа того же года).

Сѣдлецъ, 29 апрѣля, 1915 года. 18 апрѣля*) неожиданно для меня, получилъ я отъ Великаго Князя Николая Николаевича извѣщеніе о моемъ назначеніи въ распоряженіе Главнокомандующаго сѣверо-западнаго фронта. 24 апрѣля, въ Ставкѣ, провелъ день съ Верховнымъ Главнокомандующимъ, а утромъ 25-го, встрѣченный на вокзалѣ М. В. Алексѣевымъ и В. Е. Борисовымъ, прибылъ въ Сѣдлецъ.

Главнокомандующій сѣверо-западнымъ фронтомъ предполагалъ назначить меня Командующимъ 2-й арміей, вмѣсто ген. Чурина, но Великій Князь просилъ его обождать и дать мнѣ раньше ознакомиться съ положеніемъ на фронтѣ.

Съ своей стороны, я заявилъ Михаилу Васильевичу**), что не сочувствую такому назначенію: ген. Чуринъ получилъ армію за отличіе, за нимъ боевой и командный опытъ, которыхъ у меня нѣтъ и такое замѣщеніе, безъ побудительныхъ къ тому причинъ, при близкихъ моихъ къ нему и Великому Князю отношеніяхъ, будетъ истолковано, какъ фаворитизмъ. «Окажется необходимымъ — приму, но пока прошу дать мнѣ оглядѣться». М. В. Алексѣевъ съ этимъ согласился.

За эти дни г. Алексѣевъ ознакомилъ меня съ положеніемъ на фронтѣ и съ состояніемъ его армій; М. С. Пустовойтенко посвятилъ меня въ работы генералъ-квартирмейстерской части; Н. А. Даниловъ познакомилъ съ работами тыла.

23-го апрѣля Великій Князь былъ въ Холмѣ. Душевное равновѣсіе ген. ген. Иванова и Драгомирова было надломлено и ему пришлось морально поддержать ихъ. Теперь снова собираются на совѣщаніе въ Холмѣ. Не любитъ ихъ М. В. Алексѣевъ. Много словъ и нѣтъ отчетливой мысли въ предположеніяхъ на этихъ совѣщаніяхъ.

Въ составѣ сѣверо-западнаго фронта пока 5 армій и не связанныя въ одну общую группу войска въ Ковенской губерніи, входящія въ составъ X арміи. Событія на юго-западномъ

---

*) Всѣ числа по старому стилю.

**) Генералъ Алексѣевъ.

фронтѣ волнуютъ здѣсь всѣхъ. У всѣхъ надежда, что противникъ будетъ остановленъ на линіи Сана и въ предгоріяхъ Карпатъ.

Но наши противники дали доказательства ихъ умѣнія и энергіи развивать свой успѣхъ, не останавливаясь передъ трудностями.

Надо очень серьезно подумать и подготовиться, чтобы не попасть снова въ то трудное положеніе, въ которомъ мы находились въ сентябрѣ 1914 года. Кто же будетъ рѣшать?

Нашимъ врагамъ предстоятъ двѣ альтернативы: продолжать со всей энергіей движеніе въ Галицію, или, нажимая только въ Галиціи, усиливать Наревъ-Бобръ и сѣвернѣе и затѣмъ всею силой нажать на насъ. Первое, въ данномъ положеніи болѣе отвѣчаетъ нѣмецкому мышленію и не сопряжено съ потерей во времени, ко второму они перейдутъ, когда у нихъ будутъ свободныя силы и когда первая часть операціи получитъ соотвѣтственное развитіе.

Возвращаясь къ прошлому, можно отмѣтить слѣдующее: съ первыхъ дней войны высшее русское командованіе съ напряженіемъ всѣхъ силъ стремилось разбить противника. На югѣ это удалось, на сѣверѣ, потерпѣвъ неудачу, борьба приняла затяжной характеръ, преслѣдовалось обезпеченіе нашего положенія на польскомъ театрѣ. Октябрьская операція, парируя наступленіе австрійцевъ и германцевъ, крыла въ себѣ очень широкія цѣли.

Къ западу отъ Вислы, мы были остановлены и атакованы; борьба приняла позиціонный характеръ, при чемъ на флангахъ, сначала на сѣверномъ, а затѣмъ и на южномъ, стали развиваться обширныя операціи. На сѣверѣ (X ар.) мы снова потерпѣли пораженіе, на югѣ операція успѣшно развивалась.

По состоянію нашихъ силъ и техническихъ средствъ къ концу 14-го и началу 15-го г.г. мы къ такимъ широкимъ операціямъ не были подготовлены. Время года было неблагопріятное. Благоразуміе требовало устроенія нашихъ силъ. Но положеніе нашихъ союзниковъ, особенно ихъ неглубокаго театра, неготовность въ войсковомъ и техническомъ отношеніи пріостановки готовившагося противъ нихъ со стороны нѣмцевъ удара. Карпатская операція, отвѣчая до нѣкоторой степени русскимъ цѣлямъ, воодушевлена была необходимостью помочь союзникамъ и въ этомъ воодушевленіи отражались тѣ усилія, которыя были проявлены, чтобы довести ее до конца.

Руководителемъ и душой дѣла былъ Начальникъ Штаба Ю.-З. фронта М. В. Алексѣевъ. Въ серединѣ марта, когда Карпатская операція близилась къ ея концу, его изъяли отъ этого большого дѣла и перемѣстили на сѣверъ — Главнокомандующимъ С. З. фронтомъ. Совершена была непонятная ошиб-

ка и дѣло, веденное съ искусствомъ и настойчивостью, стало разваливаться и, повидимому, на нашу голову разваливается.

Но западный союзническій фронтъ уже съ февраля освобожденъ отъ угрозы атаки и германскія силы, переброшенныя оттуда на востокъ *), громятъ насъ и, надо думать, не для того, чтобы освободивъ Австрію отъ смертельной опасности, вернуться на западъ, но чтобы покончить съ такимъ назойливымъ врагомъ, какъ русская армія.

Сердечныя, очень благородныя побужденія русской военной мысли взяли верхъ надъ трезвыми и эгоистическими государственными требованіями.

Ошибка ли это? По моему мнѣнію — большая.

Можно ли обвинять въ этомъ высшее управленіе?

Чтобы отвѣтить на это, надо самому быть въ ходѣ борьбы со времени ея начала, быть въ курсѣ ея веденія и возникновенія тѣхъ или другихъ потребностей. Удайся Карпатская операція въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля и никто не поставилъ бы такого вопроса.

Однако могла ли она удасться? Она могла удасться какъ въ свое время удались переходъ зимой черезъ Балканы и многое другое, чѣмъ гордилась Россія.

Но реальные результаты этой, пока еще въ началѣ неудавшейся операціи, на лицо. Наши союзники освобождены отъ большой опасности и они выиграютъ время; значительныя германскія силы отвлечены отъ запада и давятъ насъ.

За эти пять дней я еще не освоился съ тѣмъ, какъ работаетъ штабъ и учрежденія фронта; каковы отношенія арміи къ центру и, наконецъ, цѣлесообразно ли ими исполняются указанія отсюда.

Больше всѣхъ работаетъ, какъ всегда, Михаилъ Васильевичъ. Все важное и даже не важное въ оперативномъ отношеніи поглощено имъ. Пустовойтенко тоже работаетъ упорно; въ оперативномъ отдѣлѣ что то дѣлаютъ. А. А. Гулевичъ какъ будто въ сторонѣ. Настроенъ онъ бодро и грозовыхъ тучъ, скопляющихся вокругъ насъ или не видитъ, или видѣть не желаетъ. Н. А. Даниловъ бодръ, веселъ и дышетъ здоровьемъ, а недостатокъ въ мясѣ, сѣнѣ и артиллерійскомъ довольствіи, какъ здѣсь говорятъ, принимаетъ характеръ кризиса.

Что дѣлаетъ въ общей работѣ В. Е. Борисовъ? Онъ помогаетъ ген. Алексѣеву, представляетъ ему разсчеты оперативнаго характера, и, кажется, работаетъ надъ организаціей пополненія и подготовки людского состава. Надѣюсь, онъ не

---

*) Примѣчаніе: рѣшеніе нѣмецкой Главной Квартиры въ февралѣ 1915 года.

совѣтчикъ, какъ сплетничаютъ окружающіе. На эту роль ни онъ не пойдетъ, ни Михаилъ Васильевичъ не пожелаетъ имѣть совѣтчика, ибо роль эта, да еще безотвѣтственная, вредна.

2 мая. 30-го апрѣля, по желанію Главнокомандующаго, представилъ ему соображенія по Шавельскому раіону. Войска на Шавельскомъ и Дубисскомъ участкахъ протянулись, съ непрочной между ними связью, отъ Ланжева до Бобты, на протяженіи свыше 200 верстъ. Управленіе всѣми дѣйствіями идетъ изъ Гродно, т. е. за 300 верстъ. Общія условія на этомъ театрѣ требуютъ иной организаціи и группировки силъ и иного управленія. Генералъ-Квартирмейстеру я передалъ записку, дополняющую докладъ Главнокомандующему. Въ ней помѣщены подробности, которыя могли бы быть даны тому, въ лицѣ коего объединена будетъ власть надъ всѣми войсками этого раіона. Съ этимъ связано было выдѣленіе Шавельскихъ войскъ изъ состава X-ой арміи.

Возникла, такимъ образомъ, необходимость новой группы-арміи, а это должно вызвать много возраженій и представить затрудненія. Но безъ этого дѣло успѣшно развиться не можетъ, такъ какъ управлять командующему X-ой арміей Шавельской группой изъ Гродно, не сообразно.

Безпокоитъ Главнокомандующаго Шавельскій раіонъ, хотя, на мой взглядъ, положеніе тамъ для насъ выгодное, въ особенности, если возможно было бы поставить войска и управленіе ими въ нормальныя условія. Мѣшаютъ этому побочныя условія техническаго свойства: трудность организаціи отдѣльнаго управленія съ тылами, учрежденіями и стѣсненіемъ изъять эту группу изъ вѣдѣнія X-ой арміи.

Недовольны здѣсь дѣйствіями на Дубиссѣ ген. Сирелiуса и работой конницы ген. Орановскаго. Управлять 4-мя дивизіями конницы не легко даже большому и опытному кавалерійскому начальнику, а если таковаго нѣтъ, лучше не собирать кавалерію въ такую большую группу. Работу, которую могла исполнить на средней Дубиссѣ одна-двѣ кавалерійскія дивизіи дѣлаютъ теперь четыре и плохо, ибо другъ друга стѣсняютъ и начальнику предъявляютъ требованія, которыя ему не по плечу.

На Ю. З. фронтѣ дѣла складываются не хорошо. Если ставка 25 апрѣля могла разсчитывать, что положеніе 3, 8, 9 и 11 армій кореннымъ образомъ не измѣнится, то къ концу апрѣля такихъ надеждъ не могло быть.

Совѣщаніе въ Холмѣ, съ участіемъ ген. Алексѣева, опредѣленнаго рѣшенія не дало и потребовало усиленія Ю.-З. фронта за счетъ С.-З. Обычная панацея въ подобныхъ совѣщаніяхъ. Предложеній, какъ всегда, сколько угодно, въ дѣйствительности же нужно лишь одно — отъ Ставки, или отъ ген. Иванова.

3 мая. Пребываніе мое въ Ставкѣ 24 апрѣля, продолжительные разговоры съ Верховнымъ Главнокомандующимъ, Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ и общеніе съ г. г. Янушкевичемъ *), Даниловымъ и друг., познакомили меня, до извѣстной степени съ мыслями главныхъ дѣятелей и съ структурой работъ этого Управленія. Съ внѣшней стороны все безукоризненно—нѣтъ суеты, все течетъ спокойно, хотя наканунѣ надъ Карпатами сгустились тучи. Верховный Главнокомандующій, съ природнымъ ему тактомъ и достоинствомъ, не мѣшая работникамъ, поддерживаетъ ихъ, когда нужно, морально. Янушкевичъ не спокоенъ и мнѣ показалось, что ему не по себѣ. Онъ увѣрялъ меня, что не готовился къ занимаемой должности, что чувствуетъ себя не подготовленнымъ къ ней и не разъ отъ нея отказывался. Не легко было мнѣ слышать это признаніе, тѣмъ болѣе, что раздѣлялъ справедливость его сѣтованій. Николай Николаевичъ сказалъ ему: «Вамъ остается покориться и нести свой крестъ, но то, что Вы мнѣ сказали, окружающіе не должны знать. Ваше положеніе такъ высоко, что ущербъ его достоинству можетъ принести ущербъ дѣлу».

Идейная и исполнительная часть операцій поглощаются Генералъ-Квартирмейстеромъ Юріемъ Никифоровичемъ Даниловымъ.

Положеніе Ставки, съ начала войны, представлялось мнѣ очень труднымъ и сложнымъ, и эти сложности, на мой взглядъ, крылись также въ наспѣхъ изданномъ 14-го іюля 1914 г. «Положеніи объ управленіи войскъ въ военное время». Живя здѣсь нѣсколько дней, соприкасаясь съ верхами Штаба и Генеральнымъ Штабомъ, не вижу вліянія Генеральнаго Штаба въ Ставкѣ; не вижу таковаго и на мѣстахъ. Есть канцеляріи, но это инструментъ для веденія борьбы негодный. Военная работа, сосредоточенная въ Генеральномъ Штабѣ, есть работа людей, дѣлающихъ одно дѣло, совмѣстно заботящихся объ его осуществленіи, устраняющихъ препятствія, заботящихся объ удовлетвореніи нуждъ и предвидящихъ ихъ. Это не работа канцеляріи, ожидающей входящей, а дружная работа людей, руководимыхъ своимъ начальникомъ штаба, который долженъ быть живымъ центромъ этой созидательной работы.

Работа тыловой организаціи внушаетъ большія опасенія. Она была разстроена до М. В. Алексѣева и наладить ее теперь не легко. Будетъ стоить на мѣстахъ большихъ осложненій, а можетъ быть, и не будетъ. Но если будетъ сдвигъ, не знаю какъ выдержитъ тыловая организація.

4 мая. Вернемся къ Шавельскому раіону. Къ находящимся тамъ 6, 17, 38, 56, 79 дивизіямъ, съ отдѣльной бригадой,

---

*) Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

нѣсколькими дружинами ополченія, 4-ой и Уссурійской конными бригадами, конными частями при пѣхотѣ и къ 4 кавалерійскимъ дивизіямъ ген. Орановскаго идутъ на усиленіе: кавказская и 5 стрѣлковая бригады и 4-ая кавалерійская дивизія — силы достаточныя для образованія арміи.

Если предположить, что группировка германцевъ имѣетъ лишь цѣлью облегчить ихъ операціи къ югу отъ нижняго Нѣмана и не кроетъ въ себѣ угрозы въ направленіи къ сѣверу или востоку, то и тогда присутствіе ихъ въ этомъ раіонѣ не терпимо. Развивающаяся на югѣ борьба указываетъ, однако, на болѣе серьезныя намѣренія и на болѣе широкія дѣйствія въ будущемъ. То, что мы имѣемъ передъ собой, есть подготовка для будущаго, частичка и начало чего то такого, чѣмъ должна закончиться операція, начатая нѣмцами въ апрѣлѣ на югѣ. Еще не ясно, но если есть возможность, этотъ зародышъ надо рѣшительно ликвидировать. Остается поэтому дать нашимъ силамъ къ сѣверу отъ Нѣмана соотвѣтственную организацію, безъ чего лучше не начинать операцій. Но въ этомъ то и кроются затрудненія, ибо нѣтъ матеріала для Штаба и тыловыхъ учрежденій, нѣтъ многаго, и мы успокаиваемъ себя компромиссомъ, — пусть X армія справляется какъ можетъ. Не время расписывать оперативные узоры и этюды на тему, чѣмъ и въ какомъ направленіи нѣмцы могутъ угрожать намъ, насколько имъ выгодны направленія дѣйствій и насколько операціи для нихъ обезпечены. Положенію нашему грозятъ не сегодня, а когда ходъ операцій на югѣ отразится на всемъ фронтѣ.

Нѣмецкія силы въ Ковенской и Курляндской губерніяхъ пока не велики и разбросаны. Онѣ могутъ быть усилены, но не такъ скоро. Наши силы, съ подходомъ стрѣлковъ и кавалеріи, болѣе чѣмъ достаточны и сущность всего въ ихъ примѣненіи. Завися отъ X арміи, необъединенныя въ одномъ лицѣ, онѣ находятся нынѣ въ шаткомъ положеніи.

На Ю.-З. фронтѣ мы стремимся задержать нѣмцевъ и австрійцевъ, но тетъ-де-понъ Ярославля нами уступленъ. Подкрѣпленія со стороны С.-З. фронта къ нему подходятъ и, вѣроятно, намъ изъ нашего состава придется выдѣлить еще нѣсколько дивизій. Но эти подкрѣпленія идутъ на затычки и таютъ отъ потерь вмѣстѣ съ другими. М. В. Алексѣевъ готовъ принести большія жертвы для Ю.-З. фронта, готовъ ослабить свой, но нѣтъ вѣры, что выдѣленныя силы получатъ разумное назначеніе.

5 мая. Въ серединѣ марта М. В. Алексѣевъ принялъ С.-З. фронтъ. Арміи были ослаблены предшествовавшими боями, артиллерійское и техническое снабженіе было въ значительно худшемъ видѣ, чѣмъ на Ю.-З. фронтѣ. Хозяйственная часть тыла не въ силахъ была удовлетворить потребностей ар-

мій по очень сложнымъ причинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя крылись въ дѣятельности Центральныхъ Управленій. Оперативная штабная часть была принята въ плохомъ видѣ. То, съ чѣмъ сталкиваюсь теперь, показатель того, что работа была неналаженная и оперативнаго штаба, въ должномъ значеніи этого слова, не было. Въ настоящее время мы имѣемъ достойнѣйшаго работника въ лицѣ генералъ - квартирмейстера М. С. Пустовойтенко, но нѣтъ Генеральнаго Штаба.

Инженерная подготовка, поскольку она относилась къ дѣятельности Штаба фронта, была запущена и только какъ будто къ ней приступаютъ. Дорожныя и мостовыя работы съ оперативными соображеніями не связаны, армейскія не подчинены указаніямъ Штаба Главнокомандующаго. Техническія силы какъ будто есть, но когда нужна работа, повсюду недостатокъ ихъ.

Однако, самая большая нужда ощущается въ артиллерійскихъ средствахъ и въ артиллерійскомъ снабженіи. *Мы боремся человѣческими тѣлами, люди начинаютъ это понимать и это можетъ имѣть прискорбныя послѣдствія.*

6 мая. Читая телеграммы X арміи, слѣдя за тѣмъ, что она за это время дѣлала, трудно уяснить себѣ ясно смыслъ ея дѣйствій и намѣреній. Одновременно идутъ детальныя распоряженія изъ Гродно къ войскамъ на Дубиссѣ и въ Шавельскомъ раіонѣ, какъ будто изъ Гродно видно, что тамъ надлежитъ дѣлать. Въ Штабѣ X арміи проявляется, повидимому, кипучая дѣятельность.

На Ю.-З. фронтѣ все то же тяжелое положеніе съ медленнымъ отходомъ на востокъ. Семь дивизій С.-З. фронта уже усилили Ю.-З. фронтъ.

Сегодня получена телеграмма отъ ген. Янушкевича о выдѣленіи еще одного корпуса. М. В. Алексѣевъ отвѣтилъ, что нельзя вести операцію, затыкая дыры; необходимо использовать войска, находящіяся на флангѣ противника и удержать его продвиженіе. Дѣйствія съ фронта р. Санъ-Тарнобржегъ, съ участіемъ частей 4 арміи, усиленныхъ войсками С.-З. фронта, представлялись бы для сего дѣйствительно подходящими. Мысль вѣрна, но не поздно ли?

Мы подходимъ къ тому, что въ нашемъ положеніи надлежитъ принять коренное рѣшеніе, касающееся не только Ю.-З. фронта, но и С.-З. фронта. Сомнительно, чтобы послѣ всего того, что произошло за эти 13 дней, мы могли бы ограничиться пассивнымъ сопротивленіемъ на громадной линіи съ отходомъ, въ случаѣ неудачи, на нѣсколько верстъ и съ новымъ сопротивленіемъ противъ подавляющей въ числѣ и калибрѣ артиллеріи противника. Это похоже на безполезное самоуничтоженіе.

7 мая. Сегодня съ Сѣдлецъ пріѣхалъ Ю. Н. Даниловъ, чтобы получить подкрѣпленія для Ю.-З. фронта. Ему обѣщали 3 дивизіи и Штабъ Арміи.

Итакъ, за короткое время С.-З. фронтъ лишился 16 дивизій, не считая конницы, которыя направелны: 10 къ Ю.-З. фронту, $6^1/_2$ дивизій въ Шавельскій раіонъ. О непосредственномъ и притомъ активномъ содѣйствіи С.-З. фронта съ сѣвера говорить можно какъ о прошломъ. Время упущено, а фронтъ достаточно ослабленъ. Если бы Ю.-З. фронтъ управлялся и принято было во вниманіе положеніе 3-ей арміи до 23 апрѣля, то возможно, что неудачу ея можно было бы и поправить.

Предложенныя М. В. Алексѣевымъ 29 апрѣля активныя дѣйствія отъ Сана—Тарнобржегъ должны были зародиться не въ С.-З. фронтѣ, а у Главнокомандующаго Ю.-З. фронта и гораздо раньше. Для переброски силъ понадобилось бы не менѣе 10 дней. Теперь будемъ надѣяться, что удержимся восточнѣе Сана, отстоимъ Перемышль и не сойдемъ съ предгорій Карпатъ. Судя по поспѣшнымъ выдергиваніямъ подкрѣпленій изъ С.-З. фронта и безсистемнымъ ихъ распредѣленіямъ по боевымъ линіямъ Ю.-З. фронта, расчитывать, однако, на это нельзя. Войска борятся геройски, но въ условіяхъ невыгодныхъ. Огойти поглубже, устроиться, принудить противника свернуться и свернуть свои артиллерійскія средства и снова ихъ развернуть, потерявъ дни, мы какъ будто не можемъ. Мѣшаетъ этому обширность фронта, разнообразіе положенія его участковъ, можетъ быть несовершенство управленія и связи, загроможденность и непрочность тыла и его путей. На нашемъ фронтѣ это, пока, отражается выдѣленіемъ дивизій. Кругомъ увѣренность, что мы удержимъ наше пложеніе и Ю.-З. фронтъ въ концѣ концовъ прочно станетъ въ направленіи нашей южной границы, на Волыни, эшелонируясь къ югу. Но такое положеніе не представляетъ ничего хорошаго, ибо будутъ крыть въ себѣ опасности для всей Арміи.

Въ началѣ сентября 1914 г., наше положеніе было очень трудное, но оно компенсировалось приливомъ изъ страны новыхъ частей и послѣдствіями успѣховъ, достигнутыхъ союзниками на Марнѣ. Мы изъ этого положенія вышли благодаря рѣшенію Верховнаго Главнокомандующаго начать активныя дѣйствія на лѣвомъ берегу р. Вислы. Рѣшеніе это принадлежитъ къ числу наиболѣе примѣчательныхъ. Подготовка къ его исполненію вызвала маневръ, по грандіозности и условіямъ имѣющій исключительное мѣсто въ исторіи. Операція эта, въ основѣ которой было уничтоженіе австрійской и частью германской арміи, въ полномъ объемѣ не удалась и непріятельскія арміи успѣли отойти на западъ.

Теперь мы стоимъ на одномъ фронтѣ и съ усиліями отходимъ на другомъ. Во власти Ю.-З. фронта можетъ быть есть еще средства, чтобы отвратить гибельныя послѣдствія его отхода въ сѣверо-восточномъ направленіи; однако, по имѣющимся свѣдѣніямъ, войска просто отходятъ, цѣпляясь за малѣйшую возможность удержаться, и за этой доблестной борьбой текущаго дня и надеждой «авось, удержимся», кроятся грозныя послѣдствія для всего положенія.

Война въ ея веденіи не азартная игра, а при силахъ и условіяхъ, въ которыхъ она ведется, тѣмъ болѣе. Нуженъ расчетъ тѣхъ возможностей, которыя передъ нами; нужно спокойное и ясное предвидѣніе послѣдствій; нужна борьба съ центробѣжными соблазнами, подогрѣваемыми мѣстными интересами: нужно чтобы высшее Управленіе проявляло свое вліяніе. И большіе вопросы встаютъ передъ нами. Должна ли армія биться до послѣдней крайности за то, чѣмъ она теперь владѣетъ, или событія выдвигаютъ еще болѣе крупные вопросы: Польша или Россія? Еще нѣтъ реальныхъ данныхъ отвѣтить въ пользу второго. Только Ставка Верховнаго, какъ объединяющій центръ, могла бы дать отвѣтъ. Парировать наступленіе враговъ со стороны Люблина къ Сану и южнѣе уже затруднительно. Потеряно время и относительно свѣжія силы растрачены.

9 мая. За выдѣленіемъ силъ изъ С.-З. фронта въ Ковенскій раіонъ и въ Ю.-З. фронтъ, у ген. Алексѣева не осталось никакихъ резервовъ. Войска на фронтѣ окопаны. Въ тылу идетъ работа по улучшенію и мѣстами возведенію наброcанной Варшавской линіи, а равно сѣвернѣе нижняго Нарева; работы ниже Ломжи и у Бѣлостока, почти, какъ говорятъ, закончены. На Вислѣ построены кое-какіе мосты. Къ востоку отъ Вислы тылъ въ дѣвственномъ положеніи; раіонъ Зап. Буга и Нарева выше Суража не затронутъ. 7 мая рѣшено приступить къ укрѣпленію Вышкова.

Вчера Михаилъ Васильевичъ запросилъ мнѣнія командующихъ арміями на случай отхода на укрѣпленныя позиціи западнѣе Варшавы и на Наревѣ и о порядкѣ производства такого отхода. Запросу этому не сочувствую. Лишившись большого числа дивизій, Главнокомандующій безпокоится за свой фронтъ. Я думаю, что нельзя въ разгарѣ борьбы ставить такіе вопросы подчиненнымъ, не имѣя въ своихъ рукахъ обдуманнаго и, добавлю, рѣшеннаго плана не только отхода, но въ крупныхъ чертахъ и исполненія его. Посмотримъ, что они отвѣтятъ и какъ они поймутъ этотъ вопросъ?

Съ инженерной подготовкой вообще, а тыловой части театра къ востоку отъ Вислы, въ особенности, не ладно. Раньше систематическихъ работъ предпринято не было и Михаилъ Васильевичъ только теперь, заваленный съ конца марта другими

вопросами и дѣлами, могъ подойти къ этому дѣлу. Въ разговорѣ объ этомъ со мной онъ сказалъ: «Займитесь этимъ». Я занялся и сегодня передалъ ген.-квар. мои общія соображенія оперативнаго характера, требовавшія ту или другую инженерную работу. Но я чувствовалъ себя неловко, сознавая, что это не мое дѣло. Разработка инженерной подготовки, тѣсно связанной съ опереціями — дѣло начальника штаба. Я же былъ посторонній человѣкъ, безъ должности и правъ исполненія. Въ оперативномъ отдѣленіи такихъ работъ не было; по его мнѣнію арміи заботятся сами о себѣ; что же касается театра къ востоку отъ Вислы, то его укрѣпленіе понималось какъ подготовка отхода на Западный Бугъ, чего никто не желалъ. Ген.-квар., по его рабочей обстановкѣ, также этимъ заниматься не могъ. Упрекнуть Михаила Саввича Пустовойтенко въ лѣни нельзя. На мой взглядъ много было работъ, коими онъ не долженъ былъ заниматься. Вступленіе посторонняго лица въ циклъ работъ и при томъ по инженерной подготовкѣ представляло вмѣшательство, какъ ни какъ, въ установившійся укладъ работъ ген.-квар. части и могло имѣть только консультативный характеръ. Не буду останавливаться на моихъ соображеніяхъ по инженерной подготовкѣ; будетъ возможность — изложу ихъ сущность въ слѣдующіе дни.

11 мая. Въ ночь на сегодняшнее число 4 армія ген. Эверта передана въ составъ С.-З. фронта. Этимъ фактомъ разрѣшились длительные переговоры о разграниченіи между фронтами. Это полумѣра; въ скоромъ времени и другія арміи Ю.-З. фронта должны будутъ поступить къ ген. Алексѣеву, но Главнокомандующему Ю.-З. фронтомъ жаль съ ними разстаться, какъ жаль ему разстаться съ Брестомъ. Удивляюсь Ставкѣ. Не могутъ же такіе вопросы быть рѣшаемы полюбовными соглашеніями двухъ войсковыхъ управленій. Дѣло Ставки рѣшить такъ, какъ это отвѣчаетъ общимъ цѣлямъ и безъ торговъ.

Здѣсь мы сталкиваемся съ вліяніемъ нашего наспѣхъ изданнаго положенія объ управленіи войскъ въ военное время, согласно коему, по существу, Верховный Главнокомандующій не хозяинъ, а хозяева — старшіе помощники, главнокомандующіе. Повидимому, составителями положенія упущено было значеніе природы войны во всемъ ея объемѣ. И это обстоятельство будетъ дѣйствовать изо дня въ день, какъ микробъ въ живомъ организмѣ. Въ августѣ 14 года я писалъ объ этой опасности Великому Князю; осенью — Михаилу Васильевичу. Въ декабрѣ 14 года мои коллеги по Госуд. Совѣту вынудили у меня отвѣтъ на вопросъ, что я думаю о ходѣ войны. Я отвѣтилъ, что меня больше всего безпокоитъ то, что у Верховнаго Главнокомандующаго нѣтъ должной власти для борьбы. Меня высмѣяли и только Щегловитовъ потомъ долго говорилъ со мной объ

этомъ. Всѣ были убѣждены, что полнота власти есть у Главнокомандующаго и по Россіи носились фантастическіе, но ложные слухи о жестокости Великаго Князя ,о смѣнахъ и даже побояхъ, наносимыхъ имъ почтеннымъ, провинившимся генераламъ. Простому народу эти слухи были любы и старый извозчикъ въ Петербургѣ, въ декабрѣ 14 года съ убѣжденіемъ говорилъ мнѣ: «Россію спасаетъ; жестокъ, генераловъ бьетъ. Спаси его Господи!» А тутъ говорятъ, что у него нѣтъ власти. Да, Верховный Главнокомандующій, облеченный широчайшими дисциплинарными полномочіями, лишенъ, по положенію, полноты хозяйской власти, заботы о которой воплощены въ Главнокомандующихъ фронтами.

Главнокомандующіе по существу органы оперативно-техническіе. Это начальники крупныхъ войсковыхъ группъ, въ оперативномъ отношеніи, до извѣстной степени независимые. Никто, вѣроятно, не будетъ оспаривать, что идея, воплощающаяся въ операціи, должна исходить изъ одного центра. Думаю, многіе согласятся, что война есть творчество, а не разрушеніе. Безграничнаго въ жизни ничего нѣтъ и тѣмъ болѣе въ операціяхъ, которыя являются частью самой жизни. Всякій военный знаетъ, но это забывается, что можно приказать лишь то, что исполнимо. Послѣднее понятіе очень растяжимое, но въ области операціи оно достаточно опредѣленное. Существо стратегіи, какъ говаривалъ старикъ графъ Мольтке, воплощается въ соотвѣтствіи цѣли съ средствами исполненія. Наличіе средствъ для борьбы, возможность ихъ созданія, распредѣленіе ихъ, имѣютъ настолько важное значеніе для практическаго осуществленія мысли, что передача о нихъ заботъ всецѣло исполнителямъ, каковыми являются начальники группъ армій или главнокомандующіе, оторвало бы лицо, стоящее надъ нимъ, отъ дѣйствительной жизни. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Главнокомандующіе были въ свою очередь совершенно лишены хозяйственныхъ и административныхъ прерогативъ и органовъ, но главная забота объ этомъ должна быть сосредоточена тамъ, гдѣ должны зарождаться и откуда идутъ кординальныя указанія для операцій.

Одна воля, одинъ умъ должны вести эту борьбу и подготавливать средства еще тогда, когда само рѣшеніе еще не получило своего внѣшняго выраженія. И тогда власть будетъ знать что можно и чего нельзя. Не вмѣшиваясь въ частности исполненія, она будетъ не спрашивать, а увѣренно повелѣвать.

Теперь же эти средства у Главнокомандующихъ фронтами; Верховный Главнокомандующій, независимый въ своихъ рѣшеніяхъ, разрѣшаетъ послѣднія, такъ сказать, академически и лишенъ возможности основывать ихъ на тѣхъ реальныхъ данныхъ, при помощи которыхъ мысль должна превратиться

въ дѣло. Поэтому у насъ исчезло единство мысли, единство направленія дѣйствій и Верховный Главнокомандующій, чтобы не итти въ разрѣзъ съ созданнымъ закономъ положеніемъ, долженъ спрашивать, совѣтоваться, а штабы торговаться. Массы управляются не словами, а чѣмъ то другимъ, болѣе существеннымъ, и потому я нахожу, что блестящее съ внѣшней стороны положеніе Верховнаго Главнокомандующаго, съ дѣловой — обставлено неблагопріятно.

Событія на Ю.-З. фронтѣ вызвали необходимость иной группировки, иного распредѣленія тыла, и теперь приходится торговаться, а время уходитъ. Положеніе Ставки очень тяжелое, ибо приходится вести борьбу со своими и роль ея въ этой борьбѣ незавидная. Всѣ эти пріѣзды, уговоры и разговоры, доказательство, что высшій органъ, по закону, болѣлъ безсиліемъ въ то время, когда всѣ предполагали, что вся сила въ немъ. Не сомнѣваюсь, что мнѣ могутъ возразить, могутъ указать на ошибочность высказаннаго, но нельзя же забывать, что хозяинъ безъ средствъ не будетъ хозяиномъ. Жизнь и война по сути просты и, какъ говаривалъ Клаузевицъ, эта простота для людей и есть самое трудное. Мои описанія, по ознакомленіи съ «Положеніемъ объ управленіи войскъ въ военное время», при болѣе близкомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, къ сожалѣнію, лишь усиливаются.

12 мая. Михаилъ Васильевичъ свеликодушничалъ, обѣщая дать Ю.-З. фронту Штабъ 12 арміи, съ командующимъ П. А. Плеве. Оказалось, однако, что сдѣлать это нельзя и онъ спросилъ меня, не поѣду ли я въ Ставку, чтобы получить отмѣну. Я предложилъ послать А. А. Гулевича, который лучше меня это сдѣлаетъ. До болѣзненности деликатный, Михаилъ Васильевичъ не хотѣлъ было безпокоить А. А. Гулевича, но въ концѣ концовъ, согласился и послалъ его; онъ наилучшимъ образомъ все устроилъ и Плеве, со своимъ Штабомъ, остался на Наревѣ.

Я стараюсь никому не мѣшать, но Михаила Васильевича каждый вечеръ, послѣ обѣда, тащу въ поле, гдѣ бродимъ между хлѣбами и бесѣдуемъ о постороннихъ вещахъ. Считаю это необходимымъ, чтобы дать его измученнымъ мозгамъ отдыхъ. Вернувшись домой, онъ садился за работу и просиживаетъ до 2—3 часовъ ночи. Итакъ изо дня въ день. На этихъ прогулкахъ не разъ приходилось убѣждать его отказаться отъ деликатничанья съ окружающими и Командующими арміями. Михаилъ Васильевичъ боится стѣснять ихъ, но, къ сожалѣнію, нѣкоторые нуждаются въ болѣе близкомъ руководствѣ. Какая польза, что работа ихъ будетъ самостоятельная, но не соотвѣтственная. Дѣло высшаго управленія, соотвѣтственно личнымъ

особенностямъ каждаго урегулировать это, не врываясь въ мелочи исполненія.

Михаилъ Васильевичъ собирается въ 10 армію, такъ какъ дѣла тамъ, смотря отсюда, текутъ не совсѣмъ ладно. Однако, выбраться отсюда онъ никакъ не можетъ. Слѣжу внимательно, по донесеніямъ, что тамъ происходитъ, и не могу понять чего они хотятъ. Приказы и донесенія многословны, но всегда одна и та же фраза «всѣмъ наступать рѣшительно». А наступать имъ некуда и не за чѣмъ. Лучше было привести расположеніе въ порядокъ, оставить на боевыхъ позиціяхъ необходимое число частей, а остальнымъ дать вздохнуть, привести ихъ въ порядокъ и, кстати, выдѣлить себѣ резервы.

Доблестный и прекрасный человѣкъ командующій 10 арміи. Знаю его съ конца 80-хъ годовъ по артиллерійской школѣ, гдѣ занимались тактикой. Отличный былъ офицеръ, а съ арміей что то не ладится.

13 мая. Сущность записки по инженерной подготовки театра, поданной 9 мая генералъ-квартирмейстеромъ, находилась въ тѣсной связи съ запросомъ Главнокомандующаго командующимъ арміями объ отходѣ на Варшавскія позиціи (2 и 5 армій) и на Наревъ (1 и части 12 армій).

Отходъ этихъ армій на новыя позиціи связанъ съ подготовкой тыла къ востоку отъ Вислы и подготовки той линіи, на которой арміи могли бы стать окончательно. Думать, что мы могли бы въ настоящихъ условіяхъ прочно стоять пассивно на занимаемыхъ и на предполагаемыхъ къ занятію позиціяхъ, нѣтъ основаній. Если бы такая возможность была бы въ наличности, то отходить не зачѣмъ, такъ какъ существующія позиціи сильнѣе вторыхъ. Приступъ къ позиціоннымъ, мостовымъ, дорожнымъ и этапнымъ работамъ не только своевремененъ, но, выражаясь мягко, запоздалый. Однако въ оперативномъ отдѣленіи это возбудило безпокойство. «Какъ, Вы хотите отступать за Вислу и за Бугъ?» Пришлось успокоить, что никакого желанія на это у меня нѣтъ, но что подготовленный для маневра тылъ, дастъ увѣренность войскамъ держать то, чѣмъ они владѣютъ на лѣвомъ берегу Вислы и на Наревѣ. Безъ военныхъ дорогъ, и при томъ устроенныхъ, маневрировать успѣшно нельзя ни впередъ ни назадъ. Событія на Ю.-З. фронтѣ, повидимому, мало что имъ говорили; отсутствіе боевыхъ запасовъ тоже также; вообще все положеніе борющихся имѣло какъ будто мѣстный характеръ, и не учитывалось въ общемъ и для дальнѣйшаго. Въ доказательство того, что о военныхъ дорогахъ подумали, принесли 10 верстную карту съ 12 червяками на ней. Я позволилъ себѣ сказать, что это не военныя дороги, ибо условіямъ военныхъ дорогъ они не отвѣчаютъ.

Отходъ съ Варшавскихъ и Наревскихъ позицій на линію Бѣлостокъ—Брестъ, или на линію Ломжа—Червонный Боръ—З. Бугъ и Брестъ - Литовскъ, представлялъ труднѣйшую и очень опасную операцію, не принимая даже во вниманіе событій, кои могли произойти южнѣе или на линіи Висла — Люблинъ — Холмъ. Инженерная подготовка должна была, прежде всего считаться съ этими маневренными условіями и способствовать выполненію ихъ. Необходимо было также подумать, какимъ образомъ, при такомъ концентрическомъ отходѣ и сокращеніи болѣе чѣмъ на половину фронта, избѣгнуть скопленія войскъ.

Главнокомандующему прежде всего придется выбрать основную линію. Ломжа — Брестъ-Литовскъ представляетъ большія маневренныя выгоды; Бѣлостокъ — Брестъ — основательнѣе и отвѣчаетъ совокупности природныхъ условій театра. Я бы выбралъ вторую. Въ связи съ этимъ возникалъ вопросъ о мостовыхъ переправахъ на Наревѣ, З. Бугѣ и объ этапныхъ пунктахъ; послѣдніе же, въ большинствѣ случаевъ, являются промежуточными между Вислой и З. Бугомъ опорные пункты и тетъ-де-понами на послѣднемъ, только болѣе широкаго развитія. Будутъ ли эти соображенія приняты и осуществлены?

Дорожныя и мостовыя управленія выполняютъ свои работы мѣсяца въ два. Не знаю еще, однако, что скажетъ инженерная часть. Заняты работами ген. Гиршфельдъ (бывшій въ Новогеоргіевскѣ) и въ раіонѣ Бѣлостока ген. Колоссовскій; — силы солидныя, но безъ Генеральнаго Штаба исполненія не вижу. Если приняться за дѣло теперь же, то мѣсяца черезъ два можно многое сдѣлать, но при работѣ всей военной организацiей, а не одного лица. Думаю, что въ худшемъ случаѣ, крахъ можетъ быть не раньше двухъ мѣсяцевъ; не надѣюсь, чтобы вся работа за это время могла бы быть выполнена полностью. У насъ не хватитъ проволоки, шанцеваго инструмента и руководителей исполнительныхъ работъ. Однако, главную линію возможно устроить прочно, придавъ остальнымъ работамъ полевой характеръ, съ сосредоточіемъ къ главнѣйшимъ запасамъ инженернаго имущества, телефоновъ и т. п. для установки, когда это будетъ нужно. Основной вопросъ, кто же будетъ хозяиномъ этого сложнаго и большого дѣла, остается, къ сожалѣнію, открытымъ. По моему, оно должно быть сосредоточено въ лицѣ начальника штаба, ибо участіе посторонняго лица создастъ тренія и затрудненія.

16 мая. 12 мая, послѣ обѣда, Главнокомандующій приказалъ мнѣ немедленно ѣхать къ командующему 10-ой арміи и къ ген. Горбатовскому въ Шавли. Ему нельзя было отлучиться самому, а тамъ необходимо было внести нѣкоторую планомѣрность въ распоряженіяхъ и добиться соотвѣтствующихъ

взаимоотношеній между 10 арміей и Шавельскими войсками. Я долженъ былъ передать командующему арміей, какъ смотритъ на положеніе Главнокомандующій, какіе методы борьбы въ раіонѣ 10 арміи онъ считаетъ цѣлесообразными, выслушать главныхъ дѣятелей, опредѣлить ихъ отношеніе къ веденію борьбы и просить обратить вниманіе на развѣдывательную часть.

Въ Гродно я провелъ отъ 6 ч. у. до 12 ч. д. 13 мая. У ген. Горбатовскаго — съ ранняго утра до 2 ч. д. 14 мая, а рано утромъ 15-го, на обратномъ пути, снова остановился въ Гродно. Поговорили. Со всѣмъ согласились, указанія Главнокомандующаго обѣщали принять къ точному и усердному исполненію.

Въ Владимірѣ Николаевичѣ Горбатовскомъ, кстати, оказавшемся моимъ однокашникомъ по Павловскому военному училищу, я встрѣтилъ серьезнаго и прекрасно разбиравшагося въ обстановкѣ генерала. Чувствовалось, что управленіе сверху его давило и подчасъ нервировало, ибо Штабъ 10 арміи вмѣшивался за 300 верстъ въ такія частности, которыя были бы неумѣстны даже въ отношеніи незначительнаго по рангу начальника. Я рѣшилъ вернуться въ Гродно, переговорилъ тамъ объ этомъ а равно и о подробностяхъ переброски войскъ съ юга, которыя должны были усилить Горбатовскаго для его наступленія отъ Шавель на югъ. Въ Гродно, хотя и соглашались, что 4-ре кав. дивизіи на Дубиссѣ дѣлаютъ не то, что надо, но отказаться отъ кав. корпуса никакъ не могли.

Чтобы помочь Горбатовскому, удрученному попеченіемъ о немъ штаба 10 арміи, я, простившись съ командующимъ арміей, попросилъ его начальника штаба И. И. Попова проводить меня до вагона. Съ глазу на глазъ я попросилъ его, хотя бы три дня не посылать Горбатовскому никакихъ приказаній и вообще не вмѣшиваться въ его работу, ибо послѣдній отлично оріентированъ въ обстановкѣ своей группы и успѣшнѣе можетъ исполнить свою задачу безъ помощи штаба 10 арміи. Иванъ Ивановичъ обѣщалъ; посмотримъ, какъ это онъ исполнитъ.

19 мая. Усиленіе ген. Горбатовскаго всею конницею, 56 и 73 дивизіями было намѣчено и рѣшено командующимъ 10 арміей еще до моего къ нему пріѣзда 13 мая. Штабъ предполагалъ, что операція эта потребуетъ дней 9 и что къ 21—22 мая новая группировка можетъ быть закончена. Въ первую голову должна была выступить конница. Однако мнѣ удалось остановить переброску конницы на сѣверъ раньше, чѣмъ пѣхота не совершитъ свой маршъ къ сторонѣ Шавель, дабы первая могла бы скрыть и прикрыть маршъ этихъ резервныхъ дивизій.

Къ вчерашнему числу большая часть пѣхоты была уже эшелонирована въ раіонѣ Бубье — Цитованъ, конница и кавказская стр. бригада, въ раіонѣ къ югу отъ Цитованъ. На мой взглядъ это слишкомъ форсировано для пѣхоты, но можетъ быть оно было вызвано опасеніемъ, что послѣ не совсѣмъ удачныхъ для насъ дѣлъ на нижней Дубиссѣ, нѣмцы могли направить соединенныя дѣйствія своихъ войскъ у Россіенъ и Кельмы противъ Горбатовскаго. Намѣчая усиленіе Горбатовскаго со стороны Дубиссы, Главнокомандующій поручилъ мнѣ передать командующему 10 арміи, что неудача на нижней Дубиссѣ его не озабачиваетъ и что главное это — соотвѣтственно и своевременно усилить Горбатовскаго. Дѣло въ ходу; вслѣдъ за пѣхотой двинуты и части конницы на сѣверъ.

Въ ночь на сегодняшнее число, согласно директивному приказу ген. Иванова, Ю.-З. фронтъ долженъ перейти въ общее наступленіе. Приказъ этотъ былъ составленъ, вѣроятно, 15 или 16 мая; мы получили его 17 мая. Приказъ удивилъ насъ по существу и по его структурѣ. Вчера же Верховный Главнокомандующій выѣхалъ за чѣмъ то въ Холмъ. Не для того, думается, чтобы благословить предстоящее дѣяніе.

Смыслъ приказа простъ: всѣмъ наступать, а чтобы арміи не перепутались въ пути, начерчены верстъ на 100-150 впередъ разграничительныя линіи. Каждой арміи даны указанія, привожу какъ они у меня выписаны.

«Правофланговой арміи (7 корпусовъ), обезпечивая наступленіе справа, развивать главный ударъ въ направленіи Ржешувъ-Пржеворскъ. Слѣдующая армія (9 корпусовъ) — нанести главный ударъ своимъ правымъ флангомъ въ раіонѣ Любачевка, р. Вишня. Слѣдующая армія, содѣйствуя движенію 9-ой арміи, должна развивать успѣхъ лѣваго ея фланга. Послѣдней арміи направить главный ударъ въ раіонъ Коросмезо, обезпечивая лѣвый флангъ фронта, занятіемъ первоначально рѣки Серета, а затѣмъ выдвиженіемъ на Кимполунгскіе перевалы».

Двѣ, достаточно истощенныя арміи, не оторвавшіяся отъ тѣснящаго ихъ противника, должны, наступая къ Сану и за Санъ, атаковать его фронтально, не имѣя превосходства въ артиллеріи и тяжелой, въ особенности. Можетъ быть, на мѣстахъ виднѣе, но отсюда кажется, что рѣшеніе это ничѣмъ не вызвано и положеніе далеко еще до отчаяннаго.

Не вхожу въ разборъ частностей, изъ которыхъ, собственно говоря, и складывается всякое большое дѣло, но ставя себя на мѣсто исполнителей, чувствую, что даннными указаніями они поставлены были въ очень трудное положеніе. Никто вѣдь не атакуетъ, не зная зачѣмъ? Директива — приказъ о послѣднемъ не говоритъ. Разграничительныя линіи указыва-

ютъ, что предстоитъ побѣдоносное шествіе верстъ на 150, но какъ, въ составѣ всего фронта, достигнуть первый этапъ этого шествія, не указывается. Вѣроятно, на мѣстахъ Главнокомандующій освѣтилъ это на словахъ, однако, не соотвѣтствіе направленія истощенныхъ боями массъ въ середку, съ слабой артиллеріей, противъ сильныхъ артиллерійскихъ средствъ противника, все-таки, остается. Не могу понять, почему осторожный Н. І. Ивановъ, проникнутый стремленіемъ беречь человѣческій матеріалъ, теперь вдругъ, измѣнилъ себѣ? Штабъ ему видно не помогъ, ибо, технически, преподанное войскамъ не есть директива и не приказъ.

19 мая вечеромъ. Утромъ получено извѣщеніе, что наступленіе юго-западнаго фронта отмѣнено. Надо думать, что Верховный Главнокомандующій военнымъ чутьемъ понялъ, что творится неладное, и, прибывъ въ Холмъ, остановилъ наступленіе.

Михаилъ Васильевичъ тоже принялъ рядъ мѣръ, чтобы помочь западной арміи. Генералъ Эвертъ раньше хотѣлъ двинуться съ лѣвофланговыми частями 4-ой арміи, но Главнокомандующій благоразумно его удержалъ.

20 мая. XXII корпусъ оттѣсненъ отъ Стрыя и, надо думать, линія фронта отъ Самбора—Дрогобычъ—Стрый—Долина отодвинется за Днѣстръ. Перемышль (18 мая два форта заняты врагомъ) частью въ рукахъ противника. Восточнѣе р. Сана столпилось большое число, правда ослабленныхъ, отдѣльныхъ, крупныхъ единицъ.

Послѣ несчастья съ 3 арміей, какъ передавали, генералъ Ивановъ думалъ удержаться за Саномъ и Днѣстромъ. Теперь съ внѣшней стороны мы, какъ будто, подошли къ этому, но утѣшительнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Держаться за Саномъ и Днѣстромъ нельзя; оперировать изъ за Днѣстра, держась восточнѣе Сана, можно, хотя Днѣстръ не Рейнъ и не Висла. Но если такова была мысль, то къ осуществленію ея надо было прійти за это время по своей волѣ, а не подъ нажимомъ противника; и тогда содѣйствіе со стороны сѣверо-западнаго фронта могло бы быть болѣе полное. Однако, признаковъ осуществленія такой мысли мы не видѣли. Теперь можно утѣшиться, что Верховный Главнокомандующій остановилъ наступленіе юго-западнаго фронта.

Въ Шавельскомъ раіонѣ операція приближается къ развязкѣ. Тамъ два распорядителя. Одному нужно болѣе полное сосредоточеніе силъ къ сѣверу, другому, распоряжающемуся на югѣ, хочется оттянуть войска къ югу. Одна бригада 73 дивизіи, долженствовавшая быть у Горбатовскаго, осталась въ окрестностяхъ Цитовянъ у ген. Орановскаго; а сей послѣдній, вмѣсто того, чтобы съ своей конницей быть переброшеннымъ

къ сѣверу, усиленъ еще одною пѣхотной бригадой и переходитъ Дубиссу. Сиреліусъ, котораго необходимо было бы перемѣстить сѣвернѣе, тянется къ югу, ибо нѣмцы отъ Россіянъ зашевелились. Но вѣдь, главное, происходитъ у Горбатовскаго на каналѣ и южнѣе его, и не даромъ нѣмцы показываютъ свои дѣйствія противъ праваго фланга Горбатовскаго, когда рѣшенія надо искать на его лѣвомъ. Совѣтами исправить эту путанницу командныхъ отношеній нельзя, ворваться же приказаніемъ, Главнокомандующій, не желая стѣснять самостоятельность исполненія, не находитъ возможнымъ. Положеніе въ Шавельскомъ раіонѣ было для насъ выгодное. Нѣмцы были слабѣе насъ, силы ихъ были разбросаны, войска ихъ не полевыя, и будь ген. Горбатовскій тамъ хозяиномъ, онъ справился бы успѣшнѣе. Но ихъ два. Дѣло подходитъ къ развязкѣ въ условіяхъ теперь для насъ невыгодныхъ, ибо нѣкоторыя части задержаны, а вся группа ген. Орановскаго работаетъ не по указаніямъ Горбатовскаго и изъята отъ него.

Сегодня вечеромъ, гуляя со мной, Михаилъ Васильевичъ излилъ мнѣ свои печали. Патроновъ нѣтъ; запасъ на милліонную армію всего около 2 милл. ружейныхъ патроновъ. Артиллерійскихъ парковъ прибываетъ 5-6. Впереди нѣтъ просвѣта. На телеграммы въ Ставку получается отвѣтъ: «Вы сами знаете, что патроновъ нѣтъ». Мы держимся потому, что насъ не трогаютъ. Другіе виды боевого довольствія въ такомъ же положеніи.

Ген. Янушкевича винятъ въ его примирительномъ отношеніи къ этимъ воплямъ. Онъ, какъ говорятъ, полагаетъ, что наши затрудненія созданы внѣшними условіями. Но мы думаемъ, что не одни внѣшнія условія тому виной. Уже первый мѣсяцъ войны указалъ на размѣры потребностей, значительно превышавшіе самыя смѣлыя и широкія предположенія мирнаго времени. Работа должна была быть поставлена уже въ началѣ 1 сентября 14 года. Правда, жизнь насъ не научила и не подготовила къ такой интенсивной работѣ. Но если бы Военное Министерство могло бы отрѣшиться отъ своихъ рутинныхъ пріемовъ и отечественная промышленность пошла бы на встрѣчу не на словахъ и обѣщаніями, а реальной работой, то можетъ быть, за 6-8 мѣсяцевъ производство, по крайней мѣрѣ боевого снабженія, могло бы быть налажено болѣе удовлетворительно.

25 мая. Ген. Горбатовскій потерпѣлъ неудачу южнѣе Виндавскаго канала; 19 мая неудачу потерпѣлъ ген. Сиреліусъ (6 и 79 дивизіи). У ген. Орановскаго тоже ничего не вышло: занявъ Скадевники, онъ показалъ наступленіе на Бурбайцы, а затѣмъ поспѣшно отошелъ.

Свыше восьми пѣхотныхъ и шести кавалерійскихъ дивизій оперировали противъ 4-4½ нѣмецкихъ пѣхотныхъ дивизій! Изъ предположеній и указаній Главнокомандующаго вышло что-то другое. Подготовка была торопливая, а для пѣхоты и форсированная. Вмѣсто направленія на Гриншишки и Элмерайцы, пѣхота была двинута на Гальминайцы. Это было короче и обошлось благополучно только потому, что нѣмцы, вѣроятно, по незнанію, пропустили колонны, не тревожа ихъ. Уже 18 мая части 56 и 73 дивизіи были втянуты въ дѣло, усталыя и не сосредоточенныя.

Кавалерія, съ состоящей при ней стрѣлковой бригадой, вырванной изъ 73 пѣх. дивизіи, осталась на Дубиссѣ. Вмѣсто спокойнаго сосредоточенія, гдѣ нужно всѣхъ силъ, таковыя вливались каплями и не въ силу воли руководителя, а подъ впечатлѣніями мѣстнаго характера, или дѣлали побочное дѣло.

19 и 23 мая мною, по желанію Главнокомандующаго, были представлены соображенія объ иномъ разграниченіи 10, 12 и 1 армій и, по обсужденію съ начальникомъ его штаба, соображенія объ инженерной подготовкѣ театра. Границы армій сложились подъ вліяніемъ предшествовавшихъ операцій, боевъ и, по моему мнѣнію, не соотвѣтствовали современному положенію.

Неудача 10 арміи въ декабрѣ и январѣ, дѣйствовавшей на фронтѣ противъ системы Мазурскихъ озеръ, несмотря на катастрофическій исходъ, въ общемъ не повліяла на ходъ операцій вообще и только задержала развитіе Карпатскаго наступленія. На это были свои причины.

Въ иномъ видѣ складывалась обстановка въ началѣ мая этого года. Природа театра, ограниченнаго Нѣманомъ, опоясаннаго и прорѣзаннаго Бобромъ и Наревомъ, въ оперативномъ отношеніи, очень сложна. Вліяніе природы театра на операціи безспорно и представляютъ данную, идти на перекоръ которой, по меньшей мѣрѣ, не выгодно. На мой взглядъ, указанныя выше арміи были разграничены не соотвѣтственно природѣ, принимая во вниманіе событія, которыя развивались передъ нами. Касалось это 10 и 12 армій; 1 армія была затронута лишь отчасти.

Раіонъ Нарева и Бобра съ Августовской пущей долженъ былъ принадлежать 12 арміи; Нѣманскій — 10 арміи. Теперь 10 армія захватывала Бобръ и Августовскую пущу; штабъ ея былъ въ Гродно, въ томъ узлѣ, который по природнымъ свойствамъ принадлежалъ къ Бобру, служа тетъ-де-пономъ на Нѣманѣ. Апрѣльскія и майскія засухи подсушили долину Бобра и пассивная сила этой преграды сильно ослабилась. Черезъ нее и частью черезъ Наревъ проходило самое чувстви-

тельное и опасное при расположеніи нашемъ на лѣвомъ берегу Вислы, направленіе на Бѣлостокъ. Въ случаѣ успѣха врага въ этомъ направленіи, положеніе всѣхъ армій дѣлалось критическимъ, а этотъ раіонъ въ войсковомъ и организаціонномъ отношеніяхъ былъ наименѣе устроенъ. Гродно представляло недоконченную крѣпость, безъ гарнизона, а силы по Бобру (съ Осовцемъ) были и слабы и разбросаны. Бѣлостокскія укрѣпленія совсѣмъ не представляли военной организаціи. Все это было въ вѣдѣніи 10 арміи, всѣ интересы которой тянули ее къ сѣверу отъ Августовской пущи. Но впереди намъ могли предстоять весьма тяжелыя и скорбныя операціи, уже какъ будто намѣченныя въ запросѣ Главнокомандующаго командующимъ арміями. Элементарное попеченіе и предусмотрительность требовали подготовиться къ этому, дабы, когда необходимость къ отходу настанетъ, не импровизировать. Самымъ существеннымъ, и въ исполненіи наиболѣе легкимъ, было установленіе такой схемы управленія, которая отвѣчала бы обстановкѣ. Установить это сразу тоже нельзя было. Какъ ни слабо были развиты армейскіе тылы, но все-таки, организація была громоздкая и разсчитывать на быструю ее переброску и успѣшную затѣмъ работу, никакъ нельзя было.

Мои предположенія сводились къ переносу штаба 10 арміи въ Олиту, съ рубежемъ для нея отъ Рачки на оз. Гибы, Друскеники съ юга. Штабъ 12 арміи изъ Ломжи переносился въ Бѣлостокъ и армія на западѣ отдѣлялась отъ 1 арміи р. Писсой и на Новогродекъ. 12 армія усиливалась отъ 10-ой — XX корпусомъ, 53 дивизіей, 5 стрѣлковой бригадой и 1 гвард. кав. дивизіей. V и IV сибирскіе корпуса переходили къ 1 арміи. Остальныя подробности имѣли характеръ иллюстраціи. Существо же заключалось въ стремленіи объединить войска, работавшіе на участкѣ, природа котораго представляла нѣчто цѣльное, въ общемъ комплексѣ нашего оборонительнаго положенія, и въ то же время находились въ такомъ раіонѣ, который, если охватить все борящееся, составлялъ какъ бы шарниръ, на которомъ все держалось. Михаилъ Васильевичъ, прекрасно изучившій западный театръ, отлично это понималъ и не возражалъ въ предшествовавшихъ разговорахъ, но на него давили другія обстоятельства; у него были другія надежды и, какъ Главнокомандующій, онъ былъ ограниченъ рядомъ другихъ явленій и вліяній, которыхъ я, какъ лицо стороннее не испытывалъ. Мнѣ казалось, что исполнить это не трудно, у него же были разные «но». Посмотримъ, какъ это разрѣшится.

26 мая. Указанія Верховнаго Главнокомандующаго исполняются: 2 и 5 арміи будутъ соединены въ одну армію подъ начальствомъ ген. Смирнова. Штабъ 5 арміи, съ ген. Чу-

ринымъ, перейдетъ въ Ломжу; штабъ 12 арміи, съ ген. Плеве, переходитъ въ Ригу и объединяетъ въ себѣ Шавельскую группу, которая выдѣляется изъ 10 арміи. Было бы проще штабъ 5 арміи направить въ Ригу, не трогая штаба 12 арміи, но ген. Борисовъ увѣряетъ, что будетъ и такъ хорошо.

23 или 24 мая Михаилъ Васильевичъ телеграфировалъ Верховному Главнокомандующему о необходиомсти перехода войскъ съ нынѣ ими занимаемыхъ позицій на Наревскія. Мысль вѣрна, но къ ея исполненію есть много психологическихъ и техническихъ затрудненій. Войсковыя позиціи сильнѣе, чѣмъ Наревскія, построеныя инженерами; войска къ нимъ приспособились и съ мѣстностью и расположеніемъ врага знакомы. Такое перемѣщеніе позволитъ намъ выдѣлить въ резервъ не менѣе 4 корпусовъ. Но какъ подѣйствуетъ отходъ на войска? Въ Варшавѣ, безъ сомнѣнія, будетъ паника. Но послѣднее не доводъ, который могъ бы поколебать рѣшеніе. Отвести 1 армію и часть 5-й (Ломжа) къ Нареву, не затрагивая 2 арміи, нельзя, а о послѣдней окончательно не рѣшено. Кромѣ того, такой отходъ не можетъ быть исполненъ независимо отъ того, что происходитъ на юго-западномъ фронтѣ. Не говорю о томъ, что къ такому отходу надо подготовиться. Отходя къ Нареву и добавлю къ Новогеоргіевску, мы не можемъ оставить на настоящихъ мѣстахъ правый флангъ 2 арміи на лѣвомъ берегу Вислы, а должны убрать его также къ сторонѣ Новогеоргіевска. Выгадывая около 4 корпусовъ въ резервъ, нельзя забывать, что и противникъ выгадаетъ столько же, если не болѣе. Усиленіе численное, получится, въ сущности, эфемерное. Корень, по моему, заключается въ томъ, — зачѣмъ мы это предпримемъ? Можетъ быть, пассивная сила нашей обороны усилится, но это условно, ибо позиціи, на которыя мы отойдемъ, не сильнѣе тѣхъ, на которыхъ войска дерутся. Къ этому можно прибавить еще цѣлый ворохъ разсужденій и сомнѣній, но они лишь запутаютъ колеблющіеся душу и умъ, но рѣшенія не дадутъ и его надо искать не въ деталяхъ, а въ общемъ положеніи. А общее положеніе предлагаетъ намъ лишь два простыхъ вопроса: Россія или Польша? Причемъ представителемъ интересовъ первой является армія. Обстановка на всемъ фронтѣ такова, что именно эти вопросы требуютъ отвѣта; и кто, спрашивается, можетъ и долженъ дать этотъ отвѣтъ? Главнокомандующій отвѣтить на эти два вопроса не можетъ. Они не въ кругѣ его вѣдѣнія. Верховный Главнокомандующій и его Генеральный Штабъ стоятъ передъ ними и оттуда долженъ придти отвѣтъ и повелѣніе. Но и наша мысль также работаетъ надъ этими вопросами и мы оцѣниваемъ ихъ подъ вліяніемъ нашихъ нуждъ и нашей жизни. Главнокомандующій чувствуетъ и, скажу, видитъ, насколько

положеніе наше при отсутствіи средствъ къ борьбѣ хрупко; онъ видитъ и необходимый въ нашихъ условіяхъ исходъ. Гуляя вечеромъ между хлѣбами, мы, въ разговорѣ, часто къ нему подходимъ и скоро отъ него отходимъ. Мы какъ бы боимся своихъ мыслей, ибо всѣ затрудненія, которыя должны возникнуть при первомъ шагѣ его исполненія, намъ ясны. Не неся никакой отвѣтственности, я смѣлѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, ибо они умозрительнаго свойства, но мнѣ понятны тѣ муки и тревоги, которыя длительно и ежечасно переживаются Главнокомандующимъ, тѣмъ болѣе, что наше внутреннее по отношенію противника положеніе не легкое, въ особенности въ виду совершающагося на югѣ; оно еще усугубляется до состоянія безнадежности, вслѣдствіе отсутствія средствъ для борьбы. И надеждъ на близкое лучшее будущее нѣтъ. Пока вопросъ о томъ, — «зачѣмъ мы будемъ отходить» на вѣсу, а съ нимъ и цѣлый рядъ остальныхъ.

2 іюня. 28, 29 и 30 мая употреблено было на смотръ и оцѣнку такъ называемой Варшавской укрѣпленной позиціи. Общее мое о ней заключеніе представлено Главнокомандующему 31 мая, а по участкамъ генералъ-квартирмейстеру 1 іюня.

Какъ полевая, позиція довольна внушительна, а если смотрѣть на нее со стороны противника, то къ сожалѣнію, она очень видная, что уже большой недостатокъ. По прочности она выдержитъ и прикроетъ отъ шрапнельнаго и ружейнаго огня. Отъ ударнаго и фугаснаго огня укрѣпленія будутъ разметены. Въ начертаніи, военные инженеры проявили, мѣстами, незаурядное творчество и талантъ, но въ общемъ, вся позиція линейнаго характера и идея группъ, взаимно связанныхъ. проявлена только въ работахъ послѣдняго времени.

Вся позиція какая-то безличная и я думаю, что виною тому то, что при замыслѣ и при ея зарожденіи мысль и участіе Генеральнаго Штаба отсутствовала. Кажется я первый, который надъ этимъ твореніемъ думалъ и его созерцалъ въ теченіи трехъ дней. Возведены и строятся укрѣпленія безъ развитія тыла и безъ военныхъ путей позади и между сооруженіями. На вопросъ, почему это случилось, мнѣ объяснили, что на запросъ о семъ строителей-инженеровъ, они еще зимой получили отвѣтъ, что это дѣло Начальника военныхъ сообщеній. Дальше въ формализмѣ идти нельзя. Но думаю, и инженеры не правы. Укрѣпленную линію возводили они, планъ составленъ ими, и притомъ со смѣтой расходовъ. Даже, если въ этой работѣ не участвовали офицеры генеральнаго штаба, не намѣтить нужные пути и не осуществить это, одновременно, и даже раньше построекъ, по меньшей мѣрѣ, не заботливо.

Варшавская укрѣпленная позиція, тянущаяся отъ юго-западной оконечности крѣпости Новогеоргіевска къ Вислѣ, кончаясь въ нѣсколькихъ верстахъ южнѣе Гуры Кальваріи, прикрываетъ, въ сущности, Варшавскія и вновь построенныя переправы. Смотрѣть на нее, какъ на что-то прочное — ошибочно. Если противникъ, дастъ намъ время, войска ее усилятъ и приспособятъ для борьбы, въ настоящемъ же ея видѣ, безъ путей, съ обширными открытыми пространствами позади, меня бы она не прельстила.

Въ южной ея части идетъ выпрямленіе на Тарчинъ. Два раза инженеры рыли это направленіе и два раза зарывали, а теперь работаютъ въ третій разъ. И сколько денегъ ушло на это! Южнѣе Гуры Кальваріи черезъ Вислу былъ построенъ военный мостъ. Мостъ-то построили, но о дорогѣ отъ моста по правому берегу на востокъ не позаботились. Вызвалъ по телефону изъ Варшавы начальника гражданскихъ инженеровъ. Согласился, что не ладно, но такъ какъ его управленіе вѣдало только постройкой мостовъ, то, сдѣлавъ свое дѣло, онъ былъ правъ. Дороги принадлежали другому правленію. Но вѣдь мостъ былъ построенъ, чтобы или перейти Вислу съ востока, или уйти за Вислу съ запада, а это послѣднее изъ-за свойствъ мѣстности праваго берега рѣки, для войскъ и обозовъ безъ путей представляетъ чрезвычайныя затрудненія, а при отходѣ, подъ давленіемъ на нихъ непріятельскихъ войскъ съ запада, можетъ повести къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Каждый дѣлалъ самъ по себѣ: отсутствовало то разумное объединеніе, которое, по моимъ взглядамъ, крылось не только въ организаціи всего управленія, но и въ отсутствіи плодотворнаго воздѣйствія Генеральнаго Штаба на ходъ всѣхъ работъ, связанныхъ такъ или иначе съ нуждами войскъ и предстоящей имъ дѣятельностью.

Слово «оперативная работа» должно пониматься шире и тогда объединяющее участіе Генеральнаго Штаба во всемъ касающемся подготовки дѣятельности войскъ, проявится шире и повсюду съ наибольшей пользой. Но и для этого надо выйти изъ тѣсныхъ рамокъ канцелярщины, принесшей и приносящей намъ столько зла.

5 іюня. Вчера въ Холмѣ было совѣщаніе; Алексѣевъ, какъ всегда, вернулся оттуда съ сильнѣйшей мигренью. Совѣщаніе было длительное. Около часа говорилъ Н. І. Ивановъ, вдаваясь въ мелочи. Ген. Янушкевичъ, чтобы свести разговоръ къ тому, что всѣхъ интересовало, задавалъ вопросы: «а что же Вы, Николай Іудовичъ, думаете дѣлать и что по Вашему мнѣнію слѣдуетъ дѣлать?» Николай Іудовичъ находилъ, что надо отходить, задерживаясь на рубежахъ. Ю. Н. Даниловъ вставлялъ свои замѣчанія, Кондзеровскій тоже. Послѣдній

обрисовалъ положеніе снабженія: патроновъ и снарядовъ нѣтъ и точно нельзя опредѣлить, когда они будутъ, съ пополненіями также не ладно.

Михаилу Васильевичу я совѣтовалъ съ опертивными совѣтами не выступать, дабы, въ эти трудныя минуты, дать Генеральному Штабу Ставки высказаться, но на этомъ совѣщаніи выполнить это оказалось невозможнымъ. Подъ конецъ Михаилъ Васильевичъ, на повторное заявленіе ген. Иванова, что будетъ отступать, задерживаясь, заявилъ, что такому отходу долженъ быть предѣлъ, что отходъ — средство, а не цѣль. Ген. Алексѣевъ поставилъ вопросъ: должны ли мы настоящее наше положеніе удерживать во что бы то ни стало, или надо дѣлать что-то иное? Наши враги, обезвредивъ насъ на фронтѣ, безъ сомнѣнія нажмутъ на наши фланги. Противникъ навѣрное чувствуетъ, что мы не въ силахъ предпринять чего-либо серьезнаго изъ-за скудости нашего снабженія.

Сошлись на мысли, что надо держать Царство Польское: но выставляя это какъ цѣль, Михаилъ Васильевичъ заявилъ о необходимости, чтобы средства, предназначенныя для борьбы, были въ однихъ рукахъ. И на это согласились. Затѣмъ стали выпытывать у Михаила Васильевича дальнѣйшее; однако, онъ рѣшительно заявилъ, что вопросъ слишкомъ сложенъ, что раньше его надо разработать и обдумать, а на это необходимо нѣсколько дней. Когда пренія кончились, пошли къ Великому Князю.

Итакъ, будемъ защищать Польшу, соотвѣтственно выгнувшись, и станемъ въ еще болѣе невыгодное положеніе, чѣмъ теперь; и, если, вслѣдствіе дѣйствій нашихъ союзниковъ, положеніе у насъ не измѣнится, будемъ выдерживать на человѣческомъ матеріалѣ произведенія Круппа. Если нѣмцы сдвинутъ, безразлично — на сѣверѣ или на югѣ, будетъ нехорошо. Положеніе это выдержать намъ, однако, надо, но не какъ цѣль, а какъ переходную ступень, ибо очень трудно перейти на что-либо другое сразу. Оно было бы легче въ исполненіи раньше*).

Все высказанное не ново; большинство стоящихъ во главѣ, если бы могли на время отречься отъ чувства личной отвѣтствености, тяготѣющей надъ ними, и, если бы они имѣли возможность ближе знать сложную работу тыла, вѣроятно, пришли бы къ тому же заключенію. Но, они захвачены борьбой; ихъ психологія другая; ихъ военное самолюбіе къ сча-

---

*) Упраздненіе въ 1910 г. Вислянской укрѣпленной организаціи, разрушеніе оборонительныхъ сооруженій Варшавы, Зегржа, Ивангорода, работъ между Новогеоргіевскомъ и Зегржемъ, даютъ себя очень сильно чувствовать и въ матеріальномъ и въ моральномъ отношеніяхъ.

стью. тоже иное, чѣмъ сидящихъ въ высшихъ управленіяхъ. Въ этомъ громадная разница между управленіемъ и исполненіемъ. Исполнитель не можетъ и не долженъ задаваться мыслями, являющимися прерогативой управленія, которое должно все раньше взвѣсить и предвидѣть, прежде чѣмъ рѣшить. Если не слѣдовать по этому пути, управленіе можетъ быть захвачено вихремъ стихіи и будетъ безсильно управлять. Событія нарождаются послѣдовательно. Одна ошибка влечетъ за собой рядъ другихъ, и, если это не урегулировать, могутъ создаться положенія, когда человѣческая воля окажется безсильной.

Если ближайшей цѣлью нашихъ стремленій было бы удержать Польшу, то отходить сѣверо-западному фронту за Вислу и къ позиціямъ на Наревѣ нельзя. Нельзя оставить на вѣсу пошатнувшееся положеніе наше въ Курляндской и Ковенской губерніяхъ; необходимо также подумать и объ усиленіи нашего положенія на Бобрѣ. На югѣ положеніе должно сложиться соотвѣтственно выраженной на совѣщаніи мысли.

Какими матеріальными средствами, въ теченіи какого времени мы это можемъ выполнить и кто это приведетъ къ осуществленію? Добавимъ къ тому же, что на фронтѣ войска достаточно потрепаны матеріально. Приливъ пополненій, изъза недостатка ружей, ограниченъ и бои приходится вести съ оглядкой, ибо боевое снабженіе прибываетъ въ ничтожныхъ размѣрахъ, а армейскіе запасы израсходованы. Противъ насъ противникъ, который дѣлаетъ совсѣмъ не то, что намъ нужно, и отсюда исходятъ всѣ наши трудности. Имѣй мы резервы, выходъ былъ бы не такъ тяжелъ, но мы собираемся только выдѣлить ихъ изъ нашей длинной и тонкой линіи; мы можемъ быть увѣрены, что противникъ этимъ воспользуется для своихъ дѣйствій.

Что же дѣлать? Бросить Польшу такъ нельзя; защищая ее, мы защищаемъ Россію, и, въ случаѣ успѣха, пріобрѣтаемъ большія выгоды. Если бы я могъ опросить теперь хотя бы 100 человѣкъ, то всѣ они единогласно отвѣтили бы, что надо непремѣнно защищать Польшу, а очищеніе ея было бы сочтено за величайшее малодушіе.

А можемъ ли мы съ нашими средствами и, сообразуясь съ ходомъ событій, осуществить это? Лечь костьми мы можемъ, но нужно ли это Государству? Не полезнѣе ли будетъ сохранить силы эти для защиты Россіи? Оперативно, по моему мнѣнію, условія складываются такъ: Армія можетъ исполнить рѣшеніе совѣщанія только при наличіи такихъ условій, которыхъ, въ дѣйствительности, нѣтъ. Значитъ, выходъ изъ создавшагося положенія обусловленъ нѣкоторыми жертвами. Этимъ и характеризуется трудное и сложное войсковое

положеніе, требующее при слабости арміи осуществить эту задачу.

Упорство нашихъ войскъ въ оборонѣ — очень важный факторъ, но вѣдь и ему есть предѣлъ.

Несмотря на наши неудачи въ Ковенской губерніи, въ данное время, наибольшее вниманіе, справедливо, привлекаетъ юго-западный фронтъ. Массы непріятельскихъ войскъ противъ него и онѣ тѣснятъ его. Чтобы осуществить мысль совѣщанія — держать Польшу, надо стабилизировать прежде всего положеніе на юго-западномъ фронтѣ.

Мнѣ недостаточно полно знакома работа нашего противника по усиленію его войскъ противъ нашихъ частей на лѣвомъ берегу Вислы и противъ Нарева. Противъ Бобра пока тревожнаго не замѣчено, а развитіе его дѣйствій въ Ковенской губерніи въ ближайшее время особаго значенія для насъ, на мой взглядъ, не имѣетъ. Времени въ нашемъ распоряженіи осталось немного. Мы не привыкли и не умѣемъ рѣшать и исполнять быстро. Большія разстоянія, слабо развитые пути, большая административная нагроможденность и всемогущественная канцелярія съ ея неумолимыми требованіями, большая помѣха для успѣшной работы Генеральнаго Штаба, къ сожалѣнію, тоже не чуждаго канцелярскихъ привычекъ.

6 іюня. По сообщенію Штаба юго-западнаго фронта, положеніе его арміи, къ полудню 4 іюня, какъ будто яснѣе. Части 8, 9 и 11 армій, вѣроятно, отойдутъ къ Подоліи, захвативъ флангомъ Волынь; осальныя получатъ направленіе на сѣверо-востокъ и на сѣверъ. Это начало перелома. Дальнѣйшій ходъ будетъ зависѣть отъ противника и только отчасти отъ насъ. Намѣчаю худшее ибо съ одной стороны тонкая линія и отсутствіе подвижности, а съ другой, сосредоточенныя дѣйствія, при могущественной артиллеріи, большомъ богатствѣ снарядовъ, а равно и большой подвижности.

Вчера получили директивы Верховнаго Главнокомандующаго. Онѣ не предусматриваютъ моихъ опасеній. Дай Богъ, чтобы директива осуществилась безъ потрясеній. Львовъ, быть можетъ, уже не нашъ *). Расположеніе армій къ 4 іюня не даютъ въ томъ увѣренности, что онъ останется за нами. Взятіе Львова — ликвидація 10 мѣсяцевъ войны. Войска дѣлали и дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, но съ ограниченной артиллеріей, съ недостаточными, изъ-за ружей пополненіями, безъ снарядовъ и патроновъ успѣшно воевать нельзя. Это не вина войскъ и ихъ начальниковъ.

Главныя силы нашихъ враговъ на югѣ. Противъ сѣверо-западнаго фронта ихъ не такъ много. По числу единицъ мы

*) 8-9 іюня Львовъ занятъ врагомъ.

не слабѣе, а скорѣе сильнѣе на этомъ фронтѣ, но мы въ слабомъ составѣ и безъ снабженія. Были взяты патроны изъ крѣпости Ковно, но Главнокомандующій приказалъ ихъ возвратить. Если бы даже мы были въ полномъ составѣ, то безъ снабженія, активной силы мы все равно не представляли бы.

На верху стоятъ за защиту передового театра, т. е. Польши. Также смотритъ и М. В. Алексѣевъ. Я недостаточно проникнутъ ходомъ событій, у меня нѣтъ фактическаго опыта пережитой борьбы, сила противника не такъ ясна, какъ слѣдящимъ за приливомъ и отливомъ нѣмецкихъ силъ. За 6 недѣль не могу слиться со всѣми сторонами борьбы, чтобы рѣшительно сказать: «нѣтъ не Польша должна быть цѣлью нашихъ усилій, а Россія». Ошибка въ опредѣленіи этого сложнаго явленія, опредѣляемаго однимъ лишь словомъ, можетъ быть роковой.

Всѣ признаютъ, что средствъ для борьбы мы не имѣемъ. Вмѣсто обѣщанныхъ 30 парковъ (каждый въ 35 т. снарядовъ) въ мѣсяцъ, мы получаемъ 20 и менѣе; пополненія въ $^1/_4$ — $^1/_5$ потребности. Чтобы довести до нормы, нужны мѣсяцы. Можно ли при такихъ условіяхъ занимать положеніе, которое не только полно опасности, но грозитъ гибелью большей части Арміи?

Событія въ Италіи и за Рейномъ идутъ очень медленнымъ темпомъ. Союзники избавились отъ опасности удара очень раннею весной, ибо съ февраля германская Главная Квартира вынуждена была направить все, что было возможно, на востокъ. Свою лепту, обильно пропитанную русской кровью, мы принесли, сражаясь за одно дѣло. Мы не жалѣемъ объ этомъ; болѣе того — мы удовлетворены, что исполнили свой долгъ въ такую грозную для бытія союзниковъ минуту, но теперь наши взоры все чаще и чаще обращаются къ западу, ибо и намъ стало тяжело. Не разъ объ этомъ мы бесѣдовали во время нашихъ вечернихъ прогулокъ съ Михаиломъ Васильевичемъ и иногда горькая нота звучала въ его рѣчахъ. Можно ли на это претендовать? Конечно можно, но въ жизни у каждаго есть свои интересы и каждый думаетъ сначала объ удовлетвореніи своихъ, а потомъ чужихъ. А затѣмъ, въ той же жизни не было случая, чтобы за доброе дѣло, за большую услугу отплачивали бы тѣмъ же. И добро то приходится дѣлать не съ разсчетомъ на проценты, а скорѣе наоборотъ. У каждаго должно быть свое дѣло, а остальное, собственно, громкія слова, практическаго значенія не имѣющія.

Но надо войти и въ положеніе нашихъ западныхъ союзниковъ. За отсутствіемъ у нихъ глубины театра, всякая неустойка ставитъ на карту ихъ существованіе. Что сдѣлано было русскимъ высшимъ военнымъ управленіемъ, надо думать,

никогда союзниками забыто не будетъ. Теперь же, не расчитывая на другихъ, намъ надо выбраться самимъ.

Мнѣ представляется, что послѣ стабилизаціи частей Ю.-З. фронта намъ необходимо будетъ упрочить болѣе уязвимые и опасные въ нашемъ положеніи участки. Наиболѣе важный раіонъ—Бобръ—Бѣлостокъ. Кромѣ находящагося тамъ XX корпуса и другихъ частей, раіонъ этотъ нужно усилить еще двумя корпусами и ввести его въ составъ 12 (5) арміи, о чемъ мною уже было отмѣчено выше. М. В. Алексѣевъ отлично это знаетъ, но онъ или увѣренъ за этотъ раіонъ, или же не можетъ его усилить. Необходимо прекратить рытье Тарчинской позиціи на лѣвомъ берегу р. Вислы и перенести рабочую силу къ Вышкову, Острову, Червонному Бору. Надо скорѣе строить мосты на З. Бугѣ у Граннаго, Гродика, Дрогичина, Немирова, выше Янова. Будетъ ли противникъ ожидать, пока мы не окончимъ эти работы и не закончимъ военныя дороги къ востоку отъ Вислы?

Вчера Михаилъ Васильевичъ былъ очень разстроенъ. Въ его отвѣтственномъ положеніи эти чувства надо подавить въ себѣ. Начальникъ Штаба спокоенъ; не маска ли это? Управленіе какъ бы затушевалось. Есть только одно лицо — Главнокомандующій. Затѣмъ Генералъ-Квартирмейстеръ, съ не совсѣмъ послушной генералъ-квартирмейстерской частью и нештатные органы, какъ Борисовъ и, отчасти, я. Но я въ канцелярскую часть не вхожу. Это излишне и не полезно; съ совѣтами не выступаю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф. Ф. Палицынъ.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ФРАНЦУЗСКОЙ ПѢХОТЫ ПО НОВОМУ УСТАВУ*).

Въ № 1 «Военнаго Сборника» была уже сдѣлана общая характеристика французскаго устава для боя пѣхоты. Тамъ были подчеркнуты бросающіяся сразу въ глаза достоинства новаго устава, разработаннаго подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ опыта мiровой войны. Насъ особенно должна интересовать вторая часть устава, посвященная именно пѣхотному бою**). О немъ и будетъ идти здѣсь рѣчь.

Вторая часть устава представляетъ собою новѣйшее *ученіе о войнѣ* въ томъ видѣ, какъ оно окончательно сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ $4\frac{1}{2}$ лѣтней грандіозной борьбы. Замѣчательно ясная и точная формулировка тактическихъ выводовъ изъ опыта войны сдѣлана въ «предварительныхъ статьяхъ», которыми начинается уставъ во второй своей половинѣ. Было уже сказано объ «основныхъ» или «общихъ положеніяхъ», которыя составляютъ первую главу этого введенія (Préliminaires) въ уставъ. Все введеніе обнимаетъ собою тѣ важнѣйшія тактическія понятія, совокупность коихъ и составляетъ обязательную для всей арміи *единую доктрину* — основной фундаментъ для проявленія каждымъ офицеромъ въ бою, когда нужно, профессіональныхъ своихъ способностей и личнаго почина. Эти руководящія правила должны служить моральною связью всей арміи, дабы всѣ единицы ея, при сходныхъ боевыхъ обстоятельствахъ, дѣйствовали одинаково.

«Введеніе» непосредственно даже не относится къ пѣхотному уставу и помѣщено потому, что изданіе его оказалось ранѣе другихъ уставовъ, предназначенныхъ для всѣхъ родовъ войскъ; усвоеніе же означенныхъ руководящихъ положеній, необходимо и *для полнаго пониманія*, и правильнаго примѣненія указаній для боя пѣхоты.

---

*) Règlement provicoire de manoeuvre d'infanterie du 1-er février 1920. Première partie — 1920; deuxième partie — 1921.
Временный уставъ пѣхотнаго боя, утв. 1 февраля 1920 года. I-я часть изд. 1920 г.; 2-я часть-изд. 1921 г.

**) Первая часть разсматриваетъ спеціальную или техническую подготовку (выучку) пѣхоты.

«Введеніе» состоитъ изъ пяти главъ: «общія положенія», «внезапность и охраненіе», «связь и сношенія», «силы моральныя, начальникъ, войска» и «обязанности въ бою».

44-ре статьи этого введенія представляютъ кодексъ французской военной доктрины, глубоко продуманный и блестяще изложенный. Каждая статья заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія. «Общія положенія» приводятся далѣе цѣликомъ*):

1. Разстройство матеріальныхъ силъ врага составляетъ цѣль военныхъ дѣйствій.
   Оно можетъ быть достигнуто только *сраженіемъ.* Сраженіе состоитъ изъ *дѣйствій наступательныхъ* и изъ *дѣйствій оборонительныхъ.*
   Командованіе выбираетъ свободно тѣ или другія, въ зависимости отъ требованій общаго положенія и отъ стратегическаго маневра, имъ задуманнаго; они выражаются одинаковыми проявленіями активности и энергіи.
2. Только *наступленіе* даетъ возможность причинить врагу рѣшительныя потери.
   «Фронты, и самые могущественные, доступны прорыву при сочетаніи энергичныхъ дѣйствій съ внезапностью.
   «Тотъ, кто атакуетъ первый, потрясаетъ противника проявленіемъ воли, превосходящій его; онъ разстраиваетъ его проэкты атаки и принуждаетъ его отъ нихъ отказаться, чтобы перейти къ оборонѣ. Если, къ тому же, онъ нападаетъ на врага во время движенія, онъ извлекаетъ изъ этого значительное преимущество.
   «Общее наступленіе требуетъ извѣстнаго превосходства средствъ, допускающихъ выдержать ихъ значительную трату, — использовать свои первые успѣхи силами еще достаточными, чтобы восторжествовать надъ противодѣйствіемъ противника и достигнуть окончательно желаемаго разстройства.
   «Внѣ этихъ условій, бываетъ много случаевъ, когда *частное наступленіе,* веденное одною изъ подчиненныхъ частей со всею смѣлостью и проникнутое духомъ самоотверженія, котораго вправѣ отъ нея требовать, даетъ значительные результаты — въ общихъ рамкахъ наступательныхъ или оборонительныхъ дѣйствій боевого порядка большого объема.

*) Статьи или параграфы устава, здѣсь приводимыя, переведены возможно ближе къ подлиннику съ сохраненіемъ и внѣшней формы изложенія: соблюдены красныя строки, курсивъ и т. д.

«Наступательное стремленіе должно быть развито до крайней степени на всѣхъ ступеняхъ арміи. Не то, что нужно атаковать всегда и не взирая ни на что, но нужно помнить, что легче сдержать исполнителей слишкомъ зарывающихся, нежели сдѣлать ихъ задорными (agressifs), если они слишкомъ склонны къ оборонѣ.

3. *Оборона* — уже приведено въ первомъ выпускѣ журнала.

4. «*Частные бои,* изъ которыхъ складывается сраженіе, принимаютъ различныя формы, въ зависимости отъ частной цѣли, силъ, введенныхъ въ дѣйствіе, обстоятельствъ времени и мѣстности.

«Они представляютъ наступательныя и оборонительныя дѣйствія, сочетаясь между собою или тѣсно слѣдуя одни за другими. Тѣ или другія преобладаютъ въ зависимости отъ *цѣли,* намѣченной командованіемъ.

«Болѣе спеціально, для пѣхоты, эта цѣль представляется, окончательно, всегда:

— или въ томъ, чтобы непремѣнно *двигаться впередъ, не взирая на врага,* дабы разстроить его намѣренія и разрушить силу его сопротивленія;

— или въ томъ, чтобы *воспрепятствовать врагу наступать,* т. е. сохранить мѣстность, которую занимаютъ или которою только что овладѣли.

«Способность переходить мгновенно отъ наступательнаго дѣйствія къ положенію оборонительному и — обратно въ теченіе хода одного и того же сраженія должна быть развита у исполнителей до того, чтобы проявляться вполнѣ безсознательно (complètement dans leurs réflexes)

Чѣмъ болѣе спускаются по лѣстницѣ войсковыхъ единицъ, тѣмъ меньше должно быть разницы между обѣими формами боя.

«Примѣненіе одного вида боя, требуемаго положеніемъ даннаго момента, не должно никогда позволять упускать изъ виду окончательно поставленной цѣли. Поэтому, войсковая часть, которая не могла бы наступать или продолжать свою атаку согласно намѣченнаго плана, вынуждена остановиться для оборонительныхъ дѣйствій; но атаку должно возобновить, какъ только позволятъ обстоятельства.

5. «Наиболѣе часто, *мѣстность* не одинаково благопріятствуетъ атакѣ и оборонѣ: она оказываетъ вліяніе на выборъ зонъ атаки и зонъ сопротивленія и на

распоряженія обѣихъ сторонъ. Преимущества, предоставляемыя мѣстностью, содѣйствуютъ успѣху только въ той мѣрѣ, въ какой она искусно *использована* и, если возможно, *приспособлена къ оборонѣ.*

6. «*Боевыя данныя* (les procédés de combat) не неизмѣнны.

Они развиваются вмѣстѣ съ матеріальной частью и качествомъ войскъ; они должны имѣть возможность соотвѣтствовать новымъ даннымъ, которые обнаруживаются у врага; имъ, слѣдовательно, суждено измѣняться въ теченіе даже одной кампаніи.

«Наоборотъ, существуетъ извѣстное число принциповъ и общихъ идей, опытъ которыхъ доказалъ ихъ постоянную цѣнность и которые повелѣваютъ какъ малыми боями, такъ одинаково и крупными операціями.

«Ихъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

7. *Маневръ* есть сочетаніе усилій для достиженія опредѣленной цѣли.

«Поставленная цѣль должна, прежде всего, соотвѣтствовать средствамъ, которыя имѣются, и возможностямъ врага.

«Когда цѣль поставлена, выступаетъ принципъ *экономіи силъ* — для распредѣленія, въ пространствѣ и во времени, имѣющихся средствъ.

«*Экономія силъ имѣетъ въ виду распредѣленіе средствъ, осуществляющее волю быть сильнымъ на тѣхъ пунктахъ, гдѣ домогаются рѣшительнаго результата и, слѣдовательно, быть менѣе сильнымъ, если не слабымъ —на пунктахъ, гдѣ хотятъ только сопротивлятъся усиліямъ врага.*

Такъ должно понимать принципъ *маневра вообще.*

«Маневръ подготовляется назначеніемъ однороднымъ войсковымъ частямъ, на участкахъ мѣстности, сходныхъ по трудности, зонъ дѣйствія различной ширины фронта.

«На малыя части, уже *введенныя въ бой*, т. е. *имѣющія боевую задачу въ періодъ исполненія*, начальникъ оказываетъ только ограниченное вліяніе.

«Напротивъ, онъ распоряжается непосредственно и полно своими *резервами;* при помощи ихъ, онъ исправляетъ и возстанавливаетъ свою систему силъ, если бой развивается не въ желанномъ смыслѣ. Всецѣло стараясь сохранить ихъ надолго, онъ можетъ быть вынужденъ ввести ихъ въ бой до послѣдняго

человѣка, если это окажется необходимымъ для возстановленія разстроеннаго маневра.

8. Возникновеніе и развитіе всякой операціи требуетъ, чтобы начальникъ не переставалъ пользоваться своею *свободою дѣйствія*, т. е., чтобы онъ *былъ въ состояніи использовать свои силы, несмотря на сопротивленіе противника, для осуществленія предположеннаго маневра.*

«Совокупность мѣръ, обезпечивающихъ свободу дѣйствія, составляетъ *задачу охраненія.*

«Недостаточно *избѣжать возможности быть захваченнымъ врасплохъ*, нужно еще стремиться самому, *внезапно напасть на врага*, чтобы воспользоваться деморализаціей и безпорядкомъ, которые ему будутъ причинены боязнью неизвѣстной опасности.

9. Во всякомъ боевомъ распредѣленіи нужно имѣть въ виду *эшелонированіе въ глубину и раздѣленіе по фронту.*

«Эшелонированіе въ глубину обезпечиваетъ достиженіе свободы дѣйствія, ставя главную массу силъ подъ защиту отъ неожиданости. Оно достигается установленіемъ резервовъ, которые могутъ своевременно быть выдвинуты на желательные пункты.

«Въ примѣненіи къ данному отряду, эшелонированіе допускаетъ *послѣдовательность усилій* и обезпечиваетъ имъ *продолжительность;* оно облегчаетъ *дѣло управленія войсками во время боя.*

«Отрядъ долженъ имѣть фронтъ дѣйствія тѣмъ болѣе узкій и *глубину тѣмъ болѣе значительную*, чѣмъ болѣе нужно проявить значительныхъ усилій или выдержать напряженіе противника противъ себя.

«При распредѣленіи по фронту, надлежитъ избѣгать дѣлать начальника отвѣтственнымъ за фронтъ, превосходящій его средства дѣйствія и управленія. Съ другой стороны, необходимо воздерживаться отъ чрезмѣрной густоты по фронту, которая получается во вредъ глубинѣ.

10. Если маневръ удался, не слѣдуетъ давать врагу время возстановиться, а, наоборотъ, — усиливать его разстройство, энергично продолжая дѣйствовать. Для этого надлежитъ *сохранять съ нимъ тѣсное соприкосновеніе;* затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ противникъ уступаетъ, принять мѣры, способствующія преслѣдованію, пополненію всѣмъ необходимымъ,

равно какъ — и къ смѣнѣ войскъ, достигну́вшихъ предѣла своего напряженія*).

«*Эксплоатація успѣха* часто ведетъ, съ цѣлью достиженія противника по всему фронту, гдѣ онъ уязвимъ, — къ разброскѣ средствъ до тѣхъ поръ сосредоточенныхъ. Во всѣхъ случаяхъ при отраженіи контръ-атакъ противника, должно всегда имѣть въ виду непріятельскіе резервы, еще обладая которыми, онъ не перестаетъ создавать опасность.

11. Среди вкратцѣ приведенныхъ выше положеній, тѣ изъ нихъ, которыя касаются внезапности и охраненія, представляютъ особенный интересъ для частей пѣхоты; поэтому, полезно ихъ развить болѣе подробно».

Далѣе слѣдуетъ 11-я глава, посвященная «внезапности и охраненію».

Таковы «общія начала», коими начинается вторая половина устава.

Третья глава трактуетъ о «связи и сношеніяхъ въ бою», о приказаніяхъ и донесеніяхъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ подробно цитировать всѣ интересныя выдержки разсматриваемаго устава. Пришлось бы сплошь приводить параграфъ за параграфомъ... Остановимся, поэтому, далѣе, на важнѣйшихъ, наиболѣе характерныхъ и будящихъ мысль читателя отрывкахъ этого талантливаго произведенія французскаго высшаго командованія.

Вотъ, напримѣръ, глава IV — *Моральныя силы. — Начальникъ. — Войска:*

38. *Дисциплина и солидарность* — основныя (primordiales — первоначальныя) военныя качества; онѣ обезпечиваютъ возможность управленія и сосредоточіе усилій. Безъ нихъ, личныя достоинства: храбрость, упорство, чувство самоотверженія, рискуютъ проявляться по напрасну.

Воинскія добродѣтели поддерживаются возбужденіемъ двухъ чувствъ: Патріотизма и Чести.

«Бои являются по преимуществу битвами моральными — des luttes morales.

Нравственное чувство создаетъ довѣріе.

Пораженіе неизбѣжно, какъ только изсякаетъ надежда побѣдить.

«При одинаковыхъ — цѣнности технической и организаціи матеріальной, успѣхъ, въ концѣ концовъ, обезпеченъ не тѣмъ войскамъ, кото-

*) „.... ainsi qu'à la relève des troupes parvenues à la limite de leur effort“.

рыя понесли меньшія потери, а тѣмъ, чье моральное состояніе держится наилучше и дольше.

Слѣдующія статьи имѣютъ заголовки:

39-я — *моральная связъ между начальниками и подчиненными;* 40 и 41-я — *качества начальника;* 42-я — *качества войскъ;* 43-я — *вліяніе начальника на доблесть войскъ.*

Въ виду особеннаго интереса, далѣе цѣликомъ приводятся эти статьи:

39. Начальникъ готовитъ свою часть къ бою; онъ ее вводитъ въ бой, ею руководитъ и управляетъ до конца.

«Ни одна изъ задачъ, которыя представляются въ бою, не можетъ быть разрѣшена одною храбростью солдатъ. Самыя похвальныя, одиночныя усилія, завершаются безполезными жертвами, если не окажется, на любомъ боевомъ участкѣ, начальника, который способенъ координировать эти усилія до конца и обезпечить войскамъ успѣхи, достойные ихъ доблести.

«Начальникъ развиваетъ иниціативу своихъ подчиненныхъ. Онъ ихъ поощряетъ проявлять ее тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе онъ вѣритъ въ ихъ духъ дисциплины и въ ихъ профессіональную способность.

«*Быть дисциплинированнымъ*—это значитъ, признавать по убѣжденію и безъ изъятія необходимости единаго обязательнаго права, которое управляетъ частными усиліями и ихъ координируетъ.

«*Обладать иниціативою* — это значитъ, свободно проявлять свою дѣятельность въ предѣлахъ полученнаго приказа.

«Профессіональная способность должна, прежде всего, основываться на единой доктринѣ: въ виду одинаковыхъ обстоятельствъ, предоставленныя самимъ себѣ, исполнители дѣйствуютъ сходнымъ образомъ (agiront d'une manière semblable.).

«Развивая въ этомъ смыслѣ военный духъ и профессіональныя свойства своихъ подчиненныхъ, начальникъ пріобрѣтаетъ увѣренность имѣть съ ними такую *моральную связь,* которая переживаетъ въ сраженіи неизбѣжные перерывы связи матеріальной.

40. Начальникъ долженъ быть *свѣдущимъ, быть примѣромъ, умѣть управлять, понимать реальныя возможности боя (* avoir le sens des possibilités) и, выше всего — *имѣть характеръ.*

«Управлять это значитъ:
— *установить очень точно въ своемъ умѣ, чего хотятъ достигнуть; выразить это* ясными распоряженіями; *предвидѣть условія* исполненія и послѣдствія своего рѣшенія.
— *Быть освѣдомленнымъ* каждый моментъ, чтобы имѣть возможность достигать осуществленія своего рѣшенія, наилучше пользуясь данными обстоятельствами въ зависимости отъ положенія своихъ собственныхъ силъ и отъ дѣятельности противника;
— *Опредѣлить* окончательно способъ употребленія (le mode d'emploi) своихъ силъ и своихъ средствъ и неизмѣнно его проводить;
— *преслѣдовать до конца* выполненіе своей воли.

«41. Въ бою, начальникъ воздѣйствуетъ на *элементы введенные**) *въ бой,* въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ ему возможно давать имъ выполнимыя приказанія. И, особенно, онъ опредѣляетъ задачи тѣмъ элементамъ, которые еще не начали своей боевой дѣятельности, т. е. своимъ резервамъ.

«Въ теченіе хода боя, онъ избѣгаетъ, безъ абсолютной къ тому надобности, возвращаться къ отданному приказу.

«Во всякое время начальникъ стремится знать потребности своей части, чтобы ихъ удовлетворить, — знаетъ ихъ доблестныя дѣла, чтобы ихъ вознаградить,—ихъ слабости, чтобы ихъ излечить. Онъ справедливъ, твердъ и доброжелателенъ; онъ требуетъ, чтобы послушаніе было полное; онъ заставляетъ усваивать и упражнять дисциплину и солидарность.

«Онъ не можетъ предупредить всѣ индивидуальныя ошибки; но нѣкоторыя коллективныя ошибки часто являются результатомъ непредусмотрительности или заблужденій начальника.

«*Единственные недостатки управленія, которые всегда заслуживаютъ упрековъ, это забвеніе*(l'oubli)*полученной задачи, бездѣйствіе и опасеніе отвѣтственности.*

«42. Доблесть войскъ окончательно рѣшаетъ побѣду. Всѣ ихъ качества: дисциплина, обученіе, искусство стрѣльбы, физическая тренировка, маневренная спо-

---

*) „les éléments engagés“ — это выраженіе постоянно употребляется въ уставѣ; переведено буквально; подъ „элементами“ — понимаются войсковыя единицы.

собность и, выше всего, духъ самопожертвованія, — необходимые элементы, чтобы обезпечить успѣхъ.

«Мѣсто, занимаемое пѣхотой въ бою, главная роль, которую она въ немъ играетъ, опасности, которымъ она въ бою подвергается, и потери, которыя она терпитъ, дѣлаютъ ее болѣе чувствительной (sensible) къ волненіямъ борьбы, нежели прочіе роды войскъ. Поэтому особенно важно, чтобы ея моральное состояніе было сильно закалено, и чтобы ея начальники заботились о поддержаніи этого состоянія на самой высокой степени.

«Въ теченіе боя недостаточно, чтобы исполнители пунктуально повиновались полученнымъ приказаніямъ, потому что начальникъ не можетъ, во всякій моментъ, дѣйствовать на каждаго изъ нихъ. Нужно еще, чтобы они обладали *иниціативою* для принятія рѣшеній въ духѣ точно выраженной воли начальника, и чтобы они были достаточно военно-образованы для правильнаго выполненія задачи, которая имъ внушена.

«43. Начальникъ вліяетъ на доблесть своей части, улучшая ея подготовку и повышая ея моральное состояніе.

«Поддержаніе моральнаго состоянія части есть задача наиболѣе деликатная. Она не заключается только въ томъ, чтобы въ критическихъ обстоятельствахъ взывать къ врожденнымъ добродѣтелямъ воина и къ глубокимъ свойствамъ расы: чести, чувству долга, любви къ Родинѣ и къ Свободѣ.

«Она (т. е. задача поддержанія нравственнаго состоянія) заключается въ терпѣливой и послѣдовательной культурѣ природныхъ свойствъ каждаго: хладнокровіе, склонность къ дѣятельности и риску, самолюбіе, ясность сужденія (droiture de jugement).

«Нужно, чтобы воинъ пріобрѣлъ довѣріе къ своему оружію, къ своей собственной способности, къ своимъ товарищамъ и къ своимъ начальникамъ; нужно, чтобы онъ чувствовалъ поддержку себѣ, чтобы онъ умѣлъ цѣнить содѣйствіе, которое оказываютъ ему другія части полка, другіе роды войскъ и также его сограждане внутри страны. Не внушая ему презрѣнія къ силѣ противника, слѣдуетъ ему подчеркивать все наше превосходство матеріальное, умственное и моральное. Слѣдуетъ также его убѣж-

дать, что спасеніе Родины настолько же зависитъ отъ его способности мужественно переносить усталость и лишенія, насколько и отъ его стойкости и его увлеченія подъ огнемъ.

«Начальникъ стремится дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на духъ солдата.

«Обращаясь къ его разсудку и къ его душѣ, не подкрашивая истины, получатся наиболѣе солидные результаты.

Въ бою особенно не опасно ему указывать на рискъ, которому онъ подвергается, потому что предвидѣнная опасность производитъ меньшее впечатлѣніе, чѣмъ неожиданность. Ему указываютъ, что разъ онъ въ движеніи для штурма, то лучшій способъ для уменьшенія риска заключается въ достиженіи врага возможно быстрѣе.

«*Наконецъ, начальникъ искусно вліяетъ на нравственное состояніе своей части, ставя ее въ хорошія физическія условія.*

Онъ заботится постоянно объ удовлетвореніи ея потребностей раньше, чѣмъ думаетъ о самомъ себѣ».

Приведенныя статьи о моральной сторонѣ войскъ представляютъ въ сжатомъ состояніи конспектъ богатаго содержанія о томъ вниманіи, съ какимъ надо относиться къ духовной природѣ нынѣшнихъ народныхъ армій. Начальникъ долженъ быть психологомъ для умѣлой и искусной подготовки своей части и для управленія ею въ бою. Сколько психологически вѣрныхъ мыслей, въ полномъ согласіи съ природою человѣка, дано въ цитированныхъ только что статьяхъ устава. На какія глубокія размышленія вызываютъ онѣ, и какъ вырисовывается все трудное положеніе офицера, который долженъ пользоваться нравственнымъ авторитетомъ у своихъ подчиненныхъ.

За «предварительными статьями устава», или «введеніемъ» въ него, слѣдуетъ самая существенная часть устава — *бой пѣхоты:*

Отдѣлъ I — тактическія свойства пѣхоты *)
Отдѣлъ II — бой наступательный.
Отдѣлъ III — оборона мѣстности.

Въ I отдѣлѣ, первая глава—небольшая, въ двухъ статьяхъ, резюмируетъ особенныя или спеціальныя тактическія свойства пѣхоты. Во 2-й главѣ разсматриваются вооруженіе и матеріальныя средства пѣхоты. 3-я глава посвящена характеристикѣ или «физіономіи пѣхотнаго боя»**) и 4-я глава — дѣйствія

*) Въ введеніи приведены „тактическія свойства“ всѣхъ родовъ войскъ.
**) Chapitre III — Physionomie du combat d'infanterie.

пѣхоты совмѣстно съ другими родами войскъ въ бою. Особенно важное значенiе имѣетъ 3-я глава — характеристика пѣхотнаго боя.

Бой можетъ длиться очень долго, и различные его фазисы связываются между собою въ одно цѣлое съ перерывами на протяженiи нѣсколькихъ дней, часто даже недѣль, во время которыхъ выдвинутые впередъ участки находятся въ состоянiи обороны. Часто атака возобновляется послѣ продолжительной обстановки, которая потребовалась для введенiя въ бой новыхъ средствъ, или въ ожиданiи выполненiя стратегическаго или тактическаго маневра, предпринятаго на другомъ участкѣ боевого порядка. Поэтому схема пѣхотнаго боя по уставу не подразумѣваетъ обязательно, что разныя стадiи боя непрерывно слѣдуютъ одна за другой и что одни и тѣ же войска ведутъ весь бой отъ начала до его конца.

Атаковать это всегда значитъ *продвигаться впередъ отъ одного объекта дѣйствiй къ другому въ назначенномъ направленiи.*

Въ своемъ цѣломъ бой выражается въ продвиженiи пѣхоты отъ одной исходной базы, которою она твердо владѣетъ, къ слѣдующей, для дальнѣйшаго движенiя въ тѣхъ же условiяхъ, что и на исходной базѣ. Исходная база можетъ быть вполнѣ организована или — представлять простое закрытiе.

Протяженiе этихъ послѣдовательныхъ этаповъ наступленiя находится въ зависимости отъ сопротивленiя, оказываемаго атакѣ и отъ могущества употребленныхъ противникомъ средствъ. За полосой, на которой онъ сосредоточилъ свои главныя средства противодѣйствiя, указанiе дальнѣйшихъ объектовъ дѣйствiя можетъ даже исчезнуть и быть замѣнено указанiями направленiя:

Главныя фазы пѣхотнаго боя таковы:

1. подходъ (l'approroche)
2. установленiе соприкосновенiя съ противникомъ (la prise de contact)
3. атака (включая приступъ или штурмъ — l'assaut).
4. обезпеченiе за собою захваченной мѣстности или эксплоатацiя успѣха.

Подходъ бываетъ двоякiй: или ранѣе всякаго соприкосновенiя съ пѣхотою противника, или онъ происходитъ позади нашихъ войскъ, уже вступившихъ въ таковое.

При подходѣ пѣхота не открываетъ своего собственнаго огня, или потому что она не страдаетъ отъ огня непрiятельской пѣхоты или потому, что этому мѣшаютъ расположенныя впереди наши войска. Но пѣхота принимаетъ всѣ предосторожности противъ артиллерiйскаго огня и аэроплановъ, а иногда и отъ огня пулеметовъ, стрѣляющихъ на большое разстоянiе.

Установленіе соприкосновенія отмѣчается необходимостью для головныхъ частей пѣхоты развернуться, чтобы отвѣчать на огонь противника: продвиженіе впередъ не можетъ достигаться иначе, какъ комбинируя движеніе съ огнемъ, настолько внушительнымъ, насколько это требуется сопротивленіемъ встрѣченныхъ элементовъ врага. Первый (головной) эшелонъ пѣхоты постепенно ввязывается цѣликомъ въ настоящій бой для точнаго опредѣленія соприкосновенія съ противникомъ, т. е. для выясненія на мѣстности расположенія, свойства и силы находящихся передъ нимъ частей противника.

Атака есть совокупное дѣйствіе войскъ, имѣющее цѣлѣ сломить врага, съ которымъ установлено соприкосновеніе. Ей, предшествуетъ развертываніе боевыхъ средствъ, предпринятое еще ранѣе или ускоренное подъ вліяніемъ противника.

Приступъ есть жестокій (violent) и рѣшительный кризисъ атаки. Онъ можетъ имѣть мѣсто и съ началомъ атаки, если подходъ и установленіе соприкосновенія были произведены на короткомъ разстояніи. Во всякомъ случаѣ, приступъ есть неизбѣжный конецъ атаки, если воля противника не поддалась предшествующему дѣйствію атаки.

У наступающаго предполагается наличіе вполнѣ созрѣвшей воли, чтобы сойтись на штыкъ, если *маневръ* и *угроза* (la menace) окажутся недостаточно убѣдительными для врага и чтобы водвориться на той самой мѣстности, которую онъ занимаетъ.

Короткіе и свирѣпые эпизоды приступа могутъ повторяться неоднократно въ теченіе одной и той же атаки и не привлекая вниманія обязательно въ то же время всего перваго эшелона наступающаго. Приступъ представляетъ картину общаго порыва всѣхъ атакующихъ войскъ въ томъ случаѣ, если противникъ сосредоточилъ свое сопротивленіе на данной линіи, непосредственной близости которой первый эшелонъ достигъ повсюду.

Вообще это сопротивленіе распредѣляется по ширинѣ и въ глубину. Отсюда вытекаетъ надобность частныхъ приступовъ, предпринимаемыхъ въ свое время соотвѣтствующими частями пѣхоты атакующаго.

Атака есть перенесеніе впередъ огня, чередующаяся съ приступами и продолжающаяся до назначенной цѣли.

Когда «атака» *) овладѣетъ предметомъ своего дѣйствія, пѣхота очищаетъ его отъ противника, его занимаетъ, организуетъ, обезпечиваетъ за собой и поддерживаетъ соприкосновеніе съ противникомъ въ назначенномъ направленіи.

---

*) т. е. совокупность всѣхъ боевыхъ средствъ той стороны, которая атакуетъ.

Эксплоатацiя успѣха вызываетъ новые бои для выясненія, отступаетъ ли противникъ въ порядкѣ, или она выражается преслѣдованіемъ безъ отсрочки, намѣчая его полное разстройство или его сдачу, если онъ обращенъ въ безпорядочное отступленіе или въ бѣгство.

Въ слѣдующемъ, II-мъ отдѣлѣ, даются подробныя положенія *о боѣ наступательномъ* тактическихъ единицъ пѣхоты, начиная отъ дивизіи и до отдѣленія и одиночнаго бойца. Въ предыдущемъ отдѣлѣ дана общая схема пѣхотнаго боя, здѣсь детальныя указанія для всѣхъ тактическихъ единицъ: бой дивизіи, полка, батальона, роты, взвода, основной ячейки-группы, отдѣленія, входящаго въ составъ группы, и, наконецъ — одиночнаго бойца или стрѣлка, и — въ указанной послѣдовательности, отъ большаго къ меньшему и, по мѣрѣ уменьшенія единицъ, уточняются уставныя указанія. Бою дивизіи въ уставѣ предоставлено — три страницы, а бою батальона — 13 страницъ, — взвода — 8 страницъ.

Уставъ не могъ обойтись безъ схематизаціи пѣхотнаго боя и боевого порядка пѣхоты. Это нужно было главнымъ образомъ для облегченія обученія войскъ.

Война есть искусство, которое подчиняется опредѣленнымъ принципамъ, выведеннымъ изъ опыта, но боевая обстановка, на практикѣ, разнообразна до безконечности. Она никогда не повторяется въ точности. Моральное состояніе своихъ войскъ и противника, рельефъ мѣстности, условія физическія и атмосферныя, средства, которыми располагаетъ каждая сторона, размѣры поля дѣйствія — комбинація всѣхъ этихъ данныхъ даетъ постоянное разнообразіе обстановки боя, и потому, какъ замыселъ боя, такъ и весь ходъ его, должны быть столь же разнообразны, какъ и тѣ условія, среди коихъ всякій бой возникаетъ и развивается.

Это важно не только для полка и батальона, но еще болѣе — для малыхъ тактическихъ единицъ. Ни на какой ступени іерархіи нельзя допустить оправданіе рѣшенія, заимствованнаго цѣликомъ изъ прошлаго или ссылающагося на текстъ или кроки оффиціальнаго руководства. Въ области тактики уставные тексты служатъ для обученія исполнителей, но никакъ не для ихъ оправданія.

Но, съ другой стороны, если редакція уставовъ была бы достаточно широка, чтобы охватить всѣ возможные случаи, она оказалась бы вынужденною ограничиться неопредѣленно общими мѣстами и осторожными формулами. Такой уставъ былъ бы вразумителенъ только для нѣкоторыхъ офицеровъ, способныхъ извлекать изъ своихъ военныхъ воспоминаній или изъ военно-научныхъ примѣровъ конкретные случаи для установленія техническихъ пріемовъ боевого руководства. Большин-

ство же не представляло бы себѣ боя въ его живой реальности, и многіе начальники, удостовѣряя эту недостаточность устава, не преминули бы оживить его текстъ цифрами и кроки, отвѣчающими среднимъ случаямъ.

Наконецъ, въ защиту схемы можно сказать, что часто офицеръ призывается неожиданно и при весьма тяжелыхъ обстоятельствахъ къ управленію войсковою частью въ бою, къ каковому онъ не былъ подготовленъ ни изученіемъ дѣла ранѣе, ни размышленіемъ о немъ. Часто усталость и боевыя волненія въ первой линіи усыпляютъ ясность ума: это тѣ случаи, когда распоряженія отдаются какъ бы рефлективно — на основаніи ранѣе пріобрѣтенной опытности въ этомъ дѣлѣ.

По этимъ соображеніямъ, въ уставѣ текстъ, относящійся до боевого порядка роты, снабженъ пояснительными чертежами. Но при этомъ нужно помнить: что означенныя схемы даются въ качествѣ примѣровъ, а вовсе не какъ основные типы боевого порядка; что дистанціи и интервалы, указанные въ схемахъ, могутъ измѣняться въ обѣ стороны, что число эшелоновъ (участковъ) и число группъ въ эшелонѣ могутъ также измѣняться. При обученіи по установленнымъ схемамъ, послѣ перваго показа, нужно основныя тактическія группы строго примѣнять къ мѣстности, на которой ведется бой.

Рота всегда обладаетъ одними и тѣми боевыми элементами, батальонъ, въ дополненіе, имѣетъ различныя средства: пулеметы, разные метательные приборы и проч. Поэтому боевое использованіе средствъ батальона еще болѣе сложно и разнообразнѣе, нежели роты. На этомъ основаніи уставъ снабженъ чертежемъ боевого порядка батальона и напоминаетъ, что всякая схема должна быть примѣнена къ мѣстности; уставной чертежъ боевого порядка батальона выполненъ на топографическомъ планѣ участка дѣйствительной мѣстности.

Уставъ такъ опредѣляетъ цѣль наступательнаго боя.

«Ст. 129. Цѣль наступательнаго боя — достигнуть *разстройства силъ противника*, послѣдовательно овладѣвая позиціями, организованными имъ или неорганизованными, которыя онъ намѣревается сохранить за собой. Бой не оконченъ до тѣхъ поръ, пока проявляется сопротивленіе, указывающее, что разстройство противника не полное.

«Ст. 130. Существуетъ два элемента наступленія: *огонь и движеніе:* огонь — единственная данная, посредствомъ которой ведется борьба съ системою огня противника; движеніе — единственный рѣшительный факторъ; единственный вѣрный показатель успѣха.

«Каковъ бы ни былъ видъ, который можетъ придать борьбѣ употребленіе техническихъ приборовъ (des engins) извѣстныхъ или какихъ-либо новыхъ, выигрышъ или потеря сраженія всегда опредѣляются однимъ: пѣхота продвигается впередъ или отступаетъ.

«Однако нужно во что бы то ни стало наступать. Для этого, вопреки сопротивленію противника, нужно своимъ огнемъ помѣшать ему получить изъ системы огня, которую онъ намѣтилъ (du système de feux qu'il a préparé) результатъ, на который онъ расчитываетъ: *нужно обладать превосходствомъ своего огня.*

«Когда огонь противника разстроенъ, движеніе возможно въ виду его со слабыми потерями. Это первый результатъ, котораго нужно добиваться. Если этого не достигнуто, нельзя надѣяться довести бой до счастливаго исхода.

«Задача наступленія сводится, такимъ образомъ, къ тому, чтобы добиться возможности направлять и использовать движеніе пѣхоты впередъ.

Во второй главѣ II-го отдѣла говорится *о боѣ дивизіонной пѣхоты**). Интересна ст. 138 — *о роли начальника дивизіонной пѣхоты* (du commandant de l'infanterie divisionnaire) Роль его — *вести бой пѣхоты* для выполненія *маневра*, задуманнаго и производимаго начальникомъ дивизіи. Онъ получаетъ оперативный приказъ и держится въ курсѣ всѣхъ намѣреній начальника дивизіи.

Онъ находится достаточно близко линіи огня, чтобы имѣть возможность быстро освѣдомляться, и — настолько далеко, чтобы избѣгать непосредственныхъ послѣдствій частныхъ боевыхъ инцидентовъ. Его боевой постъ долженъ обезпечивать быструю вѣрную связь съ начальникомъ дивизіи, съ начальникомъ группъ артиллеріи «прямой поддержки»**) и съ командирами пѣхотныхъ полковъ (les colonels d'infanterie).

Если дивизіонный генералъ не установилъ, то онъ опредѣляетъ задачу каждаго полка, разграничиваетъ ихъ зоны и распредѣляетъ между ними артиллерійскія части и роты тан-

---

*) Combat de l'infanterie divisionnaire — это выраженіе нѣсколько рѣжетъ наше ухо, но не нужно забывать, что дивизія по французской организаціи есть тактическое соединеніе всѣхъ родовъ войскъ, а въ мирное время нынѣ, съ проектомъ упраздненія корпусной организаціи, является и высшей организаціонной единицей.

**) d'artillerie d'appui direct — артиллерія назначенная для содѣйствія пѣхотѣ.

ковъ (les compagnies de chars), предоставленныя въ его распоряженіе. Онъ сообщаетъ начальникамъ этихъ частей отданныя имъ приказанія.

Онъ освѣдомляетъ командировъ полковъ о резервахъ, которые онъ намѣревается образовать и — о тѣхъ, которые будутъ находиться въ распоряженіи начальника дивизіи: командиры полковъ назначаютъ нужныя части и направляютъ ихъ въ предписанныя мѣста. Начальники этихъ частей немедленно устанавливаютъ связь съ начальниками, въ распоряженіе которыхъ назначены, и принимаютъ ихъ непосредственныя приказанія. Онѣ продолжаютъ получать снабженіе отъ своихъ полковъ.

«Начальникъ дивизіонной пѣхоты устанавливаетъ порядокъ употребленія тѣхъ техническихъ средствъ, которыя работаютъ для всего дивизіоннаго фронта атаки, равно какъ, и пулеметныхъ группъ, дѣйствующихъ косымъ огнемъ (agissant par tir indirect.) *)

«У него сосредотачиваются всѣ свѣдѣнія о продвиженіи пѣхоты. Онъ даетъ чувствовать свой импульсъ въ теченіе всей продолжительности боя, координируя дѣйствія полковъ и вмѣшиваясь въ эпизоды, которые не могутъ быть разрѣшены ими самими.

«Онъ используетъ свой резервъ цѣликомъ или по частямъ или предоставляя его въ распоряженіе одного изъ полковъ боевой части или давая ему самостоятельную боевую задачу, во время исполненія которой резервъ зависитъ непосредственно отъ него.

Онъ отвѣтственъ передъ начальникомъ дивизіи за выставленіе аванпостовъ и за сохраненіе соприкосновенія съ противникомъ.

Въ случаѣ надобности онъ возбуждаетъ вопросъ о боевыхъ приказаніяхъ для той артиллеріи, которая не имѣетъ прямой связи съ пѣхотою, чтобы дать ей указанія о производствѣ стрѣльбы, усиленіи или прекращеніи огня.

Въ послѣдующихъ главахъ этого отдѣла даются указанія для боя всѣхъ тактическихъ единицъ, отъ большихъ къ меньшимъ, отъ полка и до основной группы или ячейки, на которую подраздѣляется взводъ. Этимъ указаніямъ предпосылается руководящее замѣчаніе о томъ, что уставъ даетъ принципы, но не подробности веденія боя: одни принципы непреложны, условія же ихъ примѣненія измѣняются до безконечности; лучшія условія тѣ, которыя наиболѣе надежно ведутъ къ цѣли. Это пе-

*) Уставъ предусматриваетъ боевое употребленіе пулеметныхъ батарей (ст. 51 части II), стрѣляющихъ прямымъ огнемъ черезъ головы своей пѣхоты или въ узкіе интервалы между пѣхотными частями и косымъ огнемъ на разстояніе до 3.500 метровъ (почти 3½ версты).

рефразировка стараго нашего изреченія, еще Петра Великаго: «Въ законахъ порядки писаны, а времени и случаевъ нѣтъ. По нуждѣ и закону примѣненіе бываетъ. Не держись закона (устава), какъ слѣпой стѣны».

О маневрѣ полка рельефно говоритъ *ст. 148:*

> «Полковникъ *) никогда не теряетъ изъ вида капитальной важности маневра въ бою.
>
> Идея маневра должна быть съ полною ясностью сообщена начальникамъ всѣхъ подчиненныхъ единицъ, чтобы они могли дѣйствовать осмысленно.
>
> Маневръ подготовляется:
>
> — распредѣленіемъ по фронту и эшелонированіемъ въ глубину атакующихъ частей сообразно важности усилій, которыя имъ предъявляются.
>
> — выборомъ мѣста и состава резервовъ и назначеніемъ направленія для ихъ движенія.
>
> «Полковникъ старается выяснить тѣ участки фронта, гдѣ противникъ не можетъ развернуть столько средствъ, какъ онъ самъ, а также тѣ участки, овладѣваніе которыми способно повлечь за собою колебаніе или паданіе сосѣднихъ участковъ непріятельскаго расположенія. По этимъ соображеніямъ онъ избираетъ пункты, на которые будетъ направлено его главное усиліе.
>
> *Онъ устраняетъ изъ своихъ комбинацій предпріятія сложныя или трудно осуществимыя подъ огнемъ противника.*
>
> Чтобы лучше дѣйствовать на всемъ фронтѣ онъ парализуетъ пункты, сильно удерживаемые противникомъ, подвергая ихъ мощному артиллерійскому и пѣхотному огню.
>
> Для немедленнаго использованія послѣдствій перваго успѣха, онъ притягиваетъ часть своего резерва къ тому боевому участку, болѣе быстрое продвиженіе котораго обнаруживаетъ зону меньшаго сопротивленія. Онъ, однако, бережно расходуетъ свой резервъ, который можетъ ему оказаться необходимымъ для развитія боя такъ, какъ онъ его замыслилъ.
>
> Границы боевыхъ участковъ полка и батальоновъ не имѣютъ строгихъ очертаній (n'ont rien de rigide); начальникъ не долженъ колебаться провести свои боевые элементы черезъ зону сосѣдней части, если это необходимо, чтобы правильно выполнить свою соб-

---

*) во французской арміи чинъ строго соотвѣтствуетъ должности.

ственную задачу; онъ принимаетъ мѣры, чтобы не мѣшать маневру этой части».

Основою тактическихъ комбинацій пѣхоты въ бою является батальонъ. Это есть небольшая единица, маневръ которой въ бою можетъ *лично* руководить начальникъ-командиръ батальона. По этой причинѣ батальонъ почти всегда остается объединеннымъ подъ начальствомъ своего командира, и онъ снабженъ всѣми техническими средствами для веденія самостоятельнаго пѣхотнаго боя.

Батальонъ состоитъ изъ командной группы при командирѣ (по нашему — «связь»), трехъ ротъ стрѣлковъ, пулеметной роты и взвода вспомогательныхъ орудій *).

Въ то время, какъ командиръ полка маневрируетъ въ бою съ одинаковыми элементами (батальонами), которые дѣйствуютъ рядомъ другъ съ другомъ, но въ различныхъ полосахъ мѣстности, командиръ батальона управляетъ различными элементами (ротами стрѣлковъ, пулеметами, часто танками, орудіями и метательными приборами), которые дѣйствуютъ совмѣстно на одной общей мѣстности. Другая сторона его роли заключается въ томъ, что ему приходится озаботиться соучастіемъ (la coopération) въ достиженіи общей задачи элементовъ, снабженныхъ *разною матеріальною частью.*

Боевому порядку батальона посвященъ рядъ статей:

«182. При открытомъ подходѣ къ полю сраженія головной батальонъ имѣетъ задачу авангарда и на его обязанности лежитъ войти въ соприкосновеніе съ противникомъ.

«183. Обыкновенно батальонъ принимаетъ порядокъ въ видѣ фигуры *ромба (*du losange): одна рота, подкрѣпленная нѣсколькими пулеметами, выдвигается впередъ и достаточно разворачивается для прикрытія всего батальона; двѣ другія роты составляютъ второй эшелонъ, выходящій болѣе или менѣе за фланги первой роты, для прикрытія ихъ и для использованія всей полосы по ширинѣ, предоставленной батальону; главная часть пулеметной роты составляетъ третій эшелонъ.

«Но двѣ послѣднія роты стрѣлковъ и пулеметная могутъ двигаться и одна за другой.

«184. Если фронтъ для развѣдки и прикрытія слишкомъ широкій или мѣстность слишкомъ пересѣченная, чтобы его можно было поручить од-

*) состоитъ изъ 37 м. м. пушекъ и изъ легкихъ „пѣхотныхъ" мортиръ. Эти взводы только нынѣ вводятся въ составъ французской пѣхоты.

ному ротному командиру, тогда батальонъ принимаетъ порядокъ, исходящій изъ *двойной сомкнутой колонны**). Отъ обѣихъ ротъ перваго эшелона высылается впередъ нужное число взводовъ. Въ зависимости отъ обстановки, одна рота назначается направляющей, или каждой изъ нихъ дается направленіе на предметъ, обезпечивающій имъ параллельное движеніе. Третья рота и главная часть пулеметной образуютъ второй эшелонъ. Эти роты двигаются рядомъ или одна изъ нихъ обрамляется частями другой. Приданныя батальону орудія двигаются со вторымъ эшелономъ или сзади его.

«*185.* На мѣстности, на которой средняя видимость, батальонъ можетъ занимать пространство около 1.000 метровъ по фронту и 1.500 метровъ въ глубину: достаточно, чтобы части, которыя войдутъ въ соприкосновеніе съ противникомъ, могли безъ замедленія получить поддержку прочихъ и не рискуютъ очутиться изолированными въ первые моменты боя.

«*189.* При атакѣ кулакомъ (en bloc) съ исходнаго рубежа, командиръ батальона обыкновенно направляетъ двѣ роты въ головномъ эшелонѣ и роту — въ резервѣ.

Взводы пулеметовъ и, если имѣются приданныя орудія, двигаются при одномъ изъ эшелоновъ или сзади резерва, въ зависимости отъ ихъ тактической задачи.

Резервная рота наступаетъ:

— или по оси батальона;

— или внѣ оси; держась на одномъ изъ фланговъ участка, по разнымъ причинамъ (удобствъ движенія, фланговый батальонъ, движеніе на слабый пунктъ противника и т. п.).

Фронтъ обыкновенно отъ 300 до 400 метровъ для атаки хорошо устроенной позиціи; онъ можетъ достигнуть 800 метровъ на мѣстности слабо укрѣпленной.

Дистанція между ротами перваго эшелона и резерва обыкновенно отъ 200 до 400 метровъ — исключая случая короткаго уплотненія къ го-

*) la colonne double — соотвѣтствуетъ резервной колонѣ батальона по нашему уставу.

ловѣ передъ дебушированіемъ съ исходнаго рубежа.

Если фронтъ атаки узкій, если мѣстность ровная и открытая или если предвидится слабое сопротивленіе, можно назначить въ головной эшелонъ одну роту, двѣ другія — сзади рядомъ другъ съ другомъ или послѣдовательно.

«*190.* Командиръ батальона двигается въ головѣ своего резерва. Его командная группа наступаетъ въ томъ же порядкѣ, какъ и сосѣднія части, дабы не привлекать на себя ни вниманія, ни огня противника».

При дальнѣйшемъ развитіи боя*) всѣ усилія командира батальона должны быть направлены къ продвиженію впередъ посредствомъ постепеннаго *проиканія впередъ* стрѣлковыхъ группъ на *широкомъ фронтѣ*, не давая себѣ обмануться относительно дѣйствительной серьезности первыхъ сопротивленій и — подойти, на сколько возможно ближе, къ дѣйствительной позиціи противника. Онъ останавливается впервые, только будучи повсюду встрѣченъ превосходнымъ огнемъ.

Онъ постепенно держитъ полковника и сосѣдніе баталіоны въ курсѣ достигнутыхъ результатовъ и полученныхъ свѣдѣній о расположеніи врага. Онъ долженъ предусматривать возможныя контръ-атаки. Его резервъ, пулеметы и прочія техническія средства должны быть наготовѣ, по самому краткому приказанію, начать дѣйствовать по угрожаемымъ направленіямъ.

При атакѣ сразу съ исходнаго рубежа, батальоный командиръ слѣдуетъ близко за атакующими ротами и не теряетъ изъ вида исполненіе задачи, обезпечивая таковое предположеннымъ маневромъ. Нужно имѣть въ виду, что, въ дѣйствительности, на нѣкоторыхъ пунктахъ сильное противодѣйствіе противника помѣшаетъ развитію атаки согласно сдѣланныхъ предположеній.

Въ этомъ случаѣ, огонь пулеметовъ и батальонныхъ орудій, массивно сосредоточенный по выясненнымъ узламъ сопротивленія, принимаетъ характеръ настоящей огневой подготовки. Подъ покровительствомъ этого огня, стрѣлковыя группы, используя благопріятныя складки мѣстности и лощины, стараются продолжать продвигаться впередъ, обтекая по флангамъ встрѣченнаго препятствія.

Когда фланговый маневръ не можетъ развиться, возникаетъ необходимость фронтальнаго штурма. Подготовительный огонь останавливается въ назначенный часъ или по установ-

*) ст. ст. 191 - 194 устава.

ленному сигналу; если нужно, то по инициативѣ начальниковъ, ведущихъ огонь, которые должны быть всегда внимательны къ тому, чтобы не мѣшать продвиженію впередъ пѣхотныхъ группъ.

Такимъ образомъ дается окончательный толчекъ къ штурму.

Когда первый эшелонъ смѣло проникъ впередъ, пренебрегая нѣкоторыми узлами, обойденными съ фланговъ, но еще не взятыми, нужно особенно опасаться пулеметнаго огня противника, открываемаго во флангъ. Этой опасности избѣгаютъ мѣрами, спеціально предпринимаемыми для «очистки» позиціи противника *), и если части, спеціально для очистки назначенныя, не слѣдуютъ непосредственно за первымъ эшелономъ, то такая «очистка» (le nettoyage) возлагается на слѣдующіе сзади эшелоны боевого порядка батальона, или на резервы, которые штурмуютъ означенные узлы преимущественно съ фланга или въ тылъ.

Продвиженіе батальона первой линіи (или эшелона) послѣ прорыва укрѣпленнаго фронта противника, ведется до первыхъ позицій его легкой артиллеріи. Обойденныя батареи противника немедленно выводятся изъ боя.

Слѣдующая глава V, содержитъ указанія *о боѣ роты.* Столь же тщательно и детально, точною формулировкою, говорится о роли командира роты въ бою, его распоряженіяхъ объ атакѣ, о предварительныхъ передъ атакой мѣрахъ, о боевомъ порядкѣ роты до соприкосновенія съ противникомъ, объ установленіи этого соприкосновенія, о подходѣ подъ прикрытіемъ своихъ войскъ, уже ведущихъ бой, объ атакѣ прямо съ исходнаго рубежа, объ обезпеченіи за собою захваченной позиціи, объ эксплоатаціи достигнутаго успѣха, объ употребленіи ротнаго резерва, о боевомъ снабженіи роты, объ указаніяхъ для роты второй и слѣдующихъ линій.

Головная рота, *до соприкосновенія съ противникомъ,* можетъ освѣщать фронтъ шириною отъ 300 до 500 метровъ и быть впереди отъ ротъ второго эшелона на 500-600 метровъ (ст. 210).

Въ этотъ періодъ движенія порядокъ роты имѣетъ видъ *ромба,* если мѣстность открытая и если фронтъ движенія роты не слишкомъ растянутъ. Въ головѣ двигается взводъ, на 300 метровъ впереди прочихъ; ему могутъ быть приданы конные развѣдчики.

Такой порядокъ легко измѣняется въ порядокъ для атаки, когда въ *огневой эшелонъ* можетъ быть введенъ отъ 1 до 3 взводовъ:

---

*) la mission de nettoyage des îlots de résistance — задача „очистки" узловъ сопротивленія возлагается на спеціально назначенныя части, которыя, для выполненія своей задачи, ведутъ самостоятельные частные бои — см. ст. ст. 341 и 342 устава.

«*218.* Обыкновенный боевой порядокъ для атаки состоитъ изъ двухъ эшелоновъ: *огневой эшелонъ (*l'échelon de feu*)* и *резервный эшелонъ (*l'échelon de réserve). Это эшелонированіе въ глубину облегчаетъ управленіе въ бою и сохраняетъ роту въ порядкѣ и въ должномъ направленіи; оно уменьшаетъ уязвимость роты, способствуетъ постепенному усиленію огневого эшелона и производству маневра.

Этотъ порядокъ долженъ приниматься во всѣхъ обстоятельствахъ боя.

«219. *Капитанъ* (Le capitaine) *устанавливаетъ свой огневой эшелонъ, назначая въ него такое число взводовъ, которое онъ считаетъ необходимымъ, для достиженія на всемъ своемъ фронтѣ превосходства огня.*

«Онъ принимаетъ въ разсчетъ протяженіе фронта, рельефъ мѣстности и важность тѣхъ препятствій, которыя онъ предполагаетъ скрытыми.

«Величина огневого эшелона должна быть въ соотвѣтствіи съ эшелонированіемъ въ глубину боевого порядка роты, основанномъ на значительной дѣйствительности автоматическихъ орудій, имѣя въ виду, что стрѣльба ихъ имѣетъ характеръ временный или является стрѣльбой опорной. (le tir des autres armes n'étant qu'un tir éventuel ou un tir d'appoint).

«Чтобы располагать достаточно могущественнымъ огнемъ, капитанъ имѣетъ надобность, для фронта своего боевого порядка, который обыкновенно ему назначается, только въ части своихъ автоматическихъ орудій; *поэтому, онъ можетъ очень долго сохранить глубину боевого порядка своей роты.* Только потери и необходимости соблюдать превосходство огня приведутъ къ тому, чтобы постепенно включать другіе эшелоны въ огневой.

«Въ каждомъ взводѣ и въ каждой группѣ огневого эшелона, соотвѣтствующее развертываніе предпринимается такъ, чтобы огню противопоставить огонь и пользоваться каждымъ перерывомъ непріятельскаго огня для немедленнаго продвиженія впередъ.

«220. Основываясь на протяженіи пятидесяти метровъ *) между автоматическими орудіями, капитанъ, вообще, ставитъ на своемъ фронтѣ *такое ихъ число, чтобы впереди роты не было никакого не обстрѣливаемаго пространства и чтобы интенсивный огонъ могъ быть направленъ немедленно безъ предварительнаго маневра, на всякій опасный или подозрительный пунктъ.*

«При такомъ подсчетѣ, группы стрѣлковъ располагаютъ достаточнымъ пространствомъ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать и оставаться мало уязвимымъ; онѣ достаточно сближены между собою, чтобы видѣть другъ друга, оказывать взаимную поддержку и *помѣшать всякому проникновенію между ними.*

«225. *Для атаки опорнаго пункта, сильно организованнаго* (fortement organisé) исходный фронтъ роты опредѣляется около 200 метровъ. Онъ можетъ быть увеличенъ, если противникъ не имѣлъ времени солидно закопаться.

«Боевой порядокъ, какъ и раньше, имѣетъ два или три взвода въ огневомъ эшелонѣ и, по крайней мѣрѣ, одинъ взводъ въ резервномъ эшелонѣ. Пулеметы составляютъ части этого эшелона или за нимъ слѣдуютъ.

«Дистанція между обоими эшелонами роты отъ 50 до 150 метровъ.

«Если исходный рубежъ не имѣетъ глубины, нужно временно сомкнуть оба эшелона одинъ къ другому, чтобы оба ихъ прикрыть. Въ этомъ случаѣ они дебушируютъ одновременно и на ходу принимаютъ должную дистанцію между собою».

При послѣдующемъ наступленіи**) къ пункту атаки, ротный командиръ стремится возможно быстрѣе побороть мѣстныя препятствія, связывая дѣйствія своей роты, съ работой артиллеріи и танковъ, стараясь, чтобы рота однимъ порывомъ (qu'elle enléve d'un seul élan) преодолѣла все пространство между исходнымъ рубежемъ и первой намѣченной линіей остановки.

Если группы перваго эшелона могли исполнить свою миссію, не вынуждая капитана расходовать группъ второго эшелона, въ такомъ случаѣ онѣ занимаютъ главные пункты достиг-

*) „Указанный размѣръ не имѣетъ другой цѣли, какъ опредѣлить идею; онъ можетъ быть широко измѣняемъ".

**) ст. ст. 229-234 Устава.

нутой позиціи, тогда какъ группы второго эшелона, и, если, имѣются партіи «чистильщиковъ» (les fractions de nettoyeurs) овладѣваютъ обойденными узлами.

При возобновленіи движенія, первый эшелонъ, если нужно — усиленный, направляется къ слѣдующему предмету своихъ дѣйствій. Капитанъ заботится о продленіи боевого напряженія своей роты, слѣдя за тѣмъ, чтобы второй эшелонъ не влился *преждевременно* въ первый.

Основныя боевыя ячейки замѣняются только на предѣлѣ почти полнаго своего исчезновенія. Ихъ число увеличивается только при надобности усиленія огня. *Ячейка, уменьшившаяся до состава одного своего автоматическаго оружія съ нѣсколькими людьми способна еще къ развитію сильнаго огня.*

Однако, можетъ случиться, что значительность потерь или какая-либо иная причина вынуждаютъ соединить оба эшелона въ одинъ. Если возможно, капитанъ возстанавливаетъ второй эшелонъ, удерживая на мѣстѣ нѣкоторыя группы, наиболѣе пострадавшія, или формируя временную группировку изъ элементовъ, разсѣянныхъ перепетіями боя.

«Если онъ былъ вынужденъ израсходовать резервъ до послѣдняго человѣка, онъ самъ со своею командною группою направляется въ огневой эшелонъ и руководитъ группами, съ которыми онъ въ непосредственной связи. *Его главная забота должна быть въ томъ, чтобы помѣшать своей ротѣ сойти совсѣмъ на нѣтъ*).*»

Дѣло командира батальона, освѣдомленнаго въ томъ, что въ ротѣ нѣтъ болѣе резерва, судить, на основаніи общаго положенія о боѣ, какое усиліе должна еще рота проявить и когда настанетъ моментъ ее подкрѣпить или замѣнить другою частью.

Если рота вынуждена остановиться, ротный командиръ изслѣдуетъ позицію противника и старается выяснить ея сильные и слабые пункты. Онъ держитъ противника подъ огнемъ, чтобы облегчить сосѣднимъ частямъ продвиженіе впередъ; этого наступленія часто достаточно, чтобы пало встрѣченное препятствіе, и остановленная рота могла возобновить движеніе.

Огонь роты можетъ быть подкрѣпленъ напряженнымъ огнемъ пулеметовъ, которые сопровождаютъ роту въ бою, и — огнемъ прочихъ техническихъ средствъ батальона.

Если ротный командиръ неожиданно теряетъ соприкосновеніе съ противникомъ, онъ старается немедленно его возстановить и — прежде всего — посредствомъ движенія впередъ. При этомъ, на мѣстности пересѣченной и закрытой, движеніе роты обезпечивается нѣсколькими группами, дѣйствующими въ качествѣ патрулей.

---

*) см. ст. 231.

При непредвидѣнной остановкѣ первыя распоряженія должны быть направлены къ организаціи системы перекрестнаго огня, непосредственно обезпечивающаго полное загражденіе движенію врага.

Столь же подробныя указанія даются уставомъ въ послѣдующихъ главахъ для боя взвода и основной группы стрѣлковъ, на которыя взводъ подраздѣляется.

Въ виду особаго интереса этихъ указаній, выдержки изъ нихъ будутъ даны въ слѣдующей статьѣ объ уставѣ, гдѣ придется отмѣтить о тактикѣ танковъ, которой посвящается отдѣльная VIII глава разсматриваемаго отдѣла устава. Для той же статьи остается ознакомленіе съ послѣднимъ — третьимъ отдѣломъ устава — объ оборонѣ мѣстности.

Произведенный обзоръ свидѣтельствуетъ о глубокой идейности, которая характеризуетъ всю боевую подготовку французской пѣхоты. Пѣхота несетъ главную тяжесть боя. Она физически и морально треплется въ бою съ большой поспѣшностью. Поэтому болѣе чѣмъ для всякаго другого рода войскъ необходимо предотвратить для пѣхоты возможность лишнихъ движеній, продолжительныхъ ожиданій, перемѣны приказаній — словомъ всего, что можетъ породить усталость, неоправдываемую сущностью боя, или возбудить колебанія въ непосредственномъ управленіи пѣхотными частями.

Необходимо пѣхотѣ обезпечить постоянную поддержку, что достигается эшелонированіемъ частей въ глубину и ихъ огневыми средствами.

Подъ огнемъ пѣхота не можетъ маневрировать густыми боевыми порядками. Какъ только она входитъ въ полосу дѣйствія непріятельскаго огня, она должна разсредоточиться. Основная группа, состоящая изъ пулемета съ 12—15 стрѣлками, становится тогда базою боевыхъ порядковъ пѣхоты. Каждая такая группа продвигается впередъ отъ укрытія къ укрытію, или сомкнуто, или по частямъ, иногда по одиночкѣ, одинъ человѣкъ за другимъ, подчиняясь складкамъ мѣстности и происшедшимъ ослабленіямъ или перерывамъ огня противника.

Наличіе орудій автоматическаго боя создало механическій огонь, длительный и мощный, въ сравненіи съ прерывчатымъ и неровнымъ огнемъ стрѣлковъ. Но использованіе новаго оружія съ полною выгодою возможно только при условіи, если автоматическій огонь отлично направляется и управляется.

Нужна тщательная техническая подготовка каждаго солдата, чтобы онъ въ бою съумѣлъ въ полномъ размѣрѣ использовать высокія достоинства предоставляемыхъ ему средствъ борьбы. Не менѣе важенъ и высокій уровень всего командного персонала, отъ ефрейтора и капрала и до главнокомандующаго.

чтобы каждый изъ нихъ *идейно* соотвѣтствовалъ тѣмъ огромнымъ и разнообразнымъ средствамъ, изъ которыхъ слагаются нынѣ вооруженныя силы страны.

Этими двумя цѣлями проникнута каждая статья французскаго пѣхотнаго устава*). Онѣ же внушаютъ уставу глубокую идейную цѣльность его содержанія. «Атаковать повсюду также глупо, какъ и обороняться повсюду», говоритъ маршалъ Фошъ. Какъ и фронтъ цѣлой арміи въ операціи, такъ и фронтъ боевого порядка любого отряда должны представлять собою сочетаніе «шпаги и щита», т. е. сочетаніе участковъ атаки и обороны. Это дается идейною комбинаціей имѣющихся средствъ борьбы, т. е. искусствомъ замысла маневра и его выполненія. Въ этомъ и заключается тайна боевого управленія войсками.

Сергѣй Добророльскій.

*) Въ виду крайняго интереса французскаго устава, въ ближайшемъ будущемъ этотъ уставъ будетъ цѣликомъ переведенъ на русскій языкъ, заботами редакціи „Военнаго Сборника“.

КРИЗИСЪ ПѢХОТЫ.

Та коллосальная роль, какую сыграла во время мiровой войны техника (артиллерiя, танки, авiацiя, газы), а также и нынѣ все прогрессирующее ея развитiе, породило новыя мысли, новыя теченiя въ отношенiи роли пѣхоты въ современномъ сраженiи.

Ставятся вопросы: не отжила ли свой вѣкъ пѣхота и не является ли она, по существу, уже второстепеннымъ родомъ войскъ?

«Опытъ войны показалъ», говорятъ защитники новыхъ взглядовъ, «что техника всемогуща и пѣхота безъ содѣйствiя техники безсильна».

«Современная война есть борьба техническихъ силъ борящихся сторонъ».

«А разъ это такъ», продолжаютъ они, «зачѣмъ же содержать огромные контингенты пѣхоты, отвлекая тѣмъ самымъ миллiоны рабочихъ рукъ страны отъ производительнаго труда, затрачивая сверхъ того на содержанiе ихъ громадные капиталы, въ то время, когда съ большой пользой можно использовать послѣднiе на развитiе и усиленiе техническихъ войскъ, привлекая къ тому же значительно меньшее количество людского матерiала?»

Внимательно анализируя это теченiе, нельзя не признать, что, являясь по своему существу одностороннимъ, оно весьма чревато по своимъ послѣдствiямъ.

Односторонность заключается въ томъ, что апологеты его, повидимому, забываютъ, что *человѣкъ былъ, есть и будетъ основнымъ элементомъ боя* независимо отъ той или другой степени развитiя техники.

Побѣдителемъ во всѣ времена былъ и будетъ тотъ, кто раньше сломитъ моральную устойчивость врага.

Одной техникой нельзя разбить врага; нужно стройное сочетанiе физическихъ и моральныхъ силъ.

При равной техникѣ побѣдитъ тотъ, кто дольше сохранитъ моральную устойчивость и кто, увлекаемый жаждой побѣды, стремясь непосредственно встрѣтиться съ противникомъ, послѣднимъ нанесетъ ему физическiй ударъ.

Обезцѣнивая роль пѣхоты въ современномъ сраженіи, разсматриваемое теченіе по своему существу являтся крайне опаснымъ для той арміи, а слѣдовательно, и той страны, гдѣ оно привьется, найдя своихъ послѣдователей.

Ставя во главу угла технику, оно убиваетъ духъ активности.

«Не нужно больше героизма и самопожертвованія, ибо техника сдѣлаетъ все, чтобы оградить бойца отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и даже отъ смерти».

Это теченіе, повторяемъ, убьетъ духъ активности и героизмъ въ арміи, а слѣдовательно, и въ народѣ, ибо армію въ настоящее время составляетъ весь народъ.

Горе тому народу, который въ своемъ увлеченіи вручитъ свою судьбу техникѣ, хотя бы и высокаго развитія!

Придавая затронутому вопросу серьезное значеніе, мы предлагаемъ вниманію нашихъ читателей небольшую проникнутую горячей любовью къ основному, изъ вѣка въ вѣкъ, роду войскъ — пѣхотѣ статью генерала Écóchard изъ „La Revue d'infanterie“ 1922 г. «Кризисъ пѣхоты».

Можетъ ли въ дѣйствительности существовать какое либо сомнѣніе относительно могущества пѣхоты во время сраженія? Надлежитъ ли дѣйствительно допустить мысль, что развитіе силы огня уменьшило ея значеніе? Или же, наоборотъ, не слѣдуетъ ли скорѣе утверждать, что роль пѣхоты стала еще значительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ борьба сдѣлалась болѣе ожесточенной, чѣмъ прежде?

Не будемъ упоминать о длительныхъ періодахъ во время минувшей войны, въ продолженіи коихъ пѣхота запиралась въ настоящихъ крѣпостяхъ. Эти періоды были лишь промежутками между двумя сраженіями.

Настоящее сраженіе начинается и оканчивается непосредственнымъ дѣйствіемъ пѣхоты. Идетъ ли здѣсь рѣчь о всякаго рода маневренныхъ операціяхъ, которыя, полагаю, будутъ играть крупную роль въ будущихъ столкновеніяхъ, или же объ использованіи успѣха прорыва фронта . . . вездѣ и всегда пѣхота на первомъ планѣ, она ведетъ бой отъ начала и до конца.

На полѣ сраженія имѣется даже зона, которая принадлежитъ исключительно пѣхотѣ: зона эта пролегаетъ отъ линіи расположенія передовыхъ войсквыхъ частей (цѣпей) до крайней границы поражаемаго артиллеріей впереди позиціи пространства.

При поддержкѣ артиллеріи, или безъ оной, оба противника, рано или поздно, проникнутъ на то мѣсто дуэли, гдѣ пѣхотинецъ можетъ разсчитывать лишь на свое собственное ору-

жіе, дабы оттѣснить или остановить врага. Именно отъ подобнаго рода дуэлей пѣхоты и зависитъ, въ концѣ концовъ, судьба сраженія.

Все увеличивающаяся сила огня, вѣроятно, вынудитъ еще болѣе расширять фронты сраженій, увеличить глубину полосы наступленія и потребуетъ отъ пѣхоты большей маневренной гибкости. Въ то же время она представитъ болѣе серьезныя затрудненія для артиллеріи при открытіи ею огня по передовымъ непріятельскимъ линіямъ.

Необходимо учесть и то обстоятельство, что отступая, врагъ будетъ систематически разрушать пути сообщенія, что парализуетъ движеніе тяжелой артиллеріи наступающаго. Вопросъ этотъ разрѣшится лишь съ облегченіемъ матеріальной части, путемъ использованія «гусеницъ» (какъ танки). Въ силу этихъ соображеній, пѣхота не всегда будетъ имѣть возможность разсчитывать на поддержку артиллеріи, которую она привыкла до настоящаго времени получать; поэтому пѣхота чаще чѣмъ въ прежнее время, вынуждена будетъ сражаться, разсчитывая лишь на свои собственныя силы.

Какова бы ни была, впрочемъ, будущая эволюція пѣхоты, появится ли она на будущихъ поляхъ сраженія открытой или забронированной, медленной или быстрой, она будетъ родомъ войскъ вступающимъ въ непосредственный контактъ съ противникомъ*) и будетъ призвана совершить рѣшающее дѣйствіе, въ то время какъ заданіе всѣмъ остальнымъ родамъ войскъ постоянно будетъ въ зависимости отъ ея заданія, являющагося основнымъ.

Пѣхота всегда будетъ держать въ своихъ рукахъ участь сраженія; ея успѣхъ или неудачи всегда будутъ успѣхомъ или неудачей цѣлой арміи.

Конечно, форма дѣйствій измѣняется, ибо уже и теперь автоматическое оружіе, — оружіе пѣхотинца, еще болѣе чѣмъ артиллерійское орудіе, способствовало измѣненію вида войны.

Въ настоящее время считаютъ, что огонь является доминирующимъ факторомъ на полѣ сраженія. Однако, огонь не только не отмѣняетъ пѣхотный бой, онъ дѣлаетъ его лишь болѣе упорнымъ, болѣе сложнымъ и жестокимъ. И вотъ изъ того, что работа пѣхоты становится болѣе трудной, а ея назначеніе болѣе важнымъ, можно ли выводить заключеніе, что пѣхота должна избѣгать этой работы?

*) Я вовсе не забываю, что кавалерія, авіація, танки (если ихъ не причисляютъ къ пѣхотѣ) также вступаютъ въ непосредственный контактъ съ непріятелемъ и мои собратья этихъ родовъ войскъ пусть вѣрятъ, что часто въ этой статьѣ я ихъ соединялъ въ моей мысли съ братьями пѣхотинцами.

Въ виду ограниченности сроковъ службы, армія все болѣе и болѣе обращается въ вооруженный народъ и будетъ легко воспринимать идеи, зарождающіяся внѣ ея, что естественно будетъ отражаться на ея боеспособности. Это можетъ имѣть пагубныя послѣдствія, если они воздѣйствуютъ на духъ арміи, въ особенности же на очень чувствительный духъ пѣхоты, который, смотря по тому, воодушевляется ли онъ или слабѣетъ, совершаетъ чудеса или же плачевнымъ образомъ приводитъ къ неуспѣху наипрекраснѣйшіе планы; духъ пѣхоты есть вещь крайне деликатная.

По введеніи ружей системы Шаспо, защитники идеи слабости пѣхоты заявили, что въ будущемъ наступательныя дѣйствія пѣхоты, въ виду силы огня, невозможны; въ результатѣ они насъ привели къ пораженію (1870!). Теперь, забывая роль пѣхоты въ побѣдѣ 1918 года, въ которой, чтобы тамъ ни говорили, пальма первенства принадлежитъ ей, они заявляютъ, что пѣхота не способна ничего предпринять, если артиллерія предварительно не разрушитъ передъ ней всѣхъ препятствій. Учитывая грубую дѣйствительность поля битвы, что можно было бы ожидать отъ пѣхоты, которая сжилась бы съ той мыслью, что техника предназначена совершенно исключить борьбу пѣхоты и ея потери во время сраженія?

Военныя послѣдствія новѣйшаго прогресса техники не могли не быть использованы проповѣдниками идей отказа отъ развитія напряженія пѣхоты. Въ могуществѣ техники, увеличенномъ чудовищнымъ образомъ, они хотятъ видѣть не дополнительную силу для достиженія побѣды, а лишь возможность уменьшить рискъ. Перспективы, открываемыя ими, нужно сознаться, весьма обольстительны. Онѣ объясняютъ успѣхъ даннаго теченія и готовность его защищать. Человѣкъ всегда склоненъ надѣяться на скорѣйшее окончаніе, или, по крайней мѣрѣ, на уменьшеніе опасностей страданій. Если народъ уже страдалъ, какъ напр. нашъ, то притягательная для него сила обманчивыхъ иллюзій можетъ быть, до нѣкоторой степени, извинительной. Но тѣмъ болѣе становится необходимымъ возвысить голосъ, дабы предупредить объ опасности подобныхъ миражей тѣхъ, кои склонны повѣрить имъ. Не слѣдуетъ бояться напомнить уроки минувшей войны; война это актъ силы и выигрывается она только силой, силой матеріальной и моральной; побѣда будетъ принадлежать не тому, кто боится всякаго риска, а тому, кто можетъ лучше презирать его; излишнее желаніе избѣжать потерь ведетъ весьма часто къ увеличенію таковыхъ. Матеріальная сила должна работать въ сочетаніи съ моральной и это даетъ непреоборимую силу. Когда же они работаютъ въ противоположномъ направленіи, цѣна имъ будетъ нуль.

«Не нужно болѣе грудей подставленныхъ открытыми подъ непріятельскій огонь!»

«Матеріальная часть (механизмъ) замѣняетъ человѣка въ бою!»

Въ этихъ магическихъ формулахъ, мы узнаемъ опасный гласъ сиренъ, проповѣдующихъ пораженіе. Онѣ призываютъ къ наименьшему усилію, а затѣмъ начнутъ совѣтовать и совсѣмъ прекратить борьбу.

Нужно ли говорить, что голосъ сей исходитъ не изъ рядовъ пѣхоты? Довольно любопытно также констатировать, что всѣ старанія предохранить пѣхоту отъ потерь, избавить ее отъ работы, разсматриваемой какъ превосходящую ея силы, исходятъ почти всегда отъ лицъ, имѣвшихъ мало соприкосновенія съ пѣхотой во время войны, которыя не въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ ея боевой способности и которыя не могутъ похвалиться, что любятъ пѣхоту болѣе искренно, чѣмъ тѣ, кто въ продолженіи долгаго времени имѣлъ честь командовать пѣхотными частями.

Все же указанная опасность чрезвычайно реальна и должна быть устраненной. Но чтобы сохранить за пѣхотой боевой духъ, который далъ бы ей возможность на полѣ брани совершить все, на что она способна, не достаточно еще предохранять ее отъ всѣхъ наружныхъ ослабляющихъ вліяній. Надлежитъ убѣдить ее въ важности ея роли, придавая ей всѣ средства для наилучшаго выполненія этой роли.

Въ глазахъ тѣхъ, кто признаетъ лишь матеріальную силу, все должно быть принесено ей въ жертву. Все для матеріальной части, большой пожирательницы кредитовъ, большой пожирательности численнаго состава*); и наоборотъ — какъ можно меньше для пѣхоты, являющейся ничтожной матеріальной силой. Не важно, если бы пѣхота не была въ состояніи такимъ образомъ выполнить свою боевую роль; не важно, если даже не будетъ имѣть возможности обезпечить охрану слишкомъ большой матеріальной части, находящейся позади черезчуръ растянутыхъ фронтовъ . . .

Нѣтъ ни единаго пѣхотинца, который не понялъ бы необходимости изъятія въ достаточномъ количествѣ численнаго состава изъ родного ему рода войскъ для удовлетворенія будущихъ формированій частей и органовъ, важность и необходимость коихъ установилъ опытъ войны. Увеличеніе силы собственнаго огня пѣхоты позволяетъ ей съэкономить въ личномъ составѣ въ боевой линіи; съ другой же стороны она будетъ ра-

*) Число бойцовъ въ авіаціонномъ полку состава 1.370 лишь 80, тогда какъ изъ 2 456 человѣкъ состава пѣхотнаго полка число бойцовъ: 1941 (цифра проэкта закона о кадрахъ).

да усиленію тѣхъ родовъ войскъ, кои могутъ оказать ей существенное содѣйствіе. Въ особенности пѣхота будетъ готова уступить нѣсколько своихъ ротъ, для сформированія нѣсколькихъ новыхъ эскадрилій, хотя авіація, можетъ быть, и является самымъ дорогостоящимъ родомъ оружія. Пѣхотинецъ сознаетъ, что завоеваніе земли почти уже невозможно безъ завоеванія воздуха, и онъ любитъ видѣть многочисленные дружескіе аэропланы, парящіе надъ его головой.

Но все то, что пѣхота потеряетъ въ численномъ составѣ, должно быть пополнено качественно. Пѣхота должна сдѣлаться болѣе сильной, своею матеріальной частью, духомъ и качествомъ своего личнаго состава.

Пѣхота никогда не думала оспаривать могущество матеріальной части, воздѣйствіе которой никто болѣе ея на себѣ не испыталъ. Она желаетъ лишь использовать оную должнымъ образомъ. Она требуетъ, чтобы ей было придано въ собственность и безъ скупости матеріальная часть, которую только она одна можетъ обслуживать и при помощи коей она будетъ способна разрѣшить на полѣ битвы возлагаемыя на нее заданія. Такъ какъ роль пѣхоты является наиболѣе трудной, она имѣетъ право на то, чтобы ей было придано все необходимое. Не признать сего было бы двойной ошибкой: ошибкой не только тактической, но крупной моральной ошибкой. На пѣхотинца не можетъ повліять разсужденіе, направленное къ тому, чтобы его убѣдить будто бы разъ другіе рода войскъ работаютъ для него, онъ не имѣетъ надобности въ особенно сильномъ вооруженіи. Дабы возможно было потребовать отъ пѣхотинца полнаго напряженія, необходимо, чтобы онъ проникся сознаніемъ, что все было сдѣлано для его усиленія. Условіе сіе никогда не будетъ выполнено, если пѣхотинецъ увидитъ, что въ его рукахъ нѣтъ средствъ личной борьбы (вооруженіе), по меньшей мѣрѣ одинаковыхъ со средствами противника. Хотя и уменьшеннаго численнаго состава, пѣхота, однако, не должна быть до такой степени эгоистична, чтобы претендовать на хорошій подборъ людей исключительно въ свою пользу. Впрочемъ, было бы серьезной опасностью, обогащать другіе рода войскъ въ ущербъ пѣхотѣ. Никогда еще крѣпкіе мускулы, стальные нервы не были столь необходимы для пѣхотинцевъ. Однако же, пѣхота пополняется теперь пріемными комиссіями, въ ненормальной пропорціи хилыми, наполовину не пригодными къ службѣ и предназначенными съ самаго начала кампаніи загромождать органы эвакуаціи. Кромѣ того, пѣхота имѣетъ также большую необходимость въ ефрейторахъ, въ хорошихъ унтеръ-офицерахъ.

Пѣхота имѣетъ, вообще, незавидную привилегію принимать въ свой составъ большинство неграмотныхъ. Нако-

нецъ, если пѣхота и не есть родъ войскъ, требующій спеціалистовъ съ высокимъ научнымъ образованіемъ, офицеры ея все же должны заключать въ своей средѣ технически компетентныхъ людей. Да получитъ пѣхота возможно больше офицеровъ, понимающихъ важность ихъ миссіи и обладающихъ вѣрой въ свой родъ войскъ. Молодежь, увлекающаяся жаждой подвига и выполненіемъ своего долга, не страшась опасности, всегда охотно шла въ пѣхоту. Нужно ее въ семъ поощрять. *Въ сильной націи, пѣхота въ почетѣ.*

Въ сущности, цѣна арміи зависитъ отъ цѣнности ея пѣхоты, — рода войскъ «*выгоняющаго врага изъ его позицій*». Будемъ стараться поэтому, имѣть крѣпкую пѣхоту. Если же, по несчастью, изъ реорганизаціи нашихъ военныхъ силъ, должна выявиться пѣхота любого качественнаго состава, слабо вооруженная, безъ вѣры въ себя, мы напрасно затратили бы милліарды, чтобы роскошно снабдить техническіе рода войскъ; усовершенствованная матеріальная часть коихъ послужила бы легкими трофеями для непріятельской пѣхоты, болѣе сильной духовно и матеріально.

Ген. *Ecochard.*

Къ сему Редакція «La Revue d'infanterie» прибавляетъ:

Къ таковому же заключенію пришелъ и генералъ Людендорфъ на другой день послѣ кроваваго неуспѣха германскихъ войскъ при атакѣ на Reims, 15 іюля 1918 г. «Несмотря на всѣ усовершенствованія, которыя будетъ возможно ввести въ артиллеріи», — писалъ въ своемъ рапортѣ, 22 іюля 1918 г., касательно упомянутой атаки Первый Генералъ - Квартирмейстеръ Германскихъ армій, — «успѣхъ сраженія всегда будетъ зависить и больше чѣмъ когда-либо отъ пѣхоты».

И именно, въ уменьшеніи численнаго состава и ослабленіи духа Германской пѣхоты кроется, главнымъ образомъ, причина разгрома Императорскихъ армій.

В. П.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОСНОВНЫХЪ ИЗМѢНЕНІЯХЪ ВЪ ТЕОРІИ ВОЕННАГО ИСКУССТВА ПО ОПЫТУ ВОЙНЫ 1914-18 Г. Г.

Въ книгѣ 2-й «Военнаго Сборника О. Р. В. З.» (1922 г., г. Бѣлградъ), на стран. 212, мы высказали надежду на начатіе болѣе всестороннихъ бесѣдъ на тему объ основныхъ измѣненіяхъ въ теоріи военнаго искусства. Нынѣ на это уже откликнулся ген. *А. К. Келчевскій* на стран. 35 № 3 военнаго журнала «Война и Миръ» (1922 г., Берлинъ), признавая нашу статью «интересной, но вызывающей цѣлый рядъ возраженій». Наше мнѣніе, что, чѣмъ болѣе возраженій дается на возбужденный вопросъ, тѣмъ это для сущности дѣла только полезно, ибо это ведетъ къ всесторонности обсужденія. Не нужно только «митинговой» формы, рѣзкостей, совершенно не ведущихъ къ выясненію истины. *Нужно именно «ученое» безстрастіе.* Затрудненіемъ лично для насъ явится лишь то обстоятельство, что, строя объясненія измѣненій въ теоріи нашего искусства по своимъ прежнимъ трудамъ «Логистика (искусство Генеральнаго Штаба)» и «Лекціи по основнымъ принципамъ стратегіи и тактики», мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи, по условіямъ нашего смутнаго времени, ни одного экземпляра этихъ нашихъ записокъ.

Зная большой боевой опытъ ген. *Келчевскаго,* мы привѣтствуемъ это его начатіе обмѣна мнѣній, такъ необходимыхъ нашей русской арміи. И вотъ, чтобы еще болѣе расширить вопросъ объ измѣненіяхъ въ теоріи искусства, мы хотимъ въ настоящей статьѣ нѣсколько пополнить сказанное въ предыдущей по отдѣлу *экономическихъ знаній* нашего Генеральнаго Штаба. Мы привели мнѣніе *Гинденбурга* о слабой подготовкѣ германскаго Генеральнаго Штаба въ государственно-хозяйственныхъ вопросахъ («fur den Krieg geschulten wirtschaftlichen Generalstabes», стран. 217 «Изъ моей жизни»). Въ настоящее время *Людендорфомъ* напечатана книга «Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916—1918 г.г.» (Berlin 1922 3 Auflage), или «Документы Высшаго Командованія по его работѣ 1916—1918 г.г.». Французскій переводъ названъ: «Documents du gagallemande» (переводъ Подполк. *Ма-*

билль, Paris Payot). Эта книга, особенно въ ея первой половинѣ, стран. 1—290, 592—705, является для серьезно изучающаго военное искусство настолько же необходимою, цѣнною. какъ «Correspondance» Наполеона. Какъ мы всегда ратовали, (но до сихъ поръ тщетно) о переводѣ на русскій языкъ «Correspondance», то такъ же настаиваемъ на переводѣ «Urkunden». Приведемъ перечень содержанія этихъ документовъ, и тогда читателю, безъ особыхъ объясненій, будетъ ясно о чемъ идетъ рѣчь, и онъ увидитъ, что матеріалъ очень тяжелый для изученія, непригодный для бѣглаго, мимолетнаго чтенія, но матеріалъ жизненный, безъ знанія и полнаго пониманія котораго нѣтъ «Wirtschaftlichen Generalstabes».

Всего въ книгѣ 24 отдѣла. Мы разсмотримъ отдѣлы I—XIII и XXIV, какъ непосредственно относящіеся къ нашей задачѣ. Отдѣлы XIV—XXIII трактуютъ о переговорахъ о мирѣ.

Отдѣлъ I. Работа мирнаго времени по усиленію германской вооруженной силы.

Это документы за 1909—1913 г.г. Они не имѣютъ прямого для насъ значенія, и если мы ихъ коснемся, то съ цѣлью подчеркнуть въ нихъ строки, въ интересѣ лучшаго пониманія германскаго плана войны. Мы узнаемъ, что въ 1910 г. германскій Генеральный Штабъ велъ свою военную игру и полевую поѣздку по идеѣ войны Германіи противъ Франціи, Россіи и Англіи, причемъ англичане высаживались въ Шлезвигъ-Гольштейнъ. Изъ моневреннаго заданія для большихъ Императорскихъ маневровъ въ сентябрѣ 1911 г. мы видимъ, что «англичане» начинали наступленіе съ линіи Бременъ (Бремерферде) — Гамбургъ — Любекъ — Грейфсвальдъ (южнѣе острова Рюгенъ) въ направленіи Берлинъ — Ганноверъ. Въ 1912 г. Мольтке уже сомнѣвался, чтобы Италія перевезла на верхній Рейнъ свою 3-ю армію (изъ 5 корпусовъ и 2 кавалерійскихъ дивизій), какъ это «вырабатывалось уже давно». Уже въ декабрѣ 1912 г. признавалось, что «для наступленія во Францію необходимо нарушеніе нейтралитета Бельгіи». Противъ Россіи наиболѣе сильно укрѣплялись Грауденцъ и Познань. Признавалось слабое развитіе вооруженной силы Германіи: она ставитъ въ ряды арміи только 52—54% военнообязанныхъ. тогда какъ Франція — 82%.

16 (29) августа 1916 г. *Гинденбургъ* и *Людендорфъ* замѣнили въ высшемъ руководствѣ *Фалькенгайна*, и съ этого времени начинается *государственно-хозяйственная* работа обоихъ этихъ лицъ, а потому мы и переходимъ къ перечню экономическихъ документовъ:

Отдѣлъ II. Законъ о вспомогательной службѣ; вопросы укомплектованія арміи и о рабочихъ по военной промышлен-

ности; воинская повинность съ 16 до 50 лѣтъ; всѣ мужчины и всѣ женщины.

Отдѣлъ III. Финансовые вопросы; о заработной платѣ и военной прибыли («повышеніе заработной платы внутри государства производитъ на солдатъ чрезвычайное впечатлѣніе»).

Отдѣлъ IV. Военное хозяйство. Программа *Гинденбурга.*

Отдѣлъ V. Уголь и вопросъ о транспортѣ.

Отдѣлъ VI. Питаніе арміи и народонаселенія.

Отдѣлъ VII. Земельное хозяйство.

Отдѣлъ VIII. Матеріалы для добыванія газовъ (удушающихъ).

Отдѣлъ IX. Сушеніе пищевыхъ продуктовъ.

Отдѣлъ X. Постройка торговыхъ судовъ.

Отдѣлъ XI. Вопросы объ увеличеніи народонаселенія и заботы о принимающихъ въ войнѣ участіе. Чрезвычайно важный отдѣлъ для усиленія способности государства къ сопротивленію.

Отдѣлъ XII. Основныя указанія по общегражданскому попеченію объ арміи (по возвышенію ея духа, силы—это забота и обязанность всѣхъ и каждаго); для чего, какъ матеріалъ: газеты, бесѣды, театры, проповѣди, книги, полевыя библіотеки.

Отдѣлъ XIII. Пресса (газеты, журналы) и освѣдомительныя сообщенія.

Вотъ 12 отдѣловъ, со II-го по XIII-й, которые и образуютъ, собственно говоря, *программу*, необходимую для подготовки чиновъ Генеральнаго Штаба по экономическимъ вопросамъ. Все это, какъ показалъ опытъ *Гинденбурга* и *Людендорфа*, проходитъ черезъ руки начальника Генеральнаго Штаба, а слѣдовательно онъ долженъ имѣть около себя и во всѣхъ подчиненныхъ ему штабахъ своихъ агентовъ-офицеровъ Генеральнаго Штаба, которые понимали бы сущность порученнаго имъ дѣла.

Конечно, и нашъ русскій опытъ 1914—1918 г.г. далъ не меньшій матеріалъ по экономической части. Но этотъ матеріалъ пока недоступенъ; ибо онъ находится въ Россіи. И намъ поневолѣ приходится начинать съ изученія доступнаго иностраннаго матеріала. Но мы думаемъ, что на нашъ призывъ о работѣ на пользу русской арміи откликнутся тѣ многіе дѣятели по русскимъ экономическимъ вопросамъ, которые работали надъ ними, какъ въ арміи, такъ и внутри русскаго государства въ минувшую войну. Возможно, что у нихъ нѣтъ подъ руками подлежащаго матеріала, документовъ, но зато они помнятъ практику своей работы. И уже одни ихъ воспоминанія о ней, о имѣвшихся у нихъ директивахъ по этой работѣ, позволили бы лицамъ, чувствующимъ склонность къ военно- административной работѣ, помочь русскому Генеральному Штабу

пополнить недостатки своей подготовки по экономическимъ знаніямъ.

До войны русскій Генеральный Штабъ (въ 1912 г.), въ своемъ «Сборникѣ», напечаталъ, для широкаго распространенія въ военной средѣ «мысли *П. Струве* о войнѣ и народномъ хозяйствѣ». Эти мысли устанавливали: что, чѣмъ выше экономическое развитіе страны, тѣмъ—при равныхъ условіяхъ — выше ея боевая готовность, и тѣмъ значительнѣе та сила, которую она можетъ развить во время военнаго столкновенія; и что нѣтъ теоретически болѣе превратной и практически болѣе опасной мысли, чѣмъ мысль, что *въ экономической отсталости Россіи могутъ заключаться какія-либо преимущества въ военномъ отношеніи.*

Это нашъ Генеральный Штабъ напечаталъ, но далѣе не развивалъ, не проводилъ этой мысли въ своихъ работахъ по подготовкѣ государства къ будущей войнѣ. А эта мысль, пройдя черезъ кабинетъ начальника Генеральнаго Штаба, могла бы многое измѣнить въ обстановкѣ минувшей войны.

Генеральный Штабъ не воспринялъ этой мысли, вслѣдствіе отсутствія подготовки къ работѣ по государственнымъ экономическимъ вопросамъ, хотя эти вопросы касались *военной мощи* государства, а слѣдовательно, принадлежали къ спеціальности Генеральнаго Штаба.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о пропущенномъ нами отдѣлѣ XXIV-омъ въ «Документахъ» Людендорфа.

Этотъ отдѣлъ касается уставовъ, инструкцій, данныхъ германскимъ высшимъ командованіемъ войскамъ въ періодъ 1916—1918 г.г. Это богатѣйшій матеріалъ для изученія боевой работы Германской арміи. Онъ даетъ возможность понять тотъ *методъ* германской атаки, о которомъ французскій генералъ *Серриньи (* Serrigny, Réflexions sur l'art de la guerre, 143), говоритъ какъ о *дьявольскомъ (* diablique) отъ котораго, въ послѣдніе мѣсяцы войны, французскія оборонительныя линіи падали, какъ карточные домики. Мы обращаемъ особенное вниманіе на инструкцію 1 января 1918 г. «Ударъ при позиціонной войнѣ» (Der Angriff im Stellungskriege).

Опытъ минувшей войны далъ теоріи военнаго искусства въ *германскомъ* ударѣ 8 (21) марта 1918 г. на фронтѣ Аррасъ—С.-Кантенъ форму наиболѣе сильной и удачной атаки, равно какъ во *французской* оборонѣ 2 (15) іюля 1918 г. форму наиболѣе сильной и удачной обороны. На проявленіи этихъ *двухъ формъ* атаки и обороны опытъ войны остановился, и для совершенствованія ихъ уже не было ни времени, ни соотвѣтственно сильнаго противника. Такимъ образомъ, мы не знаемъ, въ какія бы иныя формы преобразовались бы эти послѣднія двѣ формы боевыхъ дѣйствій. Можно многое предполагать и пред-

лагать умозрительно, но опытныхъ данныхъ, добытыхъ боемъ, для подтвержденія возможныхъ гипотезъ, уже нѣтъ. Пользоваться же для этого французскимъ совѣтомъ, и пускать въ ходъ „imagination“ (воображеніе) мы не согласны, помня тѣ бѣды, которыя терпѣли французскія арміи отъ этого способа.

Война пока кончена, и мы всѣ безъ исключенія обратились въ *военныхъ историковъ*, ибо можемъ лишь вспоминать и описывать военныя дѣйствія, а не создавать ихъ. А, по совѣту Мольтке Стараго, «военному историку необходимо быть скромнымъ, въ виду безконечной трудности *исполненія* по сравненію съ дѣломъ послѣдующей критики».

Намъ думается, что вотъ эта мысль великаго полководца и должна быть руководящею при обмѣнѣ мнѣній по поводу измѣненій въ теоріи военнаго искусства.

В. Борисовъ.

„ЛОГИСТИКА“.

Во второй книгѣ «Военнаго Сборника» 1922 года, помѣщена небольшая статья г. В. Борисова: «Два основныя измѣненія въ теоріи военнаго искусства по опыту войны 1914 — 1918 г.г.».

Статья эта вызываетъ серьезныя возраженія, какъ по существу затронутыхъ въ ней вопросовъ, такъ и относительно общей проникающей ее идеи.

Прежде всего, авторъ совершенно бездоказательно утверждаетъ, что «теорія военнаго искусства, даже донынѣ, даже послѣ такого жесточайшаго кровеваго опыта, какъ война 1914—1918 г.г., не обратила и не обращаетъ полнаго вниманія» на одинъ изъ Наполеоновскихъ принциповъ (какой это принципъ, авторомъ не указывается, а говорится лишь, что имъ этотъ принципъ выясненъ въ особомъ трудѣ «Логистика», изданномъ въ 1912 г.).

Не говоря про то, что очень трудно говорить сейчасъ про современную теорію военнаго искусства, такъ какъ опытъ Великой войны 1914 —1918 г.г. уже вызвалъ къ жизни колоссальную литературу, итоги которой еще не подведены, но означенное утвержденіе по отношенію къ Наполеоновской доктринѣ, вообще, совершенно неправильно: теорія военнаго искусства всюду, во всѣхъ высшихъ военныхъ школахъ (академіяхъ) отводила трудамъ великаго полководца первенствующее мѣсто и ни одинъ изъ установленныхъ имъ принциповъ не былъ оставленъ безъ вниманія.

Автору слѣдовало опредѣлить точнѣе, о какомъ принципѣ идетъ рѣчь, такъ какъ съ его трудомъ «Логистика», навѣрное, мало кто знакомъ; но и безъ этого вѣрнѣе всего предположить, что авторъ ошибки исполнителей, т. е. практику, примѣненіе теоріи на дѣлѣ, вмѣняетъ въ настоящемъ случаѣ въ вину самой теоріи. Врядъ ли это логично.

Также трудно согласиться съ авторомъ, что «природа военнаго искусства наказала Мольтке Молодого за пренебреженіе къ тому принципу (какому?), о которомъ въ своемъ творческомъ предвидѣніи говорилъ еще Наполеонъ». Въ этой же книжкѣ «Военнаго Сборника» помѣщена статья С. Добро-

рольскаго «Стратегическіе планы сторонъ», изъ которой ясно видно, что никакого пренебреженія къ принципамъ теоріи военнаго исскуства Молодой Мольтке не выявилъ, но совершенно очевидно, что онъ не *сумѣлъ* ихъ провести въ полной мѣрѣ въ жизнь и по характеру своему не отличался нужной въ данной обстановкѣ смѣлостью; кромѣ того причины неудачи нѣмцевъ въ значительной степени лежатъ въ дѣйствіи противниковъ, о чемъ ни слова не говоритъ авторъ.

Далѣе ген. В. Борисовъ обрушиваетъ свои громы на французскую военную доктрину и на нашъ Генеральный Штабъ.

«Мы», — говоритъ онъ, — «русскій Генеральный Штабъ, слѣпо шли, забывъ своего Суворова, за выводами нѣмецкой науки. Только съ 1909 г. мы начали какъ бы сбиваться на еще болѣе ложную французскую военную доктрину. Она болѣе удовлетворяла нашу привычную склонность къ пассивности. Войну мы начали безъ установившихся «школьно-правильныхъ понятій», и воззрѣнія трехъ сошедшихся вмѣстѣ нашихъ офицеровъ Генеральнаго Штаба носили въ себѣ всѣ признаки «компиляціонной» военной доктрины. А потому, запозданіе наше было вполнѣ естественно».

Сначала о французской военной доктринѣ. Эта «ложная», — по словамъ автора, — доктрина оказалась, однако, побѣдительницей въ Великой войнѣ. Уже одно это показываетъ, во-первыхъ, что ложной она не была. Во-вторыхъ, тѣ измѣненія въ теоріи маневреннаго искусства, которыя, какъ спасительныя, предлагаетъ далѣе самъ авторъ, давно вошли въ эту доктрину, да и вообще, новаго ничего не представляютъ.

Заключеніе, данное авторомъ по поводу французской военной доктрины, ясно показываетъ на недостаточное его знакомство съ развитіемъ французской военной мысли въ началѣ XX вѣка; даже въ той же указанной мною выше статьѣ «Военнаго Сборника»: «Стратегическіе планы сторонъ» имѣются достаточныя данныя для доказательства ошибочности выводовъ ген. В. Борисова о «пассивности» названной доктрины.

Пишущему эти строки удалось лично прослушать въ 1907—1908 г.г., полный курсъ французской Высшей военной школы (Ecole supérieure de guerre) и потому для него совершенно очевидна необоснованность пренебрежительнаго отношенія автора къ установленной ею доктринѣ.

Что касается до нашего Генеральнаго Штаба, то понятно, за нимъ грѣхи имѣются и даже очень большіе, но вовсе не тамъ, гдѣ ихъ видитъ ген. В. Борисовъ.

Прежде всего, казалось бы, разъ принципы военнаго искусства неизмѣнны, а варьируются лишь способы ихъ примѣненія въ зависимости отъ многоразличныхъ условій обстановки данной эпохи жизни человѣчества, каждой эпохѣ должна

отвѣчать вполнѣ опредѣленная военная доктрина, общая для всѣхъ народовъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ существованія. Но такъ какъ каждый народъ, въ лицѣ своихъ военныхъ мыслителей, самостоятельно вырабатываетъ свою военную доктрину, то между этими доктринами разныхъ народовъ неизбѣжны извѣстныя различія, вытекающія изъ различій духовныхъ и матеріальныхъ данныхъ жизни и характера каждаго народа.

Само собою разумѣется, что доктрина вырабатывается не только въ кабинетахъ мыслителей по даннымъ боевого опыта прежнихъ войнъ, но и на поляхъ сраженій современныхъ войнъ, гдѣ практика властно вноситъ свои поправки въ чистую теорію.

Поэтому, появленіе въ той или другой странѣ, въ ту или другую эпоху, великаго полководца сразу накладывало свою печать на современную той эпохѣ доктрину, дѣлая ее болѣе или менѣе яркой, опредѣленной, въ зависимости отъ силы творческаго генія этого полководца.

Это мы видимъ въ эпоху Аннибала, Наполеона, Суворова.

По существу всѣ эти доктрины, при умѣлой, правильной ихъ разработкѣ, не могли, очевидно, рѣзко отличаться одна отъ другой, такъ какъ въ основу ихъ ложились все тѣ же неизмѣнные принципы военнаго искусства; позаимствованія, «компиляціи» другъ у друга здѣсь были вполнѣ умѣстны, да и неизбѣжны.

По мѣрѣ роста цивилизаціи, увеличенія численности армій, усиленія техническихъ средствъ борьбы, ставилось все болѣе необходимымъ воспитаніе въ соотвѣтствующей доктринѣ все большаго и большаго количества лицъ, долженствовавшихъ руководить боевыми единицами, частями вступавшихъ въ борьбу вооруженыхъ народовъ; пріобрѣтала все большее значеніе правильная постановка всего дѣла высшаго и средняго военнаго образованія офицеровъ вообще, старшихъ начальниковъ въ особенности.

Но если дѣло военнаго образованія (и воспитанія конечно) было сравнительно не трудно поставить въ отношеніи рядового бойца и рядового офицера (соотвѣтствующіе уставы), то въ отношеніи старшихъ войсковыхъ начальниковъ это было значительно труднѣе. Высшая военная школа самое большее, что могла дать, это положить твердыя основы для *самостоятельной работы* каждаго во всѣхъ отрасляхъ военнаго искусства. Всякая высшая, по отношенію къ предыдущей, войсковая, штабная, начальническая должность требовала большаго кругозора, большихъ творческихъ дарованій, опирающихся на болѣе широкія знанія, которыхъ школа дать не могла.

Окончившій высшую военную школу и переставшій затѣмъ работать, считая, что его познанія достаточны, если не имѣлъ природныхъ крупныхъ дарованій, въ дальнѣйшемъ большей частью оказывался несоотвѣтственнымъ на болѣе высокихъ постахъ. И высшая школа тутъ абсолютно не причемъ.

Ясно, что государство можетъ и должно идти навстрѣчу будущимъ высшимъ начальникамъ и облегчать имъ ихъ самостоятельную работу, (особые курсы, практическія занятія, инструкціи, организація докладовъ, лекцій и т. п.), но все же центръ тяжести долженъ лежать въ *личной сознательной, добровольной* работѣ каждаго, а не въ веденіи его на помочахъ.

Въ дѣлѣ постановки военнаго образованія нашъ грѣхъ былъ двоякій: первый — *схоластичность методовъ преподаванія* въ военныхъ школахъ, особенно въ высшей (Академія), и второй — *недостаточный уровенъ знаній высшихъ начальниковъ*, отсутствіе личной военно-образовательной работы у большинства изъ нихъ въ мирное время.

Первый грѣхъ, понятно, цѣликомъ ложится на Генеральный Штабъ. Выражался онъ у насъ (что во Франціи и Германіи давно уже было оставлено) въ стремленіи развить память слушателей, но не научить ихъ мыслить; творчества, своихъ мыслей не требовалось.

Мнѣ удалось пойти войной на эту систему въ Академіи, послѣ моей заграничной командировки, укрѣпившей меня въ сознаніи недопустимой устарѣлости нашихъ методовъ преподаванія, но завершить начатое мною дѣло удалось лишь Н. Головину, тоже воочію убѣдившемуся заграницей, какъ мы отстали въ этомъ отношеніи.

Второй грѣхъ, безусловно, не можетъ быть поставленъ въ вину только Генеральному Штабу, какъ корпораціи офицеровъ, окончившихъ высшую военную школу, и какъ спеціальному органу Военнаго Министерства, во-первыхъ потому, что, хотя значительная часть высшихъ начальниковъ была изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, но много было и изъ строевыхъ офицеровъ, въ Академіи не бывшихъ; во-вторыхъ, потому, что всѣ назначенія на высшія должности дѣлались Военнымъ Министромъ, начальникъ же Генеральнаго Штаба, вообще, у насъ не имѣлъ достаточной самостоятельности. Правда, въ отношеніи поднятія уровня военныхъ знаній старшихъ начальниковъ кое-что было сдѣлано (инструкціи, военныя игры и т. п.), но не только въ недостаточномъ размѣрѣ, но, что самое главное, сами эти начальники въ большинствѣ не сознавали необходимости какой-либо личной работы, тяготились ею и сводили ее къ отбыванію номера.

Принимая все это во вниманіе, нельзя не признать, что обвиненія ген. В. Борисова нуждаются въ большой поправкѣ.

Странно говорить, вообще, о какой-то «компиляцiонной» военной доктринѣ, разъ заимствованiе полезнаго и нужнаго намъ изъ военнаго опыта другихъ и изъ его разработки—вполнѣ законно и естественно. Русскiй Генеральный Штабъ никогда не забывалъ, вообще, кого-либо изъ великихъ полководцевъ, а въ особенности Суворова, и «слѣпо» ни за кѣмъ не шелъ, доказательствомъ чему можетъ служить наша научная военная литература. Но увы! Изъ-за неправильной постановки дѣла военнаго образованiя (и воспитанiя) наша военная доктрина не пропитывала собой надлежащимъ образомъ верхнихъ слоевъ армiи и многiе наши военачальники были слабы въ стратегическомъ и тактическомъ отношенiи. Но единая доктрина у насъ была и ея выразителемъ были нашъ полевой уставъ и боевыя инструкцiи. Можно спорить о ея соотвѣтствiи времени, но не о ея существованiи.

Что касается до фразы о «нашей привычной склонности къ пассивности», то позволю себѣ оставить ее на отвѣтственности автора и счесть за его личное единичное мнѣнiе: вся исторiя нашей армiи противорѣчитъ его заявленiю, но, правда, одновременно свидѣтельствуетъ объ удивительной стойкости русскаго солдата («его не только убить, но повалить нужно»). Не думаю, чтобы авторъ могъ смѣшать эти два понятiя, но тогда на чемъ же основано его заключенiе?

Послѣ только что разобраннаго вступленiя, авторъ переходитъ къ своимъ двумъ измѣненiямъ въ теорiи военнаго искусства по опыту войны 1914—1918 г.г., причемъ называетъ эти измѣненiя основными. «Одно относится къ теорiи о сопротивленiи отрядовъ въ полной зависимости отъ усовершенствованiй въ огнестрѣльномъ оружiи; другое — къ теорiи о планѣ войны, къ выбору предмета (объекта) дѣйствiй, цѣли операцiи».

Указавъ, что уже Наполеонъ обратилъ вниманiе на возрастанiе силы сопротивленiя отрядовъ, благодаря усовершенствованiю огнестрѣльнаго оружiя, авторъ упрекаетъ затѣмъ французскiй Генеральный Штабъ въ неиспользованiи этого *новаго* (?) ресурса военнаго искусства въ началѣ войны 1914 года (подлинная фраза автора: «Только запоздалость французскаго Генеральнаго Штаба въ уясненiи себѣ новаго ресурса военнаго искусства способствовала нѣкоторой удачѣ нѣмецкаго построенiя»), упрекаетъ и австрiйскiй Генеральный Штабъ въ томъ, что онъ только во время сраженiя въ Галицiи въ августѣ-сентябрѣ 1914 г. «замѣтилъ» (?) влiянiе огнестрѣльнаго оружiя на силу сопротивленiя отрядовъ.

Если бы авторъ удосужился заглянуть во французскiе и австрiйскiе уставы и инструкцiи, современные началу Великой войны, врядъ ли бы онъ счелъ возможнымъ говорить о «за-

поздалости» французовъ и неосвѣдомленности австрійцевъ; мало того, никакого новаго ресурса ни для кого тутъ не было, особенно для французовъ, всегда шедшихъ впереди другихъ въ вопросахъ боевого примѣненія огнестрѣльнаго оружія и его техническаго усовершенствованія. Еще задолго до послѣдней войны, особенно послѣ Англо-Бурской, а затѣмъ Русско-Японской войны, на увеличеніе сопротивленія отрядовъ, благодаря силѣ современнаго огнестрѣльнаго оружія, было всюду обращено большое вниманіе и современная военная доктрина вполнѣ учла все значеніе этой данной.

Затѣмъ ген. В. Борисовъ говоритъ объ устарѣлости понятій о маневренной и позиціонной войнахъ и что раздѣленіе войны на маневренную и позиціонную «военной доктриной уже быть не можетъ». Но такой доктрины давно уже ни у кого нѣтъ, такъ что малопонятно, чѣмъ вызваны эти разсужденія автора.

При этомъ, не все даже понятно въ разсужденіяхъ автора. «Будущая война, — говоритъ онъ, — если она будетъ начата согласно природѣ войны (?), а не по предвзятымъ измышленіямъ (?), (какъ въ 1914 г.), одинаково примѣнитъ обѣ формы, ибо онѣ обѣ лежатъ въ главныхъ факторахъ дѣйствія войсковой части: въ ея способности быстро двигаться (ноги солдата) и въ ея огнестрѣльномъ оружіи (позиція)».

Что это за начало войны «согласно природѣ войны»? Какія это «предвзятыя измышленія» (не планъ же войны), «по которымъ» нельзя начинать войну.

И далѣе: «Будущая война, ведомая маневренно - позиціонно, потребуетъ совершенно иной ея стратегической подготовки, и теорія военнаго искусства должна заблаговременно выработать основоположенія такой *новой* подготовки. Измѣняются не только система мобилизаціи (?) войсковыхъ частей и порядокъ ихъ стратегическаго сосредоточенія (?), но измѣняется даже самая операція открытія военныхъ дѣйствій. На все это (?) теорія военнаго искусства не выработала нормъ».

Но вѣдь, до сихъ поръ, войны, именно, такъ и велись (маневренно-позиціонно) и въ курсахъ стратегіи именно, для такихъ войнъ и были разработаны теоретическіе выводы и практическія указанія по вопросамъ мобилизаціи, сосредоточенія и начала военныхъ дѣйствій? Въ чемъ же должно быть новшество? Въ чемъ же состоитъ измѣненіе «операціи открытія военныхъ дѣйствій?» Какія можно тутъ дать «*нормы*»?

Однимъ словомъ, полная неопредѣленность, недоговоренность, выдвигаемыхъ положеній.

Авторъ совершенно бездоказательно говоритъ: война «потребуетъ» полнаго измѣненія всего и, вмѣсто того, чтобы намѣтить хотя бы сущность основы, этихъ новыхъ измѣненій (за-

чѣмъ же было тогда статью писать?), ограничивается ничего не выражающими фразами и сожалѣніями объ отсутствіи выработанныхъ нормъ (?).

Такимъ образомъ, авторъ кончаетъ обсужденіе перваго предлагаемаго имъ измѣненія въ теоріи военнаго искусства, даже не формулировавъ точно, въ чемъ же заключается это измѣненіе.

Правда, ген. В. Борисовъ тутъ же указываетъ, что въ своемъ трудѣ «Логистика» онъ намѣчаетъ «пріемы выполненія различныхъ оперативныхъ задачъ» по опыту войны 1904 — 1905 г.г.; однако, это не только не опредѣляетъ характера предложеннаго имъ «основного» измѣненія теоріи военнаго искусства, но, при неправильной постановкѣ, очевидно, приводитъ лишь къ крайне вредному созданію шаблоновъ.

Въ отношеніи техники службы Генеральнаго Штаба, понятно, необходимо установленіе основъ, пріемовъ и организаціи работы, но еще важнѣе, практика въ этомъ отношеніи; этотъ пробѣлъ незадолго до Великой войны былъ заполненъ введеніемъ въ нашей Академіи курса службы Генеральнаго Штаба, при чемъ за образецъ была взята постановка этого дѣла во Франціи. Но, очевидно, все здѣсь сводится въ организаціи полученія свѣдѣній объ обстановкѣ, быстрой ихъ сводкѣ и быстрой передачѣ исполнителямъ рѣшеній полководца, облеченныхъ въ форму ясныхъ и краткихъ распоряженій. Дальше этого техника идти не можетъ; область же рѣшеній оперативныхъ задачъ есть область творчества, требующая наличія у рѣшающаго знанія военнаго дѣла, не исчерпываемаго «логистиками» и т. п., и умѣнія использовать эти знанія, какъ результата личныхъ дарованій, такъ и практики въ военномъ дѣлѣ.

Авторъ правъ, говоря о необходимости высокаго развитія военныхъ знаній у офицера Генеральнаго Штаба, а я добавлю и у всякаго высшаго начальника и чѣмъ выше его должность, тѣмъ выше должны быть и его знанія (не надо забывать стараго афоризма, что отъ знанія до умѣнія всего одинъ шагъ, а отъ незнанія — гораздо больше).

Вторымъ измѣненіемъ въ теоріи военнаго искусства г. В. Борисовъ считаетъ измѣненіе плана войны.

Опять и здѣсь авторъ ошибки исполнителей ставитъ въ вину теоріи.

Имъ указывается, что Наполеонъ и его послѣдователи ставили себѣ главнымъ предметомъ дѣйствій живую силу врага на операціонной линіи, ведущей къ непріятельской столицѣ. Теперь же, по его мнѣнію, надо стараться не только добиться уничтоженія живой силы врага, не только захвата его столицы, но и «еще возможно полнаго, возможно быстраго уничтоженія

средствъ непріятеля для созданія и жизни этой живой силы, ея техническаго матеріала».

Но стратегія такъ и учитъ, такъ это и было всегда, а если эти жизненные узлы страны совпадали со столицами, то, понятно, не какъ резиденціей Правителя стремилась стратегія овладѣть столицей. Для нея важны центры экономической и политической жизни страны и столица могла играть въ стратегіи роль постольку лишь, поскольку она была такимъ центромъ.

Брошенная авторомъ фраза, что «подготовка нашего Генеральнаго Штаба не доросла до изученія экономической жизни непріятельскаго государства», совершенно невѣрна, ибо этому изученію отводилось соотвѣтствующее мѣсто (Военная статистика, военная администрація). Если же на дѣлѣ экономическое значеніе того или другого пункта кѣмъ нибудь недооцѣнивалось или оцѣнивалось неправильно, то это уже не вина теоріи и не въ нее надо вводить поправки, а въ систему выбора и подготовки нашихъ исполнителей.

Можетъ быть въ одномъ только отношеніи авторъ правъ: слѣдовало бы изученіе экономической жизни государствъ поставить шире и глубже, т. к. это изученіе безусловно имѣло пробѣлы. Я же позволю себѣ добавить, что необходимо, кромѣ того, измѣнить и постановку дѣла изученія географическихъ данныхъ офицерами Генеральнаго Штаба и будущими полководцами, связавъ это изученіе въ одно съ изученіемъ исторіи и политики каждаго государства, т. е. введя у насъ, какъ это сдѣлано во Франціи, курсы политической географіи. Тогда можно быть увѣреннѣе, что политико-экономическая оцѣнка пунктовъ и раіоновъ въ дѣлѣ выбора стратегіей объектовъ дѣйствій будетъ болѣе глубокой.

Но опять таки это все не «основное» измѣненіе въ теоріи военнаго искусства, а лишь развитіе деталей.

Сводя все сказанное, мы видимъ, что новаго г. Борисовъ не предложилъ ничего. Спорить же, что пріемы проведенія въ жизнь основныхъ принциповъ теоріи военнаго искусства теперь измѣнились и мѣняются, по сравненію съ прошлымъ, понятно, не приходится. Измѣнились условія обстановки, измѣнились и пріемы, но не ихъ сущность.

Такъ можно отвѣтить по существу статьи г. Борисова.

Но, кромѣ того, она вся проникнута рядомъ осужденій нашему Генеральному Штабу in corpore, причемъ брошено обвиненіе и въ томъ, что «на всѣхъ военныхъ сообщеніяхъ лекторы повторяютъ уже отцвѣтшія военныя истины, стараясь новыя явленія вогнать въ привычныя формы».

Рядомъ съ этимъ авторъ широко рекомендуетъ свои труды и свой образъ мыслей, очевидно, культивируя въ этихъ тру-

дахъ расцвѣтшія «новыя» истины, вродѣ указанныхъ въ разбираемой статьѣ, и вгоняя ихъ въ привычныя для себя формы. Не шаблоновъ ужъ ли и рецептовъ для побѣдъ? Разбираемая статья внушаетъ къ тому сильныя опасенія. А разъ это такъ, то офицеры Генеральнаго Штаба имѣютъ право отнестись съ болѣе обоснованнымъ осужденіемъ къ ихъ автору, чѣмъ имѣлъ это этотъ послѣдній огульно и бездоказательно по отношенію ко всему Генеральному Штабу. Намъ «логистикъ» не нужно; довольно и простой логики.

В. Бѣляевъ.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ОТДѢЛЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Ниже сего редакція съ удовольствіемъ даетъ мѣсто статьѣ «о подводныхъ крейсерахъ», принадлежащей перу одного изъ выдающихся офицеровъ нашего подводнаго плаванія, который неуклонно продолжаетъ въ тяжелыхъ условіяхъ бѣженской жизни служить своему родному дѣлу; его инициативѣ и неутомимой энергіи принадлежитъ возобновленіе, въ далекой Африкѣ, изданія «Морского Сборника», коему редакція шлетъ въ его лицѣ свой братскій, — по оружію, — привѣтъ.

Въ этой статьѣ редакція обращаетъ особенное вниманіе на значеніе для Россіи въ будущемъ подводныхъ крейсеровъ и въ принципѣ полностью присоединяется къ взглядамъ, высказываемымъ въ этомъ отношеніи авторомъ. Финансовое положеніе Россіи, въ теченіи долгихъ лѣтъ, не позволитъ ей приступить къ созданію мощнаго надводнаго флота, являющагося, какъ показалъ опытъ войны, «спиннымъ хребтомъ» всякой морской вооруженной силы; и поэтому, въ теченіи этихъ, — быть можетъ, долгихъ десятилѣтій, — «подводный крейсеръ» будетъ единственнымъ вѣскимъ аргументомъ ея стратегіи на моряхъ.

О ПОДВОДНЫХЪ КРЕЙСЕРАХЪ.

Послѣдняя война на морѣ вызвала примѣненіе новаго оружія, которое сыграло огромную роль и послужило началомъ новой эпохи въ морской войнѣ. Такимъ оружіемъ былъ погружающійся корабль, но этотъ новый типъ, не будучи разработанъ въ полной мѣрѣ передъ войной и въ началѣ ея, не могъ дать результатовъ, которые сразу сдѣлали-бы его оружіемъ активнымъ. Къ этому было нѣсколько причинъ, совершенно независящихъ отъ тактическихъ свойствъ подводнаго корабля. Первая и главная причина, — это извѣстный консерватизмъ морскихъ круговъ всѣхъ странъ, который мѣшалъ развитію подводнаго искусства и видѣлъ въ подводныхъ лодкахъ оружіе, недостойное большого вниманія. Затѣмъ, недостаточное развитіе техники и цѣлый рядъ техническихъ затрудненій пре-

пятствовали быстрому росту подводныхъ судовъ и ихъ тактическихъ свойствъ.

Всѣ державы вступили въ войну неподготовленными въ отношеніи подводнаго флота, хотя и не въ одинаковой степени, и только лишь боевая обстановка принудила всѣхъ обратить вниманіе на подводныя лодки, и совершенствовать ихъ съ такой поспѣшностью, какъ ни одно оружіе, за исключеніемъ, быть можетъ, летательныхъ аппаратовъ.

Несмотря на ту по истинѣ, грандіозную роль, которую сыграли подводныя лодки, и цѣлый рядъ доказательствъ ихъ активности во время войны, все же подводный корабль, какъ оружіе наступательное, берется подъ сомнѣніе и до настоящаго времени. Послѣ того, какъ путемъ колоссальнаго напряженія силъ, потерявъ милліоны тонъ, союзники при посредствѣ невѣроятно большого количества судовъ вспомогательнаго назначенія, получили возможность ограничить дѣятельность непріятельскихъ подводныхъ лодокъ и довести войну до конца, многіе морскіе авторитеты нынѣ, забывъ объ опасности, снова начинаютъ утверждать, что подводныя суда—оружіе вспомогательное, и что линейные корабли являются «спиннымъ хребтомъ» флота.

И дѣйствительно, несмотря на горькій опытъ, въ настоящее время всѣ великія державы строятъ линейные корабли большого водоизмѣщенія и съ тяжелой артиллеріей. Вся тактика морского боя продолжаетъ базироваться на двухъ основныхъ принципахъ — маневръ и артиллерія.

Противъ этого положенія возражать не приходится, и это не входитъ въ задачу настоящаго очерка, но мы считаемъ лишь необходимымъ сказать, что при рѣшеніи всякой тактической задачи на морѣ, прежде всего нужно учитывать тактическія свойства участвующихъ единицъ. Поэтому намъ кажется своевременнымъ ввести при рѣшеніи задачи новый элементъ: погружаемость корабля. Его способность въ нужный моментъ уйти подъ воду позволяетъ ему держать иниціативу боя въ его рукахъ, такъ какъ въ необходимый моментъ подводный корабль, сдѣлавъ маневръ подъ водой, займетъ по отношенію къ непріятелю выгодную позицію, можетъ снова всплыть и использовать свою артиллерію и мины.

Техника военнаго кораблестроенія послѣдняго времени даетъ намъ возможность утверждать, что постройка подводнаго корабля достаточно большого водоизмѣщенія и съ соотвѣтствующей артиллеріей и разработанной системой непотопляемости, не представляетъ собой ничего невѣроятнаго. Уже во время войны, т. е. въ 1916 году, у насъ въ Россіи были спроэктированы и заложены 2 подводныхъ крейсера по 2.000 тоннъ водоиз-

мѣщенія, съ 4 орудіями по 100 мм. и съ быстротой погруженія въ 1 минуту, съ большимъ числомъ минныхъ аппаратовъ и достаточнымъ количествомъ минъ загражденія.

Запасъ топлива этого крейсера, при экономическомъ ходѣ, хваталъ на покрытіе разстоянія въ 12.000 миль, а можетъ, при необходимости, и еще больше. При увеличеніи тоннажа подводнаго крейсера до 3.000 тоннъ, раіонъ плаванія увеличивался до 20.000 миль.

Если мы вспомнимъ, что въ началѣ войны тоннажъ подводныхъ лодокъ въ среднемъ не превышалъ 300 тоннъ, а раіонъ ихъ дѣйствій крайне ограниченъ (въ лучшемъ случаѣ 800-1.000 миль), то мы увидимъ, что за три года, т. е. къ 1918 г., тоннажъ ихъ увеличился до 3.000 тоннъ и раіонъ дѣйствія до 12.000 миль. Иначе говоря, первое въ 10 разъ и второе, приблизительно, въ 15 разъ. Какой изъ типовъ военныхъ судовъ усиливался и совершенствовался въ такой степени? И, если, какъ говорятъ теперь многіе морскіе авторитеты, подводныя суда являются лишь вспомогательнымъ оружіемъ, то почему ихъ развитіе шло такими гигантскими шагами? Въ исторіи флотовъ мы не найдемъ подобнаго примѣра. Какая причина такого быстраго роста подводныхъ кораблей при наличіи столь неблагопріятныхъ для развитія обстоятельствъ. Эти неблагопріятныя обстоятельства мы усматриваемъ въ извѣстномъ сопротивленіи морскихъ круговъ, которые въ большинствѣ не знакомы съ этимъ новымъ оружіемъ и его тактикой, и поэтому, не учитывающихъ въ полной мѣрѣ новаго тактическаго свойства корабля «погруженія». Мы полагаемъ, что новое тактическое свойство и является главной причиной быстраго роста судовъ этого типа. Въ морѣ флотъ начинаетъ уходить подъ воду, на землѣ люди отъ воздушнаго врага уходятъ подъ землю. Это новый элементъ тактики боя, и его нельзя не учесть, тѣмъ болѣе, пренебрегать имъ. Я думаю, что мы не совершимъ ошибки, если сдѣлаемъ предположеніе, что взгляды многихъ морскихъ авторитетовъ великихъ морскихъ державъ по отношенію къ подводнымъ судамъ — односторонни. Объясненіе этого можно найти въ создавшейся обстановкѣ главнымъ образомъ, конечно, на Тихомъ океанѣ: два соперника, Америка и Японія; надъ ними витаетъ призракъ морской войны, третій — Англія, которой угрожаетъ потеря вліянія на морѣ. Разъ одна сторона строитъ большіе корабли, то двѣ другія, въ силу сложившихся обстоятельствъ, вынуждены дѣлать то-же самое. Каждый изъ нихъ боится потерять время и отстать отъ соперниковъ. Но есть-ли въ этомъ прямой здравый смыслъ? Мы склонны думать, что нѣтъ. Но это вопросъ, вѣроятно, не столь далекаго будущаго, которое несомнѣнно дастъ намъ новыя доказательства активности подводныхъ судовъ. Теперь, имѣя опытъ по-

слѣдней войны, мы обязаны на основаніи его разработать планъ морской обороны и выработать тѣ типы судовъ, которыя намъ будутъ необходимы для этой цѣли. Не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнію, что настоящее положеніе нашего Отечества и нѣсколько лѣтъ послѣ революціи будетъ крайне тяжело въ матеріальномъ отношеніи. Флотъ не сможетъ получить достаточнаго количества средствъ на постройку, и, слѣдовательно, силой обстоятельствъ мы принуждены будемъ отказаться отъ постройки такъ называемаго «спинного хребта» флота. Между тѣмъ, международное положеніе Россіи можетъ быть таково, что сразу потребуется имѣть въ нашихъ рукахъ сильное оружіе на морѣ. На чемъ же намъ остановить свой выборъ? Какой типъ судовъ будетъ намъ болѣе выгоденъ во всѣхъ отношеніяхъ? При рѣшеніи этого вопроса, кромѣ матеріальной стороны, мы не можемъ не учесть географическихъ условій береговой линіи нашего отечества.

Строго говоря, у Россіи есть два свободныхъ выхода въ океанъ: одинъ на Сѣверѣ, другой на Востокѣ. Черное же и Балтійское моря, во всякомъ случаѣ для надводнаго флота, мы должны считать всегда закрытыми. Въ Ледовитомъ океанѣ у насъ есть незамерзающій портъ, который въ настоящее время хоть еще и не является портомъ и для военныхъ цѣлей долженъ еще быть созданъ, какъ таковой.

Въ Тихомъ океанѣ — Владивостокъ, который на нѣсколько мѣсяцевъ покрывается льдомъ, и выходъ изъ него затрудненъ для надводныхъ судовъ. Слѣдовательно, базы для флота, какъ таковыя, могутъ быть у насъ только двѣ, при чемъ весьма удаленныя отъ центра Европы, т. е. той части земного шара, гдѣ перекрещиваются интересы всего міра, и гдѣ преимущественно и рѣшаются политическія проблемы силой оружія. Если мы обратимся къ нашей 200-лѣтней морской исторіи, то увидимъ, что выходъ въ океанъ и Средиземное море для нашего флота изъ Балтійскаго и Чернаго морей могъ совершиться только при извѣстныхъ условіяхъ, т. е. когда мы не имѣли противникомъ сильную морскую державу. Въ противномъ случаѣ это для насъ было невозможно. Если внимательно прослѣдить всю нашу исторію, то станетъ ясно, что Кронштадтъ, какъ главная морская база Россіи, былъ только грубѣйшей стратегической ошибкой. Онъ могъ быть только базой для Балтійскаго моря, не болѣе, а все вниманіе для устройства базъ Русскаго флота должно было быть обращено на Ледовитый и Тихій океаны. Въ эпоху парового флота эта ошибка не могла быть особенно чувствительной, потому что паровыя суда нуждались постоянно въ базахъ, вслѣдствіе своего крайне ограниченнаго района плаванія. Поэтому, все равно они не могли пройти изъ Кронштадта въ Архангельскъ, не погрузившись

углемъ гдѣ нибудь по пути, не говоря уже о походѣ во Владивостокъ.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мы должны прежде всего обладать такими судами, которыя не нуждались бы совершенно въ промежуточныхъ базахъ, обладая большимъ райономъ плаванія и способностью держаться въ морѣ возможно большее количество времени. Затѣмъ, эти суда не должны подвергаться риску при встрѣчѣ съ сильнѣйшимъ непріятелемъ въ открытомъ морѣ быть уничтоженными, т. е. иначе говоря, они должны погрузиться. Кромѣ того, какъ мы указали выше, постройка такихъ кораблей не должна быть непосильнымъ бременемъ для государства. Взявъ любой изъ типовъ современныхъ надводныхъ кораблей, мы не найдемъ ни одного, удовлетворяющаго этимъ необходимымъ условіямъ. Не говоря уже о корабляхъ малаго водоизмѣщенія, современный линейный корабль для нашихъ цѣлей не обладаетъ ни однимъ качествомъ, необходимымъ намъ въ ближайшее время. Онъ непомѣрно дорогъ и своей постройкой и содержаніемъ въ плаваніи, ремонтѣ и количествомъ необходимаго тренированнаго состава. Единственнымъ, пригоднымъ для Россіи кораблемъ въ настоящихъ условіяхъ, и, вѣроятно, въ будущихъ и самымъ выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ является подводный крейсеръ, какъ удовлетворяющій уже въ настоящее время всѣмъ качествамъ, какъ боевымъ, такъ и, если такъ можно выразиться, политическимъ.

Прослѣдимъ элементы этого корабля, чтобы не быть голословнымъ въ рѣшеніи такого важнаго вопроса, какъ выборъ наиболѣе отвѣчающаго нашимъ заданіямъ типа корабля.

Во время войны мы имѣли подводныя лодки, спроэктированныя генералъ-маіоромъ Бубновымъ и начатыя постройкой незадолго до войны. Къ началу ея ни одна лодка не успѣла еще войти въ строй. Эти подводныя лодки были вооружены 12-ю минными аппаратами, 2-мя орудіями въ 76 мм. и обладали раіономъ плаванія (напримѣръ, «Утка», «Гагара») свыше 4.000 миль надводнымъ и около 200 миль подводнымъ. Онѣ были совершенно автономны, мореходны, и могли, при нѣкоторомъ, конечно, напряженіи, продержаться въ морѣ 30-35 сутокъ, не возобновляя запасовъ топлива и питьевой воды. Водоизмѣщеніе надводное ихъ было всего навсего 650 тоннъ. Слѣдовательно, выйдя изъ Кронштадта, подводная лодка этого типа могла дойти до Мурмана, не возобновляя нигдѣ запасовъ, тогда какъ, дредноутъ типа «Гангутъ», построенный тоже во время войны, такого перехода сдѣлать не могъ.

Указанные выше подводные крейсера уже имѣли много усовершенствованій и представляли собой океанскій корабль, на которомъ условія жизни для экипажа были вполнѣ удовле-

творительны и давали возможность продержаться въ морѣ, въ случаѣ крайней нужды, до 6-ти мѣсяцевъ, (одна германская лодка гораздо меньшаго размѣра продержалась въ морѣ свыше 100 дней). Что-же касается вооруженія, то мы имѣемъ основаніе предполагать, что даже въ бою съ надводнымъ кораблемъ такого-же водоизмѣщенія, подводный можетъ оказаться сильнѣе. Во время войны мы уже имѣли примѣры артиллерійскаго боя между германской подводной лодкой и нашимъ миноносцемъ въ Ледовитомъ океанѣ, когда миноносецъ былъ принужденъ отступить, и второй характерный случай съ подводной лодкой «Тюлень», которая послѣ продолжительнаго артиллерійскаго боя взяла болѣе сильный корабль въ плѣнъ (вооруженный транспортъ «Родосто» подъ командой германскихъ офицеровъ, въ сентябрѣ 1916 года). Сейчасъ намъ не представляется возможнымъ подробно разбирать случай встрѣчи подводнаго корабля съ надводнымъ и боя между ними, — это должно быть разсмотрѣно отдѣльно.

Скажемъ только, что постройка герметическаго орудія при настоящихъ техническихъ условіяхъ недалека отъ осуществленія, и тогда найболѣе выгодныя артиллерійскія условія будутъ на сторонѣ подводнаго корабля.

Какъ мы уже говорили, крайне важнымъ условіемъ для корабля въ нашихъ особенныхъ географическихъ границахъ является найбольшій районъ плаванія. Указанный выше типъ подводнаго крейсера вполнѣ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ уже въ настоящее время. Дѣйствительно, разсматривая портъ Романовъ на Мурманскомъ берегу, какъ базу нашего Сѣвернаго подводнаго флота, мы можемъ съ увѣренностью сказать, таковая будетъ вполнѣ удовлетворительна, съ какой-бы точки зрѣнія мы не смотрѣли на нее. Въ смыслѣ стратегическомъ, Сѣверная база даетъ возможность подводнымъ крейсерамъ дѣйствовать на путяхъ сообщенія непріятеля совершенно свободно, а такъ-же и противъ портовъ и побережья всей Европы, такъ какъ районъ дѣйствія у этого крейсера достаточно великъ для того, чтобы онъ могъ, въ случаѣ необходимости въ ремонтѣ или докѣ, вернуться, не пополняя запасовъ, въ Мурманскъ. Незамерзаемость этого порта даетъ намъ возможность не высылать крейсера въ океанъ, а использовать это время на боевую подготовку личнаго состава въ спокойной учебной обстановкѣ, не расходуя средствъ на содержаніе крейсеровъ въ плаваніи, на тѣ мѣсяцы, когда портъ замерзаетъ.

Разсматривая Владивостокъ какъ базу нашего подводнаго крейсерскаго флота, мы увидимъ нѣкоторыя особенности этого порта въ смыслѣ стратегическомъ. Именно, этотъ портъ замерзаетъ на нѣкоторое время въ году, затѣмъ Владивостокъ

фактически не является для Россіи вполнѣ открытымъ океанскимъ портомъ, такъ какъ всѣ проливы изъ Японскаго моря въ любой моментъ могутъ быть закрыты болѣе сильнымъ флотомъ. При такихъ условіяхъ содержаніе надводнаго флота на Востокѣ для насъ является просто безсмысленнымъ. При обладаніи же подводными кораблями, всѣ эти затрудненія устраняются. Владивостокъ становится открытымъ въ океанъ портомъ, только съ той лишь разницей, что на зимніе мѣсяцы лучше всѣ крейсера высылать въ океанъ, гдѣ они, не имѣя нужды въ береговой базѣ, могутъ плавать это время, посѣщая чужія страны или острова океана.

Затѣмъ, отдаленность Владивостока отъ Европейской Россіи, которая, при наличіи надводнаго флота, постоянно нуждающагося въ промежуточныхъ базахъ, въ военное время дѣлало невозможнымъ сосредоточеніе нашихъ эскадръ въ желаемомъ мѣстѣ. Если и можно было провести эскадры изъ Европы на Востокъ (2-я эскадра адм. Рождественскаго), то это стоило такихъ матеріальныхъ и моральныхъ усилій, что лучше и выгоднѣе этого не дѣлать. Мы уже имѣемъ хорошій урокъ, чтобы его не повторить. Для подводныхъ крейсеровъ (а въ будущемъ и линейныхъ кораблей) условія, какъ мы говорили, мѣняются совершенно.

Разстояніе отъ Владивостока до Европейской Россіи (Мурманъ) черезъ Суэцкій каналъ — 12.000 миль.
черезъ мысъ Доброй Надежды — 16.000 миль,
черезъ мысъ Горнъ — 20.000 миль.

Т. е., иначе говоря, во всѣхъ случаяхъ наши подводные крейсера, не заходя никуда и изъ тактическихъ соображеній не выдавая своего присутствія, могутъ соединиться въ любомъ мѣстѣ земного шара, смѣло встрѣчаясь съ сильнѣйшимъ непріятелемъ и дѣйствуя противъ портовъ непріятеля, какъ-бы далеко они не находились. Кромѣ того, открытый океанъ даетъ полный просторъ для дѣйствій противъ морской торговли. Для пополненія же запасовъ при очень продолжительныхъ крейсерствахъ, подводный транспортъ въ любомъ мѣстѣ океана можетъ снабжать наши крейсера провизіей и топливомъ. Касаясь теперь базъ нашихъ двухъ закрытыхъ морей (Балтійскаго и Чернаго), нужно сказать, что ихъ совершенно закрытое для надводнаго флота положеніе, для подводныхъ эскадръ все-же даетъ возможность въ первый моментъ войны пройти даже незамѣченными въ океанъ для соединенія съ Сѣверной и Восточной эскадрами.

Теперь, касаясь матеріальной стороны, постройки подводныхъ крейсеровъ и ихъ содержанія, нужно сказать, что стоимость ихъ неизмѣримо дешевле. Если мы возьмемъ стоимость нашихъ дредноутовъ типа «Императрица Марія», которая до

войны обошлась намъ въ 35 милліоновъ, то на эти деньги можно было выстроить 6 подводныхъ крейсеровъ. О содержаніи и ремонтѣ, конечно, не приходится и говорить. Что-же касается личнаго состава, то для укомплектованія дредноута нужно 1.100—1.200 человѣкъ, для подводнаго же крейсера 400—500 и для миноносца — около 100, а для подводнаго крейсера въ 2.000 тоннъ, всего-навсего 80—100 человѣкъ.

Подсчитайте, какая будетъ разница и вы увидите, что кромѣ всѣхъ прочихъ качествъ этотъ типъ судовъ для Россіи наиболѣе выгодный.

Говоря о подводныхъ крейсерахъ, какъ объ оружіи наступательномъ, мы не должны забывать, что подводныя лодки меньшаго размѣра тоже необходимы при оборонѣ нашего побережья, и потому онѣ также должны строиться въ соотвѣтствующемъ количествѣ. Необходимость ихъ обнаружилась за время войны, такъ какъ для дѣйствій въ узкостяхъ, въ проливахъ, и постановка въ непріятельскихъ водахъ минъ загражденія и пр. гораздо удобнѣе для маленькихъ лодокъ по той простой причинѣ, что ихъ подводная циркуляція имѣетъ гораздо меньшій діаметръ и позволяетъ имъ разворачиваться въ узкостяхъ. Для такихъ цѣлей водоизмѣщеніе этихъ лодокъ не должно превышать 350 тоннъ. Очень хорошо себя показали купленныя во время войны въ Америкѣ лодки типа «АГ» (Американскій Голландъ). Онѣ обладаютъ всѣми качествами, необходимыми для обороны и нападенія.

Въ отношеніи количества подводныхъ крейсеровъ, необходимыхъ Россіи въ возможно скоромъ времени, нужно признать слѣдующія числа: въ Ледовитомъ океанѣ — 4 дивизіи — 16 подв. крейсеровъ, въ Тихомъ океанѣ — 4 дивизіи — 16 крейсеровъ, въ Балтійскомъ морѣ — 2 дивизіи — 8 крейсеровъ и въ Черномъ морѣ—1 дивизія—4 крейсера. Каждой дивизіи должно быть придано по дивизіону подводныхъ лодокъ (усовершенствованный типъ АГ съ минами загражденія) и летательныхъ аппаратовъ.Эти числа взяты изъ тѣхъ соображеній, что постройка ихъ можетъ быть исполнена быстро и необременительно для государства въ матеріальномъ отношеніи. Кромѣ того, постройка подводныхъ крейсеровъ могла бы начаться и теперь даже при такомъ хозяйственномъ хаотическомъ состояніи заводовъ въ Россіи, въ какомъ они находятся теперь, такъ какъ для этого не нужно ни большого числа рабочихъ, ни большого количества матеріала. Остатковъ отъ стараго совершенно достаточно, чтобы начать эту работу. Изъ тактическихъ соображеній этого числа достаточно на первое время не только для обороны, но и для нападенія.

Дѣйствительно, на основаніи опыта войны, мы можемъ теперь сказать, что десантная операція является крайне опасной

въ присутствіи въ морѣ подводныхъ лодокъ и подводныхъ крейсеровъ противника. Не забудемъ того, что перевозка американскихъ войскъ на континентъ могла совершиться только потому, что нѣмцы не использовали своихъ подводныхъ средствъ, и, главнымъ образомъ, потому, что они въ жертву политическимъ соображеніямъ принесли вѣрное въ ихъ рукахъ оружіе (Ген. Людендорфъ, адм. Шееръ).

И мы знаемъ, что если бы нѣмцы были болѣе настойчивы и менѣе увлекались бы «спиннымъ хребтомъ» флота, а совершенствовали бы подводные крейсера и имѣли бы ихъ въ достаточномъ количествѣ въ началѣ войны, то война была бы ими выиграна. (Адм. Симсъ, адм. Джеллико). Учитывая, что противъ Германіи былъ почти весь міръ и для нея это было слишкомъ трудно, не слѣдуетъ слишкомъ переоцѣнивать успѣхи союзниковъ, тѣмъ болѣе, что теперь достаточно извѣстны недостатки и ошибки, напр., перваго въ мірѣ англійскаго флота (Коммандеръ Беллерсъ, Ютландскій бой).

Въ доказательство активности дѣйствія германскихъ подводныхъ лодокъ мы можемъ привести нѣкоторыя цифры, которыя характеризуютъ въ то же время степень напряженія надводнаго флота. Наибольшее количество германскихъ лодокъ, дѣйствующихъ одновременно, то-есть въ одинъ промежутокъ времени, приблизительно нужно считать въ 35 единицъ (на всѣхъ театрахъ), противъ нихъ дѣйствовало въ тотъ же промежутокъ времени 3.500 различныхъ судовъ, не считая большихъ единицъ. Затѣмъ, всего за время войны погибло военныхъ судовъ:

1. Отъ артиллерійскаго огня — 146.
2. Отъ подводныхъ лодокъ — 138.

Англія и союзники потеряли:

1. Отъ артиллерійскаго огня — 40.
2. Отъ подводныхъ лодокъ — 90.

Германія и ея союзники потеряли:

1. Отъ артиллерійскаго огня — 106.
2. Отъ подводныхъ лодокъ — 49.

И вотъ цифры, характеризующія борьбу противъ подводныхъ лодокъ. Оказывается, что:

1. 500 союзныхъ миноносцевъ потопили 34 подводныхъ лодки.
2. 3.000 надв. судовъ (яхты, тральщики, катера и пр. вспомогат. суда) потопили — 31 подв. лодку.
3. 100 подв. лодокъ потопили — 20 подв. лодокъ (всѣ цифры взяты изъ «Арми эндъ Нэви Парсенсъ Магазинъ», Адм. Симсъ).

Что же касается того, что во второй половинѣ войны активность германскихъ подводныхъ лодокъ сильно понизилась, то

это просто объясняется тѣмъ, что нельзя въ дѣйствительности принимать нормальнымъ такое подавляющее превосходство въ силахъ на сторонѣ Антанты. Вѣдь это выходитъ одинъ на сто. Развѣ можно на этомъ основанiи считать, что подводный корабль побѣжденъ, и что его роль можетъ быть только второстепенной?

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ дается лишь общая характеристика дѣятельности подводнаго корабля, его возможнаго примѣненiя и развитiя въ очень недалекомъ будущемъ, и не разсматриваются детали, какъ то случай артиллерiйскаго боя между подводнымъ и надводнымъ кораблями, отраженiе воздушной атаки, ихъ маневрированiе и пр., все это требуетъ спецiальнаго изслѣдованiя, каковое мы постараемся дать въ будущемъ. Но мы считаемъ, что этотъ очеркъ даетъ представленiе о тактическихъ элементахъ подводнаго крейсера, которые позволяютъ, при умѣломъ ихъ использованiи и упорствѣ, занять на морѣ независимое положенiе съ наименьшей затратой матерiальныхъ средствъ. А главное, подводный флотъ не находится ни въ какой зависимости отъ числа надводныхъ линейныхъ кораблей противника, потому что инициатива всегда на его сторонѣ. Его нельзя нагнать и окружить, его нельзя заблокировать или уничтожить. Для подводнаго флота море всегда открыто. Изъ этихъ простыхъ соображенiй мы полагаемъ, что для Россiи, съ нашими особыми географическими условiями, подводный корабль долженъ быть «спиннымъ хребтомъ» флота.

Только этимъ оружiемъ мы вернемъ себѣ независимость и самостоятельность на морѣ. Мы имѣемъ три хорошихъ урока въ нашей Морской исторiи: Крымскую войну, Японскую войну и, наконецъ, послѣднюю. Этого достаточно, чтобы мы научились смотрѣть на флотъ не на какъ дорогую игрушку и чтобы знать, наконецъ, что намъ нужно и какими средствами мы можемъ этого достигнуть.

Капитанъ 2-го ранга Монастыревъ.

Бизерта 1922 г.

ВОПРОСЪ „НАДВОДНЫЙ ИЛИ ПОДВОДНЫЙ ФЛОТЪ“ ПОСЛѢ ВСЕМІРНОЙ ВОЙНЫ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ XX-го столѣтія подводныя лодки стали пріобрѣтать свойства боевого оружія, въ морской средѣ возникъ великій споръ: оставаться ли боевому флоту надводнымъ или стать подводнымъ.

Этотъ споръ не долго оставался замкнутымъ въ кругу спеціалистовъ и вскорѣ былъ вынесенъ на широкую арену общественнаго мнѣнія, которое обострило его до такихъ крайностей, что голосъ здраваго смысла и спокойнаго научнаго анализа по временамъ совершенно заглушался страстными рѣчами обѣихъ спорящихъ сторонъ.

Не рискуя впасть въ ошибку, можно съ увѣренностью сказать, что никогда, со времени существованія парового флота, ни одинъ изъ его спорныхъ вопросовъ не достигалъ такой страстности, какъ именно этотъ вопросъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ никогда такая страстность не принесла дѣлу столько вреда, какъ именно въ данномъ случаѣ.

Обостреніе этого спора произошло по вполнѣ понятнымъ причинамъ. Обычно — широкое и неподготовленное общественное мнѣніе, оставалось въ сторонѣ отъ споровъ между спеціалистами, особенно въ вопросахъ сухихъ и не дававшихъ пищи для воображенія, этого главнаго возбудителя всякаго, вообще, диллетантизма. Вслѣдствіе этого спеціальные споры развивались въ спокойной научной обстановкѣ, дававшей возможность, рано или поздно, придти къ правильному рѣшенію. Въ данномъ случаѣ воображеніе общественнаго мнѣнія было поражено и захвачено таинственностью новаго оружія, дѣйствующаго незримо, подъ водой, и приводимаго въ движеніе сложной системой механизмовъ, напоминающихъ непосвященнымъ, лабораторію алхимика. Поэтому моряки-спеціалисты, сторонники подводнаго флота, быстро и легко привлекли на свою сторону широкое общественное мнѣніе и, такимъ образомъ, этотъ споръ былъ вынесенъ на улицу и сталъ достояніемъ страстей.

Моряки-спеціалисты подводнаго флота защищали его всемогущество по свойственной всѣмъ вообще узкимъ спеціали-

стамъ односторонности, при чемъ многіе изъ нихъ доходили въ спорѣ „bonafide“ до самаго крайняго фанатизма; но, къ сожалѣнію, были и такіе, страстность и непримиримость коихъ имѣла свои источники на заводахъ, посвятившихъ себя строительству подводныхъ лодокъ. Общественное же мнѣніе примкнуло къ сторонникамъ подводнаго флота не только вслѣдствіе дѣйствовавшаго на воображеніе таинственнаго ореола, окружавшаго это оружіе, но и вслѣдствіе того, что въ подводномъ флотѣ оно видѣло, — (охотно вѣря спеціалистамъ, прославлявшимъ его всемогущество), — дешевое средство сравняться съ великими морскими державами. Это теченіе общественной мысли особенно ярко выразилось въ Россіи послѣ Русско-Японской войны, повлекшей за собой гибель всего ея флота и во Франціи, гдѣ парламентаризмъ даетъ мѣсто почти рѣшающему вліянію общественнаго мнѣнія на спеціальные вопросы.

При этомъ обостренію и расширенію этого спора особенно благопріятствовало то обстоятельство, что у спорящихъ сторонъ не было незыблемыхъ отправныхъ точекъ, для опоры ихъ аргументаціи, каковыми является для всякаго оружія, вообще, боевой опытъ, такъ какъ до всемірной войны подводныя лодки не имѣли случая показать свои свойства въ реальной боевой обстановкѣ.

При такихъ условіяхъ естественно, что представители научнаго и разумнаго рѣшенія этого спора должны были невольно уклониться въ другую крайность, для усиленія своей аргументаціи, а именно, отрицаніе боевого значенія подводнаго флота, вслѣдствіе чего споръ, вынесенный на улицу, принялъ съ обѣихъ сторонъ скорѣй демагогическій, нежели научный характеръ.

Черезъ этотъ споръ, въ болѣе или менѣе остромъ его видѣ, прошли всѣ флоты міра и въ результатѣ около 1910 года представители идеи всемогущества подводнаго флота были подавлены; но къ сожалѣнію, страстность, проявленная въ этомъ спорѣ, принесла столь вредные плоды, что міръ едва не поплатился за эту страстность катастрофой.

Дѣйствительно, вслѣдствіе того, что этотъ споръ шелъ въ предѣлахъ крайностей, — крайняя идея всемогущества подводнаго флота была побѣждена крайней идеей его боевой непригодности и поэтому, подводный флотъ къ началу всемірной войны занималъ значительно болѣе низкое мѣсто въ классификаціи морского оружія, чѣмъ то, которое подобало ему по праву и которое ему несомнѣнно было бы отведено, если бы этотъ споръ развивался въ нормальныхъ и спокойныхъ условіяхъ. По этой причинѣ всѣ флоты міра вступили въ минувшую войну, съ одной стороны съ малочисленнымъ и несовершеннымъ подводнымъ флотомъ, а съ другой стороны, — и это

главное, — надводный флотъ вступилъ въ войну, не имѣя никакихъ средствъ борьбы съ подводными лодками, что объясняется невѣрнымъ презрѣніемъ опасности со стороны подводнаго флота.

И этимъ обстоятельствомъ воспользовались нѣмцы, едва не доведя союзниковъ до капитуляціи подводной войной.

Теперь, послѣ всемірной войны, въ которой столь большое и видное мѣсто занимала подводная война, — мы имѣемъ тотъ обширный боевой опытъ, который даетъ достаточно прочныхъ отправныхъ точекъ, чтобы ввести этотъ споръ въ рамки обоснованнаго научнаго рѣшенія.

Къ началу всемірной войны составъ подводныхъ флотовъ воюющихъ сторонъ былъ слѣдующій: Англія — 55 подводныхъ лодокъ; Франція — 46; Россія — 20; Германія — 28.

Значительное большинство этихъ подводныхъ лодокъ было несовершеннаго типа, вслѣдствіе чего каждая изъ воюющихъ державъ могла выдѣлить въ началѣ войны для веденія боевыхъ операцій лишь весьма незначительное ихъ число.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, надводный флотъ всѣхъ державъ вступилъ въ войну, не имѣя никакихъ средствъ самозащиты отъ подводныхъ лодокъ и спеціальныхъ средствъ для веденія систематической борьбы съ ними.

Корпуса надводныхъ боевыхъ судовъ не имѣли достаточной конструктивной защиты отъ взрыва торпедъ — этого главнаго оружія подводныхъ лодокъ. Морская артиллерія не имѣла спеціальныхъ снарядовъ для пораженія подводныхъ лодокъ въ подводномъ состояніи и на надводномъ флотѣ не было никакихъ спеціальныхъ приборовъ для обнаруженія подводной лодки дѣйствующей подъ водой. Иными словами, надводный флотъ оказался совершенно беззащитнымъ противъ подводныхъ лодокъ.

Равнымъ образомъ, въ составѣ надводнаго флота отсутствовали спеціальныя суда и средства для непосредственной борьбы съ подводными лодками: малыхъ подвижныхъ и быстроходныхъ судовъ, на которыхъ основана вся борьба съ подводными лодками, было совершенно недостаточно; гидроавіація, оказавшая столько услугъ въ дѣлѣ борьбы съ подводными лодками, была въ зачаточномъ состояніи; не было сѣтей и достаточнаго числа минъ загражденія, нанесшихъ столь большой уронъ германскому подводному флоту во время войны.

При такихъ условіяхъ естественно и неудивительно, что подводная война достигла того колоссальнаго напряженія, которое едва не повлекло за собой побѣду нѣмцевъ надъ союзниками; ибо было бы совершенно ошибочнымъ полагать, что во время минувшей войны, развивавшаяся на морѣ напряженная

подводная война, не могла имѣть рѣшающаго вліянія на исходъ великой всемірной борьбы.

Наоборотъ — исходъ этой борьбы на сухомъ пути находился въ прямой зависимости отъ безопасности морскихъ путей сообщенія.

Если бы себѣ представить, что союзники были бы лишены морскихъ путей сообщенія, вслѣдствіе побѣды Германіи на морѣ, — то не трудно придти къ заключенію, что война на сухомъ пути была бы союзниками проиграна.

Дѣйствительно, если бы Германскій флотъ завладѣлъ морскими путями сообщенія, то на территорію Франціи не могли бы прибыть ни милліонныя Англійскія и Американскія арміи, ни даже ея собственныя цвѣтныя войска изъ Африки; а безъ этихъ милліонныхъ армій и цвѣтныхъ войскъ, Франція, конечно, не долго была бы въ состояніи сопротивляться натиску Германскихъ войскъ. Равнымъ образомъ, и Англія, всегда находящаяся въ прямой зависимости отъ подвоза заморскаго хлѣба, — была бы въ этомъ случаѣ, вынуждена голодомъ къ капитуляціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайное напряженіе военной техники и промышленности во время всемірной войны императивно требовало безопасности морскихъ сообщеній, для подвоза военныхъ запасовъ въ тѣ державы, кои не могли справиться въ военно-промышленномъ отношеніи собственными средствами, какъ напримѣръ — Россія и отчасти Франція.

Сколь огромное значеніе въ общемъ комплексѣ факторовъ, изъ которыхъ слагалась міровая война, игралъ факторъ морскихъ сообщеній, наглядно видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

За время войны было перевезено моремъ въ разныхъ направленіяхъ 10.000.000 солдатъ, 2.000.000 лошадей и 66.000.000 тоннъ военнаго груза.

Достаточно взглянуть на эти цифры, чтобы понять, какое значеніе имѣли во время всемірной войны морскія сообщенія и въ какой зависимости война на сушѣ находилась отъ исхода морской войны, основная цѣль которой есть борьба за морскіе пути сообщенія.

30 лѣтъ готовясь къ разразившейся въ 1914 году войнѣ, — нѣмцы издавна поняли какое громадное значеніе будетъ играть въ этой войнѣ море и поэтому, параллельно со своей арміей, они энергично развивали свой военный флотъ, который вскорѣ занялъ второе послѣ Англіи мѣсто. Но къ 1914 году нѣмцы не успѣли закончить той судостроительной программы, которая должна была довести ихъ надводный флотъ до одинаковой силы съ Англійскимъ. Вслѣдствіе этого, Германскій флотъ, не имѣя надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ союзнымъ флотомъ, съ первыхъ же дней войны заперся въ своихъ

гаваняхъ и этимъ предоставилъ въ распоряженіе союзниковъ всѣ морскія сообщенія на моряхъ и океанахъ.

Такое положеніе вещей вызвало глубокое разочарованіе, какъ въ Германской націи, возлагавшей столько надеждъ на свой флотъ, такъ, главнымъ образомъ, и въ средѣ Германскаго Главнаго Командованія, лишившагося столь важнаго фактора войны.

Но вдругъ, неожиданное событіе воскресило утраченныя надежды и передъ Германіей начала расти и шириться при всеобщемъ энтузіазмѣ перспектива побѣды на морѣ со всѣми учитываемыми ея послѣдствіями на исходъ великой міровой борьбы.

22-го сентября 1914 года, Германская подводная лодка «U-9» подъ командой, ставшаго впослѣдствіи народнымъ героемъ, капитана-лейтенанта Отто фонъ-Веддинга, аттаковала и потопила въ нѣсколько минутъ три англійскихъ крейсера типа «Абукиръ».

Это событіе вывело подводный флотъ изъ той тѣни полупрезрѣнія, въ которой онъ до этого находился и въ скоромъ времени всѣ надежды Германской націи стали покоиться на этомъ новомъ и до сихъ поръ заброшенномъ оружіи морской войны.

Сколь велики были надежды, основанныя на подводномъ флотѣ и сколь дѣйствительно рѣшающее значеніе въ міровой войнѣ имѣли морскія сообщенія, видно изъ слѣдующаго мнѣнія Германскаго Главнаго Командованія, приведеннаго въ мемуарахъ генерала Людендорфа.

Оцѣнивая обстановку міровой войны къ концу 1916 года и приходя къ пессимистическому заключенію, что война уже не можетъ быть закончена побѣдоноснымъ ударомъ Германскихъ армій на сухомъ пути — генералъ Людендорфъ пишетъ *):

«Такимъ образомъ, для насъ (къ концу 1916 года) пріобрѣли значеніе первостепенной важности вопросы мира и подводной войны; передъ нами стояла дилемма или заключить миръ, если бы подводная война не достигла результатовъ, или наоборотъ — добиться побѣды въ борьбѣ, доведя подводную войну до крайняго напряженія, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ оборонительномъ положеніи на сухомъ пути...» и далѣе: «подводная война, доведенная до крайняго напряженія, была теперь послѣднимъ средствомъ довести всю борьбу до побѣдоноснаго конца».

*) Мемуары генерала Людендорфа. Томъ I-й, стр. 337 и 341, французское изданіе.

Въ тотъ моментъ, когда совершилось вышеописанное событіе, 22 сентября 1914 года, германскій подводный флотъ насчитывалъ въ своемъ составѣ едва 30 и то несовершенныхъ подводныхъ лодокъ; съ этого момента вся энергія Германскаго Морского Командованія и германскихъ судостроительныхъ заводовъ была направлена на постройку, усовершенствованіе и подготовку къ бою подводныхъ лодокъ, коихъ къ концу войны было построено и введено въ строй почти 400.

И такимъ образомъ, послѣ этого событія, открывшаго міру глаза на боевыя свойства подводныхъ лодокъ, на морѣ началась упорная, до послѣдней крайности, напряженная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, коварная борьба, достигшая столь значительныхъ результатовъ, главнымъ образомъ потому, что надводный флотъ былъ къ ней не подготовленъ и неожиданно выявившіяся свойства подводныхъ лодокъ захватили его врасплохъ.

Съ самаго начала своего возникновенія, подводная война пошла по двумъ направленіямъ: борьба противъ надводнаго боевого флота, имѣвшая цѣлью ослабить его настолько, чтобы дать возможность германскому флоту вступить съ нимъ съ надеждой на успѣхъ въ генеральное сраженіе и война противъ коммерческаго-транспортнаго флота (такъ называемая каперская война), имѣвшая цѣлью прекратить морскія сообщенія союзниковъ.

Вслѣдствіе полной беззащитности въ первое время надводнаго флота и отсутствію средствъ борьбы съ подводными лодками, результаты подводной войны быстро достигли такихъ размѣровъ, передъ которыми со стороны союзниковъ потребовались невѣроятныя усилія, чтобы спасти себя отъ пораженія и возстановить отсутствующее равновѣсіе между силой нападенія подводнаго флота и силой защиты надводнаго флота.

Первое время, пока не были изобрѣтены и созданы въ достаточномъ количествѣ средства защиты отъ подводныхъ лодокъ, надводныя боевыя суда попрятались въ своихъ гаваняхъ, откуда они выходили лишь изрѣдка съ большими предосторожностями, — а коммерческія суда самоотверженно и безмолвно погибали подъ ударами германскихъ подводныхъ лодокъ, увлекая на дно морское милліоны тоннъ, столь необходимаго для успѣшнаго веденія войны боевого и продовольственнаго груза.

За все время подводной войны, — то есть, съ сентября мѣсяца 1914 года по 11 ноября 1918 года (окончаніе всемірной войны) союзники потеряли отъ дѣйствій германскихъ подводныхъ лодокъ въ общей сложности 653.000 тоннъ своего надводнаго боевого флота, что составляетъ 12% отъ всего тоннажа союзнаго боевого флота и — 12.500.000 тоннъ коммерческаго флота, что составляетъ 30% всего коммерческаго тоннажа державъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ противъ Германіи. При

этомъ разница въ процентѣ между погибшимъ боевымъ и коммерческимъ флотомъ объясняется тѣмъ, что боевыя суда сравнительно рѣдко выходили въ море, и въ общемъ, конечно, были болѣе подготовлены и приспособлены къ избѣжанію атакъ подводныхъ лодокъ, благодаря своему большому ходу и военной организаціи, чѣмъ коммерческія суда; коммерческія же суда неизбѣжно должны были безпрерывно бороздить морскія воды, цѣной хотя бы громадныхъ жертвъ, поддерживать морскія сообщенія союзниковъ.

До тѣхъ поръ, пока не были созданы въ достаточномъ количествѣ спеціальныя средства борьбы съ подводными лодками, подводная война заключалась въ весьма простой концепціи: Германія съ лихорадочной поспѣшностью строила подводныя лодки и почти безнаказанно топила коммерческія суда союзниковъ, а союзники съ помощью нейтральныхъ (и особенно Америки), еще болѣе лихорадочно строили новыя коммерческія суда, чтобы восполнять потери и тѣмъ поддерживать общій транспортный тоннажъ, обращавшійся на морскихъ путяхъ сообщенія, на уровнѣ требованій, предъявляемыхъ морскому подвозу, условіями войны на сушѣ.

Такимъ образомъ, завязалась гигантская борьба морской строительной техники съ обѣихъ сторонъ, которая закончилась побѣдой союзниковъ, ибо къ концу войны союзникамъ удалось не только пополнить потери въ тоннажѣ, происшедшія отъ подводной войны, но даже общій тоннажъ союзнаго коммерческаго флота оказался послѣ войны почти на 3.500.000 тоннъ больше, чѣмъ онъ былъ въ ея началѣ.

Эта побѣда объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что судостроительныя средства союзниковъ были болѣе мощны, чѣмъ таковыя же въ одной Германіи и тѣмъ, что постройка коммерческаго судна гораздо проще и занимаетъ значительно меньше времени, чѣмъ постройка сложной подводной лодки.

Но если бы подводная война ограничилась только въ этой чисто пассивной формѣ «борьбы техникъ» и къ ней на помощь не пришла бы активная борьба съ подводнымъ флотомъ, какъ таковымъ, выразившаяся въ созданіи средствъ къ защитѣ отъ подводныхъ лодокъ и средствъ къ ихъ уничтоженію, — то врядъ ли одна только «борьба техникъ» дала бы побѣду союзникамъ.

Передъ лицомъ неожиданныхъ результатовъ подводной войны союзные флоты начали лихорадочно изыскивать методы и средства борьбы съ подводными лодками и, параллельно съ наростаніемъ ихъ числа въ Германіи — изобрѣтались и спѣшно создавались въ лагерѣ союзниковъ средства борьбы съ ними.

Однако, потребовалось почти 3 года для изысканія этихъ средствъ и созданія ихъ въ такомъ количествѣ, чтобы парали-

зовать боевую дѣятельность германскихъ подводныхъ лодокъ и добиться окончательной надъ ними побѣды.

3 года, — въ теченіе которыхъ союзники жили подъ постоянной тревогой пресѣченія своихъ морскихъ сообщеній, безъ коихъ война для нихъ не могла продолжаться, при чемъ эта тревога временами доходила до трагизма, когда въ началѣ 1917 года мѣсячный тоннажъ потопленныхъ судовъ доходилъ до гигантской цифры милліона.

Эти 3 года тревоги были той жестокой данью, которою поплатилось общественное мнѣніе за свое вмѣшательство въ спеціальный споръ о подводномъ флотѣ, — вмѣшательство, уклонившее этотъ споръ съ правильнаго пути его разрѣшенія.

Съ первыхъ же дней войны было замѣчено, что надводныя суда, двигающіяся со скоростью, превышающей скорость подводныхъ лодокъ и къ тому же охраняемыя достаточнымъ числомъ мелкихъ быстроходныхъ и подвижныхъ судовъ, — легко могутъ избѣгать атакъ подводныхъ лодокъ. Такъ какъ значительное большинство современныхъ боевыхъ судовъ обладало скоростью превышающей скорость подводныхъ лодокъ и такъ какъ въ составѣ большинства флотовъ было достаточное количество мелкихъ судовъ (въ частности миноносцевъ) для охраны крупныхъ боевыхъ единицъ, — то съ того момента, какъ этотъ методъ охраны (ходъ и мелкія суда) началъ примѣняться при передвиженіяхъ боевыхъ единицъ, — успѣшныя атаки на нихъ со стороны подводныхъ лодокъ сдѣлались случайнымъ явленіемъ. Тотъ же методъ охраны примѣнялся и при перевозкѣ войскъ, которыя перевозились всегда на быстроходныхъ судахъ пассажирскаго типа и подъ усиленнымъ конвоемъ мелкихъ вооруженныхъ судовъ, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что за все время войны изъ 10.000.000, перевезенныхъ по морю солдатъ — ни одинъ не погибъ отъ атакъ подводныхъ лодокъ, причемъ, напримѣръ, вся свыше-милліонная Американская армія была перевезена во Францію безъ малѣйшихъ потерь въ самый разгаръ наиболѣе напряженной подводной войны.

Но сравнительно ничтожное число соотвѣтствующихъ мелкихъ судовъ въ составѣ союзныхъ флотовъ, достигавшее въ началѣ войны въ общей сложности едва 700 (въ томъ числѣ и миноносцы), не позволяло примѣнять этотъ методъ охраны къ коммерческимъ судамъ, которыя ежедневно, изо-дня въ день, передвигались тысячами по поверхности морей и океановъ.

Но разъ было замѣчено, что мелкія суда составляютъ одинъ изъ главныхъ элементовъ защиты отъ подводныхъ лодокъ, союзники тотчасъ же приступили къ ихъ постройкѣ сотнями и къ приспособленію для военныхъ цѣлей подходящихъ

для борьбы съ подводными лодками многочисленныхъ рыболовныхъ судовъ, яхтъ и буксировъ. Этимъ путемъ число такихъ судовъ было доведено къ концу войны до 5.000, что уже дало возможность установить раціональную охрану коммерческихъ судовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вести неослабное наблюденіе за тѣми раіонами морскихъ путей, гдѣ появленіе подводныхъ лодокъ было наиболѣе вѣроятно.

Къ мелкимъ охраннымъ судамъ вскорѣ присоединились гидроаэропланы, такъ какъ они могли обнаружить подводную лодку въ подводномъ состояніи, летая на опредѣленной высотѣ надъ поверхностью моря, вслѣдствіе этого число ихъ измѣрявшееся въ началѣ войны десятками, къ концу войны измѣрялось уже тысячами.

Но мелкія суда и гидроаэропланы, до тѣхъ поръ, пока они не получили спеціальнаго оружія для уничтоженія подводныхъ лодокъ, — были лишь средствомъ пассивной охраны, такъ какъ ни снарядъ, пущенный изъ орудія охраннаго судна, ни тѣмъ болѣе пуля, выпущенная изъ пулемета гидроаэроплана, — не могли нанести никакого вреда подводной лодкѣ подъ водой.

И вотъ на арену подводной борьбы выступаетъ новое изобрѣтеніе всемірной войны — гидростатическая бомба — этотъ бичъ подводной лодки. Съ появленіемъ этой бомбы, подводная лодка утрачиваетъ свою неуязвимость подъ водой. Эта бомба, сброшенная съ судна или съ аэроплана, взрывается не у поверхности воды, а на той, заранѣе заданной глубинѣ, на которой обычно держится подводная лодка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе расширяются минныя поля и морскія глубины, въ раіонѣ дѣйствія подводныхъ лодокъ, усѣиваются на пространствахъ тысячъ квадратныхъ миль, смертельнымъ для подводной лодки орудіемъ, — миной загражденія. Число поставленныхъ минъ загражденія, начиная со скромной цифры въ нѣсколько десятковъ тысячъ, переходитъ къ концу войны къ исчисленію сотнями тысячъ.

И, такимъ образомъ, подводная лодка совершенно утрачиваетъ ореолъ неуязвимости и плаваніе для нея подъ водой становится все болѣе и болѣе опаснымъ.

И, наконецъ, въ 1917 году на сцену появляется то орудіе, которое должно нанести подводной лодкѣ смертельный ударъ, развѣнчавъ второе и главное ея свойство — невидимость, которое, сочетаясь съ неуязвимостью, давало въ руки ея сторонниковъ главный аргументъ для прославленія ея всемогущества.

Изобрѣтеніе это есть, такъ называемый, аппаратъ Вальсера, представляющій изъ себя усовершенствованный и приспособленный къ борьбѣ съ подводными лодками гидрофонъ.

Этотъ аппаратъ даетъ возможность опредѣлить по слуху точное мѣсто и направленіе движенія подводной лодки, невидимо передвигающейся подъ водой.

Съ изобрѣтеніемъ этого аппарата началась систематическая и поистинѣ ужасная охота на подводныя лодки.

Малыя охранныя суда, снабженныя этими аппаратами и большимъ числомъ гидростатическихъ бомбъ, сводились попарно въ такъ называемыя «наступательныя слуховыя группы» и отправлялись «на охоту» въ раіоны моря, посѣщаемыя подводными лодками. Каждая группа медленно передвигалась въ назначенномъ ей раіонѣ и внимтельно «слушала»; какъ только аппаратъ зарегистровывалъ отдаленный шумъ винтовъ подводной лодки, группа, при помощи особаго устройства въ аппаратѣ, опредѣляла направленіе этого шума и шла прямо на него; по мѣрѣ приближенія къ цѣли, шумъ дѣлался все явственнѣе и аппаратъ, наконецъ, точно опредѣлялъ моментъ, когда группа проходила какъ разъ надъ самой подводной лодкой; въ этотъ моментъ сбрасывалась серія гидростатическихъ бомбъ и черезъ нѣсколько секундъ на поверхности моря появлялись громадные воздушные позыри и пятна масла, — послѣдніе слѣды, погибшаго подъ водой неизвѣстнаго врага.

И, такимъ образомъ, личный составъ подводныхъ лодокъ, имѣвшій ранѣе подъ водой надежное убѣжище, гдѣ онъ чувствовалъ себя неуязвимымъ и, главное, невидимымъ, — потерялъ это убѣжище, являвшееся главной сильной стороной подводной лодки. «Слуховой аппаратъ» сорвалъ съ подводной лодки «шапку невидимку». И съ этихъ поръ, ничто не могло быть трагичнѣе участи экипажа подводныхъ лодокъ: онъ долженъ былъ идти подъ водой, ежеминутно ожидая, что физически неустранимый шумъ винтовъ выдастъ присутствіе лодки и навлечетъ на нее серію гидростатическихъ бомбъ, твердо при этомъ зная, что изъ подводной лодки подъ водой, никому нѣтъ спасенія. Что можетъ быть трагичнѣе ежеминутнаго ожиданія смертельнаго удара со стороны невидимаго врага. Ироніи судьбы угодно было, чтобы подводная лодка была побѣждена тѣмъ самымъ оружіемъ, которымъ она побѣждала: невидимо подкрадываясь къ надводному кораблю, она теперь сама должна ждать смертельнаго удара со стороны невидимаго ею, но обладающаго «острымъ слухомъ» врага.

Съ тѣхъ поръ, какъ часть морскихъ глубинъ была усѣяна большимъ количествомъ миныхъ полей, а по поверхности незаминированныхъ водъ стали крейсеровать въ достаточномъ числѣ «наступательныя слуховыя группы», — успѣхи подводной войны начали рѣзко падать.

Нѣмцы не успѣвали строить подводныя лодки для замѣны погибшихъ и не успѣвали подготовлять достаточное ко-

личество личнаго состава для ихъ укомплектованія, тѣмъ болѣе, что съ этихъ поръ охотниковъ служить на нихъ не стало.

Чтобы дать себѣ отчетъ, сколь дѣйствительны были созданныя всемірной войной средства для борьбы съ подводными лодками, достаточно отмѣтить, что изъ 388 подводныхъ лодокъ, введенныхъ въ дѣйствіе Германіей за все время войны, ихъ было уничтожено союзниками 203. И надо лишь удивляться стойкости германскаго личнаго состава, сумѣвшаго нѣкоторое время выдерживать столь высокій и даже небывалый процентъ потерь (свыше 50%), да еще къ тому же въ какой трагической боевой обстановкѣ.

Приводимая здѣсь характерная діаграмма наглядно показываетъ, какъ, начиная съ апрѣля мѣсяца 1917 года, стала рѣзко падать кривая потопленныхъ судовъ, съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцамъ не удавалось больше увеличивать число дѣйствующихъ подводныхъ лодокъ (кривая № 3), вслѣдствіе того, что они не успѣвали пополнять потери, наносимыя подводному флоту (кривая № 2), все болѣе и болѣе возрастающими средствами борьбы съ подводными лодками.

Такимъ образомъ, начало 1917 года было критическимъ срокомъ не только въ подводной войнѣ противъ коммерческаго флота во время всемірной войны, — но и въ исторіи подводнаго флота вообще, такъ какъ къ этому сроку было доказано, что при наличіи достаточнаго количества спеціальныхъ средствъ борьбы съ подводными лодками, дѣйствія ихъ могутъ быть парализованы наравнѣ со всякимъ боевымъ оружіемъ вообще.

И съ этого момента, подводная лодка, утративъ свой ореолъ неуязвимости и невидимости, вошла въ разрядъ рядового оружія морской войны, съ которымъ успѣшная борьба стала вообще возможной и вполнѣ закономѣрной.

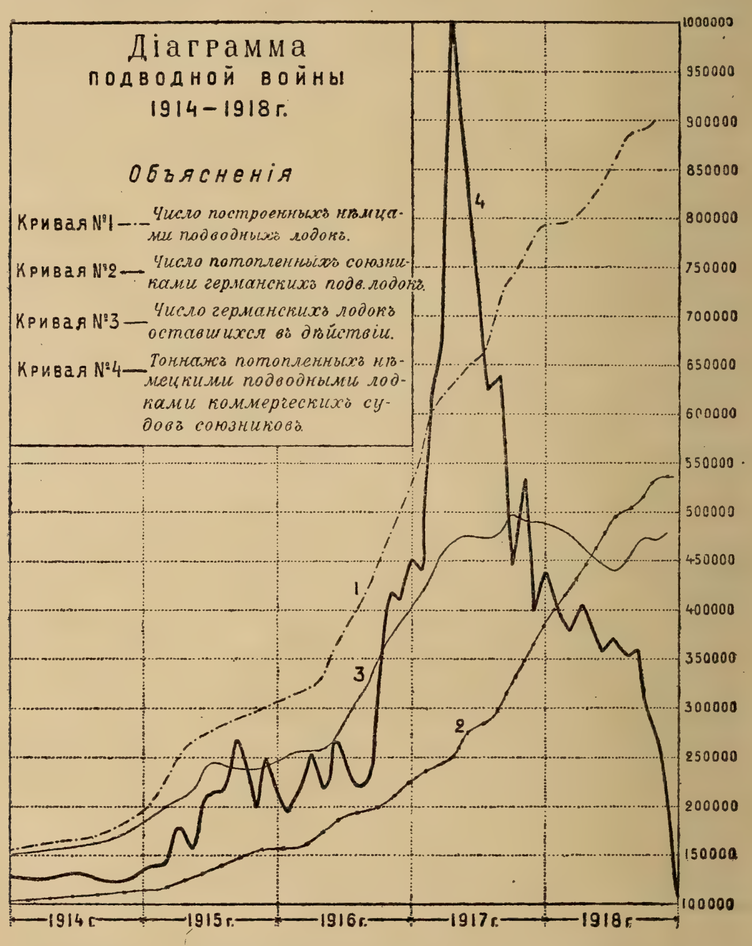
Но, помимо этого срока, выявившаго полную возможность парализовать дѣйствія подводныхъ лодокъ, направленныя противъ морскихъ сообщеній, въ теченіи всемірной войны, былъ еще одинъ знаменательный моментъ, выяснившій относительное безсиліе подводныхъ лодокъ противъ надводнаго боевого флота и, въ частности, малую пригодность ихъ для дѣйствій въ современныхъ морскихъ сраженіяхъ.

Моментъ этотъ былъ Ютландскій бой.

Выше уже было указано, что за время минувшей войны, подводныя лодки имѣли несравненно меньше успѣха въ дѣйствіяхъ противъ боевыхъ кораблей, нежели противъ коммерческихъ судовъ, что объясняется большимъ ходомъ боевыхъ кораблей и должными мѣрами ихъ охраны.

При этомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить, что и тѣ успѣхи подводныхъ лодокъ противъ боевыхъ кораблей, кои

были зарегистрованы, относятся къ спецiальнымъ случаямъ, когда послѣднiе или были недостаточно охраняемы, или оперировали въ особой обстановкѣ, при чемъ, обычно, эти успѣхи имѣли мѣсто противъ изолированныхъ кораблей или малочисленныхъ отрядовъ.



Во время Ютландскаго боя, въ теченiи цѣлыхъ сутокъ на полѣ сраженiя маневрировала компактная масса Англiйскаго флота, почти въ 100 надводныхъ боевыхъ единицъ и казалось бы, лучшаго случая не могло представиться для германскихъ подводныхъ лодокъ, чтобы проявить свои боевыя свойства въ сраженiи. Тѣмъ не менѣе, ни одинъ корабль Англiйскаго флота, какъ во время самаго боя, такъ до и послѣ него, возвра-

щаясь въ свои порты, не получилъ ни малѣйшаго поврежденія отъ подводныхъ лодокъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, Германское Морское Командованіе, отдавая себѣ ясный отчетъ въ томъ, что всѣ шансы на успѣхъ въ этомъ бою покоятся на надеждѣ вывести изъ строя во время боя, или до него, при помощи подводныхъ лодокъ нѣсколько непріятельскихъ линейныхъ кораблей, — приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы сосредоточить къ полю сраженія и вообще въ раіонѣ операціи, возможно большее число своихъ лучшихъ подводныхъ лодокъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ въ своихъ мемуарахъ бывшій Командующій Германскимъ флотомъ адмиралъ фонъ-Шееръ.

Неуспѣхъ подводныхъ лодокъ въ современномъ морскомъ сраженіи предвидѣлся еще и до всемірной войны. Онъ объясняется тѣмъ, что современное морское сраженіе развивается на скоростяхъ свыше 20-ти узловъ, превышающихъ вдвое скорость подводной лодки въ погруженномъ состояніи; при чемъ, благодаря частымъ перемѣнамъ направленія движенія маневрирующихъ въ сраженіи боевыхъ единицъ, подводная лодка не успѣваетъ занять позицію для атаки и сама очень быстро «выпадаетъ» изъ поля сраженія, проносящагося надъ ней съ такой большой скоростью.

При этомъ, задача подводныхъ лодокъ значительно усложняется еще и тѣмъ, что современные флоты сопровождаются и охраняются въ сраженіи цѣлыми «стаями» миноносцевъ, этихъ грозныхъ бичей подводныхъ лодокъ, не дающихъ имъ возможности высунуть изъ подъ воды на достаточное время перископъ, чтобы спокойно оріентироваться въ томъ хаосѣ, быстро двигающихся въ разныхъ направленіяхъ судовъ, который представляетъ изъ себя современное большое морское сраженіе.

Параллизованіемъ подводной каперской войны и Ютландскимъ боемъ, всемірная война отвѣтила на легенду о всемогуществѣ подводныхъ лодокъ. Слава подводныхъ лодокъ въ этихъ главныхъ видахъ операцій морской войны — генеральномъ сраженіи и каперской войнѣ — померкла, несмотря на то, что нѣмцами было проявлено въ подводной войнѣ максимальное возможное напряженіе, какъ въ техническомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи.

Съ этой точки зрѣнія можно увѣренно сказать, что врядъ ли гдѣ-либо въ мірѣ сторонники подводныхъ лодокъ могли бы найти болѣе страстныхъ и энергичныхъ адептовъ, чѣмъ въ Германіи, тѣмъ болѣе, что вся Германія, во главѣ съ ея вождемъ Людендорфомъ, возлагала на «могущество» подводныхъ лодокъ всѣ свои упованія.

Послѣ войны, специалисты, анализируя оставленный ею въ наслѣдство богатый опытъ въ области операцій подводныхъ лодокъ, быстро формулировали причины, развѣнчавшія «всемогущество» подводныхъ лодокъ и разобрались въ вопросѣ о томъ, какимъ образомъ, опытъ войны долженъ вліять на составъ будущихъ флотовъ.

По даннымъ опыта, будущее подводныхъ лодокъ опредѣляется слѣдующими факторами, создающими ихъ органическую слабость: подводная лодка не могла и не можетъ достигнуть въ погруженномъ состояніи, вслѣдствіе особыхъ физическихъ причинъ, скорости надводнаго корабля; подводная лодка оказалась уязвимой подъ водой при помощи гидростатическихъ бомбъ, при чемъ борьба между силой взрыва бомбы и крѣпостью корпуса лодки неизбѣжно закончится пораженіемъ послѣдней, ибо, вступивъ на путь бронированія своего корпуса, подводная лодка должна будетъ настолько увеличивать свой тоннажъ и размѣры, что она рано или поздно утратитъ въ этой борьбѣ свое основное свойство — быстроту погруженія; и наконецъ, подводная лодка, если осталась еще пока невидимой, то она оказалась «уловимой на слухъ», а шумъ винтовъ объ воду физически неустранимъ.

По этимъ причинамъ, подводная лодка вошла на будущее, и вѣроятно долгое время, въ составъ современнаго флота, какъ рядовое и при томъ, второстепенное оружіе морской войны.

Въ отношеніи надводнаго боевого флота, опытъ войны далъ два основныхъ указанія: необходимость наличія въ составѣ флотовъ значительнаго числа спеціальныхъ мелкихъ охранныхъ судовъ и необходимость усиленія защиты подводной части корпусовъ надводныхъ судовъ отъ взрыва торпедъ, которыми вооружена подводная лодка.

Слѣдуя этимъ указаніямъ, всѣ современные флоты, главнымъ образомъ, увеличиваютъ число мелкихъ судовъ и новые линейные корабли строятся съ такимъ разсчетомъ, чтобы безнаказанно выдержать взрывъ нѣсколькихъ торпедъ.

Въ заключеніе этого очерка мы не можемъ дать лучшаго отвѣта на великій споръ: «надводный или подводный флотъ», какъ тотъ отвѣтъ, который даетъ намъ слѣдующій фактъ: базируясь на опытѣ всемірной войны, всѣ морскія державы міра ведутъ дальнѣйшее развитіе своихъ флотовъ по пути увеличенія числа и размѣровъ боевыхъ линейныхъ кораблей и недавно минувшая Вашингтонская конференція основной базой для учета силъ флотовъ приняла тоннажъ этихъ послѣднихъ.

А. Бубновъ.

МОРСКАЯ ХРОНИКА.

ЭСКАДРЕННАЯ АВІАЦІЯ.

Изъ всѣхъ новостей военно-морского дѣла, послѣ минувшей войны, несомнѣнно, первое и наиболѣе интересное мѣсто занялъ нынѣ вопросъ морской авіаціи вообще и эскадренной авіаціи въ частности.

Еще сравнительно недавно и даже во время міровой войны морская авіація занимала весьма скромное мѣсто въ ряду боевыхъ средствъ морской вооруженной силы, въ то время какъ ея собратъ на сухомъ пути дѣлалъ головокружительные успѣхи.

Основной причиной этого являлись тѣ органическіе недостатки гидро - аэроплановъ, составлявшихъ главный кадръ морской авіаціи, которые не давали возможности морской авіаціи занять то видное мѣсто въ морской войнѣ, которое заняла авіація въ войнѣ на сушѣ.

Гидро-аэропланъ, какъ указываетъ само его названіе, предназначенный садиться на водную поверхность, снабженъ для сего вмѣсто колесъ спеціальными поплавковыми устройствами или спеціальнымъ устройствомъ корпуса; эти устройства значительно увеличиваютъ его мертвый грузъ, по сравненію съ сухопутнымъ аэропланомъ, вслѣдствіе чего гидро-аэропланъ всегда отличался меньшей боевой грузоподъемностью (бомба) и меньшей скоростью отъ своего сухопутнаго собрата. Кромѣ того, и это главное, поверхность моря весьма рѣдко бываетъ гладкой и, какъ бы не были прочны поплавковыя устройства, гидроаэропланъ рѣдко встрѣчаетъ такое состояніе моря, при которомъ онъ могъ бы безопасно для себя на него садиться. Поэтому, во время міровой войны, гидро-авіаціи была отведена скромная роль охраны своихъ береговъ, а въ дальнія операціи она находила случай, въ зависимости отъ состоянія моря, пускаться очень рѣдко. При чемъ и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ ея успѣхи были особенно незначительны, когда гидро-аэропланы встрѣчали въ воздухѣ, въ качествѣ противника, быстрые и лучше чѣмъ они, вооруженные сухопутные аппараты.

Но съ того момента, когда появилась мысль использовать сухопутный аэропланъ въ морской войнѣ, морская авіація дѣлаетъ гигантскій скачекъ впередъ и боевое значеніе авіаціи въ

морской войнѣ начинаетъ заполнять умы военныхъ моряковъ, доводя нѣкоторые изъ нихъ даже до степени слѣпого фанатизма.

Эта мысль нашла себѣ выраженіе въ созданіи на поверхности моря передвигающихся твердыхъ и ровныхъ плоскостей, на которыя аэропланъ могъ бы садиться своими колесами, какъ на поверхность суши. Для этого поступили очень просто: срѣзали съ большого корабля мачты, отвели въ сторону его дымовыя трубы, настлали по всей его длинѣ и ширинѣ гладкую и ровную палубу и получилась идеальная, передвигающаяся куда угодно по поверхности моря, площадь для аттерисажа въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ метровъ.

Съ этого момента аэропланы, переносимые на «палубѣ-поверхности» «авіаціонныхъ кораблей», получаютъ возможность слѣдовать въ дальнія операціи вмѣстѣ съ флотомъ и принимать участіе въ морскихъ бояхъ.

Съ появленіемъ этой возможности всѣ великія морскія державы начали создавать «авіаціонные корабли», которые въ короткій срокъ достигли гигантскихъ размѣровъ, достигающихъ 30.000 тоннъ водоизмѣщенія, при скорости хода до 30 узловъ. При чемъ въ недалекомъ будущемъ и эти гигантскіе размѣры этого новаго типа судовъ будутъ превзойдены, ибо Америка, Англія, Японія и Франція рѣшили обратить въ «авіаціонные корабли» тѣ новѣйшіе и громадные боевые корабли, постройка коихъ и вооруженіе было остановлено Вашингтонскимъ договоромъ объ ограниченіи вооруженій. Такимъ образомъ, въ ближайшіе мѣсяцы мы можемъ увидѣть появленіе Американскаго авіаціоннаго корабля въ 35.000 тоннъ водоизмѣщенія, со скоростью хода въ 33 узла при поверхности аттерисажа въ 9.300 квадр. метра, передѣланнаго изъ боевого крейсера гиганта типа «Констеллешіонъ».

Всѣдъ за Америкой по тому же пути идутъ Англія, Японія и Франція, передѣлывая въ авіаціонные корабли свои новѣйшіе боевые крейсера и корабли типа «Худъ», «Амажи» и «Беарнъ».

И такимъ образомъ во всѣхъ флотахъ великихъ морскихъ державъ создается «эскадренная авіація» въ видѣ эскадрилій сухопутныхъ аппаратовъ, переносимыхъ, вслѣдъ за боевыми эскадрами на палубахъ «авіаціонныхъ кораблей» къ полямъ морскихъ сраженій.

Появленіе аэроплановъ надъ полями морскихъ сраженій сразу вызвало къ жизни цѣлый рядъ вопросовъ о боевомъ ихъ использованіи, каковые вопросы сразу же заняли видное мѣсто въ области морской тактики.

Не говоря уже о развѣдкѣ — этомъ основномъ качествѣ воздушныхъ аппаратовъ, — на очереди всталъ вопросъ охра-

ны надводныхъ кораблей отъ подводныхъ лодокъ, видимыхъ для воздушныхъ аппаратовъ съ высоты.

Но наибольшее вниманіе привлекла къ себѣ возможность использованія аэроплановъ, какъ активнаго оружія морского боя.

Въ этой области, прежде всего, было обращено вниманіе на корректированіе съ аэроплановъ огня тяжелой артиллеріи боевыхъ кораблей, при чемъ, широко поставленные опыты въ этомъ направленіи во Французскомъ флотѣ въ теченіи этого лѣта, дали хорошіе результаты.

Далѣе, въ настоящее время въ нѣкоторыхъ странахъ и особенно въ Америкѣ, производятся въ большомъ секретѣ опыты управленія съ аэроплана при помощи безпроволочнаго телеграфа, самодвижущейся миной (торпедой), пущенной въ воду съ того же аэроплана, предварительно снизившагося до поверхности воды и быстро забирающаго потомъ высоту, для управленія ея движеніями.

И, наконецъ, во всѣхъ флотахъ и особенно въ Американскомъ, были произведены опыты метанія съ аэроплановъ бомбъ громадныхъ размѣровъ (до 60 пудовъ вѣсомъ), которыя при попаданіи въ корабль его топили; при этомъ, однако, слѣдуетъ отмѣтить, что эти опыты производились по *неподвижнымъ* кораблямъ и корабли эти имѣли лишь слабую, горизонтальную броню, не разсчитанную на бомбардировку съ воздуха (старый Американскій броненосецъ «Санъ-Марко» и бывшій Германскій броненосецъ «Остъ-Фрисландъ»).

Неожиданныя и мощныя боевыя возможности, появившіяся въ морской тактикѣ съ появленіемъ аэроплановъ надъ полями морскихъ сраженій, создали для морской авіаціи столь же ярыхъ и фанатичныхъ сторонниковъ, каковыхъ нѣкогда пріобрѣла себѣ подводная лодка.

Эти фанатичные сторонники, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ вѣчно пылкій и не въ мѣру увлекающійся адмиралъ Англійскаго флота сэръ Перси Скоттъ, подняли оглушительный шумъ вокругъ морской авіаціи, утверждая, подчасъ въ самой рѣзкой и вмѣстѣ съ тѣмъ мало обоснованной формѣ, что нынѣ, наконецъ, пробилъ послѣдній часъ надводнаго боевого корабля, который будетъ уничтоженъ съ воздуха. Не лишнимъ будетъ при этомъ вспомнить, что тотъ же адмиралъ съ неменьшимъ пыломъ и пафосомъ предрекалъ гибель надводнаго корабля, когда впервые появились подводныя лодки, ярымъ сторонникомъ коихъ онъ сразу же сдѣлался, охладѣвъ къ нимъ послѣ опыта міровой войны.

Однако, спокойные представители военно-морской науки, вполнѣ сознавая всю важность этого новаго фактора морского боя, не приписываютъ ему столь могущественнаго боевого зна-

ченія. На пылкія рѣчи превозносителей морской авіаціи они возражаютъ, что опыты метанія бомбъ по *неподвижному* кораблю въ спокойной, не боевой обстановкѣ, ничего не доказываютъ; что во время минувшей войны изъ тысячи случаевъ метанія бомбъ съ аэроплановъ по движущимся кораблямъ (когда они приближались къ берегамъ), не было ни одного случая попаданія; что впредь палубы боевыхъ кораблей будутъ бронироваться съ разсчетомъ на сопротивленіе бомбамъ бросаемымъ съ воздуха, — чего до сихъ поръ не было; и наконецъ, что «всякое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе», вслѣдствіе чего аэропланы-корректировщики, миноносцы и бомбометатели, неизбѣжно встрѣтятъ надъ будущими полями морскихъ сраженій многочисленные аэропланы-истребители противника, чего не учитываютъ фанатичные сторонники всемогущества морской авіаціи, что въ сущности является въ этомъ вопросѣ рѣшающимъ факторомъ.

Какъ заключительный аккордъ въ этомъ спорѣ, не безъинтересно будетъ привести здѣсь выдержку изъ доклада выдающагося корабельнаго инженера сэра Ефстафія Эйнкурта, директора Англійскаго Департамента Кораблестроенія, — сдѣланнаго имъ въ іюлѣ текущаго года на 63-емъ конгрессѣ морскихъ инженеровъ въ Парижѣ:

«Опытъ», — говоритъ сэръ Эйнкуртъ, — показываетъ, что не слѣдуетъ придавать большого значенія преувеличеніямъ восторженныхъ сторонниковъ подводныхъ лодокъ и аэроплановъ. При появленіи всякаго новаго оружія его сторонники всегда провозглашали, что его изобрѣтеніе замѣнитъ собой всякое другое оружіе и даже положитъ конецъ войнѣ, до того-де могущественно это новое оружіе. Такъ было при изобрѣтеніи ружья, пушки пулемета, мины, подводной лодки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опытъ показываетъ, что эфективная сила всякаго новаго изобрѣтенія, можетъ быть всегда значительно парализована и уменьшена, соотвѣтствующимъ противоядіемъ».

И, дѣйствительно, мы нынѣ уже можемъ наблюдать мощное развитіе этого «противоядія»: современные боевые корабли, создаваемые по опыту міровой войны (такъ называемый послѣ-ютландскій типъ) съ учетомъ на противодѣйствіе воздушному противнику, вооружаются не 2-мя противоаэропланными пушками, какъ это было до войны, а батареей изъ 12 такихъ орудій; горизонтальная палубная броня этихъ кораблей увеличивается отъ 2-хъ до 6-ти и даже мѣстами до 8-ми дюймовъ и, наконецъ, въ составъ «эскадренной авіаціи» включаются на равныхъ основаніяхъ съ наступательными эскадриліями аэроплановъ, эскадриліи охранныхъ и истребительныхъ аппаратовъ.

И, такимъ образомъ, впредь морской бой, также какъ и сухопутный, будетъ происходить въ трехъ взаимодѣйствующихъ и связанныхъ борьбой плоскостяхъ: подъ водой, на водѣ и въ воздухѣ и исходъ всей борьбы будетъ зависѣть не отъ исхода борьбы въ одной изъ этихъ плоскостей, а отъ исхода борьбы въ рѣшающемъ мѣстѣ и въ рѣшающее время всего того сложнаго объема, который представляетъ изъ себя современное «поле» сраженія.

А. Бубновъ.

ИНФОРМАЦІОННЫЙ ОТДѢЛЪ.

АНГЛІЯ.

1. **Численность арміи** къ 1 апрѣля 1922 года была равна 526.000 чел., изъ нихъ 277.000 англичанъ и 249.000 индусовъ.

Первые расположены:
140.000 въ Англіи,
76.000 въ Индіи,
61.000 въ колоніяхъ, Германіи и Турціи.
Вторые — 204.000 въ Индіи и 45.000 внѣ ея.

2. **Воздушный флотъ.** Развитіе воздушнаго флота въ Англіи идетъ усиленнымъ темпомъ. Бюджетъ на 1922 г. на воздушный флотъ исчисленъ въ 18.305.000 фунт. стерл., т. е. 18% всего бюджета (106.315.000 фунт. стерл.).

Во главѣ воздушнаго флота — Министерство воздухоплаванія и Совѣтъ.

Министру подчинены:

а) Отдѣлъ воздухоплавательнаго Генеральнаго Штаба,
б) Отдѣлъ матеріальный,
в) Контрольный Отдѣлъ гражданскаго воздухоплаванія.

Совѣтъ воздухоплаванія состоитъ изъ Предсѣдателя — Министра воздухоплаванія, его Помощника и Начальниковъ Отдѣловъ.

Министерство воздухоплаванія составляетъ какъ бы третью независимую отрасль вооруженныхъ силъ (сверхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ). Въ распоряженіи Министерства состоитъ 27.000 чел., изъ нихъ 2.900 офицеровъ.

Организація воздушнаго флота.

Эскадрилья — 4—6 аппаратовъ; эскадра — 3 эскадрильи, winy 2—3 эскадры. Группа — 2—3 winy. Группы сводятся въ зоны.

Всѣ вооруженныя Европейскія силы Англіи сведены въ 2 зоны: береговую и внутреннюю. Всего 28 эскадръ.

Внѣевропейская Англія —

а) Зона средняго Востока,
б) Зона Индіи,
в) Группа Средиземнаго Моря.

Всего 21 эскадра.

Подготовляются резервныя части подъ названіемъ «Территоріальныя Воздушныя Силы», которыхъ намѣчается 6 эскадръ. Открыто 15

военныхъ авiацiонныхъ школъ. Школа въ Гальтонѣ расширена и можетъ обучать 3.000 монтеровъ, выпуская ежегодно 1.000 человѣкъ. Офицерамъ по службѣ предоставляются значительныя льготы, чѣмъ расчитываютъ привлечь большое число ихъ.

3. **Компасъ для аэроплановъ.** Изобретенъ новый компасъ для аэроплановъ, который даетъ возможность орiентироваться и двигаться въ туманѣ, наблюдать за скоростью движенiя и слѣдить за равновѣсiемъ аппарата.

3. **Компасъ для аэроплановъ.** Изобрѣтенъ новый компасъ для аэросоединенiемъ является — группа танковъ, придаваемая каждой армiи.

Группа танковъ состоитъ изъ 2—3 бригадъ.

Составъ бригады:

Штабъ,
4 батальона танковъ,
1 рота связи,
1 рота транспортная,
1 рота снабженiя.

Составъ батальона:

Штабъ и 3 роты танковъ. Рота танковъ состоитъ изъ 16 танковъ и дѣлится на 4 секцiи (взвода) по 4 танка въ каждой.

На вооруженiи танковыхъ частей состоятъ танки двухъ типовъ. **Типъ «V»** — вѣсъ — 30,5 тоннъ, длина — 2,23 метра, ширина — 3,65 метра, высота — 2,64 метра, скорость — 8 километровъ въ часъ, вооруженiе — одно орудiе (57 м.м.) и 5 пулеметовъ. Экипажъ — 8 человѣкъ. Можетъ преодолѣть горизонтальное препятствiе въ 2,75 метр. ширины и вертикальное въ 1,20 метра высоты; спускается по скату въ 45⁰. Раiонъ дѣйствiя — 32 километра; наполненiе — 410 литровъ бензина.

Типъ «С» — вѣсъ — 20,5 тоннъ, длина — 7,43 метра, высота — 2,45 метра, скорость — 12 километровъ въ часъ, вооруженiе — 3 пулемета. Экипажъ — 3 человѣка. Преодолѣваетъ горизонтальное препятствiе въ 1,13 метр. высоты; спускается по склону въ 45⁰. Раiонъ дѣйствiя — 112 кило метровъ; наполненiе — 680 литровъ бензина.

Экипажъ обоихъ танковъ вооруженъ револьверами, а типъ «V», кромѣ того двумя винтовками, стрѣляющими дымовыми гранатами.

ФРАНЦIЯ.

1. **Артиллерiя, сопровождающая пѣхоту.** Въ «Revue militair général» маiоръ **Рауль** подробно разбираетъ вопросъ объ артиллерiи, сопровождающей пѣхоту при атакѣ (полковая артиллерiя), которая на близкихъ дистанцiяхъ должна устранить послѣднiя препятствiя для атаки. При оборонѣ такая артиллерiя, находясь въ пѣхотномъ расположенiи, способствуетъ отраженiю приближающагося противника. Артиллерiя полевая, стоящая на своихъ позицiяхъ, этой задачи выполнить не можетъ. Нужна спе-

ціальная, находящаяся при пѣхотѣ. Она должна быть легка и дистанція ея стрѣльбы можетъ быть 1—1½ версты. Если бы даже было орудіе, стрѣляющее 75 мм. полевыми гранатами, то это все же было бы неподходящее орудіе, такъ какъ снарядовъ необходимо имѣть при такомъ орудіи не менѣе 300, а вѣсъ снаряда 10 клг., то для несенія однихъ только снарядовъ потребуется 300 чел., что составитъ болѣе роты въ батальонѣ, если одно орудіе придать батальону. Если сдѣлать телѣжки на 10 снарядовъ, перевозимыя 3 человѣками, то и то потребуется 30 телѣжекъ и 90 чел., что составитъ полуроту, къ тому же и батальонъ будетъ обремененъ обозомъ. Разсчитывать подвозить на животныхъ также нельзя. Значитъ необходимо изобрѣсти особый типъ легкаго орудія, которое можно было бы придавать пѣхотѣ.

Для этой цѣли служатъ въ настоящее время 37 м.м. скорострѣльныя орудія образца 1916 г. Эти орудія стрѣляютъ обыкновенной гранатою съ сильнымъ бризантнымъ дѣйствіемъ и бронебойною гранатою.

Орудіе состоитъ изъ:

а) Тѣла орудія на треногѣ, которая можетъ быть снабжена и 2 колесами,

б) Передка — небольшой повозки, въ которой помѣщаются снаряды и принадлежности.

Вся система перевозится одною лошадью.

Команда для обслуживанія орудія состоитъ:

1 стрѣляющаго,
1 нагрузчика,
2 подающихъ снаряды,
1 подносчика снарядовъ,
1 ѣздового.

37 м.м. орудіе и 2 мортиры Стокса (одна изъ нихъ въ резервѣ) составляютъ группу, сопровождающую пѣхоту. Во время войны группой командуетъ подпрапорщикъ, который снабжается для передвиженія самокатомъ. Въ мирное время группой командуетъ подпрапорщикъ или сержантъ.

Группа раздѣляется на три эшелона:

1. Боевая часть, состоящая изъ одного орудія и одной мортиры съ личнымъ составомъ для управленія группой, обслуживанія орудій и переноски ихъ на плечахъ;

2. Эшелонъ подъ начальствомъ капрала, находящійся вблизи отъ противника и состоящій изъ повозки со снарядами, повозки для мортиры, ѣздового и иногда подносчика снарядовъ;

3. Боевой обозъ, состоящій изъ парной повозки съ 2 лошадьми и ѣздовымъ, въ которой возится запасъ снарядовъ, принадлежности и запасныя части. Большею частью этотъ эшелонъ идетъ съ боевымъ обозомъ войсковой части, къ которой приданъ.

2. **Физическое воспитаніе юношества** до поступленія въ ряды войскъ составляетъ теперь во Франціи предметъ особой заботы правительства.

Населеніе жаждетъ сокращенія срока службы подъ знаменами, а это возможно только въ томъ случаѣ, если подлежащіе призыву будутъ предварительно подготовлены. Разработку этого вопроса взялъ на себя Высшій Войсковой Комиссаръ **Анри Пате.**

Руководитъ этимъ дѣломъ Генеральный Штабъ — Отдѣлъ физическаго воспитанія. «Revue militair française» отмѣчаетъ, что это дѣло уже становится на должный путь, но что нужно въ этомъ отношеніи взять примѣръ съ Германіи, не увлекаясь, однако, и проводя всѣ мѣры постепенно.

Распоряженіемъ Генеральнаго Штаба уже подняты требованія, предъявляемыя къ получающимъ военную подготовку юношамъ. Президентъ въ рѣчи 2 октября на праздникѣ всѣхъ обществъ физическаго воспитанія указалъ на роль, какую должны играть общества — подготовить будущій личный составъ арміи и высказалъ надежду на ихъ плодотворную дѣятельность. Военный Министръ указомъ 26 сентября одобрилъ мѣры, проэктируемыя **Анри Пате.** Въ общемъ они состоятъ въ развитіи обществъ физическаго воспитанія, въ объединеніи ихъ и подготовкѣ инструкторовъ.

Во всѣхъ университетахъ введено обученіе военному дѣлу. Для юристовъ и филологовъ существуютъ пѣхотные курсы, для техническихъ факультетовъ — артиллерійскіе, для медиковъ — санитарные. Курсы продолжаются 2 года и проходятся въ двухъ послѣднихъ курсахъ университета. Запись на военные курсы добровольная, но записавшійся обязанъ пройти до конца.

Летающій автомобиль. На Парижской выставкѣ летательныхъ аппаратовъ показывался новый летательный аппаратъ, который испытывался на аэродромѣ въ Бюкѣ. Онъ представляетъ 2-хъ мѣстный автомобиль съ крыльями, которыя сложены вдоль по бокамъ его. На приспособленіе для летанія нужно 20 минутъ. Крылья разворачиваются, начинаетъ дѣйствовать моторъ въ 300 л. силъ и автомобиль поднимается на воздухъ.

ГЕРМАНІЯ.

1. **Организація арміи.** Главнокомандующій — ген. фонъ Зеектъ. Армія комплектуется добровольцами; срокъ службы для солдата — 12 лѣтъ и для офицера — 25 лѣтъ.

Армія состоитъ изъ 7 пѣхотныхъ и 3 кавалерійскихъ дивизій, сведенныхъ въ двѣ группы (2 армейскихъ корпуса).

Организація пѣхотной дивизіи: Штабъ дивизіи, управленіе начальника пѣхоты и начальника артиллеріи, 3 пѣхотныхъ полка 3-хъ батальоннаго состава (батальонъ — 3 пѣхотныхъ и 1 пулеметная роты), одного запаснаго батальона и одной бомбометной роты; полка артиллеріи 3-хъ дивизіоннаго состава, по три четырехъ - орудійныхъ батареи; одного дивизіона кавалеріи, одного піонернаго баталіона, состоящаго изъ трехъ ротъ (саперной, желѣзно - дорожной и понтонной), одного батальона службы связи изъ 2-хъ ротъ (рота голубиной почты и рота телефонная), одного

обознаго отдѣленія изъ 4-хъ ротъ, одной животною тягою и трехъ автомобильныхъ.

Одинъ изъ батальоновъ каждой дивизіи называется егерскимъ и подготавливается для дѣйствія въ горахъ. Одна изъ ротъ каждаго полка — самокатная.

Организація и составъ кавалерійской дивизіи: Штабъ, шесть полковъ по четыре эскадрона, конноартиллерійскаго дивизіона изъ 3-хъ четырехъ-орудійныхъ батарей.

Организація артиллеріи. Всей артиллеріи: 7 полковъ (по числу дивизій) по 3 дивизіона изъ 3 четырехъ орудійныхъ батарей . . . . 252 орудія.

3 дивизіоновъ конной по 3 четырехъ оруд. батареи . . . 36 орудій.

Итого . . . 288 орудій.

изъ которыхъ 204 пушки 7,7 см., 84 гаубицы 10,5 см.

Артиллерія подчиняется инспектору артиллеріи.

Штатъ управленія начальника артиллеріи дивизіи — генералъ и 2 старшихъ офицера (одинъ генеральнаго штаба, одинъ артиллеристъ), 6 унтеръ-офицеровъ (изъ нихъ одинъ чертежникъ и 3 ординарца), 24 рядовыхъ (изъ нихъ 17 радіотелеграфистовъ), 13 коней и 3 повозки (въ мирное время безъ запряжки).

Составъ Штаба артиллерійскаго полка: командиръ полка (полковникъ), 2 старшихъ офицера, 3 капитана, изъ которыхъ одинъ для наблюденія, другой для снабженія матеріальной части и боевыми припасами, одинъ адъютантъ (поручикъ или капитанъ), 1 ветеринаръ, 2 чиновника, 18 унтеръ-офицеровъ, изъ которыхъ 2 ординарца, 49 лошадей, 7 повозокъ, изъ которыхъ одна радіотелеграфная, 2 телефонныхъ.

Составъ штаба дивизіи: начальникъ дивизіи, его замѣститель, 1 капитанъ - наблюдатель, 2 поручика, изъ которыхъ одинъ ординарецъ, 1 врачъ, 1 ветеринаръ, 5 чиновниковъ, 5 унтеръ-офицеровъ, изъ которыхъ 3 ординарца, 25 рядовыхъ, изъ которыхъ 12 ординарцевъ, 8 повозокъ, изъ которыхъ одна для наблюдательнаго пункта, 1 для радіотелеграфа, 2 телефонныхъ.

Штабъ кавалерійской дивизіи отличается отъ пѣхоты тѣмъ, что въ немъ ветеринаровъ — 3, унтеръ-офицеровъ — 7, рядовыхъ — 24 и лошадей — 36.

2. **Составъ полевой артиллеріи въ военное время.** По проэкту новаго устава объ обученіи артиллеріи, германская батарея въ военное время раздѣляется на: боевую часть, продовольственный эшелонъ и багажный эшелонъ.

Боевая часть состоитъ изъ:

а) развѣдывательнаго взвода (1 офицера-наблюдателя, 2 верховыхъ солдата, носящихъ угломѣръ, 2 верховыхъ телефониста и 4 человѣка службы связи);

б) команды связи (наблюдательная и легкая телефонная повозка);

в) эшелонъ орудій (4 орудія и 1 человѣкъ службы связи);

г) 1-й эшелонъ боевыхъ припасовъ (4 зарядныхъ ящика и 1 человѣкъ службы связи);

д) 2-й эшелонъ службы связи (4 зарядныхъ ящика и 1 человѣкъ службы связи);

е) боевой обозъ (1-я батарейная повозка, запасныя лошади, походная кухня);

Продовольственный эшелонъ (2 фуражныя и продовольственныя повозки)

Багажный эшелонъ — 2-я батарейная повозка, инструментальная повозка, повозка-мастерская и дополнительная повозка.

3. Численный составъ офицерскаго корпуса Германской Арміи, къ началу и концу міровой войны, по даннымъ, опубликованнымъ **ген. Альтрокомъ.**

Къ началу войны офицеровъ было — 49.051 чел., къ концу — 164.051 чел.

Пѣхота въ августѣ 1914 г. — 26.833; въ ноябрѣ 1918 г. — 87.072 (увеличеніе въ 3,25 разъ);

Конница — 6.030 чел и 9.656 чел. (увеличеніе въ 1,60 разъ);

Полевая легкая артиллерія — 8.151 чел. и 27.339 (увеличеніе въ 3,35 разъ);

Тяжелая артиллерія — 2.243 и 14.378 (увеличеніе въ 6,41 разъ);

Инженерныя войска — 2.997 и 15.363 (увеличеніе въ 5,12 разъ);

Обозы и транспортныя войска — 1.718 и 8.759 (увеличеніе въ 5,12 разъ);

Потери за войну: убито и умерло отъ ранъ 53.323 чел.; ранено 95.708 человѣкъ.

4. Фабрикація орудія и огнеприпасовъ во время войны.

Винтовокъ и карабиновъ изготовлено — 10 милліоновъ. Въ первые пять мѣсяцевъ войны изготавливалось ежедневно 1.200 штукъ, позже до 8.300.

Пулеметовъ среднее годовое производство въ 1916 году до 2.300 штукъ ежемѣсячно, весной 1917 г. — 7.000 штукъ, осенью того же года — 13.000 штукъ.

Ручныхъ гранатъ — въ 1916-17 г.г. — до 9 милліоновъ ежемѣсячно.

Патроновъ ружейныхъ въ 1917 году изготовлено 2.340.000.000. Въ этомъ же году изготовлено 100 милліоновъ килогр. пороха и 235 милліоновъ взрывчатыхъ веществъ.

Орудій полевой артиллеріи изготавливалось ежемѣсячно въ 1915 г.— 1.500 шт., въ 1917 г. — 2.000, въ 1918 г. — 3.000 шт.

Колючей проволоки было изготовлено столько, что ею можно было окружить всю Германію сѣткой въ 65 метровъ глубины.

Ежемѣсячный расходъ мѣшковъ съ пескомъ достигалъ 20 милл.

Стальныхъ касокъ и противогазовыхъ масокъ ежемѣсячно въ 1917 году и позже изготовлялось около 500.000 штукъ.

Военно-картографическое Отдѣленіе выпустило за время войны — 800 милліоновъ экземпляровъ картъ.

5. **Населеніе и арміи европейскихъ государствъ по разсчету германскаго генерала ф.-Альтрока.**

Наименованіе государства	Населеніе	Армія	Процентное отношеніе арміи къ населенію
Совѣтская Россія	130.000.000	1.600.000	1,23
Германія	60.000.000	100.000	0,17
Великобританія	47.300.000	341.000	0,72
Италія	39.500.000	225.000	0,57
Франція	39.200.000	860.000	2,19
Польша	29.000.000	300-350.000	1,03—1,21
Испанія	20.000.000	155.600	0,78
Румынія	15.400 000	192.000	1,25
Югославія	11.500.000	176.000	1,53
Чехословакія	13.600.000	200.000	1,47
Венгрія	7.840.000	35 000	0,45
Бельгія	7.620.000	113.400	1,49
Голландія	6.840.000	30.000	0,47
Австрія	6.730.000	30.000	0,45
Португалія	5.960.000	11.200	0,19
Швеція	5.810.000	75.000	1,29
Греція	5.600.000	300.000	5,36 (въ состояніи войны)
Болгарія	4.860.000	33.000	0,68
Литва	4.800.000	20—25.000	0,42—0,52
Швейцарія	3.890.000	—	—
Финляндія	3.330.000	25—30.000	0,75—0,90
Данія	3.270 000	26.000	0,80
Норвегія	2.650.000	40.000	1,51
Эстонія	1.750.000	20.000	1,14
Латвія	1.730 000	20.000	1,16
Европейская Турція	1.250.000	?	?
Остальныя государства	1.570.000	?	?

С.-А. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

1. **Реорганизація Генеральнаго Штаба.** Недавно была произведена реорганизація Генеральнаго Штаба, при чемъ онъ былъ подраздѣленъ на двѣ категоріи по роду его дѣятельности въ отношеніи подготовки къ войнѣ.

I категорія:

Мобилизація вооруженныхъ силъ государства, подготовка, обученіе войскъ, расквартированіе и управленіе войсками.

II категорія:

Управленіе войсками на театрѣ военныхъ дѣйствій (Отд. Инспекторское, Информаціонное, Оперативное, Разработка плана войны, учебное и по снабженію).

Во главѣ Генеральнаго Штаба стоитъ генералъ, предназначенный на постъ Главнокомандующаго во время войны; на его обязанности лежитъ всесторонняя подготовка вооруженныхъ силъ государства къ войнѣ.

Съ объявленіемъ войны, офицеры Генеральнаго Штаба 1-й категоріи поступаютъ въ распоряженіе военнаго министра и вѣдаютъ снабженіемъ дѣйствующей арміи, а II-й категоріи — образуютъ Штабъ Главнокомандующаго.

2. **Аэропланъ, вооруженный 30-ю ружьями-пулеметами.**

Сконструированъ этотъ аэропланъ исключительно изъ металлическихъ частей; имѣетъ моторъ въ 400 силъ; скорость 230 километровъ въ часъ.

Вооруженъ 30-ю ружьями-пулеметами, которыми механическимъ способомъ можетъ стрѣлять одинъ человѣкъ.

Каждое ружье дѣлаетъ 1.500 выстрѣловъ въ минуту, а всѣ 45.000.

При стрѣльбѣ съ высоты 100 метровъ поражается площадь въ 4.800 кв. метровъ.

3. **Послѣдній типъ аэроплана.** Бипланъ «Ремингтонъ В. В. I» съ кабинкой на 30 человѣкъ, 2 мотора въ 400 силъ каждый; вѣсъ непогруженнаго аппарата 230 пудовъ; грузоподъемность около 180 пуд.; высота подъема 4.300 метровъ, наибольшая скорость — 180 килом., продолжительность полета — 8 часовъ.

4. **Кредитъ на развитіе морской авіаціи въ 1922 году** равняется — 13 милл. долларовъ, изъ нихъ около 6 милл. на постройку и покупку аппаратовъ.

5. **Дирижабль «R. 38».** Недавно построенный, является самымъ большимъ въ мірѣ. Онъ снабженъ 6 моторами въ 350 силъ каждый. Вѣсъ — 83 тонны, полный грузъ 50 тоннъ, скорость — 112 километровъ въ часъ.

Онъ приспособленъ для вооруженія его 1 скорострѣльной пушкой, 14 пулеметами и можетъ нести 4 бомбы въ 260 килогр. и 8 въ 110 килогр.

6. **Дерево — пріемникъ для безпроволочнаго телеграфа.**

Начатые во время минувшей войны и нынѣ продолжающіеся опыты по использованію дерева для пріема и подачи радіотелеграммъ дали блестящіе результаты.

Въ дерево на высотѣ $^2/_3$ его отъ земли вбивается нѣсколько мѣдныхъ штифтовъ, которые мѣдной же проволокою соединяются съ аппаратомъ.

Днемъ и въ ясную погоду работа по пріему и подачѣ идетъ лучше, нежели ночью и въ туманѣ.

Сосѣдство другихъ деревьевъ не мѣшаетъ работѣ.

Сухое дерево не годится для данной цѣли.

ПОЛЬША.

Организація и численность арміи. Высшимъ центральнымъ органомъ военнаго управленія является Военное Министерство, въ его составъ входятъ:

а) Главный Генеральный Штабъ (подготовка команднаго состава въ мирное время и подготовка къ войнѣ);
б) Главное военно-административное управленіе (административная часть, законодательство);
в) Главный военный контроль (бюджетъ, контроль административной части въ арміи);
г) Кабинетъ Министра;
д) дирекціи: 1. Пѣхота и жандармерія; 2. Кавалерія, конскій обозъ и ветеринарная часть; 3. Артиллерія и вооруженіе; 4. Воздухоплаваніе; 5. Инженерная часть; 6. Техническія войска: связи, автомобильныя, желѣзнодорожныя; 7. Интендантство; 8. Санитарное дѣло; 9. Военно-Юридическая часть; 10. Комплектованіе и ремонтированіе.

Территоріальное управленіе. Страна раздѣлена на 10 территоріальныхъ округовъ и 103 отдѣленія комплектованія (воинскіе начальники).

Штабы округовъ: Варшава, Люблинъ, Вильно, Лодзь, Краковъ, Львовъ, Познань, Торнъ, Брестъ-Литовскъ и Перемышль.

Пѣхота. 30 пѣхотныхъ дивизій трехполкового состава—90 полковъ.

Составъ полка: 3 баталіона пѣхоты и 1 сборный баталіонъ (техническія части полка, мелкія команды и пр.);

Составъ баталіона: 3 роты пѣхоты и 1 пулеметная рота.

Конница. 10 бригадъ трехполкового состава — 30 полковъ.

Составъ полка: 4 эскадрона конницы, пулеметное и техническое отдѣленія.

10 полковъ конныхъ развѣдчиковъ (дивизіонная конница) по 3 эскадрона.

Артиллерія. 30 полковъ полевой артиллеріи (по одному на дивизію пѣхоты) трехдивизіоннаго состава по 3 батареи. 17 полковъ горной артиллеріи, того же состава, что и полевая. 1 дивизіонъ противоаэропланной артиллеріи. 10 дивизіоновъ конной артиллеріи 3-хъ батарейнаго состава (по числу конныхъ бригадъ).

10 полковъ тяжелой артиллеріи трехдивизіоннаго состава.

Боевыя автомобильныя части — 3 баталіона.

Инженерныя войска — 10 полковъ 3-хъ баталіоннаго состава.

Воздухоплавательныя части — 3 авіаціонныхъ полка по 5 аэростатныхъ баталіоновъ. ;

Техническія войска — 3 полка службы связи, 3 желѣзнодорожныхъ баталіона и 10 автомобильныхъ дивизіоновъ.

Высшее войсковое соединеніе — дивизія пѣхоты.

Въ текущемъ 1922 году въ арміи подъ знаменами находятся призывные 1899 и 1900 г.г.:

Офицеровъ числится . . . . . . 18.000 чел.
Солдатъ . . . . 260.000 »

ЭСТОНІЯ.

Организація и составъ арміи:

а) **Пѣхота** — 5 полковъ по 2 баталіона и 3 отдѣльныхъ баталіона; въ каждомъ баталіонѣ 3 стрѣлковыхъ, 1 пулеметная и 1 техническая рота.

б) **Кавалерія** — 1 полкъ изъ 2 кав. эскадроновъ, 1-го пулеметнаго и 1-го техническаго.

в) **Артиллерія** — 3 полка полевой артиллеріи по 4 батареи (русск. 3-хъ дюйм.) и 2 дивизіона тяжелой артиллеріи изъ 4-хъ орудійныхъ батарей.

г) **Инженерныя войска** — 1 инженерный баталіонъ изъ 1 саперной, 1 желѣзно-дорожной роты и 1-й роты связи.

д) Одинъ броневой дивизіонъ (14 броневиковъ) и одинъ броневой поѣздъ.

е) **Воздушная эскадра**, состоящая приблизительно изъ 25 аппаратовъ. Армія сведена въ 3 дивизіи по 2-3 полка пѣхоты и по 1-му полку полевой артиллеріи.

Дисклокація: Первая дивизія — Нарва, вторая — Дерптъ, третья — Перновъ. Офицеры большей частью русскіе. Для подготовки офицеровъ учреждено два военныхъ училища: одно для инженерныхъ войскъ, другое для остальныхъ войскъ.

Срокъ службы отъ 20 до 50 лѣтъ, изъ коихъ 18 мѣсяцевъ дѣйствительной службы; $6^1/_2$ лѣтъ въ линейномъ резервѣ и остальное время въ ландверѣ

ВОЗДУШНЫЯ СИЛЫ ГЛАВНѢЙШИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

ГОСУДАРСТВА:	Боевыхъ аппаратовъ	Аппаратовъ для бомбометанія.	Наблюдательныхъ аппаратовъ	Развѣдывательныхъ аппаратовъ	Общее количество аппаратовъ	Личный составъ: Офицеровъ	Личный составъ: Солдатъ
Англія	117	397	394	140	1.048	2,385	26.585
Франція	303	521	898	?	1.722	28.400	
Соединенные Штаты	120	106	280	31	537	1.042	11.400
Италія	207	53	186	48	494	480	5.850
Японія	195	48	234	?	537	275	950

(Цифры по состоянію къ 1922 году).

На вооруженный флотъ въ 1921 году ассигновано въ англ. фунт.:

Англія	14.760.000
Франція	9.900.000
Соединенные Штаты	6.500.000
Японія	4.160.000

П.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ОТДѢЛЪ.

Foch explique la défaite allemande.

Какъ Фошъ объясняетъ германское пораженіе? Статья Raymand'a Recvily въ журналѣ La Revue de France 1921 г., за мартъ и апрѣль мѣсяцы.

Авторъ — извѣстный современный журналистъ во Франціи — обратился къ бывшему генералиссимусу съ упомянутымъ вопросомъ и, въ результатѣ своихъ бесѣдъ, передалъ подробное мнѣніе маршала на страницахъ распространеннаго французскаго ежемѣсячника. При той скупости, съ какою французскіе вожди, въ противоположность нѣмецкимъ, оглашаютъ въ печати свои боевыя воспоминанія и сужденія о ходѣ войны, приведенная статья, заслуживаетъ особаго вниманія.

Объясненія французскаго полководца окрашены чувствомъ враждебности къ бывшему противнику, но этимъ тономъ проникнуты до сихъ поръ почти всѣ публичныя выступленія, устныя и печатныя, отвѣтственныхъ дѣятелей Франціи. Вѣроятно, этому способствуютъ неоконченныя счета по возстановленію разоренныхъ нѣмцами 10 департаментовъ и оттягиваніе платежей; въ данномъ случаѣ чувственная окраска накладываетъ свой отпечатокъ на логичность и глубину оцѣнки причинъ нѣмецкой неудачи.

Германская армія такъ характеризуется маршаломъ: «Наряду съ союзными арміями, воодушевленными воинственнымъ пыломъ, порывомъ, вѣрою въ побѣду, что представляли профессіональныя качества **Людендорфа?** Онъ и окружавшіе его генералы были превосходными офицерами системы **Фридриха;** они представляли типъ прусскаго офицера со всѣми его достоинствами и недостатками; это машина, чтобы вести солдатъ. Но имъ недоставало того, что имѣли **Блюхеръ, Іоркъ** и ихъ соратники — **внутренняго огня** (la flamme intérieure). Не было идеала, не было истинной моральной силы въ этой арміи, какъ, впрочемъ, и въ цѣлой націи; былъ только грубый матеріализмъ. Культъ императора... мы видѣли, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности въ день паденія его власти, когда онъ предался позорному бѣгству, покинутый своею главною квартирой и своими разстроенными войсками. Почитаніе и прославленіе грубой силы, война, задуманная, какъ колоссальное разбойничье предпріятіе, вотъ, что оказалось въ глубинѣ германской души, но это не большой багажъ. Идея военной машины, вложенная въ организацію арміи, выполнила свое дѣло прекрасно, но какъ только случилась поломка и машина треснула, полная

ея остановка повлекла немедленную катастрофу, и германскій народъ оказался неспособнымъ для сопротивленія».

«Вспомнимъ наступленія послѣдняго года, въ тактическихъ деталяхъ операціи **Людендорфъ** велъ свои атаки совершенно; механизмъ этихъ дѣйствій былъ безупреченъ, ничего лучше нельзя было найти. Но эти наступленія не были обезпечены наличіемъ плана на обратный случай и за это ихъ замыселъ заслуживаетъ большого упрека».

Маршалъ подробно останавливается на разборѣ причинъ неудачи нѣмцевъ на Марнѣ въ 1914 году, приписывая главную вину недостатку объединяющаго руководства со стороны **Мольтке**, который, подобно своему знаменитому дядѣ, предоставилъ полную самостоятельность командующимъ арміями: **Шпихернъ, Вертъ, Марсъ-ла-Туръ** выигранъ частнымъ почином̆ъ генераловъ, вопреки намѣреніямъ прусскаго главнокомандованія. Но тогда не было столь обширнаго раіона дѣйствій, иные размѣры армій, разстояній и иныя качества противника. Однако, и въ 1870 году первыя нѣмецкія побѣды не могли вплести лавровъ въ побѣдный вѣнокъ фельдмаршала **Мольтке.**

Одинъ итальянскій изслѣдователь объясняетъ нѣмецкую неудачу на Марнѣ «обратной стороной медали» милліонныхъ армій par la faiblesse de la force : для двухъ милліонной германской арміи, вторгнувшейся во Францію въ августѣ 1914 года, аппаратъ управленія по образцу 1870 года, оказался негоднымъ.

Во всякомъ случаѣ, мысли маршала **Фоша** интересно было бы узнать со страницъ его собственнаго труда, и можно ожидать, что вскорѣ этотъ интересъ будетъ удовлетворенъ, такъ какъ въ «Le Temps» былъ недавно намекъ, что генералиссимусъ пишетъ книгу о міровой войнѣ.

С. Д.

Instruction provisoire sur l'emploi tactique des grandes unités.

Временное наставленіе для тактическаго веденія крупныхъ войсковыхъ единицъ. Офиціальное руководство, изд. французскимъ главнымъ штабомъ. Утверждено Военнымъ Министромъ **Луи Барту,** 6 октября 1921 года. Это новѣйшій уставъ для высшаго командованія и для крупныхъ соединеній, какъ армія, корпусъ и дивизія, завершаетъ собою циклъ изданій по боевой подготовкѣ французской арміи на основаніи опыта войны. Это уже область высшей тактики и стратегіи, такъ какъ частная или отдѣльная армія, по этому же уставу (ст. 54) считается **единицей стратегической.**

Наставленіе представляетъ **синтезисъ** всѣхъ французскихъ уставовъ по боевому употребленію и подготовкѣ отдѣльныхъ родовъ войскъ; совокупность изложенныхъ въ немъ правилъ и даетъ французскую военную доктрину, какъ вылилась таковая изъ опыта войны.

Отсюда понятенъ тотъ высокій интересъ, который внушаетъ эта маленькая книжка, въ розовой обложкѣ, военнымъ людямъ всѣхъ армій.

Въ ней сосредоточены указанія и совѣты того главнокомандованія, которое вело союзныя арміи къ конечной побѣдѣ въ міровой войнѣ. Поэтому, она должна стать настольнымъ руководствомъ для начальниковъ всѣхъ армій. Можно не со всѣми положеніями этого устава соглашаться, но знать его, и при сомнѣніяхъ, заглядывать каждый разъ въ него, необходимо для каждаго генерала, который хочетъ быть на высотѣ современныхъ боевыхъ требованій. Поэтому, разсматриваемое наставленіе должно быть, какъ можно скорѣе, переведено на русскій языкъ, или, по крайней мѣрѣ, его надлежитъ подробно проанализировать, что и будетъ сдѣлано въ ближайшей книжкѣ **«Военнаго Сборника».**

С. Д.

Colonel F. L. Pellegrin. La vie d'une armée pendant la Grande Guerre. Paris 1921.

Полковникъ ф.-Пеллегрэнъ. Жизнь одной арміи во время великой войны.

«Вы написали прекрасную книгу, интересную и полезную. Наши собратья по оружію охотно прочтутъ ее, чтобы лучше понять событія великой войны и познать, какъ они жили, двигались, сражались въ теченіе почти пяти лѣтъ...» Этими строками извѣстный генералъ Манженъ начинаетъ свое предисловіе къ книгѣ Пеллегрэна. Дѣйствительно, авторъ подробно изображаетъ, какъ постепенно, въ теченіе всей войны развивалась **техника** управленія и снабженія армій всѣми необходимыми средствами, и какихъ колоссальныхъ размѣровъ это снабженіе достигло къ концу борьбы, сравнительно, съ ея началомъ. Онъ черпаетъ свои данныя изъ конкретныхъ примѣровъ дѣятельности частныхъ армій, къ штабамъ которыхъ онъ принадлежалъ. Отсюда и заглавіе труда, какъ описаніе жизни одной изъ 10-14 частныхъ армій, которыя, въ совокупности, составляли вооруженныя силы Франціи на главномъ театрѣ дѣйствій къ концу войны.

Въ 17-ти главахъ Пеллегрэнъ послѣдовательно даетъ характеристику общей организаціи управленія на войнѣ, устройства штаба арміи, постепеннаго разростанія состава ея главной квартиры, устройства четырехъ отдѣленій штаба арміи — организаціоннаго, развѣдывательнаго, оперативнаго и по снабженію, управленія артиллеріей, инженерной части, воздухоплаванія, топографическихъ съемокъ, службъ связи, автомобилей, санитарной и интендантской части. Это не есть простое повѣствованіе штабной жизни и жизни разныхъ ея отраслей, а анализъ дѣятельности каждаго отдѣла управленія съ приведеніемъ многочисленныхъ цифровыхъ данныхъ и ряда схемъ, что придаетъ книгѣ значеніе справочнаго руководства по развитію и размѣрамъ технической стороны войны.

Но гдѣ можно, даются и интересныя картины штабного быта французской арміи. Напримѣръ, въ IV главѣ, гдѣ описывается жизнь главной квартиры VI арміи въ 1917 году, близъ Суассона, приведенъ очеркъ

повседневной дѣятельности командующаго арміей и его начальника штаба. Вотъ эпизодъ завтрака: «.... кто только не перебывалъ въ штабной столовой: тутъ и старшіе представители и генералы англійскіе, итальянскіе, американскіе, бразильскіе, румынскіе, сербскіе, японскіе, китайскіе, сіамскіе, тутъ и извѣстные парижскіе журналисты, журналисты союзныхъ государствъ и нейтральныхъ державъ, важные политическіе дѣятели нашей страны. Въ столовой раздавался голосъ и генерала Гурко, супруга котораго погибла геройской смертью отъ бомбы аэроплана, вскорѣ послѣ того, какъ она поступила сестрой милосердія въ одинъ изъ нашихъ перевязочныхъ пунктовъ. Генералъ говорилъ, пронизывая своимъ острымъ взглядомъ: «Германія отравила мою несчастную родину; но я считаю, что привитый намъ большевистскій ядъ заразитъ также и Германію путемъ простого прикосновенія между нами, и это будетъ нашимъ реваншемъ...»

Книга прочтется съ огромнымъ интересомъ отъ первой и до послѣдней страницы каждымъ военнымъ, но знакомство съ нею обогатитъ полезными свѣдѣніями, особенно офицеровъ генеральнаго штаба, служба котораго на войнѣ какъ разъ протекаетъ въ рамкахъ содержанія труда Пеллегрэна. Широкимъ офицерскимъ кругамъ его сочиненіе даетъ вѣрное мѣрило значенія правильно поставленнаго въ арміи генеральнаго штаба и объема его дѣятельности, часто неблагодарной и незамѣтной съ виду, но необходимой для достиженія военнаго успѣха.

С. Д.

Die Militärischen Lehren des Großen Krieges.

Военныя поученія Великой войны. Издано **М. Шварте** — генералъ-лейтенантомъ запаса, при участіи 19 военныхъ спеціалистовъ, въ томъ числѣ генераловъ: **Балка, Берлина, Фрейтагъ-Лорингофена, Ландауэра** и другихъ.

Всѣмъ лицамъ, интересовавшимся военнымъ дѣломъ заграницей, хорошо знакомы ежегодники **Лебелля** о европейскихъ арміяхъ. Книга **Шварте** явилась продолженіемъ **Лебелля,** прекратившагося въ 1914 году, и представляетъ сборникъ данныхъ по всѣмъ отраслямъ военнаго дѣла въ томъ развитіи, какого они достигли къ окончанію войны. Каждый отдѣлъ, а ихъ всего 20, разработанъ опытнымъ спеціалистомъ, и нѣкоторыя имена сотрудниковъ извѣстны уже давно въ качествѣ талантливыхъ военныхъ писателей. Поэтому, отдѣлы не равной цѣнности по своей разработкѣ: каждый несетъ ясные слѣды личности автора. Но всѣ содержатъ фактическія свѣдѣнія о ростѣ военной техники за время войны и весь сборникъ представляетъ незамѣнимое справочное руководство, со множествомъ цифровыхъ данныхъ и подробной номенклатурою. Почти каждый отдѣлъ завершается выводомъ о достигнутыхъ къ концу войны степени развитія той или другой военной отрасли и того размѣра вліянія, какое она окажетъ на формы будущей войны. Встрѣчаются цѣнныя указанія о

матеріальной силѣ различныхъ формъ вооруженія, въ которыя вылилась напряженно развивавшаяся въ теченіе $4^{1}/_{2}$ лѣтъ гигантской борьбы народовъ техника.

Наиболѣе полно разработаны: второй отдѣлъ — развитіе тактики пѣхоты — извѣстнымъ писателемъ **Балкомъ;** четвертый отдѣлъ — полевая артиллерія (формы техническаго употребленія и техника артиллерійскаго боя) — генераломъ **Ландауэромъ;** двѣнадцатый отдѣлъ — крѣпостная война и укрѣпленія въ полевомъ бою — генераломъ **Шварте** и 18-й отдѣлъ — вооруженіе вообще (ручное и артиллерійское), его техника Waffenwesen генераломъ **Берлиномъ.** Довольно тощіе отдѣлы о кавалеріи и желѣзныхъ дорогахъ. Въ статьѣ о кавалеріи дается краткій, далеко не полный очеркъ наиболѣе замѣтныхъ въ минувшую войну конныхъ операцій, съ весьма блѣдными выводами. О прорывѣ нашего фронта въ раіонѣ Молодечно въ сентябрѣ 1915 года коннымъ корпусомъ генерала **фонъ-Гарнье** сказано всего нѣсколько строкъ, тогда какъ эта операція германской кавалеріи очень поучительна. Болѣе подробно упомянуто о дѣйствіяхъ нѣмецкой конницы въ іюлѣ 1917 года при Злочовскомъ прорывѣ. Но главный упрекъ автору статьи о конницѣ надо сдѣлать за то, что онъ не даетъ никакого общаго вывода объ общемъ значеніи кавалеріи въ нынѣшнихъ арміяхъ, на основаніи минувшаго опыта. Вотъ французы, рѣшили свою кавалерію обратить въ ѣздящую пѣхоту, а какъ же на этотъ вопросъ смотрятъ нѣмцы? Изъ статьи маіора **фонъ-Аммона** это неизвѣстно.

Совсѣмъ иначе отнесся къ своей задачѣ **Балкъ.** Онъ даетъ поучительный анализъ тактики пѣхоты: къ началу войны, въ полевой войнѣ, въ позиціонной войнѣ до начала боевъ у Вердена, въ бояхъ па рѣкѣ Соммѣ, въ сраженіяхъ 1917 года, въ конечныхъ операціяхъ 1918 года и обзоръ эволюціи пѣхотной тактики заканчиваетъ общимъ выводомъ, сущность коего сводится къ слѣдующему: новая тактика пѣхоты, какъ и прежде, зависитъ отъ развитія техники. Техника стала могущественною, но, какъ и всегда, она пріобрѣтаетъ значеніе отъ того, въ какихъ рукахъ находится. Всю свою силу эта техника проявитъ при надлежащей подготовкѣ одиночнаго бойца и при воспитаніи младшихъ начальниковъ въ духѣ самодѣятельности и небоязни отвѣтственности. **При соблюденіи этого условія, въ бою будетъ использовано все могущество техническихъ средствъ борьбы, ранѣе, чѣмъ жертвовать драгоцѣннымъ человѣческимъ матеріаломъ.** Но не машина, въ концѣ концовъ, рѣшаетъ бой, а непреклонная воля свѣдущаго командпаго персонала и высокія качества бойца, который умѣетъ исчерпывающимъ образомъ использовать помощь техники и военнаго знанія.

Въ концѣ книги, двадцатый отдѣлъ содержитъ перечень военной литературы за 1914—1919 г.г., съ указаніемъ лучшихъ сочиненій, появившихся за этотъ срокъ въ Германіи и въ другихъ странахъ, кромѣ Россіи. Для даннаго момента этотъ перечень уже устарѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ свою цѣнность для всѣхъ лицъ, желающихъ познакомиться съ любымъ военнымъ и военно-политическимъ вопросомъ по міровой войнѣ.

Уже въ 1919 году эта литература была обширна: списокъ ея произведеній занимаетъ 18 печатныхъ страницъ, весьма мелкаго шрифта.

Книгу **Шварте** можно смѣло рекомендовать русскимъ офицерамъ: она вмѣщаетъ въ себѣ главнѣйшіе выводы о боевомъ употребленіи войскъ въ теченіе великой войны, а это — необходимый фундаментъ для дальнѣйшаго военнаго усовершенствованія.

С. Д.

Der Große Krieg 1914 - 1918 J. in zehn Bänden, herausgegeben von M. Schwarte. Der deutsche Landkrieg erster Teil 1921.

Великая война 1914—1918 г.г. въ десяти томахъ; издано **М. Шварте.** Германская сухопутная война. **Часть первая.** Отъ начала войны и до весны 1915 г. Съ 4 картами и 16 схемами въ текстѣ.

Генералъ-лейтенантъ Шварте предпринялъ изданіе ряда солидныхъ трудовъ по Великой войнѣ. Въ 1920 году имъ выпущена книга **«Военныя Поученія Великой Войны»,** отзывъ о которой дается въ этомъ же номерѣ журнала. Затѣмъ, имъ издана **«Техника въ Міровую Войну»** съ чертежами и рисунками; это сочиненіе будетъ разсмотрѣно на страницахъ нашего журнала. И наконецъ — третье изданіе — въ десяти томахъ, изъ коихъ въ нашемъ распоряженіи имѣется первый томъ подъ вышеназваннымъ заглавіемъ. Это трудъ также коллективный, какъ и оба другіе; первый томъ разработанъ шестью авторами спеціалистами, принадлежащими къ бывшему нѣмецкому генеральному штабу; среди именъ встрѣчаемъ и полковника Фридриха Иммануэля, популярнаго военнаго писателя, давшаго уже въ одной книгѣ очеркъ всей войны на всѣхъ театрахъ дѣйствій.

Въ своемъ предисловіи издатель говоритъ, что предлагаемое сочиненіе о войнѣ основывается на выпущенныхъ въ свѣтъ печатныхъ источникахъ, нѣмецкихъ и иностранныхъ, на сообщеніяхъ и справкахъ участвовавшихъ въ войнѣ вождей; это обезпечиваетъ насколько возможно въ данное время, соотвѣтствующее исторической правдѣ описаніе войны. Оно коснется не только однихъ военныхъ событій, но и вообще всѣхъ государственныхъ предпріятій, которыя содѣйствовали веденію гигантской борьбы. «Что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи нѣмецкій народъ для себя и для своихъ союзниковъ, міру еще менѣе извѣстно, нежели о военныхъ дѣйствіяхъ». Цѣль сочиненія заключается въ томъ, чтобы дать Германскому народу и всему свѣту возможно болѣе правдивую картину происшедшаго на войнѣ и — для войны. Авторы задались желаніемъ въ простомъ и ясномъ изложеніи изобразить послѣдовательный ходъ войны такъ, чтобы изложеніе подсказывало читателю выводы и критика выступала бы сама собой изъ успѣховъ и неудачъ эпизодовъ войны. **Спеціально военно-научное изслѣдованіе и анализъ событій не входятъ въ задачу** предпринятаго труда, предназначеннаго въ цѣломъ своемъ объемѣ для широкихъ круговъ нѣмецкаго народа. Однако авторы не уклоняются отъ выраженія оцѣнки событій когда это нужно, причемъ подчеркивается ру-

ководящее намѣреніе изображать дѣйствительную обстановку событій въ томъ видѣ, какъ она представлялась въ моментъ принимавшагося рѣшенія.

Знакомство съ первымъ томомъ свидѣтельствуетъ о точномъ выполненіи авторами принятыхъ обязательствъ. Это весьма объемистый трудъ въ 535 страницъ текста охватываетъ первый годъ войны и заканчивается на Западномъ фронтѣ событіями въ апрѣлѣ 1915 года, а на восточномъ — зимнею кампаніей 1914—15 г.г. и именно операціей между 10-ой нѣмецкой и 10-ой русской арміями въ Сувалкскомъ раіонѣ въ февралѣ и мартѣ 1915 года.

Первый отдѣлъ, разработанный генераломъ ф. Доммесъ, посвященъ **«политическимъ обоснованіямъ принятыхъ нѣмецкимъ высшимъ командованіемъ рѣшеній при началѣ войны».** Онъ разработанъ строго въ духѣ той обширной нѣмецкой литературы, которая задалась цѣлью доказать міру, что Германія не виновата въ возникновеніи войны. Первыя строки начинаются цитатой фельдмаршала Шлиффена, изъ его сочиненія «Современная война», о политическомъ положеніи Европы въ 1908 году: «въ центрѣ стоятъ незащищенными Германія и Австрія, вокругъ нихъ за валами и рвами — прочія державы. Военному положенію соотвѣтствуетъ и политическое. Между окружающими и окруженными государствами заложены трудно устранимые контрасты интересовъ.... Не исключается возможность, что страсти и соперничество между ними вызовутъ насильственныя дѣйствія. Существуетъ ревностное стремленіе объединить всѣ государства, образующія внѣшнее кольцо, для совокупнаго нападенія на центръ Европы. Въ нужный моментъ должны открыться ворота, будутъ наведены мосты черезъ рвы и милліонныя полчища ринутся черезъ Вогезы, Маасъ, Кенигсау, Нѣманъ, Бугъ и дажъ Изонцо и Тирольскія Альпы, опустошая и уничтожая все по пути...» Но Шлиффенъ оказался бы лучшимъ пророкомъ, если бы онъ, вмѣсто этой образной, но ошибочной мысли, сказалъ, что въ желаемый моментъ изъ центра Европы хлынутъ два потока вооруженныхъ массъ: одинъ запрудитъ Бельгію и докатится до Марны, а другой устремится изъ за Карпатъ вдоль Вислы къ польской равнинѣ. Это больше отвѣчало выработанному имъ въ 1900—1905 г.г. плану войны съ Россіей и Франціей... Въ тонѣ приведенной выдержки изъ Шлиффена написанъ весь первый политическій отдѣлъ сочиненія Шварте; онъ читается съ интересомъ, но до крайности тенденціозенъ и мало отвѣчаетъ безпристрастной попыткѣ разобраться въ причинахъ міровой войны.

Второй отдѣлъ — о **«сухопутныхъ вооруженіяхъ»** передъ войной — принадлежитъ перу маіора Хоссе. Здѣсь разсматривается военная подготовка Франціи, Россіи, Англіи, Бельгіи, Италіи, Германіи и Австро-Венгріи. Въ этомъ отдѣлѣ также нѣтъ объективной оцѣнки военныхъ мѣропріятій своихъ враговъ. Относительно Россіи допущены ошибки, въ лучшемъ случаѣ не говорящія въ пользу освѣдомленности автора о предметѣ взятаго на себя изслѣдованія. Такъ онъ пишетъ, между прочимъ, что со времени окончанія русско-японской войны 5½ сибирскихъ корпусовъ содержались въ мирное время въ составѣ близкомъ къ штатамъ военнаго времени. До начала войны 1914 г. у насъ было всего 4 Сибирскихъ корпуса и изъ нихъ

только одна дивизія 1-го Сибирскаго корпуса имѣла въ послѣдніе годы число рядовъ въ ротахъ по военному времени. Авторъ далѣе указываетъ, что пять сибирскихъ стрѣлковыхъ дивизій начали переѣздъ въ раіонъ сосредоточенія на Западную границу между 31 іюля и 2 августа по новому стилю. Наша мобилизація была объявлена 31 іюля н. ст. и не одна пѣхотная часть русской арміи не могла быть перевезена раньше 7 августа. За недостаткомъ мѣста приходится ограничиваться означенными неточностями, но имѣются и другія. Совокупность ихъ наводитъ на мысль, что и авторомъ этого отдѣла не руководило безпристрастіе своего труда.

Третій отдѣлъ — полковника Бартенверфера: **«о военныхъ основаніяхъ рѣшенія высшаго командованія и о взаимной связи между операціями до апрѣля 1915 года».** Въ этомъ отдѣлѣ говорится о планѣ стратегическаго развертыванія и о внутренней, идейной зависимости операцій на разныхъ фронтахъ въ первый годъ войны. Написано серьезно, объективно и съ особымъ интересомъ читаются абзацы, трактующіе о поддержкѣ германскимъ командованіемъ австрійскихъ плановъ операцій. Съ первыхъ же дней войны австрійцы оказались въ положеніи бѣдныхъ родственниковъ, постоянно нуждающихся въ германской помощи.

Слѣдующіе четыре отдѣла содержатъ очеркъ военныхъ операцій отъ начала войны и до весны 1915 года. Описаніе военныхъ дѣйствій составлено объективно достаточно полно, популярно и съ приложеніемъ ясныхъ схемъ. Но въ каждой главѣ выдвигается впередъ превосходство нѣмцевъ. Въ освѣщеніи событій чувствуется вліяніе «военныхъ воспоминаній» Людендорфа, откуда часто приводятся цѣлыя цитаты.

Авторы остались до конца вѣрными своей задачѣ дать **подробное описаніе войны для потребности нѣмецкаго читателя.** Если судить по первому тому, то разсматриваемое изданіе Шварте представляетъ интересъ для знакомства и изученія войны **съ нѣмецкой стороны;** это дѣйствительно не военно-научный трудъ, а весьма подробное и популярное описаніе войны, какъ о томъ и сказано въ предисловіи издателя. Однако для окончательнаго сужденія нужно выждать появленія остальныхъ девяти томовъ «Великой Войны 1914—1918 г.г.».

Д.

Воспоминанія кронпринца Вильгельма (составилъ Карлъ Росскеръ на основаніи замѣтокъ, документовъ, дневниковъ и бесѣдъ) 303 стр.

«Это», по словамъ кронпринца Вильгельма въ его обращеніи къ другу Росскеру, «не пустая болтовня и не дешевая мудрость человѣка, который заднимъ умомъ крѣпокъ, а мысли и опасенія, которыя онъ уже тогда высказывалъ, уже тогда пытался всѣми силами бороться съ грозно надвигающейся опасностью» (т. е. въ 1915 и 1917 годахъ).

Воспоминанія изложены не систематически, а отрывочно, съ постояннымъ перескакиваніемъ съ одного предмета на другой. При этомъ предметы повѣствованія перемѣшаны между собой и часто вновь повторяются: служба на разныхъ должностяхъ, сентиментальныя воспоминанія о семейной жизни, государственныя дѣла, утѣшительные разговоры съ

матерью и служебные съ отцемъ — все это перемѣшано и перепутано, часто безъ связи между собой.

Для насъ наиболѣе интересными являются сужденія автора о войнѣ.

Англія хотѣла положить предѣлъ возрастающему экономическому успѣху Германіи, для которой оставался одинъ выходъ: въ ожиданіи неминуемой развязки вооружаться и такой же максимальной обороноспособности требовать отъ Австріи. Однако, не только общая внѣшняя политическая обстановка говорила о растущей опасности. Лихорадочныя и явно направленныя противъ насъ (т. е. нѣмцевъ) вооруженія державъ Согласія тоже указывали, что на той сторонѣ хотѣли быть готовыми и что тамъ только ожидали удобнаго лозунга о войнѣ. Франція не щадила ни своего человѣческаго матеріала, ни своихъ финансовъ для того, чтобы держать наготовѣ войска, несоразмѣрно больше по сравненію со своими средствами. Россія на французскія деньги отрывала отъ земли сотни тысячъ своихъ крестьянъ для того, чтобы одѣть ихъ въ землисто коричневую форму. Италія жадно цѣлилась на Турецкое Триполи и строила фортъ за фортомъ на границѣ Австріи, съ которой находилась въ союзѣ и которую глубоко ненавидѣла. Передъ лицомъ всѣхъ этихъ громадныхъ опасностей наши собственныя вооруженія продолжали ограничиваться минимумъ необходимаго . . . »

Словомъ, по мнѣнію кронпринца, всѣ виноваты, кромѣ Германіи. Германія невинный агнецъ, котораго хотѣли скушать. И это въ то время, когда въ Россіи стояло подъ ружьемъ 0,7 % народонаселенія, а въ Германіи 1,2 %, а русскій флотъ и качественно и количественно былъ въ нѣсколько разъ слабѣе германскаго. Далѣе кронпринцъ пишетъ: «Весною 1914 г. сталъ вопросъ, который различно оцѣнивался военными и дипломатами. Въ Россіи въ это время происходили въ широкомъ масштабѣ передвиженія войскъ. Было совершенно ясно, что центръ тяжести этихъ перегруппировокъ лежалъ въ направленіи германской и австрійской границъ. Точно также изъ центральной Россіи Генеральнымъ Штабомъ были получены свѣдѣнія о загадочныхъ передвиженіяхъ войскъ. Какъ же слѣдовало толковать эти факты?

Относительно возникшаго конфликта въ іюлѣ 1914 г. кронпринцъ говоритъ слѣдующее: «Вмѣсто того, чтобы отнестись критически къ дѣйствіямъ Австріи и рѣшительно заявить — изъ за Сербіи мы воевать не будемъ — было сдѣлано то, чего я опасался: пошли на буксирѣ у Австріи».

Кронпринцъ утверждаетъ, что онъ предлагалъ и настаивалъ въ 1915 и 1916 г.г. на сепаратномъ мирѣ съ Россіей, а если это не удастся, то на соглашеніи съ Англіей, но Бетманъ-Гольвегъ ничего въ этомъ направленіи не сдѣлалъ. Вообще въ германскихъ неудачахъ онъ винитъ германскую дипломатію.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касается хода войны и положенія Германіи въ разные моменты, разсужденія кронпринца, въ большинствѣ случаевъ серьезны и обнаруживаютъ пониманіе имъ обстановки. Въ отношеніи же Россіи кронпринцъ, какъ видно, принадлежитъ къ той группѣ нынѣшнихъ нѣмцевъ-патріотовъ, которые стремятся во что бы то ни стало

доказать нѣмецкое alibi и потому въ своихъ обвиненіяхъ по адресу Россіи доходятъ до наивности и абсурда, не справляясь даже съ цифрами и фактами. Приведенныя разсужденія на эту тему кронпринца не требуютъ поэтому коментарій.

Генералъ А. И. Деникинъ. Очерки русской смуты. Т. I вып. I и II. Крушеніе власти и арміи; февраль — сентябрь 1917 года. Изд. Поволоцкій въ Парижѣ.

Уже съ 1920 года ожидались въ печати «Записки» ген. Деникина. Наконецъ, онѣ вышли въ свѣтъ, но оказались не записками, а скорѣе историческими очерками очевидца и участника событій.

Очерки начинаются характеристикой Императорской Россіи, національнымъ лозунгомъ которой было: «за Вѣру, Царя и Отечество».

Авторъ приходитъ къ заключенію, что эти три устоя были подточены къ концу XIX вѣка. Хотя армія была настроена монархически, но династія не умѣла поддержать этого настроенія, а отсутствіе настоящаго правопорядка и несправедливыя привиллегіи гвардіи возбуждали недовольство. Японская война обнаружила недостатки старой арміи: бездарность и безпринципность высшаго командованія, недостаточность обученія, неустроеніе тыла, хищенія и пр. Много сдѣлано и улучшено до 1914 года. Однако, несмотря на всѣ недостатки, наша армія оказалась въ послѣднюю войну одной изъ лучшихъ европейскихъ армій. Въ январѣ 1917 года эта армія удерживала на своемъ фронтѣ 187 непріятельскихъ дивизій, т. е. 49% всѣхъ силъ центральныхъ державъ. По подсчету же французскаго депутата Луи Мартэна Россія потеряла на войнѣ одними убитыми 2,5 милліона; Германія — 2; Австрія — 1,5; Франція — 1,4; Англія — 0,8. Такимъ образомъ, на долю Россіи приходится 40% убитыхъ всѣхъ союзныхъ армій.

Пусть союзники вспомнятъ объ этомъ!

Революція была для арміи неожиданной и цѣлый рядъ фатальныхъ, законныхъ приказаній и актовъ, начиная отъ отреченія Императора, дѣлалъ невозможнымъ какой бы то ни было протестъ или выступленіе. Армія приняла революцію, какъ законное и преемственное явленіе.

Выпукло и ярко описано постепенное разложеніе арміи, начавшееся съ приказа № 1. Это пишетъ уже не спокойный историкъ, а человѣкъ, самъ переживщій все и нынѣ анализирующій событія. Какъ извѣстно, ген. Деникинъ, въ концѣ марта, былъ назначенъ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, каковымъ состоялъ до того времени ген. Алексѣевъ.

Первая книга заканчивается изложеніемъ положенія центральныхъ державъ къ веснѣ 1917 года. Положеніе это было критическое. Объ этомъ говоритъ въ серединѣ іюня Гинденбургъ въ своей телеграммѣ Императору, а также упоминаетъ въ извѣстной книгѣ Людендорфъ. Лучшіе государственные дѣятели и вожди Германіи чувствовали нависшую катастрофу. Русская революція, казалось, спасла Германію; на самомъ же дѣлѣ лишь

отсрочила на годъ неизбѣжное пораженіе, такъ какъ Россію замѣнила Америка.

Въ общемъ, изложеніе событій и личныхъ впечатлѣній въ первомъ томѣ носитъ нѣсколько сумбурный характеръ. Авторъ, видимо, вновь остро переживаетъ прошлое и это не даетъ ему возможности излагать его послѣдовательно, въ порядкѣ; непрерывно онъ перескакиваетъ съ одного предмета на другой и вслѣдствіе этого не получается цѣльности впечатлѣнія.

Т. I. Выпускъ 2-ой. Здѣсь изложеніе ведется болѣе послѣдовательно. Почти вся книга содержитъ исторію «великихъ» реформъ въ арміи послѣ революціи.

Военный министръ Гучковъ, предубѣжденный противъ существовавшаго въ старой арміи протекціонизма, рѣшилъ «дать дорогу талантамъ». Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль было уволено около 150 старшихъ начальниковъ, изъ нихъ 70 начальниковъ дивизій. Но вмѣсто ожидаемыхъ талантовъ, явились большею частью опортунисты или безпринципные карьеристы. Тлетворная и разрушительная работа комиссіи ген. Поливанова изложена подробно. Затѣмъ авторъ переходитъ къ роли пресловутыхъ комитетовъ и комиссаровъ и шагъ за шагомъ разбираетъ тотъ развалъ, который они вносили въ армію своимъ невѣжествомъ, партійностью, жаждой власти и шкурничествомъ. Приводится рядъ курьезныхъ и трагическихъ примѣровъ ихъ дѣятельности.

Напрасно на съѣздѣ Главнокомандующихъ, а потомъ, совмѣстно съ членами Временнаго Правительства, 2-го мая, раздавались громкіе протестующіе голоса противъ предполагаемой «Деклараціи правъ солдата». Это былъ «послѣдній гвоздь, вбиваемый въ крышку гроба русской арміи» — говорилъ ген. Алексѣевъ. Декларація, однако, была принята, хотя Гучковъ ушелъ, не желая ее подписывать.

Временное Правительство не приняло никакихъ мѣръ къ оздоровленію арміи и не исполнило требованій ген. Корнилова, назначеннаго тогда Верховнымъ Главнокомандующимъ. Тогда въ Ставкѣ, послѣ Московскаго совѣщанія зародилась идея Корниловскаго выступленія. Авторъ находился тогда въ Бердичевѣ, въ роли Главнокомандующаго Юго-Западнымъ фронтомъ. Онъ не былъ непосредственнымъ участникомъ ни Московскаго совѣщанія, ни Корниловскаго выступленія и поэтому не даетъ подробнаго описанія происшедшихъ событій. Но очень вѣрно характеризуетъ общее настроеніе: «Взоры очень многихъ людей — томившихся, страдавшихъ отъ безумія и позора, въ волнахъ которыхъ захлебывалась русская жизнь, все чаще и чаще обращались къ нему (Корнилову). Къ нему шли и честные и безчестные, и искренніе и интриганы, и политическіе дѣятели и воины и авантюристы И всѣ въ одинъ голосъ говорили: «спаси»! Корниловъ сталъ знаменемъ для однихъ контръ-революціи, для другихъ — спасенія Россіи».

Корниловское выступленіе кончилось неудачно. 1 сентября арестованъ Корниловъ, а 4 сентября выпущенъ на свободу арестованный въ

іюльскіе дни Бронштейнъ (Троцкій). Эти двѣ даты, — заключаетъ Деникинъ, — должны быть памятны Россіи.

Книга Деникина не высказываетъ какой-либо партійной программы или политической тенденціи. Деникинъ, какъ и многіе представители нашей интеллигенціи, исповѣдывалъ одну идею: любовь къ Родинѣ, при этомъ въ равной степени въ мирное время, во время войны и въ дни революціи. Интересны его выводы: **русская революція для фронта явилась неожиданностью, но въ своемъ зарожденіи и началѣ она была явленіемъ безъ сомнѣнія національнымъ, какъ результатъ всеобщаго протеста противъ стараго строя. Ни армія въ массѣ, ни офицерство не думали вовсе о контръ-революціи.** Они примирились съ переворотомъ, какъ неизбѣжностью и думали объ одномъ: какъ благополучно окончить войну. Но революціонная демократія въ своемъ страхѣ передъ контръ-революціей думала опереться на солдатскую массу, а потому, унижая всячески офицеровъ, разложила ее, подрубивши тѣмъ тотъ сукъ, на которомъ сидѣла.

Врядъ ли можно согласиться съ авторомъ, что революція была дѣломъ національнымъ, но несомнѣнно одно: армія съ ней примирилась и хотѣла быть вѣрна Временному Правительству. Послѣднее же своей бездарностью и преступнымъ попустительствомъ разложило армію и погубило Россію.

Книга Деникина доказываетъ наличіе въ авторѣ большого литературнаго таланта, проявленнаго отчасти и ранѣе. Кромѣ того, на югѣ Россіи, ген. Деникинъ былъ извѣстенъ какъ первоклассный ораторъ.

Закрывая книгу, читатель, принимавшій участіе въ борьбѣ на югѣ Россіи, задумается надъ рядомъ неразрѣшимыхъ вопросовъ.

Ген. Корнилова замѣнилъ по праву и преемственно ген. Деникинъ. Въ 1918 г. мы всѣ глубоко вѣрили, что онъ приведетъ насъ въ Москву. И вдругъ, армія по мѣрѣ ея роста становилась качественно все хуже и хуже, безпорядокъ все больше и больше и, наконецъ, все покатилось неудержимо назадъ къ морю.

Подобно тому, какъ и въ революціи, здѣсь много причинъ, много ошибокъ. Темныя стороны старой арміи ген. Деникинымъ разобраны прекрасно. Видно, что все это онъ глубоко перечувствовалъ, пережилъ, переболѣлъ надъ этими проклятыми вопросами. И вдругъ, въ Добровольческой арміи, а потомъ въ Крымской, повторились все тѣ же недостатки въ неизмѣримо большемъ масштабѣ: полнѣйшій произволъ и безнаказанность старшихъ, протекціонизмъ и родственныя связи, карьеризмъ и личные интересы во вредъ дѣлу, преслѣдованіе и затираніе правдивыхъ, но неугодныхъ людей и прочіе историческіе пороки старой арміи.

Отчего все это? Не оттого ли, что «la critique est aisée, mais l'art est difficile» (критика легка — искусство трудно), или потому, что «суждены намъ лишь благіе порывы...», или, наслѣдіе старой системы?.. И передъ нами вновь встаетъ благородная фигура «типичнаго русскаго интеллигента» (какъ называетъ его Соколовъ въ книгѣ «Правленіе ген. Деникина»), оратора, писателя, исполненнаго самыхъ лучшихъ намѣреній и порывовъ, отличнаго генерала при налаженномъ государственномъ аппа-

ратѣ и готовыхъ штабахъ, но не Наполеона, не политика, не прозорливаго государственнаго дѣятеля эпохи революціи, который взвѣшивалъ бы всѣ шансы за и противъ, умѣлъ бы выбирать способныхъ помощниковъ и шелъ бы кривыми, но приводящими къ успѣху путями, не поддаваясь вліянію окружающихъ его мелкихъ и бездарныхъ людей...

«Рыцари терноваго вѣнца». (Воспоминанія члена Государственной Думы Л. В. Половцева о 1-омъ Кубанскомъ (ледяномъ) походѣ ген.: **М. В. Алексѣева, Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина** — 219 стр., изд. въ Прагѣ.

Небольшая книжка, карманнаго формата, представляетъ отрывочныя воспоминанія гражданскаго лица — участника 1 Кубанскаго похода.

Авторъ былъ однимъ изъ членовъ того небольшого ядра, которое собралось въ Новочеркасскѣ въ началѣ ноября 1917 г., вокругъ ген. Алексѣева и еще до прибытія ген. Корнилова работало надъ созданіемъ Добровольческой арміи. Объ этомъ первоначальномъ періодѣ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Авторъ дополняетъ ихъ, излагая въ первыхъ главахъ ту тяжелую обстановку, въ которой пришлось работать ген. Алексѣеву, начавшему созданіе арміи буквально изъ ничего, съ одной лишь вѣрой и надеждой въ правоту дѣла. Въ теченіе ноября и первыхъ чиселъ декабря (до пріѣзда Корнилова) добровольцами и казаками были обезоружены большевистскіе запасные полки въ Новочеркасскѣ, Ростовѣ и Таганрогѣ, взятъ Ростовъ и сформированы 1 и 2 офицерскіе баталіоны.

6 декабря 1917 года прибылъ ген. Корниловъ: къ этому времени «армія» состояла изъ 1.500 чел. при одномъ орудіи. Съ трудомъ шли формированія; многочисленный мѣстный офицерскій составъ и казаки держали нейтралитетъ.

Бои, ведомые добровольцами въ теченіе ноября, декабря 1917 г. и января 1918 г., собственно лишь перечислены авторомъ, съ приведеніемъ нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ.

Описывая Кубанскій походъ, авторъ попутно излагаетъ отдѣльно событія-бои, походы и собственныя впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, изложеніе носитъ отрывочный характеръ, много существенныхъ событій пропущено (бои на р. Бѣлой 12-13 марта, бой у Н. Дмитріевской 17 марта, у Екатеринодара 26-31 марта); очевидно, автору не пришлось быть очевидцемъ ихъ и матеріаловъ у него не хватило.

Несмотря на эти недостатки, автору удалось достаточно ярко изобразить подвиги первыхъ добровольцевъ, беззавѣтно шедшихъ на смерть съ вѣрою въ Конрилова и его идею.

Цѣнность книги заключается въ отсутствіи политической тенденціи и правдивомъ описаніи событій. Нельзя, однако, согласиться съ мнѣніемъ автора, что главной цѣлью созданія Добровольческой арміи было продолженіе войны съ нѣмцами. Нѣмцы скоро отошли на второй планъ и главной цѣлью явилась борьба съ гораздо худшими врагами, чѣмъ нѣмцы — завладѣвшими Россіей международными авантюристами и предателями. Правъ авторъ въ своемъ заключеніи, что наша интеллигенція не поддержала единодушно армію и лишь стремилась подъ ея защиту, не желая нести никакихъ жертвъ.

Воспоминанія гр. Витте, т. I — 511 стр., т. II — 570 стр.

Среди многочисленныхъ, появившихся въ послѣднее время, записокъ, воспоминаній, дневниковъ объ эпохѣ царствованія Императора Николая II, книгѣ Витте, по важности темы и возбуждаемому интересу, принадлежитъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ.

Первый томъ захватываетъ событія отъ начала царствованія Императора Николая II до Японской войны включительно, т. е., въ бытность Витте министромъ финансовъ и затѣмъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Содержаніе книги — характеристика верховнаго управленія и лишь отчасти положенія Россіи въ той или другой отрасли управленія. Съ первыхъ же страницъ авторъ знакомитъ насъ съ тѣми закулисными вліяніями, которыя оказывались на Государя разными лицами и были главными пружинами верховнаго самодержавнаго управленія. Здѣсь играли роль: великіе князья, отдѣльные приближенные и, наконецъ, и главнымъ образомъ, Императрица. Эта уродливая и трагическая сторона всякой неограниченной власти проходитъ красной нитью въ книгѣ Витте. Всѣ назначенія министровъ и высшихъ сановниковъ зависили всецѣло отъ случайныхъ и постороннихъ вліяній, не только не имѣющихъ ничего общаго съ пользой дѣла, но часто и завѣдомо вопреки ей. «Очень много зла», — говоритъ Витте, — «оттого, что на засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ Государя большинство министровъ не имѣло мужества говорить правду и обыкновенно поддакивало или молчало. Обыкновенно узнавали, какъ думаетъ Царь и старались говорить то же. Тѣ же, что говорили противное, навлекали на себя немилость». Витте былъ противъ всякихъ авантюръ на Дальнемъ Востокѣ и предупреждалъ, что онѣ могутъ имѣть серьезныя послѣдствія, но его мнѣніе не было принято во вниманіе. О Императорѣ Николаѣ II Витте говоритъ: «Царь, не имѣющій царскаго характера не можетъ дать счастья странѣ (стр. 252); Александръ III былъ простой человѣкъ, но былъ Царь, и далъ Россіи 13 лѣтъ покоя... Бѣдный и несчастный Государь (Николай II) и видно хорошій и не глупый человѣкъ, но безвольный и на этой чертѣ его характера развились его государственные пороки какъ правителя, да еще такого самодержавнаго и неограниченнаго». Послѣ японской войны въ 1907 г. Витте пишетъ: «Все, что мы пережили, не образумило того, кого это прежде всего должно было образумить. Эта игра ведется и теперь, и охъ, какъ дурно она можетъ кончиться! Александра Феодоровна руководитъ волей и склонностями Государя и больше всего виновата въ томъ, что его царствованіе такъ несчастно для него и для Россіи. Дай Богъ, чтобы не окончилось хуже, а особенно для него...» Вся система Государя это, если можно такъ выразиться, есть качаніе на политическихъ качеляхъ». «Можно пролить много крови, но въ этой крови можно и самому погибнуть и погубить своего первороднаго чистаго младенца, сына-наслѣдника. Дай Богъ, чтобы сіе не было, такъ и во всякомъ случаѣ, чтобы не видѣлъ я этихъ ужасовъ». Витте противникъ войнъ и сторонникъ мирнаго улаженія споровъ, поклонникъ обогащенія народа. Его политической идеей послѣ Портсмутскаго мира былъ союзъ континентальныхъ державъ (Россіи, Германіи и

Франціи). За время министерства Витте въ русское дѣло вложено до 3 милліардовъ рублей иностранныхъ капиталовъ; желѣзнодорожная сѣть Имперіи удвоилась. Его заключеніе о будущемъ: «Вся соль русской земли, вся ея будущность, если не исключительно, то, главнымъ образомъ, связана съ интересомъ, бытомъ и культурой крестьянства».

Недостатокъ книги — очевидное пристрастіе къ другимъ и къ самому себѣ. Всегда во всемъ Витте оказывается правъ; все было бы хорошо, если бы его слушали; никогда онъ не ошибался и все предвидѣлъ.

Во второмъ томѣ авторъ касается событій отъ манифеста 17 октября 1905 года до конца 1911 г., т. е. убійства Столыпина и премьерства Коковцева.

Рядъ важнѣйшихъ недавнихъ событій проходитъ передъ читателемъ въ освѣщеніи человѣка, который былъ ихъ творцомъ или ближайшимъ очевидцемъ. Поэтому, т. II читается со столь же неослабѣвающимъ интересомъ, какъ т. I. И общее впечатлѣніе грустное и непріятное: надъ всѣмъ доминируютъ интриги правителей и борьба за власть.

Основная мысль автора заключается въ томъ, что только манифестъ 17 октября спасъ Россію отъ революціи; дальнѣйшее же игнорированіе его и непроведеніе въ жизнь было причиной постоянныхъ волненій и всевозможныхъ кризисовъ. Авторъ винитъ во всемъ крайнихъ правыхъ, дѣйствующихъ ради своихъ шкурныхъ интересовъ, но не хвалитъ и лѣвыхъ дѣятелей, не понявшихъ момента и мечтающихъ о республикѣ.

Фигура Императора Николая II рисуется въ томъ же стилѣ, какъ и въ первомъ томѣ. Крайнюю враждебность проявляетъ Витте къ Столыпину, осуждая рѣшительно всѣ его мѣропріятія, а въ особенности тѣ, которыя вели къ умаленію манифеста 17 октября.

Точно такъ же, какъ и въ первомъ томѣ, непріятное впечатлѣніе производитъ стремленіе вездѣ и всюду доказать, что онъ, Витте, всегда былъ правъ и все дѣлалъ хорошо, и, если бы его слушали, то Россія процвѣтала бы; всѣ же прочіе министры все дѣлали плохо.

Въ книгѣ II «Русская Лѣтопись» В. Гурко дѣлаетъ подробный разборъ записокъ Витте. Авторъ считаетъ его талантливымъ государственнымъ дѣятелемъ въ качествѣ министра финансовъ и дипломата при заключеніи Портсмутскаго мира, но осуждаетъ за пренебрежительное отношеніе къ сельскому хозяйству, за двуличіе, интриги и стремленіе къ власти, хотя и не изъ корыстныхъ побужденій. Самый же главный недостатокъ Воспоминаній, — по мнѣнію Гурко, — заключается въ томъ, что они составлялись post factum и потому, страдаютъ неточностью и крайнимъ пристрастіемъ сужденій. Поэтому и требуютъ значительнаго корректива и знакомства съ фактами; въ противномъ случаѣ, даютъ пристрастное освѣщеніе важнѣйшимъ историческимъ фактамъ.

Во всякомъ случаѣ, Витте проявилъ себя талантливымъ государственнымъ дѣятелемъ, который не только принесъ огромную пользу Россіи, но и пророчески предвидѣлъ событія. Въ запискахъ бывшаго французскаго посла въ Петербургѣ Палеолога упоминается о рѣзкихъ и откровенныхъ взглядахъ Витте на войну въ концѣ 1914 г. Онъ считалъ, что

нужно скорѣе кончить «эту глупую авантюру». Мы достигли максимума успѣховъ. За ними послѣдуютъ разгромъ, а затѣмъ — революція.

Д-ръ Г. А. Зивъ. Троцкій. Характеристика (по личнымъ воспоминаніямъ). Книгоиздательство «Народоправство». Нью-Іоркъ, 1921 года, стр. 96.

Эта небольшая книжка написана другомъ Л. Бронштейна (Троцкаго), по впечатлѣніямъ отъ 1896 до 1917 года, его бывш. единомышленникомъ, соработникомъ, евреемъ-соціалистомъ. Можно было предположить, что онъ воспоетъ дифирамбы своему другу, подобные тѣмъ, какіе пишутся во всевозможныхъ совѣтскихъ рептиліяхъ. Однако, съ первыхъ же страницъ, читатель удивленъ простымъ анализомъ воспоминаній давнихъ лѣтъ.

18 лѣтній Л. Бронштейнъ, реалистъ Николаевскаго реальнаго училища, сынъ богатаго землевладѣльца, уже тогда выказывалъ замѣчательныя способности, чрезвычайную силу воли и отстутствіе какихъ бы то ни было чувствъ.

Къ наукамъ онъ не обнаруживалъ особеннаго пристрастія, хотя они давались ему въ реальномъ училищѣ легко. Считая себя тогда народникомъ и противникомъ марксистовъ, онъ не прочиталъ ни одной книжки, какъ народниковъ, такъ и марксистовъ, противъ которыхъ страстно боролся (конечно, словесно). Вскорѣ онъ сталъ марксистомъ. Серьезнаго чтенія всегда избѣгалъ, къ искусствамъ относился совершенно равнодушно. За то прочелъ и запомнилъ небольшую брошюрку Шопенгауэра «Эристику» (искусство спорить). Это, — какъ говоритъ Шопенгауэръ, — не искусство доказываетъ истину, а искусство одерживаетъ верхъ въ спорахъ. Въ мѣстномъ революціонномъ кружкѣ про него говорили: «онъ будетъ или великій герой, или великій негодяй, но непремѣнно великій».

Получивъ аттестатъ реальнаго училища, онъ считалъ свое образованіе законченнымъ и вопреки общему теченію дальше не стремился. Занялся пропагандой и подготовкой революцій. Однако, въ послѣдней его интересовали не результаты, не цѣль, а ходъ ея, его собственная роль въ ней, утвержденіе собственной личности, требовавшей первенства и не признающей соперниковъ и вторыхъ ролей.

Уже тогда, въ 1898 г., послѣ ареста, въ немъ обнаружились припадки и явные признаки эпилепсіи: рѣзко выраженный эготизмъ, гипертрофированное самомнѣніе, болѣзненное самолюбіе, экстравагантность въ рѣчи и т. п.

Когда, уже послѣ ссылки въ Сибирь, возникъ вопросъ о псевдонимѣ для него, какъ сотрудника революціонной газеты, то онъ никакъ не хотѣлъ называться Бронштейномъ. Онъ стремился во что бы то ни стало избавиться отъ этого ярлыка, указывающаго на еврейское происхожденіе. Даже его отчужденность отъ родителей, авторъ объясняетъ нежеланіемъ имѣть реальное напоминаніе о своей національности; отецъ его имѣлъ всѣ черты и повадки еврея. Свой псевдонимъ онъ заимствовалъ отъ надзирателя Одесской тюрьмы, человѣка властнаго, чувствовавшаго себя царькомъ

среди тысячи всевозможныхъ преступниковъ. Такимъ образомъ, Бронштейнъ пріобрѣлъ чисто русскую фамилію.

Въ 1902 г. Троцкій сталъ меньшевикомъ, хотя его настоящее мѣсто было въ большевистскомъ лагерѣ, гдѣ надо было «связать, скрутить, накинуть мертвую петлю». Но тамъ первенствовалъ Ленинъ и Троцкому еще не было мѣста.

Въ дни 1905 г. онъ былъ предсѣдателемъ Совѣта рабочихъ депутатовъ въ Петроградѣ и уже тогда мечталъ стать диктаторомъ Россіи, но былъ сосланъ въ Сибирь, откуда бѣжалъ за границу.

Война застала его въ Австріи, откуда онъ будто бы былъ высланъ, какъ русскій подданный. Явившись въ Парижъ, онъ началъ издавать листокъ «Голосъ», въ которомъ обливалъ грязью союзниковъ, обвиняя ихъ въ варварствѣ, жестокости и хваля нѣмцевъ. Затѣмъ, былъ высланъ изъ Франціи и, въ 1916 году, очутился въ Америкѣ. Тамъ выступалъ въ соціалистическихъ кругахъ, редактировалъ газету «Новый Міръ», ведя ту же пропаганду, что и въ Парижѣ.

Послѣ революціи въ Россіи, Троцкій еще въ Америкѣ громилъ членовъ Временнаго Правительства, — Милюкова, Гучкова, Керенскаго и стремился скорѣе вернуться въ Россію, дабы показать, какъ нужно дѣлать революцію. Англичане арестовали его, какъ нѣмецкаго шпіона, но (злая иронія судьбы!) по требованію Милюкова пропустили въ Россію.

Приведя рядъ примѣровъ необыкновенной лжи, подлости, лицемѣрія, жестокости, наглости Троцкаго изъ его дѣятельности послѣ 25 октября, авторъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе:

Троцкій нравственно слѣпъ. Это у него природный, такъ сказать, физіологическій дефектъ, то, что у англичанъ называется moralinsanity — нравственное помѣшательство. Въ психикѣ Троцкаго нѣтъ элементовъ, соотвѣтствующихъ понятіямъ — жестокости и человѣчности: на ихъ мѣстѣ пробѣлъ. Люди для него — единицы, тысячи, милліоны — это только средства для достиженія Wille zur Macht. А если для этого погибнутъ милліоны — это не важно. Въ оправданіе Троцкаго и къ стыду человѣчества слѣдуетъ признать, что вызывающіе отвращеніе свойства Троцкаго не являются исключительнымъ явленіемъ въ нынѣшней Россіи. Иначе Троцкій не занялъ бы того положенія, которое занимаетъ. Почему?

Какъ правовѣрный соціалистъ (какой секты — неизвѣстно), авторъ считаетъ, не приводя доказательствъ, что «Россія передъ войной уже была наканунѣ соціально-экономическаго и политическаго краха (? ! !) и, наконецъ, развалилась въ 1917 г. Въ эпоху упадка и разложенія выступаютъ наружу, какъ грибы послѣ дождя, низменные, общественные или вѣрнѣе, антиобщественные инстинкты. Естественно, что во главѣ такого движенія стали люди, быстрѣе и основательнѣе другихъ освободившіеся отъ сдерживающаго вліянія разрушенныхъ политическихъ, соціальныхъ и моральныхъ нормъ. И потому-то убійцы, грабители, спекулянты, предатели, шпіоны, шулера, торговцы живымъ товаромъ, сутенеры, садисты, эпилептики и проч. и проч. — всѣ эти низы, лишенные задерживаю-

щихъ центровъ, неизбѣжно становятся во главѣ общества и ревниво гонятъ подъ видомъ интеллигентовъ всѣхъ тѣхъ, кто сколько-нибудь сохранилъ въ себѣ общественную совѣсть... Пока интеллигенты, у коихъ ище сохранились задерживающіе центры колеблются, взвѣшиваютъ и не дерзаютъ на рѣшительныя дѣйствія — люди, свободные отъ этого, становятся во главѣ. И, естественно, талантливый и честолюбивый Троцкій дѣлается общественнымъ кумиромъ и народнымъ героемъ (вѣроятно, подразумѣвая подъ народомъ всѣхъ каторжниковъ и уголовныхъ Россіи?). Поэтому, торжествующій большевизмъ естественно связывается съ именемъ Троцкаго. Ленинъ — это идея, теорія большевизма, Троцкій — его практика.

Таково, почти дословное заключеніе автора о своемъ другѣ дѣтства — Бронштейнѣ (Троцкомъ). Сказаннаго съ недоговорками вполнѣ достаточно для характеристики Троцкаго. Это поистинѣ человѣкъ, въ которомъ сатанинское начало выражено наиболѣе рѣзко и полно.

Книгу д-ра Зива съ интересомъ прочтетъ всякій. Соціалистамъ онъ, однако, оказалъ плохую услугу, невольно характеризуя эту среду въ своемъ повѣствованіи.

Борисъ Суворинъ. «За Родиной». Героическая эпоха Добровольческой арміи. Впечатлѣнія журналиста. Парижъ, 1921 г., стр. 250.

Обыкновенно, штатскіе записки о войнѣ появляются первыми, послѣ того, когда замолкли пушки и подписанъ миръ. Онѣ наиболѣе интересны и доступны обывателю, всегда поверхностно относящемуся ко всему, что не затрагиваетъ его непосредственно.

Въ прошломъ году вышла небольшая книжка «Ликъ войны» Эренбурга — впечатлѣнія журналиста на французскомъ фронтѣ. Въ описаніи ряда событій, сценъ, преимущественно въ тылу, авторъ заинтересованъ лишь однимъ явленіемъ: противорѣчіемъ между личными обывательскими интересами и чувствомъ долга, требующимъ жертвъ на алтарь отечества. Долгъ и инстинктъ самосохраненія всегда въ борьбѣ между собой съ преобладаніемъ послѣдняго. Непріятно и тяжело читать эти философствующія записки тылового журналиста, чужестранца о чуждой ему французской арміи, доблести и жертвы коей его не волнуютъ.

Записки Бориса Суворина въ томъ же стилѣ записокъ журналиста, но какая разница по духу и содержанію. Съ первыхъ же строкъ читатель видитъ, что, касаясь легкимъ стилемъ всего понемножку, пишетъ человѣкъ съ горячимъ сердцемъ и любовью къ ближнему о дорогомъ ему предметѣ изъ лика гражданской войны, въ коей принималъ участіе онъ самъ и близкіе, родные ему соотечественники.

У насъ еще нѣтъ въ литературѣ общедоступныхъ произведеній изъ эпохи гражданской войны, а тѣмъ болѣе ея начала. Наша эмиграція, кромѣ непосредственныхъ участниковъ, не знаетъ, какъ появилась Добровольческая армія, что такое 1-й Кубанскій походъ и какая борьба велась въ теченіи 3-хъ лѣтъ. Эта эпоха, какъ-то стушевывается, ею не интересуются, тѣмъ болѣе, что 3-хъ лѣтняя борьба не дала результатовъ.

Но, если кто пожелаетъ узнать, не было ли чего-либо свѣтлаго, идейнаго въ Россіи, со времени февральскаго переворота, среди общаго безумія, убійствъ и развала, тому слѣдуетъ прочесть небольшую книжку Бориса Суворина. И въ этихъ, часто безсвязныхъ, перескакивающихъ съ одного предмета на другой, но искреннихъ и задушевныхъ замѣткахъ, читатель найдетъ единственное, свѣтлое пятно, на кровавомъ фонѣ нашей «великой, безкровной» — движеніе, задавшееся цѣлью спасти свою погибающую Родину, несмотря на ничтожныя силы и средства, на явно неравные шансы борьбы.

Никакихъ выводовъ или заключеній авторъ не дѣлаетъ. Это предоставляется читателю. Періодъ отъ зарожденія арміи до возвращенія изъ 1-го Кубанскаго похода и 2-ой Кубанскій походъ, онъ назвалъ героическимъ періодомъ эпохи Добровольческой арміи. Дѣйствительно, таковой и была эта эпоха, ибо главными стимулами борьбы со стороны бѣлыхъ былъ порывъ, воодушевленіе, готовность на жертвы во спасеніе Родины. Тогда еще недумали о карьерѣ, наживѣ, (все это явилось позже!); специфическій типъ тыловыхъ героевъ и дѣльцовъ еще не шелъ въ армію, у которой почти не было тыла и которая требовала лишь жертвъ, не обѣщая никакихъ благъ за это въ будущемъ.

Уцѣлѣвшіе, старые добровольцы, съ благоговѣніемъ вспомнятъ это время и искренно поблагодарятъ Б. Суворина за доброе слово о нихъ.

Номеръ выпущенъ 10-го января 1923 г.

Адресъ редакціи:
Сербія, Бѣлградъ
ПРОТЕ-МАТЕІЕ 51.

Техническій отдѣлъ редакціи:
Berlin NW. 40
Kronprinzen Ufer 21 I

Редакторы генеральнаго штаба:
Полковники: **В. М. Пронинъ**
И. Ф. Патроновъ
Адмиралъ: **А. Д. Бубновъ**

Представитель редакціи по технической части генеральнаго штаба:
Подполковникъ **Сіяльскій.**

ПРИЛОЖЕНІЕ № I.

Опредѣленіе разстояній.

237. Разстоянія опредѣляются:
Нормально, съ помощью приборовъ;
При отсутствіи приборовъ;
Съ помощью карты;
Глазомѣрно.
Кромѣ того, разстоянія могутъ измѣряться шагами, въ подготовительныхъ упражненіяхъ и въ особыхъ обстоятельствахъ, при оборонѣ.

I. Опредѣленіе разстояній съ помощью приборовъ.

238. Приборы, которыми располагаетъ пѣхота для измѣренія разстояній, слѣдующіе:
Моностатическій дальномѣръ пулеметныхъ ротъ;
Дальномѣръ — призма;
Дальномѣръ — бинокль.

239. *Моностатическій дальномѣръ* (Барръ и Струдъ, или Баушъ и Ломбъ) пулеметныхъ ротъ, позволяетъ одному наблюдателю измѣрить разстояніе, сдѣлавъ единственный отсчетъ, съ одной точки наблюденія . . .

240. *Дальномѣръ — призма* устроенъ для измѣренія разстояній однимъ наблюдателемъ, посредствомъ наблюденій, сдѣланныхъ съ двухъ точекъ стоянія . . .

241. *Дальномѣръ — бинокль* (системы Галилея или системы съ призмой) можетъ употребляться, какъ обыкновенный бинокль или какъ дальномѣръ . . .

III. Глазомѣрное опредѣленіе разстояній.

243. Глазомѣрно разстоянія опредѣляются:
Или просто по виду, непосредственно, учитывая видимость цѣлей, а также по сравненію съ какимъ-либо извѣстнымъ разстояніемъ; или измѣряя кажущіеся размѣры цѣлей . . .

249. Получается довольно точная оцѣнка разстоянія, если взять среднюю величину нѣсколькихъ опредѣленій, сдѣланныхъ хорошими наблюдателями, независимо однимъ отъ другого; однако, полученный, такимъ образомъ, результатъ имѣетъ цѣну только въ томъ случаѣ, когда отдѣльныхъ наблюденій, изъ коихъ взято среднее, было не менѣе шести.

Опредѣленіе по измѣренію кажущихся размѣровъ.

250. Когда удаленіе цѣли, ея положеніе или атмосферныя условія не позволяютъ опредѣлить разстояніе по гла-

зомѣру, можно пользоваться пріемомъ измѣренія кажущихся размѣровъ.

Кажущіеся размѣры, высота и ширина какого-либо предмета, обратно пропорціональны разстоянію, отдѣляющему ихъ отъ наблюдателя.

Такимъ образомъ, можно, зная одинъ изъ дѣйствительныхъ размѣровъ цѣли, опредѣлить разстояніе до нея, съ помощью этого кажущагося размѣра, сравнивая его съ какимъ-нибудь постояннымъ размѣромъ на неизмѣнномъ разстояніи.

На этомъ основанъ принципъ *стадіи* (stadia).

Этотъ пріемъ позволяетъ измѣрить уголъ, подъ которымъ видишь одинъ изъ извѣстныхъ размѣровъ цѣли и вычислить разстояніе до нея, примѣняя правило: *разстояніе есть частное отъ дѣленія этого размѣра на дробь, выражающую линейную мѣру угла.*

Уголъ, подъ которымъ видишь предметъ, измѣряется *тысячными долями.* Одна тысячная есть, приблизительно, уголъ, подъ которымъ видишь какой-нибудь предметъ, высотой въ 1 метръ, на разстояніи 1.000 метровъ.

Пальцы руки или линейка съ дѣленіями, когда ихъ держать на постоянномъ разстояніи отъ глаза, составляютъ стадію упрощеннаго вида.

Для средней руки, ширина большого пальца при вытянутой рукѣ, покрываетъ 40 метровъ на 1.000 метровъ, т. е. 40 тысячныхъ разстоянія.

Ширина указательнаго пальца — 35 тысячныхъ разстоянія;

Средняго пальца — 35 тысячныхъ разстоянія;

Безымяннаго пальца — 30 тысячныхъ разстоянія;

Мизинца — 25 тысячныхъ разстоянія *).

У линейки, раздѣленной на полусантиметры и удерживаемой въ разстояніи 50 сантиметровъ отъ глаза посредствомъ шнурка, прикрѣпленнаго къ пуговицѣ шинели, каждое изъ дѣленій соотвѣтствуетъ 10 тысячнымъ.

Когда при большомъ удаленіи цѣли, ея высота кажется слишкомъ малой, чтобы быть измѣренной, непосредственно, ее сравниваютъ съ высотой какого-нибудь предмета, болѣе значительныхъ размѣровъ, находящагося вблизи ея (домъ, дерево, телеграфный

*) Чтобы посредствомъ этого пріема получить результаты достаточной точности, необходимо предварительно вывѣрить, путемъ опыта надъ извѣстнымъ размѣромъ, протяженіи вытянутой руки, постановку головы и точное мѣсто, на которомъ будетъ браться ширина того или другого пальца.

столбъ и т. д.); изъ этого сравненія выводятъ высоту предмета, а по ней опредѣляютъ разстояніе.

251. Способъ опредѣленія разстоянія по кажущимся размѣрамъ, позволяетъ оцѣнить разстояніе до имѣющихъ то или другое значеніе точекъ мѣстности, опредѣляя разстояніе до какого-нибудь предмета извѣстныхъ размѣровъ, расположеннаго по близости отъ этихъ точекъ. Напримѣръ, вычисляютъ разстояніе до какого-нибудь гребня по разстоянію до дерева, дома, телеграфнаго столба, расположенныхъ на этомъ гребнѣ, по разстоянію до точки, въ которой его пересѣкаетъ дорога извѣстной ширины и т. д.

Этотъ же способъ позволяетъ опредѣлить дистанцію до походной колонны по ея длинѣ, вычисленной по времени ея вытягиванія.

Указанія для обученія.

253. Упражненія въ опредѣленіи разстояній производятся при всякой погодѣ и на всякой мѣстности; исполнять ихъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, въ тѣхъ положеніяхъ, которыя чаще всего примѣняются въ бою, а именно, въ положеніи лежа.

Предметами, до которыхъ оцѣниваются дистанціи, являются всѣ встрѣчающіяся цѣли, — пѣхотинцы, всадники, повозки и т. д., а также неровности мѣстности, которыя могутъ служить закрытіями или позиціями, какъ-то: опушки лѣсовъ, изгороди, насыпи, дома и т. д.

254. Всѣ капралы и рядовые должны упражняться въ опредѣленіи разстояній шагами и глазомѣрно до 600 метровъ; отличные стрѣлки — до 1 200 метровъ. Кромѣ того, ихъ обучаютъ употребленію дальномѣра — бинокля.

Офицеры и унтеръ-офицеры должны быть обучены опредѣленію разстояній всѣми способами, описанными, или упомянутыми въ настоящемъ Наставленіи.

Пропущенныя мѣста въ §§ 239—241 касаются техническаго описанія приборовъ; § 242 — говоритъ объ измѣреніи разстояній помощью карты; §§ 243—249 — объ обученіи глазомѣру, а § 252 — объ измѣреніи шагами и ничего новаго не даютъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 11.

Отысканіе и указаніе цѣлей.

255. Чтобы указать цѣль, которая сама не бросается въ глаза, обучающій выбираетъ замѣтную точку, опре-

дѣленіе которой не можетъ подать повода къ недоразумѣнію. Эта точка указывается по признакамъ, позволяющимъ быстро отличить ее: мѣстоположеніе, родъ, наружный видъ, разстояніе, цвѣтъ.

Обучающій, *имѣя руку совершенно вытянутой*, указываетъ затѣмъ, на сколько пальцевъ или ладоней вправо или влѣво отъ указанной замѣтной точки находится цѣль.

Подобное розысканіе и указаніе производится въ отношеніи всевозможныхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, встрѣчающихся на мѣстности. Равнымъ образомъ, можно пользоваться и фигурами цвѣта защитнаго, сѣраго, темно-зеленаго или хаки, изображающими бойцовъ, размѣщенными одиночно или группами на разнообразныхъ дистанціяхъ.

Эти упражненія можно производить не сходя съ дорогъ; исполнять ихъ слѣдуетъ часто, во всякое время года, при всякой погодѣ, на разсвѣтѣ и при закатѣ и во всѣхъ положеніяхъ тѣла, главнымъ же образомъ, въ положеніи лежа.

Они могутъ часто примѣняться при производствѣ боевыхъ упражненій противъ обозначеннаго противника.

Примѣчанія: 1-е. Необходимо, чтобы при розыскѣ цѣлей, люди держали руку совершенно вытянутой, для того, чтобы найти положеніе цѣли въ отношеніи замѣтной точки. При несоблюденіи этого правила, пространство, покрываемое шириной пальцевъ или ладони, будетъ слишкомъ велико и не будетъ соотвѣтствовать тому, что указано обучающимъ.

2-е. Кажущійся интерваль, отдѣляющій цѣль отъ замѣтной точки, измѣняется въ зависимости отъ мѣста, занимаемаго наблюдателемъ, въ томъ случаѣ, когда разстоянія до точки и до цѣли неодинаковы.

Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, обучающемуся придется стать рядомъ съ солдатомъ или позади его, чтобы опредѣлить положеніе цѣли въ отношеніи замѣтной точки.

256. Упражненія въ розыскѣ и указаніи цѣлей развиваютъ остроту зрѣнія и наблюдательность. Они представляютъ особую важность для кадровыхъ чиновъ, для пулеметчиковъ и для фузилеровъ.

Можно было ожидать, что указанія объ отысканіи и указаніи цѣлей у французовъ будутъ богаче. Русское наставленіе, а въ особенности русская практика, ушли въ этомъ вопросѣ значительно впередъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № III.

Изученіе и отмѣчаніе мѣстности.

257. *Упражненія въ изученіи мѣстности* имѣютъ цѣлью научить кадровыхъ чиновъ и наблюдателей держать подъ строгимъ наблюденіемъ и обшаривать взглядомъ участокъ мѣстности, на которомъ можетъ показаться противникъ.

Наблюденіе распространяется на неровности мѣстности, которыми непріятель могъ бы воспользоваться, чтобы скрыть свое продвиженіе, или которыя мы сами могли бы использовать для наступленія, а также на важныя точки мѣстности, каковы опушки лѣсовъ, околицы селеній, точки перехода черезъ гребни, перекрестки дорогъ и т. д.

Наблюдатель долженъ стараться, по расположенію рядовъ деревьевъ, отдѣльныхъ домовъ, скирдъ, телеграфныхъ столбовъ и т. п. предметовъ, обыкновенно обрамляющихъ дороги, отдать себѣ отчетъ въ начертаніи послѣднихъ.

258. *Отмѣтить мѣстность*, значитъ опредѣлить разстоянія до нѣкоторыхъ замѣтныхъ точекъ, по которымъ, впослѣдствіи, будутъ выведены приблизительно разстоянія до точекъ, въ которыхъ покажется противникъ.

Наблюденія, сдѣланныя при изученіи и отмѣчаніи мѣстности наносятся на *краткое кроки,* показывающее схематически, вмѣстѣ съ опредѣленными разстояніями, важнѣйшіе рубежи и неровности изучаемой мѣстности.

259. Упражненія въ изученіи и отмѣчаніи мѣстности производятся при предположеніяхъ наступленія или обороны.

При наступленіи, по указаніи цѣли, направленія движенія и мѣстныхъ предметовъ, которые его опредѣляютъ, обучающій направляетъ людей къ указанной цѣли, по подступамъ, позволяющимъ подойти къ ней возможно ближе, не открывая огня; онъ указываетъ имъ мѣста, удобныя для открытія огня, въ случаѣ, если бы наступленіе оказалось задержаннымъ.

Мѣстность отмѣчается по точкамъ, выбраннымъ по близости отъ оси наступленія, избѣгая пользоваться точками расположенными на гребняхъ возвышенностей, такъ какъ кажущіяся вершины послѣднихъ мѣняются при всякомъ перемѣщеніи наблюдателя.

При оборонѣ, обращается вниманіе на позиціи, которыя непріятель предположительно могъ бы занять, на подступы, по которымъ онъ можетъ переходить съ одной позиціи на другую, на пункты, откуда онъ можетъ дебушировать, открытыя мѣста, которыя ему придется пройти и на которыхъ желательно его обстрѣлять.

260. Всѣ офицеры, унтеръ-офицеры, капралы и солдаты-наблюдатели, равно какъ и дальномѣрщики пулеметныхъ ротъ, должны быть обучены изученію и отмѣчанію мѣстности и умѣть составить краткое кроки при различныхъ тактическихъ предположеніяхъ.

Приложеніе это представляетъ большой интересъ. Въ русскомъ Наставленіи этихъ указаній нѣтъ. А для боевой стрѣльбы они крайне необходимы.

ПРИЛОЖЕНІЕ № V.

Общая организація службы стрѣльбы. Обязательныя правила стрѣльбищъ. Постановленія, касающіяся фактическаго производства стрѣльбы изъ оружія стрѣляющаго пѣхотнымъ патрономъ.

I. Офицеръ, завѣдывающій стрѣльбой отдѣльной части.

262. Въ каждомъ полку или баталіонѣ, составляющемъ отдѣльную часть, одинъ изъ офицеровъ (маіоръ или капитанъ) назначается для исполненія обязанностей Завѣдывающаго стрѣльбой части.

Въ качествѣ помощника ему придается на каждый баталіонъ по одному поручику или подпоручику. Завѣдывающій стрѣльбой части имѣетъ обязанность обезпечить сооруженіе и содержаніе въ исправности предметовъ матеріальной части, необходимыхъ для выполненія стрѣльбы всѣми имѣющимися на службѣ видами оружія (или снарядами). По его приказанію устанавливаются, согласно указаній Инструкціи по вооруженію и матеріальной части, для стрѣльбы мишени и онъ же отдаетъ необходимыя распоряженія, касающіяся приготовленія и перевозки всего необходимаго для производства стрѣльбы...

Онъ заботится о поддержаніи въ исправности: закрытій для махальныхъ, спеціальныхъ построекъ для метанія боевыхъ гранатъ и для стрѣльбы изъ вспомогательныхъ орудій, а также телефонныхъ линій и аппаратовъ; онъ распоряжается работами по оборудованію тировъ и стрѣльбищъ, согласно указаній Инструкціи по тирамъ и стрѣльбищамъ.

Сверхъ того, на его обязанности лежитъ пристрѣлка оружія части.

263. Въ каждой ротѣ и командѣ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ (adjudant или сержантъ), назначенный командиромъ роты, завѣдуетъ стрѣльбой части. Онъ получаетъ и раздаетъ патроны, гранаты, 37 миллиметровые патроны, припасы для мортиръ; онъ же заботится о сдачѣ гильзъ и обоймъ и объ уничтоженіи неразорвавшихся взрывчатыхъ снарядовъ. (См. Приложеніе № VI). Онъ ведетъ журналъ стрѣльбы роты. (См. Приложеніе № XI).

Обязательныя правила тировъ и стрѣльбищъ.

264. Размѣщеніе мишеней и полицейскій надзоръ въ тирахъ и на стрѣльбищахъ составляютъ обязанность: Командира стрѣляющей части (для стрѣльбъ по перехватывающему пули стрѣльбищному валу и при метаніи гранатъ).

Офицера Завѣдывающаго стрѣльбой части (для стрѣльбъ внѣ перехватывающаго пули стрѣльбищнаго вала и стрѣльбъ, производимыхъ на случайныхъ стрѣльбищахъ или въ учебныхъ легеряхъ).

Во всякомъ случаѣ, офицеръ завѣдывающій стрѣльбой или его замѣститель обязанъ озаботиться мѣрами безопасности, которыя необходимо принять снаружи стрѣльбища и тира. Онъ распоряжается постановкой и снятіемъ часовыхъ и дозорныхъ, когда это требуется.

За полчаса до стрѣльбъ, которыя требуютъ очищенія отъ людей какой-нибудь полосы, онъ приказываетъ трубить сигналъ «*отбой*».

На гарнизонныхъ стрѣльбищахъ, гдѣ стрѣльбы обыкновенно производятся по перехватывающему пули валу, онъ распоряжается выставленіемъ на валъ краснаго значка.

266. Для производства стрѣльбы, начальникъ стрѣляющей части дѣлитъ стрѣлковъ на столько группъ, сколько имѣется мишеней и назначаетъ инструктора изъ нашивочныхъ (gradé) или квалифицированныхъ (qualifié) солдатъ, въ качествѣ начальника мишени.

267. Въ большинствѣ упражненій, стрѣлки имѣютъ право выпустить пробныя пули, которыя показываются каждая въ отдѣльности. Съ этой цѣлью махальный, снабженный затычками, задѣлываетъ пробоины съ

помощью бумажныхъ кружковъ, по мѣрѣ производства пробоинъ.

Когда всѣ люди очереди выпустятъ всѣ свои пробныя пули, руководящій стрѣльбой приказываетъ предупредить начальника махальныхъ по телефону и тогда приступаютъ собственно къ самой стрѣльбѣ, которая продолжается безъ перерыва, такъ какъ каждая пуля уже не отмѣчается.

Когда всѣ люди очереди окончатъ свое упражненіе, оружіе разряжается, если нужно, и затворы оставляются открытыми; командующій офицеръ предупреждаетъ по телефону начальника махальныхъ. Послѣдній приказываетъ поднять значекъ, а своей командѣ выйти изъ закрытія.

269. На всѣхъ упражненіяхъ учебной стрѣьбы стрѣлки идутъ сами удостовѣриться въ результатахъ своей стрѣльбы. Эти результаты тотчасъ же заносятся въ ихъ личныя записныя книжки, или инструкторомъ-начальникомъ мишени, если послѣднему было приказано сопровождать стрѣлка, или, въ противномъ случаѣ, начальникомъ махальныхъ.

Чтобы не терять времени, руководящимъ стрѣльбой можетъ быть приказано, если онъ признаетъ это нужнымъ, чтобы стрѣлки отстрѣлявшей очереди оставались, послѣ занесенія результатовъ, въ закрытіи для махальныхъ, пока стрѣляетъ слѣдующая очередь.

Въ боевыхъ стрѣльбахъ результаты отмѣчаются начальникомъ махальныхъ послѣ стрѣльбы каждой очереди и немедленно передаются по телефону на линію огня.

Тотчасъ же по записи результатовъ махальные задѣлываютъ пробоины.

270. Исполнивъ свое упражненіе *), солдаты каждой очереди предъявляютъ свое оружіе на осмотръ инструктору-начальнику мишени или одному изъ начальствующихъ нижнихъ чиновъ, спеціально для этой цѣли назначенному командиромъ роты (команды).

272. Для стрѣльбъ, которыя предположено выполнить внѣ перехватывающаго пули стрѣльбищнаго вала или на случайномъ полѣ и въ учебныхъ лагеряхъ, офицеръ завѣдывающій стрѣльбой части, при содѣйствіи своихъ помощниковъ въ баталіонахъ и унтеръ-офицеровъ по стрѣльбѣ ротъ и командъ, распоряжа-

---

*) Раньше отправленія къ валу для осмотра мишени, въ учебныхъ стрѣльбахъ.

ется проводкой необходимыхъ телефонныхъ линій, установкой мишеней, опредѣляетъ подробности службы махальныхъ, организуетъ спеціальную службу надзора. Если махальные помѣщаются въ особыхъ, неснабженныхъ телефономъ закрытіяхъ, съ цѣлью приведенія въ дѣйствіе механизмовъ скрывающихся или подвижныхъ цѣлей, ихъ безопасность обезпечивается назначеніемъ офицера, имѣющаго въ своемъ распоряженіи горниста.

Этотъ офицеръ приказываетъ подать сигналы «слушай» и «огонь». Руководящій стрѣльбой приказываетъ повторить сигналъ «огонь» и только тогда разрѣшаетъ открыть огонь.

Эти предосторожности принимаются, какъ въ началѣ стрѣльбы, такъ и при всякомъ возобновленіи послѣ перерыва.

Мѣры безопасности въ отношеніи стрѣлковъ.

273. *До стрѣльбы.* Командиры взводовъ, строго придерживаясь уставныхъ указаній, осматриваютъ все оружіе; они удостовѣряются, что ружья или карабины въ полной исправности, что механизмы хорошо дѣйствуютъ . . . Окончивъ осмотръ, командиры взводовъ докладываютъ командиру роты . . .

274. Запрещено наистрожайше:

1. Прикладываться или дѣйствовать затворомъ вездѣ, кромѣ мѣста расположенія стрѣлквъ.

2. Заряжать оружіе одиночнымъ патрономъ или магазиномъ, или оставлять его заряженнымъ, вездѣ, кромѣ мѣста расположенія стрѣлковъ и именно, въ моментъ предшествующій стрѣльбѣ.

Въ случаѣ, если какая-нибудь неисправность въ дѣйствіи оружія потребовала бы осмотра его кѣмъ-либо изъ начальствующихъ нижнихъ чиновъ, послѣдній приглашается громкимъ голосомъ стрѣлковъ, продолжающимъ держать стволъ своего оружія направленнымъ на мишени.

Призванный принимаетъ мѣры для устраненія неисправности, исходя всегда изъ допущенія, что патронъ можетъ находиться въ патронникѣ.

275. *Послѣ стрѣльбы.* Осмотръ оружія и патронныхъ сумокъ, равно какъ ранцевъ и провіантскихъ мѣшковъ производится офицеромъ, порядкомъ указаннымъ настоящимъ Наставленіемъ . . .

Пропущенные въ этомъ Приложенiи параграфы говорятъ:

§ 265 — о службѣ махальныхъ;

§ 266 — о порядкѣ стрѣльбы;

§ 271 — о прекращенiи стрѣльбы, и

§ 274 — о неисправности оружiя.

Все это такое же, какъ у насъ.

Въ §§ 273 и 275 пропущено то, что говорится о ружьѣ-пулеметѣ и револьверѣ.

Какъ видимъ изъ приведенныхъ §§-овъ, французы очень серьезно смотрятъ на обязанности «офицера завѣдывающаго стрѣльбой», т. е., по нашему, завѣдывающаго оружiемъ. Мы же штатами 1910 года поставили на эту должность ничего не понимающаго въ стрѣльбѣ чиновника, чѣмъ сильно повредили дѣлу стрѣльбы.

Очень практичны у французовъ также: помощники завѣдывающаго стрѣльбой въ баталiонахъ и даже ротахъ, особые «начальники мишеней» и хожденiе стрѣлковъ съ линiи огня къ своимъ мишенямъ.

Нѣсколько странными кажутся только преувеличенныя заботы французовъ о безопасности.

ПРИЛОЖЕНIЕ № VII.

Причины неправильностей въ стрѣльбѣ изъ оружiя стрѣляющаго пѣхотнымъ патрономъ.

Повѣрочныя стрѣльбы.

278. Причины неправильностей въ стрѣльбѣ, независящiя отъ стрѣлка, должны быть приписаны оружiю или атмосферическимъ условiямъ.

Чтобы самымъ полнымъ образомъ устранить первыя, всѣ ружья и карабины, которые въ упражненiяхъ учебной стрѣльбы даютъ неудовлетворительные результаты, подвергаются повѣрочной стрѣльбѣ и, если окажется нужнымъ, исправляются.

Равнымъ образомъ, провѣряется оружiе, вновь полученное, и оружiе, вернувшееся изъ мастерской послѣ починки.

288. Повѣрочныя стрѣльбы производятся, заряжая одиночными патронами, съ упора, на дистанцiю, соотвѣтствующую наименьшей высотѣ прицѣла оружiя; руководитъ ими офицеръ, завѣдывающiй стрѣльбой части.

Результатъ выражается группой десяти попаданiй въ щитъ, имѣющiй два метра въ квадратѣ и покрытый бумагой, разграфленной на дециметры.

Для каждаго экземпляра оружія эти попаданія наносятся на модель мишени, на которую записываютъ также номеръ оружія и дату производства стрѣльбы. Полученныя группы попаданій подвергаютъ сравненію съ таковыми же, полученными при стрѣльбѣ *оружіемъ-типомъ* *) въ тѣхъ же условіяхъ.

289. Каждое оружіе, группа попаданій коего выражается прямоугольникомъ, вмѣщающимъ всѣ попаданія и имѣющимъ линейные размѣры вдвое превышающіе тѣ, которые соотвѣтствуютъ оружію-типу, или оружіе, дающее съ дистанціи 250 метровъ группу, средняя точка коей удалена отъ средней точки группы, данной типомъ, болѣе чѣмъ на 35 сантиметровъ, — должно быть исправлено или обмѣнено.

Оружіе, отправляемое для исправленія или въ обмѣнъ, должно имѣть приложенными мишеньки, показывающія результаты стрѣльбы изъ него, сравнительно съ таковой же изъ оружія-типа.

Патроны, необходимые для производства повѣрочныхъ стрѣльбъ, берутся изъ имѣющейся экономіи патроновъ.

290. Атмосферическія условія, особенно вѣтеръ, вліяютъ на кучность стрѣльбы и особенно на ея направленіе. Вѣтеръ, въ зависимости отъ того, дуетъ ли онъ справа или слѣва, производитъ боковое отклоненіе пули влѣво или вправо.

Величина этого отклоненія указана въ таблицѣ VII.

Обучающій объясняетъ солдату, что онъ можетъ ввести въ свою стрѣльбу поправку на боковое отклоненіе, наводя въ сторону, противоположную той, откуда дуетъ вѣтеръ.

Эти указанія даются при производствѣ упражненій въ *стрѣльбѣ на мѣткость на полныхъ дистанціяхъ.*

Вывѣрку боя винтовокъ и нахожденіе для данной группы выстрѣловъ, удаленія средней точки попаданія отъ точки прицѣливанія — русское Наставленіе безразлично называетъ «пристрѣлкой». Французское же наставленіе первую изъ этихъ стрѣльбъ называетъ «tir de verification" т. е., «повѣрочной», а вторую — «tir d'essai», т. е. «пробной». Настоящее Приложеніе, въ §§ 287—289, говоритъ о первой изъ этихъ стрѣльбъ.

---

*) Въ распоряженіе завѣдывающаго стрѣльбой части имѣются для этой цѣли необходимыя оружія-типы, по ружью, карабину и ружью-пулемету на каждый батаріонъ, а на всю часть одинъ пулеметъ со станкомъ.

Не приводя довольно сложныхъ вычисленій, необходимыхъ для точнаго сравненія строгости условій французской и русской пристрѣлокъ, отмѣтимъ лишь, что:

1. Французскія условія пристрѣлки несравненно легче нашихъ, и

2. Французскій стрѣлокъ меньше нашего интересуется тѣмъ, что у насъ называется «боемъ винтовки» — и «памятная», т. е. стрѣлковая его книжка не заключаетъ въ себѣ никакихъ о томъ свѣдѣній.

ПРИЛОЖЕНІЕ № VIII.

Стрѣльба офицеровъ.

291. Стрѣльба одно изъ лучшихъ средствъ, которымъ располагаетъ пѣхотный офицеръ, чтобы подать примѣръ своей части и пріобрѣсти въ ней авторитетъ.

Хотя нѣтъ надобности быть отборнымъ стрѣлкомъ, чтобы быть хорошимъ инструкторомъ, тѣмъ не менѣе. дѣйствительность обученія въ значительной степени зависитъ отъ искусства въ стрѣльбѣ того, кто его преподаетъ. Это искусство не только увеличиваетъ престижъ начальника и располагаетъ его подчиненныхъ къ воспріятію даваемыхъ имъ уроковъ, но оно въ огромной степени способствуетъ внушенію солдату довѣрія къ его оружію, показывая ему, что оно можетъ дать въ дѣйствительности.

Начальникъ отдѣльной части принимаетъ постоянное участіе въ этомъ отдѣлѣ профессіональнаго образованія офицеровъ. Онъ ежегодно организовываетъ обязательныя состязанія въ стрѣльбѣ для оберъ-офицеровъ, одно — изъ ружей, другое изъ пистолетовъ, въ которыхъ предоставляется участвовать и штабъ-офицерамъ.

Оберъ-офицеры исполняютъ всѣ упражненія въ стрѣльбѣ и въ метаніи гранатъ, предусмотрѣнныя для людей, состоящихъ подъ ихъ начальствомъ. Отмѣтка о призахъ, полученныхъ ими на состязаніяхъ. дѣлается въ ихъ послужныхъ спискахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № X.

Дѣленіе на разряды. Состязанія. Награды.

1. *Дѣленіе на разряды.*

293. Когда окончена серія упражненій одиночной стрѣльбы, командиръ роты (начальникъ команды) дѣлитъ на разряды всѣхъ срочнослужащихъ унтеръ-офице-

ровъ, капраловъ и солдатъ своей части. Онъ устанавливаетъ классификацію по тремъ группамъ: одна классификація по стрѣльбѣ изъ ружей (или карабина), другая — по стрѣльбѣ изъ ружья-пулемета и третья — по метанію гранатъ.

Оцѣнка его основывается:

а) въ отношеніи ружья (или карабина)........: на результатахъ, полученныхъ на упражненіяхъ, учебной стрѣльбы *) (стрѣльбы на мѣткость на дѣйстительныхъ дистанціяхъ, исключая стрѣльбы на кучность) и боевыхъ стрѣльбахъ...........

Онъ причисляетъ къ разряду ***хорошихъ стрѣлковъ*** всѣхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, выполнившихъ серію упражненія въ стрѣльбѣ изъ ружей (или карабиновъ) для нихъ установленную и получившихъ одну треть максимума балловъ, соотвѣтствующаго этой серіи........

Остальные унтеръ-офицеры и солдаты отмѣчаются, какъ стрѣлки довольно хорошіе, удовлетворительные, посредственные или плохіе.

Если, по причинѣ отсутствія на стрѣльбахъ, унтеръ-офицеръ или солдатъ не выполнилъ по крайней мѣрѣ двухъ третей упражненій, положенныхъ его категоріи, онъ оставляется внѣ разрядовъ.

294. Въ результатѣ этой классификаціи, командиръ роты повышаетъ въ званія:

Стрѣлковъ 1-го класса — лучшихъ изъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, причисленныхъ къ разряду хорошихъ стрѣлковъ, въ числѣ не болѣе одной шестой части всего состава части.......... и представляетъ**) къ повышенію въ званія:

Отличныхъ стрѣлковъ — лучшихъ изъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, причисленыхъ къ стрѣлкамъ перваго класса, въ числѣ не болѣе половины состава послѣднихъ..........

Эти повышенія имѣютъ временный характеръ и сохраняютъ силу только въ теченіи промежутка времени между двумя послѣдовательными классификаціями.

---

*) Если кѣмъ либо изъ стрѣлковъ одно и то же упражненіе на условія производилось нѣсколько разъ, то для причисленія къ разряду учитываются результаты только перваго изъ нихъ.

**) Эти послѣднія повышенія принадлежатъ власти начальника отдѣльной части и объявляются въ приказахъ по полку.

2. *Состязанія.*

295. Состязательныя стрѣльбы организуются распоряженіемъ начальниковъ отдѣльныхъ частей въ концѣ учебнаго года . . . .

Время состязаній устанавливается командиромъ отдѣльной части.

Они заключаютъ въ себѣ:

1. Состязаніе изъ ружей оберъ-офицерами *), въ которомъ по желанію, могутъ принимать участіе и штабъ-офицеры;

2. Состязаніе изъ ружей (или карабиновъ) между всѣми сверхсрочнослужащими унтеръ-офицерами **).

3. Состязаніе изъ ружей (или карабиновъ) между срочнослужащими унтеръ-офицерами, капралами и солдатами, причисленными къ отличнымъ стрѣлкамъ ***) въ ротахъ ****) . . . .

296. Состязательныя стрѣльбы могутъ быть произведены и не въ одинъ день, но каждая изъ нихъ должна быть исполнена въ одинъ пріемъ. Онѣ допускаютъ, если нужно, предварительныя испытанія для выбора кандидатовъ, съ тѣмъ, чтобы собственно на полковое состязаніе, означенное подъ номеромъ 3-мъ, каждая рота представила не болѣе трехъ конкурентовъ.

Въ случаѣ совокупнаго квартированія полка, призы выдаются въ зависимости отъ классификаціи, установленной непосредственно по результатамъ состязаній.

Если полкъ квартируетъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, тѣ же состязанія производятся во всѣхъ частяхъ полка, совокупно расположенныхъ, и по возможности въ одинъ и тотъ же для всего полка день; результаты сводятся начальникомъ отдѣльной части, который и опредѣляетъ права каждаго на награду; въ случаѣ *равенства правъ,* принимаются въ разсчетъ результаты, полученные во время прохожденія годового курса.

---

*) Это состязаніе исполняется въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и состязаніе унтеръ-офицеровъ, капраловъ и солдатъ.

**) Всѣ сверхсрочнослужащіе унтеръ-офицеры принимаютъ участіе въ этомъ состязаніи, независимо отъ присвоеннаго имъ вооруженія.

***) Всѣ вооруженные карабиномъ чины, причисленные къ отличнымъ стрѣлкамъ и допущенные къ состязанію, могутъ,по желанію, стрѣлять изъ ружья.

****) Въ этомъ состязаніи принимаютъ участіе люди пулеметныхъ ротъ, причисленные къ разряду отличныхъ стрѣлковъ.

На всѣхъ состязаніяхъ, мѣста конкурентовъ при стрѣльбѣ опредѣляются жребіемъ.

297. Состязаніе изъ ружей состоитъ изъ двухъ испытаній: Стрѣльба на 200 метровъ, съ двумя обоймами *), по мишени съ 10-ью кругами, безъ ограниченія времени. Стрѣльба на 200 метровъ, по фигурѣ человѣка, на колѣнѣ установленнаго образца, продолжительностью въ 30 секундъ.

Въ обоихъ испытаніяхъ выборъ положенія предоставляется стрѣлку.

Для стрѣльбы по фигурной мишени въ распоряженіе стрѣлка отпускаются три обоймы *).

Каждому конкуренту предоставлены, кромѣ того, три пробныя пули, которыя выпускаются до перваго испытанія и ему показываются.

Результатъ опредѣляется по общей суммѣ всѣхъ полученныхъ балловъ. Рикошеты въ разсчетъ не принимаются.

Конкуренты, получившіе одинаковое число балловъ, снова исполняютъ первое испытаніе, съ одной обоймой *)...........

301. Кромѣ полковыхъ состязаній, могутъ быть организованы окружныя состязанія .... они производятся по распоряженію Военнаго Министра и для нихъ назначаются спеціальные призы.

3. НАГРАДЫ.

1. *Награды по разрядамъ за стрѣльбу.*

302. Награды по разрядамъ за стрѣльбу состоятъ изъ бронзовыхъ и серебряныхъ знаковъ, а именно:

Бронзовые знаки:

Представляющіе два ружья на-крестъ положенные, для стрѣлковъ 1-го класса............

Серебряные знаки:

Представляющіе два ружья на-крестъ положенные, для отличныхъ стрѣлковъ...............

Эти знаки съемные; носятъ ихъ на сторонѣ груди, противоположной той, на которой носятся знаки отличія; одинъ и тотъ же солдатъ можетъ имѣть по нѣсколько знаковъ. Присуждаются они для ношенія

*) Въ случаѣ, если бы состязаніе производилось ружьями 1915 или 86-93, начальнику отдѣльной части надлежало бы опредѣлить правила состязанія въ отношеніи числа обоймъ или патроновъ, подлежащихъ назначенію.

въ теченіи времени между двумя послѣдовательными классификаціями.
Во время пребыванія подъ знаменами, люди, поступающіе на укомплектованіе, снабжаются знаками, на которые они имѣли право въ день ихъ увольненія.

2. Награды по состязаніямъ.

303. Награды, присуждаемыя ежегодно въ результатѣ состязаній, состоятъ изъ медалей, — серебряныхъ позолоченныхъ и серебряныхъ . . . . и серебряныхъ знаковъ съ серебряной цѣпочкой, представляющихъ два ружья на-крестъ.
Назначаются:
1. Для офицеровъ: одна серебряная позолоченная медаль . . . . на полкъ, отъ Военнаго Министра . . . .
2. Для сверхсрочно-служащихъ унтеръ-офицеровъ: На полкъ: извѣстное число знаковъ съ ружьями, по разсчету одного на баталіонъ и одного на особую роту (compagnie horsrang).
На отдѣльный четырехротный баталіонъ: два знака *)
Одинъ изъ знаковъ на всю часть состоитъ изъ двухъ серебряныхъ позолоченныхъ ружей; онъ присуждается унтеръ-офицеру, признанному по состязанію первымъ.
3. . . . .
4. Для срочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ, капраловъ и солдатъ, участвовавшихъ въ состязаніи изъ ружей (или карабиновъ):
На полкъ: знаковъ съ ружьями, по расчету трехъ на каждый баталіонъ и одного на особую роту; на 4-хъ ротный отдѣльный баталіонъ: четыре знака съ ружьями **) . . . .
Въ числѣ знаковъ имѣется одинъ, представляющій два серебряныхъ позолоченныхъ ружья на-крестъ . . . онъ присуждается признанному первымъ въ состязаніи . . . .
Знакъ, полученный на состязаніи, есть полная собственность стрѣлка. Онъ носится при всѣхъ формахъ одежды. Его прикрѣпляютъ на груди, на сторонѣ противоположной той, на которой носятся знаки отли-

*) Три знака на семиротный отдѣльный баталіонъ.
**) Шесть знаковъ на семиротный отдѣльный баталіонъ.

чія. Одно и то же лицо можетъ носить нѣсколько знаковъ, если оно удостоено таковыхъ на разныхъ состязаніяхъ.

Начальникъ отдѣльной части объявляетъ въ приказѣ по полку фамиліи стрѣлковъ, получившихъ медали на состязаніяхъ.

Командиръ роты распоряжается вывѣшиваніемъ на стѣнахъ внутри помѣщеній именного списка стрѣлковъ, получившихъ награды.

304. Всѣ полученныя награды, равно какъ и званіе отличнаго стрѣлка . . . . , заносятся въ стрѣлковый листъ личной солдатской книжки.

Все пропущенное въ Приложеніи № X относится къ другому оружію.

Кромѣ приведенныхъ здѣсь приложеній, въ Наставленіи имѣются:

Приложеніе № IV (§ 261) — касается отпуска огнестрѣльныхъ припасовъ. Отпускъ патроновъ точно не опредѣленъ. Онъ опредѣляется ежегодно министерствомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы можно было выполнить всѣ стрѣльбы, предусмотрѣнныя Наставленіемъ.

Приложеніе № VI (§§ 276—286) — касается ручныхъ и ружейныхъ гранатъ.

Приложеніе № IX (§ 292) — касается стрѣльбы призывныхъ, коимъ предписывается проходить во время сборовъ 2 стрѣльбы учебныя и 2 одиночныя боевыя по выбору начальника части.

Приложеніе № XI (§§ 305—308) — касается отчетности, которая состоитъ изъ:

1. **Памятной личной стрѣлковой книжки,** куда заносятся въ особыя таблички: результаты стрѣльбы уменьшеннымъ зарядомъ и одиночной боевой и на мишеньки — всѣ попаданія учебной стрѣльбы боевымъ патрономъ, какъ на сокращенныя, такъ и на дѣйствительныя дистанціи, съ показаніемъ числа выпущенныхъ при каждомъ упражненіи патроновъ.

Свѣдѣній о пристрѣлкѣ не имѣется.

2. **Стрѣлковаго листка личной солдатской книжки,** въ который заносится лишь общая оцѣнка стрѣлка (отличный, довольно хорошій, удовлетворительный, слабый и плохой) и полученные имъ награды и призы, какъ въ своей части, такъ и въ официіальныхъ состязаніяхъ внѣ таковой.

и 3. **Стрѣлковаго регистра,** представляющаго нѣчто среднее между нашимъ листкомъ отмѣтокъ выстрѣловъ и журналомъ стрѣльбы. Сюда заносятся для каждаго стрѣлка: результаты стрѣльбъ боевымъ патрономъ (для первыхъ 8 упражненій — только оцѣнка, а для 4-хъ учебныхъ и 9 боевыхъ — число попавшихъ пуль и баллъ) и общіе итоги для учебной и боевой стрѣльбъ (число попавшихъ пуль и оцѣнка); а по днямъ — атмосферическія данныя и расходъ патроновъ (боевыхъ и холостыхъ).

Въ концѣ Наставленія даны подробныя формы этой отчетности, причемъ форма «листка» не отвѣчаетъ тексту.

Приложеніе № XII (§309) — особенности обученія стрѣльбѣ инженерныхъ войскъ, и

Приложеніе № XIII (§310) — особенности обученія стрѣльбѣ кавалеріи.

Въ общемъ инженерныя и кавалерійскія части проходятъ то же, что проходитъ пѣхота.

Въ Наставленіи приведены таблицы:

I. — угловъ выстрѣла, угловъ паденія, продолжительности полета, окончательной скорости и наибольшихъ ординатъ; все это для винтовокъ. Особенностью здѣсь является то, что углы прицѣливанія замѣнены углами выстрѣла (angle de projection), т. е. тѣмъ же угломъ прицѣливанія, но включая уголъ вылета (angle de relévemen), а вмѣсто угловъ даны ихъ тангенсы, выраженные въ мильемахъ (millième), представляющихъ собой угловую величину, при коей одинъ метръ виденъ на дистанціи въ 1.000 метровъ.

Таблица составлена до 2.400 метровъ.

II. — поражаемыхъ пространствъ для винтовокъ.

III. — Соединенныя таблицы I и II для карабина. Таблица составлена до 2.000 метровъ.

IV. — ординатъ для винтовокъ до 2.400 метровъ.

V. — ординатъ для карабина до 1.500 метровъ.

VI. — вѣроятныхъ отклоненій и полныхъ разсѣиваній до 1.000 метровъ для винтовокъ и на 200 метровъ для карабиновъ и только въ вышину и ширину; разсѣиваніе въ дальности не показано.

VII. — относовъ отъ вѣтра для винтовокъ при вѣтрѣ 1 метръ въ секунду, до 2.400 метровъ. Для вѣтра большей силы, числа таблицы слѣдуетъ помножать на силу вѣтра (число метровъ въ секунду).

VIII. — поправки за температуру и давленіе для винтовокъ, до 1.500 метровъ въ вышину и въ дальности.

Безъ № — Проникаціе пуль винтовокъ, карабина и револьвера въ разныя среды.

Въ общемъ, весь этотъ табличный матеріалъ значительно бѣднѣе нашего.

Образцовъ мишеней, описанія стрѣльбищъ и приборовъ въ Наставленіи не имѣется; рисунки мишеней для учебной стрѣльбы приведены лишь въ образцѣ памятной стрѣлковой книжки.

Заканчиваемъ этимъ переводъ французскаго Наставленія, изъ коего мы выпустили только то, что не можетъ представлять интереса.

Просмотрѣвъ еще разъ выпущенное, находимъ полезнымъ добавить къ изложенному въ нашемъ трудѣ слѣдующее:

§ 47 французскаго Наставленія говоритъ, что «солдатъ долженъ быть способенъ призвести *мгновенно мѣткій* выстрѣлъ по всякому противнику, внезапно появившемуся передъ нимъ на очень малыхъ дистанціяхъ». Но мы уже видѣли, что ни скорой, ни дѣйствительно мѣткой стрѣльбы французы не культивируютъ.

Для спеціалистовъ же добавимъ, что самую сущность прицѣливанія французы видятъ не въ подводкѣ снизу, какъ у насъ, а въ постепенномъ уменьшеніи колебаній прицѣльной линіи около вѣрнаго ея направленія (§46), что далеко не отвѣчаетъ идеи «мгновеннаго мѣткаго» выстрѣла. Къ этому послѣднему гораздо вѣрнѣе идетъ русское Наставленіе, которое (§221) явно предпочитаетъ спускъ ударника въ моментъ перваго же подвода прицѣльной линіи снизу (стрѣльба на вскидку).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ общемъ, намъ, русскимъ, имѣющимъ прекрасное наставленіе 1914 года (съ честью выдержавшее боевое испытаніе), а равно не могущимъ еще долгое время разсчитывать на то, что наше вооруженіе и условія боя приблизятся къ французскимъ — многому научиться отъ французовъ не приходится. Конечно, полезно позаимствовать у нихъ: стрѣльбу боевымъ патрономъ на сокращенныя дистанціи, назначеніе офицеровъ завѣдывающихъ стрѣльбой, нѣкоторыя педагогическія указанія и коекакія мелкія справки.

Но Боже насъ упаси дать себя соблазнить ихъ точкой зрѣнія на стрѣльбу частями (коллективную стрѣльбу)! Для армій, типа нашего, эта послѣдняя стрѣльба есть еще стрѣльба будущаго и намъ нужно культивировать ее всѣми способами, благо наука стрѣльбы зафиксировала уже главнѣйшія правила веденія огня, нашедшія себѣ мѣсто на страницахъ нашего Наставленія.

И въ этомъ отношеніи французское Наставленіе представляетъ для насъ даже нѣкоторую опасность: все невѣжественное, тяготящееся изученіемъ труднаго дѣла управленія ружейнымъ огнемъ — все это жадно набросится нынѣ на французскія откровенія, благо они осѣнены ореоломъ побѣды!

Но не будемъ соблазняться «упрощать» то, что еще требуетъ большого усовершенствованія. И если французы могутъ уже теперь позволить себѣ роскошь замѣны людской стрѣльбы стрѣльбой машинъ, то мы должны крѣпко помнить, что машины у насъ еще долгое время будутъ не болѣе, какъ подручное средство при главномъ средствѣ борьбы пѣхоты: *ея коллективнымъ хорошо управляемымъ огнемъ.* Наша винтовка, особенно

съ острой пулей, даетъ отличный огонь. Остается только выучиться управлять этимъ огнемъ. Но для начальниковъ, невѣжественныхъ въ отношеніи стрѣлковой науки, это недоступно. Будемъ же изучать стрѣлковое дѣло, дабы оказаться на высотѣ тѣхъ требованій, которыя жизнь неминуемо предъявитъ намъ въ недалекомъ будущемъ.

Е. Н.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТРУДЫ

В. ДОБРЫНИНА:

1. Борьба съ большевизмомъ на югѣ Россіи. Участіе въ борьбѣ Донского казачества (Февраль 1917 — Мартъ 1920 г. г.).
2. Та же книга на французскомъ языкѣ.
3. Донъ въ борьбѣ съ коммуной на Донцѣ и Манычѣ (Февраль — Май 1919 г.).
4. Вашингтонъ — Канны — Москва (14/XI — 1921 г. — 6/I — 1922 г. — 23/XII — 1921 г.).
5. Матеріалъ объ организаціи и силахъ красной совѣтской арміи по даннымъ къ періоду Ноябрь — Декабрь 1918 г.
6. Донцы въ Манджуріи, Путевыя, походныя и боевыя воспоминанія.

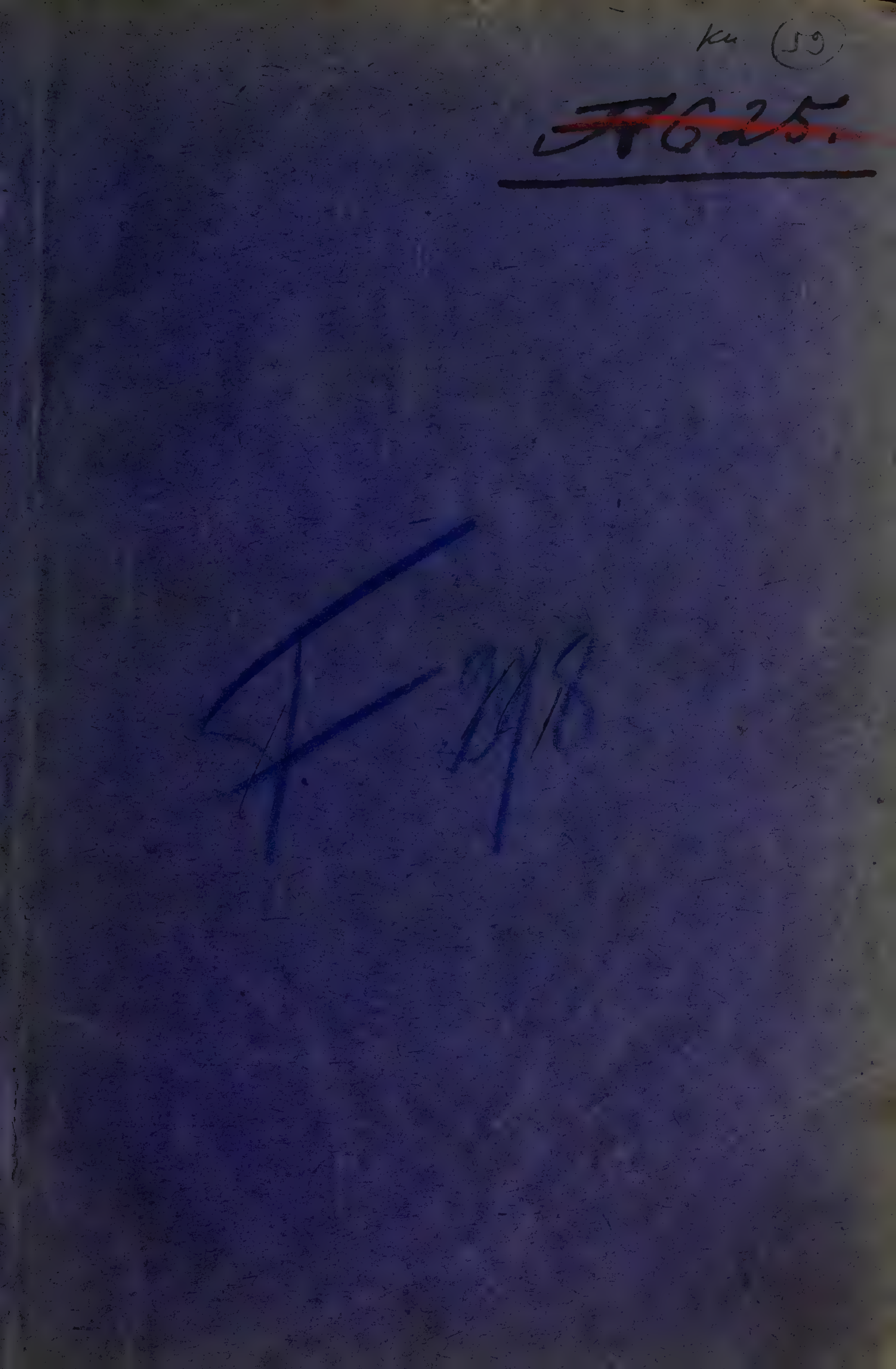
Складъ изданій у автора — Чехословакія.

ПРАГА.

Winohradi Gregrova ul 2.

Buchdruckerei u. Versagsanstalt „PRESSE“ G.m.b.H.
Berlin SW 19, Leipzigerstrasse 59.

Печатано въ типографіи Общества „ПРЕССЕ“
Берлинъ, Лейпцигеръ-Штрассе 59.

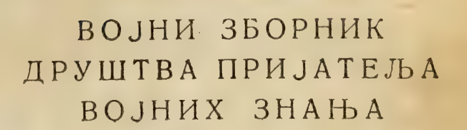


Военный Сборникъ

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ

ВОЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

REVUE
PUBLIÉE PAR LA SOCIÉTE
DES ETUDES MILITAIRES



ВОЈНИ ЗБОРНИК
ДРУШТВА ПРИЈАТЕЉА
ВОЈНИХ ЗНАЊА

Книга IV.

1923 г.

БѢЛГРАДЪ
Королевство Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ.

Редакція „Военнаго Сборника" приглашаетъ всѣхъ желающихъ сотрудничать въ Сборникѣ, присылать свои статьи на имя Редактора, Генеральнаго Штаба Полковника В. М. ПРОНИНА — Сербія, Бѣлградъ, Проте-Матеіе улица, № 51.

Редакторы „ВОЕННАГО СБОРНИКА"

Генеральнаго Штаба Полковникъ В. М. ПРОНИНЪ.
Генеральнаго Штаба Полковникъ И. Ф. ПАТРОНОВЪ.

Редакторъ Военно-Морского отдѣла:
Адмиралъ А. Д. БУБНОВЪ.

Федоръ Федоровичъ
ПАЛИЦЫНЪ
Генералъ-отъ-инфантеріи.

22-го февраля 1923 г. въ г. Берлинѣ скончался на 72 году жизни бывшій начальникъ Генеральнаго Штаба генералъ Федоръ Федоровичъ Палицынъ.

Покойный является однимъ изъ выдающихся представителей Русскаго Генеральнаго Штаба.

Его имя тѣсно связано съ эпохой возрожденія Русской арміи послѣ неудачной Русско-Японской войны 1904—1905 г., когда выяснились крупнѣйшіе недочеты въ организаціи и подготовкѣ арміи, главнымъ образомъ команднаго состава.

21-го іюня 1905 г. съ должности начальника Штаба Генералъ-Инспектора Кавалеріи, онъ былъ назначенъ на вновь созданный постъ начальника Генеральнаго Штаба.

Высокообразованный, трудолюбивый, честный, широко понимавшій военное дѣло и всей душой преданный ему, онъ вдохнулъ новую жизнь въ армію, въ которой до Манджурской катастрофы царили застой и рутина.

Главное и самое серьезное вниманіе Федоръ Федоровичъ обратилъ на подготовку и совершенствованіе команднаго состава всѣхъ степеней и въ частности офицеровъ Генеральнаго Штаба (Военныя игры, полевыя поѣздки, маневры и разборъ ихъ, разнаго рода инструкціи, наставленія и т. п.).

Армія зажила новой жизнью; заработала дремавшая до той поры военная мысль.

Онъ намѣтилъ основныя положенія стратегическаго сосредоточенія и развертыванія русскихъ армій на западной границѣ на слу-

чай войны съ Германіей и Австріей и приступилъ къ разработкѣ этихъ положеній.

Однако довести до конца всѣ эти начинанія ему не было суждено.

13-го ноября 1908 г. онъ былъ назначенъ въ Государственный Совѣтъ, а Главное Управленіе Генеральнаго Штаба потеряло свою независимость и было подчинено Военному министру.

Идея самостоятельнаго Генеральнаго Штаба, къ глубокому сожалѣнію, не привилась въ Россіи...

Съ уходомъ ген. Палицына Русская армія потеряла своего лучшаго руководителя.

Съ 1908 г. по 1914 годъ смѣнилось 5 начальниковъ Генеральнаго Штаба, которые не могли по кратковременности своей службы, а нѣкоторые изъ нихъ и по неспособности, принести серьезную пользу дѣлу подготовки арміи и въ міровую войну Россія вступила далеко не подготовленной.

Какъ только началась война, ген. Палицынъ, отказавшись отъ высокихъ командныхъ постовъ, былъ назначенъ, по его желанію, въ распоряженіе начальника Штаба Сѣверо-Западнаго фронта, (см. его воспоминанія „Въ Штабѣ Сѣверо-Западнаго фронта“ „Военный Сборникъ“ №3 и 4), а затѣмъ состоялъ въ распоряженіи Главнокомандующаго Кавказскимъ фронтомъ Великаго Князя Николая Николаевича. Когда въ Парижѣ у союзниковъ было образовано Высшее Военное Совѣщаніе для объединенія военныхъ операцій державъ Антанты, генералъ Палицынъ былъ туда командированъ (12 сент. 1916 г.) представителемъ Русскаго Верховнаго Командованія и принималъ участіе въ засѣданіяхъ этого Совѣта.

Судьба не позволила покойному Федору Федоровичу использовать въ полномъ объемѣ свои знанія и таланты на благо горячо любимой имъ арміи, какъ не угодно было ей дать возможность ему увидѣть освобожденную и возрожденную родину и ея новую армію.

Но его завѣты и идеи никогда не забудутся русскими офицерами Генеральнаго Штаба, какъ не будетъ забыта его обаятельная и глубоко благожелательная личность.

Его имя будетъ занесено на страницы русской военной исторіи, какъ имя человѣка принесшаго крупную пользу родной арміи, какъ имя глубокаго патріота, отдавшаго 50 лѣтъ своей жизни на служеніе родинѣ.

Редакція.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выпуская № 4 Военнаго Сборника, редакція приноситъ своимъ читателямъ глубокія извиненія за то значительное опозданіе, съ которымъ выходитъ этотъ номеръ.

Крайне стѣсненныя матеріальныя обстоятельства редакціи не позволяютъ ей регулярно, хотя бы каждые три мѣсяца знакомить своихъ читателей съ тѣмъ обширнымъ матеріаломъ по военно-научнымъ и военно-историческимъ вопросамъ, коимъ она располагаетъ.

Не имѣя основного фонда, редакція издаетъ Сборникъ на суммы, образующіяся отъ поступленія членскихъ взносовъ Общ. Ревн. Воен. Знаній и на суммы, добываемыя съ большимъ трудомъ путемъ займовъ, что не всегда, однако, удается.

Кромѣ того, выпускъ каждаго номера Военнаго Сборника находится въ тѣсной зависимости отъ результатовъ продажи ранѣе выпущеннаго, ибо очередной номеръ можетъ быть изданъ только тогда, когда въ кассу редакціи поступитъ не менѣе половины денегъ, затраченныхъ на изданіе предыдущаго номера, а это обыкновенно происходитъ не ранѣе полугода.

Необходимо отмѣтить, что весь составъ редакціи, положившій начало существованію В. Сборника, работаетъ исключительно изъ-за идеи, и, такимъ образомъ, расходовъ на содержаніе своего личнаго состава редакція не несетъ.

Касаясь вопроса уплаты гонорара сотрудникамъ Военнаго Сборника, редакція, принося имъ свою глубокую благодарность, искренно скорбитъ, что, зная въ какихъ, часто тяжелыхъ, условіяхъ приходится имъ работать, не можетъ въ полной мѣрѣ матеріально оцѣнить ихъ трудъ.

Изложенное выше затруднительное положеніе редакціи, навело ее на мысль обратиться за поддержкой къ лицамъ, казалось имѣющимъ возможность матеріально помочь нашему чисто національному и идейному начинанію; эти просьбы остались безъ отвѣта...

Горячо вѣря въ свѣтлое будущее нашей дорогой нынѣ страждущей родины, мы будемъ какъ и прежде нести весь свой трудъ, свои знанія и силы на дѣло подготовки къ возсозданію великой и могучей россійской арміи.

РЕДАКЦІЯ.

Современная конница.

(Изъ записокъ бывшаго профессора).

ОЧЕРКЪ I-ый.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Въ рядѣ кровавыхъ боевъ, къ югу отъ Люблина и Холма, Австро-Венгерскія арміи въ августѣ 1914 г. были разбиты и спѣшно отступали (схема № 1).

Конная бригада, въ составъ которой входилъ Гродненскій гусарскій полкъ, была выслана для преслѣдованія противника.

Отступленіе послѣдняго происходило въ полномъ порядкѣ, широкимъ фронтомъ, съ задержкой на всѣхъ удобныхъ для огневого боя рубежахъ. Но подобное отступленіе было возможно только на протяженіе 20 – 30 верстъ, т. к. далѣе непріятелю приходилось втянуться въ широкую полосу лѣсовъ, лежащую на правомъ берегу рѣки Сана.

Однимъ изъ важнѣйшихъ выходовъ изъ этой болотисто-лѣсной полосы былъ г. Яновъ. Къ нему мы всѣ торопились, справедливо предполагая, что тамъ происходитъ столпленіе непріятельскихъ тыловыхъ учрежденій и обозовъ.

29-го Августа (11 Сентября) днемъ, главныя силы нашей бригады подходили къ деревнѣ Годзишевъ*). Въ авангардѣ шли два эскадрона гусаръ. Командиръ бригады былъ при авангардѣ, а я шелъ съ главными силами.

Мѣстность была холмистая, покрытая полями въ перемежку съ небольшими лѣсами. Деревня Годзишевъ лежала въ лощинѣ. Съ высоты холма, не доходя деревни, я хорошо видѣлъ скаты возвышенности, находящейся по ту сторону деревни; на вершинѣ этой пологой возвышенности виднѣлась полоска лѣса. По этимъ скатамъ подымались мои гусары въ разсыпномъ конномъ строю.

Фронтъ, на которомъ они развернулись, не превосходилъ двухсотъ-трехсотъ шаговъ. Въ началѣ войны приходилось очень сильно бороться съ любовью офицеровъ къ трафарету. Условное указаніе устава, предлагавшаго во время ученій размыкаться на фронтѣ 5-ти

*) Въ 8 верстахъ къ сѣверо-западу отъ г. Янова.

взводовъ, принималось „буквально“ и эта неудачная редакція устава заставила пролиться много лишней крови.

Съ опушки лѣса раздалась ружейная трескотня. Гусары пошли галопомъ на опушку; трескотня усилилась, затѣмъ, къ моему ужасу, я увидѣлъ, какъ мои гусары повернули назадъ.

Изъ опыта первыхъ боевъ я пришелъ къ убѣжденію, что если первая атака не удалась, то и всѣ послѣдующія будутъ также неудачны, если не ввести какого-нибудь увеличивающаго наши силы новаго фактора. Такимъ факторомъ, въ данномъ случаѣ, являлось бы обтеканіе лѣваго фланга непріятеля. Это было отчетливо видно съ той высоты, на которой я остановился. Я рѣшилъ, не ожидая приказанія командира бригады, самостоятельно распорядиться высылкой новыхъ двухъ гусарскихъ эскадроновъ вправо, въ охватъ того лѣса, отъ котораго отступили конныя цѣпи авангардныхъ гусаръ. Такъ какъ большая часть моего полка разворачивалась теперь для боевыхъ дѣйствій, я поскакалъ самъ впередъ для руководства ими. Нужно было также взять въ свои руки отхлынувшіе назадъ эскадроны; въ такія критическія минуты присутствіе командира полка необходимо.

Пока я скакалъ къ деревнѣ, я видѣлъ, какъ гусары вторично пробовали атаковать въ конномъ строю опушку лѣса; опять атака производилась на узкомъ фронтѣ, но на этотъ разъ въ условіяхъ крайней торопливости подъ угрозами разсвирѣпѣвшаго ген. М.*). Конечно, она была опять неудачна.

Нечего было думать о повтореніи въ третій разъ атаки въ конномъ строю, но въ тоже время, для того, чтобы „вылѣчить“ эти эскадроны, нужно было заставить ихъ взять опушку лѣса.

Приказавъ гусарамъ спѣшиться и разсыпаться въ цѣпь, я не торопилъ наступленіе; во первыхъ, дабы возможно шире развернуть цѣпь, во вторыхъ, я ждалъ, когда обходящіе эскадроны достигнутъ намѣченнаго мною рубежа. За ними было легко слѣдить въ бинокль.

Гусары залегли и открыли огонь.

Офицеръ, посланный мною для доклада командиру бригады, вернулся и передалъ, что ген. М. одобряетъ мои распоряженія.

Слѣва къ намъ начали пристроиваться спѣшенныя цѣпи улань (второго полка бригады). Изъ-за деревни загромыхали пушки нашей конной батареи. Гусары немного отдохнули и успокоились; въ цѣпи, у моихъ сосѣдей, послышались шутки.

Вскорѣ можно было замѣтить, что у непріятеля на опушкѣ какое-то замѣшательство. Огонь противника сталъ стихать.

Я поднялъ цѣпь и мы начали перебѣжками приближаться къ опушкѣ.

Противникъ торопливо очистилъ опушку лѣса, занявъ которую, мы захватили только одиночныхъ плѣнныхъ.

Эту ночь мы провели въ деревнѣ Годзишевъ, оставивъ для поддержанія тѣснаго соприкосновенія съ противникомъ, сильное сторо-

---

*) Ком-ръ бригады. Ген. Мандрыка

жевое охраненіе. На слѣдующій день предстоялъ бой за г. Яновъ, къ которому подошли кромѣ нашей бригады еще части 3-ей Донской и Уральской казачьихъ дивизій.

А

Конницы всѣхъ европейскихъ армій вступили во всемірную войну, исповѣдуя ученія „шока". Картины конныхъ атакъ эпохъ Фридриха и Наполеона упорно гипнотизировали военные умы. Правда, войны 1870-71 г. г. и особенно позднѣйшія войны: Англо-Бурская и Русско-Японская, заставили внести поправки. Но это были только поправки; густое наслоеніе уступокъ современности въ новыхъ кавалерійскихъ уставахъ, только прикрывало оставшійся на главномъ мѣстѣ принципъ „шока". Несмотря на то, что въ военной литературѣ появлялись талантливыя статьи, указывавшія на устарѣлость руководящихъ „кавалерійскихъ идей", даже въ 1910 г. въ бытность мою на французскихъ кавалерійскихъ маневрахъ, мнѣ приходилось видѣть въ каждой конной дивизіи бригаду кирасиръ въ кирасахъ, которую каждая изъ маневрирующихъ сторонъ старалась, какъ хрупкую посуду, донести въ цѣлости для производства окончательнаго „шока".

Схема №1.

Такова сила предразсудковъ.

А, между тѣмъ, міръ уже имѣлъ опытъ Американской войны 1860-64 г.г., въ которой ярко обрисовался типъ современной конницы. Морганъ, Стюартъ и Шериданъ дали міру новые образцы дѣйствій кавалеріи и приподняли завѣсу передъ новыми мыслями. Въ Россіи же, былъ цѣнный опытъ „природной кинницы" — казаки, — который оставался недостаточно оцѣненнымъ, заслоненнымъ кавалерійской доктриной „регулярной" конницы, привезенной къ намъ со штампомъ „мэдъ инъ Джермани".

Масса кавалерійскихъ начальниковъ была еще болѣе консервативна, чѣмъ уставы. Эта „кавалерійская консервативность" сильно сказалась на поляхъ сраженій и была одной изъ важныхъ причинъ, почему конница часто не давала всего, что она могла бы дать.

Въ первый періодъ войны, когда какъ разъ дѣйствія конницы могли получить широкое примѣненіе, эта приверженность къ старой кавалерійской доктринѣ ярко выразилась въ томъ, что кавалерія „таскалась" въ бригадныхъ и полковыхъ колоннахъ по полямъ сраженій, несла ненужныя потери, жалась къ пѣхотѣ и мѣшала ей. Благодаря этому упускались тѣ благопріятные моменты, когда она могла быть использована небольшими частями, дѣйствія которыхъ могли въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи привести къ вступленію въ дѣло

уже крупныхъ кавалерійскихъ частей. Собранныя же вмѣстѣ дивизіи, бригады, полки конницы, даже въ современныхъ разомкнутыхъ построеніяхъ, не владѣли пространствомъ, необходимымъ для маневра современной конницы и уподоблялись рыбѣ, вытащенной на берегъ и безпомощно бьющей хвостомъ.

Требованіе, которое ставила конницѣ современная война, заключалось не только въ томъ, чтобы конныя части могли бы избѣгнуть огня. Оно было болѣе радикальнымъ. Оно захватывало самую сущность способа дѣйствій и ставило вопросъ такъ: конница для возможности своей работы должна владѣть большимъ пространствомъ. Это, въ свою очередь, требовало отказа кавалерійскихъ начальниковъ отъ стремленія все время сохранять въ своихъ рукахъ непосредственное тактическое командованіе надъ подчиненными частями въ ожиданіи соорганизовать общій конный шокъ. Новая кавалерійская доктрина требовала новаго символа вѣры, въ которомъ основными членами были бы: 1) кавалерія бьетъ не силой шока, а быстротой маневра; 2) кавалерія не боится широкихъ фронтовъ; 3) управленіе даже небольшими частями принимаетъ часто характеръ стратегическаго руководства.

Намъ пришлось неоднократно испытать на себѣ всю ошибочность устарѣлаго руководства.

Дней десять передъ описываемымъ въ этомъ очеркѣ боемъ у Янова, нашей бригадѣ представился рѣдкій счастливый случай. Послѣ ночного встрѣчнаго боя съ нашей пѣхотой, австрійцы отходили въ безпорядкѣ. Еще до разсвѣта насъ выслали для преслѣдованія и наши передовыя части подбирали сотни плѣнныхъ, разсыпавшихся въ разбросанныхъ тамъ и сямъ перелѣскахъ. Вмѣсто того, чтобы сразу, широкимъ вѣеромъ, развернуть эскадроны, которые шли бы на плечахъ противника, не давая ему организовать серьезнаго сопротивленія, нашъ командиръ бригады ограничился высылкой впередъ двухъ эскадроновъ и нѣсколькихъ разъѣздовъ; остальные 10 эскадроновъ съ конной батареей и пулеметной командой онъ велъ за собою „въ кулакѣ“ въ ожиданіи столь желанной для него общей конной атаки. Эта „масса“ проходила въ пустую и къ полудню, когда мы подошли къ одной возвышенности, мы могли съ ея вершины любоваться слѣдующей картиной. Вдали, верстахъ въ 7—8, видны были уходящія, длинныя колонны обозовъ. Наша конная батарея открыла огонь, но только одинъ или два снаряда долетѣли до хвостовыхъ повозокъ; остальной обозъ былъ внѣ досягаемости нашихъ выстрѣловъ. А отъ нашихъ слабыхъ передовыхъ частей мы получили донесенія, что онѣ остановлены ружейнымъ огнемъ противника и продвинуться дальше не могутъ. Время было упущено и наверстать его мы уже не смогли.

Дня черезъ два (а именно 24-го Августа — 6-го Сентября), послѣ этого случая, вмѣстѣ съ 3-ей Донской казачьей дивизіей, мы натолкнулись на очень большія силы непріятеля, занявшія спѣшно укрѣпленную позицію. Подходившія головы нашихъ пѣхотныхъ дивизій, разворачивались и вели бой за овладѣніе передовыми пунктами. Мы опять „ерзали“ въ длинной, походной или взводной колоннѣ за на-

шимъ начальникомъ, который все продолжалъ мечтать бросить насъ въ общую конную атаку. За это „странствованіе“ по полю сраженія, намъ пришлось заплатить безцѣльно пролитой кровью; нѣсколько очередей непріятельскихъ шрапнелей вывели изъ строя около 50-ти человѣкъ убитыми и ранеными. Послѣ этого насъ повернули и увели съ поля сраженія. Тутъ-же, на нашихъ глазахъ, 3-я Донская казачья дивизія также пыталась помочь нашей пѣхотѣ. Выдѣливъ для этой цѣли рядъ отдѣльныхъ сотенъ, которыя проскакивая одиночными всадниками открытыя мѣста, накапливались въ лощинахъ и перелѣскахъ и за другими укрытіями. Такъ онѣ были дѣйствительно подъ рукой у пѣхоты на тотъ случай, если бы противникъ началъ отступленіе, не принявъ рѣшительнаго боя; остальныя же силы казачьей дивизіи оставались спрятанными за большимъ лѣсомъ въ тылу пѣхотнаго развертыванія, не стѣсняя дѣйствій послѣдней и спрятанныя отъ взоровъ противника.

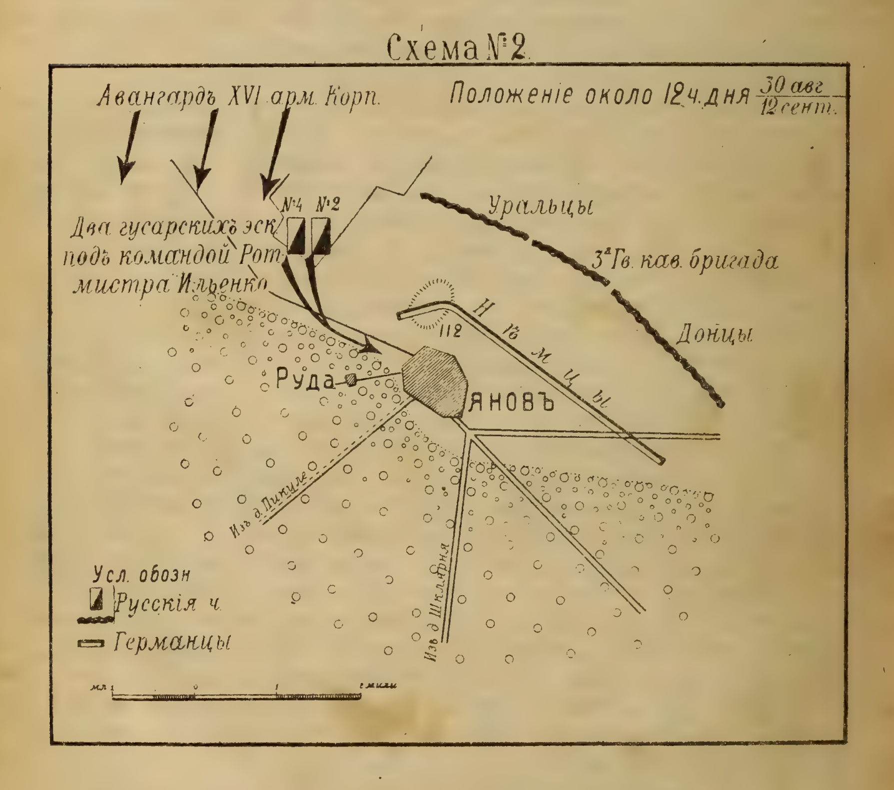
Я опасался, что наши дѣйствія 30-го Августа (12 Сентября) примутъ такой-же характеръ, когда массы конницы наслаивались на сравнительно небольшомъ пространствѣ, лишаясь вслѣдствіе этого своего главнаго преимущества: способности къ быстрому маневру. Спѣшиваясь на узкомъ фронтѣ, конницѣ трудно состязаться съ пѣхотой, т. к. спѣшивавшаяся дивизія по числу ружей могла дать только 1—2 батальона, которые при этомъ стѣснены въ своемъ тылу нѣсколькими тысячами лошадей съ коноводами.

Можно было, конечно, ожидать, что городъ Яновъ, представлявшій собою выходъ изъ дефиле, будетъ защищаться противникомъ. Если мы не могли взять его съ налета, а въ этомъ случаѣ нужно было дѣйствовать ночью же, мы должны были прежде всего искать способы обойти его и ударить съ тыла. Вотъ почему я настоялъ передъ своимъ начальствомъ на разрѣшеніи выслать два моихъ эскадрона еще съ вечера впередъ и вправо. Я приказалъ командовавшему ими ротмистру Ильенко продвинуться возможно далѣе вправо, войти въ связь съ тѣми частями нашей пѣхоты, которыя должны были появиться съ Красникскаго направленія, и использовать первый же удобный случай, чтобы ворваться въ городъ Яновъ съ тыла. Я особенно настаивалъ на одномъ: чтобы выдѣленные эскадроны (2-й и 4-й) не „жались“ къ нашимъ главнымъ силамъ, которыя, какъ я уже выше говорилъ, можно было ожидать, поведутъ наступленіе на „уставномъ“ фронтѣ, то есть слишкомъ узкомъ для современнаго боя конницы.

Вечеромъ я обошелъ оставшіеся эскадроны и поговорилъ съ гусарами. Они были нѣсколько сконфужены неудачей своихъ конныхъ атакъ. Я постарался подбодрить ихъ, указавъ имъ на фактъ, что наши потери насчитывались всего нѣсколькими ранеными, а стало быть противникъ былъ слабъ и они съ успѣхомъ могли доскакать до опушки. Изъ разговоровъ съ ними я убѣдился, что причина лежала въ ихъ неувѣренности въ командномъ составѣ, послѣ разсказаннаго выше случая 24-го Августа (6-го Сентября), когда мы совершенно безцѣльно понесли потери. Но я успокоился; я чувствовалъ,

что это только временная „болѣзнь“; при первомъ же успѣхѣ она пройдетъ безслѣдно. Труднѣе было переучивать офицеровъ, у которыхъ неправильныя тактическія идеи вошли въ привычку. Но и здѣсь я успокоился. За семь лѣтъ моей профессорской работы въ нашей военной академіи у меня не было болѣе внимательной аудиторіи, чѣмъ въ этотъ вечеръ, когда мы при свѣтѣ нѣсколькихъ огарковъ въ пустомъ сараѣ во время ужина обсуждали происшествія дня.

Предположенія мои, къ сожалѣнію, оправдались. И мы, и казаки развернулись утромъ 30 августа (12 сентября) на узкомъ фронтѣ



и встрѣтили упорнѣйшее сопротивленіе. Намъ приходилось имѣть дѣло съ германцами, подошедшими на выручку своихъ союзниковъ. Я послалъ ротмистру Ильенко ординарца, который долженъ былъ ему разсказать происходящее у насъ и подтвердить мое приказаніе ни въ коемъ случаѣ не присоединяться къ намъ, а дѣйствовать такъ, какъ я указалъ ему вчера. Лично я съ оставшимися въ моемъ распоряженіи четырьмя эскадронами оставленъ былъ генераломъ М. въ резервѣ. Самъ генералъ М. выѣхалъ на наблюдательный пунктъ, от-

куда онъ руководилъ боемъ. Слѣва отъ насъ дрались Уральцы и Донцы.

Нѣмецкая пѣхота, встрѣтивъ насъ сильнѣйшимъ артиллерiйскимъ огнемъ, повела энергичное наступленiе противъ Донцовъ. Казачьи батареи чуть-чуть не были захвачены нѣмцами; ихъ выручилъ блестяще выполненный эскадрономъ уланъ съ пулеметами фланговый обстрѣлъ наступавшихъ нѣмцевъ. Но, во всякомъ случаѣ, мы были прикованы, все наше преимущество передъ пѣхотой было парализовано. Физiономiи начальствующихъ лицъ, ожидавшихъ легкаго успѣха, изъ радужныхъ стали постепенно вытягиваться.

Вдругъ въ Яновѣ раздался взрывъ, затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени прискакалъ ординарецъ съ донесенiемъ, что ротмистръ Ильенко ворвался въ городъ и что нѣмцы въ полномъ отступленiи.

Произошло это такъ. (Схема № 2).

Ротмистръ Ильенко, находившiйся со своими эскадронами въ лѣсу, что сѣверо-западнѣе города Янова, опредѣлилъ развѣдкой, что сѣверо-западная окраина города Янова занята слабо. Учитывая то впечатлѣнiе, которое должно было произвести неожиданное появленiе гусаръ въ тылу противника, онъ рѣшилъ немедленно атаковать.

Выдвинувъ впередъ одинъ взводъ, разомкнутый въ лаву, остальныя части дивизiона онъ повелъ въ линiи (взводныхъ) колоннъ по три уступомъ въ $1/2$ верстѣ за лѣвымъ флангомъ. Пройдя въ указанномъ порядкѣ около $1 1/2$ верстъ, лава головного взвода была обстрѣляна непрiятелемъ изъ окоповъ на высотѣ 112, что въ полуверстѣ сѣвернее г. Янова. Тогда ротмистръ Ильенко перестроилъ весь свой дивизiонъ въ лаву и пошелъ галопомъ впередъ. По мѣрѣ приближенiя Гродненскихъ гусаръ огонь противника сталъ ослабѣвать; непрiятельская пѣхота, продолжая безпорядочный огонь, покидала первую линiю окоповъ, перебѣгала въ слѣдующую, а оттуда на окраину города. На плечахъ противника гусары пробовали въ конномъ строю ворваться въ предмѣстье города. Отступающiе нѣмцы ихъ обстрѣливали изъ-за каменной ограды костела, изъ-за заборовъ, изъ оконъ домовъ и чердаковъ. Пришлось спѣшить одинъ изъ эскадроновъ, который, выбивая кучки непрiятеля изъ-за закрытiй, ворвался въ самый городъ. Большая часть непрiятельской пѣхоты спѣшно отступала изъ Янова на югъ по лѣснымъ дорогамъ на д. д. Шклярня и Пикуле.

Для преслѣдованiя противника былъ выдѣленъ одинъ взводъ подъ начальстомъ корнета Кривскаго*).

*) При взятiи города Янова гусарами 2 и 4 эскадроновъ была захвачена большая военная добыча: было взято въ плѣнъ 60 германскихъ и австрiйскихъ солдатъ, 29 подводъ съ ружейными патронами, 9 подводъ съ артиллерiйскими снарядами, продовольственный транспортъ въ 100 повозокъ съ 1000 пудами муки, солью и другими припасами, 5 походныхъ хлѣбопекаренъ, 2 лазаретныя линейки, около 60 запасныхъ лошадей и 15 головъ скота. Кромѣ того мы отбили 20 человѣкъ нашихъ раненныхъ солдатъ, находившихся въ плѣну.

Извѣстіе что 2-ой и 4-й гусарскіе эскадроны уже заняли г. Яновъ, слышавшіеся все время взрывы и вспыхнувшіе во многихъ мѣстахъ города пожары, свидѣтельствовали, что непріятель торопливо очищаетъ городъ. Всѣ эскадроны гусаръ и уланъ были посажены на лошадей и двинуты на Яновъ. Мы были встрѣчены только одиночными ружейными выстрѣлами съ окраинъ. Въ охваченномъ пожаромъ предмѣстіи раздавалась ружейная трескотня; но оказалось, что это взрываются ружейные патроны, набросанные уходящимъ противникомъ въ горящіе дома.

Было ясно одно: для насъ опять наступила та „минута", которая принадлежитъ конницѣ и для использованія которой нужно быстро и широко развернуть наши силы.

Командиръ бригады рѣшилъ самъ съ уланами, съ конной батареей и со всѣми нашими пулеметами, вести преслѣдованіе въ направленіи большой дороги Яновъ-Гарасюки; (см. схема № 3) я же съ Гродненскими гусарами былъ направленъ для преслѣдованія вдоль путей, отходящихъ отъ Янова къ западу отъ вышеупомянутой большой дороги.

Къ этому времени ко мнѣ прискакалъ ординарецъ отъ корнета Кривскаго съ донесеніемъ, что, не доходя деревни Руда, онъ вступилъ въ перестрѣлку съ частями непріятеля, прикрывающими обозъ. Я тотчасъ же приказалъ эскадрону № 1 быстрымъ налетомъ сбить противника, захватить обозъ и затѣмъ, не задерживаясь, присоединиться къ полку.

Одновременно съ этимъ я выслалъ другіе два эскадрона (№№ 3 и 6) подъ общей командой полковника Лазарева въ направленіи на деревню Пикуле, приказавъ: Возможно скорѣе достигнуть д. Пикуле, рѣшительно атакуя всѣ непріятельскія части, которыя будутъ встрѣчаться на пути.

Непосредственно въ моемъ распоряженіи оставались 2-ой и 4-й эскадроны, которые только что производили нападеніи въ тылъ Янова (эскадронъ № 5 былъ выдѣленъ изъ полка для выполненія особой задачи); лошади этихъ эскадроновъ не разсѣдлывались болѣе сутокъ; имъ нужно было дать небольшой отдыхъ. Оставаясь же нѣкоторое время въ Яновѣ, въ узлѣ дорогъ, они представляли собою мой резервъ, который могъ быть выдвинутъ, въ случаѣ нужды, на усиленіе или эскадрона № 1 или дивизіона полковника Лазарева.

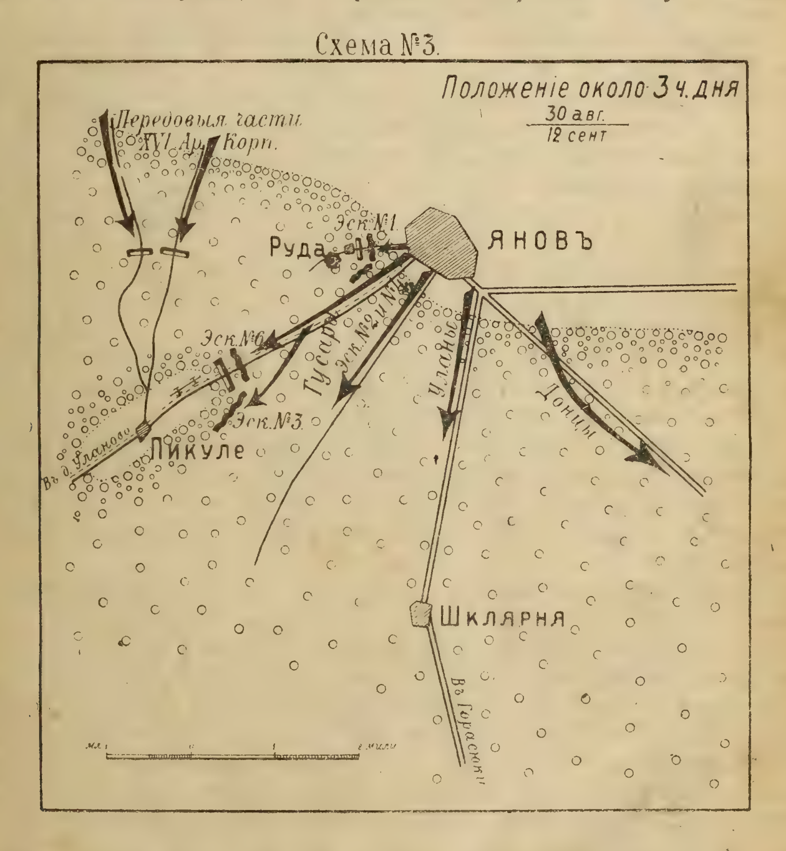
Взводъ корнета Кривскаго наткнулся, какъ мы уже упоминали, по дорогѣ на д. Руда на отходящій непріятельскій обозъ и завязалъ бой съ пѣхотнымъ прикрытіемъ. Горсть гусаръ не была въ состояніи одолѣть вражьей пѣхоты, которая, разсыпавшись по сторонамъ дороги, открыла огонь. Командиръ, высланнаго мной на помощь Кривскому, эскадрона № 1 приказалъ одному изъ своихъ полуэскадроновъ, широко развернувшись въ лаву, охватить правый флангъ непріятельскихъ стрѣлковъ; съ другимъ полуэскадрономъ,

тоже перестроившимся въ лаву, онъ продолжалъ наступленіе съ фронта. Отсутствіе густого подлѣска и сухой грунтъ позволяли дѣйствовать въ конномъ строю.

Замѣтивъ нашъ охватъ, прикрытіе оставило обозъ и бросилось бѣжать въ лѣсъ; обозъ былъ взятъ гусарами*).

Полковникъ Лазаревъ, направившись со своимъ дивизіономъ (№№ 3 и 6 эскадроны) по дорогѣ на деревню Пикуле, выслалъ

Схема №3.



впередъ заставу силой въ одинъ взводъ. Версты полторы сѣвернѣе д. Пикуле развѣдчики обнаружили, что на дорогѣ остановилась большая колонна непріятельскаго обоза подъ прикрытіемъ пѣхоты. Было уже около $2^1/_2$ часовъ дня.

Немедленно былъ спѣшенъ эскадронъ №6, который, разсыпавшись широко въ цѣпь и открывъ, гдѣ было можно огонь, сталъ

*) Всего было захвачено эскадрономъ: 65 подводъ съ 45 запасными лошадьми, двѣ лазаретныя линейки; отбитъ обратно лазаретъ нашей 48 ой дивизіи; взято въ плѣнъ 2 офицера и 83 нижнихъ чина.

быстро наступать съ фронта на обороняющее обозъ прикрытіе. Другой эскадронъ (3) былъ направленъ въ конномъ строю для охвата лавой лѣваго фланга прикрытія. Частый болотистый лѣсъ препятствовалъ движенію впередъ гусаръ; пришлось и этому эскадрону спѣшиться. Огневой бой гусаръ съ пѣхотой продолжался около часу. Германцы, тѣснимые съ фронта 6-мъ эскадрономъ и съ фланга и тыла заходящими гусарами 3-го эскадрона, начали уходить въ лѣсъ. Фурманы изъ мѣстныхъ жителей выпрягали лошадей и удирали въ лѣсъ.

Когда гусары овладѣли обозомъ, въ лѣсу вокругъ лежало 3 убитыхъ германскихъ офицера и болѣе 50 нижнихъ чиновъ. Остальная часть прикрытія, оставивъ въ нашихъ рукахъ плѣнными 3 офицеровъ и 32 солдата, убѣжала въ лѣсъ. Изъ опроса плѣнныхъ выяснилось, что прикрытіе обоза составляли 2 германскія роты и 2 эскадрона венгерскихъ гусаръ, но конница и передовая рота на подкрѣпленіе не пришли*).

Пока 2-й и 4-й эскадроны отдыхали и кормили лошадей, я получилъ донесеніе отъ перваго эскадрона, что обозъ захваченъ, а отъ полковника, Лазарева, — что онъ вступилъ въ бой съ прикрытіемъ большого обоза у дер. Пикуле.

Я рѣшилъ немедленно выступить со 2-мъ и 4-мъ эскадронами и итти съ ними лѣсными дорогами и тропами въ верстѣ къ востоку отъ дороги на д. Пикуле. Благодаря этому я получалъ возможность въ случаѣ необходимости подать помощь полковнику Лазареву или же, если у него все будетъ благополучно, идти далѣе на югъ верстахъ въ двухъ къ западу отъ большой дороги Яновъ-Гарасюки, угрожая этимъ движеніемъ лѣвому флангу и тылу тѣхъ непріятельскихъ частей, которыя рѣшили бы обороняться на вышеупомянутой большой дорогѣ.

Одновременно со мною выступили уланы, задержавшіеся въ Яновѣ.

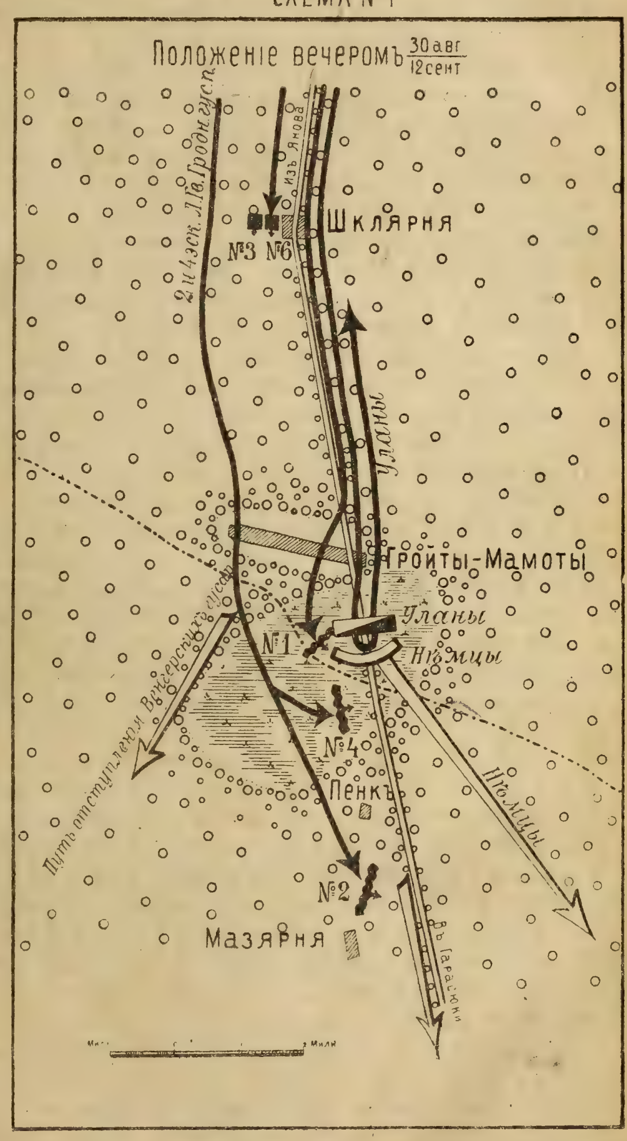
Для связи между частями полка и уланами я приказалъ выставить два поста летучей почты: въ Яновѣ и въ д. Шклярнѣ.

Первому эскадрону я послалъ подтвержденіе немедленно идти къ дер. Шклярня, гдѣ ожидать моихъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Пройдя лѣсными дорогами версты двѣ, мы начали перехватывать выходящихъ съ сѣвера отдѣльныхъ людей, изъ показаній которыхъ можно было понять, что они бѣгутъ отъ дивизіона полковника Лазарева. Пройдя еще съ версту, меня нагналъ ординарецъ съ донесеніемъ полковника Лазарева о томъ, что обозъ имъ захваченъ. Я приказалъ полковнику Лазареву, выславъ для дальнѣйшаго поддержанія соприкосновенія съ противникомъ разъѣздъ къ переправѣ

---

*) Точное число повозокъ обоза установить не удалось въ виду громаднаго ихъ количества и въ виду того, что гусары вскорѣ послѣ взятія обоза должны были двинуться для дальнѣйшихъ дѣйствій. Во всякомъ случаѣ число повозокъ превышало полторы тысячи. Обозъ въ минуту его захвата представлялъ собою колонну въ нѣсколько рядовъ повозокъ длинною болѣе 3-хъ верстъ.



у д. Уланова и, оставивъ для охраны захваченнаго обоза и его сдачи не болѣе одного взвода, идти немедленно съ эскадронами къ дер. Шклярня, гдѣ ожидать моихъ распоряженій.

Съ имѣющимися у меня подъ рукой эскадронами я повернулъ на югъ

Выйдя на высоту деревни Гройцы-Мамоты (см. схему № 4), мною получено было сообщенiе, что уланы завязали на большой дорогѣ сильный бой съ непрiятельской пѣхотой и пытаются съ фронта форсировать лѣсисто-болотистое дефиле. Я рѣшилъ продолжать свое движенiе дальше на югъ съ цѣлью зайти въ тылъ непрiятельской пѣхотѣ, сражавшейся съ уланами. Продолжая движенiе впередъ, мы пересѣкли австрiйскую границу и безъ дорогъ пошли черезъ лѣсъ къ деревнѣ Пенкъ.

Недалеко отъ границы наша головная застава наткнулась на отрядъ венгерскихъ гусаръ силой въ два эскадрона, но венгры ограничились небольшой перестрѣлкой и отошли вглубь лѣса въ южномъ направленiи.

Тѣмъ временемъ изъ лѣса со стороны большой дороги стала доноситься сильная ружейная и пулеметная стрѣльба, напряженiе которой замѣтно возрастало. У насъ возникло опасенiе, что уланы

ввязались въ серьезный фронтальный бой и потому я рѣшилъ теперь же выдѣлить одинъ эскадронъ (№ 4) по направленію выстрѣловъ для оказанія давленія на ближайшій тылъ противника, съ эскадрономъ же № 2 я рѣшилъ идти дальше, полагая, что въ окружающей лѣсисто-болотистой мѣстности именно глубокій обходъ въ тылъ непріятеля приведетъ насъ къ болѣе рѣшительнымъ результатамъ, какъ въ томъ случаѣ, если противникъ, дѣйствующій противъ уланъ, будетъ ими сбитъ, такъ и въ томъ случаѣ, если это имъ не удастся.

Вмѣстѣ съ этимъ я послалъ офицера въ д. Шклярня встрѣтить эскадронъ № 1, оріентировать командира эскадрона въ моихъ распоряженіяхъ и передать мое приказаніе продолжать движеніе впередъ съ тѣмъ, чтобы, выйдя правѣе уланъ, способствовать имъ ближнимъ охватомъ лѣваго фланга непріятеля.

Дальнѣйшее движеніе впередъ 2-го эскадрона было исключительно трудное. Всадники невольно растягивались въ частомъ лѣсу, кони часто тонули по брюхо, но сознаніе въ необходимости скорѣе выручить товарищей, заставляло гусаръ двигаться впередъ.

Начинало темнѣть.

Дойдя до одной изъ лѣсныхъ прогалинъ между деревнями Пенкъ и Мазарня, мы были встрѣчены ружейнымъ огнемъ. Я спѣшилъ гусаръ и перешелъ въ наступленіе въ пѣшемъ строю. Гусары открыли огонь. Вскорѣ противникъ сталъ уходить. Мы вязли въ болотѣ и прыгали съ кочки на кочку. Среди деревьевъ въ наступающихъ сумеркахъ мелькали фигуры убѣгающихъ нѣмецкихъ солдатъ, отстрѣливавшихся разрывными пулями. Послѣднія, ударяясь о сучья, лопались съ легкимъ трескомъ, похожимъ на слабый выстрѣлъ.

Мы бѣжали слѣдомъ за нѣмцами. Но, выйдя на большую дорогу Яновъ-Гарасюки, мы потеряли съ ними соприкосновеніе. Въ нашихъ рукахъ остались только нѣсколько раненыхъ плѣнныхъ.

Во время этого боя, прислушиваясь къ звукамъ стрѣльбы со стороны уланъ, съ радостнымъ чувствомъ мы замѣчали, что они становятся все слабѣе. Нашъ обходъ давалъ результаты.

Когда мы вышли на большую дорогу, стрѣльба совсѣмъ стихла. Я выслалъ разъѣздъ вдоль большой дороги на югъ. Давъ нѣкоторую передышку эскадрону, я посадилъ гусаръ на лошадей и повелъ эскадронъ на сѣверъ.

. . . . . .

Что же произошло у уланъ?

Задержавшись въ Яновѣ около двухъ часовъ, они двинулись впередъ, выславъ въ авангардъ два эскадрона. Пройдя д. Гройцы-Мамоты большая дорога превратилась въ гать среди чрезвычайно болотистаго лѣса. Сейчасъ же за этимъ болотистымъ дефиле авангардные эскадроны уланъ были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Эскадроны спѣшились и, разсыпавшись цѣпью по сторонамъ дороги, стали наступать.

Огонь противника усилился. Уланы залегли. Съ нашей стороны

вступили въ дѣло пулеметы. Начали подходить спѣшившіеся эскадроны главныхъ силъ.

Нѣмцы продолжали упорно держаться.

Командиръ четвертаго эскадрона уланъ ротмистръ Бибиковъ, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ бригады, неоднократно передъ этимъ боемъ показавшій себя съ самой лучшей стороны, доложилъ командиру бригады генералу М., что считаетъ дальнѣйшее форсированіе съ фронта невозможнымъ. Генералъ М. приказалъ ему все таки немедленно атаковать и ввелъ въ дѣло всѣхъ уланъ. Результатъ оказался очень печальнымъ. Сжатые болотами на узкомъ фронтѣ, понеся большія потери (въ числѣ офицеровъ палъ, сраженный двумя пулями, доблестный ротмистръ Бибиковъ), уланы, подъ давленіемъ непріятеля, перешедшаго въ контръ-атаку, вынуждены были отступить. При этомъ отступленіи они не могли убрать своихъ раненыхъ и убитыхъ, и оставили два пулемета.

Къ концу боя съ праваго фланга уланъ выдвинулся прибывшій на помощь гусарскій эскадронъ № 1, который, охвативъ лѣвый флангъ нѣмцевъ, остановилъ ихъ дальнѣйшее продвиженіе и вытащилъ одинъ изъ пулеметовъ.

Гусарскій эскадронъ № 4 вышелъ въ верстѣ къ югу отъ перваго гусарскаго эскадрона и надавилъ на ближній тылъ нѣмцевъ. Послѣдніе, получивъ свѣдѣнія объ еще болѣе глубокомъ обходѣ еще одного эскадрона, стали сами быстро уходить, оставивъ, въ свою очередь, неубранными съ поля сраженія своихъ раненыхъ.

Ночью команды уланъ вернулись на покинутое ими поле сраженія и подобрали своихъ раненыхъ, убитыхъ и брошенный пулеметъ.

Такъ закончился бой у Янова.

Историкъ невольно обратитъ вниманіе на тотъ интересный фактъ, что въ этомъ бою бокъ о бокъ дѣйствуютъ два кавалерійскихъ полка совершенно одинаковаго качества и въ тождественныхъ условіяхъ. Но у гусаръ постоянный успѣхъ, уланы же терпятъ неудачу. Притомъ гусары покупаютъ свои побѣды цѣною шести убитыхъ и 21 раненыхъ, уланы же платятъ за свою неудачу болѣе чѣмъ 50 убитыми и ранеными.

Въ чемъ же дѣло?

У Янова жизнь отчетливо произнесла свой приговоръ: *современная конница бьетъ не силою шока, а быстротой и широтою своего маневра.*

ОЧЕРКЪ II-ой

КОННИЦА НА ФРОНТѢ.

Изъ вывода, сдѣланнаго нами въ концѣ предыдущаго очерка: современная конница бьетъ не силой шока, а быстротой своего маневрированія — легко перейти къ заключенію, что маневръ крупныхъ войсковыхъ соединеній безъ конницы не можетъ привести къ полнымъ результатамъ.

Сила современной конницы основывается на свойствахъ огневого боя. Усиливъ фронтальную защиту, послѣдній сдѣлалъ до крайности чувствительными фланги, т. к. современное ружье и пулеметъ прострѣливаютъ 1—2 версты, а полевая пушка 6–7 верстъ; раіонъ дѣйствія даже небольшой группы бойцовъ вооруженныхъ ружьями и при содѣйствіи пушки чрезвычайно расширяется. Увеличивается также и „могущество" ихъ дѣйствія. Въ прежнія эпохи „могущество" этой группы бойцовъ исчерпывалось силой ихъ „шока", теперь, въ своемъ огневомъ нападеніи они работаютъ машинами, могущество которыхъ зависитъ прежде всего отъ снабженія ихъ патронами.

Конница — представительница подвижности — имѣетъ въ маневренной войнѣ всѣ преимущества.

——

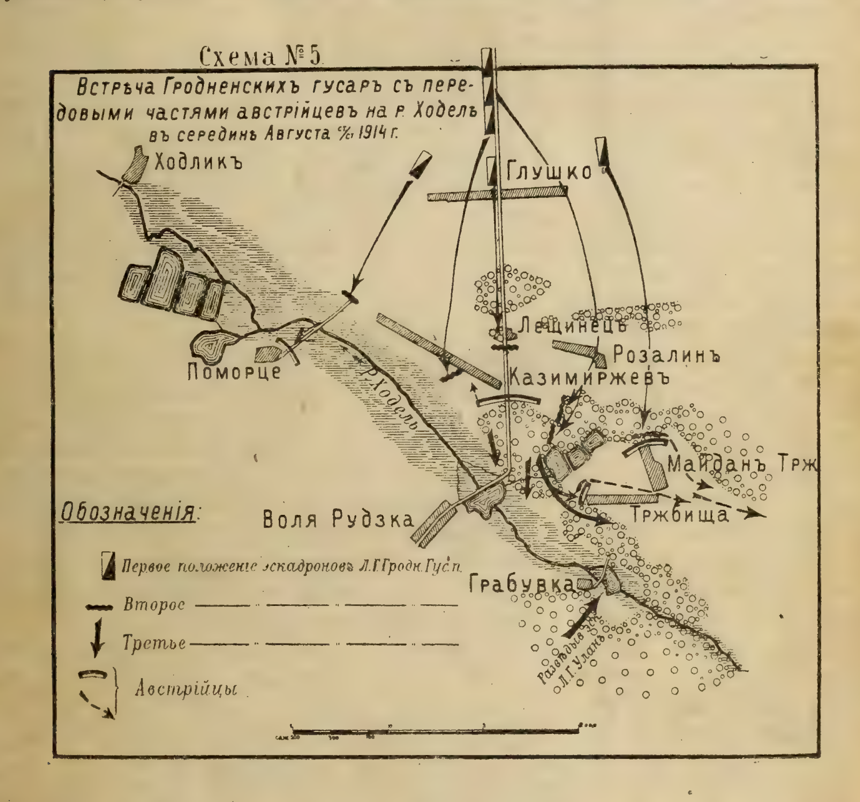
Въ настоящемъ очеркѣ, мы разсмотримъ работу конницы на фронтѣ, т. е. въ условіяхъ стратегически менѣе благопріятныхъ по сравненію съ кавалеріей развернувшейся на флангѣ.

Но и на фронтѣ, въ условіяхъ маневренной войны, конница все таки имѣетъ широкое поле дѣятельности. Нужно помнить, что при исполненіи марша — маневра нѣтъ непрерывнаго фронта позиціонной войны; каждая колонна до своего окончательнаго развертыванія и примыканія къ сосѣду имѣетъ открытые фланги; слѣдовательно, для конницы предоставляется много случаевъ использовать свою маневренную способность. Нужно имѣть также въ виду, что всѣ бои передовыхъ частей разыгрываются какъ встрѣчные, а въ этихъ бояхъ основнымъ правиломъ является правило: кто первый взялъ въ руки палку, тотъ и капралъ; подвижность конницы и въ этомъ отношеніи даетъ ей здѣсь большія преимущества.

Для иллюстраціи только что сказаннаго о дѣйствіяхъ кавалеріи при встрѣчѣ передовыхъ частей, мы опишемъ работу Гродненскихъ гусаръ въ бою на р. Ходель, въ серединѣ Августа 1914 г.

Задача конницы ген. Т., въ составъ которой входила 13-ая кавалерійская дивизія и 3-я Отдѣльная Гвардейская кавалерійская бригада (Варшавскіе Уланы и Гродненскіе Гусары), заключалась: воз-

Схема № 5



можно дольше задержать продвиженіе впередъ непріятеля, для того чтобы дать нашей пѣхотѣ, подвозимой по желѣзной дорогѣ, сосредоточиться и развернуться для нанесенія общаго удара.

Первымъ выгоднымъ для насъ рубежомъ являлась рѣчка Ходель, протекающая въ болотистыхъ берегахъ среди лѣсистой мѣстности.

Получивъ приказаніе отъ моего командира бригады быстро выдвинуться впередъ съ гусарами и захватить переправы (см. схему № 5), я рѣшилъ сразу направить для захвата каждой изъ трехъ переправъ на данномъ мнѣ участкѣ по эскадрону, съ тремя же эскадронами, оставшимися въ моемъ непосредственномъ распоряженіи, слѣдовать за среднимъ эскадрономъ по главной дорогѣ на разстояніи 1—2-хъ верстъ. Правѣе, на другія переправы, была направлена часть уланъ, а еще правѣе части 13-ой кавалерійской диви-

зіи. Впереди находились развѣдывательные эскадроны уланъ и отъ полковъ 13-ой кав. дивизіи.

Едва успѣли начать движеніе главныя силы Гродненскихъ гусаръ, какъ прискакалъ ординарецъ съ донесеніемъ отъ эскадрона, шедшаго впеди по главной дорогѣ, о томъ, что непіятельскія передовыя части перешли уже Ходель и занимаютъ опушку лѣса къ сѣверу отъ переправы, у д. Воля Гудзка.

Завязка боя движущихся другъ другу навстрѣчу передовыхъ частей всегда принимаетъ характеръ нѣкоторой неожиданности. Это періодъ лаконическихъ устныхъ донесеній, присланныхъ отъ разъѣздовъ и отъ дозоровъ ординарцевъ, докладовъ, большею частью нервныхъ, торопливыхъ и неясныхъ. Сколько еще путаницы вносится сюда неграмотными или плохо грамотными солдатами, неумѣющими ясно передать свою мысль.

Однимъ словомъ, какъ правило, обстановка въ этихъ случаяхъ всегда окутана туманомъ. Но тотъ, кто будетъ ждать разъясненія обстановки, всегда проиграетъ, потому что вѣдь и другая сторона находится въ такихъ же условіяхъ.

Я рѣшилъ использовать то обстоятельство, что мой полкъ уже широко развернулся и послалъ во всѣ передовые эскадроны приказаніе энергично атаковать встрѣченныя непріятельскія передовыя части, дабы скорѣе захватить въ наши руки намѣченныя переправы. Съ эскадронами же главныхъ силъ, я рѣшилъ немедленно поддержать передовой эскадронъ дѣйствующій на главной дорогѣ. Послѣдній уже спѣшился по обѣимъ сторонамъ этой дороги. Одинъ эскадронъ главныхъ силъ, я выслалъ для охвата въ конномъ строю лѣваго фланга противника, другіе два эскадрона тоже въ конномъ строю, повелъ для охвата праваго фланга непріятеля.

Какъ только послѣдній обнаружилъ наши охваты, онъ началъ быстро отступать и мы, слѣдуя на его плечахъ, захватили переправу у д. Воля Рудзка.

Правому, передовому, гусарскому эскадрону удалось предупредить непріятеля и занять безъ боя переправу у д. Поморце.

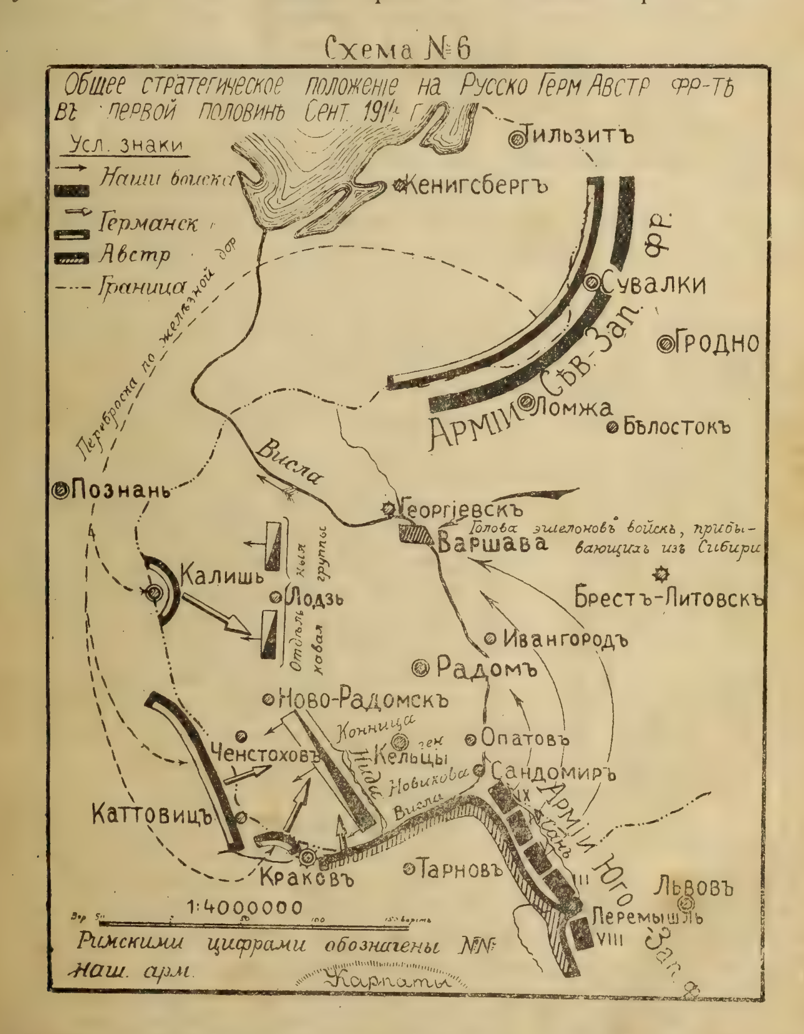
Но переправа у д. Грабувка оказалась уже въ рукахъ противника и гусарскій эскадронъ былъ остановленъ въ лѣсу къ сѣверу отъ д. Майданъ Трж. Отъ него я получилъ донесеніе, что противъ него довольно сильная непріятельская пѣхотная часть (около одной роты). Нужно было возможно скорѣе выбить эту пѣхоту пока она не успѣла еще связаться со своими сосѣдями и окопаться. Я донесъ, командиру бригады, что оставлю у переправы у д. Воля Рудзка всего одинъ эскадронъ и съ остальными 3-мя пойду на усиленіе моего лѣваго эскадрона. Въ виду того, что переправа у Воля Рудзка находилась на главной дорогѣ, а потому имѣла первенствующее значеніе, я просилъ усилить оборону этой переправы присылкой изъ резерва бригады двухъ Уланскихъ эскадроновъ.

Два гусарскихъ эскадрона изъ принимавшихъ участіе въ бою за переправу у Воля Рудзка, я повелъ кратчайшимъ путемъ къ д. С., третій же эскадронъ направилъ вдоль берега р. Ходель для сбра-

сыванія за рѣку небольшихъ группъ противника, перебравшихся на нашъ берегъ, и для установленія связи съ гусарскимъ эскадрономъ, оставленнымъ для обороны переправы у Воля Рудзка.

Подойдя лѣсами къ д. Тржбица, мы спѣшились и перешли въ наступленіе, охватывая лѣвый флангъ и тылъ непріятеля. Въ это

Схема № 6



время, по деревнѣ начала удачно стрѣлять наша конная батарея. У непріятеля можно было замѣтить признаки начавшейся большой нервности. Вдругъ, совершенно неожиданно для насъ, въ тылу деревни, съ того берега р. Ходель раздался жестокій пулеметный огонь. Первое наше впечатлѣніе было, что къ непріятелю подошли подкрѣпленія; но намъ было непонятно по кому идетъ стрѣльба. Вскорѣ мы увидѣли, какъ непріятель торопливо убѣгалъ изъ деревни.

Оказалось, что на той сторонѣ рѣки подошелъ нашъ уланскій развѣдывательный эскадронъ. Лихой командиръ этого эскадрона, будучи отрѣзанъ непріятельскими передовыми частями, рѣшилъ самъ атаковать ихъ въ тылъ.

Переправа у. д. Грабувка была немедленно нами захвачена.

Такимъ образомъ, на всемъ заданномъ участкѣ, лѣвый берегъ р. Ходель былъ очищенъ отъ непріятеля. Послѣдствія отъ этого были большія. Мы могли, опираясь на захваченный нами рубежъ, еще нѣсколько дней задерживать противника и дать возжожность подойти нашей пѣхотѣ.

Захватъ этого важнаго для общаго нашего маневра рубежа, удался благодаря тому, что наша сторона была болѣе сильна кавалеріей и непріятельскія пѣхотныя части, выдвинутыя впередъ, не рѣшались упорно обороняться, не примкнувъ плечомъ къ плечу.

———

Разсмотримъ теперь работу кавалеріи, прикрывающую маневръ болѣе широкаго стратегическаго масштаба.

Въ первой половинѣ сентября 1914 года общая стратегическая обстановка на русскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій была такова: (См. схему № 6)

Въ Восточной Пруссіи мы понесли тяжелыя неудачи: армія Самсонова была почти уничтожена, армія Ренненкампфа вытѣснена изъ предѣловъ Восточной Пруссіи. Зато въ Галиціи мы имѣли крупный успѣхъ: Австро-Венгерскія арміи были разбиты и загнаны въ тѣсное пространство между Карпатами и Вислой въ раіонѣ Кракова.

Имперія Габсбурговъ была наканунѣ полнаго краха. Для ея спасенія требовалась немедленная и энергичная помощь Германіи.

Нѣмецкое верховное командованіе рѣшаетъ, пользуясь своей сильно развитой желѣзно-дорожной сѣтью, обволакивавшей какъ паутина нашу границу, перебросить большую часть своихъ войскъ изъ Восточной Пруссіи на помощь своей союзницѣ. Развертываніе этихъ войскъ намѣчено на фронтѣ: Краковъ — Калишъ съ цѣлью быстраго затѣмъ наступленія къ Вислѣ въ направленіи на Ивангородъ и другія переправы черезъ Вислу южнѣе Ивангорода до Сандоміра. Непосредственное примыканіе къ Австро-Венгерскимъ арміямъ должно было поднять ихъ упавшій духъ и облегчало имъ выходъ изъ скученнаго положенія, въ которомъ они очутились.

Къ этому времени, на западномъ берегу Вислы находилась только Русская конница и въ раіонѣ Варшавы и Ивангорода нѣсколько пѣхотныхъ дивизій. Положеніе Русскаго Верховнаго командованія оказывалось очень труднымъ (см. схему № 6). Четыре Русскія арміи, только что побѣдившія Австро-Венгровъ, сами втянулись въ глубь Галиціи. Для переброски ихъ на новое угрожаемое направленіе въ нашемъ распоряженіи не было желѣзнодорожной сѣти, подобной германской. Имѣвшіяся желѣзнодорожныя линіи были и безъ того перегружены перевозками еще неоконченнаго сосредоточенія и для снабженія и укомплектованія уже вошедшихъ въ дѣло армій.

Къ Варшавѣ могли подойти головные эшелоны Сибирскихъ войскъ. Но этого было слишкомъ мало.

Занятіе германцами Завислинскаго края, приводящее ихъ между группами нашихъ армій, дѣйствовавшихъ противъ Восточной Пруссіи (Сѣверо-Западный фронтъ) и въ Галиціи (Юго-Западный фронтъ), могло создать для насъ крайне опасную стратегическую обстановку.

Главное командованіе рѣшаетъ произвести общую рокировку армій Юго-Западнаго фронта, отказавшись отъ продвиженія въ глубь Галиціи и вторженія въ Венгрію.

Эту перегруппировку нужно было производить походнымъ порядкомъ. Въ дождливые, осенніе дни, по колѣно въ грязи, наша пѣхота отмѣривала по размокшимъ и разбитымъ дорогамъ, переходы отъ 30 до 50 верстъ. Всѣ пути были усѣяны трупами павшихъ лошадей, а лазареты наполнены изнуренными людьми. А въ это время, нѣмцы спокойно сидѣли въ вагонахъ, отдыхая передъ предстоящимъ наступленіемъ.

Мы оказывались въ положеніи пѣшехода, состязающагося съ желѣзной дорогой.

Для развѣдки раіона сосредоточенія непріятельскихъ силъ, а также для прикрытія этой перегруппировки, главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ рѣшаетъ выдвинуть на фронтъ Ченстоховъ — Катовицъ—Краковъ сводный конный корпусъ ген. Новикова, въ составъ котораго постепенно вошли: три регулярныхъ кавалерійскихъ дивизіи (№№ 5, 8 и 14), двѣ Донскія казачьи дивизіи (№№ 3 и 5), Туркестанская казачья бригада, а къ концу операціи, еще и Уральская казачья дивизія.

Съ цѣлью занятія сразу широкаго фронта, командиръ корпуса развертываетъ къ 14 сентября всѣ свои дивизіи на фронтѣ отъ Ново-Радомскъ на югъ до Вислы западнѣе рѣки Ниды (см. схему № 7). Это широкое развертываніе даетъ возможность нашей конницѣ установить соприкосновеніе съ противникомъ на всемъ фронтѣ.

Установивъ тѣсное соприкосновеніе съ противникомъ, кавалерія ген. Новикова шагъ за шагомъ задерживала наступленіе непріятельскихъ колоннъ. Съ этой цѣлью наши кавалерійскія дивизіи заставляли противника разворачиваться.

Наша конница пользовалась всякимъ незанятымъ промежуткомъ, чтобы проскальзывать въ тылъ его колоннъ и для дѣйствія на фланги разворачивающихся его передовыхъ частей. Въ какой мѣрѣ частямъ

нашей конницы удавалось проникать между колоннами противника, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что мы имѣли донесенія не только о происходящемъ на фронтѣ, но и о происходящемъ въ тылу непріятеля. Между прочимъ, когда впослѣдствіи кавалерія ген. Новикова была переброшена на другое направленіе, три изъ ея развѣдывательныхъ эскадрона остались въ тылу у противника. Только черезъ мѣсяцъ, когда мы, успѣвъ закончить нашу рокировку, перешли сами въ наступленіе и погнали нѣмцевъ, эти эскадроны присоединились къ Русскимъ войскамъ. Правда, нужно имѣть въ виду, что такому глубокому проникновенію конныхъ частей способствовали доброжелательныя отношенія къ намъ польскаго населенія.

Это постоянное проникновеніе въ тылъ противника частей нашей кавалеріи, дѣлало его осторожнымъ и заставляло его пересаливать въ развертываніи. Мы же выигрывали время. И это въ то время, когда успѣхъ нѣмецкаго плана всецѣло зависѣлъ отъ быстроты его выполненія, дабы застигнуть насъ при исключительно трудной стратегической группировкѣ.

Боевыя дѣйствія, разыгравшіяся во второй половинѣ сентября 1914 года на лѣвомъ берегу Вислы интересны не только для того, чтобы уяснить себѣ ту роль, которую можетъ выполнить конница, прикрывая армейскій маневръ. Они показали также, что въ этомъ отношеніи конница представляетъ въ своемъ родѣ единственное средство.

Здѣсь приходится затронуть вопросъ о такъ называемыхъ стратегическихъ авангардахъ.

Французская военная литература, съ легкой руки генерала Бонналя, долго защищала теорію стратегическихъ авангардовъ. Генералъ Бонналь основывалъ свои выводы на изученіи кампаній Наполеона. Но идея, вѣрная для эпохи, когда на полѣ сраженія холодное оружіе сохраняло свое главенствующее значеніе, оказывалась совершенно устарѣлой въ эпоху огневой тактики. Германская военная литература совершенно справедливо произнесла приговоръ надъ стратегическими авангардами, какъ надъ архаическими пережитками. Нѣмецкіе писатели утверждали, что въ современную эпоху массовыхъ армій, при особой тактической чувствительности фланговъ, выдѣленіе впередъ стратегическихъ авангардовъ не можетъ привести къ полезнымъ результатамъ. Эти стратегическіе авангарды легко будутъ охвачены съ фланговъ простымъ продолженіемъ движенія впередъ тѣхъ непріятельскихъ колоннъ, которыя не выйдутъ на фронтъ стратегическаго авангарда. Передъ послѣднимъ сразу-же станетъ дилемма: оставаться на мѣстѣ, рискуя окруженіемъ, или, не начавъ даже сопротивленія на фронтѣ, отойти назадъ. Къ тому-же стратегическій авангардъ будетъ каждый разъ рисковать засидѣться; непріятельскія колонны, вышедшія на его фронтъ, постараются зацѣпить его, и пѣхотѣ стратегическаго авангарда будетъ нелегко ото-

рваться, чтобы совершить своевременный выходъ изъ боя. Поэтому, поневолѣ является вопросъ: для чего нужны стратегическіе авангарды, если тѣ-же задачи съ гораздо большимъ успѣхомъ, вслѣдствіе способности драться на болѣе широкихъ фронтахъ и съ гораздо меньшимъ рискомъ, вслѣдствіе способности легче выходить изъ боя и отрываться отъ противника, могутъ быть исполнены кавалерійскими дивизіями.

Замѣчательная вещь, что всякая, даже самая очевидная мысль въ военномъ искуствѣ, прежде чѣмъ проникнуть въ практику жизни, требуетъ платы кровью.

Мы тоже не избѣгли этого правила и, прежде чѣмъ отказаться отъ устарѣлой идеи стратегическихъ авангардовъ, внесли эту кровавую плату.

Вторая часть разсматриваемой операціи нашей конницы на правомъ берегу Вислы, интересна и въ этомъ отношеніи.

Командующій IX арміей, которая должна была перемѣнить свой фронтъ на 180 градусовъ и развернуться на фронтѣ Ивангородъ-Сандоміръ, не довольствуется тѣмъ, что непосредственнымъ прикрытіемъ его маневра являлась рѣка Висла, а дальнимъ — кавалерія ген. Новикова; онъ рѣшаетъ выдвинуть къ Опатову, узлу дорогъ на лѣвомъ берегу Вислы, двѣ стрѣлковыя бригады (Гвардейская и 2-ая стрѣлковая), съ приданной къ нимъ отдѣльной гвардейской, кавалерійской бригадой.

18-го сентября, послѣ утомительныхъ переходовъ, по невылазной грязи мы подошли къ Опатову. Здѣсь ген. Д., которому были подчинены обѣ стрѣлковыя и наша конная бригады, познакомилъ насъ съ полученнымъ имъ отъ командующаго арміей приказаніемъ. Согласно этому приказанію, группа войскъ ген. Д. должна была „составить опору для конницы ген. Новикова и прикрыть стратегическое развертываніе IX арміи“.

Первая часть задачи была совершенно раціональна. Пѣхотныя части, приданныя конницѣ, увеличиваютъ ея устойчивость. Но въ этомъ случаѣ методъ работы этихъ пѣхотныхъ частей отличается рѣзко отъ работы пѣхоты, входящей въ составъ стратегическаго авангарда. Въ первомъ случаѣ, пѣхота должна быть разбросана по всему фронту конницы, организуя небольшія точки опоры. Эти пѣхотныя части, вслѣдствіе огромной разброски и необходимой большой подвижности, не въ состояніи поддерживать между собой связь и, съ другой стороны, возлагаемыя на эти части задачи непосредственно зависятъ отъ самой работы конницы; вслѣдствіе этого, онѣ должны быть подчинены начальникамъ кавалерійскихъ дивизій.

На подобное рѣшеніе вопроса ген. Д. не шелъ. Онъ былъ стѣсненъ второй частью даннаго командующимъ арміей приказанія: „прикрыть стратегическое развертываніе арміи“, заданіемъ крайне туманнымъ по существу, но по формѣ же опредѣленно предназначавшимъ группѣ ген. Д. роль стратегическаго авангарда. Къ этому нужно добавить, что общее положеніе осложнялось еще тѣмъ, что конница ген. Новикова была подчинена непосредственно Главнокоман-

дующему фронтомъ, и штабъ IX арміи, разсчитывая на группу ген. Д., какъ на стратегическій авангардъ, не подчинилъ ее ген. Новикову, а оставилъ ее въ подчиненіи командующему арміей.

Ген. Д. рѣшилъ, войдя въ тѣсную связь съ ген. Новиковымъ, укрѣпиться со своими двумя стрѣлковыми бригадами въ раіонѣ Опатова; гвардейскую конную бригаду онъ направилъ въ раіонъ д. Климонтова для прикрытія своего пути сообщенія на г. Сандоміръ (см. схему № 8).

Пока онъ укрѣплялся у Опатова, кавалерія ген. Новикова дѣлала свое дѣло, задерживая наступленіе противника. Гэн. Д. получалъ отъ штаба ген. Новикова полную оріентировку, изъ которой совершенно было ясно, что наша конница опредѣлила наступленіе шести непріятельскихъ корпусовъ.

На основаніи этихъ именно свѣдѣній наше Верховное Командованіе рѣшаетъ собрать у Варшавы группу изъ нѣсколькихъ армейскихъ корпусовъ и конницы, и направить эту группу для удара во флангъ Германской арміи, наступавшей на Ивангородъ.

19-го Сентября ген. Новиковъ получилъ приказъ главнокомандующаго юго-западнымъ фронтомъ оставить группу казачьихъ дивизій (3-я и 5-ая Донскія и Уральская дивизія и Туркестанская бригада) на направленіи Ивангородъ—Радомъ для прикрытія Ивангородскаго раіона, а съ регулярными дивизіями (№ № 5, 8 и 14) немедленно идти по восточному берегу Вислы черезъ Казимержъ и Ново-Александрію въ раіонъ Варшавы, передавъ прикрытіе развертыванія IX арміи ея авангардамъ. (См. схему 8).

При подобномъ измѣненіи заданія, роль группы ген. Д., „какъ опоры конницы г. Новикова", отпадала. Дальнѣйшее пребываніе этой группы въ раіонѣ Опатова становилось опаснымъ. Противникъ, наступавшій на широкомъ фронтѣ, имѣлъ возможность быстро захлестнуть съ фланговъ засидѣвшихся стрѣлковъ. Ген. Новиковъ тотчасъ по полученіи новаго приказанія послалъ своего начальника штаба предупредить ген. Д. о своемъ вынужденномъ уходѣ, а также съ совѣтомъ не засиживаться въ Опатовѣ.

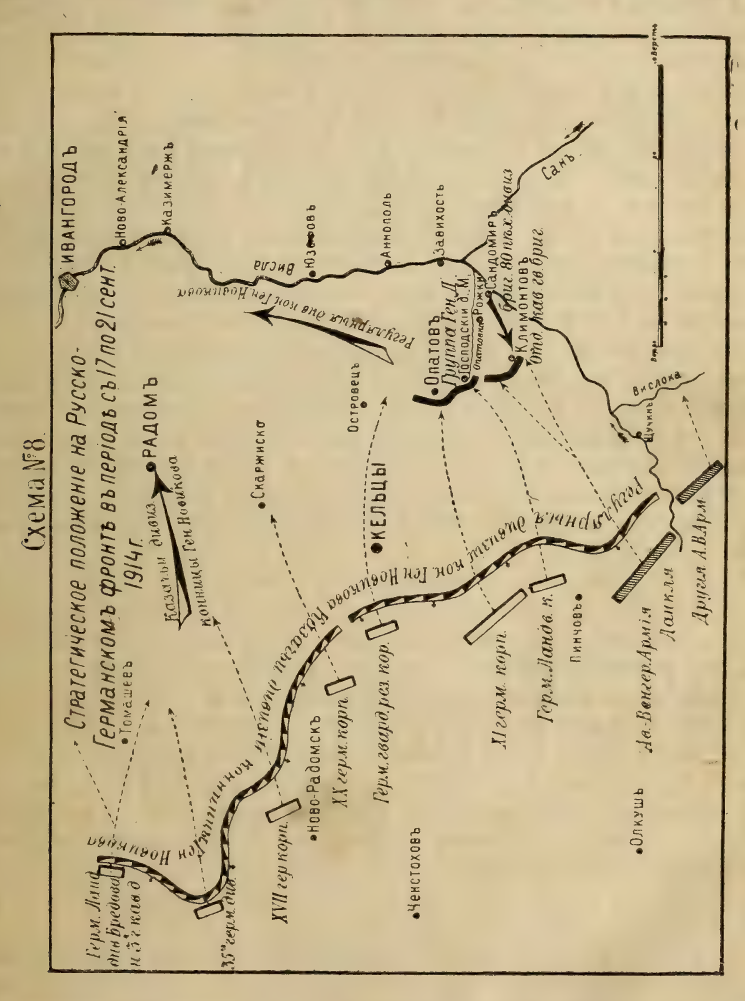
Одновременно объ опасности оставленія стрѣлковъ у Опатова противъ значительно превосходящихъ силъ противника штабъ коннаго корпуса телеграфировалъ въ штабъ фронта и въ штабъ IX-ой арміи.

Несмотря на это предупрежденіе, ген. Д., основываясь на приказаніяхъ, полученныхъ имъ изъ штаба арміи, возлагавшихъ на его войска роль стратегическаго авангарда, рѣшилъ продолжать задерживаться у Опатова.

20-го Сентября, сначала черезъ офицеровъ ген. штаба, а потомъ лично, при проѣздѣ черезъ Опатовъ, ген. Новиковъ вновь подтвердилъ ген. Д. о необходимости отхода стрѣлковъ въ ночь съ 20-го на 21-ое, т. к. иначе 21-го Сент. стрѣлки будутъ втянуты въ бой со значительно превосходящими силами противника.

Къ вечеру, 20-го Сент., на фронтѣ стрѣлковыхъ бригадъ установилось непосредственное соприкосновеніе съ нѣмцами. Послѣдніе

ограничились слабымъ артиллерійскимъ огнемъ. Въ этотъ же день гвардейская кавалерійская бригада тоже столкнулась съ непріятельскими пѣхотными частями, причемъ, въ виду того, что наступленіе противника угрожало охватомъ нашего лѣваго фланга, то есть сообщеніямъ Климонтова съ Сандоміромъ, по просьбѣ командира гвар-



дейской кавал. бригады была выслана изъ Сандоміра одна бригада 80-ой пѣхотной дивизіи съ задачей не допустить проникновеніе непріятеля между Сандоміромъ и Климонтовымъ.

Критическое положеніе въ стратегическомъ отношеніи группы генерала Д. должно было быть ясно видно. Только очень поздно, въ ночь съ 20 на 21 Сент., прибылъ къ ген. Д. ординарецъ командующаго IX арміей съ разрѣшеніемъ отойти. Въ виду того, что для распоряженія о началѣ отхода требовалось нѣсколько часовъ

и потому самый отходъ пришлось бы начать засвѣтло на самомъ виду противника, ген. Д. также, какъ и штабъ арміи, не уяснившій полностью опасность своего положенія, рѣшилъ начать отходъ вечеромъ 21-го.

Съ утра 21-го германцы открыли сильнѣйшій огонь противъ фронта стрѣлковъ и охватили ихъ съ фланговъ. Въ виду громаднаго превосходства въ силахъ противника, этотъ охватъ развился на правомъ флангѣ ген. Д. чрезвычайно быстро. Въ 11 часовъ утра путь на Аннополь былъ уже отрѣзанъ. (См. схему № 9). Грозило полное окруженіе. Стрѣлкамъ пришлось начать отступленіе подъ тыловымъ огнемъ непріятельской артиллеріи и пулеметовъ. Понеся громадныя потери (нѣкоторые полки потеряли до 80% своего состава), оставивъ въ рукахъ у нѣмцевъ 18 пушекъ и около 3-хъ тысячъ плѣнныхъ, войска ген. Д. могли выбраться только вдоль рѣчки Опатовки и поздно вечеромъ собраться у деревни Рожки.

Неудача у Опатова произвела тяжелое впечатлѣніе въ русской арміи. Какъ всегда происходитъ въ подобныхъ случахъ, начинаютъ искать виновниковъ... и, какъ часто происходитъ, ищутъ ихъ не тамъ, гдѣ они находятся. Прежде всего была обвинена кавалерія ген. Новикова, будто бы бросившая стрѣлковъ. Истинная же причина лежала въ ложности самой стратегической идеи, положенной въ основу задачи, данной ген. Д. У Опатова командованіе IX-ой арміи произвело экспериментъ — задержать движеніе непріятельской арміи, наступающей на широкомъ фронтѣ, выставленнымъ впередъ стратегическимъ авангардомъ.

Съ цѣлью дать иллюстрацію того, какой большой, „замедляющей" непріятельскій маневръ силой можетъ обладать въ извѣстныхъ случаяхъ кавалерія, я могу привести эпизодъ изъ той же Опатовской эпопеи, пережитый Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ.

Какъ выше уже упоминалось, 3-я отдѣльная Гвардейская бригада была направлена ген. Д. къ д. Климонтово, съ задачей прикрыть сообщеніе стрѣлковъ съ Сандоміромъ. 20-го Сентября къ Климонтову протянулся флангъ бригады 80-ой пѣхотной дивизіи, на которую было возложено прикрытіе фронта Климонтовъ—Сандоміръ. На долю Гв. кав. бригады оставался участокъ къ западу отъ Климонтово.

Къ югу отъ шоссе Опатовъ—Сандоміръ въ направленіи Климонтово выдвигается плато. Края этого плато недалеко къ западу отъ д. Климонтово образуютъ какъ бы прямой уголъ; одна сторона этого угла имѣетъ направленіе съ востока на западъ, другая съ юга на сѣверъ (см. схемы № № 9 и 10). Западная окраина плато представляла очень выгодныя условія для дѣйствій обороняющагося. Впереди лежащая мѣстность — поля, лѣса, деревни — были видны, какъ на ладони. Скаты плато не были настолько круты, чтобъ затруднить движеніе пѣхоты или конницы, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не образовывали большихъ мертвыхъ пространствъ для обстрѣла подступовъ.

Схема №9

Превышеніе плато надъ впереди лежащей мѣстностью не позволяло непріятелю видѣть что либо происходящее у обороняющагося. Въ этомъ отношеніи и авіація въ условіяхъ веденія встрѣчнаго боя немного могла помочь, т. к. холмистая поверхность самаго плато съ разбросанными на ней перелѣсками и деревнями легко позволяли находящимся здѣсь войскамъ маскироваться отъ краткосрочныхъ развѣдокъ.

Командиръ гв. кав. бригады возложилъ на Гродненскій гусарскій полкъ съ 2-мя пушками и со всѣми пулеметами бригады задачу, не допустить противника подняться на западный край плато. Самъ онъ съ уланами и остальными 4-мя пушками сталъ уступомъ за правымъ флангомъ гусаръ на шоссе Опатовъ—Сандоміръ, съ цѣлью не допустить непріятеля прорваться между гусарами и лѣвымъ флангомъ стрѣлковаго полка группы ген. Д., оборонявшагося въ раіонѣ Господскаго д. М.

Участокъ, порученный Гродненскимъ гусарамъ, имѣлъ по фронту протяженіе около 4-хъ верстъ. Въ моемъ же распоряженіи находились только четыре эскадрона (остальные два были въ отдѣлѣ), они могли дать не болѣе 300 стрѣлковъ.

По тактическимъ условіямъ обороны, западный скатъ плато можно раздѣлить на два участка: лѣвый — покрытый лѣсомъ, поднимавшимся по скатамъ до верхняго края плато; правый — открытый, отдѣляемый отъ перваго оврагомъ, идущимъ перпендикулярно къ скату.

Приходилось опасаться, что непріятель воспользуется лѣсомъ на лѣвомъ участкѣ, какъ подступомъ, для того, чтобы подняться на плато.

Поэтому я рѣшилъ выдвинуть одинъ эскадронъ (№ 5) впередъ. спустивши его внизъ на опушку лѣса (этотъ лѣсъ на схемѣ № 10 обозначенъ буквой „Л“), а другимъ эскадрономъ (№ 1) я ши-

роко занялъ верхній скатъ праваго участка плато. (Схема № 10 положеніе А).

Обоимъ эскадронамъ были приданы пулеметы.

Лѣвѣе эскадрона № 5, мною былъ видвинутъ I взводъ эскадрона № 2, остальную же часть этого эскадрона я оставилъ въ своемъ резервѣ, приказавъ командиру эскадрона произвести развѣдку позицій на случай, если всему эскадрону прійдется выдвинуться лѣвѣе № 5 эскадрона, а также развѣдку стрѣлковаго расположенія къ востоку отъ лѣса „Л“, которое прійдется занять № 2 эскадрону, по мѣрѣ того какъ эскадронъ № 5 вынужденъ будетъ отступать и потребуется задержать „дебушированіе“ противника изъ лѣса „Л“.

I взводъ эскадрона № 3 былъ выдвинутъ правѣе эскадрона № 1 съ задачей связаться съ уланами и со стрѣлками въ раіонѣ Господскаго д. „М“. Остальные три взвода эскадрона № 3 были оставлены мною въ резервѣ.

Начальнику пулеметной команды я приказалъ выбрать и подготовить расположеніе для боковаго обстрѣла съ лѣваго фланга праваго участка подступовъ съ запада къ лѣсу „Л“, а также расположеніе у деревни „В“ для продольнаго обстрѣла оврага.

Я обратилъ вниманіе командировъ эскадроновъ на то, что возложенная на насъ задача требуетъ широкаго примѣненія дальняго пулеметнаго огня.

Моимъ 2-мъ пушкамъ представилась непосильная задача, дальнимъ артиллерійскимъ огнемъ стѣснить дѣйствія противника, дѣйствующаго противъ Господскаго д. „М“ и вызвать преждевременное развертываніе непріятеля, направленнаго противъ насъ.

Конечно, не могло быть и рѣчи о „дѣйствительности пораженія“, но мистификація и нанесеніе потерь неудачно выдвинувшимся частямъ непріятеля могла намъ удастся.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, я рѣшилъ выбрать цѣлый рядъ позицій для нашихъ двухъ конныхъ пушекъ, передвигая которыя, мы могли выполнять различныя задачи, выпадавшія на долю артиллеріи, обороняющей плато. Эти передвиженія должны были также содѣйствовать введенію въ заблужденіе противника относительно количества нашихъ пушекъ, причемъ, съ этой же цѣлью, было приказано стрѣлять не иначе какъ группами въ 4 или 8 выстрѣловъ въ очередь. Передвиженія эти спасли насъ отъ потерь, потому что

непріятельская артиллерія, нащупавъ расположеніе нашихъ пушекъ, разражалась затѣмъ ураганнымъ огнемъ по пустому мѣсту

Если читатель вспомнитъ наши силы, то онъ пойметъ, что не могло быть и рѣчи о занятіи позиціи по пѣхотному образцу. Это было, если можно такъ выразиться, пунктирное расположеніе. Отдѣльныя группы стрѣлковъ занимали выступы опушки лѣса, складки мѣстности и т. п.; они связывались спереди перекрестнымъ огнемъ, сзади поддерживающими связь всадниками и резервами, подскакивающими возможно ближе на коняхъ и также быстро убираемыми по миновенію надобности.

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, внутренній механизмъ нашего боя у Климонтово.

Мы не будемъ утомлять читателя подробностями самаго хода боя. Ограничимся только общимъ очеркомъ.

Наткнувшись на нашъ огневой фронтъ, противникъ пріостанавливается и все усиливаетъ и усиливаетъ свои передовыя части. Очень удачный огонь нашихъ двухъ пушекъ создаетъ въ воображеніи непріятеля сильно преувеличенную оцѣнку нашихъ силъ и онъ отказывается, до подхода большихъ силъ, отъ продолженія своего дальняго обхода лѣваго фланга пѣхоты ген. Д., рѣшивъ ограничиться болѣе близкимъ охватомъ, направленнымъ на Господскій д. „М". (Схема № 9).

Первая наша задача была выполнена. Отъ насъ требовалось стѣснить огнемъ и фланговой угрозой дѣйствія непріятеля противъ Господскаго д. „М".

Въ этомъ отношеніи мы представляли противнику помѣху. Онъ пробовалъ сосредоточивать по нашему плато огонь многихъ батарей; у насъ горѣли деревни — но войска наши несли малыя потери; наша малочисленность помогала намъ: края плато, а тѣмъ болѣе нашъ тылъ были „пустынны"... и непріятельскій ураганный огонь напоминалъ стрѣльбу по ворабьямъ изъ пушекъ.

Потерявъ время до полудня, непріятель всетаки увидѣлъ себя вынужденнымъ покончить съ нами, ибо, преувеличивая наши силы, онъ не рѣшался двинуться въ разрѣзъ между нами и Господскимъ д. „М".

Для насъ наступили критическія минуты. Отдѣльныя группы гусарскихъ винтовокъ и пулеметовъ дѣлали свое дѣло; но, по мѣрѣ усиленія фронта противника, держаться становилось все труднѣе.

Въ самый разгаръ боя, около полудня, я получилъ приказаніе командира нашей бригады, немедленно отойти въ тылъ на присоединеніе къ нему, т. к. онъ въ свою очередь получилъ распоряженіе ген. Д., указывавшее гв. кавалерійской бригадѣ спѣшно идти въ сѣверномъ направленіи съ задачей прикрыть правый флангъ стрѣлковъ и въ частности путь Опатовъ-Аннополь.

Хотя намъ, гусарамъ, было видно только то, что происходило на лѣвомъ флангѣ стрѣлковъ, но уже изъ этого одного можно было понять полное несоотвѣтствіе съ складывающейся обстановкой только что приведеннаго приказанія.

Группа ген. Д. во всякомъ случаѣ дольше вечера держаться не могла (на дѣлѣ, какъ читатель уже знаетъ, что около полудня стрѣлки должны были начать отступленіе), а слѣдовательно, уйдя съ лѣваго фланга стрѣлковъ, мы на правый флангъ поспѣть во время не могли. Между тѣмъ, если бы гусары очистили свои позиціи, непріятель сейчасъ же захлестнулъ бы охватомъ Господскій д. „М" и путь Опатовъ Сандоміръ былъ бы для стрѣлковъ отрѣзанъ. Хотя я и предчувствовалъ, но я не зналъ, что въ это время это уже было единственнымъ направленіемъ для отступленія стрѣлковъ.

Тотчасъ же я послалъ офицера-ординарца доложить командиру бригады, что считаю приказаніе ген. Д. совершенно не отвѣчающимъ обстановкѣ и что пока стрѣлки удерживаютъ Господскій д.„ М", я не считаю себя въ правѣ сойти со своихъ позицій.

Немедленный уходъ гусаръ вызвалъ бы еще одно неудобство: мы обнажили-бы правый флангъ 80-ой пѣх. дивизіи. Уходъ конницы съ фланга пѣхоты, операція чрезвычайно деликатная. Кавалерія легко и быстро отрывается отъ противника, пѣхотѣ же это дается труднѣе и требуетъ больше времени, Поэтому подобныя операціи должны соразмѣряться съ временемъ, необходимымъ для пѣхоты (смѣна частей, отодвиженіе пѣхотнаго фланга, выдвиженіе уступовъ и т. п.). Большинство кавалерійскихъ начальниковъ упускало это изъ виду и безсознательно подводило своихъ пѣхотныхъ сосѣдей.

Я рѣшилъ немедленно предупредить моихъ сосѣдей изъ 80-ой пѣх. дивизіи, чтобъ они подготовились на случай ухода Гродненскихъ гусаръ. Подобное предупрежденіе было тѣмъ болѣе необходимо, что напоръ противника на моемъ фронтѣ становился все сильнѣе и каждую минуту „тоненькая ниточка" гусарскаго фронта могла лопнуть. Пѣхотные начальники въ своихъ разсчетахъ на конницу, находящуюся у нихъ на флангѣ, обыкновенно дѣлали тоже грубую ошибку. Они примѣняли въ оцѣнкѣ устойчивости конницы масштабъ обороноспособности пѣхоты. Они постоянно забывали, что кавалерійскій полкъ даетъ стѣлковую силу не болѣе чѣмъ двѣ роты, что вся сила конницы заключается въ ея подвижности и потому (оборона фланга) должна основываться на оборонѣ пѣхотныхъ частей, кавалерія же можетъ дать только „охрану фланга".

Зная все это изъ опыта прежнихъ боевъ, я послалъ одновременно съ донесеніемъ командиру нашей бригады сообщенія командиру бригады 80-ой пѣх. дивизіи, командиру право-фланговаго баталіона и командиру лѣво-фланговой роты; въ этихъ сообщеніяхъ я предупреждалъ, что гусары, вслѣдствіе полученнаго приказанія, должны будутъ уйти и что пѣхотѣ теперь-же надлежитъ принять мѣры по обезпеченію своего праваго фланга.

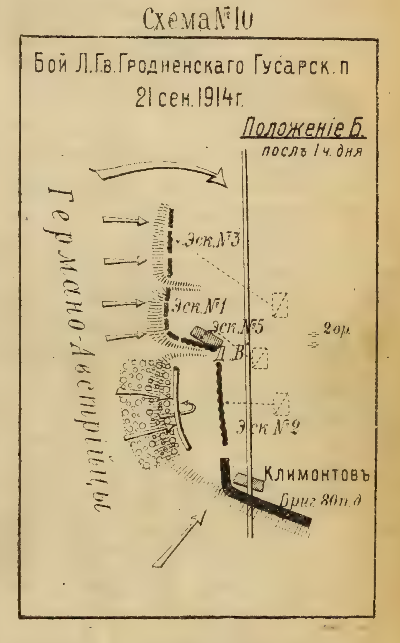
Опасаясь, что уланы приступятъ къ немедленному сбору своихъ частей и обнажатъ мой правый флангъ, я направилъ находившіеся въ моемъ резервѣ три взвода эскадрона № 3 для удлиненія праваго фланга расположенія гусаръ. (Схема № 10 положеніе Б.)

Между тѣмъ, напоръ непріятеля значительно усилился, особенно

на эскадронъ №5. Вскорѣ я получилъ донесеніе, что этотъ эскадронъ вынужденъ приступить къ очищенію западной опушки лѣса „Л".

Эскадронъ № 2 галопомъ былъ подведенъ къ намѣченному заранѣе расположенію къ востоку отъ опушки лѣса „Л" и спѣшенъ. Коноводы были спрятаны недалеко отъ гусарской цѣпи въ углубленной дорогѣ, представлявшей собой какъ бы большую траншею. Эскадрону № 1 было приказано загнуть свой лѣвый флангъ вдоль оврага и войти въ огневую связь съ эскадрономъ № 2.

Схема № 10



Эскадронъ № 5, очистивъ опушку, быстро пошелъ черезъ лѣсъ и отошелъ въ мой резервъ.

На всемъ остальномъ фронтѣ напряженіе боя увеличивалось.

Пѣхота противника осторожно продвигалась черезъ лѣсъ и начала собираться на восточной его опушкѣ. Здѣсь она была встрѣчена бѣглымъ огнемъ нашихъ двухъ пушекъ. Рѣзкое очертаніе опушки облегчало мѣткость стрѣльбы.

Около часу дня я получилъ отъ нашего командира бригады вторичное приказаніе о немедленномъ отходѣ гусаръ. Я донесъ въ отвѣтъ, что ранѣе трехъ-четырехъ часовъ исполнить этого не могу. Такой промежутокъ времени необходимъ былъ моимъ сосѣдямъ 80-ой пѣх. дивизіи, чтобы успѣть принять соотвѣтствующія мѣры по охранѣ ихъ праваго фланга.

Тѣмъ временемъ, пѣхота непріятеля, не смотря на потери, начала попытки дебушировать изъ лѣса.

Допустить это мы ни въ какомъ случаѣ не могли; условія мѣстности были таковы, что если непріятельской цѣпи удалось бы продвинуться впередъ на 400 шаговъ, она держала бы подъ дѣйствительнымъ огнемъ весь тылъ эскадрона № 2 и коноводы послѣдняго не могли бы выйти изъ занимаемаго ими укрытія. Я рѣшилъ ввести въ дѣло весь мой послѣдній резервъ и приказалъ эскадрону № 5 съ отдѣленіемъ пулеметовъ, развернуться на лѣвомъ флангѣ эскадрона № 1 для флангового обстрѣла дебуширующей изъ лѣса непріятельской пѣхоты.

Мѣра эта оказалась своевременной. Густыя цѣпи противника вышли изъ опушки лѣса „Л" и смѣлыми перебѣжками стали приближаться къ эскадрону № 2. Эскадронъ № 5 и пулеметы открыли огонь, когда непріятелю удалось отойти отъ лѣса шаговъ на триста. Можно было хорошо наблюдать какіе результаты имѣло это внезапное для противника огневое нападеніе на его флангъ. Видно было, какъ

нашъ анфилирующій огонь скашивалъ по нѣсколько людей сразу. Черезъ самый короткій промежутокъ времени непріятель былъ загнанъ обратно въ лѣсъ.

Повторныя попытки противника выйти изъ лѣса наказывались нами немедленно же.

Между 4-мя и 5-ю часами дня, офицеръ, которому было поручено наблюдать съ крыши одного дома, въ сильный бинокль, за происходящимъ у Господскаго д. „М“, прислалъ доложить, что наши стрѣлки отступаютъ въ восточномъ направленіи и нѣмцы заняли наши позиціи у этого дома.

Теперь я считалъ себя въ правѣ начать отходъ. Но вскорѣ, изъ донесеній эскадрона № 3, я узналъ, что непріятель, преслѣдуя стрѣлковъ, охватилъ мой правый флангъ и продвигается въ тылъ. Отойти прямо къ уланамъ, находившимся на опушкѣ лѣса къ востоку отъ деревни Рожки, было уже невозможно. Пришлось намѣтить отходъ эскадроновъ прямо на востокъ и затѣмъ, выигравъ на быстрыхъ аллюрахъ, повернуть круто на сѣверъ, чтобы кружнымъ путемъ соединиться съ уланами.

Во время нашего отхода, приходилось лишній разъ убѣдиться, насколько легче и безболѣзненнѣе, по сравненію съ пѣхотой, „отрывается“ отъ непріятеля конница. Нашъ выходъ изъ боя приходилось производить мѣстами подъ дѣйствительнымъ ружейнымъ огнемъ, такъ что для нѣкоторыхъ группъ гусаръ это былъ уже не „выходъ изъ боя“, а „отступленіе“. Тѣмъ не менѣе вся эта трудная операція была произведена въ порядкѣ и всѣ части полка собрались къ назначенному мѣсту.

Уже совершенно стемнѣло, когда былъ полученъ приказъ ген. Д., возлагавшій на Гродненскихъ гусаръ новую задачу: остановить во что бы то ни стало преслѣдованіе противника, чтобы дать остаткамъ стрѣлковъ собраться на позиціяхъ у д. Рожки.

Пришлось въ темнотѣ развертывать полкъ. Я рѣшилъ встрѣчать противника въ самомъ лѣсу, устроивъ ему рядъ засадъ. Быстро были выдвинуты на всѣ дороги заставы и полкъ принялъ формы сторожевого охраненія. Въ ночной темнотѣ произошло нѣсколько стычекъ съ разъѣздами и съ зарвавшимися впередъ пѣхотными частями непріятеля; всѣ онѣ быстро отходили назадъ.

Передъ самымъ разсвѣтомъ пріѣхалъ ординарецъ ген. Д. съ сообщеніемъ, что наша пѣхота успѣла развернуться и съ приказаніемъ гусарамъ отойти въ тылъ.

Такъ кончился этотъ небольшой эпизодъ Опатовской драмы, въ которомъ участвовали Гродненскіе гусары.

Швейцарскій военный писатель, Германъ Стегеманъ, пользуясь нѣмецкими сообщеніями и документами, составилъ краткую исторію войны. Въ виду того, что это изданіе выходило въ теченіе самой войны, оно излагаетъ дѣйствія и оцѣниваетъ силы русскихъ войскъ въ томъ видѣ, какъ это представлялось въ то время нашимъ противникамъ. Въ своемъ введеніи Стегеманъ предупреждаетъ, что будетъ упоминать въ своемъ трудѣ только о столкновеніяхъ круп-

ныхъ войсковыхъ соединеній (не меньше корпуса). На страницахъ 173-175 встрѣчается слѣдующій заголовокъ: „Die Treffen bei Opatow und Klimontow“. Авторъ, отражая впечатлѣнія участниковъ, представляетъ бои у Опатова и Климонтова, какъ равноцѣнные.

Въ мемуарахъ ген. Людендорфа, имѣется въ числѣ приложеній карта № III, изъ которой можно увидѣть, что на Климонтово былъ направленъ цѣлый австрійскій корпусъ.

Горсти кавалеристовъ удалось задержать столь значительныя силы!

Произойти это могло только потому, что на войнѣ воображаемая опасность не соотвѣтствуетъ дѣйствительно существующей.

Благодаря своей подвижности, конница является однимъ изъ лучшихъ средствъ для воздѣйствія на воображеніе противника. Въ прежнія эпохи она достигала этого своими атаками въ конномъ строю; теперь же, какъ это имѣло мѣсто подъ Климонтовымъ, своею способностью „затянуть“ передъ противникомъ широкій фронтъ.

Въ бою у Климонтова пришлось лишній разъ убѣдиться въ правильности одного вывода, который выяснился изъ первыхъ же столкновеній кавалеріи въ только что минувшую войну.

Конница должна быть приспособлена по преимуществу къ дальнему бою.

Къ увеличенію дальнобойности своего оружія будетъ стремиться и пѣхота. Но нужно, чтобы конница была бы относитеьно дальнобойнѣе.

Всѣ задачи, выпадающія на кавалерію, прежде всего требуютъ примѣненія дальняго огня.

При развѣдкѣ конница, установивъ первыя точки соприкосновенія съ непріятельскими пѣхотными частями, должна нащупать „контуръ“ всего фронта; это требуетъ примѣненія дальняго огня (усиленныя рекогносцировки).

Удержаніе соприкосновенія на всемъ этомъ „контурѣ“, а затѣмъ, если потребуется, замедленіе наступленія непріятеля, достигаемаго вынужденіемъ его къ частому развертыванію, тоже требуетъ примѣненіе дальняго огня.

Самая оборона „кавалерійскаго фронта“, какъ мы видѣли, основывается исключительно на примѣненіи „перекрещивающихся огней“. Чѣмъ дальше будетъ бить пушка и пулеметъ, тѣмъ больше могутъ быть разстоянія между отдѣльными малыми группами, на которыя распадается фронтъ обороняющейся кавалеріи.

При нападеніи на флангъ и тылъ непріятеля, способность конницы къ дальнему бою увеличитъ раіонъ ея воздѣйствія.

Много разъ намъ приходилось съ чувствомъ глубокой досады видѣть длинныя колонны обозовъ, тянущіяся вдоль нашего поля зрѣнія, но внѣ досягаемости нашихъ выстрѣловъ.

Наконецъ, при преслѣдованіи — дальнобойное оружіе расширитъ раіонъ давленія кавалеріи.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, большая, по сравненію съ пѣхотой, дальнобойность конницы увеличитъ ея способность легко „выходить“

изъ боя, а слѣдовательно увеличитъ также ея маневренную способность.

И такъ, въ томъ случаѣ, когда нужно замедлить наступленіе противника на удаленіи отъ нашего фронта болѣе 1 перехода, это можетъ быть достигнуто только кавалеріей. Развернувшись на широкомъ фронтѣ, отвѣчающемъ или превосходящемъ фронтъ противника, она прикроетъ нашъ маневръ, создавъ упругую завѣсу.

Здѣсь вновь нужно коснуться той помощи, которую въ этотъ періодъ операціи можетъ оказать пѣхота. Пѣхотныя части, приданныя кавалерійскимъ дивизіямъ, увеличатъ „устойчивость" этой завѣсы. Но основнымъ условіемъ этой помощи должно являться „вкрапленіе" пѣхоты небольшими частями на всемъ широкомъ кавалерійскомъ фронтѣ. Пѣхота въ этомъ случаѣ превращается изъ главнаго рода войскъ во вспомогательный.

Необходимо избѣгнуть неудобства дробленія пѣхотныхъ полковъ для использованія ихъ въ этой роли; только что минувшая война выявила значеніе существованія для этой цѣли отдѣльныхъ пѣхотныхъ батальоновъ (стрѣлковыхъ батальоновъ, егерей, фусъ батальоновъ или стрѣлковыхъ дивизіоновъ при кавалерійскихъ дивизіяхъ).

Мы думаемъ, что наилучшимъ современнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы существованіе отдѣльныхъ стрѣлковыхъ батальоновъ, спеціально подготовленныхъ для работы вмѣстѣ съ конницей. Предназначаемые для работы на широкихъ фронтахъ, эти батальоны должны быть богато снабжены средствами быстро устанавливаемой связи. Роты должны быть приспособлены къ безболѣзненному выдѣленію изъ батальона. Нѣкоторыя изъ нихъ должны быть самокатными. Наконецъ, при батальонахъ должно имѣть мотоциклетныя пулеметныя команды. Само обученіе будетъ отличаться отъ обученія линейной пѣхоты. Все вниманіе должно быть удѣлено на веденіе встрѣчнаго боя и использованіе дальняго огня. Ежегодное участіе въ теченіи нѣкотораго періода времени во время лѣтнихъ занятій въ маневрахъ вмѣстѣ съ кавалерійскими дивизіями установитъ моральную связь между ними, которая во время войны выльется въ различныхъ видахъ взаимной выручки.

Современная техника даетъ также въ руки конницы много средствъ для увеличенія какъ ея устойчивости, такъ и ея „пробивной" способности. Кавалерія должна всѣ эти средства широко использовать.

Посмотрите, какую эволюцію пережилъ современный пѣхотный фронтъ. Онъ все болѣе и болѣе насыщался техническими средствами, превращаясь по мѣрѣ его стабилизаціи въ то, что прежде именовалось крѣпостнымъ. Чтобы содѣйствовать своей пѣхотѣ, артиллерія вынуждена разбиться на массу разновидностей, начиная отъ самыхъ маленькихъ калибровъ, которые могутъ быть перетаскиваемы на рукахъ штурмующими частями и кончая крупными — способными однимъ снарядомъ разрушить прочныя бетонныя сооруженія. Химія

дала новое средство: ядовитые газы, посылаемые волной или въ снарядахъ. Но этого мало. Появляются бомбометы, минометы, къ ружью приспособляются гранаты "В. Б.". Наконецъ, на арену войны выползаютъ танки.

Совершенно аналогичный путь должна пройти и современная конница. Разница заключается только въ томъ, что ея фронтъ подвижной. По шоссе она можетъ выслать броневой автомобиль, по желѣзной дорогѣ — броневой поѣздъ.

На русскомъ фронтѣ, малое развитіе путей не давало возможности широкаго, въ современномъ смыслѣ слова, примѣненія всѣхъ этихъ средствъ современной техники. Но въ условіяхъ болѣе культурныхъ странъ это будетъ иначе. Нѣмцы съ самаго начала войны, поняли это и наша конница встрѣтила громадную помѣху при своемъ вторженіи въ Восточную Пруссію со стороны болѣе слабой германской кавалеріи, поддержанной егерскими батальонами, самокатчиками, броневыми автомобилями и даже Цеппелинами.

Изъ этого положенія вещей нѣкоторые писатели дѣлаютъ неправильный выводъ: если конница нуждается въ примѣненіи такихъ разнообразныхъ и многочисленныхъ вспомогательныхъ средствъ — не обозначаетъ ли это, что она отжила свой вѣкъ.

Это мнѣніе сейчасъ очень распространенно.

Но вдумайтесь. Не аналогично ли было бы и такое разсужденіе: пѣхотный фронтъ въ современной войнѣ требуетъ не меньшаго насыщенія его техникой, а, слѣдовательно, и пѣхота отжила свой вѣкъ и уступила мѣсто „машинѣ".

Между тѣмъ, какъ разъ, только что минувшая война ярко показала, что, если пѣхота и нуждается въ широкомъ содѣйствіи „машины", тѣмъ не менѣе безъ „рядового пѣхотинца", того, что одинъ французскій авторъ остроумно окрестилъ словомъ „pietaille" — обойтись совершенно нельзя. Потому что только „рядовая пѣхота" способна „занять" захваченное пространство. „Машина" можетъ очистить, „машина" можетъ пройти или пролетѣть надъ мѣстомъ, но фактическое о б л а д а н і е мѣстомъ достигается только занятіемъ его пѣхотой.

Подойдите съ этой же правильной точкой зрѣнія къ дѣйствіямъ конницы. Выводъ будетъ тождественный. Современная конница нуждается въ „машинѣ" не въ меньшей степени, чѣмъ современная пѣхота. Но, подобно тому, какъ держаніе фронта можетъ выполнить только пѣхота, „держаніе" соприкосновенія съ отдаленнымъ противникомъ можетъ дать только конница; никакія изобрѣтенія не измѣнятъ этого. Даже аэропланъ, это величайшее изобрѣтеніе въ области развѣдки, расширившій ея возможности до размѣровъ, которые трудно было предвидѣть до войны, и тотъ не можетъ замѣнить кавалеріи въ дѣлѣ „держанія контура" противника.

Есть одинъ вѣчный законъ войны: ч е л о в ѣ к ъ б ы л ъ, е с т ь и б у д е т ъ г л а в н ы м ъ о р у д і е м ъ в о й н ы.

Нужно прочно усвоить себѣ взглядъ: „техника“ не врагъ конницы, а ея союзникъ.

Врагомъ же конницы является смыканіе пѣхотнаго фронта и обращеніе его въ непрерывный, оплетенный проволокой.

Дальнѣйшая „стабилизація“ армейскаго фронта, обращающая его въ крѣпостной, останавливаетъ маневръ не только конницы, но и пѣхоты. Подвижная война кончается и начинается траншейная. Передъ желающимъ наступать стоитъ только одна задача: прорвать фронтъ. Но этотъ прорывъ требуетъ машинъ, машинъ и машинъ. Уже въ 1915 году на французскомъ фронтѣ была установлена слѣдующая формула: пѣхота только занимаетъ очищенное артиллеріей.

Вполнѣ естественно, что въ этотъ періодъ операцій, когда главная роль выпадаетъ на артиллерію и техническія войска, и когда даже пѣхота временно становится вспомогательнымъ родомъ войскъ, кавалеріи нѣтъ мѣста на фронтѣ.

Но мнѣніе о несокрушимости современнаго укрѣпленнаго фронта оказалось тѣмъ преувеличеніемъ, въ которое всегда впадаетъ человѣческій умъ, когда сталкивается съ новымъ, поражающимъ его своими размѣрами, явленіемъ.

Какія бы средства ни дала бы техника для обороны фронта, она же дастъ и средства для его прорыва.

Первымъ родомъ войскъ, который долженъ быть введенъ въ дѣйствіе, послѣ того какъ „машина“ (будь то пушка, танкъ, газы или какое-либо новое средство) пробьетъ брешь въ непріятельскихъ позиціяхъ, является пѣхота. Но по мѣрѣ того, какъ прорывъ будетъ расширяться и непріятель будетъ выходить изъ паутины своихъ траншей, его отступленіе будетъ ускоряться, начнутъ образовываться „пустыя мѣста“ между нашимъ и его фронтомъ, тамъ, гдѣ ему удастся оторваться отъ нашей преслѣдующей пѣхоты.

Въ эти „пустыя мѣста“ могутъ быть вдвинуты небольшія части конницы съ задачей не дать противнику окончательно оторваться отъ насъ и слѣдовательно „устроиться“.

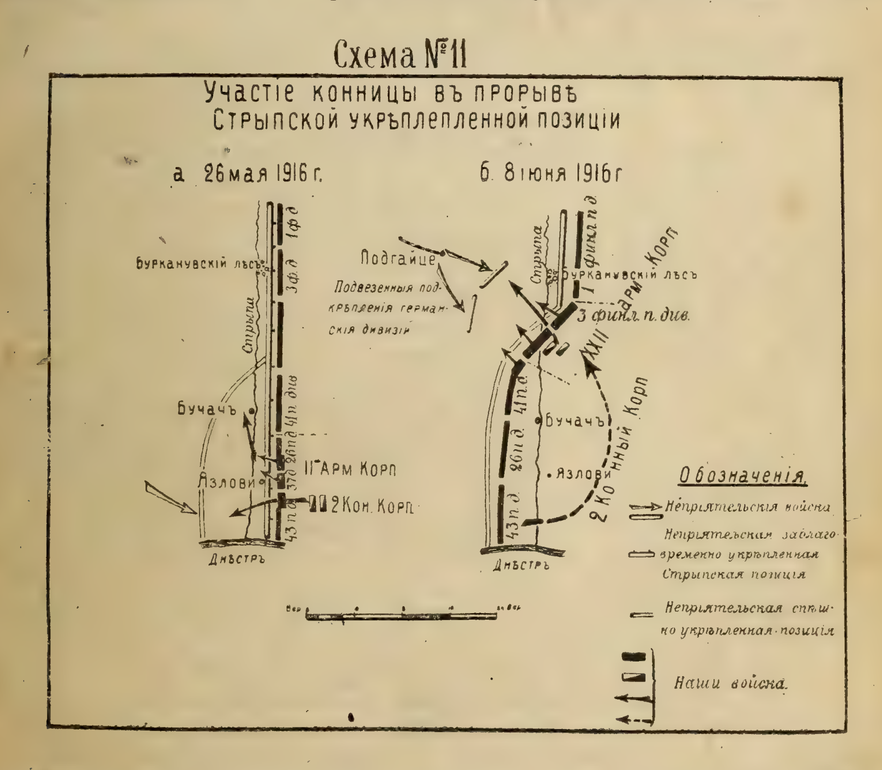
Если отходъ непріятеля совершается въ большомъ масштабѣ, малыя „пустыя мѣста“ постепенно сливаются во все большія и большія — и образуютъ пространство для крупныхъ кавалерійскихъ единицъ. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы эти массы не „опоздали“. Война же показала, что эти массы почти всегда опаздывали и что вся трудность въ использованіи кавалеріей „прорыва“ происходитъ прежде всего отъ этого.

Къ зимѣ 1915-16 г.г., весь Русскій фронтъ стабилизировался. И у насъ и у нашихъ противниковъ можно было пройти по цѣлому ряду траншей отъ Балтійскаго моря до Румыніи.

Если эти вросшіе въ землю фронты и были технически менѣе оборудованы, чѣмъ таковые же во Франціи, то различіе было только количественное, но не качественное. И тѣ и другіе были въ полномъ смыслѣ слова крѣпостными.

Въ частности, фронтъ Австро-Венгровъ въ Галиціи противъ 7-й арміи Ю.-З. фронта, начальникомъ штаба которой въ это время я былъ, считался ими самымъ неприступнымъ. Въ Вѣнѣ, въ ея чудномъ паркѣ — Пратерѣ, куда австрійскіе буржуа любятъ по праздникамъ приходить выпивать кружку пива, была выставлена модель части укрѣпленной Австрійской линіи на рѣкѣ Стрыпѣ; при посредствѣ этой модели, Австрійское Главное Командованіе пыталось успокоить обывателей отъ страха передъ „Русской опасностью" и убѣ-

Схема №11



диТь ихъ въ невозможности прорыва этихъ образцовъ новѣйшей фортификаціи.

Этотъ то укрѣпленный фронтъ намъ предстояло прорвать для начала такъ называемаго „Брусиловскаго наступленія" лѣтомъ 1916 года въ Галиціи.

7-ая армія произвела свой прорывъ въ раіонѣ д. Язловецъ (см. схему №11). Детальное изученіе фотографіей непіятельской укрѣпленной полосы, позволило намъ предрѣшить, что массы конницы для расширенія прорыва могутъ получить примѣненіе только къ югу отъ д. Язловецъ; развитіе же удара отъ мѣстъ прорыва въ направленіи г. Бучачъ можетъ быть сдѣлано только пѣхотой, т. к. приходилось преодолѣвать цѣлую систему укрѣпленныхъ линій расположенныхъ другъ отъ друга не далѣе выстрѣла полевой пушки.

Хотя силы, которыя могла сосредоточить 7-ая армія для производства прорыва, были не велики (около трехъ пѣхотныхъ дивизій и 40 тяжелыхъ орудій), тѣмъ не менѣе приходилось считаться съ загроможденіемъ ближайшихъ тыловъ атакующихъ войскъ и подводъ къ мѣсту ожидаемаго прорыва, имѣвшагося въ нашемъ распоряженіи коннаго корпуса (№ 2) въ составѣ двухъ кавалерійскихъ дивизій (№ 9 и Сводная), представлялъ неудобство. Въ виду этого было рѣшено въ ночь окончанія артиллерійской подготовки (штурмъ производился на разсвѣтѣ 24-го Мая послѣ двухдневной артиллерійской подготовки) подвести въ непосредственную близость къ фронту одну бригаду, оставивъ остальныя три бригады этого корпуса верстахъ въ 10-ти сзади.

Командиръ конной бригады, выдвинутой впередъ, не уяснилъ себѣ, что расположеніе его бригады на самомъ полѣ сраженія требовало расчлененія ея на группы эскадроновъ, и, не найдя себѣ мѣста, отодвинулся назадъ. При этомъ онъ совершилъ еще большую ошибку не связавшись непосредственно съ частями пѣхоты, находившимися въ боевой линіи.

Въ результатѣ кавалерія запоздала. Несмотря на это, обѣ дивизіи коннаго корпуса имѣютъ возможность выдвинуться впередъ, перейти на западный берегъ р. Стрыпы и тамъ 26-го Мая имѣетъ мѣсто конная атака цѣлой кавалерійской дивизіи (№ 9); лавина 24-хъ эскадроновъ обрушивается противъ частей австрійской пѣхоты, спѣшно подходившихъ для „затягиванія" образовавшагося прорыва. Эти эскадроны проскакиваютъ нѣсколько верстъ и захватываютъ десятокъ пушекъ и около 2000 плѣнныхъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-ое Мая, австрійцамъ удается при посредствѣ прибывающихъ на подкрѣпленіе частей „затянуть" прорывъ и нашъ конный корпусъ, вмѣстѣ съ лѣвымъ флангомъ 2-го армейскаго корпуса, останавливается передъ новымъ фронтомъ спѣшно окопавшагося противника.

Основная идея операціи 7-ой арміи заключалась въ томъ, чтобы, прорвавъ сильно укрѣпленную Стрыпскую позицію у Язловца, развивать дальнѣйшій ударъ прорвавшими чистями въ сѣверномъ направленіи, вводя послѣдовательно въ активную игру наши дивизіи, задержанныя съ фронта остававшимися въ рукахъ непріятеля участками Стрыпской укрѣпленной линіи. Если можно образно выразиться, мы, будучи слишкомъ слабыми, чтобы сразу обрушить на большомъ протяженіи укрѣпленный фронтъ противника, „откусывали" его по частямъ, используя ту щель, въ которую мы влѣзали при первоначальномъ прорывѣ у Язловца. Это было прежде всего работа артиллеріи и пѣхоты, т. к. происходила въ условіяхъ крѣпостной войны. Но когда нашъ прорывъ расширился и предстояло „отгрызть" послѣдній кусокъ, можно было предвидѣть и возможность дѣйствій кавалеріи. Въ этомъ послѣднемъ кускѣ огромную роль игралъ Буркановскій лѣсъ. Чрезвычайно сильно укрѣпленный, онъ составлялъ главный опорный узелъ. Направленіе нашего главнаго удара было намѣчено въ обходъ фланга и тыла этого лѣса (см. схему № 11).

Въ этомъ направленіи мы выходили уже изъ раіона заблаговременно укрѣпленныхъ позицій.

Въ виду этого мы сняли нашъ конный корпусъ съ лѣваго фланга арміи, подвели къ XXII-му армейскому корпусу и передали его въ распоряженіе командира этого корпуса.

Къ 8-му іюня на разсвѣтѣ, командиръ XXII-го корпуса сосредоточилъ для удара, въ общемъ направленіи на Подгайцы, двѣ пѣхотныхъ дивизіи. Въ виду того, что можно было ожидать, что развитіе боя въ этомъ направленіи можетъ принять характеръ полевого боя, являлось необходимымъ подтянуть конницу, уже съ утра, возможно ближе къ боевой линіи. Особыя условія мѣстности (глубокая долина рѣки Стрыпы) позволила укрыто раположить цѣлую кавалерійскую дивизію на линіи дивизіонныхъ резервовъ пѣхоты.

Тотчасъ, послѣ прорыва пѣхотой расположенія непріятеля, полки 9-ой кавалерійской дивизіи были введены въ дѣло. Проскакавъ двѣ-три версты, они захватили свыше 1.000 плѣнныхъ и нѣсколько пушекъ. Дальнѣйшее распространеніе кавалеріи было остановлено, подвезенными на помощь австрійцамъ, германскими частями, которыя развернулись верстахъ въ пяти отъ участка прорыва и образовали съ помощью своей артиллеріи огневой мѣшокъ.

Вышеприведенные два случая участія конницы въ прорывѣ укрѣпленной линіи, вызываютъ необходимость обсудить два кардинальныхъ вопроса.

Первый изъ нихъ заключается въ томъ, какъ избѣгнуть „запаздываніе" кавалеріи, дабы послѣдняя могла использовать безъ промедленія ту минуту, когда непріятельская пѣхота пытается „оторваться", ту минуту — когда при видѣ убѣгающаго противника по рядамъ нашей пѣхоты въ минувшую войну такъ часто раздавался солдатскій крикъ: „кавалерію! кавалерію! кавалерію!"

Старые кавалеристы говорили: конница оружіе минуты; она осталась таковымъ-же и теперь.

Выходъ изъ положенія только одинъ: нужно чтобы кавалерія, подводимая къ мѣсту прорыва, заблаговременно расчленилась на широкомъ фронтѣ. Части, на которыя она расчленилась, должны не только связаться съ частями боевой линіи пѣхоты, но и подчиниться имъ. Здѣсь должно имѣть мѣсто рѣшеніе аналогичное тому, какое мы рекомендовали при рѣшеніи вопроса о поддержкѣ частями пѣхоты кавалеріи, выдвинутой передъ фронтомъ. Но на этотъ разъ, эта кавалерія должна подчиниться пѣхотнымъ начальникамъ.

При подобномъ рѣшеніи вопроса, отдѣльные эскадроны найдутъ возможность использовать первыя же минуты отвала непріятельской пѣхоты. Затѣмъ, если этотъ отвалъ будетъ продолжаться, постепенно войдутъ въ дѣло все большія и большія части кавалеріи, эшелонированныя въ тылу; если-же отдѣльные эскадроны будутъ остановлены непріятелемъ, наши пѣхотныя части, которымъ были приданы эти эскадроны, вновь войдутъ въ дѣло.

На прилагаемой схемѣ № 12 мы попробовали графически изобразить, какимъ способомъ должны быть введены для использованія прорыва крупныя массы кавалеріи*).

Мы условно предположили, что прорывъ ожидается на фронтѣ трехъ корпусовъ (№№ I, II, III).

Въ тотъ періодъ, когда пѣхота начнетъ выходить изъ лабиринта окоповъ, въ составѣ боевой линіи необходимо уже имѣть небольшія части конницы; отдѣльные эскадроны должны быть подъ рукою командировъ пѣхотныхъ полковъ и бригадъ. Для этой цѣли прежде всего служатъ кавалерійскія части, которыя уже находились въ распоряженіи командировъ арм. корпусовъ или начальниковъ пѣхотныхъ дивизій.

Для немедленнаго развитія кавалерійскихъ дѣйствій тамъ, гдѣ отступленіе непріятельской пѣхоты приметъ большіе размѣры, кавалерійскій корпусъ, приведенный на нашей схемѣ, выдѣлилъ по одной бригадѣ въ распоряженіе каждаго изъ командировъ армейскихъ корпусовъ. Послѣдніе, въ свою очередь, могутъ передать полки этой бригады, вмѣстѣ или порознь, въ распоряженіе начальниковъ тѣхъ дивизій, на фронтѣ которыхъ выясняется возможность дѣйствія болѣе крупныхъ единицъ кавалеріи.

Командиры кавалерійскихъ полковъ, временно поступившихъ въ распоряженіе начальниковъ пѣх. дивизій, по мѣрѣ ожидающейся надобности выдѣляютъ свои эскадроны въ распоряженіе командировъ пѣхотн. полковъ.

Остальныя три бригады кавалерійскаго корпуса, командиръ послѣдняго держитъ въ своемъ распоряженіи и эшелонируетъ ихъ съ такимъ расчетомъ, чтобы имѣть возможность быстро ввести ихъ въ дѣйствія, или вмѣстѣ, или по частямъ, въ зависимости отъ обстановки.

Самъ командиръ корпуса долженъ находиться при штабѣ того изъ армейскихъ корпусовъ, въ раіонѣ котораго наиболѣе вѣроятно развитіе дѣйствія главной массы кавалеріи. Связь со своими частями, временно переданными въ распоряженіе пѣхотныхъ начальниковъ, штабъ кавалерійскаго корпуса держитъ черезъ штабы этихъ начальниковъ, командируя для этой цѣли офицеровъ-связи.

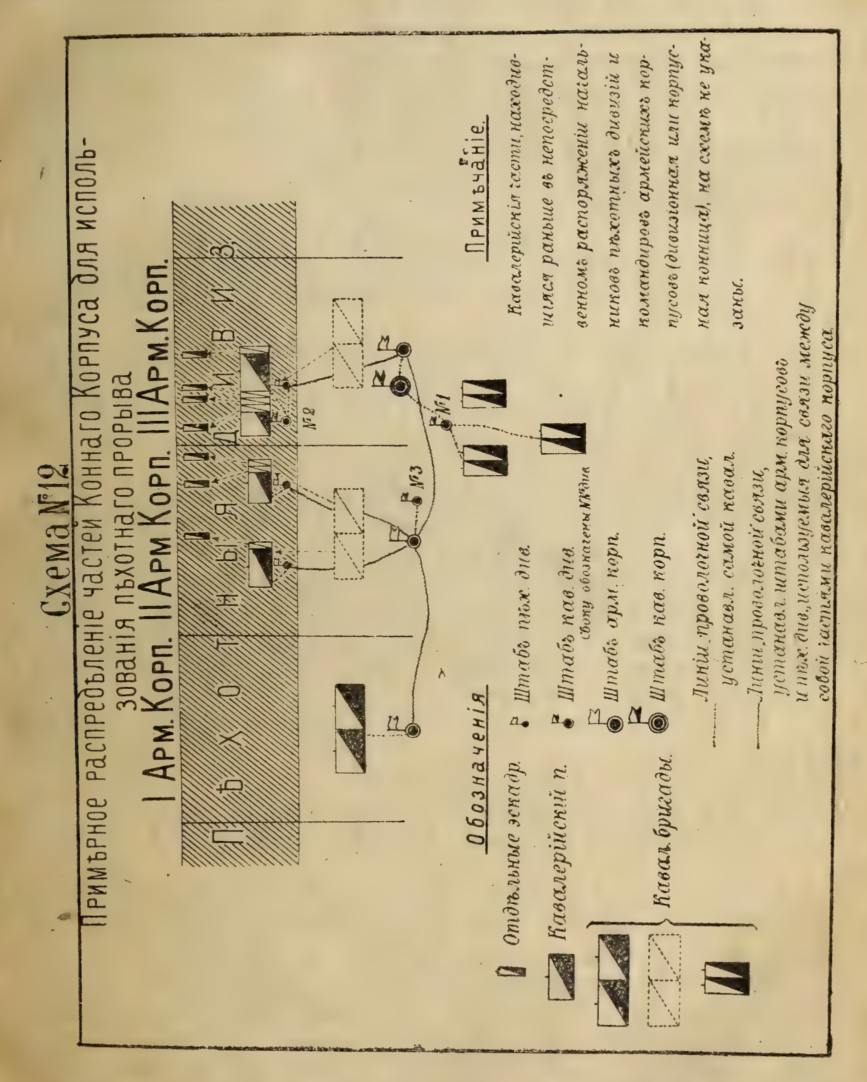
Какъ только частямъ конницы удастся продвинуться впередъ, по мѣрѣ ихъ наслоенія, начальствованіе постепенно переходитъ въ руки болѣе крупныхъ кавалерійскихъ начальниковъ, пока наконецъ оно не сосредоточится опять въ рукахъ командира кавалерійскаго корпуса.

По мѣрѣ увеличенія разстоянія между противникомъ и нашей пѣхотой въ подчиненіе кавалерійскимъ начальникамъ должны переходить и тѣ пѣхотныя части, которыя участвуютъ въ совмѣстномъ преслѣдованіи. Постепенно вновь образовывается тотъ „кавалерійскій фронтъ“, который предшествовалъ стабилизаціи фронтовъ. Но нужно помнить, что основнымъ правиломъ для ввода кавалеріи въ

---

*) Взять 3-хъ дивизіонный кавалерійскій корпусъ (шести эскадронные полки)

дѣйствіе при развитіи прорыва, является обязательное проведеніе ея частей черезъ руки пѣхотныхъ начальниковъ дѣлавшихъ прорывъ.



Второй важный вопросъ, подлежащій разрѣшенію при использованіи прорыва, заключается въ слѣдующемъ.

Хотя примѣненіе конницы и возможно только тогда, когда атакующій выбьетъ непріятеля изъ паутины траншей и проволоки, но нужно имѣть въ виду, что на практикѣ, очень рѣзкой грани, отдѣляющей „чистое поле“ отъ фортификаціонной полосы, нѣтъ. Послѣ полосы густого переплета траншей и проволоки находится

полоса съ отдѣльными участками окоповъ, законченныхъ и незаконченныхъ. Ждать, когда наступающій совсѣмъ выйдетъ въ „чистое поле“ — это значитъ отказаться отъ использованія конницы тогда, когда она можетъ уже принести пользу.

Подвижность кавалеріи, позволяющая ей неотвязчиво насѣдать на отступающаго противника, не давая ему возможности устроиться, можетъ свести на нѣтъ цѣлый рядъ его тыловыхъ укрѣпленныхъ позицій. Когда пѣхота, съ поколебленнымъ духомъ, потеряетъ чувство локтя, она не всегда рѣшится остановиться для дѣйствительной обороны даже сильно укрѣпленныхъ линій.

Въ Іюлѣ 1917 года, когда наша армія, прорванная къ западу отъ Тарнополя, начала отступать, то пѣхота „перемахнула“ черезъ три полосы заблаговременно укрѣпленныхъ позицій и остановилась только за рѣкою Збручъ, когда она оторвалась отъ непріятеля на два перехода.

Въ подобный періодъ операціи, наступающій долженъ приложить всю свою энергію, чтобы продолжать давить на противника, имѣя въ виду, что непрерывность этого давленія вызываетъ у непріятеля деморализацію, растущую во все увеличивающейся прогрессіи.

Вполнѣ естественно, что непріятель приметъ всѣ мѣры съ цѣлью задержать наше преслѣдованіе; онъ броситъ для этого всѣ сохранившія еще порядокъ части войскъ, а также прибывающія подкрѣпленія. Наша преслѣдующая кавалерія неминуемо встрѣтитъ на всѣхъ своихъ направленіяхъ цѣлый рядъ пробокъ. Эти пробки должны быть сбиты безъ промедленія, если можно такъ выразиться „на ходу“, иначе вокругъ нихъ быстро начнетъ наростать фронтъ и главная масса непріятеля начнетъ отъ насъ отрываться.

Вотъ тутъ то современная техника даетъ кавалеріи могучее средство.

Одно изъ этихъ средствъ — это танки.

Другое изъ этихъ средствъ это бронированные аэропланы, вооруженные пулеметами и пушками для обстрѣливанія съ небольшой высоты.

Налетая на тѣ непріятельскія группы, которыя будутъ пытаться наскоро собравшись оказать тамъ и сямъ сопротивленіе, они помогутъ кавалеріи быстро снять эти „пробки“ съ своего пути.

Если бы нѣмцы и австрійцы примѣнили это средство при преслѣдованіи нашихъ армій, въ Іюлѣ 1917 года, нашей конницѣ, подкрѣпленной самокатными ротами и отдѣльными пѣхотными частями не удалось бы задерживать непріятеля на тѣхъ укрѣпленныхъ линіякъ, на которыхъ не въ состояніи были обороняться массы нашей пѣхоты; главнымъ силамъ нашихъ армій не удалось бы „оторваться“ и операція закончилась бы полнымъ уничтоженіемъ трехъ русскихъ армій.

Чтобъ закончить очеркъ дѣйствій кавалеріи на фронтѣ, остает-

ся упомянуть о томъ періодѣ, который отсутствовалъ въ минувшую войну на французскомъ театрѣ. Перемиріе было заключено до того, какъ фронтъ нѣмцевъ разбился на мелкіе куски.

А это должно было случиться — таковъ законъ конца войны.

Этотъ періодъ войны особенно интересенъ для конницы. Напомнимъ еще разъ, что врагомъ кавалеріи является не современная „техника", а „непрерывность пѣхотнаго фронта". Если прибавить къ этому, что раздробившійся непріятельскій фронтъ состоитъ въ это время изъ людей потерявшихъ вѣру въ себя и своихъ начальниковъ, изъ людей находящихся во власти болѣзненно развитого воображенія, то читатель согласится, что это тотъ періодъ войны, когда конница становится главнымъ родомъ войскъ.

И здѣсь техника явится могущественнымъ пособникомъ кавалеріи по шоссейнымъ и желѣзнымъ дорогамъ, т. е. на направленіяхъ, на которыхъ непріятель будетъ пытаться прежде всего вновь создать организованное сопротивленіе, выдвинутся броневые автомобили и броневые поѣзда, которые быстро привезутъ пушки и пулеметы и помогутъ „на ходу" сломить зачатки всякаго сопротивленія.

Гражданская война въ Россіи даетъ много примѣровъ работы конницы въ условіяхъ раздробленнаго фронта и морально неустойчивыхъ войскъ. Набѣгъ казаковъ Мамонтова въ тылъ большевиковъ въ Сентябрѣ 1919 года представляетъ собой картину крупной кавалерійской операціи, по масштабу равной дѣйствіямъ американской конницы въ войну 1860—64 г.г. Набѣгъ Мамонтова вызвалъ у большевиковъ крикъ: „пролетаріи на коня". И вотъ, кавалерія, плохо снаряженная, плохо обученная, плохо управляемая начальниками вродѣ Буденнаго, всетаки заставляетъ говорить о себѣ газеты всего міра.

Почему?

Потому, что это была хотя и плохая кавалерія, но все-таки кавалерія.

ОЧЕРКЪ III-й.

КАВАЛЕРІЯ НА ФЛАНГѢ И ВЪ ТЫЛУ.

Вслѣдствіе ошибокъ въ нашемъ стратегическомъ развертываніи и неумѣлаго управленія IV арміи, въ первый же день нашего наступленія въ Галицію на правомъ флангѣ Юго-Западнаго фронта произошла катастрофа. Стратегическія послѣдствія этой катастрофы могли отразиться проваломъ операціи всего фронта. Наступавшій на правомъ флангѣ IV арміи XIV армейскій корпусъ, понеся въ бою 10 августа громадныя потери, отскочилъ назадъ на 30 верстъ на фронтъ Хмѣльникъ — Белжице. Удаленіе его праваго фланга отъ Вислы, бывшее въ началѣ наступленія въ 10-15 верстъ, увеличилось теперь до 25 верстъ. Желѣзная дорога Ивангородъ-Люблинъ была обнажена нашей кавалеріей, а упраздненная Сухомлиновымъ крѣпость Ивангородъ представляла собою заманчивый объектъ для дѣйствій нашихъ противниковъ. Какъ показано на схемѣ № 13, на этотъ участокъ были направлены: 12 австрійская дивизія, корпусъ Куммера и германскій корпусъ Войрша.

Обезпеченіе праваго фланга всей Галиційской операціи было возложено на кавалерію: на лѣвомъ берегу Вислы на конницу генерала Новикова, а на правомъ берегу Вислы на конницу генерала князя Туманова. Въ составъ послѣдней входили: 13-ая кавалерійская дивизія и Отдѣльная гвардейская кавалерійская бригада, всего 32 эскадрона и 12 конныхъ орудій.

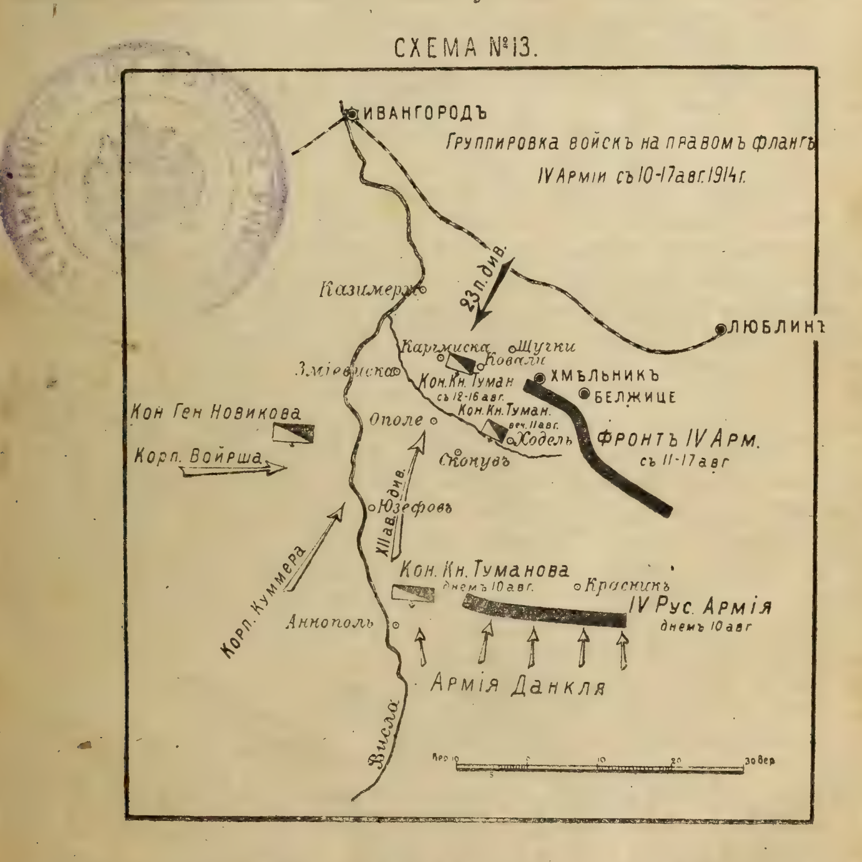
10-го августа конница генерала князя Туманова доблестно исполнила свой долгъ, встрѣтившись съ цѣлой непріятельской пѣхотной дивизіей. На фронтѣ около 12 верстъ спѣшенныя части этой конницы, едва достигавшія по своей силѣ двухъ батальоновъ, старались сдержать напоръ во много разъ превосходящаго противника; на крайнемъ флангѣ Нарвскіе гусары пытались осадить противника конной атакой, но ворвавшись въ мѣстечко Аннополь, они нарвались на поставленные на площади пулеметы и съ большими потерями должны были отойти.

Вмѣстѣ съ отходящей пѣхотой начала отступать и конница. Она отходила перекатами, пользуясь каждымъ удобнымъ рубежомъ, чтобы обстрѣлять пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ надвигавшагося противника. Насколько упорно держалась наша конница лучшимъ

доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что къ наступленію темноты Гродненскій гусарскій полкъ съ конной батареей оказались окруженными въ лѣсу. Только темнота ночи и способность конницы выпутываться изъ подобныхъ положеній позволили этимъ частямъ къ разсвѣту присоединиться къ главнылъ силамъ 13-ой кавалерійской дивизіи.

Въ ночь (см. схему № 13) съ 11 на 12 августа конница кн. Туманова главными силами ночевала у мѣст. Ходель, прикрывая собою

СХЕМА №13.



устраивающіяся послѣ понесенной неудачи части XIV корпуса на позиціи Хмѣльникъ—Белжице. Но на слѣдующій день генералъ князь Тумановъ по собственной иниціативѣ рѣшилъ „отклеиться„ отъ пѣхоты и перешелъ въ раіонъ д. д. Ковали—Корчмиска. Находясь въ этомъ раіонѣ, конница кн. Туманова получала возможность съ одной стороны дѣйствовать въ тылъ частямъ противника, которыя предпримутъ ближній охватъ праваго фланга нашей пѣхоты у Хмѣльника, и въ тоже время для задержанія частей противника, направляющихся для дальняго обхода, использовать болотисто-лѣсистый рубежъ рѣки Ходель не только какъ удобную оборонительную линію, но

главнымъ образомъ какъ „маневренную базу“. Я нарочно употребилъ терминъ „маневренная база“, т. к. посредствомъ пассивнаго занятія сѣвернаго берега р. Ходель вслѣдствіе малочисленности спѣшенныхъ силъ конницы, мы не могли бы держаться столь долго, какъ это требовала обстановка. Оставалось широко использовать наше преимущество надъ пѣхотой—нашу способность къ маневрированію.

Съ утра 13 августа выяснилось, что мы имѣемъ въ своемъ тылу части австрійскаго лѣваго фланга, охватывающаго правый флангъ XIV корпуса у Хмѣльника. Главныя силы нашей конницы повернулись фронтомъ на сѣверъ и перешли въ наступленіе въ этомъ направленіи, причемъ 9-ый Донской казачій полкъ лихой лавой атаковалъ въ конномъ строю части австрійцевъ, занявшихъ съ пулеметами опушку лѣса, что къ западу отъ деревни Щучки. Появленіе нашей конницы въ тылу австрійскихъ частей, наступавшихъ на Хмѣльникъ, заставило ихъ осадить и такимъ образомъ флангъ нашей пѣхоты былъ огражденъ отъ ближняго охвата. Вмѣстѣ съ этимъ это дало намъ возможность на слѣдующій день (14-го авг.) сосредоточить всѣ наши силы въ южномъ направленіи и отбросить за рѣку Ходель перешедшія было передовыя части австрійской пѣхоты. На первыхъ страницахъ предыдущаго очерка я изложилъ одинъ изъ эпизодовъ этого боя, а именно, дѣйствія Гродненскихъ гусаръ. Нѣмецкіе и австрійскіе изслѣдователи первой Галиційской битвы указываютъ, что въ этотъ день сраженіе достигло въ сѣверной группѣ Австро-Венгерскихъ армій своего кризиса; въ то время, какъ правому крылу этой группы былъ нанесенъ ударъ у Лащова, ея лѣвое крыло было остановлено на Ходелѣ.

Для усиленія своего лѣваго крыла австрійцы притягиваютъ съ лѣваго берега корпусъ Куммера. Но конница кн. Туманова не бездѣйствовала. Днемъ 15-го она перешла рѣку Ходель и выбила изъ мѣст. Ополе части австрійской пѣхоты. Въ теченіе этого боя была произведена конная атака Гродненскихъ гусаръ съ двумя эскадронами уланъ Его Величества. Гусары и уланы на плечахъ убѣгающаго противника прорвались на шесть верстъ вглубь расположенія непріятеля до д. Скокувъ. Наступившая темнота и съ другой стороны наступленіе крупныхъ пѣхотныхъ силъ на Ополе, заставившее главныя силы 13-ой кавалерійской дивизіи уйти за р. Ходель, вынудили кн. Туманова вернуть назадъ Гродненскихъ гусаръ.

16-го августа конница кн. Туманова въ спѣшенномъ порядкѣ съ трудомъ удерживала на переправахъ черезъ р. Ходель натискъ австро-венгровъ, къ которымъ подошелъ корпусъ Куммера. Въ ночь на 17-ое къ р. Ходель подошли части 23-ей пѣхотной дивизіи, первой изъ высадившихся дивизій XVIII армейскаго корпуса, подвозившагося изъ Варшавы черезъ Ивангородъ. Такимъ образомъ, въ теченіе семи дней (10—16 августа) 32 эскадрона кн. Туманова выдержали наступленіе 1 2 пѣхотныхъ дивизій и показали, что можетъ сдѣлать кавалерія въ томъ случаѣ, если она сохранитъ свою маневренную способность.

Но на этомъ не ограничилась работа кавалерiи кн. Туманова. Сдавъ переправы черезъ Ходель 23-ей пѣхотной дивизiи, она собралась на правомъ флангѣ этой дивизiи, перешла Ходель и произвела набѣгъ на тылъ Австро-Венгровъ, дѣйствовавшихъ съ фронта противъ 23-ей пѣхотной дивизiи.

Я остановлюсь болѣе подробно на изложенiи этого случая.

——

Въ ночь съ 16-го на 17-е августа 23-я пѣх. дивизiя начала смѣнять наши эскадроны, удерживавшiе на линiи рѣки Ходель все увеличивающiйся натискъ противника.

Ночью же пришло распоряженiе, приказывающее освобождавшейся конницѣ, собравшись къ правому флангу, къ переправамъ у д. Змiевиска, содѣйствовать частямъ нашей пѣхоты, удерживать рубежъ рѣки Ходель до прибытiя высаживающихся съ поѣздовъ остальныхъ частей XVIII арм. корпуса.

Еще въ темнотѣ я поднялъ четыре эскадрона Гродненскихъ гусаръ, находившихся у меня подъ рукой, и лѣсными дорогами, вмѣстѣ съ полкомъ Уланъ Его Величества и 3-ей гв. конной батареей, повелъ къ указаннымъ переправамъ. Двумъ гусарскимъ эскадронамъ, задержавшимся сдачей своихъ участковъ, я приказалъ самостоятельно догонять полкъ.

Къ указаннымъ выше переправамъ должны были также подойти Владимiрскiе уланы, 9-ый Донской казачiй полкъ и 23-я полевая конная батарея.

Разсвѣтъ засталъ насъ въ лѣсу. Послѣ дождливой ночи, день обѣщалъ быть хорошимъ. Люди и лошади устали, т. к. всѣ предыдущiе дни мы провели въ бояхъ и въ только что истекшую ночь мы отдыхали всего нѣсколько часовъ. Да и то отдыхъ былъ неполный; половину лошадей держали засѣдланными, а всѣ гусары спали въ полной боевой готовности. Но такова уже зависимость всякаго живого существа отъ природы. Засверкали солнечные лучи — развеселились насупившiеся люди. Слышались смѣхъ и шутки.

Какъ подбадривающе дѣйствуетъ этотъ солдатскiй смѣхъ, идущiй отъ души и дѣтски веселый. Крѣпнетъ вѣра въ этихъ людей такъ спокойно и увѣренно идущихъ за своимъ командиромъ въ полную для нихъ неизвѣстность.

Съ того берега послышались ружейные выстрѣлы. Вскорѣ они стали отъ насъ удаляться. Это головныя сотни Донцовъ отогнали непрiятеля, находившагося у переправъ, къ которымъ мы шли.

Легкость, съ которой мы отогнали противника, ясно показывала, что онъ мало обратилъ вниманiя на свой лѣвый флангъ.

Судьба намъ улыбалась. Можно было использовать возможность дѣйствовать на флангъ и тылъ непрiятельской пѣхоты, развернувшейся на линiи р. Ходель.

Нашъ командиръ бригады, ген. М., рѣшилъ немедленно же перейти съ нашей бригадой и временно подчиненными ему полками Владимiрскими уланами и Донцами, на тотъ берегъ р. Ходель.

9-му Донскому казачьему полку было приказано — энергично тѣсня отходящія отъ переправъ части противника. идти вдоль рѣки для овладѣнія слѣдующими переправами (схема № 14). Подобными дѣйствіями донцы обезпечивали слѣва проникновеніе глубже въ тылъ остальныхъ полковъ; послѣдніе же были направлены черезъ лѣсъ въ общемъ направленіи на д. Нездуховъ. Для обезпеченія маневра, справа къ выходу изъ лѣса къ госп. д. Лазиска былъ высланъ дивизіонъ Уланъ Его Величества (два эскадрона).

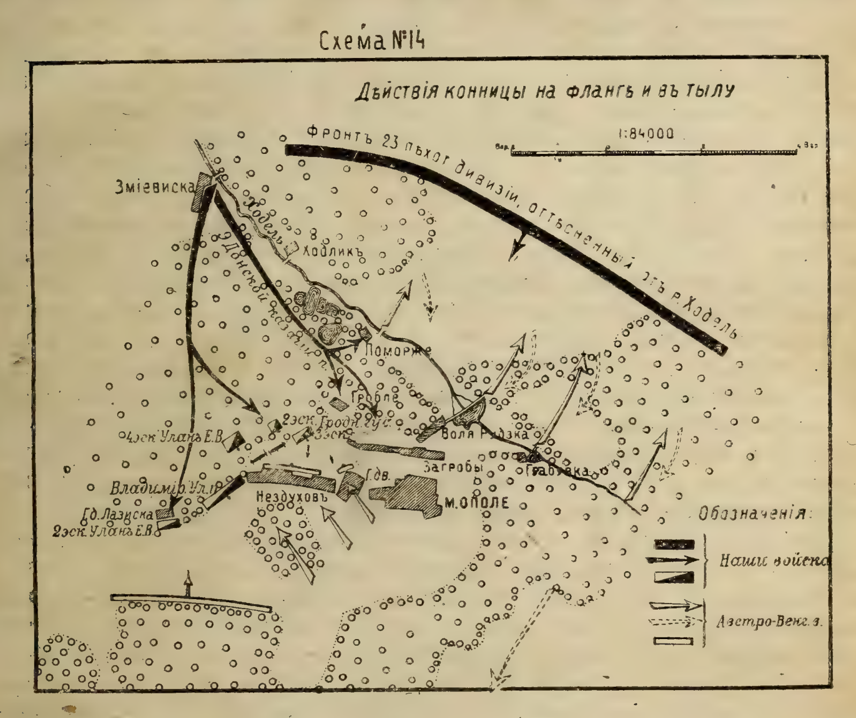
Мосты черезъ Ходель были разрушены. Мы стали переправляться по бродамъ, находившимся вблизи этихъ мостовъ.

Пока шла переправа, ко мнѣ присоединился одинъ изъ моихъ отставшихъ эскадроновъ. Командиръ этого эскадрона доложилъ мнѣ, что пройти по той дорогѣ, по которой прошли мы, онъ не могъ; онъ попалъ подъ непріятельскій ружейный огонь и долженъ былъ принять дальше отъ рѣки, причемъ онъ видѣлъ, какъ наша пѣхота отходила. Сообщенныя имъ свѣдѣнія были мало понятны. Изъ его словъ выходило, что за промежутокъ въ три часа, послѣ того какъ онъ сдалъ оберегаемыя имъ переправы на лѣвомъ флангѣ, наша пѣхота была оттѣснена противникомъ отъ р. Ходель. Правда, что заглушаемый густымъ лѣсомъ, звукъ выстрѣловъ могъ и не дать намъ правильнаго представленія о степени интенсивности боя на фронтѣ нашей пѣхоты. Я пожурилъ этого эскадроннаго командира за то, что онъ не постарался выяснить того, что происходитъ, а для этого ему нужно было только выслать одного офицера съ нѣсколькими гусарами, на менѣе уставшихъ лошадяхъ, съ порученіемъ найти ближайшихъ пѣхотныхъ начальниковъ и узнать у нихъ въ чемъ дѣло. Но этотъ ротмистръ принадлежалъ къ тому типу кавалеристовъ, которые думали, что единственное нужное для кавалериста искусство — это искусство верховой ѣзды и равненіе въ сомкнутыхъ строяхъ. Въ мирное время подобные типы часто преуспѣвали. Съ ихъ упрощеннымъ міровоззрѣніемъ они добивались „чистоты въ отдѣлкѣ" и аттестовывались очень хорошо такими же, какъ они сами, начальниками, видѣвшими въ хорошо съѣзженной смѣнѣ и въ хорошемъ прохожденіи на парадѣ, вѣнецъ подготовки кавалеріи. Какъ часто приходилось страдать отъ подобныхъ дефектовъ въ подготовкѣ въ мирное время нашей кавалеріи. Герои плацпарадовъ и манежа сразу терялись въ сложной современной обстановкѣ; они способны были только къ буквальному выполненію несложныхъ приказаній. Но какъ это было далеко отъ того, что теперь требовала жизнь не только отъ кавалерійскаго офицера, но и отъ кавалерійскаго унтеръ-офицера!

Учтемъ это для будущаго. А пока будемъ помнить: военное дѣло оттого такъ и трудно, что истинная цѣнность идей и людей окончательно можетъ быть познана только на войнѣ. Отсюда масса осложненій, казалось бы ненужныхъ, но всегда сопровождающихъ каждый шагъ боевыхъ дѣйствій и составляющихъ ту „практику" войны, которая такъ сильно отличается отъ многихъ теоретическихъ представленій о ней.

Докладъ моего эскадроннаго командира не могъ повлiять на принятое нами рѣшенiе. Наоборотъ, обстановка какъ будто бы становилась еще болѣе благопрiятной для дѣйствiя во флангъ непрiятелю, т. к. продвигающiйся впередъ противникъ подставлялъ намъ не только флангъ, но и тылъ.

Рѣшенiе могло быть только одно: скорѣе итти впередъ, выйти изъ лѣсовъ у д. Нездуховъ и произвести нападенiе на тылъ непрi-



ятельскаго лѣваго фланга. Мы это и сдѣлали. Но чтобы понять вполнѣ ту обстановку, въ которой развивались наши дальнѣйшiя дѣйствiя, необходимо указать на то, что настоящей связи съ нашей пѣхотой у насъ не было. Посылка ординарцевъ и пользованiе летучей почтой приводитъ къ слишкомъ медленнымъ результатамъ. Въ такiе перiоды связь проволокой обязательна. Вѣдь цѣнность всякаго нападенiя на флангъ заключается въ широкомъ использованiи того моральнаго эффекта, который оно производитъ въ первыя минуты. Использованiе это нуждается въ полной связи дѣйствiй частей наступающихъ съ фронта съ частями, вышедшими во флангъ. Послѣднiя очень часто не представляютъ собою той дѣйствительной силы, которую приписываетъ имъ охваченный противникъ. Когда первое впечатлѣнiе у него пройдетъ, онъ, въ томъ случаѣ, если не будетъ связанъ на фронтѣ энергичной атакой нашихъ войскъ, легко поставитъ нашу обходящую часть въ критическое положенiе. Старый афо-

ризмъ, что „обходящій самъ обойденъ“ остался справедливымъ и теперь.

Въ этомъ положеніи лежитъ психологическое объясненіе многихъ загадокъ, съ которыми приходилось встрѣчаться на войнѣ и надъ которыми будутъ сидѣть историки, выдумывая подходящее объясненіе. Флангъ и тылъ открыты; вотъ, вотъ, туда проникнетъ непріятель и тогда положеніе станетъ безвыходнымъ; но, по какимъ то причинамъ, непріятель продвигается осторожно и критическія минуты проходятъ благополучно... Почему? Да, просто потому, что начальникъ непріятельской части побоялся войти въ глубь, опасаясь за свои фланги. Я знаю такой казалось бы совершенно непонятный случай: кавалерійская бригада съ конной батареей выходитъ во флангъ непріятельскаго обоза; командиръ бригады вмѣсто того, чтобы стремиться забрать еще дальше вглубь, т. е. ближе къ головѣ обоза, и пересѣчь непріятельскому обозу путь отступленія, принимаетъ въ обратную сторону и завязываетъ бой съ прикрытіемъ головной части обоза. Результатъ: захвачена только часть обоза, остальныя повозки ушли. Почему это случилось? Командиръ бригады неоднократно передъ этимъ случаемъ проявлялъ изъ ряда выдающееся личное мужество, такъ что вопросъ о недостаткѣ храбрости въ данномъ случаѣ отпадаетъ. Обвинять его въ неумѣніи разобраться въ столь элементарной обстановкѣ тоже не приходится; онъ много разъ хорошо разбирался въ болѣе сложныхъ задачахъ. Въ чемъ же дѣло? Причина исключительно психологическая: бригада уже и такъ далеко оторвалась отъ своихъ силъ и опасеніе быть самому отрѣзаннымъ проявлялось особенно остро.

Въ разсматриваемомъ нами случаѣ нападенія на непріятельскій флангъ у д. Нездуховъ, установленіе сразу же технической связи со штабомъ 23-ей пѣхотной дивизіи значительно облегчило бы нашу работу не только матеріально, но и морально. Необходимо еще при обученіи войскъ въ мирное время настойчиво добиваться, чтобы пѣхота, ожидающая содѣйствія отъ своей конницы на флангѣ, заблаговременно сама выбрасывала бы впередъ къ опредѣленнымъ пунктамъ, линіи связи, къ которымъ кавалерія будетъ привязываться своими средствами.

———

Наши главныя снлы втянулись въ лѣсъ, лежащій на лѣвомъ берегу р. Ходелъ.

Я находился при генералѣ М., который шелъ при авангардѣ. Приблизительно черезъ часъ мы достигли выходовъ изъ лѣса. Передъ нами открывалась панорама открытой, волнообразной мѣстности, на которой находился рядъ деревень. Ближе всѣхъ, въ верстѣ отъ насъ лежала деревня Нездуховъ. Дальше виднѣлся господскій домъ Ополе и окраины мѣстечка Ополе, скрытаго въ одной изъ котловинъ.

Въ это время прискакалъ ординарецъ отъ донцовъ, доложившій, что казаки неожиданной атакой выбили противника изъ д. Поморже, причемъ захватили въ плѣнъ лазаретъ австрійской дивизіи.

Донцы, продолжая тѣснить отходящаго въ безпорядкѣ непріятеля, ведутъ дальнѣйшее наступленіе на д. д. Гробля и Загродье.

Становилось совершенно яснымъ, что мы вышли въ тылъ лѣваго фланга австрійской пѣхоты, перешедшей Ходель.

Генералъ М. приказалъ двумъ нашимъ коннымъ батареямъ выдвинуться на опушку лѣса и открыть огонь по селенію Нездуховъ и по господскому дому Ополе. Отлично было видно въ бинокль, какой страшный переполохъ произвелъ нашъ огонь на непріятеля. Люди въ одиночку и группами, выбѣгали изъ домовъ и скрывались въ складкахъ мѣстности. Но очень скоро съ окраинъ деревень наши наступающія части были встрѣчены упорядоченнымъ ружейнымъ огнемь. Тѣмъ не менѣе шесть спѣшенныхъ эскадроновъ Владимірскихъ уланъ и три эскадрона Гродненскихъ гусаръ выбили противника изъ д. Нездуховъ. Думаю, что открытіе нашего артиллерійскаго огня было преждевременнымъ.

Черезъ довольно значительный промежутокъ времени послѣ начала нашего обстрѣла мы увидѣли, какъ по возвышенности поднимавшейся за лѣсомъ къ востоку отъ м. Ополе поспѣшно отходили въ южномъ направленіи большія пѣхотныя части противника; вперемежку съ пѣхотой шла артиллерія и обозы. Но все это происходило въ удаленіи отъ насъ, превосходящемъ пушечный выстрѣлъ. Во всякомъ случаѣ можно было воочію видѣть, что наше нападеніе на флангъ и тылъ непріятеля произвело на него сильное впечатлѣніе.

Генералъ М., человѣкъ энергичный, сильно горячился. Дѣйствительно, досадно было смотрѣть на это отступленіе противника и не имѣть возможности еще болѣе надавить на него, т. к. фронтъ нашей развернувшейся конницы удерживался все усиливающимися частями непріятеля. Мы разъѣзжали съ ген. М. вдоль фронта, въѣзжали въ расположеніе цѣпей; онъ все хотѣлъ прорваться впередъ. Мы напоминали собой дикаго звѣря, мечущагося по клѣткѣ. Въ эти минуты мнѣ пришлось ясно увидѣть, какія громадныя требованія предъявляются современному кавалерійскому начальнику. Въ немъ должны сочетаться бурная энергія и ледяное хладнокровіе. Благодаря нашему мотанію вдоль фронта, мы утратили связь со своими частями. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ ординарцевъ, тоже рыскающихъ, отыскивая генерала М. на полѣ сраженія — ординарцевъ на вымотавшихся лошадяхъ, попадающихъ въ сферу сильнаго огня.... сколько шансовъ на то, что они не доѣдутъ до начальника, а если и доберутся до него, то съ такимъ промедленіемъ, что ихъ донесеніе теряетъ практическую цѣнность.

Управленіе боемъ было выпущено изъ рукъ и старшій начальникъ сталъ дѣйствовать только на основаніи личнаго впечатлѣнія отъ того участка, который былъ передъ его глазами.

Между тѣмъ, внѣ нашего поля зрѣнія происходило слѣдующее: 9-ый Донской казачій полкъ удачно продвигался впередъ, захвативъ д. Градлю и опять плѣнныхъ. Такимъ образомъ австрійцы, оттѣснившую нашу пѣхоту отъ рѣки Ходель и перешедшіе эту рѣку, сами оказывались въ мѣшкѣ. Само собою напрашивалось рѣшеніе,

въ виду невозможности давить прямо передъ собою, уклонить главное направленіе нашего удара влѣво — ближе къ казакамъ и, обезпечиваясь справа, продолжать рѣшительное наступленіе для захвата переправъ у Воля Рудзка и Грабувка. Для немедленнаго выполненія этого въ нашемъ распоряженіи находились въ резервѣ шесть эскадроновъ (четыре эскадрона уланъ Его Величества и два эскадрона Гродненскихъ гусаръ).

Во время нападенія кавалеріи на флангъ и тылъ почти всегда наступаетъ такой моментъ, когда начальникъ долженъ сумѣть ограничить свою задачу.

Тактически это выражается въ томъ, что начальникъ измѣняетъ направленіе своего наступленія, приближая его къ своимъ войскамъ, дѣйствующимъ на фронтѣ. Конечно, тутъ нельзя дать никакихъ рецептовъ. Это дѣло таланта начальника, его чутья, потому что въ томъ случаѣ, когда непріятель совершенно деморализованъ и начинаетъ общее отступленіе, ему придется наоборотъ отклонять направленіе дѣйствій съ цѣлью скорѣе перейти къ параллельному преслѣдованію.

Однимъ словомъ, при дѣйствіяхъ на флангѣ отъ конницы требуется не только порывъ, но и маневръ.

Для того, чтобы искусство кавалерійскаго начальника могло проявиться, требуются слѣдующія условія:

1) онъ долженъ сохранить въ себѣ полную способность къ спокойному обсужденію всей совокупности обстановки,

2) онъ долженъ установить прочную и скорую связь со всѣми своими частями.

Эти условія нужны для веденія каждаго боя. Но для веденія боя на флангѣ и въ тылу эти требованія являются главенствующими надъ всѣми. Вслѣдствіе этого кавалерійскій начальникъ во время флангового маневра долженъ умѣть сразу же выбрать себѣ удобную точку стоянія и избѣгать дальнѣйшаго передвиженія.

Былъ шестой часъ вечера. Противникъ, оправившійся отъ перваго впечатлѣнія, сталъ сильно давить на нашъ правый флангъ (Владимірскіе уланы). Вмѣстѣ съ этимъ противъ дивизіона уланъ Его Величества, обезпечивавшаго нашъ правый флангъ отъ обхода, начали накапливаться очень большія пѣхотныя силы.

Генералъ М. приказалъ всей конницѣ отходить назадъ къ переправамъ у д. Зміевиска. А между тѣмъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ казаки продолжали успѣшно продвигаться впередъ, угрожая совершенно отрѣзать пути отступленія лѣвофлаговыхъ частей австрійской пѣхоты. Какъ выше мы уже говорили управленіе боемъ было выпущено изъ рукъ.

Мы отошли къ переправамъ у д. Зміевиска.

На слѣдующій день мы узнали, что 23-ей пѣхотной дивизіи попали въ плѣнъ: командиръ австр. бригады, 1800 плѣнныхъ, 15 пулеметовъ и 3 пушки. Если бы мы поддержали нашихъ казаковъ и не поторопились бы уйти, въ наши руки попалась бы не часть бригады, а вся австрійская дивизія.

Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ дѣйствія конницы во флангъ и въ тылъ въ минувшую войну. Несмотря на ошибки, которыя были сдѣланы (онѣ всегда дѣлаются), результаты были значительные. Непріятель сдалъ на фронтѣ изъ за угрозы его тылу.

Если разсуждать, принимая во вниманіе только матеріальную сторону явленій войны, придется согласиться, что въ дѣйствительности угроза эта была пустяковая: 24 усталыхъ эскадрона и 12 пушекъ съ очень ограниченнымъ запасомъ снарядовъ. Въ дѣйствительности картина была такова: слабенькія силы вклинились между двумя гораздо болѣе сильными массами. Стоило только этимъ массамъ захотѣть и онѣ шутя раздавили бы насъ. Но въ томъ то дѣло, что на войнѣ рѣшающее значеніе имѣютъ не одни матеріальные факторы. Противникъ въ дѣйствительности сильнѣйшій, но считающій себя болѣе слабымъ — оказывается таковымъ.

Противникъ дезорганизованъ неожиданностью — онъ опять становится временно слабымъ. Вотъ почему какія бы усовершенствованія не принесла бы будущая техника — кавалерія всегда будетъ существовать. Она сойдетъ со сцены тогда, когда борьба лишится психологической стороны и сведется къ одному математическому подсчету матеріальныхъ силъ. А этого никогда не будетъ. Природа человѣка въ своихъ основахъ остается неизмѣнной.

Я предлагаю читателю задуматься надъ вопросомъ: не могло бы быть сдѣлано батальономъ пѣхоты то, что было сдѣлано 24 эскадронами въ описываемомъ мною эпизодѣ?

Увѣренно отвѣчу — нѣтъ.

Батальонъ пѣхоты далъ бы тоже число ружей, но онъ не могъ бы дать ни той быстроты маневра, ни такой же ширины его. Кромѣ того можно поручиться за то, что если даже какой нибудь командиръ батальона рѣшился бы на столь рискованную операцію, онъ бы не ушелъ со своимъ бальономъ изъ мѣшка, въ который влѣзъ.

Здѣсь умѣстно будетъ коснуться вопроса о поддержкѣ частями пѣхоты дѣйствій конницы въ подобныхъ операціяхъ. Въ очеркѣ работы кавалеріи на фронтѣ я усиленно подчеркивалъ большое значеніе этой помощи. При дѣйствіяхъ на флангѣ и въ тылу обстановка складывается иначе. Въ этихъ случаяхъ все зависитъ отъ быстроты маневрированія. Пѣхота стѣснитъ, и что еще хуже — конница можетъ ее подвести. Къ глубокому сожалѣнію, въ минувшую войну это часто случалось. Да и по существу, какъ мы неоднократно уже указывали, при нападеніяхъ на флангъ и тылъ дѣло заключается не въ реальной силѣ нападающаго, а въ воздѣйствіи на воображеніе противника.

Примѣненіе частей пѣхоты, приданныхъ конницѣ во время ея фланговыхъ операцій, можетъ быть слѣдующее:

1) на внутреннемъ флангѣ (примыкающемъ къ нашимъ войскамъ); въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ онѣ могли быть направлены съ нашимъ казачьимъ полкомъ;

2) въ видѣ репли въ тылу; въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ на нихъ могла быть возложена охрана переправъ черезъ Ходель у д.

Зміевиска; намъ пришлось для этой цѣли задержать въ тылу шедшій намъ на присоединеніе Нарвскій гусарскій полкъ.

Мы настаиваемъ на томъ, что примѣненіе частей пѣхоты, приданныхъ конницѣ на внѣшнемъ флангѣ какъ общее правило недопустимо.

Разсмотримъ теперь вопросъ объ использованіи конницей при операціяхъ на флангѣ различнаго рода средствъ техники.

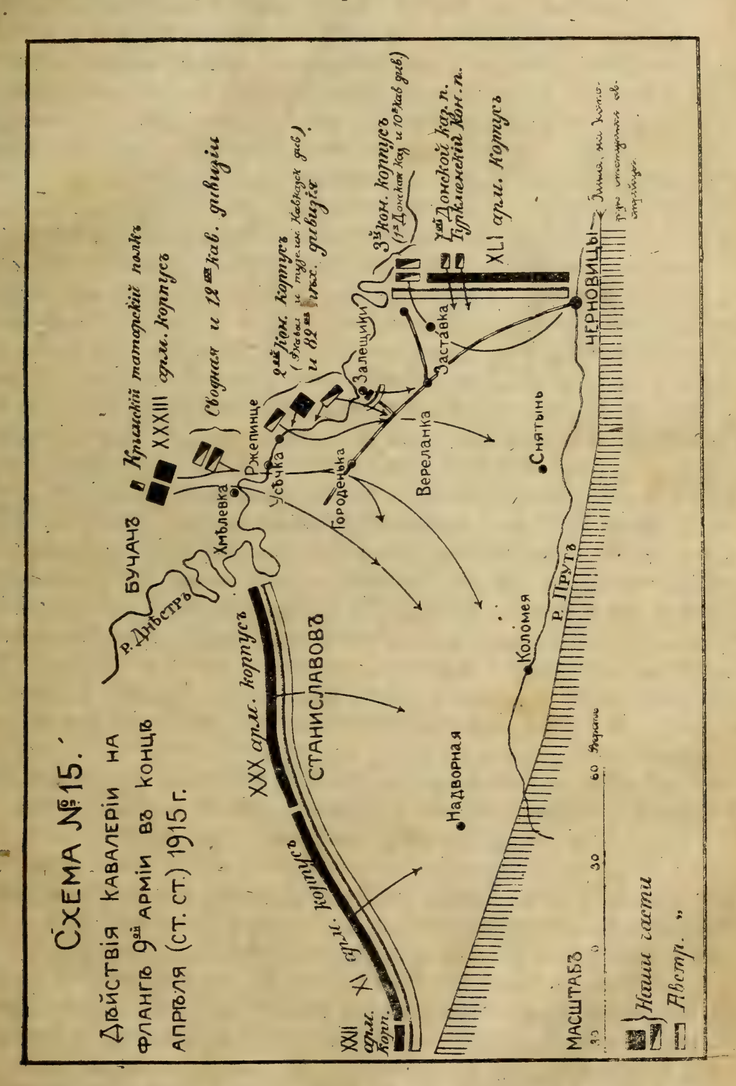
Танки съ нами не поспѣли бы и только стѣснили бы нашъ маневръ. Бронированные автомобили могли принести большую пользу и на фронтѣ нашей конницы и на нашемъ внѣшнемъ флангѣ; они дали бы намъ прекрасныя точки опоры. Въ раіонѣ, въ которомъ происходила операція не было шоссе, дороги же послѣ дождя распустились; переправы черезъ Ходель были уничтожены. Задерживать маневръ изъ-за отсутствія броневыхъ автомобилей не приходилось. Но слѣдуетъ сказать, что кавалерія, нападающая на флангъ и тылъ, должна стремиться широко использовать броневые автомобили. Принесутъ также большую пользу бронированные аэропланы.

На первое мѣсто среди той помощи, которую кавалерія при своихъ фланговыхъ маневрахъ попроситъ у техники, должно быть поставлено быстрое установленіе прочной технической связи.

Мы упоминали выше, что использованіе нападенія на флангъ и въ тылъ можетъ быть достигнуто только при полномъ содѣйствіи фронта. Это вѣрно не только для тактическихъ охватовъ, но и въ отношеніи глубокихъ рейдовъ въ тылъ. Въ русско-японскую войну, въ 1905 году, ген. Мищенко произвелъ глубокій набѣгъ въ тылъ японцевъ (у Инкоу). Реальныхъ результатовъ этотъ рейдъ не далъ, т. к. представлялъ собою изолированную операцію; японцы свободно взяли съ фронта части войскъ, которыя остановили развитіе набѣга; разрушенія же, произведенныя нашей конницей, были быстро починены. Безъ установленія технической связи между войсками, дѣйствующими на фронтѣ, съ конницей, дѣйствующей во флангъ и тылъ, необходимое согласованіе достигнуть невозможно. Предположимъ, что XVIII армейскій корпусъ выкинулъ рукавъ проволочной связи до д. Зміевиска; тогда конницѣ нужно было на ходу же тянуть телефонную связь за собою. Руководство боемъ разбросавшимися частями (9-мъ Донскимъ казачьимъ полкомъ, дивизіономъ уланъ Его Величества и другими...) требовало тоже проволоки, проволоки и проволоки. При дѣйствіяхъ на фронтѣ кавалерія тоже ведетъ бой на широкомъ пространствѣ; и въ этомъ случаѣ требуется техническая связь. Но бой на флангѣ требуетъ болѣе тонкаго, гибкаго маневрированія; донесенія, оріентирующія начальника, должны достигать его быстрѣе; перегруппировки въ подобныхъ бояхъ болѣе радикальны и приказанія начальника должны скорѣе поспѣвать на мѣста. Большимъ подспорьемъ служатъ мотоциклетки и въ будущемъ безпроволочный телефонъ.

И все-таки главнымъ техническимъ средствомъ для нападенія во флангъ и тылъ является всадникъ со своей винтовкой, въ сопровожденіи возможно болѣе дальнобойныхъ пушекъ и пулеметовъ.

Изложу теперь примѣръ дѣйствія кавалеріи на флангѣ въ болѣе широкомъ масштабѣ. Въ этой операціи мнѣ пришлось принять участіе уже не какъ непосредственному исполнителю, а въ качествѣ генералъ-квартирмейстера штаба арміи.



Въ апрѣлѣ 1915 года IX-ой арміи приказано было перейти въ наступленіе. Фронтъ, занимаемый этой арміей, былъ чрезвычайно растянутъ — около 250 верстъ (см. схему № 15). Правый флангъ (XXII и XI хорпуса) находился на Карпатахъ и ихъ предгоріяхъ. Начинать прорывъ тамъ было тактически очень трудно. Центръ (XXX корпусъ), примыкавшій своимъ правымъ флангомъ къ предгоріямъ Карпатъ,

уклонялся затѣмъ къ сѣверу, описывая дугу вокругъ г. Станислава и примыкая къ Днѣстру. Въ мартѣ мѣсяцѣ мы пробовали прорвать здѣсь непріятеля. Но это не удалось. Послѣ этого противникъ еще болѣе укрѣпился и оплелся проволокой. Нашъ лѣвый флангъ протягивался по лѣвому берегу Днѣстра и затѣмъ, перейдя Днѣстръ, рѣзко поворачивалъ на югъ и примыкалъ къ румынской границѣ. За Днѣстромъ стояла конница, поддержанная пѣхотными дивизіями. На участкѣ праваго берега Днѣстра стояли только что сформированныя, изъ ополченскихъ частей, двѣ дивизіи XLII-го корпуса. Мы пытались прорваться черезъ Днѣстръ у Залещиковъ. Но это тоже привело только къ кровавымъ боямъ. Перейдя у Залещиковъ черезъ Днѣстръ, распространиться мы не смогли. Въ результатѣ мы были закупорены и тактическое положеніе нашихъ войскъ у Залещиковъ на томъ берегу было очень трудное. На участкѣ нашего лѣваго фланга, лежавшаго на правомъ берегу Днѣстра, тактическія условія были выгодныя, но здѣсь у насъ стояли ненадежныя части, не только не способныя къ наступленію, но и къ серьезной оборонѣ; къ тому же онѣ въ это время были еще вооружены устарѣлыми не скорострѣльными ружьями образца 1877 года (такъ называемыя Берданки). Правда, противъ нихъ непріятельскія части были такого же качества — ополченскія части Поппа. Но эти части были поддержаны хорошей венгерской пѣхотной дивизіей.

Для усиленія IX-ой арміи были направлены части XXXIII корпуса, только что прибывшаго изъ Маньчжуріи (двѣ дивизіи Заамурской пограничной стражи). Подводъ этихъ частей къ нашему лѣвому флангу на правомъ берегу Днѣстра привлекъ бы вниманіе противника и сразу бы обнаружилъ наши намѣренія. Мы вызвали бы съ его стороны переброску войскъ къ его правому флангу, что, въ виду трудности перебросокъ, для насъ было крайне нежелательно. Вслѣдствіе этого, въ основу нашего плана дѣйствій легли слѣдующія основныя идеи.

Сосредоточить прибывающій XXXIII корпусъ въ раіонѣ Бучачъ. Подобное сосредоточеніе скрывало наши карты до послѣдней минуты, т. к., въ виду производившихся уже нами попытокъ прорвать непріятельскія позиціи къ югу отъ г. Станиславова, противникъ совершенно естественно могъ объяснить это сосредоточеніе нашимъ желаніемъ повторить атаку въ этомъ направленіи.

Ударъ свой мы рѣшили направить черезъ Днѣстръ, въ раіонѣ д.д. Хмѣлева и Ржепинце съ тѣмъ, чтобы затѣмъ выйти во флангъ и тылъ непріятельскимъ позиціямъ къ югу отъ Станиславова. Тщательное изученіе и фотографированіе непріятельскихъ укрѣпленныхъ линій подтверждало, что непріятель не ожидалъ подобнаго направленія нашего главнаго удара. Намъ же подобное направленіе главнаго удара позволяло широко использовать нашу многочисленную кавалерію, усиленную прибытіемъ еще III-го кавалерійскаго корпуса.

Пока XXXIII корпусъ сосредоточивался, развѣдывалъ пункты переправъ и подготовлялся къ переправѣ, наша конница перегруппировывалась для занятія сразу выгоднаго исходнаго положенія.

Съ этой цѣлью, въ распоряженіе командира XXXIII корпуса были приданы двѣ кавалерійскія дивизіи: Сводная и 12-ая кавалерійская, объединенныя подъ общимъ начальствомъ ген. М. Задачей этого своднаго кавалерійскаго корпуса было — энергичное и быстрое использованіе прорыва, сдѣланнаго XXXIII корпусомъ въ общемъ направленіи на Городенька—Коломея. Эта кавалерія должна была прежде всего содѣйствовать дальнѣйшему наступленію XXXIII корпуса, дѣйствуя въ тылъ непріятельскимъ частямъ, которыя пожелаютъ задерживать наступленіе нашей пѣхоты, цѣпляясь за рядъ заблаговременно приготовленныхъ въ тылу позицій. Вмѣстѣ съ тѣмъ конница ген. М. своимъ продвиженіемъ на Городеньку, помогала частямъ сосѣдняго съ ней 2-го кавалерійскаго корпуса, переправиться черезъ Днѣстръ у Усѣчко. Необходимость тѣсной связи въ работѣ конницы ген. М. съ дѣйствіями XXXIII корпуса заставила насъ подчинить этотъ конный корпусъ командиру XXXIII корпуса. Если прибавить къ этой группѣ конницы еще шесть эскадроновъ полка Крымскихъ татаръ, (корпусная конница XXXIII корпуса) — общій итогъ кавалеріи, намѣченной для дѣйствій въ направленіи на Коломея достигалъ 52 эскадроновъ.

2-ой кавалерійскій корпусъ былъ оставленъ въ непосредственномъ подчиненіи командующему арміей. Для связи съ нимъ, распоряженіемъ и средствами штаба арміи, устанавливалось телеграфное сообщеніе до штаба корпуса, оборудованное аппаратами Юза. Для усиленія средствъ корпуса по установленію связи между своими частями и также съ сосѣдями въ распоряженіе штаба 2-го кавалерійскаго корпуса была передана телеграфная рота. Кромѣ того штабу 2-го кавалер. корпуса была придана одна большая станція искрового телеграфа.

2-му кав. корпусу было приказано: перейдя главными силами Днѣстръ въ раіонѣ Усѣчко, двинуться на югъ въ тылъ австрійскимъ частямъ, защищавшимъ Днѣстръ къ востоку отъ Усѣчко и открыть путь для дебушированія остальныхъ частей XXXIII корпуса у Залещики. Послѣ этого быстро двинуться въ общемъ направленіи на Снятынь для захвата переправъ на рѣкѣ Прутъ. Если ко времени дебушированія изъ Залещикъ, 3-му кав. корпусу не удастся еще продвинуться впередъ, то оказать сильнѣйшее давленіе въ направленіи на Заставну, въ тылъ австрійцамъ, задерживающимъ наступленіе 3-го кав. корпуса. Сила 2-го кав. корпуса состояла изъ 9-ой кав. дивизіи—24 эскадрона и Туземной Кавказской дивизіи—24 сотни. Кромѣ того командиру 2-го кав. корпуса была подчинена 82-я пѣхотная дивизія, одинъ полкъ которой занималъ тетъ-де-понъ у Залещики.

Къ нашему лѣвому флангу, на правомъ берегу Днѣстра, былъ сосредоточенъ 3-й кав. корпусъ графа Келлера, состоявшій изъ 10-й кав. дивизіи и 1-ой Донской казачьей дивизіи (48 эск.). Этому корпусу, тоже оставленному подъ непосредственнымъ руководствомъ штаба арміи, была дана задача прорваться черезъ позиціи противника у Окна и быстрымъ движеніемъ къ Черновицамъ дѣйствовать въ тылъ отходящимъ за Днѣстръ австрійцамъ.

Какъ выше упоминалось, на нашемъ лѣвомъ флангѣ расположенъ былъ XLII корпусъ по своимъ качествамъ неспособный къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ. Центръ тяжести дѣйствій переносился всецѣло на 3-й кавалерійскій корпусъ графа Келлера, поэтому на время операцій XLII корпусъ былъ подчиненъ графу Келлеру. Предполагалось, что можно будетъ использовать нашихъ ополченцевъ только на „буксирѣ“ нашей кавалеріи. Для оборудованія технической связи 3-го кавалерійскаго корпуса со штабомъ арміи и внутри корпуса, были приняты тѣ же мѣры, какъ и по отношенію 2-го кавалерійскаго корпуса.

Изъ изложеннаго видно, что основной идеей нашего плана являлся вводъ кавалеріи сразу на широкомъ фронтѣ. Я обращаю особое вниманіе читателей на это, т. к. причина неудачи многихъ попытокъ ввести въ дѣло массы конницы заключалась обыкновенно въ томъ, что, преувеличивая ударную способность кавалеріи, массы ея выпускались на слишкомъ узкомъ фронтѣ, вслѣдствіе этого дѣйствія ихъ скоро замирали, сжимаясь прибывающей на подкрѣпленіе пѣхотой.

Въ данномъ случаѣ обстановка благопріятствовала широкому развертыванію. Бѣглый взглядъ на приведенную схему (№ 15) покажетъ, какъ прорывъ, сдѣланный XXXIII корпусомъ и расширенный приданными ему кавалерійскими давизіями въ направленіи на Городеньку, открывалъ путь 2-му кавалерійскому корпусу, а дѣйствія 2-го кавалерійскаго корпуса на Вереланку открывали дорогу 3-му кавалерійскому корпусу.

Самая трудная задача выпадала на послѣдній - ему приходилось пробиваться собственными силами черезъ позиціи, окутанныя проволокой; графъ Келлеръ не могъ расчитывать на помощь пѣхоты XLII корпуса и кромѣ того онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи тяжелой артиллеріи. Положеніе дѣла облегчалось тѣмъ, что можно было ожидать, что переправа XXXIII корпуса заставитъ непріятеля перебросить противъ него ту гонведную дивизію, которая служила подпоркой австрійскаго ополченія, а скверная пѣхота не сумѣетъ усидѣть и въ окутанныхъ проволокой укрѣпленіяхъ.

Во главѣ III-го кавалерійскаго корпуса стоялъ графъ Келлеръ, представлявшій собою выдающагося кавалерійскаго начальника. Онъ пользовался слѣпымъ довѣріемъ солдатъ и ихъ глубокой любовью. Лично безумно храбрый онъ обладалъ въ тоже время и рѣшительностью въ широкомъ стратегическомъ масштабѣ. Для предполаемой операціи онъ былъ незамѣнимъ.

Вмѣстѣ съ этимъ графъ Келлеръ принадлежалъ къ тому типу начальниковъ, которые, получая приказаніе вести рѣшительную атаку, дѣйствительно вели ее съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Часто приходилось встрѣчать другое. Начальники были рѣшительными только въ донесеніяхъ и изложенное ими на бумагѣ не соотвѣтствовало напряженію и упорству, проявленному въ дѣйствительности. Говоря объ этомъ, я не хочу бросать огульнаго обвиненія въ несостоятельности многихъ нашихъ среднихъ начальниковъ. Причина лежала не

въ нихъ. Съ самаго начала войны наши высшіе начальники предъявляли большею частью столь непосильныя требованія, что, какъ всегда это бываетъ, жизнь въ видѣ корректива ввела во взаимныя отношенія обманъ. Подчиненный вынужденъ былъ иногда прибѣгать къ этому обману для спасенія своей части, т. к. возложенная задача была абсолютно невыполнима; переписка или переговоры съ высшимъ начальствомъ, нетерпимость котораго всегда пропорціальна его невѣжеству, не могли привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Вотъ почему, прежде чѣмъ предъявить требованіе прорвать собственными силами конницы укрѣпленныя линіи непріятеля, я долго говорилъ лично по аппарату съ графомъ Келлеромъ и условился, что приказаніе приступить къ прорыву будетъ послано только тогда, когда буду навѣрное знать, что австрійцы значительно ослабили свою пѣхоту на участкѣ противъ III-го кав. корпуса. Самъ графъ Келлеръ вѣрилъ въ успѣхъ и хотѣлъ попытаться прорвать и потому приходилось быть очень внимательнымъ къ редакціи посылаемаго ему приказанія.

Воздушная развѣдка за нѣсколько дней до начала операціи опредѣленно начала выяснять переброску войскъ противника изъ раіона Окна и Заставна по направленію къ Городенькѣ. Обнаружено было скопленіе подвижныхъ составовъ на всѣхъ прилегающихъ къ раіону этихъ селеній станціяхъ и усиленное движеніе поѣздовъ. Показанія, захваченныхъ для контроля, плѣнныхъ тоже подтверждали происходящую внутри перегруппировку, въ виду того что австрійское командованіе не разсчитываетъ на привозъ подкрѣпленій извнѣ. Эти данныя были мною сообщены графу Келлеру съ указаніемъ, что начать дѣйствія онъ долженъ одновременно съ XXXIII корпусомъ, дабы не допустить дальнѣйшую переброску противъ послѣдняго, которому, какъ видно выше, тоже предстояла деликатная операція—переправа черезъ р. Днѣстръ. Такимъ образомъ мы рѣшили не ждать выхода въ тылъ II-го кав. корпуса, послѣдній къ тому-же доносилъ, что противъ Залещикскаго тетъ де пона непріятель сосредотачиваетъ силы, подводя ихъ повидимому со всего праваго фланга на правомъ берегу Днѣстра.

Въ назначенный день, на разсвѣтѣ, XXXIII корпусъ началъ переправу черезъ Днѣстръ: одной дивизіей у д. Хмѣлева, другой дивизіей у д. Ржепинце. Противникъ не ожидалъ нашей переправы и обѣ дивизіи быстро преодолѣли встрѣченное сопротивленіе. Уже въ полдень на тотъ берегъ Днѣстра переправились: Сводная и 12-ая кав. дивизіи. Къ сѣверу отъ Городеньки Сводная дивизія атаковала противника; болѣе 15-ти эскадроновъ дѣйствовали въ конномъ строю, остальные содѣйствовали атакой въ пѣшемъ строю.

Во время этого боя произошелъ слѣдующій интересный случай. Одинъ изъ Заамурскихъ конныхъ полковъ атаковалъ въ конномъ строю части германскаго фусъ батальона (кажется 6-ой кав. дивизіи). Германцы стали въ безпорядкѣ отходить. Но на пути несущейся лавы Заамурцевъ встрѣтилась канава; маленькія манчжурки,

на которыхъ сидѣли Заамурцы, не могли перепрыгнуть черезъ нее; всадники заметались передъ канавой. Германскіе стрѣлки пріостановились и открыли бѣшенный ружейный огонь. Я видѣлъ потомъ это поле. Оно было усѣяно трупами бѣлыхъ лошадей. Но, къ счастью, слѣдовавшій на флангѣ эскадронъ уланъ Его Величества быстро выдвинулся, впередъ перемахнулъ черезъ канаву и заставилъ нѣмцевъ продолжать свое отступленіе.

Бой у Городеньки Сводная дивизія начала по иниціативѣ одного изъ командировъ конныхъ Заамурскихъ полковъ, атаковавшихъ во флангъ непріятельскую пѣхоту. Начальникъ дивизіи сейчасъ же ввелъ въ бой и остальные свои полки: Гродненскихъ гусаръ, уланъ Его Величества и другой Заамурскій конный полкъ. Онъ не стремился удержать свои полки въ кулакѣ и смѣло развернулъ ихъ на достаточно широкомъ фронтѣ. Къ сожалѣнію, 12-я кавалерійская дивизія запоздала; атака Сводной кавалерійской дивизіи не была развита и Городенька не была захвачена съ налета. Правда, непріятель ночью очистилъ ее, но добыча ушла изъ рукъ, главное же противнику дана была передышка.

Пока происходило все вышеизложенное, части II-го кав. корпуса начали свою переправу у м. Усѣчко. Вмѣстѣ съ кавалеріей здѣсь переправлялась и бригада 82-ой пѣхотной дивизіи. Къ сожалѣнію, командиръ II-го кав. корпуса не проявилъ той энергіи, которая требуется въ такія минуты отъ кавалерійскаго начальника. Вся операція велась слишкомъ медленнымъ темпомъ. Въ этомъ отношеніи имѣло моральное вліяніе одно обстоятельство. Австрійцы на разсвѣтѣ сами перешли въ наступленіе противъ Залещинскаго тетъ де пона и захватили его, взявъ въ плѣнъ болѣе тысячи человѣкъ изъ бригады 82-ой дивизіи, оборонявшей этотъ тетъ де понъ.

На фронтѣ III-го кав. корпуса, какъ и можно было ожидать, событія пошли совершенно другимъ темпомъ.

Графъ Келлеръ приказалъ I-ой Донской казачьей дивизіи въ пѣшемъ строю атаковать на разсвѣтѣ непріятельскую укрѣпленную позицію. Казакамъ удалось еще въ темнотѣ подойти къ проволочнымъ загражденіямъ; но такъ какъ, вслѣдствіе малаго количества полевой артиллеріи, не было пробито достаточное количество проходовъ, казаки залегли передъ проволокой. Положеніе было, по истинѣ, критическое. Въ эту минуту командиръ одного изъ Донскихъ полковъ, полковникъ Поповъ, лежавшій со своими казаками передъ проволокой, поднялся и крикнулъ: „Георгіевскіе кавалеры за мной" и принялся рубить шашкой остававшіяся не тронутыми проволоки. Казаки бросились за своимъ командиромъ. Непріятель не выдержалъ и, прикрываясь безпорядочнымъ огнемъ, сталъ очищать окопы. Передовыя сотни казаковъ вскочили въ окопы. Тѣмъ временемъ сотни, находившіяся въ резервѣ, сѣли на коней и въ конномъ строю начали проходить черезъ прорѣзаемые проходы въ проволочныхъ загражденіяхъ и затѣмъ, преодолѣвая изрытую окопами мѣстность, преслѣдовать бѣгущаго, охваченнаго паникой, непріятеля. Вслѣдъ за I-ой Донской казачьей дивизіей графъ Келлеръ сейчасъ же развернулъ и 10-ую кавалерій-

скую дивизію. Сдвигъ противника сдѣлался общимъ и на фронтѣ ополченцевъ преслѣдовать противника пошли 7-ой Донской казачій полкъ и Текинскій конный полкъ. Болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ, около десятка пушекъ и много пулеметовъ быми непосредственной наградой смѣлыхъ дѣйствій конницы графа Келлера. Но еще большіе результаты были стратегическіе. Послѣ этого прорыва и катастрофы, непріятельскій правый флангъ безостановочно откатывался за р. Прутъ.

Такимъ образомъ, въ первый же день три кавалерійскіе корпуса получили свободу дѣйствій. Я не буду утруждать читателя изложеніемъ дальнѣйшихъ подробностей. На всемъ широкомъ фронтѣ волна нашихъ 160 эскадроновъ катилась отъ Днѣстра до Прута, захлестывая съ фланговъ и съ тыла тѣ части противника, которыя пытались задерживаться на заранѣе укрѣпленныхъ позиціяхъ. Всѣ эти попытки быстро ликвидировались угрозой обхода въ тылъ и въ теченіи нѣсколькихъ дней непріятель очистилъ весь раіонъ между Днѣстромъ и Прутомъ. Успѣхи конницы на флангѣ отразились и на части непріятельскаго укрѣпленнаго фронта, расположеннаго противъ нашихъ — XXX и XI корпусовъ. Онъ началъ быстро очищать свои позиціи и, теряя плѣнныхъ, отходить въ горы. Вся операція дала намъ болѣе 25 тысячъ плѣнныхъ.

—

Разсмотримъ теперь вопросъ, какъ лучше всего препятствовать дѣйствіямъ непріятельской конницы противъ нашего фланга и тыла.

На первый взглядъ напрашивается отвѣтъ: лучше всего противодѣйствовать пѣхотой. Въ самомъ дѣлѣ, не говорили ли мы, что въ дѣйствительности реальная сила охватывающей конницы гораздо меньше воображаемой. Но дѣло въ томъ, что нападеніе конницы на флангъ всегда сопровождается нарушеніемъ, если можно такъ выразиться, организаціи даннаго сраженія. Это неминуемо вноситъ безпорядокъ въ управленіе. Кромѣ того, въ бою большую роль играетъ психологія массъ. А въ отношеніи къ массамъ нельзя предъявлять тѣхъ же требованій, которыя можно предъявить къ единичнымъ личностямъ, выдвинутымъ на командные посты. Прибавьте къ этому, что въ современной войнѣ принимаютъ участіе не прежняя профессіональная армія, которую можно было выдрессировать въ теченіе многолѣтней службы; прибавьте также то, что всякая масса живетъ воображеніемъ, тогда станетъ понятнымъ, что появленіе конницы на флангѣ или тѣмъ болѣе въ тылу влечетъ къ безпокойству и разстройству въ частяхъ войскъ и боеспособность ихъ понижается.

Разъ мнѣ случайно пришлось быть свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое производитъ извѣстіе о появленіи непріятельской кавалеріи въ тылу. Гвардейская кавалерійская бригада подошла къ р. Сану. Эти сутки намъ былъ данъ отдыхъ и мы шли въ раіонѣ своей пѣхоты. Подойдя къ р. Сану, мы застали переправляющійся л. гв. Семеновскій полкъ. Это былъ одинъ изъ полковъ старой гвардіи, которымъ справедливо могла гордиться вся Русская Армія. Обученіе

и сама жизнь частей въ гвардіи была поставлена въ несравненно лучшія условія, чѣмъ работа въ нашихъ полкахъ армейской пѣхоты. Солдаты были все подобранные. Тренировка была отличная и могу съ увѣренностью сказать, что ни одинъ изъ полковъ нашихъ союзниковъ не подходилъ въ этомъ отношеніи ближе къ типу профессіональной арміи, чѣмъ Семеновскій полкъ. Я останавливаюсь на этомъ подробно, дабы читатель могъ уяснить себѣ, что въ полкахъ пѣхоты будущихъ армій нельзя будетъ встрѣтить той выдержанности, какую могъ дать Семеновскій полкъ. На войнѣ онъ и показалъ себя, какъ одинъ изъ лучшихъ полковъ нашихъ армій и развалился послѣ революціи однимъ изъ послѣднихъ.

Мостъ черезъ Санъ былъ сожженъ уходящими Австрійцами. Саперы спѣшно возстанавливали мостъ. А пока Семеновскій полкъ длинными вереницами людей перебирался по набросаннымъ доскамъ, намъ приказано было перейти по броду, довольно глубокому, находившемуся около моста.

Впереди прикрывалъ авангардъ. Какихъ либо активныхъ мѣръ со стороны противника трудно было ожидать, т. к. австрійцы, понесшіе на всемъ фронтѣ окончательное пораженіе, торопливо уходили съ однимъ только намѣреніемъ — поскорѣе оторваться отъ насъ.

Перейдя на тотъ берегъ, гусары и уланы слѣзли съ лошадей, отпустили подпруги и стали кормить. Я подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ возстанавливался мостъ и смотрѣлъ на картину перехода по доскамъ семеновцевъ.

Вдругъ, съ того берега, изъ лѣса, послышался какой-то крикъ. Этотъ крикъ все росъ и наконецъ я отчетливо услышалъ слова: „непріятельская кавалерія“! „непріятельская кавалерія“! Люди, проходившіе по доскамъ, метнулись впередъ, нѣсколько досокъ съ людьми повалились въ воду. На нашемъ берегу поднялась страшная суета. Послышались даже выстрѣлы. Это была настоящая паника.

Мы посадили сейчасъ же наши полки. Вышли изъ деревни дабы не быть стѣсненными въ развертываніи.

Откуда могла появиться непріятельская конница, было совершенно непонятно. Возможное направленіе было только одно: съ небесъ.

Скоро шумъ и суета улеглись. Во время безпорядочной стрѣльбы одинъ семеновецъ былъ убитъ, другой контуженъ. Никакой кавалеріи не оказалось. Говорили, что будто какой-то обозный въ лѣсу увидѣлъ непріятельскій разъѣздъ. Очень можетъ быть, что это и было такъ, и я невольно представляю себѣ, какъ этотъ запутавшійся или забытый разъѣздъ, стыдливо затѣмъ спрятался въ лѣсъ и самъ дрожалъ за свое существованіе.

Увидѣвъ воочію эту картину, я понялъ внутреннюю сторону происходящаго у противника, когда во флангъ или въ тылъ неожиданно выйдетъ наша кавалерія.

Въ эти минуты требуются мѣры двухъ родовъ:

Первая—это не допустить дальнѣйшее распространеніе прорыва; для этого нужно возможно скорѣе затянуть мѣсто прорыва. Для этой цѣли, конечно, используются тѣ части, которыя ближе подъ рукой. Но т. к. выходъ во флангъ всегда нарушаетъ разсчеты противной стороны, то очень часто, когда прорывъ принимаетъ большіе размѣры, потребуется примѣнить тотъ родъ войскъ, который скорѣе сможетъ прійти къ угрожаемому раіону—это и будетъ конница.

Въ концѣ ноября 1914 года, 9-ая армія вела бои подъ Краковомъ (см. схему № 16). Я только что былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ этой арміи. Положеніе было трудное. Насъ атаковали и въ лѣвый и въ правый флангъ; двѣ австро-венгерскія арміи взяли насъ въ клещи. Сначала непріятелю удалось разорвать нашу боевую связь съ сосѣдней 4-ой арміей. Мы немедленно послали туда 1-ую Донскую казачью дивизію. Казаки съ пиками въ рукахъ въ пѣшемъ строю атаковали окопавшіяся на нашемъ флангѣ непріятельскія части и выиграли намъ время до подхода спѣшно набранныхъ отовсюду резервовъ. Вскорѣ послѣ этого охваченъ былъ нашъ лѣвый флангъ. Всѣ наши резервы были истощены. Кавалеріи на этомъ флангѣ у насъ не было, такъ какъ въ этотъ періодъ времени у насъ была только одна 1-ая Донская казачья дивизія уже втянутая въ бой на нашемъ правомъ флангѣ. Охватъ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, грозилъ окруженіемъ. Вотъ въ эти минуты мнѣ и пришлось констатировать тотъ фактъ, о которомъ я упоминалъ выше: охваты и обходы растутъ не всегда такъ быстро, какъ это можно было бы ожидать, потому что обходящій самъ боится попасться въ мѣшокъ. Въ данномъ случаѣ это выручило насъ. Распоряженіемъ штаба фронта было приказано 3-ей арміи передать съ того берега Вислы въ наше распоряженіе XXI армейскій корпусъ и 7-ую кавалерійскую дивизію. Конечно, первою могла прибыть къ намъ на помощь кавалерійская дивизія.

Прибытіе къ намъ на флангъ 7-ой кав. дивизіи само по себѣ уже принесло спасеніе. Выйдя на флангъ охватывающимъ насъ австрійскимъ частямъ, она остановила развитіе охвата. Подошедшій

въ слѣдующіе дни XXI корпусъ далъ намъ возможность уже самимъ перейти въ наступленіе и одержать частный успѣхъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Второго рода мѣропріятія заключаются въ томъ, чтобы не только отбить обошедшаго насъ, но постараться использовать то положеніе, о которомъ мы выше уже говорили, а именно, что обходящій самъ легко обходится. Понятно, что подобное рѣшеніе вопроса болѣе для насъ интересно, т. к. оно ведетъ не только къ пассивному отбиванію удара, занесеннаго по намъ, но и къ уничтоженію части живой силы противника.

Схема №17

Ликвидація охвата Германской конницей нашего праваго фланга подъ Вильной въ Сен-рѣ 1915 г. (ст. ст.)

Въ октябрѣ 1915 года, германцы сочетали свое наступленіе на нашемъ сѣверо-западномъ фронтѣ, противъ Вильно, съ глубокимъ прорывомъ въ нашъ тылъ своей кавалеріи. Послѣдняя, состоявшая изъ нѣсколькихъ кав. дивизій, прорвалась черезъ нашу кавалерію, охранявшую флангъ нашей арміи, дравшейся около Вильно и энергично захлестнула нашъ тылъ, поддержанная на своемъ внутреннемъ флангѣ германской пѣхотой, которая все сильнѣе и сильнѣе сжимала тылы нашихъ армій, что приводило къ величайшей путаницѣ и стѣсненію въ нашихъ тылахъ.

Вполнѣ естественно, что одной изъ первыхъ мѣръ нашего командованія было недопустить дальнѣйшее сжиманіе образовавшагося полукольца. Для этого и использованы были всѣ находящіяся подъ рукой пѣхотныя и кавалерійскія части. Но ликвидировать охватъ германской кавалеріи смогла только наша конница. Главныя ея массы были направлены съ сѣверо-востока въ тылъ германской кавалеріи (см. схему № 17). Недостаточная рѣшительность одного изъ командировъ кавалерійскихъ корпусовъ позволила нѣмцамъ, хотя и очень пощипаннымъ, выскочить изъ горлышка закупориваемой нами бутылки.

Наиболѣе выгоднымъ направленіемъ для противодѣйствія охвату или обходу является дѣйствіе противъ внѣшняго фланга обходящаго непріятеля. Поэтому войсковая часть, находящаяся на уступѣ для охраны фланга, не должна къ нему жаться. Кавалерія, какъ

родъ войскъ болѣе приспособленный къ маневрированію, можетъ далѣе отдѣлиться отъ охраняемаго фланга и скорѣе выиграть наружный флангъ у обходящаго противника. Отсюда напрашиваются два вывода:

Во первыхъ — флангъ лучше всего охраняется конницей;

Во вторыхъ — отъ начальника кавалерійской части, находящейся на флангѣ, требуется прежде всего смѣлое отдѣленіе отъ охраняемаго фланга; этотъ начальникъ долженъ помнить, что лучшая охрана фланга есть смѣлый маневръ въ тылъ обходящей насъ непріятельской части и что самая большая ошибка, которую можетъ сдѣлать въ этой обстановкѣ кавалерійскій начальникъ, это робкое прижиманіе къ флангу своихъ войскъ.

Н. ГОЛОВИНЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Наше стратегическое развертываніе въ 1914 году и идеи, положенныя въ основу его.*)

(Изъ неизданныхъ воспоминаній автора о первомъ годѣ Великой войны).

Вопросъ о нашемъ стратегическомъ развертываніи въ 1914 году, которое было разработано еще въ мирное время на случай войны съ центральными державами, не можетъ быть разсматриваемъ и оцѣниваемъ въ отдѣльности. По существу это развертываніе, съ момента заключенія союза съ Франціей, должно было являться составною частью одного общаго плана, совмѣстно разработаннаго и принятаго къ исполненію генеральными штабами обѣихъ союзныхъ державъ — Франціи и Россіи. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности дѣло обстояло не такъ. Насколько мнѣ извѣстно, вопросъ о совмѣстной разработкѣ общаго плана войны никогда въ цѣломъ не ставился на свободное обсужденіе представителей союзныхъ государствъ. Съ сожалѣніемъ приходится также отмѣтить, что на этихъ совѣщаніяхъ ни разу не былъ не только обсужденъ, но даже затронутъ вопросъ ни о единомъ командованіи, ни о способахъ согласованія военныхъ операцій въ періодъ самой войны. Такимъ образомъ вопросъ огромной важности, — хотя и крайне деликатный во всякаго рода военныхъ коалиціяхъ — о единствѣ управленія, единствѣ направляющей воли — оставался неурегулированнымъ и потому таившимъ въ себѣ зародыши неизбѣжной слабости и несогласованности будущихъ дѣйствій.

Тѣмъ не менѣе на Россію были возложены ея союзницей Франціей извѣстныя обязательства, которыя нами были приняты и съ которыми, слѣдовательно, намъ приходилось считаться при разработкѣ подготовительныхъ къ войнѣ на западномъ фронтѣ соображеній.

Какъ извѣстно, союзныя отношенія Россіи съ Франціей возникли на почвѣ все возраставшей угрозы обще-европейскому миру

со стороны державъ тройственнаго союза, руководимаго Германіей. Эти отношенія первоначально вылились въ форму военной конвенціи, подписанной въ 1892 году начальниками генеральныхъ штабовъ: французскаго — генерала Буадефра и русскаго — генерала Обручева. 1892

Въ основѣ этой конвенціи лежала строго оборонительная мысль о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ случаѣ вооруженнаго нападенія державъ тройственнаго союза на одно или оба договаривавшіяся государства.

Наиболѣе существенная часть этой конвенціи заключалась въ томъ, что обѣ договаривавшіяся стороны — Россія и Франція — обязывались другъ передъ другомъ, при первомъ извѣстіи объ общей мобилизаціи враждебнаго имъ союза, мобилизовать всѣ свои вооруженныя силы и сосредоточить ихъ къ угрожаемымъ границамъ. Затѣмъ, для заблаговременнаго согласованія дальнѣйшихъ шаговъ обоихъ союзныхъ государствъ, устанавливалось, что, въ случаѣ нападенія со стороны Германіи или другой державы тройственнаго союза, поддержанной Германіей, на Россію или на Францію, другое изъ договаривавшихся государствъ должно придти къ первому, подвергшемуся нападенію, на помощь и использовать всѣ свои свободныя силы для дѣйствій противъ Германіи.

Такая формулировка соглашенія, отдѣляющая актъ мобилизаціи отъ акта перехода къ военнымъ дѣйствіямъ, была, повидимому, подсказана тѣмъ соображеніемъ, что только въ Россіи оба эти акта принадлежали компетенціи одной и той же власти — Верховной; во Франціи же мобилизація арміи вводилась декретомъ президента республики, а объявленіе войны — должно было санкціонироваться палатой.

———

Окрѣпшія между Россіей и Франціей связи вылились въ 1899 г. въ форму политическаго соглашенія, къ которому упомянутая выше военная конвенція стала однимъ изъ дополненій. Съ этого года между обоими государствами установились вполнѣ прочныя союзныя отношенія на почвѣ взаимнаго обезпеченія отъ вражескихъ попытокъ центральныхъ державъ.

Наконецъ лѣтомъ 1912 года между Франціей и Россіей было заключено дополнительное соглашеніе по морской части, устанавливавшее связь и совмѣстную работу морскихъ генеральныхъ штабовъ обоихъ государствъ.

———

Основныя положенія военной конвенціи, заключенной въ 1892 г. между Россіей и Франціей, впослѣдствіи подвергались неоднократному обсужденію въ особыхъ совѣщаніяхъ начальниковъ генеральныхъ штабовъ обоихъ союзныхъ государствъ. Совѣщанія эти, вначалѣ рѣдкія, съ 1910 года пріобрѣли характеръ ежегодный и проис-

ходили то въ Парижѣ, то въ Петербургѣ.*) На этихъ совѣщаніяхъ въ конвенцію не вносилось, впрочемъ, никакихъ коренныхъ измѣненій и вопросы, подлежавшіе обсужденію, касались главнымъ образомъ координаціи первоначальныхъ боевыхъ дѣйствій, или имѣли характеръ техническій — обезпеченіе связи, желѣзнодорожное строительство и т. д.

—·—

На первыхъ же совѣщаніяхъ начальниковъ генеральныхъ штабовъ было признано обѣими сторонами съ полной опредѣленностью, что въ будущемъ столкновеніи главнымъ противникомъ надлежитъ считать Германію, противъ которой и долженъ быть поэтому проявленъ союзниками максимумъ военныхъ усилій.

Основныя полженія заключенной конвенціи пытались даже установить численную силу тѣхъ войскъ, которыя должны были быть выставлены противъ Германіи договаривавшимися сторонами; для Франціи таковая сила была опредѣлена цифрою отъ 1.200 т. до 1.300 т., для Россіи — отъ 700 т. до 800 т. человѣкъ. При этомъ обѣими сторонами было установлено, что наиболѣе вѣроятнымъ предположеніемъ должно считаться направленіе Германіей главной массы войскъ съ началомъ войны противъ Франціи, имѣя въ виду, въ случаѣ успѣха надъ послѣдней, развить впослѣдствіи рѣшительныя дѣйствія противъ Россіи. Исходя изъ этого предположенія, къ требованіямъ Франціи, формулировавшимся на совѣщаніяхъ начальниками французскаго генеральнаго штаба, представители русской стороны относились съ большимъ вниманіемъ и неизмѣнной отзывчивостью, какъ къ сторонѣ, долженствовавшей выдержать первый наиболѣе грозный ударъ общаго врага. Въ сущности на совѣщаніяхъ дѣло сводилось почти къ тому, что Франція предъявляла свои положенія, а Россія выясняла степень возможности и способы ихъ удовлетворенія. Несомнѣнно, что такое положеніе въ значительной мѣрѣ должно было сковывать нашу стратегію и свободное распоряженіе собственными силами въ начальный періодъ войны.

—·—

Всѣ начальники французскаго генеральнаго штаба, послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга, предъявляли на совѣщаніяхъ нашимъ представителямъ неизмѣнное требованіе, которое сводилось къ принятію нами наступательнаго образа дѣйствій противъ Германіи, притомъ осуществляемаго возможно большими силами и, главное, — въ кратчайшій срокъ. Становясь на точку зрѣнія Франціи, нельзя было отказать этому требованію въ его цѣлесообразности. Дѣйствительно, только такимъ способомъ, отвѣчавшимъ природѣ дѣйствій про-

*) Со стороны Россіи въ этихъ совѣщаніяхъ принимали участіе только начальники генеральнаго (главнаго) штаба. — Лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ качествѣ дѣлопроизводителей, присутствовали наши военные агенты въ Парижѣ.

тивъ Германіи по наружнымъ операціоннымъ линіямъ и угрожавшимъ неприкосновенности нѣмецкой территоріи, возможно было расчитывать приковать къ восточнымъ границамъ этой имперіи болѣе или менѣе значительныя силы послѣдней и тѣмъ обезпечить Франціи, при ея столкновеніяхъ съ главною массою общаго врага, возможно болѣе выгодное для нея численное соотношеніе. Съ другой стороны вполнѣ логическимъ являлось стремленіе противопоставить „послѣдовательнымъ" ударамъ Германіи, занимавшей внутреннее положеніе, „одновременныя" и хорошо согласованныя контръдѣйствія союзниковъ съ обоихъ противоположныхъ фронтовъ: восточнаго — французскаго и западнаго — русскаго.

——

Я уже отмѣтилъ, что несмотря на близкую прикосновенность къ вопросамъ оперативнаго характера, мнѣ не приходилось слышать, чтобы на совѣщаніяхъ начальниковъ генеральныхъ штабовъ союзныхъ державъ подвергался изслѣдованію вопросъ о совмѣстной разработкѣ общаго плана. Едва ли когда ставился на обсужденіе и вопросъ о наилучшемъ способѣ встрѣчи французскими вооруженными силами удара, подготовлявшагося противъ Франціи Германіей. Повидимому послѣдній не считался составною частью общаго плана, какимъ онъ долженъ бы быть по существу, а исключительно дѣломъ нашей союзницы. Возможно поэтому, что на совѣщаніяхъ и не раздавалось сомнѣній въ цѣлесообразности, съ общей точки зрѣнія, того плана рѣшительнаго наступленія съ фронта Бельфоръ—Лонгви, которымъ французы предполагали не только парировать ударъ нѣмцевъ, но даже вырвать инициативу дѣйствій изъ ихъ рукъ. Планъ этотъ, какъ извѣстно, смѣнилъ болѣе осторожныя предположенія французскаго генеральнаго штаба, существовавшія до 1911-го года включительно.

Въ противоположность такому положенію дѣла, вопросъ о порядкѣ осуществленія, съ началомъ войны, нашего наступленія въ предѣлы Германіи занималъ всегда центральное мѣсто въ программѣ совѣщаній и привлекалъ къ себѣ наибольшее вниманіе нашихъ союзниковъ. Опредѣляя силы, долженствовавшія быть выставленными Россіей противъ Германіи въ 700—800 т. человѣкъ, военная конвенція умалчивала, однако, кого собственно слѣдуетъ подразумѣвать въ этой суммѣ: общую ли численность войскъ, подлежавшихъ сосредоточенію на границѣ съ Германіей или только боевой ихъ составъ; не имѣлось также никакихъ указаній о срокахъ сосредоточенія этой массы войскъ. Изъ отсутствія этихъ данныхъ и вытекала не только возможность, но даже необходимость уточненія этихъ важныхъ вопросовъ.

——

По отношенію къ вопросу о численности войскъ, могущихъ быть выдѣленными въ первую очередь для непосредственныхъ дѣйствій противъ Германіи, начальники нашего генеральнаго штаба по-

стоянно указывали на возраставшiя вооруженiе и готовность Австро-Венгрiи и вытекавшую отсюда для насъ необходимость самымъ рѣшительнымъ образомъ парировать прежде всего опасность, угрожавшую намъ со стороны этой послѣдней. Мысль эта прививалась однако нашимъ союзникамъ съ большимъ трудомъ. Намъ неизмѣнно возражали, что побѣда надъ главнымъ противникомъ — Германiей — устранитъ всѣ остальныя опасности. На послѣднемъ передъ войной совѣщанiи, происходившемъ въ Петроградѣ и Красномъ Селѣ въ августѣ 1913 года, начальникъ французскаго генеральнаго штаба, генералъ Жоффръ, въ своемъ заключенiи вновь подтвердилъ о крайней желательности нашего наступленiя противъ Германiи. При этомъ онъ высказалъ свое мнѣнiе, выраженное имъ уже и въ 1912 году, о желательности придать русскимъ вооруженнымъ силамъ такое расположенiе, при которомъ возможно было бы развить рѣшительное наступленiе или въ Восточную Пруссiю или, еще лучше, какъ онъ выразился, по лѣвому берегу р. Вислы, въ направленiи на Берлинъ, въ зависимости отъ того, на какомъ берегу этой рѣки состоится развертыванiе германскихъ силъ, оставляемыхъ на восточномъ фронтѣ.

Вѣроятная численность силъ послѣднихъ опредѣлялась французами въ разное время различно. Наиболѣе полно на этомъ вопросѣ остановился начальникъ французскаго генеральнаго штаба, генералъ Дюбайль, въ совѣщанiи, происходившемъ въ августѣ 1911 года въ Красномъ Селѣ. Генералъ Дюбайль заявилъ, что будетъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если наше наступленiе противъ Германiи состоится съ такими силами, которыя будутъ способны приковать къ себѣ отъ 5-ти до 6-ти германскихъ корпусовъ на восточно-прусской границѣ.

Что касается, наконецъ, начальнаго срока нашего наступленiя, то условiе его „одновременности“ съ наступленiемъ французовъ, вслѣдствiе недостаточной быстроты мобилизацiи и сосредоточенiя русской армiи къ границамъ, являлось для насъ совершенно невыполнимымъ. На послѣднемъ совѣщанiи 1913 года генералъ Жоффръ сдѣлалъ заявленiе, что сосредоточенiе французской армiи на сѣверо-восточной границѣ будетъ закончено, въ большей своей части, на 10-ый день мобилизацiи и что наступленiе этой группы войскъ начнется на слѣдующiй день, съ утра. Несмотря на безспорные успѣхи, сдѣланные нами въ послѣднiе годы передъ войной въ области мобилизацiи и сосредоточенiя, мы не могли, однако, считать себя готовыми къ боевымъ дѣйствiямъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ къ указанному выше времени готовности французской армiи. Наши союзники это понимали и потому лишь отмѣчали на совѣщанiяхъ, какъ руководящее начало, что значенiе нашего наступленiя будетъ для нихъ возрастать въ мѣрѣ ускоренiя нами таковаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы содѣйствовать этому ускоренiю, наша союзница—Францiя открыла у себя для Россiи широкiй кредитъ на постройку жел.-дор. линiй стратегическаго значенiя. Эта финансовая помощь, нами въ свое время широко использованная, накладывала на свободное творчество отечественной стратегiи еще реальнѣе свою

тяжелую руку. Она — эта рука — чувствовалась на протяженіи всего періода существованія нашихъ союзныхъ отношеній съ Франціей и отъ ея давящаго вліянія не могъ освободиться ни одинъ изъ руководителей русскаго генеральнаго штаба, ни даже генералъ Палицынъ*), хотя періодъ пребыванія послѣдняго въ должности начальника генеральнаго штаба (1905—1908) былъ для этого наиболѣе удобнымъ временемъ. Періодъ этотъ непосредственно примыкалъ къ неудачно для насъ закончившейся рус.-яп. войнѣ, послѣ которой сокращеніе нашихъ военныхъ возможностей противъ Германіи являлось всѣмъ понятнымъ и вполнѣ объяснимымъ. Постепенно, однако, наша боевая готовность стала подниматься и уже на послѣднемъ передъ войной совѣщаніи 1913 года бывшій въ то время начальникомъ русскаго генеральнаго штаба, генералъ Жилинскій, — впослѣдствіи главнокомандующій войсками, предназначавшимися для дѣйствій противъ Германіи, — заявилъ генералу Жоффру, что сосредоточеніе русскихъ войскъ противъ Германіи можетъ быть закончено въ главныхъ чертахъ лишь къ 15-му дню мобилизаціи, каковой срокъ поэтому и является наиболѣе раннимъ для нашего наступленія.

— —

Изъ всего изложеннаго видно, что Россія, вступивъ въ союзныя отношенія съ Франціей, приняла на себя серьезное обязательство — предусматривать своими подготовительными къ войнѣ соображеніями быстрое и энергичное наступленіе противъ Германіи, организуемое достаточными, по условіямъ обстановки, силами. Значеніе этого наступленія для нашихъ союзниковъ — французовъ возрастало въ зависимости отъ силъ, съ которыми таковое будетъ произведено, начальнаго его срока и направленія, въ которомъ оно будетъ развиваться.

— —

Какъ извѣстно, высшимъ войсковымъ соединеніемъ въ мирное время въ Россіи являлся корпусъ. Хотя корпуса и входили въ составъ военныхъ округовъ, на которые въ военномъ отношеніи была подраздѣлена вся имперія, но съ объявленіемъ войны эта связь нарушалась и личный составъ военныхъ округовъ служилъ лишь кадромъ для формированія высшихъ управленій военнаго времени.

Согласно положенія о полевомъ управленіи въ военное время, корпуса, въ числѣ, соотвѣтствовавшемъ той или иной стратегической задачѣ, должны были сводиться въ арміи. Нѣсколько армій, предназначавшихся для достиженія болѣе общей стратегической задачи и долженствовавшія дѣйствовать совмѣстно на опредѣленномъ фронтѣ, могли соединяться въ болѣе крупное соединеніе, образуя арміи даннаго фронта. Всѣ же войска, какъ вошедшія въ составъ

*) Подтвержденія этому имѣются въ протоколахъ совѣщаній союзныхъ начальниковъ генеральныхъ штабовъ за 1906—08 г г.

фронтовъ, такъ и остававшіяся въ составѣ отдѣльныхъ армій, предназначавшіяся для достиженія общихъ цѣлей войны, составляли дѣйствующую армію, непосредственно подчинявшуюся верховному главнокомандующему. На обязанности военнаго министерства продолжали, однако, оставаться заботы по снабженію этой арміи всѣмъ необходимымъ, въ соотвѣтствіи съ общими заданіями, долженствовавшими исходить отъ верховнаго главнокомандующаго. Такимъ образомъ военный министръ являлся какъ бы главнымъ начальникомъ снабженій всей дѣйствующей арміи.

Разработка соображеній о первоначальномъ распредѣленіи войскъ по арміямъ и армій по фронтамъ, постановка войскамъ первыхъ боевыхъ задачъ, а равно выработка главнѣйшихъ основаній устройства тыла лежали на обязанности главнаго управленія генеральнаго штаба (по отдѣлу генералъ-квартирмейстера). Всѣ основныя данныя по этимъ вопросамъ должны были естественно представляться еще въ мирное время на утвержденіе Государя Императора, какъ Верховнаго Вождя всѣхъ вооруженныхъ силъ имперіи. Данныя эти, начиная съ 1912 года, стали включаться въ основныя указанія командующимъ войсками, на случай войны съ державами тройственнаго союза, каковыя указанія составляли базу для всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній и работъ по подготовкѣ къ войнѣ. Эти указанія дополнялись, въ видѣ особаго приложенія, „боевымъ расписаніемъ“ войскъ по фронтамъ и арміямъ.

Исходя изъ этихъ основныхъ документовъ и въ развитіе ихъ, должны были составлять свои болѣе детальныя подготовительныя къ войнѣ соображенія всѣ довольствующія управленія военнаго министерства, штабы военныхъ округовъ, войска и причастныя къ мобилизаціи и войнѣ учрежденія другихъ министерствъ, причемъ совокупность всѣхъ этихъ работъ и составляло то, что обычно принято было называть „планомъ“ войны.

Если припомнить, что сухопутная граница Россіи имѣла протяженіе во много тысячъ верстъ, и что мы были окружены многочисленнымя сосѣдями, изъ которыхъ съ каждымъ могли возникнуть военныя осложненія, то станетъ ясно, насколько сложной и трудной представлялась у насъ въ Россіи задача по поддержанію подготовительныхъ къ войнѣ соображеній для всѣхъ фронтовъ на должной ступени ихъ разработки.

По нашимъ подсчетамъ мирнаго времени, соединенныя силы Россіи и Франціи, которыя могли принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ первый періодъ войны, нѣсколько превосходили силы Германіи и Австро-Венгріи. Но центральныя державы имѣли огромныя преимущества, какъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ взаимнаго снабженія и общаго управленія. Занимая внутреннее положеніе и пользуясь богато и цѣлесообразно развитой желѣз-

нодорожной сѣтью, онѣ являлись на театрѣ военныхъ дѣйствій хозяевами положенія, комбинируя свои силы въ каждый данный моментъ по ихъ усмотрѣнію и обстановкѣ. Это облегчало нашимъ противникамъ удержаніе въ ихъ рукахъ иниціативы дѣйствій. Почти любая переброска силъ съ одного фронта на другой, а тѣмъ болѣе въ предѣлахъ одного фронта, могла быть исполнена въ теченіе самаго короткаго срока, исчисляемаго немногими днями. То же внутреннее положеніе давало имъ возможность приходить другъ другу на помощь снабженіемъ и техническими средствами; главнокомандованіямъ же обѣихъ союзныхъ державъ не представляло труда поддерживать непрерывность общенія между собою и потому своевременно сговариваться о предстоявшихъ операціяхъ. Отмѣченныя преимущества столь значительны, что ихъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ взаимнаго положенія сторонъ въ минувшую войну.

Изъ двухъ союзниковъ—Франціи и Россіи—военно-политическое положеніе первой державы въ годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, значительно упростилось и облегчилось по сравненію съ таковымъ же положеніемъ второй. Въ самомъ дѣлѣ, уже начиная съ 1906—07 года отъ тройственнаго союза стала замѣтно отпадать Италія и такимъ образомъ вниманіе Франціи могло сосредоточиться только на одномъ противникѣ — Германіи. Правда, послѣдняя съ каждымъ годомъ усиливала свои вооруженныя силы и совершенствовала свою военную систему; ея военная мощь неизмѣнно возрастала. Но съ другой стороны сближеніе между Франціей и Англіей компенсировало положеніе въ томъ смыслѣ, что дѣлало не только возможной, но даже въ извѣстной степени вѣроятной военную помощь Франціи со стороны Британской имперіи.

Въ сущности наличіе франко-англійскаго военнаго сотрудничества выявилось съ того момента, когда Англія, подъ вліяніемъ интенсивнаго германскаго судостроительства, предпринятаго послѣднею въ началѣ текущаго столѣтія, рѣшила сосредоточить почти весь свой военный флотъ въ Сѣверномъ морѣ, предоставивъ Средиземное море попеченію одной Франціи.

Напротивъ того, военно-политическая обстановка, съ которой приходилось считаться Россіи, постепенно значительно усложнилась. Уже съ давнихъ поръ въ Россіи непоколебимо установилась та точка зрѣнія, нашедшая себѣ полное подтвержденіе въ событіяхъ, впослѣдствіи разыгравшихся, что, въ случаѣ военныхъ осложненій на западныхъ границахъ, намъ придется имѣть дѣло не съ Германіей или Австро-Венгріей въ отдѣльности, а одновременно съ обѣими центральными державами, крѣпко спаянными другъ съ другомъ общностью интересовъ и враждебнымъ къ Россіи отношеніемъ. При такихъ условіяхъ естественно надо было предвидѣть, что русская армія, при столкновеніи на западныхъ границахъ, будетъ имѣть противъ себя не только германскія войска, но и всѣ, или почти всѣ, вооруженныя силы Австро-Венгерской монархіи. Хотя Румынія, заклю-

чившая въ 1900 году военное соглашеніе съ Австро-Венгріей, направленное противъ Россіи, впослѣдствіи стала проявлять склонность къ сближенію съ державами согласія, однако удѣльный вѣсъ ея арміи въ русскихъ военныхъ кругахъ никогда не оцѣнивался сверхъ мѣры и потому болѣе примирительная политика нашей юго-западной сосѣдки не составляла для военнаго положенія Россіи факта особо большого значенія. Гораздо большее значеніе въ оцѣнкѣ нашего положенія на западѣ имѣло то обстоятельство, что военная мощь Австро-Венгріи, направляемая твердой и опытной рукой начальника австро-венгерскаго генеральнаго штаба генерала Конрада фонъ Хецендорфа, непрерывно совершенствовалась и выросла въ годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, въ очень серьезную наступательную силу, съ которой Россіи приходилось все болѣе и болѣе считаться.

Независимо отъ того, Россія должна была имѣть въ виду и то обстоятельство, что міровая политика Германіи захватила въ орбиту своего непосредственнаго вліянія Турцію; съ другой же стороны — все болѣе привлекала къ себѣ вниманіе и симпатіи довольно широкихъ и весьма вліятельныхъ общественныхъ круговъ Швеціи.

Вовлеченіе Турціи въ борьбу на сторонѣ нашихъ противниковъ значительно затрудняло наше положеніе. Связанное съ закрытіемъ проливовъ, оно способно было нанести громадный ущербъ нашей внѣшней торговлѣ, въ большой степени затруднить разрѣшеніе вопросовъ по доставкѣ изъ за границы недостававшихъ у насъ боевыхъ средствъ и матерьяловъ и сверхъ того создать серьезную дополнительную военную угрозу на Кавказѣ и въ Черномъ морѣ.

Столь же серьезную дополнительную военную угрозу, но только на сѣверо-западныхъ границахъ, могла создать и Швеція, въ силу ея географическаго положенія и исторической подозрительности къ мощи Россіи. Нельзя забывать, что страна эта обладала хорошо организованной, хотя и небольшой, вооруженной силой — сухопутной и морской — которая къ тому же могла получить поддержку со стороны могущественнаго германскаго флота — военнаго и транспортнаго. Опасность вражескаго дессанта въ Финляндіи, на ближайшихъ подступахъ къ столицѣ имперіи — Петербургу, представлялась при такихъ условіяхъ факторомъ вполнѣ реальнаго значенія.

Всѣ эти неблагопріятныя условія, въ общей ихъ совокупности, приходилось, конечно, русскому генеральному штабу серьезно учитывать при разработкѣ плана стратегическаго развертыванія вооружнных силъ имперіи, на случай войны на западныхъ границахъ.

Война съ центральными державами Европы, по своему масштабу, требовала отъ Россіи проявленія полнаго напряженія ея силъ и средствъ. Поэтому, при возникновеніи политическихъ осложненій съ этими державами, только общая мобилизація всѣхъ вооруженныхъ силъ имперіи могла отвѣчать создавшейся обстановкѣ. Въ соотвѣтствіи съ симъ только такая мобилизація и предусматривалась пла-

номъ войны на западномъ фронтѣ. Къ сожалѣнію, окончательная готовность нашихъ войскъ далеко не отвѣчала нашимъ собственнымъ пожеланіямъ, несмотря на достигнутые въ послѣдніе годы въ этомъ отношеніи значительные успѣхи. Дальность разстояній и крайне недостаточное развитіе отечественныхъ путей сообщенія вообще и желѣзнодорожныхъ въ частности, накладывали тяжелую руку на

всѣ расчеты по мобилизаціи и сосредоточенію нашихъ вооруженныхъ силъ къ границамъ. Изъ 37-ми полевыхъ корпусовъ, коими наканунѣ войны располагала Россія, только 28 могли закончить свое сосредоточеніе къ границамъ въ теченіе первыхъ 3 – 4 недѣль по объявленіи мобилизаціи. Къ этому времени могли, конечно, закончить свое сосредоточеніе и всѣ конныя части, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были расквартированы въ отдаленныхъ округахъ. Такъ какъ почти всѣ второочередныя пѣх. дивизіи формировались въ Европейской Россіи, то и онѣ успѣвали закончить свою мобилизацію и сосредоточеніе въ теченіе того же времени. Однако надо имѣть въ виду, что наши второочередныя части, впервые сформированныя по новой системѣ, имѣвшія въ своей основѣ довольно слабые кадры и укомплектованныя людьми старшихъ возрастовъ, не могли считаться вполнѣ боеспособными. Ихъ рекомендовалось

втягивать въ работу лишь постепенно. Что касается остальныхъ 9 корпусовъ, расквартированныхъ въ мирное время въ Сибири, Туркестанѣ и Закавказьѣ, а также нѣсколькихъ второочередныхъ дивизій, формировавшихся въ Сибири, то они могли начать свой подходъ къ пограничнымъ раіонамъ лишь со второго мѣсяца войны. Очевидно, что при такихъ условіяхъ включеніе этихъ корпусовъ и второочередныхъ дивизій въ первоначальныя соображенія, охватывавшія лишь періодъ развертыванія и первыхъ операцій, являлось совершенно нецѣлесообразнымъ. Такимъ образомъ въ основное „боевое расписаніе“ войскъ могло быть включено лишь менѣе 80 % всѣхъ вооруженныхъ силъ имперіи. Остальныя войска, отмобилизованныя и направленныя на театръ военныхъ дѣйствій, за исключеніемъ тѣхъ, которыя должны были охранять наши азіатскія границы и не могли быть замѣнены новыми формированіями характера ополченскаго, должны были получать назначеніе лишь по мѣрѣ подхода, въ соотвѣтствіи съ обстановкой, фактически складывавшейся къ тому времени. Поэтому заблаговременно были разработаны желѣзнодорожныя перевозки лишь головныхъ корпусовъ съ каждой изъ выше названныхъ окраинъ, и притомъ только до границъ будущаго театра войны; окончательное же направленіе въ предѣлахъ театра войны эти войска должны были получать дополнительно, въ зависимости отъ обстановки. Дѣйствительность подтвердила правильность и практичность принятаго рѣшенія.

— —

Какъ извѣстно, западная сухопутная граница Россіи, въ центральной ея части, образовывалась изъ русской Польши, которая врѣзалась широкимъ и глубокимъ клиномъ между Германіей и Австро-Венгріей, приближая насъ, примѣрно, на 300 верстъ къ крайне важнымъ и жизненнымъ центрамъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Такое начертаніе пограничной линіи представляло бы для Россіи весьма значительныя стратегическія выгоды, на которыя не разъ указывали намъ и наши союзники-французы, но лишь при одномъ непремѣнномъ условіи — превосходствѣ надъ нашими сосѣдями въ срокахъ готовности къ наступленію. Увы, условіе это являлось для насъ въ разсматриваемый періодъ времени недостижимымъ! Наши противники обладали значительнымъ преимуществомъ надъ нами въ быстротѣ изготовленія и такимъ образомъ имѣли полную возможность предупредить насъ своимъ собственнымъ вторженіемъ въ наши предѣлы. При такихъ условіяхъ положительныя свойства нашего, такъ называемаго „передового“ театра, къ сожалѣнію, превращались въ глубоко отрицательныя.

Дѣйствительно, пользуясь болѣе раннею готовностью своихъ армій, Германія и Австро-Венгрія могли въ самомъ началѣ войны поставить на этомъ театрѣ наши неготовыя къ встрѣчѣ войска въ крайнѣ тяжелыя стратегическія условія, своимъ согласованнымъ наступленіемъ изъ Восточной Пруссіи въ направленіи на Бѣлостокъ и изъ Галичины на Брестъ-Литовскъ. Извѣстно, что приблизительно

такой комбинированный ударъ нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ, съ цѣлью отрѣзанія нашихъ войскъ на средней Вислѣ, одно время входилъ въ планы нашихъ западныхъ сосѣдей. Опасность подобнаго образа дѣйствій чувствовалась у насъ настолько остро, что, какъ извѣстно, въ 1910 году было рѣшено вывести изъ русской Польши часть силъ, которыя были тамъ расквартированы по дислокаціи мирнаго времени, и, въ связи съ этимъ, пересмотрѣть вопросъ о нашихъ крѣпостяхъ на средней Вислѣ и Буго-Наревѣ.

— —

Трудность положенія нашихъ войскъ на передовомъ театрѣ естественно должна была возрастать въ мѣрѣ возрастанія численности тѣхъ силъ, съ коими Германія и Австро-Венгрія могли оперировать противъ насъ въ указанныхъ выше направленіяхъ. Въ этомъ отношеніи надо было различать два положенія, вытекавшія изъ образа дѣйствій главнаго нашего противника — Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, географическое положеніе Австро-Венгріи дѣлало вполнѣ безспорнымъ направленіе всей, или почти всей, арміи двуединой монархіи противъ Россіи. Что же касается Германіи, то, напротивъ, союзъ Россіи съ Франціей ставилъ ее въ очевидную необходимость, въ случаѣ войны на два фронта, раздѣлить свои силы. Приэтомъ для нея, какъ стороны, занимавшей внутреннее положеніе, очевидно представлялись двѣ возможности: направить главныя силы на западъ или востокъ. Чтобы дать себѣ отчетъ въ возможныхъ дѣйствіяхъ нашихъ противниковъ, въ отдѣлѣ генералъ-квартирмейстера генеральнаго штаба въ 1913 году была впервые разработана записка о силахъ и вѣроятныхъ планахъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Записка разбирала оба указанные выше случая. Составленіемъ ея имѣлось въ виду объединить въ одномъ трудѣ всѣ данныя, явившіяся результатомъ сбора и тщательнаго изученія свѣдѣній о подготовкѣ къ войнѣ центральныхъ державъ и попытаться положить извѣстныя границы тому разброду мнѣній и сужденій, который до этого времени существовалъ по многимъ частямъ этого вопроса между главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба и штабами военныхъ округовъ.

Въ частности, при оцѣнкѣ въ данной запискѣ вопроса — какому рѣшенію Германіи слѣдуетъ отдать предпочтеніе въ смыслѣ его большей вѣроятности, отмѣчалось прежде всего то обстоятельство, что французская армія имѣла значительное превосходство въ срокахъ готовности передъ нашей; поэтому она и являлась для Германіи наиболѣе угрожающимъ противникомъ въ первый періодъ войны. Эта угроза должна была пріобрѣсти въ глазахъ нѣмцевъ особое значеніе еще и потому, что западно-пограничные раіоны Германіи являлись наиболѣе промышленными, а значитъ, въ обстановкѣ войны, и наиболѣе важными раіонами всей имперіи. Непріятельское вторженіе въ эти раіоны должно было представлять для нѣмцевъ исключительную опасность. Несомнѣнно, что наилучшимъ способомъ для предупрежденія этой опасности должно было быть собственное вторженіе германской арміи въ предѣлы Франціи, что вызывало необходи-

мость сосредоточенія главныхъ силъ нѣмцевъ на западномъ фронтѣ. Съ другой стороны медленность нашей мобилизаціи и сосредоточенія къ границамъ, — о каковой медленности къ тому же у нашихъ противниковъ сложилось преувеличенное мнѣніе, — позволяли нѣмецкому генеральному штабу расчитывать, что, при оставленіи на восточномъ фронтѣ даже ограниченныхъ германскихъ силъ, все же представится возможнымъ сдержать наступленіе нашихъ войскъ быстрымъ вторженіемъ въ наши предѣлы всѣхъ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ. Изложенныя соображенія, по нашей оцѣнкѣ, совпадавшей, какъ мы видѣли, съ мнѣніемъ французовъ, дѣлали болѣе вѣроятнымъ предположеніе о направленіи Германіей въ первый періодъ войны главныхъ силъ противъ Франціи. Такимъ рѣшеніемъ Германія, сверхъ того, могла попутно расчитывать — затруднить для Англіи оказаніе помощи союзницѣ послѣдней — Франціи, а въ случаѣ рѣшительнаго успѣха, — даже привлечь на свою сторону Италію, не окончательно еще порвавшую прежнія связи съ тройственнымъ союзомъ. Тщательное наблюденіе за желѣзнодорожною подготовкою Германіи на ея западномъ фронтѣ, совершавшеюся, повидимому, въ цѣляхъ достиженія возможности быстраго сосредоточенія при мобилизаціи значительныхъ силъ на бельгійской границѣ, укрѣпляли насъ въ правильности нашихъ теоретическихъ предположеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ косвенныхъ указаній на то, что германцы подготовляютъ широкое наступленіе на западѣ и предполагаютъ ограничиться стратегической обороной на востокѣ, служило то обстоятельство, что въ послѣдніе годы въ Германіи, въ вопросѣ о военно-инженерной подготовкѣ будущихъ театровъ военныхъ дѣйствій, отдавали явное предпочтеніе усиленію крѣпостей на восточномъ фронтѣ. Значеніе же крѣпостей гораздо значительнѣе въ обстановкѣ именно оборонительной войны, какъ точекъ опоры для маневра болѣе слабой дѣйствующей арміи.

Но вполнѣ очевидно, что всѣми этими соображеніями для Германіи не окончательно исключалась возможность принятія и второй комбинаціи—оборонительнаго образа дѣйствій на западѣ и рѣшительнаго удара на востокѣ. Такой планъ долгіе годы имѣлся въ разработанномъ видѣ въ распоряженіи германскаго генеральнаго штаба, и въ пользу такого образа дѣйствій отъ времени до времени передъ войной во враждебномъ намъ союзѣ вновь стали раздаваться отдѣльные голоса изъ числа тѣхъ, кои внимательно слѣдили за прогрессомъ русской арміи.

———

Разница въ обстановкѣ, въ зависимости отъ того и другого рѣшенія Германіи, была для Россіи столь существенной, что передъ русскимъ генеральнымъ штабомъ предстала необходимость имѣть въ разработанномъ видѣ два плана, или вѣрнѣе, два варіанта стратегическаго развертыванія нашихъ вооруженныхъ силъ: одинъ — варіантъ А. — на случай направленія Германіей главныхъ силъ противъ Франціи; другой варіантъ Г. — при обратномъ рѣшеніи Германіей

даннаго вопроса. Но такъ какъ первое рѣшеніе Германіи считалось все же болѣе вѣроятнымъ, то и соотвѣтствующій этому рѣшенію варіантъ нашего стратегическаго развертыванія считался основнымъ; онъ и долженъ былъ выполняться, съ объявленіемъ мобилизаціи и войны, автоматически. Переходъ же къ другому варіанту, отвѣчавшему хотя и менѣе вѣроятному, но болѣе тяжелому для насъ случаю направленія главныхъ силъ всего враждебнаго союза противъ насъ — долженъ былъ совершаться лишь при условіи особаго на то распоряженія.

Въ основу перваго варіанта была положена идея широкаго наступленія, какъ способа дѣйствій наиболѣе выгоднаго въ психологическомъ отношеніи и дающаго возможность обезпечить собственную территорію отъ вражескаго нашествія. Этотъ способъ дѣйствій, при разсматриваемой обстановкѣ, являлся наиболѣе соотвѣтственнымъ, конечно, и съ точки зрѣнія общихъ интересовъ союза.

Изъ двухъ нашихъ противниковъ — Германіи и Австро-Венгріи — главнымъ признавался, конечно, первый. Германія являлась главой и вдохновительницей всего враждебнаго намъ союза; поэтому противъ нея, въ конечномъ итогѣ, и надлежало направить наши главныя усилія. Но на пути выполненія этой задачи мы должны были, въ обстановкѣ, которая намъ рисовалась, какъ наиболѣе вѣроятная, предварительно столкнуться со всей австро-венгерской арміей; послѣдняя, въ данныхъ условіяхъ, представляла изъ себя главную боевую силу на нашемъ фронтѣ, стѣснявшую свободу дѣйствій нашей арміи. Только предварительный разгромъ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ обезпечивалъ русской арміи въ будущемъ возможность широкаго и безопаснаго вторженія въ предѣлы Германіи. Военный успѣхъ надъ пестрой монархіей Габсбурговъ, въ составѣ которой находилось до 20 милліоновъ родственныхъ и сочувствующихъ намъ славянъ, могъ кромѣ того привести къ полному ея распаду и выходу изъ войны. Наконецъ, ударомъ по двуединой монархіи, мы могли расчитывать значительно облегчить положеніе Сербіи, поднять авторитетъ державъ согласія на Балканахъ и возбудить тяготѣніе къ нимъ Италіи и Румыніи.

Эти соображенія и были причиной того, что въ основу варіанта А, предусматривавшаго стратегическое развертываніе русской арміи, въ случаѣ направленія Германіей главныхъ силъ на западъ, легла идея нанесенія рѣшительнаго удара по Австро-Венгріи. Отсюда и самое названіе, присвоенное этому развертыванію — варіантъ „А“ — (Австрія).

Но, подготовляя этотъ ударъ, мы не должны были забывать о той грозной обстановкѣ, которая складывалась при данныхъ усло-

віяхъ для нашей союзницы Франціи, долженствовавшей принять на себя въ первую очередь главный ударъ нѣмцевъ. Мы должны были помнить о нашей обязанности помочь ей самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Въ равной мѣрѣ мы должны были также озаботиться самымъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ со стороны Германіи нашего собственнаго маневра противъ австро-венгерскихъ войскъ. Обѣ эти задачи, одинаково важныя, наилучшимъ образомъ разрѣшались нашимъ собственнымъ энергичнымъ вторженіемъ въ предѣлы Восточной Пруссіи, служившей естественнымъ плацдармомъ для сбора германскихъ войскъ, противъ насъ оставляемыхъ, и нанесеніемъ этимъ войскамъ рѣшительнаго пораженія. Естественнымъ послѣдствіемъ такого образа дѣйствій должно было быть овладѣніе нами Восточной Пруссіей и выходъ нашихъ войскъ къ нижнему теченію р. Вислы. Съ занятіемъ же такого положенія, не только сокращалось общее протяженіе нашего стратегическаго фронта болѣе чѣмъ на 300 верстъ, но и упрочивалось положеніе на немъ праваго фланга, по условіямъ начертанія нашей пограничной линіи, слишкомъ отнесеннаго назадъ. Самое же главное, что съ выходомъ къ нижней Вислѣ, позволявшимъ соотвѣтственно выдвинуть наши войска на среднемъ теченіи той же рѣки, и съ разгромомъ австрійской арміи на лѣвомъ флангѣ нашего общаго стратегическаго фронта, — для русской арміи создавалось исключительно выгодное исходное положеніе, которое обезпечивало ей возможность дальнѣйшаго развитія операцій вглубь Германіи, и притомъ въ крайне опасныхъ для нея направленіяхъ. Передъ нашими войсками открывались пути не только въ промышленную Силезію, потеря которой во время войны для Германіи являлась очень тяжелымъ ударомъ, но и далѣе на Берлинъ, въ направленіи котораго, не считаясь съ первоначальной обстановкой, насъ такъ упорно и настойчиво приглашалъ наступать бывшій начальникъ генеральнаго штаба и главнокомандующій французской арміей генералъ, нынѣ маршалъ, Жоффръ. При этомъ наступленіи лѣвый флангъ нашего стратегическаго фронта могъ бы найти себѣ опору въ родственныхъ намъ Чехіи и Словакіи. Правда, фронтальное овладѣніе германскимъ участкомъ р. Вислы не могло, конечно, входить въ наши предварительные расчеты. Этотъ участокъ представлялъ изъ себя довольно сильную оборонительную линію протяженіемъ свыше 200 верстъ, съ рядомъ заблагозременно укрѣпленныхъ пунктовъ, для взятія которыхъ съ фронта у насъ не доставало достаточно мощной подвижной тяжелой артиллеріи. Но съ другой стороны нижнее теченіе Вислы легко сбходилось вполнѣ доступнымъ форсированіемъ той же рѣки въ нашихъ предѣлахъ; большинство же германскихъ укрѣпленій на Вислѣ имѣло недостаточно обезпеченный тылъ.

—

Итакъ, по основному варіанту А., который, какъ всякій планъ стратегическаго развертыванія, не шелъ далѣе постановки первыхъ боевыхъ задачъ, главный ударъ русскихъ вооруженныхъ силъ намѣ-

чался въ первую очередь противъ австро-венгерской арміи. Естественнымъ раіономъ сосредоточенія этой арміи противъ насъ являлась Галичина, въ которой австрійскій генеральный штабъ могъ развернуть, по нашимъ предварительнымъ подсчетамъ, 12—13 полевыхъ корпусовъ, оставляя остальные 3—4 корпуса противъ Сербіи. Очевидно, что для успѣха нашего удара являлась необходимость назначить максимумъ силъ. Однако русскій генеральный штабъ, какъ мы уже видѣли, въ рѣшеніи этого исключительно важнаго вопроса не былъ свободенъ; онъ долженъ былъ серьезно считаться съ общими задачами союза и обязательствами, принятыми на себя Россіей по отношенію къ Франціи.

Послѣдняя, при направленіи противъ нея главныхъ силъ Германіи, вводила, какъ мы уже знаемъ, въ свои расчеты быстрое вторженіе русскихъ силъ въ Германію, долженствовавшее отвлечь часть корпусовъ Германіи отъ ея западнаго фронта. По нашимъ расчетамъ, изложеннымъ въ той же запискѣ о силахъ и вѣроятныхъ планахъ нашихъ противниковъ, о которой уже было упомянуто выше, Германія, развивая главныя усилія противъ Франціи, все же могла оставить на своемъ восточномъ фронтѣ противъ насъ отъ 3 до 6 полевыхъ корпусовъ, въ особенности, въ случаѣ одновременнаго выступленія на сторонѣ тройственнаго союза Италіи. Эти корпуса могли быть еще значительно усилены добавленіемъ къ нимъ резервныхъ и ландверныхъ формированій. Мы уже видѣли, что на совѣщаніяхъ, происходившихъ до войны, наши союзники также высказывались за желательность нашего вступленія въ Германію съ такими силами, при которыхъ мы имѣли бы шансы на успѣхъ противъ 5 6 германскихъ корпусовъ. Сверхъ того намъ надлежало учитывать, что германскія войска, по сравненію съ нашими, были болѣе богато снабжены артиллеріей, превосходившей нашу не только числомъ орудій, но и наличіемъ тяжелой артиллеріи. И наконецъ, — что весь восточно-германскій фронтъ, особенно же раіонъ Восточной Пруссіи, былъ тщательно подготовленъ въ желѣзнодорожномъ отношеніи благодаря чему высокая сама по себѣ маневренная способность германскихъ войскъ должна была найти для себя чрезвычайно благопріятныя условія. Обстоятельства эти требовали, чтобы, при условіи нашего наступленія, на германскомъ фронтѣ съ нашей стороны были собраны для этого наступленія вполнѣ достаточныя силы. Всѣ изложенныя только что соображенія и пожеланія, какъ равно повелительная необходимость непосредственнаго обезпеченія раіона Финляндіи и Петербурга отъ возможныхъ угрозъ со стороны Швеціи и германскаго дессанта, являлись исходными данными для опредѣленія тѣхъ силъ, кои могли быть назначены въ первую очередь для нашего вторженія въ предѣлы Австро-Венгріи.

———

Въ конечномъ итогѣ оказалось, что изъ 28 полевыхъ корпусовъ, которые, какъ уже отмѣчено, могли быть развернуты Россіей на западныхъ границахъ въ теченіе перваго мѣсяца войны, противъ

Австро-Венгріи представилось возможнымъ развернуть въ первую очередь лишь 16 полевыхъ корпусовъ. Для усиленія ихъ, въ предстоявшемъ наступленіи, пришлось допустить участіе также нѣкоторыхъ второочередныхъ дивизій, въ качествѣ третьихъ дивизій въ корпусахъ, хотя таковыя дивизіи и не признавались достаточно подготовленными для немедленнаго боевого ихъ использованія.

Ограничивающія условія, которыя приходилось имѣть въ виду русскому генеральному штабу при разработкѣ разсматриваемаго варіанта стратегическаго развертыванія, на этомъ однако не заканчивались. Вслѣдствіе крайней быстроты, съ коей ожидалось развертываніе событій на французско-германскомъ фронтѣ, приходилось принимать максимальныя усилія къ тому, чтобы, въ интересахъ оказанія скорѣйшей помощи нашимъ союзникамъ, ускорить и нашу готовность къ наступленію противъ Германіи, хотя бы въ ущербъ готовности нашихъ армій на австро-венгерскомъ фронтѣ. Поэтому на фронтъ противъ Германіи считалось необходимымъ намѣтить корпуса съ ускоренною, противъ остальныхъ, готовностью.

Обстановка, въ предвидѣніи которой былъ разработанъ варіантъ А. нашего плана, была все же такова, что позволяла использовать, хотя и не въ полной мѣрѣ, выгоды нашего передового театра. Послѣднія заключались въ возможности занятія нами охватывающаго положенія по отношенію какъ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ въ Галичинѣ, такъ и германскихъ войскъ, предполагая ихъ сосредоточеніе въ Восточной Пруссіи, примѣрно на меридіанѣ Мазурскихъ озеръ. Конечно, на сторонѣ нашихъ противниковъ, и особенно Германіи, все же и въ этомъ случаѣ оставались выгоды болѣе ранняго изготовленія, но благопріятствующими для насъ факторами, позволявшими принять болѣе смѣлое рѣшеніе въ данной обстановкѣ, являлись: съ одной стороны — направленіе главныхъ силъ Германіи противъ Франціи, съ вѣроятнымъ оставленіемъ противъ насъ относительно не очень крупнаго заслона; съ другой стороны — возможность образованія нами достаточно сильнаго фронта противъ той же Германіи, составленнаго къ тому же изъ войскъ съ ускоренною готовностью. При такихъ условіяхъ имѣлись основанія расчитывать не только на прочное удержаніе важнаго для нашего положенія на передовомъ театрѣ Гродно-Бѣлостокскаго раіона, но и на возможность развитія нашей наступательной операціи въ Восточную Пруссію, съ обходомъ Мазурскихъ озеръ съ запада. Что же касается опасности вторженія въ предѣлы передового театра австро-венгерскихъ войскъ въ первые недѣли войны, то таковое имѣлось въ виду парализовать прежде всего энергическимъ наступленіемъ со стороны Кіевскаго фронта, а затѣмъ созданіемъ особо-устойчивой опорной группы войскъ въ зонѣ наиболѣе опаснаго для насъ операціоннаго направленія на Брестъ-Литовскъ.

Въ соотвѣтствіи со всѣми изложенными выше соображеніями варіантъ А. вылился въ слѣдующія конкретныя формы:

Всѣ войска, назначенныя для развитія наступательныхъ дѣйствій противъ Австро-Венгріи, какъ имѣвшія общую цѣль и предназначенныя для дѣйствій въ одномъ оперативномъ раіонѣ, должны были войти въ составъ „юго-западнаго фронта (генералъ Ивановъ) и развернуться въ двухъ группахъ: двѣ арміи (4-ая и 5-ая), въ составѣ семи полевыхъ корпусовъ, — на южномъ участкѣ передового театра и другія двѣ арміи (3-ья и 8-ая), въ составѣ девяти полевыхъ корпусовъ, — на Кіевскомъ участкѣ общаго фронта.

Цѣлью дѣйствій армій юго-западнаго фронта ставился разгромъ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ, развертывавшихся въ Галичинѣ; какъ слѣдствіе этого разгрома — овладѣніе Галичиной и горными перевалами, ведущими въ Венгерскую равнину.

Главный ударъ возлагался на 3-ью и 8-ю арміи, развертывавшіяся на Кіевскомъ участкѣ ю.-з. фронта. Поэтому на составъ и болѣе раннюю готовность этихъ армій было обращено особое вниманіе.

Болѣе подробно составъ и развертываніе армій ю.-з. фронта представляются въ слѣдующемъ видѣ:

4-ая армія (генералъ баронъ Зальцъ) — въ раіонѣ Люблина между Вислой и Вепржемъ, въ составѣ XIV, XVI и грен. корпусовъ, трехъ второочередныхъ дивизій и $5^1/_2$ кон. дивизій (всего 9 пѣх. див., 1 стр. бриг., $5^1/_2$ кон. див.).*)

5-ая армія (генералъ Плеве) — на фронтѣ Холмъ Ковель, по обоимъ берегамъ р. Зап. Буга, въ составѣ V, XVII, XIX и XXV корпусовъ, пяти второочередныхъ дивизій и 4 кон. дивизій (всего 13 пѣх. и 4 кон. дивизіи).

3-ья армія (генералъ Рузскій) на фронтѣ Луцкъ Дубно — Теофиполь, между р.р. Стырь и Горынь, въ составѣ IX, X, XI, XXI и III кавказскаго корпусовъ,**) четырехъ второочередныхъ дивизій и 4 конныхъ дивизій (всего 14 пѣх. и 4 кон. дивизіи).

8-ая армія (генералъ Брусиловъ) — на фронтѣ Николаевъ Черный Островъ — Дунаевцы, въ составѣ VII, VIII, XII и XXIV корпусовъ, одной второочередной дивизіи и 5 конныхъ дивизій (всего 9 пѣх. див., 2 стр. бригады и 5 кон. дивизій).

Противъ Германіи должны были развернуться двѣ арміи, въ составѣ 9 полевыхъ корпусовъ объединявшіяся въ рукахъ главнокомандующаго „сѣверо-западнымъ фронтомъ“ (генералъ Жилинскій); изъ нихъ I-ая армія (генералъ Ренненкампфъ) — изъ четырехъ полевыхъ корпусовъ — I, III, IV, XX, — семи второочередныхъ дивизій и $5^1/_2$ кон. дивизій (всего 15 пѣх. див., 1 стр. бр. и $5^1/_2$ кон. див.), — въ раіонѣ къ западу отъ средняго теченія р. Нѣмана, и 2-ая армія (генералъ Самсоновъ) — изъ пяти полевыхъ корпусовъ — II, VI, XIII,

*) Въ распредѣленіи конныхъ частей по фронтамъ и арміямъ возможны нѣкоторыя неточности.

**) III кавк. корпусъ впослѣдствіи былъ переброшенъ въ составъ IV арміи, которая въ первый періодъ Галиційской операціи оказалась въ очень трудномъ положеніи.

XV, XXIII, — четырехъ второочередныхъ дивизій и 4 кон. дивизій (всего 14 пѣх. д. 1 стр. бр. и 4 кон. дивизіи) на Бобръ-Наревскомъ участкѣ упомянутаго фронта, въ раіонѣ Гродна Ломжа Бѣлостокъ.

Дополнительное включеніе столь большого числа второочередныхъ дивизій въ составъ армій с.-з. фронта объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ раіонѣ этихъ армій находилось большинство нашихъ пограничныхъ крѣпостей, нуждавшихся въ снабженіи ихъ довольно значительными гарнизонами. Въ составъ же І-ой арміи входили кромѣ того три второочередныя дивизіи Риго-Шавельскаго раіона, долженствовавшія прикрывать важное направленіе Тильзитъ—Рига—Псковъ и являвшіяся уступомъ за правымъ флангомъ всего нашего стратегическаго фронта.

Обѣ арміи с.-з. фронта имѣли общую задачу — разбить германскія войска, сосредоточенныя въ Восточной Пруссіи и, овладѣвъ послѣдней, выйти къ нижнему теченію р. Вислы. Въ соотвѣтствіи съ этой задачей, І-ая армія должна была готовиться къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера, а 2-ая армія, — оставляя полосу названныхъ озеръ къ востоку. — Такъ какъ 2-ая армія своимъ расположеніемъ на Бобръ-Наревскомъ участкѣ являлась прикрытіемъ тыла 4-ой и 5-ой армій, то ей, для выполненія этой задачи при всякой обстановкѣ, было дано дополнительное указаніе— удерживать раіонъ Гродно—Бѣлостокъ при всякой обстановкѣ.

———

Слабость нашего Балтійскаго флота и незаконченность морской укрѣпленной позиціи Ревель—Поркалаудъ, долженствовавшей, совмѣстно съ флотомъ, преграждать непріятельскимъ морскимъ силамъ доступъ въ Финскій заливъ, дѣлали наше положеніе на ближайшихъ подступахъ къ столицѣ имперіи и въ Финляндіи крайне непрочнымъ, особенно ввиду неяснаго политическаго положенія, занятаго передъ войной Швеціей. Ввиду этого, впредь до выясненія обстановки, намѣчалось оставленіе въ Финляндіи и въ раіонѣ Петербурга на первое время трехъ полевыхъ корпусовъ, образовавшихъ 6-ю армію. Во главѣ этой арміи долженъ былъ стоять Великій Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, который въ мирное время занималъ должность главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербурскаго военнаго округа. Однако, съ фактическимъ объявленіемъ войны, Великій Князь, какъ извѣстно, былъ призванъ на высокій и отвѣтственный постъ Верховнаго Главнокомандующаго всѣми вооруженными силами имперіи, вошедшими въ дѣйствительную армію.

По выясненіи обстановки и сформированіи второочередныхъ дивизій, которыя могли замѣнить полевыя части, всѣ три полевыхъ корпуса 6-ой арміи намѣчались къ постепенной перевозкѣ на западный фронтъ, что въ дѣйствительности и было выполнено. Такимъ образомъ упомянутые три корпуса по существу являлись стратегическимъ резервомъ, въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго.

Полный составъ 6-ой арміи вначалѣ войны (генералъ фанъ-деръ Флитъ)—Гвард., XVIII и XXII корпуса; 50-ая пѣх. дивизія; три второ-

очередныхъ дивизіи и $1^1/_2$ кон. дивизіи (всего 8 пѣх. див.; 5 стр. бриг. и $1^1/_2$ кон. дивизіи.).

—

Наконецъ, на южныхъ границахъ Европейской Россіи, прилегающихъ къ Румыніи и Черноморскому побережью, ввиду невыяснившейся позиціи Румыніи и Турціи, предусматривалось формированіе съ обсерваціонными цѣлями 7-ой арміи (генералъ Никитинъ) — исключительно изъ четырехъ второочередныхъ дивизій и $1^1/_2$ кон. дивизій.

—

Постепенно, по мѣрѣ формированія ополченскихъ частей, изъ состава 6-ой и 7-ой армій были переброшены на театръ военныхъ дѣйствій не только всѣ полевыя, но и второочередныя части.

—

Таковымъ намѣчалось развертываніе русской арміи на западныхъ границахъ, при условіи направленія главныхъ силъ противъ Франціи.

Изъ состава тѣхъ силъ, кои могли быть развернуты въ первую очередь, нѣсколько болѣе половины было предназначено для наступленія противъ Австріи; около трети — для развертыванія противъ Германіи и вторженія въ предѣлы Восточной Пруссіи и около шестой части — для обезпеченія столицы имперіи и второстепенныхъ раіононъ, вошедшихъ въ театръ военныхъ дѣйствій.

При такомъ распредѣленіи войскъ мы обезпечивали за собою, однако, лишь условное превосходство въ силахъ надъ австро-венгерской арміи. — Составителямъ даннаго плана, конечно, не могла не быть ясной эта его слабая сторона. Но другого выхода имъ не представлялось. Можно было конечно сожалѣть, что Россія, войдя въ союзныя отношенія съ Франціей, оказалась вынужденной ограничить извѣстными условіями свободу распоряженія собственными вооруженными силами, но нельзя было разсматривать запротоколенныя соглашенія съ нашей союзницей, какъ пресловутый „клочекъ бумаги“. Союзъ обязывалъ, и каждая договорившаяся сторона, уважая себя, должна была найти въ себѣ волю для подчиненія собственныхъ намѣреній и выгодъ общимъ заданіямъ союза. Всякій, бывавшій на войнѣ, хорошо знаетъ какъ пагубно отражается на общемъ замыслѣ участіе въ немъ ненадежныхъ партнеровъ или сосѣдей. Россія не могла допустить, чтобы, въ результатѣ ея отступленія отъ принятыхъ на себя обязательствъ, могла сложиться на фронтѣ ея западныхъ союзниковъ обстановка болѣе тяжелая, чѣмъ та, которая предусматривалась заранѣе. Ограничивая свои силы, собираемыя для удара противъ Австро-Венгріи, Россія имѣла къ тому же основанія расчитывать восполнить недостаточную численность своихъ войскъ — ихъ доблестью и превосходствомъ надъ противникомъ, а также значительнымъ перевѣсомъ въ численности полевой артиллеріи. Кромѣ того въ составъ армій ю.-з. фронта были вклю-

чены преимущественно полевыя войска и во всякомъ случаѣ процентное отношеніе этой категоріи войскъ на упомянутомъ фронтѣ было болѣе выгоднымъ, чѣмъ въ арміяхъ с.-з. фронта.

Наконецъ, надо добавить, что въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго оставались, въ видѣ резерва, еще три полевыхъ корпуса 6-ой арміи, которые могли быть использованы въ зависимости отъ обстановки. Послѣ состоявшагося въ первый же періодъ войны направленія двухъ корпусовъ этой арміи*) въ составъ ю.-з. фронта, послѣдній возросъ до 18 полевыхъ корпусовъ, что дало уже замѣтный численный перевѣсъ въ нашихъ силахъ надъ австрійцами.

———

Мы имѣли значительный, въ общемъ болѣе чѣмъ двойной, перевѣсъ въ конницѣ надъ нашими западными противниками. Отсюда могла родиться мысль о цѣлесообразности массового набѣга этой конницы на непріятельскую территорію съ началомъ открытія военныхъ дѣйствій. Теоретически — можно было даже намѣтить крайне выгодныя направленія для такого набѣга — отъ средней Вислы, по лѣвому ея берегу, вглубь Германіи. Но осуществленію этой операціи, — столь же трудной, въ условіяхъ культурной непріятельской страны, сколь манящей къ себѣ по возможнымъ результатамъ, — мѣшали многія обстоятельства. Такая операція требуетъ прежде всего внезапности. Между тѣмъ инціатива объявленія войны, а значитъ и открытія военныхъ дѣйствій, вслѣдствіе миролюбивой политики Россіи, едва ли могла когда либо принадлежать намъ; наши противники, такимъ образомъ, всегда могли имѣть въ своемъ распоряженіи время, необходимое для осуществленія заблаговременно и притомъ крайне тщательно и цѣлесообразно разработанныхъ мѣропріятій по прикрытію своихъ пограничныхъ раіоновъ.

Съ другой стороны—наша конница, сверхъ заданій, обычно возлагаемыхъ на этотъ родъ оружія въ перзоначальный періодъ развертыванія войскъ, должна была нести еще спеціальныя задачи по наблюденію и прикрытію тѣхъ направленій, кои не могли войти въ раіоны непосредственнаго развертыванія армій, которыя раскинулись въ пограничной полосѣ, по мѣстнымъ условіямъ, на слишкомъ широкомъ фронтѣ, во много сотенъ верстъ. Къ тому же, несмотря на доблесть и порывъ нашихъ конныхъ частей, съ коими онѣ прибыли на границу, части эти были совсѣмъ мало подготовлены и еще менѣе технически снаряжены для самостоятельной и продолжительной работы въ непріятельской странѣ, въ обстановкѣ современной войны. При такихъ условіяхъ и наличіи у непріятеля воздушныхъ средствъ развѣдки, велосипедныхъ и мотоциклетныхъ командъ, броневыхъ машинъ, широкой телеграфной и телефонной сѣти, — трудно было расчитывать на успѣхъ какого-либо глубокаго рейда. Вѣрнѣе думать, что этотъ послѣдній лишь въ конецъ измоталъ бы силы нашей кон-

*) XXII корпусъ въ это время еще не могъ быть выведенъ изъ Финляндіи.

ницы и надолго вывелъ бы ее изъ строя. Примѣръ работы нашей конницы въ Восточной Пруссіи, – яркое тому доказательство. Наконецъ, для успѣха такой отвѣтственной и сложной операціи нужны исключительные кавалерійскіе начальники, которыхъ, къ сожалѣнію, мирная жизнь арміи не сумѣла выдвинуть.

—

Выше было отмѣчено, что напряженіе, которое имѣла въ виду проявить Россія при борьбѣ на западномъ ея фронтѣ, не исчерпывалось тѣми силами, которыя были включены въ основное боевое расписаніе. Предполагалось привлечь еще войска изъ отдаленныхъ округовъ, гдѣ оставались, хотя мобилизованными, но не получившими окончательнаго назначенія, – 9 корпусовъ. Изъ числа этихъ корпусовъ считалось необходимымъ оставить на мѣстахъ, до полнаго выясненія политической обстановки,—два корпуса на Дальнемъ Востокѣ, въ Забайкальѣ и Приморской Области—и по одному корпусу въ Закавказьѣ и Туркестанѣ. Впослѣдствіи, присоединеніе Японіи къ державамъ согласія позволило намъ снять въ Сибири всѣ корпуса, и даже перебросить на театръ военныхъ дѣйствій войска Заамурскаго округа пограничной стражи. И такимъ образомъ не менѣе пяти и до семи-восьми корпусовъ, считая Заамурцевъ, должны были дополнительно прибыть на западный фронтъ, гдѣ могли быть использованы въ соотвѣтствіи въ наличной обстановкой. Это давало русскому Верховному Главнокомандованію право вести первыя боевыя операціи съ болѣе широкимъ и смѣлымъ размахомъ.

При предназначеніехъ на высшія командныя должности военнаго времени и установленіи порядка формированія штабовъ фронтовъ и армій были приняты всѣ мѣры, чтобы обезпечить надлежащій подборъ лицъ. Главнокомандующимъ арміями сѣверо-западнаго фронта былъ предназначенъ генералъ Жилинскій, занимавшій почти три года должность начальника генеральнаго штаба и перешедшій затѣмъ на должность командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа; должность начальника штаба этого фронта долженъ былъ принять генералъ Орановскій, занимавшій въ мирное время должность начальника штаба Варшавскаго округа, спеціализировавшагося на преимущественномъ изученіи германскаго фронта. На должность главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта былъ предназначенъ генералъ Ивановъ, переходившій съ мобилизаціей на этотъ постъ съ поста командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа; начальникомъ штаба этого фронта долженъ былъ быть генералъ Алексѣевъ, стоявшій нѣсколько лѣтъ во главѣ штаба Кіевскаго военнаго округа; въ этомъ же послѣднемъ было сосредоточено детальное изученіе въ военномъ отношеніи Австро-Венгерской монархіи. Въ составъ штабовъ обоихъ фронтовъ вошло также по нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба изъ штабовъ соотвѣтственныхъ пограничныхъ округовъ. Командующій 1-ой арміей – генералъ Ренненкампфъ — занималъ до войны

должность командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, на территорiи котораго его армiя и должна была развернуться; для формированiя же штаба этой армiи цѣликомъ былъ использованъ штабъ того же Виленскаго округа. Личный составъ 3-й и 8-й армiй, развертывавшихся на территорiи Кiевскаго военнаго округа, почти цѣликомъ былъ взятъ изъ штаба и управленiй этого округа. Штабы 4-й и 5-й армiй были соотвѣтственно сформированы изъ штабовъ Казанскаго и Московскаго военныхъ округовъ, офицеры коихъ ежегодно командировались на полевыя поѣздки въ раiоны развертыванiя этихъ армiй. Наконецъ, для формированiя органовъ управленiя 2-й армiей каждое назначенiе было также по возможности продумано. Командующiй армiей — генералъ Самсоновъ — пользовался большой и вполнѣ заслуженной боевой и служебной репутацiей. За нѣсколько лѣтъ до войны онъ занималъ должность начальника штаба Варшавскаго военнаго округа. Начальникъ штаба армiи, — генералъ Постовскiй, — бывшiй генералъ-квартирмейстеръ штаба того же Варшавскаго округа, который одно время даже продвигался мѣстнымъ начальствомъ на должность начальника штаба этого округа. Генералъ-квартирмейстеръ армiи генералъ Филимоновъ — бывшiй начальникъ штаба Новогеоргiевской крѣпости. Начальникъ оперативнаго отдѣленiя этой армiи былъ назначенъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, служившихъ въ оперативной части главнаго управленiя генеральнаго штаба (Полковникъ Вяловъ). Всѣ эти лица такимъ образомъ должны были по прежней своей службѣ хорошо знать германскiй фронтъ и задачи армiи. Даже на случайно освободившiйся постъ командира XIII корпуса, входившаго въ составъ 2-ой армiи, было съ нарочитою цѣлью назначено лицо (Генералъ Клюевъ), занимавшее раньше постъ начальника штаба Варшавскаго военнаго округа и имѣвшее по этой должности извѣстныя общепризнанныя заслуги. Ко всему изложенному слѣдуетъ еще добавить, что, при опредѣленiи состава армiй, преслѣдовалась цѣль образованiя ихъ по возможности изъ войскъ того округа, изъ управленiй котораго формировался штабъ армiи. Всѣ эти мѣры конечно должны были облегчить предстоявшую боевую работу.*)

Здѣсь умѣстно будетъ также упомянуть, что въ апрѣлѣ 1914 года, т. е. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до описываемыхъ событiй, по настоянiю военнаго министра, генерала Сухомлинова, была, наконецъ, осуществлена въ Кiевѣ, встрѣчавшая большiя противодѣйствiя, стратегическая военная игра, въ которой приняли непосредственное участiе всѣ командующiе войсками въ округахъ — будущiе командующiе армiями—съ ихъ начальниками штабовъ. Занятiя военной игрой получили въ русской армiи довольно широкое развитiе лишь среди офицеровъ генеральнаго штаба и въ самые послѣднiе годы передъ

---

*) Редакцiя не согласна съ такой чисто формальной оцѣнкой назначенiй, якобы обезпечивающей надлежащiй подборъ лицъ. Наша система назначенiй на высокiе посты вообще не выдвигала талантовъ Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что въ теченiе 9 лѣтъ до войны смѣнилось 6 начальниковъ генеральнаго штаба, изъ коихъ только одинъ ген. Палицынъ безспорно соотвѣтствовалъ своему назначенiю

войной — въ войсковыхъ частяхъ. Старшіе войсковые начальники къ нимъ привлекались крайне рѣдко и участвовали въ нихъ неохотно. На военной игрѣ въ г. Кіевѣ, о которой только что упомянуто и къ которой впервые, въ качествѣ участниковъ, были привлечены лица, занимавшія самые высокіе и отвѣтственные военные посты, разыгрывались стратегическія комбинаціи, почти вполнѣ идентичныя тѣмъ событіямъ, которыя развернулись въ дѣйствительности. Такое совпаденіе, конечно, не было случайнымъ, оно явилось результатомъ тщательнаго и вдумчиваго изученія главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба и штабами военныхъ округовъ той обстановки, при которой наиболѣе было вѣроятно открытіе военныхъ дѣйствій на нашихъ западныхъ границахъ. Участники этой военной игры, при желаніи, могли вынести изъ нея много полезнаго и остается весьма сожалѣть о томъ, что оргнаизація такихъ занятій встрѣчала долго упорное противодѣйствіе со стороны тѣхъ, кто хотѣлъ видѣть въ этихъ занятіяхъ лишь обидную для себя провѣрку знаній и опыта въ руководствѣ военными массами. Многія роковыя ошибки и промахи могли бы быть избѣгнуты при болѣе довѣрчивомъ къ этимъ занятіямъ отношеніи.

Наши морскія силы, исключая тѣ суда, кои находились на Дальнемъ Востокѣ и въ заграничныхъ портахъ, были разъединены географическими условіями на двѣ независимыя другъ отъ друга части. Балтійскій флотъ, находившійся подъ командой адмирала Эссена, крайне ограниченный по своему боевому составу, получилъ задачу, опираясь на береговыя укрѣпленія Ревель—Поркалаудъ, преграждать непріятельскому флоту входъ въ Финскій заливъ. Такъ какъ задача его являлась частью болѣе общей задачи, возлагавшейся на 6-ю армію по прикрытію столицы имперіи и оборонѣ Финляндіи, то, для объединенія морскихъ и сухопутныхъ дѣйствій, Балтійскій флотъ былъ подчиненъ главнокомандующему 6-й арміей*). Задача Черноморскаго флота была болѣе широкой и самостоятельной; флотъ этотъ долженъ былъ поддерживать наше господство въ Черномъ морѣ. Поэтому командующій Черноморскимъ флотомъ — адмиралъ Эбергардтъ — долженъ былъ находиться въ непосредственномъ подчиненіи Верховному Главнокомандующему.

И дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, русское Верховное Главнокомандованіе, путемъ установленія съ перваго дня мобилизаціи наблюденія за перевозкою германскихъ войскъ, весьма скоро получило неопровержимыя доказательства того, что главныя силы направляются Германіей на западъ. Поэтому принятый къ исполненію съ того же перваго дня варіантъ А. стратегическаго развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ былъ доведенъ до конца съ тѣми измѣненіями,

*) Почетное званіе, которое сохранилось лично за командующимъ 6-й арміей въ виду предполагавшагося перехода на эту должность, съ объявленіемъ войны бывшаго главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Великаго Князя Николая Николаевича.

конечно, которыя вытекали изъ болѣе детальнаго выясненія обстановки и законнаго стремленія полнѣе использовать таковую.

Въ первые же дни по объявленіи войны, штабу Верховнаго Главнокомандующаго или Ставкѣ, какъ этотъ штабъ впослѣдствіи стали называть, сдѣлалось извѣстнымъ, что части не только II-го германскаго (Штетинъ), но и пограничныхъ съ нами корпусовъ — V-го (Познань) и VI-го (Бреславль), совершаютъ посадку на желѣзную дорогу и отправляются въ западномъ направленіи. Отсюда становилось яснымъ, что со стороны Германіи намъ не угрожаетъ десантной опасности на Балтійскомъ побережьѣ, и что мы въ Восточной Пруссіи должны расчитывать на встрѣчу только съ тремя мѣстными полевыми корпусами (I, XVII и XX), съ извѣстнымъ конечно числомъ резервныхъ, ландверныхъ и ландштурмныхъ формированій. Эти данныя позволяли намъ начать немедленную переброску на западную сухопутную границу полевыхъ корпусовъ, входившихъ въ составъ 6-ой арміи. Въ первую очередь были предназначены два корпуса; лишь одинъ корпусъ (XXII) былъ временно задержанъ въ Финляндіи впредь до болѣе опредѣленнаго выясненія позиціи Швеціи. Дальнѣйшимъ выводомъ изъ приведенныхъ выше данныхъ должно было быть рѣшеніе о цѣлесообразности болѣе смѣлыхъ и быстрыхъ дѣйствій нашихъ въ направленіи Восточной Пруссіи. Мы не должны были упустить возможности воспользоваться, для выполненія нашихъ задачъ на этомъ театрѣ, относительной слабостью на немъ нашего врага, ибо послѣдній съ теченіемъ времени могъ усилиться, путемъ ли новыхъ формированій или обратной переброски части своихъ силъ на востокъ, по выполненіи на западномъ фронтѣ первыхъ боевыхъ задачъ. Въ равной мѣрѣ на насъ лежала обязанность оказать нашимъ союзникамъ на западѣ помощь, тѣмъ болѣе дѣйствительную и быструю, чѣмъ сильнѣе былъ ударъ, заносимый надъ ними.

Здѣсь надо напомнить, что наступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Германіи ожидалось нашими союзниками — Франціей и примкнувшей къ ней Англіей — съ нескрываемой напряженностью. Нашъ военный агентъ въ Парижѣ, графъ Игнатьевъ, въ самые первые дни по объявленіи войны телеграфировалъ, что французскій военный министръ высказалъ ему надежду на то, что всѣ наши усилія будутъ направлены противъ Германіи и что Австрія будетъ нами признана въ качествѣ „quantité négligeable“. Французскій посолъ въ Петербургѣ, г. Палеологъ, лично обратился къ Императору Николаю II съ горячей просьбой о скорѣйшемъ наступленіи; русскій посолъ въ Парижѣ, г. Извольскій, также сообщалъ о „лихорадочномъ“ нетерпѣніи, съ которымъ, по его оцѣнкѣ, ожидаютъ во Франціи извѣстій о наступленіи нашихъ войскъ, причемъ добавлялъ, что разочарованіе въ этомъ отношеніи способно произвести удручающее впечатлѣніе.

Всѣ приведенныя выше соображенія, какъ вытекавшія изъ оцѣнки собственнаго положенія, такъ и изъ положенія нашихъ союзниковъ,

заставляли Ставку настаивать на скорѣйшемъ вторженіи армій сѣверо-западнаго фронта въ предѣлы Восточной Пруссіи.

Что касается австро-венгерскаго фронта, то къ серединѣ августа удалось установить, что за р. Саномъ и на фронтѣ Ярославъ—Львовъ собраны значительныя силы австрійцевъ. Въ Восточной Галичинѣ обстановка вырисовывалась болѣе туманно; все же можно было предполагать, что непріятель находится въ этомъ раіонѣ въ болѣе слабыхъ силахъ и только въ періодѣ своего развертыванія, прикрываясь р.р. Зап. Бугомъ, Золотой Липой и Днѣстромъ. Надо отмѣтить вообще, что совершенная ничтожность нашихъ авіаціонныхъ средствъ и техническое несовершенство аппаратовъ препятствовали, несмотря на личную отвагу и достойное самопожертвованіе нашихъ летчиковъ, успѣшному производству глубокихъ развѣдокъ, при которыхъ данныя объ общемъ расположеніи непріятеля всегда будутъ страдать большою степенью сомнительности. Тѣмъ не менѣе добытыя данныя, въ связи съ фактомъ медленной готовности нашихъ 5-ой и особенно 4-ой армій подтверждали предусматривавшуюся главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба еще въ мирное время вѣроятность натиска на эти арміи со стороны австрійцевъ. Чтобы парализовать опасность этого удара и вмѣстѣ съ тѣмъ вырвать иниціативу дѣйствій изъ рукъ нашего врага, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ былй скорѣйшее вторженіе нашихъ 3 и 8 армій въ предѣлы Галичины.

Надо отмѣтить, что въ годы мирной подготовки, между главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба и штабомъ Кіевскаго военнаго округа существовало коренное различіе во взглядѣ на вѣроятный планъ дѣйствій австрійцевъ, въ случаѣ войны. Основываясь на сопоставленіи сроковъ боевой готовности, обѣ стороны одинаково допускали вторженіе австрійцевъ, съ началомъ войны, въ наши предѣлы. Но главное управленіе генеральнаго штаба считало болѣе вѣроятнымъ наступленіе австрійцевъ въ сѣверномъ направленіи, въ предѣлы русской Польши и на сближеніе съ восточнымъ фронтомъ германцевъ; штабъ же Кіевскаго военнаго округа отстаивалъ преимущества для австрійцевъ восточнаго операціоннаго направленія, указывая, что наступленіе на сѣверъ явится возможнымъ для нашего противника лишь послѣ успѣха надъ нашими арміями на Кіевскомъ фронтѣ. Разница въ оцѣнкѣ обстановки порождала разницу и во взглядахъ на наилучшій способъ собственныхъ дѣйствій. Главное управленіе генеральнаго штаба, исходя изъ указанныхъ выше соображеній и учитывая опасность, проистекавшую отъ запаздыванія готовности нашихъ армій на фронтѣ между Вислой и Зап. Бугомъ, всегда настаивало на скорѣйшемъ переходѣ въ наступленіе армій, развертывавшихся противъ восточной границы Галичины, хотя бы съ нѣкоторымъ рискомъ для себя; въ этомъ наступленіи оно видѣло способъ отвести ударъ отъ сѣверной группы. Мѣстное же начальство Кіевскаго военнаго округа, не раздѣляя мысли о возможности от-

дѣльнаго пораженія нашей сѣверной группы, склонялось болѣе къ оттяжкѣ своего наступленія, расчитывая на болѣе обезпеченный успѣхъ общаго наступленія всѣхъ четырехъ армій, по окончательномъ ихъ изготовленіи.

Съ объявленіемъ общей мобилизаціи и связаннымъ съ нею приступомъ къ сосредоточенію дѣйствующей арміи къ западнымъ границамъ — территоріи Виленскаго, Варшавскаго, Кіевскаго (только губерніи праваго берега Днѣпра) и частью Петербургскаго и Одесскаго пограничныхъ военныхъ округовъ — должны были составить театръ военныхъ дѣйствій, съ подчиненіемъ такового военной власти. При этомъ нѣсколько видоизмѣнились границы военныхъ округовъ и, въ соотвѣтстіви съ условіями военнаго времени, военно-окружныя управленія изъ Вильны и Варшавы должны были перемѣститься соотвѣтственно въ Двинскъ и Минскъ. Территорію сѣверо-западнаго фронта, при варіантѣ А., долженъ былъ составить Двинскій военный округъ, а территорію юго-западнаго — Минскій и Кевскій военные округа. Что касается Петербургскаго и Одесскаго военныхъ округовъ, то таковые должны были образовать территорію отдѣльныхъ 6-ой и 7-ой армій, причемъ командующіе этими арміями, какъ невходившими въ составъ армій фронтовъ, непосредственно подчинялись Верховному Главнокомандующему.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о варіантѣ Г. (Германія), осуществленіе котораго предполагалось въ томъ, хотя и менѣе вѣроятномъ, но допускавшемся случаѣ, если бы Германія рѣшилась направить съ началомъ войны значительныя силы на свой восточный фронтъ. При этихъ условіяхъ Россія имѣла бы противъ себя соединенныя силы обѣихъ центральныхъ державъ, которыя не только превосходили бы русскія вооруженныя силы своею численностью, но еще имѣли бы на своей сторонѣ огромное преимущество въ срокахъ готовности, несмотря на то, что въ этомъ случаѣ ихъ собственное сосредоточеніе конечно должно было нѣсколько затянуться. Очевидно, что мы не могли расчитывать воспрепятствовать вторженію нашихъ противниковъ въ предѣлы собственной территоріи и потому въ основаніе нашего стратегическаго развертыванія должно было быть положено прежде всего условіе его безопасности. Обстановка повелительно требовала въ этомъ случаѣ болѣе глубокаго отнесенія зонъ нашего развертыванія внутрь страны. Оборона передового театра являлась невозможной, такъ какъ этотъ театръ неизбѣжно охватывался непріятелемъ со всѣхъ сторонъ. Весь первый періодъ войны долженъ былъ принять оборонительный характеръ, въ ожиданіи подхода всѣхъ войскъ изъ Сибири, Туркестана и Закавказья, или измѣненія обстановки, подъ вліяніемъ событій на союзномъ намъ западномъ фронтѣ. Въ такихъ условіяхъ весьма рельефно вырисовывалось разъединяющее значеніе нашего Полѣсья, представляющаго и до сихъ поръ большія затрудненія для веденія въ немъ операцій крупнаго масштаба. Такъ какъ для нашихъ противниковъ

главнѣйшіе и кратчайшіе пути къ обѣимъ столицамъ имперіи — Петербургу и Москвѣ, являющимися вмѣстѣ съ тѣмъ жизненными центрами всей страны, пролегали къ сѣверу отъ Полѣсья, то на сѣверномъ участкѣ общаго фронта естественно и подлежала развертыванію большая часть нашихъ вооруженныхъ силъ. Изъ 28 полевыхъ корпусовъ, включенныхъ въ основное боевое расписаніе, 20 корпусовъ (арміи 6, 4, 1, 2 и 5, съ добавленіемъ одного корпуса изъ состава 8 арміи) должны были развернуться къ сѣверу отъ р. Припяти, съ главными силами, примѣрно, на фронтѣ нашихъ основныхъ крѣпостей Ковно—Гродно Брестъ-Литовскъ (1, 2 и 5-ая арміи), имѣя за правымъ открытымъ флангомъ уступъ въ раіонѣ Ново-Свѣнцянъ (4-ая армія) и конечно особую армію (6-ую) на подступахъ къ столицѣ имперіи Петербургу. Послѣднему въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ когда-либо могла угрожать опасность дессанта. При отсутствіи же таковаго, эта армія, пользуясь желѣзно-дорожною сѣтью, легко могла быть подана на фронтъ въ желаемомъ направленіи.

Къ югу отъ Полѣсья имѣлось въ виду развернуть при данной обстановкѣ только восемь корпусовъ (арміи 3 и 8), которые должны были взять на себя задачу прикрытія путей къ р. Днѣпру. — Соотвѣтственно этому раздѣленію силъ на два фронта перераспредѣлялась между послѣдними и территорія театра военныхъ дѣйствій съ разграничительной линіей, проходившей черезъ Полѣсье. — Примѣрно въ той же пропорціи, какъ и полевыя войска, между фронтами распредѣлялись и второочередныя части. Такимъ образомъ свыше 70% всѣхъ силъ, включенныхъ въ основное боевое расписаніе, сосредоточивались при варіантѣ Г. къ сѣверу отъ Полѣсья, на фронтѣ противъ Германіи. Къ этимъ силамъ, начиная со второго мѣсяца войны, могли начать свой подходъ войска отдаленныхъ округовъ.

———

Выше я имѣлъ уже случай отмѣтить, что основнымъ варіантомъ нашего стратегическаго развертыванія являлся варіантъ А., и что онъ долженъ былъ автоматически осуществляться съ объявленіемъ общей мобилизаціи. Что касается варіанта Г., то для перехода къ нему должно было послѣдовать особое приказаніе, въ зависимости отъ дѣйствительно выяснившейся обстановки. Въ соотвѣтствіи съ этимъ условіемъ планы перевозки по желѣзнымъ дорогамъ тѣхъ войсковыхъ эшелоновъ, которые должны были мѣнять свое направленіе, были составлены такимъ образомъ, что, если бы такое дополнительное приказаніе послѣдовало въ теченіе первой недѣли или даже нѣсколько позднѣе, то переходъ отъ варіанта А. къ варіанту Г. могъ быть совершенъ безъ всякой ломки и коренныхъ разстройствъ въ работѣ желѣзныхъ дорогъ. Вся задача заключалась лишь въ томъ, чтобы своевременно вскрыть дѣйствительныя намѣренія Германіи, которыя, при организованномъ наблюденіи, не могли долгое время оставаться тайной.

Дѣйствительная обстановка складывалась однако на австрій-

скомъ фронтѣ ближе къ предположеніямъ главнаго управленія генеральнаго штаба. Поэтому Ставка, раздѣлявшая мнѣніе главнаго управленія генеральнаго штаба объ опасности, угрожавшей 4-й и 5-й арміямъ, требовала быстрѣйшаго вторженія 3-й и 8-й армій, съ общимъ направленіемъ на Львовъ. При успѣхѣ этого наступленія, названныя арміи могли выйти во флангъ, и даже въ тылъ, наступавшей къ сѣверу австрійской группѣ войскъ, положеніе которой становилось бы тѣмъ труднѣе, чѣмъ глубже она вторгалась въ предѣлы бездорожной русской Польши. Независимо того, наступленіемъ 3-й и 8-й армій выгодно выпрямлялась линія нашего стратегическаго фронта и сближались между собою всѣ четыре арміи юго-западнаго фронта, чѣмъ уменьшалась опасность ихъ разрыва, вытекавшая изъ наличія лѣсисто-болотистаго пространства между верховьями Западнаго Буга и р. Стырь.

Дѣйствительность показала, что энергическое наступленіе 3 и 8 армій рѣшило успѣхъ всей Галичской операціи.

—

Что касается, наконецъ, нашего положенія на лѣвомъ берегу р. Вислы, — то тамъ съ первыхъ же дней войны обозначилось наступленіе германцевъ и австрійцевъ, съ общимъ направленіемъ на фронтъ Лодзь—Кельцы. Наши передовыя части — кавалерія и стрѣлки, — задерживая непріятеля, стали постепенно отходить на среднюю Вислу. Этому наступленію непріятельскихъ силъ придавалось, впрочемъ, Ставкой лишь демонстративное значеніе.

Къ тому же положеніе наше на средней Вислѣ,—слабое въ началѣ, — должно было упрочиваться съ каждымъ днемъ. Выше уже было отмѣчено, что, вслѣдствіе выяснившейся группировки германскихъ силъ, Верховное Главнокомандованіе уже въ первой половинѣ августа признало возможнымъ начать переброску на западный фронтъ двухъ корпусовъ изъ состава 6-ой арміи. Эти корпуса (гвардейскій и XVIII) были предназначены къ сосредоточенію въ раіонѣ Варшавы. Къ нимъ долженъ былъ присоединиться еще одинъ корпусъ (I-ый) изъ состава I-ой арміи, которымъ было признано возможнымъ ослабить арміи сѣверо-западнаго фронта, ввиду значительнаго численнаго превосходства войскъ послѣдняго надъ германскими силами въ Восточной Пруссіи. Упомянутые три корпуса должны были составить новую 9-ю армію (генералъ Лечицкій), предназначавшуюся для болѣе широкаго развитія намѣчавшихся активныхъ операцій дѣйствіями на лѣвомъ берегу р. Вислы, въ направленіи германскаго или австро-венгерскаго фронта, смотря по обстановкѣ. Эта армія должна была оставаться временно въ рукахъ Верховнаго Главнокомандующаго, который прозорливо предвидѣлъ, что въ условіяхъ современной войны, войска, уже введенныя въ операцію, быстро теряютъ свою наступательную энергію и легко поддаются изнашиванію. Нужны новыя силы для развитія операціи и доведенія ея до конца.

Названные корпуса и позволили Верховному Главнокомандованію регулировать ходъ первыхъ боевыхъ операцій.

Чтобы покончить съ обзоромъ положенія въ начальный періодъ войны надо еще отмѣтить, что южнѣе 9-ой арміи, попутно обезпечивавшей подступы къ р. Вислѣ съ фронта Краковъ Познань, приступлено было къ спѣшному возведенію на лѣвомъ берегу р. Вислы у Ивангорода укрѣпленной позиціи, достаточно удаленной отъ имѣвшихся у названнаго пункта мостовъ черезъ р.р. Вислу и Вепржъ. Эта позиція, строившаяся однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ военныхъ инженеровъ (генералъ Шварцъ), съ соблюденіемъ всѣхъ современныхъ условій, и послѣдовательно развивавшаяся въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями арміи, во много разъ надежнѣе и полнѣе могла выполнить свое стратегическое заданіе, чѣмъ устарѣлые и не представлявшіе никакой сопротивляемости форты, упраздненной незадолго до войны, Ивангородской крѣпости.

17-го августа н. стиля, т. е. на 18-ый день по объявленіи нашей мобилизаціи и на 16-й день французской мобилизаціи, главныя силы І-ой русской арміи перешли границу Германіи; тремя днями позднѣе – на территорію Австріи вступили части 3 и 8 армій. Этими дѣйствіями началось фактическое выполненіе предусматривавшихся нашимъ планомъ войны наступательныхъ операцій, описаніе коихъ выходитъ за предѣлы настоящаго очерка.

Ю. Н. ДАНИЛОВЪ.

Подготовка Русской Арміи къ Великой Войнѣ.

I.

ПОДГОТОВКА КОМАНДНАГО СОСТАВА.

Японская война обнаружила большіе недостатки въ подготовкѣ команднаго состава. По окончаніи войны недостатка въ обличеніяхъ не было. Сводились личные счеты, разглашались различныя злоупотребленія, не безъ преувеличенія ихъ извѣстной частью печати, указывались недостатки вооруженія и снабженія, иногда далеко не такія важныя, какъ казалось изобличающимъ авторамъ, указывались недостатки тактической подготовки, пренебреженіе къ духовной сторонѣ арміи, инсценировался, какъ козелъ отпущенія, Портъ-Артурскій процессъ. Все это сваливалось въ общую кучу, разобраться въ которой было трудно, а авторитетнаго лица, которое могло бы это сдѣлать, классифицировать матеріалъ, продумать общія причины, которыя повели къ проигрышу войны, и дать указанія по разработкѣ данныхъ военнаго опыта не было.

Оно отсутствовало среди лицъ, стоявшихъ у власти. Всѣ они плыли по теченію того же мутнаго потока взбаламученныхъ страстей, хватались за тотъ или иной вопросъ, мѣшали главное съ второстепеннымъ, руководились злобой дня или взглядами вліятельныхъ лицъ, вліяніе коихъ часто было эфемернымъ, запутывались окончательно въ сферѣ взаимноперекрещивающихся стремленій и въ результатѣ — „не зная дѣлать, что надо, дѣлали, что умѣли".

Какъ всегда, въ такихъ случаяхъ, вопросы внѣшняго соотношенія вещей выступаютъ на первый планъ, а болѣе глубокіе вопросы внутренней сути вещей остаются въ тѣни безъ вниманія. Въ войскахъ занимались гимнастикой, и недостаточно ревностное отношеніе къ этому дѣлу было причиной удаленія съ поста одного изъ военныхъ министровъ; занимались сомкнутыми ученіями и парадами, стрѣльбой и тактикой довольно примитивнаго вида, сельскимъ хозяйствомъ, измѣненіемъ формъ одежды, запутавъ этотъ вопросъ до послѣдней степени, улучшеніемъ быта и пенсіями и меньше всего тѣмъ, чѣмъ слѣдовало заняться больше всего: подготовкой команднаго состава.

Онъ дѣйствительно оказался слабо подготовленнымъ. Были не-

сомнѣнно люди умные въ житейскомъ смыслѣ и преданные дѣлу, но людей широко знавшихъ военное дѣло, обладавшихъ наклонностью къ его изученію, не ограничивавшихся обсужденіемъ явленій своего русскаго міра, но и понимавшихъ теченія заграничной военной мысли и слѣдившихъ за ними, усвоившихъ духъ военныхъ учрежденій, военной организаціи и подготовки къ войнѣ иностранныхъ государствъ — было очень мало.

Каждый, окончившій школу и вступившій въ жизнь, скоро поддавался ея засасывающему дѣйствію. Повседневныя заботы и искушенія становились на первый планъ. Все остальное отступало передъ этимъ и казалось нужнымъ только, какъ средство удовлетворить свои нужды и влеченія. Добытыя въ школѣ знанія часто не соотвѣтствовали казавшимся неизмѣримо болѣе важнымъ знаніямъ жизненнаго обихода. Первыя часто были непримѣнимы къ жизни. Практиковать ихъ приходилось рѣдко по сравненію съ знаніями жизненной практики, или и вовсе не примѣнять. Съ теченіемъ времени они забывались и частично утрачивались. Ни поддерживать эти знанія, ни пріобрѣтать новыя въ такомъ-же родѣ не было интереса. Только выдающіеся по своей любознательности люди избѣгали этой участи. Остальные, пріобрѣвъ жизненный опытъ, въ тоже время обладали меньшими знаніями, чѣмъ выпущенная изъ школы молодежь.

Внутренній смыслъ міровыхъ событій проходилъ для такихъ людей малопонятнымъ. Интересовались, любопытства ради, только ихъ внѣшнимъ ходомъ, какъ интересуются уличной жизнью, глядя на нее изъ окна. Для такой любознательности достаточно газетъ и они преимущественно читаются вмѣстѣ со всякой беллетристикой, иногда нездороваго свойства.

Вмѣстѣ съ охотой къ постоянному совершенствованію пропадаетъ и воля. Она заглушается повседневной „обывательской“ жизнью. Блекнетъ готовность служить на пользу общую.

Ясно, что при существованіи подобныхъ условій нигдѣ командный составъ не нуждался въ повторительной подготовкѣ больше, чѣмъ въ Россіи. Но нигдѣ эта подготовка не была осуществлена въ меньшей степени. Едва ли этотъ пробѣлъ отчетливо сознавался. Правда, уже въ теченіе нѣкотораго времени было стремленіе къ освѣженію командного состава, но это понималось какъ необходимость устранять пожилыхъ, больныхъ и отяжелѣвшихъ людей. Но физическая бодрость еще не доказываетъ надлежаще направленной умственной дѣятельности и наличія познаній соотвѣтствующихъ запросамъ времени. А безъ этого легко стать не болѣе какъ „гробомъ повапленнымъ“.

Никогда вопросъ освѣженія познаній командного состава не ставился серьезно и средствъ на это не отпускалось. И какъ было разрѣшить этотъ вопросъ, когда въ былое время престижъ начальствующихъ лицъ, въ силу ихъ положенія, стоялъ настолько высоко, что посадить ихъ на школьную скамью (какъ бы это ни скрашивалось) казалось невозможнымъ? Конечно, упускалось изъ вида, что цѣль, подлежащая достиженію, высока, что ради нея можно мно-

гимъ и пожертвовать, что учиться надо всю жизнь, но господствовавшіе взгляды того времени на этотъ счетъ были безапелляціонны. Да и откуда взять учителей для такихъ почтенныхъ людей, когда на верхахъ ихъ не было вслѣдствіи общаго уклада русской жизни, а примѣнить для этого болѣе молодой составъ, можетъ быть, обладающій познаніями, но лишенный жизненнаго опыта и авторитета, тоже не пристало?

Кто могъ послѣ Японской войны поднять такое дѣло и, что еще труднѣе, указать путь къ его разрѣшенію, установить — чему учить? Такихъ людей не было.*) Люди, двинувшіе въ свое время военное дѣло впередъ, бывшіе для своей эпохи выдающимися людьми, сошли со сцены. Ученіе ихъ или слѣпо примѣнялось или также слѣпо отрицалось. Псевдо-учениковъ, или пользовавшихся въ невѣдѣніи даже злоупотреблявшихъ ихъ именемъ, было достаточно, но послѣдователей, учитывавшихъ новые факторы военнаго дѣла, не было. При томъ, если они и двинули въ свое время впередъ военное дѣло и многое сдѣлали, то многаго и не додѣлали и пробѣлъ этотъ во время пополненъ не былъ. За ними шли, примѣняя ихъ ученіе не столько по духу, сколько по формѣ, но параллельно съ ними мало кто шелъ и много, очень много путей осталось еще неиспользованными...

Просвѣтительныя учрежденія? Но Академія Генеральнаго Штаба, имѣвшая въ свое время много талантливыхъ лицъ, изслѣдовавшихъ отрасли военнаго дѣла, уже съ начала 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія начала терять свои научныя силы. Обученіе становилось отвлеченнымъ, связь съ жизнью терялась и дѣятельность учебнаго персонала Академіи часто и справедливо не признавалась цѣлесообразной практическими военными дѣятелями. Идеи этого персонала стояли въ сторонѣ отъ жизни и онъ самъ отъ нея отстранялся.

Уже послѣ войны 1904—5 г. въ Академіи Ген. Шт. началось новое теченіе, основанное на постановкѣ дѣла во французской Ecole Militaire. Представителемъ его была группа лицъ работоспособныхъ, отчасти даже талантливыхъ, но не пользовавшихся сочувствіемъ свыше. Они тамъ третировались какъ „младо-турки" и, можетъ быть, это не было въ полной мѣрѣ несправедливо, т. к. въ ихъ работѣ была свѣжая струя, но была и погоня за новшествами и разрывъ съ прошлымъ. Къ тому-же они избѣгали связи съ практической жизнью, они хотѣли учить, но избѣгали учиться и не замѣчали какъ рѣка жизни ихъ обтекала и оставляла на отмели. Они были молоды, и дѣло ихъ не успѣло развиться, но не безъ основанія можно предполагать, что въ дальнѣйшемъ, какъ и ихъ предшественники, они стояли-бы въ сторонѣ отъ жизни.

Военное дѣло нуждается не только въ теоріи, но и въ практикѣ, даже послѣдняя преобладаетъ. Нельзя быть военнымъ профес-

*) Такіе люди все равно не имѣли бы значенія при нашей системѣ поддержанія авторитетности старшихъ начальниковъ во что бы ни стало, какъ бы плохи они ни были и при недопустимости печатной критики. (Прим Ред).

Стр. 175

х) Сын говорит про отца, ген. М.И. Драгомирова —

cоромъ и не знать или отстать отъ практической постановки соотвѣтственной отрасли военнаго дѣла и не умѣть его вести, какъ нельзя, преподавая фехтованіе, ограничиться разсказомъ и не показать самому, какъ слѣдуетъ фехтовать.

Бывшій начальникъ А.-В. Ген. Шт. Конрадъ ф. Гетценсдорфъ считалъ необходимымъ принимать участіе въ командованіи одной изъ сторонъ на корпусныхъ маневрахъ. Онъ считалъ нужнымъ поддерживать связь съ жизнью. Подобное явленіе въ русской арміи было почти немыслимо. Не только лица на высокихъ должностяхъ, но и лица на болѣе скромныхъ долж. остяхъ на это бы не пошли. Охотниковъ подвергать критикѣ авторитетъ своей псевдо непогрѣшимости было немного.

Поэтому и Академія Ген. Шт. стояла въ сторонѣ отъ жизни. Если ученики французской Ecole Militaire постоянно интересуются ея мнѣніями по различнымъ вопросамъ, то русскій Ген. Штабъ обыкновенно равнодушенъ къ мнѣніямъ своей Академіи. Въ томъ практическомъ дѣлѣ, которое въ конечномъ итогѣ каждому приходится вести, офицеръ генеральнаго штаба знаетъ, что помощи и авторитетнаго указанія онъ отъ нея не получитъ.

Послѣ войны 1904 - 5 г. было сформировано Главное Управленіе Генеральнаго Штаба (Г. У. Г. Ш.). Былъ созданъ спеціальный органъ для подготовки арміи къ войнѣ. Отъ него зависѣли вопросы организаціи, разработка уставовъ и наставленій, изученіе военнаго дѣла и исторіи, изученіе иностранныхъ армій, примѣненіе боевого опыта, руководство спеціальной службой офицеровъ ген. штаба и т. п.

Г. У. Г. Ш. просуществовало до войны 8 лѣтъ. Если-бы соотвѣтственное направленіе работы было сразу вѣрно намѣчено, Г. У. Г. Ш. могло-бы принести существенную пользу. Начальникъ Г. У. Г. Ш. по своему положенію, по признаваемой за нимъ компетенціи, могъ бы многое сдѣлать, хотя несомнѣнно ему пришлось-бы выдержать не малую борьбу съ недоброжелательствомъ различныхъ видовъ и съ рутиной. Можно было или смѣло выступить на борьбу съ препятствіями или считаться съ ними и вступать въ компромиссы. Можно было рисковать или все выиграть и потерять, или только кое чего достигнуть, почти завѣдомо рискуя опоздать къ судному дню. Можно было просто жить изо дня въ день.

За 8 лѣтъ смѣнилось 6 Нач. Ген. Шт.. Изъ нихъ первый и предпослѣдній оставались на должности свыше двухъ лѣтъ. Нач. Ген. Шт. между ними смѣнялись одинъ за другимъ. Очевидно при такой смѣнѣ послѣдовательное веденіе дѣла становилось невозможнымъ. Краткій срокъ, назначенный судьбой для свершенія огромнаго дѣла подготовки къ новой войнѣ искусственно сокращался частой смѣной руководителей. Каковы были эти послѣдніе?

Первый Нач. Ген. Шт. ген. Палицынъ былъ человѣкомъ въ военномъ отношеніи образованнымъ. Онъ былъ основательно знакомъ съ германской военной литературой. Онъ правильно и широко понималъ военное дѣло. Его руководство полевыми поѣздками, полевой работой; его разборы маневровъ были интересны. Онъ сохра-

нилъ духовныя и физическія силы. По самому свойству своего характера, онъ избѣгалъ опредѣленнаго выявленія своей личности, считался съ недоброжелателями, прибѣгалъ къ компромиссамъ, избѣгалъ занять опредѣленную и твердую позицію.

Поэтому и авторитетъ ген. Палицына прочно не установился и работа его дала сравнительно немного. Но все-же онъ оставилъ за собой слѣдъ, который не остался безъ вліянія на подготовку начальниковъ къ войнѣ.

Въ 1907 или 1908 г. имъ были изданы „Указанія по веденію военной игры", пережившіе всѣхъ его преемниковъ и имѣвшіе на подготовку начальствующихъ лицъ и офицеровъ генеральнаго штаба большее вліяніе, чѣмъ какое-бы то ни было другое наставленіе или руководство того времени. Въ нихъ были установлены методы разработки военныхъ операцій, организація маршей, употребленіе войскъ въ бою. Все это было воспроизведеніемъ германской военной доктрины и вносило порядокъ въ хаосъ разнообразныхъ и мало продуманныхъ взглядовъ того времени. Указанія явились своего рода доктриной русской арміи, хотя оффиціально не признанной, но тѣмъ не менѣе проникавшей въ употребленіе подъ видомъ наставленія для военной игры. Между тѣмъ и послѣдняя получила значительное развитіе по сравненію съ прежнимъ.

Въ 1909 г. было издано новое Наставленіе для занятій съ офицерами*), относившееся также къ начальствующимъ лицамъ. Веденіе военной игры и полевыхъ поѣздокъ, составлявшихъ собственно ту же военную игру, перенесенную на мѣстность, становилось обязательнымъ. Поэтому „Указанія" получили широкое распространеніе и ими часто пользовались. Другой вопросъ, насколько они были правильно поняты и усвоены. Отсутствіе солиднаго военнаго образованія и подготовленныхъ руководителей вело часто къ примѣненію этихъ указаній съ различными искаженіями. Въ этомъ отношеніи даже преемники ген. Палицына и ихъ помощники не отличались надлежащей компетентностью**). Несоотвѣтственная постановка военной игры и полевыхъ поѣздокъ вызывала иногда даже разочарованіе въ ихъ результатахъ***). Отсутствовали также подробныя указанія по организаціи этихъ занятій****). Были помѣхи вслѣдствіе ин-

---

*) Частично введенное и раньше Сходно съ германскимъ.

**) Обнаружилось на полевой поѣздкѣ 1912 г. Эта поѣздка долго была предметомъ недоумѣнія среди офицеровъ генеральнаго штаба.

***) Кіевскому округу незадолго до войны съ большимъ трудомъ были отпущены кредиты на полевую поѣздку старшихъ начальствующихъ лицъ. Въ какомъ то другомъ округѣ изъ этой поѣздки устроили „пикникъ", какъ сообщили въ Г. У. Г. Ш.

****) Въ этомъ отношеніи различные военные округа работали самостоятельно. Напр. въ Кіевскомъ округѣ только черезъ 2—3 года былъ выработанъ опредѣленный методъ веденія полевыхъ поѣздокъ, состоявшій въ перенесеніи военной игры на мѣстность. Для этого прежде всего нужны телефоны. Поѣздки такимъ образомъ организованныя приносили существенную пользу.

тригъ и сведенія личныхъ счетовъ*). Но все-же во многихъ мѣстахъ къ военнымъ играмъ и полевымъ поѣздкамъ относились серьезно, даже съ увлеченіемъ. „Указанія“ усвоивались все больше и больше и проникали въ среду начальствующихъ лицъ. Только непризнаніе ихъ въ качествѣ оффиціальной доктрины и отсутствіе хорошей, идущей сверху подготовки руководителей вели къ тому, что толща команднаго состава не была проникнута ими въ полной мѣрѣ и въ ихъ примѣненіи встрѣчались отклоненія и ошибки.

Тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ руководящихъ указаній по веденію боя, отдаваемыхъ въ военныхъ округахъ, вслѣдствіе отсутствія соотвѣтственныхъ указаній свыше, были не болѣе какъ комментаріемъ къ этимъ „указаніямъ“. Этимъ путемъ, хотя можетъ быть и съ варіантами, „Указанія“ становились достояніемъ широкихъ слоевъ арміи. Только процессъ усвоенія, вообще трудный и медленный въ русской арміи, не былъ законченъ. Онъ и не могъ быть законченъ безъ настояній и систематическаго контроля свыше. То и другое отсутствовало.

Вліяніе „Указаній„ замѣтно было при многихъ обстоятельствахъ. Доказательства этому были многочисленны, какъ на маневрахъ мирнаго времени, такъ и во время войны.

Война 1904—5 г. и Великая Война существенно отличались по дѣйствію войскъ. Безпристрастный изслѣдователь долженъ отмѣтить эту сторону дѣла, выдѣливъ изъ нея слѣдствія, обусловленныя психологической сущностью войны, ибо Японская — колоніальная — война и послѣдняя — домашняя — война велись при совершенно различномъ настроеніи.

Послѣ ухода ген. Палицына осенью 1908 г. вся послѣдующая дѣятельность Г. У. Г. Ш. по привитію въ арміи надлежащихъ взглядовъ на военныя операціи была болѣе чѣмъ скромной. Даже стратегическая часть была въ запущеніи. Начальникъ Ген. Штаба скоро утратилъ свою самостоятельность и вошелъ въ подчиненіе къ Военному Министру. Это было вызвано соперничествомъ двухъ высшихъ лицъ и до извѣстной степени было правильно, ибо подобныя, свойственныя русскому характеру, соперничества заставляютъ предпочитать организаціи съ стройной системой іерархическаго начала и очень осторожно относиться къ системамъ организаціи, разсчитаннымъ на совмѣстное сотрудничество. Г. У. Г. Ш. во главѣ съ ген. Палицынымъ имѣло много случаевъ провѣрить на дѣлѣ это замѣчаніе.

Но съ другой стороны Г. У. Г. Ш. подчинилось всецѣло вліянію Военнаго Министра и личность послѣдняго стала преобладающей. Онъ-же не столько думалъ о томъ, чтобы имѣть талантливаго сотрудника, сколько опасался его вліянія. Въ результатѣ происходила смѣна Нач. Ген. Шт. и подысканіе другихъ, болѣе удобныхъ и покладливыхъ, мирившихся со своимъ второстепеннымъ зна-

*) Въ 1912 году не состоялась военная игра въ Петроградѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ. Игра была отмѣнена вслѣдствіе личныхъ счетовъ старшихъ начальствующихъ лицъ. Съѣхавшіеся участники игры должны были разъѣхаться.

ченіемъ, не столько проникнутыхъ долгомъ службы, сколько цѣнившихъ прерогативы своего высокаго положенія*). Они тщательно отстранялись отъ всего, дававшаго поводъ подозрѣвать ихъ въ интригѣ, даже отъ разрѣшенія вопросовъ серьезныхъ и нужныхъ, но съ нерасположеніемъ или недовѣріемъ встрѣчаемыхъ свыше.

Такова была грустная роль ген. Жилинскаго, мало соотвѣтствовавшаго своему назначенію, мелочнаго, равнодушно и поверхностно относившагося къ порученному ему дѣлу. Отрицательное вліяніе ген. Жилинскаго и нѣкоторыхъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ было весьма значительно въ теченіе болѣе 2-хъ лѣтняго управленія имъ Г. У. Г. Ш.

Незадолго передъ войной въ должность Нач. Ген. Шт. вступилъ ген. Янушкевичъ, назначенный на эту должность по случайнымъ причинамъ, первноачально всецѣло подчинившійся своему управленію, т. к. его предыдущая дѣятельность не давала ему**) возможности самостоятельно вести возложенное на него дѣло. Продолжалась прежняя повседневная, недальновидная работа, можетъ быть съ опасливой оглядкой въ сторону своихъ противниковъ, но безъ опредѣленнаго общаго плана работы, обусловленнаго общимъ положеніемъ.

Въ этотъ періодъ для продолженія дѣла, начатаго ген. Палицынымъ, почти ничего не дѣлалось, но тѣмъ не менѣе оно продолжалось въ силу инерціи. Одновременно разрабатывались и уставы,

Съ большимъ опозданіемъ были изданы разные боевые уставы и наставленія: полевой уставъ — въ 1909 г., кавал. уставъ съ наставленіемъ для боя — въ 1912 г., наставленіе для самоокапыванія — 1909 г., наставленіе для боя полевой артиллеріи — въ 1912 г., наставленіе пѣхотнаго боя — въ 1914 г. и т. д.

Изучающій эти уставы несомненно замѣтитъ, что они очень далеки отъ одного общаго направленія военной мысли, обусловленнаго доктриной.

Уставъ полевой службы и наставленіе для боя пѣхоты составляютъ отраженіе русскихъ взглядовъ, сведенныхъ механически въ одно цѣлое, безъ освѣщающей ихъ общей мысли и безъ учета общей военной обстановки, господствующей на театрѣ военныхъ дѣйствій при операціяхъ, маршахъ-маневрахъ и въ бою.

Артиллерійское наставленіе несомненно основано на французскихъ источникахъ; приложенное къ кав. уставу наставленіе для боя — на германскихъ источникахъ. Со стороны Г. У. Г. Ш. не было никакой объединяющей работы по составленію уставовъ. Были только изданы отдѣльные уставы, не отмѣченые печатью военной доктрины своего времени.

При такихъ условіяхъ и Г. У. Г. Ш. не могло быть тѣмъ авторитетомъ, который нуженъ былъ русской арміи. Ему подчинялись

*) Такой типъ старшихъ начальниковъ къ глубокому сожалѣнію былъ вообще преобладающимъ въ русской арміи. (Прим Ред)

**) Въ неподготовленности своей ген. Янушкевичъ откровенно признавался во время войны.

какъ подчиняются всякому центральному учрежденію, ибо нужно-же было, хотя-бы внѣшнимъ образомъ, согласовать работу отдѣльныхъ частей. Къ нему обращались съ запросами, когда нужно было формально выяснить какой нибудь вопросъ или снять съ себя отвѣтственность за то или иное рѣшеніе. Но не къ нему шли за совѣтомъ и не у него искали разрѣшенія принципіальныхъ сомнѣній.

Самое значеніе военной доктрины не понималось или понималось превратно. За 1–2 года до войны на этотъ счетъ возникла полемика въ печати, въ скоромъ времени прекращенная, повидимому по указанію свыше. Полемизировало нѣсколько профессоровъ Академіи Генеральнаго Штаба и строевыхъ начальниковъ. Полемика обнаружила всю разноголосицу мнѣній, а иногда свидѣтельствовала объ извращеніи дѣла. Доктрина отрицалась, какъ опредѣленный рецептъ для дѣйствій, она выставлялась, какъ антитеза частной иниціативы. Нарушеніе послѣдней не допускалось. Между тѣмъ на войнѣ всегда господствуетъ какая-то общая обстановка и представляется необходимость согласованныхъ дѣйствій различныхъ организаціонныхъ соединеній и родовъ войскъ въ цѣляхъ наилучшаго использованія военной силы. Эта обстановка и соотвѣтствующіе способы дѣйствій даннаго времени имѣютъ общія черты, которыя поддаются изученію. Ихъ можно прослѣдить на войнѣ, даже до извѣстной степени на военныхъ играхъ и полевыхъ поѣздкахъ мирнаго времени. Все это – обстановка, основные способы дѣйствій – составляютъ своего рода стихію, законамъ коей подподаетъ каждый изъ участниковъ военныхъ операцій. Поэтому законы этой стихіи должны старательно изучаться, т. к. пренебреженіе ими сурово наказывается. Изученіе ихъ позволяетъ разработать общія правила дѣйствій на маршѣ, въ бою и т. д. Ихъ всѣ должны знать и примѣняться къ нимъ. Это и составляетъ военную доктрину, которой долженъ быть проникнутъ личный составъ и которая послужитъ путеводной звѣздой тамъ, гдѣ рѣшеніе приходится искать только въ себѣ самомъ. А такая участь несомнѣнно выпадаетъ на долю каждаго.

Слѣдствіемъ привитія военной доктрины является взаимное пониманіе, а послѣднее порождаетъ взаимное довѣріе. Въ военное время это огромная сила, координирующая всѣ усилія.

Доктрина должна ограничиваться изученіемъ общей обстановки, общихъ способовъ дѣйствій и не переходить въ частности. Иначе она мертвитъ дѣло, создаетъ рецепты дѣйствій, убиваетъ иниціативу. Она должна больше отвѣчать на вопросъ „что дѣлать", чѣмъ на вопросъ „какъ дѣлать".

При измѣненіи общихъ условій военныхъ дѣйствій доктрина можетъ быть изжита и становится тогда вредной. При здравой доктринѣ для самодѣятельности остается огромное поле дѣятельности, къ тому-же облегченной уразумѣніемъ интересовъ цѣлаго. Кто участвуетъ въ общемъ предпріятіи не можетъ безъ этого обойтись безъ риска принести вредъ общему дѣлу. Доктрина облегчаетъ и регулируетъ проявленіе частной иниціативы.

Доктрина помогаетъ и изученію военныхъ вопросовъ въ мир-

ное время. Ея роль въ этомъ отношеніи аналогична значенію гипотезъ въ наукѣ. Она даетъ общее направленіе военной мысли.

Въ разработкѣ вопроса о военной доктринѣ Г. У. Г. Ш. умыло руки. Оно едва-ли подозрѣвало, что въ русской арміи доктрина нарастаетъ и соотѣтственными мѣрами можно было облегчить ея ростъ и устранить кризисы, свойственные вообще всякому росту. Но, несмотря на отсутствіе руководства со стороны Г. У. Г. Ш., жизнь уже получила толчекъ и шла своими путями.

Русская военная литература издавна не отличалась глубокимъ обсужденіемъ вопросовъ военнаго дѣла. Послѣ расцвѣта 60 80 г. прошлаго столѣтія она понемногу мельчала и перешла главнымъ образомъ на обсужденіе вопросовъ повседневнаго быта и злобы дня.*) По окончаніи Японской войны не нашлось литературнаго наслѣдства, которое дало-бы основы для освѣщенія ошибокъ и причинъ неудачъ этой войны. Пришлось обратиться къ иностранной, преимущественно германской военной литературѣ.

Было переведно много германскихъ военныхъ сочиненій, выяснявшихъ различные вопросы стратегіи или тактики или служившихъ руководствомъ для веденія военныхъ игръ и полевыхъ поѣздокъ. Переводились на русскій языкъ и германскіе уставы. Все это воспринималось отчасти правильно, отчасти съ искаженіями. Германскіе уставы написаны съ учетомъ общей господствующей въ военное время обстановки и читать ихъ, не понимая той обстановки, которую имѣетъ въ виду уставъ, невозможно. И въ дѣйствительности положенія этихъ уставовъ не всегда понимались и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, легкомысленно критиковались. Такая критика встрѣчалась и со стороны старшихъ начальствующихъ лицъ, хотя въ дѣятельности послѣднихъ иногда можно было прослѣдить, какъ они, руководясь здравымъ смысломъ, воспроизводили въ чистомъ видѣ германскую доктрину.

Весь этотъ матеріалъ, хотя и усвоенный въ недостаточной мѣрѣ и не всегда съ полнымъ пониманіемъ дѣла, тѣмъ не менѣе накапливалъ запасъ свѣдѣній въ массѣ команднаго состава въ духѣ германской военной доктрины. Упомянутыя выше „Указанія по веденію военной игры" давали извѣстную канву, на которой откладывались эти новыя свѣдѣнія. Наконецъ, тѣ же источники служили основаніемъ штабамъ различныхъ военныхъ округовъ и даже низшимъ штабамъ для отданія руководящихъ приказовъ по различнымъ тактическимъ и боевымъ вопросамъ, подъ видомъ указанія для веденія занятій.

Приказы эти въ большомъ количествѣ стали появляться черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи войны 1904 - 5 г., Въ нихъ съ большей или меньшей полнотой давались указанія о тактическихъ и бое-

*) Причина тому — полный запретъ критики даже самой благожелательной (системы ген. Ванновскаго а позже Сухомлинова). Напр, оффиціальная исторія Турецкой войны 1877—78 г. не была закончена до 1905 г. и армія въ теченіе 25 лѣтъ не знала своего же послѣдняго опыта. (Прим Ред.)

выхъ дѣйствіяхъ различныхъ родовъ оружія. Всѣ они составляли болѣе или менѣе вѣрное отраженіе германской военной доктрины, дополненной личнымъ опытомъ съ печатью собственныхъ наклонностей и поэтому не были чужды односторонности. Всѣ они говорили о многомъ, но о многомъ и умалчивали по невѣдѣнію или умышленно, чтобы не стать въ противорѣчіе съ существующими уставами. Всѣ они удовлетворяли до извѣстной степени возникшей потребности, но едва ли были въ состояніи вдохнуть и разжечь въ арміи тотъ духъ, который свойственъ общей доктринѣ, проникающей весь армейскій организмъ. Они кое что дополняли, но многаго не додѣлывали. Они вносили разнообразіе въ дѣло, въ которомъ должно господствовать полное единство. На войнѣ можно прослѣдить картину дѣйствій войскъ по округамъ. Гдѣ были войска одного округа, серьезно работавшаго въ мирное время (иногда имѣвшаго вліяніе и на сосѣдніе округа), тамъ и работа военнаго времени шла успѣшнѣе и глаже. Войска изъ различныхъ округовъ часто отличались разнообразной подготовкой и малой согласованностью дѣйствій. Это крайне нежелательно, т. к. войска при военныхъ дѣйствіяхъ неизбѣжно перемѣшиваются. По опыту войны даже не корпуса, а дивизіи являются единственно устойчивыми единицами.

Отсутствіе объединительной работы свыше отчасти оправдывало такую дѣятельность: пустоту нужно было заполнить. Но путаница также чувствовалась. Не всѣ были одинаково компетентны. Бывали указанія собственнаго малопродуманнаго опыта. Были и случаи неосторожнаго отрицанія уставныхъ положеній, „по ту сторону“ коихъ пытались стать. Не послѣднее значеніе имѣло и то обстоятельство, что подобная дѣятельность служила укоромъ центральнымъ управленіямъ, не выполнявщимъ своего назначенія по инструктированію арміи. Въ концѣ концовъ было предложено свыше руководиться уставами, не мѣнять и не толковать ихъ по своему усмотрѣнію. Но т. к. потребность не была при этомъ удовлетворена, то описанная выше дѣятельность, если не въ письменной, то въ устной формѣ продолжалась. Разборы военныхъ игръ, полевыхъ поѣздокъ и маневровъ давали этому полный просторъ.

Если подвести итогъ всѣмъ этимъ начинаніямъ, то нельзя не прійти къ заключенію, что у русской арміи была извѣстная доктрина, ближе всего приближавшаяся къ германской. Она проникала въ толщу арміи различными путями и еще не была понята и усвоена должнымъ образомъ. Относились къ ней иногда поверхностно, не дѣлали изъ нея тѣхъ выводовъ, которые слѣдовало бы сдѣлать для проведенія ея въ жизнь и полнаго осуществленія, дополняли ее собственнымъ мало продуманнымъ опытомъ, односторонне его примѣняя, или на основаніи того же опыта кое-что въ ней отрицали, но все же эта доктрина существовала и армія, пока была въ состояніи, какъ это было въ началѣ войны, ей слѣдовала. Но осуществленіе доктрины зависитъ не только отъ накопленныхъ духовныхъ силъ, но и отъ матеріальныхъ средствъ. Когда они отсутствуютъ, осуществленіе

доктрины замираетъ. Но она не была погашена и въ 1916 г. ея сознаніе опять ярко проявилось.

Одновременно съ работой по развитію военныхъ знаній у командного состава дѣлались попытки къ развитію частной иниціативы. Въ 1908 г. былъ изданъ на этотъ предметъ соотвѣтственный приказъ по Военному Вѣдомству. Къ сожалѣнію, въ такомъ дѣлѣ мало одного добраго желанія и оффиціальнаго признанія значенія иниціативы. Нужно, чтобы служебныя условія соотвѣтствовали развитію самодѣятельности. Это было далеко не вездѣ. Кругъ отвѣтственности каждаго начальника не былъ опредѣленно установленъ: старшій отвѣчалъ во всѣхъ отношеніяхъ за младшаго. Въ результатѣ старшій считалъ себя вправѣ вмѣшиваться въ дѣятельность младшаго и давать ему подробныя инструкціи, дабы исключить ошибки съ его стороны и этимъ устранить возможность отвѣчать за подчиненнаго. Лучшимъ начальникомъ всегда считался тотъ, кто съ постоянной назойливой настойчивостью проникалъ во всѣ служебныя отношенія, всѣмъ руководилъ, все дѣлалъ. Иногда считалось достаточнымъ смѣнить начальника, чтобы дѣла, какъ по волшебству, приняли другой оборотъ, не вникая въ то, что это возможно путемъ личной работы начальника во всѣхъ мелочахъ и полнаго подавленія воли подчиненныхъ. Именно такіе начальники считались образцовыми и всячески поощрялись.

Такимъ образомъ, признавая въ теоріи значеніе частной иниціативы, въ тоже время на практикѣ дѣлали нѣчто противоположное тому, что надо для ея достиженія.

Однако и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, жизнь шла своей особой дорогой и получалось что-то другое, обычно ускользавшее отъ властей, претендовавшихъ на руководство. Прежде всего цѣлые роды оружія, какъ артиллерія, техническіе роды оружія и т. п., въ которыхъ служба не была такъ строго регламентирована и служебныя дѣла требовали не только исполнительности, но и соображенія, иниціатива всегда существовала. Живая дѣятельная служба кавалеріи вырабатывала также далеко не лишенный иниціативы командный составъ.

Затѣмъ отсутствіе систематическаго духа, вообще свойственнаго русскому характеру, вело къ тому, что требованія рѣдко проводились съ неуклоннымъ педантизмомъ. Это обстоятельство открывало каждому, даже въ пѣхотѣ, извѣстную сферу дѣятельности и нерѣдко довольно просторную.

Въ штабахъ также служебныя мнѣнія вырабатывались и высказывались свободно.

Иниціатива далеко не была подавлена въ русской арміи и во многихъ случаяхъ это доказано войной. Здравый смыслъ, вообще свойственный русскому, при отсутствіи систематическаго угнетенія, проявлялся въ подходящихъ случаяхъ и подсказывалъ нужныя рѣшенія. Притомъ на войнѣ цѣнился больше всего успѣхъ и всякое дѣйствіе, которое вело къ нему, уже заранѣе было оправдано. Это обстоятельство также благопріятствовало проявленію иниціативы.

Отрицательное значеніе въ отношеніи проявленія инициативы имѣло другое обстоятельство: недостаточность тактическаго образованія. Человѣкъ только тогда можетъ правильно разсуждать и примѣняться къ обстоятельствамъ, если онъ понимаетъ дѣло. Въ отрицательномъ случаѣ, при обстановкѣ, превышающей его разумѣніе, онъ будетъ дѣйствовать произвольно или по извѣстнымъ шаблонамъ, будетъ искать опоры въ указаніяхъ свыше и вообще неспособенъ дѣйствовать въ духѣ разумной инициативы. Это обстоятельство имѣло въ русской арміи болѣе существенное значеніе, чѣмъ все остальное.

——

Въ настоящее время отъ командного состава требуется нѣчто большее, чѣмъ знаніе военнаго дѣла въ той стадіи его развитія, въ которомъ застала война. Въ теченіе современной войны могутъ вырабатываться новые способы дѣйствій, частью вслѣдствіе выясненія на опытѣ различныхъ сторонъ военнаго дѣла, частью вслѣдствіе вліянія техники, дѣлающей подъ давленіемъ условій военнаго времени большіе скачки впередъ. Командный составъ долженъ быть въ состояніи учесть всѣ эти вліянія, сдѣлать изъ нихъ правильные выводы, преподать войскамъ нужные методы дѣйствій, организовать ихъ обученіе и снабженіе и т. д. Всѣ эти указанія должны быть приноровлены къ обстановкѣ даннаго театра военныхъ дѣйствій и имѣть глубоко практическій смыслъ. Работа французскаго командованія въ этомъ отношеніи извѣстна. Можетъ быть она не отличалась проницательностью, шла ощупью, дѣлались ошибки. Но работа шла неустанно, послѣдовательно и въ концѣ конповъ дала результаты. Французское командованіе обладало способностью наблюденія и яснаго, безпристрастнаго мышленія на основаніи первоисточниковъ*).

Съ грустью слѣдуетъ признать, что русское командованіе не было подготовлено къ такой работѣ. Оно не было въ состояніи разобраться въ сложныхѣ явленіяхъ военнаго времени, вывести изъ нихъ логическія заключенія и энергично осуществить необходимыя мѣры.

Лица, стоявшія во главѣ русскаго командованія, пропустили и оставили незамѣченной всю работу иностранныхъ армій въ 80—90 годахъ прошлаго столѣтія, выразившуюся въ переработкѣ ихъ полевыхъ уставовъ, въ новой постановкѣ вопроса о маршахъ, встрѣчномъ боѣ и т. п. Даже новѣйшія изданія русскаго полевого устава не учитывали всей этой подготовки. Они оказались неподготовленными для разработки опыта Японской войны. Отсутствіе школы и подготовки умовъ къ научному мышленію сказывалось на каждомъ шагу. Доступные пониманію видимые признаки служили канвой всѣхъ обсужденій, внутренняя сторона ускользала. Судили о томъ, что произошло, а не о томъ, чего недоставало. Въ результатѣ опытъ

*) Работа эта изложена кратко въ статьѣ проф. Головина. „Современная война и красная вооруженная сила" (№ 3 „Воен. Сб.").

Японской войны далъ мало. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ больше пошелъ на пользу иностранныхъ, чѣмъ русской арміи. Значеніе тяжелой артиллеріи, ближняго пѣхотнаго боя (Портъ-Артуръ), сопровожденіе пѣхоты въ атаку артиллеріей, даже значеніе фортификаціи, веденіе борьбы за укрѣпленныя позиціи и многое другое не было изслѣдовано и какъ слѣдуетъ истолковано. Все это было понято, когда въ переработанномъ видѣ вернулось изъ Германіи, отчасти въ видѣ поученій мирнаго, отчасти въ видѣ поученій военнаго времени. Потребовался наглядный показательный урокъ и заграничный ярлыкъ Made in Germany, чтобы уразумѣть то, что можно было понять уже по уроку войны 1904—5 г. и по собственнымъ выводамъ изъ нея. Здѣсь-же сказалась особенность мышленія того времени, состоявшая въ установленіи теоретическихъ положеній безъ дальнѣйшаго стремленія перевести ихъ на практику и повѣрить ихъ примѣненіе. Практики чуждались. Это вело къ потерѣ чувства дѣйствительности, къ притупленію сознанія, что дѣйствительно имѣетъ цѣнность и значеніе и что представляется болѣе или менѣе празднымъ измышленіемъ. Русскій командный составъ вслѣдствіе этого никогда не умѣлъ отдѣлить жизненныхъ предложеній отъ измышленій всякаго рода и подпадалъ вліянію прожектеровъ, часто затмѣвавшихъ дѣльныхъ людей.

Подобная неподготовленность и неумѣніе жить своимъ умомъ заставляли обращаться къ заграничнымъ источникамъ. Особенное значеніе имѣли руководства изъ Германіи, пользовавшейся большимъ престижемъ послѣ ея счастливыхъ войнъ. Они часто не понимались, но все-же считались кладезями непогрѣшимой мудрости. Это подчиняло русскую мысль германской, подчиняло слѣпо, безъ критики. Тутъ не было согласія между единомышленниками, скорѣе получалось впечатлѣніе поклоненія малосвѣдущаго болѣе опытному и знающему. Свои самобытные пути и самостоятельная мысль стушевывались. Германія возвеличивалась, становилась на пьедесталъ, казалась чѣмъ то высшимъ и лучшимъ по сравненію со своимъ. Ее почти боялись и тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше понимали. Русская психика по отношенію къ будущему противнику подавлялась. Правда, были и противоположныя мнѣнія, но такія-же необоснованныя, какъ и чрезмѣрное поклоненіе. Серьезное изученіе отсутствовало. Слабыя и сильныя стороны Германіи (см. напр. книгу Людендорфа) были мало выяснены. Планъ войны разрабатывался шаблонно, не зная ихъ. Политическія и экономическія условія учитывались поверхностно. Среди командпаго состава не было лицъ, компетентныхъ въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Уже послѣ первыхъ успѣховъ и достиженій выяснилось, что дальнѣйшаго плана собственно не было. Началось безполезное мотаніе войскъ, наступленіе съ необезпеченными флангами... Нѣкоторые тайные документы, заключавшіе результатъ германскихъ военныхъ игръ и полевыхъ поѣздокъ, пріоткрывали отчасти завѣсу о планахъ противника. Но они оставались неизученными,*) а иногда даже неизвѣстными лицамъ, на коихъ предполага-

*) Сраженіе у Таненберга.

лось возложить обязанности по главному командованію. Можно прямо поражаться, что нѣкоторыя свѣдѣнія, заключавшія чуть не цѣлое откровеніе, оставались въ пренебреженіи. Съ непонятнымъ ослѣпленіемъ шли мимо нихъ.

Конечно, вся такая подготовка, весь подобный и психическій умственный складъ высшаго командного состава цѣликомъ отразились при дѣйствіяхъ въ военное время. Отсутствіе ясной военной мысли и творчества чувствовались на каждомъ шагу. Когда въ 1915 г. выяснилось значеніе „барабаннаго огня" тяжелой артиллеріи, въ русской арміи продолжались прежніе методы обороны. Передніе окопы по прежнему набивались людьми, безъ пользы приносимыми въ жертву. Когда въ 1916 г. противникъ перешелъ къ новому способу обороны, перенеся ея центръ тяжести назадъ, русская армія, поглощенная весенними успѣхами и не отдавая себѣ отчета въ ихъ причинахъ, продолжала подготовлять атаку первыхъ линій и брать ихъ, подвергаясь при этомъ разстрѣлу и неудачамъ.

Это-же неумѣніе разбираться въ дѣлахъ и мыслить по первоисточникамъ, эта бѣдность мысли приводили къ изданію нежизненныхъ или даже вредныхъ боевыхъ инструкцій и руководящихъ указаній. Такъ въ одной изъ инструкцій рекомендовалось примѣненіе „Суворовскихъ колоннъ" при атакѣ. Ее тщательно прятали отъ войскъ понимавшіе дѣло начальники, но были и случаи ея примѣненія, сопровождавшіеся катастрофами. Лучшія инструкціи были иностраннаго происхожденія, но при этомъ часто отсутствовало приспособленіе ихъ къ русскому театру военныхъ дѣйствій, значительно уменьшавшее практическое значеніе многихъ изъ этихъ инструкцій. Какъ напр. можно было требовать примѣненія заградительнаго огня, когда дивизіи занимали фронтъ въ 15, а то и 30 верстъ, и имѣли всего шесть батарей? Или требовать сооруженія большаго числа солидныхъ безопасныхъ убѣжищъ, когда не было перевозочныхъ средствъ для доставки нужныхъ матеріаловъ? Подобныхъ примѣровъ было множество.

Много указаній отдавалось post factum. Командованіе имѣло возможность предупредить какую либо ошибку, но этого не дѣлало, а затѣмъ разражалось упреками и сѣтованіями, когда дѣло оканчивалось неудачей или даже катастрофой. Весеннее наступленіе въ 1916 г. у оз. Нарочъ было организовано плохо. Большая часть вины въ этомъ лежитъ несомнѣнно на главномъ командованіи, не оцѣнившемъ невозможность оказать такимъ способомъ помощь союзникамъ и не имѣвшемъ мужества противодѣйствовать безполезному пролитію крови и пожертвованію свыше 100/т. жизней „soldats inconnus". Но и второстепенные начальники сдѣлали много ошибокъ, которыя могли быть предупреждены главнымъ командованіемъ. Оно этого не сдѣлало, а вмѣсто этого осудило ошибки уже послѣ катастрофы, снимая этимъ съ себя до извѣстной степени отвѣтственность за происшедшее. Въ Мартѣ 1917 г. германцы атаковали выдвинутую впереди р. Стоходъ позицію, своего рода тетъ-де-понъ.*) Раз-

*) Червищенскій тетъ-де-понъ.

ложеніе въ войскахъ въ то время уже началось. Надлежащаго упорства оказано не было и войска, расположенныя впереди рѣки, потерпѣли тяжелое пораженіе. Отъ главнаго командованія немедленно послѣдовали указанія о частомъ занятіи несоотвѣтственныхъ позицій, составлявшихъ послѣднія мѣста, до которыхъ дошелъ бой, о неумѣніи занимать по окончаніи боевъ болѣе выгодные для обороны мѣстные рубежи, съ цѣлью поставить войска въ болѣе сносное положеніе и т. п. Все это было правда, но частные начальники, изъ нежеланія отдать приказъ объ отходѣ, всегда для нихъ затруднительный, и заслужить этимъ осужденіе того-же высшаго командованія предпочитали удерживать самыя нелѣпыя н опасныя въ тактическомъ отношеніи позиціи. Единственно главное командованіе могло прикрыть такой цѣлесообразный отходъ своимъ авторитетомъ и отдать соотвѣтственное распоряженіе. Оно этого не дѣлало, хотя всѣ подобныя мѣста на фронтѣ были ему извѣстны. Оно заявляло о своемъ мнѣніи только послѣ катастрофы, находя при этомъ и виновныхъ для расплаты за нее.

Извѣстно отступленіе германской арміи ранней весной 1917 г. на французскомъ фронтѣ и выгоды, какія оно принесло. Германское главное командованіе дѣйствовало съ разсчетомъ и мужественно. Русское главное командованіе не было способно на такой шагъ.

Закону полнаго напряженія силъ при началѣ какой либо операціи главное командованіе не слѣдовало. Лѣтнее и осеннее наступленіе въ 1916 г. началось съ недостаточными силами. Только впослѣдствіи эти силы находились. Наиболѣе характерно это сказалось при дѣйствіи въ Румыніи, когда силы нашлись, но только для парированія надвигавшагося несчастья.

Вся кампанія 1916 г. была доказательствомъ шаблоннаго и поверхностнаго строя мысли русскаго командованія. Она заслуживаетъ въ этомъ отношеніи особаго разсмотрѣнія. Здѣсь не мѣсто этому.

Достаточно отмѣтить тотъ вредъ, который могутъ принести дѣлу люди, хотя можетъ быть работоспособные, почтенные и могущіе принести пользу въ другихъ отрасляхъ военной, но только не полководческой дѣятельности. Интересно отмѣтить при этомъ и заблужденіе общественнаго мнѣнія, судившаго такихъ людей по признакамъ менѣе всего примѣнимымъ для оцѣнки полководческой дѣятельности. И до такой степени заблужденіе было велико, что бьющіе въ глаза факты военныхъ неудачъ, обусловленныхъ ненадлежащимъ общимъ управленіемъ, не измѣнили настроенія общественнаго мнѣнія. До такой степени оно было некомпетентно и не подготовлено.

Не было лишено командованіе честолюбія и тщеславія, заставлявшихъ преслѣдовать цѣли, не имѣвшія военнаго значенія, исключительно въ видахъ заслужить расположеніе общественнаго мнѣнія. И чѣмъ меньше было дѣйствительныхъ успѣховъ, тѣмъ чаще преслѣдовались подобныя цѣли. Такія стремленія вели къ тому, что цѣнилась не доблесть, а успѣхъ. Это развивало очень опасную тенденцію въ арміи гоняться за легкимъ успѣхомъ, преувеличивать

его, а при отсутствіи даже прибѣгать къ фальсификаціи.

Въ итогѣ самоотверженная работа арміи въ 1916 г. не дала того, что могла дать. Огромныя, часто безполезно принесенныя жертвы, вызвали утомленіе и упадокъ духа. Впереди предвидѣлись такія-же жертвы, равнодушное отношеніе къ нимъ свыше, неумѣлость командованія... Создавалась благопріятная почва для революціонной пропаганды и дѣятельности различныхъ лицъ „окопавшихся въ тылу" и принимавшихъ всѣ возможныя мѣры чтобы, прикрываясь даже идеалистическими стремленіями, не попасть на фронтъ. Эта пропаганда не могла не найти отзвука и въ тѣхъ, кто на томъ-же фронтѣ такъ обильно и часто такъ безцѣльно проливалъ свою кровь, въ комъ возобладало горькое сознаніе, что общество, вкупе съ стоящими во главѣ командованія лицами, требуетъ только жертвъ, не цѣнитъ подвиговъ и не способно установить хотя-бы элементарную справедливость и равномѣрное несеніе военныхъ тяготъ. Это настроеніе было одной изъ причинъ русской революціи и ея быстраго разрушительнаго развитія. Исторія несомнѣнно отмѣтитъ отвѣтственность въ этомъ отношеніи и командованія.

Трудно перечислить несовершенства и обычныя ошибки русскаго командованія при тактическихъ и боевыхъ дѣйствіяхъ. Мы постараемся отмѣтить только нѣкоторыя изъ нихъ, имѣвшія наибольшее значеніе.

Походные марши были разработаны мало. Наиболѣе привился маршъ дивизіонными колоннами. Ходить болѣе крупными колоннами корпусными, а тѣмъ болѣе вести по одной дорогѣ два корпуса, не умѣли. Во время Галиційской операціи 1914 г. извѣстенъ случай, когда корпусъ 3-хъ див. состава получилъ для марша широкое первоклассное шоссе и другую обыкновенную дорогу. Проще всего было организовать маршъ, пустивъ по обыкновенной дорогѣ одну дивизію, а двѣ другія повести по шоссе, принявъ мѣры къ сокращенію глубины колонны, или направивъ по шоссе двѣ дивизіонныя колонны рядомъ. Вмѣсто этого на каждую изъ уквзанныхъ выше дорогъ было направлено по одной дивизіи, а третью дивизію пустили по полевой дорогѣ, которую приходилось во многихъ мѣстахъ заново разрабатывать.

Относительно удаленія авангардовъ взгляды стали нѣсколько однообразнѣе, но по прежнему встрѣчались случаи высылки авангардовъ на разстояніе, равное глубинѣ колонны. Роль авангардовъ и передовыхъ частей при завязкѣ боя не была выяснена и усвоена въ должной мѣрѣ, авангарды дѣйствовали въ общемъ пассивно. Марши регулировались не по авангардамъ, а по главнымъ силамъ.

Маршъ рѣдко носилъ въ себѣ идею боя. Рѣдко можно было напр. встрѣтить сгущеніе или усиленіе состава колоннъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ предполагалось нанести ударъ. Въ 1914 и часто даже въ 1915 году корпуса атаковали въ назначенныхъ имъ участкахъ,

распредѣленныхъ довольно равномѣрно и усиляемыхъ другими войсками уже во время хода боя, перемѣщая для этого войска съ другихъ участковъ, откуда только можно было ихъ взять. Только въ 1916 г. замѣчается концентрація войскъ въ зависимости отъ намѣчаемыхъ цѣлей дѣйствія.

Подходъ къ полю сраженія обыкновенно ничѣмъ не отличался отъ марша на остальномъ протяженіи. Марши отступательные организовывались обычно, какъ и обыкновенные марши.

Раіоны марша нарѣзывались поверхностно безъ соображенія съ направленіемъ путей. Бывали случаи оставленія войскъ при отступленіи безъ дорогъ и неиспользованія всѣхъ возможныхъ путей слѣдованія вслѣдствіе пересѣченія условными „границами раіоновъ“ имѣющихся путей.

Составленіе колоннъ производилось неумѣло, Пріемы, принятые въ иностранныхъ арміяхъ, отчасти примѣнялись, но не были истолкованы должнымъ образомъ. На начальные пункты марша приходили одновременно и столплялись на нихъ, не умѣя сдѣлать разсчетъ и подойти ко времени сообразно мѣсту, занимаемому въ колоннѣ. Привалы дѣлались непрактично, не распредѣляя ихъ по глубинѣ колоннъ. Малые привалы дѣлались каждый часъ для всей колонны сразу, что во многихъ отошеніяхъ неудобно. Равномѣрность движенія не поддерживалась. Въ результатѣ люди и лошади заматывались, силы ихъ мало сберегались, и армія теряла способность къ быстрымъ и продолжительнымъ маршамъ. Если это не всегда замѣчалось, то вслѣдствіе обычнаго примѣненія сравнительно неглубокихъ дивизіонныхъ колоннъ*).

Порядокъ отданія приказовъ о маршахъ не соотвѣтствовалъ сущности дѣла. Необходимое для организаціи вообще марша нѣсколькихъ коллоннъ смѣшивалось собственно съ распоряженіями колонныхъ начальниковъ. Это безъ пользы ограничивало начальниковъ колоннъ въ ихъ дѣятельности и задерживало отдачу приказаній. Послѣдніе вообще отдавались медленно.

Въ результатѣ русская армія едва-ли не утратила отличавшую ее раньше способность къ быстрымъ и продолжительнымъ маршамъ.

Слабыя стороны примѣняемаго въ настоящее время марша-маневра, какъ-то: неповоротливость всего порядка, трудность защиты отъ фланговаго удара, опасность отъ наступленія на неразвернутыя колонны изготовившагося къ бою противника и т. п. не были извѣстны н изучены должнымъ образомъ.

Къ встрѣчнымъ боямъ армія была подготовлена мало. Они неизмѣнно, правда, практиковались на маневрахъ, но всегда съ тѣми-же ошибками. Самая суть ихъ, состоящая въ смѣломъ захватѣ мѣстныхъ предметовъ, дающихъ выгодныя условія для развертыванія въ

---

*) Слѣдуетъ замѣтить, что русская 16-ти батал. дивизія, съ которой выступили на войну, едва-ли не составляла ту единицу марша для плохихъ дорогъ, которую германскій корпусъ составлялъ для хорошихъ дорогъ. Использованіе дорожной сѣти при этомъ достигалось довольно полное

цѣляхъ созданія выгоднаго положенія для наступленія и атаки, не была понята въ должный мѣрѣ.

Примѣненіе различныхъ видовъ боя сообразно преслѣдуемому плану, сознательное распредѣленіе войскъ въ зависимости отъ задачъ и видовъ боя; то или иное нисыщеніе боевыхъ участковъ войсками сознавались мало, равно какъ и необходимость упредить противника въ нанесеніи удара и разрѣшить этимъ кризисъ боя. Бои разыгрывались хаотично со спѣшными мѣрами противодѣйствія тамъ, гдѣ это оказывалось нужнымъ по обстоятельствамъ дѣла.

Сбору свѣдѣній о противникѣ придавалось весьма часто преувеличенное значеніе. Были, напр., порицанія за атаки, встрѣтившіяся съ резервами противника, за то, что предварительной развѣдкой не было выяснено мѣсто расположенія этихъ резервовъ.

Резервамъ придавалось какое-то особое значеніе. Цѣнилось больше всего ихъ наличіе, а не своевременный вводъ въ дѣло. Иногда требовалось ихъ искуственное образованіе, въ ущербъ боевой части, мотивируя это „необходимостью имѣть для наступленія сильные резервы“ и не понимая того, что участки, на кои выпали наступательныя задачи, должны быть насыщены войсками для образованія боевой части надлежащей силы и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточныхъ резервовъ для постояннаго ея поддержанія и пополненія потерь.

Погрѣшности противъ германскаго правила: „резервы конечно нужны, но нѣтъ болѣе грубой ошибки какъ имѣть слабую боевую часть“—встрѣчались часто. А между тѣмъ именно эти погрѣшности были одной изъ причинъ неудачъ при Японской войнѣ. Они давали возможность разбивать боевой порядокъ по частямъ. Это возможно не только въ стратегіи, но и въ области тактики.

Часто не соблюдалось назначеніе на боевые участки сразу достаточнаго количества войскъ.

Удаленіе резервовъ, не дававшее возможности своевременно ввести ихъ въ бой, было одной изъ ходячихъ ошибокъ. Онѣ были весьма часты не только въ началѣ, но и въ концѣ войны. Вообще правило, что „не присутствующія, а дѣйствующія войска рѣшаютъ участь боя“ въ сознаніи не осѣло.

Наставленіемъ для боя, приложеннымъ къ полевому уставу, смѣна войскъ въ бою не допускалась. Это правило совершенно вѣрно для прежнихъ сравнительно кратковременныхъ боевъ, но при настоящихъ длительныхъ бояхъ оно непримѣнимо безъ нарушенія энергіи дѣйствій. Пріемы такой смѣны не были разработаны и не примѣнялись. Это одна изъ причинъ быстраго прекращенія наступленія русскихъ войскъ уже послѣ первыхъ успѣховъ.

Какъ это ни странно, но въ фортификаціонномъ отношеніи русская армія вышла на войну неподготовленной. Опытъ Японской войны былъ забытъ. Искуству укрѣплять позиціи учились во время войны уже у германцевъ. Сильныя загражденія, фланговый пулеметный огонь, солидныя безопасныя убѣжища, заградительный огонь, расположеніе позицій на обратныхъ скатахъ и т. д. все взято отъ

нихъ, а не изъ собственнаго опыта. Лопату цѣнили, но какъ средство доставлявшее укрытіе, а не какъ орудіе, которымъ можно подготовить основательно организованную позицію. Только съ 1915 г. началось созданіе укрѣпленныхъ позицій, якобы по германскимъ образцамъ. Въ дѣйствительности устраиваемыя позиціи представляли лишь слабое подобіе послѣднихъ. Длинные участки, отсутствіе матеріаловъ и перевозочныхъ средствъ не давали возможности слѣдовать образцамъ. Добиться примѣненія фланговаго пулеметнаго огня было нелегко: по рутинѣ предпочитали фронтальный огонь съ разсѣиваніемъ. Сказывалось и нежеланіе исполнять тяжелыя работы и пренебреженіе ими въ спокойное время, безъ предусмотрительности въ отношеніи возможныхъ тяжелыхъ послѣдствій.

Ни оборонять, ни атаковать укрѣпленныхъ позицій не умѣли съ должнымъ искуствомъ. Съ этимъ вышли на войну, а при ея ходѣ дѣло это мало подвинулось впередъ. Переносъ обороны на заднія линіи не примѣнялся или примѣнялся мало. Къ атакѣ позицій, занятыхъ подобнымъ образомъ, также не примѣнились: вся вторая половина кампаніи 1916 г. служитъ этому доказательствомъ.

Какъ извѣстно, Шлихтингъ, разбирая въ своихъ сочиненіяхъ опытъ Плевны, указалъ, что наличіе укрѣпленной позиціи вызываетъ для овладѣнія ею необходимость примѣненія тяжелой артиллеріи. Ея отсутствіе было причиной русскихъ неудачъ. Опытъ Японской войны только подтвердилъ эти выводы. Въ зависимости отъ этого, а также отъ свойствъ западнаго театра военныхъ дѣйствій, германцы серьезно учли этотъ вопросъ, снабдили свои корпуса тяжелой артиллеріей и кромѣ того имѣли большой ея резервъ въ распоряженіи главнаго командованія. Россія и Франція не отнеслись къ этому вопросу съ должнымъ вниманіемъ. Результаты извѣстны. Огромное развитіе тяжелой артиллеріи въ теченіе послѣдней войны ясно показало правильность германскаго взгляда. Особенно недооцѣнили значеніе крупныхъ калибровъ, хотя единственно русскіе имѣли въ въ этомъ отношеніи опытъ (Портъ Артуръ).

Примѣненіе артиллеріи къ атакѣ укрѣпленныхъ позицій часто дѣлалось безъ разсчета и въ нужномъ количествѣ она не придавалась. Весенній успѣхъ 1916 г. приписали значенію тяжелой артиллеріи, хотя несомнѣнно главной его причиной были свойства Австро-Венгерской арміи. Съ разсчетомъ на ту же сравнительно слабую артиллерію продолжались бои по прорыву укрѣпленныхъ позицій, скоро переставшіе быть удачными. Отдать себѣ отчетъ въ этомъ не съумѣли.

Со всѣми начинаніями русскаго командованія по прорыву укрѣпленныхъ позицій интересно сопоставить дѣйствія германскаго командованія, рѣшавшаго ту же задачу въ 1918 г. и достигшаго, кромѣ надлежащаго примѣненія артиллеріи, также внезапности въ дѣлѣ, требовавшемъ огромной подготовки.

Сопровожденіе пѣхоты въ атаку артиллеріей, кромѣ обычной стрѣльбы артиллеріи съ прежнихъ позицій, почти не примѣнялось.

Поддержаніе связи сдѣлало послѣ Японской войны значитель

ные успѣхи. Въ войскахъ были заведены телефоны; кромѣ отпусковъ казеннаго имущества войска, особенно въ теченіе войны, прикупали много собственнаго. Реквизированные и закупленные при мобилизаціи и позднѣе автомобили также съ пользой послужили этому дѣлу. Собственно на этомъ оно и остановилось.

Другими средствами связи служили конные и пѣшіе ординарцы, посыльные и т. п. Всѣ эти средства связи были достаточны въ обыкновенное время, но часто отказывали въ бояхъ, когда, несмотря на все самоотверженіе командъ связи, послѣдняя часто нарушалась. Положеніе французскаго устава, что начальникъ, не имѣющій свѣдѣній о своей части, не имѣютъ права ссылаться на отсутствіе связи, было при русскихъ условіяхъ непримѣнимо.

Въ началѣ войны начальствующія лица не всегда внимательно относились къ условіямъ, соблюденіе коихъ требуется для правильнаго функціонированія связи. Такъ случались произвольныя перемѣны мѣстъ пребыванія безъ донесенія объ этомъ. Внутренняя связь, состоящая въ пониманіи того, что дѣлаютъ сосѣди и командованіе и основанная на изученіи распоряженій, исходящихъ отъ сосѣдей и командованія, часто отсутствовала, главнымъ образомъ вслѣдствіе непримѣненія методовъ для надлежащей регистраціи всѣхъ такихъ распоряженій.

Связь съ тыломъ и высшими штабами въ началѣ войны была иногда неудовлетворительна. Мѣры къ возстановленію телеграфныхъ линій и дорогъ въ тылу принимались медленно: нужные матеріалы заготовлены не были.

Впослѣдствіи связь работала хорошо при расположеніи на мѣстѣ. Но т. к. тыловыя дороги корпусовъ телеграфомъ не оборудывались, то при всякомъ движеніи назадъ связь иногда надолго нарушалась. Сообщеніе распоряженій при такихъ условіяхъ носило весьма часто случайный характеръ. Не всегда быстро устанавливалась связь при продвиженіи впередъ.

Распоряженія отдавались весьма часто съ послѣдующими перемѣнами или отмѣнами, обусловленными недостаточной ихъ продуманностью вначалѣ или случайными причинами, нерѣдко неосновательными, и безъ разсчета времени когда они могутъ быть восприняты и осуществлены войсками.

Въ бою начальники часто держались далеко позади своихъ частей и при передвиженіи впередъ лишались возможности руководить ими. Съ 1916 г. были установлены командные пункты, но и послѣдніе бывали иногда чрезмѣрно удаленными и не давали возможности цѣлесообразно руководить боемъ.

— —

Въ этомъ очеркѣ сконцентрированы какъ въ фокусѣ различные недостатки тактической и боевой подготовки русской арміи. Картина получается тяжелая. Но было-бы ошибочно всецѣло руководиться этимъ впечатлѣніемъ. Въ дѣйствительности на практикѣ эти ошибки и недостатки, такъ сказать, разсѣивались. Не всѣ дѣлали ихъ въ

полномъ объемѣ, даже тѣ же самыя лица могли дѣлать въ разное время однѣ ошибки и избѣгать другихъ. Слѣдовательно онѣ не были такъ пагубны какъ въ случаѣ ихъ одновременной концентраціи въ одномъ мѣстѣ. Притомъ нѣкоторыя изъ нихъ умалялись соотвѣтственными ошибками противника.

Затѣмъ, если недостаточно систематическое обученіе и не привило въ плоть и кровь привычекъ дѣйствій, становившихся второй натурой, то съ другой стороны оно не поколебало здраваго смысла, дававшаго возможность разумно относиться къ обстановкѣ и отказываться отъ дѣйствій, составлявшихъ дурное наслѣдіе отъ несоотвѣтственнаго обученія мирнаго времени.

До конца 1916 г. русская армія сохранила волю къ борьбѣ съ противникомъ. А это въ свою очередь вдохновляло ея личный составъ на соотвѣтственныя рѣшенія, считаясь съ цѣлями подлежащими достиженію больше, чѣмъ со старыми привычками или указаніями ненадлежащихъ наставленій и руководствъ.

Какъ ни было велико значеніе указанныхъ выше пробѣловъ, оно все-же, хотя и съ затрудненіями и лишней кровью, но давало возможность русской арміи исполнять свое назначеніе.

———

Не столько недостаточность подготовки, сколько нравственный уровень команднаго состава мѣшалъ общему успѣху. Излишнее поклоненіе Германіи вело къ подавленію психики, къ неувѣренности въ себѣ и въ сосѣдяхъ. Послѣднее неизбѣжно влекло и недовѣріе къ нимъ, обусловленное часто и другими причинами. Если было много честныхъ и преданныхъ дѣлу людей, то было много и другихъ, руководившихся честолюбіемъ и прибѣгавшихъ къ саморекламѣ. Главное командованіе не умѣло различать преданныхъ дѣлу отъ преслѣдовавшихъ личныя цѣли. Оно цѣнило не доблесть, а успѣхъ. За послѣднимъ гнались преимущественно въ его легкихъ формахъ, ибо серьезный успѣхъ всегда связанъ съ рискомъ неудачи. При отсутствіи успѣха не останавливались передъ его фальсификаціей. Ложь считалась дозволенной и на ней часто основывались репутаціи. Къ имѣвшимъ мужество говорить горькую правду относились неблагосклонно. Говорили они дѣло, или преувеличивали опасенія, безразлично — ихъ квалифицировали „паническими“ людьми.

Благородства по отношенію къ подчиненнымъ у высшаго команднаго состава, за немногими исключеніями, не было. Защита подчиненныхъ отъ неправильныхъ нареканій была не въ его нравахъ. Пожертвованіе подчиненнымъ съ намѣреніемъ сложить съ себя отвѣтственность встрѣчалась часто. Успѣхъ приписывался командованію, отвѣтственность за неудачи возлагалась на подчиненныхъ. По заслугамъ слишкомъ часто не воздавалось.

Ко всему этому примѣнились. Развилось особое явленіе — какой то оффиціальный лже-оптимизмъ, всюду выставляемый на показъ и создававшій репутацію подобнымъ лицамъ, какъ людямъ съ твердымъ характеромъ. Такія лица никогда не противорѣчили и готовы

Была ли Россия и ее армия готова к войне в июле 1914 года?

По этому вопросу ~~атмосферу~~ встречаются (сталкивают) в зарубежной военной среде ~~самые / противополож-~~ по меньшей мере ~~ные~~ два мнения: для одних, — если и были ~~неполадки~~ недочеты в смысле не совсем полной готовности нашей к войне, то относились они главным образом к области всякого рода снабжения, — артиллерийского, инженерного, интендантского, санитарного и т. д.

Все же остальное, и в частности — обучение и боевая подготовка ~~войск~~, было, в общем, в порядке и не оставляло желать ничего лучшего.

~~Большую роль~~ в наличии е ~~Т~~такого убеждения первых / играло, ~~можно~~ надо думать, или их собственном то обстоятельство, что по довольно широко распространенному мнению уроки неудачной войны с Японией были нашим военным руководством полностью учтены, все выявившиеся в ходе войны 1904-05 гг.

P

647 - 46 - 23 -

Agression rue Havre - Caumartin -
- gare St Lazare - gare de Rueil

11h - ½ 12

были на любыя предпріятія, замышлявшіяся командованіемъ. Они всегда на словахъ вѣрили въ успѣхъ и никогда не имѣли мужества открыто заявить объ отрицательныхъ сторонахъ предпріятія, даже если-бы они вели къ гибели дѣла. Они снимали съ себя отвѣтственность и лично мало чѣмъ рисковали — этого было для нихъ достаточно. Лишняя кровь, которая могла пролиться, ихъ не интересовала, къ сердцу своему они ея не принимали и нравственно отвѣтственными за нее себя не считали. Командованіе, безпомощное въ выборѣ людей, не чуждое угодничества передъ такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ и преслѣдованія ради этого цѣлей, не имѣвшихъ военнаго значенія, вольно и невольно поддерживало такое настроеніе своихъ подчиненныхъ. Оно иногда и само являлось причиной напраснаго пролитія крови.

Въ 1916 г. было разослано начальствующимъ лицамъ письмо одного изъ офицеровъ главному командованію. Онъ въ немъ описываетъ тяжелую нравственную атмосферу, въ которой жила армія, и присовокуплялъ, что еще въ мирное время подавалъ заявленіе по начальству, въ которомъ указывалъ, что, въ случаѣ возникновенія войны, побѣдятъ нѣмцы потому, что они честны, а у русскихъ честности мало. За это письмо онъ былъ уволенъ со службы. Онъ его вспоминалъ теперь и съ горечью констатировалъ, что его предсказанія сбылись. Со скорбью слѣдуетъ признать, что авторъ письма былъ правъ: честности было мало. Какъ это ни странно, въ этомъ отношеніи служили формальной опорой дурныя стороны дѣятельности Суворова, обусловленныя не его высокой личностью, а эпохой, въ которой онъ жилъ. Этому слѣдовали, превзойдя свой образецъ, а гораздо болѣе многочисленнымъ Суворовскимъ образцамъ, требовавшимъ самоотверженія и преданности дѣлу, не слѣдовали вовсе.

Недостаточная подготовка команднаго состава и его нравственный уровень вели ко многимъ несчастьямъ, къ разочарованію и утомленію въ арміи. Это-же было одной изъ причинъ неустойчивости арміи и самаго команднаго состава передъ напоромъ революціи. Небольшое число „праведниковъ“, бывшее въ командномъ составѣ арміи, не могло спасти положенія...

В. ДРАГОМИРОВЪ.

Деникин: „Путь р. оф.“

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
операціи Наревской арміи генерала Самсонова въ Восточной Пруссіи въ Августѣ 1914 г.

Въ срединѣ Августа 1914 года, когда наши арміи въ Галиціи наносили австрійцамъ одинъ за другимъ жестокіе удары и побѣдоносно гнали ихъ къ Сану, когда армія генерала Ренненкампфа, вторгнувшись въ предѣлы Восточной Пруссіи и, сломивъ сопротивленіе нѣмцевъ у Гумбинена, угрожала фортамъ Кенигсберга, а армія генерала Самсонова, развернувшись на широкомъ фронтѣ отъ Ломжи, примѣрно, до Млавы, повела энергичное наступленіе съ юга на сѣверъ, въ эти счастливые дни высокаго моральнаго подъема и расцвѣта нашего военнаго счастья, какъ громомъ поразила всѣхъ вѣсть, что въ Восточной Пруссіи, съ арміей генерала Самсонова, „что то случилось“.

Что случилось — вначалѣ не зналъ никто.

Рядъ отрывочныхъ свѣдѣній отъ случайныхъ офицеровъ, разрозненныя войсковыя части, штабъ арміи, прибывшій въ Остроленку безъ своего командующаго арміей, — все это предвѣщало мало хорошаго.

Позднѣе стали извѣстны широковѣщательныя сообщенія нѣмецкаго генеральнаго штаба, — стало ясно, что съ арміей генерала Самсонова случилось несчастье.

Но что именно случилось, почему несчастье смѣнило первоначальный успѣхъ, въ чемъ причина этого несчастья? Эти вопросы оставались безъ отвѣта и, можетъ быть, только много позднѣе, можетъ быть только послѣ того, какъ въ 1916 году командиру XIII корпуса генералу Клюеву удалось изъ Германіи, изъ плѣна, переслать начальнику штаба Главнокомандующаго свой краткій докладъ о событіяхъ въ Восточной Пруссіи, только тогда картина этого несчастья стала приблизительно ясна.

Событія послѣдующихъ лѣтъ міровой войны, кошмарная революція, потоками крови залившая всю нашу многострадальную р о д и н у, ни съ чѣмъ не сравнимая героическая борьба небольшой горсти добровольцевъ, не пожелавшихъ продать свою совѣсть, — все это своей грандіозной массой задавило впечатлѣніе катастрофы

въ Восточной Пруссіи, обратило ее въ „частный эпизодъ“ Великой Всемірной войны.

О гибели Наревской, или какъ ее чаще называютъ „Самсоновской“, арміи естественно позабыли, ею перестали интересоваться, о ней сохранились туманныя, часто далекія отъ истины, воспоминанія.

И, тѣмъ не менѣе, этотъ „частный эпизодъ“ имѣетъ право на то, чтобы о немъ вспомнили потому, что именно этотъ „эпизодъ“ сыгралъ первенствующую роль въ событіяхъ того времени, далъ тонъ послѣдующимъ событіямъ, этотъ „эпизодъ“, наконецъ, можетъ быть недостаточно грамотный съ точки зрѣнія военной техники, но полный самоотверженія, безкорыстія и исполненія долга, является яркимъ примѣромъ братской помощи своимъ союзникамъ, помощи искренней, не за страхъ, а за совѣсть, помощи, которую оплачивали лучшимъ, что есть на этомъ свѣтѣ — человѣческими жизнями...

Чтобы не быть голословнымъ, я не буду дѣлать преждевременныхъ выводовъ; я въ нихъ постараюсь разобраться на своемъ мѣстѣ, а сначала хочу нарисовать правдивую картину событій, разыгравшихся въ Восточной Пруссіи въ дни Августа 1914 года, поскольку они мнѣ извѣстны изъ моихъ личныхъ наблюденій, какъ офицера генеральнаго штаба одного изъ центральныхъ (XIII) корпусовъ арміи, изъ свѣдѣній, которыя мнѣ, въ числѣ другихъ офицеровъ генеральнаго штаба, поставившихъ себѣ задачей послѣ катастрофы выяснить происшедшее, въ самые первые дни удалось собрать въ обширномъ лагерѣ военноплѣнныхъ въ Нейсѣ, собрать въ то время, когда каждый говорилъ подъ свѣжими впечатлѣніями пережитыхъ событій, наконецъ, изъ разбора этой операціи, сдѣланной въ плѣну командиромъ XIII корпуса, изъ сохранившихся у меня документовъ и изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ источниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ, какъ въ первые дни послѣ этого событія, такъ и въ позднѣйшее время.

I.

ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВОСТОЧНОЙ ПРУССІИ.

а) Стратегическое положеніе. б) Природныя свойства театра — озера, рѣки лѣса, болота, в) Инженерная подготовка театра — укрѣпленія проволочныя загражденія, дороги, связь.

Если мѣстность является на войнѣ вообще однимъ изъ факторовъ, властно предъявляющихъ свои права и часто диктующихъ то или иное рѣшеніе то, въ отношеніи театра военныхъ дѣйствій въ Восточной Пруссіи, мѣстность пріобрѣтала исключительное значеніе.

Театръ этотъ издавна считался однимъ изъ наиболѣе трудныхъ. Мало было знать его общія свойства, необходимо было еще тщательное, всестороннее изученіе.

Стратегическое положеніе театра, невыгодное для обороны, выдвинутое узкимъ клиномъ впередъ, давало возможность наступающему (русскимъ) направлять ударъ съ востока на западъ и съ юга

на сѣверъ, но въ тоже время, при достаточныхъ силахъ, это же выдвинутое положеніе давало возможность и нѣмцамъ держать насъ подъ угрозой удара въ опасномъ для насъ направленіи на Ломжу—Брестъ, отрѣзывая такимъ образомъ наши пути для снабженія арміи, находящейся у Варшавы, дѣйствуя по тыламъ этой арміи.

Такимъ образомъ, если мы имѣли возможность „зажать въ клещи“ съ двухъ сторонъ живую силу противника, находящуюся въ Восточной Пруссіи, то наши противники, въ связи съ такимъ-же расположеніемъ австрійцевъ въ Галиціи, имѣли возможность угрожать зажимомъ насъ съ сѣвера и съ юга.

Природа щедро вознаградила Восточную Пруссію за ея опасное, выдвинутое впередъ, положеніе.

Группы озеръ (схема № 1), изъ которыхъ главнѣйшія Мазурская и Остеродская, какъ бы предназначены были для того, чтобы воспрепятствовать двойному удару по Восточной Пруссіи. Первая изъ нихъ Мазурская, перерѣзая восточную часть провинціи съ сѣвера на югъ, преграждала движеніе противника съ востока на западъ и являлась препятствіемъ непроходимымъ. Проходъ возможенъ только сѣвернѣе отъ устья Ангераппа до моря и южнѣе, по узенькимъ проходамъ у Летцена, Реина и Николайкена.

Вторая группа Остеродская, преграждала пути, ведущіе съ юга на сѣверъ къ областному центру Пруссіи — Алленштейну. Наступающій въ этомъ направленіи, выводившемъ въ конечномъ результатѣ въ тылъ арміи противника, защищающей восточную границу Пруссіи, долженъ былъ проходить между озерами, узкими перешейками, поросшими лѣсомъ, перерѣзанными болотистыми ручьями.

Мѣстность, въ общемъ, низменная, мѣстами между озерами нѣсколько всхолмленная, поросшая лѣсомъ; грунтъ, въ особенности въ раіонѣ Остеродской группы, сильно песчаный, или, гдѣ протекали ручьи и рѣченки, болотистый.

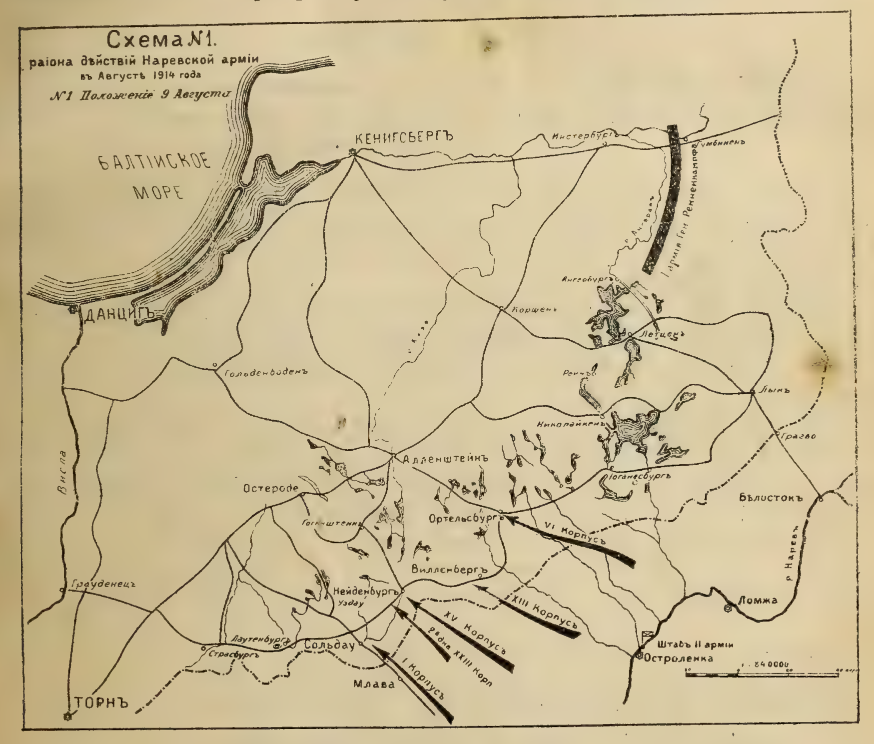
Нѣмцы со свойственной имъ тщательностью и систематичностью использовали всѣ природныя условія этого театра, усилили ихъ, сгладили недостатки. Перешейки въ раіонѣ Мазурскихъ озеръ были замкнуты долговременными укрѣпленіями, наиболѣе доступная часть прохода между Мазурскими озерами и моремъ находилась подъ угрозой (съ сѣвера) крѣпости Кенигсбергъ. Всюду на перешейкахъ блокгаузы, всюду, гдѣ можно, проволока.

На тѣхъ участкахъ, какъ напр. западнѣе Ортельсбурга, гдѣ на нѣкоторомъ протяженіи было мало озеръ, ихъ замѣнили проволочными загражденіями съ проволокой толще пальца руки, недоступной обыкновеннымъ ножницамъ для разрѣзыванія проволоки. Окраины деревень, осушительныя канавы на болотахъ, — все обильно затянуто проволокой.

Съ объявленіемъ мобилизаціи за этой проволокой были вырыты окопы и окраины большинства деревень обратились въ укрѣпленные пункты, о которые честно и добросовѣстно разбивались наши разъѣзды и эскадроны, брошенные съ началомъ войны въ Восточную Пруссію.

Большое вниманіе обратили нѣмцы и на пути сообщенія.

3 мощныя желѣзнодорожныя линіи вдоль театра (съ запада на востокъ) и рядъ поперечныхъ соединительныхъ линій, прорѣзывали Восточную Пруссію и давали возможность перебрасывать войска въ любомъ направленіи въ любой пунктъ. Прекрасное оборудованіе этихъ дорогъ, — выгрузочныя платформы, позволявшія разгружать сразу весь эшелонъ, склады, магазины, питательные пункты и проч. позволяли дѣлать переброску съ предѣльной скоростью.



Богатая сѣть шоссейныхъ дорогъ дополняла сѣть желѣзнодорожную.

Интересная подробность — въ то время, какъ нѣмцы не жалѣли средствъ и труда на проведеніе дорогъ, на участкѣ, по которому пролегали кратчайшіе пути съ юга, примѣрно, отъ переправъ черезъ Наревъ—Остроленка—Рожаны—Пултускъ къ Алленштейну, — шоссейныхъ дорогъ съ юга на сѣверъ было очень мало и, проходя перешейки между озерами, приходилось идти сыпучими песками.

Нѣмцы-же, пользуясь дорогами восточнѣе и западнѣе этого „мѣшка“ могли легко производить свои излюбленные охваты,

Не меньшее вниманіе обратили нѣмцы и на связь – телеграфныя и телефонныя линіи покрывали всю Восточную Пруссію; телефоны были въ деревняхъ, у лѣсниковъ (бывшихъ унтеръ-офицеровъ), надземные и подземные; были всюду сигнальныя вышки, короче говоря,

были приняты всѣ мѣры, чтобы каждый шагъ наступающаго противника былъ въ кратчайшій срокъ извѣстенъ.

Такова была общая картина этого театра. Къ этому надо только еще добавить, что театръ былъ нѣмцами тщательно изученъ, какъ теоретически, такъ и практически во время маневровъ, военныхъ игръ, спеціальныхъ поѣздокъ и проч. и обслуживался прекраснымъ, знающимъ, преданнымъ своему дѣлу, личнымъ составомъ.

ПЛАНЪ ДѢЙСТВІЙ.

а) Возможность активныхъ и пассивныхъ дѣйствій со стороны нѣмцевъ, б) Силы нѣмцевъ въ Восточной Пруссіи, в) Наше сосредоточеніе, г) Планъ наступленія д) Работа конницы.

Театръ военныхъ дѣйствій Восточной Пруссіи былъ нами изученъ. Варшавскій округъ, въ лицѣ своихъ наиболѣе энергичныхъ представителей, положилъ много труда и знанія, чтобы собрать необходимыя свѣдѣнія.

Первой ближайшей задачей нашихъ дѣйствій ставилось уничтожить этотъ выдающійся впередъ клинъ и тѣмъ устранить постоянную угрозу нашимъ тыламъ, обезпечить свободу дѣйствій войскъ у Варшавы.

Являлся вопросъ — что можетъ предпринять противникъ? Ограничится-ли онъ въ Восточной Пруссіи обороной и броситъ всѣ силы на Францію, чтобы громовымъ ударомъ уничтожить ее, использовавъ то время, пока Россія, благодаря болѣе продолжительному періоду мобилизаціи и сосредоточенія, еще не готова для боя, и затѣмъ уже всѣми силами обрушится на Россію, или, одновременно предприметъ наступательныя дѣйствія противъ Франціи и противъ Россіи, дабы затруднить ея сосредоточеніе и развертываніе.

И, хотя всѣ данныя были за первое рѣшеніе, но не считаться съ возможностью наступательныхъ дѣйствій было нельзя.

Развѣдка говорила опредѣленно, что въ Большомъ Нѣмецкомъ Генеральномъ штабѣ такое направленіе было (представителемъ его являлся Людендорфъ — одно время работавшій въ оперативномъ отдѣленіи); кромѣ того незадолго до войны былъ агентурой добытъ документъ, подписанный чуть-ли не самимъ Императоромъ Вильгельмомъ, коимъ указывалось на необходимость наступленія противъ Русскаго фронта съ первыхъ же дней войны.

Силы нѣмцевъ въ Восточной Пруссіи были 3 активныхъ (полевых) сильныхъ корпуса: I-й (Кенигсбергъ), XX-й (Алленштейнъ) и XVII-й (Торнъ), кромѣ того съ началомъ мобилизаціи надо было считаться еще съ нѣсколькими резервными и ландверными корпусами, кромѣ гарнизоновъ крѣпостей.

Для дѣйствія противъ Восточной Пруссіи съ нашей стороны предназначались двѣ арміи. Первая — Виленская — должна была наступать съ востока, вторая — Наревская — съ юга.

Считаясь съ возможностью перехода нѣмцевъ въ наступленіе

немедленно послѣ объявленія войны, вторая армія должна была первоначально сосредоточиться въ раіонѣ Бѣлостока, прикрывая наиболѣе болѣзненное для насъ направленіе и, только послѣ того какъ выяснится окончательный образъ дѣйствій противника, занять свое исходное положеніе.

Наступленіе, принимая во вниманіе условія театра, предполагалось организовать такъ: армія Виленская ведетъ наступленіе до линіи Мазурскихъ озеръ.

Наревская армія въ это время развертывается на линіи Ломжа—Остроленка—Млава (схема № 1) и ведетъ наступленіе съ юга съ тѣмъ, чтобы стать своими главными силами на линіи Ортельсбургъ—Виленбергъ—Нейденбургъ—Сольдау. На этой линіи армія останавливается и на своемъ лѣвомъ флангѣ, примѣрно въ раіонѣ Нейденбурга, укрѣпляетъ позицію уступомъ назадъ, силою на два корпуса съ тѣмъ, чтобы образовать устойчивый опорный пунктъ.

Затѣмъ правофланговые корпуса II арміи начинаютъ движеніе уступами справа, выходя западнѣе Мазурскихъ озеръ въ тылъ Мазурскимъ укрѣпленіямъ и заставляя нѣмцевъ очищать эту укрѣпленную линію. Когда такимъ образомъ линія Мазурскихъ озеръ будетъ очищена, корпуса II арміи поворачиваютъ на сѣверо-западъ и, наступая совмѣстно съ I арміей, выходятъ своими правофланговыми корпусами въ тылъ Остеродской группы озеръ, облегчая остальнымъ корпусамъ второй арміи проходъ черезъ линію этихъ озеръ и, совершая какъ бы захожденіе около опорнаго пункта у Нейденбурга, какъ около оси.

Конечная цѣль этой первой операціи перерѣзать Восточную Пруссію, — отрѣзать выдающійся впередъ клинъ.

Спорнымъ являлся вопросъ примѣненія конницы. Здѣсь взгляды спеціалистовъ рѣзко расходились. Одни настаивали на необходимости съ первыхъ же дней войны, бросить конницу впередъ, поставивъ ей задачей произвести разрушеніе путей, всячески тревожить и мѣшать мобилизаціи, короче говоря, внести безпорядокъ въ точно налаженный нѣмецкій аппаратъ.

Другіе, основываясь на знаніи условій работы въ Восточной Пруссіи утверждали, что наши конныя части эту задачу выполнить не смогутъ, встрѣтятъ упорное сопротивленіе всюду, что они въ самый первый періодъ понесутъ ненужныя потери и, не принеся существенной пользы, къ моменту рѣшительныхъ дѣйствій, потеряютъ значительную долю своей боеспособности, и потому настаивали на необходимости въ первый періодъ сосредоточенія ограничиться только развѣдкой.

НАЧАЛО ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

а) Составъ арміи ген. Самсонова. б) Штабъ арміи. в) Средства развѣдки. г) Измѣненія въ планѣ въ зависимости отъ событій на западѣ. д) Военныя дѣйствія съ 8 по 18 августа.

Во исполненіи первоначальныхъ предположеній съ начала войны 2-я Наревская армія начала свое сосредоточеніе въ раіонѣ Бѣлостокъ—Соколка. Въ составъ арміи вошли: I, II, VI, XIII, XV и XXIII корпуса и 4, 6 и 15 кавал. дивизіи, при чемъ съ первыхъ же дней II корпусъ былъ переданъ въ распоряженіе I арміи; XXIII корпусъ къ началу операціи сосредоточился только одной дивизіей, — гвардейская дивизія прибыла въ самые послѣдніе дни операціи.

Корпуса были разныхъ округовъ: VI, XV и XXIII — Варшавскаго округа, I корпусъ — Петербургскаго, XIII — Московскаго. Послѣдніе два корпуса при мобилизаціи выдѣлили изъ своего состава резервные корпуса, запасные баталіоны и этапные баталіоны и потому сильно были разбавлены запасными. Въ XIII корпусѣ, напримѣръ, на роту было всего 60 - 80 кадровыхъ солдатъ. Но духъ въ корпусахъ былъ хорошій.

Слабо была поставлена техническая часть, въ частности авіація. При выдающемся личномъ составѣ нашихъ летчиковъ, аппараты были старые, никуда негодные, портившіеся послѣ одного—двухъ полетовъ, требовавшіе время на починку, чѣмъ нарушалась непрерывность развѣдки и наблюденія.

Во главѣ арміи сталъ генералъ Самсоновъ, — имя его достаточно говорило само за себя, но штабъ его былъ подобранъ неудачно, — почти не было офицеровъ генеральнаго штаба, которые въ мирное время работали на отвѣтственныхъ должностяхъ въ Варшавскомъ округѣ и занимались спеціальнымъ изученіемъ театра.

Мнѣ лично извѣстно, что когда генералъ Самсоновъ просилъ о назначеніи на должность начальника оперативнаго отдѣленія одного изъ полковниковъ, стоявшихъ въ свое время близко къ разработкѣ плана войны въ Восточной Пруссіи, онъ получилъ отказъ. Къ 28 - 29 Іюля ст. ст. сосредоточеніе арміи въ раіонѣ Бѣлостока приходило къ концу. Къ этому времени обстановка стала выясняться, — стало ясно, что нѣмцы всѣми силами обрушились на Францію, ограничиваясь въ Восточной Пруссіи обороной.

Армія генерала Самсонова получила срочное приказаніе занять исходное положеніе и развернуться фронтомъ на сѣверъ на протяженіи Ломжа—Млава.

Не обошлось конечно и безъ нѣкоторыхъ треній, всегда неизбѣжныхъ при разрѣшеніи такого сложнаго вопроса, какъ перемѣна въ развертываніи арміи. Такъ напримѣръ, эшелоны XIII корпуса, еще не выгруженные къ этому времени въ Бѣлостокѣ, получили приказаніе, не выгружаясь, перейти въ Остроленку, въ то время какъ высадившіяся части должны были совершить переходъ Бѣлостокъ—Остроленка, а нѣкоторыя части (I дивизіи) Соколка - Остро-

ленка — походнымъ порядкомъ. Въ результатѣ получилось, что въ раіонъ новаго сосредоточенія раньше прибывали тылы: лазареты, парки, хлѣбопекарни (еще не высадившіеся въ Бѣлостокѣ) и должны были безъ всякаго обезпеченія дожидаться нѣсколько дней прихода войскъ. Пришлось продѣлать при забитости ж. д. узла Бѣлостокъ сложную операцію, пересортировки эшелоновъ, чтобы протолкнуть въ Остроленку впередъ тыловъ хотя-бы одну цѣлую войсковую часть, которая и прикрыла-бы прибывающіе въ Остроленку тылы отъ всегда возможнаго налета противника. Но при общемъ желаніи и самоотверженной работѣ всѣхъ причастныхъ къ этому дѣлу лицъ и эту задачу удалось разрѣшить благополучно. Армія должна была къ 5-му августа занять исходное положеніе — Ломжа — Остроленка — Млава и, давъ дневку частямъ и подтянувъ тылы, начать наступленіе.

Въ это время на западномъ фронтѣ начали разыгрываться серьезныя событія: 1-го августа ст. ст. палъ Льежъ — 2-го — I-я нѣмецкая армія перешла рѣку Маасъ, 5-го августа нѣмцы сбили бельгійцевъ съ р. Гешта, 6-го нѣмцы заняли Брюссель. Нѣмецкій молотъ, занесенный надъ Франціей, началъ свою всесокрушающую работу, угрожая своей тяжестью раздавить Парижъ.

Со стороны Французскаго Главнаго Командованія раздались призывы — оказать содѣйствіе энергичнымъ наступленіемъ на востокѣ. И вѣрные своему долгу передъ союзниками русскіе корпуса въ Восточной Пруссіи, съ самоотверженіемъ и безкорыстіемъ, на которое способны только русскіе, были брошены впередъ. Забыто было все, что такъ тщательно разрабатывалось и изучалось въ мирное время, мало учитывались требованія военной науки.

Закончивъ 50 в. форсированнымъ переходомъ сосредоточеніе въ исходные пункты, части 6-го ангуста безъ дневки, не приведя въ должный порядокъ свой тылъ, двинулись, выполняя этотъ приказъ „впередъ". Видимо въ этотъ моментъ исполненіе первоначальнаго плана претерпѣло существенныя измѣненія, если не было отброшено совершенно. Систематическое, планомѣрное выполненіе этого плана казалось не отвѣчало тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляли союзники, которыя диктовались необходимостью оказать помощь очутившимся въ тяжеломъ положеніи боевымъ друзьямъ.

Вскружилъ голову и первоначальный успѣхъ. I-я армія сбила 8-го августа нѣмцевъ у Гумбинена. Не знаю вольно или невольно, но этотъ успѣхъ вылился въ донесеніе, въ которомъ говорилось примѣрно слѣдующее: „разбивъ корпуса нѣмцевъ побѣдоносно гоню и т. д." — подлинныхъ словъ донесенія я не помню, но впечатлѣніе было такое.

Теперь извѣстно, что это донесеніе было преувеличено, — не вполнѣ отвѣчало дѣйствительности, но тогда оно было желаннымъ. Казалось естественнымъ и рождало мысль не дать нѣмцамъ уйти, — перехватить ихъ путь отступленія, ударить по ихъ тыламъ.

И армія Самсонова пошла впередъ. Развѣдки не было. 3 дивизіи конницы, входившія въ составъ арміи, вопреки предостереженію

авторитетовъ, отдававшихъ себѣ отчетъ въ условіяхъ работы въ Восточной Пруссіи съ первыхъ дней мобилизаціи были брошены впередъ и, привыкнувъ въ мирное время честно и добросовѣстно исполнять приказъ, съ рвеніемъ достойнымъ лучшей участи, разбивались о трудныя условія театра, несли потери, изматывались, теряли свои боевыя качества.

Къ началу общаго наступленія эти утомленныя дивизіи были сосредоточены двумя группами на флангахъ, получили спеціальныя задачи и той роли, которую они могли-бы, которую они должны были сыграть въ общемъ дѣлѣ, не сыграли.

Развѣдка легла на слабыя части пограничниковъ и второочередныя и третьеочередныя казачьи части, приданныя въ качествѣ дивизіонной конницы. Что могли сдѣлать напр. 4 сотни пограничниковъ, приданныя XIII корпусу на фронтѣ 35 верстъ, я предоставляю судить тѣмъ, кто знакомъ хоть немного съ работой развѣдки (по уставу 35 вер.— это фронтъ развѣдки дивизіи).

О летчикахъ я уже говорилъ выше. Стоявшій выше всякой похвалы личный составъ, при всемъ своемъ добромъ желаніи, не могъ выполнить должнымъ образомъ свою работу, занятый большую часть времени починкой аппаратовъ. О бомбометаніи не могло быть и рѣчи. Отряду XIII корпуса было дано, напр., всего 2 бомбы, больше не было. Организованный шпіонажъ отсутствовалъ. И при всемъ этомъ войска рвались въ бой, шли бодро, весело, быть можетъ не вполнѣ грамотно, но съ большимъ сердцемъ.

Опредѣленной задачи арміи и корпусамъ поставлено не было. Приказаніемъ изъ арміи, получавшимся обычно поздно вечеромъ или ночью, указывалось завтра перейти на такую то линію. Часто приказаніе въ теченіе ночи мѣнялось, — приказывалось уклониться нѣсколько вправо или влѣво, что еще больше затрудняло организацію развѣдки и тяжелымъ гнетомъ ложилось на работу войсковыхъ штабовъ и на благополучіе и спокойствіе войскъ, часто до утра не знавшихъ, что предстоитъ завтра.

8-го Августа. (Схема № 1). Въ день солнечнаго затменія корпуса II арміи перешли границу, — вторглись въ предѣлы Восточной Пруссіи и, послѣ небольшихъ стычекъ съ слабыми передовыми частями нѣмцевъ, заняли линію Ортельсбургъ Виленбергъ Нейденбургъ. I корпусъ шелъ на Сольдау. XXIII корпусъ прибылъ къ этому времени только одной своей дивизіей, которая была подчинена командиру XV корпуса. На этой линіи корпусамъ наконецъ 9-го Августа (схема № 2) дана была желанная дневка.

Въ теченіе 9-го августа летчики и разъѣзды обнаружили на высотахъ, что сѣвернѣе Омуленгофена у Едвабно, позицію противника, — плѣнные изъ захваченнаго разъѣзда показывали, что на этихъ высотахъ 14 орудій и много пѣхоты. Замѣчены были части противника и у Орлау-Лона (на пути движенія XV корпуса).

10-го Августа предстояло движеніе далѣе впередъ, при чемъ первоначально XIII корпусъ получилъ приказаніе сблизиться съ XV, направивъ одну колонну на Валендорфъ, другую — правую на Омулен-

гофенъ. Приказаніе было получено поздно вечеромъ 9-го августа. Едва успѣли разослать приказанія, выслать развѣдку и проч., какъ получилось новое приказаніе, повидимому вызванное донесеніемъ летчиковъ. Колоннамъ XIII корпуса было измѣнено направленіе нѣсколько правѣе (восточнѣе) первоначальнаго.

Сказалась въ полной мѣрѣ ненормальность управленія каждой колонной непосредственно изъ штаба арміи, находившагося въ Остроленкѣ и, при недостаточно налаженной связи, естественно запоздывавшаго съ своими приказаніями. Отсутствіе-же корпусамъ опредѣленной задачи, лишало возможности командировъ корпусовъ рѣшать вопросы самостоятельно въ зависимости отъ обстановки.

Движеніе 10 Августа въ полной мѣрѣ подтвердило эту старую истину. Обстановка измѣнилась, противникъ, дѣйствительно занимавшій 9-го августа указанныя высоты, вечеромъ 9-го перешелъ къ юго-западу на позицію къ Орлау, гдѣ нѣмцы рѣшили оказать первое серьезное сопротивленіе. Ударъ XIII корпуса 10-го августа пришелся въ пустую. 10-го августа XV корпусъ послѣ полудня завязалъ бой съ 6-ю полками XX нѣмецкаго корпуса (генерала Шольца), занявшаго заранѣе хорошо укрѣпленную позицію у Орлау—Лона.

Первоначально бригада XV корпуса, встрѣченная сильнымъ, неожиданнымъ огнемъ противника, смѣшалась и подалась назадъ, но прибывшій на выстрѣлы командиръ XV корпуса (ген. Мартосъ) быстро привелъ войска въ порядокъ, сдѣлалъ нѣкоторую перегруппировку; бой возобновился и продолжался съ неослабѣвавшей энергіей до темноты, — нѣмцы однако на позиціи удержались.

Съ разсвѣтомъ 11-го августа командиръ XV корпуса рѣшилъ возобновить атаку.

11-го августа. Ночью командиръ XIII корпуса получилъ изъ штаба XV корпуса коротенькую записку: „Прошу оказать содѣйствіе ударомъ въ лѣвый флангъ противника“.

Къ сожалѣнію, штабъ XV корпуса не далъ болѣе точной оріентировки. Отъ офицерской связи было извѣстно, что бой шелъ въ раіонѣ Орлау, но каковы силы противника, чѣмъ кончился бой 10-го, какъ предполагаетъ рѣшать задачу командиръ XV корпуса на слѣдующій день и въ какой мѣрѣ нужна помощь XV корпусу указано не было, а между тѣмъ, эти данныя имѣли существенное значеніе, ибо между XIII и XV корпусами протянулось съ сѣвера на югъ примѣрно на 10—12 верстъ озеро Яблонкенъ, позволявшее выйти или во флангъ кратчайшимъ путемъ на Орлау, — для оказанія непосредственной помощи XV корпусу, или обойти озеро съ сѣвера, совершая глубокій охватъ фланга и выходя въ тылъ, — рѣшеніе болѣе серьезное, но требовавшее времени. Для принятія этого рѣшенія важно было знать, выдержитъ ли XV корпусъ это время самостоятельно. Данныхъ для рѣшенія этихъ вопросовъ не было, почему было принято половинчатое рѣшеніе, одна дивизія направлена южнѣе Яблонкенскаго озера непосредственно на Орлау, — другая сѣвернѣе для совершенія охвата.

Съ утра бой возобновился.

Нѣмцы, обнаруживъ угрозу своему лѣвому флангу и тылу, уклонились отъ удара и быстро отошли за линію озеръ въ сѣверо-западномъ направленіи. Ударъ опять пришелся почти въ пустую, задѣвъ только по аріергарднымъ ротамъ противника.

Къ полудню получено изъ штаба арміи новое приказаніе, коимъ указывалось XV корпусу продолжать движеніе передъ собою (общ. напр. на Алленштейнъ), XIII корпусу двигаться къ сѣверу отъ Омуленгофена на Пассенгеймъ и VI шелъ на Бишофсбургъ.

Снова создалось ненормальное положеніе. Живая сила противника уходила, видимо стягивая свои силы къ сѣверо-западу, а часть силъ II арміи направлялась въ противоположную сторону къ сѣверовостоку.

Дабы выполнить указанное на 12 число движеніе, XIII корпусъ вернулся на старое мѣсто ночлега — Омуленгофенъ, гдѣ оставались его обозы, кухни и проч.

XV корпусъ и дивизія XXIII остались на полѣ сраженія въ раіонѣ Орлау—Лона для отвоза раненыхъ, пополненія снарядовъ и проч. О VI корпусѣ точныхъ данныхъ не было. I корпусъ занялъ Сольдау и продолжалъ движеніе на Уздау.

12-го августа. (Схема № 2). Согласно приказанія, полученнаго изъ штаба арміи, корпуса должны были 12-го начать движеніе на сѣверъ. Распоряженія всѣ были отданы, развѣдка выслана. Съ разсвѣтомъ части начали вытягиваться для движенія.

Въ это время изъ штаба арміи получено новое приказаніе, касавшееся среднихъ корпусовъ. XIII корпусу приказано измѣнить направленіе почти подъ прямымъ угломъ и перейти въ сѣверо-западномъ направленіи, одной дивизіи въ Келаренъ, другой Куркенъ (движеніе, которое надо было выполнить сутками раньше), XV корпусъ и дивизія XXIII корпуса продвигались впередъ, — относительно VI указаній никакихъ не было.

Снова съ большимъ трудомъ пришлось мѣнять направленіе, высылать новую развѣдку, возвращать начавшія движеніе части и проч.

Послѣ полудня центральные корпуса безпрепятственно заняли указанное положеніе.

Противникъ ушелъ отъ соприкосновенія. Постоянныя перемѣны въ распоряженіяхъ, въ связи съ недостаткомъ конницы, лишили возможности сохранить съ нимъ соприкосновеніе и организовать хоть сколько нибудь прилично развѣдку. Летчики—чинились, кромѣ того ихъ база не могла поспѣть по сыпучимъ пескамъ этого раіона,—приходилось подавать ее кружнымъ путемъ черезъ Нейденбургъ. Штабъ арміи до 12-го оставался въ Остроленкѣ, очень ненадежно связанный полевымъ телеграфомъ съ частями. Этапная линія только налаживалась. Постоянныя перемѣны направленія затрудняли и это дѣло. Тылы не поспѣвали. Связь съ фланговыми корпусами была очень затруднительна вслѣдствіе большихъ перерывовъ. Приказанія изъ арміи 12-го получено не было, такъ какъ въ этотъ день оперативная часть на автомобиляхъ переѣзжала въ Нейденбургъ.

13-го августа. На разсвѣтѣ было получено наконецъ прика-

заніе. На этотъ разъ впервые давалась опредѣленная задача. Было указано, что два корпуса противника сосредоточены въ раіонѣ Алленштейна. Корпусамъ: XV съ приданной ему дивиз. XXIII корпуса, XIII и VI — ставилось задачей овладѣть Алленштейномъ, причемъ XV долженъ былъ наносить ударъ съ юго-запада, XIII съ юга и VI съ юго-востока.

Для полученія болѣе точныхъ распоряженій приказано было прислать немедленно въ штабъ арміи въ Нейденбургъ отъ каждаго корпуса по офицеру генеральнаго штаба.

Я не знаю, какъ отнесся къ этому приказанію командиръ XV корпуса. но у командира XIII корпуса ген. Клюева оно вызвало опредѣленное сомнѣніе.

Зная хорошо Восточно-Прусскій театръ, военныя игры старшихъ начальниковъ въ нѣмецкомъ Большомъ Генеральномъ Штабѣ и учитывая отходъ нѣмцевъ на сѣверо-западъ, генералъ Клюевъ все время считалъ, что главный ударъ нѣмцевъ надо ждать именно съ запада примѣрно на Нейденбургъ; тѣмъ болѣе, что вся создавшаяся обстановка сильно напоминала ген. Клюеву обстановку послѣдней военной игры нѣмецкаго генеральнаго штаба. Наконецъ, направленіе удара XV корпуса съ юго-запада, имѣя противника въ тылу представлялось ему непонятнымъ.

Безпокоило ген. Клюева и отсутствіе точныхъ данныхъ о VI корпусѣ. Прибывшій изъ VI корпуса офицеръ связи могъ только доложить, чтъ съ утра 12 августа корпусъ, согласно приказанія, двинулся на сѣверъ въ направленіи на Бишофсбургъ. Высланные въ этомъ направленіи разъѣзды не нащупывали VI корпуса. Всѣ попытки вызвать его искровой станціей въ въ теченіе ночи 12—13 не

привели къ положительнымъ результатамъ, ибо всю ночь работала мощная радіо-станція Новогеоргіевска, передавая въ Ставку донесенія и сводки, а болѣе слабыя полевыя станціи вызова добиться не могли.

Передъ разсвѣтомъ удалось получить отъ VI корпуса отвѣтъ на вызовъ, — была передана депеша, затребована оріентировка, но полученный отвѣтъ расшифровкѣ не поддался, а на послѣдующіе вызовы VI корпусъ уже не отвѣчалъ.

Всѣ эти свои сомнѣнія командиръ корпуса изложилъ въ письмѣ командующему арміей, въ которомъ настойчиво указывалъ, что продвигаться съ такой поспѣшностью нельзя, тылы не поспѣваютъ, снарядовъ хватитъ на одинъ хорошій бой, что трудно наладить связь и развѣдку и что настоятельно необходимо беречь лѣвый флангъ, помня послѣднюю военную игру нѣмецкаго генеральнаго штаба. Я помню фразу донесеній. „Если мы будемъ продолжать наступленіе такъ, какъ до настоящаго времени, то къ моменту столкновенія мы приведемъ войска въ небоеспособный видъ“. Письмо это было послано съ поѣхавшимъ въ штабъ офицеромъ генеральнаго штаба.

По частнымъ свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно, что генералъ Самсоновъ содержаніе этого донесенія сообщилъ въ штабъ фронта, но получилъ отвѣтъ, что если онъ не будетъ выполнять даваемыхъ ему приказаній, онъ будетъ отрѣшенъ отъ командованія.

Около часу дня 13-го августа движеніе колоннъ началось. XIII корпусъ шелъ двумя колоннами, XV съ приданной ему дивизіей XXIII корп. — пятью колоннами.

Въ то время, когда колонны XIII корпуса безпрепятственно продвигались впередъ, колонны XV корпуса всрѣтили сопротивленіе противника, — правофланговыя - болѣе слабое, лѣвофланговыя — упорное. Въ XV корпусѣ бой завязался по всему фронту и былъ для насъ успѣшнымъ. Въ своемъ трудѣ ген. Людендорфъ признаетъ, что части XX корпуса ген. Шольца въ этотъ день успѣха не имѣли, понесли тяжелыя потери и потеряли пространство. Въ результатѣ дня XIII корпусъ вышелъ изъ линіи озеръ Гроссплаузіегеръ-Зее — Ланскеръ-Зее, XV корпусъ правофланговой колонной достигъ Гогенштейна — лѣвофланговая не могла продвинуться впередъ и вела бой въ раіонѣ Мюленъ - Ваплицъ и, такимъ образомъ, весь фронтъ XV корпуса (съ 2-й див. XXIII) перемѣнилъ направленіе и сталъ лицомъ на сѣверо-западъ.

День 13-го августа надо считать днемъ перелома нашего счастья.

Къ этому дню нѣмецкіе корпуса, попавъ въ желѣзныя руки Людендорфа, заканчивали свою перегруппировку.

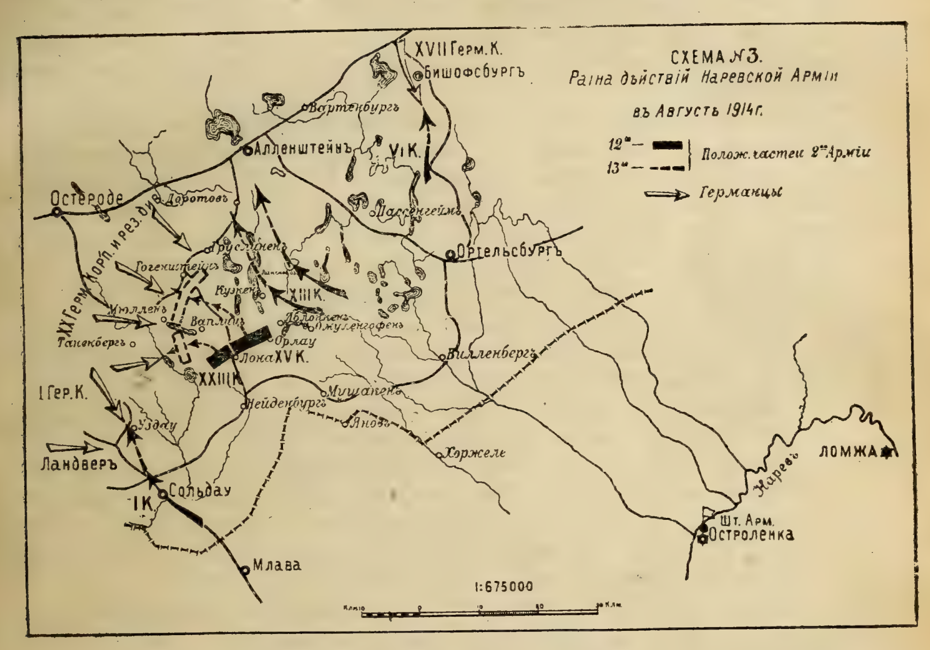
Нѣмецкое командованіе приняло опредѣленное и радикально-сильное рѣшеніе.

Сознавъ, что главная опасность грозитъ со стороны арміи ген. Самсонова, нѣмцы взяли всѣ войска, бывшія противъ I арміи Ренненкампфа, — оставивъ тамъ только I ландверный корпусъ и конницу,

всѣ же остальныя силы бросили двумя группами противъ фланговъ главнѣйшаго врага.

Отъ VI корпуса донесеній не было, поэтому я пока о немъ умолчу.

I корпусъ, бывшій на лѣвомъ флангѣ и до этого успѣшно продвигавшійся впередъ, 13-го занялъ Уздау, но уже началъ чувствовать серьезное сопротивленіе, ибо нѣмцы перебросили сюда I корпусъ (Ле-Франсуа) и всѣ гарнизоны крѣпостей Вислы, объединенныя въ одну боевую единицу, а также ландверныя части.



14-го Августа (схема № 3). На 14 августа оставалось въ силѣ приказаніе занять Алленштейнъ. Занятію Алленштейна наше главное командованіе придавало, видимо, большое значеніе.

Командиръ XV корпуса 13 авг. вечеромъ сообщилъ командиру XIII корпуса, что, имѣя противъ себя серьезнаго противника и ведя бой въ сѣверо-западномъ направленіи, онъ не можетъ 14-го августа принять участіе въ атакѣ Алленштейна.

Отъ VI корпуса по-прежнему никакихъ свѣдѣній не было. Такимъ образомъ задача цѣликомъ ложилась на XIII корпусъ.

Развѣдка показала, что Алленштейнъ нѣмцами очищенъ. Нѣмцы, видимо, не желая подвергать городъ обстрѣлу, отошли на сѣверъ. Силы нѣмцевъ выяснить не удалось, но приказаніе штаба арміи исчисляло ихъ въ два корпуса.

При такихъ условіяхъ командиръ XIII корпуса склонялся къ тому, чтобы на Алленштейнъ не идти, а остаться ближе къ XV корпусу и, въ случаѣ надобности, оказать ему содѣйствіе.

Но съ другой стороны это могло поставить въ тяжелое положеніе VI корпусъ, если бы послѣдній подошелъ, какъ это указывало приказаніе, съ востока и подвергся-бы отдѣльному нападенію нѣмецкихъ корпусовъ, бывшихъ у Алленштейна.

Связь съ штабомъ арміи къ этому времени прервалась, такъ какъ линію охранять было некѣмъ, а нѣмцы-жители усиленно рвали провода. Это заставило командира XIII корпуса вечеромъ 13-го августа запросить командира XV корпуса, понадобится ли ему 14-го августа помощь XIII корпуса.

Не получая отвѣта, командиръ XIII корпуса рѣшилъ все же занять Алленштейнъ. Къ этому побуждалъ недостатокъ хлѣба. Обозы не поспѣвали, и нуженъ былъ крупный пунктъ, гдѣ бы можно было пополнить запасы.

Утромъ 14-го ав. (сх. № 4), когда колонны начали вытягиваться съ мѣста ночлега, отъ командира XV корпуса была получена телеграмма: „Прошу оказать содѣйствіе". Командиръ XIII корпуса рѣшаетъ — ближайшую дивизію (1 див.) двинуть на помощь немедленно — другую дивизію (36) сосредоточить примѣрно у Стабиголена, приблизивъ ее нѣсколько къ XV корпусу и имѣть ее въ резервѣ.
Но не успѣли еще отдать необходимыя приказанія, какъ изъ XV корпуса пришла вторая телеграмма: „По приказанію командующаго арміей, прошу прислать въ мое распоряженіе одну бригаду". Въ тоже время стало извѣстно, что командующій арміей со своимъ штабомъ прибылъ въ раіонъ XV корпуса.

Эта вторая телеграмма косвенно давала отвѣтъ на два вопроса. Она указывала, что помощь XV корпусу нужна только въ размѣрѣ одной бригаоы и, такъ какъ эта бригада требовалась съ вѣдома и согласія командующаго арміей, то логически вытекало, что остальная часть XIII корпуса должна была выполнять свою первоначальную задачу. XIII корпусъ занялъ безъ боя Алленштейнъ.

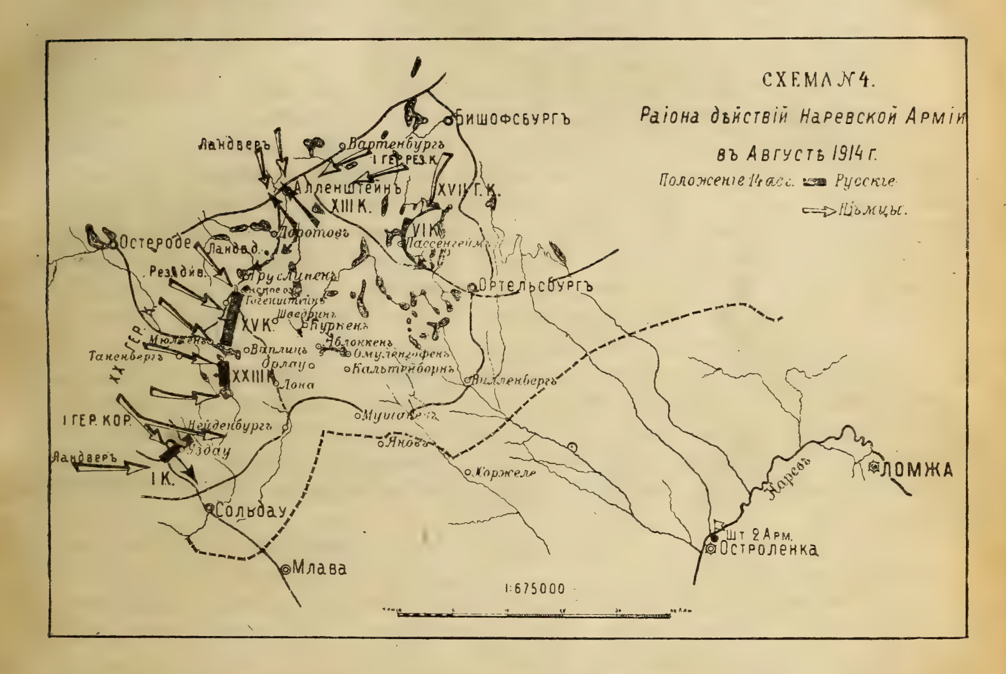
XV корпусъ, съ приданными ему частями, въ теченіе всего дня 14-го августа велъ упорные бои съ противникомъ, при чемъ все больше и больше начиналъ чувствовать давленіе противника на свой лѣвый флангъ — въ раіонѣ Ваплица. Командиръ XX нѣмецкаго корпуса ген. Шольцъ, находившійся со своимъ XX корпусомъ противъ нашего XV корпуса, получилъ въ этотъ день въ подкрѣпленіе резервную дивизію и это дало ему возможность возстановить свое пошатнувшееся наканунѣ положеніе.

Неблагопріятный оборотъ для насъ приняли дѣла и на лѣвомъ нашемъ флангѣ. I-й корпусъ, успѣшно продвигавшійся всѣ дни, занявши 13-го съ боя Уздау съ утра 14-го долженъ былъ перейти сначала отъ наступленія къ дѣйствіямъ оборонительнымъ, имѣя противъ себя къ этому времени уже почти двойное превосходство въ силахъ, а затѣмъ не выдержалъ и началъ отходить на Сольдау — Млава.

Это дало возможность нѣмцамъ, направивъ часть своихъ силъ для преслѣдованія I корпуса, остальныя бросить въ охватъ лѣваго фланга нашего XV корпуса, направляя ударъ сѣвернѣе Нейденбурга.

Этимъ и объясняется то давленіе, которое уже къ вечеру 14-го сильно ощущалъ на своемъ лѣвомъ флангѣ генералъ Мартосъ и которое заставило его, снявъ бригаду съ праваго фланга, перебросить ее на лѣвый.

Итакъ къ вечеру 14-го положеніе было таково: I копрусъ началъ отходъ на Млаву, XV и часть XXIII корпуса, ведя упорные бои, повернули свой фронтъ еще болѣе на западъ, имѣя центръ тя-



жести боевъ на своемъ лѣвомъ флангѣ, XIII корпусъ, выдѣливъ одну бригаду для усиленія XV корпуса на его правомъ флангѣ (откуда была взята бригада на лѣвый флангъ), — остальными частями безъ боя занялъ Алленштейнъ.

О VI корпусѣ свѣдѣній не было.

14-го днемъ въ Алленштейнъ прилетѣли два нашихъ летчика. Одинъ изъ нихъ доложилъ общее протяженіе фронта XV корпуса, другой, — что пролетая надъ Вартбургомъ (20—25 километ. восточнѣе Алленштейна) онъ видѣлъ двѣ колонны, силою примѣрно въ дивизію каждая, которыя спѣшно двигались съ юго-востока на Вартбургъ. Свои это или чужіе—летчикъ сказать не могъ.

Немедленно на аппаратъ перваго летчика сѣлъ въ качествѣ наблюдателя офицеръ генеральнаго штаба XIII корпуса и вновь полетѣлъ для болѣе точнаго обслѣдованія линіи фронта XV корпуса. Относительно колоннъ, подходившихъ къ Вартбургу, казалось, сомнѣнія быть не могло, — это и по времени, и по направленію движенія должны были быть колонны VI корпуса.

Летчику былъ врученъ пакетъ съ оріентировкой положенія и было приказано спуститься къ одной изъ этихъ колоннъ и передать пакетъ командиру VI корпуса (ген. Благовѣщенскому).

Въ своей оріентировкѣ командиръ XIII корпуса, между прочимъ указывалъ, что если онъ до утра 15 августа не получитъ никакихъ указаній изъ штаба арміи, то онъ, съ разсвѣтомъ, самостоятельно двинется на помощь XV корпусу, направивъ движеніе или на Гогенштейнъ или, если обстановка подскажетъ, глубже на Остероде.

Кромѣ того для провѣрки свѣдѣнія летчика былъ высланъ на Вартбургъ офицерскій разъѣздъ.

Летчикъ полетѣлъ, но до ночи не вернулся. Зная плохое состояніе аппаратовъ, это особаго безпокойства не вызвало.

Увѣренность, что подходитъ VI корпусъ была настолько велика, что когда вечеромъ къ начальнику 36 дивизіи прискакалъ одинъ изъ посланныхъ днемъ въ этомъ направленіи разъѣздовъ, и доложилъ, что онъ видѣлъ колонну, двигавшуюся на Вартбургъ, и что при приближеніи къ этой колоннѣ его обстрѣляли, — начальникъ дивизіи этому особаго значенія не придалъ, тѣмъ болѣе, что случаи обстрѣловъ своихъ разъѣздовъ и даже чиновъ штаба корпуса, ѣздившихъ съ приказаніями, къ сожалѣнію, были и раньше.

Вечеромъ 14-го августа было получено отъ начальника ближайшей дивизіи XV корпуса слѣдующая полевая записка: „По приказанію командующаго арміей, XIII корпусъ подчиняется командиру XV корпуса. Командиръ XV корпуса приказалъ срочно двинуться для содѣйствія XV корпусу, направляя ударъ въ лѣвый флангъ противника“.

Снова, какъ и въ бою подъ Орлау, никакой болѣе точной оріентировки.

На этотъ разъ, благодаря донесенію летчика и наблюденію своего офицера генеральнаго штаба, летавшаго съ нимъ — положеніе XV корпуса были извѣстно точно.

Имѣвшіяся въ распоряженіи командира XIII корпуса данныя, все болѣе и болѣе убѣждали ген. Клюева, что его предположенія объ ударѣ нѣмцевъ примѣрно на Нейденбургъ, правильны. Учитывая время, ген. Клюевъ боялся, что XIII корпусъ прибудетъ на помощь XV слишкомъ поздно. Поэтому въ отвѣтъ на полученное приказаніе ген. Клюевъ писалъ ген. Мартосу, что корпусъ выступитъ съ разсвѣтомъ 15-го августа въ направленіи на Гогенштейнъ, что движеніе будетъ совершаться съ предѣльной скоростью, но что, по времени, XIII корпусъ къ вечеру 15-го августа можетъ только закончить свое развертываніе, а ввести всѣ свои силы въ бой сможетъ только къ утру 16-го августа, почему движеніе это имѣетъ смыслъ и помощь можетъ быть существенной только въ томъ случаѣ, если XV корпусъ до утра 16-го августа будетъ въ состояніи сохранить свои позиціи.

Если XV-й корпусъ на это разсчитывать не можетъ и отойдетъ назадъ, то положеніе XIII корпуса, втянувшагося въ мѣшокъ между озерами, получится крайне тяжелымъ и для дѣла безполезнымъ,

почему ген. Клюевъ и просилъ ген. Мартоса, ко времени подхода XIII корпуса къ полю сраженія, выслать на встрѣчу офицера генеральнаго штаба съ точной оріентировкой относительно обстановки къ тому времени.

28 15-е Августа (Схема № 5). Въ ночь съ 14-го на 15-е августа новыхъ свѣдѣній о противникѣ получено не было. Разъѣздъ, посланный на Вартбургъ, донесенія до разсвѣта не прислалъ.

Съ разсвѣтомъ XIII корпусъ былъ двинутъ одной колонной по шоссе Алленштейнъ — Гогенштейнъ. Обозы и все что въ бою не было необходимо, было направлено, подъ небольшимъ прикрытіемъ, кратчайшимъ путемъ на югъ, на Келаренъ-Куркенъ. Въ Алленштейнѣ оставленъ одинъ баталіонъ съ приказаніемъ дождаться ухода всѣхъ обозовъ, послѣ чего, если бы даже VI корпусъ не прибылъ, слѣдовать за колонной на Гогенштейнъ. (Дорогобужского полка)

Первоначально движеніе шло безпрепятственно. Колонна корпуса вытянулась по указанному ей направленію. Обозы покинули Алленштейнъ. Баталіонъ началъ стягивать свои посты, чтобы слѣдовать за колонной.

Въ это время, одновременно съ сѣвера и съ востока, появились передовыя части нѣмецкихъ войскъ. — Части, появившіяся съ востока, стремились отрѣзать путь отхода баталіону изъ Алленштейна.

Завязался бой на улицахъ. Въ бою приняли дѣятельное участіе жители, даже женщины стрѣляли въ нашихъ солдатъ изъ оконъ. По свидѣтельству очевидцевъ изъ дома умалишенныхъ, расположеннаго на окраинѣ города и прикрывшагося наканунѣ краснымъ крестомъ, — затрещалъ пулеметъ.

Баталіонъ энергично пробивался, но, отрѣзанный отъ колонны, разстрѣлявъ всѣ патроны, частью погибъ, частью окруженный попалъ въ плѣнъ, не успѣвъ предупредить колонну о нападаніи.

Тѣмъ временемъ голова колонны XIII корпуса приближалась къ Грислинену.

На встрѣчу выѣхалъ офицеръ ген. штаба XV корпуса. Онъ доложилъ: что XV корпусъ ведетъ упорные бои, что бои на лѣвомъ флангѣ корпуса въ раіонѣ Мюленъ — Ваплица принимаютъ все болѣе и болѣе тяжелый характеръ, что ком-ръ XV к-са приказалъ бригадѣ XIII к-са, присланной ему наканунѣ и бывшей у Гогенштейна, перейти на лѣвый флангъ.

Отвѣтить на вопросъ выдержитъ ли XV к-съ бой въ теченіе дня, отъ чего зависѣло рѣшеніе вводить или не вводить XIII к-съ въ бой, онъ не могъ, но настаивалъ на скорѣйшемъ вводѣ корпуса въ дѣло.

Ген. Клюевъ еще разъ подтвердилъ ему свои соображенія и предложилъ съѣздить къ к-ру XV корпуса, доложить эти соображенія и привезти опредѣленный отвѣтъ. Офицеръ XV к-са былъ на автомобилѣ и, при шоссейной дорогѣ, такая поѣздка не задержала-бы развертываніе корпуса.

Офицеръ поѣхалъ, но вскорѣ вернулся обратно. Обстановка измѣнилась. Проѣхать къ к-ру XV к-са уже было нельзя.

Случилось слѣдующее: Бригада 1 див., бывшая у Гогенштейна и получившая приказаніе форсированнымъ маршемъ двигаться на лѣвый флангъ, начала поспѣшно собирать свои части и вытягиваться въ указанномъ направленіи. Сильный туманъ затруднялъ и безъ того крайне слабую развѣдку. Едва бригада вытянулась и прошла въ Гогенштейнъ, какъ она съ тыла подверглась нападенію пѣхоты противника, скрытно, пользуясь лѣсомъ и туманомъ, приблизившейся къ Гогенштейну. Это былъ ландверный корпусъ ф. д. Гольца, прибывшій на помощь XX нѣмецкому корпусу.

Бригада не выдержала и, несмотря на самоотверженную работу отдѣльныхъ ея частей, поспѣшно отошла на Нодрау.

Этимъ отходомъ бригады воспользовался нѣмецкій кавалерійскій полкъ, вклинившійся между XV и XIII корпусами и прервавшій между ними сообщенія.

Авангардъ XIII корпуса, подходившій въ это время къ Грислинену, вошелъ въ соприкосновеніе съ противникомъ и завязалъ бой.

Отвѣта отъ к-ра XV к-са ждать было нельзя. Обстановка даннаго момента требовала оказанія содѣйствія XV к-су, дабы не подвергнуть его удару во флангъ.

К-ръ XIII к-са вынужденъ былъ дать приказъ к-су развертываться для боя.

Бой загорѣлся и принялъ ожесточенный характеръ, ибо съ ландвернымъ нѣмецкимъ корпусомъ прибыла сильная артиллерія изъ Торна. Войска наши здѣсь впервые познакомились съ нѣмецкими „чемоданами".

Въ самый разгаръ боя у Грислинена послышались орудійные и ружейные выстрѣлы въ хвостѣ колонны XIII к-са, еще не подошедшей къ полю сраженія. Прискакавшій ординарецъ доложилъ, что бывшій въ хвостѣ колонны 143 п. Дорогобужскій п. ведетъ бой съ противникомъ, подошедшимъ со стороны Алленштейна.

Одновременно прискакалъ казакъ, изъ числа бывшихъ въ прикрытіи обоза, направленнаго кратчайшимъ путемъ на югъ, и доложилъ, что на обозъ напалъ противникъ, прикрытіе погибло, обозъ захваченъ.

Отало ясно, что VI-го корпуса восточнѣе XIII-го — нѣтъ, и что колонны, подходившія 14-го августа въ Вартбургу, — были колонны противника.

Подтверждалось это и запоздалымъ донесеніемъ отъ офицера, высланнаго 14-го августа на развѣдку къ Вартбургу.

Уже впослѣдствіи, въ плѣну, стало извѣстно, что 12-го августа VI к-съ, продолжая движеніе, согласно полученнаго имъ приказа, приблизился къ Бишофсбургу. Здѣсь, 13-го августа, утромъ, онъ былъ атакованъ превосходными силами нѣмцевъ (XVII к-съ Макензена, I рез. кор. Отто Бѣлова и части ландвера) и, потѣсненный ими, началъ поспѣшно отступать на Ортельсбургъ.

Шифрованная депеша, полученная штабомъ XIII к-са на разсвѣтѣ 13 августа въ Куркенѣ, и неподдавшаяся дешифровкѣ, очевидно была послѣдней, наспѣхъ зашифрованной депешей.

Нѣмцы, послѣ успѣшной атаки VI к-са, направили XVII корпусъ для преслѣдованія, а I рез. кор. свернули на Алленштейнъ. Колонны, подходившія 14-го августа къ Вартбургу, были колонны I рез. нѣм. кор. Эти-то колонны и атаковали 15-го августа, одна — хвостъ колонны XIII корпуса у Доротова, другая, шедшая южнѣе, — обозы штаба корпуса.

Дорогобужцы съ честью выдержали выпавшую на ихъ долю трудную задачу у Доротова. Три раза они доводили дѣло до штыкового удара, понесли большія потери, потеряли командира полка, погибшаго во время одной изъ атакъ, но дѣло сдѣлали. Противникъ получилъ такой отпоръ, что въ этотъ день на дальнѣйшія атаки не рѣшился.

Части XIII к-са у Грислинена продвинулись впередъ, овладѣли лѣсомъ у Гогенштейна, но Гогенштейна до вечера взять не смогли, а лишь протянули свой лѣвый флангъ южнѣе Гогенштейна, стремясь войти въ связь съ XV корпусомъ.

Случилось то, чего опасался г. Клюевъ. XIII к-съ, выражаясь грубо, сидѣлъ въ мѣшкѣ: съ сѣв.-зап., сѣвера и сѣв.-востока былъ противникъ, съ юга — озера. Выходы изъ этого мѣшка шли: — восточный мимо противника со стороны Алленштейна, западный — мимо противника у Гогенштейна. Въ такомъ положеніи застала к-съ темнота.

Ком-ръ XIII корпуса рѣшилъ дать войскамъ отдыхъ, въ теченіе ночи подтянуть части и въ особенности тылы (парки, санитарные обозы) къ западному выходу, съ разсвѣтомъ повести энергичную

атаку, дабы продвинуться къ западу, войти въ связь съ XV корпусомъ и обезпечить себѣ базированіе черезъ проходъ западный, южнѣе Меркена.

Для всесторонняго освѣщенія обстановки въ штабъ арміи съ докладомъ поѣхалъ начальникъ штаба корпуса.

16-е Августа. (Схема № 6). Около 12-ти часовъ ночи было получено съ разъѣздомъ приказаніе изъ штаба арміи. Оно гласило:

„Для лучшаго сосредоточенія частей арміи и снабженія ихъ всѣми видами довольствія, XIII кор-су въ теченіе ночи отойти въ раіонъ Куркена, воспользовавшись проходомъ между озерами Гроссплаузійгеръ-Зее и Ланскеръ-Зее, XV корпусъ отходитъ на Нейденбургъ. Въ Куркенѣ корпусу будутъ даны дальнѣйшія указанія“.

Приказаніе это, какъ и большинство приказаній изъ штаба арміи, было уже запоздалымъ. Выполнить его въ точности было нельзя. Вести корпусъ между указанными озерами, имѣя противника у Доротова, и при условіи, что сѣверный берегъ озеръ высокій, командующій всѣмъ проходомъ между этими озерами, — было невозможно. Оставалось одно, — попытаться пройти западнымъ выходомъ по шоссе Гогенштейнъ — Шведрихъ, хотя и здѣсь, ввиду отхода XV корпуса, положеніе было рискованное, ибо миновать Меркенъ, гдѣ дорога выходила на указанное шоссе, — было нельзя, такъ какъ южнѣе проходила глубокая балка съ болотистымъ ручьемъ, черезъ который артиллерія и повозки ночью пройти не могли.

К-ръ корпуса рѣшилъ вести корпусъ черезъ этотъ проходъ.

Была произведена развѣдка Меркена: — противника въ немъ обнаружено не было.

Корпусъ быстро собрался и ночью въ полной тишинѣ началъ движеніе. Произошла нѣкоторая заминка передъ выходомъ на дорогу къ Меркену: въ темнотѣ попали не на ту дорогу, но скоро и это наладилось. К-ръ кор-са предполагалъ, занявъ позицію у плотины, что южнѣе Меркена, пропустить черезъ эту позицію всѣ части, а со стороны Доротова прикрыть движеніе Каширскимъ (144) полкомъ.

Головныя части благополучно прошли Меркенъ. Противникъ движенія не замѣтилъ.

Начался разсвѣтъ, когда примѣрно середина колонны проходила упомянутую деревню.

Въ это время изъ крайняго дома вдоль улицы началась пулеметная стрѣльба. Оказалось, что въ Меркенѣ была застава нѣмцевъ. Застава эта, видимо, забравшись въ домъ, заснула, почему и не была обнаружена ранѣе. Проснувшись отъ движенія по улицѣ, нѣмцы открыли пулеметный огонь.

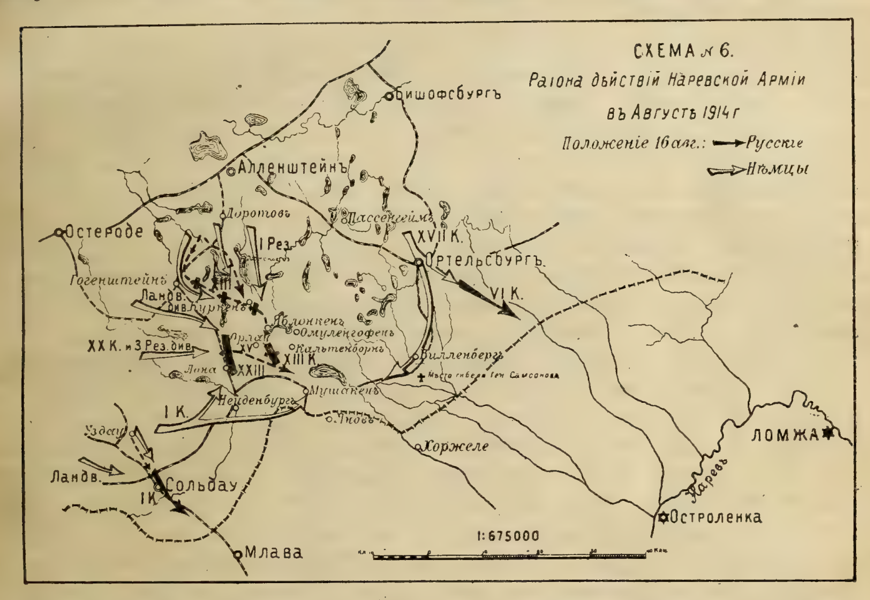
Произошло замѣшательство. На улицѣ образовалась пробка. Движеніе колонны остановилось. Загорѣлся крайній домъ, — излюбленный способъ нѣмцевъ предупреждать объ опасности. Выстрѣлы разбудили сторожевое охраненіе нѣмцевъ, занимавшихъ высоты сѣв.-зап. Меркена. На высотахъ появились цѣпи противника. Частямъ, не прошедшимъ еще Меркенъ, послано было приказаніе свернуть, не

доходя Меркена, пройти вдоль оврага прямо къ переправѣ; — разсвѣтъ позволялъ сдѣлать то, что невозможно было ночью.

Наши части, занявшія позицію на высотахъ сѣвернѣе перешейка, открыли огонь. Начался бой.

На выстрѣлы со всѣхъ сторонъ стремились нѣмецкія части. Арьергардный полкъ началъ чувствовать все усиливавшееся давленіе нѣмцевъ со стороны Доротова.

Между тѣмъ проходъ черезъ узкую (не шире 2 саженей) плотину на перешейкѣ между озерами совершался медленно. Положеніе



аріергарднаго полка становилось съ каждой минутой все болѣе и болѣе тяжелымъ. Доблестный командиръ Каширскаго полка, георгіевскій кавалеръ полковникъ Коховскій, проявлялъ предѣльную энергію, чтобы выиграть время, необходимое корпусу для прохода узины. Окруженный съ трехъ сторонъ, онъ, не видя другого исхода, схватилъ знамя и во главѣ полка пошелъ въ атаку. Цѣною гибели полка и его командира большая часть корпуса прошла перешеекъ, остальныя части, пользуясь боемъ, прошли между озерами восточнымъ проходомъ.

Впереди былъ слѣдующій перешеекъ у Шведриха, гдѣ было необходимо, во что бы то ни стало, задержать противника, дабы дать возможность частямъ занять позицію юго-восточнѣе Куркена.

Приходилось спѣшить, т. к. съ отходомъ XV корпуса, противникъ получалъ возможность отрѣзать путь у Шведриха ударомъ съ запада.

Опасеніе это оправдалось. Послѣднія части проходили горящую деревню подъ огнемъ противника. Аріергардная батарея едва успѣла проскочить на широкомъ аллюрѣ черезъ горящій мостъ.

У Шведриха противнику было вновь оказано энергичное сопротивленіе. Не смотря на то, что было всего около часу дня и, слѣдовательно, времени было достаточно, противникъ дальше преслѣдовать не рѣшился.

Въ Куркенѣ было получено указаніе отходить дальше на Хоржеле, направляя обозы болѣе восточными путями, т. к. Нейдебургъ уже занятъ нѣмцами.

Командиръ XIII корпуса, принявъ всѣ мѣры для установленія связи съ XV корпусомъ, рѣшилъ отводить корпусъ старымъ путемъ черезъ Омуленгофенъ,

Необходимо было возможно скорѣе стать на шессе Ортельсбургъ — Виленбергъ — Нейденбургъ, ибо южнѣе этого шоссе уменьшались шансы охвата нѣмцевъ съ фланговъ, — не было шоссейныхъ дорогъ, охватъ пришлось-бы дѣлать по сыпучимъ пескамъ.

Для того чтобы оторваться отъ противника, к-ръ XIII кор-са рѣшилъ до Яблонкинскаго озера идти двумя колоннами, а далѣе, если бы пути южнѣе озера была свободны отъ обозовъ, одну колонну пустить сѣвернѣе, другую южнѣе озера. Если бы южный путь былъ занятъ обозами, — направить весь корпусъ сѣвернымъ путемъ. Въ головѣ шелъ наиболѣе сохранившійся Софійскій полкъ, на случай, если бы упомянутое шоссе пришлось брать съ боя.

Въ это время прибылъ начальникъ штаба корпуса. Онъ видѣлъ въ Орлау штабъ арміи и привезъ слѣдующее приказаніе: (Привожу приказаніе по памяти, — можетъ быть нѣкоторыя фразы не вполнѣ дословны, но смыслъ и содержаніе безусловно отвѣчаютъ подлиннику): „XV и части XXIII корпусовъ занимаютъ позицію Лана — Бартошкенъ. Для того чтобы скорѣе снять эти части съ позиціи XIII корпусу надлежитъ форсированнымъ маршемъ перейти къ Мушакену, гдѣ занять позицію фронтомъ на Найденбургъ, послѣ чего части XV XXIII корпусовъ будутъ сняты съ позиціи. Въ дальнѣйшемъ корпусамъ отходить: — XV и частямъ XXIII на Яновъ, XIII — на Хоржеле, гдѣ будутъ даны дальнѣйшія указанія.

Руководство отходомъ всѣхъ трехъ корпусовъ возлагается на старшаго изъ корпусныхъ командировъ, въ настоящее время на васъ, т. к. ни ген. Мартоса ни ген. Кондратовича (к-ръ XXIII кор-са) нигдѣ найти не могутъ. Штабъ арміи переѣзжаетъ въ Яновъ. „Подпись начальникъ штаба ген. Постовскій“. Приказаніе отдано въ Орлау, если не ошибюсь въ II час. 30 мин.“ — О VI и I корпусахъ ни слова.

Первоначально командиръ XIII корпуса рѣшилъ этого приказанія не исполнять, а оставить свое первое распоряженіе въ силѣ, ибо предписанное движеніе было крайне сложно, XIII корпусу приходилось пройти по тыламъ 15-го, затѣмъ тоже продѣлать и XV корпусу по отношенію къ XIII-му.

Какъ показало изученіе нѣмецкихъ источниковъ это первоначальное рѣшеніе ген. Клюева было единственнымъ, которое могло спасти центральные корпуса отъ окруженія и воспрепятствовать нѣмцамъ замкнуть свое кольцо.

Къ сожалѣнiю ком-ръ XIII кор-са въ дальнѣйшемъ выужденъ былъ отказаться отъ своего перваго рѣшенiя и приступить къ точному выполненiю приказанiя штаба армiи.

Категоричность приказанiя отданнаго чуть-ли не съ позицiи, трудность въ такой обстановкѣ мѣнять приказанiе, а, можетъ быть, и влiянiе нѣкоторыхъ ближайшихъ совѣтниковъ, побудили его, дойдя до Яблонкена, отдать приказанiе двигаться на Мушакенъ.

Движенiе началось. — Это былъ тотъ роковой шагъ, послѣ котораго спасти центральные корпуса могло только чудо.

17 Августа (Схем. №7). Уже въ полной темнотѣ, истомленные боями и трудными переходами, голодные, ибо двое сутокъ не ѣли, втянулись части въ Комусинскiй лѣсъ (южнѣе Яблонкенскаго озера) и здѣсь на перекресткѣ дорогъ Яблонкенъ - Мушакенъ и Лана—Кальтенборнъ столкнулись съ частями XV и XXIIII корпусовъ, которые были въ полномъ отступленiи.

Выяснилось, что части этихъ корпусовъ полностью позицiи, указанной въ приказанiи, не занимали, а тѣ части, которыя ее занимали, продержались на ней не долго.

XV корпусъ съ утра переживалъ тяжелую утрату, — нигдѣ не могли отыскать, какъ это и было указано въ приказанiи штаба армiи, ген. Мартоса. Ген. Мартосъ въ ночь съ 15 на 16 августа, отдавъ частямъ приказанiе отходить, самъ со своимъ штабомъ поѣхалъ впередъ къ Нейденбургу, что бы выбрать позицiю. По дорогѣ былъ окруженъ конными частями противника и взятъ въ плѣнъ. Корпусъ, прекрасно дравшiйся всѣ эти дни, оставшись безъ управленiя и лишившись желѣзной руки своего командира, потерялъ присущую ему устойчивость. Случайный замѣститель ген. Мартоса не

сумѣлъ взять курпусъ въ руки и вдохнуть въ него необходимую энергію и увѣренность.

Положеніе на перекресткѣ создалось крайне тяжелое, — части, утомленныя, изнервичавшіяся, въ темнотѣ перемѣшивались, организація утрачивалась, управленіе становилось невозможнымъ. Потребовались громадныя усилія, чтобы распутать эту обстановку и, прежде всего, не дать окончательно перемѣшаться частямъ.

По приказанію к-ра XIII к-са, на перекресткѣ стало нѣсколько офицеровъ штаба, которые опрашивали каждую подходящую часть и направляли XV и XXIII корпуса на Мушкенъ, — XIII корпусъ на Кальтенборнъ.

Движеніе постепенно начало налаживаться, но вскорѣ колонна на Калтенборнъ остановилась, послышались орудійные и пулеметные выстрѣлы, у Кальтенборна завязался бой.

Оказалось, что конныя части нѣмцевъ, нѣсколько эскадроновъ безсмертныхъ гусаръ съ 4-мя орудіями и соотвѣтствующимъ числомъ пулеметовъ, заняли Кальтенборнъ и, какъ только головные части колонны появились на опушкѣ поляны, ихъ встрѣтилъ лучъ прожектора, а затѣмъ нѣсколько очередей „ на картечъ".

Колонна остановилась, произошло замѣшательство, но вскорѣ части оправились. По частному почину бывшихъ здѣсь офицеровъ, выкатили на рукахъ, безъ шума. два орудія на шоссе, два другихъ постанили на сосѣднюю просѣку, разсыпали по обѣ стороны шоссе пѣхоту, затѣмъ подняли шумъ и, когда вновь заблестѣлъ лучъ прожектора, встрѣтили его ураганнымъ огнемъ а затѣмъ дружно перешли въ атаку.

Нѣмцы поспѣшно бѣжали оставивъ раненныхъ, убитыхъ; пулеметы, орудія успѣли увезти. — Путь былъ свободенъ.

Къ утру удалось наладить движеніе тремя колоннами: правая шла на Мушакенъ, средняя, при которой былъ командиръ XIII корпуса, на Садекъ лѣвяя — на Валендорфъ. Противникъ потытался ударить въ тылъ, но энергичнымъ контръ-ударомъ Софійскаго полка былъ отброшенъ.

Къ этому времени нѣмцы уже подтянули всѣ свои силы и окруженіе фактически состоялось.

Съ востока вдоль шоссе Ортельсбургъ - Виленбергъ подошли части нѣмецкаго XVII корпуса (Макензенъ), съ сѣвера — части I рез. кор-са (Отто Беловъ), сѣверо-запада и запада части ландвера (ф. - д. Гольцъ) и XX корпусъ (Шольцъ), южнѣе ихъ I корпусъ (Ле-Франсуа).

И все же это былъ моментъ, когда чудо могло совершиться и спасеніе, хотя-бы частичное, центральныхъ корпусовъ было возможно.

Въ своемъ трудѣ Людендорфъ откровенно признается, что это былъ моментъ, когда тщательно подготовленное окруженіе могло потерпѣть неудачу и окруженные корпуса могли избѣгнуть своей участи.

Въ это время подходили къ Нейденбургу наша гвардейская дивизія XXIII корпуса.

За ней слѣдовалъ нашъ I корпусъ. I корпусъ послѣ неудачи 14-го августа у Уздау поспѣшно отошелъ къ Млавѣ. Верховный Главнокомандующій отрѣшилъ командира к-са отъ командованія, а замѣстителю его былъ данъ приказъ вновь перейти въ наступленіе. x)

Попытка эта, благодаря отсутствію надлежащаго управленія и объединяющей воли положительныхъ результатовъ не принесла.

Штабъ арміи, бывшій въ кольцѣ и стремившійся въ это время выскочить изъ послѣдняго, вліять на ходъ операціи не могъ. Дѣйствіе такой серьезной силы, какъ полтора корпуса, были разрозненными. Кавалерія къ дѣлу провлечена не была.

Въ результатѣ авангардъ гвердейской дивизіи (л.-гв. Кексгольмскій полкъ), зарвавшись впередъ, былъ окруженъ и попалъ въ плѣнъ. Остальные полки дивизіи, занявъ Нейденбургъ, вскорѣ должны были его очистить.

I корпусъ, зная, что Нейденбургъ занятъ гвардіей, но не зная объ ея отходѣ, въ ночь съ 16 на 17 подошелъ къ Нейденбургу и остановился на ночлегъ, видимо не принявъ должныхъ мѣръ предосторожности. На разсвѣтѣ онъ подвергся неожиданному нападенію и снова отошелъ назадъ.

Попытка спасти окруженные корпуса не удалась.

А въ это время три колонны, вышедшія изъ Камусинскаго лѣса, переживали уже свою агонію.

Нѣмцы вели, такъ называемое, параллельное преслѣдованіе, засыпая колонны орудійнымъ огнемъ.

Когда наши части переходили въ наступленіе, нѣмцы удара не принимали, откатывались назадъ, подводили атакующія части подъ пулеметный огонь.

Первой погибла средняя колонна, шедшая на Садакъ. Приведенная въ безпорядокъ огнемъ, разбитая на отдѣльныя колонки, она была по частямъ уничтожена или захвачена въ плѣнъ. Участь колонны раздѣлилъ и командиръ XIII корпуса, бывшій все время съ передовыми частями и дѣлавшій все, чтобы вывести колонну изъ тяжелаго положенія.

Правая колонна, шедшая на Мушакенъ, была счастливѣе. Во время боя средней колонны, нѣмцы стянули туда свои части, образовался промежутокъ между Мушакеномъ и Нейденбургомъ, въ который и просочились части этой колонны.

Дольше всѣхъ боролась колонна лѣвая. Около четырехъ часовъ дня колонна эта, шедшая въ порядкѣ, наткнулась въ лѣсу на нѣмцевъ. Нѣмцы заняли артиллеріей и пулеметами всѣ просѣки у поляны и терпѣливо ждали подхода своей жертвы. Когда стало извѣстно, что дальнѣйшій путь прегражденъ, въ колоннѣ у всѣхъ, отъ мала до велика, явилось желаніе пробиться во что бы то ни стало. Быстро были поданы на просѣки орудія и пулеметы, былъ открытъ бѣглый огонь и части, во главѣ съ командиромъ Невскаго полка, полковникомъ Первушинымъ, бросились въ атаку.

Порывъ былъ настолько силенъ и неожиданъ для нѣмцевъ, что нѣмецкая бригада, бывшая здѣсь, не выдержала и, бросивъ орудія и

10

x) Ген. Артамонов

пулеметы, бѣжала. Около 20 орудій, нѣкоторые съ полной запряжкой, и большое количество пулеметовъ достались въ руки атакующимъ. Плѣнныхъ не брали. Но это была послѣдняя вспышка измученныхъ людей. Преслѣдованія наладить не удалось. Части перемѣшались. Подгоняемыя съ тыла противникомъ, парки и повозки вносили безпорядокъ. Необходимо было хоть сколько-нибудь возстановить порядокъ въ частяхъ и вытянуть колонну. Сдѣлать это было крайне трудно, ибо наступила темнота.

Начальника 36 дивизіи, бывшаго при колоннѣ, въ темнотѣ найти не могли. Тѣмъ не менѣе, по почину отдѣльныхъ офицеровъ, удалось сформировать нѣчто похожее на колонну, подобрать часть раненыхъ и двинуться впередъ. Была надежда что кольцо не успѣетъ замкнуться и что на плечахъ разбитаго противника удастся пройти. Вскорѣ лѣсъ кончился, вышли на большую поляну.

Съ двухъ сторонъ, со стороны Мальги и со стороны Улешена появились лучи прожектора, — они осматривали всю мѣстность впереди. Лучи скрестились на головныхъ частяхъ колонны и вслѣдъ затѣмъ послѣдовало нѣсколько бѣглыхъ очередей шрапнели и пулеметный огонь. Колонна смѣшалась. Но порядокъ на этотъ разъ возстановить удалось. Пять разъ повторялся тотъ же маневръ. Съ каждымъ разомъ колонна все болѣе и болѣе таяла.

Утромъ на разсвѣтѣ появилась конница противника. Разрозненныя наши части потеряли уже боеспособность. Послѣдняя изъ колоннъ кончила свое существованіе. Операція закончилась.

Два съ половиною корпуса выбыли изъ рядовъ защитниковъ Родины. Много сотенъ офицеровъ и десятки тысячъ солдатъ были обречены на самое тяжелое на войнѣ — на плѣнъ.

Чтобы покончить съ фактической стороной, необходимо сказать нѣсколько словъ о судьбѣ командующаго арміей ген. Самсонова.

Генералъ Самсоновъ погибъ. Штабъ арміи прибылъ въ Остроленку безъ своего командующаго, не зная, что съ нимъ, гдѣ онъ?

Извѣстно слѣдующее. Отдавъ 16 го августа свое послѣднее распоряженіе въ Орлау, ген. Самсоновъ съ своимъ штабомъ поѣхалъ на Яново.

На Яново проѣхать не удалось. На пути штабъ былъ обстрѣлянъ противникомъ и свернулъ на востокъ, видимо пытаясь проѣхать на Хоржеле.

По словамъ лица, бывшаго въ свитѣ, ген. Самсоновъ былъ крайне утомленъ и физически и нравственно; ѣхалъ частью верхомъ, частью не добытой по пути повозкѣ. Такъ доѣхали до поворота съ шоссе Данкгеймъ — Виленбергъ на Хоржеле. Далѣе существуютъ двѣ версіи: по первой, съ наступленіемъ темноты спѣшились, шли пѣшкомъ по лѣсу, перекликались. Раздавались выстрѣлы. Послѣ одного изъ нихъ командующій пересталъ откликаться. Его потеряли и найти не могли; — предполагаютъ, что онъ застрѣлился самъ.

Вторая, — болѣе вѣроятная. Лѣсъ былъ наполненъ нѣмецкими разъѣздами и патрулями. Вѣроятно, что одинъ изъ нихъ и обстрѣлялъ ѣхавшую группу. Естественно, что главной мишенью послу-

жилъ командующій, ѣхавшій впереди, имѣвшій замѣтную внушительную фигуру. Послѣ выстрѣловъ бросились въ сторону. Когда пришли въ себя, командующаго не оказалось. На этой версіи остановился и офицеръ нѣмецкаго ген. штаба, коему было поручено найти тѣло ген. Самсонова.

Фактъ тотъ, что 17-го августа нѣмецкій лѣсникъ, въ недалекомъ разстояніи отъ шоссе Данкгеймъ—Виленбергъ, по пути на Хоржеле, нашелъ трупъ русскаго генерала съ головной раной. Лѣсникъ похоронилъ генерала, снявъ предварительно медальонъ, бывшій на шейной цѣпочкѣ, и часы; по этимъ двумъ предметамъ съ точностью было установлено, что убитый русскій генералъ былъ ген. Самсоновъ.

Такова фактическая сторона этой операціи.

Не успѣла еще улечься первая горечь этой катастрофы, не успѣли еще разобраться въ томъ, что случилось и отчего случилось, какъ по старому русскому обычаю начали искать „кто виноватъ“.

Винили всѣхъ: винили командующаго арміей, винили ген. Жилинскаго, видѣли злой умыселъ со стороны ген. Ренненкампфа, желавшаго, якобы, явиться въ послѣдній моментъ и стяжать лавры спасителя, винили войска и ближайшихъ войсковыхъ начальниковъ, невыполнившихъ своего долга, искали измѣну и проч. и проч.

Я на эту точку зрѣнія становиться не хочу; важна не вина отдѣльныхъ лицъ, важны причины этой катастрофы; важно выяснить, не являются ли эти причины нашимъ старымъ грѣхомъ, выяснить, что нужно дѣлать въ будущемъ, чтобы избѣжать подобныхъ катастрофъ.

Но два изъ предъявленныхъ обвиненій я обойти молчаніемъ не могу — это обвиненіе войскъ и обвиненіе ихъ ближайшихъ начальниковъ, и до тѣхъ поръ, пока я буду имѣть возможность говорить, я считаю своимъ долгомъ горячо протестовать противъ этихъ обвиненій.

Я напомню нѣкоторые факты. Передо мною поле сраженія подъ Орлау, гдѣ велъ борьбу съ шестью полками нѣмцевъ, занявшихъ укрѣпленную позицію, нашъ XV корпусъ. Оно усѣяно трупами. Много своихъ — еще больше нѣмцевъ; всюду слѣды ожесточенной борьбы; окопы заполнены трупами, сраженными фланговымъ огнемъ. Такъ драться не могутъ войска, не исполняющіе свой долгъ.

Аріергардный бой Дорогобужцевъ у Доротова. — Краткую, но яркую характеристику этого боя даетъ нѣмецкій военный корреспондентъ, объѣзжавшій поле сраженія. Онъ пишетъ примѣрно такъ: „на берегу Доротовскаго озера, подъ зеленымъ холмомъ, братская могила, здѣсь спятъ 496 вѣрныхъ сыновъ своей родины, отдавшихъ ей лучшее, что имѣли — свою жизнь“. — Этихъ 496 вѣрныхъ сыновъ уложили подъ зеленый холмъ во время 3-хъ часоваго боя, два баталіона Дорогобужцевъ. Если къ этому числу убитыхъ прибавить соотвѣтствующій процентъ раненыхъ (примѣрно вдвое), то получится цифра, которая говоритъ сама за себя и можетъ слу-

жить лучшей оцѣнкой того, исполнили-ли эти части свой долгъ или нѣтъ?

Бой подъ Меркеномъ. Полкъ во главѣ съ своимъ командиромъ гибнетъ, спасая другія части.

Бой подъ Шведрихомъ. Противникъ получилъ такой отпоръ, что дальше въ этотъ день атаковать не посмѣлъ.

Наконецъ, послѣдній бой лѣвой колонны въ Валендорфскомъ лѣсу, — стихійный порывъ, на который способны только русскія войска.

Были, конечно, отдѣльные случаи, когда части, или отдѣльныя лица, не оказались на должной высотѣ, но эти случаи единичные. Въ общей массѣ про эти войска нельзя сказать, что они долга не исполнили, упрекать ихъ въ этомъ, значитъ умышленно закрывать глаза на правду.

Я не называю боевъ XV и XXIII корпусовъ, но про нихъ очень опредѣленно говоритъ ген. Людендорфъ; онъ указываетъ, что 13 и 14 августа войска ген. Шольца успѣха не имѣли и понесли тяжелыя потери; противъ нихъ дрались XV и XXIII корпуса, которые въ эти дни вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть боевъ.

Исполнили-ли ближайшіе начальники свой долгъ?

Я назову только потери за 3 дня старшихъ начальниковъ того же, болѣе извѣстнаго мнѣ, XIII корпуса.

Штабъ корпуса — убито два адъютанта.

I-я дивизія: — начальникъ штаба — убитъ, старшій адъютантъ ген. штаба — убитъ, командиръ бригады—смертельно раненъ (умеръ), командующій артиллерійской бригады — смертельно раненъ (умеръ), командиръ I-го полка — три раза раненъ, выбылъ изъ строя только послѣ третьей, штыковой раны, командиръ 2-го полка — уцѣлѣлъ; командиръ 3-го полка — раненъ, командиръ 4-го полка — отрѣшенъ, его замѣститель — убитъ.

36 дивизія: — командиръ бригады — убитъ, командиръ 141 полка — уцѣлѣлъ, командиръ 142 полка — раненъ, командиръ 143 полка — убитъ, командиръ 144 полка — убитъ. — Я полагаю, что эти данныя въ комментаріяхъ не нуждаются.

И все же катастрофа совершилась. — Какія же причины?

Я считалъ, и всегда буду считать, что основная причина, положившая начало этой катастрофѣ, и не разъ дававшая себя знать и въ дальнѣйшемъ въ теченіе войны, это наше постоянное неуваженіе къ военной наукѣ.

Мы знаемъ, что война, какъ всякое проявленіе жизни, подчинена извѣстнымъ законамъ. Мы знаемъ эти законы. На изученіе ихъ мы въ мирное время тратимъ много труда, много времени. А на войнѣ мы не хотимъ съ ними считаться. Мы даемъ слишкомъ большую волю страсти; намъ эти непреложные законы жизни кажутся слишкомъ сухими, слишкомъ педантичными, слишкомъ связывающими. Мы хотимъ дать больше того, что дать можно и часто губимъ этимъ свое же, дорогое намъ, дѣло. А жизнь, этотъ строгій, справедливый, но неумолимый судья, безжалостно казнитъ за всякое

нарушеніе вѣковыхъ, выкованныхъ кровью и желѣзомъ, законовъ и основныхъ принциповъ.

Въ чемъ же согрѣшили мы въ эту операцію?

Нашъ первый основной грѣхъ заключается въ томъ, что, предпринимая операцію въ Восточной Пруссіи, мы на первый планъ выдвинули требованія не военныя, а политическія; — мы позволили себѣ увлечься желаніемъ оказать помощь нашимъ союзникамъ, помощь „во что бы то ни стало", помощь наиболѣе скорую, наиболѣе яркую, не считаясь съ тѣмъ, возможна или не возможна такая помощь съ точки зрѣнія чисто военной.

Военная наука говоритъ намъ опредѣленно, что, предпринимая какое либо военное дѣйствіе, надо прежде всего отвѣтить себѣ на вопросъ „что я хочу"? ибо, только имѣя опредѣленную цѣль, можно направить всѣ усилія для ея достиженія, можно сдѣлать операцію всѣмъ понятной, можно взять починъ въ свои руки.

Та же военная наука намъ говоритъ, что какія бы орудія смерти не измышлялъ человѣческій умъ, главнымъ орудіемъ борьбы всегда останется самъ человѣкъ, ибо только человѣческій умъ, человѣческая воля, человѣческое искусство могутъ одухотворить всѣ эти мертвыя орудія смерти. — Отсюда ясно, что главной цѣлью должно быть уничтоженіе „живой силы противника", и для этого уничтоженія должны быть сосредоточены всѣ средства, всѣ силы.

Та же наука говоритъ, что для того, чтобы правильно поставить задачу, рѣшить что главное и что второстепенное, нужно дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чего я хочу и изучить возможности, какъ можетъ противникъ помѣшать выполненію поставленной задачи, какими средствами онъ располагаетъ, какіе интересы преслѣдуетъ, какіе способы борьбы у противника являются наиболѣе характерными, въ зависимости отъ его условій жизни, его склада ума, его національныхъ особенностей,— другими словами, нужна развѣдка.

Для того чтобы получить свѣдѣнія, для того чтобы передать свою волю частямъ,—нужна связь, нужно точно и педантично проведенная организація.

Наконецъ, надо помнить всегда, что ни одну военную задачу нельзя рѣшать въ безвоздушномъ пространствѣ, надо всегда помнить, что войска надо снабдить всѣми средствами борьбы, надо кормить, надо озаботиться о раненыхъ, больныхъ и проч.

Это все основныя, азбучныя требованія.

Были-ли хотя-бы эти требованія нами соблюдены? — къ сожалѣнію безусловно нѣтъ.

Поставивъ себѣ, въ отвѣтъ на призывъ о помощи, цѣль „помощь союзникамъ", мы эту мысль не вылили въ форму опредѣленной военной задачи, ясной и понятной всѣмъ, отвѣчающей возможностямъ даннаго момента.

Отсюда все наступленіе носило случайный характеръ. Штабъ арміи не управлялъ, а командовалъ, не давалъ общую задачу, а указывалъ лишь частные ходы на каждый день. Корпуса метались то въ одну, то въ другую сторону, люди утомлялись, начальники

нервничали, не зная, что предстоитъ завтра, къ какой общей цѣли надо стремиться, какое рѣшеніе принимать, если приказаніе запоздало или уже не отвѣчаетъ обстановкѣ.

Организаціонный аппаратъ отказывался работать. Общая цѣль „помощь союзникамъ“ была слишкомъ расплывчатая, слишкомъ неопредѣленна, говорила слишкомъ мало.

Къ 13-му августа ясно опредѣлилось, что живая сила противника группируется главнымъ образомъ въ сѣв.-зап. направленіи; вся обстановка, въ связи съ знаніемъ нѣмецкой теоріи удара съ двухъ—трехъ сторонъ (теорія Шлиффена), нѣмецкія военныя игры старшихъ начальниковъ въ мирное время, манервы, поѣздки и проч. заставляли настойчиво поставить цѣлью дѣйствія именно эту живую силу и сосредоточить все, что было возможно, для ея уничтоженія. — Взамѣнъ этого нашимъ корпусамъ ставится задача взять Алленштейнъ, — живой силѣ предпочитается географическій пунктъ, кстати сказать, особаго значенія не имѣющій. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить войска къ наиболѣе угрожаемому пункту — войска направляются въ разныя стороны.

И жизнь властно накладываетъ на дальнѣйшія событія свою тяжелую руку. Неправильно поставленная задача, въ силу самой обстановки, теряетъ смыслъ, войска не могутъ выполнить приказанія, получаютъ новыя распоряженія, но время утеряно, силъ для рѣшенія основной задачи не хватаетъ, всѣ геройскія усилія пропадаютъ даромъ, доблесть не въ силахъ исправить сдѣланныхъ ошибокъ.

Развѣдки нѣтъ, — отсюда неправильное представленіе о группировкѣ силъ противника и рядъ неожиданностей.

Чувствуя, что управленіе уходитъ изъ рукъ, штабъ арміи выѣзжаетъ въ боевыя линіи, — хочетъ личнымъ участіемъ спасти дѣло. Теряется послѣдняя связь съ фланговыми корпусами. Штабъ не можетъ передать имъ свою волю. Корпуса не могутъ своевременно освѣдомить штабъ о томъ, что у нихъ дѣлается. Штабъ начинаетъ жить жизнью отдѣльныхъ боевыхъ участковъ, а не всей арміи. Свободныя силы остаются не использованными. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ I арміей, при такихъ условіяхъ, не можетъ быть и рѣчи.

Въ результатѣ — катастрофа. Никакая доблесть, никакое самопожертвованіе не въ силахъ спасти дѣло, возмѣстить, исправить то, что вытекало изъ основного грѣха, изъ основной ошибки - невыполненія элементарныхъ законовъ войны.

Людендорфъ въ своемъ трудѣ высказываетъ мысль, что въ современной войнѣ недостаточно храбрости, недостаточно таланта — необходимы знанія, и что въ этомъ отношеніи нѣмецкое командованіе можетъ смѣло смотрѣть въ глаза нѣмецкому народу; ибо оно выполнило свой долгъ и достигло цѣлей съ наименьшими потерями и жертвами. Средствомъ для этого нѣмцамъ всегда служила военная наука.

Мы, къ сожалѣнію, сказать того же не можемъ. Въ этомъ грѣхѣ (неуваженіе къ наукѣ) мы должны сознаться и покаяться

Нѣсколько словъ о боѣ 14—17 августа съ точки зрѣнія чисто

военной. Нѣмцы этотъ бой, какъ они его называютъ, бой подъ Танненбергомъ, считаютъ высокимъ образцомъ военнаго искуства, яркой иллюстраціей теоріи Фонъ-Шлиффена, наилучшимъ воспроизведеніемъ знаменитаго боя подъ Каннами.

По результатамъ этого боя, по его значенію и моральному и матеріальному, нѣмцы на это имѣютъ и право и основаніе, но съ точки зрѣнія чистаго военнаго искуства, бой этотъ ничего исключительнаго не представляетъ, ни по оригинальности замысла, ни по особому вдохновенію со стороны нѣмецкаго командованія, позволившему ему военнымъ чутьемъ угадать, предусмотрѣть обстановку, проникнуть въ сокровенные замыслы противника.

Если даже откинуть, все громче и громче раздающіяся увѣренія, что путемъ шпіонажа съ одной стороны, и измѣны съ другой, нѣмецкому командованію были до мелочей извѣстны всѣ подробности нашего движенія, то, и въ этомъ случаѣ, необходимо признать, что нѣмцы рѣшали свою тактическую задачу съ открытыми картами. Всѣми доступными средствами нѣмцы обезпечили себѣ знаніе полной картины нашего движенія. Связь у нихъ была налажена, всюду были свои надежные люди, по телефону или сигналомъ сообщавшіе всѣ подробности нашего движенія. Я уже упоминалъ, что кромѣ техническихъ средствъ связи у нѣмцевъ всюду были вышки для наблюденія. Уже съ первыхъ дней движенія по Восточной Пруссіи, бросилось въ глаза, что, какъ только голова колонны подходила къ какому либо населенному пункту, — въ немъ загорался или отдѣльно стоящій сарай, или стогъ сѣна и проч. и, такимъ образомъ, по этимъ дымкамъ, нѣмцы знали точно, гдѣ и когда находился противникъ. А, зная картину движенія, принять наилучшее рѣшеніе было легко, особенно нѣмцамъ, всегда и всюду примѣнявшимъ свой излюбленный пріемъ — охватъ фланговъ.

Операція имъ удалась, но удалась исключительно потому, что мы имъ въ этомъ способствовали. Стоитъ сравнить эту операцію съ дѣйствительно выдающимся образцомъ, напримѣръ, съ Ульмомъ и разница получается громадная. Подъ Ульмомъ все предусмотрѣно, обезпеченіе операціи отъ случайностей доведено до виртуознаго совершенства; Наполеонъ какъ бы читаетъ въ душѣ противника его сокровенныя мысли.

Подъ Танненбергомъ этого нѣтъ. Откажись 14-го августа XIII корпусъ отъ движенія на Алленштейнъ, или даже 16-го августа получи ген. Клюевъ возможность выполнить свое первоначальное рѣшеніе — окруженія не было-бы. Прояви I корпусъ и гв. дивизія больше единства и энергіи въ своихъ дѣйствіяхъ и командиру I нѣмецкаго корпуса пришлось бы серьезно подумать, какъ вывести свой корпусъ изъ тяжелаго положенія, а если бы въ это время были брошены въ тылъ умѣлой рукой и наши двѣ кав. дивизіи, бывшія на флангѣ, результатъ боя могъ быть совершенно инымъ.

Все это даетъ право, признавая за нѣмцами энергію, настойчивость и грамотность въ рѣшеніи задачи и проведеніи операціи, въ

то же время оспаривать зачисленіе боя подъ Танненбергомъ въ число классическихъ образцовъ.

Каково же значеніе этой всей операціи, и въ частности боя подъ Танненбергомъ, въ общемъ ходѣ войны? Что дало это наступленіе? Оправдались ли тѣ жертвы и потери, которыя мы понесли, достигнутыми результатами?

Яснѣе всего на этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ факты: 8-го августа армія ген. Ренненкампфа нанесла пораженіе нѣмцамъ у Гумбинена, въ этотъ же день армія ген. Самсонова вторглась въ предѣлы Восточной Пруссіи и стремительно двинулась впередъ. Это наступленіе породило въ странѣ панику. Волна бѣженцевъ докатилась до сердца Германіи — Берлина и вызвала тамъ тревогу. Любимому дѣтищу Императора Вильгельма, Восточной Пруссіи, угрожали всѣ ужасы войны. Нѣмецкое командованіе утратило равновѣсіе, забыло задачу главную, и рѣшило ликвидировать ближайшаго врага. Противъ арміи Самсонова бросается все, что было къ этому времени въ Восточной Пруссіи. Съ западнаго фронта, передъ рѣшительнымъ моментомъ, снимается два корпуса, снимается съ праваго крыла, изъ ударной группы. Почему именно съ праваго крыла и именно изъ ударной группы? — случайность это, ошибка нѣмецкаго командованія или неизбѣжность? Я полагаю, что это неизбѣжность. Сосредоточивая свои арміи противъ Франціи, нѣмцы тщательно учли свои силы. Обезпечивающія войска противъ Вогезъ и армія противъ единственнаго возможнаго направленія наступленія французовъ — между Вогезами и Бельгіей, были доведены до минимума; ослаблять эти части — значило рисковать всей операціей. Единственный выходъ былъ взять войска изъ ударной группы. Въ результатѣ нѣмцы проигрываютъ Марну.

О значеніи побѣды французовъ на Марнѣ много говорить не приходится. Марна слишкомъ видный факторъ Великой войны. Марна спасла Парижъ. Война на западномъ фронтѣ приняла позиціонный характеръ. Марна дала необходимый выигрышъ времени. Операція въ Восточной Пруссіи перенесла центръ тяжести борьбы на восточный фронтъ. Англійская и французская арміи получили возможность организовать средства для дальнѣйшей борьбы. Связь между Марной и операціей въ Восточной Пруссіи слишкомъ очевидна. Россія, цѣною гибели арміи, исполнила свой долгъ передъ союзникали. Такъ смотрѣли на дѣло и французы и нѣмцы. Сейчасъ впечатлѣніе изгладилось, потеряло остроту, эту истину стараются не повторять, сказывается неизбѣжное упоеніе союзниковъ своей побѣдой. И факта этого изъ исторіи міровой войны вычеркнуть никто не въ силахъ.

Но если въ событіяхъ на западѣ наступленіе арміи ген. Самсонова сыграло положительиую роль, то для нашего русскаго дѣла это былъ жестокій ударъ. Неизбѣжна-ли была катастрофа? — Я уже указывалъ, что безусловно нѣтъ. Немного больше военной науки, умѣнія обуздать благородный порывъ холоднымъ разсчетомъ, соотвѣтствующая доля здраваго политическаго эгоизма и катастрофы не было бы. Была бы, быть можетъ, неудача, было бы пораженіе, быть

можетъ наши корпуса откатились бы до Нарева, но сохранилась бы живая сила, и нужна была бы только небольшая поддержка, чтобы возстановить боеспособность арміи; была бы избавлена отъ пораженія армія Ренненкампфа; Гинденбургъ не могъ бы освободить свои войска для помощи, изнемогавшимъ подъ нашими ударами, австрійцамъ. — Послѣдствія всего этого трудно себѣ даже представить.

Катастрофа арміи Самсонова избавила отъ гибели австрійцевъ, — открыла на востокѣ новый періодъ кровавыхъ подвижныхъ боевъ.

Такова общая картина событій, разыгравшаяся въ августѣ 1914 года въ Восточной Пруссіи. Таково значеніе этихъ событій, впослѣдствіи забытыхъ, ставшихъ однимъ изъ эпизодовъ Великой войны. Но какъ бы ни оспаривалось значеніе этихъ событій, безпристрастный изслѣдователь долженъ будетъ признать, что наступленіе Самсонова было однимъ изъ первыхъ основныхъ камней, положившихъ начало побѣды союзниковъ. Марна дала выигрышъ Міровой войны.

Но эта побѣда союзниковъ все таки до сихъ поръ мира всему міру не обезпечила.

До сихъ поръ „лучшіе“ люди, „лучшіе“ дипломаты тщетно стремятся разрѣшить проблему мира.

Исхода нѣтъ. И исходъ не будетъ найденъ до тѣхъ поръ, пока Россія, нѣкогда великая, могучая, преисполненная рыцарскими порывами, снова не скажетъ свое вѣское слово.

Въ нашей героической борьбѣ за право имѣть свое Отечество, мы не разъ переживали свою Марну.

И мы не разъ болѣзненно ждали, что на нашъ крикъ помощи откликнется кто либо изъ тѣхъ, кому мы, въ свое время, такъ безкорыстно помогали.

Желаннаго отклика мы до сихъ поръ не получили.

О событіяхъ августа 1914 года стараются не вспоминать.

Напомнить о нихъ нѣкому. — Но забыться они не могутъ — не смѣютъ.

Времена мѣняются. Россія воскреснетъ. Часъ этотъ, Богъ дастъ, уже не далекъ.

И тогда, вновь сильная, вновь Великая Россія заставитъ вспомнить то, что кровью записано на поляхъ Восточной Пруссіи, заставитъ вспомнить событія августа 1914 года, заставитъ вспомнить, какъ она, исполняя свой долгъ, не задумалась бросить на алтарь общаго дѣла и свое благополучіе и свои личные интересы и десятки тысячъ молодыхъ жизней.

В. ФУКСЪ.

Причины неудачъ II арміи генерала Самсонова въ Восточной Пруссіи въ Августѣ 1914 г.

1922?

(По запискѣ генерала Клюева).

Въ прошломъ году въ Гельсингфорсѣ скончался ген.-лейтенатъ Клюевъ. Ген. Клюевъ, какѣ извѣстно, сдѣлалъ блестящую военную карьеру, которой могъ бы позавидовать любой самый талантливый генералъ. Откомандовавъ полкомъ, онѣ былъ назначенъ на одну изъ самыхъ серьезныхъ и отвѣтственныхъ должностей въ нашей арміи— начальника штаба Варшавскаго военнаго округа. Вскорѣ затѣмъ въ числѣ трехъ наиболѣе выдающихся начальниковъ окружныхъ штабовъ, не командовавшихъ дивизіями, былъ назначенъ командиромъ корпуса на Кавказъ, а при общей мобилизаціи арміи въ 1914 году былъ переведенъ на таковую же должность командира XIII армейскаго корпуса. Корпусъ этотъ вошелъ въ составъ II-й арміи генерала Самсонова, принявшей участіе въ первомъ походѣ въ Восточную Пруссію.

Такое выдающееся служебное движеніе генерала Клюева невольно привлекаетъ къ нему вниманіе и поэтому все касающееся его сзужбы вызываетъ общій интересъ. Интересъ этотъ возрастаетъ, когда дѣло касается боевой дѣятельности этого генерала и тѣмъ болѣе еще, когда вопросъ связанъ съ операціей арміи ген. Самсонова, свѣдѣнія о коей до сихъ поръ еще не вполнѣ извѣстны и мало разработаны.

Какъ, вѣроятно, всѣмъ еще памятно, при отступленіи изъ Восточной Пруссіи, ген. Самсоновъ лишилъ себя жизни*), а ген. Клюевъ въ числѣ многихъ другихъ попалъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ. Будучи, такимъ образомъ, ближайшимъ свидѣтелемъ всего происшедшаго и желая, очевидно, оправдать свою личную дѣятельность, подвергшуюся существенной критикѣ, ген. Клюевъ уже въ плѣну приказалъ одному изъ чиновъ штаба своего корпуса составить инспирированную имъ записку, освѣщающую дѣйствія XIII арм. корпуса и дающую одновременно оцѣнку дѣятельности штаба арміи и прочихъ ея частей, принимавшихъ участіе въ этомъ походѣ.

Записка ген. Клюева была доставлена изъ Германіи въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, но тамъ одобренія не удостоилась. Ставка сурово отнеслась къ неудачѣ арміи ген. Самсонова и, какъ

*)Фактъ этотъ точно не установленъ. (Прим. редакціи).

слѣдствіе сего, нѣкоторые изъ высшихъ чиновъ этой арміи были устранены отъ должностей.

Упоминаемая записка представляетъ во всякомъ случаѣ громадный историческій интересъ, потому что она даетъ разгадку къ уразумѣнію истинныхъ причинъ той катастрофы, которой подверглась II армія. Причины же, какъ это будетъ видно далѣе, тѣ самыя, которыя нельзя было ничѣмъ искоренить изъ нашей арміи: ни обученіемъ, ни опытомъ войны, ни маневрами, ни военной игрой.

Записка ген. Клюева весьма пространна и затрагиваетъ какъ общія причины неудачи, такъ и, главнымъ образомъ, частные вопросы дѣйствія войсковыхъ частей XIII-го армейскаго корпуса. Чтобы извлечь изъ нея наиболѣе поучительное, свѣдѣнія, помѣщаемыя въ ней, лучше всего раздѣлить на двѣ категоріи: 1) замѣчанія общаго свойства и 2) разборъ конкретныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей войскъ. Приводя первыя изъ нихъ въ подробности, мы ограничимся относительно вторыхъ лишь самими краткими выдержками, необходимыми для уясненія общей обстановки.

Предварительно однако напомнимъ, что XIII-й армейскій корпусъ состоялъ изъ 1-ой и 36-ой пѣх. дивизій, которыми въ то время комардовали ген.-лейт. Угрюмовъ и Преженцовъ. Штабъ корпуса и часть 1-ой пѣхотной дивизіи были расквартированы въ мирное время въ Смоленскѣ, а 36-я пѣхотная дивизія стояла въ Орлѣ. Сосредоточеніе корпуса было произведено въ Бѣлостокѣ.

Общія замѣчанія ген. Клюева сводятся къ слѣдующему:

1) Относительно интендантской части. Во время самой мобилизаціи вышло новое „Положеніе о полевомъ управленіи войскъ“. Согласно этого „Положенія“, все снабженіе армій возлагалось на начальника снабженій армій, находящагося при Верховномъ Главнокомандующемъ. Затѣмъ при главнокомандующемъ фронтомъ (въ данномъ случаѣ при ген. Жилинскомъ) находился начальникъ снабженій и этаповъ армій, который сосредоточивалъ у себя все снабженіе армій даннаго фронта. Отдѣльныя арміи, которыя по старому „Положенію“ имѣли при себѣ всю тыловую организацію, ничего по новому этого не имѣли. Все это было перенесено за сотни верстъ въ штабъ главнокомандующаго фронтомъ. Нагляднымъ примѣромъ этого несоотвѣтствія, явилось отсутствіе хлѣба уже на самой базѣ въ Бѣлостокѣ, вслѣдствіе чего войска начали расходовать свой собственный неприкосновенный запасъ сухарей. При этомъ всѣ ходатайства ген. Клюева о снабженіи частей хлѣбомъ, оставались безъ удовлетворенія. Конечнымъ пунктомъ нашей базы была Остроленка. Дальше шло неизвѣстное. Какъ оказалось впослѣдствіи хлѣба XIII-му корпусу не хватило.

По „Положенію“ каждый корпусъ долженъ имѣть свою военную дорогу, которая служитъ его связью съ родиной. Мы этаповъ не имѣли. Начальникъ этаповъ, живя за нѣсколько сотъ верстъ отъ фронта, вмѣсто военныхъ дорогъ на каждый корпусъ, устроилъ лишь одну этапную линію на всю армію, вслѣдствіе чего ни одинъ изъ корпусовъ не былъ удовлетворенъ. Когда XIII-й корпусъ при-

былъ въ Алленштейнъ, то онъ находился отъ конечнаго пункта своей базы въ 8 переходахъ. Если бы при немъ въ это время состоялъ положенный корпусный транспортъ, то онъ могъ бы организовать подвозъ собственными средствами на 5 переходовъ. Но такъ какъ транспорта ему не прислали, то онъ при помощи своихъ обозовъ могъ доставлять продукты не далѣе какъ на два перехода.

Такимъ образомъ видно, что къ корпусу при данномъ разстояніи никакого подвоза не могло быть. Для этого надо было остановиться еще въ Данкгеймѣ и двинуться дальше не ранѣе какъ по снабженіи этого пункта продовольствіемъ. Конечно, все значительно облегчилось бы, если бы въ распоряженіи корпуса имѣлась хотя бы одна желѣзнодорожная линія или одно шоссе.

2) Относительно состава войскъ корпуса ген. Клюеву прежде всего по пріѣздѣ въ Бѣлостокъ бросилось въ глаза непомѣрно малое количество офицеровъ въ ротахъ и огромное число запасныхъ нижнихъ чиновъ (свыше 60%). Тоже рѣзало глазъ отсутствіе дѣятельности унтеръ-офицеровъ. Ген. Клюевъ никого въ этомъ не винитъ. Офицеры получили на $^2/_3$ людей, которые имъ были совершенно незнакомы и при такихъ условіяхъ люди были посажены въ вагоны, привезены въ Бѣлостокъ и двинуты въ походъ. У нижнихъ чиновъ были хорошія русскія лица, но это были лишь переодѣтые мужики, которыхъ надо было учить, а для этого нужны были офицеры и время. Ни того, ни другого не было. Хорошее впечатлѣніе производили лишь артиллерійскія части.

Составивъ себѣ подобное мнѣніе о ввѣренномъ ему корпусѣ, ген. Клюевъ отправился въ Бѣлостокъ къ командующему II-ой арміей ген. Самсонову и высказалъ мнѣніе, что единственнымъ способомъ пересоздать части, является неторопливое наступленіе, что одновременно позволитъ и организовать довольствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Клюевъ просилъ командующаго арміей обратить особенное вниманіе на лѣвый флангъ арміи (раіонъ Сольдау) и рекомендовалъ вести лѣвофланговые корпуса уступами справа, чтобы они могли служить резервами для рядомъ идущихъ. Ген. Самсоновъ обѣщалъ все это исполнить.

3) Переходя къ своимъ замѣчаніямъ по оперативной части, ген. Клюевъ обращаетъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: Основной задачей I и II-ой армій, дѣйствовавшихъ въ Восточной Пруссіи, было соединеніе ихъ и согласованныя дѣйствія противъ непріятеля. Для сего управленіе обѣими арміями было ввѣренно главнокомандующему сѣв.-зап. фронтомъ генералу-отъ-кавалеріи Жилинскому. За $2^1/_2$ года до начала войны въ штабѣ Варшавскаго военнаго округа было составлено соображеніе о дѣйствіяхъ въ Восточной Пруссіи. По этому соображенію предполагалось встрѣтить на этомъ театрѣ германскую армію въ 250 тысячъ, а именно: I, XVII и XX корпуса, отъ 6 до 8 резервныхъ дивизій и нѣсколько ландверныхъ бригадъ. Такая численность непріятеля превышала силы каждой изъ нашихъ армій въ отдѣльности, но была слабѣе обѣихъ армій, взятыхъ вмѣстѣ. Въ соображеніи было указано далѣе, что

противникъ постарается сперва разбить болѣе для него опасную II-ю армію ударомъ въ ея лѣвый флангъ, почему рекомендовалось вести наступленіе очень методично, поджидая подхода I-й арміи, послѣ того, какъ она одолѣетъ линію Мазурскихъ озеръ. Затѣмъ въ соображеніи указывалось, что театръ дѣйствій Восточной Пруссіи чрезвычайно пересѣченный и весьма способствуетъ веденію активной обороны; что противникъ крайне умѣло пользуется своими желѣзными дорогами и шоссейными путями и что задача соединенія армій очень трудна, опасна и требуетъ для своего выполненія большой осторожности. Вышеуказанное соображеніе было извѣстно какъ ген. Самсонову, такъ и ген. Жилинскому. Между тѣмъ, наступленіе II-й арміи было произведено при цѣломъ рядѣ уклоненій отъ вышеуказанныхъ соображеній и отъ основныхъ требованій военной науки.

а) Разброска частей. Опытъ войнъ показываетъ, что когда армія входитъ въ соприкосновеніе съ противникомъ (въ разстояніи 2-хъ переходовъ), то корпусъ долженъ занимать по фронту не болѣе 10 верстъ. Затѣмъ, по мѣрѣ сближенія, фронтъ корпуса долженъ суживаться и непосредственно передъ боемъ протягиваться не болѣе какъ на 6 верстъ. Во II-ой арміи было наоборотъ. 10 и 11 августа XV корпусъ не могъ одолѣть бывшаго передъ нимъ противника и просилъ помощи. 13-го августа I корпусъ втянулся въ бой съ нѣмцами и былъ отброшенъ. Того же числа XV корпусъ вновь потерпѣлъ неудачу, а VI корпусъ былъ отброшенъ отъ Бишофсбурга къ Ортельсбургу. Такимъ образомъ, по всему фронту арміи шелъ бой, а между тѣмъ 10-го августа она занимала фронтъ отъ Ортельсбурга до Сольдау — 80 верстъ, а 13-го августа вмѣсто того, чтобы сомкнуться, разошлась еще на 40 верстъ, такъ что занимала уже отъ Бишофсбурга до Уздау — 120 верстъ. Когда выяснилось, что главное столкновеніе происходитъ въ раіонѣ XV корпуса у Гогенштейна—Нейденбурга, то слѣдовало двигать туда корпуса форсированнымъ маршемъ. Вмѣсто этого XIII-й корпусъ направленъ на Алленштейнъ, т. е. въ эксцентрическомъ направленіи.

б) Слабая развѣдка. Развѣдка летчиками являлась совершенно случайной. Машины ихъ постоянно портились, а доставка бензина по песчанымъ дорогамъ постоянно задерживалась. Поэтому аэропланы работали у насъ лишь изрѣдка и нечего было и думать равняться съ той правильной развѣдкой, которая велась у противника. Конная развѣдка выполнялась 4-мя сотнями пограничной стражи, приданными корпусу. Въ мирное время пограничная стража, неся свою трудную службу, обучалась кавалерійскому дѣлу въ составѣ не больше взвода, рѣдко - сотни. Поэтому она была совершенно неподготовлена для выполненія дальней развѣдки. Ближнюю же развѣдку несла такъ же, какъ могъ бы ее выполнить „любой обозный унтеръ-офицеръ". Сознавая невозможность имѣть отвѣчающую обстановкѣ дальнюю развѣдку, ген. Клюевъ распредѣлилъ пограничниковъ между обѣими дивизіями поровну, возложивъ на начальниковъ дивизій полную отвѣтственность за ближнюю развѣдку въ предѣлахъ своихъ раіоновъ.

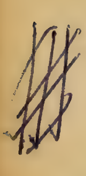
в) Полнѣйшее незнаніе обстановки. Ни ген. Клюевъ, ни его подчиненные никогда не были оріентированы относительно обстановки. До 12-го августа ген. Клюевъ зналъ только, что правѣе его находится VI-й корпусъ, а лѣвѣе XV-ый корпусъ. Что же дальше ихъ, не зналъ. Не зналъ также, гдѣ находится и что дѣлаетъ I-ая армія. Не имѣлъ свѣдѣній о томъ, какія части непріятеля столкнулись съ VI-мъ и XV-мъ корпусами. До чего въ штабѣ арміи скрывали обстановку видно изъ того, что когда 12 августа адъютантъ штаба корпуса ген. штаба капитанъ Р. находился въ штабѣ арміи и пытался узнать обстановку, то въ этомъ ему было отказано подъ предлогомъ спѣшности отвоза приказа въ штабъ корпуса. Въ этомъ приказѣ дѣйствительно указывалось, что на лѣвомъ флангѣ арміи обнаружено два германскихъ корпуса, но не выяснилось противъ кого они дѣйствовали: противъ одного ли I-го корпуса, или противъ I-го, XXIII-го и XV-го корпусовъ. Не смотря однако на это свѣдѣніе, опредѣленно указывавшее, что противникъ обрушивается на нашъ лѣвый флангъ, XIII-й корпусъ двигали по прежнему на Алленштейнъ, т. е. въ сторону отъ этого удара.

г) Отсутствіе постановки цѣли. XIII-му корпусу приказывалось двигаться то вправо, то влѣво, но никакой цѣли движенія не указывалось и никакихъ директивъ ген. Клюевъ не получалъ. Въ одномъ только случаѣ опредѣленно приказывалось взять Алленштейнъ.

д) Порядокъ передачи приказаній. Штабъ корпуса получалъ приказанія лишь поздно ночью. Это до такой степени вошло въ обычай, что дежурному по штабу было приказано разъ на всегда отправлять въ 1 часъ ночи въ штабъ арміи очередную искро-телеграмму: „на завтра не получилъ приказа, остаюсь на мѣстѣ“. Иногда приказы получались утромъ того дня, на который они предназначались. Иногда также въ моментъ выступленія получалось изъ штаба арміи приказаніе объ измѣненіи направленія движенія. Приходилось останавливать части, высылать новые авангарды, стягивать уже высланные назадъ и вообще мотать войска и нарушать порядокъ движенія.

е) Переутомленіе войскъ и начальниковъ. Постоянное ожиданіе приказаній въ самые неурочные часы, въ связи съ непрекращающейся тревогой, вслѣдствіе полнаго незнанія обстановки, повело къ тому, что всѣ изнервничались и утомились. Самъ ген. Клюевъ не спалъ 10 ночей подрядъ.

ж) Отсутствіе связи. Хуже всего поддерживалась связь съ VI-мъ корпусомъ. Протягивать телефонъ на 40 верстъ было невозможно, искровымъ же телеграфомъ нельзя было пользоваться, такъ какъ штабъ VI-го корпуса посылалъ только шифрованныя телеграммы, а въ штабѣ XIII-го корпуса соотвѣтствующаго ключа не было. VI-й корпусъ потерялъ всякую связь не только съ XIII-мъ корпусомъ, но и со штабомъ арміи, который нѣсколько разъ запрашивалъ штабъ XIII-го корпуса о томъ, гдѣ находится VI-й корпусъ. Послѣдній былъ разбитъ и отброшенъ къ Ортельсбургу, а штабъ



арміи, не зная этого, посылаетъ ему приказаніе атаковать Алленштейнъ, находящійся въ совершенно другомъ направленіи. Отсутствію сзязи много содѣйствовало то обстоятельство, что штабъ арміи слишкомъ долго пребывалъ въ Остроленкѣ, въ 177 верстахъ позади. Вслѣдствіе сего весь проводъ ушелъ на эту линію и къ моменту боевъ для корпуса ничего не оставалось. Пришлось поэтому пользоваться искровой станціей. Но такъ какъ шифра не знали, то всѣ депеши дѣлались достояніемъ противника. Этотъ послѣдній, имѣя, кромѣ того, въ странѣ массу скрытыхъ телефоновъ и цѣлую армію подготовленныхъ шпіоновъ и лазутчиковъ всякаго рода, отлично зналъ впередъ о всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ.

Этимъ ген. Клюевъ заканчиваетъ свои общія замѣчанія и въ дальнѣйшемъ изложеніи переходитъ къ детальному перечисленію дѣйствій войсковыхъ частей, преимущественно своего корпуса, но и тутъ параллельно указываетъ цѣлую серію конкретныхъ упущеній штаба арміи, сводящихся, главнымъ образомъ, къ тѣмъ же уже вышеуказаннымъ недочетамъ объ отсутствіи управленія, оріентировки, развѣдки, связи и пр. Мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторые эпизоды изъ всей этой печальной эпопеи, которые между прочимъ могутъ свидѣтельствовать о томъ, что и штабъ XIII-го корпуса былъ не совсѣмъ безгрѣшенъ.

Такъ послѣ всѣхъ приведенныхъ выше разсужденій ген. Клюева относительно необходимости подходить къ полю сраженія въ полной готовности, чтобы быстро развернуться для вступленія въ бой, поражаетъ, что XIII-й корпусъ самъ подходилъ къ Алленштейну, двигаясь одной общей колонной. При этомъ онъ шелъ по грунтовой дорогѣ и проходилъ сквозь полосу мѣстности чрезвычайно пересѣченную лѣсами и озерами съ ихъ протоками. Если бы противникъ, бывшій уже близь Алленштейна, ударилъ бы по головѣ колонны, то XIII-ый корпусъ былъ бы, вѣроятно, разбитъ по частямъ такъ же, какъ былъ разбитъ и VI-ой корпусъ, ибо подтянуть своевременно сзади идущія части врядъ ли удалось бы.

Когда голова авангарда корпуса подходила къ Алленштейну, получилось донесеніе отъ разъѣзда пограничниковъ, что большая колонна противника, не менѣе одной дивизіи, двигается въ 15 верстахъ въ обходъ праваго фланга корпуса. Этому донесенію ген. Клюевъ не придалъ значенія, не приказалъ его провѣрить и, не принявъ противъ указанной колонны никакихъ мѣръ, пошелъ въ Алленштейнъ. Вслѣдствіе такого упущенія, уже на слѣдующій день нѣмцы зашли въ тылъ корпусу, захватили его обозы и отрѣзали отъ VI-го корпуса.

Когда подходили къ Алленштейну, то въ корпусѣ не хватало хлѣба. Поэтому рѣшено было занять городъ для пополненія указаннаго запаса. Съ этой цѣлью выслали фуражировъ и сторожевое охраненіе продвинули на ту сторону города. Но въ то же время авангардъ оставили позади города, а всѣ штабы ввели въ городъ. Въ такомъ положеніи провели всю ночь. Хлѣба собрали мало, а когда на слѣдующій день стали отходить, то нѣмцы напали, стрѣляли изъ

всѣхъ оконъ и истребили совершенно цѣлый баталіонъ Дорогобужскаго полка.

Въ Алленштейнѣ получено было приказаніе командующаго арміей идти на югъ въ Гогенштейнъ на выручку XV-го корпуса. Двинулись опять одной колонной, чтобы не идти по пескамъ, но генералъ Клюевъ считалъ, что движеніе это, вообще, безполезно и что надо было идти не на помощь XV-му корпусу, а отходить на востокъ въ Россію, пока еще не всѣ пути отрѣзаны. Генералу же Мартосъ, какъ полагалъ ген. Клюевъ, передъ тѣмъ, чтобы требовать себѣ на помощь XIII-ый корпусъ, надо было разсчитать, можетъ ли его корпусъ удержаться до 12 часовъ дня 16-го августа, т. е. до того времени, когда XIII-ый корпусъ могъ бы развернутъся. Только въ этомъ случаѣ оправдывалось бы передвиженіе XIII-го корпуса. Между тѣмъ уже 15-го августа вечеромъ получилось приказаніе ген. Самсонова объ общемъ отступленіи и, такимъ образомъ, видно, что XIII-ый корпусъ притягивали совсѣмъ напрасно.

Еще 14-го августа на помощь XV-му корпусу была двинута прямо на Гогенштейнъ 2-я бригада 1-ой пѣхотной дивизіи (полки Нарвскій и Копорскій). Это было несомнѣнно своевременно и, если бы только полки эти соотвѣтственно исполнили возложенную на нихъ задачу, то результаты ихъ дѣйствій могли бы быть огромные, такъ какъ они были направлены во флангъ и въ тылъ непріятелю, атаковавшему 8-ую пѣхотную дивизію. На самомъ же дѣлѣ бригада выступила 14-го августа утромъ, шла очень медленно и, подходя къ правому флангу 8-ой дивизіи, приняла ее за противника и вступила съ ней въ бой. Далѣе, по выясненіи недоразумѣнія, бригада расположилась для отдыха внутри мѣстечка и тутъ, по показанію очевидцевъ, всѣ перепились настолько, что когда двинулись дальше черезъ лѣсъ двумя колоннами, одна колонна приняла другую за противника и открыла по ней огонь, продолжавшійся болѣе $^{1}/_{2}$ часа. Послѣ этого новаго инцидента, пробродивъ еще по лѣсу въ сумеркахъ, вышли обратно къ начальному пункту, вмѣсто того, чтобы напасть на тылъ противника. Генералъ Мартосъ во всемъ, конечно, обвиняетъ эту бригаду. Ген. же Клюевъ, какъ бы оправдывая ее, объясняетъ „неудачу" тѣмъ, что весь день 14-го августа бригаду водили крайне безтолково и измотали „нервы" людей.

Изъ дальнѣйшаго описанія ген. Клюева видно, что отступленіе XIII-го корпуса носило поистинѣ хаотическій характеръ: части перепутывались, открывали огонь по своимъ, арріергарды не удерживались на позиціяхъ, полковые пулеметы, а иногда даже артиллерія уходили назадъ, бросая свою пѣхоту и пр. Между тѣмъ постоянно встрѣчаются выраженія ген. Клюева вродѣ такихъ: „отбивались какъ могли", „тутъ никого винить нельзя", „всѣ исполняли свой долгъ" и пр. Самъ ген. Клюевъ, не желая, очевидно, принимать на себя какой либо отвѣтственности, неоднократно собиралъ „военные совѣты" изъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Трудно понять, какъ подобную неурядицу можно было еще оправдывать.

Въ разгаръ отступленія никто не руководилъ имъ. Командую-

щій арміей уѣхалъ въ тылъ, командиръ XV-го корпуса генералъ Мартосъ попалъ въ плѣнъ, а командиръ XXIII корпуса генералъ Кондратовичъ и начальникъ 6-й пѣхотной дивизіи генералъ Т. исчезли. Остались только начальники 2-й и 8-й пѣхотныхъ дивизій генералы М. и Ф. Руководить приказано было старшему изъ корпусныхъ командировъ и таковымъ на лицо оставался лишь одинъ ген. Клюевъ. x)

Когда 16-го августа вечеромъ XIII-й корпусъ подошелъ къ лѣсу, находившемуся въ тылу, то наткнулся на отступавшія части XV-го и XXIII-го корпусовъ, которыя преградили ему дальнѣйшій путь. Произошла полная закупорка и перемѣшиваніе частей. Разобравшись въ этомъ безпорядкѣ, ген. Клюевъ приказалъ частямъ XV-го и XXIII-го корпусовъ идти направо, а частямъ XIII-го корпуса на Кальтенборнъ, т. е. лѣвѣе. На этомъ злосчастномъ перекресткѣ оставшіеся старшіе начальники всю ночь сами сортировали части, иногда чуть ли не по одному человѣку. Дальнѣйшее движеніе носило тотъ же характеръ полной неразберихи. Только немногія части держались сплоченно и сопротивлялись противнику, обходившему со всѣхъ сторонъ. Большинство же разбѣгалось и исчезало отъ всякаго наблюденія. Такъ въ одной колоннѣ численностью въ 15 тысячъ человѣкъ, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ движенія по лѣсу, осталось не болѣе 5-ти тысячъ человѣкъ. Не многимъ удалось пробиться къ границѣ, почти всѣ были захвачены нѣмцами. Ген. Клюевъ при этой печальной обстановкѣ почти одинъ, по его словамъ, старался возстановить порядокъ и руководить дѣйствіями отдѣльныхъ частей и сохранившихся группъ. 17-го августа въ 2 часа дня у лѣса Рейхсвердеръ онъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Закончивъ описаніе отступательнаго движенія ввѣреннаго ему корпуса, ген. Клюевъ даетъ также краткій очеркъ дѣйствій прочихъ корпусовъ 2-ой арміи.

Изъ этого очерка видно, что:

VI-й корпусъ генерала Благовѣщенскаго 13-го августа подошелъ къ Бишофсбургу, двигаясь въ сѣверномъ направленіи эксцентрически отъ прочихъ корпусовъ и находясь въ 40 верстахъ вправо отъ XIII-го корпуса, шедшаго на Алленштейнъ. Въ тотъ же день у него въ авангардѣ, въ 10 верстахъ впереди, находилась I-я бригада 4-ой пѣхотной дивизіи. Она шла безпечно, была атакована внезапно, подверглась полному пораженію и большею частью попала въ плѣнъ. Ей на выручку была отправлена 2-я бригада той же дивизіи, которая, подходя къ противнику въ темнотѣ, была освѣщена прожекторомъ и обстрѣляна шрапнельнымъ огнемъ. Не выдержавъ этого, бригада повернула назадъ и въ безпорядкѣ отошла на Ортельсбургъ. Къ ней примкнула и другая дивизія VI-го корпуса и 14-го числа корпусъ этотъ, не будучи преслѣдуемъ противникомъ, находился въ полномъ отступленіи въ Россію, обнаживъ правый флангъ и тылъ арміи. Командующій арміей узналъ объ этомъ случайно въ полдень 14-го августа, а ген. Клюевъ объ этомъ совершенно освѣдомленъ не былъ.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ арміи находился І-й армейскій корпусъ генерала Артамонова, которому придана была часть стрѣлковой бригады и три полка 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи. 10-го августа корпусъ находился у Уздау, гдѣ вошелъ въ соприкосновеніе съ противникомъ, у коего по свѣдѣніямъ было двѣ дивизіи. Корпусъ вступилъ въ бой, вводя войска по частямъ. 13-го августа онъ началъ сдавать и отошелъ, а 14-го августа отступилъ къ Сольдау. Связи вправо у него не было. Своимъ движеніемъ онъ обнажилъ лѣвый флангъ арміи, который тотчасъ стали обходить нѣмцы. Штабъ же арміи, получивши объ этомъ извѣстіе, не только не возстановилъ своего лѣваго фланга, но продолжалъ двигать центръ арміи впередъ.

XV-й корпусъ генерала Мартоса уже 10-го и 11-го августа выдержалъ крайне упорные бои на линіи Орлау Лона—Франкенау. Послѣ этого нѣмцы отошли въ сѣверо-западномъ направленіи, завлекая за собой XV корпусъ и заняли линію Мюленъ—Турау. Во время дальнѣйшихъ боевъ они сдавали на своемъ лѣвомъ флангѣ и упорно удерживались на правомъ. Благодаря этому XV-ый корпусъ съ частями XXIII-го корпуса генерала К. постепенно заходили правымъ плечомъ впередъ, такъ что фронтъ ихъ былъ теперь не на сѣверо-западъ, а на юго-западъ. Прикрываясь частями, ведущими бой, нѣмцы безостановочно обходили лѣвый флангъ XV-го и XXIII-го корпусовъ и двигались на востокъ на наши сообщенія.

Совершенно непонятно, говоритъ ген. Клюевъ, въ заключеніе, какъ это, когда на лѣвомъ флангѣ дерутся огромныя массы войскъ, въ то же время XIII-й корпусъ упорно двигаютъ на Алленштейнъ, въ сторону отъ поля сраженія. и еще скрываютъ отъ командированнаго въ штабъ арміи офицера генеральнаго штаба истинное положеніе вещей.

А. Р.—П.

Ротшильд-Паулич

Дѣйствія VI корпуса и главныя причины неудачи II арміи въ Восточной Пруссіи.*)

(По воспоминаніямъ и выводамъ участника).

Въ нашей арміи офицеру генеральнаго штаба съ первыхъ же дней его службы приходилось непосредственно соприкасаться и работать со старшими начальниками, начиная съ н-ка дивизіи. Поэтому, по прибытіи наканунѣ войны въ 16 дивизію (въ маѣ 1914 г.) молодымъ капитаномъ генеральнаго штаба, я заинтересовался прежде всего, каковъ командный составъ корпуса, съ которымъ мнѣ придется имѣть постоянное соприкосновеніе по службѣ. Путемъ разговоровъ и наблюденій въ теченіе мая и іюня мнѣ удалось выяснить слѣдующее:

Командиръ корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи Благовѣщенскій, всю жизнь провелъ въ канцеляріяхъ. Во время Японской войны былъ дежурнымъ генераломъ штаба арміи. Составилъ руководство для адъютантовъ — какіе и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ выдавать литеры для безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ воинскихъ чиновъ. Большой формалистъ; все основываетъ на буквѣ закона; ни одной бумаги не подпишетъ, если внизу не проставлена справка: ст... §... Св. В. П. 1869 г. изд... прим... и т. п. Военнаго дѣла не знаетъ и имъ не интересуется; кромѣ „Инвалида“ ничего не читаетъ.

Начальникъ штаба корпуса, генералъ-маіоръ N., человѣкъ не серьезный и не дѣловой; военнымъ дѣломъ не интересуется, съ к-ромъ корпуса не въ ладахъ, почему ко всѣмъ его указаніямъ и словеснымъ приказамъ необходимо было относиться осторожно.

Начальникъ 16 пѣх. дивизіи, ген.-лейт. Р.*), лихой и бравый генералъ. Слишкомъ строгъ и придирчивъ къ подчиненнымъ. Любитъ распекать, не стѣсняясь выраженіями, почему часто оскорбляетъ даже почтенныхъ штабъ-офицеровъ. На смотрахъ и ученіяхъ его боятся до того, что совершенно теряются. Какъ бывшій кавалеристъ на пѣхоту смотритъ свысока, полупрезрительно. Всѣхъ людей дѣлитъ на 2 сорта: comme il faut и не comme il faut. Военное дѣло какъ будто знаетъ. По крайней мѣрѣ читалъ нѣкоторыя новинки по нѣмецкой литературѣ, тѣмъ болѣе, что самъ нѣмецъ, и нѣмецкимъ языкомъ владѣетъ свободно.

---

*) Прим. Редакціи. Въ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія В. Прусской катастрофы Редакція помѣщаетъ эту статью въ дополненіе къ статьѣ В. Фукса— „Краткій очеркъ операціи Наревской арміи“ и ст. Р.-Л. — „Причины неудачъ II арміи генерала Самсонова въ Восточной Пруссіи“.

Начальникъ штаба дивизіи, полковникъ фонъ-Энгель, чисто русскій нѣмецъ, видимо, отличный офицеръ ген. штаба — аккуратный, серьезный, преданный военному дѣлу и слѣдящій за военной литературой.

Командиры бригадъ — старые служаки; какъ строевые генералы дѣло свое знаютъ.

Изъ 4-хъ командировъ полковъ 3 безусловно хороши; 2 изъ нихъ окончили военную академію; третій георгіевскій кавалеръ Японской войны.

Составъ строевыхъ офицеровъ въ полкахъ безусловно отличный, преданный своему дѣлу и воспитанный въ духѣ всегдашней готовности къ войнѣ. Что же касается массы солдатъ, то это былъ прекрасный боевой матеріалъ, достаточно обученный и воспитанный въ воинскомъ духѣ.

Если прибавить къ этому внѣдренное традиціонно въ умы всѣхъ чиновъ сознаніе, что въ случаѣ войны придется первыми сразиться съ нѣмцами и готовность къ этому, то слѣдуетъ заключить, что это былъ одинъ изъ лучшихъ корпусовъ русской арміи. Въ частности 6 кавалерійская дивизія была типичной дивизіей русской кавалеріи, воспитанной въ лихости, готовности къ самопожертвованію и жаждѣ воинскихъ подвиговъ.

Таковы были впечатлѣнія о VI корпусѣ наканунѣ войны.

Корпусъ въ составѣ 16 (Скобелевской) и 4-ой пѣхотныхъ и 6-ой кавалерійской дивизій былъ расположенъ въ мирное время въ раіонѣ Бѣлостока, Осовца, Граева и Ломжи. Какъ пограничный по расположенію корпусъ содержался въ усиленномъ составѣ (въ ротахъ по 180 штыковъ). Второочередныхъ дивизіи онъ не выдѣлялъ.

Корпусъ мобилизовался въ 5 дней и выступилъ въ походъ для выполненія своей задачи согласно плану мирнаго времени. Задача эта состояла въ томъ, что, опираясь на кр. Осовецъ и ведя развѣдку въ направленіи Граево—Лыкъ на опредѣленномъ фронтѣ, корпусъ долженъ прикрыть Бѣлостокское направленіе и задерживать наступленіе нѣмцевъ до окончанія мобилизаціи и сосредоточенія болѣе тыловыхъ корпусовъ Варшавскаго и Виленскаго военныхъ округовъ.

Занявъ 25 іюля ст. ст. указанный ему раіонъ южнѣе кр. Осовца, съ однимъ полкомъ въ самой крѣпости, корпусъ простоялъ здѣсь въ бездѣйствіи до 1-го августа ст. ст. Около того времени 6-ая кавал. дивизія уже успѣла сразиться съ нѣмцами (ландштурмъ, прикрывающій границу). Столкновеніе было неудачно. Дивизія потеряла 10 конныхъ орудій (осталось 2); одинъ полкъ понесъ значительныя потери. Какъ разсказывали тогда же участники, н-къ дивизіи генералъ Толпыго (лихой, но мало образованный кавалеристъ) рѣшилъ взять пѣхотную позицію конной атакой. Для подготовки ея приказалъ выкатить одну конную батарею на открытую позацію и самъ сталъ на батареѣ. Въ короткое время батарея была уничтожена огнемъ непріятельской артиллеріи. Тогда на томъ же мѣстѣ онъ при-

казалъ поставить другую батарею, которую постигла та-же участь. Удалось спасти только 2 орудія*). Эта первая неудача въ несерьезномъ бою произвела дурное впечатлѣніе и сразу отняла у кавалеріи ея наступательный порывъ.

Къ 1 августа ст. ст. задача корпуса измѣнилась — очевидно въ связи съ выяснившимся наступленіемъ нѣмцевъ на Парижъ и рѣшеніемъ нашего главнаго командованія занять В. Пруссію, дабы оттянуть нѣмецкіе резервы отъ Парижа. Корпусу приказано: оставивъ одинъ полкъ 16 дивизіи въ Осовцѣ въ качествѣ его гарнизона, выступить въ направленіи на Ломжу и итти форсированными маршами согласно отдаваемымъ штабомъ арміи ежедневнымъ приказаніямъ.

Корпусъ выступилъ 2 августа по-дивизіонно и двигался по одной или двумъ дорогамъ, что указывалось ежедневно. Идя безъ дневокъ, 16 дивизія прошла мимо Ломжи по труднопроходимымъ песчанымъ дорогамъ на Мышинецъ и 8-го, въ день солнечнаго затменія, перешла нѣмецкую границу противъ мѣстечка Фридрихсгофена. Двигаясь безостановочно дальше, дивизія 10-го заняла безъ сопротивленія Ортельсбургъ, а въ ночь съ 12 на 13-е августа — Бишофсбургъ, отстоящій въ 80 клм. въ сѣверномъ направленіи отъ германской границы. Итого — 11 дней непрерывнаго похода безъ дневокъ и безъ боевыхъ столкновеній. При движеніи по 2-мъ дорогамъ 16 дивизія всегда была правофланговой. Въ этихъ случаяхъ связь съ 4 дивизіей поддерживалась легко, но вправо, т. е. восточнѣе отъ насъ, тянулись безконечные лѣса и рѣдкіе населенные пункты. По частнымъ свѣдѣніямъ изъ штаба корпуса въ штабѣ дивизіи было извѣстно, что восточнѣе насъ должна быть армія ген. Ренненкампфа, которая преслѣдуетъ отступающихъ нѣмцевъ. Наша задача—преградить имъ дорогу. Какія части и гдѣ находятся лѣвѣе, т. е. западнѣе VI корпуса, и какія задачи имъ поставлены, мы не знали вплоть до конца всей операціи. Во время похода отъ разъѣздовъ кавал. дивизіи мы имѣли свѣдѣнія, что восточнѣе насъ на десятки верстъ нѣтъ ни своихъ, ни непріятельскихъ войскъ.

Управленіе въ эти дни производилось слѣдующимъ образомъ. На каждый день штабъ корпуса отдавалъ приказанія—диспозиціи. Такая диспозиція занимала 4 страницы обыкновеннаго листа бумаги и содержала свыше 20 пунктовъ. Ея форма совпадала съ той формой диспозиціи, какая приведена въ старыхъ уставахъ и наставленіяхъ 80 - 90-хъ годовъ. Изъ разговоровъ съ чинами штаба корпуса выяснилось, что прежде отдачи диспозиціи всѣ старшіе чины корпуса (н-къ штаба, инспекторъ артиллеріи, интендантъ. врачъ и пр.) должны были дѣлать к-ру корпуса докладъ (какъ въ мирное время). Онъ выслушивалъ, утверждалъ или исправлялъ и затѣмъ приказывалъ н-ку штаба отдать диспозицію. Слѣдствіемъ такого способа работы, а также запаздыванія приказовъ изъ штаба арміи, было то, что диспозиція получалась въ штабѣ дивизіи чаще всего послѣ времени, назначеннаго для выступленія частей войскъ. Пришлось тогда при

*) Свѣдѣдія эти почерпнуты тогда же отъ офицеровъ участниковъ.

помощи знакомствъ съ младшими чинами штаба предварительно разузнавать, въ какомъ направленіи и когда предстоитъ выступленіе. Полкамъ отдавались объ этомъ краткія приказанія съ вечера, а подробный приказъ по дивизіи разсылали уже въ походѣ. Впослѣдствіи мы узнали, что даже штабу арміи указывалось ежедневно штабомъ фронта, до какой линіи и по какимъ дорогамъ должны дойти корпуса. Такимъ образомъ штабъ арміи не имѣлъ никакой инціативы. Онъ долженъ былъ лишь повторять сказанное штабомъ фронта: сегодня корпусамъ дойти до такихъ то пунктовъ...

Обыкновенно выступали въ 6 час. утра (иногда выступленія запаздывали вслѣдствіе несвоевременнаго полученія приказаній) и шли походнымъ порядкомъ съ большимъ приваломъ. Переходы закачивались съ наступленіемъ темноты. Затѣмъ всю ночь въ штабахъ дивизій и полковъ кипѣла работа по организаціи связи, развѣдки, составленію донесеній и отдачѣ распоряженій на слѣдующій день.

Уже послѣ 7 дней непрерывнаго марша — первоначальный боевой подъемъ смѣнился усталостью. Всѣ обозы и тылы отстали. Хлѣба совсѣмъ не стало. Кормились мѣстными средствами, исключительно мясомъ и картофелемъ, чего было въ изобиліи. Въ войскахъ стала замѣтна нервность и задавались вопросы — куда мы идемъ вглубь лѣсовъ и почему нѣтъ противника?

Послѣ 11-ти дневнаго форсированнаго марша войска несомнѣнно выдохлись физически. 12 августа въ сумерки (было уже 9 час. веч.) передовыя части 16 дивизіи со штабомъ (дивизія составляла правую колонну и шла кружной полевой дорогой) заняли Бишофсбургъ. 4-ая дивизія прошла этотъ пунктъ ранѣе насъ и выдвинулась сѣвернѣе его въ направленіи Гроссъ-Бессау. Штабъ корпуса прибылъ также въ Бишофсбургъ. Никакихъ свѣдѣній о противникѣ въ штабѣ 16 дивизіи не было. Ближняя развѣдка нашихъ 2-хъ сотенъ нигдѣ его не обнаружила. Ночью получено приказаніе к-ра корпуса — выступить на разсвѣтѣ 13-го августа и итти на Алленштейнъ (по шоссе) — 16 дивизія головная, весь корпусъ по одной дорогѣ.

Выступая на разсвѣтѣ изъ Бишофсбурга, мы услыхали къ сѣверу отъ него приблизительно окого Гроссъ-Бессау частую перестрѣлку, а затѣмъ и рѣдкій артиллерійскій огонь. Выяснили въ штабѣ корпуса, что передовыя части 4 дивизіи ввязались въ бой съ какими то частями противника, занимавшаго лѣсъ. 16 дивизіи приказано продолжать выполненія своей задачи (идти на Алленштейнъ). Едва дивизія успѣла вытянуться по шоссе (обозы I разр. при полкахъ, а II разр. въ общей колоннѣ за дивизіей), на что потребовалось болѣе 2-хъ часовъ, какъ получено новое приказаніе — остановиться. Артиллерійскій огонь со стороны Бишофсбурга усилился. Постояли на шоссе около часа. Получено новое приказаніе — продолжать движеніе. Приблизительно около 11 час., пройдя около 15 клм., дивизія остановилась на большой привалъ и здѣсь получила новое приказаніе — повернуть немедленно обратно на Бишофсбургъ. Повернули просто кругомъ, послѣ чего арріергардный полкъ сталъ авангардомъ, а впереди его обозы II р. и парки. По мѣрѣ приближенія

къ Бишофсбургу все яснѣе доносился гулъ частаго артиллерійскаго огня (впослѣдствіи называемаго ураганнымъ). Недоходя 4—5 клм. до города, дивизія была остановлена на шоссе новымъ приказаніемъ. Организована развѣдка противника, а также связь съ 4 дивизіей. Штабъ корпуса находился въ Бишофсбургѣ.

Сплошной артиллерійскій гулъ со стороны Бишофсбурга и бездѣйствіе создали весьма нервное настроеніе въ нашихъ войскахъ. Солнце уже садилось, когда послышался крикъ — „кавалерія слѣва“! Тотчасъ же батареи выѣхали на позицію, а пѣхота открыла безпорядочный огонь по невидимой кавалеріи. Генералъ Р. со штабомъ и конвойной сотней рѣшилъ ѣхать впередъ. Полковникъ ф.-Энгель и я разубѣждали его въ этомъ намѣреніи, доказывая, что авангардъ всего лишь въ 2-хъ клм. отъ насъ, связь по шоссе прочна, не стоитъ мѣшать к-ру полка. Н-къ дивизіи все же отправился. Едва доскакали до авангарда и выяснили, что перестрѣлка ведется въ сторожевомъ охраненіи въ лѣсу, какъ оттуда же начали долетать и рвались высоко по обѣимъ сторонамъ шоссе непріятельскія шрапнели. Н-къ дивизіи тотчасъ же повернулъ обратно. Сначала шли шагомъ, сдерживая лошадей, но по мѣрѣ усиленія нервнаго состоянія всадниковъ, лошади рвались впередъ. Пошли рысью, затѣмъ галопомъ и вдругъ... свои же насъ встрѣтили безпорядочнымъ, частымъ огнемъ, принявъ, очевидно, скачущую со штабомъ сотню за непріятельскую кавалерію. Лошадь моя споткнулась и упала; я вылетѣлъ изъ сѣдла на откосъ шоссейной выемки. Мимо меня скакали всадники, лошади безъ всадниковъ, неслись повозки, двуколки, что то кричали люди. Минутъ черезъ 15 все пронеслось и стихло. Пройдя пѣшкомъ около 2-хъ клм. я нашелъ на шоссе н-ка штаба дивизіи, приводящаго въ порядокъ обозы, запрудившіе шоссе.

Оказалось, что н-къ дивизіи раненъ въ руку своей же русской пулей и эвакуировался (сѣлъ на единственный автомобиль, посадилъ туда фельдшера и уѣхалъ въ Бѣлостокъ). Въ командованіе дивизіей вступилъ к-ръ бригады ген. маіоръ Баудеръ; старый строевой генералъ, участникъ войны 1877—78 г.г. Онъ проявилъ полное хладнокровіе; обошелъ вмѣстѣ съ нами части войскъ, успокоилъ ихъ. Бой всюду затихъ; лишь рѣдкіе артиллерійскіе выстрѣлы вспыхивали со стороны Бишофсбурга.

Отъ офицеровъ, состоящихъ для связи при штабѣ корпуса и штабѣ 4 дивизіи получены донесенія, что 4 дивизія совершенно разбита. Она отходитъ на Ортельсбургъ; 16 дивизіи приказано прикрыть отступленіе, двигаясь туда же. Впослѣдствіи уже выяснилось, что 4 дивизія была разбита по Куропаткинской системѣ: сперва введенъ въ бой одинъ полкъ — разбитъ, потомъ другой, третій съ тѣмъ же результатомъ; 4-ый остался до конца боя въ качествѣ резерва при к-рѣ корпуса и принялъ лишь небольшое участіе въ дѣлѣ. 16 дивизія не получила никакихъ боевыхъ приказовъ кромѣ послѣдняго о прикрытіи отступленія.

На разсвѣтѣ 14-го августа 16 дивизія выступила вдоль южной окраины Бишофсбурга и непрерывно отходила до 4-хъ часовъ дня,

когда арріергардъ ввязался въ бой съ нагнавшимъ его авангардомъ противника у Пфафендорфа. Постепенно развернулись и вступили въ бой также и главныя силы. Однако противникъ наступалъ вяло и въ сумеркахъ бой затихъ. Ночнымъ маршемъ дивизія двинулась дальше на Ортельсбургъ, котораго и достигла 15-го авг. утромъ. Штабъ корпуса по приказу долженъ былъ быть въ Менсгутѣ. Однако его тамъ не оказалось и связь съ нимъ утеряна. Точно также утеряна связь съ поспѣшно отступавшей 4 дивизіей. 16 Дивизія прошла мимо горящаго Ортельсбурга и расположилась нѣсколько восточнѣе его. По слухамъ, тамъ же въ одной изъ деревень находился и штабъ корпуса. Командующій дивизіей и н-къ штаба уѣхали туда за указаніями; мнѣ же поручено объѣхать всѣ части дивизіи, выяснить ихъ расположеніе, настроеніе и нужды. Въ тотъ же день прибылъ оставленный въ Осовцѣ 1-ый (Владимирскій) полкъ дивизіи и это сильно подняло упавшій было духъ дивизіи. Непонесшая никакихъ потерь и даже не видѣвшая пораженія 4 дивизіи, наша 16 дивизія оставалась сильной какъ численностью, такъ и морально.

Заканчивая объѣздъ полковъ, не зная, гдѣ штабъ корпуса и какова общая обстановка (съ противникомъ связь была утеряна 14-го вечеромъ), я неожиданно встрѣтилъ автомобиль, въ которомъ находились: незнакомый мнѣ полковникъ въ формѣ кавалерійскаго полка и 2 офицера ген. штаба — штаба корпуса. Автомобиль остановился, поравнявшись со мною, и совершенно неожиданно полковникъ въ крайнѣ рѣзкой формѣ осыпалъ меня рядомъ вопросовъ: „гдѣ ваша дивизія, гдѣ болтается вашъ штабъ, почему отъ васъ нѣтъ никакихъ донесеній?“ Въ томъ же тонѣ я отвѣтилъ: „дивизія наша здѣсь и въ полномъ порядкѣ, штабъ нашъ, какъ ему полагается, находится все время при войскахъ; нач-къ штаба уѣхалъ за приказаніями въ штабъ корпуса; а вотъ, куда пропалъ вчера штабъ корпуса, мы никакъ не могли выяснить; вообще въ постигшемъ корпусъ пораженіи всецѣло виноватъ штабъ корпуса; его управленіе было ниже всякой критики; мнѣ необходимо скорѣй кончать объѣздъ расположенія дивизіи, честь имѣю кланяться“.

Вернувшійся изъ штаба корпуса полк. Энгель, выслушавъ мой докладъ, сказалъ: „все это хорошо, но зачѣмъ вы наговорили непріятностей новоназначенному начальнику штаба корпуса, полковнику Залѣсскому“? Черезъ нѣсколько дней я извинился передъ послѣднимъ, на что онъ сказалъ мнѣ: „Ничего, я тоже горячусь и выхожу изъ себя, когда говорю правду начальству“.

Полк. Энгель привезъ дурныя вѣсти. Въ штабѣ корпуса, очевидно, не имѣютъ связи со штабомъ арміи; 4-ая пѣх. дивизія — деморализована; 6-ая кавалерійская сильно утомлена и требуетъ продолжительнаго отдыха; наша въ порядкѣ, но послѣ 2-хъ недѣльныхъ непрерывныхъ маршей требуетъ также отдыха. К-ръ корпуса не знаетъ, что ему дѣлать. Н-къ штаба корпуса смѣненъ; на его мѣсто прибылъ полк. Залѣсскій. „Я совѣтовалъ сегодня отдохнуть, а завтра, 16-го авг. перейти вновь въ наступленіе“—закончилъ полковникъ ф.-Энгель.

Въ ночь съ 15-го на 16-ое авг. сторожевымъ охраненіемъ 61-го Владимирскаго полка сѣвернѣе Ортельсбурга былъ подстрѣленъ автомобиль съ 2-мя нѣмецкими офицерами. Въ полевой сумкѣ одного изъ нихъ найденъ приказъ по лѣвой колоннѣ и карта съ обозначеніемъ движенія XVII арм. корпуса, съ которымъ нашъ VI корпусъ велъ бой у Бишофсбурга. XVII нѣмецкій корпусъ шелъ на Вилленбергъ. Было совершенно ясно, что главныя дѣйствія разыгриваются гдѣ-то западнѣе Ортельсбурга, а мы стоимъ въ сторонѣ. Документы эти были тотчасъ посланы въ штабъ корпуса, а утромъ 16-го я поѣхалъ туда за оріентировкой и приказаніями.

Прибывъ въ расположеніе штаба корпуса и открывъ дверь въ первую попавшуюся хату, я неожиданно увидѣлъ к-ра корпуса, склонившагося надъ большой 10 верстной картой. Желая предварительно видѣть кого либо изъ чиновъ генеральнаго штаба, я хотѣлъ было закрыть дверь и уйти, но онъ замѣтилъ и крикнулъ: „А, это вы, пожалуйте сюда!“ Распросивъ о расположеніи дивизіи, о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, отмѣтивъ мои отвѣты булавками на картѣ, генералъ Благовѣщенскій въ заключеніе спросилъ: „а каково настроеніе въ дивизіи?“ Я отвѣтилъ; „сегодня хорошее, а было не важно, какъ всегда у побѣжденныхъ“. — Ну, вамъ то нечего сокрушаться, вѣдь вы даже и не сражались, — замѣтилъ генералъ. — „Вотъ то то и плохо, В. В. Прев., что не сражались, вѣдь, если бы вы не держали насъ въ бездѣйствіи весь день на шоссе, а двинули въ бой, напр., въ направленіи озера, то, можетъ быть и исходъ былъ бы другой“.—„Ну да, если бы я зналъ, что тамъ есть, то конечно“, — возразилъ генералъ. Я вспомнилъ тутъ же азбучную истину изъ тактики въ нашей Академіи: „почти всегда передъ боемъ старшій начальникъ не будетъ знать точно силъ и намѣреній противника; это часто выясняется лишь послѣ войны. Посему для принятія рѣшенія не ждите полнаго выясненія обстановки, не задавайте также нелѣпыхъ задачъ — выяснить точно силы и намѣренія противника“!

Къ вечеру 16-го авг. получено приказаніе к-ра корпуса: „17-го съ разсвѣтомъ 16-ой дивизіи перейти въ наступленіе на Ортельсбургъ и овладѣть имъ; правѣе 4-ая пѣх. дивизія, лѣвѣе 6-ая кавалерійская“ (подробностей не помню).

Дивизія уже успѣла хорошо отдохнуть, ознакомиться съ мѣстностью и наладить связь. Бой начался около 6 час. утра. Противникъ, силы котораго намъ не были извѣстны, оказалъ упорное сопротивленіе. Въ восточной окраинѣ города защищался каждый домъ. Изъ оконъ зданій, съ чердаковъ по наступающимъ нашимъ частямъ бѣгло стрѣляли пулеметы. Благодаря пересѣченной мѣстности и отличнымъ закрытымъ позиціямъ нашей артиллеріи, потери наши были незначительны. Въ сущности бой развивался нормально. Часовъ около 10-ти наши части дошли до шоссе, что сѣвернѣе Ортельсбурга, и начали охватывать лѣвый флангъ противника. Къ 12 час. по шоссе со стороны Виленберга замѣтно было движеніе большой колонны войскъ къ Ортельсбургу. Изъ корпуса насъ предупредили, что это должны быть наши части сосѣдняго корпуса и потому артиллеріи

приказано не обстрѣливать. Артиллеристы же полагали, что это противникъ и рвались использовать столь благодарныя цѣли. Вдругъ около 2 час. дня к-ръ корпуса приказалъ выйти изъ боя и отступить къ границѣ. Не довѣряя цѣлесообразности его приказаній, к-щій дивизіей и н-къ штаба настаивали на томъ, что нужно затянуть бой до вечера, ибо дневное отступленіе крайне опасно. Однако приказъ объ отходѣ остался въ силѣ.

Благодаря тому, что въ ближайшемъ тылу боя находился лѣсъ и артиллерія наша занимала закрытыя позиціи, недоступныя непріятельскому наблюденію, удалось отойти благополучно. Къ утру 18-го дивизія находилась уже въ раіонѣ Мышинца (на границѣ), выставивъ сторожевое охраненіе на прусской территоріи. Къ вечеру 18-го сторожевое охраненіе вступило въ перестрѣлку съ противникомъ, а въ ночь на 19-е августа корпусъ отошелъ къ Нареву.

Почему дивизіи было приказано столь спѣшно отступить — мы такъ и не узнали, но недѣлю спустя, когда выяснилось пораженіе арміи, к-ръ VI корпуса ставилъ себѣ въ заслугу своевременное отступленіе и спасеніе корпуса отъ окруженія, которому подверглись XV и XIII корпуса. Однако къ концу августа онъ былъ отчисленъ отъ командованія и уволенъ въ отставку. Вообще въ теченіе перваго мѣсяца войны весь старшій командный составъ корпуса (к-ръ корпуса, н-къ штаба, н-ки дивизій) были или отчислены по неспособности или эвакуировались.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ И ВЫВОДЫ.

Первыя сраженія на войнѣ имѣютъ огромное значеніе. Они сразу даютъ моральный перевѣсъ побѣдителю и понижаютъ духъ у побѣжденнаго. Они же сразу обнаруживаютъ степень выучки и искусства воюющихъ армій. Вѣдь на войнѣ войска дѣлаютъ лишь то, чему ихъ учили въ мирное время, но лишь значительно хуже подъ вліяніемъ опасности.

Принимая во вниманіе несомнѣнно объективное изложеніе событій полковника Фукса въ его статьѣ „Краткій очеркъ операціи Наревской арміи“, Р.-П. „Причины неудачи II арміи ген. Самсонова по запискѣ ген. Клюева“, приведенные мною выше факты и собственныя наблюденія, я прихожу къ опредѣленнымъ выводамъ о причинахъ нашихъ пораженій въ Вост. Пруссіи.

Если впослѣдствіи причины вообще нашихъ неудачъ усматривали въ недостаткѣ снарядовъ, плохой выучкѣ призываемыхъ на службу, ихъ некультурности и отсутствію патріотизма, недостатку офицеровъ, то для первыхъ сраженій въ В. Пруссіи всѣ эти соображенія отпадаютъ. Снарядовъ и патроновъ было достаточно; полевая артиллерія работала прекрасно; въ нѣкоторыхъ корпусахъ была и тяжелая артиллерія (въ нашемъ — VI); въ бой вступили лучшіе корпуса въ составѣ почти мирнаго времени. И тѣмъ не менѣе мы были совершенно разбиты и притомъ меньшими силами противника.

Въ составъ II арміи ген. Самсонова входило 5 арм. корпусовъ и 3 кавалер. дивизіи; I-ая армія ген. Ренненкампфа, бездѣйствіе кото-

рой было одной изъ причинъ пораженія II арміи, состояла изъ 4-хъ армейскихъ корпусовъ и 3 кавалерійскихъ дивизій. Сначала 5 арм. корпусовъ и 3 кавал. дивизіи II арміи были разбиты 5-ю герм. корпусами съ одной кавал. дивизіей и при томъ съ ужасными результатами (2 корпуса цѣликомъ взяты въ плѣнъ, остальные 3 понесли чувствательныя потери). А затѣмъ тѣ же 5 герм. корпусовъ съ новоприбывшими съ французскаго фронта 2-мя корпусами (XI и Гв. рез.) и одной кавал. дивизіей уже легко справляются съ I арміей генерала Ренненкампфа и вызываютъ спѣшное формированіе съ нашей стороны новой X арміи. Развѣ не должны были быть мы побѣдителями, имѣя 9 корпусовъ и 6 кавал. дивизій противъ 5 герм. корпусовъ съ одной кавал. дивизіей?

Поэтому причины страшнаго пораженія, нанесеннаго нашей II арміи, лежатъ исключительно въ области военнаго искусства, вѣрнѣе въ той его части, которая проявляется высшимъ командованіемъ.

Старый Мольтке говорилъ, что историкъ долженъ быть скроменъ, ибо слишкомъ велика разница — критиковать послѣ войны съ документами въ рукахъ и принимать рѣшеніе въ періодъ событій, т. е. рѣшать задачу на мѣстѣ со многими неизвѣстными. Словомъ, нужно имѣть въ виду „la critique est aisée, mais l'art est difficile“ (критика легка — искуство трудно). Однако, историкъ — очевидецъ и участникъ событій, который также въ то время рѣшалъ задачу со многими неизвѣстными и который принимаетъ во вниманіе главнымъ образомъ тогдашнюю обстановку, можетъ быть строже и правдивѣе будущаго историка.

Къ глубокому сожалѣнію, не только для насъ, но и для иностранцевъ стала очевидной еще послѣ Японской войны та печальная истина, что 90% нашего высшаго команднаго состава проявили совершенную непригодность и военное невѣжество. При нашей государственной системѣ въ теченіи всего XIX вѣка высшій командный составъ никогда не подвергался контролю или провѣркѣ знаній. Ихъ авторитетъ оберегался всѣми силами государственной власти. Послѣ Японской войны неудачные генералы были большею частью устранены, но удачливые, т. е. не бывшіе на войнѣ или ничѣмъ не командовавшіе, продолжали служить по прежней системѣ.

Между тѣмъ при общемъ умственномъ прогрессѣ во второй половинѣ XIX вѣка военная наука сдѣлала гигантскіе успѣхи и требовала особаго вниманія со стороны старшихъ чиновъ. Между тѣмъ вся наша система назначенія на высшія должности и подбора лицъ, на которыхъ ложилась величайшая отвѣтственность во время войны, противорѣчила не только требованіямъ военной науки, но даже простой цѣлесообразности. Каковы были наши высшіе чины — военный министръ Сухомлиновъ, н-къ генеральнаго штаба Янушкевичъ, его предшественникъ, потомъ к-щій сѣверо-западнымъ фронтомъ въ составѣ I и II армій, ген. Жилинскій, мы уже знаемъ изъ статей: ген. Головина — „Современная война и красная вооруженная сила“ — (№ 3 „Воен. Сб.“) и ген. Драгомирова — „Подготовка Русской Арміи къ войнѣ“ (№ 4 „Воен.Сб.“). Посему коснемся только главнѣйшихъ

дѣйствующихъ лицъ В.-Прусской трагедіи. Характеристика ген. Благовѣщенскаго приведена мною выше. К-ръ I корпуса, ген. Артамоновъ былъ хорошо извѣстенъ въ Петроградскомъ округѣ еще въ мирное время, какъ обращающій при посѣщеніи войскъ главное вниманіе на то, достаточно ли иконъ имѣется въ казармахъ и знаютъ ли солдаты молитвы; вообще же это былъ человѣкъ, преслѣдующій исключительно цѣли личной карьеры, ханжа, не пользующійся ни малѣйшимъ уваженіемъ среди подчиненныхъ. Свою бездарность онъ проявилъ еще во время Японской войны, но однако не былъ уволенъ въ числѣ многихъ другихъ. Находясь уже въ полномъ отступленіи послѣ столкновенія у Уздау, онъ доносилъ, что I корпусъ „стоитъ какъ скала“. Генералы Благовѣщенскій и Артамоновъ сыграли наиболѣе печальную роль въ катастрофѣ II-й арм., какъ к-ры фланговыхъ корпусовъ. Избѣгая серьезнаго боя съ противникомъ, они отступили послѣ перваго же столкновенія.

К-щій II арміей, ген. Самсоновъ во время Японской войны командовалъ казачьей дивизіей. Въ роковые дни 14—17 августа его военный кругозоръ не поднялся выше н-ка кавал. дивизіи. Онъ, к-щій арміей изъ 5-ти корпусовъ и 3-хъ кавалерійскихъ дивизій, бросаетъ штабъ и съ отдѣломъ ген.-квартирмейстера (словно съ командой ординарцевъ) отправляется на автомобиляхъ на мѣсто боя. Въ результатѣ распоряжается бригадами, теряетъ связь, управленіе и безславно гибнетъ.*)

Н-къ штаба II арміи, ген. Постовскій съ цѣлымъ отдѣломъ ген.-квартирмейстера ѣдетъ сопровождать к-щаго арміей словно на парадѣ. Ему, очевидно, и въ голову не приходитъ заявить командующему; „В. В. Пр., Вы вправѣ ѣхать куда угодно, но штабъ арміи обязанъ быть тамъ, гдѣ налажена связь со штабами корпусовъ. Этой связи штабъ арміи никогда не долженъ терять“. Послѣ катастрофы со II арміей ген. Постовскому дали дивизію, гдѣ онъ также показалъ свою бездарность, особенно въ бояхъ подъ Ловичемъ.

Очень характеренъ для нашего высшаго командованія слѣдующій фактъ. Еще до первыхъ столкновеній во время марша помощникъ начальника оперативнаго отдѣленія штаба арміи, полковникъ Андогскій, представилъ н-ку штаба докладную записку, въ которой доказывалъ, что при такомъ способѣ марша армія потерпитъ пораженіе, ибо во встрѣчномъ бою нельзя вести корпуса столь удаленно другъ отъ друга, тѣмъ болѣе въ лѣсисто-пересѣченной мѣстности. Въ этомъ случаѣ они легко подвергнутся отдѣльному пораженію (такъ и случилось съ VI корпусомъ, шедшемъ въ разстояніи 40 клм. отъ сосѣдняго XIII-го). Эта записка не была принята во внима-

*) У насъ существовалъ традиціонный взглядъ, что появленіе старшаго н-ка въ боевой линіи — признакъ храбрости, доблести, достойный высшей награды. Забывали однако о цѣлесообразности: Опытъ войны показалъ что для чин въ до н-ка дивизіи вкл. необходимость появленія въ боевыхъ линіяхъ представлялась довольно часто. Но она совершенно исключалась для командующихъ арміями Вообще, чѣмъ выше чинъ, тѣмъ меньшее значеніе имѣетъ для него личная храбрость и тѣмъ больше гражданское мужество.

ніе. Къ ней даже отнеслись скептически, какъ къ ученой „схоластикѣ" (полк. Андогскій до войны былъ начинающимъ преподавателемъ военной академіи).

Имѣются свѣдѣнія, что фронтъ ежедневнаго расположенія и дороги движенія корпусовъ точно указывалъ штабъ фронта въ лицѣ ген. Жилинскаго и его н-ка штаба ген. Орановскаго*). Ген. Самсоновъ не имѣлъ должной инициативы. На возраженія ему грозили отчисленіеиъ отъ должности. Въ такомъ случаѣ онъ обязанъ былъ проявить гражданское мужество и требовать: или предоставить ему необходимую инициативу въ предѣлахъ поставленной задачи или отчислить отъ должности, но не позволить штабу фронта командовать каждымъ корпусомъ въ отдѣльности. Самсоновъ же, очевидно, понималъ дисциплину не какъ генералъ, а какъ солдатъ, т. е. въ точности выполнялъ несуразныя приказанія.

Даже ген. Реннекампфъ одинъ изъ виновниковъ пораженія II-ой арміи, еще со времени Китайской войны пріобрѣлъ въ правящихъ сферахъ репутацію рѣшительнаго и твердаго боевого генерала. Однако въ русской арміи было извѣстно даже широкимъ кругамъ офицерства, что карьерѣ своей онъ обязанъ главнымъ образомъ недобросовѣстности, выразившейся въ ложныхъ донесеніяхъ, преувеличеніи мнимыхъ побѣдъ и преуменьшеніи дѣйствительныхъ пораженій. Словомъ, генералъ обладалъ весьма распространеннымъ среди нашего высшаго команднаго состава отсутствіемъ гражданскаго мужества и стремленіемъ дѣлать карьеру, не стѣсняясь средствами.

7-го августа 1914 г., имѣя двойное превосходство силъ (4 пѣх. корпуса и 3 кавалерійскія дивизіи противъ 2-хъ пѣх. нѣмецкихъ корпусовъ съ ландверной бригадой и одной кавал. дивизіей) ген. Ренненкампфъ нанесъ пораженіе 8-ой германской арміи ген. Притвица. Послѣдній, обнаруживъ у противника превосходство силъ, въ сущности уклонился отъ рѣшительнаго боя. Отступившіе германскіе корпуса (XVII и I рез.) очутились 13 августа у Бишофсбурга. Отбросивъ, какъ мы видѣли выше, слабо сопротивляющійся нашъ VI корпусъ, они завершили окруженіе XIII и XV нашихъ корпусовъ. Отъ Гумбинена до Бишофсбурга 105 клм. Естественно, нѣмцы могли пройти это разстояніе въ 5 дней (8—13 авг.) Казалось бы, Ренненкампфъ, имѣя превосходство силъ, могъ наблюдать и за кр. Кенигсбергъ и въ то же время преслѣдовать противника, не позволивъ ему принять участіе въ бою со II арміей. Вѣдь доносилъ же онъ: „разбивъ нѣмцевъ, побѣдоносно гоню" и т. д. Вмѣсто того онъ занялся осадой Кенигсберга, утерявъ связь съ отступившей арміей Притвица, широко рекламируя, по обыкновенію, побѣду подъ Гумбиненомъ.

Ген. Людендорфъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" говоритъ, что онъ переживалъ тяжелые дни. Весь успѣхъ дѣла вѣдь сводился къ

*) Разбирая дѣятельность высшаго командыванія, я не отдѣляю работы к-щаго отъ работы его н-ка штаба, ибо никогда нельзя точно установить, гдѣ раздѣляется творчество одного отъ другого и кто изъ нихъ является настоящимъ творцомъ той или другой операціи.

вопросу, удастся ли оттянуть отъ Ренненкампфа XVII и I рез. корпуса. Противъ него были оставлены только 2 кавал. бригады между Мауэрскимъ озеромъ и Прегелемъ. „Это зависѣло только отъ Ренненкампфа. Если онъ сумѣетъ использовать свой успѣхъ подъ Гумбиненомъ и быстро пойдетъ впередъ, это сдѣлается немыслимымъ... Ему стоило только нажать на насъ и мы были бы разбиты. Но онъ лишь незначительно подвинулся впередъ и мы одержали блестящую побѣду“...

Почему к-щій фронтомъ, ген. Жилинскій, и Ставка Верховнаго (н-къ штаба ген. Янушкевичъ и ген.-квартирмейстеръ ген. Даниловъ Юрій) допустили столь непонятное бездѣйствіе Ренненкампфа, остается пока не выясненнымъ. Они, вѣроятно, не поняли его ошибокъ и послѣ Танненберга, такъ какъ онъ остался к-щимъ I арміей, пока еще разъ не доказалъ своей непригодности въ ноябрѣ 1914 г. подъ Лодзью.

Все же, благодаря доблести нашихъ войскъ, нѣмцамъ не удалась бы столь блестящая побѣда, если бы не рядъ фатальныхъ случайностей. Такъ, напр., противъ столь неудачныхъ нашихъ генераловъ оказались какъ разъ Гинденбургъ, Людендорфъ и Макензенъ (командиръ XVII корпуса), т. е. самыя выдающіяся имена германской арміи. Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Во время переѣзда изъ Маріенбурга въ Танненбергъ (10 авг. ст. ст.) намъ прислали перехваченное у непріятеля радіо, давшее намъ ясную картину его плановъ въ ближайшіе дни“... Но вѣдь радіо были зашифрованы. Значитъ, у нѣмцевъ былъ шифръ. Обнаруженная потомъ измѣна Мясоѣдова подтверждаетъ это. Французскій генералъ Бюа въ своемъ докладѣ о русско-нѣмецкомъ фронтѣ, прочитанномъ въ 1922 г. (отчетъ помѣщенъ въ „Echo de Paris“), устанавливаетъ, что нѣмцы имѣли въ своемъ распоряженіи наши радіо-шифры. Такимъ образомъ Людендорфъ читалъ словно въ открытой книгѣ всѣ наши планы и, естественно, смѣло и увѣренно выполнялъ свои контръ-маневры. Благодаря этому и были возможны столь блестящія побѣды, какъ разгромъ большихъ нашихъ силъ меньшими нѣмецкими, да еще съ захватомъ въ плѣнъ 2-хъ корпусовъ. Однако, вышеприведенныя ошибки нашего высшаго командованія столь велики, что, даже безъ указаннаго преимущества нѣмцевъ, мы не побѣдили бы ихъ въ В. Пруссіи. Мы лишь избавились бы отъ столь крупнаго пораженія.

Послѣдствія В.-Прусской операціи для насъ были огромны. Правда, задача, которую ставило себѣ наше Верховное командованіе по требованію Франціи, была достигнута. Нѣмцы не выдержали характера и сняли съ главнаго пункта удара на французскомъ фронтѣ 2 корпуса (I гв. резерв. и XI) и 8-ю кавал. дивизію, отправивъ ихъ въ В. Пруссію. Если бы эти войска были оставлены въ составѣ арміи ф. Клука — большой вопросъ удалось ли бы ген. Понури (к-щій 6-ой фр. арміей) принудить къ отступленію правый нѣмецкій флангъ? Но Россія понесла тяжкія потери изъ состава своихъ лучшихъ кад-

ровыхъ частей, а также потеряла значительное количество столь необходимаго намъ оружія. Печальная для насъ въ военномъ отношеніи В.-Прусская операція, потребовавъ большого напряженія нашихъ силъ, не позволила довершить сразу же въ 1914 г. разгромъ австро-венгерскихъ армій. Разгромъ ихъ вышелъ не полный. Но еще большее значеніе, тогда трудно понимаемое и столь же трудно учитываемое, имѣла В.-Прусская операція въ моральномъ отношеніи. Начальники наши прониклись невысказываемымъ убѣжденіемъ, что сражаться успѣшно противъ нѣмцевъ они не могутъ, что передалось и солдатамъ. Поэтому то впослѣдствіи во всѣхъ столкновеніяхъ съ нѣмецкими войсками замѣчалась со стороны командного состава неувѣренность, осторожность, опасеніе — какъ бы чего не вышло?

Еще во время Русско-Японской войны было установлено, что наша рота противъ роты противника дерется отлично, батальонъ — хорошо, полкъ противъ полка — удовлетворительно, но уже дивизія плохо, а про армію нечего и говорить. Про тогдашнее наше командованіе французскій корреспондентъ Людовикъ Нодо сказалъ мѣткое слово: „ils ne savaient pas“ — они не знали. То же можно сказать и про послѣднюю войну: большинство крупныхъ начальниковъ не знало современной войны и не умѣло управлять войсками.

Ошибки, допущенныя сверху, во многихъ случаяхъ значительно парализовались тѣмъ, что наша старая армія по своимъ качествамъ все же стояла высоко среди европейскихъ армій. Она, правда, уступала нѣмецкой въ выучкѣ, но это объясняется національными свойствами нашего народа. Ея сила заключалась въ ея толщѣ, т. е. офицерахъ и солдатахъ, въ ея боевыхъ традиціяхъ, коими она была проникнута по своему воспитанію. Она одержала рядъ блестящихъ побѣдъ часто вопреки неумѣлому высшему командованію, за ошибки котораго расплачивалась обильною кровью. Со второго года войны ошибки эти стали меньше, ибо потерявшій авторитетъ мирнаго времени высшій командный составъ частью обновился, частью же сталъ болѣе полагаться на своихъ помощниковъ — младшихъ чиновъ генеральнаго штаба, хотя и не имѣвшихъ должнаго опыта, но обладавшихъ болѣе современными знаніями. Въ началѣ 1917 г. мы были наканунѣ рѣшительныхъ побѣдъ. Поддержала революцію и измѣнила союзникамъ не старая армія, а, такъ называемый, вооруженный народъ, т. е. негосударственная, мало культурная, легко поддавшаяся пропагандѣ, толпа, смѣнившая погибшихъ кадровыхъ воиновъ.

Каковы же выводы для будущаго даетъ В.-Прусская операція?

Мы по справедливости перенесли главную вину на нашъ высшій командный составъ. Зная достаточно изъ военной литературы характеристику высшаго командного состава французской и германской армій, мы можемъ утверждать, что ни въ одной изъ нихъ война не выдвинула геніевъ, подобныхъ Наполеону или крупныхъ талантовъ вродѣ Мольтке Стараго. Вообще вѣдь геніи и таланты появляются рѣдко, а въ нынѣшній демократическій вѣкъ, видимо, надолго оставили человѣчество. Генералы — Фошъ, Жоффръ, Пэтэнъ, Гинденбургъ, Людендорфъ, Макензенъ и др. это не геніи и даже не круп-

ные таланты, но добросовѣстные ученые и спеціалисты своего дѣла. Большинство лицъ французскаго высшаго командного состава минувшей войны—это б. профессора военной Академіи (l'eccle superieure de la querre) или ея прилежные ученики. Академія не только проводила опредѣленную военную доктрину въ мирное время, но въ лицѣ своихъ учениковъ и профессоровъ вела войну, непрерывно изучала ее и примѣняла новые способы. И понынѣ продолжается тамъ непрерывная работа военно-научной мысли и существуютъ особыя школы для высшаго командного состава.

Дабы не повторять вопіющихъ ошибокъ прошлаго мы, русскіе, должны учиться непрерывно, отъ послѣдняго рядового до перваго генерала; при этомъ чѣмъ выше чинъ, тѣмъ больше знаній отъ него требуется. У насъ часто спорили о томъ, что такое война — наука или искусство. Нынѣ слѣдуетъ считать правильнымъ взглядомъ, что „подготовка къ войнѣ — наука, а веденіе ея искусство". Разсчитывая на людей со средними способностями, слѣдуетъ доводить до максимума ихъ подготовку въ мирное время, тогда только они проявятъ искусство. Людендорфъ правъ, говоря про В.-Прусскую операцію: „мы выиграли побѣду, благодаря нашей лучшей подготовкѣ мирнаго времени".

Въ отношеніи подготовки высшаго командного состава, вѣроятно, всѣмъ придется идти по примѣру Франціи — организовать особыя школы для лицъ высшаго командного состава. Послѣдняя война доказала, что нынѣ приходится не только вести войну, но еще и учиться новымъ пріемамъ и способамъ ея, подсказываемымъ современностью. Нынѣшній тылъ армій — это не только хозяйство и снабженіе, но въ тоже время и сплошная академія, при томъ не для однихъ солдатъ и прапорщиковъ, но и для генераловъ. Это новое явленіе, къ сожалѣнію, также не было учтено нами въ минувшую войну.

И. ПАТРОНОВЪ.

Опытъ войны, какъ матеріалъ для подготовки войскъ.

Нисколько не претендуя на всестороннее освѣщеніе этого сложнаго и крайне серьезнаго вопроса, настоящая статья имѣетъ цѣлью, затронувъ и разобравъ нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ, пробудить къ нему интересъ, вызвать здоровую и дѣльную полемику, и, можетъ быть, послужить толчкомъ къ тому, чтобы работа въ этомъ направленіи среди русскихъ военныхъ круговъ, оторванныхъ временно отъ родины, пріобрѣла больше систематичности и больше продуктивности — чѣмъ это происходило и происходитъ до настоящаго времени.

Въ этой статьѣ читатель встрѣтитъ много избитыхъ старыхъ истинъ, напомнить которыя не безполезно, такъ какъ одними онѣ „хорошо забываются", другими же, подъ вліяніемъ увлеченія колоссальнымъ развитіемъ техники и позиціоннаго характера большаго періода Европейской войны, просто игнорируются.

Было и будетъ, что „формы" (въ томъ числѣ и пріемы обученія), имѣющія значеніе непреложной истины для данной эпохи, съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія и общимъ развитіемъ техники, не только отживаютъ свое значеніе, но становятся явно абсурдными. Наряду съ этимъ есть истины, основанныя на свойствахъ человѣка, которыя остались и останутся неизмѣнными какъ бы ни равзивалась техника. Человѣка, въ которомъ надо развивать чувство самоотверженія, въ противовѣсъ инстинкту самосохраненія, никогда въ машину превратить не удастся. Какого бы развитія не достигла техника — машиной будетъ управлять человѣкъ съ присущими ему положительными и отрицательными свойствами; а какъ слѣдствіе этого, побѣда будетъ всегда на сторонѣ тѣхъ армій, въ которыхъ, не игнорируя громаднаго значенія техники, будетъ правильно поставлена моральная подготовка бойца и обученіе войскъ будетъ основано не на томъ, что „человѣкъ только обслуживаетъ машину", а на томъ, что техника и машина только помогаютъ войскамъ достигать во что-бы то ни стало поставленной имъ задачи.

Отмѣчая первостепенность правильнаго воспитанія и обученія войскъ, въ настоящей статьѣ будутъ встрѣчаться ссылки на одного изъ крупнѣйшихъ воспитателей и учителей русской арміи — покойнаго Михаила Ивановича Драгомирова.

Враговъ и послѣдователей ученья М. И. Драгомирова было много.

Одна категорія, и очень значительная, враговъ Драгомирова

состояла изъ лицъ безмятежное прозябаніе или мирное существованіе коихъ было нарушено въ бытность Драгомирова командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа съ 1889 по 1902 г. и которые принуждены были или совсѣмъ оставить военную службу или „спасаться“ переводомъ въ другіе военные округа. Къ этой-же категоріи принадлежалъ значительный классъ лицъ, обиженныхъ когда либо словомъ, мнѣніемъ или статьей М. И. Драгомирова, который въ выраженіяхъ не любилъ стѣсняться и называлъ вещи и поступки своими именами.

Вся эта наиболѣе вредная категорія „враговъ“, конечно, трубила на всѣхъ перекресткахъ объ отсталости требованій М. И. Драгомирова, о пренебреженіи имъ огня („пуля дура — штыкъ молодецъ“), о непризнаніи имъ техники и прочихъ жупелахъ, не отвѣчавшихъ дѣйствительности, но, при нашей мало разбиравшейся въ военныхъ вопросахъ, а еще меньше читавшей публикѣ, создававшихъ легенды и совершенно неправильное представленіе о существѣ Драгомировскаго ученья.

Были противники „идейные“, по существу, какъ, напримѣръ, генералъ Сухотинъ, проводившій требованіе стрѣльбы съ коня, или генералъ Скугаревскій, горячо возражавшій противъ требованія М. И. Драгомирова, чтобы пѣхотныя цѣпи при наступленіи не залегали.

Ведя съ этими противниками полемику въ печати, М. И. Драгомировъ, съ одними изъ нихъ (типа Сухотина), конечно, ни до чего договориться не могъ, а съ другими, какъ Скугаревскій, не приходилъ къ соглашенію, такъ какъ они (сюда же относятся и тѣ, кои требовали производства стрѣльбы на ходу, противъ чего возражалъ Драгомировъ), рѣзко возражая противъ требованій Драгомирова, давали имъ неправильное освѣщеніе и, по мнѣнію Драгомирова, грѣшили въ томъ, что при обученіи войскъ развивали въ бойцахъ чувство самосохраненія.*)

Наконецъ третья категорія противниковъ М. И. Драгомирова состояла изъ лицъ, придававшихъ главнѣйшее значеніе техникѣ и воображавшихъ, что Драгомировское ученіе противорѣчитъ этой техникѣ. Да простятъ мнѣ лица этой категоріи, если я имъ скажу, что они, какъ Донъ-Кихотъ, сражались противъ мельницы: они не

---

*) М. И. Драгомировъ доказывалъ, что въ мирное время вредно обучать войска тому, что развиваетъ инстинктъ самосохраненія, который и безъ того великъ.

Онъ говорилъ, что войска необходимо учить самоокапыванію, но лучше не учить стрѣлковыя цѣпи залегать. Онъ указывалъ на то, что подъ пулями только исключительно хорошія части находясь въ цѣпи не будутъ ложиться; большей же частью, безъ всякаго предварительнаго обученія залегать будутъ; поднять же залегшія подъ огнемъ цѣпи всегда трудно и подниматься онѣ будутъ нормально только при помощи вливанія въ нихъ свѣжихъ силъ (подпираніемъ сзади).

Горячо возражая противъ стрѣльбы на ходу, М. И. Драгомировъ говорилъ, что, обычно, часть, открывая на ходу огонь заляжетъ и до противника не дойдетъ. Что обезпечивать подходъ части къ противнику надо огнемъ или артиллеріи, или другихъ пѣхотныхъ частей.

потрудились внимательно и добросовѣстно проштудировать и понять Драгомировское ученіе.

Что касается „послѣдователей“ Драгомировскаго ученья, то, къ сожалѣнію, среди нихъ оказалось не мало такихъ, которые для дѣла оказались хуже „враговъ“.

Про нихъ М. И. Драгомировъ могъ бы сказать: „Избави насъ, Господи, отъ друзей, а отъ враговъ мы сами избавимся“.

М. И. Драгомировъ, между прочимъ, проводилъ мысль, что часть, находящаяся въ сомкнутомъ строѣ, должна безпрекословно повиноваться своему начальнику и исполнять всякую поданную имъ команду. Производя повѣрки и смотры, онъ, иногда, приказывалъ подать какую нибудь команду, не указанную въ уставѣ, или, напримѣръ при ружейныхъ пріемахъ, не въ той послѣдовательности какъ это требовалось уставомъ.

Какъ слѣдствіе этого, нѣкоторые командиры частей, чтобы „втереть очки“ и угодить командующему войсками, продѣлывали въ своихъ частяхъ различные „трюки“ и „натаскивали людей“ — дабы пріучить ихъ къ неожиданнымъ приказаніямъ. Иногда это принимало очень вредный для обученія оборотъ и, конечно, совершенно извращало идею Драгомировскаго ученья.

Часто это, тѣмъ или инымъ путемъ, открывалось и „очковтиратели“ жестоко страдали; но въ корнѣ искоренить это зло не удавалось и, конечно, только играло въ руку противникамъ М. И. Драгомирова, тѣмъ болѣе, что иногда и старшіе войсковые начальники совершенно извращали и доводили до абсурда требованія командующаго войсками.

Говоря объ этой категоріи послѣдователей, долженъ упомянуть объ одномъ боевомъ генералѣ, украшенномъ двумя Георгіевскими крестами, который высоко чтилъ М. И. Драгомирова и искренно хотѣлъ проводить въ жизнь всѣ его требованія.

Этотъ генералъ, производя, однажды, смотръ въ одной изъ ввѣренныхъ ему частей, приказалъ повернуть въ одной изъ ротъ переднюю шеренгу кругомъ, взять людямъ одной шеренги за носы людей другой шеренги и такъ присѣдать.

Въ другой разъ онъ приказалъ командиру роты, стоявшей около забора, подать команду: „сѣсть на заборъ по вороньи“.

Это дошло до М. И. Драгомирова и только прежнія боевыя заслуги спасли генерала отъ необходимости оставить службу; ограничилось дѣло на этотъ разъ только жестокой головомойкой.

Черезъ нѣсколько времени тотъ же генералъ дѣлалъ смотръ конной батареѣ. Послѣ повѣрки обученія номеровъ при орудіяхъ, генералъ захотѣлъ, чтобы батарея взяла въ передки для производства строевого ученія.

Рѣшилъ онъ подать команду самъ и ошибочно скомандовалъ: „Садись“. Всѣ люди сѣли — на землю...

Получился великій конфузъ.

Въ общемъ же надо признать, что нѣтъ „пророка въ своемъ отечествѣ“ и что — какъ противники, такъ и многіе послѣдователи

Драгомировскаго ученія, его знали мало или почти не знали, а судили о немъ, въ большинствѣ случаевъ, болѣе чѣмъ поверхностно и больше по наслышкѣ, по отдѣльнымъ статьямъ, или по отдѣльнымъ фактамъ или случаямъ.

Конечно, въ Драгомировскомъ ученіи есть много „формъ“, которыя, какъ и старыя Суворовскія формы и Фридриховская система отжили свой вѣкъ и отпали, но есть много непреложныхъ истинъ, которыя были живы и будутъ живы вѣчно. Вотъ эти то истины, основанныя на свойствахъ человѣка, надо воскресить, надо внимательно усвоить и примѣнить при будущемъ возсозданіи Русской арміи и при выработкѣ уставовъ и положеній, по которымъ будетъ производиться воспитаніе и обученіе солдатъ въ ея рядахъ.

——

Въ мирное время воспитаніе и обученіе войскъ имѣетъ главнѣйшей цѣлью подготовить армію къ войнѣ и достигнуть того, чтобы, когда бы армія ни была призвана исполнить свой долгъ передъ Родиной, она была бы подготовлена въ духѣ современныхъ требованій и наилучшимъ образомъ снабжена въ техническомъ отношеніи.

Въ основу обученія войскъ въ мирное время должна быть заложена старая, но совершенно правильная и неизмѣнная мысль: „войска нужно въ мирное время учить только тому, что имъ придется дѣлать въ военное“.

Война, съ одной стороны, является суровымъ экзаменомъ для арміи въ смыслѣ правильности ея подготовки въ мирное время, съ другой стороны, даетъ необходимыя опытныя данныя для дальнѣйшей работы въ періодъ мира для подготовки арміи къ новой войнѣ.

При продолжительныхъ періодахъ мира, подъ вліяніемъ: полигонныхъ опытовъ; занятій въ обстановкѣ мирнаго времени; перемѣнѣ въ личномъ составѣ командного персонала арміи, когда руководителями и инструкторами по воспитанію и обученію войскъ становятся лица не бывшія на войнѣ; притупленія впечатлѣній отъ опыта бывшей войны и ихъ забвенія; новыхъ техническихъ изобрѣтеній — очень часто кажущееся принимается за дѣйствительное, забываются неизмѣнныя свойства человѣка, пренебрегаются дѣйствительные опыты и факты многовѣковой военной исторіи и создаются военные призраки — миражи.

Особенно на ихъ созданіе вліяло усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія и усовершенствованіе вообще техники.

Но и опытъ войны, недостаточно продуманный, примѣненный, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія и односторонняго освѣщенія фактовъ, неоднократно приводилъ къ созданію не менѣе вредныхъ военныхъ призраковъ, что отражалось на подготовкѣ войскъ въ мирное время.

Такъ всегда было, такъ всегда и будетъ.

Еще въ 1883 г. въ статьяхъ „Армейскія замѣтки“ М. И. Драгомировъ*) указалъ „миражи“, бывшіе тогда модными:

---

*) Напечатано въ „Военномъ Сборникѣ“ 1883 г. № 3.

1) Атака позиціи съ фронта при нынѣшнемъ оружіи невозможна, вслѣдствіе страшныхъ потерь, которыя несетъ атакующій отъ огня, а возможна только съ охватомъ или съ обходомъ.

2) Такая-то армія навѣрное насъ побьетъ; или такую-то мы навѣрное побьемъ.

3) Прорывъ блокады невозможенъ.

4) Штыку мѣста теперь нѣтъ.

5) Бороться съ непріятелемъ, имѣющимъ численный перевѣсъ, невозможно.

6) Атаковать съ равными силами невозможно.

7) Изъ всѣхъ случайностей самая рѣдкая — геніальный полководецъ; слѣдовательно на чьей сторонѣ численная сила, устройство, матеріальныя средства, тотъ и одолѣетъ.

8) Конницѣ нѣтъ мѣста на поляхъ сраженій.

9) Артиллерія противъ стрѣлковъ бсзсильна.

Прекрасный разборъ этихъ „миражей" М. И. Драгомировымъ доказалъ, что отъ нихъ ничего реальнаго не остается.

Корень же ихъ онъ правильно усмотрѣлъ: 1) въ чувствѣ самосохраненія; 2) въ подчиненности первичнымъ непродуманнымъ впечатлѣніямъ.

Въ нашемъ сложномъ и страшномъ по своей отвѣтственности военномъ дѣлѣ, когда, отъ правильной постановки вопроса о подготовкѣ арміи къ войнѣ, зависитъ не только жизнь милліоновъ людей, но и само существованіе государства, надо быть особенно осмотрительными и, не поддаваясь „первичнымъ непродуманнымъ впечатлѣніямъ", отводя должное мѣсто современной техникѣ, не забывать „духа", и не забывать основныхъ свойствъ человѣка.

Только при этихъ условіяхъ будетъ правильно поставлена подготовка войскъ къ войнѣ.

* * *

Къ сожалѣнію, въ нашей арміи къ вопросу о правильной подготовкѣ войскъ къ войнѣ и къ опыту, пріобрѣтаемому на войнѣ, за исключеніемъ небольшого числа дѣйствительно работавшихъ и интересовавшихся правильной постановкой этого дѣла, общая масса команднаго персонала и корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба относились болѣе чѣмъ легкомысленно, или индиферентно.

Критики было много, но работы и какихъ либо дѣльныхъ предложеній — было мало.

Этотъ же упрекъ заслуживаютъ главный и генеральный штабы, а также профессора Академіи Генеральнаго Штаба, которые должны были пробуждать интересъ къ вопросамъ по подготовкѣ къ войнѣ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу одинъ характерный примѣръ.

Незадолго*) до Русско-Японской войны, по Высочайшему указанію, подъ общимъ руководствомъ командующаго войсками Кiев-

*) Если не ошибаюсь, за 2 года.

скаго военнаго округа, генерала Драгомирова, былъ составленъ новый полевой уставъ.

Уставъ былъ Высочайше утвержденъ.

Началась Японская война, начались неудачи.

Битые генералы стали искать виновниковъ своихъ пораженій.

Одинъ изъ виновниковъ былъ скоро найденъ: таковымъ оказался Драгомировъ!

Чего, чего только на него не валили.

Онъ слишкомъ носился съ солдатами и слишкомъ ихъ распустилъ.

Онъ принизилъ престижъ офицеровъ въ глазахъ солдатъ.

Онъ отвергалъ технику и поэтому наша армія оказалась недостаточно хорошо снабжена технически, вслѣдствіе чего ее бьютъ японцы, снабженные лучше.

Онъ умалялъ значеніе ружейнаго огня, за что наша армія и расплачивается...

Все это, конечно, былъ вздоръ и ложь; ложь сознательная и безсознательная, но дѣлавшая свое дѣло и создававшая самыя глупыя легенды среди плохо разбиравшейся въ этихъ вопросахъ русской публики.

Главное же обвиненіе, которое очень многіе стали выдвигать противъ М. И. Драгомирова — это плохо составленный уставъ, примѣненіе котораго вліяло на исходъ операцій.

Закончилась война.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „опыта" войны и въ поискахъ причинъ неудачъ, въ первую же голову было рѣшено пересоставить полевой уставъ.

Въ Петербургѣ, если не ошибаюсь, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Сергѣя Михайловича, была образована для этой цѣли комиссія, въ составѣ которой, какъ это было сказано въ объяснительной запискѣ, приложенной къ выработанному комиссіей уставу, были привлечены „участники кампаніи".

Составленный уставъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ разосланъ на заключенія командующихъ войсками въ округахъ.

При штабѣ Кіевскаго военнаго округа для разсмотрѣнія проекта устава была образована комиссія, въ составъ которой былъ назначенъ и я.

Какъ мы ни старались найти въ новомъ уставѣ что либо „новое" — таковаго найти не могли.

Было ясно, что составители его п р о с т о б ы л и н е з н а к о м ы с ъ д ѣ й с т в о в а в ш и м ъ п о л е в ы м ъ у с т а в о м ъ. То, что они выдавали за „новое" въ составленномъ ими уставѣ, имѣлось и въ дѣйствовавшемъ, но только въ другихъ §§.

Было составлено и послано въ Петербургъ соотвѣтствующее заключеніе; но оно, по моему мнѣнію, не было достаточно рельефнымъ и я рѣшилъ помѣстить по этому вопросу статью въ „Развѣдчикѣ".

Для доказательства правильности своихъ выводовъ я помѣстилъ

параллельное изложеніе §§ новаго и стараго уставовъ, наглядно показавъ, что всѣ „новшества“ въ дѣйствительности таковыми не являются.

Закончилъ я статью указаніемъ, что это грустное и болѣе чѣмъ легкомысленное отношеніе къ столь серьезному вопросу можетъ быть объяснено лишь какимъ-то страннымъ гипнозомъ членовъ комиссіи „участниками кампаніи“, которые просто хорошо забыли или не знали дѣйствовавшаго устава*).

Издатель „Развѣдчика“, В. А. Березовскій, сначала не хотѣлъ помѣщать моей статьи, находя ее слишкомъ рѣзкой, но затѣмъ согласился и она была напечатанана въ „Развѣдчикѣ“.

Я ожидалъ „громы и молніи“, но, къ моему удивленію, ни главный штабъ, ни комиссія, составлявшая проектъ устава, никакъ не реагировали на мою статью.

Черезъ нѣсколько времени я былъ вызванъ въ Петербургъ для полученія указаній о пересоставленіи мобилизаціоннаго расписанія по Кіевскому военному округу. Когда я явился начальнику мобилизаціоннаго отдѣла, то послѣдній направилъ меня къ желавшему меня видѣть начальнику главнаго штаба генералу Мышлаевскому.

Вмѣсто ожидавшихся мною непріятностей за мою статью, я услышалъ отъ генерала Мышлаевскаго лишь совѣтъ въ будущемъ быть осторожнѣй и не такъ рѣзко выступать въ печати противъ „власть-имущихъ“. Онъ мнѣ сказалъ, что моя статья вызвала сначала бурю негодованія, но затѣмъ, когда хорошенько разобрались, то выяснилось, что я совершенно правъ; что приказано этотъ „проектъ устава“ просто спрятать подъ сукно и организаціонному отдѣлу главнаго штаба подобрать необходимый матеріалъ для переработки стараго устава полевой службы на основаніи дѣйствительно заслуживающихъ вниманія опытныхъ данныхъ Русско-Японской войны.

Вотъ отъ такихъ то скороспѣлыхъ выводовъ на основаніи опыта войнъ и избави насъ Господи!

А между тѣмъ Русско-Японская война выдвинула рядъ серьезныхъ вопросовъ и, при вдумчивомъ къ нимъ отношеніи, конечно, надо было бы внести рядъ существенныхъ поправокъ въ дѣйствовавшій полевой уставъ.

Въ дѣйствительности же, изъ-за болѣе чѣмъ мертваго отношенія къ дѣлу организаціоннаго отдѣла главнаго (впослѣдствіи генеральнаго) штаба и различныхъ періодическихъ комиссій, нашъ новый полевой уставъ 1912 года оказался въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ не отвѣчавшимъ своевременнымъ требованіямъ.**)

---

*) Не имѣя подъ рукой номера „Развѣдчика“, въ которомъ напечатана была эта статья, я привожу на память содержаніе моего заключенія, ручаясь что, по существу, привожу его правильно

**) Въ книгѣ 3 „Военнаго Сборника“ общества ревнителей военныхъ знаній, 1922 г, въ статьѣ: „Современная Война“ и „Красная вооруженная сила“ — Н. Головинъ, какъ мнѣ представляется, нѣсколько пристрастно освѣщаетъ вопросъ о составленіи полевого устава 1912 г

Не съ цѣлью за кого либо „заступаться“, а только для освѣщенія истины считаю долгомъ отмѣтить слѣдующее:

* * *

Послѣ окончанія Европейской войны, въ теченіе которой постепенно вырабатывались различныя тактическія положенія, всѣ государства приступили къ составленію новыхъ строевыхъ и полевыхъ уставовъ.

Примѣненіе опыта Европейской войны для созданія военной мощи въ Россіи, конечно, не можетъ имѣть мѣста пока Россія находится подъ властью интернаціональной шайки бандитовъ; это работа будущаго — при возстановленіи вооруженной силы въ Россіи послѣ сверженія большевиковъ.

Но готовиться къ этому необходимо теперь же, дабы работа по возстановленію русской арміи и военнаго управленія была бы поставлена съ самаго начала на правильное основаніе.

Вдумчивое и критическое изученіе тѣхъ выводовъ, къ кото-

М. Драгомировъ не считался только „оффиціальнымъ" составителемъ устава 1904 г., а дѣйствительно руководилъ работой по его составленію.

Что Сухомлиновъ относился очень отрицательно ко многимъ „новшествамъ", какъ онъ ихъ называлъ, академіи генеральнаго штаба, то это вѣрно.

Но вѣрно и то, что необходимость пересоставленія устава 1904 г. сознавалась и имъ. Неудовлетворительность работы различныхъ комиссій и недовѣріе къ достаточной „научной и практической подготовкѣ" группы молодыхъ профессоровъ академіи генеральнаго штаба, остановили его выборъ на генералѣ Рузскомъ, которому и была поручена эта работа.

Еслибъ генералъ Сухомлиновъ не считался съ мнѣніемъ старшаго командного состава арміи, то, думаю, его выборъ не палъ бы на генерала Рузскаго. Послѣдній далеко не былъ „другомъ" Сухомлинова и Сухомлиновъ относился къ нему довольно отрицательно.

Генералъ Рузскій, котораго Н. Головинъ совершенно, бездоказательно, а на мой взглядъ и не вѣрно, характеризуетъ, какъ бывшаго „впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ безталантныхъ командующихъ и главнокомандующихъ арміями", пользовался въ русскомъ генеральномъ штабѣ и среди командного персонала русской арміи репутаціей выдающагося генерала, имѣвшаго за собой громадный теоретическій и практическій стажъ; онъ былъ не чуждъ и опыту Русско-Японской войны, на которой онъ былъ въ качествѣ начальника штаба арміи.

Поэтому выборъ генерала Рузскаго, какъ лица подходящаго для выполненія такой задачи, врядъ ли можетъ оспариваться съ точки зрѣнія цѣлесообразности; но во всемъ этомъ дѣлѣ была другая, и очень скверная неправильность: это назначеніе въ помощь Рузскому тупого фанатика и совершенно аморальнаго полковника Бончъ-Бруевича. Этотъ послѣдній, будучи озлобленъ противъ „группы профессоровъ академіи генеральнаго штаба" не пропускавшихъ его на столь для него желанное профессорство въ академіи, во всей своей работѣ по составленію устава имѣлъ главной цѣлью — „посрамить своихъ враговъ по академіи генеральнаго штаба" и провалить предлагавшіяся ими „новшества".

Онъ сумѣлъ, какъ очень волевой и и упрямый человѣкъ, добиться полнаго довѣрія со стороны генерала Рузскаго и ему удалось направить работу въ желаемомъ для него смыслѣ.

Другой неправильностью, допущенной генераломъ Сухомлиновымъ, я считаю то, что въ составъ комиссіи генерала Рузскаго не были включены тѣ шесть профессоровъ академіи генеральнаго штаба, которые составили въ декабрѣ 1911 года проектъ устава полевой службы.

Если-бы это было сдѣлано, то вредное вліяніе Бончъ-Бруевича было бы, навѣрное, сведено на нѣтъ.

рымъ пришли другія государства на основаніи опыта войны — необходимо.

Войны пріобрѣтаютъ нынѣ, конечно, все болѣе и болѣе „техническій“ характеръ. Поэтому совершенно правильно, какъ указываетъ Н. Головинъ въ № 3 „Военнаго Сборника“ О. Р. В. З.,*) необходимо „тщательное изученіе „западной техники“ и опыта минувшей войны; въ особенности же кампаніи 1918 г. на французскомъ фронтѣ“.**)

Но для правильныхъ выводовъ было бы преступно изъ-за „машины“, изъ-за „техники“, забывать человѣка и считать, что человѣкъ „только обслуживаетъ машину“.

Надо помнить, что все-же главнымъ является человѣкъ, на помощь которому приходитъ техника.

Ошибочно всѣ выводы строить и на позиціонномъ характерѣ европейской войны. Она таковой была и, въ случаѣ новой войны, можетъ опять быть таковой же; но возможно, что этого (или во всякомъ случаѣ въ подобномъ масштабѣ) и не будетъ.

Если бы Марнское сраженіе въ 1914 г. не было проиграно германцами, то вся послѣдующая борьба не могла бы пріобрѣсти позиціоннаго характера...

* * *

Réglement provisoire de manoeuvre d'infanterie, du 1 fèvriere 1920. Première partie***) (Временный строевой уставъ).

Этотъ уставъ и сопровождающая его объяснительная записка (Rapport au ministre) заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія; особенный интересъ представляетъ послѣдняя.

Въ ней, съ исчерпывающей полнотой, основываясь на опытѣ войны, даются объясненія тѣхъ положеній и принциповъ, которые легли въ основаніе новаго устава; эта же записка устанавливаетъ основанія воспитанія и обученія войскъ.

Le colonel G Lagrue (Directeur de l'infanterie), подписавшій рапортъ военному министру (являющійся объяснительной запиской къ уставу), въ немъ, между прочимъ, говоритъ: „Безъ сомнѣнія потребуется еще нѣсколько лѣтъ изученія, чтобы освѣтить и сдѣлать окончательные выводы изъ всѣхъ уроковъ войны. Но инструкціи (указанія) Главной Квартиры (G. Q. G.), данныя въ теченіе операцій, вдохновленныя новыми фактами, въ зависимости отъ текущихъ событій, освободили указанія отъ тѣхъ неправильностей, которыя про-

*) Н. Головинъ „Современная Война“ и „Красная воруженная сила“. „Военный Сборникъ“ Общества Ревнителей Военныхъ Знаній, № 3, стр. 50.

**) Я бы прибавилъ и на русскомъ фронтѣ. У насъ, кромѣ ошибокъ, были и операціи заслуживающія полнаго вниманія и серьезнаго изученія Кромѣ того, учатся не только на положительныхъ но и на отрицательныхъ образцахъ; наконецъ, нельзя забывать и того, что русскій фронтъ для изученія маневренной войны даетъ гораздо больше данныхъ, чѣмъ французскій гдѣ за исключеніемъ перваго періода борьба носила почти исключительно позиціонный характеръ.

***) Точный переводъ „Временныя правила для маневрированія пѣхоты“.

исходили отъ отдѣльныхъ фактовъ и поставили на вѣрный путь правильную эволюцію нашихъ тактическихъ методовъ. Наиболѣе поздніе изъ этихъ документовъ*) послужили основаніемъ для новаго устава, необходимость въ которомъ неоспорима“ (стр. 1 и 2).

Несмотря на эту осторожную оговорку, врядъ ли легко будетъ французамъ вносить въ ближайшемъ будущемъ какія либо серьезныя поправки въ главныя (принципіальныя) положенія, которыя легли въ основу устава, составленнаго на основаніи опыта побѣдоносно законченной войны.

Я обращу вниманіе на два главнѣйшихъ вопроса, требующихъ особо внимательнаго изученія и, по тому какъ они приняты во французскомъ уставѣ 1920 г., вызывающіе, по моему мнѣнію, нѣкоторыя сомнѣнія и возраженія.

Эти вопросы слѣдующіе:

а) Тактическіе методы и боевое расчлененіе роты;

б) Огонь пѣхоты.

Тактическіе методы и боевое расчлененіе роты.

Вотъ выдержки, которыя я позволю себѣ отмѣтить:

Рапортъ министру стр. 7: „Рота потеряла свою однородность; она осталась, какъ прежде, по преимуществу единицей моральной, но она больше не оцѣнивается какъ сила „винтовокъ“; она теперь составляется изъ нѣкотораго числа автоматическаго огнестрѣльнаго оружія; вокругъ каждаго изъ нихъ объединяется необходимый личный составъ для его перемѣщенія, обслуживанія, снабженія и прикрытія.

Такимъ образомъ, автоматическое оружіе, вслѣдствіе силы своего дѣйствія, породило „боевыя группы“, элементарныя (основныя) ячейки пѣхоты.

Боевая группа. „Отдѣльный стрѣлокъ“ больше не существуетъ; каждый боецъ имѣетъ спеціальныя обязанности по отношенію автоматическаго оружія своей боевой группы.

Отсюда вытекаетъ, что боевая группа является основной единицей обученія и боя, которой ея начальникъ въ состояніи будетъ командовать непосредственно голосомъ и знаками“.

Стр. 8. „Приведетъ ли этотъ законъ**) въ будущемъ къ еще большему уменьшенію боевой группы, образуя ее изъ двухъ-трехъ человѣкъ, заключенныхъ въ прикрывающее и подвижное броневое закрытіе? Это предположеніе еще слишкомъ смѣлое.

Группа въ 12 человѣкъ отвѣчаетъ необходимости момента“.

Стр. 11. „Съ численностью, принятой для роты къ концу войны, каждый изъ четырехъ взводовъ образуетъ три группы“.

Стр. 12. Говоря о томъ, что прежній уставъ давалъ поводъ исполнителямъ сохранять въ бою одновременность исполненія и требовать равненія, составители устава 1920 г. говорятъ: „Допустимыя

*) Т. е. наиболѣе существенные, заключающіе въ себѣ указанія, основанныя на всей совокупности предшествовавшаго опыта.

**) Законъ расчлененія пѣхоты и уменьшенія основной боевой ячейки подъ вліяніемъ развитія (усовершенствованія) огнестрѣльнаго оружія.

(т. е. одновременность и равненіе) въ эпоху, когда нормально взводы вели бой густыми стрѣлковыми цѣпями (à un pas) и слѣдовательно были въ строю очень схожимъ съ развернутымъ сомкнутымъ строемъ взвода, эти идеи не совмѣстимы нынѣ съ боемъ группами и разсѣяннымъ строемъ, необходимымъ теперь".

Стр. 19. „... никогда не образуется для занятій группа меньше 10 человѣкъ. Если эта численность превышается — увеличиваютъ прежде всего число обслуживающихъ (подносчиковъ) ружье-пулеметъ (F. M.), которое можетъ быть доведено до 6 человѣкъ".

§ 60. „Полкъ состоитъ изъ нѣсколькихъ батальоновъ — 1, 2 и т. д. Батальонъ изъ командной группы, трехъ обыкновенныхъ ротъ, одной пулеметной роты и взвода сопровождающихъ снарядовъ. Рота, по составу военнаго времени, раздѣляется на 4 взвода и командный взводъ. Взводъ въ обыкновенной ротѣ состоитъ изъ 3 боевыхъ группъ, а въ пулеметной изъ двухъ. Боевая группа содержитъ одно звено (équipe) стрѣлковъ-пулеметчиковъ съ ружьемъ-пулеметомъ и одно звено гренадеръ-стрѣлковъ.

СОСТАВЪ ГРУППЫ		ВООРУЖЕНІЕ
Звено стрѣлковъ пулеметчиковъ.	1 ефрейторъ начальникъ звена	Винтовка.
	1 стрѣлокъ-пулеметчикъ.	Ружье-пул. и револьв.
	1 первый обслуживающій (подносчикъ).	Револьверъ.
	3 помощника обслуживающаго (подносчика).	Карабины.
Звено гренадеръ стрѣлковъ.	1 ефрейторъ начальникъ звена	Винтовка.
	1 гренадеръ-метальщикъ.	Карабинъ и револьв.
	1 гренадеръ V. B. (ружейныя гранаты.	Винтовка.
	3 стрѣлка (voltigeurs).	Винтовки.

Этотъ основной составъ можетъ быть увеличенъ; онъ можетъ быть также не доводимъ до указаннаго числа — какъ при обученіи, такъ и въ бою. Въ первомъ случаѣ начальникъ группы увеличиваетъ прежде всего число обслуживающихъ (подносчиковъ) ружье-пулеметъ, которое можетъ быть доведено до 6. Во второмъ случаѣ начальникъ группы, прежде всего, обезпечиваетъ обслуживаніе автоматическаго оружія не менѣе какъ двумя подносчиками; остальные люди образуютъ звено стрѣлковъ".

§ 182. „Группа является основной единицей обученія и боя. Она обязательно включаетъ въ себя автоматическое оружіе, къ которому

придаются: съ одной стороны люди, которые его обслуживаютъ и его снабжаютъ; съ другой стороны тѣ, которые ведутъ развѣдку и его охраняютъ".

§ 252. „... Движенiе, обыкновенно, начинается съ перебѣжки звена стрѣлковъ-пулеметчиковъ; оно производится, если это возможно, подъ прикрытiемъ огня стрѣлковъ, вооруженныхъ винтовками, которые, вслѣдъ за перебѣжкой перваго звена, продвигаются на его высоту.

Первое же звено, сейчасъ же послѣ перебѣжки на новую линiю, открываетъ огонь, чтобы облегчить перебѣжку звена стрѣлковъ, вооруженныхъ винтовками".

ОГОНЬ.

§ 27. „Наставленiе стрѣльбы цѣликомъ базируется на точной одиночной (individuel) стрѣльбѣ".

§ 129. „Существуетъ лишь одинъ видъ огня, это огонь по желанiю (feu á volontê); производится онъ нормально по инiцiативѣ стрѣлка".

§ 130. Указывается, что при обученiи и въ особыхъ случаяхъ можетъ производиться коллективная стрѣльба. При этой стрѣльбѣ начальникомъ указывается цѣль, высота прицѣла и отдается приказанiе о началѣ и объ окончанiи стрѣльбы.

Каждый же стрѣлокъ ведетъ одиночный огонь по своему усмотрѣнiю (feu à volantê).

§ 254. „Виды огня, который ведется развернутой группой, слѣдующiе:

1. Огонь изъ автоматическаго оружiя, управляемый начальникомъ группы, производимый по командѣ ефрейтора-пулеметчика.

2. Одиночная точная стрѣльба, производимая по инiцiативѣ людей, вооруженныхъ винтовками и карабинами, по всякому уязвимому противнику, представляющему опасность для группы.

3. Въ исключительныхъ случаяхъ коллективный огонь, производимый по приказанiю начальника группы по его командамъ, или по командамъ начальника звена..."

§ 294. „Развернутый взводъ ведетъ тотъ же огонь, который производится каждой группой (§ 254). Командиръ взвода озабачивается прежде всего дѣйствiями ружей-пулеметовъ; онъ указываетъ, каждый разъ какъ только это будетъ продставляться возможнымъ, начальнику группы цѣль, которую надо обстрѣлять, высоту прицѣла, характеръ огня и приблизительное количество патроновъ, которое для данной стрѣльбы должно быть израсходовано. Начальникъ группы руководитъ огнемъ изъ ружья-пулемета, придерживаясь этихъ указанiй, или, въ случаѣ необходимости (т. е. ошибочности вслѣдствiе обстановки даннаго момента), по собственной инiцiативѣ.

Взводъ можетъ вести еще слѣдующiй огонь:

1. Сосредоточенiе короткаго и сильнаго огня ружейными гранатами, производимаго гренадерами V. B. взвода, по общей цѣли, опредѣляемой командиромъ взвода.

2. Въ очень исключительныхъ случаяхъ коллективный (общій) огонь, производимый всѣми стрѣлками взвода (т. е. вооруженными ружьями и карабинами) или ихъ частью по непосредственнымъ приказаніямъ командира взвода".

Резюмируя эти выдержки ихъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Для пѣхоты устанавливается единственная боевая форма: расчлененіе на боевыя группы, состоящія каждая изъ двухъ звеньевъ, по 10—12 человѣкъ; группа обязательно включаетъ въ себя автоматическое оружіе, къ которому придаются: „съ одной стороны люди, которые его обслуживаютъ и его снабжаютъ, съ другой стороны тѣ, которые ведутъ развѣдку и его охраняютъ".

2) „Отдѣльный стрѣлокъ" больше не существуетъ; каждый боецъ имѣетъ спеціальныя обязанности по отношенію автоматическаго оружія своей боевой группы.

3) Рота перестала оцѣниваться какъ сила „винтовокъ"; она теперь составляется изъ нѣкотораго числа автоматическаго огнестрѣльнаго оружія; вокругъ каждаго автоматическаго оружія объединяется необходимый личный составъ для его перемѣщенія, обслуживанія, снабженія и прикрытія.

4) Требованія въ бою одновременности и равненія, допустимыя въ эпоху когда взводы вели бой густыми стрѣлковыми цѣпями (a'un pas) и были въ строю очень схожимъ съ развернутымъ сомкнутымъ строемъ взвода, нынѣ совершенно не совмѣстимы съ боемъ группами и разсѣяннымъ строемъ, необходимымъ теперь.

Какъ выводъ изъ этого: совершенное отрицаніе на полѣ современнаго боя допустимости сомкнутаго строя.

5) Устанавливается лишь одинъ видъ огня, это огонь по желанію (усмотрѣнію) стрѣлка (Feu á volonte), который производится, нормально, по его инициативѣ.

Лишь при обученіи и въ особыхъ (т. е. исключительныхъ) случаяхъ допускается коллективная стрѣльба; но и при ней каждый стрѣлокъ ведетъ одиночный огонь по своему усмотрѣнію.

Стрѣльба залпами совершенно не предусматривается, т. е. отрицается.

6) Весь огонь базируется на огнѣ изъ ружей-пулеметовъ. Стрѣлки, вооруженные ружьями и карабинами, нормально, ведутъ „одиночную точную стрѣльбу по всякому уязвимому противнику, представляющему опасность для группы"; въ особыхъ (исключительныхъ) случаяхъ стрѣлки, вооруженные ружьями и карабинами, могутъ получить особыя задачи по обстрѣливанію той или иной цѣли.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ положеній, вызывающихъ по моему мнѣнію, нѣкоторыя сомнѣнія и возраженія, я, прежде всего, считаю нужнымъ установить тѣ основанія, которыя, какъ мнѣ кажется, вполнѣ соотвѣтствуютъ опытнымъ даннымъ Европейской войны.

1) Сила современнаго артиллерійскаго, пулеметнаго и ружейнаго огня потребовала еще большаго, чѣмъ было принято до войны,

расчлененія боевыхъ формъ. Не только взводъ, но и отдѣленіе оказались слишкомъ громоздкими. Явилась необходимость расчленить отдѣленія и создать звенья въ 5—6 человѣкъ; или, что одно и то-же, принявъ группу, т. е. примѣрно $^1/_3$ или $^1/_4$ взвода за основную боевую ячейку, расчленить ее, въ свою очередь, на два звена.

2) „Расчлененіе" нельзя противопоставлять „разсыпанію", такъ какъ эти два понятія не равнозначущія.

„Въ какихъ бы мелкихъ группахъ я ни наступалъ, это все же будетъ сомкнутый порядокъ, если каждая группа двигается и дѣйствуетъ по импульсу одного, хотя бы даже она представляла безформенную, но плотную кучу... ударъ въ штыки безъ дружности исполненія, т. е. безъ сомкнутости, просто немыслимъ, если не предполагать въ каждомъ солдатѣ безграничнаго самоотверженія: а предполагать этого нельзя„*).

3) Пулеметъ и ружье-пулеметъ (т. е. автоматическое оружіе) являются могучимъ средствомъ современнаго боя; преуменьшать ихъ значеніе, для каждаго, побывавшаго въ бою, было бы просто смѣшно.

4) Одиночная, точная стрѣльба изъ винтовокъ является безспорно лучшимъ видомъ ружейной стрѣльбы.

Думаю, что противъ этихъ „основаній" спорить никто не будетъ; не будутъ, полагаю, и составители французскаго устава 1920 г.

Между тѣмъ положенія, которыя выставлены во французскомъ уставѣ, вызываютъ возраженія, ибо они, основываясь фактически на правильныхъ данныхъ, явились результатомъ того, что „машинѣ" — автоматическому оружію — придано больше значенія чѣмъ людямъ, съ одной стороны обслуживающимъ и прикрывающимъ эту машину, а, съ другой стороны, долженствующимъ, при достиженіи поставленной цѣли, дѣйствовать хотя и въ связи съ автоматическимъ оружіемъ, но самостоятельно, т. е. имѣть свободу маневрированія.

Ставъ на совершенно правильный путь дальнѣйшаго расчлененія формъ боевого порядка, французы создали „боевыя группы".

Для того-же, чтобы этимъ „группамъ" придать достаточную мощность и достаточную самостоятельность они придали каждой группѣ ружье-пулеметъ.

Что-же получилось?

а) Рота, по военному составу, расчленяется на 12 вполнѣ самостоятельныхъ группъ.

Центръ тяжести управленія группами переходитъ къ командирамъ взводовъ; командиру роты управлять дѣйствіями группъ черезъ командировъ взводовъ, при маневренномъ боѣ, будетъ крайне затруднительно.

б) Значеніе роты „какъ силы винтовокъ" дѣйствительно перестало существовать. И „перестало существовать" не только вслѣдствіе того, что теперь она во французской арміи „составляется изъ нѣкотораго числа автоматическаго оружія", перемѣщаемаго, обслу-

---

*) М. Драгомировъ. „14 Лѣтъ" (1881—1894) стр. 140 и 141.

живаемаго, снабжаемаго и прикрываемаго группирующимся вокругъ него личнымъ составомъ, но и вслѣдствіе того что маневренная сила роты понизилась.

Дѣйствительно: каждая группа состоитъ изъ двухъ звеньевъ, изъ которыхъ одно составляетъ ружье-пулеметъ съ непосредственно обслуживающимъ его персоналомъ, а другое, въ составѣ 5-6 человѣкъ, является слабой маневренной ячейкой, которой и трудно ставить иную задачу кромѣ обезпеченія звена съ ружьемъ-пулеметомъ.

Въ рукахъ командира взвода и, тѣмъ паче, командира роты не будетъ сколько нибудь сильной маневренной группы для веденія боя. При этомъ, глубоко убѣжденъ, что, при указаніи § 252 французскаго устава о томъ, что „движеніе, обыкновенно, начинается съ перебѣжки звена стрѣлковъ-пулеметчиковъ", это движеніе впередъ производить гораздо труднѣй чѣмъ передвиженіе группъ съ автоматическимъ оружіемъ подъ прикрытіемъ уже перебѣжавшей группы вооруженной однѣми винтовками; послѣднія группы легче поднять чѣмъ группы съ довольно громоздкимъ автоматическимъ оружіемъ и имъ легче продвинуться впередъ.

Я этимъ не хочу сказать, что группа съ автоматическимъ оружіемъ совсѣмъ не является маневренной единицей; но отмѣчаю только то что группа, связанная автоматическимъ оружіемъ, будетъ значительно менѣе гибкой, чѣмъ таковая же безъ автоматическаго оружія, и слѣдовательно ей труднѣй будетъ выполнять нѣкоторыя изъ задачъ по маневрированію.

в) При расчлененіи всего боевого порядка только на группы съ автоматическимъ оружіемъ, выполняющія подчасъ совершенно самостоятельныя задачи и при проводимомъ взглядѣ, что бой пѣхоты зиждится на автоматическомъ оружіи, въ бою будутъ постоянные случаи, когда порча или подбитіе непріятельскимъ огнемъ автоматическаго оружія, будетъ выводить изъ строя цѣлую группу*).

2) Преувеличенное значеніе, придаваемое автоматическому оружію, естественно привело къ тому, что машина ставится выше человѣка. При подобномъ взглядѣ, конечно, вполнѣ логично сдѣлать выводъ, что его дальнѣйшее развитіе можетъ повести „къ еще большему уменьшенію боевой группы, образуя ее изъ 2—3 человѣкъ, заключенныхъ въ прикрывающее и подвижное броневое закрытіе".

Сдѣлавъ этотъ вполнѣ логичный выводъ, авторы французскаго устава, повидимому, сами его испугались и поспѣшили дополнить замѣчаніемъ, что „это предположеніе еще слишкомъ смѣлое".

Да, конечно, „слишкомъ смѣлое" и добавлю, что если-бъ оно было бы гдѣ либо принято въ чистомъ видѣ, т. е. въ расчлененіи всего боевого порядка на такія „ячейки", то это создало бы

*) Есть еще и другая опасность: снабженіе патронами автоматическаго оружія не всегда конечно будетъ идти гладко, а задержка въ подачѣ патроновъ для ружей-пулеметовъ будетъ временно (иногда на продолжительное время) выводить изъ строя цѣлыя группы.

крайне неповоротливую и плохо управляемую массу*), которая была бы на поляхъ сраженій легко бита болѣе поворотливой и легче управляемой пѣхотой противника.

Между тѣмъ, не было бы абсурдомъ, если бы при пѣхотной части, были бы особыя небольшія группы, располагающія подобными „прикрывающими и подвижными броневыми закрытіями“, позволявшими бы имъ просачиваться впередъ подъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ противника, закрѣпляться на новыхъ рубежахъ и тѣмъ облегчать продвиженіе впередъ и маневрированіе своей части.

Все горе въ томъ, что усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія сильно бьетъ на воображеніе и, въ стремленіи парировать усовершенствованіе техники противника и самимъ выступить въ ея всеоружіи, машину ставятъ на первый планъ, игнорируя свойствами человѣка, и тѣмъ доводятъ выводы до абсурда.

е) Пріобрѣтается чрезвычайная самостоятельность начальниковъ группъ. Въ этомъ, конечно, есть положительныя, но есть и отрицательныя стороны.

Какъ мною уже отмѣчено, ротному командиру, во многихъ случаяхъ, будетъ трудно управлять ротой и его личное вліяніе уменьшается до минимума**).

Кромѣ того, подобная самостоятельность начальниковъ группъ и соотвѣтствующая подготовка для каждаго изъ нихъ, на случай убыли въ бою нѣсколькихъ замѣстителей, требуетъ очень высокаго индивидуальнаго развитія свмыхъ младшихъ начальниковъ — ефрейторовъ и даже простыхъ рядовыхъ. Думаю, что это трудно достижимо даже въ арміяхъ, на укомплектованіе которыхъ поступаетъ контингентъ въ массѣ своей очень развитой. Въ арміяхъ же, комплектуемыхъ не достаточно или плохо развитымъ контингентомъ — это и совсѣмъ не достижимо.

Признавая все громадное значеніе автоматическаго оружія, считаю, что, при возсозданіи русской арміи, рѣшать этотъ вопросъ такъ — какъ рѣшаютъ французы — было бы болѣе чѣмъ ошибочно.

Болѣе правильно было бы:

1) Или въ составѣ взвода имѣть одно отдѣленіе съ ружьями пулеметами, а три прочихъ вооруженныхъ винтовками. Отдѣленія, конечно, должны быть расчленены на болѣе мелкія подраздѣленія: группы или звенья;

2) Или въ составѣ роты имѣть одинъ взводъ съ ружьями-пулеметами, а прочіе три взвода вооруженныхъ винтовками.

---

*) Въ частяхъ, въ которыхъ весь боевой порядокъ состоялъ бы изъ такихъ „броневыхъ ячеекъ“, въ случаѣ если бы свойства грунта или мѣстности не позволили бы продвигаться этимъ машинамъ, не было бы никакихъ силъ двинуть впередъ людей безъ этихъ прикрытій. У нихъ привитой инстинктъ самосохраненія совершенно подавилъ бы чувство самоотверженія.

**) А въ случаѣ убыли въ бою кадроваго ротнаго командира управленіе ротой станетъ въ еще худшія условія, такъ какъ имѣть вполнѣ подготовленныхъ замѣстителей для управленія ротой въ столь трудныхъ условіяхъ будетъ крайне трудно.

Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаяхъ, въ зависимости отъ обстановки, пулеметныя отдѣленія или взводы могли бы дѣйствовать въ полномъ составѣ, или расчленяться на звенья, для придачи послѣднихъ къ тѣмъ или другимъ отдѣленіямъ или взводамъ.

Полагаю, что подобное рѣшеніе вопроса было бы болѣе цѣлесообразно, сохранило бы большее вліяніе командира роты на управленіе своей частью въ бою, сохранило бы за ротой большую маневренную способность, а главное — было бы для боя болѣе гибкимъ, не создавая слишкомъ опредѣленныхъ и, подчасъ, не соотвѣтствующихъ обстановкѣ формъ.

Лично считаю, что въ ротѣ лучше имѣть взводъ, состоящій изъ группъ съ ружьями-пулеметами.

Переходя къ вопросу объ огнѣ, долженъ отмѣтить, что и при его разрѣшеніи французы совершенно правильно устанавливая, что одиночная, точная стрѣльба изъ винтовокъ (feu à volonte) является лучшей и, вводя данныя, основанныя на чрезмѣрномъ преклоненіи передъ автоматическимъ оружіемъ, что „весь огонь базируется на огнѣ изъ ружей-пулеметовъ", что „отдѣльный стрѣлокъ больше не существуетъ" и что „рота перестала оцѣниваться, какъ сила винтовокъ" — дѣлаютъ вполнѣ логичный выводъ, устанавливая, какъ единственно правильную, одиночную стрѣльбу „по всякому уязвимому противнику, представляющему опасность для группы"*).

Коллективный огонь (въ смыслѣ указанія начальникомъ цѣли, прицѣла, а когда потребуется и примѣрнаго числа патроновъ для данной стрѣльбы) допускается, какъ исключеніе, въ особыхъ случаяхъ.

Подобная постановка вопроса, основанная на безусловной вѣрѣ въ то, что автоматическое оружіе будетъ въ бою дѣйствовать всегда „автоматически" безукоризненно, т. е. безъ отказа, спокойно и мѣтко, а прикрывающіе его стрѣлки будутъ всегда вести не менѣе „автоматическую" одиночную и мѣткую стрѣльбу „по всякому уязвимому противнику, представляющему опасность для группы", — была бы совершенно правильна если бы огонь можно было вести въ условіяхъ мирной обстановки, т. е. тогда когда стрѣлокъ управляющій автоматическимъ оружіемъ и стрѣлокъ вооруженный винтовкой не подвергались, въ свою очередь, обстрѣлу артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ противника. А такъ какъ въ бою такой мирной обстановки создать нельзя, то нельзя забывать того, что, какъ бы ни было совершенно огнестрѣльное оружіе, имъ дѣйствовать будетъ человѣкъ, крайнѣ впечатлительный въ обстановкѣ боя.

Другими словами, и въ данномъ случаѣ, подъ острымъ впечат-

---

*) При подобномъ указаніи устава является очень серьезная опасность. инстинктъ самосохраненія всегда подсказываетъ, что наиболѣе опасный противникъ тотъ, который, какъ кажется, угрожаетъ даннымъ стрѣлкамъ. Поэтому естественно ими будетъ преслѣдоваться прежде всего цѣль собственнаго обезпеченія, а не общая цѣль. Приведенное указаніе устава играетъ въ руку развитія инстинкта самосохраненія и его поощряетъ.

лѣніемъ силы пулеметнаго огня, французы вдались въ крайность и пренебрегли неизмѣнными „свойствами человѣка“.

Всякій, побывавшій въ бою, отлично знаетъ, что, при малѣйшемъ ослабленіи руководства огнемъ со стороны команднаго состава, огонь пріобрѣтаетъ безпорядочный характеръ и масса пуль выпускается на вѣтеръ.

Старая истина, что у солдатъ является стремленіе заглушить ружейной трескотней чувство страха осталось и останется неизмѣнной. Не измѣняетъ этой истины ни пулеметъ, ни ружье-пулеметъ; управлять ими будетъ тотъ же человѣкъ, подверженный тому же чувству страха и инстинкту самосохраненія. Безпорядочная, „въ пустую“, стрѣльба изъ пулемета и ружья-пулемета, безъ руководства огнемъ со стороны офицерскаго состава, всегда будетъ имѣть мѣсто.

Все это, конечно, хорошо извѣстно участвовавшимъ въ бояхъ, но преклоненіе передъ силой пулеметнаго огня, заставляетъ эту истину забывать и рѣшать вопросъ о производствѣ огня однобоко.

Позволю себѣ привести выдержку изъ статьи Шнеура „Годъ на конѣ“ („Etude sur les combats, par Ardent du Pic“), напечатанной въ „Военномъ Сборникѣ“ 1883 г., №6, гдѣ авторъ даетъ сводку дѣйствій въ Азіятской Турціи въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 г.г.:

„Изъ краткаго описанія хода обороны видно, что успѣхъ ея зависитъ не столько отъ массы выпущенныхъ пуль, сколько отъ правильнаго выбора цѣлей и времени. Ясно, слѣдовательно, что при оборонѣ важнѣе всего руководство огнемъ, въ особенности подъ конецъ дѣла. А это требуетъ чтобы огонь ни на минуту не ускользалъ изъ рукъ начальниковъ. Поэтому на вопросъ: какого рода огнемъ слѣдуетъ пользоваться — приходится отвѣтить: исключительно такимъ, который сохраняетъ управленіе огнемъ за офицерами...

„Сводя все вышеизложенное къ простому правилу, мы увидимъ, что обороняющемуся слѣдуетъ скупиться на огонь, когда онъ не особенно вредоносенъ, и усилить его до послѣдней крайности, когда онъ дѣйствительно губителенъ; во все-же время стрѣлять по опредѣленнымъ частямъ противника, а не по предполагаемымъ“.

М. Драгомировъ, разбирая статью Шнеура, писалъ*): „Авторъ сильно и доказательно настаиваетъ на полной дисциплинировкѣ пѣхотнаго огня, доведенной до того, чтобы люди были способны во всякую минуту направить его туда, куда будетъ приказано, и прекращать тотчасъ же, какъ будетъ приказано; чтобы они никогда не срывали на ту бѣшенную трескотню, которая, опьяняя и утомляя, дѣлаетъ ихъ неспособными къ стрѣльбѣ именно тогда, когда она нужнѣе всего, т. е. когда противникъ сблизится на 300, 400 шаговъ и когда его можно разстрѣливать какъ-бы въ упоръ.

Однимъ словомъ, авторъ признаетъ и прекрасно развиваетъ старую формулу: прибѣгать къ стрѣльбѣ „рѣдко да мѣтко“, и это служитъ свидѣтельствомъ, что даже относительно огня суворовскіе

---

*) М. Драгомировъ „14 лѣтъ“ 1881—1894 г.г., стр. 96 и 97.

принципы остались незыблемыми. Можно ихъ временно забывать подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія, взбудораженнаго новыми и неожиданными впечатлѣніями; можно, увлекаясь поверхностнымъ новаторствомъ, умозаключать отъ перемѣны ружья къ перемѣнѣ всей тактики, но приходитъ минута спокойнаго размышленія, — и опять припоминаютъ, что бьетъ не оружіе, а человѣкъ; припоминаютъ и формулы, на этомъ основанныя, ибо если человѣкъ не измѣнился, оружіе, само по себѣ, много измѣнить не можетъ".

Европейская война выдвинула пулеметъ и ружье-пулеметъ, какъ могучее средство пѣхотнаго боя, но отсюда еще далеко дѣлать выводъ, что весь бой основывается на автоматическомъ оружіи и что рота больше не оцѣнивается — какъ сила „винтовокъ" и что „отдѣльный стрѣлокъ больше не существуетъ".

При маневренномъ, а не позиціонномъ характерѣ боя—значеніе, какъ отдѣльнаго стрѣлка, такъ и отдѣльныхъ группъ, вооруженныхъ только винтовками, нисколько не умалилось.

Что касается до коллективнаго огня, то врядъ ли на него можно смотрѣть только какъ на такой видъ огня, который можетъ допускаться лишь въ особыхъ, исключительныхъ случаяхъ.

Опытъ Европейской войны лишь подтвердилъ необходимость дисциплины огня, а лучшимъ средствомъ для достиженія таковой является огонь коллективный, къ которому офицерскому составу необходимо было часто прибѣгать во время прошедшей войны и придется прибѣгать и въ будущемъ.

Наконецъ коллективный огонь можетъ быть примѣняемъ, главнымъ образомъ при оборонѣ, съ закрытыхъ позицій. Отрицать возможность и значеніе такого ружейнаго огня не приходится.

Если артиллерія и пулеметы ведутъ огонь съ закрытыхъ позицій, то и часть вооруженная винтовками можетъ вести его въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ полнымъ успѣхомъ.

Что касается огня залпами, то и его пользу примѣненія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нельзя отрицать.

Наконецъ, что касается формъ строя и боевого порядка, то указаніе,*) что „одновременность и равненіе допустимыя въ эпоху когда нормально взводы вели бой густыми стрѣлковыми цѣпями (a un pas) и слѣдовательно были въ строю очень схожимъ съ развернутымъ сомкнутымъ строемъ взвода, эти идеи не совмѣстимы нынѣ съ боемъ группами и разсѣяннымъ строемъ, необходимымъ теперь" — привело къ вытекающему изъ него безусловному отрицанію сомкнутаго строя при современной силѣ артиллерійскаго, пулеметнаго и ружейнаго огня противника. Этотъ выводъ мнѣ представляется также однобокимъ и преувеличеннымъ.

Въ основу его также положено совершенно правильное указаніе войны, что вести наступленіе густыми цѣпями, а тѣмъ паче сомкнутыми частями, безумно; боевой порядокъ долженъ быть расчлененъ возможно больше и каждая изъ самыхъ мелкихъ частей расчленен-

*) Стр. 12 Устава 1920 г. Рапортъ министру

наго боевого порядка должна представлять наименьшую цѣль для противника.

Но это требованіе, всегда отвѣчающее наступленію подъ огнемъ противника, не всегда будетъ соотвѣтствовать моменту удара, штурму.

Эта форма, отвѣчающая идеѣ просачиванія на непріятельскую позицію, не будетъ отвѣчать случаямъ, когда требуется короткій, но мощный ударъ; ударъ массой, „кулакомъ, а не растопыренными пальцами".

И эти послѣдніе случаи встрѣчались на войнѣ часто, встрѣчались и при прорывахъ непріятельскихъ позицій и при полевыхъ бояхъ.

„Относительно боевыхъ формъ всегда останется вѣрнымъ положеніе, установленное еще эпохою Наполеона: это безконечное ихъ разнообразіе; всѣ онѣ самозаконны, всѣ являются лучшими на своемъ мѣстѣ и въ свое время — отъ тонкой линіи безъ всякаго резерва и до походной колонны, въ которой велась атака подъ Арколе.

Принимать въ области формъ правила и исключенія — значитъ добровольно вистовать въ руку вредной рутинѣ: нельзя безнаказанно устанавливать правила и исключенія тамъ, гдѣ все волнуется, все течетъ; гдѣ на каждомъ шагу правило обращается въ исключеніе, и наоборотъ*).

Это было написано М. Драгомировымъ въ 1885 году, но осталось и останется неизмѣннымъ.

— --

Теперь я позволю себѣ остановиться на вопросѣ примѣненія во французской арміи новаго устава 1920 года при военныхъ операціяхъ въ Мароко.

Надо сказать, что характеръ противника и условія Марокскаго театра военныхъ дѣйствій носятъ дѣйствительно такія особенности, которыя, конечно, заставляютъ вырабатывать для успѣшныхъ тамъ дѣйствій особыя, совершенно отличныя отъ общепринятыхъ, формы походныхъ движеній, расположенія на отдыхъ, охраненія, связи, развѣдки, тактики боя и проч.

Эти особенности Марокскаго театра военныхъ дѣйствій крайне схожи съ тѣми, съ которыми пришлось, въ свое время, столкнуться русской арміи при военныхъ дѣйствіяхъ въ Средней Азіи.

Въ цѣломъ рядѣ номеровъ „La Revue d'Infanterie" за 1922 и 1923 года, подъ заглавіемъ „La conduite des opération militaire au Maroc", напечатаны сообщенія, сдѣланныя въ Meknes'ѣ въ 1921 году, на спеціальныхъ курсахъ для старшихъ офицеровъ войскъ, дѣйствующихъ въ Мароко, полковникомъ Руэ (Rouet), командиромъ 65-го полка марокскихъ стрѣлковъ.

Тактика и характеръ веденія операцій, изложенныхъ въ сооб-

*) М. Драгомировъ. „Старыя погудки на новый ладъ". „В. С." 1885 г. №№ 6 и 7.

щеніяхъ полковика Руэ и вызываемые особенностями противника и характеромъ театра военныхъ дѣйствій, примѣняются французами въ Мароко.

Какъ указывается полковникомъ Руэ.*) „Война въ Мароко является главнымъ образомъ маневренной войной. Войска, назначенныя для операцій, должны быть соотвѣтственно организованы и должны быть всегда готовы для выступленія по первому сигналу".

Вотъ выдержки изъ сообщеній полковника Руэ, которыя относятся къ разбираемымъ мною вопросамъ и заслуживаютъ особеннаго вниманія:

„Общіе принципы, которые направляютъ веденіе войны, примѣнимы на всѣхъ театрахъ войны.

Само собой, что эти принципы должны быть приспособлены, при ихъ примѣненіи, къ характеру противника, къ характеру мѣстности, на которой приходится вести операціи, къ особенностямъ условій климатическихъ въ колоніальныхъ раіонахъ, однимъ словомъ— тактика походныхъ движеній, расположенія и боя должны считаться въ Мароко съ совершенно особенной обстановкой, въ которой приходится проводить эти принципы"**). (La Revue d'Infanterie, 1-r Fevrier 1923, p. 290).

Огонь пѣхоты. (La Revue d'Infanterie, 1-er avril 1923, p. 651 et 652) — „Туземный солдатъ, обычно нервный, и нашъ молодой солдатъ короткаго срока службы, направляемые недостаточно опытнымъ кадромъ, имѣютъ склонность расходовать большое количество патроновъ.

Ихъ необходимо подчинить строгой дисциплинѣ огня. Огонь опредѣленнымъ числомъ патроновъ и огонь залпами являются какъ правило.

Надо задерживать, насколько возможно, открытія огня и вести, на сближенныхъ дистанціяхъ, только хорошій прицѣльный огонь. Онъ понижаетъ мгновенно духъ противника, который, обсыпанный большимъ количествомъ пуль въ минимальный промежутокъ времени, будетъ взятъ врасплохъ и будетъ колебаться вести дальнѣйшее наступленіе.

Огонь ведется, обычно, взводами...

Къ скорому огню надо прибѣгать насколько возможно позже, примѣняя магазинный огонь только съ хорошо обученными туземными войсками, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, къ моменту штурма противника, значительное число ружей будетъ выведено изъ строя...***)

Достигнувъ позиціи противника, остановить войска на захвачен-

*) La Revue d'Infanterie, 1-er Mai 1922. p. 571.

**) Въ выноскѣ указано, что всѣ войска должны быть пригодны для дѣйствій на любомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, а потому кадры и части, расположенные въ Мароко, должны быть ознакомлены полностью съ принципами общихъ дѣйствующихъ уставовъ.

***) Т. е. съ заклиненными патронами, разстрѣляннымъ магазиномъ, или по другимъ причинамъ.

ной позиціи и не позволять имъ бросаться въ преслѣдованіе; надо, наоборотъ, остановить ихъ на указанной линіи и обстрѣлять отступающаго противника залпами, что гораздо болѣе дѣйствительно...

Пѣхотная рота обычно снабжена 8-ю ружьями-пулеметами, но вслѣдствіе незначительнаго числа людей, умѣющихъ хорошо употреблять это оружіе, роты употребляютъ въ дѣло часто только ихъ половину...

Оно (т. е. ружье-пулеметъ) мало уязвимо; оно требуетъ звеньевъ хорошо подготовленныхъ, если хотятъ получить отъ ихъ употребленія хорошій результатъ. Оно очень чувствительно*) во время движенія...

Къ моменту штурма приставлять къ ружьямъ штыки: это поднимаетъ увѣренность въ своихъ войскахъ и понижаетъ духъ противника, который рѣдко рѣшается принять штыковой ударъ"...

Резюмируя эти указанія для „Марокскихъ операцій", можно ихъ свести къ слѣдующимъ:

1) Требуется строжайшая дисциплина огня.

2) Коллективный огонь (опредѣленнымъ числомъ патроновъ и залповый) устанавливается, какъ правило.

3) Огонь рекомендуется вести взводами, т. е. руководство огнемъ сосредотачивается, въ низшей инстанціи – въ рукахъ командировъ взводовъ, что полностью сохраняетъ за командиромъ роты руководство огнемъ всей роты.

4) Возстанавливается значеніе „отдѣльнаго стрѣлка" и роты „какъ силы винтовокъ".

5) Автоматическому оружію (ружью-пулемету) отводится подобающее мѣсто, т. е. какъ могучему, но какъ вспомогательному средству.

6) Подчеркивается значеніе угрозы удара въ штыки, т. е. способности части сойтись до рукопашной схватки. Этимъ указывается значеніе способности къ удару, а не только „къ просачиванію"; а слѣдовательно и возстанавливается значеніе къ моменту удара сомкнутаго строя.

Являются ли всѣ эти отступленія отъ указаній устава 1920 года только слѣдствіемъ „особенностей Марокскаго театра войны"?

Среди мотивовъ, приводимыхъ полковникомъ Руэ, есть крайне интересные:

„Туземный солдатъ, обычно нервный, и нашъ молодой солдатъ короткаго срока службы, направляемые недостаточно опытнымъ кадромъ, имѣютъ склонность расходовать большое количество патроновъ".

„Къ скорому огню надо прибѣгать насколько возможно позже, примѣняя магазинный огонь только съ хорошо обученными туземными войсками, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, къ моменту штурма противника, значительное число ружей будетъ выведено изъ строя".

*) Т. е. легко поддается порчѣ и отказываетъ въ дѣйствіи.

„Ружье-пулеметъ требуетъ звеньевъ хорошо подготовленныхъ, Если хотятъ получить отъ ихъ употребленія хорошій результатъ. Оно очень чувствительно во время движенія".

Если дешифрировать эти мотивы, то ихъ истинный смыслъ будетъ таковъ:

1) Огонь, безъ должнаго руководства со стороны командная состава, производимый по желанію стрѣлковъ (Feu ä volante), подъ вліяніемъ волненія въ бою, страха и инстинкта самосохраненія часто обращается въ трескотню, безопасную для непріятеля, но крайне опасную въ моральномъ отношеніи для войскъ ее производящую.

2) Магазинное, а слѣдовательно и автоматическое оружіе, безъ должной дисциплины огня и необходимаго неослабнаго руководства со стороны офицерскаго состава, теряетъ всѣ свои преимущества как оружія, могущаго въ наикратчайшій срокъ послать въ непріятеля, представляющаго изъ себя хорошую цѣль, большое количество пуль.

Вѣроятно, при безпорядочной стрѣльбѣ, часто бывали случаи порчи магазина, заклиненія патроновъ, или разстрѣла безцѣльно и преждевременно имѣвшихся обоймъ (или патроновъ) и пулеметныхъ лентъ, слѣдствіемъ чего явилось то, что въ нужный моментъ въ рукахъ стрѣлковъ не оказывалось магазиннаго или автоматическаго оружія.

Указывается, что перечисленныя выше поправки къ уставу 1920 года должны примѣняться на Марокскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Но дѣйствительно ли эти поправки должны имѣть только столь странное территоріальное ограниченіе, вызываемое особенностями противника и театра военныхъ дѣйствій? Нѣтъ ли здѣсь уже сознанія, что уставъ 1920 года, составленный по опыту Европейской войны, въ смыслѣ установленія характера огня, даетъ однобокіе и недостаточно продуманные выводы изъ этого опыта?

Вѣдь надо полагать, что на европейскомъ театрѣ въ рядахъ французской арміи будутъ дѣйствовать тѣ-же нервныя и неумѣющія обращаться съ магазиннымъ оружіемъ туземныя части, а въ составъ европейскихъ французскихъ частей будутъ вливаться контингенты еще менѣе подготовленные, чѣмъ это имѣетъ мѣсто нынѣ, въ мирное время, при укомплектованіи частей, дѣйствующихъ въ Африкѣ.

Очевидно, что мотивы, приводимые полковникомъ Руэ, что называется, притянуты за волосы, а дѣйствительные мотивы измѣненій въ требованіяхъ относительно характера огня — именно тѣ, которые указываются мною.

А если это такъ, то поправки, дѣлаемыя французами къ уставу 1920 года для Марокскаго театра войны, являются суровымъ приговоромъ введенія только индивидульнаго, по желанію стрѣлка, огня и отказа отъ строгой его дисциплины.

Не являются ли эти поправки и косвеннымъ приговоромъ расчлененія всего боевого порядка на группы по 10—12 человѣкъ,

включающія въ себя каждая автоматическое оружіе? Вѣдь эта форма боевого порядка, основанная на томъ, что нынѣ дѣйствія пѣхоты зиждятся лишь на дѣйствіяхъ группъ съ автоматическимъ оружіемъ, и привела къ установленію видовъ огня, указанныхъ въ уставѣ 1920 года.

* * *

ПОЗИЦІОННАЯ ВОЙНА.

Разбирая статью Шнеура „Годъ на конѣ“ М. Драгомировъ*), въ 1885 г., между прочимъ, указалъ на слѣдующее:

„Дѣйствительно, импровизованные укрѣпленные лагери играли въ послѣднее время роль блистательную; но это указываетъ только на одно, что не нужно давать времени непріятелю возводить ихъ; на это есть много способовъ, изъ коихъ первый — начинать кампанію съ достаточными силами.

Замѣчаемаго авторомъ поворота къ позиціонной системѣ мы, признаться, не замѣчаемъ; тѣ затяжки кампаніи, которыя всегда слѣдуютъ за неудачами (преимущественно наступающаго, иногда и обороняющагося), представляютъ явленія другого корня и объясняются просто тѣмъ, что потерпѣвшій неудачу собирается съ силами, а его противникъ недостаточно рѣшителенъ или недостаточно силенъ, чтобы переходить въ наступленіе или воспользоваться своей удачей. Такого рода затишья представляютъ намъ и кампаніи Наполеона: перерывы дѣйствій въ 1796 году, наступавшіе за каждымъ отраженіемъ австрійцевъ; въ 1809 послѣ Асперніской неудачи; въ 1812-мъ, послѣ Бородина; въ 13-мъ, послѣ Бауцена. Въ подобныхъ перерывахъ, равно и въ Плевненскомъ, нѣтъ ничего сходнаго съ тѣмъ, что принято въ теоріи разумѣть подъ позиціонной системой“.

Европейская война, на большемъ своемъ протяженіи, носила уже чисто позиціонный характеръ, но главная причина перехода къ позиціонной войнѣ была та-же, которую указываетъ М. Драгомировъ, какъ причину приводимыхъ имъ примѣровъ затяжекъ кампаній, т. е. недостатокъ силъ и средствъ.

Я уже отмѣтилъ, что ошибочно всѣ выводы строить на позиціонномъ характерѣ Европейской войны, думая, что и впредь всякая большая война будетъ носить позиціонный характеръ.

Конечно, не всѣ такъ думаютъ, но очень и очень многіе, находясь подъ гипнозомъ позиціоннаго характера Европейской войны и страшнаго развитія техническихъ средствъ борьбы, совершенно не представляютъ себѣ будущихъ войнъ въ видѣ полевыхъ маневренныхъ операцій.

Правда, за это говорятъ и многомилліонныя современныя арміи и страшное развитіе техническихъ средствъ борьбы, и, наконецъ, общее стремленіе при первоначальномъ сосредоточеніи войскъ быть достаточно сильными на всѣхъ важныхъ направленіяхъ — не только

*) М. Драгомировъ. „14 Лѣтъ“, 1881 — 1894 г. г., стр. 108

своего удара, но и возможныхъ ударовъ со стороны противника. Послѣднее же приводитъ къ кордонной системѣ, мѣшающей сосредоточить достаточныя силы и средства на важнѣйшихъ направленіяхъ.

Неудачи-же, являющіяся результатомъ наступленій съ недостаточными силами и средствами, приводили къ необходимости переходить къ позиціонной борьбѣ, дабы имѣть время и возможность накопить новыя силы и достаточныя средства для новаго удара и для новаго перехода въ наступленіе.

Блестяще задуманный германцами ударъ по французской арміи въ 1914 году не былъ проведенъ полностью, вслѣдствіе ослабленія провофланговой группы.

Мольтке не имѣлъ мужества принять на себя всю отвѣтственность и провести до конца, повторяю, блестяще задуманный планъ.

Марнское сраженіе въ 1914 г. было проиграно германцами въ значительной степени изъ-за недостатка силъ и средствъ, которыя, при болѣе талантливомъ руководителѣ наступленіемъ германскихъ армій, была полная возможность имѣть на лицо.

Французы, перейдя въ наступленіе послѣ Марнской побѣды, выдохлись и, не имѣя достаточныхъ силъ и средствъ, прекратили давленіе на противника, перешедшаго къ оборонѣ.

Началась позиціонная борьба на западномъ фронтѣ.

На нашемъ, восточномъ, фронтѣ позиціонная борьба установилась въ 1915 году, опять таки, вслѣдствіе того, что наши наступленія 1914 и начала 1915 годовъ потерпѣли неудачу отчасти отъ недостатка, въ нѣхоторыхъ случаяхъ, силъ, а главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка техническихъ средствъ.

Наступленіе на нашемъ юго-западномъ фронтѣ весной 1916 года имѣло, какъ извѣстно, первоначально демонстративный характеръ. Ставка предполагала нанести главный ударъ на западномъ фронтѣ.

Совершенно неожиданно для Ставки наступленіе на юго-западномъ фронтѣ вылилось въ грандіозный прорывъ австро-венгерскаго фронта и обѣщало, при своемъ развитіи, превратиться въ очень крупную побѣду съ полной ликвидаціей австро-венгерскихъ силъ. Въ то-же время главнокомандующій западнаго фронта генералъ Эвертъ проявилъ колебаніе и настойчиво просилъ объ отсрочкѣ намѣченнаго наступленія, пока онъ не будетъ усиленъ еще новыми техническими средствами.

Ставка рѣшила отмѣнить намѣчавшійся ударъ на западномъ фронтѣ и развить успѣхъ, достигнутый къ началу Іюня 1916 года на юго-западномъ фронтѣ. Но желѣзныя дороги не могли справиться съ быстрой переброской силъ и техническихъ средствъ борьбы съ западнаго на юго-западный фронтъ и усиленіе послѣдняго началось поздно и недостаточными силами — „пачками". Войска же юго-западнаго фронта, ослабленныя большими потерями въ непрерывныхъ бояхъ и утомленныя, а также неподдержанныя во время, что называется, выдохлись, а германцы, спасая австро-венгерскую армію,

успѣли перебросить къ угрожаемымъ раіонамъ значительныя силы и возстановили прорванный фронтъ. Къ этому надо добавить, что, вслѣдствіе недостаточно быстрой подачи на фронтъ огнестрѣльныхъ припасовъ, войска юго-западнаго фронта снова стали ощущать недостатокъ въ снарядахъ.

Борьба на фронтѣ стала затихать и снова превратилась въ чисто позиціонную.

При разработкѣ плана кампаніи на 1917 годъ*), бывшій въ то время**) временно исполнявшимъ должность начальника штаба Верховнаго Гланокомандующаго, генералъ Гурко, чувствуя себя „калифомъ на часъ" не могъ съ достаточной рѣшимостью провести тотъ планъ, который онъ считалъ лучшимъ. Каждый изъ главнокомандующихъ страстно отстаивалъ интересы именно своего фронта; генералъ Рузскій указывалъ на опасность ослабленія сѣвернаго фронта, говоря, что если это произойдетъ, то, не только арміи его фронта не будутъ способны къ какой либо серьезной наступательной операціи, но онъ не ручается за обезпеченіе Петрограда въ случаѣ наступленія германцевъ.

Генералъ Эвертъ указывалъ на необходимость усиленія западнаго фронта, доказывая, что главный ударъ долженъ быть произведенъ на его фронтѣ; въ случаѣ же ослабленія армій его фронта онъ выражалъ опасеніе въ возможности удержать позиціи при переходѣ въ наступленіе германцевъ.

Генералъ Брусиловъ, основываясь на опытѣ наступленія 1916 года, указывалъ, что юго-западный фронтъ можетъ успѣшно выполнить возлагающуюся на него задачу только въ томъ случаѣ, если заблаговременно, въ направленіяхъ, выбранныхъ для главнаго удара, будутъ сосредоточены сильные резервы на счетъ войскъ другихъ фронтовъ.

Генералъ Сахаровъ протестовалъ противъ возможности ослабить войска румынскаго фронта, указывая, наоборотъ, на необходимость ихъ усиленія.

Бывшій въ отпуску по болѣзни начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ Алексѣевъ, которому посылались для свѣдѣнія предположенія Ставки на 1917 г., не будучи согласнымъ съ нѣкоторыми изъ намѣчавшихся Ставкой рѣшеній, горячо противъ нихъ протестовалъ, прося довести до свѣдѣнія Государя, какъ Верховнаго Главнокомандующаго, свое мнѣніе.

Это былъ періодъ, когда характеръ позиціонной борьбы, выражавшійся прежде всего въ кордонной системѣ и стремленіи быть достаточно сильными на всѣхъ направленіяхъ, подавлялъ умъ и волю старшаго командного состава.

Чѣмъ бы кончилась кампанія 1917 года, если-бы не разразилась, во славу врагамъ и интернаціоналу, „великая и безкровная" революція въ Россіи, гадать, конечно, болѣе чѣмъ трудно; но мнѣнія глав-

---

*) Въ ноябрѣ и декабрѣ 1916 года.
**) Съ ноября 1916 г. до половины февраля 1917 года.

нокомандующихъ сѣвернаго, западнаго и румынскаго*) фронтовъ восторжествовали въ томъ смыслѣ, что для предполагавшагося главнаго удара на юго-западномъ фронтѣ было намѣчено совершенно недостаточное количество силъ для дѣйствительно серьезной операціи.

Этими примѣрами я хотѣлъ показать, что переходъ къ позиціоной борьбѣ въ теченіе Европейской войны происходилъ прежде всего вслѣдствіе недостатка силъ и средствъ, которыя нужно было дополнить и замѣнить окопами и проволокой, дабы оградить себя отъ ударовъ противника и получить время для производства новаго накапливанія силъ и матеріальныхъ техническихъ средствъ для новаго усилія, новаго перехода въ наступленіе.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, созданіе сплошной укрѣпленной позиціи, особенно на нашемъ фронтѣ, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, вызывало стремленіе вездѣ быть достаточно сильными и мѣшало подготовкѣ операціи въ крупномъ маштабѣ, позволявшей бы, послѣ прорыва позицій противника, выдти на просторъ съ крупными свѣжими силами и рѣшить участь кампаніи полевыми боями.

Можно ли быть увѣренными, что и будущія войны будутъ приводить въ результатѣ къ позиціонной борьбѣ и къ борьбѣ на истощеніе?

Конечно нѣтъ.

А разъ этой увѣренности нѣтъ, то, дѣлая выводы изъ опыта Европейской войны, нельзя забывать, что надо прежде всего быть подготовленными къ полевой борьбѣ, учитывая, *что она можетъ превратиться и въ борьбу позиціонную.*

* * *

КОННИЦА НА ПОЛЯХЪ СРАЖЕНІЙ.

Уже въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ развитія огнестрѣльнаго оружія, въ военной литературѣ проповѣдывалось, что „коннйцѣ нѣтъ мѣста на поляхъ сраженій“. По этому вопросу, называя его „моднымъ миражемъ“, М. Драгомировъ писалъ: „Миражъ, созданный на неопредѣленности выраженій и на маломъ знакомствѣ съ исторіей конницы. Противъ пѣхоты, не потерявшей самообладанія, конница никогда не могла сдѣлать особенно много; но противъ опрокинутой или застигнутой врасплохъ она дѣлала то, чего никакой другой родъ войскъ сдѣлать не въ состояніи: батальоны, опрокидываемые десятками, плѣнные, забираемые тысячами.

Въ какой моментъ сраженія ей нѣтъ мѣста? Если въ началѣ, то и прежде такъ было; если въ концѣ, то это не вѣрно. Какъ чистѣйшій и вслѣдствіе того односторонній представитель нравственной энергіи — конница и прежде считалась и будетъ считаться съ нрав-

*) Генерала Сахарова, который назывался „помощникомъ Главнокомандующаго Главнокомандующимъ считался Румынскій Король.

ственнымъ состоянiемъ людей и никогда съ состоянiемъ оружiя. Какъ бы послѣднее ни стало совершеннымъ, оно ни на iоту не измѣнитъ нравственной стороны человѣка, который не сдѣлался менѣе доступенъ унынiю, отчаянiю, паникѣ отъ того, что у него нарѣзная скорострѣлка. А если это такъ, то минуты унынiя, отчаянiя, паники въ непрiятельской пѣхотѣ будутъ случаться теперь, какъ и прежде, и будутъ всегда торжествомъ для нашей конницы. Правда, пѣхоту можно сдѣлать менѣе доступной сказаннымъ чувствамъ; но это достигается воспитанiемъ, направленнымъ къ развитiю самообладанiя, а не тѣмъ, либо другимъ ружьемъ*)".

Въ 1891 г. въ статьѣ „Холодное оружiе", помѣщенной въ „Развѣдчикѣ", М. Драгомировъ, затрагивая вновь вопросъ о „военныхъ призракахъ" и ссылаясь на свою статью, напечатанную въ 1883 г., говоритъ:

„Помнится, въ той статьѣ былъ, между прочимъ, приведенъ призракъ, кажущiй, будто „при современномъ оружiи конницѣ нѣтъ мѣста на поляхъ сраженiй". Высказывалось это прямо и рѣшительно, не задумываясь и даже не краснѣя. Помнится также, что этотъ призракъ я попытался разсѣять напоминанiемъ слѣдующихъ фактовъ: 1) конница дѣлаетъ чудеса, когда руководима настоящими, ея духу и свойствамъ приличествующими, начальниками; нѣтъ ихъ, нѣтъ и конницы; такъ всегда было, слѣдовательно, всегда и будетъ; 2) такая зависимость отъ командира**) обусловливается тѣмъ, что пѣхота сама вырабатываетъ себѣ мгновенiя для атаки, конница же должна ловить на лету такiя мгновенiя, когда они представляются, а на это способны весьма немногiе; 3) и во времена Фридриха Великаго удары конницы были блистательны только тогда, когда она заставала пѣхоту врасплохъ, т. е. въ строѣ, неудобномъ для встрѣчи кавалерiйской атаки: подъ Россбахомъ—походныя колонны***), подъ Гогенъ-Фридбергомъ—развернутые батальоны, занятые перемѣною фронта. Слѣдовательно, выводъ о современномъ яко-бы ничтожествѣ конницы объясняется не усовершенствованнымъ оружiемъ, а просто тѣмъ, что проповѣдывавшiе эту вредную нелѣпость не дали себѣ труда обслѣдовать дѣло со всѣхъ сторонъ, подчинившись непродуманному первичному впечатлѣнiю дальнобойности. Они были бы правы, доказавъ, что пѣхоту теперь никогда нельзя застать врасплохъ, и что въ будущемъ конница никогда не будетъ имѣть талантливыхъ начальниковъ. Очевидно, ни того, ни другого въ зависимости отъ усовершенствованiй огнестрѣльнаго оружiя доказать нельзя, не глумясь воочiю и сознательно надъ здравымъ смысломъ. И что это такъ, доказательство на лицо; только они его проглядѣли для того вѣроятно, чтобы не ослаб-

---

*) М. Драгомировъ. „Военные призраки" „Воен. Сб" 1883 г № 3.

М Драгомировъ: „14 лѣтъ" 1891—1994 г.г.; стр 57 и 58.

**) Она существуетъ и такъ же могуча и въ пѣхотѣ но не такъ рѣзко проявляется Еще древнiе говорили: лучше армiя барановъ, предводимая львомъ, нежели армiя львовъ, предводимая бараномъ.

***) Т. е. полная неготовность къ бою, не только матерiальная, но главное духовная.

лять силы своей аргументаціи; это атака Бехтольсгейма на итальянскомъ театрѣ войны, въ кампанію 1866 г., въ сраженіи при Кустоццѣ: съ тремя, кажется, взводами онъ опрокинулъ цѣлую пѣшую бригаду, шедшую въ походномъ порядкѣ и вооруженную не гладкимъ оружіемъ. Да если бы она была вооружена скорозаряднѣйшимъ и дальнобойнѣйшимъ оружіемъ, развѣ это помогло бы другому исходу столкновенія? Вотъ что значитъ конница въ умѣлыхъ рукахъ. „Да, но вѣдь это случается такъ рѣдко". И прежде это случалось не часто; ударовъ, вродѣ Россбахскаго и Фридбергскаго я и въ ту эпоху знаю только два*)".

Вопросъ о значеніи конницы въ современныхъ войнахъ возбуждалъ много споровъ и въ періодъ незадолго до Европейской войны.

Теперь, послѣ войны, мнѣнія по этому вопросу участниковъ войны различны и для правильнаго разрѣшенія задачи по будущей организаціи конницы въ русской арміи надо его внимательно разобрать.

Есть, конечно, и такіе участники войны, которые утверждаютъ, что конница вообще потеряла теперь всякое значеніе, не только на поляхъ сраженій, но и до нихъ. Другіе, признавая, что за конницей все же сохранилось развѣдывательное значеніе; значеніе при охраненіи; значеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ завѣсы, и значеніе, какъ рода войскъ, которое можно быстро перебросить на болѣе или менѣе дальнее разстояніе для занятія и обезпеченія важныхъ пунктовъ, переправъ и проч., — совершенно отрицаютъ ея значеніе на поляхъ сраженій.

Изъ лицъ второй категоріи есть много такихъ, которыя, признавая за конницей значеніе внѣ полей сраженій, склонны смотрѣть на нее лишь какъ на ѣздящую пѣхоту, которую надо снабжать всѣми современными техническими усовершенствованіями — до танковъ включительно.

Лично считаю, что значеніе конницы внѣ полей сраженій сохранилось въ полной мѣрѣ, лишь бы были у нея соотвѣтствующіе начальники. Слишкомъ утяжелять, превращать конницу въ „ѣздящую пѣхоту" не слѣдуетъ.

Я не буду останавливаться болѣе подробно на значеніи конницы внѣ полей сраженій, предоставляя высказаться по этому вопросу болѣе компетентнымъ лицамъ, а остановлюсь лишь на вопросѣ о значеніи конницы на поляхъ сраженій.

Я категорически утверждаю, что мысли, высказанныя М. Драгомировымъ въ 1883 и въ 1891 годахъ, получили блестящее подтвержденіе въ теченіе Европейской войны 1914 - 1918 годовъ.

Если конницу при позиціонной войнѣ сажали въ окопы на второстепенныхъ участкахъ и превращали въ пѣхоту, если ею не умѣли пользоваться на поляхъ сраженій, то отсюда еще далеко до вывода, что она потеряла свое значеніе и что ей „нѣтъ мѣста на поляхъ сраженій".

---

*) М. Драгомировъ „Холодное оружіе". „Развѣдчикъ" 1891 г. № 79. М. Драгомировъ; „14 лѣтъ" 1881—1894 г.г стр. 272 и 273.

Чтобы сдѣлать правильный выводъ, надо только болѣе внимательно и безпристрастно изучить теченіе боевъ въ періодъ Европейской войны и вспомнить тѣ многочисленные случаи, когда можно и должно было примѣнить въ дѣло конницу.

Если бы, въ періодъ нашего отступленія на западномъ фронтѣ въ 1915 году, германская конница имѣла во главѣ талантливаго кавалерійскаго начальника, то она могла бы надѣлать много бѣдъ и наше отступленіе могло бы не закончиться сравнительно благополучно.

Если бы, въ 1917 году, послѣ нашего неудачнаго іюльскаго наступленія на юго-западномъ фронтѣ и прорыва германцами нашего расположенія, они бросили въ образовавшуюся брешь значительную конную массу, то наши дезорганизованныя*) войска никогда не остановились бы на новой линіи обороны и все дѣло закончилось бы для насъ полной катастрофой.

А сколько было случаевъ, когда мы готовы были кусать себѣ локти, не имѣя на поляхъ сраженій подъ рукой конницы и чувствуя, что, изъ-за ея отсутствія, ускользаетъ случай блестящей побѣды.

Такихъ случаевъ было много и ихъ слѣдуетъ вспомнить, дабы не дѣлать однобокихъ выводовъ.

Я здѣсь приведу только тѣ случаи, которые происходили на моихъ глазахъ и которые, если такъ можно выразиться, я самъ переживалъ.

Послѣ прорыва австро-венгерской позиціи 22 мая*) 1916 г. намъ пришлось въ теченіе четырехъ дней отбивать контръ-атаки австрійцевъ. 25-го мая, около 6 ч. вечера, со стороны австрійцевъ послѣдовала послѣдняя контръ-атака: противъ частей 126-го пѣх. Рыльскаго полка, занимавшаго участокъ позиціи къ сѣверо-востоку отъ Добронавца (схема № 1), австрійцы бросили въ конномъ строю два или три эскадрона. Замѣченные своевременно, эскадроны были обсыпаны нѣсколькими очередями шрапнелей и разсѣялись. Эта конная атака со стороны австрійцевъ, направленная противъ окопавшейся пѣхоты, прорвавшей передъ тѣмъ нѣсколько рядовъ укрѣпленной позиціи, блестяще отражавшей всѣ контръ-атаки пѣхоты противника и чувствовавшей высокій моральный подъемъ, была просто безуміемъ и примѣромъ, как ъ нельзя употреблять конницу.

Къ вечеру 25-го мая не только замерли контръ-атаки со стороны австрійцевъ, но почти прекратился съ ихъ стороны и артиллерійскій огонь.

За ночь съ 25 на 26 мая наши развѣдчики не могли продвинуться впередъ и не удалось выяснить, что дѣлается у австрійцевъ. На ихъ фронтѣ оставались не занятыми нами два сильно укрѣпленныхъ узла сопротивленія: одинъ — высота „270“ передъ фронтомъ 11-й пѣхотной дивизіи, другой — на моемъ лѣвомъ флангѣ (я коман-

*) и деморализованныя

**) По старому стилю.

довалъ 32-й пѣх. дивизіей и мнѣ на время операціи была подчинена 19-я пѣх. дивизія) высота „458“.

Необходимо было ихъ взять во что-бы то ни стало.

Командиръ XI-го арм. корпуса, которому на время операціи были подчинены XII-й арм. корпусъ и конный Текинскій полкъ, при-

казываетъ начальникамъ 11-й и 32-й пѣх. дивизій взять 26-го мая высоты „270“ и „458“, а 12-й пѣх. дивизіи, пройдя черезъ расположеніе 11-й пѣх. дивизіи, атаковать австрійцевъ между Окно и высотой „270“ въ юго-западномъ направленіи, вдоль дороги отъ Окно на Юркоуцъ.

Послѣ артиллерійской подготовки высоты „270“ и „458“ были взяты. 12-я пѣх. дивизія, сломивъ сопротивленіе австрійцевъ, съ

полнымъ успѣхомъ продвигалась впередъ. Донесенія съ фронта и наблюденія съ наблюдательныхъ пунктовъ опредѣленно указывали, что по всему фронту начинается отступленіе противника. Безпорядочная, мѣстами затихающая артиллерійская стрѣльба австрійцевъ, указывала, что артиллерія нервничаетъ и или мѣняетъ позиціи, или совсѣмъ уходитъ.

Наступило время когда надо было броситься впередъ, когда, какъ казалось, достаточно было еще одного рѣзкаго толчка и все побѣжитъ назадъ.

Наступилъ моментъ, когда обстановка опредѣленно требовала бросить впередъ конницу. Утомленная и понесшая большія потери за всѣ предыдущіе дни боя пѣхота этого усилія сдѣлать не могла.

Въ распоряженіи командира XI-й арм. корпуса былъ только одинъ конный Текинскій полкъ, который онъ и двинулъ впередъ.

Текинскій конный полкъ, четырехъ-эскадроннаго состава, вышелъ сѣвернѣе высоты „270“, наткнулся на безпорядочно отступавшую пѣхоту противника, опрокинулъ ее и взялъ около 1500 плѣнныхъ.

Если бъ вмѣсто 4-хъ эскадроннаго полка безъ артиллеріи была хотя-бы одна кавалерійская дивизія съ хорошимъ начальникомъ во главѣ, то результатъ могъ-бы получиться очень серьезный и австрійцы, можетъ быть, не были бы въ силахъ, оторвавшись отъ насъ на 2—3 перехода, прочно закрѣпиться на новой позиціи.

Второй случай былъ въ концѣ Іюня 1916 г. около Делятина (схема №2).

Командиръ XI-го арм. корпуса, графъ Баранцевъ, получилъ приказаніе отъ командующаго IX-й арміей, генерала Лечицкаго, во чтобы то ни стало отбросить австро-венгерскія и германскія части (послѣднія стали появляться на нашемъ фронтѣ съ середины іюня) на лѣвый берегъ Прута и занять Делятинъ. Въ случаѣ успѣха этой операціи XI-й арм. корпусъ выходилъ во флангъ австро-венгерскимъ частямъ, занимавшимъ сильную позицію, прикрывающую Станиславовъ и облегчалъ дѣйствія XXXIII-го, XLI-го, и XII-го арм. корпусовъ, направленныхъ на него.

Позиція австро-венгерцевъ на правомъ берегу Прута была очень сильна и неоднократныя попытки ихъ опрокинуть, какъ со стороны 11-й пѣх., такъ и 32-й дивизій, къ успѣху не приводили.

Связь между лѣвымъ и правымъ берегами Прута производилась австрійцами по постоянному каменному мосту у южной окраины Делятина (шоссейный мостъ) и по каменному мосту на шоссе, примѣрно, въ 15 верстахъ къ востоку отъ Делятина. Въ промежуткѣ между этими постоянными мостами австрійцами былъ устроенъ цѣлый рядъ временныхъ пѣшеходныхъ деревянныхъ мостовъ.

Послѣ одной изъ нашихъ неудачныхъ попытокъ опрокинуть австрійцевъ, къ вечеру разразилась сильная буря съ ливнемъ. За ночь Прутъ вздулся, были снесены всѣ временные деревянные мосты, устроенные австрійцама и переправа черезъ рѣку стала возможной лишь черезъ постоянные мосты.

Создавшейся обстановкой надо было пользоваться.

Утромъ, какъ только выяснилась обстановка, я доложилъ командиру XI-го корпуса о моемъ предположеніи атаковать австрійцевъ на слѣдующій день и просилъ немедленно прислать мнѣ одинъ полкъ 82-й пѣх. дивизіи и два конныхъ полка, имѣвшихся въ распоряженіи штаба корпуса.

Мой планъ заключался въ томъ, чтобы сильной, непосредственной угрозой противъ переправы къ югу отъ Делятина и нажимомъ съ фронта заставить австрійцевъ начать отступленіе и затѣмъ, воспользовавшись естественной суматохой, которая начнется изъ-за опасенія быть отрѣзанными отъ единственнаго черезъ рѣку моста, докончить дѣло конницей.

Получивъ согласіе командира корпуса на присылку просимыхъ частей, я переговорилъ по телефону съ начальникомъ 11-й пѣх. дивизіи относительно совмѣстныхъ дѣйствій и отдалъ нужныя приказанія.

Къ 6 часамъ слѣдующаго дня*) подошелъ полкъ 82-й пѣх. дивизіи.

Этотъ полкъ былъ мною направленъ черезъ высоту „801“ для удара непосредственно въ направленіи на переправу къ югу отъ Делятина.

Съ одной стороны для прикрытія со стороны Ворохты, а съ другой стороны для того, чтобы создать впечатлѣніе у австрійцевъ, что предпринята операція противъ Ворохты и Яремче, что также угрожало ихъ правому флангу, въ направленіи на Ворохту былъ вы-

*) Къ сожалѣнію, не помню точно какого это было числа іюня мѣсяца.

двинутъ небольшой отрядъ, въ составѣ 1 батальона, 1 батареи и 1 сотни горцевъ*).

Къ 12 часамъ я получилъ донесеніе отъ командира полка 82-й пѣх. дивизій*), что онъ, встрѣчая слабое сопротивленіе со стороны небольшихъ частей сторожевой охраны противника, успѣшно продвигается впередъ и достигъ высоты с. Яремче.

Было приказано начать артиллерійскую подготовку передъ фронтомъ дивизіи.

Въ 14 часовъ началось наступленіе.

Къ 16 часамъ я получилъ донесеніе по телефону отъ командира полка 82-й пѣх. дивизіи, что онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу серьезное сопротивленіе со стороны хотя небольшихъ, но очень упорно отстаивающихъ мѣстность группъ противника; что продвиженіе впередъ крайне трудно и что полкъ несетъ большія потери. Затѣмъ, указывая на то, что вслѣдствіе ночного перехода и очень пересѣченной мѣстности, люди крайне утомились, онъ просилъ разрѣшенія отложить наступленіе на переправу до слѣдующаго дня.

Къ этому времени наступленіе замерло и по всему фронту дивизіи. Командиры полковъ доносили, что позиція противника очень сильна, во многихъ мѣстахъ прикрыта проволочными загражденіями, что люди утомлены и высказывали сомнѣніе въ возможности успѣха.

Наступленіе сосѣдней 11-й пѣх. дивизіи также захлебнулось.

Ясно было, что на дальнѣйшее успѣшное продвиженіе полка 82-й пѣх. дивизіи разсчитывать было нельзя, но, съ другой стороны, мнѣ представлялось, что это движеніе, по направленію единственной переправы къ югу отъ Делятина, должно было уже оказать впечатлѣніе на австро-венгерскія части, занимавшія позицію на правомъ берегу Прута; вода въ Прутѣ стала спадать и за слѣдующую ночь австрійцы успѣли бы навести цѣлый рядъ мостиковъ черезъ рѣку и откладываніе операціи еще на сутки не давало надежды на крупный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что была увѣренность, что австрійцы, учтя трудность своего положенія, переведутъ за слѣдующую ночь свою артиллерію съ праваго на лѣвый берегъ Прута.

Я рѣшилъ попытаться закончить операцію въ тотъ-же день.

Вызвавъ къ телефону командира полка 82-й пѣх. дивизіи, я отдалъ категорическое приказаніе продолжать наступленіе, указавъ, что 32-я пѣх. дивизія сейчасъ будетъ атаковать позицію противника и отъ его дѣйствій зависитъ успѣхъ всей операціи.

Артиллеріи приказано было усилить огонь по непріятельской позиціи, развивъ наибольшую его силу передъ фронтомъ 127-го п. Путивльскаго полка.

Командиру 127-го п. Путивльскаго полка было сказано, что полкъ 82-й пѣх. див. успѣшно продвигается къ переправѣ и что теперь весь успѣхъ операціи зависитъ отъ дѣйствій ввѣреннаго ему

*) Эта сотня еще передъ тѣмъ была выслана для освѣщенія мѣстности и развѣдки на моемъ лѣвомъ флангѣ

**) Къ сожалѣнію не помню номера и названія полка.

полка; чтобы онъ, послѣ короткой артиллерійской подготовки, атаковалъ находящійся передъ нимъ участокъ позиціи непріятеля.

Командирамъ 126-го п. Рыльскаго и 128-го п. Старооскольскаго полковъ было приказано подготовиться къ атакѣ позиціи противника и произвести ее вслѣдъ за атакой позиціи 127-мъ пѣх. Путивльскимъ полкомъ, о времени начала которой, приблизительно черезъ часъ, имъ будетъ сказано*).

Начальнику 11-й п. дивизіи было передано, что 32-я п. дивизія черезъ часъ атакуетъ противника.

Такъ какъ обѣщанные мнѣ два конныхъ полка до этихъ поръ не подошли и, по полученнымъ свѣдѣніямъ, ихъ подходъ можно было ожидать лишь къ 7—8 ч. вечера, то я приказалъ единственной бывшей въ моемъ распоряженіи конвойной Кубанской сотнѣ продвинуться впередъ — за правый флангъ 126-го п. Рыльскаго полка.

Послѣ короткой, но сильной артиллерійской подготовки, въ началѣ 18-го часа, 127-й п. Путивльскій полкъ началъ атаку.

Австрійцы, бывшіе на позиціи передъ фронтомъ этого полка, сначала по одиночкѣ, а затѣмъ небольшими группами стали покидать свои окопы и отходить назадъ. 126-му и 128-му п. полкамъ было приказано начать атаку.

Прошло какихъ нибудь десять минутъ и все поле передъ фронтомъ 32-й п. дивизіи покрылось бѣгущими назадъ австрійцами.

Никто изъ насъ не ожидалъ, что передъ нами такія значительныя силы!

Наступилъ моментъ; когда нужно было бросить впередъ конницу; а ея, кромѣ одной конвойной сотни, не было!

Эта сотня выскочила впередъ, но очень неудачно: по шоссе въ колоннѣ по шести.

Австрійцы ее обдали нѣсколькими очередями шрапнели и она повернула назадъ.

Пѣхотѣ приказано было безостановочно продвигаться впередъ; въ частности 126-му п. Рыльскому полку было указано по кратчайшему пути выходить къ мосту къ югу отъ Делятина. Части артиллеріи было приказано продвигаться впередъ вмѣстѣ съ пѣхотой и бить по переправѣ.

Но пѣхота была дѣйствительно крайне утомлена и продвигалась очень медленно.

Австрійцы успѣли убрать почти всю артиллерію.

Въ наши руки попало всего 4 орудія; плѣнныхъ же было взято около 7.000 человѣкъ.

Въ этомъ бою конница ничего не сдѣлала; но если-бъ къ моменту, когда австрійцы бросили свои позиціи, было подъ рукой 1—2 полка, во главѣ съ хорошимъ начальникомъ, то навѣрно результаты дѣйствія конницы на этомъ полѣ битвы были бы блестящи и австрійцы не убрали бы своей артиллеріи. Паника среди нихъ была полная.

*) Наиболѣе сильная позиція противника была передъ фронтомъ 126-го и 128-го п. полковъ; поэтому я не рисковалъ начать атаку на ихъ фронтѣ.

Приведя эти два примѣра, думаю, что они не были единственными исключеніями и такихъ примѣровъ, за время кампаніи, можно было бы набрать много.

А если это такъ, то утвержденіе, что „конницѣ нѣтъ мѣста на поляхъ сраженій"—не вѣрно и для нашей эпохи могучаго развитія огнестрѣльнаго оружія.

Конница —дорогой родъ оружія, но если ее воспитывать, какъ конницу, а не только какъ ѣздящую пѣхоту, снабженную техникой до танковъ включительно, то при умѣломъ ея употребленіи и при подборѣ хорошихъ кавалерійскихъ начальниковъ, она будетъ всегда „современна" и сторицей окупитъ государству свое содержаніе.

А. ЛУКОМСКІЙ.

Эволюція укрѣпленныхъ позицій въ міровой войнѣ и нѣкоторые выводы для будущаго.

(Историческая часть доклада, прочитаннаго на сербскомъ языкѣ въ засѣданіи О-ва Ревнителей Военныхъ Знаній въ г. Бѣлградѣ въ 1922 г.).

О значеніи техники въ міровой войнѣ много говорить не приходится. Не только вся война „вооруженныхъ народовъ", благодаря техническому прогрессу послѣднихъ лѣтъ, получила тотъ характеръ и тотъ масштабъ, которыхъ не предвидѣли самые дальновидные мыслители, но и всѣ видоизмѣненія въ пріемахъ тактической борьбы, непрерывно слѣдовавшія во время самой войны, являлись результатомъ новыхъ техническихъ изобрѣтеній, тотчасъ же вводимыхъ въ дѣйствіе. Фортификація, какъ отрасль военной техники и средство стратегіи и тактики, играла весьма важную роль въ великой борьбѣ и подвергалась тоже эволюціи. Видоизмѣнялись не только формы и детали фортификаціонныхъ сооруженій, но и пріемы примѣненія этихъ формъ на мѣстности, съ цѣлью созданія новыхъ, болѣе выгодныхъ условій для противодѣйствія новымъ тактическимъ и техническимъ пріемамъ нападенія.

Но если передъ великой войной и раздавались еще голоса о томъ, что фортификація есть лишь средство обороны, то послѣ опыта міровой войны эти голоса должны окончательно замолкнуть, такъ какъ стало ясно, что во многихъ случаяхъ боевой обстановки атакующій не можетъ произвести задуманную операцію, не использовавъ фортификацію въ объемѣ иногда даже большемъ, чѣмъ его обороняющійся противникъ. Такъ, напримѣръ, при подготовкѣ прорыва австрійской укрѣпленной позиціи на р. Стрыпѣ весной 1916 года, VII русская армія произвела на фронтѣ атаки большее количество работъ, чѣмъ ихъ было на томъ же участкѣ укрѣпленной позиціи.

Примѣненіе фортификаціи, какъ средства **нападенія**, поставило военнымъ инженерамъ во время войны новыя задачи. Нельзя было ограничиваться существовавшей теоріей „самоокапыванія при наступленіи", такъ какъ этого „самоокапыванія" было далеко недостаточно. Необходима была разработка теоріи „наступательной фортификаціи", опираясь на предыдущій опытъ великой войны.

Итакъ, во время самой великой войны теоріи фортификаціи все время ставились новыя задачи и обороной, и наступленіемъ.

Рѣшая эти задачи, фортификація создавала новые виды оборо-

нительныхъ и наступательныхъ укрѣпленныхъ позицій, понимая подъ этимъ опредѣленіемъ подготовленную въ инженерномъ отношеніи мѣстность на полѣ сраженія. Настоящій очеркъ и преслѣдуетъ цѣль дать краткое описаніе эволюціи этихъ укрѣпленныхъ позицій во время великой войны и сдѣлать, на основаніи ея опыта, нѣкоторые выводы для будущаго.

ЗНАЧЕНІЕ ТЕХНИЧЕСКИХЪ СРЕДСТВЪ БОРЬБЫ.

На эволюцію укрѣпленныхъ позицій въ великой войнѣ вліяли усовершенствованныя и новоизобрѣтенныя техническія средства борьбы.

Ихъ слѣдуетъ подраздѣлить на главныя и вспомогательныя. Въ то время какъ вспомогательныя средства вліяли лишь на детали въ устройствѣ фортификаціонныхъ сооруженій, главныя средства не только вызывали необходимость созданія новыхъ формъ и видоизмѣненія деталей, но и требовали новыхъ комбинацій формъ, въ смыслѣ ихъ взаимнаго сочетанія и расположенія на мѣстности.

Фортификаціонныя сооруженія, преслѣдуя задачи — дать защиту своимъ войскамъ отъ наблюденія и огня противника, обезпечивая имъ и то и другое для дѣйствія по непріятелю, возводились въ минувшую войну тамъ, гдѣ новыя средства борьбы и вызванные ими боевые пріемы требовали расположенія войскъ (занятіе интерваловъ между группами, эшелонированіе въ глубину, массовыя группировки и т. п.). Вотъ это примѣненіе фортификаціи къ войскамъ и къ мѣстности (въ широкомъ смыслѣ слова) и вызывалось главными техническими средствами борьбы, вліявшими на тактику войскъ, съ одной стороны, и на фортификаціонныя формы съ другой.

Изъ средствъ борьбы главнѣйшее значеніе имѣли: 1) непрерывно прогрессировавшая сила огня и 2) новѣйшія средства наблюденія.

Поэтому къ главнымъ средствамъ прежде всего слѣдуетъ отнести скорострѣльную, дальнобойную и многочисленную тяжелую артиллерію.

Сила огня тяжелой артиллеріи непрерывно возрастала. Массовый артиллерійскій огонь способенъ былъ уничтожать цѣлыя пространства, сравнивая съ землей мѣстные предметы, и разрушать самыя солидныя закрытія. Напомнимъ нѣкоторыя данныя о тяжелой нѣмецкой артиллеріи. Такъ, напримѣръ, снарядъ орудія „Dunqu-rque“, калибра 380 м./м. съ зарядомъ „тонита“ въ 68 клгр., проникалъ въ землю на 7 метровъ. Дальность орудія 38 клм. Снарядъ орудія калибра 420 м./м., съ 106 клгр. „тонита“ и дальностью 16 клм., проникалъ въ землю на 8 и даже болѣе метровъ. Извѣстно, наконецъ, по своей громадной дальности нѣмецкое орудіе калибра 220 м./м., которое изъ лѣса „St. Gubin“ бомбардировало Парижъ съ разстоянія 115 клм. Это даетъ намъ указаніе на тѣ дальности, каковыя мы можемъ ожидать въ будущихъ войнахъ.

Кромѣ дѣйствія матеріальнаго, тяжелая артиллерія сильно дѣйствуетъ и на психику. Это моральное дѣйствіе увеличивается съ увеличеніемъ калибра, разрывного заряда и зависитъ отъ интенсив-

ности стрѣльбы въ опредѣленное время и по опредѣленной цѣли. Оно способно до такой степени вызывать у людей нервное напряженіе и парализовать ихъ волю и силу сопротивленія, что иногда только однимъ моральнымъ воздѣйствіемъ тяжелой артиллеріи достигалось рѣшеніе боя.

Другимъ главнымъ средствомъ борьбы являлись пулеметы („машинный огонь"). Они показали себя какъ наилучшее оружіе ближняго боя. Не говоря о томъ, что движеніе по открытой мѣстности, даже короткими пространствами, было невозможно въ сферѣ интенсивнаго пулеметнаго огня, но и отдѣльные пулеметы, застучавшіе гдѣ нибудь въ тылу прорвавшихся побѣдоносныхъ войскъ, вызывали иногда переломъ боя и сводили на нѣтъ достигнутый тяжелыми жертвами успѣхъ. Причина — сильное моральное дѣйствіе машиннаго огня.

Могущество огня обороны, въ связи съ сильнымъ развитіемъ искусственныхъ препятствій изъ колючей проволоки, съ трудомъ подверженной полному разрушенію артиллерійскимъ огнемъ, побудили атакующаго не только прибѣгать въ широкомъ объемѣ къ окопнымъ работамъ, но и изыскать новыя вспомогательныя средства для возможности продвиженія въ сферѣ огня, пораженія противника и нейтрализаціи огня его батарей. Въ результатѣ этихъ стремленій на сцену явились: 1) подвижная броневая фортификація, 2) траншейная подвижная артиллерія (минометы, бомбометы, малокалиберныя орудія), ручныя, аэропланныя бомбы и стрѣлы, огнеметатели и 3) удушливые газы.

Къ уже имѣвшимся передъ войной, но усовершенствованнымъ средствамъ подвижной броневой фортификаціи, а именно, блиндированнымъ поѣздамъ и автомобилямъ, прибавилось новое средство — танки. Послѣдніе получили особо широкое примѣненіе, какъ не связанные въ своихъ передвиженіяхъ дорогами. Всѣ эти средства сочетали въ себѣ закрытіе для людей съ огневымъ машиннымъ дѣйствіемъ, являясь дальнѣйшимъ развитіемъ неподвижной броневой фортификаціи. Это уже, несомнѣнно, „нападательная" фортификація, хотя, конечно, она тотчасъ же была использована и обороной.

О средствахъ, указанныхъ въ пунктѣ второмъ, мы умолчимъ, такъ какъ они отразились лишь на деталяхъ въ фортификаціонныхъ сооруженіяхъ. Что же касается удушливыхъ газовъ, то, будучи примѣняемы не только въ видѣ газовыхъ облаковъ (волнъ), выпускаемыхъ изъ особыхъ баллоновъ по вѣтру, но и какъ начинка для орудійныхъ снарядовъ, они къ концу войны оказались наилучшимъ средствомъ для нейтрализаціи непріятельскаго артиллерійскаго огня.

Появленіе новыхъ средствъ атаки вызвало соотвѣтствующее противодѣйствіе и со стороны обороны: подвижная броневая фортификація получила въ отвѣтъ особыя бронебойныя пули и противотанковыя орудія. Появились особыя фугасныя и минныя загражденія и другого рода препятствія. Мы видимъ появленіе стальныхъ касокъ, щитовъ, противогазовъ и т. д.

Но только что перечисленныя въ трехъ пунктахъ новыя техническія средствя, не смотря на свое могущество, оказали на эволюцію укрѣпленныхъ позицій лишь второстепенное вліяніе, во всякомъ случаѣ значительно меньше, чѣмъ артиллерійскій и пулеметный огонь. О значеніи ихъ въ будущемъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ заключеніи, а теперь дадимъ еще краткую характеристику новѣйшимъ средствамъ развѣдки и наблюденія.

Важнѣйшее значеніе въ этомъ смыслѣ пріобрѣла авіація, которая къ концу великой войны достигла такого прогресса, что завоевала себѣ права самостоятельнаго рода войскъ, игравшаго видную роль и въ подготовкѣ къ сраженію, и въ бою, и въ окончательномъ рѣшеніи боя. Уже во время великой войны авіація способна была производить стратегическія и тактическія развѣдки, наблюденіе, корректированіе стрѣльбы, поддержку связи, производить бомбардированіе и участвовать въ наземныхъ и воздушныхъ бояхъ. Въ данномъ очеркѣ насъ интересуетъ вопросъ о вліяніи авіаціи на фортификацію.

Авіаторъ-развѣдчикъ, обладающій сильными нервами и хорошимъ аппаратомъ, могъ простымъ глазомъ съ небольшой высоты произвести развѣдку укрѣпленной позиціи. Но эти случаи были рѣдки и производились лишь при развѣдкѣ глубокихъ тыловыхъ позицій, не занятыхъ войсками и не имѣвшихъ воздушной обороны. Нормально развѣдки производились съ высоты 1500—2000 метровъ, причемъ фотографическій аппаратъ замѣнялъ человѣческій глазъ. Искусство воздушнаго фотографированія и „расшифровки“ фотографій достигло въ минувшей войнѣ такого совершенства, что являлась возможность почти всегда имѣть точную картину непріятельской укрѣпленной позиціи. Фортификація должна была прибѣгнуть къ самымъ разнообразнымъ пріемамъ маскировки, съ цѣлью скрыть хотя бы важнѣйшія сооруженія отъ фотографическаго аппарата, фиксирующаго малѣйшіе оттѣнки игры свѣто-тѣней, по которымъ опытный глазъ расшифровщика тотчасъ угадывалъ въ чемъ тутъ дѣло. И въ кратчайшее время, вмѣсто туманныхъ и бѣлесоватыхъ полосъ фотографическаго снимка, появлялась точно вычерченная укрѣпленная позиція непріятеля.

Кромѣ маскировки, пришлось прибѣгнуть къ сооруженію ложныхъ построекъ, а иногда и цѣлыхъ ложныхъ позицій. Это средство было наиболѣе дѣйствительнымъ, такъ какъ въ лабиринтѣ дѣйствительныхъ и ложныхъ сооруженій трудно было разобраться, не говоря уже о томъ, что ложныя постройки навлекали на себя огонь и облегчали тѣмъ положеніе защитниковъ боевыхъ позицій.

Но этимъ вліяніе авіаціи на фортификацію не ограничивалось. Способная бомбардировать глубокій тылъ, авіація потребовала возведенія закрытій и маскированія сооруженій въ такой глубинѣ театра военныхъ дѣйствій, гдѣ ранѣе въ этомъ не было никакой потребности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ авіація являлась и могущественной помощницей фортификаціи, облегчая работу „нападающаго“ фортификатора

сообщеніемъ ему важныхъ свѣдѣній о непріятельской позиціи, а господствуя въ воздухѣ и давая свѣдѣнія о недостаткахъ нашей позиціи, способствовала маскировочнымъ и ложнымъ работамъ своихъ войскъ.

Заканчивая краткую характеристику важнѣйшихъ техническихъ средствъ борьбы, упомянемъ кратко и о томъ, что усовершенствованіе средствъ сообщеній и транспорта (желѣзныя дороги узкой колеи, грузовые автомобили) давало возможность быстро перевозить самые громоздкіе матеріалы (бетонъ, броня и т. п.), чѣмъ оказало существенное вліяніе на конструкціи оборонительныхъ построекъ. Даже при подготовкѣ наступательныхъ операцій появились сооруженія, напримѣръ, батареи для тяжелыхъ орудій, бывшія ранѣе въ употребленіи лишь въ крѣпостяхъ.

Итакъ, прогрессъ перечисленныхъ средствъ борьбы вызывалъ появленіе новыхъ техническихъ формъ и средствъ противодѣйствія. Можно сказать, что въ минувшей войнѣ техническая изобрѣтательность вылилась въ особую форму „технической войны", о которой можно было бы написать цѣлую книгу подъ заголовкомъ — „Война ученыхъ". Въ то время, когда на поляхъ сраженій лилась кровь, ученые-техники, сидя въ своихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ, не видя и не зная своихъ враговъ и учитывая лишь плоды ихъ умственной, ученой работы, нарягали свой умъ и пускали въ ходъ всю современную науку, чтобы побѣдить своихъ противниковъ на полѣ „ученой" брани. Слоны Ганнибала не отжили свой вѣкъ и въ будущемъ, кто знаетъ, какія неожиданности дастъ намъ эта „ученая" война въ стремленіи къ „принципу внезапности".

Фортификація приняла дѣятельное участіе и въ міровой, и въ „ученой" войнѣ. Этапы этой войны, съ ея побѣдами и пораженіями, слѣдуютъ въ дальнѣйшихъ строкахъ этого очерка.

УКРѢПЛЕННАЯ ПОЗИЦІЯ НАЧАЛА МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

(Схема № 1)

Въ отношеніи всякой технической отрасли знанія слѣдуетъ различать теорію и практику, въ смыслѣ проведенія этой теоріи въ жизнь. Въ вопросѣ самой теоріи тоже надо отличать теорію оффиціальную, получающую свое выраженіе въ „наставленіяхъ" и „уставахъ", отъ теоріи неоффиціальной, выражающейся въ текущей литературѣ. Къ сожалѣнію, очень часто оффиціальная теорія отстаетъ отъ неоффиціальной, а еще чаще отстаетъ практика отъ теоріи. Все сказанное мы можемъ легко усмотрѣть въ фортификаціи къ началу войны въ 1914 году.

Что касается оффиціальной теоретической фортификаціи, то въ этомъ отношеніи всѣ воюющія государства къ 1914 году имѣли почти одинаковыя техническія руководства („Наставленія"), выражавшія, такъ сказать, оффиціально признанную фортификаціонную доктрину. Эта доктрина явилась результатомъ изученія опыта Русско-Японской войны. Однако, эта доктрина недостаточно учла опытъ позиціонной борьбы въ Манчжуріи, а потому въ нѣкоторыхъ своихъ

положеніяхъ отставала отъ неоффиціальныхъ теоретическихъ изслѣдованій, появившихся послѣ 1905 года въ литературѣ. Особенно богатая литература появилась на русскомъ языкѣ. Труды русскихъ инженеровъ, несомнѣнно, заслуживали большаго вниманія со стороны лицъ власть имущихъ, чѣмъ это имъ было оказано и, главнымъ образомъ, именно въ Россіи. Въ этихъ трудахъ было уже многое изъ того, что пришлось затѣмъ ввести въ оффиціальную доктрину послѣ кровавыхъ опытовъ начала великой войны (отдѣлъ позиціонной борьбы даже совсѣмъ отсутствовалъ).

Что именно русскіе инженеры вносили наибольшій вкладъ въ разработку теоретической фортификаціи, тому имѣется нѣсколько причинъ: 1) они знали, что вести наступательныя операціи одновременно на всѣхъ фронтахъ мы не можемъ, а потому надо было тщательно обдумывать вопросы и обороны; 2) они воспитывались и обучались на блестящихъ страницахъ нашей исторіи, гдѣ видную роль играла фортификація и оборона (оборона Пскова, Троицко-Сергіевской Лавры, Полтавскій бой, Бородинское сраженіе, оборона Севастополя и Портъ-Артура); 3) многіе изъ нихъ, наконецъ, были участниками Русско-Японской войны и получили непосредственную боевую практику.

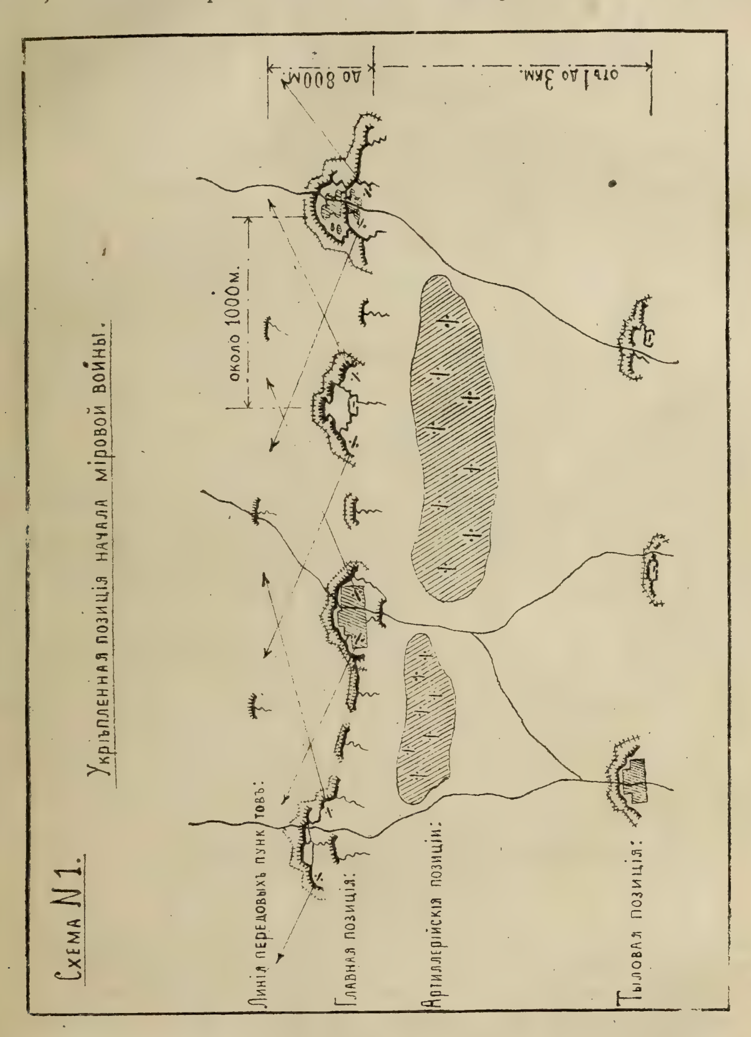
Если въ отношеніи оффиціальной теоріи фортификаціи дѣло у всѣхъ обстояло не вполнѣ благополучно, то въ вопросѣ практическаго примѣненія ея въ войскахъ было еще хуже. Лучше всего были подготовлены нѣмцы, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ другихъ отрасляхъ военной техники. Наши и французскія войска поражались тому, съ какой быстротой и искусствомъ окапывались нѣмцы, съ цѣлью закрѣпленія захваченныхъ рубежей и отбитія контръ-атакъ. Особенно слабо были подготовлены французы, что явилось результатомъ исповѣдуемой ими доктрины „наступленія всегда и вездѣ" (наступленіе какъ самоцѣль, а не средство).

Наши и австрійскія войска занимали среднее мѣсто, съ той лишь разницей, что австрійцы любили окапываться, наши же войска всячески избѣгали каждаго лишняго удара лопатой. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда во главѣ стояли талантливые техническіе руководители, они создавали, подчасъ, незаурядныя укрѣпленныя позиціи даже въ началѣ войны, о чемъ можно найти указанія въ запискахъ генерала Людендорфа.

Разсмотримъ теперь, въ чемъ же состояла оффиціальная доктрина по укрѣпленію позицій, въ большей или меньшей степени проводившаяся въ жизнь въ началѣ войны всѣми воюющими сторонами.

Укрѣпленная позиція имѣла видъ одной линіи стрѣлковыхъ окоповъ съ перерывами, малымъ числомъ ходовъ сообщеній въ тылъ и со слабыми блиндажными закрытіями (отъ шрапнельныхъ пуль) въ самихъ окопахъ. На тактическихъ точкахъ мѣстности, на взаимномъ разстояніи до 1 клм. устраивались опорные пункты въ видѣ группы окоповъ или приспособленныхъ къ оборонѣ мѣстныхъ предметовъ. Опорные пункты снабжались болѣе со-

лидными блиндажами и усиливались искусственными препятствіями. Передъ интервалами между опорными пунктами препятствія не возводились, чтобы не препятствовать „маневру".



Опорные пункты считались главной основой и скелетомъ позиціи, почему и укрѣплялись солиднѣе. Предполагалось, что атакующій не сможетъ прорваться между опорными пунктами въ интервалы даже тамъ, гдѣ нѣтъ стрѣлковыхъ окоповъ, такъ какъ подвергнется фланговому и перекрестному огню съ опорныхъ пунктовъ. Атакуя же опорные пункты, встрѣтитъ упорное сопротивленіе въ видѣ огня, препятствій и контръ-атакъ резерва опорнаго пункта.

Но все это не оправдалось въ самомъ началѣ войны. Артиллерія атакующаго была уже настолько сильна, что быстро разрушала

и приводила къ молчанію два-три сосѣднихъ опорныхъ пункта, а затѣмъ пѣхота его устремлялась въ слабо обороняемые интервалы, охватывала съ фланговъ сосѣдніе участки позиціи и, быстро продвигаясь впередъ, угрожала путямъ отступленія и артиллеріи обороны. Послѣдняя поэтому или гибла, или преждевременно уходила въ тылъ. Контръ-атаки резервовъ, двигавшихся открыто и съ большой глубины, ликвидировались артиллерійскимъ или пулеметнымъ огнемъ, успѣвшаго уже закрѣпиться атакующаго, который вслѣдъ за тѣмъ быстро развивалъ успѣхъ въ сторону обоихъ фланговъ, переходя отъ прорыва тактическаго къ прорыву стратегическому.

Ясно выяснились недостатки этихъ позицій, изъ которыхъ важнѣйшими были: слабость интерваловъ и отсутствіе глубины (одна линія, могущая всегда быть прорванной). Правда, въ тылу главной позиціи укрѣплялась въ разстояніи до 3 клм. позиція тыловая. Но такъ какъ она была еще слабѣе укрѣплена, то въ лучшемъ случаѣ давала лишь возможность войскамъ главной позиціи отступить въ относительномъ порядкѣ, но для оказанія упорнаго сопротивленія была негодна.

Иногда укрѣплялись и передовые опорные пункты, которые не выносились дальше 800 метровъ (поддержка съ главнаго фронта дѣйствительнымъ ружейнымъ огнемъ). Но они предназначались лишь для того, чтобы принудить атакующаго раньше развернуться и обнаружить свои намѣренія. Гарнизоны этихъ передовыхъ пунктовъ должны были своевременно отступать, чтобы непріятель не ворвался на ихъ плечахъ на главную позицію.

Такимъ образомъ, послѣ первыхъ же боевыхъ уроковъ выяснились недостатки укрѣпленныхъ позицій и стало ясно, что равновѣсіе между пріемами атаки и обороны нарушено не въ пользу обороны.

Если укрѣпленныя позиціи оказались слабы даже для полевой войны, то тѣмъ болѣе онѣ не годились для войны позиціонной, къ которой перешли воюющія стороны на Западномъ и Восточномъ фронтѣ.

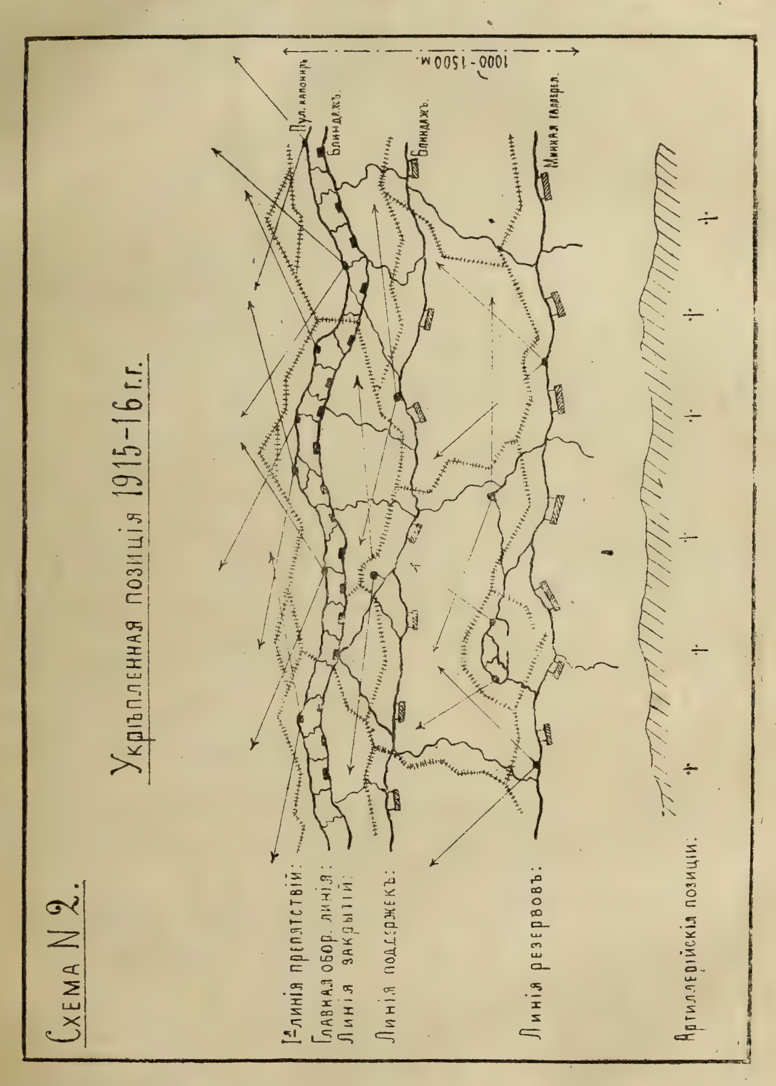
УКРѢПЛЕННЫЯ ПОЗИЦІИ 1915—16 г.г.

(Схема № 2).

Съ началомъ позиціонной войны эволюція фортификаціи пошла двумя направленіями. Прежде всего, возросшее могущество артиллерійскаго огня вызвало постепенное усиленіе отдѣльныхъ фортификаціонныхъ построекъ въ смыслѣ прочности конструкціи, а именно: легкіе типы полевой фортификаціи стали замѣняться солидными типами полудолговременной фортификаціи. Появились бетонные и желѣзобетонные капониры для пулеметовъ, бетонные и броневые наблюдательные пункты, прочные блиндажи, глубокія минныя галлереи и т. п. При этомъ всѣ постройки тщательно маскировались, принимая уже во вниманіе наблюденіе съ аэроплановъ. Тѣ же причины вызвали необходимость разбрасывать на большой площади по фронту и въ глубину главныя оборонительныя постройки (закрытія для пулеметовъ, блокхаузы и т. п.). Главное же, всѣ эти

важныя сооруженія старались скрыть въ лабиринтѣ многочисленныхъ боевыхъ и ложныхъ траншей.

Затѣмъ, слабость одной линіи окоповъ и отсутствіе глубины, въ связи съ необезпеченностью отъ прорыва интерваловъ, привело къ



созданію сплошной оборонительной зоны, состоящей изъ нѣсколькихъ но не менѣе трехъ, линій стрѣлковыхъ окоповъ, связанныхъ между собой многочисленными ходами сообщенія. При этомъ каждая линія имѣла самостоятельное препятствіе изъ колючей проволоки. Фланкирующій машинный огонь пріобрѣталъ все большее значеніе. Всѣ линіи искусственныхъ препятствій

стали изламываться зигзагами такъ, чтобы обязательно обстрѣливались продольнымъ огнемъ.

Разочаровавшись въ сопротивляемости опорныхъ пунктовъ, впали въ другую крайность, перейдя къ линейнымъ позиціямъ одинаковаго сопротивленія по всему фронту и занимали войсками равномѣрно всю зону. Только въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ участкахъ въ тыловыхъ линіяхъ строились редуты, игравшіе роль редюитовъ этихъ участковъ.

Однако, чтобы избѣжать разбрасыванія силъ при занятіи нѣсколькихъ линій окоповъ, выбиралась одна линія, какъ главная, которая и предназначалась къ упорной оборонѣ. Не допускалось оставленія ни малѣйшаго участка этой линіи. Позадилежащія линіи служили для резервовъ и для продолженія обороны, если бы атакующему все же удалось овладѣть главной линіей.

До 1916 года для этой дѣли служила, обыкновенно, первая линія окоповъ, ближайшая къ непріятелю. Тамъ помѣщалась главная масса защитниковъ и большая часть пулеметовъ. Чтобы обезпечить людей и матеріальную часть отъ артиллерійскаго огня непріятеля въ этой линіи устраивались солидныя закрытія въ видѣ галлерей („лисьи норы") или же эти закрытія располагались въ 30—50 метрахъ позади въ особой траншеѣ („траншея закрытій"). Для пулеметовъ въ первой линіи, обыкновенно въ исходящихъ и входящихъ углахъ, возводились бетонные капониры.

Чтобы локализовать успѣхъ атакующаго, если бы ему удалось прорвать первую линію, устраивались, т. наз., „отсѣки" (косыя преграды), связывающіе первую и послѣдующія линіи между собой и образующіе для прорвавшихся частей „огневые мѣшки".

Подобнымъ способомъ, напримѣръ, была укрѣплена въ теченіе зимы 1915 года австрійская позиція въ Галиціи, на рѣкѣ Стрыпѣ, прорванная затѣмъ нашими войсками при весеннемъ наступленіи 1916 года. Такой же характеръ имѣли укрѣпленныя позиціи на Западномъ фронтѣ.

Укрѣпленныя указаннымъ способомъ позиціи принуждали атакующаго послѣдовательно овладѣвать рядомъ укрѣпленныхъ линій, задерживаясь передъ каждой и подвергаясь съ отсѣковъ фланговому огню и частнымъ контръ-атакамъ.

Прорывъ можетъ считаться выполненнымъ лишь тогда, когда удастся завладѣть всѣми линіями обороны и, отразивъ всѣ контръ-атаки, закрѣпить взятую позицію за собой.

При подобномъ способѣ дѣйствій борьба развивается за отдѣльныя линіи укрѣпленной зоны, что характеризуетъ позиціонную войну 1915–16 года.

Указаннымъ пріемомъ укрѣпленія позицій началось эшелонированіе оборонительныхъ построекъ въ глубину, причемъ эшелонированіе это преслѣдовало, главнымъ образомъ, цѣль дать закрытіе близко расположеннымъ резервамъ, могущимъ поддержать защитниковъ первой линіи.

Но скоро выяснилось, что при густомъ занятіи войсками первой

линіи окоповъ, артиллерія атаки наноситъ защитникамъ позиціи громадныя потери. Солидные блиндажи разрушались, а минныя галлереи, хотя и выдерживали огонь тяжелыхъ орудій, но взрывы снарядовъ засыпали и обрушали выходы изъ галлерей, а потому обороняющійся или погибалъ въ галлереяхъ, или попадалъ большими массами въ плѣнъ. Такимъ образомъ, атака все же имѣла перевѣсъ надъ обороной, хотя требовала значительно большихъ жертвъ и большаго расхода артиллерійскихъ снарядовъ.

Указанные факты привели къ выводу, что необходимо было отказаться отъ первой линіи, какъ главной линіи обороны, и не дорожить удержаніемъ каждаго ея участка во что бы то ни стало. Центръ тяжести обороны рѣшено было перенести на вторую или, даже, третью линію зоны, которыя можно было располагать на обратныхъ скатахъ высотъ такъ, чтобы непріятельская артиллерія не могла къ нимъ мѣтко пристрѣляться. Солидныя и глубокія закрытія также переносятся въ глубину позиціи.

Первая линія обороны получаетъ характеръ линіи охраненія и занимается небольшимъ числомъ войскъ ($^1/_6$ часть войскъ). Защита ея основывается на препятствіяхъ, обороняемыхъ продольнымъ машиннымъ огнемъ, и на частныхъ контръ-атакахъ. Большая часть пулеметовъ тоже переносится назадъ на главную линію обороны. Фронтальный обстрѣлъ съ главной линіи обороны считается достаточнымъ въ 100—150 метровъ.

Съ переносомъ линіи сопротивленія въ глубину оказалось, что равновѣсіе между атакой и обороной снова возстановилось. Цѣлый рядъ наступательныхъ операцій приводитъ лишь къ незначительнымъ тактическимъ успѣхамъ, а по большей части обороняющійся быстро возстанавливаетъ свое положеніе, причемъ атакующій несетъ тяжелыя потери.

Неуспѣхи объясняются тѣмъ, что оборона, отказавшись отъ удержанія во что бы ни стало первой линіи окоповъ, держитъ свои войска укрыто позади. Какъ только пѣхота атакующаго завладѣваетъ участками первой линіи окоповъ, артиллерія обороны открываетъ „заградительный огонь", стрѣляя по исходнымъ окопамъ атакующаго и препятствуя этимъ подходу его резервовъ. Отрѣзанныя огнемъ передовыя цѣпи попадаютъ въ огневые мѣшки и уничтожаются контръ-атаками. Препятствовать заградительному огню очень трудно, такъ какъ артиллерія обороняющагося отодвигается больше въ глубину, очень тщательно маскируется, не обнаруживая себя своимъ огнемъ до момента штурма, а кромѣ того обезпечивается собственными препятствіями, что даетъ ей возможность оставаться на позиціи до послѣдняго момента.

Какъ примѣръ, можно привести операціи нашей VII арміи, хорошо извѣстныя автору этого очерка.

Послѣ успѣшнаго прорыва въ маѣ 1916 года сильно укрѣпленной позиціи на р. Стрыпѣ, когда непріятель оборонялъ первую линію окоповъ и потерялъ массу защитниковъ плѣнными, дальнѣйшія наступленія, съ переносомъ обороны въ глубину, становились все

болѣе затруднительными и давали лишь незначительные тактическіе успѣхи съ малымъ количествомъ плѣнныхъ, не смотря на то, что атакуемыя позиціи были слабѣе Стрыпской. Въ этихъ операціяхъ большое значеніе имѣлъ заградительный огонь германской тяжелой артиллеріи.

Но въ томъ же 1916 году начинаютъ вырабатываться новые пріемы и средства атаки и получаетъ сильное развитіе „наступательная фортификація“. Предпосылка проста и логична: если нельзя подавить огонь заградительныхъ батарей и хорошо скрытыхъ въ глубинѣ зоны пулеметовъ, то надо дать закрытія для всего глубокаго боевого порядка атакующихъ войскъ. Англичане первые вводятъ въ дѣйствіе подвижную броневую фортификацію въ видѣ „танковъ“, произведшихъ сразу большое впечатлѣніе на оборону. Атакующій, во избѣжаніе потерь отъ заградительнаго огня, продвигается своими передовыми окопами до 100—150 метровъ отъ первой линіи обороны, чтобы однимъ короткимъ скачкомъ пройти губительную зону заградительнаго огня и затѣмъ уже продвигаться впередъ, пользуясь лабиринтомъ траншей и ходовъ сообщенія, созданныхъ обороняющимся. Чтобы укрыть отъ огня свои резервы, сосредотачиваемые въ большихъ массахъ къ пунктамъ атаки, атакующій возводитъ для нихъ обширныя закрытія въ видѣ ряда параллельныхъ окоповъ, образующія, такъ называемые, „плацдармы“.

Артиллерія атакующаго, достигая все большаго могущества, стрѣльбу которой, по невидимымъ для наземныхъ наблюдателей цѣлямъ, корректируютъ аэропланы, начинаетъ громить сразу всю укрѣпленную зону. Артиллерійская подготовка атаки длится уже не часами, а днями, въ результатѣ которой вся укрѣпленная зона „вспахивается“ и превращается въ груду безформенныхъ массъ земли.

Всѣ новые пріемы атаки сводятся, въ общемъ, къ тому, что жертвуется принципомъ „внезапности“, а атака ведется „на проломъ“, въ расчетѣ на то, что обороняющійся не сможетъ принять мѣръ къ локализаціи прорыва укрѣпленной позиціи. Правда, и на другихъ пассивныхъ участкахъ производятся обширныя работы ложнаго характера, но съ началомъ многодневной артиллерійской подготовки мѣсто намѣченнаго прорыва все же обнаруживается.

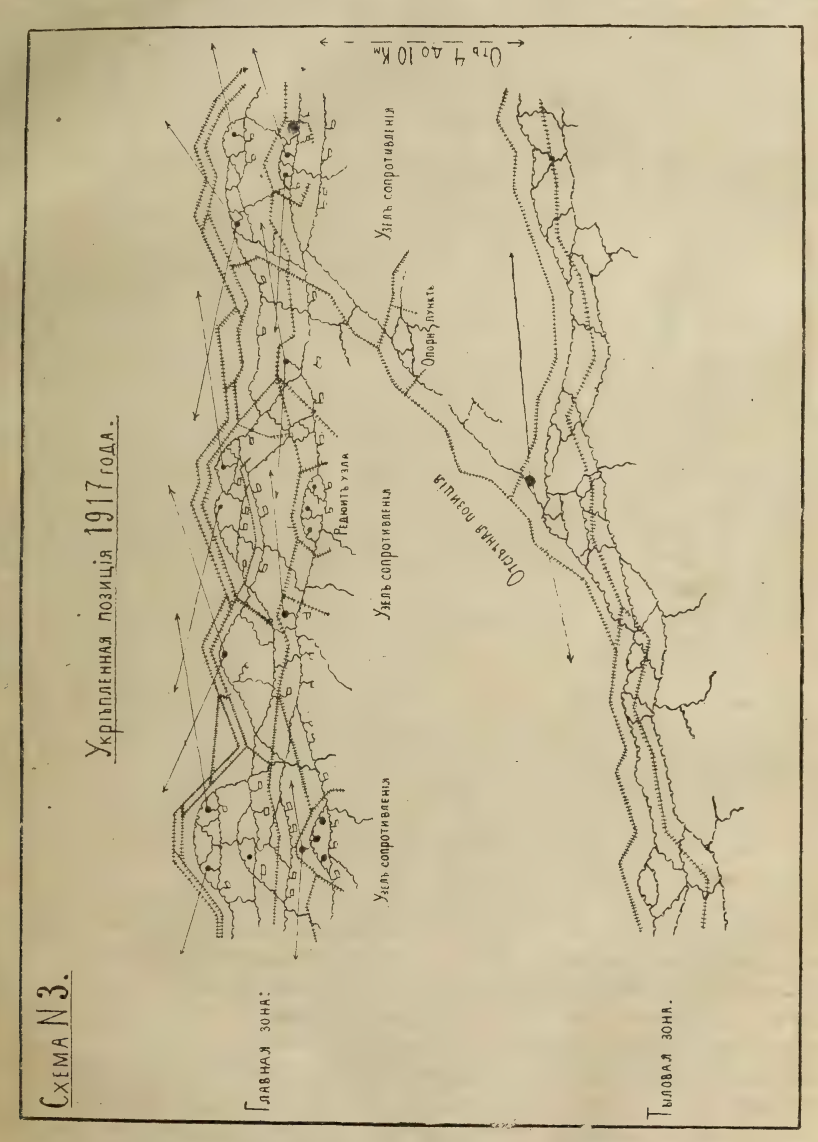
Въ результатѣ, однако, атака снова получаетъ перевѣсъ надъ обороной. Послѣдняя снова вырабатываетъ противъ новыхъ пріемовъ атаки новые пріемы противодѣйствія.

УКРѢПЛЕННЫЯ ПОЗИЦІИ 1917 ГОДА.

(Схема № 3).

Эволюція фортификаціи пошла опять въ тѣхъ же двухъ направленіяхъ, какъ это было и въ началѣ войны, а именно: 1) вырабатываются пріемы къ усиленію оборонительной зоны и 2) производится дальнѣйшее эшелонированіе позицій въ глубину.

Трудность удержанія въ цѣлости всей зоны заставила стремиться къ удержанію во что бы то ни стало, хотя бы ея важнѣйшихъ участковъ. Кромѣ того, ясно опредѣлилось, что главнѣйшимъ средствомъ обороны являются контръ-атаки, а для этого необходимо было нали-



чіе во всѣхъ частяхъ сильныхъ резервовъ. Такъ какъ равномѣрное и густое занятіе войсками всей зоны по фронту не обезпечивало удержанія зоны и лишь вело къ большимъ потерямъ, то необходимые резервы составлялись въ зачетъ ослабленія второстепенныхъ

участковъ зоны. Переходили опять къ групповому расположенію войскъ, но для этого надо было эти важные групповые участки сильнѣе укрѣплять.

Опять обратили вниманіе на организацію опорныхъ пунктовъ, получившихъ видъ густо переплетенныхъ стрѣлковыхъ окоповъ, усиленныхъ самостоятельными искусственными препятствіями. При этомъ опорные пункты образовывались изъ сочетанія группъ стрѣлковъ, вооруженныхъ автоматическими ружьями, пулеметами, бомбометами и ручными бомбами. Маскировка опорныхъ пунктовъ достигалась тѣмъ, что они скрывались въ общей густой сѣти траншей, ходовъ сообщеній и ложныхъ построекъ.

Опорные пункты комбинировались такъ, чтобы взаимно поддерживать огнемъ другъ друга. Это сочетаніе опорныхъ пунктовъ приводило къ образованію, такъ называемыхъ, узловъ сопротивленія („опорныхъ центровъ"), которые и являлись главной опорой укрѣпленной зоны. Искусственныя препятствія получили чрезвычайное развитіе. Исчезли высокіе бетонные капониры, а замѣнили ихъ прочныя убѣжища съ открытыми площадками для пулеметовъ, выносимыхъ на линію огня лишь въ послѣдній моментъ. Закрытія для людей и матеріальной части устраивались въ видѣ подземныхъ галлерей и тунелей, съ нѣсколькими выходами, съ электрическимъ освѣщеніемъ и механической вентиляцией.

Вообще очень интересно были разработаны детали по устройству различныхъ оборонительныхъ построекъ, но на описаніи ихъ мы останавливаться не можемъ.

Эшелонированіе позиціи въ глубину выразилось въ томъ, что вмѣсто одной укрѣпленной зоны стали строить двѣ, а иногда и три зоны, причемъ, каждая зона состояла, какъ и первая, изъ нѣсколькихъ линій окоповъ. Разстояніе между зонами опредѣлялось тѣмъ соображеніемъ, чтобы артиллерія атакующаго принуждена была мѣнять свои позиціи при подготовкѣ атаки на слѣдующую зону, а этимъ выигрывалось время для принятія мѣръ противодѣйствія со стороны обороняющагося. Вслѣдствіе этихъ соображеній, разстояніе между зонами колебалось отъ 4 до 10 клм., что зависѣло отъ условій мѣстности.

Чтобы воспрепятствовать непріятелю, овладѣвшему первой зоной, распространиться вправо и влѣво и дѣйствовать во флангъ тѣмъ участкамъ первой зоны, которые находятся въ рукахъ обороны, между зонами укрѣплялись „отсѣчныя позиціи". Эти же позиціи имѣли значеніе большихъ (артиллерійскихъ) огневыхъ мѣшковъ и служили базой дая фланговыхъ контръ-атакъ.

Устройствомъ послѣдовательныхъ оборонительныхъ зонъ обороняющійся перенесъ борьбу за линіи къ борьбѣ за зоны. Провывъ первой зоны приводилъ лишь къ изламыванію оборонительнаго фронта и ограничивалъ успѣхъ атакующаго лишь достиженіемъ тактическаго успѣха.

Но все же главная борьба происходила на первой зонѣ, о добровольномъ оставленіи которой не могло быть и рѣчи. Артиллерія

обороняющагося хотя и эшелонировалась глубоко (до 5 клм.) въ тылъ, но расположена была непосредственно за первой зоной. За другими зонами подготовлялись лишь запасныя позиціи.

Примѣрами подобно укрѣпленныхъ позицій могутъ служить: на Западномъ фронтѣ извѣстная „линія Гинденбурга“, а на русскомъ - австро-германская укрѣпленная позиція, атакованная нашими войсками въ іюнѣ 1917 года. Послѣдняя, впрочемъ, не достигла столь полнаго развитія, какъ линія Гинденбурга.

УКРѢПЛЕННЫЯ ПОЗИЦІИ ПОСЛѢДНЯГО ПЕРІОДА МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

(Схема № 4).

Въ 1917 году англо-французская артиллерія разнообразныхъ калибровъ, включительно съ чудовищнымъ 400 м/м. орудіемъ на желѣзной конструкціи, передвигающимся по рельсамъ, достигаетъ максимума въ своемъ развитіи. Снаряды, начиненные ядовитыми газами, значительно усиливаютъ дѣйствіе артиллерійскаго огня и позволяютъ сократить время артиллерійской подготовки атаки. Замѣчается опять стремленіе использовать принципъ „внезапности“.

Подъ огнемъ этой новѣйшей артиллеріи, сопровождаемой многочисленными танками и аэропланами, почитавшаяся непробиваемой Гинденбургова позиція начинаетъ падать. И на русскомъ фронтѣ австро-германская позиція, атакованная въ іюнѣ 1917 года уже разстроенными революціей войсками VII и XI армій, тоже прорывается подъ ударами нашей тяжелой артиллеріи до 12 дюймоваго калибра включительно, сведенной въ особый артиллерійскій корпусъ подъ названіемъ „Таонъ“.

Оказалось, что эти позиціи, при всемъ своемъ могуществѣ, не въ состояніи были обезпечить защитникамъ позиціи упорство обороны. Всѣ солиднѣйшія постройки по всей глубинѣ оборонительной зоны разрушались, а особенно страдали первыя линіи зоны. Но такъ какъ подъ огнемъ держалась вся зона, то и изъ тыловыхъ убѣжищъ люди не успѣвали своевременно выйти на линію огня и часто погибали въ своихъ глубокихъ закрытіяхъ отравленные газами. Вся защита зоны держалась на случайно уцѣлѣвшихъ отдѣльныхъ пулеметахъ и небольшихъ группахъ стрѣлковъ, дорого отдававшихъ свою жизнь. Вотъ эти уцѣлѣвшія части только и задерживали непріятельскую пѣхоту и давали возможность организовать контръ-атаки изъ большой глубины.

Указанныя причины побудили германскій генеральный штабъ отказаться отъ устройства непрерывныхъ линій окоповъ въ ближайшемъ къ противнику раіонѣ оборонительной зоны, а замѣнить ихъ особой передовой зоной глубиной до 2 клм.

За сплошной полосой искусственныхъ препятствій располагаются въ шахматномъ порядкѣ отдѣльные пулеметы, блокхаузы, группы стрѣлковъ, вооруженныя автоматическими ружьями и ручными бомбами. Эти небольшія фортификаціонныя постройки приспособляются

къ упорной самообороне и защитники ихъ обречены на гибель, но обязаны дорогой цѣной продать свою жизнь. Для этихъ построекъ часто используются воронки отъ взрывовъ непріятельскихъ снарядовъ, почему эта передовая зона называется „зоной пулеметныхъ гнѣздъ“ или „зоной воронокъ“.

Созданіемъ подобной зоны оборона достигла того, что даже подъ ураганнымъ огнемъ тяжелой артиллеріи остаются незамѣченныя и неразрушенныя ячейки обороны, которыя внезапно открываютъ огонь во флангъ и тылъ прорывающейся непріятельской пѣхоты, разстраивая такимъ образомъ атакующія части, направленныя для атаки главной зоны.

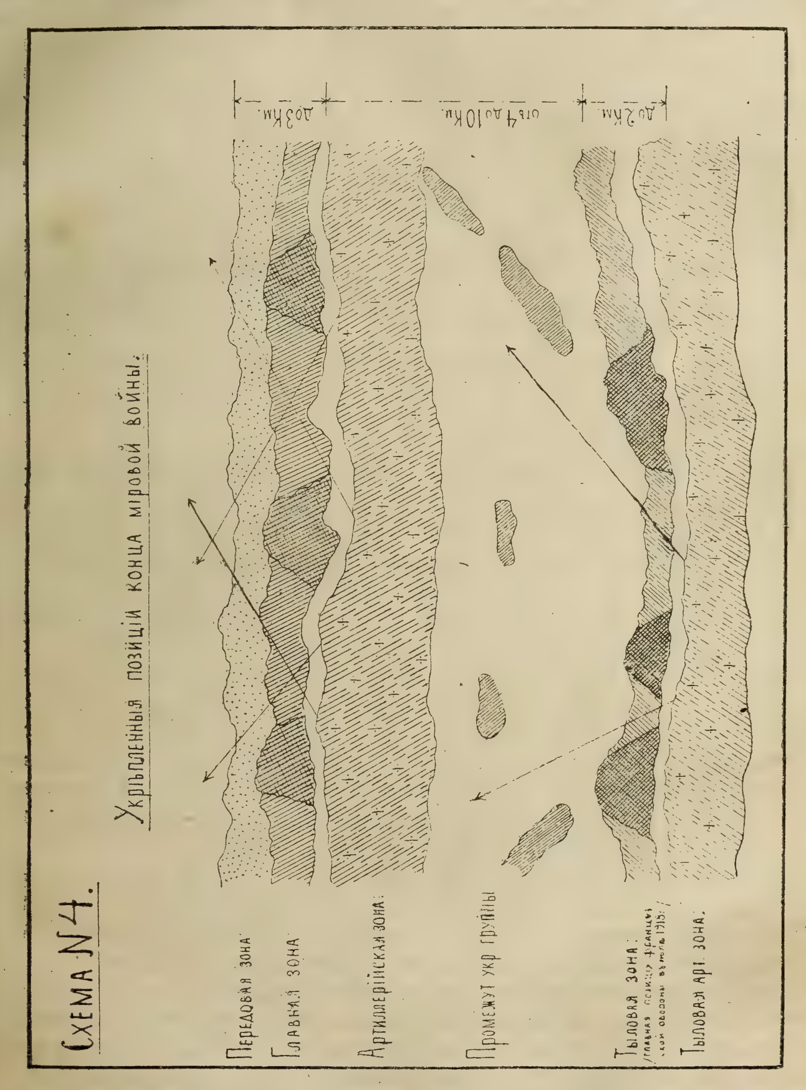
Новые пріемы обороны опять даютъ ей чрезвычайную силу сопротивленія, но одновременно съ этимъ нѣмцы къ 1 января 1918 года вырабатываютъ новый способъ атаки, въ которомъ принципъ „внезапности“ снова является руководящимъ. Всѣ подготовительныя дѣйствія тщательно скрываются путемъ грандіозныхъ ложныхъ сооруженій. Войска въ большихъ массахъ сосредотачиваются только ночными передвиженіями. На атакуемомъ фронтѣ сотредотачивается масса артиллеріи, которая производитъ короткую артиллерійскую подготовку, засыпая обороняющагося лавой ядовитыхъ снарядовъ. Такимъ путемъ удается подавить огонь заградительныхъ батарей, а въ это время танки, въ сопровожденіи небольшихъ пѣхотныхъ частей, разыскиваютъ и уничтожаютъ всѣ разбросанныя передовыя сооруженія непріятеля, очищая дорогу позади идущимъ массамъ пѣхоты.

Германскій послѣдній методъ прорыва фронта непріятельской позиціи даетъ снова перевѣсъ атакѣ надъ обороной. Пользуясь имъ, нѣмцы производятъ прорывы англо-французскихъ позицій въ мартѣ—маѣ 1918 года и ставятъ союзниковъ въ критическое положеніе. Тогда маршалъ Фошъ дѣлаетъ логическій выводъ, который и проводитъ въ жизнь, не безъ большихъ, однако, затрудненій; а именно: *если никакими мѣрами нельзя отстоять первую оборонительную зону, то главное сопротивленіе надо оказать на второй зонѣ*, удаленной отъ первой на 8—10 километровъ. Приходилось, такимъ образомъ, почти добровольно, безъ большого сопротивленія, отдавать противнику всѣ тяжелые труды по созданію „Главной“ позиціи и пустить его въ глубину своего расположенія на полупереходъ. Какъ эта отдача отразится на психикѣ войскъ? Вотъ тѣ главныя затрудненія къ осуществленію своего плана, которыя встрѣтилъ маршалъ Фошъ, и все же ихъ преодолѣлъ. Въ результатѣ — іюльская побѣда союзниковъ и переломъ войны.

Не выдержала психика нѣмцевъ, а потому въ дальнѣйшемъ никакія позиціи уже не могли остановить побѣдоноснаго шествія союзниковъ. Въ этомъ большое поученіе тѣмъ, которые склонны преувеличивать значеніе техники. Человѣкъ былъ, есть и будетъ главнымъ орудіемъ войны и въ степени устойчивости его психическихъ силъ кроется залогъ побѣды или пораженія.

———

Этими строками мы заканчиваемъ историческую часть очерка. Надо еще обратить вниманіе на то, что раздѣляя эволюцію укрѣпленныхъ позицій на четыре періода и давая четыре схемы, мы это дѣлали лишь для большей наглядности разныхъ этаповъ этой эволюціи. На самомъ дѣлѣ эволюція шла непрерывно, новыя мысли за-



рождались и частично проводились въ жизнь, не соотвѣтствуя точно тѣмъ періодамъ, какіе нами указаны, а потому, кромѣ приведенныхъ четырехъ схемъ въ боевой практикѣ минувшей войны, можно найти цѣлый рядъ другихъ промежуточныхъ типовъ позицій, лишь въ той или другой степени приближающихся къ схемамъ нашего очерка.

НѢКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ДЛЯ БУДУЩАГО.

Изученіе опыта міровой войны, въ смыслѣ выводовъ о примѣненіи фортификаціи въ грядущихъ войнахъ, вызываетъ рядъ интересныхъ вопросовъ. Вопросы эти еще далеки отъ окончательнаго разрѣшенія и каждый изъ нихъ потребуетъ еще основательнаго изученія, прежде чѣмъ установится опредѣленная фортификаціонная доктрина. Но все же нѣкоторые выводы общаго характера можно уже дѣлать и теперь. При этомъ выводы наши будутъ касаться только той области примѣненія фортификаціи, которая описана была въ исторической части очерка, а именно: мы ничего не говорили о значеніи крѣпостей въ минувшей войнѣ и вообще о роли фортификаціи, которая примѣняется для подготовки будущихъ театровъ военныхъ дѣйствій. Это область долговременной фортификаціи, ва отношеніи которой война внесетъ вѣроятно, существенныя измѣненія. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ вопросъ о примѣненіи фортификаціи во время самихъ операцій или, хотя и въ періоды подготовительные къ операціи, но во время уже военныхъ дѣйствій на театрѣ войны.

Война началась и закончилась маневренными (полевыми) сраженіями, да и всѣ серіозные позиціонные бои сводились въ основѣ своей къ тому, чтобы прорвать фронтъ противника, искусственно создать уязвимые фланги и перейти затѣмъ къ маневренному бою въ полѣ. Позиціонная война, хотя и заняла по времени большую часть періода міровой войны, но являлась лишь пріемомъ вспомогательнымъ, который никогда не давалъ, да и въ будущемъ не дастъ, окончательнаго рѣшенія въ вооруженномъ столкновеніи. Однако, только обстановка позиціонной войны давала возможность использовать всѣ техническія средства въ такомъ объемѣ, какъ это мы видѣли въ минувшей войнѣ. Эти же средства даютъ возможность слабѣйшей сторонѣ, или же хотя и сильнѣйшей, но съ цѣлями маневренными, принудить своего противника къ позиціонной войнѣ на всемъ или на извѣстномъ участкѣ боевого фронта.

Комбинація борьбы маневренной съ пазиціонной присуща будетъ, несомнѣнно, и будущимъ войнамъ, но только маневренныя сраженія будутъ имѣть рѣшающее вліяніе на исходъ борьбы.

Краткій взглядъ на исторію приводитъ насъ къ тому же выводу. Не говоря уже о Русско-Японской войнѣ, гдѣ комбинація борьбы маневренной съ позиціонной выразилась почти въ современныхъ формахъ, но и почти всѣ войны давали намъ ту же картину, отличаясь лишь формой. Маневръ полевыхъ армій всегда входилъ въ извѣстную комбинацію съ борьбой за крѣпости, дававшими возможность выиграть время. Тактика борьбы за крѣпость носила тотъ же характеръ, какъ и позиціонная борьба въ минувшей войнѣ: стремленіе со стороны обороняющагося создать нѣсколько оборонитель-

ныхъ линій, обезпечить себя препятствіями, использовать возможно прочныя закрытія и т. д.. Атакующій долженъ былъ стремиться къ прорыву фронта, такъ какъ фланги отсутствовали, широко пользовался фортификаціей и т. д.. Но борьба за крѣпости всегда носила лишь вспомогательный характеръ, такъ какъ уничтоженіе живой силы непріятеля достигалось только маневреннымъ боемъ въ полѣ.

Тоже самое мы видимъ и въ минувшей войнѣ, но прогрессъ техническихъ средствъ послѣдняго времени давалъ возможность создавать фронты крѣпостного характера не за долгіе періоды мирнаго времени, а во время самой войны и тамъ, гдѣ это было необходимо по ходу операцій. Но и здѣсь эти фронты играли лишь временную, вспомогательную роль, а судьбы государствъ рѣшались маневренными операціями. Приходилось слышать возраженія, что война велась „на изнуреніе“, а потому рѣшающее значеніе имѣла продолжительная война. Но вѣдь это средство обоюдоостро и врядъ ли послѣ всеобщаго изнуренія и разоренія европейскихъ государствъ, участвовавшихъ въ войнѣ, найдется въ будущемъ много сторонниковъ подобнаго пріема веденія войны. Да и тотъ пріемъ былъ результатомъ простой необходимости: нельзя же дать себя разбить въ маневренномъ бою, пока я не чувствую себя достаточно готовымъ для шансовъ на побѣду. Однако, попытки къ прекращенію позиціонной борьбы дѣлались всѣми сторонами неоднократно, какъ только онѣ чувствовали себя подготовленными къ рѣшающему маневренному сраженію.

Изъ всего сказаннаго надо сдѣлать выводъ, что надо и для будущихъ войнъ быть подготовленнымъ и для маневренныхъ, и для позиціонныхъ операцій.

Къ средствамъ фортификаціи придется прибѣгать и въ маневренной, и въ позиціонной борьбѣ. При этомъ надо имѣть въ виду, что какъ бы ни прогрессировала техника и что бы ни писали въ связи съ этимъ о грядущей „машинной“, „химической“, „воздушной“ и т. п. войнѣ, но надо думать, что пѣхота, во всякомъ случаѣ еще долгое время, останется главнымъ родомъ войскъ, несущимъ наибольшія тягости и въ концѣ концовъ рѣшающей судьбы военныхъ операцій. При атакѣ всегда лишь продвиженіе впередъ, а при оборонѣ — стойкое удержаніе занимаемой мѣстности являются показателями успѣха. И чѣмъ больше будутъ прогрессировать всевозможныя средства пораженія, тѣмъ больше пѣхота, да и прочіе роды войскъ, будутъ нуждаться въ закрытіяхъ какъ при движеніи, такъ и при расположеніи на мѣстности. Въ будущемъ, значитъ, къ фортификаціи придется еще больше прибѣгать, какъ атакующему, такъ и обороняющемуся въ борьбѣ и маневренной, и позиціонной.

Между тѣмъ опытъ міровой войны, въ смыслѣ эволюціи фортификаціи, является одностороннимъ, а именно, онъ даетъ богатый матеріалъ для выводовъ о примѣненіи фортификаціи въ борьбѣ позиціонной. Возможно-ли, опираясь на этотъ матеріалъ, сдѣлать выводы и въ отношеніи борьбы маневренной? Намъ это пред-

ставляется возможнымъ на основаніи приводимыхъ ниже соображеній.

Разсмотримъ принципы, положенные въ основаніе укрѣпленныхъ позицій, и тѣ пріемы, которыми эти принципы проводились въ жизнь. Но предварительно укажемъ на то, что не слѣдуетъ смѣшивать понятія „принципа“ съ „элементомъ“, какъ это дѣлаютъ теперь нѣкоторые писатели и даже оффиціальныя руководства. Принципъ есть идея, абстракція, въ то время какъ элементъ есть средство къ осуществленію принципа. Тоже самое относится и къ фортификаціи. Принципы фортификаціи суть, по преимуществу, принципы тактическіе, въ то время какъ элементы фортификаціи суть тѣ объекты, которые сами по себѣ или въ извѣстномъ сочетаніи даютъ возможность претворенія принциповъ въ жизнь.

Сравнивъ всѣ приведенныя въ настоящемъ очеркѣ схемы, мы увидимъ, что каждая дальнѣйшая по времени схема являлась лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ принциповъ, по которымъ созидалась позиція предыдущая. А принципы эти суть основные, неизмѣнные, которыми руководилась фортификація съ давнишнихъ временъ.

Первый принципъ, на которомъ теперь основана оборона, это принципъ фланговаго огня. Это принципъ хотя и тактическій, но всегда отстаивался именно фортификаціей. Дѣйствительно, когда сила огнестрѣльнаго оружія дошла до большой скорострѣльности и дальности, то тактика обороны перешла почти исключительно къ фронтальному огню, могущему, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, всецѣло замѣнить огонь фланговый. И только фортификація во всѣхъ своихъ сооруженіяхъ, начиная отъ бастіоннаго фронта и кончая промежуточными капонирами въ новѣйшихъ крѣпостяхъ, всегда основывала оборону на фланговомъ огнѣ.

Въ схемѣ № 1 средствомъ для осуществленія этого принципа должны были служить опорные пункты, но они оказались неспособными выполнить эту задачу. Въ дальнѣйшихъ схемахъ для осуществленія этой задачи прибѣгли къ элементамъ фортификаціи въ видѣ разнаго рода фланкирующихъ построекъ для пулеметовъ и къ комбинаціи ихъ такимъ образомъ, что принципъ фланговаго огня получилъ полное осуществленіе.

Въ связи съ фланговымъ огнемъ особое значеніе пріобрѣтаетъ снова принципъ преграды. Относительно кратковременное пребываніе противника въ зонѣ фланговаго огня вызываетъ необходимость задержать его въ этой зонѣ путемъ устройства искусственныхъ преградъ. Этотъ принципъ есть ни что иное, какъ модификація крѣпостного рва. И въ этой области чрезмѣрныя упованія на силу фронтальнаго огня привели одно время къ пренебреженію искусственными препятствіями („огонь лучшая преграда“), иллюстраціей чего можетъ служить схема № 1, гдѣ слабость интерваловъ во многомъ зависѣла отъ отсутствія препятствій. На дальнѣйшихъ схемахъ мы видимъ прогрессивное усиленіе препятствій, причемъ главнымъ образомъ примѣняется колючая проволока, какъ лучше всего сопротивляющаяся разрушенію артиллерійскимъ огнемъ. Но совре-

менная техника должна теперь озаботиться изобрѣтеніемъ препятствій, могущихъ задержать движущіяся машины, прообразомъ которыхъ является танкъ.

Не менѣе важнымъ является принципъ эшелонированія въ глубину, какъ необходимое условіе для упорства обороны. И этотъ принципъ не новъ и освященъ глубокой стариной. На схемѣ № 1 мы опять видимъ слабое развитіе этого принципа, какъ результатъ разсчета, оказавшагося неправильнымъ, остановить атаку огнемъ съ одной линіи окоповъ. Въ дальнѣйшемъ, эшелонированіе въ глубину является характернѣйшей чертой въ эволюціи позицій.

Принципъ группировки силъ и, въ связи съ этимъ, элементовъ фортификаціи, прообразомъ которыхъ въ старину были бастіоны и куртины, а въ дальнѣйшемъ опорные пункты, центры сопротивленія и связывающіе ихъ болѣе слабые интервалы. Слабость интерваловъ на схемѣ № 1 привела къ нѣкоторому забвенію этого принципа, что выразилось на схемѣ № 2, но затѣмъ этотъ принципъ опять восторжествовалъ и привелъ къ образованію позицій группового характера (схема № 3), но обезпечивающихъ непрерывность обороны по всему фронту.

Затѣмъ мы видимъ принципъ наблюденія и свободы сообщенія (связи), для осуществленія котораго фортификація давала самыя разнообразныя средства. Наблюдательные пункты мы можемъ видѣть уже на старинныхъ фронтахъ, напримѣръ, на бастіонахъ Бѣлградской крѣпости. Расположены они такъ, чтобы вся мѣстность передъ фронтомъ могла бы осматриваться безъ мертвыхъ пространствъ. Свобода сообщеній по фронту и въ глубину всегда имѣла весьма важное значеніе. Но пока огнестрѣльное оружіе было мало дѣйствительно, то для укрытаго сообщенія можно было пользоваться лишь мѣстными закрытіями, а кромѣ того, при кратковременности боевъ на позиціи не было острой необходимости въ обезпеченномъ, закрытомъ сообщеніи съ ближайшимъ тыломъ. Поэтому лишь коммуникаціонныя линіи всегда играли важную роль. Съ увеличеніемъ силы огня и продолжительности боевъ безопасность сообщенія съ тыломъ явилась рѣшающимъ факторомъ при выборѣ оборонительныхъ позицій. Фортификація пришла на помощь, создавая цѣлые лабиринты наземныхъ и подземныхъ ходовъ сообщенія (схема № 2 и послѣдующія).

Остановимся, наконецъ, на послѣднемъ и стариннѣйшемъ принципѣ укрытія отъ взоровъ и огня противника, послужившаго причиной зарожденія фортификаціи. Въ то время какъ старая фортификація стремилась создать закрытія абсолютной прочности, могущія выдержать огонь орудій любого калибра, а потому и не боялась воздвигать высокія, ясно видимыя непріятелю, сооруженія, современная фортификація осуществляетъ этотъ принципъ другимъ путемъ.

Не игнорируя прочности закрытій, что намъ подтвердилъ опытъ міровой войны, она учитываетъ ихъ относительное, а никакъ не абсолютное значеніе и стремится обезпечить закрытіе путемъ искуснаго

сочетанія формъ разной степени сопротивляемости, обезпечивая ихъ разсредоточиваніемъ на большой площади, невидимостью (маскировка) и количествомъ объектовъ (ложныя сооруженія). Но принципъ остается неизмѣннымъ; измѣняются лишь пріемы и средства къ его осуществленію.

Итакъ, изучая эволюцію укрѣпленныхъ позицій въ минувшей войнѣ, мы видимъ, что основные принципы оставались неизмѣнными, получая лишь все большее развитіе съ переходомъ отъ одного типа позицій къ другому, въ связи съ прогрессомъ средствъ борьбы. Отсюда мы должны сдѣлать выводъ, что, начиная съ короткой остановки для обороны во встрѣчномъ бою и кончая длительной позиціонной обороной, руководящіе принципы для укрѣппленія позиціи суть одни и тѣ же. Но въ какой степени удастся претворить эти принципы въ жизнь, будетъ зависѣть отъ боевой обстановки. Важнѣйшими данными этой обстановки, вліяющими на фортификацію, будутъ: боевая задача, время, техническія средства и силы и соотношеніе этихъ средствъ и средствъ борьбы у воюющихъ сторонъ.

Всегда будутъ стремиться, получивъ задачу — оборонять данную позицію, провести указанные принципы сколь возможно полно въ жизнь, но маневренная война, отличающаяся быстрыми, скоротечными и рѣшительными дѣйствіями, будетъ давать менѣе благопріятную обстановку сравнительно съ войной позиціонной. Въ свою очередь и въ самой маневренной войнѣ ставятся разныя боевыя задачи и складывается разнообразная обстановка. Поэтому въ войнѣ маневренной будутъ укрѣпляться позиціи, начиная отъ самыхъ слабыхъ (схема № 1), но уже носящихъ признаки осуществленія всѣхъ необходимыхъ основныхъ принциповъ. Что же касается вопроса о сильнѣйшихъ позиціяхъ маневренной войны, то для рѣшенія его надо учесть будущій прогрессъ техники, а это является задачей весьма трудной. Но уже и теперь появляются особыя машины для быстраго рытья окоповъ, быстрой установки препятствій, складныя, переносныя и быстро устанавливающіяся желѣзобетонныя постройки, броневые купола и т. п. Эти средства можетъ быть дадутъ возможность создавать и въ меневренной войнѣ, не умаляя ея основныхъ свойствъ (быстроты, скоротечности и рѣшительности), сильно укрѣпленныя позиціи, приближающіяся по типу къ оборонительнымъ зонамъ минувшей позиціонной войны.

Принимая во вниманіе особенности маневренной войны, надо думать, что большое примѣненіе себѣ найдетъ прежде всего подвижная броневая фортификація. Не только усовершенствованные танки, но и другія подвижныя броневыя машины (закрытія для группъ стрѣлковъ, наблюдательные пункты, бронированныя химическія, огнеметательныя и другого рода станціи) появятся въ большомъ количествѣ. Этими броневыми машинами, подвижность которыхъ будетъ способствовать ихъ неуязвимости, будетъ пользоваться не только атакующій, но они послужатъ и обороняющемуся, какъ скелетъ оборонительной позиціи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ,

когда время въ его распоряженіи для укрѣпленія позиціи будетъ крайне ограничено.

Въ позиціонной войнѣ появятся еще болѣе могущественныя средства, которыя дадутъ возможность создавать позиціи сильнѣйшія, чѣмъ мы ихъ видимъ въ послѣднемъ періодѣ міровой войны. Повидимому большое значеніе получитъ подземная, минная война.

Но и здѣсь не надо слишкомъ увлекаться далеко ведущими перспективами. Не слѣдуетъ забывать, что въ міровой войнѣ приняли участіе самыя могущественныя во всѣхъ отношеніяхъ государства съ высоко развитой техникой. Теперь многія изъ нихъ разорены и еще долго будутъ наверстывать потерянное. Небольшія государства, пожалуй, и не смогутъ обезпечить себя техническими средствами борьбы такъ, какъ были обезпечены воюющія стороны въ міровой войнѣ. Поэтому и въ позиціонной войнѣ найдутъ себѣ мѣсто въ грядущихъ вооруженныхъ столкновеніяхъ укрѣпленныя позиціи не только послѣдняго, но и всѣхъ предыдущихъ типовъ міровой войны.

Въ заключеніе нашего очерка можемъ, во всякомъ случаѣ, сказать, что въ будущихъ войнахъ и атакующій, и обороняющійся всегда будутъ стремиться использовать всѣ средства фортификаціи, имѣющіяся въ ихъ распоряженіи, помятуя горькій опытъ начала міровой войны и тѣ услуги, которыя оказала всѣмъ воюющимъ народамъ фортификація.

В. ПОЛЯНСКІЙ.

Краткій стратегическій очеркъ вооруженной борьбы на франко-германскомъ фронтѣ въ 1918 г.

(Окончаніе).

ПОДГОТОВКА СОЮЗНИКОВЪ КЪ ПЕРЕХОДУ ВЪ НАСТУПЛЕНІЕ.

I.

Задолго до перехода въ наступленіе ген. Фошъ озаботился пріучить мысль и сознаніе своихъ подчиненныхъ къ тому, что наступленіе и только наступленіе въ конечномъ итогѣ приведетъ ихъ къ побѣдѣ.

Предлагая главнокомандующимъ періодически представлять ему совершенно разработанные проекты перехода въ наступленіе на томъ или другомъ направленіи, ген. Фошъ и въ оборонительный періодъ постоянно упражнялъ своихъ подчиненныхъ на изученіи обстановки и принятіи рѣшеній, связанныхъ съ переходомъ въ наступленіе.

Такую же работу выполнялъ и онъ самъ, ни на минуту казалось бы не оставляя мысли о захватѣ иниціативы дѣйствій...

Подготовка нѣмцевъ къ ихъ іюльскому наступленію въ Шампани была своевременно установлена французскимъ штабомъ, при этомъ болѣе или менѣе точно были опредѣлены какъ время атакъ, такъ и раіоны ихъ нанесенія по обѣ стороны Реймса.

Начиная съ 3-го іюля, т. е. за 12 дней до ихъ начала, въ послѣдовательныхъ собесѣдованіяхъ генераловъ Фоша и Петена вырабатывался планъ будущаго сраженія съ французской стороны. По этому плану первоначальная иниціатива дѣйствія предоставляется нѣмцамъ, съ тѣмъ чтобы въ періодъ ихъ полнаго напряженія въ направленіи на югъ, нанести имъ рѣшительный ударъ во флангъ, съ запада на востокъ, самое направленіе котораго компрометировало-бы всю операцію нѣмцевъ, выводя французовъ на сообщенія противника.

Скопленіе нѣмцевъ на участкахъ Шато-Тьери, Реймсъ и Реймсъ, Массижъ естественно заставляли предполагать разряженіе въ раіонѣ заслона Шези, Амблени, сюда-то и намѣчается контръ-ударъ французовъ (схема № 8).

13-го и 14-го іюля, ген. Фошъ посѣщаетъ лично штабъ французскаго главнокомандующаго, причемъ окончательно устанавливаетъ планъ будущей оборонительно-наступательной операціи. Въ распоряженіе ген. Петена предоставляется возможно большее количество французскихъ дивизій. Кромѣ того ген. Фошъ предлагаетъ англійскому главно-

командующему выдѣлить 4 дивизіи, расположивъ ихъ къ югу отъ Соммы и имѣть наготовѣ еще 4 дивизіи, оставивъ ихъ, пока, въ своемъ распоряженіи.

Изъ американской арміи привлекаются 2 дивизіи и назначаются по одной въ составы армій, преднамѣченныхъ для нанесенія удара.

Со стороны французовъ все подготовлено. Для нихъ элементъ внезапности устраненъ. Скрытно ведя свою подготовку для контръ-удара, они сосредотачиваютъ въ лѣсной районъ Виллеръ-Коттере двѣ арміи.

Между тѣмъ нѣмцы льстили себя надеждой, что ихъ приготовленія остались незамѣченными, во всякомъ случаѣ имъ не удавалось

подмѣтить у французовъ какихъ либо мѣръ или признаковъ тревожнаго ожиданія, — только на фронтѣ вдоль Марны нѣсколько усилился артиллерійскій огонь.

Взаимное отношеніе воздушныхъ флотовъ къ этому періоду было таково, что нѣмецкимъ эскадрильямъ хотя и удавались иной разъ прорывы въ глубокій тылъ противника, но вести правильную и непрерывную воздушную развѣдку прифронтовой полосы нѣмцы уже не могли. Это преимущество принадлежало уже французамъ.

Какъ и въ германской мартовской операціи тайну обнаружили перебѣжчики, на этотъ разъ французскіе, которые увѣдомили нѣмцевъ о готовящейся на 12 13 іюля „танковой атакѣ“ изъ района Коттере. Но дни эти прошли, атаки не было и нѣмцы успокоились. 15-го іюля ихъ операція началась. Къ этому времени они имѣли въ общемъ резервѣ 81 пѣх. дивизію.

Какъ уже было сказано выше, германскія атаки на фронтѣ Реймсъ, Массижъ 15 и 16 іюля разбились о вторую позицію французовъ, причемъ нѣмцы, наступавшіе большими массами, понесли

очень чувствительныя потери; на участкѣ-же къ востоку отъ Шато-Тьери имъ удалось, овладѣвъ лѣвымъ берегомъ Марны, перебросить на него 6 дивизій пѣхоты и навести мосты, однако дальнѣйшее продвиженіе ихъ и здѣсь было остановлено.

Километрахъ въ пяти къ югу отъ Марны они встрѣтили упорнѣйшее сопротивленіе, поддержанное обильно питаемымъ огнемъ французской артиллеріи, погасить который съ праваго берега Марны не удавалось, точно также какъ и перебросить на лѣвый берегъ необходимую для этого артиллерію. Дальнѣйшія попытки наступать приводили къ безполезнымъ потерямъ. Нѣмцы остановились, терпя однако очень солидный уронъ отъ огня, подъ которымъ французы держали не только занятый нѣмцами плацдармъ, но и мосты черезъ Марну. Положеніе наступавшихъ становилось все болѣе тяжелымъ и германское главное командованіе, признавъ свою попытку прорвать французскій фронтъ въ Шампани неудавшейся, 17 іюля приказало прекратить дальнѣйшія атаки, намѣтивъ отходъ дивизій съ южнаго берега Марны въ ночь съ 20—21 іюля.

Насколько нѣмцы не ожидали контръ-удара французовъ и развитія всей послѣдовавшей операціи видно изъ того, что въ дальнѣйшемъ герм. главн. командованіемъ намѣчалась переброска тяжелой артиллеріи и части резервовъ на фронтъ кронпринца Рупрехта, гдѣ предполагалось повторить ударъ въ операціонномъ направленіи на Калэ и остальные Ла-Маншскіе порты. Начавъ переброску артиллеріи, минометовъ и воздушныхъ средствъ еще съ вечера 16-го іюля, Людендорфъ самъ лично направился въ ставку кронпринца Рупрехта въ ночь съ 17—18 іюля.

Германскому кронпринцу было предложено оттянуть часть своихъ дивизій въ резервъ. Однако неудавшаяся активная операція уже поглотила часть силъ и потребовала жертвъ и на 18-е іюля общее количество герм. резервовъ было уже 65 дивизій. Изъ нихъ только 34 свѣжихъ.

Какъ уже сказано выше, бои фронтомъ на югъ создали общее скопленіе нѣмцевъ въ полосѣ Шато-Тьери, Реймсъ, Массижъ. Ударъ французовъ намѣченъ съ запада на востокъ съ фронта Шези, Амблени съ главнымъ направленіемъ на Хартенъ; къ югу отъ этого направленія наступала армія ген. Дегута, къ сѣверу — ген. Манжена. Для удара предназначено 20 дивизій (въ томъ числѣ 2 див. американцевъ).

ПЕРЕХОДЪ ВЪ НАСТУПЛЕНІЕ СОЮЗНИКОВЪ.

(Схема № 8).

Съ разсвѣта 18-го началась интенсивнѣйшая и короткая артиллерійская подготовка; послѣ двухъ-часоваго огня, боевые порядки танковъ, сопровождаемые жидкими цѣпями пѣхоты, пошли въ атаку. Въ атакѣ приняли участіе 742 танка. Впервые были примѣнены легкіе быстро движущіеся малые танки, сопровождаемые болѣе крупными, перебрасывавшими черезъ фронтъ противника мелкія стрѣлково-пулеметныя группы.

Встрѣтивъ ничтожное сопротивленіе французы 18-го и 19-го продвинулись до линіи Непли — Парси — Тиньи. 19-го ген. Фошъ рекомендуетъ ген. Петену подготовить свое наступленіе по всему фронту Шато-Тьери, Реймсъ.

Все развивающійся огонь французовъ держитъ нѣмецкій фронтъ, а медленное, но неукоснительное ихъ поступательное движеніе на востокъ перерѣзаетъ пути сообщенія этого фронта. Положеніе становится все тяжелѣе, давленіе направлено подъ прямымъ угломъ, сопротивляться и даже жить внутри котораго становится для нѣмцевъ все труднѣе...

Къ раіону боя нѣмцами спѣшно подбрасываются резервы: 1) изъ раіона С-Кантена, распоряженіемъ гл. квартиры и 2) изъ раіона ю.-з. Реймса, распоряженіемъ главнокомандующаго фронтомъ. Бывшія въ раіонѣ атаки 3—4 дивизіи вмѣстѣ съ прибывающими стремятся удержать французовъ, которые проявляютъ крайнюю систематичность и расчетливость и не ставятъ себѣ задачи быстро сломить нѣмецкое сопротивленіе, навалившись всей массой, хотя бы и цѣной большихъ жертвъ.

Въ ночь на 21-е нѣмцы ушли съ южнаго берега Марны, а 21-го началось общее концентрическое наступленіе французовъ.

Въ тылу у нѣмцевъ былъ удобный раіонъ для новой упорной обороны высоты Тардену, туда необходимо было доставить новыя средства борьбы, подвезти свѣжія силы для пріема на себя медленно отходящаго фронта и тамъ возобновить упорное сопротивленіе.

Оцѣнивая по достоинству значеніе высотъ Тардену, для созданія новаго фронта, французы даютъ задачу своему воздушному флоту недопустить сосредоточенія крупныхъ германскихъ силъ въ этомъ раіонѣ.

Надъ опредѣленной полосой мѣстности около 45 клм. длиной въ воздухѣ должны постоянно находиться многочисленныя эскадрильи (по нѣкоторымъ источникамъ въ общемъ количествѣ до 1.000 аэроплановъ); эскадрильи эти вылетали со своихъ аэродромовъ по особому расписанію, подымались на о п р е д ѣ л е н н у ю высоту и, пролетая свой путь по о п р е д ѣ л е н н о м у-же маршруту, снова возвращались на свои аэродромы, откуда послѣ нѣкотораго отдыха вновь вылетали, согласно расписанія. Выполняя свои полеты, онѣ поражали огнемъ своихъ пулеметовъ, бомбами и стрѣлами всѣ живыя цѣли, которыя попадались на ихъ пути.

Въ свою очередь и нѣмцы направляютъ свои воздушныя силы въ этотъ же раіонъ съ задачей обезпечить развертываніе и закрѣпленіе войскъ на фронтѣ Тардену. Такія встрѣчныя задачи привели къ многочисленнымъ воздушнымъ боямъ, во время которыхъ французы сбиваютъ 297 герм. аэроплановъ, выбрасываютъ на головы подходящихъ герм. резервовъ и отходящихъ частей 450.000 кило взрывчатыхъ веществъ и милліоны стрѣлъ.

Упорно обороняясь отъ насѣдающаго съ юга и запада противника, нѣмцы отходятъ шагъ за шагомъ, имъ не удается задержаться на линіи высотъ Тардену и, миновавъ ее 27—29 іюля, они

къ 4-му августа удерживаются на позиціяхъ по Эну и Веслѣ, сохранивъ въ своемъ обладаніи полосу въ 10—15 кил. шириной изъ всего раіона захваченнаго ими въ маѣ.

Чрезвычайно выгодныя тактическія условія боевъ дали возможность французамъ нанести нѣмцамъ жестокія потери. Трофеями побѣдителей были кромѣ того 35.000 плѣнныхъ, до 700 орудій, а что дороже всего — вырванная наконецъ у противника инціатива дѣйствій.

Вопросъ съ быстрымъ и правильнымъ пополненіемъ боевого состава стоялъ уже въ германской арміи настолько не прочно, что германское командованіе, послѣ вышеописанной операціи, рѣшило не пополнять всѣ дивизіи, а сократило число ихъ на 10, использовавъ наиболѣе пострадавшія (или наименѣе стойкія) дивизіи въ качествѣ пополненій для другихъ частей. Германская армія стала сокращаться!..

7-го авг. ген. Фошъ получилъ высокое званіе маршала Франціи.

ДАЛЬНѢЙШІЙ ПЛАНЪ ВОЙНЫ.

(Схемы № 9 и № 11).

24-го іюля, тогда еще генералъ Фошъ собралъ у себя въ ставкѣ главнокомандующихъ и изложилъ передъ ними дальнѣйшій планъ свохъ дѣйствій; только что описанная операція была еще въ полномъ развитіи, но не къ ней, непосредственно, относились планы верховнаго командованія, они были значительно шире... Суть ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

1) Иниціатива у противника вырвана; теперь уже нельзя ее упускать изъ рукъ до самаго конца войны; операціи должны слѣдовать одна за другой, будучи связаны между собой по цѣли, по времени и по объектамъ дѣйствій.

2) По цѣли будущія операціи должны истощить резервы противника, служа подготовкой послѣднему акту войны, — нанесенію смертельнаго удара.

3) По времени и по объектамъ дѣйствій операціи будутъ распадаться на двѣ группы: первая изъ нихъ ставитъ себѣ ближайшія задачи, а именно: а) обезпеченіе жел. дор. линіи Парижъ — Аврикуръ, которое въ свою очередь достигается двумя операціями: развивающейся въ настоящее время и будущею операціею американской арміи ген. Першинга по овладѣнію С.-Михіельскимъ выступомъ; б) обезпеченіе жел. дор. линіи Парижъ — Аміенъ, которое будетъ достигнуто наступленіемъ англо-французскихъ армій къ востоку отъ Амiена; в) овладѣніе рудниками Бетюнъ — Бріе, которое будетъ достигнуто наступленіемъ съ фронта Фестюберъ — Робекъ (Лисскій выступъ). Вторая группа будетъ состоять изъ операцій болѣе отдаленныхъ по времени, выполненіе которыхъ будетъ осуществимо лишь послѣ завершенія операцій первой группы — т. е. по всему вѣроятію уже осенью. Объекты дѣйствій этихъ операцій, должны быть болѣе отдаленными, а характеръ ихъ веденія болѣе рѣшительнымъ. Весь планъ былъ изложенъ письменно.

Переходя затѣмъ вновь къ очереднымъ задачамъ, ген. Фошъ указалъ, что захваченную инціативу нужно удержать во что бы то ни стало, нанося противнику ударъ за ударомъ, расширяя все время раіонъ операцій и не давая ему времени на отдыхъ и устройство силъ.

Ближайшая очередная задача была возложена на англійскую армію. Англійскому главнокомандующему ген. Хэгу было предложено вести самую энергичную подготовку къ переходу въ наступленіе

въ раіонѣ Аміена, правѣе (южнѣе) англичанъ должна была наступать 1-ая французская армія ген. Дебени.

3-го августа ген. Фошъ изъ личной бесѣды съ ген. Хэгомъ убѣждается въ степени подготовленности этой операціи, — осуществленіе ея намѣчается на 8-ое августа.

Пока шла эта работа въ высшихъ штабахъ, іюльское наступленіе ген. Петэна продолжалось, но уже наступало время перемѣнить мѣсто приложенія максимальнаго усилія. Въ этомъ фазисѣ общаго хода событій іюльская операція какъ-бы уже получила значеніе огромной демонстраціи, оттянувшей на себя силы и приковавшей резервы и вниманіе противника къ своему фронту. Артиллерійскій огонь поддерживается еще очень интенсивно по всему фронту наступленія, которое ежеминутно можетъ вновь разразиться новымъ ударомъ... Но ударъ заносится на совершенно другомъ направленіи!

АВГУСТОВСКОЕ НАСТУПЛЕНІЕ СОЮЗНИКОВЪ.

(Схема № 10).

8-го авг. ген. Хэгъ атакуетъ своею IV англ. арміей на участкѣ Морейль, Альберъ — II герм. армію. 9-го авг. онъ расширяетъ фронтъ атаки наступленіемъ подчиненной ему французской арміи ген. Дебени.

Объ атаки производятся съ примѣненіемъ тѣхъ-же тактическихъ пріемовъ, что и при наступленіи 18-го іюля, — ударъ оказывается совершенно неожиданнымъ, нѣмцы были мѣстами отброшены на 15 километровъ и фронтъ ихъ почти прорванъ. Изъ числа 10—11 атакованныхъ дивизій, по признанію ген. Людендорфа, 6 - 7 были совершеннно разгромлены и фронтъ временно удерживался ихъ остатками и 3—4 менѣе пострадавшими дивизіями.

Съ разныхъ сторонъ были вызваны резервы — съ фронта принца Рупрехта они перевозились по желѣзнымъ дорогамъ, изъ сосѣднихъ XVIII и IX герм. армій они были непосредственно направлены въ раіонъ грозящаго прорыва.

Но XVIII армія и сама атакована. 10-го августа раіонъ атаки расширяется вправо до Нуайона наступленіемъ арміи ген. Умбера.

Тактическій успѣхъ наступленія 8—10 августа оказался еще значительнѣе чѣмъ іюльскаго. Въ нѣсколько дней было взято до 40.000 плѣнныхъ и 700 орудій. Былъ случай сдачи дивизіи, плѣненія цѣлыхъ отдѣльныхъ частей и захвата штабовъ танковыми частями, проникшими въ глубину расположенія противника.

Отброшенные отъ своихъ позицій, нѣмцы къ 18-му августа задерживаются на фронтѣ Альберъ, Боврэнь, Лассиньи. Тѣмъ временемъ, еще 10-го августа, маршалъ Фошъ далъ указаніе ген. Хэгу спѣшить съ подготовкой н о в а г о н а с т у п л е н і я III а н г л. а р м і и въ направленіи Б а п о м ъ П е р о н н ъ.

Ген. Хэгъ проситъ разрѣшеніе перенести, намѣченный уже на этомъ направленіи, день атаки съ 16 на 21-ое августа, — въ цѣляхъ наилучшей подготовки операціи. Просимое разрѣшеніе ему дается, но это обстоятельство какъ бы еще болѣе обязываетъ англичанъ безусловно выполнить поставленную имъ задачу.

Нужно держать настроеніе повышеннымъ и питать активность вождей положительными переживаніями, поэтому 18-го августа, за три дня до намѣченнаго для атаки, французское правительство, по представленію маршала Фоша, награждаетъ ген. Хэга медалью „за военныя заслуги“ за атаку 8-го августа, такъ удачно начавшую операцію, которая все еще развивалась.

А фронтъ атаки все ширится и ширится, — 20-го августа IX герм. армію атакуетъ армія ген. М а н ж е н а на фронтѣ С у а с о н ъ, Н у а й о н ъ, въ общемъ направленіи н а с ѣ в е р о - в о с т о к ъ, на Шони; его трофеями были 8.000 плѣнныхъ и 100 орудій. Маршалъ Фошъ сейчасъ же, по полученіи свѣдѣній объ успѣхахъ атаки ген. Манжена, сообщаетъ объ нихъ Хэгу, выражая увѣренность, что отлично подготовленная англійская атака дастъ на слѣдующій день еще болѣе блестящіе результаты. Лѣвѣе ген. М а н ж е н а продолжала свое продвиженіе армія ген. У м б е р а, совмѣстное ихъ наступленіе продолжаетъ развиваться и въ послѣдующіе дни.

21-го августа атакуетъ III англ. армія на фронтѣ Альберъ, Буале въ общемъ направленіи на востокъ, на К а м б р э.

Атака эта сопровождалась особенно энергичной дѣятельностью танковъ: послѣ окончанія интенсивной артиллерійской подготовки,

подъ прикрытіемъ дымовыхъ завѣсъ небольшіе танки стремились проникнуть возможно глубже въ раіонъ нѣмецкаго расположенія и своимъ фланговымъ и тыльнымъ пулеметнымъ огнемъ стремились парализовать маневренную способность обороняющагося. Эти новые пріемы борьбы, повидимому, производили сильное впечатлѣніе на

психику противника, т. к. объ этомъ впечатлѣніи и этихъ пріемахъ упоминаетъ даже ген. Людендорфъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ".

Эта англійская атака сопровождается полнымъ успѣхомъ и ломаетъ германскій фронтъ еще на одномъ новомъ направленіи.

Не увлекаясь чрезмѣрно стремленіемъ проникнуть возможно глубже, — маршалъ Фошъ явно стремится наступать возможно шире и 26-го августа фронтъ наступленія увеличивается введеніемъ въ дѣло I-ой англ. арміи на участкѣ Буале, Біашъ—Ст. Ваастъ. Невольно вспоминается старое Наполеоновское „L'on s'engage par tout et puis l'on voit"...

Къ 30-му августа (см. схему № 10) нѣмцы по всему атакованному фронту отходятъ на такъ называемую позицію „Вотаоа", т. е.

на 10 — 15 километровъ, — союзники неукоснительно слѣдуютъ за ними по пятамъ.

2-го сентября сильной танковой атакой англичане форсируютъ препятствія этой позиціи и, развивая успѣхъ, прорываютъ фронтъ въ направленіи нѣсколько сѣвернѣе Камбрэ. Нѣмцы отходятъ на позиціи „Зигфридъ“, очиствивъ такимъ образомъ къ 9-му сентября весь раіонъ, занятый ими въ мартовской операціи. Къ тому-же времени, во имя сокращенія фронта и скопленія резервовъ, нѣмцы очищаютъ Лилльскій выступъ, отводя свои IV и VI арміи на ихъ прежній фронтъ — до апрѣльской операціи (см. схему № 4). Этотъ добровольный отходъ нѣмцевъ исключилъ необходимость операціи по овладѣнію рудниками Бетюнъ-Бріе.

Такимъ образомъ широкая программа операцій, намѣченная еще 24-го іюля ген. Фошемъ, оказалась осуществлена въ первыхъ числахъ сентября въ своей первой части, — оставалась 2-я группа задачъ, ставящихъ себѣ болѣе отдаленныя цѣли.

Съ конца августа (см. схему № 11) маршалъ Фошъ озабоченъ уже осуществленіемъ этой новой серіи; изъ первой группы ему остается только закончить освобожденіе Парижъ—Аврикурской жел. дор., ликвидировавъ Ст.-Михіельскій выступъ. Эту операцію онъ поручаетъ ген. Першингу съ американскими дивизіями, усиливъ его нѣсколькими французскими. Атака намѣчается на 12-е сентября.

2-го сентября, послѣ совѣщанія съ Петеномъ и Першингомъ, маршалъ Фошъ даетъ новыя задачи:

1) Американской арміи — а) около 10/IX ликвидировать Ст. Михіельскій выступъ, б) 20—25/IX атаковать въ наравленіи на Мезьеръ съ юга на сѣверъ, прикрываясь съ востока рѣкой Маасомъ и будучи обезпеченной слѣва наступленіемъ IV франц. арміи.

2) Въ центрѣ французскимъ арміямъ сбросить противника съ позиціи Энъ—Альетъ.

3) Англійскимъ арміямъ продолжать атаку зъ запада на востокъ, стремясь прорвать фронтъ позиціи „Гинденбурга“, съ фронта С-т. Кантенъ, Камбрэ въ направленіи на Мезьеръ, Живе.

Нацѣливъ обѣ фланговыя атаки на Мезьеръ, маршалъ Фошъ удерживаетъ весь центръ, сжимая его какъ клещами, или заставляя уходить подъ повторными ударами атекующихъ.

Расширивъ еще болѣе поле сраженія къ востоку до Вердена и даже до Ст. Михіеля, онъ намѣчаетъ слѣдующій пунктъ для нанесенія удара на крайнемъ сѣверѣ, вдоль моря и Нидерландской границы... Этотъ ударъ долженъ охватить нѣмцевъ съ ихъ праваго фланга.

Директивой 8-го сентября опредѣляется направленіе этого удара на Брюгге и Гентъ; для его осуществленія предназначается вся бельгійская армія, II-ая англійская, три французскія пѣх. дивизіи, многочисленная тяжелая артиллерія и корпусъ французской кавалеріи — все подъ общимъ начальствомъ короля Бельгіи. Для обезпеченія наилучшаго выполненія этой операціи марш. Фошъ лично направляется въ Бельгію. 9-го и 10-го обсуждается и принимается въ

Ставкѣ короля Альберта планъ дѣйствій, намѣчаемыхъ на 25-28 сентября. Согласно выраженнаго королемъ пожеланія имѣть въ качествѣ начальника штаба группы французскаго генерала, въ его распоряженіе назначается ген. Дегутъ, прибывшій со всѣмъ своимъ штабомъ арміи.

СЕНТЯБРЬСКОЕ НАСТУПЛЕНІЕ АМЕРИКАНЦЕВЪ И ФРАНЦУЗОВЪ.

(Схема № 12).

12-го сентября, блестяще осуществляется атака Ст. Михіельскаго выступа. Нѣмцамъ одновременно наносятся два удара съ ю.-в. на Тіокуръ и съ с.-зап. на Комбръ, оба удара успѣшны. Намѣчавшаяся уже и прежде эвакуація Ст. Михіельскаго выступа ведется въ лихорадочномъ темпѣ. Нѣмцамъ все же удается хотя и съ потерей до 15 тысячъ плѣнными отвести б. часть войскъ и прочно занять позицію „Михель“, составлявшую с.-в. сторону Ст. Михіельскаго треугольника; — на этой позиціи ожидаютъ они дальнѣйшаго развитія операціи... но напрасно, послѣдующіе удары будутъ имъ нанесены совсѣмъ въ другихъ раіонахъ...

ОБСТАНОВКА НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ И САЛОНИКСКОМЪ ФРОНТАХЪ.

Горячее веденіе операцій на франко-бельгійскомъ фронтѣ, даже при условіи личнаго руководства въ дѣлѣ ихъ разработки со стороны маршала Фоша, не поглощало однако всецѣло его вниманія. Непрерывно слѣдитъ онъ и за другими театрами военныхъ дѣйствій,

стремясь возможно продуктивнѣе использовать ихъ силы и средства, въ цѣляхъ наиболѣе полнаго обезпеченія успѣха на главномъ театрѣ войны. Неоднократно и настойчиво предлагаетъ онъ итальянской арміи перейти въ наступленіе; а когда, намѣченная ген. Діацемъ на половину сентября наступательная операція вновь была отложена,— маршалъ Фошъ принимаетъ мѣры для оказанія политическаго давленія на итальянское правительство, дабы, вынудивъ наконецъ итальянцевъ на наступленіе, еще болѣе расширить и безъ того гигантское поле сраженія.

На Салоникскомъ фронтѣ (см. схему № 13) командованіе было въ рукахъ французскаго генерала Франше Д'Эспере. Затишье на этомъ фронтѣ продолжалось уже около года.

Согласно общаго плана дѣйствій 15-го сенрября имъ производится атака болгаро-нѣмецкихъ позицій. Соединеннымъ ударомъ сербскихъ и французскихъ дивизій прорывается фронтъ и необычайно энергично ведомая операція приводитъ черезъ 2 недѣли Болгарію къ сепаратному перемирію. Болгарскія войска спѣшно уходятъ на родину, очищая Сербію; — остающіяся австро-германскія части отходятъ къ сѣверу подъ энергичнымъ преслѣдованіемъ сербовъ и французской кавалеріи. Обстановка на этомъ театрѣ чрезвычайно рѣзко мѣняется и, черезъ относительно короткій промежутокъ времени, Австро-Венгрія можетъ быть подвергнута съ юга вторженію войскъ Салоникскаго фронта.

Необходимость принятія экстренныхъ мѣръ вынуждаетъ нѣмцевъ направить съ юга Россіи одну дивизію въ Софію, три дивизіи, подготовленныя только что для переброски на зап. фронтъ изъ Россіи и 2 дивизіи съ итальянскаго фронта спѣшно направить въ Сербію. Сюда-же направляется одна австрійская дивизія съ Украины и альпійскій стрѣлковый корпусъ съ итальянскаго фронта — всѣ эти войска должны создать новый фронтъ хотя-бы на Дунаѣ или Савѣ, принявъ на себя отходящія австро-германскія войска. Такимъ образомъ, не говоря уже о громадномъ моральномъ значеніи, разгромъ на Салоникскомъ фронтѣ сразу-же отразился непосредственно на экономіи силъ*), оттянувъ на Балканы часть свободныхъ резервовъ съ запада, или же предназначенныхъ для запада.

МѢРЫ ПО ПОДГОТОВКѢ КЪ ПЕРЕМИРІЮ, КАКЪ СЛѢДСТВІЕ ОБЩЕЙ ОБСТАНОВКИ БОРЬБЫ.

Убѣжденный, что дѣло близится къ своей логической развязкѣ, маршалъ Фошъ еще съ начала сентября обратилъ вниманіе предсѣдателя совѣта министровъ Клемансо на необходимость заблаговременно выработать условія перемирія и намѣтить основные пункты будущихъ мирныхъ переговоровъ. Подготавливая вторую серію своихъ операцій, онъ вновь предвидитъ, что онѣ легко могутъ привести

*) Значеніе событій на Салоникскомъ фронтѣ отлично освѣщается восклицаніемъ императора Вильгельма при полученіи извѣстія о прорывѣ фронта: „Неужели же эта атака 60 тысячъ сербовъ повлечетъ за собою проигрышъ войны“.

къ вожделѣнному окончанію борьбы. Въ его штабѣ велся самый внимательный учетъ силъ своихъ и противника. Тремя кривыми обозначалось численное движеніе боевого состава нѣмцевъ, количество свободныхъ резервовъ, съ указаніемъ числа пополненныхъ дивизій и составъ запасныхъ частей, еще не влитыхъ на пополненіе въ строевыя части. Первая изъ этихъ кривыхъ имѣла длительную тенденцію сохранять свое общее горизонтальное направленіе, и только спорадически давала рѣзкіе изломы въ періоды крупныхъ операцій, отражая колоссальныя потери и указывая на пополненіе ихъ съ началомъ затишья. За послѣднее время и эта кривая стала медленно склоняться... Вторая и третья медленно, но вѣрно клонились къ упадку: приливъ свѣжихъ живыхъ силъ изъ Германіи въ запасныя части несомнѣнно падалъ, но еще рѣзче падало количество свободныхъ резервовъ. Раздергиваемыя по всему фронту, перебрасываемыя съ мѣста на мѣсто, имѣющія все меньше времени для отдыха и правильнаго пополненія и сколачиванія частей — резервныя дивизіи, будучи брошены въ горнило боя, несли огромныя потери... Ихъ не поспѣвали еще пополнить, кахъ властная обстановка вновь требовала ихъ на поле сраженія, а методическая стратегія маршала Фоша вырывала изъ ихъ рядовъ все новыя и новыя жертвы... Количество пополненныхъ дивизій все падало и падало... Зато росло количество дезертировъ и уклоняющихся отъ выполненія воинскаго долга, особенно тяжелаго въ минуты пораженія Германскіе резервы изсякали!

Графическое изображеніе соотношенія силъ какъ-бы предначѣчало и самое время роковой развязки. Маршалъ Фошъ на этой діаграммѣ самъ поставилъ черную точку, прдопредѣливъ теоретически моментъ, когда германское сопротивленіе будетъ окончательно сломлено... и онъ ошибся всего на 6 дней!...

Такимъ образомъ маршалъ Фошъ теоретически пришелъ къ выводу, что просьба о перемиріи со стороны нѣмцевъ есть только вопросъ времени и притомъ времени, относительно недалекаго. Необходимо было заблаговременно отдать себѣ ясный отчетъ, какія требованія предъявить и какъ обезпечить себѣ окончательный успѣхъ не только при заключеніи перемирія, но и при заключеніи мирнаго договора.

Дѣйствительно, кризисъ для германской арміи явно приближался. Стратегическое положеніе ея не улучшалось, да едва-ли могло улучшиться. Высшее командованіе германскихъ армій это несомнѣнно и давно уже сознавало.

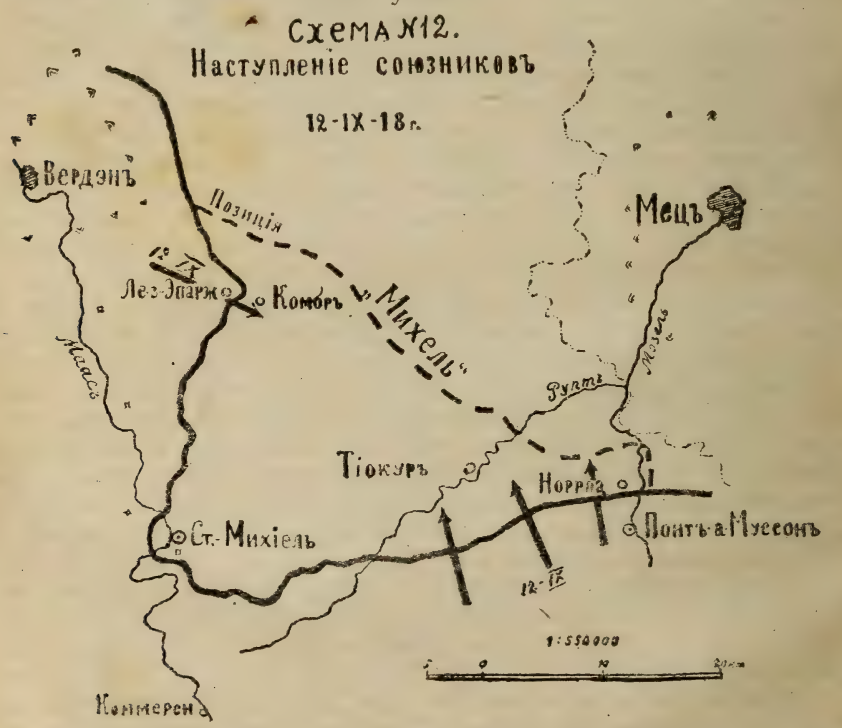
Если маршалъ Фошъ, узнавъ 9-го августа, что взяты въ плѣнъ цѣлыя германскія части, увидалъ въ этомъ симптомъ близкаго и окончательнаго пораженія нѣмцевъ и высказалъ мысль, что побѣдоносное окончаніе войны произойдетъ еще въ томъ-же 1918 году, то и ген. Людендорфъ того-же 9-го августа заявилъ, что война безусловно проиграна.

Въ половинѣ сентября маршалъ Фошъ считаетъ необходимымъ срочно приступить къ разработкѣ условій грядущаго въ недалекомъ будущемъ перемирія, а въ противоположномъ лагерѣ ген. Люден-

дорфъ рѣзко ставитъ вопросъ о единственномъ наиболѣе безболѣзненномъ выходѣ — своевременномъ перемиріи.

26-го сентября (до начала общаго сентябрьскаго отступленія на франко-бельгійскомъ фронтѣ) ген. Людендорфъ считаетъ необходимымъ вызвать въ ставку статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ ф.-Гинце, для того, чтобы окончательно договориться съ нимъ о безотлагательномъ началѣ переговоровъ о мирѣ и перемиріи. Въ послѣдующіе дни событія на фронтѣ только укрѣпляютъ ту-же мысль, — а 30-го сентября, въ разгаръ операцій, маршалъ Фошъ принимаетъ рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы окончательно выработать условія перемирія на всѣхъ фронтахъ.

Вѣская стратегическая аргументація вселяла въ однихъ все болѣе крѣпнущую увѣренность въ неизбѣжности рокового и тяжелаго конца, а въ другихъ порождала вѣру въ свои силы и убѣждала ихъ въ близкомъ и окончательномъ успѣхѣ.



СЕНТЯБРЬСКОЕ НАСТУПЛЕНІЕ СОЮЗНИКОВЪ.

(Схема №10 и 11).

Тѣмъ временемъ событія быстро наростали. 16—19 сентября англичане приступаютъ къ атакѣ позицій „Гинденбурга“. 23-го сентября всѣ главные руководители будущихъ операцій съѣзжаются въ Муши-Ле-Шатель; подъ главенствомъ марш. Фоша, здѣсь собираются Хэгъ, Раулинсонъ, Файоль, Дебени; на совѣщаніи выясняется

что подготовка во всѣхъ отношеніяхъ закончена и главнокомандующій приказываетъ приступить къ послѣдовательному нанесенію ударовъ нѣмцамъ: 26-го сентября происходитъ американо-французская атака между Маасомъ и Свиппомъ. 27-го сентября — атака I и III англійскихъ армій въ раіонѣ Камбрэ. 28-го — атака бельго-англо-французовъ между долиной р. Лисъ и берегомъ моря. 29-го сентября — атака IV англійской и I франц. армій въ направленіи на Ст.-Кантенъ.

Всѣ атаки имѣли успѣхъ, намѣченные участки германскихъ позицій были взяты, но не всюду удалось развить эти успѣхи и придать имъ характеръ прорыва фронта. Особенно ожесточенное сопротивленіе было оказано въ раіонѣ Аргоннъ. Французскія войска и здѣсь имѣли нѣсколько большій успѣхъ и систематичнѣе тѣснили нѣмцевъ, но на фронтѣ американцевъ первоначальный ихъ порывъ вскорѣ былъ встрѣченъ отчаянными контръ-атаками нѣмцевъ. Американскія, недавно сформированныя, дивизіи дрались съ большой горячностью и отвагой, но онѣ уступали своему противнику какъ въ техникѣ, такъ и особенно, въ тактическихъ пріемахъ и боевыхъ сноровкахъ, а въ итогѣ сопротивляемость нѣмцевъ, какъ боевого матеріала оказывалась выше.

Американцы несли жесточайшія потери, но сразу сломить германскаго сопротивленія не смогли; только послѣ чрезвычайнаго напряженія силъ, имъ удалось, благодаря большому численному превосходству, сдвинуть своего противника и вынудить его къ медленному и систематическому отходу. Такимъ образомъ на этомъ, едва-ли не важнѣйшемъ, направленіи успѣхъ развивался не такъ быстро, какъ это было-бы желательно.

На всѣхъ остальныхъ направленіяхъ успѣхъ былъ болѣе значителенъ. (см. схему № 10). I французская (Дебени), IV, III и I англ. арміи послѣдовательными и повторными атаками прорываютъ фронтъ и къ первымъ числамъ октября окончательно овладѣваютъ т. наз. „позиціями Гинденбурга“, взявъ въ этихъ бояхъ до 40.000 плѣнныхъ и свыше 500 ор.*).

28-го же произошла атака и во Фландріи. Прорывъ развивается 29 и 30, образуя глубокую вдавленность фронта, достигающую почти до Рулера — 11.000 плѣнныхъ и до 350 ор. стали здѣсь трофеями побѣдителей.

Отдѣльные удары, нанесенные нѣмцамъ согласно системы Фоша,

---

*) Во время атаки позицій Гинденбурга на одномъ изъ участковъ прорывъ фронта производился русскимъ „Легіономъ чести“. Такъ называлась часть, сформированная изъ русскихъ бригадъ особаго назначенія, изъ чиновъ, выразившихъ послѣ революціи желаніе продолжать борьбу до побѣднаго конца. Соперничая со своими сосѣдями Марокканцами, русскій Легіонъ чести въ доблестномъ порывѣ, не только выполнилъ свою задачу, но прорвалъ подрядъ 3 линіи нѣмцевъ; зарвавшись впередъ, онъ понесъ жестокія потери, изъ 5000 чел. осталось едва-ли 1000 бойцовъ. Такова была эта лебединная пѣснь русскаго участія въ Великой войнѣ: Русскій Легіонъ чести фактически получилъ и кровью своею стяжалъ честь прорыва фронта Гинденбурга — черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ заключенія Брестскаго мира.

расширяются, постепенно увлекая и весь остальной фронтъ въ наступленіе или, по меньшей мѣрѣ, въ интенсивный огневой бой, приковывающій противника къ фронту или даже заставляющій его очищать тѣ участки, которые случайно оказались болѣе выдвинутыми и лучше поражаемыми; малѣйшій отходъ вызываетъ сейчасъ-же наступательное движеніе союзниковъ, стремящихся все время увеличить инерцію отхода нѣмцевъ.

СОСТОЯНІЕ НѢМЦЕВЪ КЪ КОНЦУ СЕНТЯБРЯ.

ВНУТРЕННІЯ НЕУРЯДИЦЫ.

Резервы послѣднихъ истощались все больше и больше, пополнять ихъ было не откуда, страна уже видимо не способна была на новыя напряженія. Нормальная убыль съ фронта, поглошавшаяся обычной эвакуаціей, усиливалась дезертирствомъ и не возмѣщалась притокомъ свѣжихъ силъ — армія начинала таять. Чувствительныя и все растущія потери матеріальныхъ силъ и средствъ борьбы уже не пополнялись въ достаточной степени.

Не лучше обстояло дѣло и съ моральной стороной. Все растущее утомленіе войною, огромныя потери въ людяхъ, недоѣданіе, граничащее съ голодомъ для бѣднѣйшихъ классовъ населенія, и ставовившаяся все болѣе очевидной безнадежность положенія и продолженія борьбы подсказывали единственный исходъ - прекращеніе кровопролитія, становившагося безполезнымъ, а главное безнадежнымъ... Но власть продолжала вести борьбу и недовольство властью захватывало все большіе круги...

Власть теряла почву подъ ногами, а народное представительство все громче требовало введенія парламентаризма и явно стремилось раздѣлить власть съ монархомъ и канцлеромъ. Внутренняя политика заколебалась.

ПОДГОТОВКА КЪ ПЕРЕМИРІЮ СО СТОРОНЫ НѢМЦЕВЪ.

28-го сентября ген. Людендорфъ сдѣлалъ докладъ фельдмаршалу Гинденбургу съ общей оцѣнкой стратегическаго и внутренняго положенія. Обстановка ухудшалась. Назрѣвали жесточайшія боевыя испытанія, требовалось дать теперь максимальное напряженіе силъ, но страна уже отказывала въ помощи и стремилась вырвать власть изъ рукъ у тѣхъ лицъ, которыя вынуждали ее къ этому напряженію. Оба вождя сошлись на мнѣніи, что разрѣшенія кризиса въ области стратегіи искать нельзя... Здѣсь, какъ на максимальное достиженіе, можно разсчитывать на продолженіе сопротивленія, на веденіе борьбы... да и то, отдавши себѣ отчетъ, что и это возможно лишь на относительно короткій срокъ, т. к. армія таетъ и морально разлагается все больше и больше. Необходимо было заключать перемиріе во что-бы то ни стало и этимъ сохранить часть силъ для водворенія порядка внутри страны. Пожали другъ другу руки старые соратники, связанные былыми побѣ-

дами и рѣшили раздѣлять новую тяжелую отвѣтственность, потребовавъ скорѣйшаго заключенія перемирія...

ИЗМѢНЕНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНІИ.

30-го сентября въ Спа состоялось совѣщаніе подъ личнымъ руководствомъ императора. Безнадежность борьбы была выяснена съ достаточной полнотой, — на внѣшнемъ фронтѣ явно необходимо было стремиться къ перемирію, но на внутреннемъ фронтѣ кризисъ власти еще не былъ такъ ясенъ. Было принято рѣшеніе, уступками въ либеральномъ смыслѣ и составленіемъ министерства, опирающагося на довѣріе большинства, сохранить престижъ власти. Эта „революція сверху" началась призывомъ къ власти, въ качествѣ государственнаго канцлера, принца Макса Баденскаго. Ловкій человѣкъ, какъ казалось, искусный политикъ, іезуитской выучки, этотъ принцъ крови долженъ былъ объединить политическія партіи лѣвыхъ направленій, сыгравъ роль зодчаго въ проектировавшемся зданіи германскаго парламентаризма... На самомъ дѣлѣ онъ сыгралъ роковую роль въ семьѣ Гогенцоллерновъ, отказавшись черезъ 5 недѣль отъ имени императора и его наслѣдниковъ отъ трона Германіи.

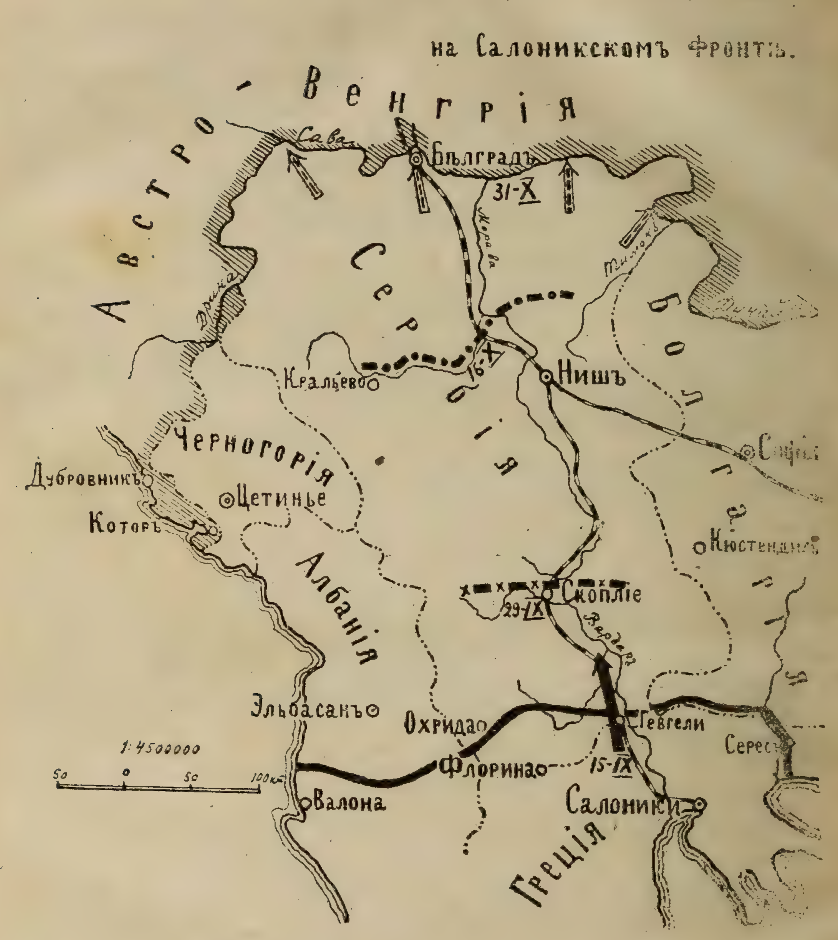
ОКТЯБРЬСКІЯ ОПЕРАЦІИ

Наступившій октябрь не принесъ облегченія. Удары, наносимые марш. Фошемъ, сыпались безъ перерыва. Бои расширились на весь фронтъ отъ моря до самаго Мозеля и нѣмцы вынуждены были отходить съ позиціи на позицію, прикрываясь арьергардами и судорожно стремясь сохранить резервы для парированія болѣе глубокихъ прорывовъ противника.

Изъ прилагаемой таблицы видно, какъ таяли эти резервы:

15-го іюля	81	див.	въ	рез.	изъ	нихъ	65	свѣжихъ,	пополн.
18-го іюля	65	„	„	„	„	„	34	„	„
8-го авг.	68	„	„	„	„	„	28	„	„
12-го сент.	48	„	„	„	„	„	14	„	„
1-го окт.	31	„	„	„	„	„	14	„	„
1-го нояб.	31	„	„	„	„	„	5	„	„
11-го нояб.	28	„	„	„	„	„	3	„	„

Многія дивизіи, выведенныя изъ боя въ резервъ, числились почти только на бумагѣ, считая въ своемъ боевомъ составѣ по нѣсколько сотъ человѣкъ; онѣ едва-ли могли выполнить боевую задачу полка, а порою даже батальона. Многія дивизіи уже не существовали, однѣ сдались, другія были уничтожены въ бою или расформированы; оставалось всего 186 дивизій, изъ нихъ въ резервѣ 28 потрепанныхъ и не пополненныхъ и только 3 отдохнувшихъ, свѣжихъ. Наконецъ наступаетъ періодъ „рѣшенія".



ПЛАНЪ НАНЕСЕНІЯ СМЕРТЕЛЬНАГО УДАРА.

(Схема № 14).

На 14-ое ноября маршалъ Фошъ намѣчаетъ эту свою послѣднюю „рѣшительную“ операцію. Подготовка къ ней ведется уже давно. Ударъ будетъ нанесенъ вдоль р. Мозеля на Лонгви и Люксембургъ и между Мецомъ и швейцарской границей. Изъ этого раіона, укрѣпленнаго, но давно не безпокоимаго, нѣмцы взяли все, что могли; здѣсь расположено всего 30 слабыхъ дивизій, изъ которыхъ 13 въ резервѣ, а 17 на фронтѣ. Противъ нихъ сосредотачиваются значительныя силы — до 30 дивизій на фронтѣ и до 40 въ

резервѣ, которыя при своемъ успѣхѣ могутъ получить еще значительныя подкрѣпленія, т. к. резервы марш. Фоша достигаютъ до 100 дивизій. 3.000 орудій и 300 танковъ предназначены для прорыва фронта. Этотъ прорывъ выведетъ французовъ и американцевъ въ нетронутый еще войной Эльзасъ, пути котораго обезпечатъ возможность въ этомъ кратчайшемъ направленіи скорѣе дойти до переправъ на Рейнѣ, чѣмъ это смогутъ сдѣлать германскія дивизіи, расположенныя болѣе къ сѣверу и находящіяся въ непрерывныхъ бояхъ съ преслѣдующими ихъ арміями Антанты.

Но размахъ и безусловность разсчета на этомъ еще не кончаются. Операціи Салоникскаго и Итальянскаго фронтовъ принесли, наконецъ, свои плоды. Войска Салоникскаго фронта, быстро развивая преслѣдованіе, 2-го ноября заняли Бѣлградъ, а 5-го передовыя части переправились черезъ Дунай.

Морально потрясенная австро-венгерская армія 24-го октября была, наконецъ, атакована на Итальянскомъ фронтѣ и, прорванная въ нѣсколькихъ пунктахъ, стала быстро отходить. 28-го и 29-го октября Чехо-Словакія и Югославія въ Прагѣ и Загребѣ объявляютъ о своей независимости и отдѣленіи отъ Австро-Венгріи — ихъ контингенты уходятъ домой.

4-го австро-венгерское командованіе подписываетъ условія перемирія — выработанныя давно уже. По этимъ условіямъ австро-венгерская жел.-дор. сѣть передается въ распоряженіе побѣдителей, главное командованіе которыхъ получаетъ возможность осуществить желѣзно-дорожную переброску своихъ армій въ южную Германію.

Такимъ образомъ операція глубокаго стратегическаго обхода отступающихъ германскихъ армій легко можетъ быть завершена операціей полнаго окруженія и занятія самой Германіи прежде, чѣмъ до нея физически въ состояніи будутъ дойти отступающія изъ сѣв. Франціи и Бельгіи германскія арміи.

Такая операція несомнѣнно будетъ имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія.

ВЗАИМООТНОШЕНІЯ ВЫСШЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ И ВОЕННОЙ ВЛАСТИ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Для того, чтобы не только принять, но и выдержать этотъ грозный ударъ, вся Германія должна была-бы проявить полное единодушіе и величайшее напряженіе всѣхъ своихъ силъ, направляемыхъ единой волей. Способна-ли она была на это? Не говоря уже о ясно сознаваемой главнымъ военнымъ командованіемъ безнадежной безвыходности стратегическаго положенія, оно также ясно предвидѣло и быстро приближавшійся внутренній кризисъ.

Назначеніе имперскимъ канцлеромъ принца Макса Баденскаго не дало ожидавшихся императоромъ результатовъ и не внесло успокоенія въ страну. Будучи приверженцемъ взгляда „революція сверху“, онъ стремился къ популярности въ общественно-политическихъ кру-

тахъ и повелъ широкую политику „уступокъ". Проводимые имъ взгляды были прямо противоположны взглядамъ ген. Людендорфа.

Взглядъ Людендорфа сводился раньше всего къ принятію радикальныхъ и искреннихъ мѣръ къ прекращенію войны. Считая, что побѣда для нѣмцевъ стала, логически говоря, недостижимой, а окончательное пораженіе — вопросомъ ближайшаго времени, — онъ находилъ необходимымъ прервать дальнѣйшій роковой ходъ событій, добившись перемирія на внѣшнемъ фронтѣ, во что бы то ни стало.

Прекращеніе внѣшней борьбы раньше всего сохраняло-бы для Германіи десятки и сотни жизней ежедневно, сохраняло бы остатки арміи, съ которыми власть, имѣя руки развязанными, могла бы установить твердый порядокъ въ странѣ. Таковы вкратцѣ его взгляды, радикально расходившіеся съ взглядами и политикой новаго имперскаго канцлера.

Итакъ, на высшихъ постахъ, во главѣ всего управленія страны и ея арміи стояли люди съ прямо противоположнымъ пониманіемъ обстановки и рѣзко отличающимися политическими программами.

Если не рѣзкій конфликтъ, то постоянныя тренія между ними были обезпечены...

Генералъ Гинденбургъ старался занять, т. ск., надпартійное положеніе; раздѣляя, по существу, взгляды ген. Людендорфа, онъ не считалъ возможнымъ рѣзко протестовать и противъ имперскаго канцлера.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦІИ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Гражданская власть повела свою линію, прислушиваясь больше къ гулу недовольныхъ голосовъ общественнаго мнѣнія политическихъ круговъ Берлина, и не давая вѣры трезвымъ и предостерегающимъ голосамъ высшаго командованія. Какъ слѣдствіе — инерція моральнаго развала арміи стала быстро повышаться...

Уступки, дѣлаемыя властью, вызывали только новыя и все растущія требованія снизу. Крайнія лѣвыя партіи повели самую рѣзкую революціонную агитацію. Обстановка пораженія, длительнаго отхода и тяжелыхъ моральныхъ переживаній благопріятствовали ихъ успѣху. „Туши огни", „Въ ножи"—стали на время самыми популярными лозунгами народныхъ, главнымъ образомъ городскихъ, массъ.

Въ составъ новаго министерства вошли и нѣкоторые лидеры соціалистическихъ партій*), стремившіеся дать всему управленію рѣзкій уклонъ влѣво. По ихъ настоянію были 21-го октября освобождены, сидѣвшіе съ 1916 года въ заключеніи, видные вожди лѣваго крыла соціалъ-демократовъ (большевиковъ) Карлъ Либкнехтъ и Роза Люксембургъ. Оба они сейчасъ-же по освобожденіи встали во главѣ крайняго революціоннаго движенія, возглавивъ группу „Спартакъ". Озлобленные длительнымъ заключеніемъ,

*) Представитель соціалистовъ большинства Густавъ Бауеръ—статсъ-секретаремъ труда и Филиппъ Шейдеманъ—безъ партфеля.

воодушевленные успѣхами своихъ партійныхъ товарищей, захвативших власть въ Россіи, они развили совершенно исключительную дѣятельность, клонившуюся къ ниспроверженію существовавшаго въ Германіи строя.

Еще 7-го октября, за 2 недѣли до ихъ освобожденія, „Союзъ Спартакъ“ высказался въ Готѣ на партійной конференціи за политику большевиковъ, т. е. за провозглашеніе диктатуры пролетаріата, осуществляемую черезъ рабочіе и солдатскіе совѣты. Союзъ этотъ по числу членовъ не былъ особенно сильной организаціей, но онъ со-

стоялъ главнымъ образомъ изъ молодежи, всегда болѣе активной и рѣшительной, а въ лицѣ Либкнехта и Люксембургъ союзъ получилъ исключительно энергичныхъ, работоспособныхъ и весьма вліятельныхъ въ рабочихъ массахъ вождей. Дѣятельность союза закипѣла.

Денежныя средства на свою работу союзъ получалъ изъ посольства Совѣтской Россіи, изъ того-же источника получались агитаціонная и партійная литература, призывавшія къ революціи и насильственному установленію диктатуры пролетаріата.

Часть получаемыхъ средствъ расходовалась союзомъ на вооруженіе и боевую организацію своихъ членовъ.

Въ соціалистической печати все чаще стали появляться статьи о необходимости отреченія императора. Со стороны власти продолжалась политика уступокъ.

Съ 22 — 26 октября черезъ рейхстагъ прошли законопроекты о введеніи парламентарнаго строя. Ген. Людендорфъ, видя что его взгляды не встрѣчаютъ довѣрія императора, склонявшагося къ политикѣ принца Макса, подалъ 26/х прошеніе объ отставкѣ. Фельдмаршалъ Гинденбургъ просилъ взять его обратно, на что готовъ былъ согласиться и Людендорфъ, но имперскій канцлеръ поставилъ вопросъ о довѣріи или уходѣ всего кабинета и отставка Людендорфа была принята. 27 октября онъ покинулъ гл. квартиру. 28-го октября акты о введеніи парламентарнаго строя были подписаны императоромъ.

Тоже-же 28-го октября однимъ изъ членовъ кабинета соціалъ-демократомъ Филиппомъ Шейдеманомъ была подана имперскому канцлеру записка съ требованіемъ объ отреченіи императора отъ престола. Одновременно имъ заявленъ былъ протестъ противъ мѣръ военной цензуры, боровшейся съ вышеупомянутыми газетными статьями, требовавшими отреченія Вильгельма II.

Заявленія президента Вильсона отъ имени Антанты, что переговоры о мирѣ будутъ вестись только съ народнымъ правительствомъ и какъ-бы противоположеніе имъ, въ смыслѣ отвѣтственности за войну и способовъ ея веденія, личности императора Вильгельма и самаго германскаго народа — еще болѣе подкрѣпляли и усиливали позицію соціалистическихъ круговъ.

Ближайшимъ результатомъ записки Шейдемана былъ отъѣздъ императора Вильгельма 30-го октября въ Спа — въ главную квартиру.

РЕВОЛЮЦІЯ ВО ФЛОТѢ.

Въ концѣ октября на судахъ флота распространился слухъ, что германское командованіе, потерявъ надежду на выигрышъ войны, рѣшило, хотя бы нанести болѣе или менѣе серьезный уронъ англійскому флоту и съ этой цѣлью предполагаетъ дать большое морское сраженіе. Извѣстіе это вызвало большое волненіе, а использованное агитацией оно привело 28-го октября къ отказу матросовъ линейнаго корабля „Маркграфъ“ выйти въ море. Когда тѣмъ не менѣе флотъ собрался въ бухтѣ Яде, то на большинствѣ судовъ матросы заявили:

„Если англичане нападутъ на насъ, мы будемъ отчаянно защищаться, но сами мы нападать не будемъ. Дальше Гельголанда мы не пойдемъ. Въ противномъ случаѣ потушимъ топки“.

Игнорируя эти заявленія, 30 и 31 октября отдаются распоряженія о выходѣ въ море.

Въ отвѣтъ на это матросы тушатъ топки и принимаютъ другія мѣры, исключающія возможность боевыхъ дѣйствій. Морское начальство отвѣтило репрессіями и массовыми арестами. Особенно суровыя наказанія въ Вильгельмсгафенѣ постигли матросовъ судна „Великій Курфюрстъ“, а въ Килѣ — „Фридрихъ Великій“.

Въ воскресенье 3-го ноября въ Килѣ происходитъ многотысячный митингъ протеста, который, послѣ ряда страстныхъ призывовъ своихъ революціонныхъ вождей, требуетъ освобожденія арестован-

ныхъ и двигается къ зданію морской гауптвахты. Остановленное на своемъ пути шествіе было затѣмъ разогнано залпами кондукторовъ и мичмановъ, оставивъ на мѣстѣ 8 уб. и 29 ран. — но на утро 4-го ноября весь флотъ былъ охваченъ возстаніемъ.

5-го ноября рабочіе Киля объявляютъ всеобщую забастовку и образуютъ совѣты солдатскихъ (матросскихъ) и рабочихъ депутатовъ, захвативъ фактически власть надъ главнымъ военнымъ портомъ и базой германскаго флота.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ.

Суда военнаго флота, присоединившіеся къ возставшимъ, въ тотъ-же день, подъ красными флагами, вошли въ Любекъ и Гамбургъ, причемъ въ Гамбургѣ произошло столкновеніе съ войсками. Въ тотъ-же день къ возстанію присоединяется гарнизонъ Бремена, на слѣдующій день, 6/X, движеніе стало распространяться къ западу, югу и въ сторону Берлина: Ганноверъ, Брауншвейгъ, Кельнъ присоединяются къ нему, въ Магдебургѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ вспыхиваютъ возстанія... революція разгорается...

ОБСТАНОВКА НА ФРОНТѢ КЪ ПЕРВЫМЪ ЧИСЛАМЪ НОЯБРЯ.

Въ то время, какъ такія потрясающія всю страну событія совершались внутри страны, на боевомъ фронтѣ обстановка продолжала ухудшаться

Вмѣсто ушедшаго ген. Людендорфа былъ назначенъ ген. Гренеръ, державшійся всецѣло взглядовъ принца Макса. Такимъ образомъ расколъ власти былъ перенесенъ въ самую армію. Уже четвертый мѣсяцъ шли непрерывные бои, начавшись въ отдѣльныхъ пунктахъ, они теперь растянулись уже на сотни верстъ, изнемогавшія арміи напрягали послѣднія нечеловѣческія усилія, чтобы, если и не остановить, то хотя-бы задержать настойчиваго врага, продолжавшаго свое титаническое наступленіе. Резервы изсякали. Матеріальная часть пришла въ разстройство. Моральное состояніе во многихъ частяхъ было совершенно подавленнымъ. Сопротивляемость всей арміи была крайне рѣзко понижена. Всѣ союзники заключили перемирія и признали себя побѣжденными... а со дня на день можно было ожидать нанесенія послѣдняго смертельнаго удара, къ которому такъ неукоснительно и энергично готовился маршалъ Фошъ.

Намѣчавшійся имъ ударъ былъ неотвратимъ и одновременно съ капитуляціей прежняго режима передъ внутренними врагами его могла произойти капитуляція остатковъ германской арміи передъ внѣшнимъ врагомъ и полная оккупація Германіи... Нужно было скорѣе избирать наименьшее зло... и 7-го ноября германскіе парламентеры проходятъ черезъ фронтъ съ просьбой о перемиріи.

Переговоры начинаются, но маршалъ Фошъ ни на минуту не пріостанавливаетъ военныхъ дѣйствій, преслѣдованіе продолжается, также какъ и переброска войскъ для осуществленія задуманной операціи.

Условія перемирія тяжелыя:

Передача Антантѣ большей части желѣзно-дор. подвижного состава, возд. флота, почти всей артиллеріи, очищеніе Бельгіи и лѣваго берега Рейна, передача переправъ на Рейнѣ съ тетъ де понами и т. д. и т. д.

Принятіе ихъ исключаетъ возможность возобновленія и продолженія борьбы. Разъ подписавши это перемиріе, придется подписать затѣмъ и миръ, какъ-бы онъ ни оказался тяжелъ для Германіи...

Вернувшіеся парламентеры сообщили о необходимости подписанія перемирія правительствомъ народнаго довѣрія, – подписей императора Вильгельма и фельдмаршала Гинденбугра было-бы недостаточно.

Положеніе императора становится глубоко трагическимъ. Лишенный возможности продолжать начатую имъ борьбу, онъ даже лишенъ возможности и прекратить ее.

Имперскій канцлеръ уговариваетъ его отречься отъ престола, давъ этимъ самымъ удовлетвореніе требованіямъ извнутри и обезпечивъ возможность соглашенія извнѣ... Другое возможное рѣшеніе было-бы подавить возстанія вооруженной рукой, начавъ наступленіе внутрь Германіи... но удастся-ли оно? не поздно-ли? есть-ли достаточно вѣрныхъ войскъ? не будетъ-ли противникъ слѣдовать сзади по пятамъ? Императоръ калеблется и даетъ нерѣшительную, но многообѣщающую телеграмму имперскому канцлеру, въ которой, не давая согласія на отреченіе и не отрекаясь, онъ лишь допускаетъ, что конфликтъ можетъ окончиться этимъ рѣшеніемъ.

Полученная имперскимъ канцлеромъ въ тяжелый моментъ борьбы за власть, телеграмма эта сыграла роковую роль!..

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Тѣмъ временемъ въ Берлинѣ 4-го ноября при разгрузкѣ ящиковъ, привезенныхъ дипломатическимъ курьеромъ Совѣтской Россіи, въ нихъ, случайно, были обнаружены революціонныя прокламаціи и воззванія въ большевистскомъ духѣ. Совѣтскому послу Іоффе были немедленно вручены поспорта и 6-го онъ покинулъ Берлинъ, поспѣвъ однако передъ отъѣздомъ передать значительныя денежныя средства представителю независимой соц.-дем. партіи Оскару Кону... на дальнѣйшее развитіе дѣла.

6-го ноября въ Берлинѣ состоялось совѣщаніе представителей партій, а 7-го статсъ-секретарь Шейдеманъ въ ультимативной формѣ, отъ имени соціалистовъ большинства потребовалъ отреченія императора и кронпринца, усиленія вліянія с.-дем. въ кабинетѣ и преобразованія всего управленія въ духѣ требованій большинства рейхстага. Срокъ ультиматума полдень 8 ноября. Кромѣ двухъ крайнихъ правыхъ партій, даже буржуазныя партіи рейхстага признали необходимость отреченія и къ этой-же точкѣ зрѣнія присоединился самъ имперскій канцлеръ принцъ Максъ Баденскій.

Соціалистовъ удалось уговорить оттянуть срокъ ультиматума до утра 9-го т. к. перемѣна правительства могла-бы неблагопріятно

отразиться на веденіи переговоровъ о перемиріи, которые были уже начаты. Въ составъ кабинета были включены еще 3 соціалиста, но такъ какъ до вечера 8-го ноября извѣстій объ отреченіе императора не поступило, то 9-го ноября утромъ была объявлена всеобщая забастовка.

Одна изъ депутацій, прибывшая къ имперскому канцлеру, освѣдомила его, что многія войсковыя части не станутъ стрѣлять въ народъ, а что употребленіе оружія нѣкоторыми частями повлечетъ за собою озлобленіе и междоусобные бои между войсками, въ виду чего имперскій канцлеръ распорядился, чтобы войска воздержались отъ употребленія оружія. О такомъ рѣшеніи сейчасъ-же были широко оповѣщены и войска, и народныя толпы.

ЗАХВАТЪ ВЛАСТИ СОЦІАЛИСТАМИ.

Весь Берлинъ вышелъ на улицу. Депутація отъ соціалистическихъ фракцій во главѣ съ Эбертомъ была принята имперскимъ канцлеромъ во время засѣданія кабинета. Вожди рабочихъ массъ и сами рабочіе (Эбертъ сѣдельщикъ, а Шейдеманъ наборщикъ) заявили присутствующимъ, что рабочій народъ желаетъ самъ взять власть въ свои руки; что сопротивленіе не приведетъ ни къ чему, т. к. большинство гарнизона вышло на улицу и присоединилось къ рабочимъ.

На это имперскій канцлеръ принцъ Максъ Баденскій отвѣтилъ, что имъ сейчасъ получена телеграмма объ отреченіи императора (чего въ телеграммѣ сказано не было) и что онъ самъ тоже слагаетъ свои полномочія, которыя онъ и передалъ Фрицу Эберту.

О своихъ дѣйствіяхъ онъ немедленно увѣдомилъ и главную квартиру.

Германская имперія перестала существовать!

ОТЪѢЗДЪ ИМПЕРАТОРА ВИЛЬГЕЛЬМА.

При создавшейся обстановкѣ военное начальство не могло даже гарантировать императору личную безопасность и онъ въ ночь на 10-ое ноября покидаетъ Германію и проситъ гостепріимства у Нидерландовъ...

ПРИНЯТІЕ УСЛОВІЙ ПЕРЕМИРІЯ.

Обстановка требовала. Условія перемирія были получены и по условіямъ должны были быть приняты правительствомъ народнаго довѣрія. Новая власть столкнулась съ реальной силой и должна была принять то или другое рѣшеніе.

Глубокое молчаніе воцарилось на засѣданіи новаго германскаго правительства, послѣ оглашенія французскихъ условій перемирія. Читавшій текстъ секретарь добавилъ, что кромѣ условій перемирія имѣется еще резолюція фельдмаршала Гинденбурга: „Какъ ни тяжелы условія перемирія ихъ все-таки надо принять, такъ какъ въ противномъ случаѣ остатки германскихъ армій будутъ взяты въ плѣнъ“.

„Кто высказывается противъ принятія этихъ условій?“ -- спросилъ Эбертъ. Тяжелое, гробовое молчаніе было ему отвѣтомъ...

Война была окончена!

11-го ноября 1918 года было заключено перемиріе и прекращены боевыя дѣйствія. Продолжавшаяся уже 4 года и почти 4 мѣсяца война была прервана за три дня до началала операціи, которая обратила-бы пораженіе Германіи въ ея полный и окончательный военный разгромъ.

Внутри страны началась вооруженная борьба за власть между соціалистическими партіями, приведшая къ разгрому „Спартака" и торжеству умѣренныхъ группъ.

Дѣлая выводы изъ описаннаго періода борьбы, раньше всего подчеркнемъ, что со стороны Четверного Срединнаго Союза, фактически, во главѣ военнаго управленія стояла Германія, что еще въ самомъ началѣ войны было признано доминирующее значеніе германскаго главнаго командованія, которое затѣмъ и управляло всѣмъ ходомъ борьбы этой стороны, до самаго ея окончанія.

Вооруженныя силы Антанты долго были связаны лишь „соглашеніемъ" и только въ описанный, послѣдній періодъ борьбы, въ силу сложившихся условій на театрѣ войны, доминирующее значеніе получаетъ французское командованіе, французская военная доктрина и носитель ея французскій генеральный штабъ.

Такимъ образомъ въ послѣдній рѣшительный періодъ борьба руководилась съ одной стороны нѣмцами, съ другой французами. Геніи этихъ народовъ воодушевляли борющихся, а поэтому при подведеніи итоговъ послѣдняго года войны приходится сравнить именно ихъ счета.

Ко времени начала борьбы 1918-го года Людендорфъ, повидимому, уже сознаетъ. что естестественнымъ окончаніемъ борьбы будетъ пораженіе Германіи. Если онъ это еще окончательно и не сознаетъ, то интуитивно чувствуетъ... Отсюда его желаніе примѣнить такіе пріемы борьбы, выбрать такія рѣшенія и направленія дѣйствій, которые сразу-же привели-бы къ побѣдѣ.

Онъ не желаетъ „вести борьбу", подготавливая пути для мирнаго соглашенія, онъ хочетъ „одержать побѣду, выиграть войну". Отсюда рѣшеніе атаковать, бросивъ на карту накопленные резервы въ 80 дивизій. Отсюда выборъ операціоннаго направленія, ставящаго себѣ цѣлью разрывъ фронта союзниковъ и опрокидываніе англичанъ въ море, т. е. цѣль наиболѣе продуктивную въ случаѣ успѣха. Отдавая себѣ отчетъ, что успѣхъ въ стратегіи, особенно при позиціонной войнѣ, всегда связанъ съ тактическимъ успѣхомъ, онъ чрезвычайно тщательно подготовляетъ послѣдній. Не только создаются новыя средства борьбы и развиваются прежнія, но вырабатывается особая тактика артиллеріи (подавленіе огня пр-ка иннеритовыми снарядами, послѣдовательное перенесеніе огня, снабженіе пѣхоты мощными огневыми средствами), тактика пѣхоты (проникновеніе вглубь, просачиваніе мелкихъ партій въ толщу расположенія противника для парализованія его сопротивленія фланговымъ и тыльнымъ огнемъ) и т. п. пріемы борьбы, которые должны были сдѣлать германское наступленіе неотразимымъ. Чрезвычайная тща-

тельность подготовки обусловливаетъ большіе промежутки между отдѣльными операціями.

По замыслу мартовская операція должна была имѣть послѣдствіями окончаніе войны.

Она не привела къ этому результату и, создавъ въ 7 дней огромный 60 верстный выступъ, она заглохла, не преодолѣвъ контръ-удара французскихъ резервовъ. Неуспѣхъ ея былъ въ значительной мѣрѣ обусловленъ выборомъ направленія черезъ Пикардію, степень опустошенности и разрушенности которой была отлично извѣстна нѣмцамъ, но недооцѣнена главнымъ командованіемъ. Возможность своевременнаго прибытія французскихъ резервовъ тоже была въ значительной мѣрѣ обусловлена близостью разстоянія до раіона операціи, своевременность же подачи этихъ резервовъ, напримѣръ, во Фландрію была значительно менѣе вѣроятна. Наконецъ, слишкомъ большое скопленіе войскъ повысило количество и % потерь. Отсюда слѣдуетъ, что германскимъ главнымъ командованіемъ были сдѣланы упущенія, которыя были сразу-же оцѣнены и широко использованы французами.

Косвеннымъ послѣдствіемъ выбора Пикардійскаго направленія явилось неисчислимое по результатамъ объединеніе командованія всѣми вооруженными силама Антанты въ рукахъ ген. Фоша.

Съ этого времени уже можно сравнивать обѣ доктрины германскую и французскую.

Тщательно подготавливаясь къ каждой новой операціи, германское командованіе затѣмъ еще 4 раза пытается прорвать фронтъ союзниковъ и наноситъ 4 удара, всякій разъ по новому операціонному направленію, съ продолжительными промежутками, для подготовки, между ударами и все съ меньшими и меньшими результатами*). (См. В. Сб. № 3). Мѣняются направленія, но пріемы борьбы остаются почти тѣми же. За это время нельзя установить прогресса въ германской тактикѣ, а между тѣмъ германская промышленность не могла уже поддерживать технической конкурренціи съ Антантой и мало по малу преимущества, въ смыслѣ техническаго оборудованія, перешли на сторону Антанты въ особенности въ отношеніи воздушнаго флота.

Нѣмцы, проводники хорошихъ шаблоновъ, оставались вѣрными себѣ и не поспѣвали непрерывно творить все новыя и новыя тактическія формы.

Французская доктрина, требующая творчества въ рѣшеніи и въ пріемахъ борьбы въ зависимости отъ дѣйствительной и вѣчно мѣняющейся обстановки, привела французское командованіе къ безотлагательному и тщательному изученію матеріаловъ по протекшимъ операціямъ и въ въ результатѣ появился рядъ инструкцій, какъ по оборонительному, сначала, такъ затѣмъ и по наступательному бою.

*) 5 тактически успѣшныхъ наступленій имѣли слѣдствіемъ значительный расходъ живыхъ средствъ удлиненіе общей линіи фронта, т. е или большій расходъ силъ на его занятіе, или ослабленіе самаго занятія и измѣненіе начертанія этого фронта, часто къ невыгодѣ нѣмцевъ (18 іюля).

Инструкціи эти дополняли другъ друга, стремясь направить мысль и усилія подчиненныхъ на новое и еще болѣе глубокое проникновеніе въ свойства вновь создававшихся родовъ войскъ и техническихъ средствъ борьбы.

Систематически парируя германскіе пріемы атаки, французы стремятся создать непреодолимое сопротивленіе... Мы видимъ, какъ эта борьба двухъ военно-научныхъ теченій приводитъ къ торжеству французовъ. Германскія атаки въ іюлѣ какъ бы поглощаются французской обороной, а сосредоточеніе нѣмцами особенно крупныхъ силъ отражается чрезвычайными потерями отъ огня.

Не менѣе плодотворна оказалась работа французской военной мысли и въ дѣлѣ собственно управленія войсками.

Передъ генераломъ Фошемъ, при переходѣ къ нему власти встала задача совершенно исключительной трудности, союзные контингенты казалось ничѣмъ не были спаяны, ни единой волей, ни единой доктриной, ни единствомъ военной системы, ни единымъ генеральнымъ штабомъ, ни даже единствомъ идеи, во имя которой они боролись.

Необходимо было, въ порядкѣ отлично налаженныхъ личныхъ отношеній, постепенно и послѣдовательно подчинить ихъ своей волѣ и сдѣлать изъ этой мозаики монолитное и прочное оружіе борьбы.

Генералъ Фошъ сумѣлъ создать такую обстановку и такъ поднять свой личный престижъ, что фактически власть его казалось болѣе обширной, чѣмъ она была сконструирована юридически.

Характернымъ требованіемъ ген. Фоша было требованіе личнаго руководства боемъ или операціей отъ старшаго отвѣтственнаго начальника. „L'art personnel du commandement" ставилось имъ во главу угла. Всякій начальникъ долженъ былъ лично изучить обстановку, принять не только принципіальное, но и формальное рѣшеніе, отдать себѣ отчетъ не только „что" должны дѣлать войска, но и „какъ" они могутъ выполнить полученную задачу, разобраться въ томъ, чего войскамъ не хватаетъ, въ чемъ они испытываютъ особое затрудненіе и принять мѣры къ ихъ снабженію и улучшенію условій борьбы.

Маршалъ всегда требовалъ подробныхъ, личныхъ докладовъ главнокомандующихъ, командующихъ арміями или командировъ корпусовъ, обсуждалъ вмѣстѣ съ ними обстановку, разъясняя ее или убѣждая ихъ въ правильности того или другого рѣшенія.

Постепенно и послѣдовательно проводя въ жизнь свои идеи, онъ подготавливалъ вооруженныя силы Антанты къ переходу въ наступленіе. Когда подготовка была закончена, энергично проведенной операціей, по умѣло выбранному направленію, онъ вырываетъ иниціативу дѣйствій изъ рукъ противника. Методически нанося ему ударъ за ударомъ, внимательно слѣдитъ маршалъ Фошъ за моральнымъ состояніемъ противника и по мѣрѣ проявленія признаковъ моральнаго разложенія, онъ принимаетъ все болѣе смѣлыя рѣшенія. Періоды подготовки отдѣльных операцій сокращаются и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сводятся на нѣтъ. Атаки позицій производятся войсками дан-

наго участка (сектора) безъ усиленія резервами. Объекты дѣйствій, сначала близкіе, даются все дальше и дальше.

Такимъ образомъ, въ теченіе этой величайшей операціи, маршаломъ Фошемъ все время учитывалась непрерывно мѣнявшаяся обстановка, а этотъ учетъ отражался повышеніемъ энергіи и быстротой нанесенія все новыхъ и новыхъ ударовъ. Ни на минуту не упускалась имъ изъ виду и окончательная цѣль „нанесенія смертельнаго удара Германіи“ тогда, когда изъ рукъ ея главнаго командованія будутъ вырваны свободные резервы, которыми можно было-бы остановить или отвести этотъ ударъ.

Даръ предусмотрительности и предвидѣнія, основанный на правильномъ и логичномъ разужденіи и способности по отдѣльнымъ донесеніямъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ совокупности событій, въ обстановкѣ въ ея цѣломъ, — является характерной чертой маршала Фоша и облегчаетъ ему не только принятіе рѣшеній, но и правильность этихъ рѣшеній и своевременность принятія мѣръ по подготовкѣ новыхъ операцій (директивы 24-го іюля, 2-го и 8-го сентября), подготовка условій перемирія. Широкій обхватывающій умъ позволяетъ ему привести къ единой цѣли колоссальной циклъ операцій, начатыхъ отдѣльными ударами на разныхъ фронтахъ и сведенныхъ къ общему наступленію, даже атакѣ, „отъ голландской границы до Вердена“, на итальянскомъ и салоникскомъ фронтахъ. Противникъ, послѣ непрерывныхъ четырехмѣсячныхъ боевъ, разстянутъ, прикованъ, лишенъ энергіи, свободныхъ силъ и способности отвести ударъ или уклониться отъ него, а въ это время торжествующій побѣдитель готовитъ ударъ, который по направленію и силѣ превосходитъ всѣ предыдущіе. Принимаются всѣ мѣры къ непрерывному и быстрому развитію этого смертельнаго удара... но, за три дня до начала операціи, подписывается перемиріе „такъ какъ въ противномъ случаѣ остатки арміи будутъ взяты въ плѣнъ“. Въ этомъ признаніи противника кроется лучшая оцѣнка величайшей операціи всѣхъ временъ и народовъ, которую французы благодарно назвали „La grande bataille de Foch“.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Россія и Германія въ результатѣ этой великой войны пережили революцію, но обстановка и послѣдовательный ходъ событій въ обѣихъ странахъ рѣзко разнятся между собою; не вдаваясь въ подробности, освѣтимъ ихъ сходства и различія.

Въ окончившейся великой борьбѣ 1914—18 г. народами Европы были поставлены на карту такіе жизненные для нихъ вопросы, что для достиженія побѣды они довели себя до полнаго и общаго напряженія — каждый изъ нихъ далъ все, что могъ.

Взявъ всю картину борьбы въ ея цѣломъ, мы видимъ, что всѣ силы воюющихъ народовъ направлены были къ одной цѣли, всѣ слои общества, всѣ профессіи призваны работать для увеличенія усилій въ борьбѣ, для техническаго усовершенствованія средствъ, способовъ и пріемовъ борьбы, для созданія этихъ средствъ или для

парированія работы противника. Не только профессіоналы военные и вооруженныя силы, но и ученые разныхъ категорій, художники, литераторы, ремесленники, рабочіе — словомъ, всѣ должны были напрягать максимальныя усилія для достиженія требовавшагося общаго напряженія...

На долю высшей государственной власти и высшаго командного состава выпала трудная задача координировать всѣ эти разнородныя усилія, обезпечить полезную работу всѣхъ слоевъ населенія, создать наиболѣе благопріятныя условія для продуктивности работы и наконецъ наилучшимъ способомъ использовать результаты народнаго труда и боевого напряженія армій.

Въ этой своей дѣятельности всѣ правительства натолкнулись на разлагающую работу лѣвыхъ соціалистическихъ и революціонныхъ партій, усилія которыхъ не только были направлены на дискредитированіе дѣятельности правительствъ и на пораженческую проповѣдь, но и непосредственно на захватъ государственной власти.

Исключительно тяжелыя потери въ личномъ составѣ армій, обусловленныя болѣе низкимъ состояніемъ матеріальной культуры, а слѣдовательно и бѣдностью техническихъ средствъ борьбы, а также болѣе низкимъ среднимъ культурнымъ уровнемъ — повели къ чрезмѣрному напряженію населеніе Россіи... По мѣрѣ продолженія борьбы, все болѣе широкіе круги населенія становились въ оппозицію къ власти, которая не оказалась въ состояніи объединить народныя усилія. Революціонная агитація на этой почвѣ расцвѣла пышнымъ цвѣткомъ, а искусстно руководимая со стороны привела послѣдовательно къ паденію въ Россіи Императорскаго режима, къ отказу отъ продолженія борьбы и къ захвату власти лѣвыми соціалистами и коммунистами.

Въ то время, когда армія была наилучшимъ образомъ обезпечена въ матеріальномъ отношеніи, когда она была всего многочисленнѣе и готовилась къ переходу въ наступленіе — не выдержала русская государственность, а тогда и армія, лишенная государственнаго руководства вышла изъ подчиненія своимъ военнымъ начальникамъ, разложилась и перестала существовать...

Иначе развились событія въ Германіи.

Отдѣлавшись отъ русскаго фронта, Германія получила возможность всѣ свои усилія направить на франко-бельгійскій фронтъ.

Весною 1918 года развиваются наступательныя операціи германцевъ, но чрезвычайныя ихъ усилія не приводятъ къ побѣдѣ. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ активной борьбы они теряютъ иниціативу дѣйствій, которой овладѣваютъ французы. Начинается послѣдній тяжелый для нихъ періодъ оборонительной борьбы, пораженій и непрерывнаго 4-мѣс. отступленія, приведшій къ подписанію перемирія. Перемиріе это исключало возможность продолженія борьбы, но зато спасало остатокъ арміи и самоё страну отъ оккупаціи противникомъ.

Въ Германіи правительственная власть тоже не сумѣла до конца удержать въ своихъ рукахъ бразды правленія.

Явная безнадежность борьбы и все новыя пораженія и потери,

несмотря на огромное напряженіе и суровыя принудительныя мѣры, которыми власть стремилась еще болѣе повысить это напряженіе, стали все чаще и чаще вызывать въ населеніи оппозиціонныя настроенія. На этотъ разъ роль внѣшняго возбудителя и руководителя приняло уже на себя новое правительство Совѣтской Россіи, представительство котораго являлось революціоннымъ центромъ Германіи.

Передъ германскимъ правительствомъ стояла дилемма: возможно скорѣе пойти на соглашеніе съ внѣшнимъ врагомъ и, заключивъ перемиріе, вновь упрочить свою власть внутри страны или же пойти на уступки правительственной оппозиціи и, измѣнивъ самые способы властвованія, постараться овладѣть положеніемъ, опираясь на широкіе общественные круги. Такъ какъ военному командованію особенно было ясно, что отказъ Германіи отъ борьбы при всякихъ обстоятельствахъ есть только вопросъ времени, что побѣдить она уже не можетъ, то высшія военныя власти сразу и категорически приняли первое рѣшеніе и стали требовать раньше всего заключенія перемирія. Однако, верховная власть избрала второе рѣшеніе и пошла путемъ уступокъ и „революціи сверху“, но по мѣрѣ уступокъ власти росли запросы вождей революціи и когда наконецъ необходимо было пойти на сдачу во внѣшней борьбѣ, то оказалось, что и государственная власть уже вырвана изъ рукъ прежняго правительства.

Пораженіе въ вооруженной борьбѣ и вынужденный отказъ отъ ея продолженія предшествовали въ Германіи революціи, которая имѣла слѣдствіемъ лишь смѣну режима, а не полный государственный распадъ, какъ въ Россіи.

Попытка большевиковъ и коммунистовъ захватить насильственно власть въ Германіи окончилась вооруженнымъ отпоромъ со стороны соціалистическаго-же правительства, круто и рѣзко подавившаго спартакистское движеніе. Германская государственность выдержала внутреннія испытанія, и хотя у нѣмцевъ хватило государственнаго сознанія не только на ликвидацію попытки группы Спартака, но и на выборы въ Учредительное Собраніе буржуазнаго большинства, тѣмъ не менѣе внѣшнюю борьбу они проиграли. Такимъ образомъ не распадъ государственнаго организма, какъ въ Россіи, повлекъ за собою прекращеніе борьбы, а наоборотъ, военное пораженіе вызвало въ Германіи перемѣну режима, проведеннаго революціоннымъ порядкомъ.

Р. ДРЕЙЛИНГЪ.

Въ Штабѣ Сѣверо-Западнаго фронта.

(Продолженіе).

8 Іюня. Дорожному управленію о мостахъ написано, но не сказано, какіе надо строить мосты, временные или постоянные, не указано съ какихъ мостовъ начать. Постоянный мостъ требуетъ для постройки 2 мѣсяца времени, временный 2 — 3 недѣли.

Если они понадобятся раньше, войскамъ будетъ трудно. Съ Михаиломъ Саввичемъ по этому дѣлу условились и, Богъ дастъ, если дорожное и мостовыя управленія будутъ работать въ контактѣ, все уладится. Вчера главнокомандующій далъ свои директивныя указанія, повидимому, 4 арміи.

Вчера же здѣсь былъ ген. Шварцъ. Послѣ главнокомандующаго онъ зашелъ ко мнѣ. Изъ его разговора со мной, могъ притти къ заключенію, что у него сомнѣніе, будутъ ли держаться въ Ивангородѣ, или его оставятъ. Разговоры объ этомъ были и раньше, но я имъ не придавалъ значенія. Доблестный Шварцъ очень огорченъ такимъ поворотомъ дѣла. Много, повидимому, имъ было вложено въ Ивангородъ и его огорченіе законно.

12 Іюня. Вчера утромъ вернулся изъ крѣпости Ковно, гдѣ провелъ 9 и 10 іюня. Моя командировка туда была вызвана телеграммой ген. Янушкевича о томъ, что работы въ крѣпости идутъ неудовлетворительно и что комендантъ относится благожелательно къ элементамъ населенія, къ которымъ надлежитъ быть строгимъ. Вѣроятно и то, и другое основано на доносѣ. Со мной поѣхали ген. Колоссовскій и артиллерійскій полковникъ Чернопятовъ. По пути присоединился генеральнаго штаба полковникъ Романовъ, интересовавшійся крѣпостью.

Вчера на словахъ доложилъ главнокомандующему, а вечеромъ подалъ ему докладъ. При иныхъ условіяхъ, крѣпостныя работы могли бы быть исполнены значительно шире. Причины неуспѣшной работы крылись не столько въ комендантѣ и его сотрудникахъ, сколько въ общихъ условіяхъ, въ тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявлялись коменданту и той роли, которую ему пришлось играть въ событіяхъ раньше. Но не инженерная и артиллерійская подготовка возбуждаютъ опасенія, а возбуждаетъ опасеніе войсковой порядокъ въ крѣпости и организація ихъ службы. На мой взглядъ, имѣя даже недолговременныя постройки, крѣпость временно бороться можетъ, но при неустройствѣ ея гарнизона, она не обезпечена отъ смѣлаго захвата.

Основной фортовой поясъ старой постройки не обезпеченъ ни отъ штурма, ни отъ бомбардированія; сверхъ того отсутствуетъ гарнизонъ, а въ казармахъ его помѣщены только крѣпостные артиллеристы и то временно. Цѣлый рядъ работъ, очень серьезныхъ, съ объявленія войны былъ прекращенъ и въ числѣ ихъ, быть можетъ важнѣйшая, проведеніе подземной связи. Тѣмъ не менѣе военными инженерами за время войны исполнены очень талантливыя и остроумныя работы на различныхъ частяхъ обвода временнаго характера. Теперь заканчиваются болѣе солидныя убѣжища на западномъ обводѣ, съ расчетомъ окончанія ихѣ недѣль черезъ 6—7. Шли работы по укрѣпленію передовой позиціи западнаго обвода, но недостаточно энергично. Однако, эта послѣдняя въ сущности должна была бы быть, при современныхъ условіяхъ, главной, но съ этимъ комендантъ, повидимому, не соглашался. И у него были свои доводы.

Артиллерійское вооруженіе довольно обильное, но старыхъ образцовъ. Его распредѣленіе соотвѣтствовало, быть можетъ, условіямъ лѣтъ 25 тому назадъ. Оно скучено по фортовому поясу западнаго отрѣза и болѣе цѣлесообразно на другихъ участкахъ. Начальникъ артиллеріи очень недоволенъ распредѣленіемъ артиллеріи на западномъ отрѣзѣ, но ген. Григорьевъ на артиллерійскую борьбу имѣетъ свои взгляды и непреклоненъ. По мѣрѣ развитія передовой позиціи главная масса артиллеріи перемѣстится туда, хотя бы комендантъ этому и не сочувствовалъ. Вся связь надземная и при первыхъ выстрѣлахъ отъ нея останутся клочки.

Западный плацдармъ какой то проходящій дворъ для людей, обозовъ и скота. Непривлекательная картина эта 10 іюня усиливалась прохожденіемъ черезъ крѣпость отходящей 1 гвардейской кавалерійской дивизіей съ ея учрежденіями. Объяснялось это производимыми на западномъ отрѣзѣ большими работами по рытью укрѣпленій, возведенію убѣжищъ и т. п., привлекшихъ массу людей, повозокъ и лошадей. Крѣпость еще не угрожаема, но съ передовыхъ позицій праваго фланга западнаго фронта велась артиллерійская перестрѣлка съ нѣмецкой тяжелой артиллеріей и противникъ былъ близокъ. Войска сборнаго и разнороднаго характера были разбросаны, главная же часть сосредоточена въ глубокой долинѣ Нѣмана и быстрый подходъ ихъ къ периферіи крѣпости былъ затрудненъ малымъ числомъ дорогъ, качествомъ ихъ и длинными, крутыми подъемами.

Ковенскую крѣпость я изучалъ и до войны, не разъ осматривая ее подробно. И всегда она оставляла чувство необезпеченности; теперь же, несмотря на сравнительное ее усиленіе, это чувство какъ бы усугубилось. Главнѣйшій ея участокъ, въ сущности былъ слабѣйшимъ, хотя флангами упирался въ сравнительно непроходимую рѣку Нѣманъ, но фронтъ его безъ долговременныхъ построекъ и учрежденій противостоять ускоренной атакѣ, не можетъ. Поэтому замѣченное войсковое неустройство чувствовалось сильнѣе. Однако, комендантъ крѣпости былъ спокоенъ и увѣренъ. Тамъ, гдѣ я усмат-

ривалъ затрудненія и необезпеченность въ управленіи, включительно до невозможности исполненія приказа коменданта, послѣдній этого не находилъ. Управленіе разношерстными частями въ крѣпости, ее не знающими, само по себѣ дѣло трудное и деликатное. Своихъ коренныхъ гарнизоновъ, жившихъ бы тамъ со своимъ скарбомъ, форты не имѣли; части только что расписанныя по таковымъ, замѣнить первыхъ не могутъ. И сосредоточеніе резервовъ въ одномъ раіонѣ, чтобы не сказать въ одномъ пунктѣ, при указанныхъ выше условіяхъ, не располагало къ увѣренности. Это чувство раздѣлялось и моими спутниками. Но много было причинъ въ недалекомъ прошломъ, которыя заставляли относиться къ нѣкоторымъ недостаткамъ, какъ къ явленіямъ, вызваннымъ помимо воли тамъ работавшихъ. Передовыя позиціи росли и развивались и была полная надежда, что многое изъ того, что было нагромождено на старой прифортовой полосѣ, будетъ вынесено впередъ и крѣпость въ состояніи будетъ дышать.

Итакъ, съ методическими дѣйствіями противника, крѣпость можетъ, держась, выиграть время, но при ошеломляющей подготовкѣ, смѣломъ и быстромъ натискѣ, она не выдержитъ.

13 Іюня. Вчера генералъ-квартирмейстеръ просилъ меня просмотрѣть черновикъ приказанія главнокомандующаго о томъ, что Ивангородъ долженъ разсматриваться не какъ крѣпость, а лишь какъ укрѣпленная позиція, и если 4 армія вынуждена будетъ отойти, то, увезя цѣнное и взорвавъ важное, оставить Ивангородъ. Я не внесъ поправокъ; не все ли равно, какъ это изложить. Но съ фактомъ согласиться не могу. Ивангородъ не крѣпость, однако, онъ сильно укрѣпленъ, въ немъ запасовъ для 40 тысячъ на 3 мѣсяца и весьма порядочная артиллерія. Гарнизона онъ потребуетъ дивизіи 3; мнѣ представляется, что въ нашемъ положеніи онъ можетъ оказать громадную услугу, стоющую трехъ дивизій. Кромѣ того, принявъ рѣшеніе его очистить, обстоятельства борьбы могутъ сложиться такъ, что его придется оборонять. Такое рѣшеніе скрыть нельзя ни отъ войскъ, ни отъ тѣхъ, кто будетъ ее защищать и ходъ дѣйствій можетъ отъ этого пострадать.

Вечеромъ переговорилъ съ Михаиломъ Васильевичемъ, но онъ крѣпко стоялъ за это рѣшеніе. Его опасенія и расчеты справедливы, ибо для гарнизоновъ Новогеоргіевска, Ковно, Гродно и даже Бреста придется выдѣлить огромное число дивизій. Это все вѣрно, но пока передъ нами первый актъ отхода и вопросъ можетъ быть только объ Ивангородѣ и о Новогеоргіевскѣ, разницы же между ними не вижу. Правда, Новогергіевскъ штатная крѣпость, Ивангородъ импровизированная. Но намъ прежде всего надо обезпечить благополучный отходъ съ насиженныхъ позицій на востокъ и не на переходъ, а больше и въ этой операціи содѣйствіе обѣихъ крѣпостей мнѣ представлялось неизбѣжнымъ. Надѣюсь, Михаилъ Васильевичъ не будетъ сердиться на меня за это вмѣшательство, но попытаюсь разубѣдить его путемъ письменнаго доклада. Иван-

городъ очень дѣятельно укрѣплялся ген. Шварцемъ и намъ въ голову не приходило, что отъ его содѣйствія мы откажемся.

Возможно, что къ такому рѣшенію главнокомандующіи былъ приведенъ рядомъ тяжкихъ условій послѣднихъ дней. 11-го іюня къ намъ перешла 3 армія и группа Олохова — изрядно разстроенныя. Ю.-з. фронтъ, т. е. его штабъ, за этотъ періодъ все что могъ вытянулъ для себя, какъ будто онъ передавалъ войска ихъ недругамъ. И изъ состава Бреста, за эти нѣсколько часовъ, было вытянуто тоже изрядно. Иногда мелочи дѣйствуютъ на настроеніе сильнѣе, чѣмъ важное, однако Михаилу Васильевичу трудно было говорить объ этомъ спокойно. Одно къ другому, но главнокомандующаго и важное и эти мелочи естественно должны были очень разстроить. Вѣдь въ немъ все, и творчество и исполненіе. И надо сказать, что все, что исходитъ отъ него — обдуманно, соотвѣтственно, но въ дальнѣйшемъ оно видоизмѣняется и коверкается другими. У другихъ есть досугъ. Это ненормально. Михаилъ Васильевичъ мнѣ подъ часъ жалуется, но чтобы устранить это онъ ничего не предпринимаетъ. Постоянно твержу, что такъ продолжаться не можетъ. Теперь, когда противникъ еще бездѣйствуетъ, это какъ будто ничего, а когда это измѣнится, дѣло то можетъ и развалиться.

При такой постановкѣ работы у Михаила Васильевича незамѣтно развивается абсолютизмъ. Ничего противъ этого не имѣю и это хорошо, если онъ въ состояніи былъ бы спокойно охватить главное и обсудить, взвѣсить и рѣшить. Однако, онъ заваленъ мелочами, которыя отнимаютъ у него время, а посему и работать, какъ то слѣдовало бы, надъ главнымъ, онъ не въ состояніи, даже если бы вмѣсто 24 часовъ у него въ сутки было 30. И матеріалъ онъ получаетъ не первосортный, Побочныя условія свыше и снизу вносятъ раздраженіе и неувѣренность. Армейскія управленія, въ сущности, дѣлаютъ что хотятъ. Слѣдить за ними Махаилу Васильевичу очень трудно; посылаемыя наставленія исполняются по ихнему. Имъ нужны приказы, къ которымъ они привыкли. Все это наросло постепенно, еще безъ ген. Алексѣева; а въ общемъ все это ненормально, какъ ненормально сложилась и работа высшаго управленія. Наши управленія въ это втянулись, сами не замѣчаютъ изъяновъ, равно какъ и не замѣчаютъ, что при сравнительно большихъ трудахъ участниковъ въ работѣ получается мука. При доброй организаціи труда никто не долженъ быть перегруженъ, а теперь мы видимъ, что главнокомандующій перегруженъ больше начальника штаба. Лучше бы наоборотъ.

Съ Михаиломъ Васильевичемъ работаю давно. Никогда съ нимъ не было разногласій, ни въ принципіальныхъ вопросахъ. ни въ исполнительной ихъ части. А теперь вижу нѣкоторое расхожденіе, главнымъ образомъ въ первыхъ. Подъ давленіемъ же свыше и обстоятельствъ извнѣ, замѣчаю нарушеніе равновѣсія и въ вопросахъ практическихъ. Вѣдь въ области практической слово „нужно“ — пустой звукъ; въ области же моральной — другое дѣло. Приписываю это тому, что на М. В. лежитъ работа, превышающая силы двухъ

сильныхъ людей, а онъ одинъ; ну и не вытягиваетъ. Это законъ природы. Михаилъ Васильевичъ самъ это чувствуетъ, но ничего не можетъ сдѣлать, чтобы сбросить тормазы, которые мѣшаютъ ему дѣлать главное. Думалъ, что могу ему помочь и не только ему, но и штабу; не вышло. Если нѣкоторые вопросы двинулись, то далеко не въ томъ направленіи, какъ это казалось мнѣ цѣлесообразнымъ. Двинулись они такъ, какъ того пожелала канцелярія.

16 Іюня. Два дня провелъ въ Ивангородѣ (14 и 15). Осмотрѣлъ обводъ за исключеніемъ самаго сѣвернаго его конца; автомобиль завязъ и темнѣло. До 12 іюня Ивангородъ считали крѣпостью, съ этого числа онъ сталъ позиціей. Предписаніе это прибыло въ крѣпость послѣ меня. Предупредилъ Шварца и просилъ его до поры до времени держать это въ секретѣ и принять необходимыя мѣры такъ, если бы онѣ исходили отъ него. Къ сожалѣнію секреты у насъ не держатся и быстро дѣлаются общимъ достояніемъ. Шварцъ подтвердилъ мнѣ это примѣромъ. Такъ въ день, когда въ Сѣдлецѣ подписано было распоряженіе объ оставленіи Островца (4 іюня) управляющій заводомъ 4 іюня сказалъ адмиралу Мазурову, что Островецъ будетъ очищенъ 9 іюня. Мало того, когда Мазуровъ пріѣхалъ, чтобы секвестрировать машины и сталь, то по его прибытіи ему сказали, зачѣмъ онъ прибылъ.

Есть какая то невидимая нить, связывающая управленіе съ внѣшнимъ міромъ. Гдѣ она проходитъ? По моему она кроется въ нашей манерѣ сношеній, въ доступности чужихъ въ наши канцеляріи и въ беззаботной небрежности. Что были предатели, не вѣрю, но секретныя свѣдѣнія имѣютъ удобный выходъ. Самая манера донесеній штабовъ армій представляетъ въ оперативномъ отношеніи большую опасность, ибо они подробны, входятъ въ детали ихъ намѣреній и передаются безъ шифра, правда по Юзу.

Изъ Островца вывезли машины и сталь. Но о существованіи послѣдней узнали въ послѣднюю минуту, а вѣдь кадромъ состава штаба главнокомандующаго былъ штабъ Варшавскаго округа, которому это должно было быть извѣстно и до войны. Вывезли что могли, остальное достанется нѣмцамъ.

Что такое Ивангородъ въ настоящее время? Въ немъ нѣтъ главныхъ чертъ крѣпости. Онъ не обезпеченъ ни отъ штурма, ни отъ бомбардированія. Это сильная круговая позиція, въ которой, въ мѣрѣ возможности, имѣются укрытія, есть фланговая артиллерійская и ружейная оборона главнѣйшихъ частей. Вся она на передовыхъ позиціяхъ. Талантливо и смѣло заложена, но вся въ идеѣ передовой позиціи. Она ушла отъ учебниковъ и въ этомъ можетъ быть ея сила. Она имѣетъ снабженіе и не сильную артиллерію, но которую легко усилить. Навѣрное ни въ одной изъ нашихъ крѣпостей не проведены столь цѣлесообразно желѣзнодорожные пути нормальной колеи, какъ въ ней. Въ ней есть и люди. Гарнизона же нѣтъ. Когда онъ появится, что будетъ съ Шварцемъ? Онъ душа этого дѣла; если же передадутъ старшему, (съ 12 іюня Ивангородъ не крѣпость), оборона можетъ понести ущербъ.

Работы Шварцъ сорганизовалъ умно и теперь она кипитъ, хотя продуктивность меньше нормальной изъ-за слабой подъемности польскихъ повозокъ. Въ теченіе трехъ недѣль ген. Шварцъ работы не кончитъ, предполагаетъ, однако, это сдѣлать къ моменту обложенія крѣпости. Окопы глубокіе и солидные, а равно заботливо приспособленные для нуждъ людей. Убѣшица слабыя. Въ два мѣсяца, принявъ во вниманіе, что прибыла лишь часть матеріала, многаго не сдѣлаешь. Типъ убѣжищъ упрощенный: деревянный срубъ, камень, песокъ, бревна, рельсы. Камень залитъ цементомъ, 1/3 цемента и 2/3 песку. По книжкѣ это выдержитъ 8″ бомбу. Есть убѣжища, претендующія на сопротивленіе и 11″ снаряда. Это преувеличеніе.

Обводъ Ивангорода около 60 верстъ и для упорной его защиты 3-хъ дивизій недостаточно. Но Ивангородъ, какъ крѣпость, оборонять не будутъ. Можетъ быть Михаилъ Васильевичъ и правъ, принявъ во вниманіе, что долго крѣпость держаться по своему устройству не можетъ, положеніе же таково, что передовой театръ, если не будетъ чуда, все равно очистить прійдется, а при послѣднемъ условіи, значеніе Ивангорода значительно умаляется. Въ данное время онъ, по моему, важенъ какъ поддержка при необходимости нашего отхода и главнымъ образомъ для II и IV армій. Если бы мы были подготовлены въ нашемъ тылу, то мысль отказаться отъ Ивангорода меня бы не смущала, но къ сожалѣнію такой подготовки нѣтъ.

17 Іюня. Значительныя силы противника дѣйствуютъ въ направленіи на Владиміръ-Волынскъ, менѣе сильныя отъ Сандомира, думаю на Аннополь и Красникъ. Первое обнаружено около 14 іюня, второе вчера. Что противъ середины — не ясно. 14 іюня главнокомандующій былъ снова въ Холмѣ. Къ лѣвому флангу III арміи и группы Олохова направлены по желѣзнымъ дорогамъ Гвардейскій, II Сибирскій и XXXI корпуса. IV армія должна сегодня въ ночь отойти: XXV корпусъ лѣвымъ флангомъ къ Юзефову и р. Уржендовъ. Успѣетъ ли? О III арміи свѣдѣнія скудны; стоитъ ли она или отходитъ? Составъ арміи не великъ. VIII армія въ разстройствѣ. XI и IX арміи на югѣ и также угрожаемы. Отъ ю.-з. фронта польза будетъ небольшая. Все, что враги могли собрать, они бросятъ на насъ съ юга и будутъ напирать на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Пока, считая отъ Нѣмана, у насъ 15—16 корпусовъ (безъ Гвардейскаго, II Сибирскаго и XXXI), вытянутыхъ въ нитку. Въ III арміи много частей, но послѣ ряда непрерывныхъ боевъ, неизвѣстно, что она собою представляетъ. И главнокомандующему это не вполнѣ ясно. А на ней зиждется очень много.

13 іюня ген. штаба полк. Носковъ отвозилъ въ Ставку соображенія гларнокомандующаго. Оно было прочитано Пустовойтенкѣ, Борисову и мнѣ. Возраженій представить не могъ, но серьезной опасности за Ригу не вижу и ее не раздѣляю. Не отвергаю ее, но въ настоящемъ періодѣ, Рига является только частнымъ объектомъ и безпокойствъ она во мнѣ не возбуждаетъ. Наши арміи на передо-

вомъ театрѣ возбуждаютъ вниманіе нѣмцевъ и онѣ являются ихъ цѣлью. Съ начала войны мы боролись, находясь въ мышеловкѣ, а теперь, если не удержимся, можетъ случиться, что она захлопнется. Отдаленныхъ операцій нѣмцы, на мой взглядъ, производить не будутъ, а будутъ бить по арміи. Возможно, что въ связи съ главной цѣлью, ихъ усилія будутъ направлены и на Варшаву, но это между прочимъ, направленіе же на Бѣлостокъ рѣшительнѣе.

Мысли Михаила Васильевича заняты устроеніемъ того, что перешло къ нему на югѣ. А. А. Гулевичу положеніе представляется хорошимъ. Когда я вчера сказалъ ему, что органы снабженія надо эвакуировать на востокъ, онъ широко открылъ глаза. „Значитъ и намъ надо отходить“? спросилъ онъ. „Пока нѣтъ“ отвѣтилъ ему, „но тыловыя учрежденія фронта изъ Варшавы и Сѣдлеца надо перемѣстить“.

„Надо ли намъ отходить?“

„Не знаю, но вѣрнѣе было бы, если бы насъ здѣсь не было“.

Время, когда этотъ вопросъ уже долженъ былъ быть рѣшенъ, приблизительно совпадало съ періодомъ, когда группа ген. Олохова тѣснилась на сѣверъ, а части VIII арміи подходили къ Городецкой позиціи. Не имѣя возможности выступить активно, участь Львова тогда мнѣ казалось была рѣшенной. Это не исключало борьбы и она была бы болѣе планомѣрной, ибо знали бы ради чего боремся и что для таковой борьбы нужно. Но явилось частное рѣшеніе — держать Варшаву, вѣрнѣе передовой нашъ театръ, который само собою входилъ въ циклъ нашей борьбы, какъ пособіе для вывода нашихъ армій съ наименьшими потерями.

Но это было не ясно и мысль о возможности удержаться на передовомъ театрѣ, на которомъ нагромождено было много всякаго добра, взяла верхъ. Настроеніе это было очень возвышенное, но покойно и трезво его обсужая, оно было пагубное. Съ внѣшней стороны большой разницы съ теперешнимъ положеніемъ не было бы, однако, если бы цѣль была бы поставлена ясно, борьба шла бы увѣреннѣе и, какъ сказано выше, въ исполненіи и въ подготовкѣ болѣе планомѣрно. Измѣнить принятое рѣшеніе нашъ главнокомандующій естественно не можетъ. Онъ долженъ держать Варшаву, а слѣдовательно и Вислу.

Сегодня передалъ генералъ-квартирмейстеру мои оперативныя соображенія (записка № 15 бисъ), ибо не желаю тревожить непосредственно Михаила Васильевича. Пусть они пройдутъ черезъ фильтръ Михаила Саввича. Основная мысль записки та, что взаимное положеніе нашей и непріятельской армій, разсматривая ее только съ оперативной точки зрѣнія, таково, что разсчитывать на нормальный отходъ нашей арміи нельзя. Но оперативная данная не рѣшающая; она указываетъ лишь на свойство положенія и на тѣ мѣры, которыя вызываются этимъ положеніемъ а именно. чтобы: 1) успѣшнѣе бороться и 2) чтобы подготовиться на худой конецъ. Не входя въ детали, которыя довольно ясны, оперативныя соображенія указываютъ, что необходимо подумать не только

о матеріальной сторонѣ, но, что еще важнѣй, и о томъ, чтобы въ виду вѣроятности очень тяжелыхъ положеній, обезпечить возможность проявленія управленія свыше.

Направленіе нѣмцевъ на Ковель, даже его захватъ, серьезное дѣло, но оно не такъ грозно для насъ, какъ направленіе на Бѣлостокъ и далѣе. Новаго въ этихъ соображеніяхъ ничего нѣтъ и Михаилъ Васильевичъ превосходно это знаетъ и видитъ, хотя объ этомъ не говоритъ. Однако въ цѣломъ рядѣ предстоящихъ мѣропріятій, въ особенности для нашей оперативной канцеляріи, я считалъ, что необходимо ей дать что то болѣе осязательное, чѣмъ бы она могла руководствоваться.

Перевозки къ Владиміръ-Волынску и Ковелю идутъ медленно изъ за слабости подвижного состава. Онъ занятъ вывозомъ изъ Галиціи. Передвиженіе съ Нарева къ Холму гвардейскаго корпуса считаю неосторожнымъ, но оно въ ходу.

19 іюня. Войскамъ на югѣ тяжело. Жара и засуха сильныя. Болота, считавшіяся непроходимыми, стали проходимы. Обстоятельство это не безъ вліянія и на операціи.

Помимо всякихъ политическихъ и союзническихъ соображеній, думая за нѣмцевъ, положеніе ихъ складывается довольно просто. Одна только данная темная. Какъ они смотрятъ и оцѣниваютъ свои успѣхи надъ арміями ю.-з. фронта и какъ они представляютъ себѣ ихъ состояніе? Побѣдители склонны къ оптимизму и, вѣроятно, высшее нѣмецкое управленіе считаетъ, что эти арміи разбиты основательно. Считаетъ ли высшее нѣмецкое управленіе, что мы будемъ во что бы то ни стало оборонять передовой театръ, т. е. Польшу, или оборона его будетъ для насъ лишь переходящей стадіей борьбы? Учтутъ ли нѣмцы нашу психологію? При хорошо поставленномъ у нихъ шпіонажѣ, они вѣроятно объ этомъ освѣдомлены. Отсюда логическое рѣшеніе ихъ дальнѣйшихъ операцій въ крупныхъ размѣрахъ.

Направленіе ихъ дѣйствій обозначилось и раньше. Кажется 5 іюня я писалъ главнокомандующему о моихъ опасеніяхъ за IX и XI арміи. Мнѣ казалось, что наши враги, чтобы дѣйствовать свободно противъ насъ, должны покончить съ ними и обезвредить ихъ. Въ нашихъ интересахъ было, чтобы эти арміи вышли какъ можно скорѣе изъ подъ ударовъ противника и въ свою очередь угрожали ему. Но мы упорно и доблестно его отражая, шагъ за шагомъ отходили, неся потери и ослабляя себя.

Нѣмецкому генеральному штабу должно быть ясно, что и въ дальнѣйшемъ мы будемъ шагъ за шагомъ отстаивать Польшу, ибо другого выхода теперь уже у насъ нѣтъ. Устраняя возможность активныхъ дѣйствій IX и XI армій, нѣмцы будутъ обладать большей свободой въ дѣйствіяхъ своихъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

У насъ начинаютъ высказывать опасенія за Ригу, но мнѣ кажется, что нѣмцы не очень довольны, что несвоевременно забрались туда и отвлекли силы отъ болѣе важныхъ имъ теперь направленій.

Громадная наша армія, растянутая въ невыгоднѣйшей формѣ

по отношенiи ея средствъ и сообщенiй, отбивается отъ ударовъ ея враговъ, готовая умереть въ неравной по условiямъ борьбѣ.

Среди нашихъ любителей стратегiи много поклонниковъ внутреннихъ положенiй. Дѣйствительность съ этимъ не считается. Всякое положенiе можетъ быть выгоднымъ и какихъ либо предпочтенiй быть не должно; въ каждомъ положенiи дѣло свое надо вести соотвѣтственпо. Такой мастеръ, какъ Наполеонъ, выходилъ изъ этихъ положенiй подъ часъ блистательно. Мы находимся въ классическомъ внутреннемъ положенiи съ самаго начала войны и выбраться изъ него не можемъ, и не потому, что не умѣемъ, а потому, что управленiе наше не отвѣчаетъ* такому положенiю; кромѣ того, мы лишены необходимыхъ средствъ для активной борьбы, единственно что способствуетъ успѣшности веденiя ея, находясь во внутреннемъ положенiи. Безъ послѣднихъ оно все равно должно привести къ катастрофѣ. И мы со дня на день къ ней подходимъ. Вотъ почему, въ моихъ соображенiяхъ я признаю наше положенiе необыкновенно труднымъ и почему все настаиваю на необходимости широко прибѣгнуть къ помощи инженерной подготовки, которая можетъ облегчить безболѣзненный выходъ изъ отвратительнаго оперативнаго состоянiя. Въ общемъ комплексѣ борьбы это одна сторона и притомъ не рѣшающая, а лишь направляющая, и говоря, что оперативное положенiе наше близко къ безвыходному, этимъ не указывается, что все пропало. Оно дѣйствительно серьезно и требуетъ ряда прiемовъ, ряда мѣръ, чтобы смягчить его остроту.

Разсуждая самъ съ собой, часто задаю себѣ вопросъ, а чтобы я сдѣлалъ, если бы былъ отвѣтственнымъ дѣятелемъ? Я думаю, что дѣлалъ бы тоже, что и теперешнiе дѣятели, а можетъ быть и хуже. Я такъ же былъ бы поглощенъ жизнью, съ ея крупными и мелкими требованiями.

И не смотря на цѣлый рядъ создавшихся неблагопрiятныхъ условiй въ нашей жизни и работѣ, главнокомандующiй несетъ все это на своихъ плечахъ; не думаю, чтобы другой могъ бы вынести это такъ, какъ онъ выноситъ; и такъ же везти, какъ онъ везетъ этотъ черезъ мѣру нагуженный возъ!

20 Iюня. Мои оперативныя соображенiя, какъ все на войнѣ, не безусловны. Если, на мой взглядъ, ошибочно принято было рѣшенiе удерживать Польшу и во что бы то ни стало Варшаву, то измѣнить сразу это нельзя. Теперь надо пока держаться и выбрать что можно изъ II армiи. Эту мысль Михаилъ Васильевичъ передалъ мнѣ дней 8 тому назадъ. Что наше положенiе очень сложное и очень опасное, Михаилу Васильевичу совершенно ясно. И что надо сдѣлать, также ясно. Но примѣнить и провести свой планъ въ жизнь можно будетъ только тогда, когда это станетъ возможнымъ. Мы не одни. Передъ нами врагъ сильный и внимательный, а рядомъ армiи другого фронта. Когда начать?

*) Борьба по внутреннимъ операцiоннымъ направленiямъ требуетъ одного хозяина.

У Михаила Васильевича вѣра и глубокое убѣжденіе, что онъ выведетъ арміи изъ ихъ злосчастнаго полженія, созданнаго не имъ, а ходомъ событій.

Моя схема, если вообще въ такихъ вопросахъ схемы возможны, такова: Ивангородъ, Новогеоргіевскъ, а потомъ Брестъ занять. Подъ прикрытіемъ частей IV, II и I армій отвести XXV корпусъ и затѣмъ армію ген. Леша. Управленія тыла отвести заблаговременно. Послѣднее слово неумѣстное, ибо это надо было сдѣлать раньше, какъ и перегруппировку корпусовъ по арміямъ Наревскаго и Нѣманскаго фронтовъ. Необходимость удерживать Польшу это задержало. Начало этихъ работъ теперь должно быть согласованно съ результатомъ дѣлъ подъ Холмомъ и оно можотъ указать возможность начала этой труднѣйшей операціи. Оно какъ будто на бумагѣ и не сложно, но въ дѣйствительности все это можетъ быть опрокинуто вверхъ дномъ. Кромѣ того, прежде чѣмъ мы дойдемъ до отвода XXV корпуса, можетъ произойти цѣлый рядъ дѣйствій одно другого сложнѣе и деликатнѣе. Если бы отъ этого не зависѣла участь государства, и жизнь сотни тысячъ людей съ ихъ страданіями, то разрѣшеніе такой задачи представляетъ громадный интересъ.

21 Іюня. Наше положеніе имѣетъ свойство, рѣдко встрѣчаемое: нѣтъ патроновъ и снарядовъ. Раньше ихъ вообще было мало, а теперь, на югѣ, ихъ вовсѣ нѣтъ, у насъ же очень мало.

Къ Михаилу Васильевичу вчера пріѣзжалъ А. И. Гучковъ. Послѣ его отъѣзда главнокомандующій былъ особенно разстроенъ. По словамъ Михаила Васильевича, Гучковъ сообщилъ ему рядъ фактовъ изъ дѣятельности центральныхъ управленій по заготовкѣ боевого снабженія. „Нельзя провести грань, гдѣ кончается недомысліе и начинается преступность“. Когда приходится туго, всѣ вообще явленія принимаются болѣзненнѣе, но указывать на недостатки легче. Военное министерство виновато во многомъ. Но виновата также и наша индустрія и многіе другіе, сваливающіе вину на другихъ. Желѣзныя дороги, будь онѣ богаче составомъ и порядкомъ, могли бы подвезти къ намъ скорѣе необходимыя подкрѣпленія. Но большіе составы заняты какой то работой по вывозу добра изъ Галиціи. У насъ они употребляются не совсѣмъ сообразно съ потребностями.

Очень сердился 19-го іюня Михаилъ Васильевичъ на ген. Безобразова*), тащившаго всѣ свои учрежденія за дивизіями, направлявшимися на югъ, въ то время, когда часть ихъ и всѣ обозы надлежало оттянуть назадъ. Но гвардейскій корпусъ нельзя же было отрывать отъ его учрежденій. Однако, кто то же долженъ былъ, въ виду особыхъ условій движенія, указать, что раньше надлежитъ продвинуть войсковыя части и учрежденія для боя, а остальное добро повести за ними и туда-то.

Ген. Лешъ, сильно тѣснимый 20 іюня, переходитъ въ наступленіе XIV корпусомъ, поддержаннымъ распрепанными III кавказскимъ и XXIV корпусами. По обстановкѣ, очерченной въ его же донесе-

*) Командиръ I гвардейскаго корпуса.

ніяхъ, лучше было бы обождать подхода направленныхъ къ нему подкрѣпленій. Я бы ничего не сказалъ, если бы такое рѣшеніе вылилось у него на мѣстѣ боя, но вѣдь оно принято въ Холмѣ.

Дворцовыя учрежденія эвакуируются изъ Варшавы, повидимому, распоряженіемъ вѣдомства, безъ санкціи начальника тыла, а мѣстныя желѣзнодорожныя власти даютъ имъ подвижные составы. Каждый дѣлаетъ, какъ въ мирное время, что ему захочется. И чѣмъ положеніе труднѣе, тѣмъ проявленіе такого своеволія сильнѣе.

Въ направленіи Красникъ и Туробинъ австрійцы прорвали наше расположеніе и массами влились на сѣверъ. Въ Холмѣ и по желѣзнодорожной линіи на Брестъ закупорка; не въ лучшемъ положеніи узлы къ востоку отъ Вислы. Затрудненія эти усиливаются несоотвѣтствующими назначеніями пунктовъ высадокъ подкрѣпленій, идущихъ на усиленіе Люблинскаго фронта. Вмѣсто того, чтобы высаживать ихъ въ Люблинѣ, ихъ высаживаютъ въ Травникѣ, имѣющій лишь выходъ въ забитый Холмъ.

Мои разсужденія по общимъ вопросамъ болѣе или менѣе исчерпаны. Хотя іюньскія директивы объ удержаніи нами Варшавы и Польши остаются въ силѣ, но все указываетъ, что главнокомандующимъ принимаются мѣры готовности, когда это окажется возможнымъ, начать выводъ войскъ на востокъ. Внѣшне мы держимся и надѣемся, что удержимся.

Два дня тому назадъ М. С. Пустовойтенко обратился ко мнѣ: „Ваше Высокопревосходительство, Вы бы выбрали позицію между Бѣлостокомъ и Брестомъ". Но она выбрана и ее надо обратить въ укрѣпленную, а на это нѣтъ должныхъ средствъ и, пожалуй, времени. На работы по устройству Тарчинской позиціи тратятся силы, а на работы въ тылу ихъ не находятъ.

Даже и въ теперешнемъ положеніи, будь у насъ боевое снабженіе, Михаилъ Васильевичъ вывелъ бы насъ на большую дорогу и все бы измѣнилось.

22 Іюня. Сегодня, въ исходѣ 11 часовъ, въ Сѣдлецъ прибылъ Верховный Главнокомандующій. Пока начальство совѣщалось, я сидѣлъ у Его Высочества и мы бесѣдовали. Главнѣйшей темой было наше положеніе и вытекавшія изъ рѣшенія 5 іюня послѣдствія. Съ рѣшеніемъ 5 іюня не могу согласиться, тѣмъ болѣе, что послѣ разрушенія обороны Вислы въ 1910 г., удержаніе ея и Варшавы не могло входить какъ соображеніе политическаго характера.

Говорили о М. В. Алексѣевѣ, о полученномъ имъ послѣ ген. Рузскаго наслѣдствѣ и о томъ, что привело насъ къ современному положенію. Какъ въ апрѣлѣ, въ Ставкѣ, такъ и теперь прозвучала нотка, что онъ одинъ, что на войну вышелъ съ чужими.

Потомъ, пока принимались рѣшенія, повидалъ Великаго Князя Петра Николаевича. Великій Князь многое видѣлъ, но, по свойственному ему такту, ни во что не вмѣшивался, не желая затруднять брата, которому и безъ того было не легко.

Верховнаго очень безпокоилъ Новогеоргіевскъ. Два раза Его Высочество подходилъ съ этимъ вопросомъ. Я не могъ дать ему

свое опредѣленное и мотивированное мнѣніе, ибо самъ не былъ увѣренъ. Съ разрушеніемъ Вислянской организаціи въ 10-мъ году, Новогеоргіевскъ, какъ крѣпость, потерялъ чрезвычайно въ своемъ значеніи въ общемъ и въ частности, какъ ключъ Варшавскихъ укрѣпленій и ея плацдарма. Самъ онъ нѣсколько усиленный, но недоконченный, не былъ устроенъ и подготовленъ для обороны. Его значеніе теперь исключительно тактическаго характера и то, главнымъ образомъ, какъ помощь при болѣе чѣмъ вѣроятномъ вынужденномъ отступленіи. Но въ массахъ народныхъ это была твердыня, простое очищеніе которой было бы понято неблагопріятно. Все это очень усложняло рѣшеніе. Душевные мотивы говорили за его оборону. Руководствуясь ихъ вліяніемъ, я думаю, что Новогеоргіевскъ и Ивангородъ оборонять слѣдуетъ, чтобы помочь выходу войскъ изъ ихъ теперяшняго положенія на востокъ. Рѣшеніе совѣщанія я еще не знаю, но думаю, что коренного рѣшенія и не могло быть, и такъ какъ все сосредоточилось въ нашемъ главнокомандующемъ, то ему предоставлена, надо думать, большая свобода. Ему придется теперь рѣшать всѣ вопросы и это лучше.

Не скрывая и признавая громадныя затрудненія, стоящія передъ нами, Михаилъ Васильевичъ, откинувъ озабоченность его за боевое снабженіе, спокоенъ. Ген. Борисовъ также спокоенъ и увѣренъ; послѣдній опирается на опытѣ явленій, пережитыхъ имъ съ начала войны. Не могу сказать, чтобы я раздѣлялъ всецѣло увѣренность Борисова; объясняю себѣ это тѣмъ, что опыта его не прошелъ. Не отрицаю и значенія его выводовъ, но мнѣ кажется, что военныя явленія начала войны протекали въ иныхъ матеріальныхъ и духовныхъ условіяхъ, чѣмъ въ настоящее время. Выводы его были правильны для войскъ и условій перваго періода, для настоящихъ же нуженъ какой то коэффиціентъ.

Разговаривая вечеромъ съ Михаиломъ Васильевичемъ, я высказался, что VI и XXVII корпуса полезно было бы придержать для сѣвера, не отправляя ихъ на южный участокъ фронта. Михаилъ Васильевичъ съ этимъ не согласился. Я стараюсь доказать, что не слѣдуетъ такъ близко подводить къ борющимся Гвардейскій, II и VI Сиб. корпуса. Мнѣ доказываютъ, что опытъ войны указываетъ на обратное. Противъ такихъ фактическихъ доводовъ возражать не могу, но остаюсь при своемъ. Я не вижу, по крайней мѣрѣ на нашихъ фронтахъ за истекшее время, чтобы пріемы управленія въ чемъ либо потерпѣли крупное измѣненіе и, наоборотъ, считаю, что современный бой съ его огнемъ и силой сопротивленія требуетъ особо тщательнаго примѣненія расчета и проявленія выдержки. Подводить свѣжія части близко къ борющимся и преждевременно подвергать ихъ вліянію боя, а съ другой стороны соблазну со стороны частныхъ начальниковъ воспользоваться ими, не слѣдуетъ. Передъ нами факты вырыванія изъ вѣдома главнокомандующаго такихъ резервовъ, съ трудомъ имъ накапливаемыхъ. Вотъ сегодня ген. Эвертъ телеграммой проситъ главнокомандующаго позволить ему распорядиться одной дивизіей VI сиб. корпуса. Такъ какъ мы

были окружены разнымъ начальствомъ, то Михаилъ Васильевичъ протянулъ мнѣ телеграмму для прочтенія. Возвращая ее, я могъ только сказать: „нѣтъ, нѣтъ“. Поздно вечеромъ дивизію разрѣшили взять.

На 24 іюня назначенъ былъ отходъ II арміи — сейчасъ же попросили отложить: уборка декавильки, увозъ мѣди и машинъ, призывъ рабочихъ отъ населенія, назначенный на 25 іюня. Насколько отложили — не знаю.

24 іюня. Великій Князь 22 іюня два раза подходилъ къ вопросу держать ли Новогеоргіевскъ или очистить его? Послѣ упраздненія въ 1910 г. оборонительныхъ устоевъ Вислы — крѣпостей Варшавы, Зегржа и Ивангорода, а въ 1912—13 г. г. взрыва бетонныхъ построекъ Варшавы, Новогеоргіевскъ потерялъ свое военное значеніе. Первоклассный по системѣ, одинъ, въ сторонѣ отъ главнѣйшихъ путей, онъ являлся лишь опорнымъ пунктомъ и, при нашихъ условіяхъ, Ивангородъ, можетъ быть, имѣлъ большее значеніе, хотя тактически былъ слабѣе. Но Новогеоргіевскъ не былъ разжалованъ, а наоборотъ усиливался инженерно. Съ моей точки зрѣнія, обѣ крѣпости являлись, въ нашихъ условіяхъ, поддержкой, при вынужденномъ отходѣ на востокъ. Однако, предусмотрѣть условія, въ которыхъ отходъ можетъ совершиться, нельзя, а потому не исключаю, что силой обстоятельствъ мы вынуждены будемъ оборонять ихъ, помимо нашего желанія, и къ этому надо подготовиться.

Михаилъ Васильевичъ прекрасно знаетъ это; знаетъ, что вопросы эти требуютъ заблаговременнаго рѣшенія, что они сложны и послѣдствія рѣшенія чрезвычайно важны. Дѣло не въ Варшавѣ и Вислѣ, даже не въ Польшѣ, а въ арміи. Противникъ знаетъ, что у насъ нѣтъ патроновъ и снарядовъ, а мы должны знать, что не скоро ихъ получимъ, а потому активно дѣйствовать мы не въ силахъ, и поэтому, чтобы сохранить Россіи армію, должны ее вывести отсюда. Массы, къ счастью, это не понимаютъ, но въ окружающихъ чувствуется, что назрѣваетъ что то неладное. Надежда удержаться насъ не оставляетъ, ибо нѣтъ яснаго сознанія, что пассивное удержаніе нашего положенія, само по себѣ есть одно горе при отсутствіи боевого снабженія.

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ протекаетъ творческая работа главнокомандующаго и помочь ему нельзя, ибо рѣшенія должны исходить отъ него.

Успѣхи въ IV арміи нѣсколько окрылили насъ и мысль, что не бросимъ Вислу и, быть можетъ, пополнившись, въ состояніи будемъ дѣйствовать активно, какъ будто оживилась. Таковъ смыслъ того, что вечеромъ, гуляя по полямъ, высказалъ мнѣ Михаилъ Васильевичъ. Но его безпокоитъ предположеніе, что противникъ притаился и пока бездѣйствуетъ.

Если намѣченное мной выше рѣшеніе о необходимости вывода нашихъ армій для защиты Россіи, могло бы быть опредѣленно принято раньше, скажемъ въ маѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы въ настоящее время не находились бы примѣрно въ томъ же по-

ложенiи или близкомъ къ нему. Но, какъ замѣчено выше, борьба велась бы въ частностяхъ по иному и вся подготовка была бы, вѣроятно, также иная. Настроенiе массы должно было быть поддержано въ духѣ защиты Польши, но операцiи, ведомыя сверху, должны были стремиться къ благопрiятному отводу нашихъ силъ за З. Бугъ.

Естественно, что вся работа была бы иная. Но мы затуманены нѣсколько опытомъ войны первыхъ мѣсяцевъ, возможностью дольше держаться за укрѣпленiями. На мои заявленiя, что нельзя такъ близко подводить корпуса, направляемые главнокомандующимъ къ боевымъ участкамъ, нельзя преждевременно подвергать ихъ впечатлѣнiямъ боя и соблазну со стороны командующихъ армiями ими воспользоваться, мнѣ говорятъ, что опытъ войны указалъ на обратное. Спорить противъ такого аргумента, не испытавъ на себѣ этотъ опытъ, нельзя. Меня онъ, однако, не убѣждаетъ, тѣмъ болѣе, что сегодняшнiя условiя не тѣ, что въ началѣ войны. Но во всякомъ случаѣ, то, что дѣлается главнокомандующимъ, идетъ на усиленiе тѣхъ участковъ, которые важны вообще, а для данной минуты въ особенности. Къ усиленiю Бобрскаго участка еще не подошли, но прiйдемъ, лишь бы не поздно.

25 Iюня. Вчера въ 12 часовъ, М. В. Алексѣевъ попросилъ меня поѣхать въ Новогеоргiевскъ и вмѣстѣ съ комендантомъ выяснить, можно ли оттуда все вывезти. Мысль эта сидѣла у него и раньше. Около часа дня я ушелъ отъ него, такъ какъ къ нему прiѣхалъ Великiй Князь Андрей Владимировичъ. По пути заѣхалъ къ командующему I армiей ген. Литвинову, а съ 5 часовъ занялся съ ген. Бобыремъ. Сегодня утромъ осмотрѣли фортъ № XV и Чарневскiй опорный пунктъ.

Какъ ни бѣденъ Новогеоргiевскъ, но чтобы вывезти главное, необходимо около 200 поѣздовъ.

Главное затрудненiе, однако, въ нагрузкѣ, въ неустройствѣ желѣзнодорожныхъ станцiй, трудности подхода къ нимъ, въ особенности правобережныя станцiи. Учрежденiя крѣпости и форты съ желѣзнодорожными станцiями не соединены желѣзнодорожными путями; подходъ къ станцiямъ затруднителенъ и узокъ, а станцiи тѣсны. Перевозочныхъ средствъ въ крѣпости мало.

Разсчитывать на 7 паръ поѣздовъ нельзя, слѣдовательно для вывоза потребуется много времени. При близости противника вывозъ имущества пройти незамѣченнымъ не можетъ, да и сохранить приступъ къ нему въ секретѣ нельзя. До очищенiя крѣпости отъ главнаго, I и II армiи должны оставаться на мѣстахъ, независимо отъ хода операцiй. Всѣ грузы и эшелоны должны вывозиться по одной колеѣ вдоль Вислы и въ непосредственной близости къ ней. Очистить Новогеоргiевскъ въ короткiй срокъ нельзя, какъ нельзя отдать его и на произволъ судьбы, ибо онъ уже тѣсно слился съ расположенiемъ I и II армiй и влiялъ на устойчивость каждой изъ нихъ.

Въ послѣднiй разъ я былъ въ Новогеогiевскѣ въ 1906—1907

годахъ, руководя крѣпостной поѣздкой офицеровъ генеральнаго штаба, въ которой принимали участіе ген. Алексѣевъ, Величко и Маниковскій. Нѣкоторые выводы и указанія поѣздокъ были приняты при переустройствѣ крѣпости, но обширная площадь передъ центральной оградой, осталась такой же обездленной и открытой, какъ и раньше. Новые форты съ бетонными убѣжищами стоятъ, но окружающее ихъ неустроено и свѣжо.

Матеріалъ и докладъ представилъ сегодня главнокомандующему.

Положеніе Варшавскаго узла на правомъ берегу Вислы, отправленіе многочисленныхъ грузовъ изъ Варшавы на востокъ, не располагаетъ къ возможности вывоза изъ Новогеоргіевска многаго, и мнѣ казалось, что лучше, если Новогеоргіевскъ поможетъ арміямъ, чѣмъ имущество его, на первыхъ же верстахъ, застрянетъ безъ пользы на пути.

28 Іюня. Вчера вечеромъ вернулся изъ Брестъ-Литовска, куда выѣзжалъ, по предложенію главнокомандующаго, 26 іюня.

Что сказать о Брестѣ? Какъ и Новогеоргіевскъ, это неоконченная крѣпость. Не могу ихъ сравнивать въ деталяхъ, такъ какъ Новогергіевска подробно не осматривалъ, а для себя посмотрѣлъ фортъ № XV и опорный пунктъ Чарны.

Брестскія работы имѣютъ свои особенности и отпечатокъ, непохожій на работы въ Ивангородѣ и Ковно. Брестъ сильнѣе ихъ долговременными постройками, но на западномъ отрѣзѣ онѣ далеко не закончены. Работа идетъ теперь надъ возведеніемъ передовыхъ и промежуточныхъ позицій, Имѣя въ своемъ распоряженіи всего 3 инженерныхъ офицера, ген. Лаймингъ, комендантъ крѣпости, не можетъ дать работамъ должнаго развитія. На передовыхъ позиціяхъ преобладаютъ сомкнутыя начертанія, взаимно связанныя; промежутки — непрерывные гласисы. Непрерывныя проволочныя загражденія поставлены, но не всюду. Профили углубленныя, но мѣстами изъ-за грунта горизонтныя.

Сѣверный фронтъ — полевая позиція, имѣетъ групповой характеръ, съ подавляющимъ преобладаніемъ окоповъ. Слабая сторона — рвы. За малымъ исключеніемъ, надо сказать, что ихъ нѣтъ. Собираются кюветировать въ долговременныхъ. Горжевые рвы имѣютъ, въ главнѣйшихъ, оборону изъ кофровъ. Подъ брустверомъ долговременныхъ, бетонныя галлереи, могущія прикрыть отъ огня большихъ калибровъ, Форты К. и Ж. посильнѣе, Л. послабѣе и его расположеніе на скатѣ къ сторонѣ противника, не смотря на маску, можетъ способствоватъ болѣе удобному его разрушенію. Фортъ № VI къ форту Корощинъ—Кобыляне стоитъ бокомъ. Кремальеръ и отчасти казарма форта Ж. видны отъ направленія Бернады. Форты З. М. В. Г. и Л. — временнаго типа. Старые форты: I получилъ новыя убѣжища, во II, III и IV остались прежнія, № V бетонированъ до войны, а фортъ О. безъ траверсовъ и ходовъ сообщеній, имѣетъ подъ брустверомъ бетонную галлерею, но жить въ ней нельзя. Во-

обще гарнизону жить въ фортахъ будетъ очень тяжко. Электрическое освѣщеніе и вентиляція не вездѣ, а подпочвенная вода выходитъ въ очень многихъ постройкахъ. Теперь кое гдѣ подсохло, но къ осени вода выступитъ.

Мелкихъ убѣжищъ полевого типа очень много и довольно большое развитіе получили постройки для обстрѣливанія преградъ, тыла, отчасти промежутковъ и фланговъ, но перекрестной обороны промежутковъ нѣтъ. Теперь идутъ работы по возведенію на сѣверномъ фронтѣ Скокинскихъ позицій, у Мщенкова, Сах. головы, а равно Добрынскихъ и Неплинскихъ. Сѣверный фронтъ — прежній, дополненный группами Скокинскихъ, Мщенковскихъ и Скрыпченскихъ позицій, отдаляющихъ противника отъ города и узла. Восточный фронтъ — прежній. Волынскій созданъ вновь и выдвинутъ версты на двѣ. Западный фронтъ — больше всего сооруженія выдвинуты въ средней и южной части Тереспольскаго участка: Корощинъ, Кобыляне, Лебедевъ и фортъ И., съ находящимися еще въ работѣ Добрынинскими и Неплинскими позиціями.

Оборона сѣвернаго и западнаго фронтовъ потребуетъ не менѣе 16 батальоновъ. Съ окончаніемъ гласиса между К. и Л., участокъ К.-И. около полка; не менѣе бригады на Волынскій и Кобринскій участки. На остальное не менѣе дивизіи, итого, при минимальномъ подсчетѣ, не менѣе 3 пѣхотныхъ дивизій, не считая остальныхъ родовъ войскъ. Примѣрно это число считаетъ и комендантъ, но полагаю, что должная оборона передовыхъ позицій сѣвернаго и западнаго фронтовъ потребуетъ большихъ силъ, въ виду ихъ значенія и сложности. Съ паденіемъ передовыхъ: сѣвернаго и западнаго, или одного изъ нихъ, внутренность крѣпости и тылы другихъ фронновъ окажутся обнаженными.

Оборона крѣпости держится на передовыхъ позиціяхъ.

Если работы на западномъ отрѣзѣ будутъ закончены, а на это нѣтъ никакой надежды, ибо работы долговременнаго характера потребуютъ не недѣли, а мѣсяцы, Брестъ все таки съ должнымъ гарнизономъ представитъ большую оборонительную силу. Крѣпостей безъ недостатковъ въ дѣйствительности нѣтъ.

Войсковая часть, какъ и въ остальныхъ крѣпостяхъ, не устроенная.

Въ Брестѣ много крѣпостныхъ артиллеристовъ, есть запасныя и ополченскія части, но послѣднія не гарнизонъ для такого сложнаго сооруженія. Природное значеніе Бреста очень велико, но для борьбы, какъ крѣпости, онъ не готовъ не только въ войсковомъ, но и въ инженерномъ, артиллерійскомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Помѣщающіеся въ Брестѣ большіе склады при соотвѣтственномъ войсковомъ его устройствѣ, позволили бы организовать борьбу на сравнительно долгій срокъ и отвлекли бы непріятельскія силы и артиллерійскія средства.

Будь полоса Бѣлостокъ—Брестъ подготовлена, возможно, что дальнѣйшее проникновеніе противника на ней и будетъ остановлено.

Теперь, съ неоконченіемъ работъ на западномъ и сѣверномъ отрѣзахъ крѣпости, неопредѣленности войскового ея положенія, оцѣнка крѣпости иная. Дадутъ ли намъ наши противники два или три мѣсяца?

Ф. Ф. ПАЛИЦЫНЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Полковая артиллерія, ея значеніе и примѣненіе.*)

Оригинальной особенностью войнъ начала XX-го столѣтія является, между прочимъ, не только введеніе новыхъ — невѣроятныхъ по своему могуществу — средствъ борьбы, но и возрожденіе старыхъ, но конечно въ измѣненной болѣе совершенной технической формѣ.

Все хорошо позабытое, всегда становится новымъ.

Японская война 1904 года вызвала примѣненіе какъ-бы новаго оружія — ручныхъ гранатъ, забытыхъ до того на протяженіи болѣе ста лѣтъ, а послѣдняя міровая 1914-го года — примѣненіе огня, выбрасываемаго особыми аппаратами — видоизмѣненіе древне-греческаго огня и танковъ — этихъ видоизмѣненныхъ слоновъ древнихъ, назначавшихся, главнымъ образомъ, для прорыва боевого порядка непріятеля.

Позабытымъ съ начала 19-го столѣтія, со временъ Императора Александра I-го, средствомъ борьбы — ввиду выдѣленія графомъ Аракчеевымъ артиллеріи въ особый самостоятельный родъ оружія, — является и полковая артиллерія.

Опытъ послѣдней міровой войны, а затѣмъ и гражданской въ Россіи, показалъ необходимость возсозданія прежней полковой артиллеріи.

Для того, чтобы рельефнѣе выявить эту необходимость, разсмотримъ, какія-же задачи въ современной войнѣ предъявляются для разрѣшенія артиллеріи.

Вообще говоря, во всякаго рода бояхъ артиллеріи представляются для разрѣшенія слѣд. задачи: 1) всемѣрно ослабить матеріальныя и моральныя силы противника: она должна продвигать впередъ свою пѣхоту, путемъ уничтоженія или, хотя-бы, возможнаго ослабленія препятствій, встрѣчающихся на пути ея наступленія; кромѣ того, она должна морально потрясти противника, привести его къ упадку духа, чѣмъ сдѣлать наступленіе нашей пѣхоты болѣе легкимъ, успѣшнымъ и рѣшительнымъ; 2) не дать отойти или возможно дольше задержать отступающаго, разстроеннаго противника, путемъ заградительнаго огня и стрѣльбой по переправамъ, мостамъ и тыламъ непріятеля; 3) увеличить разстройство противника веденіемъ энергичнаго огневого преслѣдованія; 4) способствовать обезпеченію нашихъ войскъ отъ охвата и ближняго обхода и 5) обезпечить наши войска отъ производства противникомъ воздушной развѣдки, а затѣмъ и отъ дѣйствія

*) Перепечатка и переводъ воспрещаются.

его воздушныхъ силъ. Сообразно съ указанными задачами, должна быть организована и войсковая артиллерія.

Какими-же средствами она должна обладать?

Нашей артиллеріи придется имѣть дѣло прежде всего съ арттиллеріей противника, которая явится наиболѣе серьезнымъ препятствіемъ при продвиженіи впередъ нашей пѣхоты.

Артиллерія противника, какъ показалъ опытъ минувшей великой войны, можетъ быть крайне могущественна, въ особенности при войнѣ позиціонной, имѣющей нынѣ характеръ крѣпостной войны, когда артиллерія противника установлена въ прочно казематированныхъ постройкахъ и имѣетъ крупнѣйшіе калибры до 16 дюймовъ включительно.

Кромѣ того, нашей артиллеріи придется разрушать и прочныя сооруженія изъ бетона — убѣжища для пѣхоты, укрытыя $1^1/_2$—2 саж. земли и прочные блокгаузы въ крѣпостяхъ, укрѣпленныхъ узлахъ и оборонительныхъ полосахъ и уничтожать значительныя искусственныя препятствія.

Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей, намъ необходимо имѣть, такъ называемую, осадную артиллерію крупныхъ калибровъ. Въ минувшую великую войну у насъ примѣнялись для горизонтальныхъ цѣлей гаубицы 12 дм. Обуховскаго завода или 12 дм. Виккерса и для вертикальныхъ цѣлей 10 дм. береговыя пушки, пушки 6-дюймовыя осадныя скорострѣльныя Шнейдера или 6-дюймовыя Канэ, а у германо-австрійцевъ 42-сантиметровыя гаубицы (16 дм.) и 16-дюймовыя пушки.

Конечно, въ предвидѣніи прогресса техеики артиллерійскаго дѣла, желательно имѣть на вооруженіи, уже теперь, болѣе могущественныя орудія, чѣмъ приведенныя выше.

Само собою разумѣется, что всѣ эти орудія должны быть тракторныя, дабы имѣть извѣстную подвижность.

Это будетъ армейская артиллерія, для веденія позиціонной борьбы и осады укрѣпленныхъ пунктовъ и полосъ, придаваемая по одной осадной артиллерійской бригадѣ на армію. Эта осадная артиллерійская бригада должна быть снабжена достаточнымъ количествомъ орудій для веденія вполнѣ успѣшной борьбы на фронтѣ одной арміи и должна быть снабжена достаточнымъ количествомъ зенитныхъ орудій, для борьбы съ воздушнымъ флотомъ противника.

Считая въ составѣ арміи четыре корпуса, при чемъ три изъ нихъ расположенными въ боевой линіи и одинъ въ резервѣ, — получимъ нормальную величину фронта арміи до 40 верстъ, на которомъ и должна будетъ дѣйствовать одна осадная артиллерійская бригада, сила и составъ которой должны быть соображены съ величиной указаннаго фронта.

Само собою разумѣется, что для осады укрѣпленныхъ линій, полосъ и пунктовъ, быть можетъ, придется сосредоточивать и двѣ и три бригады, за счетъ армій, которыя въ этотъ періодъ времени,—

по условіямъ обстановки, — смогутъ обойтись безъ столь мощной артиллеріи.

Въ обычной полевой, не позиціонной, войнѣ, намъ, — даже при заранѣе укрѣпленныхъ позиціяхъ, — придется сталкиваться съ артиллеріей противника уже меньшихъ калибровъ и казематированной не особенно прочно и уже съ болѣе легкими бетонными постройками и блиндажами.

Для уничтоженія ихъ и для борьбы съ этой артиллеріей понадобится уже и болѣе легкая и болѣе подвижная артиллерія, а именно: 5—6-дюймовыя пушки и гаубицы.

Это будетъ тяжелая корпусная артиллерія, для примѣненія на томъ участкѣ или участкахъ фронта корпуса, гдѣ это будетъ особенно полезно и нужно.

По опыту минувшей войны, можно сказать, что для армейскаго корпуса нормальнаго состава, изъ 3-хъ трехъ бригадныхъ пѣхотн. дивизій, должна быть назначена одна тяжелая артиллерійская бригада — изъ пяти баталіоновъ тяжелой артиллеріи, по двѣ батареи каждый; два баталіона изъ 5-дюймовыхъ англійскихъ пушекъ и три баталіона изъ 6-тидюймовыхъ скорострѣльныхъ полевыхъ гаубицъ. (Лучшія орудія минувшей войны).

Эта тяжелая артиллерійская бригада должна постоянно и прочно входить въ составъ армейскаго корпуса и носить его номеръ.

Никакія ея откомандированія отъ корпуса, хотя-бы и временнаго характера, конечно ни въ коемъ случаѣ недопустимы.

Такимъ образомъ, каждый армейскій корпусъ долженъ быть снабженъ 40-ка тяжелыми орудіями, изъ коихъ 24 гаубицы — для разрушенія прочныхъ сооруженій, блиндажей и окоповъ и для борьбы съ артиллеріей, — и 16-ть пятидюймовыхъ англійскихъ пушекъ, для борьбы съ артиллеріей и для обстрѣла значительнныхъ въ боевомъ отношеніи цѣлей въ тылу противника.

Для разрушенія полевыхъ окоповъ, блиндажей безъ прочнаго бетона, для разрушенія особо прочныхъ искусственныхъ препятствій, для борьбы съ легкой полевой артиллеріей противника и для стрѣльбы по живымъ цѣлямъ, необходимо имѣть сравнительно легкія и достаточно могущественнаго дѣйствія 48-линейныя русскія гаубицы. (Въ Восточной Пруссіи, въ первое время войны, съ достаточнымъ успѣхомъ, замѣняли не имѣющуюся у насъ тяжелую артиллерію).

Гаубичный артиллерійскій полкъ изъ 3-хъ баталіоновъ*), (дивизіоновъ) по 2 батареи каждый, на трехъ бригадную пѣхотную дивизію (24 гаубицы) явится вполнѣ достаточнымъ количествомъ этого рода артиллеріи.

Для борьбы съ неказематированной артиллеріей, для уничтоженія пулеметныхъ гнѣздъ, искусственныхъ препятствій полевого типа

*) Въ военной терминологіи не должно быть похожихъ легко смѣшиваемыхъ названій а потому считаю, что вмѣсто „дивизіонъ“ лучше говорить „баталіонъ“, артиллеріи. Общность названій будетъ способствовать и уменьшенію антагонизма между родами войскъ, столь развитомъ въ русской арміи.

и для стрѣльбы по живымъ цѣлямъ. открытымъ или стрѣляющимъ изъ-за бруствера, необходимо имѣть 3″ легкую полевую артиллерію.

На каждую трехъ-бригадную пѣхотную дивизію вполнѣ достаточно имѣть бригаду легкой полевой артиллеріи, изъ трехъ баталіоновъ (дивизіоновъ) легкой артиллеріи по три четырехорудійной батареи каждый, а всего, слѣдовательно, 36 легкихъ 3″ пушекъ.

Такимъ образомъ мы получаемъ дивизіонную артиллерію, состоящую: изъ гаубичнаго артиллерійскаго полка, вооруженнаго 48″ русскими гаубицами (24 полевыхъ гаубицы) и бригады легкой полевой 3″ артиллеріи (36 легкихъ орудій).

Въ будущихъ войнахъ надо ожидать примѣненія колоссальныхъ воздушныхъ боевыхъ силъ. Понятно, что борьба съ ними должна вестись главнымъ образомъ воздушнымъ флотомъ, но, кромѣ того, и огнемъ наземныхъ зенитныхъ батарей.

Дѣйствительно, непріятельскіе летательные аппараты могутъ иногда появиться совершенно внезапно, даже и при самомъ бдительномъ наблюденіи и развѣдкѣ. Если наземныхъ зенитныхъ батарей не будетъ, то вражескіе аэропланы совершенно безнаказанно произведутъ свою разрушительную работу и, возможно, исчезнутъ раньше, чѣмъ появится нашъ воздушный флотъ.

При наличности-же зенитной артиллеріи, непріятельскія воздушныя силы будутъ осторожнѣе и менѣе рѣшительными въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ каждомъ баталіонѣ (дивизіонѣ), какъ тяжелой артиллерійской бригады, гаубичнаго артиллерійскаго полка, такъ и легкой артиллерійской бригады, долженъ быть еще зенитный взводъ изъ двухъ зенитныхъ пушекъ для дѣйствія по воздушнымъ силамъ противника.

Каждый такой взводъ, занимая позицію въ раіонѣ расположенія своего баталіона (дивизіона), будетъ имѣть единственное, специальное назначеніе: обезпечить свою артиллерію и войска отъ дѣйствія аэроплановъ непріятеля. Всего въ армейскомъ корпусѣ будетъ: 10 зенитныхъ пушекъ тяжелой артиллерійской бригады, 18 зенитныхъ пушекъ гаубичныхъ артиллерійскихъ полковъ и 18 зенитныхъ пушекъ легкихъ артиллерійскихъ бригадъ, а всего 46 зенитныхъ орудій на фронтѣ корпуса въ 14 верстъ, что дастъ возможность имѣть сильный зенитный огонь.

Подводя итогъ корпусной и дивизіонной артиллеріи, мы увидимъ, что каждый арм. корпусъ, въ составѣ трехъ трехбригадныхъ пѣхотныхъ дивизій, — всего въ составѣ 81 баталіона пѣхоты, — по требованію нынѣшней теоріи и практики военнаго дѣла нормально долженъ быть, примѣрно, снабженъ:

1) Тяжелой артиллерійской бригадой, состоящей изъ 16-ти 5-тидюймовыхъ англійскихъ пушекъ, 24-хъ 6-дюймовыхъ скорострѣльныхъ полевыхъ гаубицъ и 10 зенитныхъ пушекъ; всего 40 тяжелыхъ орудій и 10 зенитныхъ.

2) Тремя гаубичными артиллерійскими полками (по числу трехъ

дивизій), съ 72-я 48-линейными полевыми гаубицами и 18 зенитными орудіями.

3) Тремя артиллерійскими бригадами (по числу трехъ дивизій) съ 108-ью легкими и 18 зенитными орудіями.

Желательно, кромѣ того, имѣть еще одну отдѣльную зенитную батарею, въ восемь орудій, при штабѣ корпуса, какъ для увеличенія глубины зенитнаго огня, такъ и для обезпеченія штабовъ корпуса и дивизій отъ воздушныхъ атакъ противника. По одному зенитн. взводу — 2 зен. ор. — на каждый штабъ. Кромѣ того, на случай позиціонной войны, въ составъ армейскаго корпуса долженъ входить траншейный артиллерійскій батальонъ, снабженный траншейными орудіями, минометами и бомбометами (въ добавокъ къ ротнымъ бомбометамъ) для снабженія и обслуживанія ими всѣхъ частей корпуса.

Казалось-бы, что армейскій корпусъ, снабженный столь многочисленной и разнообразной артиллеріей, вполнѣ успѣшно разрѣшитъ всякую боевую задачу и уже не будетъ нуждаться болѣе ни въ какихъ добавленіяхъ, въ видѣ какой-бы то ни было артиллеріи.

Дѣйствительно, для разрушенія солидныхъ матеріальныхъ препятствій и для дѣйствія противъ артиллеріи противника, имѣются 6 дюймовыя и 48 линейныя полевыя гаубицы; эти могучія орудія, имѣя снаряды, снаряженные большимъ количествомъ взрывчатаго вещества, производятъ и большое моральное воздѣйствіе при стрѣльбѣ по живымъ цѣлямъ.

Для борьбы съ артиллеріей противника имѣются 5 дюймовыя англійскія пушки и 3-хъ дюймовыя полевыя; для стрѣльбы по тыламъ — 5 дюймовыя англійскія пушки и для разрушенія не особенно сильныхъ искусственныхъ препятствій полевого типа и стрѣльбы по живымъ цѣлямъ, имѣется 3-хъ дюймовая скорострѣльная полевая пушка.

Итакъ, какъ будто, никакого добавленія какой-либо другой артиллеріи совершенно не нужно.

Однако, если мы дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ протекаетъ бой, то увидимъ, что приведенной выше артиллеріи не достаточно.

Мы знаемъ, что для достиженія болѣе быстраго и полнаго результата при совершеніи какой-либо работы необходимо раздѣленіе труда.

Это положеніе неоспоримо и справедливо во всѣхъ областяхъ; справедливо оно и въ военномъ дѣлѣ.

Для успѣшнаго веденія боя необходимо также раздѣленіе труда артиллеріи, предоставляя каждому роду орудій вполнѣ опредѣленную работу, только послѣ окончанія которой, этотъ родъ артиллеріи приходитъ на помощь другому, еще не успѣвшему справиться съ данной ему задачей.

Съ самаго начала боя главнымъ препятствіемъ продвиженію нашей пѣхоты явится артиллерія противника.

Погасить или, во всякомъ случаѣ, возможно болѣе ослабить ея огонь, явится первѣйшей и главнѣйшей задачей нашей артиллеріи.

Исключительно для борьбы съ артиллеріей противника необходимо назначить сразу всѣ 5 дюймовыя англійскія пушки и всю легкую 3-хъ дюймовую артиллерію, дабы скорѣе заставить замолчать артиллерію противника и этимъ дать возможность нашей пѣхотѣ двинуться впередъ. Но надо еше расчистить, приготовить дорогу для этого движенія.

Всѣ 6-ти дюймовыя скорострѣльныя и 48-ми линейныя полевыя гаубицы назначаются для выполненія этой задачи. Разрушая окопы, блиндажи, пулеметныя гнѣзда и другія постройки, эти орудія одновременно рѣшаютъ еще и другую задачу, а именно, потрясаютъ противника морально, содѣйствуя упадку его духа. При встрѣчномъ боѣ, 6-ти дюймовыя и часть 48 линейныхъ гаубицъ назначаются совмѣстно съ 5-ти и 3-хъ дюймовыми пушками для борьбы съ артиллеріей противника, ибо препятствій, которыя нужно было-бы разрушать въ данномъ случаѣ, не будетъ, а часть 48-ми линейныхъ гаубицъ и для стрѣльбы по живымъ цѣлямъ.

Занятая рѣшеніемъ этихъ задачъ, указанная выше артиллерія не можетъ отвлекаться, безъ значительнаго ущерба для дѣла, отъ прямого своего назначенія, не можетъ переносить, хотя бы временно, огня ни на подвижные пулеметы, ни на живыя цѣли непріятеля.

Назначеніе части батарей для стрѣльбы по этимъ цѣлямъ, только ослабитъ нашу артиллерію въ борьбѣ съ артиллеріей противника; въ этомъ случаѣ, мы получимъ только оттяжку рѣшенія, ибо и нашъ огонь противъ артиллеріи противника будетъ недостаточно силенъ, да и огонь только нѣсколькихъ нашихъ батарей по пулеметамъ и живымъ цѣлямъ непріятеля будетъ слабъ и окончательнаго результата не дастъ.

Такое ослабленіе нашей артиллеріи борьбы, хотя-бы и кратковременное, можетъ быть даже для насъ роковымъ, ибо артиллерія противника, пользуясь этимъ, можетъ, дѣйствуя сосредоточеннымъ огнемъ взять верхъ надъ нашей артиллеріей и привести ее къ молчанію.

6-ти дюймовыя и 48-ми линейныя гаубицы также не могутъ до окончанія своихъ задачъ переносить своего огня на другія цѣли.

Можетъ случиться, что наша артиллерія борьбы заставитъ замолчать артиллерію противника; тогда главное препятствіе къ продвиженію нашей пѣхоты будетъ устранено, но, не смотря на это, ее нельзя будетъ двинуть впередъ, такъ какъ окажется, что гаубицы, перенося свой огонь на другія цѣли, не успѣли надлежащимъ образомъ къ нужному моменту подготовить, расчистить дорогу для движенія нашей пѣхоты. Зенитныя орудія, какъ орудія узкой спеціальности, должны быть заняты исключительно борьбой съ воздушными силами противника.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что вся, имѣющаяся на вооруженіи корпуса артиллерія, должна рѣшать свои особыя задачи и задачи кардинальной важности и не можетъ, въ это время, отвле-

каться ни стрѣльбою по наступающимъ живымъ цѣлямъ, ни по подвижнымъ пулеметамъ противника, сопровождающимъ свою пѣхоту и продвигающимъ ее впередъ, ни по какимъ либо другимъ цѣлямъ. Исключеніемъ является переносъ огня для устройства баража противъ танковъ противника, двигающихся для прорыва нашего фронта, какъ противъ фактора, могущаго сразу рѣшить судьбу боя.

Для всего этого должна назначаться особая полковая артиллерія. Въ каждомъ пѣхотномъ полку должна быть полковая батарея, — прочно входящая въ его составъ,—такъ-же, какъ напримѣръ, пулеметная команда.

Эта батарея дѣлится на три взвода, по одному на баталіонъ, входящему неотъемлемо въ составъ этого баталіона и работающему всегда только съ нимъ, подчиняясь всецѣло его командиру. Эта батарея никуда и никогда выдѣляться отъ полка не должна и дѣйствуетъ всегда только и исключительно въ составѣ своего полка.

Для того-же, чтобы эта неотдѣлимость отъ полка была бы ясна для всякаго и внѣшне, — полковые артиллеристы, числясь по артиллеріи, должны носить точную форму своего пѣхотнаго полка и его номеръ, имѣя лишь установленные для артиллеріи отличительные знаки.

При дальнѣйшемъ движеніи по службѣ, полковые артиллеристы, имѣя производство по артиллеріи, переходятъ въ части легкой полевой артиллеріи.

Чтобы рѣшить вопросъ, какое-же орудіе должно состоять на вооруженіи полковой артиллеріи, разсмотримъ подробнѣе какія именно задачи она должна рѣшать.

Въ періодъ борьбы артиллеріи и подготовки дороги для нашей пѣхоты, — полковой артиллеріи придется, какъ сказано выше, бороться противъ подвижныхъ, надо ожидать многочисленныхъ пулеметовъ противника; кромѣ того, ей придется своимъ огнемъ остановить движеніе непріятельской пѣхоты, стремящейся, подъ покровительствомъ своихъ пулеметовъ, продвинуться впередъ. Эта первая ея задача.

Затѣмъ, своимъ огнемъ, она должна продвинуть нашу пѣхоту впередъ, увеличивая или заканчивая разрушенія, сдѣланныя нашей артиллеріей въ искусственныхъ препятствіяхъ непріятеля.

Возможно, что противникъ будетъ пытаться охватить нашъ флангъ или совершить ближній обходъ. Обезпеченіе отъ этого нашихъ войскъ также явится прямой задачей полковой артиллеріи.

Кромѣ того, необходимо, чтобы на позиціи фланговыя батареи легкой артиллеріи назначались бы для обезпеченія отъ охвата и ближняго обхода нашихъ войскъ; каждая такая батарея, становясь на общую артиллерійскую позицію, должна оборудовать запасный наблюдательный пунктъ и намѣтить позицію для стрѣльбы въ направленіи подъ угломъ до 90 градусовъ отъ направленія стрѣльбы прочей артиллеріи; на этомъ наблюдательномъ пунктѣ должны безотлучно

находиться наблюдатели, для наблюденія за нашимъ флангомъ. Батареи, назначенныя для обезпеченія фланговъ ведутъ стрѣльбу вмѣстѣ съ прочей артиллеріей, но когда обнаружится охватъ или обходъ, немедленно мѣняютъ позицію и встрѣчаютъ охватывающаго или обходящаго противника рѣшительнымъ огнемъ.

На такихъ же основаніяхъ должна назначаться одна, двѣ изъ тяжелыхъ батарей для поддержки нашихъ бронепоѣздовъ и для дѣйствій противъ бронепоѣздовъ противника. (Число батарей въ зависимости отъ числа имѣющихся на фронтѣ корпуса желѣзнодорожныхъ линій).

Для выигрыша нашего фланга и для дѣйствій намъ во флангъ и тылъ, противникъ, одновременно съ атакой танковъ съ фронта, можетъ двинуть бронепоѣзда и нѣсколько танковъ или бронеавтомобилей во флангъ.

Наша артиллерія будетъ вести въ это время фронтальный заградительный огонь. Отбитіе этихъ фланговыхъ, очень часто неожиданныхъ, атакъ лежитъ на обязанности полковой артиллеріи.

По занятіи части позиціи противника, полковая артиллерія должна немедленно, вслѣдъ за своей пѣхотой, продвинуться впередъ и, занявъ, по возможности, фланговую позицію, своимъ огнемъ по еще занятой непріятелемъ части позиціи, заставить его ее бросить и отойти, а затѣмъ вести энергичное преслѣдованіе отступающаго.

Если, случайно, въ это время обнаружится стоящая на позиціи или отходящая батарея противника, которую можно будетъ удачно обстрѣлять, то полковая артиллерія немедленно же это и дѣлаетъ. Это исключительный случай стрѣльбы полковой артиллеріи по артиллеріи противника.

Полковая артиллерія, нормально, никогда ни въ какой бой съ артиллеріей противника вступать не должна, дабы себя не обнаружить и не подвергнуть себя опасности быть немедленно же уничтоженной артиллеріей противника.

Подъ прикрытіемъ огня полковой артиллеріи, стрѣляющей по отходящему противнику, войсковая артиллерія, если это явится нужнымъ, продвигается также впередъ и мѣняетъ свои позиціи.

При занятіи, до подхода главныхъ силъ, переправъ, узловъ дорогъ, важныхъ тиктическихъ пунктовъ, въ сторожевомъ охраненіи,— какъ на мѣстѣ, такъ и на походѣ, — наличность полковой, въ сущности батальонной артиллеріи, дастъ нашей пѣхотѣ большую устойчивость и подыметъ ея духъ, ибо она будетъ знать, что при ней всегда ея полковая артиллерія, сжившаяся съ ней, дѣйствующая съ ней нераздѣльно и въ непосредственной съ ней близости.

Яркимъ примѣромъ примѣненія полковой артиллеріи можетъ служить эпизодъ, имѣвшій мѣсто при отходѣ XX армейскаго корпуса изъ Восточной Пруссіи въ концѣ января и началѣ февраля 1915 года.

Тѣснимый со всѣхъ сторонъ шестью германскими армейскими корпусами фельдмаршала Ейхгорна, генераловъ Белова, Литцмана и Фалка, подъ личнымъ руководствомъ фельдмаршала Гинденбурга,

XX армейскій корпусъ къ вечеру 2 февраля оказался въ полномъ тактическомъ окруженіи. Съ утра 3-го, при деревнѣ Махарце, произошелъ блестящій бой частей 29, 27 и 53 пѣхотныхъ дивизій, въ которомъ нѣмцы были разбиты на голову, съ плѣненіемъ болѣе 1500 человѣкъ и взятіемъ 8 орудій и 14 пулеметовъ. Благодаря этому успѣху, XX корпусъ вышелъ изъ перваго тактическаго окруженія и продолжалъ, какъ было приказано, движеніе на Сопоцкинъ.

4-го февраля утромъ было получено донесеніе, что значительныя силы нѣмцевъ опять угрожаютъ флангу двигающейся колонны корпуса. Для задержанія противника, на время пока корпусъ будетъ совершать фланговый маршъ, былъ высланъ къ д. Тоболово баталіонъ 115-го Вяземскаго пѣх. полка подъ командой капитана Вильчинскаго при 2-хъ орудіяхъ 28 артил. бригады, подъ командой поручика Гейхроха. Удачно занявъ позицію при выходѣ на опушку лѣса (событіе происходило въ Августовскихъ лѣсахъ), баталіонъ, благодаря рѣшительному огню своихъ 2-хъ орудій, стоявшихъ почти въ окопахъ своей пѣхоты, — цѣлый день отбивалъ атаки, превосходившихъ его въ нѣсколько разъ, нѣмцевъ и далъ возможность благополучно пройти всему корпусу.

Такъ какъ, не смотря на просьбы капитана Вильчинскаго, ни на посылаемыя приказанія, командиръ 212 пѣх. полка полковникъ Ерофеевъ капитану Вильчинскому, какъ оказалось впослѣдствіи, поддержки не оказалъ, то къ вечеру баталіонъ былъ уничтоженъ.

Капитанъ Вильчинскій былъ смертельно раненъ, оба артиллерійскихъ офицера также были ранены, но не смотря на это сами обслуживали орудія до послѣдняго патрона, такъ какъ потеряли убитыми и ранеными всю прислугу. Баталіонъ погибъ и оставшіеся въ живыхъ около 50 человѣкъ изъ его состава были взяты въ плѣнъ; но погибнувъ, онъ блестяще выполнилъ возложенную на него задачу и главнымъ образомъ потому, что имѣлъ при себѣ артиллерію, выполнившую, въ данномъ случаѣ, обязанность полковой артиллеріи.

Наличность полковой артиллеріи сохранитъ полевую легкую артиллерію отъ нарушенія организаціи и раздробленія, ибо тогда отпадаетъ необходимость выдѣленія орудій для непосредственнаго дѣйствія съ пѣхотой и полевая артиллерія, сохраняясь въ полномъ составѣ, будетъ всегда готова и достаточно сильна для болѣе важной боевой работы*).

Для рѣшенія всѣхъ указанныхъ выше задачъ, орудіе полковой артиллеріи должно обладать слѣдующими качествами:

1) Имѣть достаточно могущественное огневое дѣйствіе, для стрѣльбы по пулеметамъ, живымъ цѣлямъ, бронепоѣздамъ, танкамъ, броне-автомобилямъ и искусственнымъ препятствіямъ.

2) Должно быть скорострѣльно и достаточно дальнобойно;

3) Должно быть мало, легко, подвижно и удобно примѣняться къ мѣстности;

*) Отрицательная черта начальниковъ русской арміи: стремленіе какъ можно болѣе и скорѣе нарушить организац.ю ввѣренныхъ имъ войскъ, созданіемъ всевозможныхъ „сводныхъ" частей и отрядовъ.

4) стрѣлять подъ сравнительно большими углами возвышенія, чтобы имѣть большую досягаемость и быть поэтому неприхотливымъ въ отношеніи выбора позиціи.

Всѣмъ этимъ условіямъ вполнѣ отвѣчаетъ горная 3-хъ дюймовая скорострѣльная русская пушка, образца 1909 г., которой и должна быть вооружена полковая артиллерія.

Тамъ, гдѣ пройдетъ пѣхота — всюду пройдетъ и горное орудіе, входящее въ ея составъ.

Полковая артиллерія должна состоять изъ 3-хъ взводовъ горныхъ орудій (6 пушекъ), по взводу на каждый баталіонъ пѣхоты.

Взводъ полковой артиллеріи неотъемлемо входитъ въ составъ своего баталіона и подчиняется всецѣло его командиру, никогда отъ баталіона не отдѣляется, строясь вмѣстѣ со своимъ баталіономъ (за баталіонной пулеметной командой, ибо должна быть и таковая) и дѣйствуя всегда на боевомъ участкѣ своего баталіона.

Для удобства обученія и хозяйственнаго управленія, эти артиллерійскіе взводы составляютъ пѣшую горную батарею полковой артиллеріи, командиръ которой, является отвѣтственнымъ, какъ за обученіе взводовъ такъ и за ихъ хозяйственную часть.

Боевое обученіе и стрѣльба ведутся исключительно взводами, отнюдь не батареей, дабы не было-бы и мысли отдѣлять взводы — отъ ихъ баталіоновъ и соединять ихъ для дѣйствія цѣлой батареей, что лишитъ полковую артиллерію истиннаго смысла ея назначенія и затруднитъ рѣшеніе задачъ, присущихъ именно полковой артиллеріи.

Во время боя, командиръ полковой артиллеріи озабачивается пополненіемъ потерь офицеровъ и солдатъ и матеріальной части, изъ имѣющейся при немъ хозяйственной части батареи и резерва личнаго состава.

Всѣ полковыя батареи пѣхотной дивизіи, въ техническомъ отношеніи и въ отношеніи спеціальнаго обученія, подчиняются командиру легкой артиллерійской бригады (на правахъ командира неотдѣльной бригады), который и явится начальникомъ всей артиллеріи данной пѣхотной дивизіи.

Ежедневный расходъ снарядовъ въ минувшую великую войну, — даже въ дни подготовки прорыва въ укрѣпленной линіи противника, то-есть въ дни наибольшаго расхода снарядовъ, исчислялся въ среднемъ въ 250 снарядовъ на каждое легкое полевое орудіе. Бои будущихъ войнъ, надо полагать, будутъ еще интенсивнѣе и потребуютъ еще большаго количества снарядовъ. Что интенсивность боевъ прогрессивно увеличивается, это видно хотя-бы изъ сравненія сраженій японской и послѣдней войны.

Исходя изъ этого положенія, надо считать, что дневной комплектъ снарядовъ на каждое орудіе не долженъ быть менѣе 250.

Но орудіе полковой артиллеріи, сопровождая движеніе своей пѣхоты впередъ, не будетъ назначаться для уничтоженія полевыхъ искусственныхъ препятствій, что требуетъ наибольшей траты снарядовъ; они будутъ только доканчивать или уширять проходы, сдѣ-

ланные гаубицами и полевой артиллеріей, а потому расходъ снарядовъ у нихъ будетъ меньше нежели въ полевой артиллеріи.

Можно считать, что на каждое полковое орудіе надо имѣть сто патроновъ, недосредственно при орудіяхъ, и по 88 патроновъ (по одному ящику на орудіе) въ парковой бригадѣ каждой пѣхотной дивизіи.

При надлежащей организаціи и при разумномъ (по взводно) эшелонированіи парковъ, ихъ зарядные ящики въ одинъ день могутъ обернуться по четыре раза, то-есть подвезти по четыре ящика снарядовъ на каждое орудіе, или, считая въ ящикѣ (типа ящика полевой артиллеріи) по 88 патроновъ, смогутъ дать въ день 352 па-

трона, что съ имѣющимися при каждомъ орудіи 100 патронами, дастъ комплектъ въ 452 патрона на каждое полковое орудіе.

Этотъ дневной комплектъ превышаетъ ежедневный расходъ самыхъ интенсивныхъ дней боевъ прошлой войны почти въ два раза, а потому его можно считать вполнѣ достаточнымъ и для боевъ будущей войны.

Для стрѣльбы по танкамъ, бронеавтомобилямъ и бронепоѣздамъ, необходимо имѣть специальную гранату.

Считаю, что изъ общаго числа снарядовъ надо имѣть 50% обыкновенныхъ гранатъ — и 20% бронебойныхъ, такъ какъ этого рода снарядовъ будетъ расходоваться наибольшее число; 15% общаго количества снарядовъ — шрапнели, для стрѣльбы по живымъ цѣлямъ и 15% — газовыхъ гранатъ.

Эти послѣднія необходимы для стрѣльбы по живымъ цѣлямъ, накапливающимся при наступленіи въ лощинахъ, кустахъ и прочихъ мѣстныхъ предметахъ, гдѣ можетъ скопляться газъ.

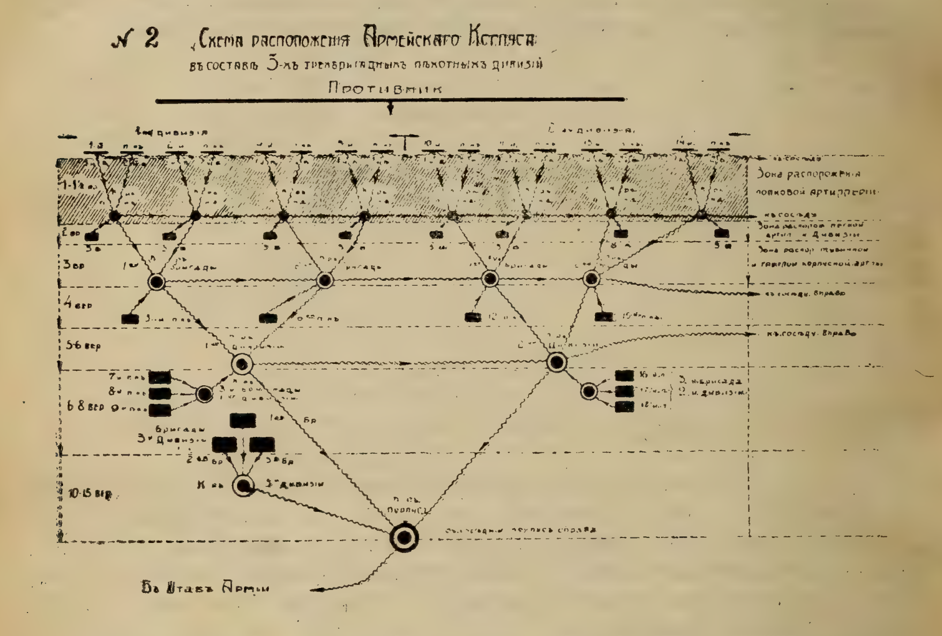
Комбинированная стрѣльба гранатой и газовымъ снарядомъ можетъ дать также весьма хорошіе результаты.

Каждый взводъ полковой артиллеріи долженъ быть снабженъ радіотелефонами и телефоннымъ имуществомъ для оборудованія 5-и линій: (Схема № 1).

1) отъ передового наблюдателя, 2) отъ наблюдательнаго пункта

командира взвода ко взводу, 3) 2 линіи отъ фланговаго наблюдательнаго пункта (на открытомъ флангѣ въ предвидѣньи охвата и ближняго обхода) и кромѣ того, для наведенія линіи отъ командира взвода полковой артиллеріи къ командиру баталіона, въ составъ котораго этотъ артиллерійскій взводъ входитъ.

Въ каждомъ взводѣ полковой артиллеріи должны имѣться, для самообороны, два пулемета Виккерса или Максима. Эти пулеметы располагаются на флангахъ позиціи взвода или внѣ ихъ, примѣрно



въ 40—50 саженяхъ и стараются стать такъ, чтобы прострѣливать перекрестнымъ огнемъ подступы къ позиціи взвода, какъ съ фронта, такъ и съ тыла и имѣть хорошій фланговый обстрѣлъ.

Зона расположенія полковой артиллеріи должна простираться отъ стрѣлковыхъ цѣпей включительно до 1—$1^1/_2$ верстъ отъ нихъ и ни какъ не далѣе. Нормально, надо считать, что въ началѣ боя полковая артиллерія займетъ позиціи въ $^1/_2$ 1 верстахъ отъ линіи нашихъ стрѣлковыхъ цѣпей, а затѣмъ, сообразно съ условіями протеканія боя, будетъ постепенно продвигаться впередъ за своей пѣхотой.

Весьма возможно, что условія мѣстности и вообще обстановка, позволятъ стать полковой артиллеріи сразу на близкую къ противнику дистанцію; подобное благопріятное обстоятельство, конечно, полковая артиллерія должна использовать въ полной мѣрѣ, ибо это произведетъ сразу сильное моральное впечатлѣніе на противника, — въ особенности если онъ не успѣлъ еще развернуть свою артил-

лерію, — задержитъ его развертываніе и этимъ дастъ возможность нашимъ войскамъ атаковать его въ походныхъ колоннахъ.

Въ общемъ, полковая артиллерія должна всегда помнить что она—артиллерія ближняго боя, дѣйствующая непосредственно при своей пѣхотѣ, а потому и должна всегда быть въ возможной, конечно цѣлесообразной, къ ней близости и быть проникнута стремленіемъ двигаться впередъ, для развитія успѣха и поддержки своей пѣхоты.

Изъ схемы №2 расположенія армейскаго корпуса, видно распредѣленіе зонъ расположенія полковой, легкой, гаубичной и тяжелой корпусной артиллеріи.

А. ШАВРОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Спортъ какъ связь арміи съ народомъ.

Стряслась надъ народами еще никогда не бывалая война. Неисчислимыя разрушенія ея поколебали устои государствъ и народовъ, надолго нарушивъ ихъ вѣками устоявшееся міровоззрѣніе.

Всѣ старыя границы нарушены и зачастую чуждыя племена стали жить бокъ о бокъ. Нѣтъ больше той спайки, того взаимнаго довѣрія, того спокойствія въ отношеніяхъ, что раньше. Разбушевавшаяся стихія еще не успокоилась, еще не осѣли тѣ части ея, которыя творили бурю. Всѣ чувствуютъ, что это еще не конецъ, что возможны еще столкновенія, что борьба еще впереди. Никакія лиги мира, никакія конференціи и добрыя услуги сосѣдей не въ силахъ удержать тѣхъ, кому невыгодно имъ подчиняться. Громъ можетъ грянуть вдругъ и неожиданно. Мудры должны быть нынѣшнія правительства. То время, которымъ пользуются нѣкоторые, чтобъ изготовиться къ новой борьбѣ, не должно быть упущено остальными для изготовки своихъ силъ къ встрѣчѣ любого испытанія. Однако, когда почти все разрушено, когда за что ни возьмись, все нужно создавать вновь, естественно, что даже и существенное можетъ быть позабыто.

Что можетъ быть важнѣе народнаго здоровья, его духа, его сплоченности, его силы и связи съ арміей. При наличіи этихъ условій народъ неодолимъ. Однако, силу эту надо создавать, надо выковывать ее постепенно. Она является плодомъ многолѣтнихъ трудовъ и какъ вѣнецъ извѣстнаго воспитанія народа. Одной изъ важныхъ данныхъ въ этомъ вопросѣ является именно укрѣпленіе народнаго здравія въ связи съ поднятіемъ его духа. „Въ здоровомъ тѣлѣ— здоровая душа". Свойства же эти пріобрѣтаются здоровой жизнью и физическими упражненіями. Опытъ показываетъ, что чтобы заставить человѣка упражнять свои мускулы, его необходимо заинтересовать въ этомъ, привлечь къ этой работѣ примѣромъ другихъ, наградами, сознаніемъ получаемой пользы. Лучшимъ для сего средствомъ служитъ спортъ.

Какъ видно изъ опыта многихъ странъ, спортъ при содѣйствіи свыше прививается къ народамъ весьма быстро и приноситъ съ собою неисчислимыя выгоды.

Въ западно-европейскихъ государствахъ, кромѣ Англіи, спортъ до начала нынѣшняго столѣтія былъ развитъ весьма слабо. Но русско-японская война дала могучій толчекъ этому дѣлу. Всѣ увидѣли, что одною изъ важныхъ причинъ успѣха японцевъ была спортивная подготовка ихъ народа и арміи. И вотъ въ короткій срокъ почти

всѣ государства западной Европы, подражая Японіи, наперерывъ обгоняя другъ друга, стали вводить у себя повсемѣстно спортъ и вскорѣ всюду появилось безчисленное множество разныхъ спортивныхъ и стрѣлковыхъ обществъ. Устраивались всенародныя состязанія, Олимпіады; гимнасты и силачи рекламировались во всѣхъ журналахъ. Молодежь такъ и рвалась записаться въ какое нибудь спортивное общество и проявить свое искусство и ловкость. Многіе перестали пить вино, курить, проводить безсонныя ночи ради укрѣпленія тѣла. Мѣстами при посредствѣ спорта стала устанавливаться и связь съ арміей. Однимъ словомъ, спортъ началъ уже приносить благіе плоды и хотя былъ еще распространенъ не въ той мѣрѣ, какъ то желательно, однако во время міровой войны успѣлъ уже принести пользу, особенно въ началѣ ея, когда въ каждую часть попало довольно много спортсменовъ.

Нынѣшнія арміи могутъ быть только народными. Народъ правитъ страною и поддерживается своей арміей. Народъ это стволъ съ корнями, армія его вѣтви, молодые побѣги. Поэтому каковъ народъ, такова и армія, т. е. иными словами, армія есть носительница всѣхъ достоинствъ и недостатковъ своего народа. Это показываетъ, что чѣмъ лучше, чѣмъ воспитаннѣе народъ, тѣмъ совершеннѣе и его армія. Въ революціонной, анархической странѣ нельзя создать хорошей арміи. Наилучшія же войска всегда были и будутъ въ странахъ, гдѣ особенное вниманіе обращено на развитіе въ народѣ трудолюбія, патріотизма и поднятіе его физическихъ силъ. Таковыми въ древности были спартанцы, а въ послѣднее время особенно выдѣлялись японцы и нѣмцы. Маленькая Японія побѣдила Великую Россію, а Германія три года успѣшно боролась со всѣмъ міромъ и нынѣ возстаетъ изъ упадка. Лучшаго примѣра себѣ и представить нельзя. Конечно, мы видимъ, что и Спарта, и Японія, и Германія представляютъ собою страны съ сплошь однороднымъ населеніемъ, такъ что и патріотизмъ ихъ создавался весьма легко и съ ними въ этомъ отношеніи никакъ не могла равняться хотя бы такая страна, какъ бывшая Австро-Венгрія. Но при внимательномъ отношеніи къ дѣлу, при правильномъ курсѣ даже и разныя народности ради общихъ интересовъ могутъ усвоить единое міровоззрѣніе.

Однимъ словомъ, врядъ ли кто станетъ нынѣ теоретически оспаривать аксіому о необходимости, съ точки зрѣнія государственной, самой тщательной подготовки и воспитанія народа въ вышеуказанномъ духѣ. Однако многіе ли дѣлаютъ это теперь на практикѣ?

Между тѣмъ народъ при теперешнихъ короткихъ срокахъ службы именно и нуждается въ такомъ воспитаніи. Именно теперь необходимо, чтобы народъ, поступая въ войска, былъ уже до извѣстной степени подготовленъ къ службѣ, чтобы армія и народъ составляли одно цѣлое, чтобы связь между ними была непрерывна, чтобы это постоянное общеніе сдѣлало армію для народа родной, чтобы онъ видѣлъ въ ней желанную школу для своихъ дѣтей, школу мужества, развитія духа, характера и здоровья. И дѣйствительно, армія, какъ хранительница чести и славы своего народа, и должна быть этой

школой. Въ общей системѣ учебныхъ заведеній государства арміи должно быть удѣлено самое почетное мѣсто.

Если принять къ тому же во вниманіе, что сквозь ряды арміи проходитъ цвѣтъ націи, всѣ лучшіе, всѣ здоровые молодые люди, что молодежь эта прибываетъ въ войска въ возрастѣ около 20 лѣтъ, т. е. въ ту пору жизни человѣка, когда онъ окончательно мужаетъ, развивается физически и проявляетъ наибольшее стремленіе и способность къ укрѣпленію своего тѣла и закаленію характера, что къ этому времени большинство уже закончили свое гражданское образованіе, что многіе изъ нихъ являются сильно переутомленными и ослабленными отъ продолжительныхъ занятій, вслѣдствіе чего крайне нуждаются въ укрѣпленіи своихъ силъ, характера и здоровья передъ тѣмъ, чтобы войти въ новую жизнь, то станетъ понятнымъ и яснымъ, что приведенная выше идея правильна и вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ.

Итакъ, на армію надо смотрѣть не только какъ на вооруженную силу, но въ равной степени, какъ на школу, школу, которая воспитываетъ и создаетъ вооруженный народъ. Правильно поставленная армія и достигаетъ вполнѣ этихъ назначеній. Поэтому ложно смотрѣть на расходы на армію, какъ на непроизводительную трату. Расходы эти не только страховка жизни государства, но, какъ видимъ, и созданіе его духовной мощи. Если трата на школы всѣмъ понятна, если хорошая школа есть первая потребность государства и если правиленъ взглядъ, что только хорошо воспитанный народъ можетъ создать цвѣтущее государство, то слѣдуетъ ли говорить о томъ, что расходы на содержаніе арміи непроизводительны. Кадровый составъ обучающихъ, казармы, обмундированіе, учебныя пособія, продовольствіе, это не то ли же самое, что требуется для школъ.

Территоріальная система комплектованія, принятая уже въ большинствѣ странъ, сама по себѣ создаетъ обстановку, благопріятную для сближенія народа съ арміей. Здѣсь всегда есть возможность повидать своихъ близкихъ и даже поддерживать старыя знакомства. Но этого совершенно недстаточно. Недстаточно, чтобы была связь между отдѣльными людьми, между небольшими группами. Необходимо, чтобы установилось общеніе въ болѣе широкомъ масштабѣ, чтобы цѣлыя части войскъ стали по отношенію къ извѣстной части населенія въ авторитетное положеніе. Надо, чтобы войска импонировали жителямъ не только своимъ наружнымъ видомъ и своимъ значеніемъ въ смыслѣ огражденія порядка и безопасности, но, чтобы въ нихъ всякій видѣлъ и ту семью, въ которой большинству прійдется провести извѣстное число лѣтъ, ту школу, гдѣ онъ будетъ обучаться, крѣпнуть и черпать нравственныя начала жизни, а въ офицерахъ и въ кадровомъ составѣ вообще, почиталъ своихъ будущихъ учителей, наставниковъ и вождей. Для всего этого необходимо, чтобы части войскъ являлись извѣстными центрами и чтобы онѣ принимали постоянно нѣкоторое участіе въ воспитаніи того юношества, которое посупитъ въ ихъ ряды.

Исходя изъ мысли, что армія есть школа физическаго и моральнаго развитія, связь ея съ народомъ должна бы установиться главнымъ образомъ на почвѣ спорта. Связующими же звеньями въ этомъ отношеніи должны бы быть нижеслѣдующія данныя.

Прежде всего части войскъ, разбросанныя по всей территоріи, должны бы служить центрами, вокругъ которыхъ могли бы группироваться создаваемыя повсемѣстно спортивныя и стрѣлковыя общества. Каждое такое общество должно бы быть приписано къ извѣстной опредѣленной части войскъ, причемъ часть эта имѣла бы обязательство поддерживать общество въ его спортивныхъ цѣляхъ на извѣстныхъ основаніяхъ. Затѣмъ части войскъ должны содѣйствовать обществамъ въ организаціи состязаній и всякаго рода спортивныхъ выступленій и, наконецъ, при территоріальной системѣ, всѣ молодые люди, участники спортивныхъ и стрѣлковыхъ обществъ, должны обязательно отбывать воинскую повинность при тѣхъ частяхъ войскъ, къ которымъ ихъ общества были приписаны. Мѣропріятія эти по мѣрѣ развитія и распространенія спортивныхъ обществъ въ короткій срокъ сдѣлали бы свое дѣло сближенія населенія съ арміей.

Первымъ условіемъ, чтобы развить спортъ, нужно создать инструкторовъ, знатоковъ и любителей своего дѣла. Для образованія ихъ необходимо прежде всего организовать одну центральную фехтовально-гимнастическую школу съ двумя отдѣленіями: войсковымъ и гражданскимъ. Первое для подготовки инструкторовъ для частей войскъ, второе для инструкторовъ вольной профессіи. Въ войскахъ кромѣ того при каждой арміи или военномъ округѣ необходимо организовать фехтовально-гимнастическіе курсы для офицеровъ и солдатъ съ цѣлью дать возможно скорѣе въ части войскъ наибольшее число инструкторовъ.

Основою спорта въ частяхъ войскъ должны служить полковыя спортивныя общества. Общества эти организуются на основаніи особыхъ уставовъ и включаютъ лучшихъ гимнастовъ, стрѣлковъ, бѣгуновъ и вообще спортсменовъ всего полка, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Одною изъ задачъ этихъ обществъ является выработка инструкторовъ разныхъ отдѣловъ спорта для обслуживанія ими какъ своей части, такъ и прикомандированныхъ къ ней въ спортивныхъ цѣляхъ учебныхъ заведеній и спотивно-стрѣлковыхъ обществъ.

Основою спорта въ населеніи являются спортивныя и стрѣлковыя общества. Но, какъ показываетъ опытъ, общества эти возникаютъ первоначально довольно туго. Для образованія ихъ долженъ быть данъ толчекъ. Лучшимъ способомъ для сего, какъ видно изъ примѣра большинства западно-европейскихъ государствъ, служитъ распространеніе спорта въ войскахъ и введеніе въ программу всѣхъ учебныхъ заведеній обязательныхъ занятій физическими упражненіями съ организаціей въ каждомъ изъ нихъ своего спортивнаго кружка.

Спортъ въ войскахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, а въ особенности публичныя состязанія ихъ въ короткій срокъ привлекаютъ массу

послѣдователей и подражателей и вотъ тогда то и начинаютъ возникать и развиваться частныя спортивныя общества. Въ этотъ именно періодъ они особенно нуждаются въ поддержкѣ. Тутъ первымъ дѣломъ выясняется, что нѣтъ ни инструкторовъ, ни снарядовъ, ни мѣста для занятій. Вотъ въ этомъ то имъ должно быть оказано содѣйствіе. Въ этихъ видахъ имъ должно быть предоставлено право приписываться къ соотвѣтствующимъ частямъ войскъ и получать отъ нихъ инструкторовъ гимнастики, стрѣльбы и вообще спорта, а также пользоваться войсковыми учебными плацами, манежами, тирами, стадіонами, гдѣ таковые имѣются, ручнымъ оружіемъ и т. д.

Содѣйствіе государства должно заключаться также въ выработкѣ нормальныхъ уставовъ для спортивныхъ и стрѣлковыхъ обществъ и въ поощреніи наилучшихъ спорѣсменовъ призами на ежегодныхъ состязаніяхъ. Затѣмъ, хотя бы первое время, государство должно субсидировать изданіе одного спортивнаго журнала съ тѣмъ, чтобы распространять его въ наивозможно большемъ числѣ экземпляровъ.

Всѣ эти расходы въ общемъ будутъ не велики, а жертвы незначительны въ сравненіи съ той пользой, которая отъ сего возникнетъ. Все это окупится въ самый короткій срокъ сторицею.

Кто присутствовалъ на Олимпіадахъ, кто бывалъ на спортивныхъ состязаніяхъ, особенно же международныхъ, тотъ можетъ свидѣтельствовать до чего бываетъ тамъ высокъ подъемъ духа, до какихъ размѣровъ подогрѣвается патріотизмъ. И чувства эти при посредствѣ телеграфа, разносящаго результаты состязаній, проникаютъ въ самые глухіе уголки, гдѣ только читаются газеты.

Можно съ увѣренностью сказать, что если армія по отношенію къ населенію будетъ поставлена на здравыхъ началахъ какъ школа физическаго развитія и спорта и станетъ какъ таковая центромъ группировки учебныхъ заведеній и спортивныхъ обществъ страны, то весь указанный подъемъ, всѣ наилучшія чувства успѣховъ, вся гордость, весь патріотизмъ, все это ляжетъ въ основу той крѣпкой связи, тѣхъ неразрывныхъ цѣпей, которыя скуютъ народъ съ арміей, сдѣлаютъ ихъ солидарными, единомыслящими и подвинутъ ихъ дружно на всѣ тѣ подвиги, которые отъ нихъ потребуетъ Родина.

А. РОЗЕНШИЛЬДЪ-ПАУЛИНЪ.

Письмо въ редакцію.

М. Г. Г-нъ Редакторъ.

Не откажите помѣстить въ ближайшемъ № „Военнаго Сборника" нижеслѣдующую замѣтку.

На стр. 220 № 4 „Войны и Мира" сдѣлано указаніе: „Им (т. е. трудомъ Г. Борисова „Краткій стратегическій очеркъ войны 1914—1918 г.") исключительно пользовался и Владимир Драгомиров в своей компиляции „Краткій очерк военных дѣйствій русских армій въ Галиціи и Привислинскомъ краѣ въ Августѣ 1914 г., (Воен. Сб. 1922 г. № 2), но выдающій свою работу за оригинальную, упуская ссылку на источник".

Въ моемъ распоряженіи имѣлись №№ „Военнаго Дѣла" за 1918 г., заключавшіе описаніе военныхъ операцій до паденія Львова. Остальныхъ №№ не было. Фактическую часть изложенія я дѣйствительно извлекъ оттуда. Я имѣлъ право это сдѣлать, т. к. трудъ Г. Борисова составлялъ въ свою очередь извлеченіе изъ оффиціальныхъ источниковъ, къ сожалѣнію, лично мнѣ недоступныхъ. Я устранилъ однако изъ описанія Г. Борисова путанное мѣстами изложеніе, а иногда и грубыя ошибки, какъ напр. при описаніи дѣйствій 5-й арміи въ періодъ 16—19 Августа. При этомъ я руководился своими воспоминаніями, иностранными источниками и критической оцѣнкой военныхъ дѣйствій.

Другую фактическую канву для очерка дало мнѣ описаніе Львовской операціи, составляющее приложеніе къ Streffleurs Militär-blatt. Первоначально этотъ трудъ сталъ мнѣ извѣстенъ по книгѣ Штегеманна, широко имъ пользовавшимся. Различныя цитаты, приводимыя въ моемъ очеркѣ, подтверждаютъ пользованіе этими трудами.

Какъ русскій, такъ и австрійскій источники были мною согласованы и дополнены по личнымъ воспоминаніямъ. Въ различныхъ мѣстахъ очерка имѣются указанія, которыхъ ни въ одномъ изъ нихъ найти нельзя.

Такъ обстоитъ дѣло относительно фактической стороны. Отъ исключительнаго пользованія трудомъ Г. Борисова, какъ видно, далеко. Такой-же упрекъ и съ такой-же обоснованностью могъ-бы мнѣ сдѣлать и авторъ австрійскаго описанія. Я его пока не получилъ.

Что касается освѣщенія и оцѣнки событій, составляющихъ главную суть и значительную часть моего очерка, то, какъ-бы Г. Рецензентъ не тщился, онъ не въ состояніи доказать, что въ этомъ

отношеніи существуетъ какое-бы то ни было сходство съ трудомъ Г. Борисова или другими источниками. Я самъ стоялъ въ центрѣ событій, занимая въ мирное время должность начальника штаба Кіевскаго военнаго округа, а съ началомъ войны — начальника штаба 3-й арміи, знаю событія, имѣю свое пониманіе и свой взглядъ на нихъ. Въ „логистикѣ“ и другихъ измышленіяхъ Г.г. Борисовыхъ не нуждаюсь. Я высказалъ свои воззрѣнія, убѣжденъ въ ихъ правотѣ и правильности, хотя онѣ весьма часто не согласуются съ ходячими, плохо освѣдомленными, мнѣніями и болѣе или менѣе пристрастными и претенціозными сочиненіями нѣкоторыхъ историографовъ.

В. ДРАГОМИРОВЪ.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ОТДѢЛЪ.

Наши подводныя лодки во время войны.

Къ сожалѣнію, разразившаяся въ Россіи революція не дала возможности собрать всѣ матеріалы о дѣятельности русскихъ подводныхъ лодокъ и тѣмъ внести въ спеціальную литературу, можетъ быть и небольшой, но во всякомъ случаѣ цѣнный вкладъ. Все, что писалось до сихъ поръ о подводныхъ лодкахъ, все это преимущественно касалось англійскихъ, германскихъ и американскихъ лодокъ, работа которыхъ несомнѣнно была большой, ввиду широкаго для нихъ поля дѣятельности. Но необходимо въ этомъ случаѣ указать, что боевая работа англійскихъ, американскихъ и нѣмецкихъ лодокъ являлась, такъ сказать, вспомогательной, т. к. огромныя надводныя силы играли главную роль въ веденіи морской войны. Что же касается Россіи, то съ начала войны какъ разъ на долю подводныхъ лодокъ выпала тяжелая задача по защитѣ Финскаго залива и береговъ Балтійскаго моря. Надо сказать, что въ самомъ началѣ войны мы не имѣли въ дѣйствительности ни надводнаго, ни подводнаго флота, который могъ бы защищать наши морскія границы. Вновь строящійся флотъ долженъ былъ только только вступать въ строй. Вслѣдствіе этого вся защита Балтійскаго моря легла на 12 устарѣвшихъ подводныхъ лодокъ, нѣсколько десятковъ миноносцевъ и мины загражденія. Командующему Балтійскимъ флотомъ сразу было ясно, что на такія силы можно положиться только, какъ на средства сопротивленія первому натиску непріятеля.

И уже съ перваго момента войны вице-адмиралъ Эссенъ увидѣлъ, какую роль могутъ сыграть подводныя лодки и поэтому онъ все свое вниманіе обратилъ на этотъ родъ оружія. Въ самомъ срочномъ порядкѣ заканчивались заложенныя ранѣе 30 п/л по 650 тоннъ водоизмѣщенія и заказаны были новыя. Всѣ эти лодки были системы Бубнова, т. е. того типа, который вырабатывался и совершенствовался у насъ почти въ теченіи 10 лѣтъ.

Они обладали своими достоинствами и недостатками. Къ числу первыхъ относится хорошее минное вооруженіе (12 мин. апп.) и достаточно быстрое погруженіе, большая емкость баттарей аккумуляторовъ (30—40 тысячъ амп. часовъ), артиллерія (2 76 м/м орудія) и хорошая жизнеобитаемость, а къ числу вторыхъ отсутствіе водонепроницаемыхъ переборокъ и неудобная форма корпуса для форсированія подводныхъ сѣтей. Какъ показалъ опытъ войны несомнѣннымъ преимуществомъ нашихъ подводныхъ лодокъ была залповая минная стрѣльба. Наша лодка могла выпускать по радіу-

самъ или, желаемымъ направленіямъ сразу 10 минъ, что при встрѣчѣ съ флотомъ непріятеля давало много шансовъ на успѣхъ. Къ сожалѣнію, на практикѣ это было только нѣсколько разъ, такъ какъ флотъ непріятеля появлялся чрезвычайно рѣдко, но зато въ большинствѣ случаевъ удачныхъ по своимъ результатамъ. Именно съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія активной борьбы противъ боевыхъ кораблей непріятеля будутъ описаны наиболѣе интересные случаи, имѣвшіе мѣсто за время войны въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ.

Кромѣ стрѣльбы самодвижушимися минами, въ русскомъ подводномъ флотѣ было обращено и большое вниманіе на постановку минъ загражденія съ подводныхъ лодокъ. Въ этомъ отношеніи въ русскомъ флотѣ была проявлена инціатива и еще задолго до войны началъ строиться подводный минный заградитель системы инженера Налетова въ 550 тоннъ водоизмѣщенія, съ 66 минами загражденія и 4 минами Уайтхеда. Хотя это былъ первый опытъ подобнаго корабля и онъ имѣлъ много конструктивныхъ недостатковъ, тѣмъ не менѣе его практическіе результаты были блестящи. Подводный минный заградитель „Крабъ“ послужилъ началомъ для широкаго примѣненія п/л такого типа, хотя и значительно меньшаго размѣра.

Съ началомъ войны въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ начались безпрерывныя крейсерства лодокъ въ морѣ и блокада непріятельскихъ береговъ. Эти крейсерства заключались въ томъ, что лодка уходила на 10—14 дней и держалась обычно въ опредѣленномъ раіонѣ, проводя большую часть сутокъ подъ водой. Въ Балтійскомъ морѣ лодки часто на отдыхъ ложились на грунтъ, въ мѣстахъ, гдѣ это позволяла глубина, и оставались тамъ нужное имъ время, или крейсировали подъ водой, держась самымъ малымъ ходомъ. Особенно велики подводные хода были въ Черномъ морѣ, въ которомъ нѣтъ мѣстъ такой глубины, гдѣ можно было бы лежать на днѣ и поэтому при блокадѣ Босфора и береговъ, лодки проводили подъ водой всю свѣтлую часть сутокъ. Съ разсвѣтомъ начинался подводный ходъ и продолжался до темноты, т. е. такой промежутокъ времени, который, особенно лѣтомъ, равнялся 18—20 часамъ. Длительное пребываніе подъ водой было хорошей тренировкой для личнаго состава, который къ нему привыкалъ и не чувствовалъ тяжести такого состоянія.

Первый заслуживающій вниманія боевой случай произошелъ 21-го мая 1915 года съ п/л „Окунь“ (125 тоннъ водоизм. и 4 аппар. Джеветскаго) въ Балтійскомъ морѣ.

Командиръ „Окуня“ старш. лейтен. Меркушевъ получилъ приказаніе начальника минной дивизіи выйти на позицію передъ входомъ въ Рижскій заливъ съ цѣлью обезпечить проходъ въ проливъ нашимъ миноносцамъ. Но, считая вѣроятнымъ встрѣчу съ противникомъ въ другомъ мѣстѣ, онъ прошелъ на 10 миль дальше на западъ.

Такимъ образомъ „Окунь“ находился въ 30 миляхъ на западъ отъ входа въ Рижскій заливъ, гдѣ и произошла встрѣча съ герман-

скимъ флотомъ, идущимъ на сѣверъ. Германскій флотъ состоялъ изъ 10 линейныхъ кораблей, окруженныхъ миноносцами и шелъ въ строю кильватера, имѣя намѣреніе прорваться въ Рижскій заливъ и атаковать крѣпость Усть-Двинскъ (около Риги).

Вечеромъ, въ 8 ч. 30 мин. п/л „Окунь“ начала атаку, намѣреваясь пройти между линіей охранныхъ миноносцевъ и линейныхъ кораблей. Причемъ, проходя всего въ 15 саженяхъ вдоль борта нѣмецкаго головного миноносца, замѣчена не была. Командиръ хотѣлъ выйти на боевой курсъ, склонился подъ корму головного миноносца, желая развернуться внѣ линіи и атаковать непріятеля. Но вѣроятно въ этотъ моментъ лодка была замѣчена и головной линейный корабль типа „Брауншвейгъ“ вышелъ изъ строя, намѣреваясь таранить „Окунь“. Передъ этимъ лодка была на глубинѣ 50 футъ и командиръ, показавъ перископъ, чтобы оріентироваться, оказался въ этотъ моментъ всего въ 20 саженяхъ отъ тарана непріятельскаго корабля. Командиръ выстрѣлилъ 4 минами. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ корабль таранилъ лодку. Къ счастью для „Окуня“, мины, выпущенные имъ, прошли подъ кораблемъ. Расходясь вѣеромъ въ 10 градусовъ, они направились вдоль колонны линейныхъ кораблей и одна изъ минъ попала въ линейный корабль „Виттельсбахъ“. Взрывъ произошелъ въ тотъ моментъ, когда лодка уже находилась на глубинѣ 90 ф. Поднявшись на 80 ф., командиръ осмотрѣлся. Хотя ударъ былъ очень силенъ, тѣмъ не менѣе въ лодкѣ течи и поврежденій не оказалось. Тогда лейт. Меркушевъ рѣшилъ всплыть и осмотрѣться вокругъ. Ему это сдѣлать не удалось вслѣдствіе того, что непріятельскіе миноносцы то въ одиночку, то группами носились по поверхности, очевидно отыскивая врага и не давали лодкѣ всплыть на поверхность. Какъ оказалось впослѣдствіи, это было къ лучшему, такъ какъ перископъ вслѣдствіе столкновенія былъ согнутъ и увидѣть въ него ничего было нельзя. Между тѣмъ, поднявшись, лодка могла быть протараненной, такъ какъ трудно ожидать возможности второго счастливаго случая. Атака подв. лодки „Окунь“ имѣла огромное значеніе. Кромѣ взрыва линейнаго корабля „Виттельсбахъ“, была сорвана вся операція германскаго флота по прорыву въ Рижскій заливъ.

Второй разъ „Окунь“ встрѣтилъ случайно, 15/28 іюня, германскій крейсеръ типа „Бременъ“, который преслѣдовалъ 16 нашихъ старыхъ миноносцевъ у м. Люзерортъ въ Балтійскомъ морѣ. Лодка оказалась между миноносцами и крейсеромъ, шедшимъ въ это время 23—24 узлами. Въ моментъ, удобный для выстрѣла, носовой горизонтальный рулевой не удержалъ лодки на нужной глубинѣ и выпущенныя въ догонку три мины не попали. Но тѣмъ не менѣе непріятельскій крейсеръ, замѣтивъ мины, повернулъ на Вестъ и ушелъ, оставивъ преслѣдованіе нашихъ миноносцевъ. Подходившій въ это время съ юга германскій крейсеръ „Аугсбургъ“, открывъ лодку, тоже повернулъ на Вестъ. Такимъ образомъ наши миноносцы были спасены.

Къ числу интересныхъ случаевъ съ подводными лодками надо

отнести и плаванiе и боевую работу подводнаго миннаго зградителя „Крабъ“.

Я уже сказалъ выше, что онъ обладалъ большими конструктивными недостатками и кромѣ того еще не успѣлъ закончить свое испытанiе, какъ обстоятельства потребовали его срочнаго выхода въ море. Въ это время выходилъ, только что законченный своей постройкой первый Черноморскiй дреднаутъ „Императрица Марiя“. Онъ еще не плавалъ и не произвелъ артиллерiйскихъ испытанiй, поэтому нежелательно было подвергать его всякимъ случайностямъ. Несмотря на то, что „Крабъ“ еще не былъ готовъ, имъ было получено приказанiе выйти и поставить мины загражденiя въ Босфорѣ, южнѣе входныхъ маяковъ поперекъ всего пролива.

Принявъ почти полный запасъ минъ, всего 60 штукъ и 4 мины Уайтхеда, онъ вышелъ изъ Севастополя, разсчитывая днемъ открыть Босфоръ. Первымъ условiемъ задачи было секретность. Нельзя было быть открытымъ, такъ какъ тогда пропадалъ весь смыслъ операцiи. Поэтому, погрузившись въ 15 миляхъ отъ пролива, чтобы въ сумеркахъ входить въ него, лодка пошла подъ водой, изрѣдка показывая перископъ. Глубина все время мѣнялась командиромъ для практики рулевыхъ, ходъ подъ электромоторами держался не болѣе 4 узловъ. На третьемъ часу подводнаго хода обнаружилась одна изъ самыхъ непрiятныхъ сторонъ этого корабля, которая отзывалась болѣзненно на всемъ личномъ составѣ. Такъ какъ двигатели надводнаго хода работали на керосинѣ, то спустя нѣкоторое время послѣ погруженiя, пары керосина заполнили кормовую часть лодки и начали проникать въ носъ и въ рубку. Становилось непрiятно дышать, керосиновые пары ѣли глаза и изъ нихъ безпрерывно текли слезы, такъ что совершенно невозможно было смотрѣть. Появившаяся у большинства экипажа сильная головная боль и легкое головокруженiе отнимало ясность соображенiя столь необходимое въ такой обстановкѣ. Черезъ нѣкоторое время отъ ужасной ѣдкости паровъ керосина въ кормѣ люди начали терять сознанiе, ихъ обливали холодной водой и они продолжали свое дѣло. Оставалось идти еще болѣе часа, воздухъ и жара становились едва выносимыми. Къ тому же насыщенные керосиновые пары могли воспламениться отъ размыканiя и замыканiя рубильниковъ, тогда положенiе на глубинѣ 70 — 80 футъ было бы совсѣмъ непрiятнымъ, а всплытiе подъ непрiятельскими батареями не обѣщало ничего хорошаго. Но выполненiе задачи было крайне важно, поэтому всѣ напрягали усилiя, чтобы довести дѣло до конца. При входѣ въ проливъ, какъ разъ на курсѣ „Краба“ стояло сторожевое судно, повидимому, старая канонерка. Его ничего не стоило утопить, но гораздо важнѣе было поставить мины незамѣченными, поэтому, погрузившись на 100 футъ, лодка прошла подъ днищемъ непрiятельскаго корабля. Были уже сумерки и хотя послѣднiй разъ перископъ былъ показанъ совсѣмъ близко отъ него, но онъ не замѣтилъ и продолжалъ стоять совершенно спокойно. Выйдя уже по счисленiю на необходимый курсъ для постановки линiи загражденiя, заработалъ элеваторъ и мины по-

очередно съ обоихъ бортовъ выходили изъ минной надстройки. Въ это время глубина была 60 — 70 футъ и ходъ три узла; мины становились въ разстояніи другъ отъ друга около ста футъ и на глубинѣ 14 футъ отъ поверхности. Осталось всего поставить двѣ мины, какъ вдругъ сильный ударъ на глубинѣ 70 футъ потрясъ все судно. Лодка накренилась и потомъ съ большимъ дифферентомъ пошла на глубину; со столовъ и коекъ посыпались вещи и посуда, часть лампочекъ потухла, носовые глубомѣры показывали 150 футъ. Затѣмъ три послѣдовательныхъ удара въ носовой части ясно указали на то, что лодка наскочила на подводную скалу. Продувъ воздухомъ аварійную цистерну, командиръ показалъ перископъ. Было совсѣмъ темно, близко стоялъ маякъ, но за темнотой никто перископа видѣть не могъ и лодка, погрузившись, вновь ушла на глубину. Между тѣмъ, по неизвѣстной причинѣ она не слушалась горизонтальныхъ рулей и рѣзко мѣняла глубины; хотя поврежденій не было обнаружено въ самомъ корпусѣ, но можно было предположить, что повреждены минные аппараты или нос. дифферен. цистерна. Выбросивъ двѣ послѣднія мины, командиръ сначала пошелъ атаковать стоящій турецкій корабль, но не будучи увѣренъ въ цѣлости минныхъ аппаратовъ, рѣшилъ отказаться отъ этого и вышелъ изъ пролива въ море. Невѣроятно тяжелая атмосфера въ лодкѣ принудила всплыть какъ можно скорѣе и очистить воздухъ. Какъ только былъ открытъ рубочный люкъ, люди, потерявшіе сознаніе, были вынесены наверхъ, гдѣ освѣжающій вѣтеръ и чистый воздухъ привелъ ихъ въ чувство.

Первое порученіе, данное „Крабу", было выполнено отлично, выходъ изъ Босфора загражденъ для германо-турецкаго флота и „Императрица Марія" благополучно прибыла въ Севастополь. Спустя три дня послѣ постановки миннаго загражденія, крейсеръ „Бреслау" взорвался на минномъ загражденіи при выходѣ изъ пролива. Это донесеніе было получено отъ секретныхъ агентовъ. Такъ какъ извѣстіе совпадало съ моментомъ постановки минъ „Крабомъ", вполнѣ естественно было предположить, что „Бреслау" взорвался на этомъ загражденіи. Къ сожалѣнію, всѣ послѣдующія событія не дали возможности провѣрить достовѣрность этого предположенія, почему оно и осталось невыясненнымъ и по настоящее время. Остается фактомъ только то, что, послѣ взрыва, „Бреслау" не появлялся въ морѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ одномъ изъ крейсерствъ около Босфора п/л „Нерпа" произошелъ слѣдующій случай. Погода была довольно пасмурной съ небольшимъ вѣтромъ и зыбью, въ которую даже опытному глазу очень трудно замѣтить перископъ. Лодка шла въ надводномъ положеніи. Вдругъ вахтенный начальникъ замѣтилъ совершенно ясно слѣдъ идущей мины прямо въ бортъ. Оставалось только одно, положить руль на бортъ и потомъ погружаться. Лодка начала поворачивать, какъ вдругъ мина подъ острымъ угломъ ударила въ кормовую баластную цистерну и вахтенный начальникъ успѣлъ только увидѣть, какъ зарядное отдѣленіе ея отломилось, а сама мина вер-

тикально начала тонуть. „Нерпа“ погрузилась и враги благополучно разошлись другъ отъ друга, только въ бору у нея осталась глубокая вмятина, свидѣтельствующая о счастливомъ для нея случаѣ.

Въ сентябрѣ 1915 года нѣмцы рѣшили прорваться въ Рижскій заливъ и овладѣть имъ. Главная защита его легла на подводныя лодки. Для этой цѣли были сосредоточены всѣ лодки, могущія плавать въ этотъ моментъ; ихъ было очень немного: три малаго водоизмѣщенія (Макрель, Минога и Окунь) въ самомъ заливѣ и 4 со стороны моря (Гепардъ, Барсъ и двѣ англійскаго типа Е). Легкіе крейсера и миноносцы съ тральщиками успѣли прорваться черезъ Ирбенскій проливъ, а большіе линейные крейсера типа „Мольтке“ дѣйствовали съ моря.

Какъ я уже указалъ, въ Рижскомъ заливѣ было всего на всего три малыхъ лодки, но тѣмъ не менѣе онѣ сыграли большую роль въ защитѣ залива. Прорвавшіеся германскіе крейсера и миноносцы сразу встрѣтили перископы этихъ лодокъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, почему у нѣмцевъ сложилось впечатлѣніе, что ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ подводныя лодки. Это произвело на нихъ такое большое впечатлѣніе, что германскій адмиралъ, командовавшій прорвавшимся отрядомъ, далъ радіо слѣдующаго содержанія: „Ввиду большого числа подводныхъ лодокъ непріятеля держаться не могу и оставляю заливъ“. Послѣ чего дѣйствительно заливъ былъ совершенно оставленъ нѣмцами. Между тѣмъ, находящіяся со стороны моря п/л „Гепардъ“ и „Барсъ“ атаковали корабли непріятеля. „Гепардъ“ залпомъ пяти минъ утопилъ крейсеръ типа „Бременъ“, а „Барсъ“ своими, хотя и неудачными въ смыслѣ попаданія, атаками внесъ замѣшательство между нѣмцами и, такимъ образомъ, обѣ лодки сыграли свою роль.

По этимъ случаямъ можно судить насколько существенна не только атака подводныхъ лодокъ, но даже только присутствіе ихъ въ виду непріятельскихъ кораблей. У этого рода судовъ, кромѣ дѣйствительнаго оружія, опаснаго при встѣчѣ съ ними, есть огромное преимущество въ смыслѣ моральномъ, — это страхъ, который они внушаютъ противнику.

Во второй половинѣ ноября 1915 года п/л „Акула“ (350 тоннъ), вышла въ раіонъ Данцигской бухты. Долго ждали ее возвращенія, но она не вернулась и судьба ее осталась неизвѣстной почти два года. Только послѣ нѣмецкой оккупаціи о ея гибели были получены первыя свѣдѣнія отъ самихъ же нѣмцевъ. Во время своего пребыванія въ раіонѣ Данцигской бухты, однажды она появилась передъ самымъ городомъ, всплыла и изъ своей маленькой 37 м/м пушки обстрѣляла городъ. Какъ разъ въ это время германская императрица посѣщала госпиталя города. Поднялся переполохъ и началась погоня: миноносцы, тральщики и гидропланы бросились на поиски. Она своевременно успѣла погрузиться и уходя, встрѣтивъ по дорогѣ канонерскую лодку, утопила ее миной. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ шла погоня за „Акулой“. Она пыталась всплывать, но атакованная со всѣхъ сторонъ, должна была немедленно погру-

жаться. Такъ было нѣсколько разъ. Наконецъ, въ послѣдній моментъ ее видѣли всплывшей до половины и съ большимъ креномъ на лѣвый бортъ. Вскорѣ она погрузилась и исчезла навсегда. Таковы германскіе источники о судьбѣ этой геройской лодки, на которой погибъ одинъ изъ лучшихъ командировъ — подводниковъ капитанъ 2 ранга Гудимъ.

Въ маѣ 1917 года п/л „Барсъ" встрѣтила въ морѣ германскій пароходъ и, всплывъ на поверхность, выстрѣломъ изъ орудія приказала ему остановиться. Но не успѣла она подойти, какъ борта мнимаго парохода откинулись и онъ началъ стрѣлять. Было поздно погружаться и „Барсъ", пробитый снарядами коварнаго, врага пошелъ на дно.

Въ томъ же году „Гепардъ" погибъ, забросанный бомбами быстроходнаго катера. Подводная лодка АГ—14, (старшій лейтенантъ Эссенъ) была разстрѣляна береговыми батареями подъ Либавой. П/л „Львица" изчезла безъ слѣда. „Моржъ" повидимому погибъ отъ мины загражденія у Босфора въ маѣ 1917 года.

Въ Черномъ морѣ п/л „Тюлень" (ст. лейт. Китицынъ) встрѣтила у входа въ Босфоръ большой турецкій транспортъ въ сопровожденіи миноносца типа „Милетъ". Состояніе моря позволило лодкѣ подойти на минный выстрѣлъ. Хотя миноносецъ уже замѣтилъ лодку, но было поздно. Выпущенная мина попала въ середину транспорта и утопила его. Миноносецъ бросилъ тонущій транспортъ и скрылся въ проливѣ, не пытаясь спасти людей и атаковать лодку.

Въ теченіи войны нашимъ подводнымъ лодкамъ довольно часто приходилось пользоваться своей артиллеріей. Необходимость пушекъ на подводныхъ лодкахъ обнаружилась съ самаго начала войны, но не имѣя опыта въ этомъ отношеніи, приходилось увеличивать калибръ орудій, такъ сказать, экспериментальнымъ путемъ. Начали съ 37 м/м орудій и дошли на нашихъ лодкахъ до 2—75 м/м пушекъ, но на этомъ не остановились и если бы не революція, то на 650 тонн. лодкахъ стояли бы 105 м/м орудія въ 60 калибровъ. Описываемый ниже случай относится къ артиллерійскому бою между лодкой и болѣе сильнымъ въ артиллерійскомъ отношеніи кораблемъ непріятеля.

Это было въ Черномъ морѣ въ концѣ сентября 1916 года. П/л „Тюлень" (старш. лейт. Китицынъ), находясь близко отъ непріятельскаго берега, ночью, въ надводномъ положеніи замѣтила силуетъ приближающагося корабля. Такъ какъ онъ находился мористѣе, то на фонѣ берега не могъ замѣтить лодки и поэтому продолжалъ спокойно итти, направляясь изъ Босфора. Его курсъ приближался къ берегу и черезъ нѣкоторое время онъ могъ войти въ зону защиты береговыхъ батарей, такъ какъ шелъ полнымъ ходомъ. Погода была тихая и луна достаточно хорошо его освѣщала, но съ лодки все таки не было видно на немъ орудій за дальностью разстоянія. Несмотря на то, что на лодкѣ работали оба Дизеля, было видно, что транспортъ обгоняетъ лодку. Поэтому командиръ приказываетъ въ придачу къ Дизелямъ пустить электромоторы и уве-

личиваетъ этимъ ходъ до 12—13 узловъ, все время стараясь держаться подъ самымъ берегомъ. Сблизившись настолько, что стали видны орудія довольно крупнаго калибра и несмотря на ясно видимое преимущество на старонѣ противника, командиръ рѣшаетъ принять бой, не желая упустить добычу. Поэтому, выйдя нѣсколько впередъ курса противника, „Тюлень" открываетъ огонь изъ своего 76 м/м и 57 м/м орудія. Первые снаряды ложатся близко отъ противника и онъ, увеличивъ ходъ до самаго полнаго, начинаетъ стрѣльбу. Его снаряды ложатся близко отъ лодки и по разрывамъ уже видно, что преимущество артиллеріи на сторонѣ противника. Но такъ какъ для лодки было поздно погружаться, командиръ взялъ инициативу боя въ свои руки. Увеличивъ ходъ еще болѣе, „Тюлень" идетъ на сближеніе съ противникомъ и открываетъ бѣглый огонь въ то же время стараясь отжать противника отъ берега. Транспортъ отвѣчаетъ такимъ же бѣглымъ огнемъ, но, не оцѣнивъ разстоянія, все время на большихъ перелетахъ. Бой продолжался уже около 40 минутъ и „Тюлень" разстрѣливаетъ почти весь запасъ своихъ снарядовъ, остается всего 4. Какъ вдругъ изъ котельнаго отдѣленія транспорта выскакиваетъ пламя и дымъ, носовое орудіе его перестаетъ стрѣлять и онъ останавливается. Видно какъ на немъ поднялся переполохъ, часть людей съ крикомъ бросается въ море, а другая спускаетъ шлюпки. На „Тюленѣ" остается всего два снаряда. Онъ подходитъ ближе къ непріятелю, спускаетъ шлюпку и посылаетъ первую партію въ 4 человѣка для осмотра. Судно оказывается турецкимъ транспортомъ „Родосто" подъ командой германскаго командира и офицеровъ. Немедленно командиръ и офицеры были перевезены на лодку, а также и часть команды, главнымъ образомъ нѣмцы. На „Родосто" оказалось два автоматическихъ 88 м/м и 57 м/м орудія, въ одно было попаданіе снаряда и оно перестало стрѣлять, а въ другомъ было легкое поврежденіе. Одинъ снарядъ лодки попалъ въ машинное отдѣленіе, а другой въ рулевую машину. Но въ дѣйствительности серьезныхъ поврежденій не было, такъ какъ послѣ тушенія пожара экипажемъ „Тюленя" и исправленія рулевой машины, транспортъ съ частью команды лодки пошелъ самостоятельно въ Севастополь. Этотъ артиллерійскій бой между подводной лодкой и сильнѣйшимъ противникомъ являлся первымъ и, кажется, единственнымъ за всю войну эпизодомъ подобнаго рода. Онъ можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ къ тому, что артиллерійское вооруженіе для подводной лодки такъ же необходимо, какъ и минное, такъ какъ всегда могутъ произойти встрѣчи, подобныя описанной выше.

Настоящій краткій очеркъ, является весьма незначительнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что дала бы военная морская литература, если бы наше отечество не постигло несчастье. Именно по этой причинѣ и потому что большинство морскихъ офицеровъ оказались разбросанными по всему свѣту и не было возможности собрать болѣе полныхъ и подробныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ. Что же касается матеріаловъ, собранныхъ за время войны, то таковые вѣроятно на-

ходятся въ настоящее время въ Совѣтской Россіи и достать ихъ пока невозможно. Если бы эти матеріалы были бы опубликованы, то было бы видно, какъ много труда и энергіи было затрачено въ русскомъ подводномъ флотѣ для совершенства подводнаго искусства. Какъ результатъ этихъ трудовъ и опыта въ боевой обстановкѣ была въ 1916 году готова закладка двухъ подводныхъ крейсеровъ въ 2200 тоннъ каждый и мы были совсѣмъ наканунѣ постройки подводнаго крейсера въ 5.000 тоннъ, спроектированнаго инженеромъ Журавлевымъ еще въ 1911 году, съ большой артиллеріей, 36 минными аппаратами и 150 минъ загражденія.

Капитанъ II ранга МОНАСТЫРЕВЪ.

Авiацiонные корабли, какъ базы авiацiи въ морской войнѣ.

Фантастически быстрое развитiе и усовершенствованiе авiацiи за послѣднiе годы, въ связи съ все возрастающимъ расширенiемъ возлагаемыхъ на нее задачъ, выдвинуло нынѣ на очередь вопросъ о созданiи особыхъ авiацiонныхъ морскихъ базъ, придаваемыхъ морскимъ вооруженнымъ силамъ при различныхъ операцiяхъ флота.

Въ данное время всѣ государства, стремящiяся къ увеличенiю своего морского могущества, заняты разрѣшенiемъ крайне важнаго вопроса о сконструированiи спецiальнаго типа военныхъ авiацiонныхъ судовъ, позволяющихъ использовать въ полной мѣрѣ авiацiонныя силы при операцiяхъ флота.

Насколько существенно и жизненно необходимо разрѣшенiе этого вопроса, можно судить хотя бы по тому вниманiю, которое было отведено ему со стороны Вашингтонской конференцiи, каковая, установивъ общiя нормы тоннажа для военныхъ флотовъ, ограничила также нормы тоннажа и для судовъ, обслуживающихъ авiацiю, приданную флоту. Такъ ею установлены слѣдующiя цифры тоннажа для авiацiонныхъ кораблей: для Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Англiи по 135.000 тоннъ, для Японiи 81.000 тоннъ, для Францiи и Италiи по 60.000 тоннъ каждой.

Такимъ образомъ ограниченiе тоннажа авiацiонныхъ кораблей въ опредѣленныхъ предѣлахъ для каждаго государства устанавливаетъ до нѣкоторой степени и соотношенiе въ ихъ воздушныхъ средствахъ, приданныхъ флоту.

Не безынтересно будетъ прослѣдить, какова исторiя этого вопроса, въ какомъ положенiи находится онъ нынѣ въ различныхъ государствахъ и какiя практическiя данныя можно извлечь въ этомъ направленiи изъ опытовъ минувшей Европейской войны.

Прежде для наблюденiя дальнихъ раiоновъ пользовались воздушными шарами и змѣями, но съ развитiемъ авiацiи явилась возможность не только увеличить дальность наблюденiя, путемъ увеличенiя высоты подъема и свободы полета, но и рѣшать другiя важныя боевыя задачи, какъ то: вести корректированiе стрѣльбы на предѣльныхъ дистанцiяхъ, производить по различнымъ цѣлямъ бомбометанiе, фотографировать и нести службу связи.

Теперешнiе наблюдательные пункты, расположенные на мачтахъ военныхъ кораблей на высотѣ около 35 метровъ уже не удовлетворяютъ своему назначенiю, такъ какъ позволяютъ вести корректиро-

ваніе артиллерійской стрѣльбы лишь на дистанцію 17—19 километровъ, что при дальнобойности современныхъ морскихъ орудій, дальность выстрѣла которыхъ достигаетъ до 28 километровъ, является недостаточнымъ.

Установлено, что при хорошихъ атмосферныхъ условіяхъ существуетъ примѣрно слѣдующая зависимость между высотой подъема и дальностью наблюденія: при высотѣ подъема въ 100 метровъ радіусъ наблюденія достигаетъ до 35 километровъ, при высотѣ въ 200 метровъ до 50 километровъ, при высотѣ въ 300 метровъ до 60 километровъ, при высотѣ въ 500 метровъ до 80 километровъ и при высотѣ въ 1000 метровъ до 110 километровъ.

Слѣдовательно, примѣняя нынѣ авіаціонныя средства въ операціяхъ флота, мы получаемъ полную возможность не только производить дальнія развѣдки съ цѣлью выясненія силъ противника, направленія ихъ движенія и группировки, но и рѣшать одну изъ важнѣйшихъ боевыхъ задачъ флота — вести корректированіе стрѣльбы на любыхъ дистанціяхъ.

Однако необходимо указать на то обстоятельство, что при первыхъ же попыткахъ использовать авіацію при операціяхъ флота пришлось столкнуться съ цѣлымъ рядомъ серьезныхъ препятствій чисто техническаго характера. Такъ главнымъ препятствіемъ явилось полное отсутствіе на военныхъ корабляхъ необходимыхъ для взлета площадокъ, для чего на нѣкоторыхъ судахъ были использованы артиллерійскія башни, расположенныя въ носовой части корабля, на которыхъ были установлены особыя подвижныя платформы. Для взлета аппаратъ ставился на эту платформу, корабль развивалъ максимальную скорость, имѣя курсъ противъ вѣтра, мотору постепенно давался полный газъ и когда винтъ давалъ полное число оборотовъ, аппаратъ освобождался и взлеталъ. Затѣмъ явилась необходимость въ соотвѣтственномъ укрытіи аппарата отъ могущихъ быть попаданій въ него снарядовъ и ихъ осколковъ, что на практикѣ оказалось не такъ просто, такъ какъ этому мѣшали артиллерійскія башни, боевая рубка, трубы, мачты, спасательныя средства и другіе жизненные элементы корабля и найти требуемое мѣсто для аппарата оказалось далеко не легко, даже несмотря на колоссальную длину современныхъ кораблей (американскій крейсеръ „Constellation" имѣетъ въ длину 265 метовъ). Слѣдствіемъ же недостатка въ свободномъ мѣстѣ на кораблѣ явилось и ограниченіе въ количествѣ аппаратовъ, могущихъ быть помѣщенными на немъ. Кромѣ того для поднятія аппаратовъ на бортъ понадобилось устройство спеціальныхъ крановъ, а самый процессъ поднятія аппарата представлялъ еще и большія неудобства съ чисто боевой стороны, такъ какъ для выполненія этой операціи корабль долженъ былъ останавливаться и нарушать общій порядокъ эскадры, а въ періодъ боя увеличивался еще и процентъ попаданія въ него снарядовъ и облегчалась минная атака подводныхъ лодокъ. При наличіи же неспокойнаго моря этотъ подъемъ весьма часто сопровождался поломками аппарата.

Первые опыты взлета съ корабля были произведены въ Англіи

еще въ 1912 году, для чего былъ приспособленъ старый крейсеръ „Hermes". Взлеты были удачны, но возвращаться на бортъ корабля летчикъ уже не могъ и долженъ былъ опускаться на сушу. Позднѣе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ M. Ely удалось, первому изъ авіаторовъ, опуститься на платформу одного изъ судовъ американскаго флота.

И вотъ, какъ слѣдствіе этихъ опытовъ, явилось то обстоятельство, что англичане рѣшили приспособить для этой цѣли корабль „Arc-Royal", каковой вначалѣ войны былъ посланъ въ Средиземное море, гдѣ и оставался до середины 1920 года, отлично выполняя свое назначеніе при Дарданелльской операціи. Общія его данныя слѣдующія: водоизмѣщеніе 7.450 тоннъ, длина 104,60 метра, ширина 16,80 метра, скорость 27 километровъ. Для взлета въ носовой части была устроена особая площадка, а для подъема спеціальные краны.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на такія крайне неблагопріятныя условія для работы авіаціи, уже вначалѣ войны летчики выполняли весьма трудныя боевыя задачи, облегчая въ значительной мѣрѣ задачи флота. Такъ англійскими летчиками, поднимавшимися съ военныхъ кораблей, подвозившихъ ихъ къ берегамъ Германіи, выполненъ рядъ воздушныхъ рейдовъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и знаменитый рейдъ на Куксгафенъ въ ноябрѣ 1914 года, во время котораго одинъ изъ летчиковъ принужденъ былъ спуститься въ море и лишь случайно былъ подобранъ голландскими рыбаками.

Совершенно естественно, что тѣ трудныя условія, съ которыми было связано поднятіе на бортъ корабля аппаратовъ, оказали должное вліяніе на усовершенствованіе аэроплановъ, которые за послѣдніе годы въ этомъ направленіи сдѣлали огромный прогрессъ.

Такъ въ настоящее время изобрѣтателями Галландетъ и Ричардсонъ заканчивается постройка двухъ аэроплановъ, имѣющихъ каждый по 9 метровъ общей мощностью въ 3.600 H.P. съ размахомъ крыльевъ въ 42 метра, при вѣсѣ аппарата въ 30 тоннъ. Запасъ горючаго допускаетъ возможность непрерывнаго полета на 3.379 километровъ.

Понятно, что, ввиду такого колоссальнаго прогресса въ морской авіаціи, нынѣ является насущная необходимость въ сконструированіи и постройкѣ спеціальнаго типа авіаціонныхъ кораблей, отвѣчающихъ этимъ аппаратамъ.

Нельзя не отмѣтить однако того факта, что къ началу Европейской войны не было ни одного большого корабля, приспособленнаго для авіаціи, между тѣмъ какъ къ моменту заключенія перемирія таковыхъ насчитывалось уже 12.

Такъ въ Англіи первоначально для авіаціи были приспособлены суда, совершавшія пассажирскіе рейсы черезъ Ла-Маншъ какъ то: „Empress", „Engandine", „La Riviera". Эти суда для обслуживанія авіаціи были передѣланы на заводѣ Gunard въ Ливерпулѣ. Въ кормовой ихъ части были устроены особые краны для спуска аппаратовъ и они могли поднять на бортъ шесть аппаратовъ.

Изъ этихъ судовъ „Engandine" сопровождалъ эскадру адмирала

Битти и 31 мая 1916 года въ 14 часовъ 45 минутъ получилъ приказаніе выслать одинъ изъ своихъ гидро для производства развѣдки въ сѣверо-западномъ направленіи. Не смотря на весьма неблагопріятныя условія для полета, когда низкія густыя облака позволяли набрать аппарату высоту лишь въ 100 метровъ, лейтенантъ Рустандъ отлично выполнилъ свою задачу, доставивъ первое донесеніе о противникѣ черезъ 45 минутъ, произведя развѣдку подъ дѣйствительнымъ артиллерійскимъ огнемъ нѣмцевъ. Затѣмъ для авіаціи былъ приспособленъ трансантлантическій пароходъ „Campagnia" въ 21.600 тоннъ водоизмѣщенія со скоростью въ 40 километровъ. Этотъ корабль былъ приданъ къ эскадрѣ адмирала Jellicoe, но по неизвѣстной и до нынѣ причинѣ, въ достопамятный день Ютландскаго боя, былъ отправленъ въ одинъ изъ англійскихъ портовъ, не будучи использованъ.

Въ 1917 году уже была составлена группа изъ пяти судовъ: „Furious", „Vindictive", "Argus", „Hermes", „Eagle", которые въ данное время представляютъ изъ себя авіаціонную морскую базу англійскаго флота. При выборѣ судовъ для обслуживанія авіаціи, приданной флоту, было признано необходимыми условіями имѣть суда большой длины, ширины и достаточной скорости, необходимой для сопровожденія эскадры, максимальная скорость которой прининималась въ 33—35 километровъ.

„Fnrious" боевой крейсеръ англійскаго флота въ 19.000 тоннъ водоизмѣщенія, длиною въ 239 метровъ и шириною въ 26, 8 метровъ. Его передняя артиллерійская башня была совершенно снята, а въ носовой части оборудована платформа въ 100 метровъ длины. Для защиты аппаратовъ, расположенныхъ въ носовой части корабля отъ встрѣчнаго вѣтра, были устроены спеціальные деревяные шторные экраны, которые поднимались при сильномъ вѣтрѣ или полномъ ходѣ корабля. Въ общемъ можно сказать, что этотъ корабль былъ довольно удачно сконструированъ и приказомъ адмирала Филимора назначенъ адмиральскимъ авіаціоннымъ кораблемъ англійскаго флота.

Крупнымъ недостаткомъ являлось то обстоятельство, что за трубой корабля, благодаря исходящему изъ нея теплу, образовывалась вознушная яма, въ которую аппаратъ и проваливался при посадкѣ. Но на судахъ „Argus", „Hermes", „Eagle" это явленіе было уже устранено путемъ расположенія дымовыхъ трубъ по бокамъ командирскаго мостика. Для увеличенія же тяги изъ топокъ были устновлены особые вентиляторы.

„Vindictive" имѣетъ 9.500 тоннъ водоизмѣщенія, на немъ устроены платформы въ носовой и кормовой частяхъ. Главное его преимущество это большая скорость, достигающая 55 километровъ.

„Argus" передѣланъ изъ первоклассснаго пассажирскаго парохода. Ангары и мастерскія очень удачно расположены подъ платформой для взлета.

„Eagle", спущенный вь 1914 году, въ моментъ объявленія войны, былъ купленъ Армстронгомъ у Чилійскаго правительства, а затѣмъ его реквизировало англійское правительство для нуждъ авіа-

ціи. Его водоизмѣщеніе составляетъ 28.000 тоннъ, длина 260 метровъ, ширина 28,2 метра, скорость 37 километровъ. Самую верхнюю часть судна составляетъ платформа, равная длинѣ всего корпуса, подъ платформой расположены въ особыхъ ангарахъ 26 аппаратовъ.

1-го іюля 1920 года съ верфи Clyde было спущено первое судно, предназначенное специально для авіаціи. Его водоизмѣщеніе составляетъ 10.400 тоннъ, длина корпуса 164 метра, ширина 21 метръ, скорость около 47 километровъ. Этотъ корабль имѣетъ двойной корпусъ, такъ называемый „Bulge“, раздѣленный на большое число переборокъ, наполняемыхъ водой или воздухомъ, что дѣлаетъ его почти неуязвимымъ для атакъ подводныхъ лодокъ. Онъ вооруженъ 10 — 13,75 сантиметровыми орудіями и 4 противоаэропланными пушками съ угломъ возвышенія до 80 град. Экипажъ состоитъ изъ 630 человѣкъ, изъ которыхъ 150 спеціально обслуживаютъ авіацію.

Во Франціи пока фактически еще не существуетъ спеціальныхъ авіаціонныхъ кораблей и ихъ назначеніе временно выполняютъ суда: „La Foudre“ и „Compaire“. Но въ данное время для авіаціи идетъ передѣлка крейсера „Bearn“ съ водоизмѣщеніемъ въ 25.000 тоннъ, а на верфи въ Тулонѣ строится спеціальное бронированное судно, предназначенное для авіаціи. Его водоизмѣщеніе въ 25.387 тоннъ, длина 172 метра, ширина 27,6 метра. Артиллерійское вооруженіе составляютъ 12 орудій. Корабль расчитанъ на подъемъ 25 аппаратовъ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, ожидая вотированія кредитовъ на постройку спеціальныхъ авіаціонныхъ кораблей пока приспособили для авіаціи угольный транспортъ эскадры „Iupiter“, переименовавъ его въ „Landley“. Онъ поднимаетъ 12 монпплановъ, 6 гидроплановъ и 4 аппарата спеціально для бомбометанія. Его тоннажъ составляетъ 14.500 тоннъ, скорость 33 километра.

Нельзя не упомянуть о томъ, что еще передъ войной въ Америкѣ производились долгіе опыты съ такъ называемыми гидро-подставками для взлета аппаратовъ, которые были прерваны съ началомъ войны, но съ заключеніемъ перемирія вновь возобновились и нынѣ арсеналомъ въ Филадельфіи спроэктирована вращающаяся подставка, позволяющая оріентировать на ней аппаратъ въ любомъ направленіи и производить взлетъ всегда противъ вѣтра, не мѣняя курса корабля. Конструкція этого прибора настолько компактна, что позволяетъ устанавливать его на всѣхъ большихъ судахъ флота. Отрицательной стороной является то обстоятельство, что аппаратъ не можетъ уже возвратиться на своей корабль, а долженъ опускаться на авіаціонную базу.*)

*) ПРИМѢЧАНІЕ РЕДАКЦІИ: Въ настоящее время въ Американскомъ флотѣ производятся удачные опыты со спеціальнымъ устройствомъ вродѣ древней катапульты, позволяющимъ „выстрѣливать“ аэропланъ съ корабля; преимущество этого устройства заключается въ томъ, что при его наличіи не требуется на кораблѣ палубы для взлета и благодаря этому устройству даже миноносцы могутъ снабжаться аэропланами; правда „выстрѣленный“ аэропланъ съ корабля, не имѣющаго палубы для взлета и аттерисажа, — не можетъ вернуться корабль на, его „выстрѣлившій“, — долженъ аттерировать на палубу авіаціоннаго корабля. А. Б.

И такъ изъ приведеннаго краткаго очерка о спеціальныхъ судахъ, мы имѣемъ возможность хотя бы въ общихъ чертахъ судить о томъ, въ какомъ положеніи находится нынѣ этотъ вопросъ въ Англіи, Франціи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Къ сожалѣнію почти полное отсутствіе какихъ бы то ни было свѣдѣній въ печати по военнымъ вопросамъ въ Японіи не даетъ намъ никакихъ данныхъ и по затронутой темѣ, однако можно съ увѣренностью сказать, что и въ Японіи этому вопросу отведено должное мѣсто и онъ будетъ разрѣшенъ тамъ не хуже, чѣмъ въ другихъ державахъ.

Данныя объ авіаціонныхъ судахъ, которыми мы нынѣ располагаемъ, позволяютъ намѣтить и тѣ общія условія, которымъ должны удовлетворять эти суда, такъ: скорость авіаціонныхъ кораблей должна соотвѣтствовать максимальной скорости эскадры, длина и ширина корабля должна допускать свободный подъемъ и посадку аппаратовъ, что нынѣ достигнуто тѣмъ, что авіаціонная площадка дѣлается вовсю длину и ширину корабля и составляетъ самую верхнюю его часть, ангары должны быть достаточно укрыты отъ могущихъ быть поврежденій аппаратовъ снарядами и осколками, вмѣстимость корабля должна быть такова, чтобы допускала возможность поднятія достаточнаго количества аппаратовъ.

Въ заключеніе можно сказать, что приданіе эскадрѣ спеціальныхъ авіаціонныхъ кораблей или ихъ опредѣленныхъ соединеній, въ будущихъ морскихъ операціяхъ флота позволитъ ему использовать всю мощь авіаціи и въ значительной мѣрѣ облегчить выполненіе его боевыхъ задачъ, а потому въ связи съ этимъ необходимо теперь же приступить къ выработкѣ тѣхъ основныхъ положеній, которыя должны дать исходныя данныя для примѣненія авіаціи въ ея совмѣстной работѣ съ флотомъ.

БУРАКОВЪ.

МОРСКАЯ ХРОНИКА.

Современное состоянiе военно-морской техники.

Боевой корабль будущаго. Извѣстный англiйскiй корабельный инженеръ сэръ Джорджъ Гюрстонъ помѣстилъ въ „Брассевскомъ Морскомъ Альманахѣ на 1923 годъ“ чрезвычайно интересную статью подъ заглавiемъ: „Влiянiе Вашингтонской конференцiи на типы боевыхъ судовъ“.

Въ предисловiи къ этой статьѣ авторъ указываетъ, что предыдущiя изслѣдованiя привели его къ заключенiю, что боевой корабль, удовлетворяющiй въ полной степени всѣмъ требованiямъ современнаго морского сраженiя долженъ былъ бы быть не менѣе 57.000 тоннъ водоизмѣщенiя. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вашингтонская конференцiя ограничила водоизмѣщенiе боевыхъ кораблей 35.000 тоннъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ боевой корабль, какъ по мнѣнiю Англiйскаго Генеральнаго Штаба, такъ и по мнѣнiю автора, продолжаетъ оставаться основой морской вооруженной силы и отъ него зависитъ существованiе Британской Имперiи. Поэтому боевой корабль, какъ и прежде, долженъ вмѣстить въ ограниченное Вашингтонской конференцiей водоизмѣщенiе, всѣ трабованiя, предъявляемыя тактикой къ боевому кораблю, а именно:

1) Большую скорость хода;

2) Возможно болѣе мощную артиллерiю со всѣми приборами управленiя огнемъ и опредѣленiя разстоянiй;

3) Увеличенiе горизонтальной и вертикальной защиты (броня);

4) Надежную подводную защиту противъ взрыва минъ.

Авторъ констатируетъ, что за послѣднiе 10 лѣтъ калибры артиллерiи постоянно возрастали: начиная съ 12" тяжелая артиллерiя достигла въ настоящее время 18". Всѣ корабли, построенные послѣ войны, должны быть вооружены артиллерiей не менѣе какъ въ 16".

За послѣднiе 10 лѣтъ также значительно возрасла сила машинъ боевыхъ кораблей; отъ 30.000 лошадиныхъ силъ она въ настоящее время дошла до 100.000 и насколько она еще увеличится въ ближайшемъ будущемъ, — въ связи съ прогрессомъ электрическихъ двигателей, — трудно сказать.

На будущихъ боевыхъ корабляхъ въ 35.000 тоннъ, установленныхъ Вашингтонской конференцiей, — броневая защита должна будетъ вѣсить не менѣе 35% отъ водоизмѣщенiя, т. е. 12.250 тоннъ, для того, чтобы составить надежное прикрытiе противъ современной артиллерiи.

Поэтому, если принять эти 12.250 тоннъ за обязательный вѣсъ надежной защиты и прибавить къ нимъ: вѣсъ корпуса самаго корабля въ 12.600 тоннъ, 1.000 тоннъ на надстройки и мелочи и 1.000 тоннъ на запасъ топлива, — то получится 26.850 тоннъ „обязательнаго“ для современнаго корабля груза.

Если эти 26.850 тоннъ вычесть изъ 35.000, — то останется 9.150 тоннъ, кои должны быть распредѣлены между вооруженіемъ и двигательной силой.

Если принятъ калибръ артиллеріи въ 16”, то можно было бы установить 8 орудій въ четырехъ башняхъ (по 2 въ башнѣ) съ соотвѣтствующимъ количествомъ легкой артиллеріи (12 орудій въ 6”) или 9 орудій въ трехъ башняхъ (по 3 въ башнѣ). Въ этомъ случаѣ (т. е. 8—9 тяжелыхъ орудій) оставалось бы всего 2.150 тоннъ на долю двигательной силы, что соотвѣтствуетъ 55.000 лошадиныхъ силъ, которая можетъ дать скорость въ 24 узла.

Далѣе авторъ устанавливаетъ 3 типа боевого корабля въ 35.000 тоннъ, базируясь для каждаго изъ этихъ типовъ на слѣдующихъ исходныхъ данныхъ:

1) Возможно большее число тяжелой артиллеріи и мощная броня, при сравнительно слабомъ ходѣ;

2) Возможно большій ходъ и мощная броня при ограниченномъ артиллерійскомъ вооруженіи;

3) Возможно большій ходъ и большее артиллерійское вооруженіе, при сравнительно слабой броневой защитѣ.

Этимъ даннымъ соотвѣтствуютъ слѣдующіе три типа боевого корабля:

	I.	II.	III.
Скорость хода . .	24 узла	30 узловъ	30 узловъ
Сила машины . . .	55.000 л. с.	125.000 л. с.	125.000 л. с.
Вооруженіе . . .	IX-16” орудій	IV-16” орудій	IX-16” орудій
Толщина брони . .	до 15,5”	до 13”	до 8”
Защита орудій . .	до 16”	до 14”	до 12”

Третій изъ этихъ типовъ, какъ обладающій слишкомъ слабой броневой защитой, не пригоденъ для современнаго сраженія, ибо опытъ Ютландскаго сраженія показалъ, что боевыя суда съ броней ниже 10″ (англійскіе боевые крейсера въ этомъ сраженіи) не выдерживаютъ современнаго артиллерійскаго огня. Поэтому слѣдуетъ прійти къ заключенію, что вышеприведнные первые два типа отвѣчаютъ требованіямъ, предъявляемымъ современными условіями сраженія, — первый къ боевому кораблю (IX — 16″ орудій и 24 узла), а второй — къ боевому крейсеру (IV — 16″ орудій и 30 узловъ).

Далѣе авторъ приводитъ проектъ оригинальнаго типа, если можно такъ выразиться, „авіаціонно-боевого корабля“. Этотъ корабль по идеѣ автора долженъ имѣть 30 узловъ хода, мощную горизонтальную и вертикальную броню и лишь 3 тяжелыхъ орудія въ 16″. Но зато онъ долженъ быть снабженъ нѣсколькими эскад-

рильями аэроплановъ бомбометателей и минометателей, расположенныхъ внутри корабля въ защищенныхъ броней отсѣкахъ; расположеніе надстроекъ и трубъ этого корабля должно быть таково, чтобы на немъ имѣлась ровная палуба для взлета и посадки на нее аэроплановъ; на эту палубу аэропланы должны подаваться изъ своихъ защищенныхъ гаражей мощными, быстродѣйствующими элеваторами. Такой корабль, благодаря своему ходу, броневой защитѣ и калибру артиллеріи, можетъ принимать непосредственное участіе въ современномъ морскомъ сраженіи, наряду съ линейными кораблями, и въ рѣшительный моментъ можетъ вліять на его исходъ своими воздушными силами.

Новые боевые корабли англійскаго флота. Въ Англіи приступлено къ постройкѣ двухъ новыхъ боевыхъ кораблей, получившихъ названіе: „Нельсонъ" и „Родлей". Эти боевые корабли при водоизмѣщеніи въ 35.000 тоннъ будутъ вооружены каждый 9-тью орудіями въ 16″ — 50 калибровъ длиной. Эти орудія будутъ расположены въ 3 башняхъ по три орудія въ каждой, при чемъ всѣ три башни будутъ сосредоточены въ передней части корабля съ тѣмъ, чтобы освободить въ кормовой части возможно большее пространство гладкой палубы для аттерисажа аэроплановъ.

Легкіе крейсера. Въ связи съ опытомъ минувшей войны, указавшемъ на необходимость большого числа легкихъ крейсеровъ въ составѣ современнаго флота, всѣ морскія державы строятъ въ настоящее время значительное число судовъ этого типа. Водоизмѣщеніе ихъ колеблется между 7 и 10.000 тоннъ, а скорость хода — между 32 и 35 узлами. Артиллерійское вооруженіе состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ 8″ орудій (рѣдко 6″ — Франція) числомъ отъ 6 до 8 въ парныхъ башняхъ.

Подводныя лодки. Успѣхи германскихъ подводныхъ лодокъ на поприщѣ крейсерской войны во время минувшей войны, естественно дали толчекъ къ развитію типа подводныхъ судовъ съ большимъ раіономъ дѣйствія, и современныя подводныя лодки этого типа близко приближаются къ типу такъ называемаго „подводнаго крейсера". Въ этомъ отношеніи впереди всѣхъ морскихъ державъ идетъ Японія, которая имѣетъ въ настоящее время въ постройкѣ нѣсколько подводныхъ крейсеровъ въ 2.000 тоннъ водоизмѣщенія съ раіономъ дѣйстія въ 16.000 миль; ихъ вооруженіе должно состоять изъ двухъ 6″ орудій, 16 минъ Уайтхеда и значительнаго количества минъ загражденія.

Морская авіація. Совершенно исключительный прогрессъ отмѣчается послѣ войны въ морской авіаціи. Не говоря о появленіи въ составѣ всѣхъ флотовъ гигантскихъ и быстроходныхъ авіаціонныхъ кораблей, представляющихъ изъ себя громадные плавучіе аэродромы съ гаражами и мастерскими, — въ самой техникѣ аэроплано-строенія достигнуты значительные результаты. Въ этомъ отношеніи впереди всѣхъ морскихъ державъ идетъ несомнѣнно Америка. Въ связи съ изобрѣтеніемъ катапульты для „выстрѣливанія" аэроплановъ и удачными съ нею опытами, — въ американскомъ флотѣ

всѣ типы судовъ, включая даже и миноносцы, будутъ снабжены аэропланами. Но въ этомъ направленіи американскій флотъ идетъ еще дальше, ибо предполагаетъ снабдить малыми гидро-аэропланими свои большія подводныя лодки(!). Для этого въ настоящее время созданъ и испытывается спеціальный типъ складного гидроаэроплана. Главныя данныя этого аппарата слѣдующія: діаметръ крыльевъ 7 метровъ, носящая поверхность 14 квадратныхъ метровъ, собственный вѣсъ 360 кило, скорость 150 километровъ въ часъ. Этотъ аппаратъ можетъ быть въ 2 минуты разобранъ и спрятанъ въ одинъ цилиндрическій футляръ въ $7^1/_2$ метровъ длиной, убирающійся внутрь подводной лодки.

Въ области боевой авіаціи по прежнему продолжаетъ привлекать на себя особое вниманіе аэропланъ-миноносецъ. Опыты, произведенные съ этими аппаратами въ концѣ прошлаго года въ американскомъ флотѣ, дали хорошіе результаты, а именно: въ броненосецъ „Арканзасъ", шедшій 17 узловымъ ходомъ, было выпущено аэропланами-миноносцами 17 минъ съ дистанціи $2^1/_2$ километровъ, изъ коихъ 7 минъ достигли цѣли. Такіе же опыты, повторенные въ этомъ году во французскомъ флотѣ, дали также хорошіе результаты. Однако при этомъ нельзя не отмѣтить, что опыты происходили въ обстановкѣ мирнаго времени и трудно себѣ представить, будутъ ли имѣть эти аппараты въ боевой обстановкѣ такой же успѣхъ, ибо эскадры окружены на разстояніи 2-3 километр. линіями охранныхъ судовъ, кои конечно не дадутъ снизиться аэроплану-миноносцу для выпуска мины.

Значительный прогрессъ осуществленъ также и въ области аэроплановъ-бомбометателей и вообще аэроплановъ, перевозящихъ грузы. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время въ Англіи строится гигантскій аэропланъ, имѣющій машины въ 1.600 лошадиныхъ силъ и способный перевозить 100 пассажировъ со скоростью 175 километровъ. Кромѣ этого аппарата особенно выдѣляется типъ боевого аппарата. снабженнаго большими бомбами (въ 400 килограммъ) и вооруженнаго пушкой и пулеметами для борьбы съ подводными лодками. Равнымъ образомъ значительный прогрессъ сдѣланъ въ области наблюдательной авіаціи въ связи съ значительнымъ развитіемъ опытовъ корректированія стрѣльбы тяжелой судовой артиллеріи. Въ настоящее врема каждый боевой корабль снабженъ своимъ аэропланомъ, корректировщикомъ, при чемъ этотъ аэропланъ имѣетъ устройство, позволяющее ему садиться не только на палубу корабля, но и на поверхность моря.

Но несомнѣнно наиболѣе интереснымъ изобрѣтеніемъ въ области авіаціонной техники является аэропланъ безъ пилота. Всесторонніе и длительные опыты, произведенные съ этимъ типомъ аппаратовъ въ Америкѣ, указали на полную возможность и удивительную точность управленія въ воздухѣ при помощи безпроволочнаго телеграфа такими аппаратами. Эти аппараты, нагрузивъ ихъ значительнымъ количествомъ взрывчатаго вещества, предполагается употреблять какъ гигантскія воздушныя мины противъ надводныхъ боевыхъ кораблей.

А. Б.

ИНФОРМАЦІОННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Германія.

ВЫСШЕЕ ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Совѣтъ Антанты при составленіи военнаго договора предложилъ:

а) Упразднить Большой Генеральный Штабъ;

б) Исчерпать подготовку личнаго состава для службы въ Большомъ Генеральномъ Штабѣ, уничтоживъ Военную Академію.

I. Большой Генеральный Штабъ.

При созданіи его министръ рейхсвера долженъ былъ руководиться статьями мирнаго договора, не допускающими никакого превратнаго толкованія.

Высшее командованіе принадлежитъ лично министру рейхсвера, избираемому президентомъ республики. При немъ, наряду съ другими органами, состоитъ „Управленіе войсками“ подъ начальствомъ обыкновеннаго полковника, техническаго совѣтника, не имѣющаго власти надъ начальниками группъ (высшія соединенія) и надъ инспекторами войскъ, вѣдающими отраслями обученія и подчиненными непосредственно министру рейхсвера.

Въ теченіе 1920 и 1921 г.г. „Упаавленіе войсками“ мало по малу превратилось въ „Большой Генеральный Штабъ“, такой же какъ и до войны и начальникъ его сдѣлался настоящимъ генералиссимусомъ германской арміи.

Въ августѣ 1920 года установлено раздѣленіе „Военнаго Управленія“ на 2 отдѣла: 1 — командный и 2 — административный.

Начальникъ Военнаго Управленія теперь имѣетъ тѣ же органы, которые имѣлъ Императоръ, лишь подъ другими названіями:

Императоръ:	Начальникъ военнаго управленія:
а) Военный Кабинетъ (личный составъ).	а) Бюро личнаго состава.
б) Главный Генеральный Штабъ.	б) Военный отдѣлъ.
в) Инспекторы арміи.	в) Инспекціи арміи.
г) Командиры армейскихъ корпусовъ.	г) Командиры воен. округовъ.

При внимательномъ разсмотрѣніи видно, что въ Военномъ отдѣлѣ постепенно возстановлены всѣ отдѣленія Большого Генеральнаго Штаба:

Организація Большого Генеральнаго Штаба въ 1914 году.	Организація Военнаго отдѣла:
Центральное Бюро (личный составъ Генеральнаго Штаба.	Отдѣленіе личнаго состава (включено въ соотвѣтственное отдѣленіе Военнаго Управленія).
1-й помощникъ. Германское военное дѣло (обученіе и организація), перевозка по желѣзнымъ дорогамъ.	1-е отдѣленіе — армейское. 2-е отдѣленіе — организаціонное. 7-е отдѣленіе — транспортное.
2-й помощникъ. Изученіе иностранныхъ армій.	3-е отдѣленіе — статистическое (изученіе иностранныхъ армій).
3-й помощникъ. Военная академія, поѣздки офицеровъ Генеральнаго Штаба, оперативная часть.	4-е отдѣленіе. Учебная часть, маневры, подготовка офицеровъ, офицеры Генеральнаго Штаба.
4-й помощникъ. Крѣпости, оборона территоріи, крѣпостная война.	5-е отдѣленіе. Инспекція инженерныхъ войскъ и крѣпостей.
Географическая часть.	Находится въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но въ тѣсной связи съ „Военнымъ Управленіемъ".
Историческая часть.	Состоитъ съ персоналомъ въ Государственномъ Архивѣ.
6-е отдѣленіе. Маневры, поѣздки офицеровъ Большого Генеральнаго Штаба.	См. 4-е отдѣленіе.

Личный составъ „Военнаго Управленія" — 85 человѣкъ вмѣсто 141 до войны, но, принявъ во вниманіе переходъ географической и исторической части въ другія вѣдомства, можно считать, что остался тѣмъ же.

II. Военная Академія.

Упраздненіе Военной Академіи угрожало Германіи въ будущемъ, при возстановленіи, лишиться необходимаго кадра офицеровъ. Чтобы устранить это, они организовали школы Генеральнаго Штаба въ военныхъ округахъ. Каждый годъ въ округахъ производятся экзамены (по программѣ соотвѣтствующей вступительнымъ экзаменамъ въ Академію до войны) и изъ выдержавшихъ избираются кандидаты въ офицеры Генеральнаго Штаба. Для нихъ при округахъ устраиваются курсы по программѣ бывшей академіи и часть ихъ назначается въ „Военное Управленіе". Число такихъ офицеровъ каждый годъ увеличивается и въ настоящее время Германія располагаетъ достаточнымъ числомъ молодыхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба.

Такимъ образомъ, по мнѣнію французовъ, германцамъ удалось принять мѣры для сохраненія своего Генеральнаго Штаба, надъ созданіемъ котораго столько трудился Мольтке, сказавшій, что при всемъ стараніи французамъ никогда не удастся создать равнаго по качеству Большого Генеральнаго Штаба.

Италія.

РЕОРГАНИЗАЦІЯ АРМІИ.

Муссолини совмѣстно съ генераломъ Діацомъ прилагаютъ всѣ усилія, чтобы создать въ Италіи сильную и боеспособную армію и приступили къ реорганизаціи ея.

Согласно королевскаго декрета намѣчается слѣдующій составъ арміи:

1) Пѣхота — 102 пѣхотныхъ полка, 12 стрѣлковыхъ полковъ, 9 альпійскихъ и 1 танковый, всего 124 полка.

2) Кавалерія — 12 полковъ.

3) Артиллерія — 27 полковъ полевой артиллеріи, 14 полковъ тяжелой, 3 полка горной, 10 полковъ береговой, 10 полковъ противоаэропланной.

4) Инженерныя войска — 3 полка инженерныхъ, 1 полкъ радіотелеграфный, 1 полкъ позиціонный и 1 рабочій полкъ.

Общая численность намѣчена въ 300.000, т. е. значительно больше, чѣмъ до войны, когда въ Италіи было 93 пѣхотныхъ полка, 22 кавалерійскихъ и 34 артиллерійскихъ.

Латвія.

ОРГАНИЗАЦІЯ И СОСТАВЪ АРМІИ.

Пѣхота. 12 пѣхотныхъ полковъ, состоящихъ въ мирное время изъ одного баталіона въ составѣ 4 ротъ и пулеметнаго отдѣленія изъ 20 пулеметовъ.

На вооруженіи русскія, англійскія и французскія винтовки.

Конница. 1 конный полкъ изъ 4 кав. эск., 1 пулеметнаго эск. и 1 техническаго эск.; полку придана одна 2-хъ оруд. конная батарея.

Артиллерія. 4 полевыхъ артил. полка по три 4-хъ оруд. батареи (на вооруженіи 3″ русскія пушки), 1 полкъ тяжелой артиллеріи изъ трехъ четырехоруд. батарей (на вооруженіи 6″ русская гаубица); каждой батареѣ придано по 2 пулемета Кольта.

Танковыя части. 1 танковая рота изъ 7 машинъ и 1 автомобильный дивизіонъ изъ 6 броневиковъ, 38 грузовыхъ и 18 пассажирскихъ автомобилей.

Воздушный флотъ. 2 воздухоплавательныхъ эскадрильи по 15 аппаратовъ.

2 радіотелеграфныхъ станціи.

4 бронированныхъ поѣзда.

3 пограничныхъ полка по 12 ротъ.

1 резервный полкъ въ составѣ 1 баталіона въ мирное время.

Войска сведены въ 4 дивизіи по 3 пѣх. полка и 1 полевого артиллерійскаго.

Дислокація: 1-я Курляндская дивизія — Либава, 2-я Ливонская див. — Рига, 3-я Леттильская див. — Рѣжица и 4-я Семигальская див. — Двинскъ.

Офицеры большей частью русскіе, а также молодые латышскіе, послѣднихъ выпусковъ.

Открыто военное училище и курсы для подготовки кандидатовъ на офицерскія должности и учебный унтеръ-офицерскій баталіонъ.

Призывной возрастъ для солдатъ — 20 лѣтъ. Срокъ службы — 30 лѣтъ, изъ нихъ 2 года подъ знаменами, 18 лѣтъ въ резервѣ и 10 лѣтъ въ ополченіи.

Литва.

1) ОРГАНИЗАЦІЯ И СОСТАВЪ АРМІИ.

Пѣхота. 12 пѣхотныхъ полковъ по 3 баталіона 4-хъ ротнаго состава; въ военное время полку придается 1 сигнальное отдѣленіе, 1 пулеметная рота и 1 минометное отдѣленіе.

На вооруженіи русскія, французскія и германскія вннтовки; пулеметы большей частью Максима.

Конница. 3 кавалерійскихъ полка въ составѣ 4-хъ кавалерійскихъ, 1-го пулеметнаго и 1-го техническаго эскадроновъ.

Вооруженіе: карабинъ Маузера, сабля и пика.

Артиллерія. 4 артиллерійскихъ дивизіона по 5 батарей — 3-хъ легкихъ (русскія 3″ пушки) и 2 тяжелыхъ (по 2 орудія). Изъ тяжелыхъ батарей дивизіона одна гаубичная и одна пушечная.

Инженерныя войска. 1 саперный баталіонъ изъ 4-хъ ротъ.

1 электро-техническій баталіонъ изъ 3-хъ ротъ (телефонная, телеграфная и радіотелеграфная).

Воздушный флотъ. 3 воздухоплавательныя эскадрильи съ 29 аппаратами, изъ нихъ 2 боевыхъ эскадрильи и 1 учебная. Боевыя вооружены пулеметомъ Максима и Парабеллумъ.

1 автомобильный баталіонъ изъ 3 колоннъ: санитарной, обозной и легкой.

Войска сведены въ 4 дивизіи. Дивизія состоитъ изъ 3 пѣх. полковъ, 1 артиллерійскаго дивизіона, 1 саперной роты, обоза и санитарнаго отдѣленія.

3 кавалерійскихъ полка сведены въ кавалерійскую дивизію.

Войска расположены главнымъ образомъ на границѣ съ Польшей и въ центрѣ Литвы.

Призывной возрастъ — 20 лѣтъ. Срокъ службы 25 лѣтъ, изъ коихъ подъ знеменами для пѣхоты 2 года, для остальныхъ родовъ войскъ 3 года; въ резервѣ 1-го разряда 5 и 4 года, въ резервѣ II-го разряда 8 лѣтъ и въ ополченіи 10 лѣтъ.

Польша.

ВОЕННО-УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Съ начала существованія государства потребовалось не только подготовлять молодыхъ людей для занятія офицерскихъ должностей, но и установить единство въ наличномъ офицерскомъ корпусѣ, доставшемся отъ трехъ государствъ. Поэтому были открыты не только военныя училища, но и многочисленные офицерскіе курсы, черезъ которые должны были пройти почти всѣ офицеры.

Въ настоящее время существуютъ слѣдующіе курсы и школы:

I. ДЛЯ ОФИЦЕРОВЪ.

а) Курсы для старшихъ начальниковъ. Продолжаются одинъ мѣсяцъ. На нихъ командируются группами по 10—12 человѣкъ начальники пѣхотныхъ дивизій, командиры кавалерійскихъ и пѣхотныхъ бригадъ и начальники артиллеріи корпусовъ.

б) Центральная школа въ Рембертовѣ. Курсъ 3 мѣсяца. Командируются группами по 30 человѣкъ командиры полковъ и командиры техническихъ отдѣльныхъ частей. Здѣсь же есть курсъ и для командировъ баталіоновъ и соотвѣтствующихъ имъ начальниковъ.

в) Постоянная артиллерійская школа стрѣльбы въ Торнѣ; состоитъ изъ 4 отдѣловъ.

1) Постоянная артиллерійская школа для офицеровъ. Курсъ продолжается 6 мѣсяцевъ. Обучаются командиры дивизіоновъ, батарей и взводовъ.

2) Низшая офицерская школа. Курсъ 10 мѣсяцевъ. Черезъ школу проходятъ взводные командиры. Эта школа временная и будетъ существовать еще 5—6 лѣтъ.

3) Унтеръ-офицерскіе курсы· Продолжаются 6 мѣсяцевъ. Командируются унтеръ-офицеры, прошедшіе полковую школу.

4) Курсы для резервныхъ офицеровъ. Продолжаются 6 мѣсяцевъ. Поступаютъ рядовые съ высшимъ образованіемъ, прослужившіе въ войскахъ 3 мѣсяца. Окончившіе возвращаются въ часть солдатами и оканчиваютъ срокъ службы.

г) Высшая военная школа (Генеральнаго Штаба) въ Варшавѣ. Продолжительность курска 2 года. Подготовляются на долж-

ность старшихъ начальниковъ, а для подготовки офицеровъ Генеральнаго Штаба еще одногодичный курсъ.

При школѣ отдѣлъ для старшихъ артиллерійскихъ офицеровъ (3 мѣсяца), интендантовъ (2 года) и военныхъ врачей (5 мѣсяцевъ).

II. ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ВЪ ОФИЦЕРЫ.

1) Школа подхорунжихъ въ Варшавѣ. Курсъ продолжается одинъ годъ, послѣ чего окончившіе выпускаются въ войска съ чиномъ подхорунжаго. Впослѣдствіи они могутъ поступать въ военныя училища.

2) Офицерская школа въ Бидгостѣ (военное училище). Курсъ 2 года. Выпускаемые въ пѣхоту назначаются подпоручиками въ войска, а прочіе оканчиваютъ дополнительный шестимѣсячный спеціальный курсъ. Поступаютъ окончившіе кадетскіе корпуса и получившіе образованіе IV разряда унтеръ-офицеры.

3) Пѣхотная офицерская школа въ Варшавѣ. Условія тѣ же, что и въ предыдущей, но окончившіе выпускаются въ пѣхоту.

4) Кавалерійская офицерская школа въ Гружонцѣ. Условія поступленія какъ и въ предыдущую. Курсъ 2 года. При школѣ одногодичный курсъ для младшихъ офицеровъ, для чего имѣется 2 учебныхъ эскадрона.

5) Артиллерійско-инженерная школа въ Варшавѣ. Курсъ 3 года и дѣлится на 2 отдѣла общій и спеціальный.

III. ДЛЯ СОЛДАТЪ.

1) Центральныя пѣхотныя унтеръ-офицерскія школы №1 и №2 въ Хелмно и Гружонцѣ. Курсъ продолжается 1 годъ. Окончившіе выпускаются унтеръ-офицерами въ войска.

IV. РАЗНЫЯ ШКОЛЫ ДЛЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ.

1) Школа въ Хелмно для пулеметчиковъ и артиллеристовъ полковой артиллеріи. Курсъ 3 мѣсяца.

2) Школа противоаэропланной обороны въ Варшавѣ. Курсъ 3 мѣсяца.

3) Инженерная школа въ Повонзкахъ (въ Варшавѣ). Курсъ 7 мѣсяцевъ.

4) Саперная и желѣзнодорожная школа въ Яблонѣ. Курсъ 8—10 мѣсяцевъ.

5) Школа связи въ Зегржѣ. Курсъ 8 мѣсяцевъ.

6) Танковая школа въ Варшавѣ. Курсъ 9 мѣсяцевъ.

7) Автомобильная школа въ Варшавѣ. Курсъ 6—8 мѣсяцевъ.

8) Курсъ борьбы противъ газовъ въ Варшавѣ. 3 мѣсяца.

9) Курсъ обозный въ Варшавѣ. 3 мѣсяца.

10) Низшая школа для пилотовъ въ Бидгостѣ.

11) Высшая школа для пилотовъ въ Гружонцѣ.

12) Школа наблюдателей въ Торнѣ.

13) Школа механиковъ въ Бидгостѣ.

14) Школа физическаго воспитанія въ Познани.

15) Школа для кандидатовъ въ резервные офицеры при штабахъ корпусовъ для пѣхоты, при штабахъ конныхъ бригадъ для кавалеріи и въ Торнѣ при артиллерійской школѣ для артиллеріи и техническихъ войскъ.

16) Морская школа въ Торнѣ.

Румынія.

СОСТАВЪ РУМЫНСКОЙ АРМІИ.

7 армейскихъ корпусовъ трехдивизіоннаго состава — 21 дивизія, 2 отдѣльныя стрѣлковыя дивизіи, 3 отдѣльныя стрѣлковыя бригады, 1 отдѣльная пѣхотная бригада.

2 кавалерійскія дивизіи (рошіоры), 7 отдѣльныхъ кавалерійскихъ бригадъ (калараши).

4 полка тяжелой артиллеріи, 1 полкъ противоаэропланной артиллеріи, 1 бригада войскъ сообщеній, 7 авіаціонныхъ группъ, 1 корпусъ пограничной стражи, 1 морская дивизія и 1 Дунайская флотская дивизія.

Пѣхота. 58 полевыхъ трехбаталіоннаго состава полковъ. 28 резервныхъ и 14 стрѣлковыхъ полковъ двухбаталіоннаго состава. Всего 100 пѣхотныхъ полковъ.

Пѣхота вооружена винтовками и пулеметами почти всѣхъ существующихъ въ Европѣ системъ.

Конница. 12 полковъ „Рошіоры“, 13 полковъ „Калараши“ и 1 полкъ королевской гвардіи; всего 26 полковъ.

Вооруженіе — карабинъ и сабля, а у „Рошіори“ и пика.

Артиллерія. Полевая — 21 полкъ трехдивизіоннаго состава.

Вооруженіе — русская 3″ пушка и 75 мил. пушка Круппа и Шкода.

Гаубичная — 21 полкъ двухдивизіоннаго состава.

Вооруженіе — русскія 48 линейныя гаубицы, французскія — 105, 120 и 155 мил., англійскія 127 и 152 мил. и германскія 150 мил.

Полкъ полевой и полкъ гаубичной артиллеріи составляютъ бригаду, которая входитъ въ составъ пѣхотной дивизіи.

1 полкъ горныхъ гаубицъ.

Тяжелая артиллерія — 4 артиллерійскихъ полка, вооруженныхъ 120, 150 и 210 мил. германскими и 380 и 420 мил. австрійскими.

Конная артиллерія — 2 дивизіона, приданные 2 кавалерійскимъ дивизіямъ.

Инженерныя и техническія войска. 7 піонерныхъ полковъ по 3 баталіона (по одному полку иа корпусъ); 2 желѣзнодорожныхъ полка по 3 баталіона; 1 понтонный полкъ изъ 3 баталіоновъ; 1 полкъ спеціалистовъ, состоящій изъ: 1 баталіона без-

проволочнаго телеграфа, 1 прожекторнаго баталіона, 1 техническаго баталіона и 1 гидротехнической роты; и 1 баталіонъ горныхъ піонеровъ, при которомъ состоитъ фуникулерная рота (воздушная желѣзная дорога).

Воздушный флотъ. 5 авіаціонныхъ группъ, изъ которыхъ 2 развѣдывательныхъ, 1 бомбардировочная, 1 боевая и 1 учебная; 1 гидропланная группа и 1 аэростатная группа. Аппаратовъ 143. 1 полкъ боевыхъ автомобилей. 1 баталіонъ танковъ, 1 группа блиндированныхъ поѣздовъ и 1 группа блиндированныхъ автомобилей.

Корпусъ пограничной стражи. — 2 бригады по 2 полка.

Флотъ. Состоитъ изъ Черноморской морской дивизіи, имѣющей 2 контръ-миноносца, 6 миноносцевъ, 4 канонерскихъ лодокъ и 6 развѣдывательныхъ судовъ и Дунайской дивизіи, имѣющей 7 мониторовъ и 8 рѣчныхъ развѣдывательныхъ судовъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЭРИХЪ ЛЮДЕНДОРФЪ. Мои военныя воспоминанія 1914—1918 г.г. Переводъ О. Г. Моровичъ. Томъ І. Изданіе Милана Аумана. Кржко. Югославія.

Вслѣдствіе событій въ Россіи, начиная съ 1917 года, русская военная литература оказалась очень бѣдной не только самостоятельными произведеніями русской военной мысли, но даже и переводными. Можно безъ преувеличенія сказать, что не только для широкихъ русскихъ военныхъ круговъ, но не рѣдко даже и для спеціалистовъ, почти весь огромный опытъ міровой войны 1914—1918 г.г. остается и по нынѣ весьма мало освѣщеннымъ и почти не изслѣдованнымъ.

Поэтому каждая вновь появляющаяся на русскомъ языкѣ книга, серьезно касающаяся военныхъ явленій, представляетъ собою цѣнный вкладъ, давая возможность русскимъ читателямъ шире ознакамливаться съ рядомъ фактовъ, порою неизвѣстныхъ ранѣе, и дѣлать тѣ или иные выводы, столь необходимые для будущаго.

Съ этой точки зрѣнія особенный интересъ представляютъ военныя воспоминанія ген. Э. Людендорфа, на долю котораго выпало самое близкое участіе въ руководствѣ главнѣйшими операціями сначала на Восточно-Германскомъ фронтѣ противъ Русскихъ армій, а затѣмъ непосредственное руководство всѣми сухопутными операціями на всѣхъ Германскихъ фронтахъ противъ Антанты.

Весьма знаменательно посвященіе ген. Людендорфа, присланное имъ въ видѣ автографа первому русскому изданію „Воспоминаній".

Запоздалымъ раскаяніемъ звучитъ отъ этого посвященія, русскій переводъ котораго гласитъ слѣдующее:

> „Мои военныя воспоминанія я написалъ для нѣмецкаго народа, чтобы онъ, гордясь своими великими подвигами во время міровой войны, вынесъ урокъ для предстоящаго ему серьезнаго, тяжелаго будущаго. Но и другимъ народамъ эта книга даетъ нѣкоторыя указанія. Нѣмцевъ и русскихъ она учитъ тому, что они сдѣлали величайшую ошибку, вступивъ въ войну и нанеся друъ другу такія тяжелыя раны. Но этого требовала начавшаяся война. Пусть же будущее убережетъ оба народа, предназначенные для тѣснаго единенія, отъ возможности снова скрестить мечи. Будущее требуетъ сплоченной, полной довѣрія общей

работы, основанной на взаимномъ пониманіи и уваженіи къ правамъ другого народа.

Моимъ товарищамъ по храброй Русской арміи, пролившимъ столько драгоцѣнной крови на поляхъ сраженія міровой войны и въ борьбѣ съ большевистскимъ терроромъ, я, какъ представитель старой нѣмецкой арміи, протягиваю руку.

Да хранитъ Богъ Россію и ея старую армію".

Рождество 1921 г. Людендорфъ.

Это посвященіе особенно интересно въ сопоставленіи съ нижеслѣдующими словами „воспоминаній", которыми Людендорфъ, характеризуя условія прошедшей войны, даетъ поясненія многимъ и очень многимъ фактамъ, столь настойчиво отвергаемымъ нѣмцами. Вотъ эти слова:

„мы должны были принимать рѣшенія огромной важности, которыя вытекали съ подавляющей послѣдовательностью изъ военнаго положенія, изъ нашего пониманія войны и изъ сущности этой войны"... „къ войнѣ съ непріятельскими вооруженными силами на обширныхъ фронтахъ и широкихъ моряхъ присоединилась борьба съ душою и жизненными силами народовъ съ цѣлью ихъ разложенія и подрыва"... „Намъ не оставалось ничего иного, какъ, дѣйствуя по долгу и совѣсти, взять на себя огромную отвѣтственность и мы считали это необходимымъ для достиженія побѣды"... (1 и 2-ая страницы).

Не вытекаетъ ли изъ отмѣченныхъ выше словъ, та основная мысль ген. Людендорфа, а въ его лицѣ и всего Германскаго Генеральнаго Штаба, которая, въ неизбѣжномъ своемъ развитіи, должна была привести и къ посылкѣ въ Россію запломбированнаго вагона съ главарями большевизма и къ дальнѣйшему соучастію съ ними (Мирбахъ въ Москвѣ) въ работѣ по разложенію души и жизненныхъ силъ Россіи.

Когда же болѣе искренно и правдиво звучатъ слова г. Людендорфа — когда онъ выдаетъ эти затаенныя мысли, или когда онъ пишетъ посвященіе уничтоженной при его содѣйствіи Русской арміи? Выводъ представляется читателю.

Не менѣе характерны и начальныя слова „Воспоминаній":

„Маневръ на Льежъ открылъ собою рядъ нѣмецкихъ побѣдъ. Это было смѣлое рѣшеніе и отважное выполненіе задуманнаго".

Эти слова особенно знаменательны въ устахъ ген. Людендорфа, въ виду стремленія нѣмцевъ свалить на другихъ вину въ происшедшей войнѣ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ искренности чувствъ дружбы и симпатіи, высказываемыхъ въ посвященіи ген. Людендорфомъ къ

Россіи и старой Русской арміи, надо отмѣтить, что Военныя воспоминанія ген. Людендорфа представляютъ трудъ, заслуживающій серьезнаго вниманія и изученія.

Воспоминанія охватываютъ почти всю войну, начиная съ августа 1914 года, заставшимъ Людендорфа въ роли бригаднаго командира, участвующаго въ захватѣ нейтральнаго Льежа и кончая августомъ 1918 года, когда ген. Людендорфъ „предложилъ" генералъ-фельдмаршалу освободить его отъ занимаемой имъ должности I-го генералъ-квартирмейстера.

Воспоминанія раздѣляются на два крупныхъ отдѣла, очерчивающихъ 1-й — дѣятельность ген. Людендорфа въ роли начальника штаба на Восточномъ фронтѣ въ теченіе 2-хъ лѣтъ, по августъ 1916 года, и 2-й — дѣятельность его, какъ 1-го генералъ-квартирмейстера, тоже въ теченіе 2-хъ лѣтъ, по августъ 1918 года.

Этимъ 2 отдѣламъ воспоминаній предшествуютъ 2 главы одна „Мои мысли и дѣйствія", представляющая собою нѣкоторыя общія мысли Людендорфа о сущности войны; о соотношеніяхъ между арміей и тыломъ при современныхъ масштабахъ войны; о роли и значеніи политическихъ партій и Верховнаго Командованія; о личныхъ отношеніяхъ между фельдмаршаломъ Гинденбургомъ и Людендорфомъ; о дѣловой жизни штаба и порядкѣ отношеній къ фронтамъ. Эта глава, несмотря на свою сжатость, представляетъ очень большой интересъ, какъ рисующая общій взглядъ Людендорфа на суть военныхъ явленій и какъ дающая возможность заглянуть въ нѣкоторые тайники, обычно весьма тщательно скрываемые отъ посторонняго глаза.

„Ліежъ" представляетъ для ген. Людендорфа самое любимое воспоминаніе походной жизни: подъ Льежемъ онъ сражался въ общихъ рядахъ, какъ простой солдатъ.

Въ этой главѣ ген. Людендорфъ свидѣтельствуетъ, что оперативный планъ „нарушенія нейтралитета Бельгіи былъ давно задуманъ и разработанъ по мысли ген. Шлиффена, предложившаго его на тотъ случай, если бы Франція не соблюла нейтралитета Бельгіи или если бы послѣдняя примкнула къ Франціи".

Людендорфу неизвѣстно „обсуждался ли генераломъ Мольтке съ рейхсканцлеромъ Бетманомъ вопросъ о прохожденіи черезъ Бельгію", но „всѣ мы были убѣждены въ правильности этого плана и въ нейтралитетъ Бельгіи никто не вѣрилъ".

Первый отдѣлъ воспоминаній представляетъ исключительный интересъ для русскаго военнаго читателя, такъ какъ въ немъ повѣствуется о событіяхъ Русско-Нѣмецкаго фронта въ теченіе первыхъ 2-хъ лѣтъ войны: бои у Танненберга, Мазурскихъ озеръ, на Вислѣ, Бзурѣ, Варшава, Новогеоргіевскъ, переходъ черезъ Нѣманъ, Ковно. Сколько событій, сколько жертвъ. Сколько утраченныхъ возможностей съ нашей стороны измѣнить ходъ событій. Не вдаваясь въ подробности, требующія историческаго документальнаго сопоставленія и анализа, для котораго здѣсь нель удѣлить мѣста, необходимо отмѣтить два факта, приводимыхъ ген. Людендорфомъ въ этой части

его воспоминаній. Говоря объ августовскихъ бояхъ въ Восточной Пруссіи, отмѣчая выяснившееся для нѣмцевъ крайне медленное движеніе и пассивность дѣйствій І-й арміи ген. Ренненкампфа, давшихъ нѣмцамъ возможность пренебречь І-ой арміей, ген. Людендорфъ указываетъ, что

> „во время переѣзда изъ Маріенбурга въ Танненберъ намъ прислали перехваченное у непріятеля радіо, давшее намъ ясную картину его плановъ на ближайшіе дни". (Стр. 47).

Это открывало нѣмцамъ наши карты и давало имъ возможность вести игру навѣрняка, будучи слабѣе насъ вообще, но сосредоточеннѣе и сильнѣе въ частности. Поэтому горделивыя слова Людендорфа, которыми онъ заканчиваетъ описаніе этихъ боевъ:

> „Мы выиграли одно изъ наиболѣе блестящихъ сраженій всемірной исторіи и выиграли его войсками, которыя сражались въ теченіе недѣль и не всегда со счастливымъ исходомъ. Мы были обязаны этимъ только нашей военной подготовкѣ мирнаго времени"...

хотя и заключаютъ въ себѣ правду — но не всю правду — бои были выиграны не только благодаря лучшей подготовкѣ, но и благодаря тѣмъ роковымъ для русскихъ случайностямъ, которыя оказались счастливыми для нѣмцевъ.

Нельзя не отмѣтить здѣсь, въ виду высказанныхъ ген. Людендорфомъ привѣтствій по адресу Русской арміи, что

> „по его предложенію этотъ бой былъ названъ боемъ у Танненберга, въ противовѣсъ тому, какъ Германскій рыцарскій орденъ былъ разбитъ соединенными арміями Литвы и Польши (и русскими въ 1410 г., Грюнвальдъ).

Второй фактъ, крайне интересный съ точки зрѣнія оцѣнки успѣховъ нѣмецкихъ войскъ, приводится ген. Людендорфомъ въ описаніи октябрьскихъ боевъ въ Польшѣ при первомъ наступленіи нѣмцевъ на Варшаву. Здѣсь также

> „у убитаго или раненаго русскаго офицера на полѣ сраженія 9 октября былъ найденъ приказъ, давшій намъ необычайно важныя указанія"...
>
> „Найденный у Гройцы приказъ далъ намъ ясную картину непріятельскихъ намѣреній. Планъ Великаго Князя былъ широко задуманъ и полонъ опасностей для насъ" (стр. 82-ая) и если бы планъ удался, то побѣда Россіи, на которой державы строили свои стратегическія соображенія, была бы обезпечена".

Опять роковая для насъ случайность, открывающая глаза нѣмцамъ.

Невольно вспоминается осторожность Наполеона, избѣгавшаго столь откровенныхъ приказовъ и такъ часто примѣнявшаго систему

отдѣльныхъ распоряженій, общая совокупность которыхъ была извѣстна лишь ему одному, чѣмъ и достигалось сохраненіе тайны, главнѣйшаго элемента внезапности. Могутъ возразить—условія измѣнились, необходима широкая оріентировка, пониманіе маневра. Да это такъ. Но вѣдь маневръ маневру рознь, То, что знаетъ командующій фронтомъ или арміей — отнюдь не должно стать достояніемъ противника, а это становится возможнымъ, разъ директивы Ставки такъ небрежно хранятся или передаются по радіо почти въ открытую, ибо не всегда и шифръ гарантируетъ тайну. Между тѣмъ обнаруженіе нѣмцами найденнаго ими 9 октября плана Великаго Князя дало имъ возможность своевременно выйти изъ приготовленной имъ западни. Все-таки, несмотря на это, Людендорфъ свидѣтельствуетъ, что „положеніе было чрезвычайно критическое" (стр. 88) и нѣмцамъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій русскихъ, пришлось прибѣгнуть къ такой крайней мѣрѣ, какъ полное разрушеніе дорогъ при отступленіи. Оцѣнивая дѣятельность русскаго командованія, Людендорфъ говоритъ:

„Великій Князь былъ настоящій солдатъ и полководецъ".

Страницы воспоминаній ген. Людендорфа часто заполняются сѣтованіями на Австрію и другихъ союзниковъ —

„во всякомъ случаѣ наша связанность съ такими вымирающими государствами, какъ Австро-Венгрія и Турція были для насъ роковыми".

Представляется весьма интересной глава „Штабъ Главнокомандующаго Восточнымъ фронтомъ въ Ковно". Эта глава посвящена преимущественно воспоминаніямъ объ административной работѣ и указываетъ, какую сложную и серьезную работу приходится вести руководящимъ органамъ арміи, дабы обезпечить успѣхъ фронта.

Ограниченные размѣры мѣста не позволяютъ подробнѣе отмѣтить рядъ весьма интересныхъ и цѣнныхъ воспоминаній, полныхъ жизненныхъ наблюденій и поучительныхъ выводовъ, разбросанныхъ авторомъ на страницахъ его книги и можно только горячо посовѣтовать каждому лично ознакомиться съ нею.

Второй отдѣлъ воспоминаній, касающійся дѣятельности ген. Людендорфа въ роль Перваго Генералъ-Квартирмейстера—также полонъ интереса, но уже болѣе общаго характера. Здѣсь, кромѣ воспоминаній о тѣхъ или иныхъ военно-историческихъ событіяхъ, разсѣяно много мыслей и соображеній, касающихся новыхъ условій веденія войны и связанныхъ съ этимъ особенностей. Съ этой точки зрѣнія представляется заслуживающей особеннаго интереса глава „основы дальнѣйшаго веденія войны и военный аппаратъ", въ которой ген. Людендорфъ описываетъ рядъ мѣропріятій и заботъ, практически проводившихся имъ въ жизнь для обезпеченія странѣ и арміи возможности выносить напряженіе войны. Въ этихъ цѣляхъ проводится законъ о всеобщей трудовой повинности всего населенія отъ дѣтей до стариковъ и женщинъ включительно, насильственно от-

правляются внутрь Германіи на работы бельгійцы и другіе иностранцы, обращаются въ рабочихъ плѣнные, развивается до предѣла военно-заводская дѣятельность, изготовляются новыя орудія, новыя средства борьбы, осуществляется такъ называемая „большая программа Гинденбурга“.

Эта глава даетъ весьма яркую характеристику того общаго огромнаго напряженія, которое является необходимымъ слѣдствіемъ тягостей войны, регулированіе котораго входитъ какъ одна изъ главныхъ задачъ въ обязанность военнаго руководительства страны.

Удѣлено вниманіе и оцѣнкѣ настроеній арміи и населенія и тѣхъ мѣръ, которыя являются необходимыми для поддержанія моральныхъ данныхъ на надлежащей высотѣ.

Красною нитью проходитъ въ воспоминаніяхъ преклоненіе передъ доблестью и превосходствомъ нѣмецкаго народа и нѣмецкой подготовки; оно сказывается и въ оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ военно-историческихъ событій, поэтому при чтеніи ихъ необходимо это имѣть въ виду, но кромѣ этой особенности въ остальномъ воспоминанія настолько цѣнны и значительны по своей практической жизненности, что ознакомленіе съ ними необходимо не только военнымъ, но и всѣмъ вообще. Переводъ выполненъ очень тщательно и вполнѣ литературно. Къ изданію приложены ясныя карты и схема, поясняющія ходъ событій.

В. В.

АЛЕКСАНДРЪ СЛИВИНСКІЙ, Ген. Шт. Полк. Конный бой 10 кавалерійской дивизіи Генерала Графа Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославице. Брошюра 56 стр. со схемами.

Въ маленькой брошюрѣ А. Сливинскій описываетъ боевой эпизодъ изъ первыхъ дней Великой войны. Огромные размѣры Великой войны давно заслонили отъ насъ этотъ эпизодъ столкновенія двухъ кавалерійскихъ дивизій. Грохотъ тысячъ батарей и разрушительный эффектъ ихъ снарядовъ заглушилъ и смелъ одно изъ первыхъ впечатлѣній войны, а брошюра Сливинскаго настойчиво возвращаетъ насъ къ этому, казалось-бы, ничтожному по значенію конному бою. Въ чемъ же дѣло? Чѣмъ объясняется страстное желаніе автора подѣлиться своими воспоминаніями о боѣ 8/21 августа?

По мѣрѣ того, какъ читатель углубляется въ чтеніе брошюры, событія, описанныя въ ней, захватываютъ его все болѣе и болѣе. Точныя детали и многія мелкія подробности, казалось-бы, нѣсколько обременяющія брошюру, придаютъ ей, однако, такую жизненную правдивость, что читатель невольно переносится на поле сраженія и горячо переживаетъ тревожное ожиданіе той роковой развязки, къ которой приводитъ конный бой...

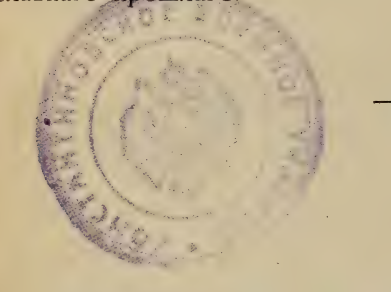
Рѣшимость гр. Келлера, во что-бы то ни стало довести дѣло до коннаго столкновенія съ австрійской конницей, выражается въ такомъ

общемъ порывѣ частей 10-й кавалерійской дивизіи, что рѣшеніе это, принятое вопреки обстановкѣ, но неукоснительно проведенное въ жизнь, видоизмѣняетъ самое обстановку и приводитъ 10-ую кавалерійскую дивизію къ побѣдѣ.

Казалось-бы разумное и теоретически обоснованное рѣшеніе н-ка 4-й австрійской кавалерійской дивизіи ген. Зарембы выждать на мѣстѣ подходъ противника, заставить его пройти по трудной мѣстности и атаковать его на подъемѣ, опрокинуть шокомъ сверху внизъ — обезпечивали ему успѣхъ. Но изъ двухъ столкнувшихся положительныхъ данныхъ рѣшимости и раціональнаго рѣшенія — для коннаго боя рѣшимость оказалась болѣе могущественнымъ факторомъ.

Нельзя безусловно согласиться со всѣми выводами, крайне важными и многочисленными, выведенными авторомъ брошюры изъ одного эпизода 8/21 августа, но несомнѣнна очень большая поучительность изложеннаго матеріала и чрезвычайная важность его, какъ правдиваго и точнаго свидѣтельства, дающаго возможность заглянуть въ тайники душевныхъ переживаній бойца и кавалерійскаго начальника въ условіяхъ коннаго боя.

Не только отъ имени частей 10-й кавалерійской дивизіи, но и отъ всей русской конницы большое спасибо полк. Сливинскому за его брошюру, чтеніе которой отрываетъ насъ отъ тяжелой будничной дѣйствительности и возвращаетъ къ недавнимъ еще временамъ славнаго прошлаго.



Номеръ выпущенъ 24-го ноября 1923 г.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
Королевство
Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ
БѢЛГРАДЪ, Проте-Матеіе 51.

Редакторы генеральнаго штаба:
Полковники: В. М. ПРОНИНЪ
И. Ф. ПАТРОНОВЪ
Адмиралъ: А. Д. БУБНОВЪ.

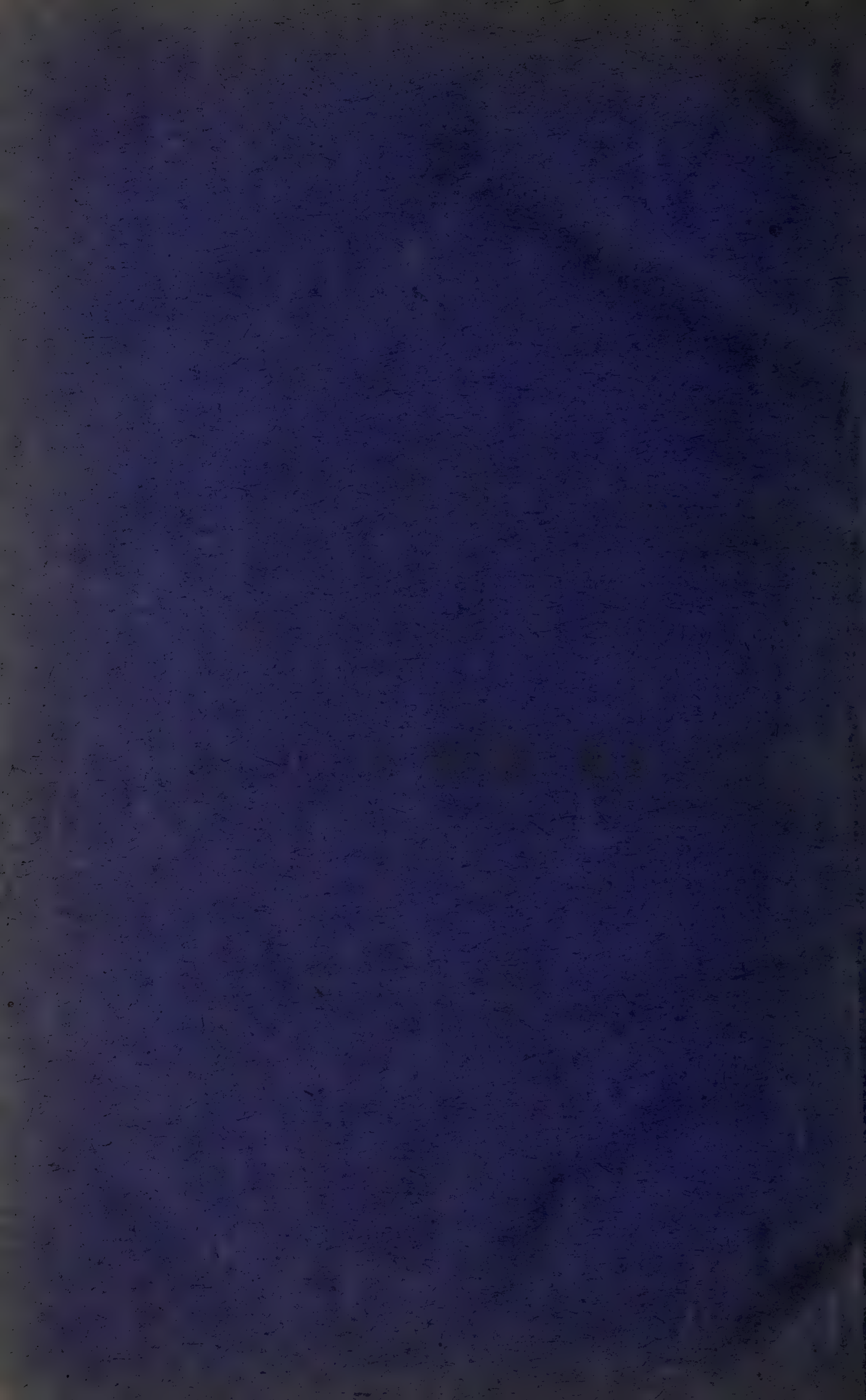
ОГЛАВЛЕНІЕ.

МОРСКОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Портретъ генералъ-отъ-инфантеріи
Ф. Ф. Палицына.

„Русская Типографія“, Бѣлградъ, Космайская, 20,
во дворѣ (въ помѣщеніи „Штампарија Савеза
Проф. Зан Удружење“).



ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.

REVUE
PUBLIÉE PAR LA SOCIÉTE
DES ETUDES MILITAIRES

ВОЈНИ ЗБОРНИК
ДРУШТВА ПРИЈАТЕЉА
ВОЈНИХ ЗНАЊА

Книга 5.

1924 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

БѢЛГРАДЪ
Королевство Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ.

Отъ редакціи.

Редакція „Военнаго Сборника“ проситъ всѣхъ желающихъ сотрудничать въ Сборникѣ присылать свои статьи на имя Редактора Генеральнаго Штаба Полковника В. М. Пронина. Serbie, Belgrad, Prote-Mateie № 51.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.

REVUE
PUBLIÉE PAR LA SOCIÉTE
DES ETUDES MILITAIRES

ВОЈНИ ЗБОРНИК
ДРУШТВА ПРИЈАТЕЉА
ВОЈНИХ ЗНАЊА

Книга V.

1924 г.

БѢЛГРАДЪ
Королевство Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ

Редакція „Военнаго Сборника" приглашаетъ всѣхъ, желающихъ сотрудничать въ Сборникѣ, присылать свои статьи на имя Редактора, Генеральнаго Штаба Полковника В. М. ПРОНИНА — Сербія, Бѣлградъ, Проте-Матеіе улица, № 51.

Редакторы „ВОЕННАГО СБОРНИКА"

Генеральнаго Штаба Полковникъ В. М. ПРОНИНЪ.
Генеральнаго Штаба Полковникъ И. Ф. ПАТРОНОВЪ.

Редакторы Военно-Морского отдѣла:
Адмиралъ А. Д. БУБНОВЪ.
Кап. 2 р. П. А. МОНАСТЫРЕВЪ.

Современная конница.

(Изъ записокъ бывшаго профессора).

(Продолженіе).

ОЧЕРКЪ IV.

КОННЫЙ БОЙ 10-й КАВАЛЕРІЙСКОЙ ДИВИЗІИ ГЕНЕРАЛА ГРАФА КЕЛЛЕРА И 4 АВСТРІЙСКОЙ КАВ. ДИВИЗІИ ГЕНЕРАЛА ЗАРЕМБА 8(21) АВГУСТА 1914 года.

I.

Въ теченіи 4-хъ лѣтъ минувшей войны на европейскомъ театрѣ былъ только одинъ случай столкновенія въ сомкнутомъ конномъ строю двухъ кавалерійскихъ массъ. Это былъ бой между 10-ой кавалерійской дивизіей графа Келлера и 4-ой австрійской кавалерійской дивизіей генерала Заремба.

Современная военная наука производитъ переоцѣнку всѣхъ существовавшихъ до міровой войны тактическихъ взглядовъ. Съ особенной настойчивостью эта работа разрушаетъ предразсудки, царствовавшіе въ области тактики кавалеріи. Но эта переоцѣнка не можетъ считаться законченной, если она не проанализируетъ самымъ внимательнымъ образомъ этотъ рѣдкій, но все же имѣвшій мѣсто случай.

Предлагаемая работа и посвящается этому анализу.

Мы должны въ началѣ ея предупредить читателя, что придержались въ ней метода нѣсколько отличнаго отъ пріемовъ обыкновенно принятыхъ въ различныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ.

Въ явленіяхъ коннаго боя, основывающагося на примѣненіи холоднаго оружія, вопросы психики получаютъ исключительно господствующее значеніе. Эту скрытую духовную сторону явленій слѣдуетъ все время имѣть въ виду при обсужденіи вопросовъ коннаго боя, дабы не впасть въ ошибку „механическаго“ его пониманія, чѣмъ какъ разъ и грѣшила до-военная кавалерійская доктрина во всѣхъ арміяхъ. А между тѣмъ, внутренняя духовная сторона боевыхъ явленій почти всегда въ изслѣдованіяхъ опускается и прежде всего забывается то, что каждый изъ участниковъ дѣйствовалъ на основаніи той обстановки, которая ему „казалась“ и которая часто сильно отличается отъ той, которая была въ дѣйствительности. Скоротечность явленій коннаго боя не даетъ возможности участникамъ контролировать свои впечатлѣнія, хотя бы въ той мѣрѣ какъ это допускается въ несравненно болѣе длительныхъ огневыхъ бояхъ.

Крайнее же напряженіе нервовъ въ кавалерійскихъ столкновеніяхъ можетъ доводить участниковъ до зрительныхъ и слуховыхъ галлюцинацій.

Вотъ почему мы и считали, что для того, чтобы правильно понять природу коннаго боя необходимо пойти по слѣдующему пути: изучить въ отдѣльности дѣйствія каждой стороны такими какими они переживались въ минуты боя участниками, возстановивъ также и тѣ воображаемыя картины, которыя имъ рисовались; только послѣ подобнаго изученія каждой стороны приступить въ выводамъ о „реальностяхъ" коннаго боя. Таковъ былъ методъ нашей работы; по этому же пути мы предлагаемъ послѣдовать за нами читателю.

Прежде всего мы дадимъ картину боя такой, какой она представлялась на русской сторонѣ. Затѣмъ мы перейдемъ къ описанію дѣйствій съ австрійской стороны и только послѣ этого сдѣлаемъ общій выводъ.

II.

Матеріалами для изложенія боевыхъ дѣйствій 10-й кав. дивизіи послужили письма участниковъ боя, къ которымъ мы обратились съ просьбой дать описанія личныхъ переживаній.

Изъ этихъ описаній по преимуществу нами использованы два: 1) описаніе, составленное однимъ изъ моихъ лучшихъ учениковъ по Академіи, Генеральнаго Штаба полковникомъ (тогда капитана) Сливинскимъ; въ бою у д. Волчковце капитанъ Сливинскій исполнялъ обязанности начальника штаба генерала графа Келлера; 2) письмо одного изъ лучшихъ кавалерійскихъ начальниковъ генерала Барбовича, бывшаго въ этомъ бою ротмистромъ Ингерманландскаго гусарскаго полка и командовавшаго дивизіономъ изъ двухъ эскадроновъ этого полка; этотъ дивизіонъ сыгралъ въ бою у Волчковце рѣшающую роль.

Долженъ замѣтить, что ни одному изъ моихъ корреспондентовъ, въ минуту составленія мнѣ отвѣтовъ, не были извѣстны австрійскія описанія боя и поэтому они излагаютъ то, что происходило на австрійской сторонѣ такимъ какимъ тогда имъ это казалось*).

* * *

Съ началомъ войны русская конница была выдвинута передъ фронтомъ армій. Для высшаго командованія нужно было возможно

---

*) Полковникомъ Сливинскимъ присланная мнѣ рукопись была впослѣдствіи связана съ австрійскими данными и затѣмъ издана отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „Конный бой 10 й кавалерійской дивизіи графа Келлера 8(21) августа 1914 года у д. Ярославице". Мы отсылаемъ къ этой брошюрѣ желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ боемъ. Сами же въ настоящемъ очеркѣ, вышедшемъ уже въ Американскомъ журналѣ „The Cavalery Journal" мы использовали первоначальную рукопись полковника Сливинскаго безъ внесенныхъ имъ впослѣдствіи исправленій. Мы оставляемъ безъ исправленій и печатаемый очеркъ ибо согласно принятому нами методу работы намъ особенно цѣнно впечатлѣніе участниковъ боя такимъ, какимъ оно было до того какъ занавѣсъ надъ происходившимъ у непріятеля приподнялася.

скорѣе прорвать завѣсу, которой прикрывалось развертываніе Австро-Венгерскихъ армій. Особенно это важно было для 3-ей и 8-ой русскихъ армій, предназначавшихся для быстраго наступленія въ общемъ направленіи на Львовъ, во флангъ и тылъ главной массы Австро-Венгровъ, которая, какъ предполагалось въ нашемъ генеральномъ штабѣ, поведетъ наступленіе противъ нашихъ 4-ой и 5-ой армій, въ общемъ направленіи на Люблинъ — Холмъ*).

7/20-го августа кавалерія 3-ей русской арміи захватила переправы черезъ р. Серетъ. 9-ая и 10-ая**) кавалерійскія дивизіи входили въ составъ этой арміи и въ ночь на 8/21-ое августа расположились: первая — въ гор. Заложце, вторая — въ раіонѣ къ югу отъ этого городка.

На 8/21-ое задачей обѣихъ кав. дивизій являлось продолженіе энергичной развѣдки: 9-ой — въ направленіи на Золочевъ, 10-ой — на Зборовъ; южнѣе дѣйствовала 12 кав. дивизія.

Имѣвшіяся въ распоряженіи штабовъ дивизій свѣдѣнія о противникѣ давали лишь очертаніе той внѣшней завѣсы, которой окутывалась группировка австро-венгерскихъ силъ. Эта завѣса, образованная изъ частей конницы и небольшихъ отрядовъ ландштурмистовъ и пограничныхъ жандармовъ, подъ нажимомъ нашей конницы отходила на западъ. Можно было съ увѣренностью предполагать близость крупныхъ непріятельскихъ кавалерійскихъ соединеній, но нащупать ихъ мѣстонахожденія наша развѣдка не могла.

Около 6 часовъ утра 8/21-го августа 10-ая кавалерійская дивизія выступила съ мѣстъ своего ночлега въ направленіи на Зборовъ. Двигалась она въ одной колоннѣ, имѣя въ авангардѣ Оренбургскій каз. полкъ, одну батарею и пулеметную команду. Впереди находились разъѣзды и по одному развѣдывательному эскадрону отъ гусарскаго и уланскаго полковъ.

Начальникъ дивизіи, генералъ графъ Келлеръ, шелъ въ головѣ авангарда.

Вскорѣ послѣ 8-ми часовъ утра головной отрядъ казаковъ подходилъ къ высотѣ „Острый Гарбъ"***). Въ это время прискакалъ изъ развѣдывательнаго эскадрона офицеръ съ докладомъ, что полчаса тому назадъ, верстахъ въ двухъ къ сѣверу отъ д. Ярославице были замѣчены крупныя массы непріятельской кавалеріи, двигавшіяся со стороны Золочева.

Предполагая, что эта непріятельская кавалерія направляется противъ нашей 9-ой кавалерійской дивизіи, слѣдовавшей въ нѣсколь-

*) Схема № 1.

**) 9-ая кавалерійская дивизія не была въ полномъ составѣ; отъ ея полковъ были откомандированы эскадроны въ качествѣ дивизіонной конницы въ 10-й арм. корпусъ, а именно: отъ 10-го драгун. Новгородскаго полка — два эскадрона, отъ 10-го уланск. Одесскаго полка — одинъ эск., отъ 0 го гусарскаго Ингерманландскаго полка — два эскадрона, отъ 1-го Оренбургскаго казачьяго полка — одна сотня. Такимъ образомъ, весь составъ 10-ой кав. дивизіи достигалъ въ день боя всего 18 эскадроновъ и 12 орудій съ пулеметной командой.

***) См. схему № 2.

кихъ верстахъ къ сѣверу, ген. графъ Келлеръ рѣшилъ измѣнить направленіе движенія своей дивизіи съ тѣмъ, чтобы, двигаясь теперь въ сѣв.-зап. направленіи, постараться охватить непріятельскую кавалерію съ юга.

Оренбургскій казачій полкъ былъ двинутъ въ новомъ направленіи. Изъ главныхъ силъ была вызвана вторая батарея 3-го Донского конно-артиллерійскаго дивизіона и вся артиллерія расположилась на позиціяхъ въ раіонѣ высоты 426 (Беремовка), готовая немедленно поддержать наступленіе казаковъ. Для прикрытія маневра слѣва — на Зборовскомъ направленіи — долженъ былъ оставаться находившійся на развѣдкѣ гусарскій эскадронъ, на усиленіе котораго былъ вызванъ изъ главныхъ силъ еще одинъ гусарскій эскадронъ*).

Почти сейчасъ же послѣ начала своего движенія въ новомъ направленіи Оренбургскимъ казакамъ пришлось ввязаться въ бой съ австрійской пѣхотой. Послѣдняя наступала со стороны высоты „Жамни"; рѣдкія ея цѣпи выходили также изъ лощины рѣчки Малой Стрыпы, въ которой была расположена д. Мониловка. Перебѣжками, скрываясь и стрѣляя изъ за копенъ пшеницы, приближались австрійцы къ разсыпавшимся въ лаву казакамъ. Непріятельскій ружейный огонь все усиливался. На правомъ флангѣ Оренбургцевъ въ перелѣскахъ заработали наши пулеметы. Надъ головами казаковъ разорвалось нѣсколько шрапнелей: стрѣляла непріятельская батарея откуда то съ юга отъ д. Ярославице. Но въ это же время надъ высотой „Жамни" видны были разрывы; это конныя батареи 9-ой кав. дивизіи со стороны Олеюва обстрѣливали австрійскую пѣхоту.

Ген. Келлеръ приказалъ: а) 1-му Оренбургскому казачьему полку немедленно атаковать наступающую пѣхоту, направляя главный ударъ на д. Ярославице, б) 3-му Донскому конно-артиллерійскому дивизіону поддержать атаку Оренбургцевъ, в) главнымъ силамъ „спѣшно подтягиваться".

Наши двѣ конныя батареи**) уже сами, ранѣе полученія приказанія, открыли бѣглый огонь по пѣхотѣ противника, наступавшей со стороны высоты „Жамни". Но очень быстро вслѣдъ за тѣмъ наступленіе австрійцевъ прекратилось и ихъ пѣхота стала отходить въ двухъ направленіяхъ: одна часть уходила на д. Хукаловце, другая, значительно меньшая, на д. Ярославице. Конная артиллерія 10-ой кав. дивизіи сосредоточила тогда свой огонь противъ цѣпей противника, отходившихъ на д. Ярославице и по раіону къ югу отъ этой деревни, гдѣ подымалась все время подозрительная пыль.

Оренбургская лава рысью, а затѣмъ, усиливая аллюръ, двинулась въ атаку на пѣхоту, отходящую на д. Ярославице. Австрійцы пытались встрѣтить эту атаку ружейнымъ огнемъ; но очень скоро ихъ стрѣльба приняла безпорядочный характеръ. Сбиваясь въ группы, они бросились бѣжать къ д. Ярославице. Около двадцати казаковъ свалилось ранеными или убитыми; лошади, почувствовавъ свободу,

*) Изъ ихъ состава впослѣдствіи было выдѣлено прикрытіе конной артиллеріи.

**) См схему № 3.

скакали въ разныя стороны, другія продолжали нестись съ казаками къ деревнѣ.

Начальникъ дивизіи приказалъ своему конвою собрать оставшихся въ тылу пронесшейся лавы австрійцевъ, нѣкоторые изъ нихъ пытались стрѣлять въ тылъ казакамъ. Нѣсколько десятковъ плѣнныхъ было подведено къ штабу дивизіи. Послѣ бѣглаго опроса этихъ плѣнныхъ, штабъ заключилъ: „что эти плѣнные принадлежали къ фусъ-батальону 4-ой австрійской кавалерійской дивизіи, который занималъ д. Ярославице и который долженъ былъ наступать на востокъ; что въ томъ же раіонѣ находилась вся кавалерійская дивизія, выступившая въ этотъ день на разсвѣтѣ со своимъ фусъ-батальономъ изъ Злочова*)".

При приближеніи къ д. Ярославице Оренбургцы были встрѣчены съ окраины сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Казаки спѣшились. Завязался бой за обладаніе этой деревней.

Время подходило къ 10 часамъ.

О 9-ой кавалерійской дивизіи были получены свѣдѣнія, что ея передовыя части достигли лѣса, что къ востоку отъ д. Хукаловце. Изъ за кряжа, тянущагося на юго-западъ отъ этой деревни и отдѣляющаго деревню Ярославице отъ д. Волчковце, непріятельская артиллерія начала энергично обстрѣливать наши конныя батареи. Въ томъ же раіонѣ, откуда доносились непріятельскіе пушечные выстрѣлы, то появлялись, то исчезали, быстро двигающіяся змѣйки, окутанныя клубами пыли; отдѣльныя группы всадниковъ то и дѣло показывались на горизонтѣ. Не оставалось сомнѣній, что въ этомъ раіонѣ находится австрійская кавалерійская дивизія.

Ген. графъ Келлеръ рѣшилъ немедленно же атаковать эту конницу противника, не дожидаясь подхода 9-ой кавалерійской дивизіи; объ этомъ своемъ рѣшеніи ген. графъ Келлеръ сейчасъ же съ ординарцемъ послалъ начальнику этой дивизіи увѣдомленіе. Повидимому, ген. графъ Келлеръ опасался, что австрійская дивизія начинаетъ уже ускользать отъ столкновенія и что благодаря этому австрійская завѣса, осадивъ назадъ, опять не будетъ прорванной. Въ рукахъ у ген. Келлера оставались для этой атаки всего 10 эскадроновъ: Новгородскаго драгунскаго полка — четыре эскадрона, уланскаго Одесскаго — четыре эскадрона и Ингерманландскаго гусарскаго—два эскадрона, итого десять эскадроновъ**). Такимъ образомъ, силы меньшія чѣмъ бригада велись ген. Келлеромъ для атаки непріятеля, превосходящаго, какъ можно было предполагать, въ два раза.

„Имѣлъ ли право ген. графъ Келлеръ, пишетъ начальникъ штаба полковникъ Сливинскій, при подобныхъ условіяхъ рисковать дать бой?

---

*) Какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ, эти свѣдѣнія не были вполнѣ точными.

**) Кромѣ того въ личномъ конвоѣ генерала гр. Келлера былъ одинъ взводъ Оренбургскихъ казаковъ.

„Большинство научныхъ изслѣдованій отвѣтитъ отрицательно. Подавляющее большинство командировъ, попавъ въ положеніе подобное приведенному, предпочло бы уклониться отъ боя, хотя бы до подхода подкрѣпленій.

„Но ген. графъ Келлеръ рѣшилъ иначе... и, пожалуй, имѣлъ на то свои основанія.

„Основанія эти лежали въ психикѣ, опиравшейся на глубокомъ довѣріи вождя къ своимъ войскамъ и на не менѣе сильной вѣрѣ войскъ въ своего командира".*)

Кавалерійскій начальникъ долженъ умѣть „дерзать". Иначе онъ упуститъ всѣ благопріятные для дѣйствія конницы случаи. Ген. графъ Келлеръ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ натурамъ, которыя въ этомъ отношеніи отмѣчены перстомъ судьбы. И онъ дерзнулъ.

Рѣшившись на немедленную атаку онъ приказалъ: а) артиллеріи усилить огонь въ направленіи д. Волчковце, б) командиру одной изъ бригадъ, генералъ-маіору Маркову, вести главныя силы (10 эскадроновъ), скрываясь въ лощинахъ въ томъ направленіи откуда доносились раскаты выстрѣловъ непріятельскихъ батарей. Самъ же со штабомъ и конвоемъ поѣхалъ впереди главныхъ силъ, идя отъ вершины къ вершинѣ, дабы сохранить обзоръ и не терять изъ виду происходящее у казаковъ, которые начали врываться въ деревню Ярославице.

Впереди скакали ближніе разъѣзды, высланные начальникомъ дивизіи передъ началомъ движенія, а также артиллерійскіе развѣдчики отъ батарей.

* * *

Мѣстность между д. д. Ярославице, Волчковце и Хукаловце представляла собою холмистое плато; лощины съ достаточно пологими скатами допускали движеніе въ конномъ строю по всѣмъ направленіямъ, но въ тоже время въ своихъ складкахъ могли скрывать крупныя массы конницы. Наибольшаго превышенія это плато достигало въ раіонѣ отмѣтокъ 418 и 419**).

Не доѣзжая полуверсты до этой высоты, передъ графомъ Келлеромъ неожиданно развернулась слѣдующая картина: шагахъ въ 1000 къ сѣверо-западу на опушкѣ небольшой рощи торопливо выѣзжали двѣ австрійскія батареи; чуть вправо отъ непріятельскихъ батарей виднѣлась „черно-голубая полоса, какъ бы окаймлявшая желтую поверхность противоположнаго ската лощины; то были парадные мундиры и каски австрійскихъ всадниковъ, стоявшихъ въ развернутомъ строю. Гребень холма скрывалъ на половину туловище всадниковъ и коней***). Судя по протяженію фронта сила этой группы кавалеріи казалась равной 6 7 эскадронамъ.

Ген. графъ Келлеръ немедленно послалъ ординарцевъ съ приказаніями драгунамъ и уланамъ атаковать съ фронта, гусарамъ же составить уступъ за лѣвымъ флангомъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ

*) Описаніе полковника Сливинскаго.

**) См. схемы №№ 2 и 4.

***) Описаніе полковника Сливинскаго.

приказалъ трубачамъ трубить сигналъ „походъ". Въ эту же минуту непріятельская артиллерія начала стрѣлять, но сейчасъ же въ свою очередь попала подъ бѣглый огонь нашей конной артиллеріи.

„Минута была жуткая. Противники сошлись лицомъ къ лицу... Выхода не было — сейчасъ должно было произойти что-то необыкновенное, рѣшающее и страшное... Порывъ и жуть одновременно наполняли сердца... Напряженные взоры жадно впивались въ стройную линію австрійскихъ касокъ, то въ сѣро-желтые ряды нашихъ полковъ, подходившихъ рысью...

„Казалось, что медленно скачутъ ординарцы, посланные начальникомъ дивизіи съ приказаніями... невѣроятно долго не принимаютъ сигнала полковые трубачи..."

„Но это лишь казалось..."

„По длинной лентѣ возводной колонны дивизіи прошелъ электрическій токъ; масса вздрогнула, полки начали выстраивать фронтъ и галопомъ выходить на одну линію".

„Мимо штаба дивизіи проходили развернутымъ строемъ справа драгуны и уланы, лѣвѣе гусары. Ген. графъ Келлеръ голосомъ повторилъ приказаніе гусарамъ: держаться на уступѣ и атаковать во флангъ..."*)

Вотъ красочное описаніе полковникомъ Сливинскимъ начала столкновенія, такимъ какимъ оно наблюдалось съ точки стоянія графа Келлера.

„Наши линіи уже находились на полускатѣ — шагахъ въ 300 отъ вершины", продолжаемъ мы выдержки изъ описанія полковника Сливинскаго. „Въ это время зашевелилась дотолѣ неподвижная австрійская линія и въ тотъ же мигъ черная полоса развернутаго строя, прорѣзанная красной линіей чакчиръ, волнующаяся бѣлыми султанами и голубыми развѣвающимися ментиками, блистая шашками и касками, вся сомкнутая и выравненная, въ поразительномъ порядкѣ и красотѣ показалась на гребнѣ...

„Австрійцы пошли въ атаку..."**)

Наши полки увидѣли совсѣмъ близко передъ собою двигающуюся на нихъ лавину. Волна „ура" прокатилась по всему фронту и вслѣдъ за тѣмъ все смѣшалось въ глухомъ протяжномъ шумѣ.

Столкновеніе разбилось на три участка. Прослѣдимъ прежде всего вмѣстѣ съ полковникомъ Сливинскимъ то, что происходило въ центрѣ.

„За первой линіей австрійцевъ показалась вторая, затѣмъ третья, двигавшаяся въ атаку въ линіи взводныхъ колоннъ, каждая силой въ одинъ полкъ.

„Безформленная масса, какъ рой пчелъ или взбудораженный муравейникъ жужжала и кружилась на мѣстѣ.

„Сколько мгновеній продолжалось первое столкновеніе — учесть невозможно.

---

*) Описаніе полковника Сливинскаго.

**) Тамъ же.

„Очень скоро вся эта масса всадниковъ заколебалась широкими волнами, приняла форму дуги вогнутой въ нашу сторону и начала зигзагами подаваться къ намъ — сначала медленно, но потомъ все быстрѣе и быстрѣе.*)

„Еще моментъ и сѣрыя рубашки стали рѣдѣть въ центрѣ. драгуны и уланы разступились, а въ образовавшійся прорывъ вклинился во взводной колоннѣ одинъ изъ эскадроновъ второй австрійской линіи...

„Мимо штаба дивизіи вправо и влѣво отъ него безудержно неслись въ тылъ отдѣльные всадники и безпорядочныя группы, состоявшія изъ русскихъ и австрійцевъ. Всѣ почему то неистово кричали; на лицахъ былъ написанъ ужасъ смерти...

„Уже штабъ дивизіи поглащался этой массой; а въ это время передъ нашими глазами стройной колонной проносился также куда-то въ пространство нашего тыла австрійскій эскадронъ... Я, какъ сейчасъ, ясно помню равномѣрные взмахи и гулкіе удары сотенъ копытъ, какъ будто это происходило вчера, а не 7 лѣтъ тому назадъ...

„Въ этотъ критическій моментъ, генералъ графъ Келлеръ проявилъ величайшее присутствіе духа: безъ малѣйшаго колебанія онъ сухо и твердо скомандовалъ: штабъ и конвой въ атаку. Это было единственно возможное и послѣднее въ подобныхъ обстоятельствахъ приказаніе.

„Штабъ и конвой съ мѣста понеслись во флангъ проходившему мимо насъ эскадрону. Начальникъ конвоя, сотникъ Пензинъ, выхватилъ револьверъ, прицѣлился и у самого моего уха выстрѣлилъ — скакавшій впереди австрійскаго эскадрона командиръ его замертво свалился съ лошади сраженный его пулей...

„Эскадронъ не выдержалъ нашей атаки; исполнивъ заѣздъ повзводно правымъ плечомъ, онъ сталъ быстро уходить съ поля сраженія. За нимъ потянулись безпорядочныя группы и отдѣльные всадники..."

Но не этотъ героическій эпизодъ явился рѣшающимъ участь боя. Общее пораженіе австрійцевъ предрѣшалось той полной побѣдой, которую въ это время одержали Ингерманландскіе гусары на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Разгромъ здѣсь австрійцевъ немедленно передался и на центръ, а затѣмъ на нашъ правый флангъ — и вся австрійская кавалерійская дивизія была разбита.

Я предоставлю генералу Барбовичу самому разсказать объ атакѣ

---

*) Какъ мы уже говорили въ предисловіи, насъ особенно должно интересовать какимъ представлялся противникъ русской сторонѣ: на прелагаемой схемѣ № 5 нами изображенъ, на основаніи показаній лицъ штаба и самаго покойнаго графа Келлера въ одной изъ бесѣдъ, которую авторъ имѣлъ съ нимъ во время войны, тотъ „воображаемый" боевой порядокъ въ которомъ австрійцы будто бы насъ „выжидали" и въ которомъ они бросились на насъ.

дивизіона Ингерманландскихъ гусаръ, сыгравшаго столь рѣшительную роль для исхода коннаго боя*).

„Отъ ординарца графа Келлера я получилъ приказаніе двумъ Ингерманландскимъ эскадронамъ составить уступъ за лѣвымъ флангомъ всего боевого порядка. Дивизія стала перестраиваться въ боевой порядокъ рысью и я съ двумя эскадронами сталъ уступомъ за лѣвымъ флангомъ боевого порядка развернутымъ фронтомъ. Кавалеріи противника мы еще не видѣли; влѣво отъ насъ слышна была ружейная и пулеметная стрѣльба (казаки атаковали австрійскую пѣхоту). Но вотъ начали раздаваться артиллерійскіе выстрѣлы съ нашей стороны и со стороны противника. Артиллерія противника открыла огонь, повидимому, не по дивизіямъ, а по нашимъ батареямъ, и боевой порядокъ продолжалъ двигаться рысью безостановочно, соблюдая такой же порядокъ, какъ на хорошемъ ученіи.

„Мы начали подыматься въ гору и когда мы были приблизительно въ полгоры, только тогда въ этотъ моментъ увидѣлъ передъ собою дивную картину, воспоминанія о которой никогда не изгладятся.

„Не болѣе какъ въ 700 шагахъ, на встрѣчу намъ, въ большомъ порядкѣ, развернутымъ фронтомъ, двигалась австрійская кавалерія въ парадной формѣ одежды, въ парадныхъ головныхъ уборахъ; она, какъ въ сказкѣ, приковала къ себѣ мое вниманіе. Она двигалась навстрѣчу намъ аллюромъ не болѣе рыси; подавались ли сигналы, были ли какія-либо команды графа Келлера, я не могу сказать, ибо до меня не дошли, да и вниманіе мое цѣликомъ было поглощено тѣмъ, что я видѣлъ впереди себя. Могу только сказать съ увѣренностью, что не только карьеромъ, но даже галопомъ ни мы, ни противникъ не двигались. Шли другъ другу навстрѣчу рысью, соблюдая равненіе и порядокъ, какъ на ученіи.

„Мнѣ казалось, что строй австрійской кавалеріи былъ значительно длиннѣе по фронту и въ состояніи былъ поглотить небольшое количество эскадроновъ нашей дивизіи. Помню, что я былъ нѣсколько озадаченъ стрѣльбой, которая началась къ моменту сближенія дивизій, какъ впослѣдствіи выяснилось, это австрійскіе офицеры и унтеръ-офицеры стрѣляли изъ револьверовъ. Дальше мое вниманіе было поглощено тѣмъ, чтобы своевременно выполнить задачу, которая ложилась на мой дивизіонъ, какъ на уступъ, и я увидѣлъ, когда сошлись первыя линіи, какъ два эскадрона австрійцевъ, находившихся уступомъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ противъ меня, очень сноровисто, зайдя плечомъ ударили во флангъ нашей первой линіи. Выждавъ моментъ, когда эти эскадроны подставили намъ свой тылъ, я съ двумя эскадронами гусаръ, заведя ихъ лѣвымъ плечомъ, ударилъ въ тылъ этимъ эскадронамъ.

„Гусары, выигравъ преимущество положенія, лихо бросились въ атаку. На моментъ мы оказались въ общей свалкѣ. Австрійская кавалерія въ голубыхъ доломанахъ переплелась вмѣстѣ съ нашими

*) См. схему № 6.

гусарами въ защитныхъ рубахахъ, и, казалось, на каждаго защитнаго гусара приходилось не менѣе 5 голубыхъ доломановъ.

„Все это столкнулось въ плотной массѣ, рубило и кололо, и я въ одну секунду понялъ, что австрійцы, дѣйствуя вяло своими саблями, начали уклоняться отъ ударовъ и уколовъ нашихъ гусаръ, которые, вспомнивъ славную выучку, отъ всего сердца рубили и кололи. Я увидѣлъ, что австрійцы не нападаютъ, хотя ихъ значительно больше, а только прикрываются, показывая спины.

„Первоначально вся эта масса, и наши, и австрійцы двигались, на очень ограниченномъ мѣстѣ. Австрійцы стали убѣгать, а наши начали ихъ догонять, нанося удары, куда попало. Что дѣлалось правѣе меня въ уланскомъ и драгунскомъ полкахъ, я не видѣлъ, такъ какъ былъ поглощенъ тѣмъ, что творилось передо мной...

„Впослѣдствіи я узналъ отъ самого графа Келлера, что, когда онъ увидѣлъ, что въ атаку двигается цѣлая кавалерійская дивизія. трубачъ по его приказанію подавалъ сигналы „всѣ" и „по переднему уступу", дабы подтянуть эскадроны, бывшіе въ прикрытіи батарей, но послѣдніе сигналовъ не слышали и участія въ атакѣ не приняли.

„Я помню, что кромѣ артиллерійской стрѣльбы въ моментъ общей свалки меня вдругъ неожиданно поразила сильная пулеметная стрѣльба. Неизвѣстно было откуда и чьи пулеметы усиленно стрѣляли. Пули летѣли высоко, не нанося, повидимому потерь, но отъ свиста этихъ пуль австрійцы еще больше начали жаться и искать выхода изъ того труднаго положенія, въ которое они попали. Я видѣлъ, какъ голубые доломаны, вертѣвшіеся передъ глазами, падали отъ ударовъ сабель и пикъ, уже не ограничиваясь той площадкой, на которой шелъ рукопашный бой и слышенъ былъ лязгъ оружія, а начали все шире и шире забирать пространство и наконецъ, взявъ, какъ будто, одно общее направленіе, стали скакать, убѣгая отъ насъ. Мой эскадронъ, хотя и былъ перемѣшанъ съ голубыми мундирами, но я видѣлъ, что онъ не разсыпался, а составлялъ плотную массу, и я видѣлъ каждый взводъ. Въ это время ко мнѣ подъѣхалъ ординарецъ начальника дивизіи и передалъ мнѣ приказаніе атаковать артиллерію. Приказаніе застало насъ въ тотъ моментъ, когда мои гусары преслѣдовали кавалерію, желавшую выскочить изъ-подъ ударовъ. Гдѣ находились батареи противника, я не видѣлъ, но по звуку выстрѣловъ ясно чувствовалъ. Мнѣ удалось собрать свой эскадронъ и присоединить 1 взводъ 1-го эскадрона. Оставивъ остальныхъ гусаръ преслѣдовать, я съ собранными частями бросился по направленію артиллеріи. На движеніи, какъ на ученіи, мы приняли разомкнутый строй, какъ полагается для атаки артиллеріи и, пройдя не болѣе полуверсты полъ-оборота направо впередъ, выскочили на мѣсто, съ котораго я ясно увидѣлъ батареи. Онѣ еще продолжали стрѣлять, но видно было, что стрѣльба эта уже послѣдняя агонія. Съ этого мѣста мы бросились полевымъ галопомъ по направленію батарей...

„Я видѣлъ, какъ нѣкоторыя орудія еще стрѣляли; возлѣ другихъ суетилась прислуга, стараясь подать передки и запрячь лоша-

дей. Нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ было сдѣлано почти въ упоръ намъ и во взводѣ 1-го эскадрона оказалось 2 или 3 гусара буквально разорванныхъ снарядами. По мѣрѣ нашего приближенія батареи смолкли и возлѣ пушекъ сдѣлалось пусто; ни одного артиллериста не оставалось...

„Во время атаки батарей раво́льверными выстрѣлами артиллерійской прислуги, стрѣлявшей изъ лѣса, было убито 2 унтеръ-офицера у меня въ эскадронѣ. Я объяснялъ себѣ причину смерти этихъ двухъ унтеръ-офицеровъ, медалями, которыя висѣли у нихъ на груди; видимо артиллерійская прислуга стрѣляя по насъ въ упоръ, приняла ихъ за офицеровъ“.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось на русскомъ правомъ флангѣ. Полнаго описанія отъ кого либо изъ участниковъ столкновенія 10-го Драгунскаго Новгородскаго полка намъ не удалось получить.

Съ достовѣрностью можно установить слѣдующее:

1) Правый флангъ Новгородскихъ драгунъ попалъ подъ непріятельскій пулеметный огонь, направленный съ высоты 419.

2) Съ другой стороны въ тылу лѣваго фланга австрійцевъ на опушкѣ лѣса къ западу отъ д. Хукаловце появились передовыя части 9-ой кавал. дивизіи съ пулеметами, которые начали обстрѣливать дальнимъ огнемъ тылъ Австрійцевъ.

3) Рѣшительное пораженіе праваго австрійскаго фланга, распространившееся затѣмъ на ихъ центръ, передалось на лѣвый австрійскій флангъ, который повернулъ назадъ и сталъ уходить на сѣверозападъ.

* * *

Такъ закончился конный бой у д. Волчковце. Интересно отмѣтить здѣсь одну случайность. Окончаніе его совпало съ полнымъ солнечнымъ затменіемъ. Поле, только что закончившагося боя, представляло оригинальную картину. „Закрытое желтой пеленой солнце тускло свѣтило; столбы неулегшейся пыли, перевитые желтыми лучами солнца, мрачными тѣнями носились по полю... На желтомъ коврѣ недавно сжатой пшенницы красными и голубыми пятнами лежали убитые и раненые австрійцы. Между ними, но значительно рѣже попадались сѣро-желтыя пятна — тѣла погибшихъ и раненыхъ русскихъ. По полю носились во всѣ стороны обезумѣвшіе отъ страха и потерявшіе всадниковъ кони“.**)

Часть русскихъ эскадроновъ, на усталыхъ, взмыленныхъ лошадяхъ собирались къ своимъ эскадроннымъ командирамъ. Другая часть ихъ скакала безформенной лавиной, преслѣдуя уходящихъ

---

*) Въ то время когда гусары спѣшившись захватывали опушку рощи къ ротмистру Барбовичу подъѣхалъ взволнованный гусаръ и доложилъ, „что за лѣсомъ стоитъ цѣлый полкъ кавалеріи. Я отвѣтилъ ему — поѣзжай и смотри что онъ дѣлаетъ. Вѣстовой, отскочивъ, вернулся не больше какъ черезъ полъ минуты и доложилъ, что полкъ поворачивается налѣво кругомъ и удираетъ“. (Изъ письма ген. Барбовича).

**) Описаніе полковника Сливинскаго.

австрійцевъ. Это преслѣдованіе велось только до рѣчки Стрыпы Волчковска. Конскій составъ былъ до того утомленъ дневнымъ переходомъ, а главное — движеніемъ безъ дорогъ, начиная отъ „Остраго Гарба" и притомъ усиленными аллюрами, что лошади буквально едва двигались.

Спасаясь отъ преслѣдованія, австрійская кавалерія мчалась въ полномъ безпорядкѣ. Особенно тяжело пришлось той ея части, которая вышла къ р. Стрыпѣ къ югу отъ выселковъ Волчковце, гдѣ долина рѣчки была болотистой. „Когда бѣгушая масса стала спускаться въ долину рѣки, она встрѣчена была атакой 10-й Оренбургской сотни есаула Полозова, которая къ этому времени заняла переправу черезъ рѣку и спѣшила къ полю боя".

„Оказалось, что есаулъ Полозовъ, командовавшій правофланговой сотней Оренбургскаго полка, овладѣвшаго д. Ярославице, слыша выстрѣлы и шумъ все еше продолжавшагося къ сѣверо-востоку отъ д. Ярославице боя, по собственной иниціативѣ рѣшилъ идти на помоіцъ дивизіи, направившись долиною рѣки. Къ полю боя сотня подходила въ тотъ моментъ, когда австрійцы дрогнули и началось ихъ бѣгство"*).

„Отрѣзанные отъ переправы, австрійцы метались въ разныя стороны... началось ужасное избіеніе... Кто могъ — спасался коннымъ или пѣшимъ черезъ рѣчку въ бродъ; зарядные ящики бросились туда-же въ промежутокъ между рощей и переправой, завязли въ болотѣ и остались тамъ въ числѣ трофеевъ побѣдителя. Груды труповъ валялись у самой переправы, занятой казаками; все, что доскакало до переправы, погибло подъ ударами шашекъ или пикъ, или сраженные пулей"**).

Дальнѣйшее преслѣдованіе велось артиллерійскимъ огнемъ, выѣхавшаго на новыя позиціи 3-го Донского конно-артиллерійскаго дивизіона. Бѣглымъ огнемъ онъ разсѣялъ пытавшуюся собраться у д. Дворзиска австрійскую конницу и заставилъ ее быстро уйти на сѣверъ.

* * *

Общее число потерь 10-ой кавалерійской дивизіи убитыми и раненными за весь бой 21-го августа не превышало 150 человѣкъ.

Намъ не удалось распредѣлить эти данныя по полкамъ, а также по характеру раненія, т. е. отъ огнестрѣльнаго или холоднаго оружія. Между тѣмъ подобное распредѣленіе было бы для насъ очень важнымъ, для того чтобы служить совершенно объективнымъ признакомъ для оцѣнки различныхъ перепитій боя, въ особенности же самаго коннаго столкновенія.

Принявъ во вниманіе что: 1) Оренбургскіе казаки понесли потери отъ огня во время своей атаки на пѣхоту, 2) правый флангъ Новгородскихъ драгунъ попалъ подъ пулеметный огонь, 3) хотя бы

*) По показаніямъ Оренбургскихъ казаковъ часть этой сотни приняла участіе въ атакѣ гусаръ австрійскихъ батарей, выйдя послѣднимъ въ тылъ.

**) Описаніе полковника Сливинскаго.

минимальныя потери отъ выстрѣловъ непріятельской артиллеріи — мы можемъ заключить, что число убитыхъ и раненыхъ холоднымъ оружіемъ во всякомъ случаѣ менѣе сотни людей. Но въ свою очередь эти потери отъ холоднаго оружія должны быть раздѣлены на двѣ неравныя части: а) одна изъ нихъ большая это тѣ потери, которыя несутся той стороной, которая начинаетъ поворачивать свой тылъ, то есть тогда когда она уже не нападаетъ, а каждый изъ бойцовъ думаетъ только о своей защитѣ и скорѣйшемъ спасеніи; на основаніи изученія древнихъ боевъ можно считать, что эта часть потерь заключаетъ въ себѣ не менѣе семи-восьмыхъ всѣхъ потерь отъ холоднаго оружія. Такого рода потери должны были выпасть на долю части нашихъ уланскихъ и драгунскихъ эскадроновъ. б) Другая — меньшая часть потерь въ бою холоднымъ оружіемъ выпадаетъ на долю побѣдителя какъ во время самаго столкновенія такъ и во время преслѣдованія повернувшаго противника. Какъ малы этого рода потери лучше всего иллюстрируется отвѣтомъ даннымъ мнѣ другимъ моимъ корреспондентомъ генераломъ Барбовичемъ: „Не могу съ точностью указать, сколько было убитыхъ и раненныхъ среди гусаръ, но помню что въ 1-мъ и 2-мъ эскадронахъ (участвовавшихъ въ конной атакѣ) кромѣ потерь въ числѣ не болѣе семи человѣкъ отъ артиллерійскаго и револьвернаго огня, других ъ потерь не было. По крайней мѣрѣ не было убитыхъ холоднымъ оружіемъ; были легко раненые“.

* * *

Трофеями, захваченными въ бою у Волчковце 10-ой кавалерійской дивизіей, являлись: около 200 плѣнныхъ, около 350 лошадей, 8 орудій съ передками и зарядными ящиками, пулеметы, ящикъ съ канцеляріей штаба 4-ой австрійской кавалерійской дивизіи и многіе предметы военнаго снаряженія.

III.

Передъ тѣмъ какъ приступить къ описанію происходившаго на австрійской сторонѣ — мы считаемъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать глубокую признательность передъ тѣми офицерами бывшей Австро-Венгерской Императорской и Королевской Арміи за любезно присланныя намъ свѣдѣнія и письма. Особенно цѣнныя данныя были получены отъ полковника барона Егонъ фонъ Вальдштеттенъ (Baron Egon fon Waldstätten) и бывшаго начальника штаба 4-й кавалерійской дивизіи маіора, нынѣ генерала, Оскаръ де Ревидъ Максонъ Oskar de Rövid Maxon). Свѣдѣнія перваго послужили основнымъ фактическимъ матеріаломъ, личныя же впечатлѣнія второго помогаютъ возстановить истинную картину самой атаки.

— —

Съ началомъ войны три австро-венгерскія арміи (см. схему № 7) развернулись отъ р. Вислы до г. Львова (Lemberg) съ цѣлью нананесенія рѣшительнаго удара двумъ русскимъ арміямъ, сосредота-

чивающимся между р. Вислой и р. Бугъ. Для обезпеченія своего праваго фланга со стороны двухъ другихъ русскихъ армій, собирающихся въ Дубенскомъ и Проскуровскомъ раіонахъ, въ Восточной Галиціи была оставлена группа изъ двухъ корпусовъ съ четырьмя кавалерійскими дивизіями. Послѣднія поддержанныя сильными пѣхотными частями имѣли своей ближайшей задачей не позволить русской конницѣ прорвать завѣсу, которою австро-венгерское командованіе закрыло правый флангъ развертыванія своихъ главныхъ силъ. Эта завѣса къ 20 августа держалась на рубежѣ р. Серетъ.

Къ вечеру 7/20 августа въ штабѣ XI австро-венгерскаго корпуса получены были свѣдѣнія, что крупныя русскія части захватили переправу черезъ р. Серетъ у д. Заложце (Zelosche). Командиръ этого корпуса посылаетъ 4-ой кавалерійской дивизіи слѣдующую телеграмму: „Сильный непріятельскій смѣшанный отрядъ съ многочисленной кавалеріей и пушками наступаетъ черезъ Олеювъ на Зборовъ (Zborov). Разъѣзды этого отряда въ двухъ километрахъ отъ Зборова, Плюхова. Изъ Бржезанъ части (funf Teile) II-ой пѣхотной дивизіи направлены къ Зборову; сегодня вечеромъ онѣ должны достигнуть этотъ городъ. Изъ Тарнополя будетъ двинута къ Зборову одна кавалерійская дивизія. 4-ая кавалерійская дивизія должна выступить рано утромъ и идти на Зборовъ съ цѣлью дѣйствовать въ тылъ противника. Желательно установленіе телефонной связи съ Тарнополемъ, Зборовымъ и Плюховымъ“.

Телеграмма эта была получена въ штабѣ 4-ой кавалерійской дивизіи въ 12 часовъ 20 минутъ ночи съ 7/20-го на 8/21-ое августа. Полки и двѣ конныя батареи 4-ой кавалерійской дивизіи находились въ это время на ночлегѣ въ раіонѣ Нужце (Noujche), два же батальона изъ приданнаго дивизіи ландвернаго № 35 полка въ раіонѣ д. Харбуевъ (Harboujov). Два эскадрона, одна конная батарея и одинъ батальонъ ландвернаго № 35 полка были въ отдѣлѣ въ раіонѣ Броды*). Такимъ образомъ общій составъ дивизіи къ утру 21-го августа достигалъ: 22-хъ эскадроновъ, 8 конныхъ орудій, 8 пулеметовъ и 2 батальоновъ приданной пѣхоты**).

Начальникъ дивизіи рѣшаетъ, выступивъ съ конными частями въ 4 часа утра, выйти въ раіонъ 418 419***), представляющій собой наиболѣе ближайшій возвышенный перегибъ среди окружающей холмистой мѣстности, съ цѣлью выждать здѣсь выясненія обстановки. Ландверный № 35 полкъ направляется имъ въ раіонъ

*) См схему № 8.

**) 1-ая бригада: Уланскаго № 1 полка . . . . . . 6 эскадроновъ
Драгунскаго № 15 полка . . . . . 6 эскадроновъ
Пулеметное отдѣленіе . . . . . . 4 пулемета
2-ая бригада: Уланскаго № 13 полка . . . . . . 6 эскудроновъ
Драгунскаго № 9 полка . . . . . 4 эскадрона
Пулеметное отдѣленіе . . . . . . 4 пулемета
Конная артиллерія; II-го конно-артиллерійскаго дивизіона
батареи — 1-я и 3-я . . . 8 орудій
Пѣхота: Ландверна о № 35 п. 1-й и 2-й батал: 2 батальона

***) См. схему № 2.

д. В. Х. Обыдра (W. H. Obydra). Около 6 часовъ утра получается донесеніе, что противникъ будто бы уже занялъ Зборовъ. Генералъ Заремба рѣшаетъ продвинуться дальше къ югу: конными частями выйти къ дорогѣ Олеювъ — Зборовъ, пѣхотными — къ высотѣ Жамни (416).

Не доходя деревни Кудобинцы (Kudobintsy), начальникъ дивизіи получилъ новыя свѣдѣнія, что главныя силы противника находятся еще въ раіонѣ Олеюва и что части II-ой пѣхотной дивизіи не подошли еще къ Зборову. Генералъ Заремба поворачиваетъ дивизію назадъ и располагаетъ ее въ полковыхъ колоннахъ непосредственно къ югу отъ деревни Ярославице (Iaroslavitsy), прикрываясь кряжемъ, тянущимся вдоль западной окраины этого селенія*).

Было около 9-ти часовъ утра.

Къ этому времени были получены свѣдѣнія отъ пѣхоты, что она подверглась огневому нападенію со стороны сильныхъ частей русскихъ, наступающихъ отъ Олеюва; батальоны ландвернаго № 35 полка понесли большія потери и вынуждены отступать къ Гукаловцамъ (Khukalovtsy). Со стороны Олеюва былъ слышенъ артиллерійскій огонь. Вмѣстѣ съ этимъ съ высотъ у д. Ярославице можно было видѣть, какъ русскія батареи, стоявшія гдѣ-то въ раіонѣ высоты Беремовка (Beremovka) стрѣляли съ высоты Жамни (Jamny) по частямъ австрійской пѣхоты, наступающей въ южномъ направленіи. Но вскорѣ же было видно, какъ эти части потекли назадъ (flutеten). Въ направленіяхъ на высоты Беремовка и Острый Гарбъ виднѣлись непріятельскіе дозоры, за которыми поднимались клубы пыли.

Преслѣдуя отходящія части пѣхоты, русскія батареи перенесли огонь по направленію къ укрытымъ въ лощинѣ колоннамъ 4-ой кавалерійской дивизіи. Бѣглый огонь русскихъ пушекъ прислалъ нѣсколько очередей шрапнелей, разорвавшихся какъ разъ надъ двумя уланскими полками и надъ только что выѣхавшей на позицію конной артиллеріей**).

Описаніе послѣдствій этого неожиданнаго артиллерійскаго обстрѣла я предоставляю одному изъ уланскихъ эскадронныхъ командировъ.

„8/21-го августа утромъ дивизія остановилась къ югу отъ д. Ярославице. Полки находились въ строю „массъ", фронтомъ на Олеювъ. Часовъ около 9 утра начальникъ дивизіи, находившійся на лѣвомъ флангѣ дивизіи у большого стога сѣна, вызвалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ до командировъ эскадроновъ включительно. Въ это время со стороны Олеюва русская артиллерія открыла стрѣльбу черезъ наши головы по неизвѣстной намъ цѣли. Начальникъ дивизіи приказалъ нашей конной артиллеріи открыть огонь по непріятельскимъ батареямъ. Послѣднія же немедленно перенесли огонь на нашу дивизію. Первые выстрѣлы были перелетами и высокими разрывами. Затѣмъ нѣсколько шрапнелей разорвалось надъ самой дивизіей, вслѣд-

*) См. схему № 9.
**) См. схему № 10.

ствіе чего произошла паника и она ринулась назадъ. Берега небольшой рѣчки, протекавшей въ тылу дивизіи, были обрывисты. Полки и эскадроны перепутались. Большая ихъ часть приняла вправо черезъ д. Ярославице. Вся эта масса проскакала до лощины, что къ востоку отъ д. Волчковцы. Начальники, прискакавшіе отдѣльно (отъ стога), взяли части въ руки, привели ихъ въ порядокъ и построили. Потери отъ артиллерійскаго огня были небольшія. Главнымъ образомъ пострадали всадники, бросившіеся прямо предъ собой къ рѣчкѣ"...

Пока происходилъ вышеописанный инцидентъ, пѣхота неудержимо продолжала свое отступленіе (Die Landwehr Infanterie setzt Ruckzug un ufhaltsom fart).

Конныя батареи выѣхали у высоты 410 и вступили въ огневую борьбу съ русской артиллеріей, стрѣляющей изъ-за высоты Беремовка (426). Дивизія же собиралась въ полковыя колонны*).

Генералъ Заремба рѣшаетъ передвинуться съ дивизіей къ сѣверу, прикрываясь со стороны противника кряжемъ высотъ 418—219, и съ цѣлью дѣйствовать затѣмъ противъ непріятеля черезъ Липникъ и высоту Жамни. Передвиженіе это дивизія дѣлала по полкамъ, примѣняясь къ мѣстности. Правѣе и впереди шелъ уланскій № 13 полкъ, намѣреваясь перевалить черезъ отрогъ съ отмѣткой 413; за нимъ шелъ драгунскій № 15 полкъ и конныя батареи; лѣвѣе, вдоль лощины р. Стрыпы Волчковецка шли уланскій № 1 полкъ и сзади него драгунскій № 9 полкъ.

Во время этого передвиженія совершенно неожиданно была обнаружена русская кавалерія, поднимавшаяся въ сомкнутыхъ строяхъ по восточнымъ скатамъ кряжа 410—418 419. Разстояніе, отдѣляющее отъ нее, не превышало 1000 - 1500 шаговъ.

Генералъ Заремба, находившійся вблизи драгунскаго № 15 полка, рѣшаетъ немедленно же атаковать русскую конницу. Онъ становится самъ со своимъ штабомъ во главѣ этихъ драгунъ и лично ведетъ ихъ въ атаку. На ходу драгунскій № 15 полкъ принимаетъ слѣдующее построеніе: три эскадрона въ первой линіи, за правымъ флангомъ на уступѣ одинъ эскадронъ, за лѣвымъ полтора эскадрона ($^1/_2$ эскадрона были въ расходѣ).

Почти въ то же время увидѣли надвигающихся русскихъ уланы № 13 полка. Шедшій вторымъ дивизіонъ (два эскадрона) маіора Видаль (Vidale) выстраиваетъ по командѣ послѣдняго фронтъ направо и, слѣдуя примѣру своего командира, бросается въ атаку. Дивизіонъ этого же полка, слѣдовавшій въ головѣ, скачетъ на сѣверъ, т. к. командиръ его получилъ тревожное донесеніе о появленіи непріятеля съ сѣвера. Одно изъ пулеметныхъ отдѣленій, шедшее съ уланскимъ № 13 полкомъ, выскакиваетъ подъ прикрытіемъ полуэскадрона этого полка на высоту 419 и беретъ подъ фланговый огонь атакующую русскую конницу.

Одновременно съ атакой драгунъ № 15 и уланъ № 13 полковъ выскакиваетъ на позицію впереди небольшой рощи 1-я конная бата-

*) См. схему № 11.

рея, но сейчасъ же она разстрѣляна русской артиллеріей, 3-ей же батареѣ не удается выѣхать — ея лошади перебиты, передки разбиты и она застреваетъ по пути въ болотистой лощинѣ.

Драгунскій № 9 и уланскій № 1 полки не приняли участія въ конной атакѣ. Находясь въ лощинѣ къ сѣверу отъ выселковъ д. Волчковце, они не получили никакихъ приказаній. Пока они его ожидали, бой драгунъ №15 и уланъ № 13 полковъ окончился въ пользу русскихъ. Видя общее отступленіе этихъ полковъ, они отошли къ д. Дворжиска (Dvorzhyska), куда генералъ Заремба приказалъ собираться частямъ дивизіи. Но здѣсь опять на собирающуюся австрійскую конницу обрушился огонь русской конной артиллеріи. Части 4-ой кавалерійской дивизіи продолжали свое отступленіе далѣе къ Колетову и окончательно собрались у Сассова (Sassov*), отстоявшаго отъ поля сраженія на 20 километровъ.

Вотъ краткій перечень событій, происшедшихъ въ 4-ой кавалерійской дивизіи во время боя 8/21-го Августа. Остановимся теперь на тѣхъ подробностяхъ коннаго столкновенія, которыя намъ удалось выяснить изъ разсказовъ участниковъ боя на австрійской сторонѣ.

8/21-го Августа 1914 г. бывшій начальникъ штаба дивизіи маіоръ, нынѣ генералъ, Оскаръ де-Ревидъ Максонъ (Oszkar Maxon de Rövid), любезно отвѣтилъ мнѣ на нѣкоторые изъ заданныхъ мной вопросовъ. Его свидѣтельство тѣмъ болѣе цѣнно, что онъ принялъ фактическое участіе въ столкновеніи драгунскаго № 15 или, такъ называемыхъ, „Бѣлыхъ Драгунъ". Вмѣстѣ со своимъ начальникомъ дивизіи онъ первымъ столкнулся съ врагомъ. Маіоръ Максонъ получилъ при этомъ ударъ шашкой и два укола пикой. Затѣмъ его лошадь во время дальнѣйшаго движенія впередъ свалилась въ канаву, заросшую травой, и маіоръ Максонъ получилъ очень тяжелые ушибы. Подобранный однимъ изъ драгунъ онъ былъ вывезенъ изъ боя.

Согласно впечатлѣніямъ маіора Максонъ драгунскій № 15 полкъ атаковалъ въ юго-восточномъ направленіи лѣвый флангъ 1-ой русской линіи. На приводимой схемѣ №11 показано какъ представлялось ему расположеніе сторонъ во время атаки. „Мы встрѣтили сначала, пишетъ онъ, рой всадниковъ,**) которые отдѣлились отъ русскаго фланга и выстраивали противъ насъ фронтъ. Мы прошли черезъ него (diesen durchritten wir) и встрѣтились съ сомкнутыми частями, составлявшими повидимому 2-ую линію или резервы".

Припомнимъ что построеніе 10-й кавалерійской дивизіи было въ одну линію съ двумя гусарскими эскадронами въ видѣ уступа за лѣвымъ флангомъ. Резерва у графа Келлера не было и въ критическую минуту на центральномъ участкѣ боя онъ бросилъ въ атаку свой конвой (взводъ казаковъ) и штабъ. Маіоръ де Ревидъ Максонъ два раза предупреждаетъ въ письмѣ, что изложенное есть лишь то, что ему казалось. Тѣмъ интереснѣе его слова сопоставить

*) См. схему № 7.

**) Wir trafen daher zuerst auf einen schwarm der sich vom russischen flügel losgelöst hatte und gegen uns front machte.

съ тѣмъ, что „казалось“ графу Келлеру и его начальнику штаба*). Возстанавливая эти „кажущіяся картины“, мы подойдемъ ближе къ той внутренней сторонѣ боя, безъ пониманія которой правильное представленіе о реальностяхъ коннаго боя невозможно.

Происходившее въ уланскомъ № 13 полку записано со словъ одного изъ офицеровъ этого полка.

По возстановленіи порядка въ частяхъ дивизіи, генералъ Заремба приказалъ уланскому № 13 полку двинуться на сѣверъ (цѣль движенія, а равно имѣвшіяся тогда въ штабѣ дивизіи свѣдѣнія о противникѣ разсказчику не были извѣстны). Полкъ двинулся, имѣя два эскадрона въ головѣ въ качествѣ авангарда. Онъ обогнулъ Выселки д. Волчковце съ восточной стороны и сталъ проходить по западному склону возвышенности, поднимавшейся восточнѣе этихъ выселковъ. Вдругъ на гребнѣ возвышенности появился дозорный, показывавшій надъ головой сигналъ „появленіе непріятеля“ и кричавшій „непріятель“ (Der Feind). Разсказчикъ, находившійся въ хвостѣ авангарда, увидѣлъ затѣмъ какъ шедшіе сзади два эскадрона построили фронтъ направо и вмѣстѣ съ этимъ услышалъ сигналъ трубача „атака“. Въ слѣдующее мгновеніе онъ увидѣлъ, какъ уланы пошли галопомъ, а на встрѣчу скакали русскіе. Все столкновеніе длилось минуты двѣ.

Согласно разсказамъ офицеровъ уланскаго № 13 полка, бывшихъ въ двухъ заднихъ эскадронахъ, маіоръ Видаль тотчасъ же при появленіи дозорнаго выскочилъ на возвышенность и приказалъ трубачу играть сигналъ „атака“. Аллюръ, которымъ пошли уланы, былъ галопъ. Русскіе, атаковавшіе внизъ по скату, шли не широкимъ аллюромъ, а рысью или короткимъ галопомъ. Уланъ поразило то, что русскіе всадники пригибались къ сѣдлу и казались на сѣдлѣ очень маленькими**). Русскіе шли сомкнутымъ строемъ, австрійцы тоже. Насколько можно судить, само столкновеніе произошло на малыхъ аллюрахъ. Что происходило въ моментъ столкновенія,—точно описать никто не можетъ. Австрійцы утверждаютъ, что вскорѣ обѣ стороны повернули назадъ. Объ кавалеристахъ, раздавленныхъ лошадьми или ими смятыхъ, разсказчики вспомнить не могутъ, между тѣмъ довольно подробно перечисляютъ раненія. Доблестный маіоръ Видаль былъ раненъ шашкой въ лицо. Одинъ офицеръ получилъ также шашечный ударъ въ лицо и его спасла чешуя подбороднаго ремня. На лѣвомъ флангѣ дивизіона маіора Видаль открыло огонь австрійское пулеметное отдѣленіе. Какъ представлялось тогда участникамъ, огонь пулеметовъ нанесъ русскимъ большія потери. Въ

---

*) Сравните со схемой № 5.

**) Согласно русскому уставу во время атаки всадники ставятъ пику въ горизонтальное положеніе, а тѣ изъ нихъ, которые вооружены только шашкой, вытягиваютъ правую руку съ шашкой въ горизонтальномъ положеніи впередъ; при этомъ они наклоняютъ весь корпусъ впередъ, т. к. лошади къ моменту столкновенія должны быть пущены въ карьеръ. Совершенно естественно могло случиться, что всадники, безсознательно уменьшившіе передъ столкновеніемъ аллюръ, столь же безсознательно продолжали нагибаться впередъ, исполняя то, чему ихъ усиленно учили въ мирное время.

свою очередь русскіе пулеметы открыли огонь гдѣ то въ тылу за лѣвымъ австрійскимъ флангомъ, что произвело тяжелое моральное впечатлѣніе на австрійцевъ.

Потери, понесенныя 4-ой кавалерійской дивизіей въ бою 8/21 августа, указаны въ приводимой ниже таблицѣ (составлена изъ данныхъ, сообщенныхъ полковникомъ Вальдштеттенъ).

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ	Убитые		Раненые		Плѣнные	
	Офицеры	Нижн. чины	Офицеры	Нижн. чины	Офицеры	Нижн. чины
Штабъ дивизіи	1	1	3	—	1	1
Драгунскій № 15 полкъ . .	1	40	6	6	2	74
Уланскій № 13 полкъ . . .		4	4	25	7	109
Драгунскій № 9 полкъ . .	—	-	—	9	—	14
Уланскій № 1 полкъ. . . .	?	?	?	?	?	?
1-я и 3-я батареи II-го кон. арт. дивиз.	1	22	1 оф. 36 нижн. чин.			

Указать, какъ распредѣляются потери между холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, не представляется возможнымъ. Тѣмъ болѣе трудно точно установить какая часть этихъ потерь относится къ моменту самаго столкновенія. Но все таки мы попытаемся подойти хотя бы и къ очень приблизительному рѣшенію этого вопроса.

При разсмотрѣніи выше приведеной таблицы прежде всего бросаются въ глаза потери штаба дивизіи. Почти весь офицерскій составъ штаба переранен и какъ удалось выяснить — холоднымъ оружіемъ. Доблестный штабъ 4-ой кавалерійской дивизіи, какъ мы видѣли выше, участвовалъ въ столкновеніи въ первыхъ рядахъ бойцевъ.

Въ данныхъ о потеряхъ драгунъ № 15 полка обращаетъ на себя вниманіе соотношеніе между убитыми и ранеными: первыхъ 41, вторыхъ 12. Поправка, которую слѣдуетъ внести въ эти цифры, заключается въ томъ, что часть раненыхъ, попавшихъ въ плѣнъ, не попала на учетъ австрійскаго штаба. Въ этомъ можно убѣдиться при сличеніи поименнаго списка раненыхъ офицеровъ. Вспомнимъ условія въ которыхъ протекалъ бой „Бѣлыхъ“ драгунъ. Имѣвшіе успѣхъ при столкновеніи съ русскими уланами, они затѣмъ подверглись атакѣ во флангъ русскихъ гусаръ. Большая часть раненыхъ „Бѣлыхъ“ драгунъ не могла быть поэтому вывезена съ поля битвы. Но считая даже, что половина плѣнныхъ „Бѣлыхъ“ драгунъ была переранена, общая цифра раненыхъ достигаетъ лишь 50 человѣкъ. Прибавивъ къ этому число убитыхъ, мы получимъ общую цифру потерь около 90.

Не будемъ повторять здѣсь то, что мы говорили выше, когда мы разбирали вопросъ о потеряхъ русской 10-ой кавалерійской дивизіи. Придерживаясь того же порядка идей, мы можемъ настаивать, что и у „Бѣлыхъ“ драгунъ потери, понесенные въ минуту перваго столкновенія, составляютъ величину несравненно меньшую, чѣмъ число зарубленныхъ и израненныхъ русскими во время преслѣдованія. Насколько большая часть потерь должна выпасть на этотъ заключительный актъ боя можно судить хотя бы изъ того отрывка воспоминаній полковника Сливинскаго, гдѣ онъ разсказываетъ о томъ, что произошло около переправы черезъ р. Стрыпу Волчковецкую, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вышла сотня Оренбургскаго казачьяго полка: „Отрѣзанные отъ переправы, австрійцы метались въ разныя стороны... Началось ужасное избіеніе... Кто могъ спасался коннымъ или пѣшимъ черезъ рѣку вбродъ... Груды труповъ валялись у переправы, занятой казаками; все, что доскакало до переправы, погибло подъ ударами шашекъ или пикъ, или сраженное пулей“.

Съ большой долей вѣроятности можно придти къ выводу, что во время самаго столкновенія потери драгунскаго № 15 полка не превышали двухъ десятковъ людей.

Часть потерь уланскаго № 13 полка должна быть отнесена на долю огня русскихъ батарей, обстрѣлявшихъ полкъ во время его остановки къ югу отъ д. Ярославице. При сравненіи потерь этого полка съ потерями „Бѣлыхъ“ драгунъ, нельзя не обратить вниманія на разницу въ числѣ убитыхъ. Указаніе на то, что въ конномъ бою участвовало лишь два эскадрона уланъ, т. е. почти въ три раза меньше, чѣмъ драгунъ, не можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ. Намъ кажется, что послѣднее слѣдуетъ искать въ различіи условій, въ которыхъ протекали бои австрійскихъ драгунъ и уланъ. Первые, повернувшіе назадъ послѣ атаки во флангъ русскихъ гусаръ, попали на участокъ р. Стрыпы Волчковецкой, менѣе удобно проходимый, гдѣ подверглись избіенію преслѣдующихъ русскихъ гусаръ и вышедшихъ въ тылъ казаковъ. Уланы же дивизіона маіора Видаль, послѣ своего поворота назадъ, скакали къ лощинѣ, что къ востоку отъ выселокъ д. Волчковцы, по мѣстности вездѣ удободоступной; кромѣ того, около выселокъ д. Волчковцы находились другіе два полка 4-й кавалерійской дивизіи и поэтому преслѣдованіе русскихъ не могло такъ свободно развиваться, какъ противъ „Бѣлыхъ“ драгунъ.

Большое число плѣнныхъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что „духъ“ уланскаго № 13 полка былъ въ минуту столкновенія ниже, чѣмъ у „Бѣлыхъ“ драгунъ: уланы, незадолго передъ атакой, послѣ неожиданаго обстрѣла русской артиллеріей, подверглись паникѣ. Худшимъ состояніелъ „духа“ уланъ, можетъ быть, объясняется и тотъ фактъ, что головной дивизіонъ ускакалъ на сѣверъ въ моментъ, когда его несомнѣннымъ долгомъ являлось поддержать своихъ однополчанъ, пошедшихъ подъ командой маіора Видаль въ конную атаку.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, мы позволимъ себѣ выска-

зать предположеніе, что число раненыхъ уланъ среди плѣнныхъ было меньшимъ, чѣмъ „Бѣлыхъ“ драгунъ, также какъ и число потерь во время самаго столкновенія.

Въ итогѣ, для всей дивизіи мы можемъ придти къ выводу, что общее число убитыхъ и раненыхъ въ моментъ столкновенія не превышаетъ 50 человѣкъ, и весьма вѣроятно менѣе 40.

Изъ 22 эскадроновъ 4-й кавалерійской дивизіи участвовало въ конномъ бою всего 8. Остальные оказались лишь присутствующими или ушедшими съ поля битвы. Этотъ фактъ является очень характернымъ съ психологической точки зрѣнія. Явленія подобнаго рода чрезвычайно часты и происходятъ въ каждомъ сраженіи и въ каждой арміи. Они являются слѣдствіемъ основного психическаго закона боя — а именно того, что каждое пораженіе имѣетъ въ своей основѣ отказъ отъ борьбы одной изъ сторонъ. Прослѣдить проявленія этого закона, стараго, какъ само человѣчество, трудно, потому что участники предпочитаютъ скрывать всѣ явленія подобнаго рода.

Когда же одно изъ этого рода явленій все таки обнаруживается, то читатель, привыкшій къ „языку реляцій“ и къ „героямъ разсказовъ“, легко можетъ впасть въ серьезную ошибку и произнести надъ „правдой“ и „истинными героями“ строгій приговоръ. Противъ подобной критики мы и предостерегемъ. Самыя лучшія въ исторіи войсковыя части переживали минуты моральной депрессіи. Въ подобной моральной обстановкѣ очутилась 4-ая кавалерійская дивизія у д. Волчковцы. Части ея только что попали у д. Ярославице подъ обстрѣлъ русской артиллеріи. Двигаясь отъ д. Волчковцы на сѣверъ, 4-ая кавалерійская дивизія совершенно внезапно атакована вынырнувшей изъ лощинъ русской кавалеріей. Атака послѣдней была столь неожиданной, что начальникъ дивизіи становится самъ во главѣ ближайшаго къ нему полка.

Это имѣетъ свои отрицательныя послѣдствія. Управленіе дивизіей прекращается. Моральныя центробѣжныя силы боя не встрѣчаютъ передъ собою объединяющей воли начальника и въ битву идутъ только тѣ части, во главѣ которыхъ находятся герои вродѣ маіора Видаль. Послѣднихъ же вездѣ и всегда неизмѣримо меньше, чѣмъ желающихъ уклониться или оттянуть рѣшительную минуту. Несмотря на это, неправъ будетъ тотъ историкъ, который не укажетъ на то, что у генерала Заремба были серьезные мотивы, чтобы все таки лично повести въ атаку первую же находившуюся подъ рукой часть. Причины лежали въ области психической и для того чтобы ихъ вполнѣ понять нужно принять во вниманіе то, что происходило въ ландверномъ № 35 полку*). Выступивъ по направленію В. Х. Обыдра, онъ согласно полученному отъ начальника дивизіи приказанію повернулъ на Лопушаны и далѣе на Жамни. Во время этого движенія онъ подвергся нападенію русскихъ частей со стороны Олеюва. (Это были спѣшенныя части русской 9-й кавалерійской дивизіи, двигавшейся со стороны Заложце, гдѣ она имѣла начлегъ)

*) См. схема 8, 9, и 10.

Артиллерія непріятеля, выѣхавшая въ раіонѣ къ сѣверу отъ Олеюва стала громить австрійскую пѣхоту, не имѣвшую въ своемъ распоряженіи пушекъ. Задній баталіонъ очень скоро началъ отступать. Тѣмъ временемъ авангардъ ланвернаго № 35 полка подходилъ къ высотѣ Жамни откуда онъ началъ наступленіе въ южномъ направленіи. Здѣсь онъ подвергся перекрестному артиллерійскому огню русской артиллеріи, стрѣлявшей со стороны Олеюва и со стороны высоты Беремовки. Около 9 часовъ утра авангардъ и подошедшія къ нему роты головного баталіона тоже начали отступать. Русская артиллерія со стороны Олеюва преслѣдуетъ все время огнемъ отходящую по направленію къ Гукаловцамъ, разбившуюся на мелкія группы, пѣхоту. Вмѣстѣ съ этимъ русскія части со стороны Олеюва тѣснятъ съ фронта сохранившія порядокъ части ландвера. Генералъ Заремба получаетъ свѣдѣнія о неудачѣ своей пѣхоты около 9 час. утра, когда онъ находился къ югу отъ д. Ярославице. Въ это же время онъ вмѣстѣ съ прочими чинами 4-ой кавалерійской дивизіи могъ своими глазами видѣть разгромъ ландвера у высоты Жамни. Совершенно естественно, что вниманіе начальника дивизіи такъ и всей дивизіи приковывается къ русскимъ, наступающимъ отъ Олеюва. Потери, понесенныя въ этотъ день ландвернымъ № 35 полкомъ, могли лишь усиливать это впечатлѣніе*). Вслѣдствіе этого хотя русская 9-ая кавалерійская дивизія и не успѣваетъ принять непосредственное участіе въ конномъ бою у Волчковцы, тѣмъ не менѣе ея присутствіе тяжелымъ грузомъ давитъ на дѣйствія австрійской 4-ой кавалерійской дивизіи. Роль сыгранная 9-ой русской кав. дивизіей можетъ быть уподоблена той блестящей точкѣ, на которую любятъ направлять взглядъ гипнотизируемаго субъекта гипнотизеры. Впечатлѣніе отъ неожиданности появленія вынырнувшихъ изъ лощины всего въ 1000 – 1500 шагахъ атакующихъ въ конномъ строю русскихъ полковъ должно было достигнуть своего максимума. При такой обстановкѣ, по всей вѣроятности, генералъ Заремба считалъ, что требовался личный примѣръ начальника.

IV.

Въ войну 1914 года кавалеріи европейскихъ государствъ выступили съ исповѣданіемъ теоріи „шока". Болѣе или менѣе, конечно. Русско-Японская и Англо-Бурская войны заставили многихъ призадуматься. Введены были поправки. Больше всего ихъ сдѣлано было въ Германіи. Но все таки вѣра въ „шокъ", какъ рѣшающее средство борьбы кавалеріи, продолжала быть крѣпкой.

---

*) 1-й и 2-й баталіоны ландвернаго № 35 пѣх. полка потеряли въ бою 21-го августа:

	убитыми	ранеными	безъ вѣсти пропавшими и плѣнными
Офицеровъ	5	3	11
Нижнихъ чиновъ	28	120	289
	33	1 3	300

Вотъ въ этомъ отношенiи бой у Волчковце чрезвычайно поучителенъ. Двѣ кавалерiйскiя массы столкнулись въ сомкнутомъ строю.

Первое, что должно поразить внимательнаго изслѣдователя,—это малое количество потерь.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ двѣ крупныя массы, сталкивающiяся между собою на полномъ карьерѣ. Какое большое число убитыхъ и зашибленныхъ должно было бы остаться на полѣ столкновенiя, какъ слѣдствiе общаго закона механики, согласно которому сила удара измѣряется формулой: $\frac{mv^2}{2}$! Мнѣ невольно вспоминается здѣсь случай, когда на кавалерiйскихъ маневрахъ въ Красномъ Селѣ въ двухъ эскадронахъ, обозначавшихъ взаимную конную атаку, два фланговыхъ всадника столкнулись на полномъ ходу: одинъ изъ нихъ остался на мѣстѣ съ раскроеннымъ черепомъ, другой — поплатился тяжелыми увѣчьями.

Въ бою у Волчковце во время самаго столкновенiя потери отъ холоднаго оружiя въ каждой изъ кавалерiй измѣряются всего 40-50 всадниками!

А между тѣмъ въ этомъ бою столкнулось и рубилось съ русской стороны 10 эскадроновъ, а съ австрiйской — 8, т. е. не менѣе 1800 всадниковъ. Такимъ образомъ процентъ потерь при столкновенiи достигаетъ лишь $5^0/_0$.

Выводъ на первый взглядъ поражающiй и противорѣчащiй самой теорiи „шока"... и показывающiй всю ея ложность.

Боевой опытъ есть единственный и неопровержимый судья для всѣхъ „военныхъ теорiй".

Ложность теорiи „шока" и заключалась въ томъ, что она строила свои выводы слишкомъ теоретически; она выдвигала на первое мѣсто „механическое начало", забывая, что на поляхъ сраженiй господствуетъ духовная сторона явленiй. Въ минуты опасности „плоть" говоритъ въ людяхъ такъ громко, что заглушаетъ въ большинствѣ изъ нихъ всѣ доводы разума. Скачущiя другъ другу навстрѣчу конницы не представляютъ собою двѣ неодушевленныя массы, подчиняющiяся лишь законамъ матерiи. Въ этихъ массахъ, состоящихъ изъ людей, со всѣмъ ихъ сложнымъ духовнымъ строенiемъ, еще ранѣе механическаго столкновенiя происходитъ процессъ психическаго характера, который разлагаетъ эти массы и, очень часто, заставляетъ ихъ повернуть.

Чтобы пояснить это читателю на примѣрѣ, я разскажу случай свидѣтелемъ котораго я былъ всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ.

Два эскадрона — одинъ русскiй и одинъ австрiйскiй, выйдя изъ складокъ мѣстности, оказались неожиданно одинъ противъ другого въ конномъ строю на разстоянiи не болѣе 1000 шаговъ. Оба они немедленно на галопѣ развернулись и пошли на встрѣчу другъ другу. Сейчасъ же вслѣдъ за первыми движенiями я былъ пораженъ слѣдующей картиной: въ пыли, окутывающей австрiйскiй эскадронъ, я увидѣлъ, что онъ начинаетъ растягиваться въ длину (я стоялъ сбоку); съ каждымъ мгновенiемъ растяжка увеличивалась. Момента

столкновенія я замѣтить не могъ, т. к. въ полномъ смыслѣ слова онъ совпалъ съ тѣмъ, что я ясно увидѣлъ всадниковъ — русскихъ и австрійцевъ — скачушихъ въ одномъ и томъ же направленіи, къ лѣсу, изъ котораго вышли австрійцы. Я понялъ тогда, что превращеніе развернутаго строя въ „яйцо" происходило оттого, что болѣе робкіе австрійскіе всадники второй шеренги начали сразу осаживать своихъ коней, послѣ чего это осаживаніе распространилось на другихъ и превратилось затѣмъ въ обшій поворотъ назадъ, такъ что къ секундѣ окончательнаго сближенія, австрійцы оказались въ перемѣшку съ нашими всадниками, скачущими къ лѣсу.

Подобный процессъ происходитъ и происходилъ раньше во всѣхъ кавалерійскихъ столкновеніяхъ. Поэтому такъ часто и не происходитъ самаго столкновенія: одна изъ сторонъ раньше повернула, а то и обѣ. Въ бою у Волчковце обѣ конницы оказались столь доблестными, что дошли и до самаго столкновенія, но аллюръ уменьшился и въ свалку „въѣхали" самые храбрые, которые ведутъ за собою толпу, тѣ, которымъ имя—герои. Въ первыя же мгновенія на каждомъ изъ участковъ боя начались „повороты назадъ". Въ центрѣ — это были русскіе, на сѣверномъ участкѣ, повидимому, — обѣ стороны, на южномъ — это были австрійцы. Среди этихъ образовавшихся „конныхъ толпъ", мечущихся по полю сраженія, происходятъ инциденты вродѣ описаннаго полковникомъ Сливинскимъ, который имѣлъ мѣсто въ центрѣ: появленіе подходящихъ сзади, сохранившихъ организацію частей. Онѣ являются теперь рѣшающими участь боя; вокругъ нихъ кипитъ „стихія толпы", образовавшейся изъ дезорганизовавшихся уже столкнувшихся частей. Въ этой стихіи царствуетъ безраздѣльно одно эмаціональное начало и она „бѣжитъ" или впередъ, или назадъ.

Напомню здѣсь подробность изъ воспоминаній Сливинскаго о томъ моментѣ, когда графъ Келлеръ приказываетъ взводу своего конвоя атаковать скачущій въ порядкѣ австрійскій эскадронъ: „Штабъ и конвой съ мѣста понеслись во флангъ проходившему мимо насъ эскадрону. Начальникъ конвоя, сотникъ Пензинъ, скакавшій рядомъ со мной, выхватилъ изъ кобуры револьверъ, прицѣлился и выстрѣлилъ... Несшійся впереди австрійскаго эскадрона командиръ его — польскій графъ — замертво свалился съ лошади, сраженный его пулей... Эскадронъ не выдержалъ нашей атаки; исполнивъ заѣздъ „по-взводно налѣво" онъ сталъ быстро уходить съ поля сраженія на сѣверъ; за нимъ потянулись безпорядочныя группы всадниковъ"... Обратите вниманіе: здѣсь тоже „шока" не было — эскадронъ повернулъ подъ впечатлѣніемъ атаки во флангъ значительно меньшихъ силъ.

Изучая письма участниковъ этого боя, я видѣлъ только постоянное подтвержденіе того факта, что хотя конницы и наѣхали другъ на друга, но участь столкновенія была на всѣхъ участкахъ морально рѣшена до момента „механическаго столкновенія". Этимъ объясняются тѣ наблюденія, вродѣ указаннаго Барбовичемъ: „Я увидѣлъ, что австрійцы не нападаютъ..., а только прикрываются, показывая

спины". — Это происходило на русскомъ лѣвомъ флангѣ (на южномъ участкѣ поля столкновенія), гдѣ два эскадрона Ингерманландскихъ гусаръ неожиданно для австрійскихъ „Бѣлыхъ" драгунъ, атаковали ихъ во флангъ и тылъ.

Въ письмахъ австрійскихъ участниковъ вы увидите подобныя же наблюденія въ центрѣ, гдѣ успѣхъ былъ въ началѣ на ихъ сторонѣ. „Мы встрѣтили сначала рой всадниковъ (Wir trafen zuerst vufeimen schwarm). Мы пришли черезъ нихъ (dieser durchritten Wir) и встрѣтились съ сомкнутыми частями, составлявшими повидимому 2-ую линію или резервы". Вотъ какъ описываетъ первую встрѣчу начальникъ штаба 4-й австрійской кавалерійской дивизіи Оскаръ де Ровидъ Максонъ, который вмѣстѣ со своимъ начальникомъ дивизіи лично „вели" атаку. Таковы его впечатлѣнія. На самомъ же дѣлѣ это былъ уже начавшійся „разлагаться" сомкнутый строй уланъ. Мы знаемъ также, что ни второй линіи, ни резервовъ у гр. Келлера не было, а то, что принимается австрійцами въ пылу боя за нихъ, былъ конвойный взводъ съ небольшой группой ординарцевъ, брошенные Келлеромъ какъ послѣдняя песчинка на вѣсы побѣды.

„Поворотъ всадниковъ назадъ" — есть одно изъ внѣшнихъ проявленій того психическаго процесса, которымъ кончается каждый бой — въ томъ числѣ и конный — и который мы можемъ формулировать въ слѣдующихъ словахъ: „ отказъ отъ борьбы".

Этотъ психическій процессъ находитъ свое выраженіе и въ другихъ формахъ. Наиболѣе рѣзко онъ виденъ для изслѣдователя, когда онъ выливается въ формѣ отказа отъ борьбы со стороны старшаго начальника, приказывающаго отойти или останавливающаго атаку или, наконецъ, что особенно часто бываетъ въ конницѣ, не рѣшающагося боситься въ конную атаку.

Бой у Волчковце представляетъ особенный интересъ, т. к. оба начальника оказались въ высшей степени доблестными и рѣшительными; и генералъ гр. Каллеръ и генералъ Заремба ищутъ возможности атаки, бросаютъ въ нее свою конницу и если такъ можно выразиться, „играютъ" до конца. Генералъ Заремба показалъ это, ставъ лично во главѣ „Бѣлыхъ" драгунъ. Графъ Келлеръ не ведетъ лично части въ бой; онъ находится въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, его личный примѣръ для частей 10-ой кавалерійской дивизіи не нуженъ и онъ можетъ до послѣдней минуты оставаться начальникомъ руководящимъ боемъ. Но какую мѣру рѣшимости и доблести онъ долженъ былъ проявить, можетъ быть лучше всего характеризовано его собственными словами, сказанными имъ послѣ боя ротмистру (нынѣ генералу) Барбовичу, командовавшему дивизіономъ Ингерманладскихъ гусаръ. „Когда я бросилъ свой послѣдній резервъ — конвой, я вынулъ револьверъ (сердце у меня чуть не выпрыгнуло) и рѣшилъ, если побѣгутъ, пущу себѣ пулю въ лобъ". Нужно знать графа Келлера, который поражалъ всѣхъ своимъ личнымъ мужествомъ и, который сумѣлъ геройски встрѣтить смерть въ Кіевѣ (въ 1919 году) изъ-за отказа надѣть германскую шинель,

и этимъ переодѣваніемъ спастись отъ разстрѣла петлюровцами (украинцами), чтобы понять всю драматическую силу его словъ.

Оба начальника и генералъ графъ Келлеръ и генералъ Заремба оказались тѣми истинными боевыми начальниками, доблестью которыхъ каждая армія можетъ гордиться, не считаясь даже съ тѣмъ, на чей сторонѣ была побѣда. „Отказъ отъ борьбы" исходилъ не отъ нихъ.

Въ подобныхъ случаяхъ этотъ психическій процессъ, находитъ сферу приложенія въ средѣ второстепенныхъ начальниковъ. Это мы и видимъ на австрійской сторонѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, задайте себѣ вопросъ, почему изъ 22-хъ эскадроновъ 4-ой австрійской кавалерійской дивизіи приняло участіе лишь 8?

3 эскадрона уланскаго № 13 полка, какъ мы знаемъ, ускакало на сѣверъ. Австрійскій источникъ объясняетъ это ошибочными донесеніями о появленіи тамъ непріятеля. Мы знаемъ также, что эти донесенія не были такъ ошибочными, какъ думаетъ австрійскій авторъ; тамъ начали появляться передовыя части 9-ой русской кавалерійской дивизіи. Но въ тотъ моментъ, когда маіоръ Видаль (командиръ дивизіона уланскаго № 13 полка, шедшаго въ хвостѣ полка) началъ по своей иниціативѣ выстраивать свой дивизіонъ для атаки внезапно вынырнувшихъ изъ складокъ мѣстности русскихъ драгунъ, для командира уланскаго № 13 полка, а также для командира впереди идущаго дивизіона, не могло быть другого рѣшенія: поддержать немедленной атакой своихъ доблестныхъ однополчанъ. Только такое рѣшеніе можетъ считаться истинно кавалерійскимъ". Не есть ли происшедшее въ уланскомъ № 13 полку одинъ изъ выявленій „отказа отъ борьбы", однимъ изъ этаповъ моральнаго „разложенія"?

А вотъ другой фактъ.

Два полка — драгунскій № 9 и уланскій № 1 простаиваютъ во время коннаго столкновенія у Выселковъ Волчковце въ полуверстѣ отъ мѣста рубки. Они ожидаютъ приказанія начальника дивизіи! Пусть читатель самъ скажетъ свое сужденіе, мы же съ еще большей увѣренностью будетъ утверждать, что это — проявленіе „разлагающаго вліянія боя".

Всѣ великіе полководцы были прежде всего великими сердцевѣдами. Въ этомъ ихъ характерное отличіе отъ тѣхъ „теоретиковъ" военнаго искусства, которымъ самимъ не пришлось пройти серьезную боевую школу.

И Наполеонъ, и Фридрихъ II Прусскій, требуютъ отъ своихъ конницъ при производствѣ конной атаки сомкнутости и равненія.

Требованіе Наполеона и Фридриха и служило тѣмъ доказательствомъ, на которомъ строили защитники „шока" свою доктрину.

Но, если вы подойдете къ пониманію явленій боя, стоя все время на психологической точкѣ зрѣнія, то вы убѣдитесь въ томъ, что и Наполеонъ и Фридрихъ II, предъявляя свои требованія, меньше

всего думали о законахъ механики. Мотивы ихъ требованій были иного порядка.

Первой причиной являлось то, что для участія въ бою холоднымъ оружіемъ боецъ долженъ быть увѣренъ въ непосредственной поддержкѣ его сосѣдями, защищающими его фланги и тылъ. Безъ этого его участіе въ бою морально чрезвычайно трудно и требуетъ отъ него очень высокихъ моральныхъ качествъ и степени боевой подготовки.

Второй причиной являлось то, что при тѣсной сомкнутости строя поворотъ отдѣльныхъ всадниковъ назадъ фактически невозможенъ. На подобной сомкнутости особенно настаивалъ Фридрихъ II, неувѣренный въ качествѣ своихъ вербованныхъ войскъ. Въ своемъ требованіи сомкнутости онъ доходилъ до того, что, какъ говорятъ современники, бывали случаи, когда всадники, находившіеся въ серединѣ двигавшихся на встрѣчу массъ, бывали подняты на воздухъ. На флангахъ ставились лучшіе люди — унтеръ-офицеры и такимъ образомъ рядовые всадники были какъ бы замурованы въ развернутыхъ строяхъ линій удара. Эти компактныя массы, которымъ было открыто только одно направленіе „впередъ" въ полномъ смыслѣ слова должны были „вестись" своими начальниками.

Такимъ образомъ требованія Наполеона и Фридриха являлись только пріемами подвода къ столкновенію.

Посмотримъ теперь на примѣрѣ боя у Волчковце насколько оказались примѣнимы методы подобнаго „подвода" кавалерійскихъ массъ. Будемъ при этомъ помнить, что это единственный случай изъ всѣхъ многочисленныхъ попытокъ, которыя дѣлались и которыя неизмѣнно кончались тѣмъ, что появившіеся въ сферѣ артиллерійскаго огня сомкнутые кавалерійскіе строи разстрѣливались непріятелемъ, не имѣя даже чести увидѣть въ лицо его. Объ одномъ изъ подобныхъ случаевъ я разсказывалъ въ моемъ очеркѣ, посвященномъ Яновскому бою.

Обратимся къ австрійской сторонѣ. Австрійскіе кавалерійскіе начальники были еще болѣе правовѣрными послѣдователями религіи „шока" нежели мы. Этимъ и объясняется то, что ген. Заремба таскаетъ все утро 20-го августа свою дивизію въ компактныхъ строяхъ въ раіонѣ будущаго столкновенія. Принимая выжидательное расположеніе, онъ собираетъ свои полки въ колонны. Согласно доктрины „шока" онъ правъ — онъ держитъ все время дивизію въ полной готовности по знаку или сигналу выстроить тѣ сомкнутыя линіи, которыя понесутся впередъ для того, „чтобы напоромъ коней" свалить непріятеля*).

Около 9 часовъ утра онъ несетъ тяжелое наказаніе за ложность исповѣдуемой имъ доктрины. 4-ая австрійская кавалерійская дивизія попадаетъ подъ „очередь" русскихъ конныхъ батарей, ставшихъ на позиціи у высоты „Беремовка". Мы употребляемъ выраженіе „тяжелое", хотя мы и знаемъ, что въ дѣйствительности потери отъ этого

*) См. схему № 8.

огня въ австрійской кавалерійской дивизіи были небольшія; тяжелымъ оказался результатъ въ моральномъ отношеніи. Этимъ результатомъ было слѣдующее: дезорганизованная дивизія подалась назадъ, вслѣдъ затѣмъ она захвачена была врасплохъ русской конницей въ раіонѣ высотъ 418 — 419, самъ начальникъ дивизіи вынужденъ былъ лично повести первый же полкъ въ атаку и наконецъ остальные полки, за исключеніемъ дивизіона маіора Видаль, „отказались отъ борьбы“.

Неудачный исходъ для австрійцевъ коннаго боя у Волчковце имѣетъ своей первопричиной стремленіе ген. Заремба таскать за собою свою дивизію въ компактныхъ строяхъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что даже въ такомъ единственномъ для современной войны случаѣ, какимъ представляется бой у Волчковце, старый методъ „подвода“ кавалеріи къ столкновенію не далъ хорошихъ результатовъ.

У графа Келлера было нѣсколько иначе.

Бой завязывается у него авангарднымъ полкомъ — казаками. Послѣдніе атакуютъ лавой уходящую пѣхоту; за Оренбургскими казаками (см. схему № 2), за правымъ ихъ флангомъ, идутъ 10 эскадроновъ Келлера. Лѣвѣе казаковъ еще два эскадрона обезпечиваютъ раіонъ его маневрированія. Судьба чрезвычайно благопріятствуетъ графу Келлеру: эти 10 эскадроновъ оказываются неожиданно въ 1000 шагахъ отъ находящихся въ конномъ строю массъ противника. Генералъ графъ Келлеръ показываетъ себя истиннымъ кавалеристомъ, использовавъ безъ колебанія эту случайную близость; онъ бросаетъ свои эскадроны въ конную атаку, несмотря на то, что онъ имѣлъ полное право считать себя въ два раза болѣе слабымъ численно. Онъ правъ именно потому, что „механическаго шока“ не существуетъ, и поэтому закону механики, а слѣдовательно числу, въ такихъ условіяхъ принадлежитъ очень мало вліянія. Это — область, гдѣ всецѣло царствуетъ духъ рѣшимости.

Сближаясь съ противникомъ, который тоже пошелъ на встрѣчу, скоро создалась обстановка, въ которой пушки и пулеметы, какъ бы они совершенны не были, дѣйствовать уже не могутъ, ибо они будутъ поражать одновременно съ врагомъ и своихъ. Вотъ условіе, которое дѣлаетъ на вѣки вѣчныя возможными конныя столкновенія.

Но какъ сблизиться до этихъ спасительныхъ въ кавалерійскомъ бою 100 — 200 шаговъ отъ непріятеля?

Старый методъ непригоденъ.

Нужно искать другой.

Отыскиваніе этого другого метода значительно облегчится, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на ту эволюцію въ тактикѣ, которую пережила пѣхота подъ вліяніемъ усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія. Послѣдняя тоже имѣла эпоху, когда вѣрили въ механическую силу удара колоннъ. Затѣмъ она пережила этоху линей-

ной тактики, но уже сначала XIX столѣтія ея боевые порядки стали все болѣе и болѣе расчленяться по фронту и въ глубину.

Боевой порядокъ конницы тоже долженъ расчлениться по фронту и въ глубину. Даже бой у Волчковце показываетъ, что стремленіе къ „монолитности" боевого порядка не привело австрійцевъ къ побѣдѣ въ состоявшемся конномъ бою.

Представьте себѣ, что ген. Заремба, задумывая свое передвиженіе въ обходъ высотъ 418—419, занялъ бы предварительно спѣшенными частями съ пулеметами высоту 410 и вмѣстѣ съ этимъ выслалъ бы полкъ для занятія высотъ 418—419, придавъ ему другую часть пулеметовъ и одну батарею. Этотъ полкъ занялъ бы по эскадронно выжидательное положеніе, спѣшивъ часть своихъ взводовъ и расположивъ пулеметы и батарею такъ, чтобы быть готовымъ обстрѣлять удобныя къ этимъ высотамъ подступы. Ген. Заремба могъ спокойно исполнить за этимъ неподвижнымъ щитомъ другими своими полками задуманный имъ маневръ.

Мы думаемъ, что результатъ атаки 10 эскадроновъ графа Келлера былъ бы иной въ этомъ случаѣ. Если же мы прибавимъ къ только что сказанному, что вооруженіе современной конницы, напримѣръ французской, даетъ въ каждомъ эскадронѣ .... группъ (звеньевъ) вооруженныхъ каждая ручнымъ пулеметомъ, а огневыя средства, находящіяся въ распоряженіи дивизіи, достигаютъ 24 орудій, 48 полковыхъ пулеметовъ на повозкахъ, 3 пулеметовъ при командахъ велосипедистовъ и 36 бронированныхъ автомобилей съ 37 мм. пушкой и пулеметомъ, то становится яснымъ, что устойчивость и огневая сила полка въ раіонѣ высотъ 418—419 была бы столь велика, что въ исходѣ атаки 10 эскадроновъ графа Келлера въ сомкнутомъ строю не можетъ уже быть никакого сомнѣнія.

Мы будемъ правы, если вмѣстѣ съ читателемъ зададимъ здѣсь себѣ вопросъ. Въ этихъ условіяхъ будущей войны правъ ли будетъ начальникъ, если очутившись въ тактическомъ положеніи подобномъ тому, въ которомъ очутился графъ Келлеръ, когда онъ стоялъ на высотѣ „Острый Гарбъ" станетъ приводить свое рѣшеніе: движеніе главными силами къ высотамъ 418—419, тѣми же методами? Можетъ ли этотъ начальникъ расчитывать на повтореніе такого же счастливаго случая, какъ это произошло съ гр. Келлеромъ, когда послѣдній, выскочивъ на высоту 410, увидѣлъ въ полуверстѣ отъ себя находящіяся въ конномъ строю массы противника?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣтъ!

Даже въ минувшую войну подобный случай могъ произойти лишь въ первые дни войны. Причиной этому являлось то самое ложное ученіе въ „шокъ" конными массами, которое и заставило ген. Заремба держать свою дивизію въ колоннахъ, не обезпечивъ за собою огневое обладаніе вокругъ лежащаго маневреннаго пространства. Въ какой же сильной мѣрѣ господствовали въ мысляхъ большинства кавалеристовъ старые предразсудки лучше всего доказывается однимъ интереснымъ психологическимъ фактомъ. Какъ мы уже говорили въ нашемъ первомъ изъ очерковъ, посвященныхъ бою

у Волчковце, въ конномъ бою болѣе чѣмъ въ какомъ либо другомъ господствуетъ воображеніе и рисуемыя воображеніемъ картины менѣе чѣмъ въ какомъ либо другомъ бою отвѣчаютъ дѣйствительности. Такъ вотъ всѣ описанія, какъ русскія такъ и австрійскія, какъ бы ни были они различны, сходятся въ одномъ. Всѣ русскія описанія утверждаютъ, что боевой порядокъ австрійцевъ былъ трехлинейный, т. е. тотъ, который предписывала австрійская кавалерійская доктрина „шока", и сѣтуютъ, что на русской сторонѣ этого выполнено не было. Всѣ же австрійскіе участники утверждаютъ, что трехлинейный боевой порядокъ былъ примѣненъ русскими и сѣтуютъ, что онъ не былъ примѣненъ на австрійской сторонѣ. Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, его не было ни у русскихъ ни у австрійцевъ! Такова была сила предвзятыхъ идей, съ которыми конницы вступили въ войну 1914 года. Въ будущей войнѣ конечно этого не будетъ!

Какъ же долженъ былъ бы рѣшить свою задачу кавалерійскій начальникъ, очутившійся на высотѣ „Острый Гарбъ" въ положеніи аналогичномъ графа Келлера? Рѣшивъ двигаться съ оставшимися у него, послѣ высылки казаковъ, десятью эскадронами въ с.-з. направленіи, онъ долженъ былъ выслать одинъ полкъ съ частью пулеметныхъ командъ для занятія высотъ 418—419, а съ остальными шестью эскадронами, составлявшими бы его резервъ, продвигаться вдоль лощины, выпустивъ впередъ на должную дистанцію полкъ, посланный для занятія высотъ 418—419*).

Но тогда, скажетъ читатель, этотъ полкъ рисковалъ бы подвергнуться конной атакѣ австрійской кавалеріи, если бы она вопреки всему, что мы говорили выше, все таки оказалась сосредоточенной въ колоннахъ за этими высотами. Тутъ мы и подходимъ къ принципіальному различію между прежнимъ трехлинейнымъ боевымъ порядкомъ тактики „шока" и новымъ порядкомъ — расчлененнымъ по фронту и въ глубину.

Послѣдній не стремится цѣлью создать механическое единство коннаго удара. Онъ строитъ бой конницы на сочетаніи пѣшаго (огневаго) боя съ коннымъ. Поэтому, учитывая всю силу современныхъ огневыхъ средствъ, онъ и не боится отдѣльнаго пораженія одной изъ своихъ расчлененныхъ частей. Но за то онъ даетъ возможность использовать всю силу современнаго огня для созданія на полѣ сраженія цѣлой сѣти огневыхъ пунктовъ, въ которыхъ непріятельская конница, пытающаяся воскресить картины прежнихъ массовыхъ атакъ, неминуемо запутается какъ въ паутинѣ. Пусть даже она одержитъ частичный успѣхъ надъ одной изъ частей нашего расчлененнаго порядка благодаря лихости и силѣ своего перваго порыва. Но что изъ этого должно произойти? По неизмѣнному психологическому закону кавалерійская часть, пущенная въ атаку, уподобляется пулѣ, пущенной изъ ружья; она понесется вслѣдъ за той частью своего противника, которую ей удалось сломить и при этомъ она превращается въ стихійную толпу. Появленіе на полѣ сраженія даже небольшихъ

*) См. схемы № 2 и № 8.

нашихъ резервовъ окажетъ на нее вліяніе, подобное взводу конвоя графа Келлера на австрійскій эскадронъ, и окружавшую его массу австрійскихъ всадниковъ, несшихся за уходящими русскими уланами. Можетъ быть и другой случай: эти волны несущихся впередъ людей запутаются въ огневыхъ комбинаціяхъ, созданныхъ нами благодаря широкому примѣненію тактики расчлененнаго боевого порядка.

Послѣднее предъявляетъ новое требованіе къ современной кавалерійской доктринѣ. Основнымъ кавалерійскимъ строемъ нужно считать теперь не развернутый сомкнутый строй эскадрона, а лаву взвода. Подобно тому какъ на парфорсныхъ охотахъ группа всадниковъ размыкается и смыкается для преодолѣнія препятствій, такъ точно и въ современномъ бою звенья взводной лавы идутъ впередъ галопомъ, преодолѣвая не только препятствія мѣстности, но и препятствія, созданныя огнемъ. Въ конномъ строю можно будетъ дойти до цѣли лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда удастся неожиданно выскочить на короткѣ, или при деморализаціи противника или наконецъ въ тѣ послѣднія минуты боя, когда во время свалки прикрытіемъ противъ непріятельскаго огня явятся сами всадники непріятеля. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сомкнутость не нужна.

Сила нашей казачьей лавы, рожденной природной конницей, заключается въ томъ, что она даетъ возможность, уклоняясь отъ сомкнутаго удара противника, быстро собирать группы для атаки фланговъ. Даже въ эпоху Наполеона, когда въ рукахъ у казаковъ не было могущественныхъ средствъ современной матеріальной части, позволяющихъ жестоко наказывать противника за гуляніе по полю сраженія въ сомкнутыхъ колоннахъ, регулярная конница съ трудомъ боролась противъ казачьей лавы. Просмотрите мемуары кавалеристовъ того времени. Вы встрѣтите сѣтованія на то, что предъ фронтомъ сомкнувшихся для конной атаки кавалерійскихъ массъ лава раступалась и отходила... намѣченный ударъ попадалъ въ пустую... а въ это время другія части лавы собирались противъ фланговъ... и регулярной кавалеріи приходилось отступать. Тогда „старые регулярные" кавалеристы тоже возмущались, утверждая, что казаки дѣйствуютъ не по „правиламъ".

Представляя всѣ преимущества при современныхъ условіяхъ для дѣйствій кавалеріи противъ кавалеріи, расчлененный боевой порядокъ имѣетъ и еще одно громадное преимущество. Это преимущество столь велико, что оно одно, само по себѣ взятое, заставило бы остановить выборъ на расчлененномъ боевомъ порядкѣ. Съ подобнымъ боевымъ порядкомъ современная конница въ состояніи дѣйствовать и противъ пѣхоты. Она не будетъ напоминать собою сантиментальную дѣвицу, ожидающую сложа руки, пришествія сказочнаго принца „счастливаго случая". Какъ часто въ минувшую войну кавалерія этому уподоблялась! А въ это время ея сестры — пѣхота и артиллерія истекали кровью. Но что еще хуже, такъ это то, что когда этотъ сказочный принцъ „счастливый случай" придетъ, то конница „бѣлоручка" не признаетъ его, если въ корнѣ не измѣнитъ своего міровоззрѣнія. Потому что этотъ принцъ придетъ не въ ска-

зочномъ одѣяніи, а въ „современномъ платьѣ“. Во время сраженія на Марнѣ между двумя правофланговыми нѣмецкими арміями — фонъ Клука и фонъ Бюлова образовался прорывъ. Эта дыра, прикрытая самой ничтожной завѣсой, существуетъ съ 6-го по 13-ое сентября; 8-го, 9-го и 10-го сентября, т. е. ни болѣе ни менѣе какъ трое сутокъ, эта дыра имѣетъ по фронту 50 верстъ! Вблизи у нѣмцевъ нѣтъ никакихъ резервовъ, чтобы заполнить ее. Какъ разъ противъ этой дыры у союзниковъ пребываетъ цѣлый кавалерійскій корпусъ изъ трехъ французскихъ и одной англійской конныхъ дивизій. Что было бы, если бы эта конница была болѣе современной! Если бы она сумѣла надавить своими собственными силами на ту ничтожную завѣсу, которой эта дыра прикрывалась, не считая, что это дѣло пѣхоты? Стратегическіе результаты были бы неисчислимы и въ худшемъ случаѣ нѣмцы были бы, по крайней мѣрѣ, сразу изгнаны съ территоріи Франціи.

Но для этого нужно, чтобы конница видѣла въ огнѣ не препятствіе своихъ дѣйствій, а содѣйствіе. Это возможно лишь съ окончательнымъ переходомъ къ расчлененному боевому порядку и окончательнымъ отказомъ отъ фантастической теоріи „шока“.

Опытъ минувшей войны съ несомнѣнной очевидностью показываетъ, что массовыя сомкнутыя кавалерійскія атаки отходятъ въ область прошлаго.

Нѣкоторымъ можетъ показаться, что опытъ гражданской войны въ Россіи какъ бы противорѣчитъ сказанному въ этой главѣ. Но нужно помнить, что „бѣдность“ огня на поляхъ столкновеній русской гражданской войны дѣйствительно позволяла безнаказанное приближеніе сомкнутыхъ конныхъ массъ къ ихъ объектамъ дѣйствій; плохія же боевыя качества войскъ, какъ мы уже говорили, заставляли держать ихъ въ сомкнутыхъ строяхъ и въ раіонѣ „глаза“ и непосредственнаго воздѣйствія начальства. Въ будущей, „настоящей“, войнѣ, въ которой техника займетъ опять свое господствующее мѣсто на поляхъ сраженій, расчитывать на подобное же возвращеніе къ условіямъ войны XVIII вѣка, конечно, нельзя. Поэтому методъ боевыхъ дѣйствій современной конницы долженъ быть основанъ на возможности самаго широкаго использованія современной матеріальной части. Здѣсь долженъ получить примѣненіе общій законъ современной войны: противъ современной матеріальной части нельзя бороться „пушечнымъ мясомъ“.

Но стало быть боевыя столкновенія въ конномъ строю всякаго вида тоже должны быть признаны отживающими и кавалерія превращается въ ѣздящую пѣхоту может быть сдѣлаетъ заключеніе часть читателей?

На это я отвѣчу сначала тоже вопросомъ: въ свое время въ область преданія отошли рыцарскіе поединки, но развѣ съ изчезновеніемъ ихъ съ полей сраженій кавалерія окончила свое существованіе? Не возродилась ли она въ новыхъ формахъ и не царствовала ли она на поляхъ сраженій XVIII вѣка?

Кавалерія и теперь осталась оружіемъ подвижности и быстраго

маневра. Стремленіе, гдѣ только возможно, ускорить маневръ должно сохранить въ конницѣ стремленіе при всякой къ тому возможности провести хотя бы часть маневра въ конномъ строю: потому что въ конномъ строю маневръ протекаетъ значительно быстрѣе.

Этотъ выводъ приведетъ насъ къ защитѣ противоположному, чѣмъ отрицаніе конницы. Но за то онъ предъявитъ новыя требованія къ ней.

Прежде всадниковъ можно было „вести" въ конный бой; ихъ и вели за собой старшіе кавалерійскіе начальники; индивидуальность бойца тонула въ „массахъ шока".

Теперь передъ каждымъ мелкимъ кавалерійскимъ начальникомъ, а въ лавѣ передъ каждымъ начальникомъ звена, будетъ стоять задача: спѣшиться и слѣдовательно затянуть маневръ или рискнуть еще дальше дѣйствовать въ конномъ строю, считая за идеалъ дорваться до конной схватки. Я не впаду въ парадоксъ, если буду на основаніи этого утверждать, что современная конница должна состоять изъ всадниковъ, къ которымъ кавалерійскій духъ долженъ быть привитъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ конницѣ прежняго типа.

Современную конницу не „ведутъ" въ бой; она должна каждымъ своимъ атомомъ, каждымъ изъ своихъ всадниковъ рваться впередъ и впередъ къ смѣлому, быстрому маневру.

ОЧЕРКЪ V.

КОННАЯ АТАКА.

(Изъ личныхъ переживаній).

Солнце приближалось къ горизонту. Кончился жаркій день. Это была чудная польская осень — конецъ августа 1914 года. Нашъ конный отрядъ въ составѣ 32 эскадроновъ и 12 конныхъ пушекъ столкнулся у мѣстечка Ополе съ австро-венгерской конницей и подошедшими къ ней пѣхотными частями.

Задача наша была простая: возможно дольше задерживать продвиженіе непріятеля впередъ, для того, чтобы дать возможность нашей пѣхотѣ, перевозимой по желѣзной дорогѣ, сосредоточиться для нанесенія общаго удара.

Само мѣстечко Ополе не имѣло никакого особаго военнаго значенія. Какъ всѣ селенія этой части Польши оно въ серединѣ своей представляло скопленіе грязныхъ, низкихъ, кирпичныхъ домиковъ. Къ этому крикливому центру, съ вѣчно толпящимся въ узкихъ улицахъ населеніемъ, примыкали, образуя окраины, деревянныя крестьянскія избы, мало отличающіяся отъ избъ обыкновенной русской деревни. Съ одного боку Ополе была расположена усадьба богатаго польскаго помѣщика, съ большимъ каменнымъ домомъ, амбарами, ригами, скотнымъ дворомъ, конюшнями. Само мѣстечко Ополе было расположено въ ямѣ. Вокругъ мѣстность была холмистая. Все было покрыто хорошо воздѣланными полями, на которыхъ мѣстами еще оставались копны неубраннаго хлѣба.

Дальше виднѣлись лѣса. Опушка ихъ, въ зависимости отъ удаленія, или обрисовывалась отчетливо, или представляла неясныя полосы сѣро-зеленыхъ и фіолетовыхъ тоновъ.

Тамъ, ближе къ лѣсамъ, былъ „онъ“ — непріятель.

Тому, кто переживалъ хотя бы одинъ бой, какъ непосредственный участникъ, хорошо знакомо ощущеніе какой то невидимой передъ Вами черты, которая отдѣляетъ Васъ отъ „него“.

За этой чертой — неизвѣстность; можетъ быть — смерть.

Эта линія приближается къ Вамъ, удаляется отъ Васъ, иногда Вы сами силитесь ее прорвать, а иногда она сжимаетъ Васъ — но она всегда чувствуется.

До войны каждому изъ насъ приходилось читать описаніе различныхъ боевъ. Изъ нихъ то и составлялось наше до-военное представленіе о боѣ.

Дѣйствительность оказалась совершенно не такою, какою ее изображали большинство литераторовъ, особенно же военныхъ писателей.

Въ теченіи первыхъ боевъ я наблюдалъ, какъ всѣ офицеры переживали какъ бы разочарованіе. Впрочемъ, слово разочарованіе не вполнѣ точно передаетъ тѣ ощущенія, которыя мы испытывали. Когда Вы подходите близко къ какому бы то ни было крупному явленію или событію, оно всегда въ дѣйствительности оказывается инымъ, чѣмъ Вы предполагали. Это доставляетъ нѣкоторое чувство досады. Вы ожидали, что все проще, а передъ Вами разворачивается полотно громаднѣйшей картины; Вы получаете такую гамму новыхъ впечатлѣній, мыслей, что на нѣкоторое время растеряны.

Самая большая ошибка всѣхъ разсказовъ и описаній боевъ та, что авторы изображаютъ своихъ дѣйствующихъ лицъ героями совершенно не боящимися снарядовъ и пуль, хладнокровно обдумывающихъ въ самомъ бою сложнѣйшія комбинаціи, которыя выполняются затѣмъ такими же спокойными подчиненными.

Первыя же боевыя столкновенія разрушаютъ эту иллюзію.

Вы не видите „такихъ“ героевъ... а, заглянувъ въ себя, Вы пугаетесь...

Потомъ, когда Вы присмотритесь, Вы научаетесь находить истинныхъ героевъ и нѣкоторую управляемость событій. Такъ глазъ человѣка, попавшаго изъ яркаго свѣта въ полумракъ, требуетъ нѣкоторое время, чтобы научиться различать дѣйствительные контуры окружающихъ предметовъ.

Но только герои, которыхъ Вы находите, не похожи на героевъ романовъ и реляцій — это люди часто мало замѣтные въ будничной жизни.

Линія, раздѣляющая Васъ отъ непріятеля — это линія смерти. Къ этой линіи никто не любитъ подходить и услужливый разумъ подыскиваетъ тысячи удобныхъ предлоговъ, чтобы избѣжать дальнѣйшее сближеніе.

— —

Л. Гв. Гродненскій гусарскій полкъ входилъ въ составъ конницы ген. кн. Туманова и находился въ резервѣ. Гусары слѣзли съ лошадей и эскадроны отдѣльными группами стояли вдоль одной изъ окраинъ Ополе. Пользуясь выпавшимъ отдыхомъ, полкъ поилъ и кормилъ лошадей, люди закусывали. А тамъ впереди — громыхали пушки, трещали ружья и пулеметы.

У одного изъ краевъ сада панской усадьбы, того края который захватывалъ одинъ изъ ближайшихъ къ мѣстечку холмовъ, за большими, развѣсистыми деревьями, стояла группа начальниковъ. Здѣсь были: самъ генералъ кн. Тумановъ, мой командиръ бригады генералъ М., начальникъ штаба дивизіи и ординарцы. Я тоже временно находился здѣсь, какъ командиръ полка резерва.

Изъ приходящихъ донесеній выяснилось, что общую задачу дня мы выполнили. День кончался и можно было подумать объ отдыхѣ измученныхъ людей — это былъ уже пятый день тяжелыхъ боевыхъ столкновеній.

Но настроеніе, царившее въ верхахъ нашей конницы, не было спокойнымъ. Генералъ кн. Тумановъ, лично очень храбрый, неоднократно хорошо показавшій себя въ минуту сильной опасности, былъ удрученъ и подавленъ. Онъ получилъ изъ штаба арміи рядъ выговоровъ, написанныхъ въ грубой формѣ, упрекавшихъ насъ въ томъ, что мы дѣйствовали недостаточно энергично. Штабъ нашей арміи былъ одинъ изъ тѣхъ штабовъ перваго періода войны, въ которомъ „необстрѣлянные" офицеры воображали, что можно руководить частями арміи, какъ пѣшками шахматной доски; когда работа строевыхъ начальниковъ не соотвѣтствовала ихъ ложнымъ представленіямъ о боѣ, они именемъ командующаго арміи „подтягивали" не соотвѣтствующихъ ихъ требованіямъ войсковыхъ начальниковъ.

Въ одномъ изъ приказаній только что полученныхъ генераломъ кн. Тумановымъ высказывалось, что командующій арміей замѣтилъ, что конница генерала кн. Т. не рѣшается атаковать въ конномъ строю, „дабы могучимъ коннымъ шокомъ сокрушить врага". Выходило такъ, что штабъ арміи, находившійся въ 65 верстахъ отъ насъ, считалъ себя болѣе компетентнымъ рѣшать вопросъ о способахъ исполненія возложенныхъ на насъ задачъ.

Сколько вреда приносятъ подобнаго рода писанія. Онѣ легко выводятъ войсковыхъ начальниковъ изъ душевнаго равновѣсія и безъ того съ большимъ трудомъ поддерживаемаго. Онѣ толкаютъ на путь импульсивныхъ, иногда нелогичныхъ рѣшеній, и бой, представляющій и безъ того явленіе трудно управляемое, пріобрѣталъ совершенно стихійный характеръ. Сколько лишней крови льется въ этихъ случаяхъ!

Ген. Тумановъ, человѣкъ пожилой — лѣтъ 55, тучный, сидѣлъ на пнѣ. Онъ растегнулъ китель; было видно, какъ онъ волновался. Въ немъ было затронуто чувство чести, т. к. въ полученномъ замѣчаніи онъ видѣлъ упрекъ въ недостаткѣ личной рѣшимости. Тяжело было видѣть этого славнаго старика въ такомъ состояніи. Окужающіе успокаивали его, но вмѣстѣ съ нимъ они тоже чувствовали горечь незаслуженной тяжелой обиды.

Стрѣльба на всемъ фронтѣ продолжалась. Съ лѣвой стороны отъ насъ стояла одна изъ нашихъ конныхъ батарей. Въ ея направленіи послышался учащенный ружейный огонь. На взмыленной лошади прискакалъ ординарецъ отъ командира этой конной батареи съ донесеніемъ, что батарея начала обстрѣливаться ружейнымъ огнемъ съ опушки ближайшаго лѣса.

Мнѣ неоднократно приходилось замѣчать насколько артиллеристы, спокойно выдерживающіе сильный артиллерійскій огонь противника, нервно относятся къ его ружейному огню. Въ данномъ случаѣ этотъ обстрѣлъ не представлялъ собою ничего серьезнаго: опушка лѣса отстояла отъ батареи на 1200 1500 шаговъ; день кончался и мы должны были уходить, складки же мѣстности облегчали этотъ отходъ отъ дальняго обстрѣла.

Рѣшено было, придавъ къ пяти эскадронамъ Гродненскихъ гусаръ еще два эскадрона уланъ Его Величества, оставшихся также

въ резервѣ, всѣ эти семь эскадроновъ бросить въ конномъ строю для атаки непріятеля, обстрѣливающаго съ опушки лѣса нашу конную батарею.

Получивъ приказаніе, я пережилъ нѣсколько секундъ острой внутренней борьбы. Мнѣ казалось, что если въ ближайшіе полчаса вся наша конница будетъ уходить, то стоитъ ли рисковать конной атакой столь значительной конной массы. Въ случаѣ удачи, эта масса вырвется изъ рукъ, собирать ее будетъ не легко, т. к. время будетъ позднее. Я сильно колебался высказывать ли ген. кн. Туманову мои сомнѣнія. Слишкомъ часто всякій начальникъ слышитъ въ бою подобныя возраженія своихъ подчиненныхъ со всевозможными предлогами для того, чтобы уклониться отъ рѣшительныхъ дѣйствій, и, скажемъ откровенно, — отъ сопряженной съ ними опасности. Невольно я повѣрилъ себя: не есть ли въ данномъ случаѣ съ моей стороны тоже жаланіе уклониться — вѣдь человѣческій разумъ всегда услужливо подыскиваетъ мотивы для скрытыхъ вашихъ чувствъ. Но, цѣня въ генералѣ кн. Тумановѣ его рыцарскую порядочность и зная его доброжелательное ко мнѣ отношеніе, я рѣшился подойти къ нему и откровенно подѣлиться съ нимъ моими сомнѣніями. Ген. Тумановъ отвѣтилъ мнѣ, что подъ Бегли-Ахметомъ Нижегородскіе драгуны атаковали въ темнотѣ. Кн. Тумановъ участвовалъ въ 1877 г. въ этой славной атакѣ и любилъ вспоминать это.

Разъ атака была рѣшена, то главный шансъ на успѣхъ ея заключался въ быстротѣ дѣйствій.

Пославъ приказаніе полку подтянуть подпруги и выстроиться, а офицерамъ собраться, чтобы выслушать мои приказанія, я по дорогѣ къ полку изучалъ карту, свѣряя ее съ мѣстностью.

Намъ предстояло пройти около $1^1/_2$ верстъ до противника. Приблизительно около версты мы могли идти, укрываясь въ складкахъ мѣстности частью покрытой кустами. Но далѣе мы были совершенно открыты для огня съ опушки. Я рѣшилъ направить съ фронта въ широко разомкнутомъ строю пять эскадроновъ, слѣва же, тамъ, гдѣ лощина и кусты представляли не широкій подступъ, я рѣшилъ послать одинъ эскадронъ съ задачей выйти лѣсомъ въ тылъ частямъ, занимающимъ опушку лѣса. Можно было расчитывать, что въ случаѣ, если опушка лѣса занята спѣшенной конницей, угроза коноводамъ отразиться на частяхъ, стрѣляющихъ на опушкѣ: ихъ непремѣнно потянетъ къ лошадямъ. Наконецъ седьмой эскадронъ я задерживалъ въ своемъ резервѣ до окончательнаго развертыванія моихъ частей.

Подъѣхавъ къ полку и объяснивъ мой планъ дѣйствій, я выждалъ нѣкоторое время, чтобы дать посланному мною въ обходъ эскадрону дальше продвинуться впередъ.

Затѣмъ я приказалъ своему старшему полковнику развернуть предназначенные для атаки съ фронта пять эскадроновъ и вести ихъ рысью въ указанномъ мною направленіи. Я предупредилъ, что къ минутѣ выхода полка на открытое мѣсто самъ встану во главѣ

этихъ пяти эскадроновъ, сейчасъ же временно задержусь, дабы прослѣдить продвиженіе впередъ фланговаго эскадрона.

Раздался шумъ полка конницы, садящагося на лошадей. Въ этомъ шумѣ есть своего рода поэзія. Сложенный изъ тысячи звуковъ — бряцаніе шпоръ, лязгъ стременъ, шашекъ, пикъ — въ немъ есть что то грозное, могущественное. Сосредоточенныя лица офицеровъ и гусаръ сразу напоминали, что здѣсь не маневренная игра, а нѣчто посерьезнѣе.

Полкъ двинулся впередъ и привычнымъ пріемомъ развернулся.

Я выскочилъ на ближайшій кряжъ. Вскорѣ я убѣдился, что мой фланговый эскадронъ слишкомъ забираетъ влѣво. Въ это время мой офицеръ-ординарецъ, котораго я еще ранѣе послалъ взлѣсть на скирдъ сѣна и черезъ сильный бинокль наблюдать за опушкой лѣса, прислалъ мнѣ доложить, что, безъ сомнѣнія, опушка занята спѣшенной конницей, и что по нѣкоторымъ признакамъ непріятельскіе коноводы находятся въ томъ раіонѣ, гдѣ я предпологалъ. Я рѣшилъ исправить ошибку обходящаго эскадрона, выславъ въ прежнемъ направленіи эскадронъ резерва, и самъ широкимъ голопомъ пошелъ догонять полкъ.

Когда я нагналъ полкъ, длинная линія моихъ разомкнутыхъ эскадроновъ подходила къ рубежу мѣстности, послѣ котораго должна была начаться атака. Гусары шли шагомъ.

Наступила рѣшительная минута.

Признаюсь, минута очень страшная. Я чувствовалъ, что глаза всѣхъ гусаръ устремлены на меня. Въ то время, когда я пересѣкалъ линію гусаръ, произошло маленькое событіе, чрезвычайно характерно обрисовывающее духъ солдатъ старой Русской арміи. Вспомнивъ, что у меня шашка не отпущена, я сказалъ своему ординарцу: „А у меня шашка не отпущена". Мои слова услышали ближайшіе гусары и изъ ихъ рядовъ послышался отчетливый и твердый голосъ: „За Вами, Ваше Высокоблагородіе, шашки и пики Гродненскихъ гусаръ". Слова эти, раздавшіяся въ рѣшительную передъ атакой минуту, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Кто сказалъ ихъ? Я никогда потомъ не узналъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ настоящихъ героевъ, которые обыкновенно проходятъ незамѣченными на страницахъ военной исторіи, но которые на дѣлѣ и являются тѣми скрытыми пружинами, которыя двигаютъ самую важную сторону явленій боя — сторону моральную.

Подавъ команду „шашки къ бою" и подавъ полку знакъ слѣдовать за мной, я началъ подыматься по скату лощины. Нѣсколько секундъ мы были еще укрыты отъ выстрѣловъ съ опушки, но затѣмъ мы были совершенно открыты. Я оглянулся назадъ: широкая лента моихъ гусаръ шла какъ на маневрахъ. Командиръ нашей конной батареи говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что никогда не забудетъ этой картины.

Мы шли широкимъ полевымъ галопомъ.

Вокругъ послышались характерныя жужжанія ружейныхъ пуль; надъ головой разорвалось нѣсколько шрапнелей. Сознаніе совер-

шенно притупилось. Я помню только, что безудержно хотѣлось пройти возможно скорѣе разстояніе отдѣляющее меня отъ лѣса.

Очень скоро послѣ начала атаки я почувствовалъ, что огонь съ опушки лѣса началъ слабѣть. Какъ потомъ оказалось, непріятель, видя стремительность нашей атаки и получивъ извѣстіе объ обходящихъ его съ праваго фланга эскадронахъ, угожающихъ его коноводамъ, началъ торопливо отбѣгать къ своимъ лошадямъ. Всѣмъ своимъ существомъ я почувствовалъ уменьшеніе опасности и мнѣ казалось, что моя лошадь тоже это чувствуетъ она сама усилила свой галопъ.

Какъ я вскочилъ въ лѣсъ, у меня нѣтъ яснаго представленія. Помню, что на меня бѣжалъ съ ружьемъ австріецъ и я все не понималъ почему онъ не стрѣляетъ. Когда онъ подбѣжалъ ко мнѣ, онъ вдругъ дико взмахнулъ руками: рядомъ со мной оказался гусаръ, который прокололъ его пикой.

Мое первое отчетливое воспоминаніе относится къ той минутѣ, когда я стоялъ, окруженный группой офицеровъ и гусаръ, пѣшкомъ. Меня сразу поразило, что всѣ они сильно жестикулировали и кричали, но, придя въ себя, я замѣтилъ, что я самъ машу руками и крикомъ силюсь что то разсказать... я взялъ себя въ руки и пришелъ въ себя.

Осмотрѣвшись болѣе внимательно, я увидѣлъ около себя ординарцевъ и взводъ со штандартомъ. Въ лѣсу я замѣтилъ спины моихъ гусаръ, которые частью группами, частью одиночками уходили вглубь. Слышенъ былъ удаляющійся глухой шумъ, звяканіе, конскій топотъ, фырканіе лошадей; тамъ и сямъ гулко прокатывались по лѣсу отдѣльные ружейные выстрѣлы. Полкъ вырвался изъ рукъ. Каждый гусаръ пережилъ то же, что и я, и сейчасъ представляетъ собою пулю, выпущенную изъ ружья. Положеніе это меня оченъ безпокоило, потому что согласно полученному мною приказанію мы должны были ограничиться выбитіемъ противника изъ опушки, послѣ чего я долженъ былъ собрать полкъ, чтобы съ остальными частями конницы ген. кн. Т. отойти назадъ.

Заходящее солнце багровыми лучами освѣщало край лѣса; на опушкѣ и вблизи ея лежали убитые и раненые люди и лошади. Довольно большое число лошадей лежало на полѣ, по которому мы атаковали. Въ лѣсу бродили лошади безъ всадниковъ, валялись ружья, сабли и различныя части снаряженія. Но все-таки меня сразу удивило малое количество убитыхъ и раненыхъ людей.

Я приказавъ штандартному взводу остаться на опушкѣ и заняться подборомъ раненыхъ и убитыхъ, сборомъ плѣнныхъ, т. к. многіе изъ казавшихся убитыми или ранеными начали оживать и оказались совершенно не попорченными. Послали искать лазаретную линейку. Самъ же я отправился ловить полкъ.

По картѣ было видно, что въ верстѣ къ востоку отъ опушки лѣсъ пересѣкался болотистымъ ручьемъ. Силою вещей, эскадроны должны были собраться у двухъ переправъ черезъ него. Выбравшись на одну изъ дорогъ, я полевымъ галопомъ пошелъ къ одной изъ

этихъ переправъ. Какая сила скрыта въ кровной лошади. Моя лошадь, несмотря на всю ея усталость, вновь подобралась и энергично понесла меня; она точно понимала происходящее.

Подходя къ переправѣ я дѣйствительно началъ нагонять своихъ гусаръ и у самой переправы нашелъ два эскадрона переправляющимися, третій эскадронъ уже переправился и пошелъ вслѣдъ за быстро уходящимъ противникомъ; такъ свора гончихъ гонитъ уходящаго звѣря.

Такимъ образомъ мнѣ удалось взять въ свои руки два эскадрона и найти слѣдъ еще одного. Остальные четыре были внѣ моего управленія. Останавливать, при такихъ условіяхъ, движеніе впередъ было невозможно; оторвавшіеся отъ меня четыре эскадрона легко могли нарваться на свѣжія части противника.

Темнота быстро наступила. Къ счастью, луна должна была взойти рано. Съ двумя эскадронами, находившимися у меня въ рукахъ, я рѣшилъ поскорѣе выйти изъ лѣса и оттуда выслать офицерскіе разъѣзды, чтобы оріентироваться.

Было совершенно темно, когда мы вышли изъ лѣсу. Тутъ я встрѣтилъ остальные свои эскадроны; они вышли изъ лѣсу вдоль другой дороги.

Непосредственное соприкосновеніе съ противникомъ было потеряно. Онъ разсѣялся частью въ лѣсахъ, частью отдѣльными группами исчезъ въ темнотѣ. Было ясно только одно, что на плечахъ убѣгающаго непріятеля мы прорвались глубоко въ его расположеніе. Жители деревни, около которой мы остановились, разсказывали намъ въ какомъ безпорядкѣ только что уходили отъ нихъ части австрійской пѣхоты и артиллеріи; они разстрѣляли мѣстнаго ксенза, заподозрѣннаго ими въ желаніи намъ сигнализировать.

Обстановка складывалась такъ: конница генерала кн. Туманова къ этому времени могла быть вынужденной очистить м. Ополе и такимъ образомъ путь, по котораму мы прошли, оказывался бы перехваченнымъ непріятелемъ; поэтому возвращаться назадъ было по моему болѣе рискованнѣе, нежели продолжать движеніе впередъ, принимая все время влѣво, гдѣ черезъ другіе лѣса можно было расчитывать пробраться въ расположеніе нашихъ войскъ.

Дозоры дали знать, что во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ, занятыхъ австрійцами, тревога. Я ожидалъ донесенія отъ высланныхъ трехъ офицерскихъ разъѣздовъ, полку же далъ передышку. Тѣмъ временемъ прибѣжалъ изъ ближайшей деревни полякъ, торопливо объяснившій намъ, что австрійцы собираются сейчасъ перейти противъ насъ въ наступленіе.

Луна всходила, но все таки было настолько темно, что примѣненіе ружейнаго огня было затруднительно. Нужно было использовать это обстоятельство. Посадивъ полкъ на коней, я поставилъ эскадронъ уступами; головной уступъ я прислонилъ открытымъ флангомъ къ растянувшейся въ длину деревнѣ. Я рѣшилъ, подпустивъ непріятеля на 300 – 400 шаговъ, обрушиться на него въ темнотѣ въ конномъ строю, имѣя направляющей линіей своей атаки бѣлѣю-

щееся на правомъ флангѣ нашего развертыванія полотно шоссе. Для прикрытія спереди я выслалъ недалеко лаву одного эскадрона. На флангахъ я поставилъ по полуэскадрону подъ командой отборныхъ офицеровъ.

Утомленные переживаніями дня, люди не были спокойны. Я объѣхалъ эскадроны, объяснивъ гусарамъ, что въ данномъ случаѣ всѣ преимущества на нашей сторонѣ, а для этого я совѣтывалъ имъ представить себѣ какъ почувствуютъ себя австрійцы, когда изъ темноты мы какъ съ неба свалимся на ихъ головы. Главное что намъ нужно было для успѣха это полное спокойствіе и тишина, дабы ни одинъ всадникъ не началъ движенія безъ моей команды.

Въ наступившей вслѣдъ затѣмъ тишинѣ каждый изъ насъ чувствовалъ присутствіе около восьмисотъ всадниковъ, собранныхъ на маленькомъ пространствѣ для того, чтобы по первому знаку начальника броситься впередъ. Въ безвѣтрянномъ ночномъ воздухѣ слышался вдали лай собакъ во всѣхъ деревняхъ, гулъ колесъ и шумъ, похожій на шумъ подымающагося бивака.

Вдругъ по шоссе отчетливо послышался далекій топотъ многихъ лошадей. Всѣ насторожились. Изъ ночной темноты внезапно выросла фигура гусара на запыхавшейся лошади торопливо докладывающаго: ,,по шоссе идетъ австрійская кавалерія".

Сколько?

Вопросъ праздный. Какъ успѣть въ темнотѣ это узнать и успѣть это сообщить?

Приходилось рѣшать задачу, какъ это впрочемъ почти всегда и бываетъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ кавалеріи, не ожидая опредѣленныхъ свѣдѣній. Обрушивать теперь же всю конную массу было неразумно, потому что австрійцевъ могло быть немного. Ударъ же моего полуэскадрона по головѣ австрійской колонны, шедшей по шоссе, окаймленному глубокими канавами, долженъ былъ произвести эфектъ независимо отъ глубины идущей колонны. Весь вопросъ заключался въ рѣшительности атаки этого полуэскадрона; въ этомъ же я могъ не сомнѣваться, т. к. во главѣ полуэскадрона стоялъ великолѣпный офицеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было, чтобы волнующіеся люди прочихъ эскадроновъ не сорвались бы съ мѣста безъ приказанія; пришлось прикрикнуть.

Мое приказаніе фланговому полуэскадрону не поспѣло. Командиръ его самъ бросился во взводной колоннѣ въ атаку; австрійцы были отъ насъ всего въ 150 шагахъ. Раздался топотъ двинувшагося впередъ нашего полуэскадрона; затѣмъ какой то глухой шумъ, среди котораго рѣзко прозвенѣлъ какой то крикъ, послѣ чего топотъ сталъ отъ насъ удаляться.

Австрійцы въ безпорядкѣ повернули назадъ. Сколько ихъ было? Мы не узнали. Дѣло рѣшилось столкновеніемъ однихъ головъ колоннъ на шоссе въ ночной темнотѣ.

Въ это время отъ ген. кн. Туманова прискакалъ офицеръ ординарецъ. Ген. кн. Тумановъ требовалъ немедленнаго возвращенія моего полка назадъ; подъ давленіемъ австрійцевъ наша конница

вынуждена была очистить, не дожидаясь моего возвращенія, м. Ополе и отойти за р. Ходель. Генералъ приказывалъ воспользоваться присланнымъ мнѣ съ ординарцемъ проводникомъ, чтобы новыми лѣсными дорогами, минуя Ополе, присоединиться къ нему за р. Ходель. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы я началъ отходъ сейчасъ же по полученіи приказанія.

Донесеній отъ моихъ офицерскихъ разъѣздовъ я все еще не получалъ. Исполняя полученное приказаніе, мы втянулись въ лѣсъ по дорогамъ, не помѣченнымъ на картѣ, и послѣ долгаго походнаго движенія присоединились на разсвѣтѣ къ главнымъ силамъ нашей конницы.

— —

Изучая послѣ войны русскіе и австрійскіе источники, мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что наша атака не оказалась ненужной, какъ мнѣ тогда казалось, а сыграла въ общей совокупности боевъ на р. Ходсль большую роль. Дойдя почти до штаба австійскаго корпуса, который, какъ оказывается, былъ въ этотъ вечеръ въ Ключковицахъ, она содѣйствовала укрѣпленію въ австрійцахъ впечатлѣнія, что мы на Ходелѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Дѣйствовалъ ли ген. кн. Тумановъ, посылая насъ въ конную атаку, по тому высшему чутью, которое особенно важно для кавалерійскаго начальника и которое вообще составляетъ то, что Наполеонъ назвалъ „le sublime de l'art“, не берусь судить. Изложить же пережитыя мною впечатлѣнія я считалъ необходимымъ, приведя выписку изъ моихъ воспоминаній съ обрисовкой событій, какъ они мнѣ въ то время представлялись.

Н. ГОЛОВИНЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нѣсколько мыслей по вопросу о военной доктринѣ.

I.

„Великіе вопросы вѣка разрѣшаются не рѣчами и не рѣшеніями большинства въ парламентѣ, а желѣзомъ и кровью".

Истина эта, высказанная свыше пятидесяти лѣтъ тому назадъ геніальнымъ Бисмаркомъ, теперь справедлива больше, чѣмъ когда нибудь.

А разъ это такъ, то въ будущемъ для тѣхъ народовъ и государствъ, которые не желаютъ отстранять себя отъ рѣшенія великихъ вопросовъ вѣка и которые прежде всего будутъ вслѣдствіе этого стремиться къ разрѣшенію своихъ историческихъ задачъ въ области культуры, какъ матеріальной, такъ и духовной, предстоятъ обширныя и многочисленныя войны.

Достиженіе желательныхъ результатовъ въ этихъ войнахъ, т. е. побѣды надъ противникомъ въ цѣляхъ подчинить его своей волѣ, будетъ возможно для тѣхъ государствъ, которыя будутъ всемѣрно подготовлены въ боевомъ отношеніи въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Однимъ изъ средствъ такой подготовки къ войнѣ является использованіе боевого опыта прошлаго и въ особенности опыта позднѣйшаго.

Это послѣднее потому, что несомнѣнно ближайшая будущая война будетъ происходить въ условіяхъ наиболѣе подобныхъ послѣдней войнѣ. Впрочемъ, какъ бы условія ближайшей будущей войны не были бы близки къ условіямъ наиболѣе позднѣйшей изъ уже бывшихъ войнъ, но все же эти условія далеко не будутъ таковыми же.

Однако, позднѣйшая война содержитъ указанія на то, въ какомъ направленіи могутъ, а потому и должны измѣняться ея условія, чтобы создалась обстановка наиболѣе благопріятная для одержанія побѣды; другими словами, позднѣйшая война даетъ отправныя точки для развитія военнаго дѣла въ самомъ широкомъ пониманіи этого слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и тотъ путь, по которому должна идти подготовка къ войнѣ тѣхъ народовъ, у которыхъ есть стремленіе бороться за свои жизненные интересы, добиваться разрѣшенія своихъ историческихъ задачъ, у которыхъ есть воля къ побѣдѣ.

Въ этомъ смыслѣ, очевидно, является необходимымъ, использовать и опытъ послѣдней великой міровой войны 1914—1918 гг.

Однако, исторія указываетъ, что въ отношеніи использованія опыта прошлыхъ войнъ необходима осторожность. При этомъ осторожность должна быть проявлена не во времени использованія боевого опыта — съ этой точки зрѣнія всякое промедленіе будетъ опозданіемъ, влекущимъ за собой отсталость, что можетъ имѣть роковыя послѣдствія а въ способѣ использованія.

Воспользоватъся разумно опытомъ войны можно, установивъ точно факты и сдѣлавъ изъ нихъ правильные выводы.

Но факты передаются, излагаются часто не вѣрно или въ силу незнанія ихъ, или подъ вліяніемъ субъективныхъ впечатлѣній или искажаются умышленно въ личныхъ интересахъ. И нужно сказать, что эти искаженія фактовъ при ихъ передачѣ возможны въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ изложеніе фактовъ производится по времени ближе къ ихъ совершенію.

Это происходитъ потому, что во 1-хъ, въ это время офиціальные документы еще неизвѣстны, такъ какъ ихъ опубликовываютъ значительно позже, а во 2-хъ, при этомъ играетъ большую роль авторитетъ участника событій, которому по свойству человѣческой натуры, любящей покритиковать власть и склонной скептически отнестись къ ея заявленіямъ, больше довѣряютъ, нежели офиціальнымъ, подлиннымъ документамъ.

Выводы весьма часто дѣлаются на основаніи частныхъ случаевъ и при томъ, не обращая вниманія на особенности условій, въ которыхъ происходили эти случаи.

Съ этой точки зрѣнія даже выводы изъ опыта какого-либо одного раіона театра войны или даже цѣлаго „фронта“ не могутъ быть признаны справедливыми для выработки новыхъ общихъ способовъ дѣйствій.

Наконецъ, необходима еще особая осторожность по отношенію опыта побѣдителя и побѣжденнаго. Далеко не всегда опытъ побѣдителя ведетъ къ правильнымъ выводамъ и не всегда выводы побѣдителя справедливы; съ другой стороны не всегда опытъ побѣжденнаго даетъ матеріалъ только для отрицательныхъ выводовъ и очень часто выводы побѣжденнаго являются правильными.

По поводу использованія боевого опыта исторія, эта лучшая наша наставница въ военномъ искусствѣ, даетъ намъ не мало предостереженій.

Мы въ свое время вовсе не воспользовались опытомъ нашей войны съ турками въ 1877 году и англо-бурской войны 1899-1901 г. и въ результатѣ — печальной памяти наша война съ Японіей въ 1904-1905 гг. съ полнымъ незнакомствомъ нашимъ съ послѣдними достиженіями въ военномъ искусствѣ.

Заимствованія у Густава Адольфа привели въ Европѣ къ пятипереходной системѣ, столь стѣснявшей творчество полководца, и подраженіе Фридриху Великому привело западно-европейскія арміи къ кордонной стратегіи и позиціонной тактикѣ, противорѣчащимъ истинной природѣ войны.

Было бы печально для военнаго искусства, если бы народы въ

дѣлѣ использованія боевого опыта не слѣдовали примѣру Наполеона, оказавшагося, однако, въ концѣ концовъ побѣжденнымъ. Напротивъ того, было бы очень печально съ точки зрѣнія правильнаго развитія военнаго искусства, если бы военные дѣятели второй половины XIX ст. въ подготовкѣ соотвѣтствующихъ армій основывались бы на боевомъ опытѣ нашей арміи, которая провела въ періодъ второй четверти того же столѣтія четыре побѣдоносныхъ войны и на основаніи побѣдъ, которой у насъ была создана военная система, въ корнѣ противорѣчащая основнымъ требованіямъ военнаго искусства.

Нельзя не вспомнить также по этому поводу, сѣверо-американской войны 1861—1865 гг., изъ опыта которой были сдѣланы ошибочные выводы относительно конницы, почти совершенно хоронившіе ее и относительно преимущества, а потому и выгодности обороны.

Несомнѣнно, также, что большую ошибку сдѣлаютъ тѣ, кто въ своей подготовкѣ къ войнѣ, разумѣя эту подготовку въ самомъ широкомъ смыслѣ, будутъ въ общемъ слѣпо слѣдовать за нынѣшними побѣдителями-французами; кто въ частности, напримѣръ, въ вопросахъ организаціи и боевой подготовки своей конницы будутъ придерживаться французскихъ выводовъ на этотъ счетъ и пренебрегутъ опытомъ нѣмецкой и нашей конницы и пройдутъ мимо тѣхъ выводовъ, которые сдѣланы изъ этого опыта нѣмецкими и русскими военными изслѣдователями.

Такъ или иначе, но опытъ послѣдней войны 1914—1918 гг. долженъ быть изученъ возможно скорѣе и всецѣло использованъ для подготовки къ будущей войнѣ.

Чтобы раціональнѣй разобраться въ опытѣ великой міровой войны 1914—1918 гг., прежде всего необходимо отмѣтить тѣ наиболѣе крупныя особенности этой войны, которыя отличаютъ ее отъ другихъ войнъ, прежде бывшихъ и которыя станутъ уже болѣе или менѣе обычными явленіями въ послѣдующихъ войнахъ, не исключая и ближайшей будущей.

Такими главнѣйшими особенностями войны 1914—1918 гг. являются:

а) громадныя арміи, выставленныя воюющими сторонами,

б) большое разнообразіе техническихъ средствъ, употребляемыхъ въ большомъ количествѣ и

в) развитіе въ громадныхъ размѣрахъ и въ теченіе очень продолжительнаго времени позиціонной войны.

Всѣ эти особенности проявлялись на всѣхъ фронтахъ: и на французско-бельгійскомъ, и на русскомъ, и на итальянскомъ и на Салоникскомъ. Но съ особенной рельефностью эти особенности выявились на французско-бельгійскомъ фронтѣ.

Здѣсь каждая изъ сторонъ уже съ первыхъ дней войны на относительно небольшомъ по размѣрамъ театрѣ военныхъ дѣйствій выставила по $1^1/_2$ мил. бойцовъ; здѣсь дѣйствовали арміи наиболѣе культурныхъ народовъ и наиболѣе промышленно развитыхъ государствъ, въ которыхъ техника стояла очень высоко еще до войны и которыя

вслѣдствіе этого могли дать много военно-техническихъ новинокъ въ продолженіи войны; здѣсь позиціонная война, по тѣмъ или инымъ причинамъ, началась уже 15 ноября 1914 г. и продолжалась до конца войны, другими словами, здѣсь на французско-бельгійскомъ фронтѣ изъ общаго числа 51 мѣсяца войны — полевая, маневренная война продолжалась $3^1/_2$ мѣсяца, а позиціонная $47^1/_2$ мѣс. или вторая дольше первой въ 16 разъ.

Но эти особенности послѣдней войны, преимущественно выразившіяся на одномъ изъ „фронтовъ", заставляютъ быть крайне осторожнымъ при выводахъ изъ дѣйствій именно на французско-бельгійскомъ театрѣ. И это тѣмъ болѣе, что позиціонная война, столь долго продолжавшаяся, слѣдовала за маневренной, условія которой были скоро какъ бы забыты за давностью и за силой послѣдняго и длительнаго впечатлѣнія и что развитіе техническихъ средствъ и широкое примѣненіе ихъ имѣло мѣсто въ позиціонной войнѣ, т. е. эти средства въ широкой мѣрѣ не были испробованы въ полевой (маневренной) войнѣ и объ использованіи ихъ въ этой войнѣ въ будущемъ судятъ только примѣнительно, только теоретически.

Въ виду этого при выводахъ изъ опыта войны на французско-бельгійскомъ театрѣ легко впасть въ односторонность, столь вредную въ военномъ дѣлѣ, въ военномъ искусствѣ.

II.

Изученіе всякаго боевого опыта должно производиться съ двухъ сторонъ:

а) Съ точки зрѣнія принципіальной части военнаго искусства, его идейной стороны и б) съ точки зрѣнія исполненія, воплощенія въ жизнь принциповъ военнаго искусства, ихъ примѣненія на практикѣ при помощи всѣхъ средствъ, годныхъ для этого въ каждое данное время.

Значеніе принциповъ военнаго искусства огромно: основываясь на законахъ, вытекающихъ изъ природы человѣка и войны и изъ взаимоотношеній различныхъ явленій, находящихся между собою въ причинной связи, они въ свою очередь выявляютъ намъ и даютъ намъ возможность знакомиться съ природой какъ войны вообще, такъ и всевозможныхъ частныхъ ея явленій.

Эти принципы вслѣдствіе этого являются исходными и въ то же время опорными точками, вѣхами, которыхъ нужно держаться, чтобы въ военномъ искусствѣ, въ этомъ труднѣйшемъ изъ всѣхъ искусствъ, не было бы, такъ сказать, „усмотрѣнія", произвола каждаго. Эти принципы необходимы, чтобы руководствуясь ими, не дѣйствовать наперекоръ природѣ войны и чтобы, слѣдуя велѣніямъ этой природы, не попасть въ затруднительное положеніе.

Пренебреженіе принципами военнаго искусства на войнѣ всегда наказывается лишеніемъ побѣды, вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ громадное напряженіе и большія жертвы со стороны войскъ.

Еще Наполеонъ сказалъ, что „Военное искусство это искусство, основанное на принципахъ, которые нельзя безнаказанно на-

рушать". Уже по самому существу вещей принципіальная часть военнаго искусства, его принципы — есть часть постоянная, неизмѣняющаяся, въ основахъ своихъ несовершенствуемая.

Эта неизмѣняемость принциповъ свидѣтельствуется между прочимъ чрезвычайно наглядно слѣдующимъ: великій нашъ полководецъ Суворовъ сущность военнаго искусства, его принципы выражалъ тремя словами: глазомѣръ, быстрота, натискъ.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Соворова Клаузевицъ принципы военнаго искусства выразилъ слѣдующимъ образомъ:

„Современная война выясняется изъ идей Наполеона, который первый освѣтилъ важность подгововки и все могущество массы, увеличенной стремительностью, чтобы разбить въ сраженіи, къ которому нужно стремиться съ самаго начала войны, моральныя и матеріальныя силы противника".

Маршалъ Фошъ, насколько извѣстно, совершенно не знающій Суворова, въ своемъ трудѣ „Принципы войны", изданномъ въ 1911 году, выставляетъ слѣдующіе принципы военнаго искусства: подготовка, масса, стремительность.

Это въ сущности принципы Наполеона, формулированные Клаузевицемъ и еще раньше высказанные Суворовымъ, въ опредѣленіи котораго слова „глазомѣръ" и „натискъ" замѣнены равнозначущими по идеѣ словами „подготовка" и „масса".

Формула Суворова — Наполеона Фоша не только въ полной мѣрѣ выражаетъ сущность военнаго искусства, но высказанная впервые болѣе ста лѣтъ тому назадъ и дословно повторенная нынѣ при совершенно иныхъ культурныхъ и соціальныхъ условіяхъ, этимъ самымъ подтверждаетъ какъ существованіе принциповъ военнаго искусства, такъ и ихъ неизмѣняемость.

На изложенное, однако, какъ будто можно возразить, что такъ работала въ этой области военная мысль до послѣдней великой европейской войны 1914—1918 г.г. и что эта война въ указанномъ отношеніи якобы внесла существеннѣйшія измѣненія, опрокидывающія все, что въ этомъ направленіи выработало человѣчество.

Но тотъ же Фошъ — изъ лагеря побѣдителя, — переиздавая безъ всякихъ измѣненій въ 1918 году, т. е. послѣ міровой войны, названный трудъ „Принципы войны", для поясненія, почему онъ это дѣлаетъ, въ предисловіи говоритъ: „основныя истины (т. е. принципы), которыя управляютъ военнымъ искусствомъ, остаются неизмѣнными".

А генералъ Бернгарди — изъ лагеря побѣжденныхъ — въ своемъ послѣднемъ трудѣ „О войнѣ будущаго", изданномъ въ 1920 г., говоритъ:

„Великіе основные законы войны будутъ одними и тѣми же во всѣхъ обстоятельствахъ, такъ какъ они заложены въ природѣ человѣка и обусловлены существомъ примѣненія силы... Эти законы не могутъ быть нарушены безнаказанно".

Такимъ образомъ, несомнѣнно, и современное военное искусство въ идейной, принципіальной своей части основывается на тѣхъ же

законахъ, какъ и во всѣ прежнія времена, хотя по внѣшности и сильно разнится, что зависитъ отъ сложной по сравненію съ прежнимъ, сильно развитой технической частью военнаго дѣла.

Что касается исполнительной части военнаго искусства, то, выливаясь въ тѣхъ или иныхъ формахъ, она не можетъ быть постоянной неизмѣнной. Заключая въ себѣ способы и пріемы использованія всѣхъ средствъ, могущихъ служить для вооруженной борьбы на основахъ принциповъ военнаго искусства и завися отъ тѣхъ условій, въ которыхъ это пользованіе происходитъ, исполнительная часть военнаго искусства измѣняется съ измѣненіемъ этихъ условій.

Но въ настоящее время наиболѣе быстрому и рѣзкому измѣненію подвергаются такъ называемыя техническія средства войны, а потому они больше всего и вліяютъ на измѣненіе исполнительной части военнаго искусства, опредѣляя способы и пріемы самой борьбы. Отсюда, между прочимъ, происходитъ то, что при постоянствѣ, какъ бы не совершенствованіи, принципіальной стороны военнаго искусства и при постоянномъ измѣненіи, усовершенствованіи, техническихъ средствъ эти послѣднія пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе, а принципіальная часть какъ бы теряетъ свое значеніе, умаляется въ своемъ вліяніи, чего въ дѣйствительности, конечно, быть не можетъ.

Однако, было бы ошибочно считать, что и принципіальная, идейная сторона военнаго искусства остается вполнѣ неподвижной, какъ бы застывшей. Но подвижность ея заключается лишь въ болѣе сложныхъ съ теченіемъ времени комбинаціяхъ въ этой области однихъ и тѣхъ же идей и эта сложность комбинацій увеличивается въ прямой зависимости отъ развитія техники: чѣмъ техника богаче, разнообразнѣе, тѣмъ и комбинаціи въ области принциповъ сложнѣе, а проведеніе ихъ въ жизнь труднѣе.

Въ этомъ, въ сущности говоря, первое и самое важное значеніе развитія и усовершенствованія техническихъ средствъ.

Отсюда же вытекаетъ то положеніе, что какъ бы не совершенствовалась техника она никогда не будетъ играть первой роли — такая роль всегда останется, какъ бы повидимости ни казалось иначе, за идеями, принципами, законами, за комбинаціями ихъ при примѣненіи ихъ на практикѣ.

Отсюда можно сдѣлать и другой выводъ: какъ бы техника не совершенствовалась и какъ бы вслѣдствіе этого военное искусство не демократизировалось, все больше поднимая значеніе низшихъ по отводимой имъ роли живыхъ элементовъ арміи, включительно до каждаго отдѣльнаго солдата-воина, значеніе работы высшихъ живыхъ элементовъ — команднаго состава, начиная съ младшихъ офицеровъ и до главнокомандующаго всѣми вооруженными силами государства, не только не уменьшается, а напротивъ того увеличивается, и чѣмъ выше лицо въ командной іерархіи, тѣмъ значеніе его работы больше, и это потому, что тѣмъ больше въ его работѣ играютъ роль идеи, принципы, законы.

Съ этой точки зрѣнія совершенно неправильно утверждать,

какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что роль высшаго командного состава теперь уменьшилась и что отъ него теперь не требуется творческой работы, такъ какъ военное искусство демократизировалось.

Эта демократизація дѣйствительно подняла значеніе младшихъ начальствующихъ лицъ, но съ другой стороны теперь больше, чѣмъ когда нибудь справедливы слова Наполеона, который говорилъ, что „на войнѣ больше значитъ человѣкъ, нежели люди".

III.

Такъ какъ принципы военнаго искусства вытекаютъ изъ природы вещей, то несомнѣнно, они для всѣхъ одинаковы; съ другой стороны при современномъ постоянномъ и тѣсномъ культурномъ общеніи всѣхъ народовъ между собой и техническія средства вооруженной борьбы въ общемъ у всѣхъ одинаковы и рѣдкія исключенія бываютъ лишь временными. При такихъ условіяхъ, казалось бы, что способы и методы веденія войны, практическіе пріемы военнаго искусства тоже должны быть однообразны.

Однако, въ дѣйствительности этого нѣтъ и мы видимъ, что каждый народъ, каждая армія имѣютъ свой методъ веденія войны, регулированный и направляемый опредѣленнымъ ученіемъ о войнѣ.

Такое ученіе о войнѣ или, какъ говорятъ, военная боевая доктрина, представляетъ собою совокупность теоретическихъ ученій и практическихъ положеній, правилъ дѣйствій, касающихся организаціи вооруженныхъ силъ государства, ихъ боевой подготовки, дѣятельности ихъ на войнѣ и вообще характера и способовъ веденія послѣдней, обуславливаемыхъ, какъ совеменнымъ состояніемъ военнаго дѣла, такъ и задачами государственной политики въ широкомъ смыслѣ слова.

Передъ послѣдней великой міровой войной 1914—1918 гг. были какъ бы двѣ самостоятельныя доктрины: французская и нѣмецкая. Остальныя арміи, въ этомъ отношеніи подчиняясь духовно или французской или нѣмецкой военной мысли, матеріально строили свои доктрины, подражая французамъ или нѣмцамъ. При этомъ онѣ принимали всецѣло не только основы ихъ доктринъ, но и въ значительной мѣрѣ подробности послѣднихъ и въ идейномъ и въ исполнительномъ отношеніи, внося иногда въ частности лишь нѣкоторыя измѣненія въ зависимости отъ мѣстной обстановки.

Нѣсколько въ иномъ положеніи въ этомъ отношеніи находилась русская армія.

Основой французской доктрины являлось положеніе: дѣйствовать сообразно съ намѣреніями и планами противника.

Вслѣдствіе этого французская доктрина прежде всего требовала: прикрывшись со стороны противника, возможно полнѣе развѣдать о немъ, разгадать его намѣренія, проникнуть въ его планы и въ полномъ соотвѣтствіи съ результатами этой развѣдки и этого изученія принять то или иное рѣшеніе.

Такимъ образомъ, французская военная доктрина отличалась вообще осторожностью, умѣренной активностью и не стремилась во

что бы то ни стало сохранить иниціативу въ своихъ рукахъ, равнодушно относясь къ возможности захвата ея противникомъ. Поэтому французская военная доктрина имѣла, такъ сказать, смѣшанный, наступательно-оборонительный характеръ и въ общемъ отличалась неопредѣленностью и блѣдностью.

Такія основы французской доктрины приводили къ слѣдующему:

Въ своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ французы давали широкое развитіе и большую самостоятельность передовымъ частямъ, какъ на походѣ, такъ и въ бою, въ расчетѣ — работой этихъ частей получить необходимыя свѣдѣнія о противникѣ, подъ прикрытіемъ этихъ частей выиграть время для принятія рѣшенія и для группировки своихъ войскъ въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣшеніемъ.

Хотя французы наиболѣе желательнымъ способомъ дѣйствій признавали наступленіе, считая оборону неизбѣжнымъ зломъ, допустимымъ лишь при слабости силъ и невыгодной тактической обстановкѣ, но все же они не были проникнуты духомъ наступленія, они признавали выгоду его лишь теоретически, они считали его необходимымъ только потому, что такъ подсказывало имъ ихъ сознаніе, воспринявшее эту необходимость, какъ результатъ научнаго изслѣдованія; сердце французовъ оставалось какъ бы глухимъ и во всякомъ случаѣ равнодушнымъ къ идеѣ необходимости стремиться къ наступленію во что бы то ни стало, и въ нихъ не было воли къ непремѣнному наступленію, они не чувствовали, что наступленіе есть такой видъ боевыхъ дѣйствій, къ которому неудержимо стремится дѣятельная духовная природа человѣка.

Признавая огонь однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ современнаго боя и перевѣсъ въ огнѣ надъ противникомъ — однимъ изъ главныхъ условій боевого успѣха, французы этимъ вопросамъ придавали какъ бы абсолютное значеніе безъ учета другихъ боевыхъ факторовъ, могущихъ это значеніе колебать въ довольно значительныхъ предѣлахъ.

Вслѣдствіе этого, между прочимъ, французы придавали почти всегда одинаковое значеніе какъ дѣйствію своимъ огнемъ, такъ и прикрытію отъ непріятельскаго огня, а нерѣдко требованіе укрытія преобладало надъ требованіемъ дѣйствія.

Въ общемъ, оперативный методъ французовъ отличался схематичностью, сложностью пріемовъ и тактическими ухищреніями.

Основой нѣмецкой доктрины являлось положеніе: рѣшеніе должно быть принято внѣ зависимости отъ намѣреній и плановъ противника, оно принимается лишь въ силу проявленія своей собственной воли достигнуть боевого результата, въ данный моментъ по тѣмъ или другимъ причинамъ нами желаемаго.

Вслѣдствіе этого нѣмецкая боевая доктрина прежде всего требовала при всѣхъ положеніяхъ боевой обстановки навязать противнику свое рѣшеніе, свою волю, возможно скорѣе сойтись съ противникомъ и съ крайней рѣшительностью осуществить свой маневръ, не считаясь съ намѣреніями и желаніями противника.

Такимъ образомъ, нѣмецкая военная доктрина отличалась смѣ-

лостью, рѣшительностью и даже самоувѣренностью; она вся была проникнута неудержимымъ стремленіемъ подчинить себѣ волю врага и сохранить инициативу за собою во что бы то ни стало.

Поэтому нѣмецкая военная доктрина была крайне опредѣленной и именно ярко-наступательной.

Такія основы нѣмецкой военной доктрины приводили къ слѣдующему:

Въ своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ нѣмцы не придавали передовымъ частямъ самостоятельнаго оперативнаго значенія и смотрѣли на нихъ лишь какъ на слабую завѣсу, за которой главныя силы выполняли заранѣе намѣченный маневръ и заносили свой, уже нацѣленный ударъ.

Нѣмцы наиболѣе желательнымъ способомъ дѣйствій признавали тоже наступленіе, но въ противоположность французамъ они всецѣло были проникнуты духомъ наступленія; стремленіе къ наступленію у нихъ б ло, такъ сказать, органическимъ, оно горѣло въ ихъ сердцѣ; нѣмцы были полны волей къ непремѣнному наступленію; наступленіе напрягало нервы нѣмцевъ въ одномъ направленіи — настичь врага и уничтожить его.

Нѣмцы также признавали огонь однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ современнаго боя и перевѣсъ въ огнѣ надъ противникомъ однимъ изъ главныхъ условій боевого успѣха, но нѣмцы эти вопросы понимали въ ограничительномъ, условномъ смыслѣ, учитывая другіе боевые факторы, выдвигая изъ ихъ среды на первое мѣсто духовную природу воина; вслѣдствіе этого у нѣмцевъ черезъ всѣ уставы и боевыя наставленія проходило требованіе при всякихъ условіяхъ боевой обстановки дѣйствіе ставить выше укрытія.

Нѣмецкая армія передъ войной лучше другихъ снабженная техническими усовершенствованіями въ то же время, однако, меньше другихъ склонна была предоставлять преимущественное значеніе матеріальной сторонѣ, она отдавала предпочтеніе духовнымъ началамъ, во всемъ безусловно подчиняя имъ принципы военнаго матеріализма; другими словами нѣмцы волю человѣка ставили выше всѣхъ усовершенствованій техники, всего матеріальнаго могущества современныхъ средствъ разрушенія.

Въ общемъ характеръ боевыхъ дѣйствій нѣмцевъ отличался большой простотой и прямолинейностью, большой грубостью пріемовъ. Схематически онъ заключался въ быстромъ сосредоточеніи силъ, численно и технически превосходныхъ надъ противникомъ и затѣмъ въ рѣшительномъ наступленіи въ опаснѣйшемъ для непріятельской арміи направленіи. Такой характеръ боевыхъ дѣйствій нѣмцевъ предусматривалъ: упрежденіе противника въ наступленіи, захватъ въ свои руки иниціативы, подчиненіе его воли своей волѣ.

Такимъ образомъ, какъ видно, военныя доктрины французовъ и нѣмцевъ были въ высшей степени различны и по духу и по подробностямъ въ способѣ дѣйствій*).

---

*) Гроф. Новицкій. Великая міровая война 1914—1918 г. Боевыя дѣйствія въ Бельгіи и Франціи осенью 1914 г. стр. 53—56.

Вопросъ о военной доктринѣ передъ войной 1914—1918 гг. не былъ чуждъ также и русской военной мысли. Онъ ясно обнаружился уже послѣ неудачной для насъ войы съ Японіей, при чемъ въ поискахъ за причинами нашихъ тогдашнихъ сплошныхъ неудачъ, указывали, какъ на одну изъ главнѣйшихъ, отсутствіе у насъ военной доктрины. Съ другой стороны однимъ изъ главнѣйшихъ достоинствъ японской арміи считалось наличіе у нея доктрины, которая, впрочемъ, признавалась не японской, а нѣмецкой. Тому обстоятельству, что японская армія имѣла доктрину, и при этомъ еще нѣмецкую, и приписывали, главнымъ образомъ, всѣ удачи и успѣхи японцевъ въ эту войну.

Какъ бы попутно съ такими утвержденіями въ нашей военной литературѣ того времени, трактующей этотъ вопросъ, появлялись указанія на существованіе французской военной доктрины. О другихъ доктринахъ не упоминалось. Не выяснялось также, въ чемъ собственно состоитъ нѣмецкая доктрина, въ чемъ французская. Больше того, съ опредѣленной точностью не было выяснено, что такое вообще доктрина, въ чемъ она должна заключаться, каково должно быть ея содержаніе, какъ она можетъ выявиться во внѣшности и какъ сдѣлать, чтобы она русской арміи принесла бы такую же пользу, какъ японской.

Не было также выяснено, должна ли бы быть создана для русской арміи своя собственнал доктрина, или, подобно японцамъ, мы должны принять уже какую либо готовую, уже существующую доктрину.

Впрочемъ, по смыслу заявленій большинства авторовъ, затрагивающихъ этотъ вопросъ, можно было вынести впечатлѣніе, что создавать русскую доктрину нѣтъ надобности, такъ какъ во 1-хъ, уже есть отличная нѣмецкая доктрина, а во 2-хъ, потому, что мы неспособны создать свою доктрину.

Эти утвержденія базировались на мысли, что военное искусство, едино, что оно интернаціонально, что средства борьбы у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ теперь одинаковы. Отсюда не безъ логическаго скачка выводили, что мы должны принять нѣмецкую доктрину. То обстоятельство, что была еще французская доктрина, существованіе которой никто не отрицалъ, какъ бы игнорировалось.

Нѣкоторые изъ авторовъ, писавшіе по поводу доктрины, не отрицая ея необходимости и также отдавая преимущество нѣмецкой доктринѣ, на ряду съ ней говорили о единой военной школѣ, употребляя выраженія „доктрина„ и „единая школа“ какъ синонимы.

Были и противники какой бы то ни было военной доктрины; они утверждали, что всякая доктрина и во всѣхъ проявленіяхъ человѣческаго духа мертвитъ, приводитъ къ шаблону и рутинѣ, сковываетъ творчество и что это особенно относится къ военному дѣлу, военному искусству, гдѣ господствующую роль играетъ творческій талантъ полководца, котораго ничто не должно стѣснить и который долженъ только регулироваться знаніемъ.

Между сторонниками доктрины и ея противниками въ концѣ

концовъ разыгралась крупная и довольно горячая полемика. Высшіе идейные и фактическіе по своему служебному положенію руководители арміи, признавъ, что такая полемика, да еще при неясности основныхъ положеній спора у самихъ полемизирующихъ, можетъ лишь внести смуты въ умы даже интеллигентной армейской массы, и, повидимому, склоняясь къ тому, что доктрина если и не вредна, то во всякомъ случаѣ и не полезна, указали прекратить не только полемику по этому поводу, но и вообще разсмотрѣніе вопроса о доктринѣ въ печати.

Тогдашнее состояніе въ Россіи печати вообще, а военной въ особенности, сдѣлало то, что вопросъ о доктринѣ былъ снятъ съ обсужденія. И на новую великую міровую войну, начавшуюся въ 1914 г., мы снова вышли безъ опредѣленной, систематически разработанной и всѣми усвоенной военной доктрины.

IV.

Уже упоминалось, что казалось бы, военная доктрина, какъ ученіе о войнѣ, исходя изъ основныхъ законовъ военнаго искусства и пользуясь одними и тѣми же средствами, должна была бы быть у всѣхъ одинакова.

Но изложенное указываетъ, что передъ войной 1914 - 1918 г. этого фактически не было и что были арміи, которыя вели войну, можно сказать, совсѣмъ безъ доктрины.

Но разъ это такъ, то невольно являются вопросы:

1) какъ же отразилась та или иная доктрина или отсутствіе ея на результатахъ боевыхъ дѣйствій, соотвѣтствующихъ армій и

2) при такихъ условіяхъ нужна ли вообще какая-нибудь военная доктрина, какъ единое ученіе о войнѣ.

Опытъ войны 1914—1918 г. показываетъ, что нѣмцы, когда слѣдовали въ боевыхъ дѣйствіяхъ своей приведенной выше доктринѣ, то имѣли успѣхъ и одерживали побѣды, но какъ только они нарушали эту доктрину, то ихъ постигала неудача.

Такъ было на Марнѣ, такъ было и во Фландріи въ октябрѣ ноябрѣ 1914 г.

Эти двѣ частныя неудачи предопредѣлили ихъ общую неудачу на франко-бельгійскомъ фронтѣ.

Что касается французовъ, то опытъ послѣдней войны указываетъ, что слѣдованіе ими ихъ доктринѣ приводило ихъ въ подавляющемъ числѣ случаевъ къ неудачѣ.

Успѣхъ французовъ на Марнѣ явился слѣдствіемъ ихъ дѣйствій, если не вопреки исповѣдуемой ими доктрины, то во всякомъ случаѣ внѣ этой доктрины, какъ сознательно воспринятаго ученія.

И только лишь дѣйствія французовъ, начавшіяся 18 іюля 1918 г. (начало контръ-атаки противъ прорыва нѣмцевъ по обѣ стороны Реймса) дали успѣхъ при условіи слѣдованія ими своей доктринѣ.

Правда этотъ успѣхъ привелъ къ окончательной побѣдѣ французовъ, но при научной оцѣнкѣ его съ точки зрѣнія военнаго искусства нужно отмѣтить, что онъ зависѣлъ и отъ многихъ другихъ

данныхъ, крайне благопріятныхъ для союзниковъ и ранѣе не предусмотрѣнныхъ. Къ этимъ даннымъ относятся: вступленіе въ войну американцевъ, появленіе танковъ, сильное развитіе воздушнаго флота, моральное ухудшеніе нѣмецкихъ войскъ, распропагандированныхъ и русской революціей и искусной агитаціей въ тылу англійскими и французскими агитаторами, введеніе нѣмцами свыше,чѣмъ полумилліонной арміи на Украйну въ цѣляхъ полученія продовольствія.

Во всякомъ случаѣ указанный практическій результатъ наступленія французовъ, начавшагося 18 іюля, не можетъ служить научнымъ обоснованіемъ той или иной доктрины. И это потому, что такой результатъ, будучи слѣдствіемъ частнаго случая въ боевыхъ дѣйствіяхъ, является въ значительной степени случайнымъ и потому для этой цѣли недостаточнымъ ибо, доктрина должна обнимать всѣ возможные случаи.

Такимъ образомъ, между прочимъ съ наглядной ясностью выясняется, что нѣмецкая доктрина была болѣе цѣлесообразна, чѣмъ французская, это же зависѣло отъ того, что она больше отвѣчала истиннымъ принципамъ военнаго искусства и болѣе соотвѣтствовала сущности боевыхъ дѣйствій массовыми арміями, каковыми пришлось вести войну 1914—1918 гг.

Что касается нашей арміи то отсутствіе у насъ передъ войной 1914 - 1918 гг. доктрины привело къ тому, что наше боевое счастье было крайне неустойчиво. Среди, несомнѣнно, крупныхъ неудачъ были и не менѣе крупныя побѣды, которыя не рѣдко ставили въ критическое положеніе нашего противника и очень часто выводили изъ таковаго нашихъ союзниковъ. Тѣмъ не менѣе, однако, нужно признать, что въ значительной степени мы вели войну кустарно, такъ сказать, по любительски, а не какъ профессіоналы, знающіе и любящіе свою профессію, и вслѣдствіе этого въ общемъ успѣхи наши были случайны, а неуспѣхи, неудачи естественны, логично вытекая изъ общаго уровня малой военной просвѣщенности командного состава всѣхъ степеней, мало развитой у насъ военной культуры.

Наши генералы въ большинствѣ случаевъ за отсутствіемъ опредѣленной систематически разработанной и обязательной для всѣхъ доктрины дѣйствовали, какъ бы по наитію, по одному вдохновенію. Это же вдохновеніе, не опираясь на основные принципы военнаго искусства, могло при благопріятныхъ обстоятельствахъ дать успѣхъ и побѣду, но нецѣлесообразно направленное за недостаткомъ прочной научной обосновы, оно въ большей части случаевъ приводило къ неудачѣ.

Историческая справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что если мы въ войнѣ 1914 — 1918 гг. въ силу указанныхъ причинъ и не могли въ полной мѣрѣ одержать побѣду, то безусловно въ значительной степени могли содѣйствовать общей побѣдѣ, давъ ее союзникамъ скорѣе и съ меньшими жертвами, какъ матеріальными, такъ и человѣческими.

Не потому ли, между прочимъ, такъ торопилась наша интеллигенція, столь ненавидящая „царизмъ", поднять революцію въ раз-

гаръ войны? Вѣдь удача Россіи въ міровой войнѣ неминуемо привела бы къ упроченію „царизма". Поведеніе интеллигенціи, радовавшейся нашимъ неудачамъ въ Восточную войну 1853—56 гг. и въ Японскую войну 1904—1905 гг., и поднявшей смуту, приведшую къ цареубійству 1-го марта 1881 г., послѣ удачной войны 1877—78 г.г., для чего она воспользовалась результатами Берлинскаго конгресса, почти уничтожившаго всѣ послѣдствія удачной для насъ войны съ Турціей, даютъ полнѣйшее основаніе такому утвержденію.

Такъ или иначе, но отсутствіе у насъ передъ послѣдней міровой войной единой военной доктрины повлекло за собою то, что во многихъ случаяхъ со стороны командного состава замѣчалось нарушеніе основныхъ принциповъ военнаго искусства и неумѣнье соотвѣтствующимъ образомъ въ условіяхъ современности использовать всѣ средства для веденія войны, среди которыхъ въ рукахъ высшаго командованія первымъ являлись массовыя арміи.

Остановиться на вопросѣ о нашей русской военной доктринѣ, хотя ея непосредственно передъ войной 1914—1918 гг. и не было, заставляетъ то, что во 1-хъ, этимъ доказывается вредъ отсутствія военной доктрины, а во 2-хъ, то, что это даетъ поводъ отмѣтить, что было время, когда и наша армія имѣла свою доктрину и притомъ такую, которая была наиболѣе коротка по формѣ, но наиболѣе полна по своему содержанію. Это было время Великаго Суворова.

Созданная имъ доктрина, которой была проникнута вся наша армія того времени, заключалась въ немногихъ словахъ: „С м ѣ л а я н а п а д а т е л ь н а я т а к т и к а. Г л а з о м ѣ р ъ, б ы с т р о т а и н а т и с к ъ".

Эта короткая формула заключала въ себѣ не только всю сущность военнаго искусства, но и указывала на тотъ духъ, которымъ должна быть проникнута армія, чтобы, слѣдуя доктринѣ, быть побѣдительницей.

И дѣйствительно, какъ извѣстно, наша армія временъ Суворова въ многочисленныхъ войнахъ, веденныхъ ею, не знала пораженій.

Такимъ образомъ, опытъ войны 1914—1918 гг. показываетъ, что доктрина, какъ единая школа, какъ единое ученіе о войнѣ, необходима; необходима для того, прежде всего, чтобы война велась не случайно, не кустарно и чтобы вслѣдствіе этого она приводила къ наиболѣе рѣшительнымъ результатамъ въ наиболѣе короткій срокъ съ наименьшими усиліями и съ наименьшими жертвами, чтобы по безсмертному выраженію другого нашего великаго полководца Императора Петра I, побѣды доставались бы „съ легкимъ трудомъ и малой кровью".

Въ этомъ отношеніи опытъ войны 1914—1918 гг. имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ подтвердилъ лишь то, что ясно вытекало уже изъ опыта Русско-Японской войны 1904—1905 гг., какъ по отношенію насъ, въ эту войну не имѣвшихъ никакой военной доктрины, такъ и по отношенію японцевъ, руководствовавшихся въ своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ нѣмецкой боевой доктриной, которую они не только осознали, но и прочувствовали, въ результатѣ чего у насъ

не было ни одной побѣды, а у японцевъ, при отсутствіи талантливыхъ и даровитыхъ генераловъ, постоянный успѣхъ.

Къ мысли о необходимости военной доктрины въ арміи приводятъ и слѣдующія соображенія, прекрасно выраженныя французскимъ генераломъ Цурлинденомъ: „необходимо, чтобы на всѣхъ ступеняхъ воинской іерархіи говорили однимъ языкомъ, были пріучены оцѣнивать обстановку съ общей всѣмъ точки зрѣнія, придавали одинаковой степени важность извѣстнымъ требованіямъ и предписаніямъ. Однимъ словомъ необходима общность доктрины сверху до низу во всей арміи. Необходимо, чтобы высшія военныя знанія были распространены въ арміи въ изобиліи“.

Къ этому необходимо, однако, добавить, что военная доктрина должна преслѣдовать не только общность языка, общность пониманія обстановки и взаимнаго пониманія лицъ командного состава всѣхъ степеней при различнаго рода сношеніяхъ между собой, но также и единство взглядовъ на различныя явленія военнаго искусства, обезпечивала бы единство духа во всѣхъ чинахъ арміи и приводила бы къ тому, чтобы всѣ чины арміи не только однообразно думали о томъ или иномъ предметѣ, но чтобы они обладали и единымъ мышленіемъ, т. е. чтобы процессъ мышленія, способъ мыслить у нихъ былъ одинаковъ.

Только при такомъ характерѣ, такомъ значеніи и вліяніи военной доктины она приведетъ къ тому, что всѣ усилія всѣхъ будутъ направлены къ одной цѣли; только тогда между дѣйствіями всѣхъ будетъ внутренняя связь, дающая единство дѣйствія и единство настроенія, которыя и приведутъ къ побѣдѣ.

При этомъ, однако, доктрина ни въ коемъ случаѣ не должна связывать творчество боевого дѣятеля. Она должна быть только его регуляторомъ, который, впрочемъ, въ различныхъ случаяхъ долженъ дѣйствовать различно: для тѣхъ широта военнаго кругозора которыхъ, вслѣдствіе ихъ служебнаго положенія, ограничена, этотъ регуляторъ долженъ являться прямымъ непосредственнымъ руководителемъ; для лицъ, занимающихъ среднее положеніе въ служебной іерархіи, онъ долженъ быть вѣхами, опредѣляющими и указывающими правильный путь; для лицъ же, стоящихъ на самыхъ вершинахъ командного состава, для полководцевъ, этотъ регуляторъ долженъ служить только исходными, отправными точками.

Изъ изложеннаго необходимо сдѣлать также выводъ, что различіе въ доктринахъ различныхъ армій вовсе не подрываетъ значеніе доктрины вообще съ точки зрѣнія ея необходимости, ибо это различіе является слѣдствіемъ различнаго, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ, истолкованія принциповъ военнаго искусства и неодинаковаго ихъ примѣненія, а также различной оцѣнки свойствъ и значенія однихъ и тѣхъ же техническихъ средствъ и различныхъ способовъ ихъ использованія.

И при этомъ, чѣмъ истолкованіе и примѣненіе принциповъ военнаго искусства правильнѣе, чѣмъ оцѣнка и использованіе техническихъ средствъ болѣе отвѣчаетъ ихъ природѣ, тѣмъ военная до-

ктрина цѣлесообразнѣе съ точки зрѣнія выполненія ею той роли, вслѣдствіе которой она сплачиваетъ духовно и интелектуально данную армію въ одно цѣлое, думающее, чувствующее и дѣйствующее въ полной мѣрѣ единообразно, какъ одинъ человѣкъ, всѣ стремленія котораго направлены къ одной цѣли, проникнуты однимъ величайшаго напряженія стремленіемъ — побѣдить врага.

V.

Что же должно служить основаніемъ военной доктрины; на чемъ она должна базироваться; каково должно быть ея содержаніе и въ какую, наконецъ, форму она должна выливаться?

Изъ того, что уже изложено раньше, слѣдуетъ само собою, что основаніемъ военной доктрины, какъ одного цѣльнаго, опредѣленнаго ученія о войнѣ какъ единой военной школы, должны служить принципы военнаго искусства, какъ указано было выше, необходимые, постоянные и неизмѣняющіеся въ своей сущности.

Эти принципы въ доктринѣ должны вылиться въ рядъ положеній примѣненныхъ къ современнымъ условіямъ веденія войны и должны быть изложены ясно, точно, опредѣленно и доступно пониманію каждаго, кто обязанъ руководствоваться этими положеніями.

Содержаніемъ военной доктрины въ данномъ выше пониманіи, долженъ быть, вообще говоря, способъ, методъ боевыхъ дѣйствій въ ихъ цѣломъ и пріемы дѣйствій въ различныхъ частныхъ случаяхъ, однако, достаточно обобщеныхъ.

При этомъ методъ и пріемы боевыхъ дѣйствій должны опредѣляться въ зависимости отъ свойствъ всѣхъ средствъ для веденія войны, могущихъ быть въ рукахъ полководца. Такими главнѣйшими средствами являются: армія въ ея цѣломъ; отдѣльные роды войскъ; вооруженіе въ самомъ широкомъ смыслѣ; всевозможныя техническія средства боевого характера.

Наконецъ, есть еще одна данная, которая независимо отъ воли человѣка вліяетъ на способъ дѣйствій на войнѣ и которая потому также должна быть учтена при созданіи военной, боевой доктрины. Это именно національныя особенности того народа, который образовываетъ соотвѣтствующую армію.

Эти національныя особенности вліяютъ на способъ военныхъ дѣйствій весьма могущественно и потому значеніе ихъ въ этомъ отношеніи громадно; настолько громадно, что если идти имъ въ этомъ случаѣ наперекоръ, то могутъ получиться тѣ же отрицательные результаты, какъ и тогда, когда были бы нарушены принципы военнаго искусства, или употреблялись бы тѣ или иныя средства борьбы въ противорѣчіи съ ихъ свойствами или они вовсе не были бы использованы въ особенности при наличіи ихъ у противника.

А между тѣмъ, если принципы военнаго искусства и средства веденія вооруженной борьбы одинаковы для всѣхъ, то національныя особенности народовъ, а значитъ и армій въ высшей степени различны.

Вслѣдствіе этого и единая военная школа, военная доктрина,

во всемъ объемѣ ея содержанія, для каждой національной арміи должна быть своя, различная отъ другихъ.

Такимъ образомъ, чтобы использовать опытъ послѣдней міровой войны для созданія единой военной школы для арміи, чтобы создать отвѣчающую современнымъ требованіямъ войны боевую доктрину для нея, необходимо установить:

1) Какъ выявилась принципіальная сторона военнаго искусства въ эту войну, въ какомъ видѣ представляются принципіальныя положенія, вытекающія изъ опыта этой войны.

2) Какія боевыя средства она выдвинула, каковы природа и свойства этихъ средствъ и какъ они должны быть использованы.

3) Установить національныя особенности данной арміи и опредѣлить въ какомъ направленіи эти особенности могутъ повліять на способъ боевыхъ дѣйствій, производимыхъ ею.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, слѣдуетъ посмотрѣть какъ отразился опытъ послѣдней войны на доктринахъ французовъ и нѣмцевъ, побѣдителей и побѣжденныхъ. Не представляетъ интереса въ этомъ отношеніи касаться арміи въ Россіи, ибо идеи, вызывающія существованіе, такъ называемой, красной арміи, ея особенная организація и ея своеобразныя назначеніе и роль приводятъ къ тому, что руководители красной арміи пытаются теперь строить и ея доктрину на началахъ не спеціально военныхъ, а преимущественно политическихъ, и принимаютъ при этомъ во вниманіе не національныя особенности и не интересы русскаго народа, а требованія интернаціонализма.

Разсмотрѣніе же вопроса о томъ, насколько повліяла послѣдняя война на измѣненіе французской и нѣмецкой доктрины, представляетъ собою интересъ въ томъ отношеніи, что эти арміи со старыми боевыми традиціями и богатымъ боевымъ опытомъ могутъ служить положительнымъ или отрицательнымъ примѣромъ для тѣхъ армій, которымъ по тѣмъ или инымъ причинамъ приходится вновь создавать свою военную доктрину.

Какъ нѣмецкая, такъ и французская военныя доктрины послѣ войны 1914—1918 гг. по существу измѣненія не претерпѣли.

Въ основу нѣмецкой доктрины по прежнему положена мысль, что при рѣшеніи всѣхъ боевыхъ вопросовъ должно исходить исключительно изъ своего желанія, своей воли, принимая рѣшеніе внѣ зависимости отъ намѣреній и плановъ противника.

Это основное положеніе нѣмецкой доктрины, требующее при выработкѣ своего рѣшенія задаваться вопросомъ „чего я хочу“, прежде всего даетъ свободу выбора направленія удара, а затѣмъ при ясномъ и опредѣленномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ укажетъ, что нужно сдѣлать, какъ и какими средствами пользоваться, чтобы выполнить свое желаніе.

Основа французской доктрины въ настоящее время, по удачному выраженію проф. Келчевскаго, можетъ быть изложена такъ: „посмотрю чего хочетъ противникъ и тогда начну дѣйствовать“.

Такимъ образомъ французы свое рѣшеніе ставятъ въ зависи-

мость отъ воли противника, отъ его желанія, наконецъ, отъ его дѣйствій. При такихъ условіяхъ не можетъ быть свободы въ выборѣ направленія удара, не можетъ быть свободы и въ выборѣ средствъ для нанесенія этого удара.

Французская доктрина, такимъ образомъ, по прежному крайнѣ неопредѣленна и расплывчата. Ставя принятіе рѣшенія въ зависимость отъ желаній, предположеній и намѣреній противника, она сводится, въ сущности говоря, къ выжиданію съ цѣлью противодѣйствія*).

Вслѣдствіе этого между прочимъ французы не подчеркиваютъ преимущества наступленія передъ обороной, какъ это они дѣлали даже передъ послѣдней войной.

Предусматривая переходъ въ наступленіе съ цѣлью взять иниціативу въ свои руки, французы, однако, считаютъ возможнымъ сдѣлать это лишь только тогда, когда имѣются достаточныя основанія для увѣренности въ успѣхѣ.

Впрочемъ, послѣдняя война заставила французовъ въ свою доктрину внести нѣкоторыя новыя частности, которыя впрочемъ не находятся въ большой гармоніи съ основной мыслью ихъ доктрины.

Такъ, французская доктрина теперь требуетъ широкаго примѣненія внезапности, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія.

Это требованіе внезапности ярко выражено въ инструкціи для старшихъ начальниковъ, изданной въ 1921 г., въ которой говорится:

„Внезапность является однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ успѣха; въ своемъ планѣ маневра начальникъ долженъ стремиться осуществить ее при всякой возможности".

О томъ, что слѣдуетъ понимать подъ внезапностью и какими способами ее достигнуть, та же инструкція выражается слѣдующимъ образомъ: „Внезапность заключается въ принужденіи непріятеля принять бой въ условіяхъ, не позволяющихъ ему примѣнить съ успѣхомъ ни силу огня, ни силу резервовъ. Въ общихъ чертахъ она достигается соблюденіемъ тайны подготовокъ всякаго рода и производствомъ неожиданныхъ атакъ; молніеносность артиллерійской подготовки, когда обстоятельства тому благопріятствуютъ, также способствуетъ проявленію элемента внезапности. Наконецъ, могутъ явиться полезными предварительныя операціи на извѣстныхъ участкахъ фронта для привлеченія къ нимъ и удержанія на нихъ резервовъ непріятеля съ тѣмъ, чтобы затруднить ему парированіе главнаго удара".

Несомнѣнно, что принципъ внезапности имѣетъ громадное значеніе и искусное примѣненіе его можетъ повлечь за собою богатѣйшіе результаты. Недаромъ Суворовъ такъ придерживался этого принципа, говоря, что „кто удивилъ, тотъ побѣдилъ". Но нетрудно видѣть, что по своей природѣ принципъ внезапности, вполнѣ пра-

---

*) Проф. Келчевскій. „Двѣ доктрины". Война и Миръ № 3.

вильно понимаемый французами, противорѣчитъ ихъ доктринѣ, по которой всякое дѣйствіе является только лишь противодѣйствіемъ.

Второй частностью нынѣшней французской доктрины является требованіе имѣть въ тактикѣ многочисленные резервы.. Поэтому поводу въ инструкціи 1921 года говорится: „современное сраженіе, какъ наступательное, такъ и оборонительное характеризуется своей продолжительностью и быстрымъ изнашиваніемъ войскъ. Продолжительность является производной различныхъ элементовъ, прежде же всего могущества вооруженія и солидности подготовки мѣстности. Изнашиваніе является результатомъ переживаемыхъ ощущеній боя, понесенныхъ потерь, изнуренія. Для поддержанія требуемаго сраженіемъ напряженія, командованіе нуждается, слѣдовательно, въ многочисленныхъ резервахъ, предназначающихся как для смѣны войскъ, уже введенныхъ въ бой, такъ и для возможности маневрированія".

Вмѣстѣ съ тѣмъ французы говорятъ, что „побѣда остается за тѣмъ, кто къ рѣшающему моменту умѣетъ сохранить превосходство резервовъ".

Со всѣмъ сказаннымъ о резервахъ нельзя не согласиться, за исключеніемъ того, что побѣда остается за тѣмъ, кто сумѣетъ сохранить резервы, такъ какъ, несомнѣнно, побѣда достанется тому, кто использует свои резервы въ рѣшительную минуту позже противника, но французы, опредѣляя правильно роль и назначеніе резервовъ и способъ ихъ использованія, упускаютъ при этомъ изъ виду, что резервы, если ими пользуются въ зависимости отъ обнаруженія непріятельскихъ намѣреній, могутъ опоздать. А вѣдь по основному требованію французской доктрины главный ударъ долженъ наноситься по направленію и по времени въ зависимости отъ дѣйствій противника.

Наконецъ, нужно указать еще одну подробность французской доктрины, а именно: главнѣйшимъ элементомъ современнаго боя французы ставятъ на первое мѣсто огонь, затѣмъ качество войскъ, подготовку мѣстности и сообщеній и мощность техническихъ средствъ.

По точному выраженію той же инструкціи 1921 года „огонь является преобладающимъ факторомъ боя. Атака — это огонь наступающій, оборона — огонь задерживающій, останавливающій".

Командному составу всѣхъ видовъ инструкціей вмѣняется въ обязанность добиться максимальной силы огня путемъ обезпеченія и контролированія точности стрѣльбы, организаціи питанія и въ особенности посредствомъ координированія огня пѣхоты, артиллеріи и авіаціи. Для болѣе рѣшительнаго значенія точнаго координированія огня, инструкція добавляетъ: „въ сраженіи нельзя требовать достиженія желаемыхъ результатовъ отъ частныхъ свойствъ того или иного рода войскъ: эти результаты достигаются комбинированіемъ всякаго вида огня въ одну стройную систему, руководимую командованіемъ".

Такимъ образомъ, огневому принципу французы подчиняютъ всю технику сраженія.

Что касается качества войскъ, какъ элемента сраженія, играющаго одну изъ главнѣйшихъ ролей, то французы считаютъ, что это качество зависитъ отъ „степени ихъ обученія, моральныхъ качествъ и болѣе всего отъ достоинства командованія, т. е. командного состава и генеральнаго штаба". По этому поводу французы говорятъ: „Начальникъ крупной единицы утверждаетъ свой авторитетъ надъ подчиненными путемъ внушенія имъ къ себѣ довѣрія, твердостью своего характера, своими профессіональными и моральными достоинствами и развитымъ чувствомъ отвѣтственности.

Необходимо, чтобы онъ зналъ свои войска и чтобы войска его знали, чтобы онъ видѣлъ ихъ возможно чаще для личнаго ознакомленія съ условіями ихъ матеріальнаго существованія и наблюденія за состояніемъ ихъ духа.

Важнѣйшей обязанностью начальника является принятіе рѣшенія.

Кромѣ того, онъ долженъ предвидѣть; его предвидѣнія будутъ тѣмъ шире и дальновиднѣе, чѣмъ выше занимаемое имъ положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, принятое рѣшеніе теряетъ свой вѣсъ и значеніе, если оно является запоздалымъ и если части, долженствующія его выполнить, не будутъ имѣть времени для принятія необходимыхъ мѣръ".

А между тѣмъ основное положеніе французской доктрины таково, что оно почти неминуемо ведетъ къ опозданію принятія рѣшенія начальникомъ.

Въ общемъ, какъ это было и до войны 1914—1918 г. г. и что уже было отмѣчено, французская доктрина въ силу своей основной сущности должна быть признана менѣе раціональной, чѣмъ нѣмецкая.

Чѣмъ же объясняется, что французы и послѣ великой міровой войны остались при прежней своей военной доктринѣ?

Какъ видно изъ изложеннаго, французская доктрина, вообще говоря, базируется на томъ предположеніи, что полководецъ своевременно опредѣлитъ моментъ принятія окончательнаго рѣшенія. Французскому главнокомандующему Фошу лѣтомъ 1918 г. удалось это сдѣлать: узнавъ заблаговременно о планѣ іюльск. наступленія германцевъ, онъ имѣлъ возможность своевременно перейти въ контръ-атаку, которая увѣнчалась успѣхомъ и привела къ окончательной побѣдѣ.

Какъ уже указано выше, французы даютъ этому слишкомъ распространительное толкованіе, исходя изъ того, что Фошъ какъ будто все время, вплоть до перехода въ контръ-наступленіе, господствовалъ надъ волей противника. Въ дѣйствительности же онъ былъ вынужденъ къ наступленію иниціативой противника.

Тѣмъ не менѣе на французовъ это произвело столь сильное впечатлѣніе и поселило въ нихъ столь крѣпкое убѣжденіе въ томъ, что этотъ успѣхъ явился результатомъ слѣдованія ихъ доктринѣ, выработанной ими до послѣдней войны, что они такой способъ войны положили и въ основу своей доктрины, обновленной послѣ войны.

Это, конечно, нисколько не уменьшаетъ нецѣлесообразности французской доктрины и нисколько не дѣлаетъ ее болѣе пріемлемой въ качествѣ образца, заслуживающаго подражанія.

VI.

Обращаясь теперь къ свободному, безъ подражанія кому-либо, использованію опыта послѣдней войны въ цѣляхъ созданія боевой доктрины, въ силу сказаннаго по этому поводу выше, необходимо прежде всего указать тѣ принципіальныя для военнаго искусства положенія, которыя въ связи съ прежнимъ боевымъ опытомъ были выдвинуты и подчеркнуты послѣдней великой міровой войной.

Вотъ эти положенія:

1) Самая лучшая стратегія, какъ и самая лучшая тактика, та, которая наиболѣе сильна во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. численно, технически и по искусству.

2) Для того, чтобы наша стратегія и наша тактика были наисильнѣйшими, необходимо: а) группировать наши силы во времени и пространствѣ соотвѣтственно относительной важности различныхъ фронтовъ, направленій и участковъ; б) въ результатѣ такой группировки сосредотачивать главную массу нашихъ силъ на важнѣйшемъ въ данное время фронтѣ, направленіи и участкѣ, жертвуя для этого всѣмъ побочнымъ, второстепеннымъ.

3) Моральныя данныя имѣютъ первенство надъ матеріальными,— главное орудіе и важнѣйшее средство на войнѣ — человѣкъ, а не машина; однако, безъ машины человѣкъ недостаточно силенъ.

4) Духовная мощь человѣка усиливается широкимъ военнымъ развитіемъ и пониманіемъ военныхъ явленій, умѣніемъ научно мыслить въ сферѣ военныхъ идей и дѣйствій, развитіемъ воли и характера, увѣренностью въ своихъ спеціальныхъ познаніяхъ. Физическая (матеріальная) мощь человѣка усиливается знаніемъ всѣхъ техническихъ современныхъ усовершенствованій и умѣньемъ использовать ихъ съ наибольшей выгодою для себя.

5) Ни въ самыхъ крупныхъ, ни въ самыхъ мелкихъ операціяхъ и дѣйствіяхъ не увлекаться географическими предметами дѣйствій, а всегда имѣть ближайшей цѣлью непріятельскія войска. Географическіе пункты должны являться предметами дѣйствій лишь тогда и постольку, когда и поскольку захватъ и овладѣніе ими могутъ способствовать удачнымъ дѣйствіямъ противъ живой силы врага.

6) Въ дѣйствіяхъ противъ живой силы врага должно стремиться къ полному ея уничтоженію, чего можно достигнуть или матеріальнымъ ея истребленіемъ, или моральнымъ ея подчиненіемъ нашей волѣ.

7) Рѣшительные результаты на войнѣ могутъ быть достигнуты только *боемъ въ полѣ*. Поэтому всѣми мѣрами необходимо стремиться къ такому бою, прилагая всѣ усилія къ тому, чтобы онъ былъ данъ въ наивыгоднѣйшихъ для насъ и въ наиболѣе неблагопріятныхъ для противника условіяхъ. Вся дѣятельность на войнѣ должна являться подготовкою къ такому бою, съ другой стороны все, что послѣдуетъ за боемъ будетъ лишь его послѣдствіями.

8) Полевой бой, какъ рѣшительнѣйшее средство стратегіи, можетъ явиться результатомъ лишь маневренной войны, а потому — „*ничего кромѣ наступательнаго*“.

9) При необходимости обратиться къ оборонѣ нужно не только отбиваться, но и самому бить, а потому на оборону слѣдуетъ смотрѣть, какъ на временный способъ дѣйствій и при первой возможности переходить въ рѣшительное наступленіе.

10) При всѣхъ операціяхъ всегда сохранять за собою свободу дѣйствій, для чего господствовать своей волей надъ противникомъ, а не подчиняться его волѣ.

11) Вслѣдствіе этого всегда ставить себѣ опредѣленную цѣль, какъ замыселъ операціи, независимо отъ воли противника; при выполненіи же операціи оцѣнить и учесть всѣ условія обстановки, какъ благопріятствующія намъ, такъ и препятствующія намъ въ достиженіи свободно поставленной себѣ цѣли. Не упускать изъ виду, что изъ всѣхъ данныхъ обстановки важнѣйшей является воля противника, а потому нужно ее сковать и заставить противника дѣлать не то, что онъ хочетъ, а что желаемъ мы. Разъ захваченную иниціативу держать все время въ своихъ рукахъ и ни въ какомъ случаѣ никогда не позволять, чтобы иниціатива переходила, хотя бы на короткое время, въ руки противника.

12) Операцію и бой вести въ духѣ внутренней ихъ цѣльности, въ духѣ единства дѣйствій, т. е., такъ, чтобы всѣ частныя операціи вытекали бы изъ основной идеи общей операціи, и чтобы всѣ дѣйствія, даже самыхъ мелкихъ частей, являлись бы развитіемъ частныхъ операцій. Ничего не должно дѣлаться только ради самого себя, ради того, чтобы что-нибудь дѣлалось.

13) Каждой операціи должна предшествовать тщательная подготовка во всѣхъ отношеніяхъ, доведенная до степени совершенной зрѣлости, допускаемой обстановкой. Подготовка должна обнимать: а) предварительную разработку операціи, опирающуюся на основную ея идею, на наши моральныя и матеріальныя силы и средства и на всѣ данныя обстановки (условія мѣста, времени, силы противника и его воли), тщательно изученныя; б) исполнительную часть, — постановку въ каждую данную минуту всѣхъ своихъ средствъ, каждаго порознь и всѣхъ въ совокупности, въ наивыгоднѣйшее положеніе для наилучшаго ихъ использованія.

14) Рѣшительный ударъ въ бою долженъ быть всемѣрно подготовленъ разрушеніемъ матеріальной силы противника и подавленіемъ его техники въ цѣляхъ довести его до сознанія невозможности оказывать сопротивленіе нашему натиску.

15) Какъ операція, такъ и бой должны производиться скрытно (въ области подготовки) и внезапно (въ области исполненія), что дѣйствуетъ подавляюще на моральную сторону противника и не позволяетъ ему своевременно использовать всѣ свои матеріальныя средства.

16) Бой необходимо вести съ полнымъ духовнымъ и матеріальнымъ напряженіемъ, крайне энергично, съ порывомъ, настойчиво. Въ наступательномъ бою ни на одну минуту не давать противнику возможности перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, а въ оборонительномъ бою возможно скорѣе заставить противника отказаться отъ активныхъ дѣйствій и перейти къ оборонѣ.

17) Всегда и вездѣ широко пользоваться своими сильными сторонами и не подставлять своихъ слабыхъ сторонъ, а въ то же время не давать противнику проявлять его сильныя стороны и заставлять подставлять его слабыя стороны.

18) Какъ въ цѣлыхъ операціяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ бояхъ всегда дѣйствовать на фланги противника, для чего оперировать нѣсколькими колоннами въ охватывающихъ направленіяхъ. Если не представляется возможнымъ охватить всю массу противника, то стремиться сдѣлать это съ ея отдѣльными частями и при томъ одновременно.

19) Имѣть всегда безопасными свои фланги и тылъ, что обезпечивается уступнымъ расположеніемъ и вполнѣ достигается лучше и скорѣе всего успѣшнымъ боемъ.

20) Забота о безопасности своихъ фланговъ и тыла никоимъ образомъ не должна мѣшать смотрѣть больше впередъ, а не въ стороны и назадъ.

21) Подготовку операціи и боя и ихъ исполненіе необходимо вести такимъ образомъ, чтобы въ полной мѣрѣ возможно было проявить и использовать принципъ взаимной выручки, чувство которой должно быть развито въ каждомъ отдѣльномъ воинѣ и въ цѣлыхъ частяхъ войскъ въ высшей степени.

22) Послѣ успѣшнаго боя самымъ энергичнымъ и настойчивымъ образомъ преслѣдовать разбитаго протавника, помня, что разбить врага — это только половина дѣла и чтобы завершить дѣло вполнѣ, нужно добить его преслѣдованіемъ: „недорубленный лѣсъ снова выростаетъ“.

23) Войска должны быть дѣятельны и дѣйственны, подвижны, настойчивы, смѣлы, упорны, все выполнять энергично, быстро, стремительно, однако, не опрометчиво и не необдуманно. Старое правило о благоразумной осторожности въ подготовкѣ и рѣшительности въ исполненіи остается въ силѣ.

24) Каждому имѣть гражданское мужество, проявлять необходимую и благоразумную иниціативу, не спрашивая на все разрѣшенія старшаго начальника, и предоставлять своимъ подчиненнымъ проявлять иниціативу въ полной мѣрѣ, поощряя успѣхи и не карая жестоко неудачи, являющіяся результатомъ этой иниціативы.

Взглядъ этотъ проводить широко, до самыхъ мелкихъ начальниковъ включительно.

25) Старшимъ начальникамъ не увлекаться мелочами и смотрѣть на дѣло въ цѣломъ, не дѣлая работу другихъ, но и не передавая свою работу никому. Вообще всякому начальнику дѣлать только свое дѣло и не вмѣшиваться въ дѣйствія своихъ подчиненныхъ, пока они не являются абсурдными и не направлены во вредъ общему дѣлу.

26) Никогда не суетиться, быть всегда спокойнымъ, не терять головы, какъ бы положеніе ни казалось бы тяжелымъ, имѣя въ виду, что нѣтъ такого положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти съ честью. Помнить, что если намъ плохо, то противнику можетъ быть еще хуже.

27) Только бодрая духомъ армія можетъ быть сильной, поэтому необходимо всегда и всѣми мѣрами поддерживать духъ арміи на надлежащей высотѣ, но это возможно только тогда, когда армія будетъ вполнѣ обезпечена матеріально.

28) Если обстоятельства приведутъ къ позиціонной войнѣ, то не допускать въ своихъ войскахъ боевой бездѣятельности и постоянно производить развѣдки и поиски болѣе или менѣе крупными партіями, организуя и обставляя ихъ такъ, чтобы они были всегда успѣшными и приводили бы къ захвату плѣнныхъ или хотя бы предметовъ вооруженія и снаряженія противника.

29) По человѣчески обращаться со своими подчиненными, оказывая имъ уваженіе и довѣріе, чтобы сдѣлать изъ нихъ себѣ добровольныхъ сотрудниковъ, а не батраковъ, работающихъ только изъ подъ палки, чтобы не развивать въ нихъ страха и не укоренять въ нихъ привычки боязни, а заставлять ихъ во всемъ быть рѣшительными и смѣлыми и не терять способности и воли къ проявленію частнаго почина.

Изложенныя положенія формулированы такъ, какъ будто не принимается во вниманіе продолжительный опытъ позиціонной войны.

Это потому, что позиціонная война, какъ правило, есть противоестественный способъ веденія войны, а какъ исключеніе является ея частнымъ видомъ.

Поэтому позиціонной войны, какъ правило, нужно всемѣрно избѣгать, а какъ частный случай она не можетъ породить какія либо особыя основныя принципіальныя положенія.

Сдѣланная характеристика позиціонной войны нисколько не противорѣчитъ опыту великой міровой войны 1914—1918 гг., хотя послѣдняя въ большей своей части была войной позиціонной. Это вытекаетъ какъ изъ хода боевыхъ дѣйствій во все время войны, такъ изъ причинъ возникновенія позиціонной войны.

Война началась широкими операціями въ полѣ, затѣмъ когда по тѣмъ или инымъ причинамъ появились признаки позиціонной войны, то обѣ стороны всѣми мѣрами боролись за возможность сохранить способность въ подвижной войнѣ. Такъ, напримѣръ, весь періодъ времени послѣ сраженія на р. Энъ и до 15 ноября 1914 г., періодъ, содержащій въ себѣ, такъ называемый, „Бѣгъ къ морю", ярко свидѣтельствуетъ объ этой борьбѣ. Когда же установилась позиціонная война, то опять таки обѣ стороны предпринимаютъ цѣлый рядъ дорого стоющихъ во всѣхъ отношеніяхъ попытокъ къ тому, чтобы сбросить оковы неподвижной позиціонной войны и выйти въ поле для маневренной, подвижной войны.

Громадность усилій, колоссальность жертвъ, крайняя настойчивость въ борьбѣ за маневръ, за подвижность, за дѣйствія въ полѣ, проявленныя противниками на франко-бельгійскомъ, а равно и на русскомъ фронтѣ, говорятъ за жизненность маневренной войны, за то, что именно въ ней заключается и сказывается природа войны вообще, за то, что подвижная война, въ противоположность позиціонной, есть война естественная, война настоящая.

Что же касается причинъ возникновенія въ послѣднюю войну позиціонной борьбы, то таковыми явились: способность обороняющагося, благодаря техническимъ средствамъ и, главнымъ образомъ, усовершенствованному оружію, даже съ относительно небольшими силами успѣшно противодѣйствовать наступающему; быстро установившееся вслѣдствіе этого равновѣсіе силъ на каждомъ опредѣленномъ участкѣ боевого фронта; недостатокъ, вслѣдствіе непредвидѣнно большого расхода, боевыхъ припасовъ, преимущественно артиллерійскихъ снарядовъ, что лишало наступленіе необходимой силы и, наконецъ, и это самое главное, отсутствіе у обоихъ противниковъ талантливыхъ полководцевъ, которые сумѣли бы сосредоточить превосходныя силы въ важнѣйшемъ направленіи для нанесенія удара въ рѣшительный моментъ на рѣшительномъ пунктѣ, т. е. другими словами, которые смогли бы искусно и смѣло провести въ жизнь при создавшейся обстановкѣ одинъ изъ важнѣйшихъ принциповъ военнаго искусства, — принципъ частной побѣды.

Отмѣченныя причины возникновенія позиціонной борьбы въ міровую войну 1914—1918гг. свидѣтельствуютъ о томъ, что позиціонная война вовсе не является вытекающей изъ природы войны вообще, что эти причины безусловно устранимы, но что съ другой стороны современныя боевыя условія сильно способствуютъ возникновенію позиціонной войны.

Въ виду этого нѣтъ основаній считать, что позиціонная война въ будущемъ должна явиться непремѣнно главенствующей по времени и по невозможности вести иную войну; съ другой стороны является несомнѣннымъ, что позиціонной войны въ большомъ масштабѣ по времени и по мѣсту можно избѣжать, что вслѣдствіе ея противоестественности ее нужно стремиться избѣгать, но что въ то же время нужно, какъ предварительно, такъ и въ продолженіи боевыхъ дѣйствій, принимать мѣры къ тому, чтобы обезвреживать въ опредѣленномъ отношеніи данныя, способствующія возникновенію позиціонной войны и, такимъ образомъ, не создавать условій, неминуемо приводящихъ къ послѣдней.

VII.

Обращаясь ко второй данной, которая является одной изъ трехъ слагаемыхъ каждой военной доктрины въ настоящее время, къ техническимъ средствамъ, выдвинутымъ послѣдней войной, прежде всего нужно остановиться на массовой арміи, которая является важнѣйшимъ изъ такихъ средствъ въ рукахъ полководца, при условіи, конечно, снабженія ея всѣми новѣйшими усовершенствованіями.

Массовая армія, обладающая громаднымъ числомъ бойцовъ, никогда раньше не сосредотачиваемыхъ на одномъ театрѣ войны для рѣшенія одной стратегической задачи, какъ показалъ опытъ міровой войны, оказываетъ слѣдующее вліяніе на боевыя дѣйствія.

Массовая армія, какъ и арміи прежняго времени въ полной мѣрѣ сохраняютъ подвижность и потому позволяютъ производить широкое и быстрое маневрированіе. Однако, это возможно только при

самомъ широкомъ и тщательномъ использованіи желѣзныхъ дорогъ и автомобилей, что въ свою очередь требуетъ наличности соотвѣтствующаго отличнаго аппарата, дѣйствующаго во всѣхъ подробностяхъ крайне систематично и во всѣхъ мелочахъ съ идеальной точностью.

Массовыя арміи требуютъ весьма искусснаго управленія ими, при чемъ это искусство должно привести главнымъ образомъ къ правильному сочетанію твердаго руководства высшаго командованія съ предоставленіемъ частнымъ начальникамъ широкой инціативы.

Дѣйствія массовыми арміями въ связи съ нѣкоторыми другими данными приводятъ къ тому, что въ настоящее время по своему характеру являются преимущественно въ видѣ встрѣчныхъ боевъ безъ заранѣе намѣченныхъ мѣстъ столкновенія и времени его.

Боевыя столкновенія массовыхъ армій отмѣчаются большой длительностью, что требуетъ большихъ резервовъ, какъ въ стратегіи, такъ и въ тактикѣ, при чемъ эти резервы должны предназначаться не только для усиленія войскъ, ведущихъ бой, и для пополненія въ нихъ убыли, но также и для смѣны ихъ въ случаѣ матеріальнаго и моральнаго ихъ утомленія.

Массовая армія обладаетъ свойствомъ быстро возстанавливать боеспособность войскъ, входящихъ въ ея составъ и потерпѣвшихъ неудачи.

Однако, это возможно сдѣлать только при широкомъ и искусномъ использованіи всѣхъ средствъ усовершенствованнаго передвиженія войскъ.

Оперированіе массовыми арміями сильно затрудняетъ вопросъ обезпеченія и снабженія войскъ всѣмъ необходимымъ, какъ для жизни арміи, такъ и для ея боевыхъ дѣйствій.

Массовая армія вслѣдствіе ея большой численности не можетъ быть особенно высокаго качества, какъ въ отношеніи технической подготовки, такъ и моральнаго духа.

Это относится какъ къ массовой арміи, выставленной въ самомъ началѣ войны, такъ и особенно къ тѣмъ, которыя явятся уже впослѣдствіи при замѣнѣ первоначально призванныхъ въ армію или контингентами болѣе старыхъ сроковъ или новобранцами.

Постоянное поддержаніе массовыхъ армій въ соотвѣтствующемъ численномъ составѣ въ теченіе продолжительнаго времени требуетъ участія всѣхъ живыхъ силъ народа и потому необходима заблаговременная его организація въ соотвѣтствующемъ направленіи. При чемъ эта организація должна предусматривать не только возможность выставленія массовой арміи въ началѣ войны, но и постояннаго ея поддержанія въ составѣ, отвѣчающемъ понятію массовой арміи и даже превышающемъ первоначальную ея численность.

Изъ техническихъ средствъ въ прямомъ значеніи этого слова наибольшее значеніе имѣетъ усовершенствованное оружіе.

Это усовершенствованіе въ послѣднее время развивалось въ четырехъ направленіяхъ:

Во 1-хъ, существовавшіе уже образцы огнестрѣльнаго оружія,

какъ-то: ружье, легкая полевая пушка и пулеметъ были значительно улучшены технически.

Во 2-хъ, появились для войны въ полѣ новыя крайне разнообразныя по роду и по калибру артиллерійскія орудія, какъ-то: тяжелыя полевыя орудія для настильнаго и навѣснаго огня; для разрушенія укрѣпленій съ большого разстоянія; горныя; противъ летчиковъ; пѣхотныя — способныя сопровождать пѣхоту и разрушать прямымъ выстрѣломъ опорные пункты; окопныя орудія — 37—50 миллиметровыя; кромѣ того: минометы для ближняго навѣснаго огня различныхъ калибровъ (тяжелые, средніе и легкіе); бомбометы; легкіе пулеметы.

Въ 3-хъ, появились новые артиллерійскіе снаряды, а именно газовые, дымовые, а на ряду съ этимъ въ артиллеріи стали преимущественно пользоваться гранатами, какъ снарядами, производящими большое моральное дѣйствіе и болѣе удобными при обслуживаніи и при изготовленіи.

Сюда же нужно отнести въ высокой степени совершенныя ручныя и ружейныя гранаты, предназначенныя для ближняго огня.

Въ 4-хъ, стали прибѣгать къ новому способу использованія огнестрѣльнаго оружія, сосредотачивая его въ громадномъ числѣ, располагая на бронированныхъ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ и автомобиляхъ, танкахъ и на аэропланахъ для стрѣльбы сверху, и въ значительной степени усовершенствовали технику стрѣльбы, что достигнуто было принятіемъ особыхъ приборовъ и приспособленій для прицѣливанія, болѣе совершеннымъ способомъ наблюденія, (сверху, по звуковому и свѣтовому способу), пользованіемъ метеорологическими станціями для выясненія метеорологическихъ данныхъ, вліяющихъ на траекторію, и другими мѣрами.

Все это привело къ страшной силѣ огня на всѣхъ дистанціяхъ какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ.

Возможность же развить такой огонь въ свою очередь имѣетъ послѣдствіемъ слѣдующее:

Главными формами маневра являются обходы и охваты. Для выполненія ихъ представляется необходимымъ вести наступленіе широкимъ фронтомъ, а при оборонѣ располагаться въ уступномъ порядкѣ и дѣйствовать крайне активно.

Впрочемъ, и современныя условія огня не исключаютъ возможности обратиться къ прорыву, къ которому необходимо будетъ прибѣгать или при особо благопріятныхъ для этого обстоятельствахъ, или когда совершенно нельзя будетъ по тѣмъ или инымъ причинамъ воспользоваться обходомъ или охватомъ.

Возможность развить сильный огонь придаетъ большую устойчивость даже небольшимъ частямъ, что способствуетъ съ одной стороны продолжительности боевыхъ столкновеній, а съ другой стороны быстрому возстановленію боеспособности арміи, потерпѣвшей неудачу.

Сильный огонь, могущій достигнуть одинаковаго напряженія какъ въ оборонѣ, такъ и въ наступленіи, больше, чѣмъ что нибудь

другое, способствуетъ установленію равновѣсія силъ противниковъ, а потому и является одной изъ основныхъ причинъ, приводящихъ къ позиціонной войнѣ.

Нужно, наконецъ, имѣть въ виду, что сильный огонь, особенно изъ орудій большихъ калибровъ, не только наноситъ пораженіе войскамъ, вырывая изъ его рядовъ многочисленныя жертвы, не только разрушаетъ всякаго рода препятствія, но также взрываетъ мѣстность, дѣлаетъ ее неудобной для движенія войскъ, даже для подачи снарядовъ, чѣмъ и затрудняется въ значительной степени наступленіе.

Изъ другихъ собственно техническихъ средствъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе тѣ изъ нихъ, которыя стали впервые употребляться лишь въ великую міровую войну 1914 1918 гг.

Въ свою очередь эти средства могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: къ первой относятся тѣ, которыя появились еще до войны, но для военныхъ цѣлей въ широкомъ размѣрѣ были использованы только въ послѣднюю войну и ко второй, тѣ, которыя появились уже во время самой войны.

Къ первымъ относятся автомобили и аэропланы, ко вторымъ — танки и газы.

Автомобилями стали пользоваться уже съ самаго начала войны, имѣя нѣкоторую практику въ этомъ отношеніи, правда практику исключительно почти мирнаго времени. Вслѣдствіе этого, сначала автомобилями пользовались во 1-хъ, съ ограниченными цѣлями и во 2-хъ, въ недостаточномъ количествѣ. Съ теченіемъ времени, однако, пользованіе автомобилями достигло во всѣхъ отношеніяхъ громадныхъ размѣровъ. Такъ напр., во французской арміи въ началѣ войны было грузовиковъ всего 600, а въ концѣ войны — 92 т.

Быстрота передвиженія на грузовикахъ при независимости ихъ отъ нѣсколько стѣсняющихъ условій движенія по желѣзнымъ дорогамъ (возможность движенія въ любомъ почти направленіи; возможность двигаться какъ отдѣльными автомобилями, такъ и колоннами различныхъ размѣровъ; отсутствіе необходимости строго и точно согласовать движеніе по времени; возможность пользоваться въ ближайшей сферѣ боевыхъ дѣйствій; большая техническая безопасность движенія), дѣлаетъ выгоднымъ пользованіе ими въ широкихъ размѣрахъ для связи, для доставки снарядовъ (особенно для конницы) и санитарныхъ принадлежностей, для перевозки орудій (тракторы) и раненыхъ и для перевозки войскъ съ различными цѣлями, включительно до подачи резервовъ на полѣ сраженія.

Въ какой мѣрѣ можно пользоваться автомобилями для перевозки войскъ показываетъ слѣдующій примѣръ:

При прорывѣ нѣмцевъ въ маѣ — іюнѣ 1918 г., у Суассона французы съ 27 мая по 15 іюня перевезли на автомобиляхъ въ раіонъ прорыва 63 дивизіи, тогда какъ за то же время по желѣзной дорогѣ было перевезено 41 дивизія.

Однако, при пользованіи автомобилями для указанныхъ выше цѣлей, нужно имѣть въ виду, что для своего движенія они все же

требуютъ хорошихъ дорогъ и большого количества бензина; кромѣ того автомобили при неблагопріятныхъ условіяхъ движенія, главнымъ образомъ, при неособенно хорошихъ дорогахъ, легко портятся, наконецъ, чтобы использовать автомобили въ широкихъ размѣрахъ нужно большое число хорошо подготовленныхъ и смѣлыхъ шофферовъ.

Авіація, матеріальной частью которой являются различнаго рода аэропланы, также была извѣстна до войны, начавшейся въ 1914 г. Точно также до этой войны арміи имѣли уже нѣкоторую практику въ дѣлѣ пользованія авіацией для военныхъ цѣлей и выступили на войну съ опредѣленной огранизацiей авіаціи.

Правда, матеріальная часть авіаціи и въ это время была далеко не совершенна, количество аэроплановъ въ различныхъ арміяхъ было невелико, способы использованія авіаціи въ дѣлѣ рѣшенія боевыхъ задачъ не были установлены съ достаточной полнотой, наконецъ, организація авіаціонныхъ отрядовъ не вполнѣ соотвѣтствовала тѣмъ задачамъ, которыя предполагалось на нихъ возлагать.

Съ теченіемъ времени, особенно съ установленіемъ позиціонной войны, авіація во всѣхъ отношеніяхъ сильно усовершенствовалась. Это усовершенствованіе прежде всего коснулось матеріальной части авіаціи — аэроплановъ, которые теперь получили возможность выполнять болѣе сложныя техническія заданія и которыя благодаря разнообразію въ устройствѣ подробностей могли быть отлично приспособлены для выполненія различныхъ спеціальныхъ задачъ.

Въ концѣ концовъ были сконструированы различнаго рода аэропланы, которые, благодаря могуществу своихъ моторовъ, отличались большой скоростью полета (до 220 кил. въ часъ), весьма значительной скоростью подъема (на 2000 метр. въ 4,5 м., на 4000 метр. въ 13 мн.). способностью подняться на очень большую высоту (до 8000 метр.), и возможностью летать ночью. Въ тоже время аэропланы стали сильно вооружаться пулеметами и даже артиллерійскими орудіями или снабжаться довольно большимъ числомъ разной силы бомбъ для сбрасыванія ихъ сверху.

Затѣмъ число аппаратовъ въ различныхъ государствахъ достигло громадныхъ цифръ. Такъ, Франція, имѣвшая вначалѣ войны 1914 1918 гг. всего 350 аэроплановъ, къ концу этой войны обладала 3500 аппаратовъ.

Тактическая организація аэроплановъ также подверглась значительному измѣненію и втеченіе войны на ряду съ отрядами и эскадрильями, состоявшими изъ небольшого числа аппаратовъ, появились крупныя авіаціонныя соединенія, что дало возможность въ связи съ техническимъ устройствомъ аппаратовъ дѣйствовать сразу большимъ числомъ послѣднихъ и вслѣдствіе этого задаваться широкими стратегическими и тактическими цѣлями.

Такое развитіе во всѣхъ отношеніяхъ авіаціи дало возможность использовать ее въ широкихъ размѣрахъ для слѣдующихъ стратегическихъ и тактическихъ цѣлей:

Стратегической развѣдки, распространяемой далеко внутъ расположенія противника.

Тактической развѣдки для полученія свѣдѣній о противникѣ на самомъ фронтѣ и въ ближайшемъ тылу. Приэтомъ въ маневренной войнѣ такая авіаціонная развѣдка является дополненіемъ къ развѣдкѣ конницей, а въ позиціонной войнѣ она является единственно возможной.

Для фотографированія въ цѣляхъ болѣе детальной тактической развѣдки.

Для корректированія артиллерійской стрѣльбы.

Для бомбардированія: въ глубокомъ тылу большихъ городовъ, промышленныхъ центровъ и желѣзныхъ дорогъ, замѣняя въ дѣлѣ нападенія на тылъ противника бывшіе въ свое время набѣги конницы; въ ближнемъ тылу, особенно во время боя, желѣзныхъ дорогъ, аэродромовъ, складовъ огнестрѣльныхъ припасовъ и на полѣ сраженія войскъ, ведущихъ бой.

Для веденія боя въ воздухѣ въ цѣляхъ полученія господства въ воздухѣ, чтобы дать возможность работать своимъ аппаратамъ, противъ непріятельскихъ аэроплановъ и поддержанія этого господства, чтобы охраной сверху обезпечить дѣятельность разнаго рода своихъ аэроплановъ.

Для борьбы съ непріятельскими аэропланами, сбрасывающими бомбы въ цѣляхъ недопустить ихъ до этого.

Для сопровожденія наступающей пѣхоты въ цѣляхъ боевого содѣйствія сбрасываніемъ бомбъ и стрѣльбою пулеметами.

Для поддержанія связи между войсками и различнаго рода штабами во всѣхъ положеніяхъ ихъ, не исключая и боя.

Въ зависимости отъ условій работы аэроплановъ при выполненіи ими указанныхъ выше задачъ были выработаны спеціальные типы аэроплановъ, имѣющіе тѣ или иныя техническія особенности. Такими типами аэроплановъ являются: рабочіе — для стратегической развѣдки и для фотографированія, бомбовозы — для сбрасыванія бомбъ, боевые — для веденія боя въ воздухѣ въ составѣ крупныхъ авіаціонныхъ соединеній и истребители — для борьбы съ бомбовозами и для прогнанія аппаратовъ, производящихъ фотографированіе.

При пользованіи аэропланами для тѣхъ или другихъ цѣлей необходимо имѣть въ виду тѣ средства, посредствомъ которыхъ можно противодѣйствовать ихъ работѣ; къ такимъ средствамъ относятся: во 1-хъ, соотвѣтствующія контръ-дѣйствія аэроплановъ противной стороны, во 2-хъ, огонь артиллеріи и пулеметовъ, въ 3-хъ, маскировка тѣхъ предметовъ, которые могутъ явиться цѣлью развѣдки противника, въ 4-хъ, примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ ночныхъ передвиженій и въ 5-хъ, разжижженіе боевыхъ порядковъ.

Перечисленныя мѣры въ значительной степени затрудняютъ работу аэроплановъ и чтобы преодолѣть эти затрудненія и извлечь изъ авіаціи наибольшую пользу, каковую она уже доказала на боевомъ опытѣ, въ будущемъ явится необходимость съ одной стороны еще болѣе технически усовершенствовать различные типы аэроплановъ, а быть можетъ и создать новые, а съ другой стороны выработать болѣе лучшіе способы и пріемы пользованія воздушными силами.

Танки появились только во время великой міровой войны и были вызваны къ жизни исключительно условіями позиціонной войны.

Трудность наступленія для прорыва непріятельскихъ линій заставила искать средство, которое въ значительной степени увеличивало бы силу наступленія, въ общемъ слабаго вслѣдствіе того, что при движеніи войска не могутъ использовать въ полной мѣрѣ свои огневыя средства.

Чтобы добиться этого, нужно было атакѣ придать видъ продвигающейся по поверхности земли линіи обороны. Это было достигнуто созданіемъ штурмующей артиллеріи, боевыхъ повозокъ или, какъ ихъ назвали англичане, танковъ.

Танкъ представляетъ собою самодвижущуюся бронированную боевую повозку, снабженную пулеметами или даже небольшими орудіями.

Танки назначаются для содѣйствія наступающей пѣхотѣ въ цѣляхъ уничтоженія сопротивленія и препятствій, которыя послѣдняя можетъ встрѣтить при своемъ движеніи и которыя невозможно или невыгодно преодолѣвать другими средствами, какъ напр., артиллеріей, располагающейся далеко; требующей для этихъ цѣлей громаднаго расхода снарядовъ и продолжительнаго времени, что исключаетъ примѣненіе внезапности; неспособной уничтожить полностью пулеметы, представляющіе собою главнаго врага пѣхоты.

По занятіи наступающей пѣхотой непріятельской позиціи, танки должны содѣйствовать устройству ея на нихъ и помочь пѣхотѣ организовать узлы сопротивленія.

Въ виду этого на танки возлагается въ связи съ дѣйствіемъ пѣхоты: разрушеніе искусственныхъ препятствій, главнымъ образомъ проволочныхъ загражденій; уничтоженіе пулеметныхъ гнѣздъ; разнаго вида опорныхъ пунктовъ и оборонительныхъ сооруженій; очищеніе мѣстности, уже пройденной штурмующими войсками; содѣйствіе по отбитію контръ-атакъ противника; созданіе дымовой завѣсы впереди пѣхоты; поддержка пѣхотной развѣдки.

Хотя танки, вообще говоря, есть орудіе наступательное, но они могутъ примѣняться также и при оборонѣ, однако, лишь при выполненіи контръ-атакъ.

Чтобы танки были въ состояніи выполнить указанныя выше задачи, ихъ сконструировали такъ, чтобы они могли: перейти окопъ шириною въ 1,8 м.; опрокидывать свободно стоящія кирпичныя стѣны, толщиною до 0,40 м.; сметать проволочныя загражденія и рогатки; подыматься на откосы съ уклономъ до 45°; преодолѣвать водоемы съ берегами до 1,80 м. высоты и съ глубиной воды до 0,70 м., имѣли бы скорость движенія около 5 кил.; обладали бы запасомъ воды и горючаго матеріала не менѣе, какъ на 30 кил. пути; имѣли бы достаточное вооруженіе (одинъ-два пулемета и одно 37 м.м. орудіе); были бы покрыты броней въ носовой части толщиной въ 30 м.м., на бортахъ отъ 14 до 16 м.м. на крышѣ 6 м.м.; были бы поворотливы и легко управляемы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ танковъ требуется, чтобы они представляли

собою возможно меньшую цѣль спереди и сбоку, чтобы поперечное сѣченіе ихъ не превышало бы габарита, такъ какъ танки должны часто и много перевозиться по желѣзной дорогѣ и чтобы общій ихъ вѣсъ не превосходилъ нагрузки, допускаемой нормальными мостами, черезъ которые должна проходить машина.

Для того, чтобы танки при отмѣченныхъ свойствахъ могли бы выполнить возлагаемыя на нихъ задачи, необходимо при ихъ употребленіи соблюдать нѣкоторыя условія.

Танки должны употребляться только для достиженія важныхъ цѣлей.

Танки должны маневрировать въ тѣсной связи съ пѣхотой и сражаться въ ея рядахъ, для чего послѣдняя должна быть спеціально обучена.

Танки должны всегда сопровождаться пѣхотой, куда бы они не пошли.

Если пѣхота при наступленіи встрѣтитъ усилившееся сопротивленіе непріятеля, то она останавливается и залегаетъ, а танки выдвигаются впередъ для уничтоженія сопротивленія.

Мѣстность, захваченную танками, должна принять и затѣмъ удержать пѣхота, наступающая въ сопровожденіи танковъ.

При контръ-атакахъ пѣхоты съ участіемъ танковъ не должно зарываться слишкомъ впередъ, такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ непріятель не въ состояніи будетъ полностью использовать свои противо-танковыя средства и танки въ состояніи будутъ въ полной мѣрѣ оказать пѣхотѣ помощь и матеріальную и моральную.

Примѣненіе танковъ не должно вносить никакого измѣненія въ механизмъ боя другихъ родовъ войскъ, который долженъ развиваться нормально, какъ съ ними, такъ и безъ нихъ; но артиллерія и авіація должны помогать танкамъ въ цѣляхъ парализовать главнымъ образомъ, непріятельскую развѣдку и дѣйствія артиллеріи противника въ раіонѣ дѣйствія танковъ.

Для обезпеченія связи танковъ съ частями пѣхоты танковыя единицы должны быть подчинены соотвѣтствующимъ пѣхотныхъ начальникамъ. Въ этомъ случаѣ танковые начальники должны являться техническими совѣтниками при начальникахъ частей, выполняющихъ атаку.

Для достиженія благопріятныхъ результатовъ танки должны употребляться одновременно въ большомъ количествѣ и при томъ на широкомъ фронтѣ, чтобы затруднить сосредоточеніе противъ себя огня непріятельской артиллеріи. Наименьшій фронтъ, на которомъ могутъ быть съ выгодой использованы танки — это фронтъ дивизіи, при чемъ танки должны слѣдовать на интервалахъ около 100 метровъ.

Танки должны начинать свою атаку не днемъ, когда точность стрѣльбы непріятельской артиллеріи можетъ быть очень велика, а въ предразсвѣтные часы, съ тѣмъ, чтобы они къ разсвѣту уже оказались на линіи непріятельскихъ батерей.

Съ другой стороны для производительнаго использованія танковъ необходимо учитывать неблагопріятныя условія употребленія ихъ.

Лѣсистыя, гористыя, болотистыя и равнинныя, пересѣченныя многочисленными водяными потоками, мѣстности совершенно исключаютъ пользовваніе танками.

Въ мягкомъ грунтѣ танки продвигаются съ трудомъ и могутъ совершенно застрять.

Скорость движенія танковъ въ общемъ не значительная.

Имѣя возможность вести бой самостоятельно въ 2—2½ килом. впереди своей пѣхоты, быть хозяевами мѣстности, отбивать непріятельскія контръ-атаки, танки не могутъ закрѣпить за собою мѣстности, которую они завоевали.

Танки вслѣдствіе сложности и въ виду этого чувствительности своего механизма могутъ работать безпрерывно лишь относительно короткій промежутокъ времени, а потому вскорѣ послѣ своего вступленія въ бой требуютъ замѣны, а потому необходимо имѣть большіе резервы танковъ.

Наконецъ, къ неблагопріятнымъ условіямъ пользованія танками необходимо отнести всѣ средства противотанковой обороны.

Наиболѣе естественнымъ противникомъ танковъ являются непріятельскіе танки.

Затѣмъ всякаго рода препятствія, создаваемыя на мѣстности инженерными средствами, какъ то: цементныя массы, расположенныя рядами; земледѣльческія орудія, перепутанныя и связанныя между собою и т. п.

При чемъ эти препятствія располагаются такимъ образомъ, что они образуютъ проходы на заранѣе опредѣленныхъ направленіяхъ, находящихся подъ обстрѣломъ противотанковыхъ орудій или на которыхъ находятся западни, вродѣ широкихъ рвовъ, перекрытыхъ помостомъ, долженствующимъ провалиться подъ тяжестью танка, или минныя поля, послѣднія, впрочемъ. только въ позиціонной войнѣ.

Однимъ изъ наиболѣе опасныхъ противотанковыхъ средствъ является артиллерія, которая можетъ вести въ данномъ случаѣ стрѣльбу или особымъ бронебойнымъ снарядомъ или снарядами газовыми. Вообще нужно сказать, что танки очень уязвимы для артиллерійскаго огня, отъ котораго несутъ большія потери, какъ въ личномъ составѣ, такъ и въ матеріальной части. Танки, обнаруженныя въ 3 4 километрахъ отъ противотанковыхъ батарей, имѣющихъ свободу дѣйствій и могущихъ корректировать свою стрѣльбу, обречены почти на вѣрное уничтоженіе.

Впрочемъ, дѣйствіе артиллеріи противъ танковъ становится весьма затруднительнымъ съ того момента, когда танки достигнутъ первыхъ линій, такъ какъ стрѣльба по нимъ въ это время несомнѣнно будетъ поражать и свою пѣхоту.

Наконецъ, средствомъ противъ танковъ является пѣхота, которая стрѣляетъ изъ обыкновеннаго ружья въ щели и соединенія или изъ особеннаго ружья крупнаго калибра съ бронебойной пулей или изъ пулемета такого же калибра съ такой же пулей.

Болѣе или менѣе искусное примѣненіе указанныхъ противотанковыхъ средствъ всѣхъ вмѣстѣ или даже порознь приводили къ большимъ потерямъ въ танкахъ у противника.

Въ общемъ, въ каждомъ почти бою танки теряли обыкновенно не менѣе 50% своего состава.

Впервые танки были примѣнены союзниками на франко-бельгійскомъ фронтѣ 15 сентября 1916 г. въ бояхъ на р. Соммѣ. Съ теченіемъ времени пользованіе танками становилось все болѣе и болѣе широкимъ и съ точки зрѣнія числа ихъ, и съ точки зрѣнія способовъ ихъ примѣненія, при чемъ послѣдніе дѣлались все болѣе и болѣе искусными.

Это обстоятельство въ связи съ техническимъ усовершенствованіемъ танковъ и ихъ основными положительными свойствами приводило къ тому, что во многихъ бояхъ они, пользовавшимся ими, приносили существенную пользу. Однако, при умѣломъ примѣненіи противникомъ противотанковыхъ средствъ въ связи съ отрицательными свойствами танковъ и неблагопріятными условіями ихъ употребленія нерѣдко танки не давали успѣха и несли при этомъ громадныя потери.

Такое непостоянство въ результатахъ дѣйствія танковъ въ великую міровую войну привело къ тому, что и въ настоящее время значеніе танковъ оцѣнивается крайне различно. Этому способствуетъ также и то обстоятельство, что боевой опытъ съ танками въ общемъ въ эту войну былъ весьма односторoненъ, такъ какъ онъ былъ произведенъ только въ условіяхъ позиціонной войны.

Въ Италіи танки разсматриваются какъ оружіе второстепеннаго значенія.

Въ Англіи и Бельгіи офиціальные руководители военнаго дѣла всецѣло стоятъ за танки, но въ литературѣ нерѣдко проводятся взгляды, не придающіе танкамъ первостепеннаго значенія.

Наиболѣе интересными являются взгляды на танки французовъ и нѣмцевъ, тѣмъ болѣе интересными, что эти взгляды совершенно противоположны съ точки зрѣнія оцѣнки боевого значенія танковъ.

Во Франціи высшія военныя сферы, а также почти всѣ безъ исключенія изслѣдователи великой міровой войны вообще и въ частности вопроса о вліяніи того или иного техническаго средства на ходъ военныхъ операцій, всецѣло стоятъ за танки, придавая имъ, если не рѣшающее, то во всякомъ случаѣ первенствующее значеніе.

Французы считаютъ, что танки значительно повліяли на исходъ ихъ борьбы съ нѣмцами въ 1918 г., такъ какъ внезапныя ихъ атаки 8 августа у Армантьера и англійскія атаки въ этотъ же день у Комбре, вызвавшія переломъ въ ходѣ войны, привели къ успѣху только благодаря танкамъ, на содѣйствіе которыхъ французы сознательно расчитывали, организуя эти атаки.

Въ подтвержденіе справедливости такого своего мнѣнія французы ссылаются на свидѣтельства самихъ нѣмцевъ, а именно на слова маіора ф. Буша, делегата германской главной квартиры, сказанныя имъ въ собраніи лидеровъ партій въ Рейхстагѣ 20 октября 1918 г.,

а также на заявленіе Людендорфа, сдѣланное имъ 9 октября 1918 г. канцлеру имперіи.

Какъ говорятъ французы и маіоръ ф. Бушъ и генералъ Людендорфъ въ указанныхъ ихъ заявленіяхъ признали, что танки являются однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ пораженія нѣмцевъ.

Это въ сущности говоря самый сильный аргументъ французовъ въ вопросѣ признанія громаднаго значенія танковъ въ только что закончившейся міровой войнѣ.

Что касается будущаго, то французы придаютъ танкамъ еще большее значеніе, доказывая, что ни одно изъ существующихъ противотанковыхъ средствъ не является дѣйствительнымъ и что въ будущемъ въ виду свойствъ и качествъ танковъ не можетъ быть создано такое средство, которое было бы рѣшающимъ въ дѣлѣ борьбы съ танками.

Нѣмцы не отрицаютъ, что танки сыграли немаловажную роль въ дѣлѣ окончательнаго проиграша ими войны 1914 - 1918 гг.

Но возможность той роли, которую въ этомъ отношеніи сыграли танки союзниковъ нѣмцы объясняютъ, во 1-хъ пониженіемъ качества германскихъ войскъ къ лѣту 1918 г., что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ паденія у нихъ дисциплины и что имѣло потому такое большое значеніе, что танки производили большое моральное впечатлѣніе, гораздо большее чѣмъ матеріальное разрушительное дѣйствіе и во 2-хъ, тѣмъ, что высшее германское командованіе своевременно не проявило достаточнаго вниманія къ этому вопросу и потому нѣмецкія арміи въ минуту необходимости не обладали всѣми необходимыми для отраженія танковъ средствами, которыя вполнѣ возможно было создать заблаговременно.

Въ силу этихъ причинъ, какъ признаютъ нѣмцы, танки дѣйствительно въ большой степени способствовали Антантѣ достигнуть побѣды, но въ то же время они утверждаютъ, что успѣхъ Антанты нельзя приписать исключительно дѣйствіямъ многочисленныхъ танковъ. И это потому, что „пѣхота союзниковъ, особенно американцы и марроканцы, атаковавшіе прекрасно и безъ помощи танковъ, помогли Франціи и Англіи въ гораздо большей степени, чѣмъ танки".

На основаніи этого, а также на основаніи своего собственнаго опыта примѣненія танковъ въ 1917 и 1918 годахъ, нѣмцы весьма отрицательно относятся къ значенію танка въ будущемъ.

Наиболѣе ярко и опдедѣленно это отношеніе проявляется въ слѣдующихъ словахъ одного изъ нѣмецкихъ изслѣдователей этого вопроса:

„Танки въ будущемъ могутъ явиться весьма полезнымъ средствомъ при подавленіи внутреннихъ безпорядковъ въ борьбѣ съ возставшимъ населеніемъ. Въ маневренной же войнѣ ихъ дѣйствія сведутся къ нулю, какъ изъ за громадныхъ обозовъ, такъ и изъ за полной зависимости танковъ отъ рельефа мѣстности, погоды, ограниченности радіуса ихъ дѣйствія и т. п.

При оттепели и проливныхъ дождяхъ примѣненіе танковъ становится невозможнымъ, они совершенно разрушаютъ дорогу.

„Танки въ минувшую войну могли играть роль лишь при опредѣленныхъ тактическихъ условіяхъ сравнительно ограниченнаго театра военныхъ дѣйствій во Франціи. Ихъ роль въ будущемъ несомнѣнно окажется весьма скромной, особенно когда тактика и техника используютъ опытъ минувшей войны. Танкъ явился созданіемъ позиціонной войны и не будетъ играть значительной роли при появленіи соотвѣтствующихъ средствъ отраженія. Надо отрѣшиться отъ предположенія, что танкъ является орудіемъ будущаго. Противъ арміи людей съ непоколебимой стойкостью танки безсильны".*)

Несомнѣнно, что оцѣнки значенія танковъ въ будущемъ, сдѣланныя французами и нѣмцами, являются крайними и что истина въ этомъ отношеніи лежитъ въ серединѣ.

Конечно, танки являются могущественнымъ вспомогательнымъ средствомъ борьбы, могущимъ во многихъ случаяхъ дать перевѣсъ той сторонѣ, которая искусно используетъ ихъ, но съ другой стороны нельзя отрицать, что уже и въ настоящее время имѣются такія средства, которыя съ успѣхомъ могутъ бороться съ танками, а въ будущемъ представляется возможнымъ создать еще болѣе дѣйствительныя для этой цѣли средства. Нельзя также упускать изъ виду, что танки — порожденіе позиціонной войны, что по своимъ свойствамъ и способамъ использованія уже поэтому они больше пригодны въ условіяхъ именно этой войны и что, наконецъ, войска, сохранившія дисциплину и вообще всѣ высокія моральныя качества, будучи менѣе впечатлительны, легко справятся, особенно при соотвѣтствующей организаціи противотанковыхъ средствъ, съ этимъ болѣе страшнымъ по виду нежели дѣйствительно опаснымъ оружіемъ.

Газы, какъ средство борьбы, были использованы впервые также только во время великой міровой войны и тоже лишь въ условіяхъ позиціонной борьбы**).

Широкое пользованіе всякаго рода укрѣпленіями и укрытое расположеніе непріятельской артиллеріи требовали для достиженія рѣшительныхъ результатовъ отъ артиллерійскаго огня израсходованія огромнаго количества огнестрѣльныхъ припасовъ. Но выполненіе этого требованія у нѣмцевъ встрѣтило препятствія съ одной стороны въ относительно медленномъ увеличеніи ихъ артиллеріи, а съ другой стороны въ недостаточномъ количествѣ огнестрѣльныхъ припасовъ, которыхъ въ началѣ войны у всѣхъ воюющихъ было немного и пополненіе которыхъ въ Германіи встрѣчало затрудненія, въ виду большой нужды во взрывчатыхъ составахъ.

Такимъ образомъ, явилась необходимость изобрѣсти такое средство, которое дало бы возможность въ короткое время вывести изъ строя большое количество непріятельскихъ бойцовъ и тѣмъ облегчить атаку своей пѣхоты.

Это и навело на мысль использовать для борьбы съ непріятелемъ особыя химическія соединенія въ видѣ газовъ, вредно дѣйствую-

*) Герм. генер. шт. полковникъ Бауеръ. „Танки въ міровой войнѣ" „Война и миръ" № 3, стр. 62—63.

**) Первый разъ газы были примѣнены нѣмцами 22 апрѣля 1915 г. у Ипра.

щихъ на войска противника и дѣлающихъ ихъ небоеспособными, хотя бы на короткій срокъ.

Нѣмцы и стали употреблять различнаго рода газы, изъ которыхъ одни застилали мѣстность туманомъ, другіе дѣйствовали на слизистую оболочку глазъ и ослѣпляли противника, третьи поражали дыхательные пути и органы, четвертые, наконецъ, проникая въ организмъ, вызывали въ немъ тяжелые процессы отравленія или воспаленія.

Способъ примѣненія газовъ можетъ быть двоякій.

При пользованіи газомъ тяжелѣе воздуха, напр. хлористымъ, его можно выпускать на болѣе или менѣе широкомъ фронтѣ изъ особыхъ цилиндровъ въ сторону непріятеля въ цѣляхъ образованія газовой пелены. Газъ будетъ ползти по направленію вѣтра вдоль земли и вдыхаемый въ большомъ количествѣ можетъ причинить тяжелыя заболѣванія и смерть.

Однако, такое использованіе газа можетъ быть примѣнено лишь въ томъ случаѣ, если укрѣпившіеся противники расположены очень близко одинъ отъ другого, и если между ними нѣтъ значительныхъ водныхъ пространствъ; кромѣ того сложныя приготовленія для такого выпуска газа перевозка цилиндровъ въ большомъ числѣ и установка ихъ въ окопахъ — даетъ возможность противнику заблаговременно принять мѣры; съ другой стороны для такого выпуска газа нуженъ соотвѣтствующій по направленію къ противнику вѣтеръ, наконецъ, какъ показалъ опытъ войны, при выпускѣ газа вѣтеръ можетъ измѣниться на противоположный и тогда отъ газа пострадаютъ собственныя войска.

Ввиду этого необходимо примѣнить другой способъ пользованія газами, при которомъ они переносились бы въ достаточно большомъ количествѣ въ расположеніе противника на далекое разстояніе, независимо отъ мѣстности между расположеніями противниковъ и направленія вѣтра, и при которомъ не требовалось бы громадныхъ и требующихъ большого времени предварительныхъ подготовленій.

Всего этого можно достигнуть, выбрасывая изъ особыхъ приборовъ — газометовъ - крупнаго калибра бомбы съ газомъ, стрѣляя газовыми снарядами изъ артиллерійскихъ орудій всякаго рода, назначенія и калибра и, наконецъ, сбрасывая газовыя бомбы сверху, съ аэроплановъ.

Газометы позволяютъ бросать бомбы съ значительныхъ разстояній.

Ихъ можно соединять въ довольно большомъ количествѣ въ батареи и приводить въ дѣйствіе посредствомъ электричества одновременно.

При такихъ условіяхъ можно въ очень короткій срокъ достигнуть громадной концентраціи газа, что естественно составитъ для противника очень большую опасность.

Сбрасываніе газовыхъ бомбъ съ аэроплановъ въ виду особыхъ условій, въ которыхъ производится эта операція, можетъ примѣняться лишь въ относительно немногихъ случаяхъ, преслѣдуя въ общемъ

ограниченныя задачи. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при благопріятныхъ условіяхъ, особенно при сбрасываніи бомбъ въ тылу противника и этотъ способъ пользованія газами можетъ принести существенную пользу. Такъ напр., при сбрасываніи бомбъ въ раіоны расположенія различнаго рода штабовъ, затрудняя управленіе; на путяхъ подхода дальнихъ резервовъ и подвоза боевыхъ припасовъ и т. п.

Но самое широкое примѣненіе газовъ, дающее наиболѣе богатые результаты, можетъ быть достигнуто при стрѣльбѣ газовыми снарядами изъ артиллерійскихъ орудій.

Дальнобойность и скорострѣльность орудій, гибкость артиллерійскаго огня, возможность сосредотачивать его на опредѣленныхъ пунктахъ или участкахъ, способность артиллеріи обстрѣливать имъ самыя разнообразныя цѣли, — все это даетъ возможность, пользуясь газовыми снарядами, рѣшать многочисленныя тактическія задачи. А именно: 1) нейтрализовать непріятельскую артиллерію и пѣхоту, 2) ослѣплять непріятельскихъ наблюдателей, 3) останавливать контръ-атаки противника, 4) заставлять войска противника покидать всякаго рода укрытія и убѣжища, 5) очищать мѣстность отъ пѣхоты непріятеля изгнаніемъ ея, 6) запрещать подходъ резервовъ, 7) останавливать подвозъ артиллерійскаго снабженія, 8) устраивать изъ газа передъ фронтомъ своего расположенія препятствіе, трудно преодолимое для наступающаго противника.

Выполненіе всѣхъ этихъ задачъ требуетъ различнаго рода газовъ, которыми снаряжаются артиллерійскіе снаряды.

Будучи различныхъ физіологическихъ свойствъ, какъ то удушливыми, отравляющими, слезоточивыми, вызывающими нарывы и чихательными, газы по своимъ тактическимъ, такъ сказать, свойствамъ дѣлятся на: тяжелые, задерживающіеся и легкіе, летучіе.

Снарядъ съ тяжелымъ газомъ покрываетъ послѣднимъ пространство отъ 5 до 50 кв. метровъ, въ зависимости отъ калибра орудія въ предѣлахъ отъ 75 до 165 милиметровъ (приблизительно отъ 3 до 6 дюймовъ). Легкій газъ одного снаряда образуетъ облако отъ 20 до 2000 куб. метровъ въ зависимости отъ калибра въ указанныхъ выше предѣлахъ.

Тяжелые газы необходимо употреблять при желаніи достигнуть тѣхъ изъ указанныхъ выше задачъ, которыя или являются подготовительными къ атакѣ, или выливаются въ обстрѣлъ во время самаго боя цѣлей и мѣстъ удаленныхъ отъ атакующихъ войскъ.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ выгоднѣе употреблять летучіе газы.

Опытъ великой міровой войны показалъ, что употребленіе газовыхъ снарядовъ только тогда можетъ принести существенную пользу, когда въ расходѣ ихъ не стѣсняются.

Въ великую міровую войну въ періодъ съ 1-го іюля 1915 г. по ноябрь 1918 г. Францiя изготовила 17 мил. газовыхъ снарядовъ, Англія — такое же количество, а Германія вдвое больше.

Въ 1918 г. во всѣхъ воюющихъ арміяхъ 50% всѣхъ снарядовъ

были начинены газомъ, а въ сраженіи этого года на Марнѣ у нѣмцевъ газовые снаряды составляли 80% всего числа снарядовъ.

Въ будущемъ, несомнѣнно, потребуется газовыхъ снарядовъ втеченіе такого же времени гораздо больше. И это не смотря на то, что Версальскій мирный договоръ и Вашингтонская конференція разоруженія 1922 года запрещаютъ пользованіе газами, ибо врядъ-ли кто либо рѣшится отказаться отъ этого могучаго средства борьбы да еще при условіи неубѣжденности, что другія арміи не будутъ пользоваться имъ.

Къ тому же газы представляютъ собою не болѣе жестокое средство, чѣмъ другія, что видно изъ того, что число пострадавшихъ отъ различныхъ средствъ борьбы во время послѣдней войны выражается въ слѣдующихъ процентахъ по отношенію наличнаго состава войскъ: отъ газовъ — 6%, отъ ружейнаго и пулеметнаго огня — 1%, отъ разрывныхъ снарядовъ — 1,5%, отъ шрапнелей — 3%, отъ холоднаго оружія — 0,5%; смертность же отъ газовъ выражается 1,5% всѣхъ пострадавшихъ отъ нихъ, а отъ дѣйствія другихъ средствъ — 30%.

Такъ или иначе, но съ увѣренностью можно сказать, что въ будущихъ войнахъ газами будутъ пользоваться въ очень широкихъ размѣрахъ, гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ это было въ великую міровую войну 1914—1918 гг. и это тѣмъ болѣе, что въ сущности говоря, единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ газовъ пока являются противогазовыя маски, при чемъ до сихъ поръ не удалось создать такую маску, которая была бы годна противъ всѣхъ газовъ.

А разъ это такъ, то къ этому нужно готовиться. Чтобы быть въ будущую войну во всеоружіи газовой борьбы необходимо прежде всего широкое развитіе въ странѣ химической промышленности; затѣмъ заблаговременная подготовка выдѣлки газовъ съ военной цѣлью, для чего должна существовать еще въ мирное время соотвѣтствующая военная организація; необходимо также, чтобы заблаговременно были выработаны техническіе и тактическіе способы использованія газовъ и для противодѣйствія имъ; наконецъ, необходимо, чтобы войска въ порядкѣ мирнаго обученія были ознакомлены всесторонне съ газами, какъ средствомъ борьбы и со способами использованія ихъ, а съ другой стороны со всѣми противогазовыми средствами и ихъ примѣненіемъ.

Изъ техническихъ средствъ хорошо извѣстныхъ до великой міровой войны и широко использованныхъ въ другихъ войнахъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе: различнаго рода усовершенствованныя средства связи и желѣзныя дороги.

Въ настоящее время техническими средствами связи, значительно усовершенствованными по сравненію съ прежнимъ, являются: телеграфъ во всѣхъ его разновидностяхъ, радіотелеграфъ, различнаго рода телефоны, автомобили, мотоциклетки, авіаціонныя и воздухоплавательныя средства.

Условія, въ которыхъ протекаютъ современные война и бой, тре-

буютъ самаго широкаго примѣненія указанныхъ средствъ связи, каждаго въ отдѣльности или нѣсколькихъ въ совокупности.

Безъ нихъ въ настоящее время управленіе войсками на театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ сраженія было бы невозможно.

Эти средства связи даютъ начальникамъ всѣхъ степеней возможность весьма быстро оріентироваться и передавать свою волю подчиненнымъ имъ частямъ и учрежденіямъ.

Вслѣдствіе этого представляется возможнымъ, какъ операціи на театрѣ войны, такъ и бой вести болѣе интенсивно, болѣе рѣшительно. Это же требуетъ отъ начальниковъ всѣхъ степеней способности и умѣнія болѣе быстро рѣшаться, а съ другой стороны это даетъ перевѣсъ тому изъ противниковъ, который обладаетъ большей энергіей, большей подвижностью, большей иниціативой, у котораго принципъ дѣятельности развитъ сильнѣе.

Однако, боевой опытъ указываетъ и на два крупные недостатка этихъ, въ общемъ въ высшей степени совершенныхъ, средствъ связи: это во-первыхъ, — на легкую порчу ихъ, на ихъ, такъ сказать, хрупкость, и потому возможность, внезапную въ каждую данную минуту, отказа ихъ и во-вторыхъ, на возможность при содѣйствіи этихъ средствъ связи, особенно телеграфовъ и телефоновъ, съ одной стороны совершенно подавить иниціативу частныхъ начальниковъ, а съ другой стороны послѣднимъ совершенно отказаться отъ частнаго почина.

Кромѣ того нѣкоторыя изъ названныхъ средствъ связи, особенно телефоны и радіотелеграфъ, обладаютъ еще однимъ крупнымъ недостаткомъ — они позволяютъ противнику перехватывать всѣ донесенія, сообщенія и распоряженія другой стороны.

Для устраненія перваго изъ указанныхъ недостатковъ необходимо: во первыхъ, примѣненіе спеціально техническихъ пріемовъ пользованія ими и во вторыхъ, наличіе на ряду съ ними съ одной стороны менѣе сложныхъ техническихъ, а съ другой стороны живыхъ средствъ связи, т. е. другими словами прежнихъ способовъ сношенія, какъ бы они примитивны въ современной обстановкѣ ни казались.

Такими, болѣе простыми средствами связи, являются: свѣтовые сигналы, сирены, звонки, особые агенты связи, конные ординарцы, курьеры, пѣшіе посыльные, голуби и собаки.

Въ новомъ американскомъ пѣхотномъ уставѣ категорически требуется, чтобы механическія средства связи непремѣнно дублировались бы живыми средствами въ зависимости отъ обстановки.

Второй изъ указанныхъ недостатковъ возможно устранить только соотвѣтствующимъ обученіемъ и еще болѣе воспитаніемъ всего командцаго состава, начиная съ самыхъ высшихъ должностей.

Что касается крупнаго недостатка телефоновъ и телеграфовъ, особенно радіотелеграфовъ, позволяющаго противнику подслушивать и перехватывать всякаго рода наши сообщенія, то этотъ недостатокъ можетъ быть парализованъ: у телефоновъ — примѣненіемъ осо-

быхъ способовъ и пріемовъ проведенія ихъ, а у радіотелеграфовъ — употребленіемъ при сношеніяхъ особаго шифра.

Однако, не надо упускать изъ виду, что этотъ недостатокъ можетъ быть использованъ нами съ большой выгодой для себя, такъ какъ, благодаря ему, можно получать свѣдѣнія отъ непріятеля путемъ подслушиванія непріятельскихъ разговоровъ и передаваемыхъ имъ извѣстій, а съ другой стороны можно вводить противника въ заблужденіе и тѣмъ скрывать собственныя намѣренія.

Широкое распространеніе желѣзныхъ дорогъ въ послѣднее время, постройка многихъ желѣзнодорожныхъ линій со спеціально военными цѣлями, возможность быстрой постройки желѣзныхъ дорогъ даже въ тяжелыхъ условіяхъ войны, наконецъ, то обстоятельство, что недостаточность желѣзныхъ дорогъ можетъ быть восполнена автомобилями-грузовиками, — все это приводитъ къ тому, что теперь, хотя и сохраняется зависимость отъ существующей желѣзнодорожной сѣти замысла той или иной стратегической операціи, но все же имѣется болѣе свободы въ установленіи какъ идейной стороны операціи, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія направленія удара и силы его или въ отношеніи отраженія удара, такъ и въ способахъ ея исполненія, особенно, что касается быстроты и рѣшительности удара.

Все это, однако, требуетъ быстраго, въ короткій срокъ сосредоточенія въ опредѣленныхъ раіонахъ громаднаго количества войскъ, что въ свою очередь вызываетъ производство большого числа весьма крупныхъ массовыхъ перевозокъ, могущихъ быть произведенными при крайне напряженной дѣятельности желѣзныхъ дорогъ и при нахожденіи въ каждую данную минуту въ полной исправности всѣхъ элементовъ, обуславливающихъ правильное движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, между тѣмъ какъ элементы эти довольно быстро изнашиваются.

Такимъ образомъ, въ будущемъ успѣхъ военныхъ дѣйствій массовыми арміями будетъ въ значительной степени зависить не только отъ широко развитой въ стратегическомъ отношеніи желѣзнодорожной сѣти, но также отъ технической подготовки каждой изъ линій этой сѣти къ массовымъ перевозкамъ, отъ согласованности движенія по всѣмъ линіямъ, отъ возможности быстро приводить въ порядокъ тѣмъ или инымъ путемъ все отъ чего зависитъ техническая исправность движенія по желѣзнымъ дорогамъ, отъ правильной организаціи всѣхъ перевозокъ, наконецъ, отъ умѣнія войскъ подвергаться массовымъ перевозкамъ.

При этомъ необходимо помнить, что кромѣ оперативныхъ перевозокъ желѣзныя дороги должны будутъ во время войны производить еще массу другихъ перевозокъ, быть можетъ даже не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ боевымъ дѣйствіямъ. Такъ, напр., въ великую міровую войну французскія желѣзныя дороги совершенно неожиданно для себя должны были перевозить продовольствіе для Швейцаріи и уголь для Италіи; не были предусмотрѣны также во Франціи перевозки желѣзными дорогами сотни тысячъ отпускныхъ.

Во всякомъ случаѣ необходимо считаться съ тѣмъ, что желѣзнымъ дорогамъ во время войны придется работать значительно больше, чѣмъ въ мирное время, подвергаясь вслѣдствіе этого и значительно большей порчѣ.

Во Франціи въ войну 1914—1918 гг. число перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ увеличилось противъ мирнаго времени на 41%, а на нѣкоторыхъ линіяхъ даже на 200%. Это повело къ тому, что перевозки стали запаздывать, число больныхъ паровозовъ и вагоновъ значительно увеличилось, а именно, въ 1914 году первыхъ было 11% и вторыхъ 4%, а въ 1918 году — эти цифры соотвѣтственно возросли до 18% и 6%.

Чтобы при такихъ условіяхъ избѣжать кризиса въ дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, необходимо будетъ прибѣгать къ помощи быстро строющихся узкоколейныхъ путей и къ перевозкѣ не только грузовъ, но и войскъ на автомобиляхъ — грузовикахъ.

Но вся интенсивная работа желѣзныхъ дорогъ и использованіе въ полной мѣрѣ всѣхъ вспомогательныхъ средствъ перевозокъ дадутъ надлежащій результатъ только тогда, когда весь командный составъ, вся, можно сказать, армія будетъ проникнута сознаніемъ важности желѣзныхъ дорогъ и возможности благотворной ихъ работы лишь при соблюденіи строго опредѣленныхъ условій, наконецъ, когда еще въ мирное время будетъ создано руководительство желѣзными дорогами въ военное время и соотвѣтствующимъ образомъ подготовлена организація всѣхъ перевозокъ, которыя только возможно заблаговременно предусмотрѣть.

Французы правильно смотрятъ на военное значеніе желѣзныхъ дорогъ и нельзя не согласиться съ ними, когда они говорятъ:

„Желѣзныя дороги есть одинъ изъ элементовъ плана операціи и плана войны — наряду съ численностью арміи, ея вооруженіемъ и запасами. Армія лишенная хорошо организованной и хорошо эксплуатируемой желѣзнодорожной сѣти, находится въ положеніи столь же критическомъ, какъ если бы ей не хватало орудій и снарядовъ".*)

Къ этому нужно прибавить, что желѣзныя дороги могутъ и должны быть использованы въ тактическихъ цѣляхъ для подвоза на полѣ сраженія резервовъ и для употребленія бронепоѣздовъ.

Къ техническимъ средствамъ, могущимъ оказать вліяніе на характеръ, методы и пріемы войны, нужно также причислить и различнаго рода укрѣпленія.

Эти укрѣпленія, построенныя съ примѣненіемъ всѣхъ достиженій послѣдняго времени въ военно-инженерномъ искусствѣ, съ одной стороны даютъ возможность въ значительной степени экономить живую силу на второстепенныхъ участкахъ театра войны и поля сраженія съ тѣмъ, чтобы тѣмъ болѣе рѣшительно дѣйствовать на главныхъ направленіяхъ, а съ другой стороны они представляютъ сильно задерживающее средство, которое иногда заставляетъ измѣнить направленіе удара и для преодолѣнія котораго не-

---

*) Полковникъ Le Hènaff.

обходимы особые способы атаки вообще и особые пріемы для уничтоженія или только разрушенія различныхъ элементовъ укрѣпленія.

Послѣднія достиженія въ военно-инженерномъ искусствѣ даютъ возможность даже въ условіяхъ маневренной нойны сооружать весьма сильныя укрѣпленія, которыя въ связи со средствами войскъ, ихъ обороняющихъ, могутъ надолго задержать атакующаго. Однако, въ настоящее время разрушающія средства, которыми можетъ обладать наступающій, все же сильнѣе тѣхъ средствъ, которыя имѣетъ въ своемъ распоряженіи пользующійся укрѣпленіями, какъ силой задерживающей.

VII.

Всѣ техническія усовершенствованія, въ столь широкомъ масштабѣ использованныя въ послѣднюю міровую войну, давъ въ руки войскъ новыя могущественныя средства борьбы, сильно повліяли на методы и пріемы дѣйствій различныхъ родовъ войскъ, измѣнили нѣсколько ихъ вооруженіе и характеръ, намѣтили для нихъ до нѣкоторой степени иныя роли и задачи и опредѣлили во многомъ новыя взаимоотношенія между ними.

Несомнѣнно, что съ теченіемъ времени всѣ техническія средства будутъ развиваться и съ точки зрѣнія усовершенствованія ихъ устройства и въ отношеніи искусства и умѣнья ими пользоваться все въ большихъ и большихъ размѣрахъ.

Это же неминуемо должно будетъ привести къ тому, что въ будущихъ войнахъ указанныя выше измѣненія по отношенію отдѣльныхъ родовъ войскъ и ихъ совокупности будутъ сказываться сильнѣе.

Прежде всего, сильное техническое развитіе авіаціи, способность ея рѣшать разнообразныя стратегическія и тактическія задачи самостоятельными способами, особенности характера ея дѣйствій, значительная матеріальная часть, многочисленный личный составъ, роль ея какъ сильнаго вспомогательнаго средства для всѣхъ другихъ родовъ войскъ — заставляютъ признать въ авіаціи отдѣльный родъ войскъ наравнѣ съ пѣхотой, конницей, артиллеріей и инженерными войсками.

Благодаря той роли, которую авіація сыграла въ послѣднюю міровую войну и вслѣдствіе того значенія, какое она, несомнѣнно, будетъ имѣть въ будущихъ войнахъ, въ связи съ количественнымъ ея ризвитіемъ, мысль и признаніе авіаціи отдѣльнымъ родомъ войскъ не встрѣчаетъ возраженій и нынѣ этотъ вопросъ можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ.

На ряду съ этимъ не замѣчается такого единодушія и единомыслія относительно старыхъ родовъ войскъ, которымъ нынѣ дается неодинаковая оцѣнка и которымъ въ будущемъ предуказывается различная роль и различное значеніе.

Сильное развитіе военной техники боевого характера вызвало во Франціи нездоровую мысль, что пѣхота отжила свой вѣкъ и что она, по существу является второстепеннымъ родомъ войскъ.

Логически развивая эту мысль многіе французы приходили къ заключенію о ненужности имѣть въ арміи многочисленную пѣхоту, требующую въ настоящее время при ея большомъ составѣ большихъ средствъ, которыя выгоднѣе расходовать для развитія и усиленія техническихъ средствъ и техническихъ войскъ.

Впрочемъ, и въ самой Франціи такія крайнія мысли относительно пѣхоты встрѣчаютъ серьезныя и убѣдительныя возраженія. Эти противники умаленія значенія пѣхоты въ современномъ бою справедливо указываютъ прежде всего на то, что въ побѣдѣ Франціи въ 1918 г. пальма первенства принадлежитъ пѣхотѣ, что настоящее сраженіе начинается и оканчивается непосредственнымъ дѣйствіемъ пѣхоты, что въ боевыхъ столкновеніяхъ всякаго рода „пѣхота вездѣ и всегда на первомъ планѣ, она ведетъ бой отъ начала и до конца", что „пѣхота всегда будетъ держать въ своихъ рукахъ участь сраженія; ея успѣхъ или неудача всегда будутъ успѣхомъ или неудачей цѣлой арміи", что — „въ сущности цѣна арміи зависитъ отъ цѣнности ея пѣхоты, рода войскъ, выгоняющаго врага изъ его позиціи"*), что „безъ хорошей и многочисленной пѣхоты невозможны наступательныя операціи, а слѣдовательно и рѣшеніе", что, наконецъ, „въ будущей войнѣ побѣда достанется тому, кто сумѣетъ сформировать лучшую пѣхоту"**).

Нѣмцы, которые всегда придавали первенствующее значеніе моральному элементу, хотя никогда не пренебрегали матеріальной стороной, различными техническими средствами, никогда не становились на путь умаленія значенія пѣхоты, никогда не ограничивали ея роли въ будущихъ войнахъ. „Пѣхота, говоритъ Бернгарди въ своей „Войнѣ будущаго", является тѣмъ родомъ войскъ, который дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ при наступленіи, своей атакой успѣхъ осязаемымъ, если бы онъ даже былъ вызванъ артиллеріей, а занятіемъ мѣстности или плѣненіемъ противника доводитъ этотъ успѣхъ до практическаго выраженія. Пѣхотѣ же приходится въ сущности и стратегически развивать успѣхъ".

Въ другомъ мѣстѣ той же книги Бернгарди по этому поводу выражается еще болѣе опредѣленно: „Бой активный возможенъ только тогда, когда имѣется въ распоряженіи крѣпко сплоченная, тактически хорошо вышколенная, совершенно надежная и хорошо предводимая пѣхота".

„Окончательный исходъ всякаго боя въ концѣ концовъ рѣшаетъ пѣхота", таково мнѣніе Людендорфа, высказанное имъ на основаніи опыта всей міровой войны, въ его воспоминаніяхъ.

Тамъ же Людендорфъ съ одобреніемъ приводитъ непотерявшія по его мнѣнію значенія и въ настоящее время слова стараго нѣмецкаго пѣхотнаго устава, въ которомъ говорится, что „пѣхота несетъ главную тяготу боя и приноситъ величайшія жертвы, за что и награждается высочайшей славой".

*) Генералъ Ecochar. „Кризисъ пѣхоты", „Военный сборникъ" № 3, стр. 212 — 218.

**) Полковникъ Henry.

Гинденбургъ по этому поводу говоритъ еще болѣе категорически; въ недавней бесѣдѣ съ американскимъ капитаномъ Макъ Магономъ Гинденбургъ между прочимъ сказалъ: „Воздушный флотъ безъ сомнѣнія будетъ имѣть большое значеніе въ грядущихъ войнахъ, но все таки по прежнему пѣхота останется царицей поля битвы. Кавалерія преобразится въ ѣздящую пѣхоту, но какъ и прежде все дѣло будетъ рѣшать пѣхота".

Неоспоримо, что, несмотря на все большее и большее развитіе техники, первенствующее значеніе на войнѣ будетъ всегда имѣть моральный элементъ, духовная сторона, носителемъ и выразителемъ которой является человѣкъ, почему послѣдній и составляетъ главное орудіе войны.

Пѣхота есть именно тотъ родъ войскъ, въ которомъ, какъ бы богато онъ ни былъ снабженъ технически, человѣкъ менѣе зависитъ отъ техники, а потому въ наибольшей мѣрѣ обладаетъ самостоятельностью и независимостью въ дѣйствіяхъ, сохраняя въ то же время наибольшую способность проявлять свою духовную сторону. Уже по одному этому à priori можно сказать, что пѣхота и въ настоящее время должна играть на войнѣ первенствующую роль и имѣть наибольшее значеніе при военныхъ дѣйствіяхъ. Другими словами, уже по одному этому пѣхота и въ будущихъ войнахъ, какъ и въ прежнихъ, явится главнымъ родомъ войскъ.

Однако, пѣхота должна сохранить свое прежнее первенствующее значеніе не только въ силу данныхъ нравственнаго порядка, но также и по соображеніямъ матеріальнаго характера, которое въ свою очередь властно говоритъ за превалирующую роль пѣхоты въ будущихъ бояхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, только одна пѣхота имѣетъ способность не только изгнать противника изъ опредѣленныхъ пунктовъ или раіоновъ — это можетъ сдѣлать и артиллерія и авіація — но и удержать за собою эти пункты и раіоны и этимъ, съ одной стороны, реально выразить положительный результатъ боевыхъ дѣйствій, ихъ успѣхъ, а съ другой стороны, достиженіемъ тактической побѣды положить прочное основаніе дальнѣйшимъ стратегическимъ операціямъ, создавъ для нихъ благопріятныя условія и подготовляя, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ какой либо другой родъ войскъ окончательную побѣду надъ врагомъ.

Но если пѣхота, неоспоримо, должна и въ будущихъ войнахъ сохранить свою первенствующую роль и главенствующее значеніе, то все же условія современнаго боя требуютъ нѣкотораго измѣненія, какъ въ ея вооруженіи, такъ и въ способахъ ея дѣйствія.

При все увеличивающемся значеніи огня и пѣхота должна быть снабжена такими средствами, которыя позволили бы ей, особенно, при наступленіи усилить свой огонь. Это можетъ быть достигнуто снабженіемъ пѣхоты значительнымъ числомъ автоматическихъ ружей или легкихъ пулеметовъ.

Наличіе въ пѣхотѣ большого числа легкихъ пулеметовъ приводитъ къ подраздѣленію людей въ каждой ротѣ на двѣ категоріи:

1) обслуживающихъ пулеметы и 2) прикрывающихъ ихъ и производящихъ штыковой ударъ. Это же въ свою очередь заставляетъ пѣхоту, какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ дѣйствовать отдѣльными болѣе или менѣе крупными группами, ядромъ которыхъ является легкій пулеметъ и въ составъ которыхъ кромѣ прислуги пулеметовъ входитъ нѣкоторое число людей. Эти послѣднія должны имѣть такое оружіе, которое позволило бы имъ прикрывать пулеметы съ пулеметчиками, обезпечивать себя и производить ударъ.

Такъ какъ въ настоящее время невыгодно да и нѣтъ надобности пѣхотѣ вести огневой бой съ дальнихъ разстояній, то въ спеціальной литературѣ, особенно французской, встрѣчаются предложенія вооружить пѣхоту автоматическими пистолетами, замѣнивъ штыкъ отсутствующаго ружья ручными гранатами.

Несомнѣнно, что такое рѣшеніе вопроса о вооруженіи пѣхоты представляется нецѣлесообразнымъ, такъ какъ ручныя гранаты, будучи огнестрѣльнымъ оружіемъ, уже по своей природѣ не могутъ замѣнить штыка, который является наиболѣе яркимъ выразителемъ холоднаго оружія со всѣми его матеріальными и моральными свойствами, дѣлающими его и технически и идейно оружіемъ наступленія.

Поэтому безъ сомнѣнія и въ будущемъ наилучшимъ вооруженіемъ пѣхоты, богато снабженной легкими пулеметами, явится ружье со штыкомъ.

Если взгляды побѣдителей и побѣжденныхъ на значеніе въ будущихъ войнахъ пѣхоты въ сущности мало отличаются между собой и въ общемъ отводятъ пѣхотѣ почетное мѣсто на полѣ сраженія, то нельзя того же сказать относительно опредѣленія цѣнности конницы, а вслѣдствіе этого и относительно роли этого рода войскъ.

Французы, находясь всецѣло подъ вліяніемъ длиннаго періода позиціонной войны на Франко-Бельгійскомъ фронтѣ, можно сказать, безусловно отказываются отъ конницы въ томъ видѣ, какъ этотъ родъ войскъ понимали раньше.

Новый уставъ французской кавалеріи безъ всякихъ оговорокъ превращаетъ конницу въ ѣздящую пѣхоту. По этому уставу лошадь для кавалериста должна служить лишь средствомъ для быстраго перемѣщенія бойцовъ, которые должны сражаться въ пѣшемъ строю, ведя огневой бой. Дѣйствія въ конномъ строю допускаются лишь для мелкихъ соединеній, — не болѣе эскадрона. Обученіе въ сомкнутыхъ строяхъ единицъ выше полка признается необходимымъ лишь въ цѣляхъ маневренныхъ — для перемѣщенія на всѣхъ аллюрахъ и на всякой мѣстности.

Спѣшившись, французская конница должна дѣйствовать совершенно какъ пѣхота, для чего, между прочимъ, каждый кавалеристъ долженъ быть отличнымъ стрѣлкомъ и вообще, спѣшившись ни въ чемъ не уступать пѣхотинцу.

Впрочемъ, во французской военной литературѣ встрѣчаются и иныя взгляды на конницу. Такъ, генералъ Lavigne Delville утверждаетъ, что опытъ послѣдней всеевропейской войны не только не

похоронилъ конницу, какъ родъ войскъ, но наоборотъ подчеркнулъ ея значенiе въ перiодъ подвижныхъ боевыхъ операцiй, а генералъ Robillo отстаиваетъ необходимость сохранить сильную кавалерiю отъ натиска многочисленныхъ противниковъ, стремящихся къ ея сокращенiю.

Однако, такiе взгляды на конницу, противорѣчащiе основнымъ положенiямъ устава, высказываются лишь отдѣльными и немногими лицами и голосъ ихъ, мало влiятельный, тонетъ среди многочисленныхъ голосовъ, поддерживающихъ доктрину новаго кавалерiйскаго устава.

Совершенно иныхъ взглядовъ на конницу въ будущихъ войнахъ и сраженiяхъ держатся нѣмцы, которые, предусматривая роль и оцѣнивая значенiе конницы, учитываютъ опытъ не только позицiонной войны, но и маневренной, не только боевыхъ дѣйствiй на Франко-Бельгiйскомъ театрѣ, но также и на Русскомъ фронтѣ.

Нѣмцы считаютъ, что и въ наше время небывалаго развитiя техники значенiе конницы, какъ одного изъ главныхъ родовъ войскъ, не уменьшилось.

Бернгарди предостерегаетъ нѣмцевъ отъ замѣны конницы ѣздящей (конной) пѣхотой, видя въ такой замѣнѣ „ошибочную затѣю". Справедливо полагая, что конница въ послѣднюю всеевропейскую войну не дала ожидаемыхъ отъ нея результатовъ, главнымъ образомъ, потому, что ее примѣняли неправильно, Бернгарди по его словамъ съ тревогой наблюдаетъ за теченiемъ мысли могущей привести къ полному обезцѣненiю конницы.

По мнѣнiю нѣмцевъ въ будущей маневренной войнѣ конница, въ прежнемъ ея пониманiи, должна будетъ прерывать тыловыя сообщенiя противника и разстраивать движенiе въ тылу его фронта, выполнять ближнюю развѣдку, нести ординарческую службу и службу донесенiй,выполнять реквизицiи, охранять фланги, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ и участвовать въ бою, какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строю, послѣднее когда конница противника бросится ей навстрѣчу въ конномъ строю, или когда она сама неожиданно наткнется на дрогнувшiя непрiятельскiя войска или на обозы, идущiе безъ прикрытiя.

Вотъ почему германскiй уставъ „веденiе и бой всѣхъ родовъ войскъ" въ общемъ предуказываетъ конницѣ ту же роль, которая ей предназначалась уставомъ, дѣйствовавшимъ до войны 1914—1918 г. Кавалерiя у нѣмцевъ, согласно позднѣйшимъ ихъ уставамъ, остается органомъ эксплуатацiи, прикрытiя, маневрированiя и боя, въ особенности пригоднымъ для маневра охватыванiя и для дѣйствiя на флангахъ и въ тылу противника.

Несомнѣнно, что и въ будущемъ маневренная война не только будетъ возможна, но явится преимущественнымъ способомъ веденiя вооруженной борьбы. При такихъ условiяхъ представится цѣлый рядъ боевыхъ задачъ, которыя въ состоянiи будетъ рѣшить только настоящая конница.

Къ такимъ задачамъ относятся:

а) образованіе завѣсы для прикрытія маршей-маневровъ своей арміи и прорыва такой завѣсы у противника. Та и другая задача при наличіи у противника настоящей конницы, не отказавшейся отъ дѣйствій въ конномъ строю, потребуютъ для успѣшнаго своего разрѣшенія также и съ нашей стороны дѣйствій въ конномъ строю, и при неспособности нашей конницы къ таковымъ можетъ поставить армію въ крайне тяжелое положеніе;

б) ближняя развѣдка,— что вытекаетъ изъ того, что и въ настоящее время воздушная развѣдка не въ состояніи быть настолько точной, какъ развѣдка конницы и что ночью и въ сильно закрытой мѣстности воздушная развѣдка вовсе не можетъ быть примѣнена;

в) обезпеченіе своихъ фланговъ и ближайшаго тыла и дѣйствія противъ фланговъ и тыла непріятеля во время боя; требуя крайней активности, быстраго маневрированія и нерѣдко нанесенія сильнаго удара въ кратчайшій срокъ, задачи эти сплошь и рядомъ могутъ быть рѣшены только настоящей конницей и при томъ въ конномъ строю;

г) преслѣдованіе, которое хотя значнтельно и затруднилось, но не сдѣлалось невозможнымъ; въ подтвержденіе этого достаточно вспомнить преслѣдованіе французской африканской кавалеріей XI германской арміи послѣ прорыва союзниковъ у Добр322 дня французская конница прошла 700 километровъ въ тяжелыхъ условіяхъ мѣстности, — бѣдности путей сообщенія, крайней пересѣченности, раззоренности и т. п.;

д) операціи противъ сообщеній противника и его болѣе или менѣе глубокаго тыла, которыя по самой сущности своей требуютъ хорошей конницы, способной къ дальнимъ и быстрымъ передвиженіямъ, нерѣдко заканчивающимся налетомъ въ конномъ строю;

е) наконецъ, нельзя отрицать, что и въ условіяхъ современнаго боя, въ особенности боя встрѣчнаго и главнымъ образомъ при его началѣ можетъ представиться цѣлый рядъ благопріятныхъ случаевъ для атаки конницей въ конномъ строю, хотя быть можетъ и относительно небольшими частями.

Вслѣдствіе изложеннаго естественно нецѣлесообразно конницу превращать, какъ это сдѣлали французы, въ коннуюу пѣхоту, тѣмъ болѣе, что нельзя не согласиться съ генераломъ Фонъ Позеномъ, который говоритъ, что „конная пѣхота состоитъ изъ плохо ѣздящихъ стрѣлковъ, между тѣмъ какъ современная кавалерія должна состоять изъ прекрасно стрѣляющихъ всадниковъ, посаженныхъ на превосходно выученныхъ лошадей“.

Однако, конечно, широкое примѣненіе въ современныхъ бояхъ различнаго рода техническихъ средствъ требуетъ съ одной стороны снабженія и конницы таковыми же средствами, а съ другой стороны новыхъ способовъ цѣлесообразнаго использованія ея, что въ свою очередь вызываетъ большую сложность обученія конницы и повышаетъ требованія къ ея командному составу съ точки зрѣнія умѣнія использовать ее и умѣнія непосредственно управлять ею.

Такимъ образомъ, теперь конница должна быть въ достаточной мѣрѣ и во всякомъ случаѣ въ большей, чѣмъ прежде, снабжена пулеметами, разнаго рода артиллеріей, бронированными автомобилями, піонерными отдѣленіями, большимъ числомъ ружейныхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ, станціями безпроволочнаго телеграфа, аэропланами и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ танками. Бой конницы весьма часто будетъ вестись огнестрѣльнымъ оружіемъ, хотя и съ нѣкоторыми особенностями по сравненію съ боемъ пѣхоты.

Съ другой стороны усиленіе огня и возможность обстрѣливанія сверху требуютъ принятія въ конницѣ такихъ строевъ, которые были бы менѣе уязвимы для огня и могли бы быстро видоизмѣняться.

Опытъ войны 1914 — 1918 годовъ показалъ значительное увеличеніе значенія артиллерійскаго огня. Это явилось слѣдствіемъ: улучшенія качества артиллерійскихъ орудій; пользованія въ полевой войнѣ орудіями различныхъ и многочисленныхъ видовъ и калибровъ; увеличенія численности артиллеріи; усовершенствованія техники стрѣльбы и организаціи артиллерійскаго управленія; пользованія газовыми снарядами; возможности снабжать артиллерію на полѣ сраженія громаднымъ количествомъ снарядовъ и, наконецъ, правильной постановки тактическаго использованія артиллеріи.

Такимъ образомъ, чтобы и въ будущемъ значеніе артиллеріи не умалялось и чтобы изъ нея можно было бы въ цѣляхъ успѣха въ бою извлечь всю ту пользу, которую она способна дать, необходимо постояное наличіе отмѣченныхъ выше условій.

Что касается спеціальныхъ задачъ, которыя артиллерія должна выполнять въ бою, то онѣ совершенно не измѣнились по сравненію съ прежнимъ, ибо главнѣйшей обязанностью артиллеріи и въ настоящее время является содѣйствіе тѣмъ или инымъ способомъ пѣхотѣ или конницѣ, какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ.

Вслѣдствіе этого и въ принципахъ дѣйствій артиллеріи въ бою также не произошло перемѣнъ и лишь подробности этихъ дѣйствій могутъ подъ вліяніемъ приведенныхъ выше условій такъ или иначе измѣняться въ цѣляхъ достиженія въ болѣе короткій срокъ наилучшихъ результатовъ, установленія болѣе тѣсной связи артиллеріи съ пѣхотой и возможности пользоваться артиллеріей неожиданно для противника, начиная бой внезапно.

Значительно возросшая сила огня, особенно артиллерійскаго; широкое развитіе обстрѣливанія съ воздуха бросаніемъ бомбъ съ аэроплановъ; необходимость пользоваться въ полевыхъ бояхъ орудіями крупныхъ калибровъ, обладающихъ большимъ вѣсомъ, а также разнаго рода самодвижущимися экипажами — мотоциклами, автомобилями и грузовиками, — требующими для своего движенія хорошихъ дорогъ съ прочными переправами; широкое использованіе желѣзныхъ дорогъ, какъ на своей, такъ и на занятой непріятельской территоріи, требующее эксплоатаціи ихъ въ ближайшей сферѣ боевыхъ дѣйствій, быстраго исправленія даже значительныхъ поврежденій, особенно техническихъ, сооруженія желѣзныхъ дорогъ,

а иногда и постройки послѣднихъ; примѣненіе для службы связи разнаго рода техническихъ средствъ, требующихъ для своей установки и для эксплоатаціи спеціальныхъ познаній, — все это несомнѣнно подняло въ современной войнѣ значеніе инженерныхъ войскъ.

Въ зависимости отъ рода задачъ, которыя могутъ быть возложены на инженерныя войска и въ соотвѣтствіи съ приведенными выше данными, указывающими на средства, которыми пользуются въ современной войнѣ, инженерныя войска по своей спеціальности должны быть подраздѣлены на четыре группы: саперныя части, имѣющія назначенія строить различнаго рода укрѣпленія для своихъ войскъ и содѣйствовать разрушенію укрѣпленій непріятельскихъ и овладѣнію ими; піонерныя части, на обязанности которыхъ должно лежать проведеніе обыкновенныхъ путей, поддержаніе ихъ въ полной исправности, постройка разнаго рода переправъ, а также въ случаѣ надобности порча и разрушеніе дорогъ и переправъ; желѣзнодорожныя части, которыя должны умѣть эксплоатировать желѣзныя дороги, извлекая изъ нихъ максимумъ пользы, а также строить желѣзныя дороги, какъ обыкновеннаго, такъ и облегченнаго типовъ въ кратчайшій срокъ и достаточно прочныя; войска связи, предназначающіяся для установки и эксплоатаціи всякаго рода техническихъ и живыхъ средствъ связи въ самомъ широкомъ масштабѣ и въ наиболѣе тяжелыхъ боевыхъ условіяхъ.

Таковы въ главныхъ чертахъ тѣ относящіяся къ отдѣльнымъ родамъ войскъ общія данныя, которыя должны приниматься во вниманіе при выработкѣ военной доктрины, потому что ими, какъ и различными техническими средствами опредѣляются способы и методы боевыхъ дѣйствій въ настоящее время.

Съ этой точки зрѣнія подлежитъ еще освѣщенію вопросъ о соразмѣрности различныхъ родовъ войскъ въ арміи.

Пѣхота, какъ основной родъ войскъ, играющій въ бою главнѣйшую роль и имѣющій поэтому наибольшее значеніе, должна представлять главную массу арміи.

Тѣ задачи, которыя должна будетъ въ послѣдующихъ боевыхъ столкновеніяхъ рѣшать конница, вынуждаютъ имѣть ее въ пропорціи по отношенію пѣхоты не меньшей, чѣмъ это было и раньше. Но такъ какъ въ число задачъ конницы могутъ въ современномъ бою входить и такія, которыя потребуютъ при быстромъ перемѣщеніи всадниковъ на большія разстоянія упорнаго огневого боя, то является необходимымъ наличіе въ составѣ арміи ѣздящей или правильнѣе говоря конной пѣхоты. Однако, конная пѣхота не должна быть образована за счетъ настоящей конницы, а ее необходимо сформировать отдѣльно и притомъ не какъ разновидность конницы, а какъ самостоятельный видъ пѣхоты. Блестящій образецъ конной пѣхоты оставилъ Петръ Великій, давъ намъ превосходный примѣръ дѣйствій такой пѣхоты въ операціи 1708 года противъ Левенгаупта и въ сраженіи при деревнѣ Лѣсной 28 іюня того же года.

Значительно возросшее значеніе въ современномъ бою артилле-

ріи и разнообразіе специальныхъ задачъ, которыя ей приходится рѣшать, заставляютъ въ настоящее время артиллерію имѣть въ составѣ арміи съ одной стороны въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ это было раньше, а съ другой стороны имѣть полевую артиллерію разнообразную по роду орудій и по калибрамъ.

Значеніе инженерныхъ войскъ во всѣхъ областяхъ ими обслуживаемыхъ, несомнѣнно, въ значительной степени увеличилось. Въ зависимости отъ этого и количество инженерныхъ войскъ въ составѣ арміи должно быть относительно другихъ родовъ войскъ противъ прежняго также увеличено.

Конечно, точно опредѣлить процентное количество въ составѣ арміи того или иного рода войскъ путемъ отвлеченной мысли не представляется возможнымъ. Это количество прежде всего зависитъ отъ общей численности арміи и отъ ея организаціи, какъ въ основахъ, такъ и въ подробностяхъ, на что въ свою очередь оказываютъ сильное вліяніе географическія, политическія и хозяйственно-промышленныя условія.

VIII.

На всякую дѣятельность человѣка, а въ томъ числѣ и на дѣятельность его въ сферѣ военнаго искусства оказываютъ вліяніе два фактора: во первыхъ, духовная его организація, и во вторыхъ, та обстановка, въ которой приходится ему дѣйствовать.

Духовная организація человѣка складывается: во первыхъ, изъ его личныхъ, индивидуальныхъ особенностей, и во вторыхъ, изъ особенностей, присущихъ не ему одному, а цѣлому народу, къ которому онъ принадлежитъ, особенностей, вырпбатывающихся по тѣмъ или инымъ причинамъ въ нѣчто постоянное и составляющее отличительный признакъ опредѣленнаго народа, то, что называется чертами народными или національными.

Что касается обстановки, въ которой приходится дѣйствовать человѣку, то она всецѣло зависитъ отъ того къ какой народности, къ какой національности онъ принадлежитъ, такъ какъ каждая національность живетъ въ опредѣленной и при томъ особой обстановкѣ, складывающейся подъ вліяніемъ постоянныхъ условій — географическаго положенія страны, естественныхъ условій въ ней, ея обширности, бытовыхъ данныхъ, характера процесса жизни и тому под., съ другой стороны, — подъ вліяніемъ условій измѣняющихся — культуры, просвѣщенности, политическаго устройства, какихъ либо политическихъ или соціальныхъ потрясеній и т. п.

Въ виду того, что эти особенности обстановки присущи каждому народу, но различны для разныхъ народовъ, онѣ и составляютъ то, что логично назвать національной обстановкой.

Такимъ образомъ, ясно, что на боевую работу арміи безусловно оказываютъ вліяніе національныя черты характера народа и національная обстановка, въ которой онъ живетъ. Въ виду этого, несомнѣнно, что при выработкѣ боевой доктрины для той или иной

арміи необходимо считаться съ національными особенностями того народа, изъ котораго составляется данная армія.

Однако, методы и способы боевыхъ дѣйствій не могутъ и не должны всецѣло зависить отъ національныхъ особенностей даннаго народа, такъ какъ иногда эти послѣднія по своему, такъ сказать, духу могутъ не согласоваться съ природой всѣхъ или нѣкоторыхъ средствъ современной борьбы, употребляемыхъ какъ нами, такъ и нашими противниками.

Вслѣдствіе этого національныя особенности должны быть или эксплоатированы для наиболѣе интенсивнаго использованія того или иного техническаго средства или они, путемъ воспитанія, должны быть настолько нейтрализованы, чтобы не составлять въ данномъ случаѣ помѣхи или быть можетъ даже они должны получить иной характеръ, при которомъ не только не будетъ существовать указанной выше несогласованности, но даже установится возможность воспользоваться ими въ желаемомъ направленіи.

Блестящій примѣръ такого использованіа національныхъ особенностей показалъ намъ Суворовъ, который, участвуя въ Семилѣтней войнѣ и подмѣтивъ пассивную стойкость въ бою русскаго человѣка, своимъ воспитаніемъ войскъ обратилъ эту особенность въ активную настойчивость, такъ ярко сказавшуюся и давшую столь богатые результаты въ Екатерининскихъ войнахъ.

Опредѣленіе національныхъ особенностей какого либо народа съ военной точки зрѣнія чрезвычайно затруднительно, въ особенности въ настоящее время, когда событія послѣднихъ лѣтъ заставили почти всѣ народы перенести такія переживанія, которыя не могли не оставить болѣе или менѣе глубокаго слѣда въ ихъ духовной организаціи, отразившись въ значительной степени и на ихъ сознаніи, и на ихъ чувствахъ и на ихъ психологіи.

Но если это справедливо по отношенію всѣхъ народовъ, то тѣмъ болѣе это вѣрно относительно народа русскаго. Къ тому же сбудораженный вихремъ событій, поставившихъ его въ совершенно новыя во всѣхъ отношеніяхъ условія, русскій народъ еще „не нашелъ себя“, еще не отдалъ себѣ отчета во всемъ происшедшемъ, не разобрался въ новой обстановкѣ, его сознаніе еще не приняло законченныхъ формъ, его чувства еще не опредѣлились, его психологія еще не установилась, умственно и морально онъ еще шатается и выбитый изъ колеи привычной жизненной обстановки и бытового уклада въ связи съ новыми политическими и хозяйственно-экономическими условіями онъ не представляетъ собою въ настоящую минуту народа, въ которомъ вполнѣ опредѣленно и ярко сказывались бы тѣ или иныя духовныя особенности, отличающія его отъ другихъ народовъ и могущія вліять въ опредѣленномъ направленіи на методы и способы боевыхъ дѣйствій.

Поэтому, вырабатывая въ настоящую минуту боевую доктрину для нашей арміи и желая при этомъ принять во вниманіе національныя особенности нашего народа, теперь больше, чѣмъ когда нибудь нужно считаться не такъ съ проявляемыми нынѣ его духов-

ными особенностями, какъ съ тѣми пока бездѣйствующими, дремлющими, находящимися въ потенціальномъ состояніи возможностями въ этой области, возможностями, которыя могутъ проявиться въ томъ или иномъ видѣ, принять тотъ или иной характеръ въ зависимости отъ того, чѣмъ они будутъ вызваны, какъ и во имя чего они будутъ направляться.

Сравненіе дѣятельности въ этомъ отношеніи съ одной стороны Петра Великаго, Румянцева, Суворова, Кутузова, Скобелева, а съ другой стороны Стеньки Разина, Пугачева, Ленина наглядно показываютъ, какъ и что можетъ быть достигнуто при воздѣйствіи на кроющіяся въ русскомъ человѣкѣ возможности съ точки зрѣнія активнаго проявленія его духовной природы при дѣятельности въ сферѣ военнаго искусства.

Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что тѣ условія, въ которыхъ жилъ нашъ народъ въ теченіе многихъ вѣковъ, породивъ нѣкоторую обособленность его отъ остальнаго міра, повлекли за собою установленіе у насъ своеобразной цивилизаціи и культуры, характеризующихся высокомъ духовнымъ настроеніемъ и нѣкоторымъ пренебреженіемъ техникой.

IX.

Чтобы закончить изложеніе мыслей по поводу военной доктрины, необходимо еще остановиться на вопросахъ о формѣ, въ которую должна вылиться боевая доктрина и о тѣхъ средствахъ, посредствомъ которыхъ она можетъ быть распространена въ арміи и усвоена ею, всецѣло проникнувшись ея духомъ.

Формой, въ которую должна вылиться военная доктрина, являются наставленія, инструкціи и уставы.

Основы доктрины должны быть изложены въ наставленіи для старшихъ начальниковъ въ видѣ указаній для боевыхъ дѣйствій крупныхъ войсковыхъ соединеній, какъ это, напримѣръ, сдѣлано во французской „Instruction provesoir sur l'emploi tactique de grandes unités du 6 oct. 1921“.

Затѣмъ, всѣ наставленія для боевыхъ дѣйствій болѣе мелкихъ отрядовъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, а также для боевыхъ дѣйствій каждаго рода войскъ должны основываться на наставленіи для старшихъ начальниковъ и, касаясь болѣе мелкихъ подробностей боевыхъ дѣйствій, должны быть согласованными съ нимъ не только по духу, который долженъ проникать ихъ, какъ говорится, насквозь, но также и въ деталяхъ, какъ техническаго исполненія этихъ дѣйствій при пользованіи всѣми наличными техническими средствами, насколько все это должно и можетъ явиться содержаніемъ такихъ наставленій и инструкцій.

То же нужно сказать и объ уставахъ, какъ строевыхъ каждаго рода войскъ, такъ и тѣхъ, которые регулируютъ внутреннюю и гарнизонную службы въ арміи.

Только при такихъ условіяхъ можетъ явиться въ арміи единство

военной мысли, только тогда въ арміи можно установить одинаковость взглядовъ на различныя явленія военнаго искусства, одинаковое ихъ пониманіе, только тогда можно выработать одни и тѣ же методы рѣшенія различныхъ боевыхъ задачъ, одни и тѣ же пріемы и способы использованія всевозможныхъ техническихъ средствъ и получить, такимъ образомъ, возможность направлять боевую дѣятельность войсковыхъ массъ къ достиженію опредѣленной цѣли безъ особыхъ треній въ возможно короткій срокъ и безъ особенно большихъ жертвъ.

Но для всего этого, конечно, мало только наличія соотвѣтствующихъ наставленій, инструкцій и уставовъ.

Необходимо, чтобы они были обязательны для всѣхъ рѣшительно чиновъ арміи и чтобы требованіямъ, изложеннымъ въ нихъ, прежде всего подчинялся высшій командный составъ безъ права создавать какія либо свои собственныя теоріи, но съ другой стороны и безъ сковыванія его творчества насколько оно должно проявляться въ замыслѣ боевыхъ дѣйствій и въ комбинаціяхъ идейныхъ и матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для рѣшенія той или иной оперативной задачи.

Вся армія должна быть проникнута военной доктриной во всей ея совокупности. Она должна быть не только обучена, но и воспитана въ ея духѣ.

И такое обученіе и воспитаніе командного состава арміи должно начинаться еще на школьной скамьѣ и затѣмъ продолжаться на службѣ подъ ближайшимъ и непосредственнымъ руководствомъ и воздѣйствіемъ начальниковъ всѣхъ степеней отъ ближайшихъ и до наивысшихъ.

Общее же идейное руководство въ этомъ отношеніи, обязанность распространять въ арміи и внѣдрять во всю ея массу военную доктрину, давать необходимыя разъясненія теоретическаго и практическаго характера по ея поводу, а также научно разрабатывать всѣ вопросы, относящіеся къ военной доктринѣ, — все это должно лежать на центральномъ органѣ генеральнаго штаба, во главѣ котораго надлежитъ стоять начальнику, обладающему соотвѣтствующими знаніями, сильной волей, независимымъ характеромъ, большой инициативой и одаренному способностями организаціонно административными, педагогическими и творческими въ области военнаго искусства.

А. БАІОВЪ.

Развитіе основныхъ идей современной тактики.

ГЛАВА 1-я.

ДО-ВОЕННЫЯ ДОКТРИНЫ.

Новое оружіе — новая тактика.

Надѣемся, что эта самоочевидная истина не будетъ больше у насъ оспариваться.

А, между тѣмъ, въ періодъ до Русско-Японской войны, послѣ побѣды надъ турками въ 1877-78 гг., въ тактическомъ міровозрѣніи русской арміи царствовало упорное нежеланіе считаться съ эволюціей, происходившей въ тактикѣ. Тѣ рѣдкіе голоса, которые смѣли утверждать, что формула Суворова „пуля дура — штыкъ молодецъ" устарѣла, обвинялись въ проповѣди трусости. Слова „огневая тактика" считались какою-то ересью.

Съ подобными тактическими взглядами мы вступили въ войну съ Японіей. Наша доктрина была выражена въ Полевомъ Уставѣ, представлявшемъ собою яркое выраженіе „ударной тактики" эпохи начала XIX-го столѣтія. Японская война оказалась для насъ особенно несчастной въ тактическомъ отношеніи. За исключеніемъ рѣдкихъ единичныхъ случаевъ, она вся состоитъ изъ нашихъ неудачъ. Обладая и лучшимъ ружьемъ, и лучшей пушкой, мы не сумѣли использовать того большого тактическаго преимущества, которое было у насъ въ рукахъ. У насъ былъ противникъ, часто слабѣйшій числомъ, но проникнутый вѣрой въ ту истину, въ ту простую мысль, съ которой мы начали настоящую главу. Внимательные ученики нѣмцевъ— японцы послушно примѣняли въ своихъ дѣйствіяхъ то, чему учила огневая тактика, разработанная ихъ учителями. Доблесть японцевъ отъ этого не уменьшилась, но они экономили свою кровь, заставляя въ то же время насъ лить потоки крови въ расплату за рутину мысли и непониманіе эволюціоннаго характера тактики.

Урокъ былъ жестокій, и русскія войска на практикѣ пріобрѣли навыки „огневой тактики". Этотъ урокъ заставилъ насъ приступить къ выработкѣ новой военной доктрины. Подъ руководствомъ просвѣщеннаго генерала Палицына и началась работа въ этомъ направленіи. Но уже въ 1908 г. во главѣ Военнаго Министерства и Генеральнаго Штаба становится генералъ Сухомлиновъ, и рутина мысли вновь одерживаетъ побѣду. Въ видѣ синтеза опыта, купленнаго дорогою цѣною крови въ Японскую войну, Сухомлиновъ даритъ русской арміи Полевой Уставъ изд. 1912 г. Этотъ уставъ представляетъ

собой мѣшанину непереваренныхъ мыслей. Желая угодить начальству, составители его не смѣли порвать съ устарѣвшими идеями предыдущаго Полевого Устава, за примѣненіе которыхъ насъ безпрерывно били японцы. Вмѣстѣ съ этимъ составители Устава 1912 г. не смѣли уклониться отъ узаконенія ряда новыхъ навыковъ, прочно вошедшихъ въ обиходъ получившей обильное боевое крещеніе арміи, навыковъ, въ корнѣ противорѣчащихъ идеямъ стараго Полевого Устава. Наконецъ, богатая иностранная военная литература, разработавшая нашъ же боевой опытъ, слишкомъ уже безспорно дѣлала нѣкоторые изъ своихъ выводовъ, чтобы можно было съ ними не считаться; но эти выводы тоже въ корнѣ противорѣчили идеямъ ударной тактики. Въ результатѣ изъ Полевого Устава 1912 г. вышелъ какой-то винегретъ, и про него можно лишь повторить слова Гоголя: „ни въ мать, ни въ отца, а въ прохожаго молодца".

Вслѣдствіе этого, изучая вопросъ о тактическомъ міровозрѣніи русской арміи передъ войной, вспыхнувшей въ 1914 г., нельзя найти той однородности и логической стройности, которыя существовали въ германской и французской арміяхъ. Сами войска, въ которыхъ еще помнился опытъ Японской войны, были пріобщены къ началамъ „огневой тактики"; но наши руководящіе круги не сумѣли осознать этотъ опытъ и расширить его выводы.

Вотъ почему для того, чтобы охарактеризовать тѣ тактическія воззрѣнія, которыя господствовали въ Европѣ передъ войной, нужно сосредоточивать свое вниманіе на французской и германской арміяхъ.

Въ основѣ французской доктрины была положена идея рѣшающей роли въ бою ружейнаго огня. Данныя о боевыхъ потеряхъ въ Русско-Японскую войну рѣзко подтверждали этотъ выводъ, сдѣланный уже на основаніи опыта войны Франко-Прусской и Англо-Бурской.

Таблица № 1.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ БОЕВЫХЪ ПОТЕРЬ.

ВОЙНЫ	ПОТЕРИ ВЪ %		
	Отъ ружейнаго огня	Отъ артиллерійскаго огня	Отъ остальныхъ причинъ
Франко-Прусская . . .	80	17	3
Англо-Бурская	83	15	2
Русско-Японская . . .	85,5	10,5	4

Исходя изъ этой основной идеи, французы и представляли себѣ, что будущіе бои по преимуществу будутъ заключаться въ борьбѣ пѣхоты противниковъ.

Ближайшимъ выводомъ отсюда вытекало заключеніе, что старая формула Наполеона „les gros bataillons ont toujoures raisons“ остается въ силѣ, и численность бойцовъ имѣетъ большее значеніе для боевой силы, чѣмъ численность машинъ (орудій, пулеметовъ). Артиллерія является лишь вспомогательнымъ родомъ войскъ, имѣющимъ только одну задачу — сопровождать огнемъ безостановочное наступленіе пѣхоты. Въ этомъ отношеніи очень характерна нижеприводимая выдержка изъ рапорта, представленнаго Военному Министру комиссіей, составлявшей Уставъ 1910 г.: „Артиллерія больше не подготовляетъ атакъ. она ихъ сопровождаетъ“.

Вѣря въ рѣшающую роль ружья, французская доктрина была построена на предположеніи, что пѣхота обороняющагося подъ угрозой атаки пѣхоты наступающаго вынуждена открываться. Полевой артиллеріи придется стрѣлять почти исключительно по открытымъ цѣлямъ. Главное предъявляемое къ ней требованіе — это скорострѣльность для пораженія тѣхъ быстро появляющихся цѣлей, которыя представитъ собой противодѣйствующая пѣхота. Дальнему артиллерійскому огню французскіе руководящіе круги не придаютъ значенія. Это вытекаетъ изъ того, что задачи артиллеріи въ полевомъ бою ограничены почти исключительнымъ дѣйствіемъ противъ непріятельской пѣхоты, что требуетъ для своего исполненія дистанціи 3—4 версты. Ожидаемое преобладаніе въ бою открытыхъ цѣлей позволяетъ не требовать отъ артиллеріи большой разрушительной силы. Отсюда игнорированіе необходимости полевой тяжелой артиллеріи и вѣра въ „универсальность“ 75 m/m легкой пушки для полевой войны. Огневое могущество 4-хъ орудійной 75 m/m батареи на фронтѣ 200 метровъ считается абсолютно достаточнымъ для всѣхъ задачъ полевого боя; поэтому накладываніе огня на этотъ фронтъ нѣсколькихъ батарей совершенно излишне. Отсюда вытекаетъ и предѣльная густота артиллерійскаго развертыванія, а именно:

На версту (1 километръ)... 5 легк. батарей (20 пушекъ).

Изъ всего изложеннаго мы видимъ, что хотя французская доктрина въ 1914 году и была однимъ изъ выраженій „огневой тактики“, но по существу она должна быть охарактеризована словами: „доктриной господства ружейнаго огня“. Мы употребляемъ здѣсь слово „ружейнаго“, а не пѣхотнаго, ибо французскіе военные руководящіе круги хотя и придавали главенствующее значеніе пѣхотному бою, но не сумѣли предвидѣть того значенія, которое получитъ въ ближайшей войнѣ пулеметный огонь. Этотъ недостатокъ предвидѣнія ярко обнаруживается изъ того, что основной посылкой, на которой зиждилась вся ихъ доктрина, являлось предположеніе, что пѣхота подъ угрозой атаки должна сразу же открыться; совершенно упускалось изъ виду, что пѣхотная оборона могла основываться не только на фронтальномъ ружейномъ огнѣ, но и на фланговомъ огнѣ укрытыхъ пулеметовъ.

Основная ошибка генерала Жоффра и его ближайшихъ сотрудниковъ, которые окончательно оформили французскую военную доктрину, и заключается въ томъ, что, опираясь на опытъ послѣднихъ

войнъ, они не сумѣли предвидѣть дальнѣйшей эволюціи огневой тактики.

Создавая свою доктрину, нѣмцы находились въ болѣе благопріятномъ положеніи, нежели французы. Война 1904—1905 гг. была выиграна ихъ учениками-японцами, слѣпо слѣдовавшими указаніямъ германской военной науки. Германскій Большой Генеральный Штабъ получилъ въ этомъ опытѣ увѣренность въ правильности избраннаго имъ научнаго пути. Оставалось лишь идти дальше по намѣченному направленію.

Въ основѣ той доктрины, которую примѣняли японцы, лежала идея господствующаго значенія ружейнаго огня; но германскій генеральный штабъ увидѣлъ въ этомъ опытѣ — указанія, что развитіе огневой тактики на этомъ не остановится. Онъ предугадываетъ, что въ слѣдующую войну изъ „преимущественно ружейной" она станетъ „преимущественно пушечной". Онъ предвидитъ также увеличившееся примѣненіе фортификаціи въ полевомъ бою, а слѣдовательно уменьшеніе случаевъ появленія открытыхъ цѣлей. Поэтому нѣмцы не увлекаются настильностью троекторіи полевой пушки. Они оставляютъ на вооруженіи свою 77 m/m полевую пушку даже послѣ того, какъ французы вводятъ у себя 75 m/m, превосходящую по скорострѣльности. Преимущество своей 77m/m пушки нѣмцы видятъ въ ея меньшей, по сравненію съ французской, настильности, что дѣлаетъ ее болѣе способной поражать перекидной стрѣльбою укрывающіяся на противосклонахъ части противника. На основаніи ожидаемаго разнообразія укрытыхъ цѣлей нѣмцы отказываются отъ идеи „уневерсальнаго" орудія для полевого боя. Они вводятъ въ органическій составъ дивизій 3-хъ батарейный дивизіонъ легкихъ гаубицъ (105 m/m.). Артиллерійскій уставъ 1912 г. такъ объясняетъ это нововведеніе: „Легкая гаубица исполняетъ тѣ же задачи, какъ легкая пушка. Но противъ артиллеріи на укрытой позиціи, противъ цѣлей, спрятанныхъ за закрытіями, противъ селеній, противъ войскъ, укрытыхъ въ большомъ лѣсу, она имѣетъ гораздо большую дѣйствительность, нежели полевая пушка".

Германія не довольствуется и этимъ. Она создаетъ многочисленную полевую тяжелую артиллерію. Эта артиллерія обладаетъ большой разрушительностью и большой дальнобойностью. Вся она состоитъ изъ новыхъ скорострѣльныхъ образцовъ. Созданіе этой тяжелой артиллеріи обуславливается не столько наличіемъ во Франціи прикрывающаго пояса долговременныхъ укрѣпленій, сколько предвидѣніемъ условій будущаго полевого боя. Германскій Генеральный Штабъ предусматриваетъ, что пѣхота не будетъ въ состояніи продвигаться впередъ, если огонь непріятельской артиллеріи не погашенъ или, по крайней мѣрѣ, сильно не стѣсненъ. Въ противоположность французамъ, онъ считаетъ, что бой долженъ начаться съ систематической борьбы съ артиллеріей противника. Это возвращеніе къ старой идеѣ „артиллерійской дуэли". На артиллерійскихъ полигонахъ производятся обширныя опытныя стрѣльбы, которыя показываютъ, что при стрѣльбѣ 155 m/m. (6 дм.) гаубицей по пло-

щади, имѣющей размѣры въ ширину двойной фронтъ батареи, а въ глубину 200 саженъ, достаточно 80 — 100 снарядовъ, чтобы вывести изъ строя отъ 30 до 50% личнаго состава и 60 — 65% матеріальной части. Выводы изъ этихъ опытовъ были сдѣланы слѣдующіе: „это показываетъ, что въ борьбѣ противъ артиллеріи противника результатъ можетъ быть достигнутъ быстро и съ наименьшимъ расходомъ снарядовъ. Отсюда вытекаетъ заключеніе о необходимости возможно ранѣе вводить въ бой тяжелую артиллерію“... Въ результатѣ примѣненіе тяжелой артиллеріи въ полевомъ бою принимается за правило и указывается производить на слѣдующихъ основаніяхъ.

Дальнобойность тяжелой артиллеріи должна быть использована съ самой завязки боя противъ непріятельскихъ походныхъ колоннъ, скопленій пѣхотныхъ резервовъ и обнаруженныхъ батарей. Для того, чтобы быть въ состояніи это выполнить, батареи тяжелой артиллеріи должны придаваться дивизіямъ первой линіи и слѣдовать сейчасъ же за ними или въ хвостѣ артиллеріи этихъ дивизій. Располагаясь внѣ достиженія русской и французской полевыхъ пушекъ, тяжелая артиллерія должна прикрыть развертываніе своей легкой артиллеріи. Не дожидаясь начала наступленія своей пѣхоты, она должна приступить къ систематическому выбиванію артиллеріи противника. Послѣ этого, совмѣстно со своей легкой артиллеріей, она должна начать артиллерійскую подготовку, разрушая окопы противника, его опорные пункты и, если есть, препятствія. Эта артиллерійская подготовка, сдѣланная всей артиллеріей, произведетъ не только матеріальный эффектъ, но подорветъ также моральную устойчивость противника и сдѣлаетъ его „созрѣвшимъ для штурма“ (Sturmreif). Послѣ этого и должна слѣдовать пѣхотная атака, во время которой легкая артиллерія, прикрываемая тяжелой, держащей подъ своимъ огнемъ батареи противника, сосредотачиваетъ всѣ свои усилія для огневого сопровожденія пѣхотной атаки,

Сравнивая только что приведенныя указанія съ французской военной доктриной, нельзя не убѣдиться въ томъ, на сколько нѣмецкая ушла далеко впередъ по пути огневой тактики.

Тѣмъ не менѣе, нужно констатировать фактъ, что германскій Генеральный Штабъ не смогъ предвидѣть всей грандіозности предстоящихъ измѣненій въ тактикѣ. Онъ не учелъ того обстоятельства, что самъ артиллерійскій огонь въ будущихъ бояхъ приметъ „массовый характеръ“, и германская армія не избѣгла кризиса въ снабженіи снарядами въ началѣ же войны. Германская военная доктрина не смогла также всецѣло отказаться и отъ тѣхъ идей, которыя можно назвать „тактикой ружейнаго огня“. Въ этомъ легко убѣдиться, просматривая нѣмецкіе учебники тактики того времени (Балкъ), въ которыхъ мѣриломъ боевой силы являлся расчетъ числа ружей на единицу протяженія фронта, причемъ основнымъ элементомъ этой силы считалась наиболѣе густая цѣпь стрѣлковъ (1 стрѣлокъ на 1 метръ фронта). Отсюда въ тактикѣ пѣхоты происходило увлеченіе густыми цѣпями, а также полная недооцѣнка машиннаго огня,

Таблица № 2.

ЧИСЛО БАТАРЕЙ, ПРИДАННЫХЪ въ 1914 году РАЗЛИЧНЫМЪ ВОЙСКОВЫМЪ СОЕДИНЕНІЯМЪ.

	Легкія пушки кал. 75-77 мм.	Легкія гаубицы калибра 105—120 мм.	Тяжелыя гаубицы калибра 150—155 мм.	Тяжелыя гаубицы калибра 2 0 мм.	Дальнобойныя пушки		Общее число батарей
					Калибра 105-107 м.	Калибра 130 м.	
Дивизіонная артиллерія (полевыхъ пѣх. дивизій):							
Россія	6						6
Франція	6						6
Германія	9	3					12
Корпусная артиллерія:							
Россія		2					2
Франція	12						12
Германія			4				4
Армейская артиллерія (въ ср. на армію 4-хъ корп. состава):							
Россія			2		1		3
Франція		нѣсколько батарей					нѣск. б.
Германія			отъ 12 до 16 бат.				12-16 б.

т. е. пулемета. Нѣмецкій пѣхотный полкъ выступилъ такъ же, какъ и французскій, всего съ 6-ю пулеметами.

Возвращаясь къ тѣмъ тактическимъ понятіямъ, которыми руководствовалась русская армія передъ 1914 г., приходится повторить, что одной доктрины, въ смыслѣ логично-цѣльной системы пріемовъ, хотя бы даже съ ошибками, которыя имѣли мѣсто во французской и нѣмецкой арміяхъ, у насъ не было. Сами войска и ихъ ближай-

шіе строевые начальники сохраняли кровью привитые навыки, но высшіе руководящіе круги колебались между нѣмецкими и французскими ученіями. Заимствованія дѣлали частичныя, въ зависимости „отъ вкуса“ того или другого лица. И чѣмъ выше подниматься по ступени іерархіи, тѣмъ рѣже можно было встрѣтить соотвѣтственную требованіямъ времени подготовку начальниковъ. Въ окруженіи же генерала Сухомлинова сильно отдавало старымъ душкомъ „ударной тактики“. Въ результатѣ, хотя съ одной стороны мы и внесли въ „большую военную программу“ созданіе сильной полевой тяжелой артиллеріи на подобіе германской, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы совершенно не подготовлялись къ умѣнію тактическаго использованія этого могучаго новаго средства борьбы въ полевомъ бою.

Различіе въ тактическихъ міровоззрѣніяхъ нашло свое яркое отраженіе въ артиллерійскомъ вооруженіи, съ которымъ вступили въ первую операцію войны 1914 года вооруженныя силы Россіи, Франціи и Германіи (см. таблицу № 2).

Переходя теперь къ общему заключенію, нельзя не обратить вниманія, насколько трудна работа по подготовкѣ вооруженной силы къ „будущей войнѣ“. Только путемъ тщательной и строго научной работы эта подготовка можетъ идти по правильному пути, ибо предвидѣть можетъ лишь наука. Но предсказаніе есть высшая стадія науки. Военная же наука представляетъ собою наиболѣе отсталый отдѣлъ человѣческаго знанія. Поэтому закрывать глаза на всѣ предстоящія трудности въ подготовкѣ мирнаго времени и на вѣроятность многихъ ошибокъ было бы величайшимъ заблужденіемъ.

ГЛАВА 2-я.

КАМПАНІЯ 1914 ГОДА.

Большая Европейская война началась періодомъ маневренной войны. Къ этому и готовились всѣ великія державы. Съ первыхъ же столкновеній на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій — русскомъ и французскомъ — выяснилось, что успѣшное наступленіе пѣхоты безъ достиженія перевѣса въ артиллерійскомъ огнѣ невозможно.

Германія, которая, какъ мы видѣли выше, это предвидѣла, пріобрѣла на поляхъ сраженій громадное преимущество. Вотъ какъ характеризуетъ условія встрѣчи въ первомъ сраженіи („Bataille des Frontières") французовъ и нѣмцевъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ французскихъ артиллеристовъ генералъ Херръ: „Во второй половинѣ августа всѣ французскія арміи переходятъ въ наступленіе и завязываютъ „пограничное сраженіе"*). Вездѣ въ Лотарингіи, въ Аргонахъ, въ Бельгіи картина одна и та-же: наша легкая артиллерія, часто застигнутая огнемъ германской тяжелой артиллеріи въ длинныхъ походныхъ колоннахъ торопливо разворачивается на мѣстности пересѣченной и лѣсистой, на которой трудно маневрировать и трудно организовать связность дѣйствій. Ея дальнобойность недостаточна для того, чтобы достать тяжелую артиллерію противника, и послѣдняя безнаказанно забрасываетъ ее снарядами, дезорганизуетъ ее. Бой протекаетъ такъ скоро, что наша скромная по своимъ силамъ тяжелая артиллерія, слѣдующая въ хвостѣ колоннъ, не успѣваетъ вступить въ дѣло во-время, и наши полевыя пушки не могутъ поддержать нашу пѣхоту. Послѣдняя же, большею частью, и не ищетъ этой поддержки. Полная порыва, воспитанная кадровымъ составомъ въ духѣ безостановочнаго наступленія, она бросается въ атаку, не ожидая артиллерійской подготовки, исполняя въ этомъ отношеніи указанія Уставовъ. Она встрѣчается съ пѣхотой противника, почти не понесшей потерь въ личномъ составѣ и въ матеріальной части, пѣхотой, широко пользующейся окопами, часто прикрытыми проволочными загражденіями. Огневыя средства непріятеля — его ружья, пулеметы, легкія и тяжелыя орудія — сохранили полностью свободу дѣйствій и все могущество разрушенія. Они стрѣляютъ, какъ на маневренномъ плацу. Въ буквальномъ смыслѣ слова они косятъ нашу пѣхоту, которая несетъ страшныя потери,

---

*„Bataille de Frontières"

Таблица № 3.

ЗАВИСИМОСТЬ ТАКТИЧЕСКАГО УСПѢХА ОТЪ КОЛИЧЕСТВА ПѢХОТЫ И АРТИЛЛЕРІИ ВЪ ПЕРВЫХЪ БОЯХЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ПРУССІИ.

	РУССКІЕ		НѢМЦЫ		ТАКТИЧЕСКІЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
	Число баталіоновъ.	Число батарей.	Число баталіоновъ.	Число батарей.	
Бой у Сталупенена 4/17 августа:	40	20	17	19	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
Сраженіе у Гумбинена 7/20 августа:					
1. На фронтѣ рус. 28 п. д.	12	6	25	28	Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.
2. На фронтѣ рус. 29 п. д.	12	8	11	7	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
3. На фр. рус. III а. к. (усил. 40 п. д.)	42	22	25	28—30	Нѣмецкая атака отбита съ большимъ для нихъ урономъ.
4. На участкѣ къ югу отъ лѣса Роминтенъ	22	9	26	16	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
Бой у Бишофсбурга 13/26 августа:	14	8	40	40	Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.

Сольдау 13/26—15/28 авг.:					
А. 13/26 августа.					
1. Въ раіонѣ Гогенштейна	30	14	20—26	15—18	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
2. Раіонъ между оз. Мюленъ и с. Уздау	$15^1/_2$	8	24	28	Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.
3. Раіонъ Уздау — Сольдау	32	14	24	17	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
Б. 14/27 августа.					
1. Раіонъ у Гогенштейна	30	14	24	14	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
2. Раіонъ между оз. Мюленъ и с. Уздау	12	8	11	12	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
3. Раіонъ Уздау	24	11	29—35	40	Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.
4. Раіонъ Гейнрихсгофена (къ западу отъ Сольдау)	16	6	6	5	Нерѣшительный успѣхъ на обѣихъ сторонахъ.
В. 15/28 августа.					
1. Раіонъ Гогенштейнъ	30—46	11—19	50	30	Успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.
2. Раіонъ Ваплица	16	10	11	12	Успѣхъ на сторонѣ русскихъ.
3. Раіонъ Сольдау	20	6	20	39	Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.

Примѣчаніе: составъ русской артиллеріи, — 85% батарей легкихъ пушекъ и 15% легкихъ гаубицъ; составъ германской артиллеріи, — 55% батарей легкихъ пушекъ, 20% батарей легкихъ гаубицъ, 25% батарей тяжелыхъ гаубицъ и дальнобойныхъ пушекъ.

главнымъ образомъ въ кадровомъ составѣ, и она, въ концѣ концовъ, вынуждена отступать"...

Когда читаешь эти строки, невольно поражаешься той аналогіей, которая имѣетъ мѣсто на обоихъ театрахъ. Но эти явленія представляютъ собой слѣдствія одной и той же причины, а потому и наблюдается такое тождество. Только на русскомъ театрѣ войны эти слѣдствія несравненно интенсивнѣе, такъ какъ огневое превосходство германскихъ войскъ надъ русскими гораздо больше, чѣмъ надъ французскими (см. таблицу № 2).

Наши первыя операціи въ Восточной Пруссіи являются разительнымъ примѣромъ. Русскія 1-ая и 2-ая арміи являлись по числу батальоновъ сильнѣе германской 8-й арміи. Въ качественномъ отношеніи наши перволинейныя войска не уступали нѣмецкимъ, ибо большая часть кадроваго офицерскаго и нѣкоторая часть унтеръ-офицерскаго состава получили боевое крещеніе на поляхъ Манчжуріи. Во главѣ этихъ армій стояли выдающіеся боевые генералы — Ренненкампфъ и Самсоновъ. Между тѣмъ, исходъ операцій былъ для насъ катострофическій.

Однѣми ошибками, сдѣланными въ стратегіи, объяснить происшедшія неудачи нельзя. Корень зла лежалъ въ томъ, что превосходство въ силахъ — дѣйствительное, а не воображаемое — было на сторонѣ нѣмцевъ, ибо на ихъ сторонѣ было громадное огневое превосходство. Въ приводимой ниже таблицѣ указано число баталіоновъ и батарей, принимавшихъ участіе въ первыхъ бояхъ армій генераловъ Ренненкампфа и Самсонова (Гогенштейнъ — Сольдау и Бишофсбургъ).

Эта таблица весьма показательна. Изъ нея мы можемъ убѣдиться, какое рѣшающее значеніе для успѣха въ бояхъ имѣло превосходство въ артиллерійской огневой силѣ, которое легко осуществлялось нѣмцами, благодаря ихъ болѣе многочисленной артиллеріи. Каждый быстрый и рѣшительный тактическій успѣхъ, несмотря на крайнее разнообразіе обстановки, въ которой протекали разсматриваемые бои, имѣлъ своимъ неизмѣннымъ условіемъ превосходство побѣдителя въ 3 раза и больше въ артиллерійской огневой силѣ. (См. табл. № 3).

На французскомъ театрѣ, гдѣ на сторонѣ нѣмцевъ не было столь рѣшительнаго превосходства въ огневыхъ силахъ, какъ это имѣло мѣсто на русскомъ, достиженіе въ бою огневого господства дается нѣмцамъ труднѣе. Послѣ перваго сраженія (Battailles des Frontières) французы отступили вглубь страны; германцы, упоенные успѣхомъ, торопливо за ними слѣдуютъ. Часть тяжелыхъ батарей, вслѣдствіе форсированныхъ маршей, не поспѣваетъ за пѣхотой и опаздываетъ къ началу боевъ; главное же, запаздываетъ тылъ, и у нѣмцевъ начинаетъ сказываться затрудненіе въ снабженіи снарядами. Завязавшееся на Марнѣ сраженіе представляетъ вмѣстѣ съ этимъ большія преимущества для французской артиллеріи. 75 m/m. пушка, представляющая собою идеальное орудіе для пораженія открытыхъ

цѣлей, получаетъ возможность пожать обильную жатву въ густыхъ цѣпяхъ, зазнавшихся послѣ первыхъ побѣдъ, нѣмцевъ.

Но стоило лишь германцамъ отодвинуться назадъ, и въ сраженіи на рѣкѣ Энъ преимущества, бывшія на сторонѣ французовъ, прекращаются. Съ одной стороны, нѣмцы пододвинулись къ свнимъ тыламъ; съ другой, французская 75 m/m. пушка, вслѣдствіе настильности своего огня, предоставляетъ нѣмцамъ многочисленныя мертвыя пространства. Германская 77 m/m. пушка съ помощью легкихъ и тяжелыхъ гаубицъ не даютъ французамъ подобныхъ же возможностей. При такомъ соотношеніи свойствъ огня, Энское сраженіе, въ которомъ французы наступали, а германцы оборонялись, не могло быть выиграно первыми.

На восточно-европейскомъ театрѣ русскіе могли оспаривать у нѣмцевъ господство въ артиллерійскомъ огнѣ только при слѣдующнхъ условіяхъ: 1) котда на одну германскую пѣхотную дивизію выводились двѣ русскія, и во 2) когда нѣмцы лишались возможности производить требуемое обильное снабженіе своей артиллеріи, особенно же тяжелой. Подобныя условія впервые создаются въ октябрѣ 1914 года. Желая спасти свою союзницу, монархію Габсбурговъ, отъ окончательнаго пораженія, нѣмцы вмѣстѣ съ австро-венграми начинаютъ свое наступленіе къ Ивангороду и Варшавѣ. Попавъ въ наше малодорожье, они не въ состояніи питать полностью свою артиллерію. Русскому же командованію удается сосредоточить противъ нихъ большое число пѣхотныхъ дивизій. Правда, большинство этихъ дивизій не успѣло укоплектоваться и имѣетъ въ своей пѣхотѣ не болѣе 50% штатнаго состава, но число батарей въ каждой изъ нихъ осталось прежнее.

Въ бояхъ, составляющихъ Великую Галиційскую битву, на сторонѣ австро-венгерскихъ дивизій не было особаго превосходства въ огневой силѣ. Зато на сторонѣ русскихъ было превосходство въ числѣ дивизій.

Бои въ Галиціи и на лѣвомъ берегу Вислы тѣмъ и интересны, что для русской арміи создавались огневыя условія, въ которыхъ, при искуссномъ управленіи войсками, русскіе могли добиваться въ избранныхъ ими мѣстахъ превосходства въ огнѣ. И тогда мы видимъ, что начальники и войска, подобныя тѣмъ, которыя понесли катастрофическія неудачи въ Востоьной Пруссіи, успѣшно борятся съ нѣмцами и съ австрійцами и бьютъ ихъ. Но изучая каждый изъ тактическихъ успѣховъ, мы увидимъ, что непремѣнной предшествующей успѣшности атаки пѣхоты данной являлось то же условіе, которое можно замѣтить вездѣ и на западно-европейскомъ театрѣ: это условіе, достиженіе превосходства въ артиллерійскомъ огнѣ. Однимъ изъ рельефныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи является прорывъ, осуществленный 9-ой арміей въ октябрѣ въ раіонѣ Ивангорода. Несмотря на геройскія усилія Гвардейскаго, XIV и XXV корпусовъ, они не могли въ началѣ продвинуться впередъ. XXV корпусъ былъ даже прижатъ обратно къ своимъ переправамъ черезъ Вислу. Но намъ удается создать большое сосредоточеніе артиллеріи, находив-

шейся въ Ивангородѣ*). Былъ тщательно разработанъ планъ массоваго огня и послѣ интенсивной артиллерійской подготовки артиллерія противника была подавлена и наша пѣхота, хотя и сильно ослабленная потерями, понесенными въ предыдущіе дни, легко прорываетъ позиціи непріятеля. Даже XXV корпусъ, только что передъ тѣмъ отступавшій, блестяще наступаетъ и участвуетъ въ успѣхѣ, который быстро превращается въ общую побѣду.

Господствующее значеніе на поляхъ сраженія артиллерійскаго огня сразу же почувствовалось войсками. Распедѣленіе потерь въ бояхъ 1914 года оказалось совсѣмъ инымъ, чѣмъ это было въ предыдущія войны. Отъ артиллерійскаго огня войска терпятъ теперь 75% общихъ боевыхъ потерь, а на долю пѣхотнаго огня выпадаетъ всего 23%

Подобныя данныя были краснорѣчивѣе всякихъ теоретическихъ доказательствъ.

Вполнѣ естественно, что во всѣхъ государствахъ начали приниматься энергичныя мѣры по усиленію артиллеріи.

Усиленіе артиллерійскаго огня дало себя почувствовать и въ другомъ отношеніи. Пушки и гаубицы буквально пожирали снаряды. Всѣ государства, въ томъ числѣ и Германія, просчитались въ предвидѣніи этого аппетита. Вотъ что свидѣтельствуетъ помощникъ Генералъ-Квартирмейстера германской Ставки, генералъ Фрейтагъ-фонъ-Лорингофенъ: „Потребность въ артиллерійскихъ припасахъ превзошла всѣ ожиданія. Осенью 1914 года наши войска оказывались нѣсколько разъ въ критическомъ положеніи, созданномъ недостаткомъ этого снабженія". У французовъ кризисъ въ снабженіи снарядами начался вскорѣ послѣ Марны. Положеніе становилось настолько серьезнымъ, что французскій главнокомандующій, генералъ Жофръ, доженъ былъ взять подъ непосредственный свой контроль распредѣленіе снарядовъ, посылаемыхъ въ различныя арміи. У насъ недостатокъ снарядовъ почувстоовался тоже очень скоро. Уже 22-го августа (4 сент. н. ст.) главнокомандующій юго-зтпаднымъ фронтомъ, генералъ Ивановъ, счелъ вынужденнымъ циркулярнымъ секретнымъ письмомъ, адресованнымъ всѣиъ артиллерійскнмъ начальникамъ, до командировъ бригадъ включительно, предупредить о надвигающемся кризисѣ.

Господствующее значеніе, которое пріобрѣла артиллерія въ современомъ бою, отразилось не только въ указанныхъ выше явленіяхъ, если можно такъ выразиться количественнаго характера. Оно потребовало также крупныхъ измѣненій въ самихъ методахъ боевыхъ дѣйствій, т. е. въ тактикѣ. Послѣдняя изъ „преимущественно ружейной" должна была стать „преимущественно пушечной". Но

*) 34 (тридцать четыре) 150 mm. гаубицы 107 mm. пушки,
Дивизіонная артиллерія состояла изъ 5-ти батарей легкихъ полевыхъ пушекъ и 2 батарей легкихъ гаубицъ (105 mm); корпусная артиллерія состояла изъ 2-хъ батерей 150 mm. гаубицъ, армейская же артиллерія была столь же слаба, какъ русская. Австро-венгерская доктрина носила рѣзко „ружейный" характеръ,

слѣдствія этого рода не обнаруживаются такъ отчетливо, какъ явленія „количественнаго характера". Обнвруженіе ихъ требуетъ большого наколенія боевого опыта.

Послѣдній пріобрѣтается, прежде всего, самими дерущимися войсками, которыя чисто эмпирическимъ путемъ находятъ отдѣльныя частныя рѣшенія. Создается, такимъ образомъ, рядъ отступленій отъ принятой въ мирное время доктрины. Правильно подготовленный генеральный штабъ долженъ внимательно слѣдить за этими отступленіями, умѣя различить въ нихъ требованія новыхъ боевыхъ условій отъ „ошибокъ" непосредственныхъ тактическихъ исполнителей.

Изучая теперь бои 1914 года, нельзя не обратить вниманія на тотъ кризисъ, который переживается пѣхотой. Выступивъ на войну въ общепризнанной роли единой царицы полей сраженія, она платитъ страшную цѣну крови за эти претензіи. До своего вступленія въ сферу ружейнаго огня, т. е. до того періода, когда она можетъ принять участіе, какъ активный элементъ борьбы, она несла большія потери отъ непріятельской артиллеріи въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя не была „обуздана". Когда же пѣхота достигаетъ рубежа, съ котораго она можетъ вступить въ ружейный бой и сгущаетъ свои цѣпи для достиженія превосходства въ ружейномъ огнѣ, ея густыя цѣпи становятся еще легче поражаемымъ объектомъ для непріятельскихъ пушекъ. Естественно, что пѣхота ищетъ помощи въ лопатѣ, инструментѣ, не пользующемся почетомъ въ мирное время.

Но и здѣсь рѣзкія измѣненія въ тактикѣ сразу же чувствуются войсками. Выступили они на войну, воспитанныя въ теоріи „опорныхъ пунктовъ". Эта теорія находилась въ почетѣ не только у насъ и нашихъ союзниковъ, но и у нашихъ враговъ. Съ первыхъ же шаговъ обнаруживается, что опорные пункты такими, какими они понимались, легко становились гнѣздами для непріятельскихъ снарядовъ. Огонь этихъ „пунктовъ" быстро гасился массовымъ артиллерійскимъ огнемъ противника; непріятельская пѣхота, при условіи господства на ея сторонѣ артиллерійскаго огня, легко проникала въ промежутки между замолчавшими опорными пунктами, и послѣдніе превращались въ этихъ случаяхъ въ гнѣзда плѣнныхъ.

Войска инстинктивно создаютъ непрорывную траншею, оплетаютъ ее проволокой, и, такимъ образомъ, рождается новый фортификаціонный типъ укрѣпленной позиціи, болѣе соотвѣтствующій новой „пушечной тактикѣ". Значеніе пулемета въ современномъ бою возрастаетъ сразу съ полной очевидностью. Организованный перекрестный огонь этихъ „машинъ" является фактически неодолимой преградой. Въ то-же время, сразу же обнаруживается, насколько труднѣе непріятельской артиллеріи найти расположенныя въ непрерывной траншеѣ небольшія группы пулеметчиковъ.

Но найденное войсками рѣшеніе является только паліативомъ. Оно „иммобилизируетъ" пѣхоту, создавая ей терпимое положеніе лишь въ оборонѣ. Проблема пѣхотнаго наступленія не рѣшена. Какъ мы увидимъ, для ея рѣшенія потребуется нѣсколько лѣтъ, полныхъ интенсивнаго совершенствованія матеріальной части.

Потери, которыя несла пѣхота во время своего сближенія и атаки, отражались не только на количественномъ уменьшеніи ея рядовъ, но и въ моральномъ отношеніи. Даже отличная пѣхота нравственно совершенно изматывалась. Духъ ея надламывался. Убыль начальниковъ и лицъ кадроваго состава временно дезорганизовывала ея части. Въ такомъ состояніи она становилась легкой добычей для непріятельской пѣхоты, если непріятельскій артиллерійскій огонь продолжалъ господствовать на полѣ сраженія. Въ этомъ случаѣ непріятельская пѣхота могла продвигаться впередъ, не неся большихъ потерь и доходя до противоположной пѣхоты, находящейся въ состояніи моральной прострацін, забирать большую ея часть въ плѣнъ, обращая остатки въ безпорядочное отступленіе. Возрастаніе количества плѣнныхъ является одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей современнаго боя. Если въ прежнія эпохи количество отданныхъ плѣнныхъ являлось искючительнымъ признакомъ дурного качества пѣхоты, то въ настоящую эпоху это можетъ являться также слѣдствіемъ ошибочности боевыхъ методовъ. Массовый огонь современныхъ пушекъ и гаубицъ сталъ могущественнымъ факторомъ, что передъ нимъ не можетъ устоять даже лучшая пѣхота.

Насколько не соотвѣтствовали боевые методы, принятые въ русской, французской и австро-венгерской арміяхъ, можно судить изъ слѣдующей данной:

Потери пѣхоты были въ 7 разъ тяжелѣе, чѣмъ въ артиллеріи. Съ измѣненіемъ тактики, какъ мы увидимъ дальше, это взаимоотношеніе измѣняется.

Система боя, имѣющая подобные результаты, очевидно неправильна, такъ какъ основыврется на жертвоприношеніи людей. Современное же вооруженіе представляетъ собой такія машины, для которыхъ поглощеніе пушечнаго мяса, по сравненію съ прошлымъ, имѣетъ почти неограниченныя возможности. Противъ такого рода „машинъ" можно бороться только подобными же „машинами". Только свой артиллерійскій огонь, сосредоточенный по непріятельской артиллеріи, могъ открыть дорогу пѣхотѣ.

Такимъ образомъ, рѣшающая. роль въ начальные періоды боя переходила въ руки артиллеріи.

Опытъ боевъ 1914 года настолько противорѣчилъ французской доктринѣ, что психологически естественнымъ становится другая крайняя точка зрѣнія, а именно, взглядъ на пѣхоту, какъ на прикрытіе артиллеріи. Но тотъ же опытъ 1914 года заключаетъ въ себѣ другого рода явленія, которыя показываютъ, что за пѣхотой въ современномъ бою осталась громаднаго значенія активная роль. Но этого рода явленія прошли сразу недостаточно замѣченными или ложно объясненными.

Типичнымъ примѣромъ могутъ служить событія имѣвшія мѣсто въ XVII германскомъ корпусѣ въ періодъ нашихъ первыхъ операцій въ Восточной Пруссіи. Въ бою при Гумбиненѣ этотъ корпусъ атакуетъ центръ расположенія арміи генерала Ренненкампфа. Энергичный командиръ корпуса генералъ Макензенъ ведетъ своей пѣхо-

той лобовую атаку, не достигнувъ превосходства огня надъ русской артиллеріей. Противъ 34 нѣмецкихъ батарей оказывается 22 русскихъ (3 артиллерійскія бригады и 2 мортирныхъ дивизіона), которымъ удается сохранить за собою полную свободу дѣйствій. Германская пѣхота въ точности выполняя устарѣлыя требованія своего пѣхотнаго устава, ведетъ атаку густыми цѣпями. Наказаніе послѣдовало жестокое. Нѣмецкая пѣхота разстрѣливается русской артиллеріей. Она все-таки доходитъ до сферы дѣйствительнаго ружейнаго огня. Но къ этому времени, будучи морально надломленной, она не въ состояніи выдержать состязанія съ огнемъ русской пѣхоты и отходитъ назадъ. При этомъ отходѣ она даже бросаетъ 12 пушекъ, непосредственно сопровождавшихъ ея движеніе впередъ. Пѣхота русскаго III-го корпуса, понесшая большія потери въ бою, два дня передъ этимъ (у Сталупенена), не использовала критическаго положенія пѣхоты Макензена. Общей контръ-атаки на фронтѣ III-го корпуса не было, что позволило германскому командованію вывести корпусъ изъ боя, направивъ его затѣмъ противъ арміи Самсонова. Черезъ 5 дней тотъ же XVII германскій корпусъ одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ русскими у Бишофсбурга, а затѣмъ по инипіативѣ не потерявшаго въ первомъ пораженіи сердца генерала Макензена, рѣшительнымъ движеніемъ впередъ, завершаетъ окруженіе центральныхъ корпусовъ арміи генерала Самсонова.

На русской сторонѣ было много аналогичныхъ случаевъ, когда войсковыя части, потерпѣвшія въ бою, ускользнувъ отъ непосредственнаго преслѣдованія, въ ближайшіе же дни вновь появляются на новомъ полѣ сраженія и играютъ тамъ роль рѣшающаго побѣду фактора. Въ этомъ отношеніи интереснымъ примѣромъ могутъ служить дѣйствія V-й русской арміи генерала Плеве. Бой у Комарова для нея неудаченъ и она вынуждена начать отходъ. Австро-венгерское командованіе рѣшаетъ воспользоваться своимъ успѣхомъ для того, чтобы повернуть только что одержавшіе побѣду у Комарова корпуса въ направленіи, угрожающемъ русской III-й арміи. Примѣняя масштабы прежнихъ временъ, оно считаетъ русскую V-ую армію неспособной въ ближайшій періодъ для наступательной операціи. Но черезъ нѣсколько дней V-ая русская армія своимъ наступленіемъ дѣлаетъ несостоятельными всѣ оперативные расчеты австро-венгерскаго генеральнаго штаба, и арміи Имперіи Габсбурговъ терпятъ рѣшительное пораженіе въ Галиціи.

Причины подобныхъ „оживаній“ разбитыхъ частей лежатъ въ новыхъ условіяхъ боя. Какъ мы указали, въ современномъ бою пѣхота морально изнашивается несравненно быстрѣе, чѣмъ въ прежнія эпохи. Когда въ ней наступаетъ „моральный надломъ“, она становится легкой добычей непріятельской пѣхоты. Но для этого нужно, чтобы послѣдняя „подошла“ къ ней. Если же послѣдняя не подойдетъ къ ней, чтобы ее „взять“, то моральный кризисъ остается неиспользованнымъ. Подъ покровомъ ночи разстроенныя части могутъ выйти изъ боя. За ночь „нервы“ бойцовъ нѣсколько отойдутъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти потери не превышаютъ 20—30%,

войска, проведя нѣсколько дней въ болѣе спокойной обстановкѣ, конечно хорошія войска, морально возстанавливаются.

Отсюда мы видимъ, что къ „артиллерійскимъ побѣдамъ" болѣе, чѣмъ когда-либо приложима старая пословица: „недорубленный лѣсъ выростаетъ". Такимъ образомъ, даже въ кампанію 1914 года за пѣхотой оставалось по-прежнему значеніе главнаго, наряду съ артиллеріей, рода войскъ. Только въ измѣнившихся условіяхъ боя „ударъ" производился не пѣхотой, а снарядами, непосредственно за которыми должна была слѣдовать пѣхота для того, чтобы собирать „плоды" огневой атаки.

Эти условія требовали большихъ измѣненій въ существовавшихъ до 1914 года доктринахъ. Вмѣстѣ съ этимъ, они выдвигали на первое мѣсто проблему осуществленія тѣснѣшей связи между обоими родами войскъ, связи настолько тѣсной, что прежніе пріемы и средства оказывались недостаточными.

Съ началомъ войны переживалъ кризисъ и третій главный родъ войскъ — Кавалерія. Собственно говоря, ея кризисъ начался уже и въ предыдущія войны. Англо-Бурская и Русско-Японская войны явно показали, что ученіе о кавалерійскомъ „шокѣ", на которомъ зиждилось все зданіе кавалерійской тактики старой конницы, совершенно отжило свой вѣкъ. Но картина конныхъ атакъ эпохи Фридриха II упорно гипнотизируетъ военные умы. Введенныя въ кавалерійскіе уставы всѣхъ странъ измѣненія были только поправками, и густое наслоеніе сдѣланныхъ уступокъ лишь скрывало оставшійся на первомъ мѣстѣ принципъ „шока". Несмотря на то, что въ военной литературѣ послѣ Англо-Бурской войны появилось много талантливыхъ статей, указывавшихъ на устарѣлость „кавалерійскихъ идей", я могъ въ 1909 году на французскихъ кавалерійскихъ маневрахъ видѣть въ кавалерійскихъ дивизіяхъ бригады кирасиръ въ кирасахъ. Каждая изъ маневрирующихъ сторонъ старалась, какъ хрупкую посуду, донести въ цѣлости эти бригады для производства окончательнаго „шока".

Въ кампаніи 1914 года участвуетъ такое огромное количество конницы, что кавалерійскія силы, выставленныя въ предыдущія войны, кажутся совершенно ничтожными. Всегда учавствуетъ на европейскихъ театрахъ около 70 дивизій армейской конницы и столько же въ видѣ бригадъ корпусной, полковъ и эскадроновъ — дивизіонной конницы.

Казалось-бы, что произведенъ былъ опытъ, исчерпывающій по своей полнотѣ. И что-же? Былъ только одинъ случай столкновенія въ сомкнутыхъ строяхъ двухъ дивизій: это былъ конный бой между русской 10 кавалерійской дивизіей графа Келлера и 4-ой австрійской генерала Заремба, имѣвшій мѣсто 8/21 августа у Волчковце въ Галиціи. Шокъ конныхъ массъ оказался столь-же рѣдкимъ явленіемъ, какъ и солнечное затменіе, которое по своенравной волѣ судьбы совпало съ минутами этого боя. Правда, въ кампаніи 1914 г. было довольно много случаевъ разсыпныхъ конныхъ атакъ, но въ огромномъ, подавляющемъ числѣ случаевъ кавалерія дѣйствовала

огнемъ своихъ ружей, пулеметовъ и пушекъ; конныя атаки являлись лишь частичными эпизодами огневого боя.

Въ первые дни войны въ высшихъ штабахъ поднялись осуждающіе кавалерію голоса, и, чѣмъ дальше отъ линіи огня были эти штабы, тѣмъ безпощаднѣе они произносили свой приговоръ надъ будто-бы „робостью“ конницъ, несмѣвшей, какъ это было сказано въ одномъ изъ приказаній по арміи, „помѣриться съ врагомъ холоднымъ оружіемъ“. Виновными во всемъ этомъ считались кавалерійскіе начальники, нежелавшіе „дерзать“.

Наивно, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что среди огромнаго числа кавалерійскихъ начальниковъ всѣхъ арміи не находились „истинные кавалеристы“.

Но сѣтованія на конницу представляли собой лишь повторенія очень стараго припѣва. Еще въ 1867 г. извѣстный французскій писатель (военный), маіоръ Арданъ-Дю-Пикъ пишетъ въ своей замѣчательной въ психологическомъ отношеніи книгѣ „изслѣдованіе боя“*). слѣдующія слова: „Еще во времена Имперіи въ европейскихъ арміяхъ укоренилось мнѣніе, что кавалерія не достигала тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали, результатовъ дѣйствительно большихъ, потому что у насъ и у всѣхъ другихъ націй не доставало настоящаго кавалерійскаго генерала“. Повидимому настоящій кавалерійскій генералъ — „это такой феноменъ“, иронически добавляетъ маіоръ Арданъ-Дю-Пикъ, „который не появляется даже разъ въ 1.000 лѣтъ“. Мы-же поставимъ себѣ вопросъ: какую практическую цѣнность имѣлъ бы инструментъ, на которомъ никто не можетъ играть.

Въ дѣйствительности дѣло обстояло совершенно не такъ, какъ это думали многочисленные критики. Смѣлыхъ кавалерійскихъ начальниковъ было много. Была и отличная конница. Но тактическій кризисъ, который она переживала, былъ еще глубже и серьезнѣе, нежели кризисъ пѣхоты.

Въ самомъ дѣлѣ: если послѣдняя переживала трагическія минуты раньше, чѣмъ сблизить свои цѣпи на дистанцію ружья, то что же должна была переживать кавалерія раньше, чѣмъ сблизиться на шашечный ударъ, да при томъ въ сомкрутыхъ строяхъ. Современные пушки и пулеметы оказались такого рода инструментами, которые не позволяютъ безнаказанно странствовать въ сферѣ своего массоваго огня большимъ цѣлямъ.

Какъ часто участникамъ боевъ 1914 года приходилось слышать въ нашихъ пѣхотныхъ цѣпяхъ, въ тѣ минуты, когда передъ ними начиналъ обнаруживаться отходъ пѣхоты противника, крики: „кавалерію, кавалерію, кавалерію“. И когда изъ тыла поля сраженія прибывала конница, то было уже поздно. Условія современнаго огневого боя таковы, что непосредственная эксплоатація результатовъ огня возможна только для самой пѣхоты, Кавалерія въ состояніи лишь

*) Переведено на русскій языкъ генераломъ Пузыревскимъ.

продолжить начавшееся преслѣдованіе пѣхотой, а также для воздѣйствія на открытыхъ флангахъ.

Кризисъ, переживаемый конницей, обуславливался и еще одной данной: питая надежды „пробивать шокомъ", она оказалась малоспособной „пробивать" въ пѣшемъ строю. При всякомъ малѣйшемъ затрудненіи она обращалась за помощью къ пѣхотѣ. Къ какимъ огромнымъ, по своему стратегическому значенію, послѣдствіямъ могла приводить подобная пробивная несостоятельность конницы, можетъ быть укалано на примѣрѣ изъ сраженія на Марнѣ.

Во время этого сраженія между арміями фонъ Клука и фонъ Бюлова съ 6 по 13 сентября образуется широкій прорывъ. Въ теченіе 3-хъ сутокъ (съ 8 по 10) этотъ прорывъ достигаетъ по фронту 50-ти верстъ. Резервовъ нѣмецкое высшее комадованіе не имѣетъ; оно можетъ лишь замаскировать этотъ прорывъ слабой кавалерійской завѣсой. Противъ этого прорыва находились три французскихъ и одна англійская кавалерійскихъ дивизіи. Судьба посылала имъ исключительно счастливый случай. Еслибъ имъ удалось проникнуть въ этотъ прорывъ, положеніе арміи фонъ Клука оказалось бы катастрофическимъ, и въ худшемъ случаѣ Марнское сраженіе кончилось бы полнымъ очищеніемъ Франціи отъ германскихъ войскъ.

И, несмотря на эту тактическую несостоятельность, кавалерія все-таки играетъ значительную стратегическую роль. Причина заключается въ томъ, что присущее ей свойство „подвижности" дѣлало ее цѣннѣйшимъ элементомъ во всякаго рода стратегическихъ маневрахъ.

Громадныя пространства русскаго театра заставили начать войну съ большими интервалами между арміями. Всѣ эти интервалы заволакивались конницей, и образованная ею завѣса закрывала передъ противникомъ истинные контуры нашихъ группировокъ.

Фланги и тылы своихъ войскъ охраняются ею на широкихъ пространствахъ; вмѣстѣ съ этимъ она, благодаря той же подвижности, имѣетъ больше возможности угрожать флангамъ и тыламъ противника. Примѣры удачныхъ стратегическихъ дѣйствій этого рода многочисленны на русскомъ театрѣ. Внимательный анализъ каждой крупной операціи это покажетъ. Мы употребили здѣсь слово „внимательный", ибо слишкомъ часто изслѣдователь въ своихъ выводахъ забываетъ тотъ тактическій кризисъ, который переживался конницей. Вслѣдствіе этого тактическіе результаты почти всегда были несравненно меньше, чѣмъ этого отъ кавалеріи ожидали.

Въ условіяхъ 1914 года кавалерія могла лишь создавать выгодную стратегическую обстановку на полѣ сраженія; тактическое же использованіе этой обстановки выпадало на долю пѣхотныхъ дивизій, которыя и пожинали плоды, часто даже не сознавая того, что сдѣлала конница, и продолжая ее ругать.

Вотъ почему гораздо ярче выдѣляются при изученіи кампаніи 1914 года тѣ случаи, когда отсутствіе кавалеріи давало себя сильно чувствовать. Въ первыхъ операціяхъ въ Восточной Пруссіи нѣмцы выступили, имѣя всего одну кавалерійскую дивизію; но зато они снабдили каждую пѣхотную дивизію полкомъ хорошей конницы и

каждую отдѣльную бригаду 2—3 эскадронами. Мы же придерживались другого взгляда. Вся дѣйствительно боеспособная кавалерія была сведена въ кавалерійскія дивизіи, и на долю пѣхотныхъ дивизій достались лишь второочередныя или третьеочередныя казачьи части. Послѣднія, во-первыхъ, сильно опаздывали прибытіемъ на театръ военныхъ дѣйствій; во-вторыхъ, представляли собой наскоро собранныя части, требовавшія еще довольно продолжительнаго срока для обученія. Въ результатѣ, русскія пѣхотныя дивизіи оказались въ первыхъ встрѣчныхъ маневрахъ слѣпыми и съ неохраненными флангами и тылами. Бой у Сталупенена III-го корпуса (7/20 августа), у Бишофсбурга VI-го корпуса (13/26 августа), боевыя дѣйствія XV—XIII корпусовъ въ операціи арміи Самсонова могутъ служить яркими иллюстраціями тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыя имѣло отсутствіе въ непосредственномъ распоряженіи начальниковъ дивизій и командировъ корпусовъ кавалеріи.

Въ итогѣ изученія кампаніи 1914 года можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ: кавалерія осталась по-прежнему необходимѣйшимъ факторомъ всякаго стратегическаго маневра. Тактически она оказалась несостоятельной для рѣшенія многихъ изъ задачъ на полѣ сраженія. Новыя условія боя требовали радикальнаго измѣненія въ методахъ боевыхъ дѣйствій конницы, но и такого-же измѣненія въ тактическихъ взглядахъ на ея примѣненіе.

* * *

Въ прежнія эпохи эволюція формъ военнаго искусства происходила много разъ медленнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Развитіе современной техники идетъ столь быстрыми шагами, что опытъ минувшей войны и даже кампаніи становится устарѣлымъ для слѣдующей. Это характернѣйшая особенность современной эпохи.

Въ прежнія эпохи выработка опредѣленной тактической доктрины являлась дѣломъ несравненно болѣе легкимъ, чѣмъ теперь. Примѣненіе минувшаго боевого опыта не требовало большихъ поправокъ. Съ началомъ новой войны въ доктрину не приходилось вводить существенныхъ измѣненій, и войска могли дѣйствовать въ теченіе всей войны, исповѣдуя тотъ-же тактическій символъ вѣры, которому они были ранее обучены.

Теперь положеніе создается неизмѣримо болѣе трудное. Фундаментъ минувшаго опыта быстро старѣетъ, и уже въ ближайшіе годы приходится замѣнять его предугадываніемъ будущаго. Отсюда видно, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ Военная Наука.

Здѣсь мы приходимъ къ существеннѣйшему вопросу, выдвинутому современной войной.

Высшее вожденіе войскъ въ современую эпоху заключается не только въ томъ, чтобы правильно распредѣлить и направить арміи. Оно заключаетсъ также въ постоянномъ обновленіи примѣняемыхъ войсками тактическихъ методовъ и въ энергичномъ исканіи въ современной техникѣ все новыхъ и новыхя

средствъ борьбы. Это предъявляетъ къ штабу верховнаго командованія самыя высокія научныя требованія.

Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію развитія тактики въ послѣдующихъ кампаніяхъ, я вынужденъ задержать вниманіе читателя на разсмотрѣніи того, насколько высшіе штабы различныхъ государствъ были подготовлены къ этой новой задачѣ, выдвинутой эпохой. Безъ этого разсмотрѣнія будетъ неяснымъ различіе въ степени использованія того боевого опыта, который собирался войсками на поляхъ сраженій.

Во всѣхъ государствахъ штабы верховныхъ главнокомандующихъ автоматически сформировались при мобилизаціи изъ учежденій, аналогичныхъ германскому Большому Генеральному Штабу.

У насъ подобную роль должно было играть Главное Управленіе Генеральнаго Штаба. Хотя въ мирное время на него такъ-же, какъ и въ Германіи, выпадала тяжелая и отвѣтственная задача по разработкѣ плана войны, все-же въ дѣйствительности различіе съ нѣмецкимъ Большимъ Генеральнымъ Штабомъ было значительно.

Въ Германіи болѣе четверти личнаго состава Большого Генеральнаго Штаба было непосредственно занято разработкой опыта послѣднихъ войнъ и научнымъ изслѣдованіемъ вытекающихъ новыхъ проблемъ въ стратегической и тактической наукѣ.

Военная Академія представляла собой неразрывное цѣлое съ Большимъ Генеральнымъ Штабомъ; ея профессора являлись въ то же время и главнѣйшими дѣятелями Большого Генеральнаго Штаба. Самъ начальникъ Генеральнаго Штаба являлся по примѣру фельдмаршала Мольтке главнымъ и непосредственнымъ руководителемъ всѣхъ научныхъ работъ.

Наше Главное Управленіе Генеральнаго Штаба по существу дѣла имѣло мало общаго съ военной наукой, ибо то обстоятельство, что оно комплектовалось лицами, окончившими болѣе или менѣе давно Военную Академію, вовсе еще не означало, что эти лица были активными работниками въ области военной науки. Тѣ отдѣльныя лица, которыя являлись таковыми, были счастливыми исключеніями, а не правиломъ. Начальнику русскаго Генеральнаго Штаба были подчинены двѣ военно-историческія комиссіи, занятыя разработкой исторіи войнъ 1877—78 гг. и 1904 - 1905 гг., а также и Военная Академія. Но это была связь чисто административнаго характера. За исключеніемъ генерала Палицына и генерала Мышлаевскаго ни одинъ изъ быстро смѣнявшихъ другъ друга начальниковъ Генеральнаго Штаба научной работой въ области стратегіи и тактики не интересовался. Послѣдній же изъ бывшихъ на этой должкости лицъ — генералъ Янушкевичъ, хотя и былъ изъ профессоровъ Академіи, имѣлъ лишь одинъ научный трудъ, посвященный вопросамъ интендантской службы, и по собственному признанію въ началѣ войны считалъ себя совершенно неподготовленнымъ въ области стратегіи и тактики.

Отсутствіе настоящей военной связи Военной Академіи съ Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба было столь велико, что съ 1911—12 гг. Конференція Академіи отстранила отъ руководства так-

тическими занятіями всѣхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, не входившихъ въ постоянный составъ Академіи, вслѣдствіе отсталости ихъ въ тактическихъ знаніяхъ.

Сравнивая германскій Большой Генеральный Штабъ съ нашимъ Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба, приходится констатировать, что если первый былъ прежде всего военно-научнымъ учрежденіемъ, то второе представляло собой учрежденіе исключительно военно-бюрократическое.

Подобное положеніе вещей сказалось не только на качествѣ военныхъ доктринъ, съ которыми выступила русская и германская арміи на поле битвы 1914 г.; оно ярко отразилось и на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ войны. Наша Ставка оказалась органомъ неподготовленнымъ къ той научной работѣ, которая требовалась условіями эпохи. На нашего Верховнаго Главнокомандующаго выпадала совершенно непосильная задача вожденія войскъ, не имѣя въ рукахъ соотвѣтствующаго духу времени аппарата управленія. Подобная задача была непосильна даже для генія; напомнимъ положеніе величайшаго изъ полководцевъ, Наполеона, въ кампаніяхъ 1813, 1814 и 1815 гг.

Дабы не быть голословнымъ, я приведу въ видѣ примѣра, какъ Ставка реагировала на наши первоначальныя неудачи. Казалось-бы, что эти неудачи, въ особенности же Самсоновская катастрофа, заставляли очень и очень призадуматься. Размѣры и обстановка, въ которой произошла послѣдняя, позволяли съ очевидностью предполагать, что главныя причины лежатъ не въ непосредственныхъ исполнителяхъ, а гдѣ-то глубже.

24 августа (6 сент. н. ст.) Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго пишетъ Главнокомандующимъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго фронтовъ (№№ 472, 473), что „... опытъ протекшихъ операцій наводитъ на мысль о томъ, что наши арміи и, въ частности, корпуса въ этихъ арміяхъ дѣйствуютъ нерѣдко не въ должной связи и разбрасываются на слишкомъ большія разстоянія. Такой способъ дѣйствій, при недостаточной маневренной гибкости и подвижности, можетъ приводить къ довольно опаснымъ положеніямъ, изъ которыхъ приходится выходить путемъ большихъ усилій и жертвъ. Верховный Главнокомандующій повелѣлъ мнѣ обратить на изложенное соображеніе вниманіе Ваше и проситъ преподать соотвѣтствующія указанія Командующимъ Арміями“.

Растяжка армій и корпусовъ являлась прямымъ слѣдствіемъ двухъ главныхъ причинъ: 1) необыкновенной чувствительности фланговъ въ современномъ огневомъ бою и 2) непосильностью задачъ, возлагаемыхъ высшимъ командованіемъ на эти войсковыя соединенія. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ выше указаніяхъ Ставки нельзя обнаружить даже попытки проникнуть въ сущность новыхъ явленій тактики. Чрезвычайно характеренъ и чисто „бюрократическій“ пріемъ переложить на низшую инстанцію („преподать соотвѣтствующія указанія Командующимъ Арміями“) то, что должно быть сдѣлано наверху.

Я вынужденъ былъ остановить ваше вниманіе на этой печальной картинѣ военно-научнаго баланса, съ которымъ мы выступили на войну, дабы объяснить, почему богатый опытъ кампаніи 1914 г. не вызвалъ со стороны Ставки усилій для радикальнаго исправленія нашихъ до-военныхъ тактическихъ взглядовъ. Войска-же, не получая руководящихъ указаній сверху, начали сами вырабатывать свои пріемы. Но эти пріемы диктовались „мѣстнымъ" опытомъ и въ результатѣ въ русской арміи создалась еще большая „пестрота" въ тактическихъ взглядахъ нежели та, которая имѣла мѣсто до войны.

Французская армія, создаваемая послѣ пораженія 1870—71 гг., возраждалась съ глубокой вѣрой въ значеніе военной науки. Устройство ея Генеральнаго Штаба во многомъ отличалось отъ организаціи нѣмецкаго. Но въ основѣ его военно-научнаго міровоззрѣнія лежало такъ-же, какъ и въ Германіи, пониманіе эволюціоннаго характера новаго военнаго искусства и стремленіе искать отвѣтовъ на всѣ новыя проблемы въ изученіи, прежде всего, самой практики жизни. Парижская Военная Академія строитъ все обученіе и воспитаніе будущаго высшаго командного состава на прикладномъ методѣ, рѣзко отрываясь отъ той схоластики, которая еще упорно держится во многихъ закоулкахъ военной науки. Французскіе военные министры настойчиво поддерживаютъ эту традицію. Имъ удается привлекать на кафедры Военной Академіи цвѣтъ офицерства. Достаточно напомнить, что маршалы Фошъ, Петенъ, Файоль — это все бывшіе профессора. Правда, во Франціи не было столь прочной связи между Военной Академіей и центральнымъ органомъ Генеральнаго Штаба, какъ въ Германіи, но все-таки научная связь между этими двумя учрежденіями была неизмѣримо тѣснѣе, чѣмъ въ Россіи. Поэтому первыя же неудачи французской арміи заставили штабъ Жоффра немедленно реагировать 2-мя инструкціями: отъ 16 августа и отъ 24 августа.

Обѣ эти инструкціи указываютъ на необходимость считаться съ сильно возросшей дѣйствительностью артиллерійскаго огня. Онѣ предостерегаютъ пѣхоту отъ той поспѣшности, съ которой она ведетъ наступленіе, стремясь овладѣть расположеніемъ противника съ налета. Во измѣненіе указаній уставовъ, обѣ инструкціи требуютъ отъ артиллеріи не только огневого сопровожденія пѣхотной атаки, но и спеціальной артиллерійской подготовки объектовъ пѣхотной атаки. Вмѣстѣ съ этимъ обѣ инструкціи обращаютъ вниманіе на необходимость тѣснѣйшей связи между пѣхотой и артиллеріей. По отношенію къ пѣхотѣ инструкція 24-го августа говоритъ: „Пѣхота, повидимому, не отдаетъ себѣ отчета въ длительности боевъ. Разворачивая большую часть своихъ силъ въ густыя цѣпи, она подставляетъ ихъ сразу подъ непріятельскій артиллерійскій огонь, который коситъ ихъ, останавливаетъ ихъ дальнѣйшее продвиженіе и отдаетъ ихъ во власть непріятельской контръ-атаки. Пѣхота должна вести бой посредствомъ достаточно разрѣженныхъ стрѣлковыхъ цѣпей, все время поддерживаемыхъ своей артиллеріей. Это увеличитъ способность пѣхоты къ длительному бою вплоть до той минуты, когда

успѣшность атаки будетъ подготовлена". Относительно кавалеріи та же инструкція указываетъ, чтобы „кавалерійскія дивизіи всегда имѣли пѣхотныя поддержки, дабы увеличить свою наступательную силу".

Обѣ упомянутыя инструкціи по многимъ вопросамъ остаются еще въ области зачатковъ мысли. Для окончательнаго оформленія этихъ идей требовался болѣе длительный опытъ. Но обѣ инструкціи показываютъ радикальное измѣненіе въ тактическихъ взглядахъ, по сравненію съ до-военными.

Въ германской арміи столько радикальныхъ измѣненій въ доктринѣ не требовалось. Нужно было лишь ввести коренныя измѣненія въ тактику пѣхоты, особенно по отношенію ея тенденціи къ густымъ цѣпямъ. Въ общей же тактикѣ германской ставкѣ оставалось продолжать разработку тѣхъ путей, по которымъ шелъ въ мирное время ихъ Большой Генеральный Штабъ.

ГЛАВА 3-я.

КАМПАНІЯ 1915 ГОДА.

1915 годъ застаетъ большую часть фронтовъ вросшими въ землю и оплетенными проволокой. Для маневра на флангахъ на французскомъ театрѣ мѣста уже нѣтъ. На русскомъ — эта возможность тоже все сокращается. Передъ наступающимъ выростаетъ во всей своей сложности проблема прорыва заблаговременно укрѣпленной позиціи.

Русское Верховное Командованіе рѣшаетъ использовать результаты своей побѣды въ Галиціи. Эта побѣда значительно подорвала духъ австро-венгерской арміи. Направленіе для главнаго удара избирается то, которое ведетъ черезъ Карпаты въ Венгерскую равнину.

Условія прорыва въ горахъ (такъ-же, какъ и въ лѣсахъ) затрудняютъ примѣненіе въ полномъ объемѣ современной матеріальной части. Всѣ рѣшительныя дѣйствія сосредоточиваются въ ограниченныхъ горами долинахъ и лощинахъ, что, въ свою очередь, ограничиваетъ возможность развертыванія многочисленной тяжелой артиллеріи. Это облегчало задачу прорыва русской арміи, „бѣдной" въ артиллерійскомъ отношеніи. Несмотря на кризисъ въ снабженіи снарядами, потребное количество ихъ могло быть ассигновано на указанную операцію; но это напряженіе вело къ израсходованію послѣднихъ запасовъ, и въ томъ случаѣ, если рѣшительный стратегическій результатъ не достигался быстро, „снарядный кризисъ" могъ превратиться въ катастрофу.

Ограниченная возможность развертыванія матеріальныхъ средствъ позволяла использовать качественное превосходство нашей пѣхоты. Послѣ боевъ въ Галиціи она твердо вѣрила въ побѣду надъ Австро-Венгріей, и это былъ одинъ изъ существенныхъ козырей въ рукахъ русскаго командованія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ операціонному направленію черезъ Карпаты были присущи отрицательныя свойства. Дѣйствія въ горахъ развиваются крайне медленно, и операціи принимаютъ затяжной характеръ. Пѣхотѣ, даже налегкѣ, приходится встрѣчать столь трудныя мѣстныя условія, что всякій обходъ требуетъ много времени. Вотъ почему нашъ извѣстный военный ученый генералъ Лееръ и сдѣлалъ въ своей стратегіи такой выводъ: горные раіоны всегда являются театрами второстепенныхъ операцій, ибо ходъ операцій на рядомъ лежащемъ равнинномъ театрѣ протекаетъ настолько быстрѣе, что въ конечномъ итогѣ судьба кампаніи рѣшается тамъ.

Германское Верховное Командованіе, конечно, не собиралось дать намъ время окончательно выбить изъ строя Австро-Венгрію. Оно переноситъ центръ тяжести своихъ дѣйствій на русскій театръ, и мѣстомъ приложенія своего главнаго удара весною 1915 г. избираетъ раіонъ между Дунаемъ и Карпатами во флагъ пробивающимся въ Венгерію русскимъ арміямъ. Для прорыва русской позиціи на р. Дунайцѣ они сосредотачиваютъ около одного милліона германскихъ и австро-венгерскихъ войскъ, снабженныхъ многочисленной артиллеріей. Неудачный опытъ прорыва русскихъ позицій къ западу отъ Варшавы, продѣланный нѣмцами въ раіонѣ Боржимова зимой 1915 г. ярко показалъ имъ, что для того, чтобы пробить окопавшіеся фронты, нужно превосходство въ артиллеріи еще больше, чѣмъ это требовалось въ маневренныхъ бояхъ 1914 года.

Дабы охарактеризовать, какова оказалась разница въ огневыхъ силахъ между „прорывающей“ германской арміей генерала Макензена и „прорываемой русской арміей генерала Радко-Дмитріева (3-я Армія), мы укажемъ на слѣдующія цифры:

Противъ фронта только одного русскаго Х-го корпуса у нѣмцевъ было сосредоточено не менѣе 24-хъ батарей тяжелой артиллеріи; на фронтѣ-же всей 3-ей Русской Арміи въ составѣ 7-ми корпусовъ и занимавшей фронтъ въ 200 верстъ, имѣлась лишь полубатарея 150 мм. гаубицъ и полубатарея 107 мм. дальнобойныхъ пушекъ.

Вполнѣ понятно, что никакая, даже сверхъестественная, доблесть русской пѣхоты не могла остановить германскаго прорыва. 19-го апрѣля нѣмецкій прорывъ измѣряется по фронту 16-ью верстами; черезъ 3 дня прорывъ достигаетъ 140 верстъ, а еще черезъ 3 дня — 200 верстъ. Тактическій прорывъ превратился въ стратегическій, выводящій во флангъ и тылъ русскимъ арміямъ, дерущимся на Карпатахъ, и весь нашъ юго-западный фронтъ вынужденъ былъ начать отступленіе. Дальнѣйшій общій ходъ кампаніи 1915 года заключался въ томъ, что ударная группа Макензена продолжала послѣдовательно „продавливать“ всѣ позиціи, на которыхъ русскіе задерживались. Операціонная линія этого молота прошла черезъ Перемышль на Брестъ-Литовскъ.

Намъ особенно важно отмѣить фактъ, что рѣки крови не могли остановить этого молота. Здѣсь ярко выявилось то, о чемъ мы упоминали въ прошлой лекціи: поглощеніе современной матеріальной частью „пушечнаго мяса“ имѣетъ неограниченные предѣлы. Нѣмецкій молотъ работаетъ точно и вѣрно, какъ правильно налаженная машина.

Сущность этого тактическаго „маханизма“ заключалась въ слѣдующемъ.

Германцы сосредотачиваютъ на избранномъ для прорыва направленіи большую часть своей тяжелой артиллеріи. Послѣдняя съ разсвѣта начинаетъ свое разрушительное дѣйствіе по русской артиллеріи и по русскимъ окопамъ. Нѣмецкая легкая артиллерія пробиваетъ проходы въ проволочныхъ загражденіяхъ. Часа черезъ 4-е герман-

ская пѣхота, выжидавшая въ своихъ траншеяхъ окончанія артиллерійской подготовки, начинаетъ свою атаку и почти безъ потерь занимаетъ русскіе окопы. Быстротѣ и дѣйствительности нѣмецкой артиллерійской подготовки чрезвычайно содѣйствовали особыя обстоятельства: 1) въ снабженіи русской арміи огнестрѣльными припасами наступила катастрофа; на пушку въ среднемъ допускался расходъ въ 5 патроновъ. Чувствовался также сильный недостатокъ и въ ружейныхъ патронахъ. Вслѣдствіе этого и безъ того малочисленная русская артиллерія и пулеметы по существу дѣла становились еще болѣе малочисленными, такъ какъ между ними многіе превращались въ „молчальниковъ". Не могло быть и рѣчи о противодѣйствіи противнику массовымъ и машиннымъ огнемъ; 2) Русская пѣхота придерживалась той же тактики, съ которой она выступила на войну; сопротивленіе ея сосредотачивалось на оборонѣ одной траншеи, которая для этого густо населялась стрѣлками. Это было какъ нельзя болѣе на руку новымъ методамъ атаки, принятымъ германцами. Мы сокращали срокъ, нужный для ихъ артиллерійской подготовки и увеличивали ея дѣйствительность, ибо черезъ нѣсколько часовъ въ обваленныхъ окопахъ были погребены лучшія пѣхотныя силы. Нѣмцамъ приходилось сдѣлать лишь небольшое усиліе, чтобы забрать въ плѣнъ оставшіяся тамъ группы оглушенныхъ бойцовъ.

Съ равномѣрностью фабричной работы дѣйствія нѣмецкаго молота повторяются на протяженіи всей ихъ главной операціонной линіи. Мы хотѣли „тѣлами" защищать „каждую пядь земли"; нѣмцы же выбиваютъ эти „тѣла" артиллерійскимъ огнемъ. Предѣлъ, до котораго можно противопоставлять доблесть войскъ матеріальной части противника былъ далеко уже перейденъ.

Катастрофа въ артиллерійскомъ снабженіи, конечно, являлась первопричиной нашихъ кровавыхъ неудачъ. Но были также и другія причины, менѣе замѣтныя сразу. Мы не уяснили себѣ, что измѣненія тактическихъ методовъ интенсивно продолжается и во время самой войны, притомъ настолько быстро, что каждый новый періодъ боевыхъ столкновеній требуетъ новыхъ пріемовъ боевыхъ дѣйствій и даже новой доктрины.

Русскія войска еще болѣе остро, чѣмъ въ 1914 году, почувствовали весной 1915 года необходимость коренного измѣненія въ примѣняемыхъ ими тактическихъ методахъ. Научнаго руководства сверху не было, и войска сами начали вырабатывать новые пріемы. Дать общую картину этой работы, протекавшей подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, не представляется возможнымъ. „Пестрота" ея требуетъ слишкомъ обширныхъ матеріаловъ, которыми мы не располагаемъ. Но для того, чтобы доказать, что исканіе новыхъ идей происходило, мы приведемъ примѣръ боевыхъ дѣйствій одной изъ армій, а именно 9-ой*).

*) Боевыя дѣйствія 9-ой арміи мнѣ хорошо знакомы по должности генералъ-квартирмейстера этой арміи, которую я занималъ въ періодъ кампаніи.

Эта армія подъ командой генерала Лечицкаго находилась ко времени перваго германскаго прорыва на лѣвомъ флангѣ юго-западнаго фронта, примыкая къ Румынской границѣ. Начало общаго отступленія застало армію генерала Лечицкаго фронтомъ на югъ на линіи рѣки Прутъ. Въ теченіи лѣта 1915 г. арміи пришлось совершить, въ связи съ отступленіемъ сосѣднихъ армій, грандіозное захожденіе правымъ флангомъ назадъ, такъ что въ результатѣ ея фронтъ оказался на рѣкѣ Серетѣ, т. е. подъ угломъ въ 90 градусовъ по отношеніи къ прежнему направленію фронта. Для штаба 9-ой арміи было совершенно ясно, что всѣ усилія проявляемыя 3, 8, 9, и 11-ой арміями во что бы то ни стало удержать завоеванную Галицію, приведутъ къ громаднымъ потерямъ, но общаго отступленія остановить не смогутъ. Это предвидѣніе и было положено въ основу всей оперативной разработки предстоящихъ дѣйствій арміи. Нужно здѣсь замѣтить, что положеніе 9-ой арміи было несравненно болѣе легкое, нежели положеніе 8 и 3-ей армій. Послѣднія принуждены были задерживать натискъ главнаго германскаго удара. Передъ 9-ой арміей находился участокъ австро-венгерскаго фронта, второстепеннаго значенія. Вслѣдствіе этого противъ 9-ой арміи не было усиленія непріятельской артиллеріи. Не было тоже подвода большого числа новыхъ дивизій. Бывшія же раньше на этомъ участкѣ фронта австро-венгерскія войска, изрядно потрепанныя 9-ой арміей въ весеннихъ бояхъ между Днѣстромъ и Прутомъ, держались пассивно. Благодаря этому, создавались спокойные промежутки времени въ 2—3 недѣли, въ теченіе которыхъ мы могли экономить наши снаряды съ тѣмъ, чтобы хотя и скромно, но все-таки „питать“ наши орудія во время боевъ. Я дѣлаю эти оговорки, дабы показать, что въ 9-ой арміи была хотя нѣкоторая „матеріальная“ возможность для успѣшной борьбы. Но все-таки и эта возможность была весьма ограничена, и превосходство въ огневыхъ силахъ было на сторонѣ противника. Такимъ образомъ, передъ 9-ой арміей все-таки стояла задача парализовать это превосходство.

Условія мѣстности, на которой долженъ былъ развиваться отступательный маневръ 9-ой арміи, облегчалъ примѣненіе особой системы дѣйствій. Этими благопріятными условіями являлось то обстоятельство, что раіонъ предстоящихъ дѣйствій 9-ой арміи пересѣкался рядомъ рѣкъ*). Параллельно рѣкѣ Прутъ и Карпатамъ протекала р. Днѣстръ. Вслѣдствіе этого первый этапъ труднаго маневра 9-й арміи облегчался тѣмъ, что эта армія, организовавъ къ западу отъ Хотина и Новоселицъ укрѣпленную позицію, заграждающую промежутокъ между Днѣстромъ и Румынской границей отъ вторженія въ восточномъ направленіи австро-венгровъ, могла отводить большую часть своихъ корпусовъ, дравшихся на р. Прутѣ и на Карпатахъ, прямо назадъ за Днѣстръ. Послѣ этого предстояло постепенно заводить правофланговые корпуса правымъ плечомъ назадъ. Но и здѣсь продолженіе отступательнаго маневра облегчалось начерта-

---

*) См. прил. схему.

ніемъ рѣкъ: всѣ сѣверные притоки Днѣстра — Гнилая Липа, Золотая Липа, Коропецъ, Стрыпа, Серетъ текли почти перпендикулярно Днѣстру и были между собой параллельны. Это давало возможность начать перемѣну фронта правофланговой дивизіи, зацѣпившись за рубежъ перваго изъ этихъ притоковъ; затѣмъ, по мѣрѣ отступленія нашей сосѣдней 11-ой арміи, 9-ая армія могла постепенно осаживать свой правый флангъ, пользуясь слѣдующими притоками Днѣстра. По мѣрѣ подобнаго „отворачиванія" фронта, обороняемый участокъ Днѣстра все сокращался, и число дивизій, становившихся фронтомъ на востокъ, все увеличивалось.

Хотя всѣ эти рѣки, за исключеніемъ рѣки Днѣстра, сами по себѣ не представляли серьезнаго препятствія, но образуемыя ими долины создавали благопріятныя условія для организаціи перекрестныхъ оборонительныхъ огней. Это сильно облегчало заблаговременную подготовку укрѣпленныхъ позицій, позволяя намъ съ тѣми средствами, которыя имѣлись въ распоряженіи штаба арміи, вести фортификаціонныя работы сразу на нѣсколькихъ рубежахъ. Благодаря этому, мы могли оканчивать къ нужному времени инженерную подготовку раіона операцій. Послѣдняя же, въ свою очередь, давала возможность примѣнять новые методы обороны. Въ основѣ этихъ методовъ была положена мысль перемѣстить центръ тяжести главнаго сопротивленія арміи съ линіи укрѣпленной позиціи, защищавшей долину рѣки, на 5—6 верстъ назадъ. Обращаю здѣсь вниманіе на слова „главное сопротивленіе арміи", такъ какъ мы не отказывались отъ упорной обороны самой позиціи. Для этого и предназначались дивизіи первой линіи. Ихъ упорная оборона была необходима дабы не позволить австро-венграмъ завладѣть какимъ-либо участкомъ позиціи небольшими силами. Упорное сопротивленіе перволинейныхъ дивизій было необходимо и для того, чтобы въ достаточной мѣрѣ дезорганизовать тѣ непріятельскія части, которымъ все-таки удастся прорваться и, наконецъ, для того, чтобы возможно болѣе локализировать прорывъ. Тѣ изъ частей нашихъ перволинейныхъ дивизій, которыя продолжали упорно держаться на позиціи, несмотря на то, что сосѣдніе съ ними участки были уже захвачены непріятелемъ, создавали намъ возможность армейскаго боя внутри позиціи, въ которомъ и заключался центръ тяжести всей нашей защиты. Продолжающія упорно обороняться на не прорванныхъ участкахъ нашей позиціи части, представляли для арміи какъ бы щитъ, которымъ она сдерживала проникновеніе вглубь нашего расположенія противника сразу же широкимъ фронтомъ. Благодаря этому, для использованія сдѣланнаго прорыва противникъ долженъ былъ встрѣтить большія трудности. Эти трудности заключались въ томъ, что для дальнѣйшаго развитія своихъ дѣйствій на нашемъ берегу австро-венгры должны были начинать переброску на нашъ берегъ своей артиллеріи. Это требовало извѣстнаго періода времени, а пока ихъ пѣхота, направленная для углубленія прорыва, могла пользоваться поддержкой лишь части своей артиллеріи. Этимъ положеніемъ мы и пользовались, подводя дивизіи, находившіяся въ резервѣ арміи и корпусовъ

съ такимъ расчетомъ, чтобы артиллерія создаваемаго нами очага боя внутри позиціи находилась внѣ достиженія непріятельскихъ батарей, стоявшихъ на томъ берегу рѣки. Огневое превосходство переходило при подобныхъ условіяхъ на нашу сторону, и наша пѣхота легко справлялась съ австро-венграми, забирая тысячи плѣнныхъ.

Австро-венгерское командованіе не отдавало себѣ отчета, что воспринятому ими у нѣмцевъ новому методу наступленія имъ былъ противопоставленъ соотвѣтствующій контръ-методъ. На Золотой Липѣ, на Коропцѣ, на Стрыпѣ и нѣсколько разъ на различныхъ участкахъ Днѣстра повторяется то же самое, и австрійцы каждый разъ терпятъ пораженія.

Итакъ, сама практика заставляла насъ примѣнить систему двухлинейной обороны. Это въ корнѣ противорѣчило основнымъ идеямъ до-военной доктрины, которая все сопротивленіе сосредотачивала на одной линіи. Правда, допускалось примѣненіе, такъ называемыхъ, передовыхъ пунктовъ. Но оборона ихъ велась лишь до развертыванія передъ ними превосходныхъ силъ противника, послѣ чего части, занимавшія передовые пункты, отходили на главную позицію. Система двухлинейной обороны заключалась въ томъ, что первая линія оборонялась совершенно такъ же, какъ ранѣе оборонялась главная позиція, т. е. до конца. Организація сопротивленія на второй линіи являлась дѣломъ высшаго командованія, которое для этого предназначало спеціальныя дивизіи, державшіяся въ корпусныхъ и армейскихъ резервахъ. Перенесеніе центра тяжести армейскаго сопротивленія на вторую линію отражалось, прежде всего, на распредѣленіи силъ для обороны первой линіи и для борьбы внутри позиціи. Для первой задачи назначался лишь необходимый минимумъ силъ. Этотъ минимумъ мы опредѣляли чисто эмпирическимъ путемъ, и въ условіяхъ 1915 г. на фронтѣ 9-ой арміи мы растягивали дивизію на позиціи до 14 верстъ. Приходилось выслушивать многочисленные протесты со стороны командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій, но генералъ Лечицкій выдерживалъ характеръ, ибо эта растяжка давала намъ возможность выводить въ резервъ нужное число дивизій. Съ другой стороны мы отлично отдавали себѣ отчетъ, что въ томъ случаѣ, когда противникъ пожелаетъ насъ прорвать и сосредоточить для этого нужныя матеріальныя средства, онъ все равно насъ прорветъ какъ бы густо мы не населили людьми наши траншеи. Состязаться же съ его сосредоточенной для прорыва артиллеріей мы не могли.

Поэтому всѣ усилія и должны были направляться къ тому, чтобы возможно болѣе частей нашей пѣхоты уберечь отъ уничтожающаго дѣйствія непріятельской артиллерійской подготовки. Растяжка дивизій въ этомъ отношеніи была намъ на руку. Больнымъ вопросомъ являлась необходимость увеличенія числа пулеметовъ, которые своимъ машиннымъ огнемъ восполнили бы малочисленность стрѣлковъ. Мы приложили всѣ усилія, чтобы привести въ порядокъ захваченные у австро-венгровъ пулеметы; но это было лишь слабое приближеніе къ требованіямъ времени. Нужна была коренная реформа въ организаціи пѣхоты, реформа, которая сдѣлала бы пулеметы главнымъ ору-

жіемъ пѣхоты, а ружье — второстепеннымъ. Пока же приходилось примѣняться къ новымъ требованіямъ въ мѣрѣ имѣющихся возможностей.

* * *

Въ кампаніи 1915 года. по сравненію съ 1914 годомъ, роли на французскомъ театрѣ перемѣнились: нѣмцы обороняются, наши союзники стремятся прорвать германскій фронтъ.

Хотя нѣмцы перемѣстили центръ тяжести своихъ дѣйствій на русскій театръ, тѣмъ не менѣе они оставляютъ на своемъ западномъ фронтѣ значительныя силы, обращая особое вниманіе на усиленіе ихъ огневой силы. Поэтому, французамъ приходится рѣшать задачу на производство прорыва совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ нѣмцамъ на русскомъ театрѣ. Здѣсь различіе въ матеріальныхъ возможностяхъ между противниками было столь велико, что можно уподобить эти дѣйствія въ раіонахъ главнаго нѣмецкаго удара борьбѣ человѣка, вооруженнаго хорошимъ ружьемъ, съ человѣкомъ, вооруженнымъ дубиной. При такомъ соотношеніи матеріальныхъ средствъ тактика принимаетъ ненормальныя формы, при которыхъ нѣкоторые изъ матеріальныхъ факторовъ пріобрѣтаютъ безусловно рѣшающее значеніе. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда между обѣими сторонами соотношеніе въ матеріальныхъ возможностяхъ хотя бы нѣсколько подравнивается, какъ это имѣло мѣсто на французскомъ театрѣ, начинаютъ вырабатываться тѣ пріемы борьбы, которые составляютъ то, что мы называемъ словами „современная тактика". Въ этомъ отношеніи кампанія 1915 г. на французскомъ театрѣ гораздо поучительнѣе, чѣмъ на русскомъ. Въ ней можно увидѣть первыя попытки прорыва укрѣпленной позиціи въ условіяхъ современной войны (французы), а также пріемы противодѣйствія этимъ попыткамъ въ подобныхъ же условіяхъ (нѣмцы).

Активныя дѣйствія французовъ въ кампаніи 1915 г. могутъ быть подраздѣлены по своему стратегическому замыслу на два типа:

1. Атаки, производившіяся съ общей цѣлью сковать германцевъ, дабы стѣснить имъ переброску въ Россію. Эти атаки преслѣдовали по преимуществу мѣстныя тактическія цѣли (исправленіе своего расположенія).

2. Наступательныя операціи болѣе широкаго масштаба, задававшіяся цѣлью стратегическаго прорыва германскаго фронта и нанесенія противнику рѣшительнаго пораженія.

Активныя дѣйствія перваго рода (числомъ около 10-ти) имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, зимой и весной; операціи второго рода — лѣтомъ и осенью.

Въ основѣ первыхъ были положены указанія французскаго главнокомандующаго отъ 2-го января 1915 года. Эти указанія, хотя и стараются общими фразами замаскировать ошибки первоначальной доктрины, утверждая, что принципы той доктрины остались вѣрными, тѣмъ не менѣе они показываютъ, что фактическое измѣненіе во взглядахъ произошло радикальное.

Указанія отъ 2-го января 1915 г. считаютъ, что характерными особенностями предстоящихъ наступательныхъ дѣйствій являются: во 1) медленный темпъ развитія ихъ и во 2) необходимость примѣненія методовъ, аналогичныхъ методамъ крѣпостной войны. Успѣхъ каждой пѣхотной атаки обуславливается полнотой предшествовавшей артиллерійской подготовки, причемъ пѣхота должна занимать лишь то, что разрушено артиллеріей. Въ виду этого, процессъ пѣхотнаго наступленія расчленяется во времени и въ пространствѣ на рядъ послѣдовательныхъ штурмовъ, раздѣленныхъ между собой артиллерійскими подготовками.

Учитывая всю недостаточность въ количествѣ тяжелой артиллеріи и устарѣлость образцовъ*), Инструкція 2-го января полагаетъ возможнымъ произвести расчлененіе пѣхотнаго наступленія такимъ образомъ, чтобы объектомъ каждой отдѣльной атаки являлась-бы ближайшая непріятельская траншея. Такимъ образомъ, глубина каждой изъ атакъ небольшая; атака ограничивается нанесеніемъ пораженія боевой линіи пѣхоты противника. Принимая во вниманіе эту расчлененность наступательныхъ дѣйствій, указанія отъ 2-го января требуютъ особо детальной разработки ихъ плана штабами, руководствуясь мыслью, что методичность дѣйствій должна быть поставлена впереди быстроты ихъ развитія.

Первыя наступательныя попытки французовъ стоили имъ большой крови и привели къ ничтожныхъ результатамъ. Наиболѣе удачной изъ нихъ является сраженіе у Пертъ (bataille de Perthes), продолжавшееся съ 15 февраля по 18 марта. Артиллерійская подготовка перваго наступленія велась на фронтѣ $6^1/_2$ верстъ при помощи сотни тяжелыхъ орудій (около 4 тяжел. батарей на версту фронта). Недостаточность артиллерійской подготовки заставляетъ сократить фронтъ атаки до 3-хъ верстъ Въ первый-же день атаки французская пѣхота проникаетъ вглубь непріятельскаго расположенія на 2-3 версты. Одинъ авторитетный германскій источникъ утверждаетъ, что съ 16 по 18 февраля нѣмцы находились подъ большой угрозой стратегическаго прорыва. Французы захватили до 2 000 плѣнныхъ, но въ результатѣ образовался „огневой мѣшокъ", явленіе, ставшее характернымъ слѣдствіемъ недостаточно широкаго и глубокаго прорыва.

Главной причиной французскихъ неудачъ являлось недостаточность артиллерійскихъ средствъ для борьбы съ болѣе современной артиллеріей противника.

Недостаточная дальнобойность чрезвычайно ограничиваетъ глубину артиллерійской подготовки, ограничивая, такимъ образомъ, глубину проникновенія своей пѣхоты; съ другой стороны, она не позволяетъ достигать своимъ огнемъ болѣе дальнобойную непрія-

*) Всего отъ 300 до 400 орудій, значительная часть которыхъ принадлежитъ къ старымъ, нескорострѣльнымъ образцамъ крѣпостной артиллеріи (Bange). Только около сотни орудій болѣе современные, а именно 155 мм. Римальо и нѣсколько 105 мм. дальнобойныхъ пушекъ, появившихся лишь къ концу 1914 года.

тельскую артиллерію. Благодаря этому, значительная часть батарей противника, не угрожаемая ни огнемъ французскихъ батарей, ни атакой французской пѣхоты (ограничивавшейся атакой боевой линіи германской пѣхоты), могли свободно производить сосредоточеніе своего огня противъ мѣстъ проникновенія атакующей пѣхоты, образуя для него огневые мѣшки, въ которыхъ упорствующія въ сохраненіи захваченнаго пространства французскія части несли колоссальныя потери. Медленность огня тяжелвй артиллеріи въ связи съ принятыми методами пристрѣлки имѣетъ слѣдствіемъ, что интервалы между атаками различныхъ пѣхотныхъ линій очень большіе. Когда-же вопросъ шелъ о перемѣнѣ артиллерійскихъ позицій, промежутки между атаками становились многодневными. Это давало возможность непріятелю съ полной увѣренностью производить сосредоточеніе силъ и средствъ къ угрожаемому участку. Вслѣдствіе этого, результаты атакъ по мѣрѣ продолженія операціи становились все меньшими и меньшимн и все дороже оплачиваемыми кровью. Наконецъ, недостатокъ въ количествѣ тяжелой артиллеріи заставлялъ производить атаку на узкомъ фронтѣ, что и приводило, въ случаѣ удачи, лишь къ „мѣшку", прострѣливаемому съ фланговъ непріятельской артиллеріей.

Среди первыхъ наступательныхъ попытокъ заслуживаетъ вниманія атака англичанъ у „Новой Часовни" (l'attaque de la Neuve Chapelle) 10 марта 1915 года. Эмпирическій умъ англичанъ сразу-же замѣтилъ, что первыя линіи пѣхотной атаки имѣютъ стремленіе залегать въ первой-же захваченной траншеѣ изъ опасенія не быть поддержанными сзади слѣдующими резервами. Вмѣстѣ съ этимъ, англійскій Генеральный Штабъ обратилъ вниманіе на необходимость принятія особыхъ мѣръ для немедленнаго-же очищенія захваченныхъ окоповъ отъ укрывшихся въ нихъ непріятельскихъ группъ, ибо иначе первая линія пѣхотной атаки сама начинаетъ заниматься этимъ и это вноситъ въ атаку полную дезорганизацію. Поэтому англійскому Генеральному Штабу пришла мысль заранѣе принимать въ пѣхотѣ такой боевой порядокъ, который точно отвѣчалъ-бы комбинаціи непріятельскихъ траншей, подлежащихъ захвату. Напримѣръ: на тѣхъ участкахъ, гдѣ непріятельская позиція состояла изъ 3-хъ линій окоповъ, штурмующая пѣхота должна была образовывать три атакующія волны, изъ которыхъ первая сразу-же получала задачу захватить третью (заднюю) непріятельскую траншею; вторая волна, немедленно слѣдуя за первой, должна была очистить и занять вторую траншею, третья, - очистить и занять первую. Вслѣдствіе этого передъ атакой пришлось въ своихъ позиціяхъ создавать плацдармъ, состоящій изъ такого-же числа траншей на сближенныхъ дистанціяхъ, въ которыхъ могли размѣститься передъ штурмомъ атакующія волны пѣхоты. Этотъ пріемъ привелъ къ хорошимъ результатамъ и показалъ, что методизмъ въ подготовкѣ заключается не только въ самомъ тщательномъ расчетѣ артиллерійской подготовки, но также и въ самой подробной разработкѣ дѣйствій штурмующей пѣхоты. Такимъ образомъ, планъ атаки сталъ заключать въ себѣ

также и предварительную разработку во всѣхъ деталяхъ вопроса о спеціальномъ для каждаго даннаго случая боевого порядка.

Впечатлѣнія, вынесенныя изъ зимнихъ и весеннихъ операцій, побуждаютъ Французское Высшее Командованіе выпустить 16 апрѣля 1916 года новую инструкцію. Опытъ этихъ операцій опредѣленно показывалъ, что при достаточной артиллерійской подготовкѣ наступающему всегда удавалось проникнуть въ первыя траншеи обороняющагося. Подъ впечатлѣніемъ этого показанія опыта въ штабѣ Жоффра оживаетъ вѣра въ силу пѣхотной атаки. Общая стратегическая обстановка, создававшаяся къ этому времени, содѣйствовала этой перемѣнѣ взглядовъ. Становилось совершенно яснымъ, что германцы ведутъ главныя операціи въ Россіи съ цѣлью вывести ее изъ строя. Малыми наступательными операціями французы не могли помочь Россіи, которая послѣ усилій, сдѣланныхъ въ 1914 году, оказывалась въ критическомъ положеніи. Долгъ элементарной чести требовалъ хотя бы частично отплатить русской арміи за все, что она сдѣлала въ 1914 году для того, чтобы спасти свою союзницу Францію. Поэтому желаніе французскаго главнокомандованія скорѣе перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ вполнѣ естественно.

Инструкція 16 апрѣля 1915 года указываетъ на то, что задачей новыхъ операцій явится не занятіе того или другого участка непріятельской укрѣпленной позиціи, но прорывъ стратегическаго значенія съ цѣлью нанесенія вслѣдъ за тѣмъ рѣшительнаго пораженія нѣмцамъ въ чистомъ полѣ.

Вслѣдствіе этого, оставаясь въ идеяхъ инструкціи 2-го января о необходимости расчлененія наступательной операціи на рядъ послѣдовательныхъ атакъ, имѣющихъ каждая свою артиллерійскую подготовку, новая инструкція настаиваетъ на большей рѣшительности и быстротѣ дѣйствій.

Это, прежде всего, отражается на требованіяхъ, предъявленныхъ пѣхотѣ.

Предыдущая инструкція, исходя изъ идеи, что пѣхота занимаетъ лишь то, что разрушила артиллерія, берегла первую, требуя постановки ей цѣлей въ видѣ захвата ближайшихъ непріятельскихъ траншей. Инструкція 16 апрѣля требуетъ болѣе широкой постановки пѣхотныхъ задачъ, намѣчая цѣлями атакъ рубежи мѣстности въ тылу укрѣпленной позиціи противника.

Для того, чтобы увеличить глубину пѣхотной атаки, инструкція 16-го апрѣля требуетъ отъ пѣхоты увеличенія глубины боевыхъ порядковъ, для чего фронтъ атаки пѣхотной дивизіи сокращается до 1 — 1,5 версты. Пѣхотный боевой порядокъ долженъ заключаться изъ ряда послѣдовательныхъ волнъ, причемъ первая изъ нихъ должна доводиться до густоты одного человѣка на 1 метръ. Это возвращеніе къ старымъ уставнымъ нормамъ можетъ быть объяснено причинами психологическаго характера. Послѣ потерь, понесенныхъ въ 1914 г., пѣхота стала недовѣрять своимъ силамъ. Въ противоположность кампаніи 1914 года, когда она болѣе, чѣмъ пренебрегала помощью своей артиллеріи, стремясь захватить непрія-

тельскія позиціи съ налета однѣми своими силами, въ 1915 г. она начинаетъ предъявлять артиллеріи излишнія и часто непосильныя требованія. Артиллерія еще слаба, и кризисъ въ снабженіи снарядами не изжитъ. А, между тѣмъ, пѣхота требуетъ отъ артиллеріи барражъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда малыя непріятельскія попытки могутъ быть отбиты пѣхотными-же огневыми средствами. Можно предположить, что французское главнокомандованіе въ инструкціи 16 апрѣля реагировало на эту „робость" пѣхоты, думая бороться съ этимъ при посредствѣ стараго метода массированія бойцовъ. Но такой способъ рѣшенія въ современныхъ огневыхъ условіяхъ боя, конечно, является устарѣлымъ; жизнь требовало иного разрѣшенія „кризиса" пѣхоты, а именно восполненія разрѣженности боевой линіи пѣхоты машиннымъ огнемъ пулеметовъ. Но для того, чтобы пробиться въ жизнь, эта новая идея потребовала еще большаго боевого опыта. Сила старыхъ предразсудковъ нигдѣ такъ не сильна, какъ въ области военнаго искусства.

Увеличенія быстроты наступленія инструкція 16 апрѣля предполагаетъ достигнуть:

а) ускореніемъ артиллерійской подготовки посредствомъ использованія наблюденія съ воздушныхъ шаровъ и новаго подарка техники — авіаціи;

б) увеличеніемъ глубины раіона артиллерійской подготовки посредствомъ сближенія батарей съ исходными позиціями пѣхоты.

Въ инструкціи 16 апрѣля мы впервые встрѣчаемъ указанія на необходимость заставить во что бы то ни стало замолчать непріятельскія батареи. Но выполнять эту задачу предполагается въ теченіе самой пѣхотной атаки. Здѣсь чувствуется, что французскій Генеральный Штабъ все еще не можетъ отрѣшиться отъ своего предубѣжденія противъ „артиллерійской дуэли", господствовавшаго до войны. Ограничивая, такимъ образомъ, работу артиллеріи, инструкція 16 апрѣля въ то-же время продолжаетъ предъявлять ей непосильныя по тому времени требованія. Это выражается, прежде всего, въ томъ, что отъ артиллерійской подготовки требуется вездѣ „разрушеніе". Мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, что подобное требованіе не въ состояніи выполнить даже артиллерія 1918 г., и что въ этомъ отношеніи жизнь заставила впослѣдствіи внести цѣлую градацію требованій, начиная отъ фактическаго уничтоженія и кончая временнаго парализованія (нейтрализаціи).

Идеи инструкціи 16 апрѣля нашли свое приложеніе въ двухъ большихъ наступательныхъ операціяхъ: 1) у Артуа (9 мая — 18 іюня) и 2) осеннее сраженіе въ Шампаньи и Артуа.

Въ сраженіи у Артуа избранный для атаки фронтъ достигалъ $16^1/_2$ верстъ. Ударъ наносился 5-ю корпусами (15 пѣх. дивизій), усиленныхъ 340 тяжелыми орудіями. Пристрѣлка батарей и артиллерійская подготовка, несмотря на мѣры, принятыя для ускоренія (воздушное наблюденіе), растянулись на 6-ть дней. Въ день штурма между 6 и 10 часами утра артиллерійская подготовка была доведена до крайней интенсивности. Пѣхота центральныхъ корпусовъ, передъ

фронтомъ которыхъ артиллерійская подготовка оказалась наиболѣе полной, безъ большихъ потерь въ теченіе перваго же часа атаки передовыми своими частями проникаетъ на 4 версты вглубь непріятельскаго расположенія, захвативъ 7.500 плѣнныхъ и 24 орудія. Дальнѣйшее продвиженіе вглубь остановилось, такъ какъ два правофланговые корпуса смогли овладѣть только первой линіей окоповъ противника. На ихъ фронтѣ артиллерійская подготока не была доведена до той же полноты, какъ передъ центральными корпусами. Брешь, продѣланная послѣдними, оказалась всего шириною въ 6 верстъ, и въ слѣдующіе же дни затянулась германскими дивизіями резерва. Вмѣстѣ съ этимъ противникъ, предупрежденный о мѣстѣ атаки длительностью артиллерійской пристрѣлки и подготовки, успѣлъ сосредоточить къ мѣсту прорыва сильную тяжелую артиллерію. Всѣ дальнѣйшія попытки французовъ продолжать наступленіе приводятъ къ ничтожнымъ результатамъ (наступленіе 18 іюня) и стоятъ большой крови. Германская артиллерія оказывается слишкомъ сильной. Такимъ образомъ, операція у Артуа кончилась для французовъ стратегической неудачей: намѣченная цѣль достигнута не была, прорывъ превратился, какъ и раньше, въ мѣшокъ.

Тѣмъ не менѣе, французскій Генеральный Штабъ дѣлаетъ изъ опыта этого наступленія оптимистическіе выводы. Въ замѣткѣ отъ 8-го іюня 1915 года онъ по-прежнему утверждаетъ, что прорывъ нѣмецкаго фронта является дѣломъ обезпеченнымъ при условіи сосредоточенія достаточнаго числа орудій. Необходимъ лишь болѣе широкій фронтъ атаки; ширина же этого фронта опредѣляется количествомъ артиллеріи. Вмѣстѣ съ этимъ французское главное комадованіе даетъ рядъ тактическихъ указаній, служащихъ исправленіями инструкціи 16-го апрѣля (указанія отъ 26-го мая, отъ 18-го іюня, отъ 10-го іюля, отъ 25-го іюля). Въ нихъ указывается, что тактическій успѣхъ въ современномъ бою можетъ быть достигнутъ только въ томъ случаѣ, если непріятельская артиллерія захвачена, или, по крайней мѣрѣ, сдвинута. „Фронтъ атаки долженъ съ перваго же порыва достигнуть непріятельскихъ батарей, такъ какъ артиллерія представляетъ собою главное препятствіе для пѣхотной атаки послѣ того, какъ она прошла первую линію непріятельскихъ траншей“ (указанія отъ 10-го іюля). Подобнымъ методомъ французы совершенно правильно предполагаютъ дезорганизовать заблаговременно организованную противникомъ систему оборонительнаго огня и затруднить ему осуществленіе „огневого мѣшка“. Вышеприведенныя слова имѣютъ и болѣе глубокое значеніе. Въ нихъ впервые формулируется одна изъ основныхъ идей современной тактики, заключающейся въ томъ, что *всякій изъ современныхъ боевъ можетъ считаться выиграннымъ только въ томъ случаѣ, если непріятельская артиллерія, по крайней мѣрѣ, сдвинута*.

Эта идея только еще болѣе подчеркиваетъ необходимость борьбы съ непріятельской артиллеріей посредствомъ своей артилле-

ріи. „Противодѣйствіе противника нашимъ атакамъ преимущественно зиждится на огнѣ батарей; необходимо поэтому ихъ потушить" (указанія отъ 25 іюля).

Французское главное командованіе обращаетъ теперь вниманіе войскъ на необходимость артиллерійской борьбы не только во время самой атаки, но и въ періодъ подготовки. Это, по сравненію съ инструкціей 16-го апрѣля, большой шагъ впередъ. Развитіе авіаціи и широкое примѣненіе воздушныхъ шаровъ облегчаетъ исполненіе требованій.

Относительно пѣхоты опытъ боевъ у Артуа показалъ, что передовыя части французской пѣхоты, не поддержанныя во время слѣдующими эшелонами, уничтожались или попадали въ плѣнъ. Инструкція отъ 16 апрѣля предвидѣла необходимость сжиманія дивизіи къ головѣ. Но она считала, что для перваго дня боя достаточно 1-ой (головной) бригады. Поэтому 2-ая бригада дивизіи оставалась на мѣстахъ ночлеговъ въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія. Указанія 26-го мая измѣняютъ это положеніе, подчеркивая, что часъ успѣха быстротеченъ, и если резервы не подводятся немедленно и не вводятся въ дѣло, успѣхъ упускается. Это замѣчаніе характерно тѣмъ, что констатируетъ исключительное значеніе пѣхоты для эксплоатаціи успѣха. Боовая практика ярко показала, что взглядъ на пѣхоту, какъ на прикрытіе артиллеріи, глубоко ошибоченъ. Но указанія 26-го мая и 10-го іюля не ищутъ разрѣшенія проблемъ, передъ которыми, начиная съ 1914 года, оказалась пѣхота, проблемъ радикальной ея реорганизаціи. Они ограничиваются предписаніями второстепеннаго значенія, а именно: чтобы вторыя бригады атакующихъ дивизій были сближены съ головными бригадами настолько, чтобы немедленно поддержать ихъ атаку.

Чѣмъ ближе къ фронту боя, тѣмъ непосредственнѣе заставляетъ боевой опытъ чувствовать, что безъ пѣхотной атаки даже могущественная артиллерія не въ состояніи дать окончательной побѣды. Главнокомандующій группой армій центра въ своихъ указаніяхъ отъ 29-го августа обращаетъ вниманіе на то, что успѣхъ достигается только въ томъ случаѣ, если выбранный участокъ непріятельской позиціи штурмуется пѣхотой на всемъ фронтѣ. Онъ указываетъ, что здѣсь не можетъ быть интерваловъ, въ которыхъ пѣхота только демонстрируетъ. Фронтъ штурма долженъ быть непрерывнымъ; варьируетъ лишь сила пѣхотныхъ частей, направляемыхъ на штурмъ различныхъ участковъ позиціи. Онъ указываетъ, что успѣхъ наступленія 9-го мая во многомъ обязанъ непрерывности фронта атакъ.

Опытъ боевъ у Артуа, отчетливо подчеркнувшій необходимость экспоатаціи тѣхъ пораженій, которыя наноситъ современная артиллерія, заставилъ французовъ вспомнить и про кавалерію. Въ приложеніи къ указаніямъ отъ 18-го іюня говорится, что для того, чтобы конница могла возможно скорѣе принять участіе въ эксплоатаціи успѣха, она должна отказаться отъ ожиданій удобныхъ моментовъ для дѣйствія крупными массами (дивизіями). „Тотъ, кто собирается ожидать бреши въ 30 километровъ по фронту, отыгривается сло-

вами и не собирается дѣйствовать". Для возможности принять немедленное участіе въ первые же стадіи прорыва, указывается на необходимость расчлененія конницы на малыя единицы (полки, эскадроны), которыя придаются пѣхотнымъ частямъ боевой линіи.

Говоря иными словами, французское главнокомандованіе проводитъ здѣсь новую идею о необходимости для конницы въ начальныя стадіи прорыва пройти малыми частями черезъ руки пѣхотныхъ начальниковъ.

Наконецъ, въ указаніяхъ отъ 10 іюля можно увидѣть, что французскій Генеральный Штабъ чувствуетъ, что методы, преподанные инструкціей 16 апрѣля, совершенно не позволяютъ примѣненія принципа внезапности. Но онъ пока безсиленъ найти практическій выходъ изъ создавшагося положенія вещей. Поэтому онъ ограничивается лишь общимъ указаніемъ, чтобы „атаки укрѣпленныхъ позицій носили бы характеръ рѣшительный и быстрый".

Осеннее наступленіе нашихъ союзниковъ построено было на одновременной атакѣ на двухъ участкихъ: одна въ Шампаньи (2-ая и 4-ая французскія арміи), другая у Артуа (10-я французская и одна британская арміи). Превосходство въ числѣ пѣхотныхъ дивизій на французскомъ театрѣ къ этому времени было на сторонѣ союзниковъ. Къ 1-му сентября оно исчисляется въ 30 пѣхотныхъ дивизій.

Фронтъ для атаки въ Шампаньи былъ доведенъ до 33 верстъ. Въ наступленіи участвовало 35 пѣхотныхъ дивизій при 1.100 легкихъ пушкахъ и при 872 тяжелыхъ орудіяхъ, что давало на 1 версту атакующаго фронта: 1 пѣхотную дивизію, 9 батарей легкой артиллеріи, 6 — 7 батарей тяжелой артиллеріи.

Фронтъ атаки у Артуа достигалъ $8^1/_2$ верстъ. Въ наступленіи участвовало 18 французскихъ дивизій и 13 британскихъ пѣхотныхъ дивизій при 500 легкихъ пушкахъ и 400 тяжелыхъ орудіяхъ, что давало на 1 версту атакующаго фронта: $3^1/_2$ пѣхотныя дивизіи, 14 батарей легкой артиллеріи, 11 батарей тяжелой артиллеріи.

Передъ началомъ наступленія были произведены заблаговременныя обширныя фортификаціонныя работы: вырыты плацдармы траншей для размѣщенія передъ самой атакой штурмующихъ волнъ, а также вырыты многочисленные ходы сообщенія въ глубь на 5 километровъ, дабы обезпечить отъ непріятельскаго артиллерійскаго баража подходъ резервовъ. Всѣ артиллерійскія позиціи выдвинуты впередъ, особенно для дальнобойныхъ батарей, дабы имѣть возможность взять подъ свой огонь непріятельскія батареи. Авіаціонныя средства доведены въ одной Шампаньи до 200 аппаратовъ противъ 60 непріятельскихъ, что обезпечивало для французовъ господство въ воздухѣ.

Вопросы, связанные съ артиллерійской подготовкой были разработаны до мельчайшихъ подробностей. Эта разработка представляла собою цѣлый планъ „артиллерійской операціи", который предусматривалъ рѣшеніе задачъ, возложенныхъ инструкціями на артиллерію: разрушеніе проволочныхъ загражденій и фланкирующихъ

сооруженій, уничтоженіе непріятельскихъ батарей, огневое сопровожденіе фронта пѣхотной атаки и заградительный огонь, обезпечивающій ея фланги.

Интересно здѣсь отмѣтить, что опытъ предыдущихъ попытокъ показалъ, что, несмотря на все могущество артиллерійскаго огня противъ небольшихъ по площади опорныхъ пунктовъ (вродѣ прежнихъ сомкнутыхъ укрѣпленій), разрушительность этого огня оказывалась недостаточной для дѣйствія противъ крупныхъ селеній. Поэтому фронтъ атаки былъ избранъ такъ, что не заключалъ въ своей полосѣ ни одного селенія.

Несмотря на всѣ мѣры принятыя для ускоренія артиллерійской подготовки, въ виду того, что новые скорострѣльные образцы тяжелой артиллеріи все еще не поступили въ большомъ числѣ на вооруженіе французской арміи, эта подготовка затянулась такъ-же, какъ и весной, на нѣсколько дней. Въ Шампаньи она заняла 6 дней (изъ нихъ 3 на пристрѣлку). Въ Артуа она заняла 5 дней. Настроеніе французской пѣхоты было повышенное, но, какъ замѣчаетъ одинъ авторитетный французскій писатель, къ этому времени пѣхота извѣрилась указаніямъ высшихъ штабовъ, въ которыхъ сообщалось о томъ, что Германія напрягаетъ свои послѣднія силы, что со стороны французскихъ войскъ нуженъ только порывъ впередъ, и тогда, какъ заколдованное, сразу падетъ германское сопротивленіе и т. п. Этому крайне наивному методу „повышенія духа“ атакующихъ войскъ, кстати сказать, бывшему также въ большой модѣ у насъ, французская пѣхота даже дала особое названіе: „bourrage de crane“ (набиваніе головъ). Здравый смыслъ людей, видящихъ воочію все происходящее, отказывался вѣрить примитивному представленію о немъ, людей, стоящихъ вдали и не видящихъ всей сложности реальныхъ условій современнаго боя.

25 сентября послѣ нѣсколькихъ часовъ особо интинсивнаго артиллерійскаго огня, причемъ у французовъ впервые нашли примѣненіе снаряды съ удушливыми газами и дымовые, пѣхота пошла на штурмъ.

Въ Шампаньи, несмотря на не благопріятную погоду, она быстро продвигается впередъ, не неся большихъ потерь. Сразу-же пробита брешь шириною въ 20 верстъ, забираются многочисленные плѣнные и орудія*). Но, продвинувшись въ глубину на 3 4 версты, французская пѣхота неожиданно натыкается на вторую укрѣпленную позицію противника, занятую подведенными со всѣхъ сторонъ резервами. Всѣ усилія французской пѣхоты сломить съ налета это сопротивленіе тщетны и вызываютъ большія потери. Не многимъ удачнѣе попытки французскаго командованія сорганизовать новую атаку при поддержкѣ передвинутой впередъ артиллеріи. Наступленіе 6-го октября привело лишь къ занятію первыхъ непріятельскихъ траншей, и стоитъ французской пѣхотѣ большой крови.

*) За всю операцію въ Шампаньи французами взято 25.000 плѣнныхъ и 150 орд.

Въ Артуа французская пѣхота продвигается при атакѣ 25 сентября съ трудомъ и скоро останавливается. Британская пѣхота, удачно использовавшая выпущенную газовую волну, прорываетъ нѣмецкую позицію на фронтѣ 6-ть верстъ и проникаетъ вглубь на 3 версты. Но здѣсь всѣ ея усилія разбиваются о вторую непріятельскую укрѣпленную позицію.

Такимъ образомъ, осеннее наступленіе нашихъ союзниковъ оказалось стратегически столь-же неудачнымъ, какъ и весеннее. Методы осенняго наступленія, какъ мы уже знаемъ, были измѣнены на основаніи весенняго опыта и казалось, что результаты могли быть иными. Но веденіе войны есть двусторонняя игра. На всякій маневръ имѣется въ отвѣтъ соотвѣтствующій контръ-маневръ, такъ-же, какъ на всякій методъ имѣется свой контръ-методъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Нѣмцы примѣнили противъ своихъ противниковъ новые методы обороны, выработанные ими на основаніи того-же весенняго опыта на французскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

* * *

Какъ мы упоминали уже въ прошлой главѣ, кампанія 1914 г. показала несостоятельность той теоріи прерывчатой обороны, съ которой выступили войска на войну. Родилась непрерывная первая траншея съ проволочными загражденіями впереди. Но это первое эмпирически найденное рѣшеніе очень скоро оказалось слишкомъ примитивнымъ, и въ кампаніи 1915 г. у нѣмцевъ въ тылу за первой траншеей начали наростать параллельныя ей другія.

Первая траншея, которая, по продолжающему еще царствовать принципу, густо населялась стрѣлками, вынуждена была строиться достаточно широкой. Между тѣмъ, защита отъ артиллерійскаго огня требовала узкаго и глубокаго окопа. Поэтому явилась мысль дублировать первую траншею другой, находящейся въ непосредственной отъ нея близости для того, чтобы сообщеніе вдоль линіи стрѣлковаго огня направлялось бы по этой второй параллельной траншеѣ. Само собой разумѣется, что обѣ траншеи связывались между собой многочисленными ходами сообщенія. Благодаря этому методу постройки, получалась возможность съузить почти вдвое первую траншею. Но и этого удвоенія линіи окоповъ оказалось недостаточно. Нѣмцы скоро замѣтили, что при подобномъ устройствѣ укрѣпленная позиція очень неустойчива. Въ самомъ дѣлѣ, при условіи сосредоточенія превосходнаго артиллерійскаго огня, а это для наступающаго, въ распоряженіи котораго находится инціатива выбора участка атаки, всегда возможно, обѣ указанныя выше траншеи легко захватываются штурмующей пѣхотой. Въ этомъ случаѣ всѣ сосѣдніе съ мѣстомъ прорыва участки находятся въ критическомъ положеніи и прорывъ грозитъ быстро разростись.

Для упроченія положенія возможны были 3 способа, которые, по мѣрѣ накопленія опыта, и примѣняли нѣмцы, создавъ, такимъ об-

разомъ, тотъ типъ укрѣпленной позиціи, который продержался до конца войны, и остался современнымъ и въ настоящее время.

Первый методъ — это устройство въ тылу стрѣлковой траншеи и сопровождающей ее траншеи сообщенія еще третьей, въ которой должны помѣщаться пѣхотныя поддержки въ устраиваемыхъ для этого укрытіяхъ (лисьи норы и т. п.). Удаленіе этой траншеи отъ линіи огня не должно быть большимъ, дабы пѣхота, съ одной стороны, могла въ ней укрыться во время артиллерійской подготовки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла бы подкрѣпить боевую линію въ критическій моментъ; съ другой стороны, удаленіе ея должно быть достаточнымъ, чтобы обезпечить ее отъ пораженія группы выстрѣловъ, направленныхъ противъ первой; это приводитъ къ дистанціи 75—100 саженъ.

Эта траншея „пѣхотныхъ поддержекъ" являлась хорошимъ средствомъ, чтобы не допустить распространенія прорыва въ глубину расположенія. Поэтому она также приспособлялась къ огню и прикрывалась проволочными загрaжденіями. Въ томъ случаѣ, когда эта траншея могла быть устроена на противосклонѣ, положеніе обороняющагося упрочивалось.

Съ первыхъ же боевъ за укрѣпленныя позиціи въ 1915 г. обнаружилось, что обороняющійся въ современныхъ условіяхъ боя имѣетъ возможность обратить совершившійся прорывъ въ „огневой мѣшокъ". Устройство позиціи изъ стрѣлковой траншеи и траншеи поддержекъ, соединенныхъ между собою ходами сообщенія, представили чрезвычайно выгодное положеніе для устройства подобныхъ „огневыхъ ружейныхъ и пулеметныхъ мѣшковъ". Для этого требовалось только, чтобы нѣкоторыя изъ поперечныхъ позицій ходовъ сообщенія были бы тоже приспособлены къ огню и оплетены проволокой. Благодаря этому, создавался на позиціи рядъ отсѣковъ, въ которыхъ прорвавшійся оказывался запутаннымъ, какъ въ паутинѣ.

Это рѣшеніе можно уподобить тому методу, который примѣненъ въ современномъ кораблестроеніи: дабы охранить броненосецъ отъ потопленія при минной пробоинѣ, внутренность его подраздѣляется броневыми переборками, которыя позволяютъ совершенно изолировать часть корабля, получившую пробоину. Это и являлось вторымъ методомъ.

Наконецъ, тотъ же опытъ 1915 г. показалъ, что хотя предыдущія кампаніи и выяснили несостоятельность прежней системы прерывчатой обороны съ небольшими опорными пунктами, но причиной этой несостоятельности является не принципъ неравномѣрности обороны, а то, что создаваемые опорные пункты слишкомъ легко уничтожались артиллеріей.

Принципъ неравномѣрности обороны начинаетъ находить свое приложеніе въ другихъ формахъ, а именно: внутри самой позиціи выростаютъ въ болѣе важныхъ по тактическому значенію мѣстахъ сложные лабиринты окоповъ. Идея прежнихъ опорныхъ пунктовъ осуществляется въ видѣ узловъ сопротивленія, расползшихся по

землѣ и вросшихъ въ нее, что требовало даже отъ современной артиллеріи гораздо большихъ усилій. Это представляло собою третій методъ упроченія обороны.

Всѣ перечисленныя выше мѣры приводили къ большему возростанію усилій, требуемыхъ отъ артиллеріи атакующаго. Теперь уже требовалось не только разрушеніе одной первой траншеи и лежащихъ передъ ней проволочныхъ загражденій, но и разрушеніе цѣлой укрѣпленной полосы, представляющей собой сложный переплетъ траншей и проволоки.

Процессъ возрастанія необходимыхъ для атаки артиллерійскихъ средствъ, благодаря совершенствованію нѣмцами своихъ методовъ обороны, обгоняетъ процессъ наростанія артиллерійскихъ средствъ у нашихъ союзниковъ.

Штабъ Жоффра не учитывалъ этого въ 1915 году. И, да проститъ мнѣ читатель нѣсколько игривое сравненіе, но военно-научную работу этого штаба можно уподобить тѣмъ мушкетерамъ, которые согласно одной старинной пѣсенкѣ „par un malheureux hasard, ils arrivaient tojours trop tard“.

Осенью 1915 года германскій Генеральный Штабъ подготовилъ французскому еще новый сюрпризъ.

Это было еще большее углубленіе обороны, въ видѣ созданія второй позиціи. Эта вторая укрѣпленная полоса была расположена въ такомъ разстояніи отъ первой, чтобы франко-британскія арміи не могли бы поражать ее, не перемѣнивъ позицій своей артиллеріи.

Вотъ выдержка изъ рапорта командующаго второй французской арміей генерала Петена:

„Вторая германская позиція находилась въ 5—6 километрахъ позади первой на сѣверномъ скатѣ высотъ Дормуазъ (Шампань), находясь, такимъ образомъ, внѣ досягаемости нашей полевой артиллеріи. Она была едва только начата въ концѣ іюля. Но какъ только мы приступили къ нашимъ подготовительнымъ фортификаціоннымъ работамъ (travaux d'approches), непріятель повелъ свои работы съ лихорадочной поспѣшностью. Наши тяжелыя орудія пытались ему мѣшать; но, къ сожалѣнію, число ихъ было недостаточно, такъ же какъ и запасъ снарядовъ, и серьезные результаты не могли быть достигнуты. Несмотря на это, ко дню атаки окопы (второй германской позиціи Н. Г.) не были вполнѣ окончены, но зато всѣ фланкирующія сооруженія такъ же какъ и проволочныя загражденія, которыя имѣли небывалое еще развитіе, были въ полной готовности. Расположеніе этой укрѣпленной позиціи на противосклонахъ дѣлало ее совершенно невидимой для нашихъ земныхъ наблюденій“.

Приведенныя выше строки изъ рапорта генерала Петена позволяютъ намъ заключить, что примѣненіе нѣмцами новыхъ методовъ обороны сильно облегчаются общимъ слабымъ мѣстомъ системы атаки, выработанной штабомъ Жоффра. Какъ мы знаемъ, эта система фактически игнорировала принципъ внезапности. Длительныя подготовительныя работы на избранномъ французами для наступленія участкѣ фронта позволяютъ нѣмцамъ приступить къ созданію

второй укрѣпленной полосы за этимъ участкомъ фронта и даже начать заблаговременное сосредоточеніе силъ. Ко дню атаки, т. е. къ 25 сентября, они успѣваютъ подвести къ угрожаемому въ Шампаньи участку гвардію и X корпусъ, взятые съ русскаго фронта.

Мало этого, уже 24 сентября, т. е. наканунѣ штурма, нѣмецкое командованіе отодвигаетъ большую часть армейской и корпусной артиллеріи за вторую укрѣпленную позицію. Такимъ образомъ, идея двухлинейной обороны находитъ со стороны нѣмцевъ въ осеннемъ сраженіи въ Шампаньи отчетливое примѣненіе. Эта идея проводится германскимъ Генеральнымъ Штабомъ въ указаніяхъ, данныхъ въ іюнѣ 1915 года подъ заглавіемъ: „Выводы изъ опыта войны, касающіеся полевой фортификаціи". Въ этихъ указаніяхъ говорится, что въ томъ случаѣ, когда требуется устойчивая оборона, необходимо располагать по крайней мѣрѣ двумя укрѣпленными позиціями. Дистанція между этими позиціями должна быть такова, чтобы атакущій вынуждался для атаки второй позиціи перемѣщать свою артиллерію. Эта дистанція „опредѣляется условіями мѣстности", говорится въ разсматриваемыхъ нами нѣмецкихъ указаніяхъ: „она должна быть не меньше, чѣмъ 1—2 версты и даже больше, въ зависимости отъ условій обстановки".

Въ инструкціи, данной штабомъ XI баварскаго корпуса отъ 7-го іюня 1915 года, мы читаемъ:

„Намѣреніе непріятеля совершенно ясно (французская инструкція отъ 16 апрѣля): бросить свою пѣхоту для безостановочнаго штурма нашихъ позицій. Это должно насъ убѣдить въ необходимости усилить оборону нашей первой линіи средствами пѣхоты, артиллеріи и фортификаціи настолько, чтобы даже въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ — захвата непріятелемъ первой линіи — привести его къ изнеможенію. Серія другихъ позицій поможетъ дальнѣйшему сопротивленію, принуждая противника начинать передъ каждой изъ нихъ новую подготовку методической атаки".

Сравнивая только что изложенное съ началомъ этой главы, въ которомъ мы разсматривали дѣйствіе на русскомъ театрѣ, мы видимъ, что несмотря на большое различіе условій, все-таки обнаруживаются однородныя явленія: оборона стремится изъ однолинейной стать многолинейной или, вѣрнѣе сказать, глубокой.

Причина этому явленію лежитъ въ томъ, что артиллерійскій огонь сталъ господствующимъ факторомъ на поляхъ сраженій, вслѣдствіе чего районъ рѣшительной борьбы раздвинулся на дистанцію орудійнаго выстрѣла. Раньше, когда центръ тяжести борьбы заключался въ ружейномъ боѣ, этотъ районъ простирался на дистанцію дѣйствительнаго ружейнаго огня. Основной проблемой пѣхоты въ новыхъ условіяхъ боя стало сближеніе на рѣшительную ружейную дистанцію, избѣгая уничтоженія въ полосѣ, доступной одному артиллерійскому огню. Эта проблема и явилась основной изъ всѣхъ, которую силились

разрѣшить боюющія стороны въ 1915 году. При оборонѣ рѣшеніе этой проблемы, въ обшемъ, сволилось къ тому, чтобы, упорно обороняясь дивизіями первой линіи, задерживать продвиженіе впередъ артиллеріи атакующаго и принимать бой съ прорвавшимися частями противника дивизіями второй линіи внутри позиціи, внѣ досягаемости главной массы артиллеріи атакующаго.

Н. ГОЛОВИНЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Понятіе о воинской дисциплинѣ.*)

ГЛАВА I.

Тысячелѣтія существуютъ арміи; роль ихъ необъятно велика въ исторіи народовъ. Нынѣ, какъ и на зарѣ человѣческой культуры, примѣненіе вооруженной силы является ultima ratio при международныхъ конфликтахъ и внутреннихъ осложненіяхъ государственной жизни. На пространствѣ вѣковъ пытливая человѣческая мысль не разъ обращалась къ изученію законовъ бытія войска, вырабатывая наилучшіе способы его примѣненія и пытаясь вскрыть самую сущность его, какъ организованнаго единенія вооруженныхъ людей. Много сдѣлано въ этомъ направленіи и современныя арміи управляются часто съ великолѣпнымъ искусствомъ, покоющимся на тщательномъ и детальномъ изученіи технической стороны военнаго дѣла и методовъ примѣненія вооруженной силы. Гораздо труднѣе поддаются изученію тѣ внутренніе сокровенные законы, по которымъ живетъ войско и которые создаютъ изъ разношерстной толпы людей различныхъ взглядовъ, убѣжденій и культуръ единый организмъ, проникнутый однимъ чувствомъ въ достиженіи общей цѣли. Несмотря на всѣ попытки теоретиковъ и практиковъ военнаго дѣла, не установлено точно до сего времени, въ чемъ же заключается та могучая непреодолимая сила, которая заставляетъ солдата отрѣшиться отъ личной воли, чувства страха и идти въ бой, почти на вѣрную

---

*) Редакція, высказывая свои взгляды на воинскую дисциплину въ № 2 „Воен. Сб.“ (статья И. Ф. Патронова „Старая и новая дисциплина“), имѣла въ виду необходимость практическаго разрѣшенія многихъ вопросовъ въ порядкѣ — что было, что есть (у насъ и иностранцевъ) и что будетъ или должно быть у насъ въ будущемъ. Вопросы эти важны потому, что въ періодъ гражданской войны какъ въ бѣлой такъ и въ красной арміяхъ понятія о воинской дисциплинѣ были совершенно извращены. Далекая отъ совершенства дисциплина нашей старой арміи явилась для бѣлыхъ и красныхъ армій недосягаемымъ идеаломъ.

Поэтому теоретическія опредѣленія понятія „воинская дисциплина“ не имѣютъ существеннаго значенія, къ каковому заключенію приходитъ въ концѣ концовъ и авторъ настоящей статьи. Кромѣ того Редакція не согласна со многими теоретическими положеніями автора, обоснованными главнымъ образомъ умозрительно и логически но часто находящимися въ противорѣчіи съ жизнью. Тѣмъ не менѣе авторомъ высказаны многія интересныя и новыя, хотя, можетъ быть, и спорныя мысли. Считая все-таки полезнымъ помѣщеніе въ Сборникѣ настоящей статьи, Редакція полагаетъ что правильнѣе было бы озаглавить ее „Философія воинской дисциплины“.

смерть. О томъ, что такая сила есть, о томъ, что существуетъ особая душа арміи не нужно, конечно, много говорить — это познается опытнымъ путемъ изъ самаго бытія арміи, какъ единаго организма и не требуетъ, подобно аксіомамъ, особыхъ доказательствъ. Болѣе того, есть даже и искони установившееся опредѣленное названіе для этой силы — это воинская дисциплина. Давно ужъ стало ходячимъ выраженіе, что дисциплина есть душа арміи и что именно она дѣлаетъ ее тѣмъ, чѣмъ армія должна быть по идеѣ. По словамъ Мольтке „армія безъ дисциплины во всѣхъ случаяхъ есть дорого стоющее, для войны негодное и во время мира полное опасности учрежденіе". Дисциплина чрезвычайно высоко цѣнилась римлянами, и другого взгляда, конечно, и не могло быть у сыновъ великой имперіи, широко раздвинувшей свои предѣлы съ помощью желѣзныхъ легіоновъ. Яркое выраженіе такого высокаго пониманія воинской дисциплины мы находимъ у Валерія Максима, Александра Севера и др.

И вообще, по словамъ Дангельмайера „римскіе полководцы стариннаго образа мыслей считали дисциплину болѣе святой, нежели семейныя узы, и римская исторія представляетъ нѣсколько примѣровъ тому, какъ консулы за преступленія противъ дисциплины приговаривали къ смертной казни своихъ собственныхъ сыновей... Только строгая воинская дисциплина давала возможность римлянамъ оказывать врагамъ то упорное сопротивленіе, которое возбуждало удивленіе современниковъ и потомства; и римляне хорошо знали, что своимъ величіемъ они именно обязаны строгой воинской дисциплинѣ". „Дисциплина", говоритъ Десборделье, „это душа арміи, отъ поддержанія и точнаго соблюденія ея зависятъ судьба войска и успѣхъ предпріятій... лишь дисциплина можетъ объединить волю каждаго въ волѣ начальника, можетъ понудить энергію и храбрость каждой отдѣльной личности слиться въ общемъ интересѣ, можетъ, наконецъ, вызвать все, что обезпечиваетъ побѣду, порядокъ и довѣріе, безъ которыхъ храбрость и самопожертвованіе безполезны".

Этотъ взглядъ на воинскую дисциплину вполнѣ усвоенъ нашей военной литературой и законодательствомъ. Въ трудахъ генерала М. Драгомирова („сборникъ за 14 лѣтъ", „солдатская памятка" и др.) мы находимъ много вѣрныхъ и цѣнныхъ мыслей о значеніи воинской дисциплины. Въ общемъ же можно сказать, что только войско, спаянное внутреннимъ началомъ воинской дисциплины, достойно этого имени и только на такое войско можно положиться всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ. „Дубовые лѣса", говоритъ фонъ-Эттингеръ, „не растутъ на движущихся пескахъ", и эта мысль кажется намъ вполнѣ правильной въ примѣненіи къ войску. Могучее войско можетъ вырасти только на твердой, устойчивой почвѣ воинской дисциплины. И вотъ, несмотря на такое единодушіе въ оцѣнкѣ значенія воинской дисциплины для арміи, несмотря на многочисленныя попытки дать исчерпывающее опредѣленіе этому понятію въ законодательствахъ цивилизованныхъ государствъ и въ научныхъ изслѣдованіяхъ многихъ ученыхъ, — понятіе это до сего времени

остается туманнымъ и въ сущности мало раскрытымъ. Проистекающія неблагопріятныя послѣдствія совершенно ясны. Нельзя продуктивно трудиться надъ внѣдреніемъ того, сущность чего представляется непостигнутой.

Отсюда большой ущербъ для силы войска, которая, какъ мы видѣли, находится въ прямой зависимости отъ началъ воинской дисциплины. Безъ отчетливаго пониманія требованій ея, работа военныхъ начальниковъ будетъ идти ощупью, — безъ руководящихъ началъ и часто вмѣсто пользы приносить только вредъ или, во всякомъ случаѣ, не давать результатовъ, необходимыхъ для нормальнаго бытія арміи. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что по этому основному вопросу наблюдается полный разбродъ мнѣній, путаница понятій и отсутствіе единообразія въ руководящихъ началахъ. Не приходится поэтому также удивляться тѣмъ печальнымъ результатамъ, къ которымъ мы пришли въ итогѣ тягчайшихъ революціонныхъ испытаній 1917 года. Армія при этомъ не показала надлежащей стойкости, не обнаружила достоточной силы сопротивленія растлѣвающимъ вліяніямъ, шедшимъ съ равныхъ сторонъ, и довольно скоро обратилась въ силу, грозную не для врага, а для государственнаго правопорядка и интересовъ отдѣльныхъ гражданъ.

Причина этого несомнѣнно лежала въ томъ, что наша армія, имѣя наружно весь блескъ и грозное величіе одной изъ могущественнѣйшихъ армій міра, не носила въ себѣ въ необходимой мѣрѣ началъ воинской дисциплины, и, слѣдовательно, была морально лишена той твердой почвы, на которой растутъ „дубовые лѣса"*).

Только этимъ можно было объяснить возникшія въ то время безконечныя словопренія о „старой" и „новой" дисциплинѣ. Не во всѣхъ случаяхъ они имѣли началомъ своимъ злую волю, желающую подъ покровомъ пышныхъ фразъ уклониться отъ исполненія тяжелаго, но священнаго долга. Иногда, и при томъ нерѣдко, это являлось прямымъ слѣдствіемъ полнаго непониманія истинной сущности воинской дисциплины даже въ офицерской средѣ, и наивнаго убѣжденія, что новыя формы государственнаго устройства должны дать и новое содержаніе этой дисциплинѣ. Въ общемъ же, въ пониманіи этихъ лицъ, „новая" дисциплина должна быть сознательной, основанной на чувствѣ долга и добровольнаго подчиненія, въ противоположность прежней „старой" дисциплинѣ, опиравшейся на принужденіе и силу страха.

Не приходится строго обвинять офицерскій корпусъ за такое шатаніе мысли, — оно имѣло своимъ источникомъ незнаніе и за это долженъ быть посланъ горькій укоръ высшимъ руководителямъ арміи, которые, увлекаясь внѣшними формами, проглядѣли самое главное — душу арміи.

---

*) Редакція не согласна съ подобнымъ мнѣніем о старой арміи. Оно справедливо только въ отношеніи новой арміи — вооруженнаго народа, явившагося на сцену послѣ гибели кадровой арміи.

ГЛАВА II.

Итакъ передъ нами стоитъ вопросъ, въ чемъ же эта душа состоитъ и какое опредѣленіе мы ей должны дать?

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что понятіе это не должно, по нашему мнѣнію, устанавливаться чисто умозрительнымъ путемъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы пытаемся вскрыть сущность реально существующаго организма, выявляющаго свои основныя особенности въ самомъ своемъ бытіи и взаимодѣйствіи составляющихъ его частей. Поэтому нельзя не согласиться съ соображеніями, которыя уже ранѣе высказывались въ нашей литературѣ и сущность коихъ сводится къ тому, что воинская дисциплина есть не болѣе, какъ общій выводъ изъ реальныхъ условій и требованій войсковой жизни вообще и боевой — въ частности. Только изученіе быта войска и тѣхъ цѣлей, во имя которыхъ оно существуетъ, можетъ дать намъ матеріалъ для установленія понятія воинской дисциплины. Эти же реальныя требованія и условія военнаго быта даютъ намъ критерій для оцѣнки пригодности той или другой теоріи.

Если мы обратимся къ тому наиболѣе распространенному взгляду на воинскую дисциплину, который живетъ во многихъ европейскихъ арміяхъ, то мы увидимъ, что сущность его, общимъ образомъ говоря, сводится къ принципу законности и повиновенія. Принято считать, что въ этомъ и есть душа арміи, и что она здѣсь находитъ себѣ наиболѣе полное выраженіе

Такъ, этотъ принципъ положенъ въ основаніе нашего Устава Дисциплинарнаго, который въ ст. I постановляетъ: „Воинская дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи правилъ, предписанныхъ военными законами"... Декретъ президента французской республики отъ 20 октября 1892 года стоитъ на этой же точкѣ зрѣнія, причемъ главное вниманіе обращаетъ на обязанность повиновенія своимъ начальникамъ. Онъ постановляетъ: „Дисциплина, какъ главнѣйшая сила арміи, требуетъ отъ подчиненныхъ полнаго и постояннаго повиновенія начальнику и буквальнаго исполненія его приказаній безъ колебаній и ропота". Правда, такое узкое пониманіе этого вопроса нашимъ и французскимъ законодательствомъ отчасти ослабляется нѣкоторыми другими положеніями закона. Но именно это отступленіе отъ прямолинейнаго проведенія основной мысли лучше всего доказываетъ принципіальную неправильность и непріемлемость ея, до нѣкоторой степени сознаваемую и самимъ законодателемъ. Статья 4 нашего Устава Дисциплинарнаго говоритъ о необходимости для начальника быть справедливымъ въ сношеніяхъ съ подчиненными,

отечески заботиться о благосостоянiи ввѣренной ему команды, входить въ нужды своихъ подчиненныхъ, быть въ потребныхъ случаяхъ ихъ совѣтникомъ и руководителемъ и пр. „Слѣдуетъ стараться“, постановляетъ французскiй уставъ о внутренней службѣ въ ст. I, „добиваться дисциплины добровольной, основанной на высокомъ чувствѣ преданности Родинѣ и на дѣйствительномъ сознанiи долга; это достигается разумнымъ нравственнымъ воспитанiемъ солдата“. Вообще же во французскомъ уставѣ весьма подробно указаны обязанности начальниковъ, чѣмъ оттѣнена мысль, что требованiя дисциплины равно обязательны для всѣхъ, а также удѣлено серьезное вниманiе нравственной сторонѣ воинской дисциплины. У насъ эти стороны развиты не въ достаточной мѣрѣ, несомнѣнно, къ явному ущербу для практическаго дѣла воспитанiя солдатъ. Совершенно ясно, конечно, что основное опредѣленiе воинской дисциплины, даваемое нашимъ и французскимъ уставами, не находится въ органической связи съ только что приведенными дополнительными постановленiями.

Изъ принципа безпрекословнаго повиновенiя и покорности, естественно, не вытекаютъ обязанность „отечески заботиться о нуждахъ своихъ подчиненныхъ“, а также и вышеприведенныя положенiя французскаго устава о внутренней службѣ*).

Несомнѣнно, это является попыткой улучшить и углубить основное опредѣленiе воинской дисциплины, подъ влiянiемъ проникающаго въ сознанiе лучшей части армiи болѣе точныхъ и правильныхъ представленiй объ основахъ воинскаго воспитанiя.

Обращаясь къ оцѣнкѣ этихъ опредѣленiй, необходимо прежде всего отмѣтить, что строгое соблюденiе законовъ и повиновенiе есть признакъ совершенно формальный. Исполнять законы и распоряженiя начальства можно какъ по высокимъ нравственнымъ мотивамъ (велѣнiе долга), такъ и по соображенiямъ низменнаго порядка, напримѣръ, изъ чувства страха и пр. Быть лояльнымъ въ своихъ дѣйствiяхъ и согласовать ихъ во всѣхъ проявленiяхъ съ требованiями закона, можетъ какъ лицо съ глубоко воспитаннымъ чувствомъ законности, такъ и человѣкъ, совершенно безнравственный, чуждый яснаго представленiя о высокихъ идеяхъ права и справедливости. Такимъ образомъ, одно исполненiе законовъ или повиновенiе, какъ фактъ, еще ничего не предрѣшаетъ. И если въ средѣ гражданскаго общества вопросъ о томъ, почему и въ силу какихъ соображенiй данное лицо проводитъ свои дѣйствiя въ согласiе съ требованiями закона является вопросомъ, не имѣющимъ серьезнаго значенiя для законодателя, то въ войскѣ онъ прiобрѣтаетъ особую и первостепенную важность. Въ гражданскомъ быту важно и существенно необходимо, чтобы членъ общества не нарушалъ чужихъ правъ и до тѣхъ поръ, пока онъ не выходитъ за границы предоставленной ему сферы свободной дѣятельности и не вторгается въ правоохраненную

---

*) Почему не вытекаютъ? Моральная связь между этими двумя положенiями ясна и необходима

Редакцiя.

сферу интересовъ другихъ, государственная власть остается спокойной и не обращаетъ вниманія на мотивы, побуждающіе дѣятеля къ поступкамъ, соласнымъ съ предписаніями закона.

Не то въ войскѣ. Оно сильно лишь внутренней спайкой, духовной связью всѣхъ составляющихъ его членовъ. Душа арміи есть коллективная душа всѣхъ воиновъ, ея сила, бодрость и возвышенность въ силѣ бодрости и возвышенности характера всѣхъ входящихъ въ составъ войска солдатъ. Чего нѣтъ въ первомъ, того по общему правилу не можетъ быть и во второмъ и наоборотъ. Поэтому законность, какъ чисто внѣшнее механическое приведеніе дѣйствій воина въ согласіе съ требованіями военнаго закона, не имѣетъ существеннаго значенія для войска. Подъ внѣшне лояльной и часто блестящей личиной могутъ жить самыя презрѣнныя побужденія. Въ такомъ случаѣ, въ тяжелую минуту, въ періоды рѣшительнаго испытанія, когда временно исчезаетъ угроза суровымъ наказаніемъ, открывается во всей своей отвратительной наготѣ истинное лицо такого войска и проявляются самые худшіе инстинкты насильственно подавленной воли. Такая армія, таящая въ себѣ грозныя для государственнаго порядка возможности, по справедливости не есть войско, а механическое соединеніе вооруженныхъ людей. Строить на чувствѣ страха и сводить все воинское воспитаніе къ пассивному повиновенію, — значитъ строить на пескѣ и не заботиться о будущемъ.

Для поясненія того, что не все въ дѣйствіяхъ подчиненнаго обнимается понятіемъ законности и повиновенія, приведемъ примѣръ изъ работы проф. кн. Друцкого.

Въ военное время, въ бурную темную ночь начальникъ посылаетъ двухъ подчиненныхъ съ письменнымъ приказаніемъ за десятки верстъ въ мѣстность, постоянно подвергающуюся нападенію непріятеля. Подчиненные повинуются безпрекословно, но одинъ изъ нихъ въ душѣ проклинаетъ свою судьбу и своего начальника, и лишь изъ страха наказанія исполняетъ приказаніе. Въ пути этотъ подчиненный попалъ въ засаду, устроенную непріятелемъ, пытался спастись бѣгствомъ, но былъ взятъ въ плѣнъ, а находившееся при немъ приказаніе переходитъ въ руки непріятеля. Другой подчиненный, не думая объ опасности пути и не осуждая начальника, бодро пускается въ путь съ единственной цѣлью возможно лучше исполнить порученіе. Онъ также встрѣчается съ непріятелемъ, убѣдился въ невозможности пробиться и, помня о данномъ ему порученіи, уничтожилъ полученную отъ начальника бумагу, за что и былъ убитъ непріятелемъ*). Конечно, въ послѣднемъ случаѣ надлежитъ

*) Приведенный примѣръ опытные строевые офицеры считаютъ неудачнымъ. Первый изъ посланныхъ могъ быть идеальнымъ воиномъ, но захваченный врасплохъ или подъ вліяніемъ внезапно охватившаго его страха во время бѣгств не успѣлъ уничтожить приказанія. Другой же, видя невозможность пробиться, могъ имѣть достаточно времени дабы обдумать положеніе и уничтожить записку.

Редакція.

видѣть примѣръ правильнаго пониманія воинской дисциплины и своего долга. Между тѣмъ различие въ способахъ и характерѣ исполненія одного и того же приказанія въ двухъ разсмотрѣнныхъ положеніяхъ, зависитъ исключительно отъ душевнаго состоянія того и другого подчиненнаго и степени проникновенія ихъ характера опредѣленными нравственными началами. Вотъ въ этихъ то нравственныхъ началахъ и заключается сущность опредѣляемаго нами понятія. Необходимо, чтобы повиновеніе явилось результатомъ особаго нравственнаго состоянія солдата, которое съ неизмѣннымъ постоянствомъ и строгою необходимостью опредѣлило бы линію его поведенія во всѣхъ случаяхъ жизни. Ясно, что движущимъ элементомъ арміи является исключительно лишь это нравственное состояніе, внѣшнимъ образомъ проявляющееся въ дѣйствіяхъ, согласованныхъ съ интересами арміи.

Заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманіе соображенія проф. кн. Друцкого: „Успѣхъ боевой дѣятельности войска и самое бытіе этого послѣдяго возможны только тогда, когда приказаніе не можетъ быть не исполнено, также какъ не можетъ остаться неподвижнымъ вѣсомое тѣло, ничѣмъ неподдерживаемое". Кромѣ того, механическое подчиненіе, не озаренное свѣтомъ общихъ идей военнаго служенія, совершенно не соотвѣтствуетъ требованіямъ, предъявляемымъ въ настоящее время къ каждому отдѣльному воину. Безъ его самодѣятельности, и во многихъ случаяхъ творческой инціативы, трудно расчитывать на успѣхъ боевой дѣятельности. Тотъ же, кто пріученъ лишь безпрекословно подчиняться, слѣпо слѣдуя указаніямъ начальниковъ, тотъ не будетъ способенъ къ проявленію такой самодѣятельности въ нужную минуту. Между тѣмъ въ боевой обстановкѣ нерѣдко бываютъ случаи, когда подчиненный, не получая непосредственныхъ указаній отъ начальниковъ, и не находя прямой опоры въ требованіяхъ закона, долженъ принимать рѣшеніе по своему усмотрѣнію и пониманію.

Такимъ образомъ вышеприведенное опредѣленіе воинской дисциплины не отвѣчаетъ ни теоретическому пониманію, ни практическимъ требованіямъ военнаго дѣла. Между тѣмъ это опредѣленіе, явно несостоятельное, усвоено также и многими теоретиками военнаго дѣла. Оно же, какъ мы указали выше, широко распространено и въ военной средѣ. Естественно, что лица, воспитавшіяся въ подобныхъ взглядахъ, а ихъ было не мало у насъ, склонны были разсматривать утвержденія о необходимости сознательной и основанной на чувствѣ долга дисциплинѣ, о чемъ усиленно и безъ достаточнаго пониманія заговорили въ 1917 г., какъ откровеніе революціоннаго времени и результатъ новыхъ формъ государственнаго устройства. Мы постараемся показать, что понятіе воинской дисциплины ни въ какой зависимости отъ этихъ формъ не находится, и всегда покоилось на незыблемыхъ устояхъ нравственныхъ началъ и сознательнаго отношенія къ своему долгу. Все, что поддерживалось лишь чувствомъ страха и выражалось лишь въ механическомъ повиновеніи приказамъ начальниковъ, съ теоретической точки зрѣнія

не можетъ быть названо воинской дисциплиной, хотя бы въ жизни оно и носило такое названіе. Съ нашей точки зрѣнія послѣднее состояніе является результатомъ дрессировки, муштровки и никогда не должно быть смѣшиваемо съ воинской дисциплиной. Дрессировать съ успѣхомъ можно и звѣрей, но только человѣку съ развитымъ нравственнымъ чувствомъ могутъ быть привиты, путемъ соотвѣтственнаго воспитанія, воинскія начала воинской дисциплины. Поэтому нѣтъ и не можетъ быть никакой „старой" и „новой" дисциплины. Есть единая воинская дисциплина, требованія которой мало сознаются до настоящаго времени, и есть, конечно, дрессировка, увлеченіе которой не прошло и по сей день.

Оставаясь на почвѣ ранѣе высказанныхъ нами соображеній, мы не можемъ согласиться съ такимъ, напримѣръ, опредѣленіемъ профессора Кузьмина-Караваева: „Воинская дисциплина — есть совокупность условій, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между начальниками и подчиненными". Ничего, кромѣ чисто-формальнаго, сухого начала соблюденія извѣстныхъ условій и требованій закона, въ такомъ опредѣленіи мы не усматриваемъ и никакъ не можемъ признать, чтобы въ подобной совокупности условій и заключалась „душа арміи".

Болѣе цѣнными являются тѣ опредѣленія и соображенія, въ которыхъ отмѣчается внутренне-дѣйственное начало войска и ставится въ связь съ понятіемъ дисциплины.

„Если военный бытъ", говоритъ Лоренцъ Штейнъ въ своемъ трудѣ, „Ученіе о военномъ бытѣ, какъ часть науки о государствѣ", „который стоитъ столькихъ жертвъ всему народу и каждому отдѣльному гражданину, дѣйствительно долженъ соотвѣтствовать своей цѣли, то каждый солдатъ не только не долженъ нарушать права, но и устраивать всю свою жизнь и все свое поведеніе такимъ образомъ, чтобы они согласовались съ существомъ и задачею военнаго быта". Такую обязательность опредѣленнаго поведенія военнослужащаго Штейнъ называетъ дисциплиной. Дисциплина требуетъ, чтобы каждый не только воздерживался отъ дисциплинарныхъ проступковъ, но и чтобы онъ подчинялъ себя этому порядку во всемъ своемъ даже не строго служебномъ поведеніи. Признаку самодѣятельности удѣляется особое вниманіе въ трудахъ Геккера и Марка. Первый изъ нихъ опредѣляетъ дисциплину, какъ „надлежащее отношеніе солдата къ обязанностямъ своего званія и къ своимъ начальникамъ, а также надлежащее поведеніе его внѣ службы и независимо отъ своего званія". Въ первой части приведеннаго опредѣленія выражены требованія такъ называемой служебной дисциплины, а во второй — дисциплины въ широкомъ значеніи этого понятія. Дисциплина требуетъ не только исполненія закона, но также и того, чтобы вся жизнь и цѣли солдата согласовались съ требованіями военнаго быта и задачами войска. „Данное войско хорошо дисциплинировано", по мнѣнію Геккера, „если вообще во всемъ каждый солдатъ не только соблюдаетъ законы согласно требованіямъ долга, но если и вся его жизнь и его поведеніе во всѣхъ случаяхъ оказываются согласован-

ными съ задачами и сущностью войска. Поэтому слѣдуетъ всѣми возможными способами воспитывать въ солдатѣ дисциплину, ибо боевой духъ достигается лишь послѣ долгихъ упорныхъ трудовъ".

Маркъ отмѣчаетъ особенно „самостоятельную, добровольную, свободно проявляющуюся сторону дисциплины, которая тѣмъ важнѣе, чѣмъ менѣе во время военныхъ дѣйствій, — гдѣ дисциплина всего нужнѣе, можетъ проявляться вліяніе приказаній и при томъ не только въ такихъ положеніяхъ, въ которыхъ и въ мирное время единичные люди дѣйствуютъ самостоятельно (какъ, напр., въ качествѣ ординарца, везущаго донесеніе, въ стрѣлковой цѣпи, стоя на часахъ, идя въ патруль), но и въ такихъ, въ которыхъ солдатъ привыкъ чувствовать руководство; это послѣднее легко можетъ не проявиться по той простой причинѣ, что бой могъ выхватить командира изъ рядовъ сражающихся. Въ такихъ случаяхъ выручаетъ только самодѣятельное, добровольное подчиненіе своей личности до самозабвенія волѣ командующаго. Воинскій духъ требуетъ даже большаго, онъ требуетъ, чтобы добровольное подчиненіе возвышалось до чувства радостнаго при такомъ поглощеніи собственной личности. Далѣе Маркъ ссылается на § 28 нѣмецкаго устава полевой службы, который предписываетъ „отъ самаго молодого солдата до старшаго слѣдуетъ всегда и во всемъ требовать полнаго, сознательнаго добровольнаго отреченія отъ своей личности, духовно и физически. Только въ такомъ случаѣ можно довести войско до полнаго развитія его боеспособности въ согласованномъ дѣйствіи всѣхъ частей".

Этотъ взглядъ на воинскую дисциплину находитъ себѣ послѣдователей и среди нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ ученыхъ. Въ частности, проф. генералъ Абрамовичъ-Барановскій находитъ, что „понятіе дисциплины гораздо шире простого и безусловнаго повиновенія волѣ начальниковъ; дисциплина, состоитъ не только въ пассивномъ исполненіи приказаній и установленныхъ правилъ, но и въ самодѣятельности солдата. Эта самодѣятельная сторона пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе въ наше время, когда отъ каждаго военнослужащаго требуется извѣстная дисциплина, когда по самому способу современнаго боя для начальниковъ затруднительно наблюденіе въ бою за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, и когда губительное дѣйствіе современнаго оружія требуетъ высокаго развитія нравственныхъ сторонъ войска и сознанія долга передъ отечествомъ". Профессоръ Н. Фалѣевъ, признающій большую важность элемента самодѣятельности въ понятіи воинской дисциплины, опредѣляетъ послѣднюю, какъ „обязанность такого поведенія со стороны военно-служащаго, которое содѣйствуетъ арміи въ достиженіи ея задачъ". По мнѣнію профессора Плетнева, „Скрещеніе творческой воли верховнаго вождя и вліяній государства создаетъ въ войскѣ, черезъ систему правилъ и обязанностей, особое умоначертаніе составляющихъ его массъ, которое даетъ въ результатѣ дисциплину. Въ абстрактномъ своемъ означеніи это умоначертаніе составляетъ философское выраженіе отношенія войска къ важнѣйшимъ обязанностямъ своей жизни, — побѣдѣ надъ врагомъ черезъ страданіе и смерть. Въ своемъ конкрет-

номъ выраженіи, дисциплина образуется изъ совокупности этическихъ и правовыхъ навыковъ, охватывающихъ все содержаніе воинскихъ цѣлей солдата".

Не входя въ разсмотрѣніе каждаго изъ приведенныхъ опредѣленій въ отдѣльности, отмѣтимъ, что по широтѣ и глубинѣ захвата они являются, съ нашей точки зрѣнія, наиболѣе удовлетворительными. Въ этихъ опредѣленіяхъ, удѣляющихъ такъ много вниманія нравственной природѣ воинской дисциплины, прощупывается уже біеніе жизни, та душа арміи, которую мы желаемъ опредѣлить въ общемъ понятіи. Но удовлетворить насъ вполнѣ они не могутъ. Дѣйствительно, въ самодѣятельности солдата и въ его поведеніи, согласованномъ съ интересами арміи, они видятъ нѣкоторую сущность, имѣющую самостоятельную цѣнность. Это не такъ. Сущность должно усматривать исключительно въ особомъ душевномъ состояніи воина, томъ состояніи, которое опредѣляетъ все дальнѣйшее поведеніе его. Согласное съ интересами арміи поведеніе воина само по себѣ еще не опредѣляетъ степени дисциплинированности воина, ибо оно можетъ имѣть характеръ явленія случайнаго или проистекающаго изъ какихъ-либо чуждыхъ арміи побужденій. Важна именно сущность, самый характеръ воина, совокупность заложенныхъ въ немъ нравственныхъ привычекъ, которыя съ неумолимой послѣдовательностью опредѣлятъ весь образъ жизни и дѣйствій воина до мельчайшихъ деталей. Такимъ образомъ, надлежащее поведеніе, о которомъ ранѣе говорилось, можетъ быть признано лишь результатомъ, послѣдствіемъ воинской дисциплины. Послѣдняя есть та сущность, которая сильнѣе смерти и ведетъ воина не только къ формальному исполненію закона, но и святому подвигу самоотреченія и самопожертвованія во имя высокихъ идеаловъ. Эта сущность есть всеопредѣляющее движущее творческое начало, и она не можетъ быть отождествляема ни съ поведеніемъ воина, ни съ какими другими **внѣшними** проявленіями его личности. Воинская дисциплина есть не только душа арміи, но и душа каждаго воина въ отдѣльности.

Если мы обратимся къ анализу воинскаго служенія, то мы увидимъ, что все оно построено на принципѣ самоотреченія и самоограниченія. Этотъ принципъ проникаетъ во всѣ поры воинскаго дѣла, властно опредѣляетъ мельчайшія детали въ повседневной жизни солдата, и въ минуту испытанія ведетъ его на смерть. Личные интересы воина должны склониться передъ интересами арміи, стушеваться, отойти на второй планъ и не заявлять о себѣ тогда, когда властно говоритъ голосъ воинскаго коллектива. Если могучее чувство самосохраненія смертельнымъ ужасомъ сжимаетъ сердце воина передъ грозной опасностью; если голосъ живого существа рѣзко и отчаянно заявляетъ о своихъ правахъ на жизнь передъ лицомъ грядущей неумолимой смерти, то воинъ долженъ найти въ себѣ великія силы, дабы противостоять этимъ могучимъ побужденіямъ физической природы и исполнить свой долгъ до конца. Но этого мало, онъ долженъ исполнить его не какъ рабочая скотина подъ

бичемъ своего господина, а какъ гражданинъ, во имя долга и въ сознанiи своей нравственной обязанности.

Переходя затѣмъ къ мелочамъ воинскаго служенiя, мы увидимъ здѣсь все то же возведенное въ систему самоограниченiе. Воинъ долженъ ограничить свои желанiя и тогда, когда тоскующiй голосъ сердца зоветъ его къ близкимъ, оставленнымъ въ далекомъ краю, быть можетъ, въ горѣ и нуждѣ, онъ долженъ ограничить себя и тогда, когда, стоя на посту, онъ борется со смертельной усталостью и т. д.

Невольно возникаетъ вопросъ, какая же это могучая сила, которая сильнѣе смерти, сильнѣе всѣхъ личныхъ желанiй воина? Какая это сила, которая можетъ автоматически опредѣлить всѣ дѣйствiя его и сообщить имъ такой же характеръ обязательности, какъ влiянiе закона тяготѣнiя на физическiя тѣла? Какая это, наконецъ, сила, которая, подчинивъ себѣ личность воина и опредѣливъ всѣ его желанiя и поступки, вмѣстѣ съ тѣмъ сохранитъ его индивидуальность свободнаго гражданина и сообщитъ его дѣйствiямъ духовную красоту высокихъ достиженiй?

Сила это одна — нравственность.

Она разлита въ природѣ человѣческихъ обществъ, роднитъ съ Божествомъ и является непремѣннымъ и обязательнымъ условiемъ всякаго общежитiя и культурнаго развитiя человѣчества. Исторiя даетъ многочисленные примѣры того, что нравственность дѣйствительно сильнѣе смерти и можетъ повести на жертвенный подвигъ въ озаренiи радостнаго и спокойнаго духа. Все это настолько понятно, что мы не будемъ распространяться о значенiи нравственной силы. Скажемъ просто, что основнымъ требованiямъ воинскаго служенiя необходимо сообщить силу нравственныхъ навыковъ, которые неудержимо влекли бы солдата по пути исполненiя долга. Дѣйствительно честнымъ мы называемъ не того человѣка, который побуждается къ извѣстному поведенiю страхомъ наказанiя или желанiемъ выгоды, а только того, кто не можетъ быть нечестнымъ, въ силу заложенныхъ въ немъ нравственныхъ принциповъ. Только при этомъ условiи армiя можетъ быть признана дисциплинированной, и только тогда она явится надежнымъ орудiемъ въ рукахъ вождя.

Только въ этомъ случаѣ получается полная увѣренность въ ея образѣ дѣйствiй и въ томъ, что дни тяжелыхъ испытанiй не принесутъ намъ горькихъ разочарованiй. Это именно и есть та почва, на которой растутъ „дубовые лѣса", т. е. создается несокрушимая мощь армiи. При этомъ условiи, полное всякихъ лишенiй и страданiй служенiе воина озарится свѣтомъ высокихъ иделовъ, и предстанетъ въ сознанiи его легкимъ и радостнымъ дѣломъ во имя блага отечества.

Въ душѣ воина долженъ быть заложенъ опредѣленный комплексъ нравственныхъ навыковъ и идей, который будетъ властно побуждать его къ исполненiю своего долга, и опредѣлять его по-

веденіе какъ по службѣ, такъ и внѣ ея, до послѣднихъ мелочей, въ полномъ соотвѣтствіи съ интересами арміи.

Поведеніе лица, воспитаннаго въ принципахъ нравственности, не можетъ зависѣть ни отъ какихъ случайныхъ мотивовъ и побужденій. Опредѣленный способъ дѣйствій становится его натурой и всякое невольное даже отступленіе отъ пути, предначертаннаго велѣніями нравственныхъ началъ, влечетъ за собою серьезныя душевныя страданія. На стражѣ исполненія нравственныхъ завѣтовъ стоитъ неумолимый и недремлющій стражъ — наша совѣсть и всякій, измѣнившій имъ, прежде всего испытаетъ муки тягчайшаго раскаянія, которыя часто будутъ значительнѣе самыхъ суровыхъ карь закона. Никакая другая сила, никакіе другіе побудительные мотивы и двигатели человѣческой воли, не могутъ по силѣ своего дѣйствія идти въ сравненія съ этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ могучимъ стимуломъ — нравственностью. Только она по справедливости можетъ быть названа душою воинскаго коллектива, въ которомъ, по особымъ задачамъ и характеру его дѣятельности требуется исключительное напряженіе нравственной силы, извѣстный пафосъ нравственнаго подвига.

Это положеніе мы выводимъ не путемъ отвлеченныхъ разсужденій, но тщательнымъ и внимательнымъ изученіемъ структуры войска и непреложныхъ законовъ, по которымъ оно живетъ и дѣйствуетъ. Мы не закрываемъ глаза на то, что ранѣе существовали и побѣждали арміи, гдѣ дисциплины въ нашемъ пониманіи мы не найдемъ, но это не является серьезнымъ аргументомъ противъ приведенныхъ соображеній, такъ какъ несомнѣнно нѣкоторыя боевыя достиженія могли быть получены и путемъ одной лишь дрессировки, но сфера примѣненія ея, съ культурнымъ развитіемъ человѣчества и переходомъ къ народнымъ арміямъ, уменьшается съ каждымъ днемъ и въ настоящее время сведена почти къ нулю. Муштровка теперь можетъ имѣть мѣсто какъ одинъ изъ пріемовъ воспитанія, направленнаго къ одной основной задачѣ, — внѣдренію извѣстныхъ нравственныхъ навыковъ въ душу солдата, но не какъ способъ подавленія человѣческой личности и обращенія ея въ бездушнаго, машинообразнаго исполнителя.

По мысли эрцгерцога Іоанна Сальваторъ, „дисциплина, сокрушающая личную волю, не есть дисциплина, ибо послѣдняя ни что иное, какъ добровольное и сознательное отреченіе отъ личной воли. А для того, чтобы отказаться отъ воли, надо прежде всего, чтобы она существовала“... „Ротный командиръ“, говоритъ генералъ М. Драгомировъ, „сильно ошибается, вообразивъ себѣ, что, обучая людей употребленію штыка, стрѣльбѣ, эволюціямъ, пользованію мѣстностью, онъ сдѣлалъ все необходомое и что остальное само собою усвоится. Можно быть совершеннымъ въ фехтовальномъ искусствѣ, въ стрѣльбѣ и т. д. и въ то же время не имѣть ни малѣйшаго понятія о военномъ долгѣ. Старайтесь же прежде всего вкоренить въ солдатѣ чувство военнаго долга, развейте въ его го-

ловѣ идеи чести и честности, укрѣпите и возвысьте его сердце, а остальное придетъ само собою".

Такимъ образомъ, мы получаемъ право сказать, что воинская дисциплина — есть воинская нравственность, какъ одинъ изъ видовъ общечеловѣческой нравственности; вообще она должна быть разсматриваема какъ совокупность живущихъ въ войскѣ понятій — о воински — добромъ и зломъ, честномъ и безчестномъ и т. п.

Эти начала, будучи путемъ воспитанія внѣдрены въ душу воина, даютъ то, что принято называть воинской дисциплинированностью и что можетъ быть опредѣлено, какъ особое нравственное состояніе солдата, внѣшнимъ образомъ проявляющееся въ такой самодѣятельности его, при которой интересы войска во имя нравственнаго долга поставляются имъ во всѣхъ случаяхъ выше противодѣйствующихъ личныхъ его интересовъ.

Естественно можетъ возникнуть вопросъ, имѣются ли достаточныя основанія для того, чтобы говорить въ данномъ случаѣ объ особой воинской нравственности, и не является ли она по существу тою же общегражданскою нравственностью, съ нѣсколько несущественными видоизмѣненіями, въ соотвѣтствіи съ требованіями воинской службы. Вѣдь не приходится же устанавливать различныя градаціи нравственныхъ требованій въ зависимости отъ нахожденія лица ка государственной или общественной службѣ или по какимъ либо другимъ признакамъ его профессіональныхъ занятій? Почему же именно войску отводится такое обособленное положеніе и чѣмъ оно вызывается?

Ниже мы постараемся дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Здѣсь же считаемъ необходимымъ указать, что, конечно, воинская нравственность по сокровеннымъ источникамъ своимъ вполнѣ совпадаетъ съ нравственностью общегражданской, общечеловѣческой. Въ философскомъ пониманіи этихъ терминовъ нѣтъ и не должно быть никакого различія. Но оно есть въ чисто практической сторонѣ, въ объемѣ и характерѣ нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ къ гражданину съ одной стороны и воину-гражданину — съ другой. Для послѣдняго являются обязательными не только начала общегражданской нравственности, но и нѣкоторыя совершенно спеціальныя. Эти дополнительныя требованія настолько велики и значительны, что они составляютъ цѣлый кодексъ спеціально воинской практической морали, почему въ этомъ случаѣ не только можно, но и должно говорить о нравственности именно воинской.

Но повторимъ, нравственность въ основѣ своей едина, и всякая попытка истолковать интересы арміи, какъ самодовлѣющее начало, подчасъ не согласное съ основными принципами общегражданской нравственности, представляется безусловно неправильной и чреватой самыми тяжелыми послѣдствіями. Это будетъ рѣшительнымъ шагомъ

къ деморализаціи и уничтоженію войска. Въ конечномъ итогѣ всякая воинская нравственность должна покоиться на твердомъ базисѣ общегражданскихъ добродѣтелей и имѣть своимъ началомъ чувство патріотизма и дѣйственную любовь къ Родинѣ.

Но все же спеціальныя требованія воинской морали настолько значительны по своему характеру и объему, что мы имѣемъ полное основаніе говорить о воинской нравственности, какъ о самостоятельной категоріи, со своимъ особымъ содержаніемъ.

Отмѣтимъ по этому вопросу мысли фонъ-деръ Гольца, который, между прочимъ, говоритъ: „Не слѣдуетъ думать, что въ благонравной націи дисциплина есть нѣчто самостоятельное и природное, что она сама собою вытекаетъ изъ гражданской морали. Для этого слишкомъ тяжелы тѣ испытанія, которымъ солдатъ подвергается. Разумѣется, въ рядахъ арміи культурнаго народа преступность должна быть во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ между боевымъ сбродомъ грубыхъ народностей. Однако, дисциплина требуетъ большаго, нежели только отрицательнаго проявленія. Она требуетъ отъ солдата, чтобы онъ жертвовалъ жизнью ради побѣды надъ врагомъ. Она побуждаетъ его совершать дѣйствія непривычныя, причемъ должна внушить ему необходимость ихъ такъ убѣдительно, чтобы они казались ему совершенно обычными, даже натуральными. Самое лучшее объясненіе сущности дисциплины и ея чудодѣйственной силы мы находимъ у Дарвина, въ его „Происхожденіи видовъ“, гдѣ онъ говоритъ, что превосходство дисциплинированныхъ солдатъ надъ необузданными дикими массами есть главнымъ образомъ послѣдствіе чувства довѣрія, которое каждый дисциплинированный солдатъ питаетъ къ своимъ товарищамъ. Такое безусловное довѣріе, безъ сомнѣнія, является самымъ благороднымъ средствомъ воздѣйствія дисциплины и оно ясно указываетъ своеобразность того, что мы разумѣемъ подъ этимъ избитымъ терминомъ“.

Въ общемъ же, какъ мы указывали выше, воинская нравственность отличается отъ общегражданской какъ по содержанію, такъ и по характеру нравственныхъ требованій. Обратимся къ разсмотрѣнію этого содержанія.

ГЛАВА III.

Кодексъ общегражданской морали включаетъ въ себя положенія, относящіяся какъ до интересовъ отдѣльной личности, такъ и общества. Вслѣдствіе этого, дѣйствія, посягающія на жизнь, честь, личную неприкосновенность индивида, а также дѣйствія антисоціальныя, вредящія обществу, какъ организованному единенію людей, признаются по общему правилу безнравственными. Что же касается нравственности воинской, то она остается всегда въ сферѣ интересовъ войска и здѣсь устанавливаетъ и отдѣляетъ должное отъ недолжнаго. Все что не согласно съ интересами войска, что способствуетъ ослабленію и разрушенію его, то по кодексу воинской морали должно признаваться безнравственнымъ. Интересомъ же войска мы будемъ считать не только все то, что является цѣлью существованія войска или служитъ къ удовлетворенію потребностей воинскаго быта, но также и то, что облегчаетъ достиженіе этой цѣли. Въ этой области интересовъ общества и арміи мы безъ труда увидимъ крупную и существенную разницу. Общество, въ зависимости отъ степени своего развитія, въ различныя эпохи существованія не въ одномъ и томъ же смыслѣ понимало свой интересъ. Въ потокѣ временъ, по мѣрѣ культурнаго развитія, существенно мѣнялся общественный идеалъ и взгляды на дурное и хорошее, т. е. слѣдовательно, требованія нравственности. Эго станетъ совершенно понятнымъ, если мы сравнимъ кодексъ нравственныхъ требованій у народовъ дикихъ и у современнаго культурнаго человѣчества. Здѣсь разница не только въ объемѣ и степени разработки нравственныхъ положеній, но и въ самомъ характерѣ и ихъ существѣ.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ основныхъ нравственныхъ требованій, соблюденіе коихъ было поставлено подъ охрану уголовнаго закона, то мы увидимъ картину полной измѣнчивости и непостоянства. Въ процессѣ эволюціи мѣнялась не только внѣшняя форма, но исчезала и самая сущность многихъ деликтовъ. Лучшимъ тому доказательствомъ является справка, приводимая Тониссеномъ изъ области еврейскаго законодательства. Изъ десяти преступленій, которыя еврейскій законъ наказывалъ побиваніемъ камнями,— девять перестали въ нашемъ европейскомъ обществѣ даже считаться за преступленія, а десятое осталось преступленіемъ, но совсѣмъ въ иномъ отношеніи. „Какова соціальная организація", говоритъ Тардъ, „такова и преступность: въ Египтѣ большой штрафъ налагался на того, кто занимался общественными дѣлами, въ нашемъ же демократическомъ обществѣ, напротивъ, законно наказываютъ избирате-

лей, которые воздерживаются отъ голосованія. Какова цѣль, таково и средство. Карательныя мѣры только орудіе. Эти народы нисколько не обманывались, считая добродѣтелью тѣ чувства, которыя мы иногда осуждаемъ. Система добродѣтелей, точно такъ же какъ и системы преступленія и порока мѣняются вмѣстѣ съ ходомъ исторіи. Въ глазахъ арабовъ тремя главными добродѣтелями были мужество, гостепріимство и кровавая месть, а не честность, любовь къ труду и благотворительность". Точно также мѣняется взглядъ и на относительное значеніе различныхъ преступленій. Въ средніе вѣка самымъ большимъ преступленіемъ было святотатство, затѣмъ мужеложество, а ужъ потомъ убійство и кража. Въ Египтѣ и Греціи считалось преступленіемъ оставить безъ погребенія родителей. „Можетъ быть", говоритъ далѣе Тардъ, „наступитъ моментъ, когда важнымъ преступленіемъ на переполненномъ земномъ шарѣ будетъ многочисленное семейство, а мы знаемъ, что прежде стыдно было не имѣть дѣтей".

Возникаетъ вопросъ, такъ же ли эволюціонировало во времени понятіе преступнаго въ воинской средѣ и представляетъ ли здѣсь смѣна этихъ понятій такую же калейдоскопическую пестроту?

Мы думаемъ, что нѣтъ. Несомнѣнно, что съ измѣненіемъ государственныхъ формъ мѣнялась и общественная оцѣнка войска, какъ фактора государственной жизни, мѣнялось вслѣдствіе этого и самое положеніе войска въ средѣ другихъ государственныхъ установленій. Отъ грозной формулы „подъ оружіемъ молчатъ законы" длиннымъ путемъ историческаго развитія человѣчество пришло къ установленію совершенно противоположнаго по смыслу положенія — „мечъ склоняется передъ тогою". Отъ государственнаго быта на кастовыхъ началахъ съ воинами во главѣ тѣмъ же путемъ пришли къ демократическому государству, армія котораго есть народъ подъ ружьемъ. Передъ нами, такимъ образомъ, эволюція громаднаго значенія и глубокаго смысла. Но затрагивала ли она самое существо воинскихъ требованій, и мѣнялись ли вмѣстѣ съ измѣненіемъ положенія войска въ государствѣ также и способы достиженія своихъ задачъ войскомъ, какъ единеніемъ вооруженныхъ людей? Намъ кажется, что смѣна политическихъ взглядовъ на назначеніе войска, на роль его въ средѣ государственнаго организма нисколько не затрагивала сокровенной сущности войска, какъ самостоятельнаго организованнаго цѣлаго, и не измѣняла основныхъ условій и положеній воинской жизни.

Дѣйствительно, съ первыхъ моментовъ своего бытія и до настоящихъ дней, войско, проходя черезъ историческую измѣнчивость фактовъ, черезъ различные періоды эволютивнаго развитія народа, на пространствѣ вѣковъ имѣетъ одинъ незыблемый и неизмѣнный свой собственный смыслъ существованія и живетъ своею собственною жизнью, содержаніе которой почерпается въ вѣковѣчныхъ обязанностяхъ его единаго призванія. Это призваніе — побѣда надъ врагомъ посредствомъ вооруженной борьбы. Какое бы положеніе ни занимало войско въ государствѣ, какое бы

вліяніе оно ни оказывало на внутреннія и внѣшнія дѣла государства, никогда не умирало сознаніе этого единственнаго и соотвѣтствующаго природѣ вещей признанія. Въ туманѣ вѣковъ яркою путеводною звѣздою свѣтился смыслъ этого призванія и онъ наложилъ на все содержаніе воинскаго быта печать неизмѣнности и гранитной устойчивости. Въ этомъ существенное различіе между государствомъ и войскомъ. Первое не имѣло и не имѣетъ ясно сознанной точной и строго опредѣленной конечной цѣли своего бытія. О ней можно писать, говорить, спорить, но она не предстоитъ во-очію и всегда остается скрытой подъ непроницаемой завѣсой грядущихъ вѣковъ.

Каждый періодъ развитія общества, въ согласіи съ господствующими въ немъ идеалами и пониманіемъ задачъ государства, выдвигалъ свои цѣли и свои средства къ ихъ осуществленію. Въ процессѣ историческаго развитія народовъ мѣнялись боги, которымъ молились, мѣнялись святыни, которыя чтили, и труднымъ извилистымъ путемъ идетъ человѣчество къ невѣдомой и загадочной цѣли. Вслѣдствіе этого, мѣнялись, какъ мы указали выше, взгляды общества въ оцѣнѣ людей и то что считалось ранѣе дурнымъ, то становилось хорошимъ и на оборотъ. Другое положеніе въ войскѣ. Послѣднее есть организмъ искуственно созданный а непосредственная цѣль, поставленная въ началѣ его бытія, не измѣнилась до сего времени, да по смыслу существованія войска и не можетъ измѣниться. А разъ цѣль ясна, то должны быть примѣнены опредѣленныя средства; если указанъ конечный результатъ, должны быть избраны опредѣленные пути. Если цѣль эта — побѣда надъ врагомъ путемъ вооруженной борьбы, то съ момента возникновенія войска должно было установиться опредѣленное понятіе о воинскихъ добродѣтеляхъ и оставаться неизмѣннымъ до нашихъ дней; то, что вредило силѣ войска раньше, вредитъ ему и теперь, то, что считалось съ воинской точки зрѣнія похвальнымъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, то въ общемъ продолжаетъ сохранять свой характеръ и въ наши дни, и несомнѣнно будетъ сохранять до конца существованія войска.

Для успѣшнаго выполненія конечной цѣли своего бытія, войско должно быть прежде всего сильно духовными своими качествами; оно должно представлять во многообразіи своихъ членовъ единый организмъ, сила котораго въ согласованности дѣйствій всѣхъ составныхъ его частей и въ ихъ нравственномъ воодушевленіи. Ранѣе, какъ и теперь, войско не могло существовать безъ строгаго соблюденія въ его средѣ принциповъ самопожертвованія, мужества, повиновенія, чинопочитанія, исправнаго несенія своей должности и т. п. Только то полезно для войска, что даетъ ему, какъ физической силѣ, наибольшую мощь и сокрушительность въ дѣйствіи, только это и является хорошимъ съ чисто воинской точки зрѣнія. Совершенно ясно, что не было и не можетъ быть войска, въ которомъ бы трусость, неповиновеніе и т. п. были бы возведены въ принципъ. Эти начала губятъ армію и потому они должны быть признаны воински безнравственными. Наоборотъ, все укрѣпляющее войско и способствующее достиженію основной цѣли его, — побѣдѣ надъ врагомъ, —

должно быть признано воински-нравственнымъ. Сюда мы отнесемъ, какъ указали выше, способность къ самопожертвованію, чинопочитаніе, повиновеніе и пр. Такимъ образомъ, мыможемъ сказать, что основныя требованія воинской нравственности остались неизмѣнными въ своемъ существѣ на пространствѣ тысячелѣтій.

Въ этомъ первое и существенное отличіе нравственности воинской отъ общегражданской. Конечно, за это время измѣнялись методы примѣненія вооруженной силы, измѣнялись принципы тактики и стратегіи, исчезали одни роды оружія и возникали другіе, но это не отражалось на существѣ нравственныхъ требованій, — древній воинъ, сражавшійся на колесницѣ или слонѣ, долженъ былъ быть также готовъ къ самопожертвованію, какъ и современный летчикъ. Могли лишь мѣняться нравственныя воззрѣнія, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ основному призванію войска. Эта сфера общей нравственности воина претерпѣвала съ теченіемъ времени и въ связи съ измѣненіемъ положенія войска въ государствѣ, т. е. съ измѣненіемъ его политической, но не боевой роли, существенную эволюцію. Прежде, во времена обособленнаго существованія войска и полной оторванности его отъ гражданскаго населенія, солдатскія добродѣтели базировались на другомъ фундаментѣ, чѣмъ теперь. Иные чувства и интересы влекли солдата къ исполненію своего долга и съ другой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на самую сущность своего призванія. Но все это не могло внести измѣненія во взглядъ на сущность воинскихъ добродѣтелей въ тѣсномъ смыслѣ. Теперь, какъ и тысячи лѣтъ тому назадъ, солдатъ долженъ былъ стремиться къ одной конечной цѣли — къ побѣдѣ надъ врагомъ. И если въ такомъ стремленіи имъ ранѣе двигали другіе чувства и интересы, то это могло имѣть отношеніе и вносить измѣненія лишь въ гражданскій нравственный обликъ бойца, а не въ кодексъ солдатскихъ добродѣтелей въ узкомъ смыслѣ, независимо отъ гражданскаго состоянія воина. Вотъ почему ранѣе не считалось преступнымъ и безчестнымъ разграбленіе городовъ, жестокое обращеніе съ жителями и пр. Все это не имѣетъ никакого отношенія къ воинской нравственности въ нашемъ пониманіи и не колеблетъ принципа неизмѣнности требованій этой нравственности для всѣхъ временъ и народовъ. Вслѣдствіе этого мы получаемъ возможность точно установить всѣ элементы воинской нравственности и ихъ детально изучить. Такое положеніе ставитъ насъ въ особенно выгодныя условія по сравненію съ изслѣдователемъ нравственности общегражданской и этимъ обстоятельствомъ мы должны воспользоваться для укрѣпленія мощи арміи и установленія въ ней системы воспитанія, соотвѣтствующей общимъ интересамъ.

ГЛАВА IV.

Другое основное отличіе воинской нравственности отъ общегражданской заключается въ возвышенности ея требованій. Въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть въ виду не идеальныя требованія и завѣты возвышенныхъ религіозныхъ и философскихъ системъ, а ту практическую мораль, слѣдованіе правиламъ которой является обязательнымъ для членовъ организованнаго единенія людей. Въ этой области отъ каждаго отдѣльнаго гражданина не требуется какого-либо героизма и исключительнаго напряженія духовныхъ силъ. Общежитіе невозможно, если никто не уважаетъ чужихъ правъ, нарушаетъ блага другихъ и злонамѣренно вторгается въ ту сферу, которая отведена ближнему для свободнаго осуществленія его личныхъ цѣлей и желаній. Въ этомъ случаѣ на землѣ воцарился бы адъ и стихійное самоистребленіе въ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ. И вотъ для того, чтобы этотъ адъ не имѣлъ мѣста, къ гражданину и обществу въ цѣломъ обращается извѣстный минимумъ нравстенныхъ требованій, часть которыхъ при этомъ ставится подъ охрану уголовнаго закона (не убій, не укради и пр.). Для мирнаго сожительства въ средѣ себѣ подобныхъ не требуется исключительнаго проявленія нравственнаго воодушевленія и актовъ героизма и самоотверженія. Требуестя только не нарушать чужихъ интересовъ и, живя, давать жить другимъ. Подъ солнцемъ должно хватить мѣста для всѣхъ, и каждый долженъ получать право на пользованіе воздухомъ и свѣтомъ и на безпрепятственное осуществленіе преслѣдуемыхъ имъ въ жизни незаконопротивныхъ цѣлей и задачъ. Поэтому и практическая мораль не обращается къ людямъ съ какими либо особо тягостными требованіями и не претендуетъ на серьезныя жертвы и лишенія. Это по существу правила соціальнаго поведенія — они обязываютъ каждаго согласовать свои дѣйствія съ общимъ интересомъ и во всемъ придерживаться такого образа дѣйствій, который могъ бы стать правиломъ общаго поведенія (формула Канта).

Вотъ почему идейное самопожертвованіе, презрѣніе къ личному благу во имя общихъ интересовъ расцѣниваются въ гражданскомъ обществѣ какъ героизмъ, какъ подвигъ, вызывающій восторженное удивленіе и преклоненіе человѣчества.

И вотъ именно то, что для гражданина является высочайшимъ идеаломъ, то, что далеко превосходисъ всѣ требованія обязательной практической морали, то является непремѣннымъ жизненнымъ закономъ для войска, основой его практической морали, закрѣпленной

положительнымъ правомъ. Такимъ образомъ, героическое для гражданскаго общества является обыденнымъ, прозаическимъ для каждаго воина. Онъ каждую минуту долженъ быть готовъ принести въ жертву самое дорогое — свою жизнь. Никогда такихъ требованій ни практическая мораль, ни тѣмъ болѣе положительный законъ не предъявляетъ къ лицу гражданскаго состоянія. И это даетъ особый повышенный тонусъ, исключительный пафосъ нравственнымъ переживаніямъ воина. Послѣдній долженъ воспитать въ себѣ дѣйственное чувство самоотреченія. Но этого мало, воинское служеніе не является эпизодомъ въ его личной жизни, — оно захватываетъ все его существованіе и не только на поляхъ сраженій, но и въ будничной работѣ требуетъ постояннаго непрекращающагося подвига. Это, конечно, не слова. Мало красиво умереть на полѣ сраженія, можетъ быть гораздо труднѣе всю свою жизнь согласовать съ интересами арміи и въ незамѣтномъ, неустанномъ трудѣ, подвигѣ самоусовершенствованія и самоограниченія стать воиномъ, полезнымъ для отечества.

Мы ранѣе уже указывали, что военная организація не мыслима безъ воинской дисциплины, которая требуетъ во всѣхъ случаяхъ самоотверженно преслѣдовать интересы арміи, хотя бы они и шли въ разрѣзъ съ частными, личными интересами. Тамъ, гдѣ воцаряется произволъ, неповиновеніе и преслѣдованіе личныхъ, эгоистическихъ интересовъ, тамъ нѣтъ войска; поэтому вышеуказанное требованіе повседневнаго подвига не является преувеличеніемъ или какимъ-либо условіемъ идеальнымъ. Повторяемъ, это непремѣнное условіе существованія войска и потому совершенно обязательное для каждаго военнослужащаго. Въ этомъ нѣтъ никакой заслуги, здѣсь только прямой, неумолимый долгъ. Вотъ почему интересы войска должны проникнуть во всѣ поры жизни воина, властно опредѣлить его поступки и образъ поведенія. Допустимое и безразличное для гражданина съ нравственной точки зрѣнія, часто является совершенно непозволительнымъ для воина. Вспомнимъ слова нашей христіанской воинской присяги... „вѣрно и нелицемѣрно служить, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови... тѣломъ и кровію, въ полѣ и крѣпостяхъ, водою и сухимъ путемъ, въ баталіяхъ, партіяхъ, осадахъ и штурмахъ и въ прочихъ воинскихъ случаяхъ храброе и сильное чинить сопротивленіе"... Этимъ клятвеннымъ обѣщаніемъ закрѣпляются высокія идеи воинскаго служенія, нетлѣнная красота самопожертвованія сводится на землю и героическое дѣлается будничнымъ и строго обязательнымъ. Все, что ослабляетъ мощь войска, способствуетъ его разложенію и нарушаетъ его интересы не должно имѣть мѣста въ жизни воина. Это положеніе налагаетъ на него громадныя ограниченія и придаетъ особый характеръ многимъ его дѣйствіямъ и поступкамъ. Съ этой точки зрѣнія характеръ преступности пріобрѣтаютъ такія сравнительно невинныя въ гражданскомъ общежитіи дѣйствія, какъ напримѣръ, приведеніе себя въ состояніе опьяненія. Въ жизни воина все должно быть спроектировано въ плоскость интересовъ арміи и все, что понижаетъ ея мощь, должно быть особенно

строго караемо. Кражи казеннаго имущества, а также у своихъ сослуживцевъ, посягательства на ихъ жизнь, здоровье и честь пріобрѣтаютъ въ войскѣ особенно тяжкій характеръ, такъ какъ помимо нарушенія интересовъ казны или личныхъ, здѣсь прежде всего нарушаются интересы арміи, поскольку всѣ эти дѣйствія ослабляютъ мощь ея. Кража, напримѣръ, у своего сослуживца поражаетъ интересы одного изъ воиновъ и косвенно колеблетъ интересъ цѣлаго, въ составъ котораго этотъ воинъ входитъ. Во всѣхъ такихъ поступкахъ неизмѣнно заключается элементъ воинской безнравственности, который отягчаетъ вину дѣятеля. Подъ другимъ угломъ зрѣнія предстанутъ для насъ и многія такія дѣйствія, которыя въ гражданскомъ обществѣ не только не вызываютъ какого либо осужденія, но даже поощряются. Нельзя не признать, что такое, напримѣръ, утвержденіе личнаго счастья, каковымъ является бракъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ высокимъ идеаламъ воинскаго служенія. Онъ обычно вноситъ въ жизнь воина раздвоеніе, лишаетъ его энергіи въ неуклонномъ достиженіи общихъ интересовъ и до крайности осложняетъ выполненіе имъ своего долга въ боевой обстановкѣ. Онъ опутываетъ существованіе воина цѣпкими нитями жизненныхъ отношеній, отодвигаетъ на второй планъ высокій идеалъ и вмѣсто нетлѣнной красоты подставляетъ призрачное лицо земныхъ, эгоистическихъ достиженій. Протекшая на нашихъ глазахъ Великая война лишь подтверждаетъ правильность этого положенія. Что же касается гражданской войны, также хорошо извѣстной на практикѣ большинству изъ насъ, то здѣсь неблагопріятное вліяніе т. н. „семейнаго" вопроса проявилось въ особенно рѣзкихъ формахъ, на каждомъ шагу затрудняя успѣшное веденіе боевыхъ операцій и обременяя скудную казну совершенно непроизводительными расходами. Во всякомъ случаѣ, каждый воинъ долженъ твердо усвоить себѣ, что въ брачномъ его состояніи нѣтъ рѣшительно ничего достойнаго, и что если такая ошибка имъ сдѣлана, то на ней не надлежитъ обосновывать какихъ-либо своихъ правъ на дополнительныя привиллегіи. Наоборотъ, нужно стремиться сдѣлать ее по возможности менѣе чувствительной для интересовъ войска.

Возможныя указанія на то, что при безбрачіи офицеровъ (въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти только о нихъ) устраняется дѣйствіе началъ наслѣдственности, а также благодѣтельное вліяніе домашняго воспитанія въ военныхъ традиціяхъ подростающаго поколѣнія, — лишены серьезнаго значенія. Слишкомъ мало отмѣчено въ жизни случаевъ передачи по наслѣдству талантовъ вождя и слишкомъ неблагопріятны результаты такого искусственнаго, ненормальнаго воспитанія, при которомъ военное дѣло становится ремесломъ, рутиной, фамильной профессіей. Во много разъ предпочтительнѣе положеніе, при которомъ военному дѣлу будутъ отдаваться молодые люди, уже сознательно относящіеся къ жизни и почувствовавшіе дѣйствительное призваніе къ этому высокому служенію.

Безъ преувеличеній мы можемъ сравнить войско съ громаднымъ военнымъ монастыремъ, гдѣ кристаллизуется алмазъ высокихъ воин-

скихъ добродѣтелей. Все это сообщаетъ воинскому служенію особый характеръ, совершенно несвойственный другимъ родамъ государственной службы. Лишь въ этомъ характерѣ, ставящемъ военнослужащаго въ исключительное положеніе рыцаря высокихъ нравственныхъ началъ, всегда готоваго къ подвигу самопожертвованія, можно видѣть причину существованія въ средѣ войска особо обостреннаго пониманія личнаго достоинства и той „чести мундира“, которая вслѣдствіе нѣсколько легкомысленной ея трактовки получила особо одіозный характеръ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ выродилась въ задорную, боевую формулу, вызывающую иногда справедливое раздраженіе въ средѣ гражданскаго общества. Эгого, конечно, не должно быть, если воинъ всегда и во всѣхъ случаяхъ будетъ твердо помнить, къ чему обязываетъ его „честь мундира“. Честь эта несомнѣнно громадна, но нужно ее понять до конца и умѣть поддерживать въ жизни на соотвѣтствующей высотѣ.

ГЛАВА V.

Переходя къ воспитанію солдата, мы ограничимся въ этомъ отношеніи лишь немногими словами, не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе способовъ и пріемовъ воспитанія. Прежде всего укажемъ на громадное значеніе этого воспитанія въ дѣлѣ созданія тѣхъ нравственныхъ навыковъ, которые въ совокупности своей даютъ состояніе воинской дисциплинированности. Ясно, что это состояніе достигается именно воспитаніемъ, какъ особой системой различныхъ мѣръ, направленой къ опредѣленной цѣли, т. е. въ даномъ случаѣ къ дисциплинированію солдата. Подъ воспитаніемъ въ широкомъ смыслѣ, мы, придерживаясь опредѣній, ранѣе дававшихся въ нашей литературѣ, будемъ понимать совокупность той искусственно созданной окружающей человѣка обстановки, той комбинаціи воздѣйствующихъ на него силъ, которая можетъ устранить доступъ однихъ впечатлѣній и создать впечатлѣнія, а слѣдовательно и мотивы, новые. Очевидно воинское воспитаніе отличается отъ воспитанія въ широкомъ смыслѣ лишь спеціальными цѣлями своими и нѣкоторыми измѣненіями въ средствахъ достиженія ихъ, согласно съ новой обстановкой, отличной отъ таковой же въ средѣ гражданскаго общества. Это приблизительно тѣ же мѣры, которыя примѣняются при воспитаніи въ семьѣ, учебномъ заведеніи, но, ковечно, значительно усиленныя и видоизмѣненныя въ соотвѣтствіи съ исключительной важностью дѣла воспитанія солдата.

Значеніе правильной постановки воспитанія въ войскѣ настолько велико, что въ нашей литературѣмы можемъ найти даже примѣръ смѣшенія воинскаго воспитанія съ дисциплиной. Такъ, профессоръ кн. Друцкой опредѣляетъ воинскую дисциплину, какъ „воинское воспитаніе, развивающее въ военно-служащемъ способность сознательно и во имя нравственной обязанности подчинять свою волю — волѣ

11*

верховнаго вождя". Конечно, съ такимъ опредѣленіемъ согласиться невозможно. Въ немъ ясно обнаруживается смѣшеніе причины съ вытекающимъ изъ нея слѣдствіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ воспитанія воинской дисциплины быть не можетъ, такъ точно какъ не можетъ быть индивидуальной нравственности. Однако, комбинація воспитывающихъ человѣка силъ состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣръ и усилій, основанныхъ на различныхъ особенностяхъ человѣческой природы и объединенныхъ въ своемъ несходствѣ и внѣшнемъ многообразіи одной лишь внутренней цѣлью. Мы совершенно не понимаемъ, какъ совокупность различныхъ, иногда совершенно механическихъ средствъ, можетъ быть отождествляема съ нравственнымъ воодушевленіемъ, опредѣленнымъ складомъ нравственныхъ привычекъ и той внутренней силой, которая даетъ войску единство и побуждаетъ его къ самоотверженному исполненію своего долга. Въ данномъ случаѣ прекрасное и величественное зданіе нравственнаго совершенства строится изъ разнообразнаго сырого матеріала, лишеннаго подчасъ всякой привлекательности, подобно тому, какъ и шедевръ архитектурнаго искусства, производящій глубокое и неизгладимое впечатлѣніе на нашу душу, произошелъ изъ соединенія камня, извести, желѣза, дерева и т. п.

Если никто не скажетъ, что душой нашей владѣетъ, вознося ее на высоты поэтическаго восторга, именно камень или известь, воплотившіе возвышенныя проявленія человѣческаго генія, такъ точно нельзя сказать, что войскомъ движетъ воспитаніе, какъ грубый матеріалъ, при посредствѣ котораго конкретизируются въ душѣ солдата идеи любви и высокой нравственности. Какъ отличны движенія молекулъ, составляющихъ человѣческій мозгъ, отъ прекрасныхъ произведеній человѣческаго генія, какъ внѣшняго выраженія этой работы; какъ отличны дѣйствія при натираніи сукномъ каучуковой палочки отъ появляющейся вслѣдствіе этого натиранія электрической энергіи, — такъ отлично воспитаніе отъ нравственности. Одно есть механизмъ, служащій извѣсной цѣли, другое, — самодавлѣющая и самоцѣнная сущность, стихійная въ своемъ свободномъ обнаруженіи.

Въ ряду воспитательныхъ мѣръ отмѣтимъ **наказаніе, поощреніе и примѣръ**. Признавая большое значеніе наказанія въ ряду другихъ средствъ воспитанія, мы считаемъ, однако, необходимымъ предостеречь отъ излишняго имъ увлеченія. Легче всего въ затруднительныхъ положеніяхъ прибѣгать къ этому универсальному средству, и именно эта легкость для воспитателя обязываетъ его избѣгать пользованія имъ во всѣхъ случаяхъ, когда цѣль можетъ быть достигнута другими не столь болѣзненными мѣрами. Нельзя забывать, что злоупотребленіе наказаніемъ способно вызвать ожесточеніе, обезличить и запугать воспитуемаго и порвать между нимъ и воспитателемъ ту живую связь довѣрія и уваженія, при которой только и возможны положительные результаты воспитанія. Конечно, военное дѣло — есть дѣло суровое, требующее во многихъ случаяхъ рѣшительныхъ мѣръ. Но нельзя смѣшивать систему продуманныхъ

воспитательныхъ мѣръ съ тѣми средствами, которыя въ исключительныхъ случаяхъ обязанъ примѣнять начальникъ въ общихъ интересахъ. Взбунтовавшееся войско поздно ужъ воспитывать и для спасенія положенія не только допустимы, но и необходимы крайнія мѣры, но ихъ нужно по возможности избѣгать внѣ такихъ положеній, въ повседневной работѣ воспитателя — начальника. Къ сожалѣнію, это не всегда понимается. О мѣрахъ поощренія много говорить не приходится. Важность ихъ признана и нашла выраженіе въ различныхъ наградахъ чинами, орденами, повышеніями по службѣ и пр. Гораздо чаще забывается громадное вліяніе хорошаго примѣра. Главнымъ образомъ въ немъ нужно видѣть то средство, которое даетъ начальнику безграничное довѣріе подчиненныхъ, привлекаетъ къ нему ихъ сердца и дѣлаетъ души ихъ мягкимъ воскомъ въ его рукахъ. Только на этой почвѣ возможно успѣшное нравственное воспитаніе и достиженіе результатовъ, необходимыхъ для интересовъ войска. Громадное вліяніе примѣра основано на способности подражанія, столь развитой у человѣка. Послѣ блестящихъ изслѣдованій въ этой области французскаго ученаго Тарда не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что воспитаніе примѣромъ есть единственно-разумное воспитаніе. Между тѣмъ это положеніе очень часто забывается начальниками, которые на глазахъ у своихъ подчиненныхъ показываютъ примѣръ неисполненія законовъ и тѣхъ самыхъ требованій, въ обязательности которыхъ они желаютъ убѣдить подвѣдомственныхъ имъ чиновъ. У насъ существуетъ требованіе, чтобы солдатской наукѣ обучать не разсказомъ, а показомъ. Слѣдуетъ помнить, что такой „показъ" совершенно обязателенъ и въ области нравственнаго воспитанія. Общій грѣхъ нашъ въ этомъ отношеніи настолько великъ, что наше улучшеніе и исправленіе должно пойти прежде всего по этой линіи строгаго соблюденія всего того, что мы требуемъ отъ своихъ подчиненныхъ. Чѣмъ выше начальникъ, тѣмъ важнѣе становится такое поведеніе, ибо на него обращены тысячи внимательныхъ и, конечно, критикующихъ глазъ. Наша великая разруха показала, какъ далеко простирается въ этомъ отношеніи внимательность солдата и сколь неблагопріятные для насъ выводы онъ дѣлаетъ изъ всякаго безнаказаннаго нарушенія начальникомъ закона. Въ этомъ корень зла и причина злоупотребленія наказаніемъ тамъ, гдѣ утрачена живая связь между начальникомъ и подчиненнымъ.

Такимъ образомъ, мы еще разъ видимъ, насколько отвѣтственна роль офицеровъ, какъ главныхъ воспитателей, и какъ строги они должны быть къ самимъ себѣ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Но если дѣйствительно въ войскѣ на это обращено должное вниманіе, и вновь вступающій въ ряды его сразу попадаетъ въ особую атмосферу, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ интересы войска, а его сослуживцы и начальники соревнуютъ между собою въ наилучшемъ исполненіи долга, то дѣло воспитанія въ такомъ случаѣ явится, несомнѣнно, и легкимъ и успѣшнымъ. Хорошій примѣръ сразу опредѣлитъ линію поведенія новобранца и, спустя короткое время, онъ

станетъ смотрѣть на интересы арміи, какъ на нѣчто высшее, святое и не терпящее никакихъ компромиссовъ.

Въ противномъ случаѣ дѣло воспитанія можно считать почти потеряннымъ и никакія наказанія бѣдѣ не помогутъ. При первомъ же серьезномъ испытаніи это скажется самими тяжкими результатами.

ГЛАВА VI.

Заканчивая настоящее изслѣдованіе, мы считаемъ необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ пунктахъ его, въ интересахъ болѣе привильнаго ихъ пониманія.

Прежде всего, напрасно было бы усматривать въ нашихъ взглядахъ какую-либо излишнюю идеализацію или чрезмѣрную прямолинейность. Намъ кажется, что въ развитіи своей темы мы шли строго логическимъ путемъ, считаясь съ реальными интересами войска. И если этотъ путь приводитъ къ опредѣленнымъ положеніямъ, то съ ними обязательно считаться, какія бы тяжкія обязанности при этомъ на насъ не возлагались. Въ своемъ теоретическомъ изслѣдованіи мы задались цѣлью дать понятіе о воинской дисциплинѣ и поставить передъ военнослужащимъ долгъ его во весь ростъ, не прибѣгая къ уверткамъ и компомиссамъ.

Естественно, что возвышенное по своей идеѣ воинское служеніе требуетъ отъ каждаго изъ насъ въ служебной и личной жизни слишкомъ многаго, и это многое мы должны, наконецъ, точно и ясно опредѣлить и сознать.

Уже ранѣе выдающимися военными мыслителями высказывались вѣрныя и заслуживающія вниманія мысли о воинской дисциплинѣ и о нравственной сторонѣ воинскаго служенія. Эти взгляды по возможности отмѣчены здѣсь; подвергнуты критикѣ и извѣстному углубленію, въ результатѣ чего мы и пришли къ предлагаемому опредѣленію воинской дисциплины. Если оно правильно, то прочее вытекаетъ изъ него совершенно ествественнымъ, логическимъ путемъ.

Конечно, нельзя забывать о чисто теоретическомъ характерѣ этого опредѣленія, вслѣдствіе чего оно не можетъ быть безъ соотвѣтственнаго измѣненія перенесено въ воинскіе уставы, для практическаго дѣла обученія и воспитанія солдатъ. Исходя изъ него, соотвѣтствующимъ постановленіямъ закона надлежитъ придать болѣе доступную форму, понятную для всѣхъ обязанныхъ знать этотъ законъ. Въ концѣ концовъ, нравственная сила войска достигается не исчерпывающимъ и совершенно точнымъ опредѣленіемъ понятія воинской дисциплины, а надлежащей системой воспитанія.

Поэтому законодатель можетъ не добиваться совершенныхъ формъ въ этомъ направленіи, но долженъ безусловно достигнуть того, чтобы соотвѣтственныя требованія уставовъ были до мелочей

проникнуты субстанціей морали и содержали въ себѣ ясное и доступное понятіе о долгѣ солдата. Если бы нашъ Уставъ Дисциплинарный и на будущее время сохранилъ нынѣ содержащееся въ немъ теоретически неправильное опредѣленіе воинской дисциплины, то въ практическомъ отношеніи это не повлекло бы за собою особенно нежелательныхъ послѣдствій, но при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, чтобы указанія на нравственную сторону воинской дисциплины и на долгъ военнослужащихъ всѣхъ степеней отъ самыхъ старшихъ до младшихъ были приведены въ опредѣленную систему и преподаны со всею полнотою и исчерпывающей ясностью. Это дѣло, конечно, невозможно осуществить безъ точнаго пониманія содержанія воинской дисциплины и надлежащаго его теоретическаго опредѣленія. Задача теорій указывать пути для практической дѣятельности.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что главная тяжесть обязанностей, налагаемыхъ воинскимъ служеніемъ, должна падать на корпусъ офицеровъ. О значеніи его, какъ воспитателя и руководителя арміи, не приходится много говорить. Отъ силы и душевной бодрости его зависитъ мощь арміи и надлежащая постановка дѣла воинскаго воспитанія. Если для рядовыхъ солдатъ, находящихся въ средѣ войска въ теченіе непродолжительнаго срока ихъ дѣйствительной службы, представляется затруднительнымъ непреклонное слѣдованіе всѣмъ многообразнымъ требованіямъ воинской нравственности, то для офицера это является безусловно обязательнымъ, какъ первѣйшій и основной его долгъ. Если для солдата военная служба является все же „отбываніемъ воинской повинности", то для офицера это всегда и во всѣхъ случаяхъ должно быть высокимъ служеніемъ, которому онъ отдается добровольно, по нравственному побужденію. Впрочемъ, не нужно преувеличивать трудности многихъ достиженій также и для рядовой массы солдатъ. Въ настоящее время, въ культурныхъ государствахъ, она вступаетъ въ ряды войска съ отчетливымъ пониманіемъ своего гражданскаго долга и опредѣленнымъ комплексомъ нравственныхъ, соціальныхъ навыковъ, на основѣ которыхъ легко строить зданіе воинской дисциплины. Мы не закрываемъ глаза на то, что въ рѣшительную минуту боевого испытанія въ основные кадры арміи вольется потокъ людей, среди которыхъ найдутся даже не ознакомленные съ требованіями военнаго дѣла.

И все же считаемъ, что и въ этомъ случаѣ первенствующее значеніе будетъ принадлежать тому духу и пониманію воинской дисциплины, который живетъ въ дѣйствующихъ войскахъ и корпусѣ офицеровъ. Какъ бы ни были велики потери среди этихъ лучшихъ обученныхъ людей въ первые дни войны, все же общій тонъ армейской жизни создается ими, и отъ нихъ зависитъ въ кратчайшій срокъ дать надлежащее рукеводство вновь вступающимъ въ ряды арміи и своимъ примѣромъ воспитать ихъ и сдѣлать ихъ достойными своими преемниками. Повторяемъ, это не такъ ужъ трудно, принимая во вниманіе общій уровень нравственнаго и умственнаго развитія запасныхъ, отставныхъ и другихъ категорій,

призываемъ въ военное время. Во всякомъ случаѣ, если бы въ этомъ отношенiи и встрѣтились какiя-либо трудности, то это будетъ говорить не противъ высказанныхъ нами соображенiй, а исключительно за необходимость обратить вниманiе на надлежащее воспитанiе гражданина, дабы подвигъ, котораго отъ него можетъ потребовать государство, призвавъ его подъ знамена, былъ бы для него понятенъ еще въ гражданскомъ состоянiи. Конечно, при невозможности этого достигнуть, въ рукахъ государства всегда остается сила принужденiя, но тогда уже нужно не забывать, что въ такомъ случаѣ войска въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова нѣтъ, а есть соединенiе вооруженныхъ людей, до поры, до времени, подчиняющееся приказнiямъ своихъ начальниковъ. Наконецъ, наиболѣе спорнымъ можетъ показаться многимъ мысль о безбрачiи корпуса офицеровъ. Пояснимъ прежде всего, что эта мысль имѣетъ характеръ пожеланiя, а не категорическаго требованiя. Эга формула имѣетъ характеръ евангельскаго изреченiя: „Могiй вмѣстити, да вмѣститъ". Въ данномъ случаѣ мы хотѣли показать крайнiя, совершенныя достиженiя офицера въ служенiи общему дѣлу и заставить задуматься надъ этимъ всѣхъ тѣхъ, кто вступаетъ въ бракъ по шаблону, потому, что это дѣлаютъ другiе, не задаваясь мыслью, насколько это нужно именно для него, и въ какой мѣрѣ это соотвѣтствуетъ общимъ интересамъ. Далекiе отъ мысли подкрѣплять такое положенiе какими-либо цифрами и примѣрами, что по существу дѣла едва ли и возможно, мы выставляемъ его, какъ идеальное пожеланiе, съ глубокой увѣренностью, что въ немъ гармонически сочетаются польза дѣла съ высокой духовной красотою.

Л. Толстой въ одномъ изъ своихъ произведенiй по воросу объ установленiи нравственнаго идеала отмѣтилъ аналогiю, существующую въ данномъ случаѣ между лицомъ, стремящимся къ нравственному усовершенствованiю, и мореплавателемъ, — послѣднiй, находясь въ плаванiи, можетъ орiентироваться либо по мѣстнымъ видимымъ предметамъ, либо по компасу и небеснымъ свѣтиламъ. Въ нашей душѣ живетъ горячее, страстное желанiе, чтобы въ военномъ дѣлѣ, отрѣшившись отъ рутины и привычекъ каботажнаго плаванiя, мы смѣло пошли бы въ открытое море, навстрѣчу необъятному горизонту и немеркнущимъ небеснымъ свѣтиламъ. Мiръ знаетъ много талантовъ и генiевъ, ставшихъ таковыми, несмотря на сковывавшiя ихъ семейныя цѣпи, но мiръ можетъ лишь догадываться о тѣхъ изумительныхъ достиженiяхъ, которыя были бы возможны безъ этихъ тяжкихъ узъ.

Совершенно не претендуя на полноту и глубину приводимыхъ здѣсь соображенiй, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ вопросъ о воинской дисциплинѣ настолько кардинальнымъ и важнымъ для бытiя войска, что въ этой важности готовы найти извиненiе для настоящей попытки, быть можетъ слабой и несовершенной.

А. ПОПОВЪ.

Удушливые газы и защита отъ нихъ.

(1915—1918 гг.).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Цѣль настоящихъ лекцій — изложеніе способовъ защиты отъ удушливыхъ газовъ.

Однако для того, чтобы умѣть правильно защитить себя отъ новаго опаснаго оружія — газовыхъ атакъ, нужно прежде всего узнать, въ чемъ состоятъ такія атаки, т. е. ознакомиться съ ихъ техникой, съ техникой нападенія газами. Это — частный случай общаго закона тактики, по которому для защиты отъ врага всегда необходимо прежде всего наилучшимъ образомъ изучить его оружіе и способы нападенія.

Да и вообще во всякомъ сложномъ и опасномъ дѣлѣ, особенно въ такомъ не терпящемъ отсрочки дѣлѣ, какъ газовыя атаки, необходимо вполнѣ сознательное отношеніе къ нему и ясное представленіе о его сущности.

Практика обученія войскъ защитѣ отъ газовъ вполнѣ подтвердила это общее положеніе и показала, что только тамъ защита достигала полнаго успѣха, гдѣ люди хорошо знали, почему нужно принимать тѣ или другія мѣры, какъ наилучшимъ образомъ пользоваться ими, когда пригоднѣе однѣ изъ нихъ и когда — другія и т. д.

Тамъ, гдѣ войска имѣли должное понятіе о газахъ, какъ средствѣ нападенія, не было мѣста для паники; такія войска не разъ спасались при газовыхъ атакахъ отъ мучительной смерти и успѣшно отражали врага, благодаря собственной находчивости.

Поэтому раньше, чѣмъ объяснять способы защиты отъ газовъ, мнѣ придется говорить о техникѣ газовыхъ атакъ, т. е. о нападеніи газами, и о природѣ примѣнявшихся удушливыхъ газовъ. Всегда я буду имѣть въ виду главнымъ образомъ практическую сторону дѣла.

Техника, какъ нападенія газами, такъ и защиты отъ нихъ, очень быстро прогрессировала и много разъ измѣнялась за время истекшей войны. Здѣсь говорится преимущественно о томъ, что прочно вошло въ практику и сохранилось въ ней; по возможности, приводятся новѣйшія данныя.

I. НАПАДЕНІЕ ГАЗАМИ.

Есть два главныхъ способа примѣненія удушливыхъ газовъ: 1 — пусканіе по вѣтру на врага облака, или волны изъ газовъ и 2 — стрѣльба газовыми снарядами.

Первый способъ нѣмцы стали широко примѣнять раньше второго, съ апрѣля 1915 г.; второй способъ получилъ свое развитіе лишь много позже, въ 1916 г.*)

Первый способъ употреблялся нѣмцами больше противъ русскихъ, второй — противъ французовъ и англичанъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по мѣстнымъ условіямъ, газы примѣнялись мало, а газовыя атаки облакомъ отсутствовали совсѣмъ.

Первый способъ поражаетъ быстро и цѣликомъ большія площади, преимущественно передовые окопы съ лежащими за ними частями фронта; второй способъ дѣйствуетъ много медленнѣе и поражаетъ не цѣлыя площади, а отдѣльные участки; онъ бываетъ направленъ кромѣ передовыхъ окоповъ чаще всего на артиллерію, затѣмъ на резервныя части, большія тыловыя дороги, ходы сообщеній и пр.

Первый способъ дѣйствуетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; второй — въ теченіе дней и даже недѣль.

Примѣненіе перваго способа можно иногда предвидѣть и предсказать, относительно второго сдѣлать это много труднѣе.

Нерѣдко оба способа сочетаются вмѣстѣ.

1. ГАЗОВОЕ ОБЛАКО.

А. Способъ выпуска газовъ.

Для полученія газоваго облака, выпускаютъ на воздухъ особые газы, находящіеся въ сжатомъ, жидкомъ видѣ въ желѣзныхъ сосудахъ (баллонахъ) подъ большимъ давленіемъ.

Газъ пускаютъ сразу изъ нѣсколькихъ сотенъ или даже тысячъ такихъ сосудовъ, такъ что образуется настоящее большое облако (или газовая волна), которое вѣтеръ гонитъ по землѣ на врага.

---

*) Примѣчаніе. Первая (неудачная) попытка нападенія газами была сдѣлана нѣмцами въ январѣ 1915-го года на русскомъ фронтѣ (недалеко отъ Варшавы). Свѣдѣнія объ этой атакѣ получены авторомъ отъ очевидцевъ.

Въ американскихъ войскахъ за всю войну общія потери исчислялись около 250.000. Изъ нихъ около 25 проц. приходилось на отравленіе газами. Однако нужно добавить, что при раненіяхъ процентъ смертности былъ близокъ къ 25, тогда какъ при отравленіяхъ газами достигалъ лишь 2.

Понятно, что пускать газовое облако можно только тогда, когда вѣтеръ дуетъ прямо на окопы противника Если линія направленія вѣтра составляетъ съ линіей собственныхъ окоповъ атакующаго газомъ уголъ, меньшій 45°, газъ пускать нельзя.

Вслѣдствіе несоблюденія этого условія нѣмцы, по русскимъ и англійскимъ даннымъ, нѣсколько разъ отравляли газами собственныя войска, когда вѣтеръ неожиданно измѣнялъ свое направленіе и заносилъ газъ въ нѣмецкіе окопы.

Во избѣжаніе отравленія своихъ войскъ нѣмцы старались пускать газъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ линія ихъ фронта образовывала выдающійся впередъ уголъ. Такъ было при газовыхъ атакахъ у Ипра (на англо французскомъ фронтѣ).

Сосуды съ газомъ имѣютъ около 1 метра въ высоту и до 20 сантиметровъ въ діаметрѣ. Толщина стѣнки сосуда около $^1/_2$ сант. и ружейная пуля ее пробиваетъ; вѣсъ пустого сосуда около 45 англ. фунтовъ (1 англ. фунтъ = 454 грамма, или около $^5/_4$ русскаго фунта), а наполненнаго газомъ — вдвое больше. Сосуды снабжены кранами, устроены и дѣйствуютъ, какъ сифонъ. Открывая кранъ, газъ выпускаютъ; закрывая кранъ, тотчасъ же прекращаютъ выпускъ газа.

Такъ какъ очень неудобно возиться отдѣльно съ каждымъ сосудомъ, соединяютъ ихъ въ батареи, штукъ по 10 и болѣе, трубой съ общимъ краномъ, такъ что одинъ человѣкъ, открывая всего одинъ кранъ, сразу пускаетъ газъ изъ 10 и болѣе сосудовъ. Такимъ образомъ сокращается число людей въ газовой командѣ и, что особенно важно, выигрывается время.

Для нападающаго газами чрезвычайно важно сдѣлать это скрыто и быстро, т. е. внезапно, что гораздо легче, если приходится управлять меньшимъ числомъ людей и крановъ.

Вышеупомянутыя батареи съ газомъ ставятъ съ нѣкоторыми промежутками въ линію противъ атакуемаго фронта. Въ моментъ газовой атаки всѣ ихъ одновременно сразу открываютъ и пускаютъ газъ.

Газовую атаку можно быстро прекратить въ любое время, по желанію. Для этого нужно только закрыть вышеупомянутые краны.

Первая газовая атака у Ипра противъ англичанъ дала 35% смертности среди отравленныхъ. Умерло нѣсколько тысячъ. Первая газовая атака у Равки (зап. Варшавы) противъ русскихъ вывела изъ строя до 10.000 съ % смертности до 30. Въ обоихъ случаяхъ нѣмцы атаковали совершенно не подготовленнаго противника и имѣли временный тактическій успѣхъ.

В. ШУМЪ ГАЗОВАГО ОБЛАКА.

Во время выпуска газа онъ съ шумомъ и свистомъ вырывается на воздухъ.

Звукъ вырывающагося газа очень характеренъ — его нельзя смѣшать ни съ чѣмъ другимъ — и очень громокъ (силенъ), такъ какъ свистящій газъ вырывается сразу изъ сотенъ или даже тысячъ

сосудовъ. Звукъ этотъ можетъ быть слышенъ по вѣтру на разстояніи до 1 километра и болѣе.

Очень важно научитъ солдатъ (особенно газовыхъ развѣдчиковъ и газовыхъ часовыхъ) узнавать этотъ своеобразный шипящій шумъ, одинъ изъ первыхъ признаковъ атаки облакомъ, чтобы во-время принимать мѣры защиты. Всего чаще русскія войска узнавали газовыя атаки по шуму. Особенно важенъ этотъ признакъ въ ночное время.

C. ЦВѢТЪ ГАЗОВАГО ОБЛАКА.

Газовое облако имѣетъ разный цвѣтъ въ зависимости отъ состава газовъ и отъ количества паровъ воды въ воздухѣ; послѣдніе, смѣшиваясь съ газами, образуютъ болѣе или менѣе густой туманъ.

Чаще всего цвѣтъ облака бѣлый, какъ туманъ, желтый или грязно-желто-зеленоватый съ переходами изъ одного тона въ другой; иногда же часть газоваго облака имѣетъ синеватый или буроватый цвѣтъ, очевидно, отъ постороннихъ примѣсей. Основные газы въ облакахъ — хлоръ (желтаго цвѣта) и фосгенъ (безцвѣтный).

Цвѣтъ газоваго облака зависитъ кромѣ составныхъ частей его также отъ примѣси къ нему дымовыхъ завѣсъ (бѣлаго, чернаго, бураго и другихъ цвѣтовъ), которыя прибавляютъ мѣстами къ облаку для разныхъ цѣлей (маскировка своихъ дѣйствій, увеличеніе внушительности облака и пр.).

Поэтому одно и то же газовое облако можетъ имѣть въ разныхъ своихъ частяхъ не одинаковый цвѣтъ.

Не разъ, въ первое время газовыхъ атакъ, неопытныя войска принимали газовое облако просто за туманъ.

Изрѣдка при атакѣ днемъ, въ ясную и теплую погоду, газовое облако бывало мѣстами совершенно безцвѣтно, и почти прозрачно, не видимо; но все-же оно производило тяжелыя отравленія, ибо люди, не видя газа, не надѣвали противогазовъ и вообще не принимали мѣръ защиты.

D. ХИМИЧЕСКІЙ СОСТАВЪ УДУШЛИВЫХЪ ГАЗОВЪ ВЪ ОБЛАКѢ.

Газовое облако состоитъ изъ собственно удушливыхъ газовъ, изъ такъ называемыхъ „утяжелителей“ и изъ случайныхъ примѣсей.

а) Основные, или собственно удушливые, газы.

Удушливый газъ долженъ удовлетворять опредѣленнымъ требованіямъ:

1. Онъ долженъ быть сильно ядовитъ, иначе газовая атака будетъ безвредна.

2. Долженъ быть значительно тяжелѣе воздуха, иначе скоро разсѣется по вѣтру.

3. Годится лишь такой газъ, который можно приготовлять въ огромныхъ количествахъ легко и скоро; сырые матеріалы и аппараты для его выработки нужно имѣть въ большомъ запасѣ.

4. Долженъ быть дешевъ.

5. Долженъ быть удобенъ для перевозки (т. е. легко сгущаемъ въ жидкость*) сохраняя способность быстро улетучиваться при пониженномъ давленіи.

6. Долженъ быть такимъ, чтобы было трудно найти для него противоядіе, т. е. вещество или способъ для обезвреживанія этого газа во вдыхаемомъ воздухѣ.

Только очень немногіе газы удовлетворяютъ всѣмъ этимъ требованіямъ, а потому очень немногіе газы годны для газовой атаки облакомъ.

Во время первыхъ газовыхъ атакъ противъ французовъ, англичанъ и русскихъ нѣмцы пользовались исключительно хлоромъ (Cl_2). Хлоръ — газъ желто-зеленаго цвѣта и противнаго запаха, всѣмъ хорошо извѣстнаго, такъ какъ хлоръ часто употребляется въ видѣ хлориновой извести для дезинфекціи путей и зданій.

Хлоръ сильно раздражаетъ глаза, носъ и легкія, вызывая кашель и удушье. Будучи примѣшанъ къ воздуху въ количествѣ 0,01% хлоръ вызываетъ вскорѣ тяжелое отравленіе. При атакахъ нѣмцы старались довести его количество до 0.1% на передовыхъ линіяхъ атакуемаго фронта.

Однако союзники скоро научились защищаться противъ хлора (не удовлетворяетъ 6-му требованію) и тогда нѣмцы стали прибавлять къ хлору безцвѣтный газъ фосгенъ ($COCl_2$), т. е. химическое соединеніе угарнаго газа (CO) съ тѣмъ же хлоромъ (Cl_2). (По Гарднеру и Антонову примѣнялась также, но съ меньшимъ успѣхомъ смѣсь 90% сѣроводорода (H_2S) съ 10% сѣроуглерода (CS_2)). Фосгенъ прибавлялся въ количествѣ 20 — 25% и такая смѣсь дѣйствовала особенно губительно.

Хлоръ и фосгенъ весьма ядовиты, раза въ 2 — 3 тяжелѣе воздуха и удовлетворяютъ прочимъ вышеуказаннымъ требованіямъ. Приготовленіе фосгена много труднѣе, но онъ опаснѣе хлора, ибо онъ не раздражаетъ, если не густъ, и потому отравленіе имъ нерѣдко наступаетъ незамѣтно и постепенно. Когда же ядовитое дѣйствіе будетъ обнаружено, люди уже выведены изъ строя. Въ чистомъ видѣ фосгенъ не употреблялся для газоваго облака, такъ какъ онъ недостаточно летучъ.

Кромѣ этихъ двухъ газовъ за время войны не было найдено никакихъ другихъ, подходящихъ для газовой атаки облакомъ.

Ь) Утяжелители.

Для цѣлей нападенія газами очень важно удерживать газы у земли подольше въ возможно болѣе сгущенномъ видѣ, такъ какъ только въ такомъ случаѣ трудно отъ нихъ защищаться. Между

---

*) Фосгенъ лишенъ этой способности и потому не можетъ быть употребляемъ одинъ.

тѣмъ вѣтеръ раздуваетъ ядовитые газы и кромѣ того иногда, при существующемъ токѣ воздуха отъ земли вверхъ (напримѣръ днемъ, особенно лѣтомъ, на солнцѣ), много газовъ быстро поднимается въ верхніе слои атмосферы.

Чтобы помѣшать такому быстрому улетучиванію удушливаго газа, прибавляли къ нему еще особыя вещества, сами по себѣ не всегда ядовитыя, но дѣлавшія основной, удушливый газъ — напримѣръ хлоръ — менѣе летучимъ, болѣе привязаннымъ къ землѣ, а потому и болѣе опаснымъ. Эти вещества назывались утяжелителями. Такимъ утяжелителемъ являлся также вышеупомянутый фосгенъ, а кромѣ того въ качествѣ утяжелителей употребляли хлористую сѣру (SCl_2), бромъ (Br_2) и хлорное олово ($Sn\,Cl_4$, въ растворѣ).

Если газовая атака производилась въ сырую, туманную погоду или при дождѣ, то носящіеся въ воздухѣ водяные пары и частицы воды являлись также утяжелителями для удушливыхъ газовъ.

с) Случайныя примѣси.

Кромѣ собственно удушливыхъ газовъ и утяжелителей въ газовомъ облакѣ были нерѣдко еще другіе газы, напримѣръ окислы азота ($N_x O_x$), окислы сѣры ($S_x O_x$), окись углерода или угарный газъ (CO), углекислый газъ (CO_2) и пр.

Часть ихъ находилась въ газовомъ облакѣ, какъ случайная примѣсь, попавшая въ основной удушливый газъ во время самого его приготовленія на химическомъ заводѣ.

Другая же часть газовъ присоединялась къ газовому облаку при стрѣльбѣ химическими (газовыми) снарядами, почти всегда сопровождавшей газовыя атаки облакомъ.

Стрѣльба простыми артиллерійскими снарядами также усложняла составъ газоваго облака, прибавляя къ нему окислы углерода (CO, CO_2), азота ($N_x O_x$) и пр.

Еще часть газовъ примѣшивалась къ облаку изъ дымовыхъ завѣсъ; послѣднія къ концу европейской войны стали очень ядовиты (бѣл. фосфоръ и др.), имѣли разный составъ и потребовали для защиты отъ нихъ особыхъ дополненій въ респираторахъ.

Е. ЗАПАХЪ ГАЗОВАГО ОБЛАКА.

Правильное распознаваніе газовой атаки производилось нашими войсками нерѣдко по запаху. (Конечно, такое распознаваніе нужно считать слишкомъ позднимъ). Запахъ главнаго удушливаго газа — хлора всѣмъ хорошо извѣстенъ.

Но этотъ основной запахъ нерѣдко маскировался фосгеномъ, который придаетъ удушливымъ газамъ пріятный ароматъ фруктовъ (не то яблокъ, не то грушъ) или свѣжаго сѣна, когда фосгена было не слишкомъ много.

Такимъ образомъ въ первое время примѣненія фосгена, по невѣдѣнію, многіе наши солдаты отравлялись, ибо считали газъ съ пріятнымъ фруктовымъ или травянымъ запахомъ не ядовитымъ, не опаснымъ и не спѣшили защищаться отъ него.

Нѣкоторые удушливые газы, напримѣръ въ снарядахъ, такъ ядовиты, что распознаваніе ихъ по запаху крайне вредно и даже опасно для жизни.

F. РАЗМѢРЫ ГАЗОВАГО ОБЛАКА (ДЛИНА, ШИРИНА И ТОЛЩИНА ЕГО). ДЛИНА АТАКУЕМАГО ГАЗАМИ ФРОНТА И ГЛУБИНА ПРОНИКАНІЯ ГАЗОВЪ ВЪ ТЫЛЪ*).

При первой газовой атакѣ какъ на западно-европейскомъ фронтѣ у Ипра 22 апрѣля (н. ст.) 1915 года, такъ и на русскомъ фронтѣ къ западу отъ Варшавы 1 іюня (н. ст.) того же года газъ былъ пущенъ нѣмцами на непрерывномъ участкѣ фронта длиною до 10 километровъ.

Вторая газовая атака на нашемъ фронтѣ, бывшая у Варшавы 18 іюня того же года, имѣла болѣе короткій фронтъ, именно до 5 километровъ.

При послѣдующихъ атакахъ, у Варшавы и въ другихъ мѣстахъ русскаго и западно-европейскаго фронтовъ, длина газоваго участка (слѣдовательно и газоваго облака) уменьшалась еще больше и наконецъ остановилась въ среднемъ на величинѣ отъ 1 до 2 километровъ, что зависѣло (кромѣ тактическихъ соображеній, условій мѣстности и имѣющагося въ наличности запаса газовъ съ газовыми аппаратами) главнымъ образомъ отъ техническихъ условій газовыхъ атакъ.

Главная причина укороченія атакующаго газами фронта была слѣдующая: при первой газовой атакѣ у Варшавы (и противъ нашихъ союзниковъ у Ипра), какъ уже сказано, фронтъ газоваго нападенія былъ очень длинный — 10 километровъ безъ перерывовъ. Газовое облако было, такъ сказать, сильно растянуто по длинѣ, считая вдоль по фронту. По техническимъ условіямъ (наличное количество газа и сосудовъ не можетъ быть увеличено сверхъ опредѣленнаго предѣла), при такомъ сильно ристянутомъ газовомъ облакѣ оно, неизбѣжно должно быть не широко (считая въ направленіи перпендикулярномъ къ фронту) и не высоко — не толсто, а потому на каждый метръ фронта было сравнительно мало газа. Вѣтеръ скоро разсѣялъ это растянутое облако и газъ слабо проникъ вглубь нашего и союзническаго фронтовъ — не болѣе 2—3 километровъ.

Позже, сокращая длину газовой волны, нѣмцы увеличивали ея ширину и толщину (ея мощность). Поэтому газы при томъ же количествѣ ихъ стали проникать въ нашъ тылъ глубже — именно до 5—6 километровъ; когда же нѣмцамъ удавалось увеличивать также еще и количество выпускаемаго газа, они стали пускать по нѣскольку газовыхъ волнъ одну за другой, и газъ пробивалъ нашъ фронтъ на глубину 10-ти, а мѣстами даже 20-ти километровъ.

*) О мѣстѣ и времени газовыхъ атакъ на русскомъ фронтѣ см мою статью подъ заглавіемъ „Нѣмецкіе удушливые газы и мѣры борьбы съ ними“ и также Лондонскую лекцію.

Однако количество газа можно увеличивать, какъ уже сказано, только до опредѣленныхъ предѣловъ, такъ какъ выработка его требуетъ много времени и вся техническая газовая организація очень сложна.

Далѣе при увеличеніи количества газовыхъ сосудовъ сложность всей системы и трудность управленія ею очень быстро возрастаютъ и скоро ставятъ предѣлъ дальнѣйшему росту числа этихъ сосудовъ.

По русскимъ даннымъ, сходящимся съ данными нашихъ союзниковъ, на 1 метръ атакующаго газами фронта приходится около 1 газоваго сосуда на каждое газовое облако (на каждую волну). Итакъ при длинѣ газоваго фронта въ 1 километръ нужно 1000 сосудовъ. Позднѣйшія газовыя атаки состояли изъ нѣсколькихъ газовыхъ волнъ (до 3-4 и даже 5-8), пускаемыхъ черезъ $^1/_2$-1-2 часа одна за другой. Количество же сосудовъ на 1 километръ фронта возросло до 3000-4000 и даже 5000 8000 на 1 километръ фронта. Что касается расположенія газовыхъ батарей (для отдѣльныхъ волнъ) при повторныхъ газовыхъ атакахъ, повидимому, для каждой отдѣльной газовой волны имѣласъ совершенно отдѣльная линія такихъ батарей. Слѣдовательно, сколько было волнъ, столько же (или больше, если почему-либо не всѣ волны удалось пустить) было газовыхъ линій, лежавшихъ параллельно, по близости одна за другой.

Отъ мѣста выпуска газъ идетъ по вѣтру въ видѣ расходящихся лучей, причемъ уголъ расхожденія зависитъ отъ силы вѣтра и колеблется отъ 10° до 40°.

Покрытую газами площадь можно сравнить съ широкимъ клиномъ, узкая часть котораго находится у атакующаго, а широкая у атакованнаго газами.

Такимъ образомъ газовая туча, подвигаясь впередъ, все удлинняется по фронту; если она имѣла на линіи передовыхъ окоповъ 2 километра, то, при извѣстной силѣ вѣтра, пройдя въ глубь фронта противника до 10 километровъ, получитъ длину до 6-8 километровъ.

Высота этой тучи, или толщина ея отъ земли вверхъ, надъ передовыми окопами въ среднемъ имѣла до 3-4 метровъ, а въ глубокомъ тылу до 12-15 метровъ.

G. ВЛІЯНІЕ ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ УСЛОВІЙ НА ГАЗОВОЕ ОБЛАКО. СВОЙСТВА ДВИЖУЩАГОСЯ ГАЗОВАГО ОБЛАКА.

Значеніе топографическихъ условій для газовыхъ атакъ чрезвычайно елико — несравненно больше, чѣмъ для какого-либо другого рода овружія.

Точно также и для защиты отъ газовъ изученіе вліянія мѣстности и ея особенностей на теченіе и свойства газоваго облака (и на газы изъ снарядовъ) есть дѣло первостепенной важности.

Такое изученіе газовыхъ атакъ въ истекшую войну принесло неисчислимыя выгоды; впослѣдствіи, если газы не будутъ оставлены, каждая газовая атака должна сопровождаться самымъ тщательнымъ изслѣдованіемъ теченія и свойствъ газоваго облака въ зависимости

отъ топографическихъ и другихъ условій. Для каждой газовой атаки должно составлять подробный топографо-метеоролого-химическій протоколъ.

Тяжелое газовое облако, двигаясь по вѣтру, покрываетъ собою всю поверхность земли противъ мѣста выпуска газа. У самой земли, въ нижнихъ слояхъ воздуха, всего больше удушливаго газа. Возвышенныя мѣста, холмы, гребни горъ и т. п. газъ обходитъ или, если и заходитъ туда, остается на нихъ не долго.

Катясь впередъ, удушливый газъ заполняетъ всѣ углубленія почвы и надолго (до сутокъ и болѣе) задерживается въ нихъ. Особенно упорно держится онъ въ окопахъ, землянкахъ и тому подобныхъ помѣщеніяхъ, въ низкихъ долинахъ, травѣ, хлѣбѣ, въ густомъ кустарникѣ и въ лѣсу.

На своемъ пути газъ отравляетъ все: люди, животныя и мелкія растенія убиваются имъ (погибаютъ и птицы, и подземные звѣрьки), металлы быстро покрываются обильной ржавчиной, вода отравляется, а рыхлая почва насыщается газомъ; впослѣдствіи она долго отдаетъ его наружу и отравляетъ такимъ образомъ окружающій воздухъ.

Ясно, что при движеніи впередъ газовая туча становится все слабѣе, теряя много ядовитаго газа, уходящаго въ растенія, землю и воду, которая жадно его поглощаетъ; кромѣ того много газа постепенно улетучивается въ верхніе слои воздуха.

Напомню также, что по мѣрѣ движенія впередъ газовая волна все увеличивается вдоль по фронту и газъ въ ней потому становится все жиже.

Вслѣдствіе стремленія газа къ расширенію и подъ вліяніемъ вѣтра газовая туча при своемъ движеніи впередъ становится больше во всѣхъ своихъ размѣрахъ, т. е. длиннѣе, шире и выше. Поэтому, чѣмъ глубже въ тылъ проникаетъ она, тѣмъ болѣе длинные участки (параллельно фронту) она захватываетъ и дольше тамъ держится*).

Однако ядовитость газовой тучи, понятно, все больше и больше уменьшается по мѣрѣ ея движенія.

Широкія рѣки и густые широкіе лѣса могутъ иногда, особенно въ тылу, служить надежной защитой отъ не слишкомъ сильныхъ газовыхъ атакъ.

Впрочемъ, нужно имѣть въ виду и то, что въ началѣ атаки газъ съ трудомъ проникаетъ въ лѣсъ, но, войдя въ него, удерживается тамъ очень долго.

Въ нашихъ войскахъ было много случаевъ спасенія отъ газовъ въ лѣсу въ началѣ газовой атаки и отравленія газами въ томъ же самомъ лѣсу уже послѣ нея. Особенно опасенъ лѣсъ вблизи передовыхъ окоповъ, гдѣ газовая туча наиболѣе густа. Здѣсь въ лѣсу можетъ накопиться очень много газа.

Иногда подъ вліяніемъ метеорологическихъ, топографическихъ и другихъ условій газовая туча рѣзко мѣняетъ направленіе своего

*) Послѣднее зависитъ и отъ того, что послѣ прохожденія газовой тучи продолжаетъ поступать газъ, сдуваемый вѣтромъ съ впереди лежащихъ участковъ, отравленныхъ газовой тучей.

движенія, круто поворачиваетъ въ сторону или даже назадъ, и обходя лежащіе ближе къ фронту высокіе участки, совершенно неожиданно поражаетъ другіе, болѣе низкіе участки, находящіеся гораздо дальше отъ мѣста выпуска газа*).

Позиціи, покатыя къ тылу и имѣющія позади себя сырыя низины, особенно рѣки, озера или болота, наиболѣе опасны.

Изо всего сказаннаго ясно, что топографія мѣстности имѣетъ огромное вліяніе на движеніе и ядовитую работу газовой тучи.

Понятно поэтому, что въ мѣстахъ газовыхъ атакъ необходимо всестороннее газово-топографическое изученіе мѣстности.

Всю полосу фронта, поражаемую газами, нужно раздѣлить на участки: газоопасные, газобезопасные и условные. Подобно тому какъ на рѣкахъ и у береговъ моря отмѣчаютъ характеръ и глубину дна, такъ же и здѣсь нужно отмѣтить ясными знаками, далеко видимыми днемъ и ночью, мѣста газоопасныя и другими знаками – мѣста газобезопасныя. Мѣста условныя, т. е. куда газы могутъ зайти при особыхъ условіяхъ, остаются неотмѣченными.

Войска должны хорошо знать свою позицію въ смыслѣ газоопасныхъ и газобезопасныхъ мѣстъ. Приходя же на новую позицію, они должны тотчасъ же оріентироваться въ этомъ отношеніи по планамъ мѣстности и по газовымъ знакамъ.

Н. ВЛІЯНІЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ УСЛОВІЙ НА ГАЗОВЫЯ АТАКИ ОБЛАКОМЪ**).

Мѣстомъ перваго примѣненія газовыхъ атакъ облакомъ нѣмцы избрали позиціи у Ипра. Однако этотъ выборъ оказался для нихъ крайне неудачнымъ, такъ какъ позже выяснилось, что здѣсь (major Auld) только $^1/_4$ всѣхъ дующихъ за годъ вѣтровъ имѣетъ направленіе съ востока на западъ, а прочіе — обратное. Поэтому впослѣдствіи нѣмцы были вынуждены прекратить здѣсь свои газовыя атаки и въ то же время сами много терпѣли отъ газовыхъ атакъ на этомъ мѣстѣ со стороны англичанъ. Таково наглядное доказательство значенія метеорологическихъ условій въ этомъ дѣлѣ.

Газовыя атаки облакомъ возможны при скорости вѣтра отъ 4 до 20 километровъ въ часъ.

Болѣе тихій вѣтеръ неудобенъ, потому что онъ неустойчивъ, т. е. легко мѣняетъ свое направленіе и даже можетъ смѣняться недолгими толчками противоположнаго по направленію вѣтра. Поэтому въ 1915 г., пуская газы и при слабомъ вѣтрѣ, нѣмцы не разъ отравляли своими же газами собственныя войска. Однажды такимъ образомъ сразу было отравлено свыше 1000 человѣкъ, ибо газъ пришелъ совершенно неожиданно и захватилъ нѣмцевъ врасплохъ (Auld).

Сильный вѣтеръ, особенно порывистый, также неудобенъ, ибо онъ очень скоро раздуваетъ газъ и газовая атака теряетъ свою силу.

---

*) Расположеніе подпочвенной воды и составъ почвы имѣютъ, быть можетъ, здѣсь также значеніе. Необходимо дальнѣйшее изученіе этого вопроса.

**) См. таблицу № 1.

Что касается тумана и слабаго дождя, они способствуютъ газовой атакѣ, удерживая газъ у земли, хотя много газа при этомъ и тратится напрасно, поглощаясь и обезвреживаясь водой и водяными парами, носящимися въ воздухѣ.

Въ истекшую войну очень сильные дожди препятствовали газовой атакѣ. Однако она технически вполнѣ возможна, если при этомъ дуетъ сильный вѣтеръ; сильный вѣтеръ быстрѣе донесетъ до цѣли газъ и меньшее количество его уничтожится дождемъ (только тогда нужно гораздо больше газа).

Въ началѣ примѣненія газовыхъ атакъ даже слабый дождь считался помѣхой для нихъ, съ которой однако скоро научились справляться.

Зимой газовыя атаки примѣнялись также; идущій снѣгъ имъ не мѣшалъ; но по глубокому снѣгу ни разу не удалось наблюдать ихъ, хотя, вѣроятно, онѣ возможны и въ этомъ случаѣ.

Постоянныя и систематическія метеорологическія наблюденія на фронтѣ, гдѣ бываютъ или ожидаются газовыя атаки облакомъ, имѣютъ первостепенное значеніе; пользуясь ими, можно заранѣе сказать, когда газовая атака на данномъ участкѣ фронта возможна и когда она невозможна.

Такія наблюденія производятся особыми спеціалистами во всѣхъ газоугрожаемыхъ частяхъ фронта и своевременно сообщаются въ штабы полковъ, дивизій, въ госпитали, селенія и т. д.

И у насъ, и у союзниковъ въ мѣстахъ частыхъ газовыхъ атакъ въ концѣ концовъ выработалось слѣдующее золотое правило: „если вѣтеръ дуетъ отъ врага, будь готовъ къ газовой атакѣ“. При такомъ направленіи вѣтра тамъ всегда принимались всѣ предохранительныя мѣры.

I. ВРЕМЯ ВЫПУСКА ГАЗОВЪ.*)

Итакъ, газовыя атаки облакомъ одинаково выполнимы во всякое время года.

Что касается времени дня, то онѣ примѣнялись и днемъ, и ночью, и утромъ, и вечеромъ.

Однако чаще атаки облакомъ начинались рано утромъ (около 4 часовъ) или поздно вечеромъ (около 10 часовъ), а затѣмъ въ разные часы ночи. Ночныя атаки удобнѣе въ техническомъ, и въ психологическомъ отношеніи.

При отсутствіи солнечнаго свѣта и тепла меньше тратится газа (днемъ воздушный токъ направленъ отъ земли вверхъ) и кромѣ того газъ дольше задерживается у земли въ сыромъ воздухѣ — техническое преимущество**).

Ночная атака скорѣе застаетъ атакованнаго не подготовленымъ

*) См. таблицу № 1.

**) Кромѣ того ночью легче производить незамѣтно подготовительную работу.

и производитъ болѣе сильное дѣйствіе — психологическое преимущество.

Важность психологической стороны дѣла ясна изъ слѣдующаго.

По русскимъ даннымъ, нѣмецкія газовыя атаки вывели изъ нашего строя не такъ много; газоотравленныхъ было значительно меньше, чѣмъ, напримѣръ, обмороженныхъ (данныя нашего юго-западнаго фронта, гдѣ не было большихъ морозовъ). Однако эти атаки имѣли иногда для врага извѣстное выгодное тактическое значеніе, которое зависѣло почти исключительно отъ воздѣйствія на психику нашихъ войскъ. То же было и на западно-европейскомъ фронтѣ (Auld, A. A. Fries and Cl. j. West и оффиціальныя инструкціи).

J. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ГАЗОВЫХЪ АТАКЪ.

Первыя газовыя атаки состояли всего изъ одной волны, которая шла черезъ линію окоповъ около 5—8—10 минутъ въ разныхъ мѣстахъ фронта.

Позже нѣмцы стали пускать всегда нѣсколько волнъ, повторно одну за другой, съ промежутками между ними отъ 20 минутъ до 1—2 часовъ. Такихъ повторныхъ волнъ пускали за одну атаку у Варшавы, Барановичей, Сморгони, Крево и пр. до 4—6—8 и даже болѣе (одинъ разъ было 13 волнъ). При этомъ каждая волна стала болѣе мощной и шла черезъ окопы минутъ 15—20 и болѣе.

Концентрація выпущеннаго газа была усилена въ 2—3 раза, а слѣдовательно и сила его дѣйствія увеличилась.

Чѣмъ глубже проникала газовая волна въ тылъ, тѣмъ болѣе увеличивалась продолжительность ея теченія черезъ данную полосу, такъ какъ размѣры ея отъ расширенія газа и отъ вѣтра все увеличивались и кромѣ того по окончаніи прохожденія самой газовой волны продолжалъ поступать газъ, сдуваемый со всей впереди лежащей полосы фронта.

Поэтому въ глубокомъ тылу отдѣльныя волны иногда почти сливались одна съ другой; но зато концентрація газа тамъ была во много разъ меньше. Только при очень сильномъ, ровномъ (не порывистомъ) вѣтрѣ въ глубокій тылъ проникалъ довольно густой газъ.

К. ЧАСТОТА ГАЗОВЫХЪ АТАКЪ НА ОДНОМЪ И ТОМЪ ЖЕ МѢСТѢ ФРОНТА.

Каждая газовая атака требуетъ такого большого расхода газа, что повторять ее на одномъ и томъ же мѣстѣ можно лишь черезъ значительные промежутки времени.

Такъ въ 1915 г. у Варшавы газовая атака была повторена нѣмцами 4 раза съ промежутками около 2 — 3 недѣль. Совершенно то же было на другихъ участкахъ русскаго фронта и на западно-европейскомъ фронтѣ.

Однако, если газовая атака почему-либо не была доведена до конца и остался запасъ газа, возможно въ ближайшіе дни возобновленіе ея, что и наблюдалось, хотя и рѣдко.

Въ дѣлѣ газовыхъ атакъ, хотя и подчиненныхъ опредѣленнымъ строгимъ законамъ, было мало шаблонности, ибо врагъ старался внести въ него насколько можно больше разнообразія, чтобы затруднить защиту отъ газовъ. Поэтому здѣсь нужно быть всегда на чеку; бдительность и находчивость — первыя условія успѣшной защиты отъ газовъ.

L. ПРИКРѢПЛЕННОСТЬ ГАЗОВЫХЪ АТАКЪ ОБЛАКОМЪ КЪ МѢСТУ.

Газовыя атаки на русскомъ и союзническомъ фронтахъ производились далеко не вездѣ.

Если оставить въ сторонѣ стратегическія соображенія, которыхъ я не касаюсь, расположеніе позацій (исходящій уголъ) и топографія мѣстности, а также метеорологическія условія (направленіе вѣтра) прежде всего опредѣлили выборъ участковъ фронта, гдѣ нѣмцы стали впервые пускать газы (ошибка у Ипра, см. стр. 178).

Позже газовыя атаки стали повторяться на этихъ же мѣстахъ*). Если всѣхъ атакъ облакомъ на русскомъ фронтѣ было до 50, то свыше 35 изъ нихъ, т. е. болѣе 70% повторялись на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Также было и у союзниковъ (Ипръ и др.).

Причина этого лежитъ кромѣ удачности первоначальнаго выбора и стратегическихъ соображеній также въ технической сторонѣ газовыхъ атакъ.

Для атаки употребляются тысячи газовыхъ сосудовъ, которые нужно помѣстить тайно отъ атакуемаго, укрыть отъ взора его аэроплановъ и защитить отъ его артиллеріи и пулеметовъ.

Нужно всѣ ихъ связать въ одинъ стройный механизмъ.

Все это не легко сдѣлать и, если уже сдѣлано на опредѣленномъ мѣстѣ, не можетъ быть безъ риска неудачи перенесено на другое.

Кромѣ того для газовой атаки необходима химическая база въ видѣ фабрикъ и складовъ сырья для выработки газовъ (а также складовъ газа близъ фронта), которую переносить совершенно невозможно или очень трудно.

Итакъ атаки облакомъ по большей части прочно прикрѣплены къ опредѣленному участку фронта.

Прикрѣпленность газовыхъ атакъ облакомъ къ опредѣленнымъ участкамъ фронта имѣетъ огромнѣйшее значеніе для организаціи защиты отъ нихъ.

Нѣтъ нужды разбрасывать защитныя средства по всей линіи фронта, а нужно скопить ихъ на мѣстахъ, гдѣ могутъ пуоизводиться газовыя атаки облакомъ, особенно повторныя.

---

*) См. таблицу № 1.

ТАБЛИЦА № 1.

Атака.	Начало атаки.	Примѣчанія.	Когда.	Гдѣ.	Чѣмъ.	Продолжительность.	Результатъ.		
1	Въ началѣ ночи	1 сосудъ на 1 ярдъ	19 апр. 1915 г.	Ypres	Хлоромъ	90 мин.			
2			24 мая 1915 г.		Хлоромъ	3 часа			

Съ мая по декабрь 1915 г. вѣтеръ былъ неблагопріятенъ для нѣм. газ. атакъ, ибо дулъ съ запада на востокъ. Газ. атакъ не было.

Атака.	Начало атаки.	Примѣчанія.	Когда.	Гдѣ.	Чѣмъ.	Продолжительность.	Результатъ.		
3	5 ч. 15 м утра		19 дек. 1915 г.	Ypres		30—45 м.	Большія потери	Въ это же время было нѣсколько атакъ на франц.	Всѣ атаки сопровождались обстрѣломъ химическими снарядами
4			Апрѣль 1916 г.	St. Elie	Хлоромъ и Фосгеномъ	2 волны; 2-я волна черезъ 2 часа			
5		Нѣмцы отравил. соб. газ. 1000 смертей		St. Elie черезъ 2 дня еще у Hulluch	Хлоромъ и Фосгеномъ	2 волны; 2-я волна черезъ 15 мин.			
6					Хлоромъ и Фосгеномъ	Коротк. повт. газ. густ. волны чер. 20 мин.			
7			17 іюня 1916 г.	Messines	Хлоромъ и Фосгеномъ		Малыя потери		
8	10 час. вечера	$1\frac{1}{2}$-2 сосудовъ на 1 ярдъ	8 авг. 1916 г.	Ypres	Хлоромъ и Фосгеномъ	3 повтор. 10-мин. волны	Малыя потери, много запоздал. отравл.		

Послѣ этого было еще три газовыя атаки на французовъ.
Послѣдняя 23 апрѣля 1917 г. у Nieuport. По Auld'y.

Такъ главный русскій фронтъ имѣлъ до 1.500 или 2.000 километровъ (верстъ) длины, а газовыя атаки облакомъ примѣнялись въ общей суммѣ не болѣе, какъ на 50 километрахъ (верстахъ) его протяженія; все прочее пространство было свободно отъ нихъ.

Ясно, что на этихъ 50 верстахъ фронта, поражаемыхъ газами, и нужно было сосредоточить защитныя средства.

Однако такое дѣленіе фронта на газоугрожаемые и газоспокойные участки примѣнимо лишь къ газовымъ волнамъ.

Атака газовыми снарядами возможна вездѣ и всегда; поэтому и защита отъ нихъ должна быть вездѣ и всегда на должной высотѣ.

Главныя атаки газовымъ облакомъ на русскомъ фронтѣ были: въ 1915 г. у Равки (зап. Варшавы, 4 раза), Оссовца, Владавы (близъ Ковеля), Олая (у Риги, повторно); въ 1916 и 1917 г. г. у Сморгони, Крево, Барановичей и оз. Нарочъ (всѣ повторно у Фридрихштадта (повторно) и Икскюля (у Двинска, повторно).

М. ПЕРЕНОСНАЯ ГАЗОВАЯ АТАКА (МАЛОЕ ОБЛАКО).

На западно европейскомъ фронтѣ примѣнялся еще одинъ видъ газовой атаки, именно, пусканіе газовъ на какой-либо небольшой пунктъ, напримѣръ на важный постъ, пулеметъ, пушку, штабъ и т. д.

При подходящемъ вѣтрѣ атакующіе проносили тайно ночью на спинахъ нѣсколько штукъ или десятковъ сосудовъ съ газомъ и, установивъ ихъ на мѣстѣ, пускали газъ, а сами убѣгали.

2. ГАЗОВЫЕ СНАРЯДЫ.

Атаки газовымъ облакомъ имѣли большее значеніе въ первую половину войны, уступивъ позже первенство въ этомъ отношеніи газовымъ снарядамъ.

Чтобы лучше судить о силѣ дѣйствія послѣднихъ укажемъ, что осенью 1917 г. за 10 только дней нѣмцы выпустили 1 000.000 такихъ снарядовъ, содержавшихъ въ себѣ 2500 тоннъ (тонна = 61 пуд.) mustard или горчичнаго газа. По Цанетти, англійскія потери отъ этого газа за одинъ мѣсяцъ тотчасъ послѣ его введенія были почти равны всѣмъ потерямъ отъ газовъ за все время отъ начала войны и до тѣхъ поръ, т. е. до лѣта 1917 г. (Fries and West).

Газовыя атаки облакомъ поражаютъ преимущественно передовыя позиціи и въ меньшей степени тяжелую артиллерію, резервы и тыловыя части.

Газовыя атаки облакомъ возможны далеко не всегда, а лишь при извѣстномъ направленіи и силѣ вѣтра, и не вездѣ, а лишь на опредѣленныхъ участкахъ фронта. Наконецъ онѣ продолжаются сравнительно недолго.

Совсѣмъ не то съ газовыми снярядами.

Они поражаютъ обычно артиллерію, резервныя части и вообще тыловыя учрежденія, но нерѣдко бьютъ и по передовымъ окопамъ.

Они могутъ примѣняться вездѣ, при всякой погодѣ и въ любое время дня и года, а продолжительность ихъ дѣйствія почти безгранична, если имѣется достаточный ихъ запасъ.

Далѣе, въ атаку облакомъ теперь трудно вносить новыя неожиданныя черты: газы здѣсь нельзя разнообразить.

Въ газовыхъ же снарядахъ напротивъ возможно совершенно неожиданно вводить все новые и новые газы, къ встрѣчѣ которыхъ противникъ не приготовился и не приспособился, что и было на англо-французскомъ и въ меньшей мѣрѣ на русскомъ фронтѣ.

Англо-французскій фронтъ, болѣе богатый артиллеріей, испыталъ на себѣ въ большей степени дѣйствіе газовыхъ снарядовъ.

Въ истекшую войну примѣнялись два вида газовыхъ снарядовъ: А — отравляющіе и В — лакримогенные, или слезоточивые*) Главнымъ и самымъ опаснымъ представителемъ послѣднихъ — были снаряды, съ такъ наз. „mustard" газомъ.

Впрочемъ, не всегда можно было провести такую рѣзкую границу: нѣкоторые снаряды обладали и тѣмъ, и другимъ дѣйствіемъ.

Вначалѣ отравляющіе снаряды внушали большой страхъ, даже больше, чѣмъ атаки газовымъ облакомъ; однако оказалось, что они не такъ опасны (кромѣ снарядовъ, помѣченныхъ зеленымъ крестомъ и нѣк. др., см. ниже).

Слезоточивые же снаряды, почти невинные при первыхъ попыткахъ ихъ примѣненія, сдѣлались впослѣдствіи, съ развитіемъ этого рода техники, очень опасными.

Отличительной особенностью всѣхъ газовыхъ снарядовъ (и минъ) было то, что они имѣли малый запасъ взрывчатаго вещества и потому рвались съ малымъ шумомъ. Они не разрывались на мелкіе осколки, а лишь лопались и развертывались. По этимъ признакамъ газовые снаряды (и мины) можно было отличить отъ обычныхъ.

И отравляющіе, и слезоточивые снаряды значительно отличаются по виду отъ обычныхъ и имѣютъ ввинчивающееся дно.

Они отличаются также другъ отъ друга нѣкоторыми внѣшними признаками (напримѣръ, цвѣтнымъ крестомъ).

Нѣкоторые газовые снаряды содержали въ себѣ еще особое вещество фюмиженъ, дававшее много дыма и тѣмъ облегчавшее пристрѣлку (Гарднеръ и Антоновъ). Впрочемъ, на русскомъ фронтѣ присутствія фюмижена не удалось обнаружить.

Что касается калибра газовыхъ снарядовъ, онъ былъ очень разнообразенъ: 7,7 сант., 10,5 сант., 15 сант. и 21 сант. для артиллерійскихъ орудій; для минометовъ шелъ крупный калибръ около 25 сантиметровъ, для бомбометовъ — гораздо меньшій; кромѣ того изрѣдка употреблялись и ручныя гранаты, начиненныя газами, приспособленныя и для стрѣльбы изъ ружей.

Газовые снаряды наиболѣе вредны въ пересѣченной и богатой ямами мѣстности, особенно заросшей кустами или густой травой.

*) Въ эту же группу слѣдуетъ отнести чихательные и рвотные снаряды.

Песчаная почва задерживаетъ въ себѣ газы изъ такихъ снарядовъ (какъ и изъ облака) на очень долгое время (нѣсколько сутокъ).

А. ОТРАВЛЯЮЩІЕ СНАРЯДЫ.

Отравляющіе снаряды наполнялись различными крайне ядовитыми газами въ жидкомъ состояніи, напримѣръ синильной кислотой (HCN), ди-фосгеномъ*) и др., которые по разрывѣ снаряда должны были быстро отравить окружающій воздухъ, людей и животныхъ.

Однако нѣкоторые газы (HCN) такъ быстро улетучивались и теряли необходимую для отравленія концентрацію (степень густоты), что почти никогда не причиняли вреда.

Только разорвавшись въ закрытомъ помѣщеніи, землянкѣ или домѣ, снаряды съ синильной кислотой вызывали сравнительно слабыя отравленія.

Я видѣлъ тысячи отравленныхъ газовыми облаками и ни одного, серьезно отравленнаго газовыми снарядами, хотя изъѣздилъ почти весь нашъ фронтъ отъ Ковно до Черновицъ.

Такъ было на русскомъ фронтѣ.

На англо-французскомъ же фронтѣ были опасные отравляющіе снаряды, содержавшіе въ себѣ разные газы, именно — фосгенъ, его видоизмѣненіе ди-фосгенъ и другіе. Въ такихъ снарядахъ на ряду съ ядовитыми газами находились также утяжелители, о значеніи которыхъ говорилось уже выше.

В. СЛЕЗОТОЧИВЫЕ СНАРЯДЫ.

Въ слезоточивыхъ снарядахъ помѣщаются не газы, а особыя медленно-испаряющіяся жидкости, иногда твердыя тѣла, пары которыхъ такъ сильно жгутъ глаза, что невозможно держать ихъ открытыми и смотрѣть.

При болѣе продолжительномъ дѣйствіи эти пары вызываютъ также чиханіе и кашель (иногда рвоту), а нѣкоторые даже ожоги кожи.

Вотъ списокъ главн. лакриматоровъ (по Fries and West):

1. Бромъ-ацетонъ,
2. Бромъ-метилъ-этилъ-кетонъ,
3. Бензилъ-бромидъ,
4. Этилъ-іодъ-ацетатъ,
5. Бромъ-бензилъ-ціанидъ,
6. Фенилъ-карбиламинъ-хлоридъ,
7. Хлоръ-пикринъ ($CCl_3 . NO_2$)

---

*) Три хлоръ-метилъ-хлороформатъ.

Таблица сравнительной ядовитости лакриматоровъ (слезоточивыхъ веществъ):

	миллиграм. на 1 литръ воздуха:
Бромъ-бензилъ-ціанидъ	0.0003
Мартонитъ (смѣсь 4 частей бромъ-ацетона съ 1 частью хлоръ-ацетона)	0.0012
Этилъ-іодъ-ацетатъ	0.0014
Бромъ-ацетонъ	0.0015
Ксилилъ-бромидъ	0.0018
Бензилъ-бромидъ	0.0040
Бромъ-кетонъ	0.011
Хлоръ-ацетонъ	0.018
Хлоръ-пикринъ	0.019

Сравнительная ядовитость удушливыхъ газовъ:

	Миллиграмм. на литръ	
	Мыши	Собаки
Горчичный газъ (mustard gas, и перитъ)	0.2	0.05
Фосгенъ	0.3	—
Синильная кислота	0.2	0.1
Хлоръ-пикринъ	1.5	0.8
Хлоръ	—	3.0

(по Fries and West).

Для газовыхъ снарядовъ вообще употреблялись весьма различныя вещества, напримѣръ продукты хлорированія и бромированія толуола (жидкости грязно-зеленаго цвѣта), бромистые ксилилъ и бензилъ, хлоръ-пикринъ и другіе (см. ниже). Эти вещества такъ ѣдки, что примѣсь ихъ къ воздуху въ количествѣ уже 0,0001% и даже менѣе отравляетъ его.

Особую группу газовыхъ снарядовъ составили такъ называемые снаряды зеленаго креста, желтаго креста и синяго креста.

Первые (зеленаго креста) появились лѣтомъ 1916 года, содержали вещество близкое къ фосгену (ди-фосгенъ), и были очень ядовиты, и опасны, ибо отравленіе развивалось постепенно и незамѣтно; впрочемъ, они принадлежатъ скорѣе къ отравляющимъ чѣмъ къ слезоточивымъ снарядамъ.

Вторые (желтаго креста) появились въ іюлѣ 1917 года одновременно на русскомъ и англо-французскомъ фронтахъ; содержали въ себѣ продуктъ хлорированія и сульфированія виннаго спирта $\left[\begin{matrix} CH_2Cl - CH_2 \\ CH_2Cl - CH_2 \end{matrix} > S\right]$, называвшійся на фронтѣ „иперитомъ“, „ипритомъ“ или „горчичнымъ“ газомъ. Этотъ газъ поражалъ глаза и лег-

кія, а также кожу даже сквозь платье и отличаяся упорствомъ дѣйствія, часто развивавшагося постепенно и незамѣтно.

Первыя атаки нѣмцевъ снарядами желтаго креста противъ англичанъ дали за 6 недѣль до 20.000 потерь и способствовали тактическому успѣху нѣмцевъ (Fries and West).

Наконецъ снаряды синяго креста — возбуждающіе чиханіе снаряды — появились еще позже и были начинены продуктомъ обработки карболовой кислоты, хлоромъ и мышьякомъ. Они сильно поражали легкія, не говоря уже о наружныхъ слизистыхъ оболочкахъ (глаза, носа) и о кожѣ.

Въ концѣ европейской войны и позже были введены особыя ядовитыя и ѣдкія дымовыя вещества (smoke) — напр. бѣлый фосфоръ и др., обладавшія особой силой прониканія сквозь противогазы; однако и противъ нихъ найдены мѣры защиты.

Оказалось необходимымъ ввести особую мѣстную (на малыя разстоянія) при помощи полицейскихъ свистковъ, сигнализацію для оповѣщенія о разрывахъ всѣхъ этихъ снарядовъ*).

Противогазы хорошо защищали отъ всѣхъ нихъ, но для защиты отъ нѣкоторыхъ новыхъ химич. веществъ понадобилось ввести въ сухіе противогазы особые фильтры (см. ниже англ. противогазы).

С. ГАЗЫ ВЪ СНАРЯДАХЪ.

1. Синильная кислота (CNH).
2. Фосгенъ ($CO\ Cl_2$).
3. Окись сѣры (SO_3).
4. Бромистые ксилилъ, бензилъ и толуолъ (T — снаряды).
5. Монохлоретилхлороформатъ („иперитъ“ въ K — снарядахъ).
6. Зеленый крестъ — трихлоретилхлороформъ (дифосгенъ, суперпалитъ). Трихлоретилхлороформъ съ флорпикриномъ.
7. Желтый крестъ — дихлоретилсульфитъ (горчичный газъ, „иперитъ“, „ипритъ“, „палитъ“).
8. Синій крестъ — дифенилхлормышьякъ.
9. Этилдихлормышьякъ-дихлометилъ-эфиръ (по 50%).
10. Бромъ-метилъ-этилъ-кетонъ.
11. Ди-бромъ-кетонъ.
12. Фенилъ-карбиламинхлоридъ.
13. Аллилъ-изо-сульфо-ціанатъ.
14. Въ ручныхъ гранатахъ: бромъ-ацефонъ, бромъ, хлоръ-ацетонъ, хлоро-сульфоновая кислота, диметилъ-сульфатъ, метилъ-хлорсульфоновая кислота (по Auld'y. Norris'y и др.).

*) Общая сигнализація для больш. участковъ фронта стала не удобна при пораженіи газовъ, снарядами малыхъ площадей, ибо вызывала въ сосѣднихъ мѣстахъ ложную тревогу; послѣ нѣск. ложныхъ тревогъ войска нерѣдко переставали обращать вниманіе на газов. сигналы, за что платились жестокими потерями.

СПОСОБЫ ПУСКАНІЯ ГАЗОВЫХЪ СНАРЯДОВЪ.

По далекимъ цѣлямъ газовыми снарядами стрѣляли изъ обычныхъ артиллерійскихъ орудій малаго и крупнаго калибра.

На разстояніе нѣсколько менѣе 1 километра газовые снаряды бросались минометами, а на еще болѣе близкія — бомбометами.

Кромѣ того кое-гдѣ и изрѣдка газы примѣнялись въ ручныхъ гранатахъ, приспособленныхъ кромѣ бросанья и для стрѣльбы изъ ружей.

Е. СПОСОБЪ ПРОЖЕКТИЛЕЙ.

Англичане, а позже французы и нѣмцы, примѣняли еще слѣдующій способъ забрасыванія врага газами, причемъ пользовались преимущественно фосгеномъ.

На извѣстномъ участкѣ своихъ позицій они устанавливали, врывая въ землю подъ угломъ около 45, нѣсколько сотъ особыхъ трубъ въ родѣ минометовъ (т. наз. минометы Ливенса), которые заряжались большимъ количествомъ пороха и огромными минами съ жидкимъ фосгеномъ.

Всѣ эти трубы стрѣляли сразу, ибо порохъ въ нихъ взрывался одновременно электрическимъ токомъ. Всѣ мины падали въ одно мѣсто.

Такая стрѣльба газомъ производилась на разстоянія 1-2 километровъ, но не позволяла попадать совершенно точно въ намѣченныя цѣли.

Дѣйствіе ея было ужасно. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ англичанами сразу было выброшено на нѣмцевъ около 2000 пуд. жидкаго фосгена. Весь этотъ смертельный ядъ упалъ на заранѣе опредѣленное мѣсто фронта, гдѣ все живое было въ буквальномъ смыслѣ слова „химически“ сожжено. Это мѣсто было легко занято англичанами и представляло собой, по ихъ словамъ, настоящую пустыню смерти.

В. Н. БОЛДЫРЕВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Подготовка Русской Арміи къ Великой Войнѣ*.

II.

ПОДГОТОВКА ПѢХОТЫ.

Послѣ Японской войны выяснились недостатки организаціи русской пѣхоты и недостатки ея подготовки, какъ одиночной, такъ и маневренной. Кромѣ того былъ введенъ 3-хъ лѣтній срокъ службы, затруднявшій ея обученіе, т. к. въ зимнее время, послѣ увольненія въ запасъ очередного возраста, во многихъ частяхъ количество остававшихся людей не удовлетворяло потребности. Мѣстами неслись такіе большіе наряды, что за выдѣленіемъ учителей молодыхъ солдатъ, пополненія различныхъ командъ и т. п. въ ротахъ находилось такъ мало людей, что приходилось часто, не соблюдая никакихъ сроковъ отдыха, посылать людей изъ однихъ нарядовъ въ другіе.

Войска, возвращавшіяся изъ Маньчжуріи, иногда бывали распропагандированы и выявляли недовѣріе къ власти. Антигосударственная пропаганда ширилась, захватывая новыя части, расположенныя въ Россіи. Первая Государственная Дума служила ей опорой, депутаты злоупотребляли своей неприкосновенностью. Вмѣсто энергичной борьбы крутыми мѣрами, власти чаще вступали въ компромиссы, давая такимъ образомъ надежду на безнаказанность и этимъ еще больше поощряли мятежный духъ. Къ этому присоединились различныя хозяйственныя неурядицы и неудовлетвореніе подчасъ дѣйствительно насущныхъ потребностей солдата. Въ результатѣ во многихъ частяхъ начались волненія и даже гвардія не осталась въ сторонѣ отъ нихъ. Все это начало успокаиваться около 1908 г.

При такихъ обстоятельствахъ пѣхота несомнѣнно нуждалась въ общемъ руководствѣ и авторитетномъ разрѣшеніи различныхъ вопросовъ. Съ этой пѣлью была учреждена должность генералъ-инспектора пѣхоты. На нее былъ назначенъ генералъ Зарубаевъ.

Однако мѣра эта не оправдала ожиданій. Авторитетъ ген. Зарубаева не былъ признанъ въ округахъ, на его дѣятельность начались сѣтованія. Съ своей стороны и онъ не сталъ бороться и, повидимому, не разсчитывалъ завоевать сочувственное къ себѣ отношеніе. Встрѣтивъ первое сопротивленіе, онъ сразу отказался отъ

---

*) См. „Военный Сборникъ“ № 4.

работы въ крупномъ масштабѣ и сталъ на почву мелочнаго исполненія уставовъ и, нѣсколько болѣе основательно, на почву подготовки къ стрѣлковому дѣлу. Это соотвѣтствовало обязанностямъ инстектора стрѣлковой части въ войскахъ, почему должность генералъ-инспектора пѣхоты была упразднена уже съ 1908 года. Крайне нужная мѣра осталась неосуществленной, а между тѣмъ рядомъ работали кавалерійская и артиллерійская инспекціи. Они несомнѣнно приносили огромную пользу, а дѣятельность генералъ-инспектора артиллеріи была даже выдающейся.

Такимъ образомъ, пѣхота, лишенная высшаго руководства, училась по указаніямъ, болѣе или менѣе полнымъ, отдѣльныхъ начальниковъ, по старымъ уставамъ, по обширной литературѣ „изъ опыта войны“ и изъ „германскаго опыта“, по брошюрамъ военныхъ книгоиздательствъ.

Конечно, переварить весь этотъ разнообразный матеріалъ было затруднительно, тѣмъ болѣе пѣхотному офицеру. Образовательный цензъ послѣдняго не былъ великъ и весьма не одинаковъ. Были офицеры, окончившіе военное училище и окончившіе юнкерское училище. Правда, жизнь понемногу нивеллировала эти различія и разнообразіе въ образованіи сказывалось скорѣе въ младшихъ, чѣмъ въ старшихъ чинахъ*). Кромѣ того были части войскъ, расположенные въ большихъ центрахъ, куда стремились люди болѣе состоятельные и образованные и гдѣ офицерскій составъ полковъ былъ выше въ образовательномъ отношеніи. Но едва ли онъ былъ выше въ нравственномъ отношеніи, вслѣдствіе соблазновъ большихъ центровъ; къ тому же состоятельные люди меньше дорожили службой. Была и гвардія со своими положительными и отрицательными сторонами.

Составъ полковъ былъ крайне разнообразный и только въ гвардіи и нѣкоторыхъ немногочисленныхъ полкахъ замѣчалась традиціонность и сплоченность офицерскаго состава. Въ другихъ частяхъ офицерство не имѣло надлежащей корпоративной сплоченности. Ее могъ лѣпить по своему усмотрѣнію всякій вновь назначенный командиръ полка. Всѣмъ извѣстны факты какъ быстро поправлялись, казалось, безнадежныя части, когда во главѣ становился энергичный командиръ и какъ быстро приходили въ упадокъ другіе полки при плохихъ командирахъ. Въ этомъ отношеніи, напр. въ гвардіи, полки имѣли свои отличительные особенности и, въ отношеніи соблюденія общихъ началъ военной службы, командиру полка надо было только не мѣшать. Соревнованіе между полками дѣлало легкимъ привитіе новыхъ требованій, какъ только они опредѣленно выяснялись и проводились свыше.

Всему этому были причины и въ прежнее время офицерскій составъ русской арміи былъ не такимъ. По Петровскимъ основамъ

*) Прим. ред. Въ 1902 г. юнкерскія училища были реформированы и программа ихъ ничѣмъ не отличалась отъ программы военныхъ училищъ. Первый выпускъ изъ реформированныхъ юнкерскихъ училищъ съ производствомъ юнкеровъ въ подпоручики состоялся въ 1904 г.

офицерскія общества составляли прочную корпорацію. Поступить въ нее можно было только съ согласія общества офицеровъ. Оно же имѣло право удалять изъ своего состава нежелательныхъ членовъ и мѣра эта была весьма суровой, ибо ни въ одну другую воинскую часть изгнанный не былъ бы принятъ. Ему только оставалось устроиться на какой либо административной должности. Офицерскія общества были крѣпки и сплоченны, гордились своими боевыми отличіями, цѣнили ихъ. При такихъ условіяхъ не могло быть равнодушія къ общественной жизни, что такъ печально характеризуетъ послѣдующую русскую общественную жизнь въ военной и въ другихъ областяхъ. Худшимъ наказаніемъ для такого общества было его раскассированіе. Всякій, кто туда попадалъ, или передѣлывался подъ общій уровень или выбрасывался.

Однако такая организація, которой справедливо приписывается большое вліяніе на русскія побѣды 18 и начала 19 столѣтій, во многихъ отношеніяхъ представлялась неудобной.

Въ 20 или 30 годахъ прошлаго столѣтія установилась суровая дисциплина. Значеніе начальника, даже его самовластіе усилилось. При такомъ положеніи и взглядахъ независимое въ бытовомъ отношеніи положеніе офицерскаго общества претило. Нѣсколько случаевъ отказа принять въ свою среду постороннихъ военнослужащихъ послужило основаніемъ къ лишенію офицерскихъ обществъ прежнихъ правъ. Наиболѣе сильныя организаціи, какъ напр. гвардія, выдержали и этотъ натискъ, но большинство другихъ офицерскихъ обществъ съ теченіемъ времени утратило свое значеніе.

При томъ и власть въ своихъ посягательствахъ шла все дальше. Различные административные офицеры, получавшіе чины за выслугу извѣстнаго числа лѣтъ, обогнавъ своихъ сверстниковъ, возвращались въ войска, нерѣдко даже по своему выбору, гдѣ и занимали высшія мѣста по сравненію съ сверстниками. Практиковались и другіе переводы. Все это было удобно для штабовъ, ибо позволяло, не считаясь ни съ какими мѣстными особенностями и руководясь только штатными составами и наличіемъ войскъ, продвигать покровительствуемыхъ лицъ, но все это составляло полное неуваженіе къ принципамъ организаціи, обезличивало офицерскія общества, вносило разладъ и горечь въ ихъ среду.

Послѣ Японской войны были приняты нѣкоторыя мѣры къ устраненію этихъ явленій. Были отмѣнены произвольные переводы, но оставлены переводы для пользы службы. Этой лазейкой постоянно пользовались.

Задача этого очерка не состоитъ въ выясненіи тѣхъ мѣръ, которыя надлежитъ принимать для организаціи офицерскихъ обществъ, для регулировки ихъ дѣятельности и борьбы съ возможнымъ съ ихъ стороны засиліемъ. Достаточно только отмѣтить фактъ обезличенія офицерскихъ обществъ господствовавшимъ режимомъ.

Уже одно это обстоятельство значительно отнимаетъ интересъ къ службѣ, а однообразіе и монотонность пѣхотной службы недавняго прошлаго, ограниченные служебные горизонты, узкій кругозоръ

во время учебныхъ занятій, на маневрахъ и т. п. вели къ еще большему притупленію интереса, хотя и развивали попутно послушаніе, дисциплину, исполнительность иногда слишкомъ буквальную. Развивалась рутина, невоспріимчивость къ новому.

Извѣстенъ фактъ, съ какимъ трудомъ прививалось къ пѣхотѣ всякое новое требованіе. Вновь вводимые уставъ иногда годами оставались мертвой буквой; нужно было примѣнить особую настойчивость, особо наглядные пріемы для проведенія ихъ въ жизнь. Въ литературѣ часто примѣняются ссылки на уставныя положенія для характеристики дѣятельности той или иной арміи. Можно навѣрное сказать, что въ отношеніи русской пѣхоты выводы получились-бы далекіе отъ дѣйствительности. Русская пѣхота жила пережитками старыхъ уставовъ и требованіями новыхъ уставовъ, а когда возникала какая либо обстановка, несоотвѣтствующая привитымъ привычкамъ, отъ нихъ просто отступали. Въ эти минуты проявлялся прирожденный здравый смыслъ русскаго человѣка, непримѣняемый только въ обстановкѣ рутинной службы. Онъ часто выручалъ, но если при этомъ не хватало познаній, то конечно, по невѣдѣнію совершались крупныя ошибки.

Внѣ этихъ обстоятельствъ господствовала по преимуществу рутинная исполнительность, разумная исполнительность была сравнительно рѣдкимъ явленіемъ. Привить иниціативу при такомъ духовномъ складѣ было нелегко. Однихъ приказовъ и распоряженій начальствующихъ лицъ для этого было недостаточно: по большей части они оставались мертвой буквой.

Нигдѣ какъ въ пѣхотѣ не чувствовалась необходимость раздвинуть горизонты, освѣжить въ теченій службы познанія офицера и дать ему новыя свѣдѣнія съ цѣлью поднять его на уровень современныхъ знаній. Для этого необходимо было имѣть различные повторительные курсы. Прежде всего были необходимы курсы для подготовки къ должности ротнаго командира, затѣмъ курсы подготовки къ штабъ-офицерскимъ должностямъ. Послѣдующіе курсы составляли-бы уже подготовку къ высшимъ команднымъ должностямъ и касались бы въ равной мѣрѣ офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ.

Первоначально существовала только офицерская стрѣлковая школа въ Ораніенбаумѣ. Черезъ нее проводилось ежегодно нѣкоторое число капитановъ. Окончаніе курса заносилось въ послужные списки, но никакихъ служебныхъ преимуществъ не давало и не служило непремѣннымъ условіемъ для производства въ штабъ-офицеры. Самое образованіе было поставлено на школьную ногу и неоднократно было предметомъ нареканій. Образовательное значеніе школы до Японской войны, какъ по ограниченному числу проводившихся черезъ нее лицъ, такъ и по постановкѣ въ ней дѣла, было незначительно.

Послѣ Японской войны дѣло понемногу начало развиваться. Офицерская школа была преобразована въ штабъ-офицерскіе курсы и ихъ окончаніе давало уже извѣстныя преимущества при производ-

ствѣ въ штабъ-офицеры. Но все-таки въ должной мѣрѣ дѣло не развилось.

Затѣмъ, начиная съ 1908 г., были организованы стрѣлковые курсы для штабсъ-капитановъ, кандидатовъ на ротнаго командира. Они продолжались въ лагерное время въ теченіи шести недѣль. Сначала было открыто пять курсовъ, но затѣмъ число ихъ доведено до двѣнадцати. Служебныхъ преимуществъ они не давали. Обученіе велось интенсивно, но,вслѣдствіе краткости учебнаго періода, курсы были односторонни и всѣхъ нужныхъ свѣдѣній не давали. Они дѣйствовали въ послѣдній разъ въ 1910 г. и были закрыты къ искреннему сожалѣнію всѣхъ понимавшихъ ихъ пользу и желавшихъ ихъ дальнѣйшаго развитія. Закрытіе мотивировалось недостаткомъ кредитовъ.

Такимъ образомъ, удовлетворенія насущной потребности офицерскаго состава пѣхоты къ образованію не послѣдовало. Значеніе этого дѣла не сознавалось въ достаточной мѣрѣ. Несомнѣнно если бы это сознаніе господствовало, кредиты можно было найти.

Послѣ войны 1904 — 5 г. въ пѣхотѣ появились различныя техническія средства, которыхъ раньше у нея не было. Были организованы команды пулеметныя и связи. Пулеметные офицеры готовились на пулеметныхъ курсахъ въ Ораніенбаумѣ. Офицеры связи особой подготовки не получали, но часто командировались для пріобрѣтенія нужныхъ познаній и сноровокъ въ мѣстныя инженерныя войска, уже съ 1911 г. входившіе въ составъ корпусовъ. Дѣятельность этихъ командъ составляла исключеніе изъ обычной монотонной пѣхотной работы. Къ ней относились съ интересомъ, подготовка офицеровъ, а также ихъ познанія были весьма хороши; они съ честью выдержали боевое испытаніе.

Пѣхотное офицерство въ массѣ вышло на Великую войну недостаточно подготовленнымъ, съ ограниченнымъ кругомъ военныхъ понятій и врядъ-ли умѣло дать себѣ ясный отчетъ въ общемъ положеніи дѣлъ и въ той частной роли, которую приходится выполнять на общемъ фронтѣ арміи. Погрѣшности и недостатокъ оріентировки были поэтому часты. Появлялась и неувѣренность въ себѣ, недовѣріе къ сосѣдямъ. Но все же природный здравый смыслъ и пріобрѣтаемый, хотя и ощупью, и безъ достаточнаго анализа, опытъ часто служили вѣрными указателями. Если знанія были недостаточны, то съ другой стороны ложная доктрина не стѣсняла исполнителей. Добраго желанія было много. Еще въ 1915 г. поражало большое число раненыхъ офицеровъ, возвращавшихся въ строй. Солдатъ пропорціонально возвращалось втрое меньше. Офицерство пронесло черезъ пройденную имъ жизненную муть глубокую преданность долгу и любовь къ родинѣ и во имя ея обильно проливало свою кровь. Оно честно сдѣлало, что могло и имѣло право расчитывать на благодарность родины. Но оно ее не получило...

Очерченное выше состояніе подготовки офицеровъ дѣйствительной службы отразилось и на подготовкѣ офицеровъ запаса. Въ русской арміи въ запасъ зачислялись офицеры, оставившіе службу по

различнымъ причинамъ и состоявшіе въ возрастѣ установленномъ для военнообязанныхъ. Эта категорія запаса давала случайныя пополненія, многія изъ такихъ лицъ занимали должности, освобождавшія отъ призыва, ни къ какимъ обязательнымъ учебнымъ сборамъ они не привлекались.

Другой источникъ составляли вольноопредѣляющіеся. Они призывались на сокращенные сроки, проходили обученіе, подготавливались къ офицерскимъ обязанностямъ по очень сокращенной программѣ, послѣ чего производились въ прапорщики запаса. Въ этомъ званіи они призывались два раза на учебные сборы. Такая постановка дѣла была совершенно неудовлетворительна. Прапоршики запаса были подготовлены слабо. Войска ими не интересовались и считали ихъ обученіе обузой для себя. Повѣрка этого обученія производилась поверхностно. Отчетъ объ этомъ составлялся чисто формальный и почти въ тождественныхъ выраженіяхъ изъ года въ годъ объявллялся въ общей сводкѣ въ циркулярахъ Главнаго Штаба.

Но главное — отсутствовала связь съ частями войскъ, подготовлявшими прапорщиковъ запаса. Это и служило главной причиной равнодушнаго отношенія войскъ къ этой работѣ.

Подобные слабо подготовленные звпасные офицеры, пройдя ряды войскъ, зачислялись въ общій запасъ. Они поступали на учетъ къ воинскимъ начальникамъ и при мобилизаціи назначались въ войска, ближайшія къ мѣсту ихъ проживанія.

Прапорщики запаса, состоя изъ людей получившихъ хорошее общее образованіе, пристраивались на службу по различнымъ мѣстамъ, которыя легче всего было найти въ крупныхъ центрахъ. Тамъ они преимущественпо и накапливались. Конечно, до нѣкоторой степени было затруднительно командировать, напр. человѣка, проживающаго въ Москвѣ въ Ровно или Проскуровъ для отбытія учебнаго сбора или при мобилизаціи, потому что тамъ находилась воинская часть, въ которой онъ получилъ воинское образованіе. Проще его было назначить въ ту же Москву или ближайшій городъ, гдѣ также имѣлись воинскія части. Это давало большій просторъ власти располагать личнымъ составомъ, какъ проповѣдывалось даже на курсахъ военной администраціи. Но все-же подобныя затрудненія назвать непреодолимыми нельзя. Создавая себѣ подобныя облегченія, по вѣдѣнію или невѣдѣнію, нарушали основное правило организаціи о необходимости внутренней связи, внутренней спайки воинскихъ частей. Это правило настолько важно, что его необходимо уважать во что-бы то ни стало, памятуя, что затрудненія при правильномъ подборѣ личнаго состава всегда неизбѣжны, но ни въ коемъ случаѣ не могутъ служить причиной отказа отъ такого подбора: это свидѣтельствовало бы объ отрицаніи организаціи или о неуваженіи къ ней.

Такимъ образомъ войска готовили запасныхъ офицеровъ не для себя, а въ общій армейскій запасъ. Они не знали личнаго состава запасныхъ офицеровъ, которыхъ получатъ при мобилизаціи, не могли слѣдить за ихъ поведеніемъ въ жизни, и отбросить негод-

ный элементъ, не могли ни распредѣлить ихъ по различнымъ должностямъ, сообразно ихъ способностямъ, ни подготовить къ этимъ должностямъ.

Неудовлетворительность подготовки офицеровъ запаса была отчасти сознана послѣ Японской войны. Въ 1910 г. законъ о воинской повинности былъ измѣненъ. Вольноопредѣляющіеся проходили 2-хъ лѣтній срокъ службы и подготавливались по опредѣленной программѣ сначала къ унтеръ-офицерскимъ, а затѣмъ къ офицерскимъ обязанностямъ. Кромѣ того они призывались на учебные сборы. Законъ этотъ не былъ вотированъ въ полномъ объемѣ, согласно пожеланіямъ военнаго вѣдомства. Государственная Дума, довольно щедрая въ то время на кредиты, не соглашалась на нужные для дѣла, но болѣе стѣснительные для военнообязанныхъ сроки выполненія воинской повинности и учебныхъ сборовъ. Въ необходимости разрѣшить вопросъ пополненія арміи офицерами не было достаточно яснаго сознанія, а тѣмъ болѣе твердой воли.

Но и послѣ проведенія указаннаго выше закона военное вѣдомство не установило связи офицеровъ запаса со своими частями, которыя они пополнятъ при мобилизаціи. Эго въ значительной степени ослабило значеніе новаго закона.

Къ тому же ко времени Великой войны, по недостатку времени, еще не успѣло обнаружиться полезное вліаніе новаго закона.

Между тѣмъ, подготовка запасныхъ офицеровъ имѣла большое значеніе. Уже въ концѣ 1914 г. Главный Штабъ заявилъ о неимѣніи источниковъ для пополненія офицерскаго состава. Въ полкахъ число кадровыхъ офицеровъ постепенно убывало. Въ 1915 г., а тѣмъ болѣе въ 1916 г., они насчитывались единицами. Все отальное составляли офицеры запаса. Они часто были доблестны и старались выполнить свой воинскій долгъ, но отсутствіе солиднаго военнаго образованія и недостатокъ служебнаго опыта, умаляли существенно эти качества. Установленная, начиная съ 1916 г., подготовка офицеровъ въ особыхъ школахъ на театрѣ военныхъ дѣйствій восполняла этотъ пробѣлъ въ слабой степени. Это обстоятельство составляло крайне тяжелую сторону въ жизни арміи. Оно значительно понизило боевую способность арміи и ея устойчивость противъ вредныхъ вліяній извнѣ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ запасныхъ офицеровъ въ значительной степени и сами раньше подпадали подъ эти вліянія и оздоровляющее вліяніе военной жизни не коснулось ихъ глубоко. Послѣ революціи вліяніе ихъ стало преобладающимъ и всѣ отрицательныя стороны подобнаго офицерскаго состава сказались быстро.

* * *

Унтеръ-офицерскій составъ въ мирное время дѣлился на унтеръ-офицеровъ сверхсрочной и унтеръ-офицеровъ срочной службы. Послѣ войны 1904 — 5 г. сверхсрочные были раздѣлены на двѣ категоріи, пользовавшіяся различными преимуществами, Обусловливалось это бюджетными соображеніями. Сверхсрочные 1-й категоріи должны были окончить войсквыя школы, подвергались испытанію и

13*

затѣмъ на вакансіи назначались на должности подпрапорщиковъ. Другая категорія не пользовалась столь значительными преимуществами. Они частью служили по своей особой линіи, частью, по открытіи вакансій, могли назначаться подпрапорщиками.

Не вдаваясь въ детали, сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ можно охарактеризовать, какъ прекрасно знавшихъ службу въ кругѣ своего вѣдѣнія, но въ тактическомъ отношеніи обладавшимъ свѣдѣніями много ниже офицерскихъ. Въ смыслѣ втянутости въ работу и энергіи при обученіи солдатъ они были вполнѣ надежны. Немногаго имъ недоставало, чтобы стать вполнѣ отвѣчающими своему назначенію. Они принесли на войнѣ большую пользу и послѣ убыли офицеровъ часто цѣлыя роты держались подпрапорщиками.

Сверхсрочные унтеръ-офицеры не составляли въ русской арміи такой стойкой и опредѣленной корпораціи, какъ въ германской. Притомъ они не были достаточно многочисленны. Слѣдуетъ отмѣтить даже непопулярность сверхсрочной службы въ войскахъ, особенно въ старыхъ полкахъ. Не внушала симпатій подчиненнымъ и служебная требовательность сверхсрочныхъ. Все это вмѣстѣ взятое ставило ихъ иногда, вслѣдствіе глухого недоброжелательства, въ затруднительное положеніе. При началѣ революціи они одни изъ первыхъ подверглись гоненіямъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что сверхсрочные 1-й категоріи были настолько хорошо обставлены, что съ теченіемъ времени, особенно если бы ихъ подготовка стала серьезнѣе, и они находили бы опору какъ въ собственной корпораціи, такъ и въ отношеніяхъ къ нимъ начальствующихъ лицъ, взглядъ на нихъ несомнѣнно бы измѣнился, авторитетъ повысился и отношеніе къ нимъ стало болѣе доброжелательнымъ.

Унтеръ-офицеры срочной службы не были въ такой степени напрактикованы въ своемъ дѣлѣ, какъ сверхсрочные. Переходъ къ 3-хъ лѣтнему сроку службы заставилъ подготовлять къ унтеръ-офицерскимъ должностямъ уже съ весны перваго года службы и съ осени того же года назначать подготовленныхъ для исполненія въ ротахъ различныхъ командныхъ должностей. Если способности такихъ лицъ и давали на это право, то все же солдаты старшихъ сроковъ службы, будучи опытнѣе, далеко не всегда признавали ихъ авторитетъ. Они не составляли достаточно авторитетной группы, ни въ мирное, ни, особенно, въ военное время. Подготовка ихъ составляла только нѣсколько улучшенную подготовку остальныхъ солдатъ.

Съ унтеръ-офицерами въ батальонахъ велись особыя занятія. Но постоянные наряды и неправильная постановка этихъ занятій не давали тѣхъ результатовъ, которые можно было бы получить.

Въ запасѣ, вслѣдствіи такой подготовки, состоялъ избытокъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ пришлось ставить въ ряды съ остальными солдатами. Это тоже не содѣйствовало поддержанію ихъ авторитета передъ подчиненными. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ войны въ ряды стремились многіе изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и войска выступали, имѣя сверхкомплектъ начальствен-

наго персонала. Убыль въ этомъ персоналѣ всегда бывала больше, почему послѣ первыхъ же боевъ вмѣсто сверхкомплекта получался некомплектъ. Разумнѣе было бы выступать въ штатномъ составѣ, но имѣть наготовѣ запасъ для пополненія убыли послѣ боевъ. Хорошая организація должна предусматривать употребленіе людей по ихъ подготовкѣ и качествамъ, а не смѣшивать роли различныхъ элементовъ.

Во время войны большая убыль и плохая подготовка въ запасныхъ баталіонахъ заставили создать учебныя команды при полкахъ. Такая система имѣла конечно много отрицательныхъ сторонъ. Достаточно упомянуть, что были случаи полученія учебными командами въ полномъ составѣ боевыхъ назначеній; лучшіе люди, имѣвшіе назначеніемъ управлять другими людьми, могли выбыть изъ строя, не исполнивъ своего назначенія. Такая подготовка, кромѣ того могла быть только удовлетвоительной. Авторитета такіе унтеръ-офицеры у другихъ солдатъ имѣли немного.

Несомнѣнно, что желательнѣе было бы организовать подготовку унтеръ-офицеровъ въ запасныхъ баталіонахъ, а въ полкахъ производить только упражненія, вызываемыя примѣненіемъ послѣдняго боевого опыта.

Въ общемъ приходится признать, что надлежаще обученнаго, авторитетнаго, поставленнаго на начальническую ногу состава унтеръ-офицеровъ въ русской арміи не было. Въ цѣпи военныхъ отношеній отсутствовало это необходимое звено. Большая часть унтеръ-офицеровъ почти сливалась съ остальной массой солдатъ.

* * *

Начала организаціи едва ли проводились въ русской арміи съ достаточно строгой послѣдовательностью. Младшіе офицеры часто были у ротнаго командира не болѣе какъ помощниками, коимъ поручалось веденіе въ ротахъ той или другой отрасли обученія. Они числились, правда, въ своихъ полуротахъ и взводахъ, но руководство службой и бытомъ этихъ частей зависѣло не отъ нихъ. Этимъ вѣдалъ фельдфебель. Младшій офицеръ отбывалъ болѣе или менѣе усердно свои учебные часы, а съ остальнымъ считался какъ съ совершившимся фактомъ, узнавая распоряженія, отданныя ротнымъ командиромъ, или фельдфебелемъ. Власть послѣдняго распространялась на всю роту, нерѣдко въ ущербъ власти взводныхъ и отдѣленныхъ командировъ. Еще взводные командиры пользовались извѣстной властью, но значеніе отдѣленныхъ командировъ часто умалялось до послѣдней степени. Отдѣленіе, какъ организаціонная единица, какъ основная клѣтка, не подлежащая дѣленію, собственно не существовало. Оно признавалось въ принципѣ, но не на практикѣ. При послѣдней въ каждомъ частномъ случаѣ просто дѣлался „разсчетъ" и отдѣленный начальникъ получалъ подъ команду тѣхъ людей, которые приходились на его долю по разсчету. Эту тенденцію можно прослѣдить по уставамъ внутренней и строевой службы.

Основная ячейка, основанная на тѣсномъ содружествѣ ея членовъ и знаніи начальникомъ подчиненныхъ отсутствовала. Но, если безъ нея можно жить въ мирное время, то въ военное время при большихъ и часто мѣняющихся составахъ ротъ обойтись безъ нея нельзя. Ротный командиръ легко запомнитъ своихъ взводныхъ и отдѣленныхъ и черезъ нихъ можетъ руководить остальными людьми, но ни онъ, ни фельдфебель не въ состояніи сразу узнать всѣхъ людей роты; трудно даже взводному командиру всегда знать свой взводъ. Едва состоится ознакомленіе съ личнымъ составомъ, какъ возможны значительныя перемѣны и въ начальникахъ и въ подчиненныхъ. Только организація, разработанная до основныхъ единицъ, можетъ выручить при такихъ условіяхъ. Нарушать организаціонныя связи безнаказанно нельзя: воинская часть становится толпой.

Это обстоятельство также послужило одной изъ причинъ паденія дисциплины, которая могла быть болѣе устойчивой. По поводу дисциплины много говорилось и обычно, конечно, съ осужденіемъ. Дисциплина была якобы „палочной" и ее нужно было замѣнить „сознательной". Подобные толки опоздали на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Можно смѣло сказать, что жестокости и побои по отношенію къ подчиненнымъ солдатамъ далеко не были повседневнымъ явленіемъ. Лица, занимавшіеся этимъ систематически, были рѣдкими исключеніями и дѣятельность ихъ была настолько небезопасна, что примѣнять ее приходилось съ большими предосторожностями. Бывали, конечно, случаи побоевъ со стороны команднаго состава, потерявшаго терпѣніе и выведеннаго изъ себя, но и они не были часты. Дисциплина въ русской арміи была основана на добровольномъ послушаніи, на признаніи авторитета начальника, на сознаніи принадлежности къ единому цѣлому, интересы котораго нужно отстаивать сообща согласованными усиліями. Несомнѣнно, все это воспринималось не сознательнымъ размышленіемъ, а всей жизненной обстановкой, заботами начальниковъ о подчиненныхъ и т. п. Даже на повѣрочныхъ мобилизаціяхъ легко было замѣтить какъ дисциплина начиналась собственно съ котла, какъ около него группировались, знакомились и организовывались въ одно цѣлое. При такомъ настроеніи нужно было собственно очень немного, чтобы дисциплина стала вполнѣ прочной и устойчивой. Правильная, продуманная организація, военный авторитетъ начальника, нѣкоторое воздержаніе съ его стороны, дабы не подчеркивать съ дурной стороны свое привиллегированное положеніе, добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей были бы достаточны, чтобы дисциплина стояла несокрушимо. Но, къ сожалѣнію, эти качества нерѣдко отсутствовали у офицеровъ запаса, смѣнившихъ кадровыхъ, а разгулъ низкихъ страстей, возбужденныхъ революціей, былъ слишкомъ силенъ, чтобы первоначальныя инстинктивныя основы дисциплины не были ими подавлены.

Притомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что принимавшіяся нѣкоторыми начальниками мѣры физическаго воздѣйствія весьма часто из-

бавляли отъ судебныхъ наказаній. По существу дисциплина въ русской арміи нерѣдко страдала не отъ превышенія, а отъ бездѣйствія власти. Вмѣсто судебныхъ наказаній примѣняли свои собственныя мѣры воздѣйствія, незаконныя, но дѣйствительныя и имѣвшія менѣе тяжелыя послѣдствія, чѣмъ законныя мѣры. Это понималось, самовольныя, унизительныя наказанія терпѣлись и прощались.

Такая дисциплина выдержала боевое испытаніе съ сравнительно рѣдкимъ примѣненіемъ тѣхъ крайнихъ мѣръ, которыя всегда могутъ потребоваться въ бою, но не выдержала революціоннаго испытанія.

Разумное обученіе создаетъ и постоянно поддерживаетъ у подчиненнаго привычку къ повиновенію. Правильныя основы обученія уже давно были заложены въ русской арміи и проведены черезъ ея уставы. Учить не разсказомъ, а показомъ, не поправлять руками, а словами, не учить сразу многому, начинать съ одиночнаго обученія и т. п. было установлено уже давно. Но примѣнялось это далеко не всегда. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ принятія этихъ принциповъ они оставались неизвѣстными: ихъ не примѣняли во многихъ частяхъ войскъ, иногда и въ военныхъ училищахъ. Дурныя старыя привычки оставались. Это одинъ изъ разительныхъ примѣровъ того, что написанное въ уставахъ далеко не всегда характеризуетъ выполняемое на практикѣ.

Въ отношеніи методовъ обученія недостовало многаго. Руководившіе обученіемъ не всегда стояли на высотѣ своего назначенія. Затѣмъ имѣлась еще одна особенность. Солдатъ учили собственно только въ первый годъ ихъ службы. Они были въ сборѣ послѣ поступленія на службу и въ теченіе перваго лагеря. По окончаніи послѣдняго и возвращенія въ постоянные гарнизоны, увольнялись въ запасъ люди старшаго срока службы. Это вызывало отчисленія солдатъ младшаго срока службы для заполненія всевозможныхъ командъ строевого и хозяйственнаго назначенія. Въ ротахъ шли перечисленія, отдѣлялись учителя молодыхъ солдатъ и т. п. Послѣ этого въ ротахъ оставалось очень небольшое число людей, выполнявшихъ всевозможные наряды, какъ по внутренней службѣ, такъ и по гарнизонной. Къ этому прибавились, начиная съ конца прошлаго столѣтія, наряды для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Они бывали иногда особенно обременительными. Въ итогѣ люди двухъ старшихъ сроковъ службы часто едва успѣвали сдѣлать кое-какія упражненія по стрѣльбѣ, гимнастикѣ и т. п., какъ должны были отправляться въ наряды. Въ лагерное время, путемъ смѣны войскъ, несущихъ наряды, стремились собрать возможно больше войскъ для обученія, но это уменьшало время обученія: между войсками, несущими наряды и ведущими обученіе, приходилось устанавливать очередь. Неоднократно приходилось слышать сѣтованія, что люди старшихъ сроковъ службы успѣваютъ забыть то, чему ихъ учили, и обучены хуже молодыхъ солдатъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду также условія комплектованія пѣхоты. Лучшіе люди отбирались въ другіе роды оружія. Раньше даже существовало распоряженіе о переводѣ въ пѣхоту негодныхъ элемен-

товъ изъ другихъ родовъ оружія. Признаваемый въ теоріи главный родъ оружія на практикѣ низводился до второстепеннаго значенія. Все лучшее изъ него черпалось, все, если не худшее, то второстепенное, туда назначалось. Это обстоятельство имѣло вліяніе на обученіе. Составъ солдатъ въ пѣхотѣ значительно отличался отъ состава остальныхъ войскъ.

При такихъ условіяхъ приходилось дорожить каждымъ часомъ и увлеченіе какимъ либо отдѣломъ въ ущербъ другимъ становилось особенно вреднымъ. Этой ошибки не избѣжали. Начиная съ 1908 г. стали вводить сокольскую гимнастику. На нее тратилось много времени, которое могло быть употреблено съ большей пользой. Иногда цѣлые полки разучивали подъ музыку упражненія сокольской гимнастики. Былъ и періодъ увлеченія сельскимъ хозяйствомъ.

Одиночное обученіе стрѣльбѣ было поставлено хорошо. Искуство стрѣльбы съ 1906-7 г. развивалось. Многія части перешли въ разрядъ „отличныхъ“. Хуже обстояло дѣло съ боевой стрѣльбой, но все-же и къ этому дѣлу проявился видимый интересъ. Отказались отъ многихъ нелѣпыхъ пріемовъ, напр. перестали вызывать резервъ для стрѣльбы въ цѣпь, что раньше часто практиковалось, рѣже стрѣляли залпами и т. п. Руководство огнемъ въ цѣпи изучалось съ большимъ вниманіемъ. Отдавались соотвѣтственныя указанія по округамъ. Многое изъ этого воспринималось.

Обученіе строю можно назвать хорошимъ. Сомкнутый строй давался легко. Достаточно было посмотрѣть на занятія запасныхъ учебнаго сбора или на ополченцевъ, прекрасно дѣлавшихъ сомкнутыя ученія уже послѣ краткаго времени занятій, чтобы убѣдиться въ возможности сократить этотъ отдѣлъ занятій и полученную экономію во времени посвятить полевымъ занятіямъ.

Обученіе фортификаціонному дѣлу было поставлено плохо. Какъ это ни странно, но оно было забыто. Въ Маньчжуріи, на маневрахъ по окончаніи военныхъ дѣйствій, можно было видѣть какъ войска окапывались, не получивъ на это никакихъ указаній. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ послѣ войны мѣстами настроили образцовые участки укрѣпленныхъ позицій, но затѣмъ понемногу дѣло забылось и свелось къ обычнымъ занятіямъ „по самоокапыванію“ съ отрытіемъ и зарытіемъ окоповъ, сооружаемыхъ безъ всякаго тактическаго заданія. Интересъ къ такимъ занятіямъ пропалъ. Ими часто манкировали, отмѣняли и т. п. Послѣдствіемъ было, что русская армія вышла на войну забывъ свой собственный опытъ. Лопату цѣнили, какъ позволявшую создать себѣ укрытіе отъ огня, отрывъ для этого яму, приспособивъ канаву или мѣстную складку, но дальше этого не шли. Въ 1914 г. надлежаще организованныхъ въ фортификаціонномъ отношеніи позицій не было. Только съ 1915 г., особенно послѣ весеннихъ неудачъ, фортификаціонное дѣло развилось. Учились у противника. Оно все-же не приняло тѣхъ размѣровъ какъ у германцевъ или австро-венгерцевъ, главнымъ образомъ по недостаточности ма-

теріальныхъ и транспортныхъ средствъ. Русская армія выступила на войну съ примитивными познаніями по фортификаціонной части.

Занятія устныя или такъ называемая „словесность“ едва-ли не составляла отдѣлъ наименѣе удовлетворительно поставленный. Обыкновенно дѣло заканчивалось зазученіемъ наизусть краткихъ свѣдѣній о назначеніи солдата и свѣдѣній изъ различныхъ уставовъ. Кромѣ того рекомендовались различныя бесѣды, но лекторы подготовлялись къ этому недостаточно, несмотря на то, что революція въ 1905 г. уже показала свое лицо. Обычно лекторъ дѣлалъ ошибку предполагая, что съ солдатомъ надо говорить о простѣйшихъ вещахъ и дѣланнымъ простонароднымъ языкомъ. Такія бесѣды имѣли слишкомъ искуственный характеръ. Съ русскимъ солдатомъ можно говорить о всемъ и онъ все пойметъ. Слѣдуетъ только избѣгать неизвѣстныхъ ему словъ. Только такія бесѣды возбудятъ интересъ и лекторъ будетъ пользоваться вліяніемъ на слушателей. Но къ такимъ бесѣдамъ нужно серьезно готовиться и далеко не всякій лекторъ въ состояніи ихъ вести. Онъ долженъ умѣть освѣтить правду и разъяснить заблужденія и можетъ встрѣтиться иногда съ очень нежелательными вопросами, задаваемыми слушателями по наивности и съ задней мыслью. Не подготовленные къ этому дѣлу офицеры лучше сдѣлаютъ, если добросовѣстно займутся своимъ воинскимъ дѣломъ и знаніемъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей подчинятъ себѣ волю своихъ солдатъ и пріобрѣтутъ ихъ уваженіе. Занявъ службой время своихъ подчиненныхъ, они уже этимъ однимъ заставятъ смотрѣть, какъ на праздныя, на различныя попытки извнѣ повліять на ихъ настроеніе.

Въ русской арміи ни то ни другое не дѣлалось съ должной послѣдовательностью и законченностью. Въ результатѣ и служебныя познанія не были часто достаточно твердыми и солдаты, чувствуя умалчиваніе о какихъ-то неизвѣстныхъ имъ вещахъ, подозрительно настороживались и становились подготовленными къ воспріятію ученій, проповѣдуемыхъ со стороны людьми преслѣдующими свои особыя цѣли и умѣло эксплоатирующими отрицательныя стороны военнаго быта.

При духовныхъ бесѣдахъ священниковъ допускалась собственно та же ошибка. Нравственное вліяніе, обусловленное не саномъ, а личностью пастыря, отходило на задній планъ. Бесѣды дѣлались обязательными. Значеніе ихъ этимъ умалялось.

Въ тактическомъ отношеніи послѣ Японской войны наступили различныя измѣненія. Прежде всего ощутилась необходимость перемѣны строевъ при движеніи подъ огнемъ. Началось продвиженіе впередъ отдѣльными группами, производилось такъ называемое „накапливаніе“. Эти способы наступленія далеко не всегда были соображены съ возможностью вести изъ цѣпи огонь и часто составляли формы продвиженія возможныя только при стрѣльбѣ холостыми патронами. Замѣтно было стремленіе рѣшать дѣло наступательнымъ боемъ, но зависимость успѣха этого боя отъ артиллерійской подготовки, отъ преобладанія пулементаго и ружейнаго огня

часто игнорировалась. Никакихъ указаній свыше не было. Въ комиссіи разрабатывался пѣхотный уставъ, но и комиссія встрѣтила такое разнообразіе взглядовъ, что не рѣшилась дать указанія о боевыхъ дѣйствіяхъ и ограничилась разработкой собственно только уставной части. И даже при этихъ условіяхъ уставъ вышелъ только въ 1908 г. Уставъ имѣлъ недостатки, но все-же былъ довольно краткокъ, ясенъ и въ этомъ отношеніи выгодно отличался отъ прежняго путаннаго устава, составленнаго съ значительными погрѣшностями. Но разъясненій по веденію боевыхъ дѣйствій онъ не давалъ. Это должно было составить предметъ „Наставленія для пѣхотнаго боя", которое появилось въ началѣ 1914 г.

Можетъ быть ничто больше этого наставленія не характеризуетъ путаницы, господствовавшей во взглядахъ по окончаніи войны 1904-5 г.

Отсутствіе наставленія чувствовалось настолько остро, что по различнымъ округамъ отдавались на этотъ счетъ руководящія распоряженія. Пользовались и частными изданіями различныхъ комментаторовъ „боеваго опыта". Наконецъ въ 1910 г. въ Штабѣ Виленскаго округа была сдѣлана попытка систематизировать этотъ матеріалъ. Бысо издано нѣчто похожее на „наставленіе". Оно казалось составленнымъ съ наибольшей полнотой. Его разослали во всѣ округа на заключеніе. Получился огромной матеріалъ, отразившій общее не установившееся настроеніе. Матеріалъ разсматривался въ комиссіи составленной изъ членовъ съ подобными же разнообразными взглядами. Въ результатѣ работъ этой комиссіи, черезъ 2-3 года было издано „Наставленіе для веденія пѣхотнаго боя".

Непригодность работъ при помощи комиссій, тамъ гдѣ нужно найти новые пути, сказалась очень рельефно. Новая мысль должна зародиться въ одной головѣ и здѣсь-же получить логическое развитіе. Уже въ такомъ видѣ она можетъ быть привита массѣ, но даже и въ этомъ случаѣ процессъ ея внѣдренія дѣло не легкое и борьба съ рутиной, съ самолюбіемъ, съ невѣжествомъ можетъ получиться напряженная до окончательнаго торжества новой идеи. Для этого нуженъ авторитетъ, а выше было упомянуто, что авторитета въ Россіи того времени не было. Комиссіи по складу ихъ дѣятельности совершенно не соотвѣтствуютъ ни появленію новыхъ идей, ни ихъ логической разработкѣ, въ лучшемъ случаѣ они могутъ быть полезны при обсужденіи различныхъ деталей. Если и были примѣры, что комиссіи намѣчали новые пути, то исключительно потому, что въ ихъ составъ входили авторитетныя лица, которыя и проводили черезъ нихъ свои идеи. Остальные члены были не болѣе какъ ихъ сотрудниками, а то и просто освѣдомителями въ деталяхъ. При отсутствіи этого комиссіи выносятъ рѣшенія, составляющія какое-то среднее арифметическое изъ обсуждаемыхъ предложеній, хотя подобный методъ согласованія различныхъ идей, предложеній и т. п. умѣстный въ арифметикѣ, совершенно не отвѣчаетъ сути большинства дѣлъ, разбираемыхъ въ комиссіяхъ. Такая работа, если только опытный дѣлопроизводитель не направитъ

дѣла, ведетъ часто къ погрѣшностямъ и противорѣчіямъ, которымъ удивляются сами же члены комиссіи.

Тоже случилось и съ „Наставленіемъ для веденія пѣх. боя". Достаточно сказать, что комиссія напала на мысль разработать наставленіе исключительно „пѣхотное" и поэтому исключило изъ него все касающееся артиллеріи. Между тѣмъ артиллерійскій огонь на полѣ сраженія является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ общей обстановки и отдѣленіе этого элемента отъ дѣйствій пѣхоты совершенно немыслимо. Такое наставленіе можетъ быть пригодно только для небольшихъ отрядовъ, дѣйствующихъ отдѣльно, т. е. для случая совершенно исключительнаго. Можно навѣрное сказать, что русская армія очень нуждалась въ наставленіи для пѣхотнаго боя вообще, но мало нуждалась въ подробныхъ указаніяхъ для дѣйствія отдѣльныхъ баталіоновъ и ротъ. Нѣсколько словъ о такихъ дѣйствіяхъ въ концѣ общаго наставленія для дѣйствій пѣхоты были-бы вполнѣ достаточны.

Ссылка на инструкцію для боя, составляющую приложеніе къ полевому уставу, также мало помогала дѣлу, ибо эта инструкція, занятая вопросами согласованія дѣйствій отрядовъ изъ трехъ родовъ оружія, не разбираетъ вопросовъ пѣхотнаго боя съ должной полнотой.

Притомъ даже вопросы пѣхотной тактики не разбирались въ наставленіи съ должной обстоятельностью. Наприм. такіе вопросы, какъ густота цѣпи, управленіе огнемъ и т. п. оставались безъ достаточнаго освѣщенія. И знаменательно, что даже по окончаніи Великой Войны слышались голоса, считавшіе такое наставленіе прекраснымъ (см. Военное Дѣло за 1918 г.). До такой степени можетъ быть велика путаница понятій!

Итакъ, какъ видно изъ изложеннаго, въ маневренномъ отношеніи русская пѣхота училась „чему нибудь и какъ нибудь", руководясь различными болѣе или менѣе толковыми указаніями. Оффиціальное наставленіе появилось въ годъ войны и было составлено такимъ образомъ, что основаніемъ для полнаго и систематическаго обученія быть не могло.

При такихъ условіяхъ, хорошіе руководители могли бы еще исправить дѣло. Но ихъ не было. Уже съ лагернаго сбора 1907 г. въ Петербургскомъ округѣ были изданы указанія по послѣдовательной подготовкѣ звена, отдѣленія, взвода и роты. Они имѣли недостатки, но все же вносили въ обученіе послѣдовательность и порядокъ. Примѣнить ихъ сразу безъ предварительнаго показа было безполезно: ихъ все равно не усвоили бы. На возбуждаемыя ходатайства объ организаціи показныхъ ученій, обычно слѣдовалъ отказъ: показныя ученія, якобы, могли послужить къ установленію шаблоновъ. Неизвѣстно были ли избѣгнуты послѣдніе, но, что вслѣдствіе отсутствія руководителей, все дѣлалось кое-какъ, несомнѣнно. Та же картина съ различными варіантами повторялась и въ другихъ мѣстахъ. Руководителей не было и ихъ не создали.

Чувствовался недостатокъ въ учебныхъ поляхъ. Весной и въ началѣ лѣта, до снятія жатвы, приходилось учиться исключительно на лагерныхъ поляхъ, дополняемыхъ различными встрѣчаемыми по близости пустырями, паровой землей, иногда отводомъ земель съ уплатой владѣльцамъ за потравы. Лагерные участки соотвѣтствовали прежнимъ незначительнымъ нормамъ, соображеннымъ, главнымъ образомъ, съ потребностями обученія сомкнутому строю и устройства стрѣльбищъ. Полей для тактическихъ ученіи съ ротами было недостаточно. Это обстоятельство усугублялось общепринятымъ времемемъ для занятій. Обычно по утрамъ отъ 7 до 10 часовъ, послѣ обѣда отъ 4 до 6 часовъ дня весь лагерь, кромѣ частей, бывшихъ на стрѣльбищѣ, выступалъ на занятія. Учебныя поля были переполнены. Въ остальное время поля пустовали. Въ нѣкоторыхъ округахъ были сдѣланы попытки отступить отъ этого шаблона и производить занятія въ теченіе всего свѣтлаго времени, т. е. лѣтомъ отъ 4 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Это давало, конечно, возможннсть лучше использовать поля для ученій, но мѣра эта встрѣтила противодѣйствіе, даже среди высшихъ начальствующихъ лицъ.

Толковое тактическое ученіе требуетъ значительнаго времени. Напр. ротное ученіе, продѣланное отъ развертыванія до атаки, требуетъ 8—10 часовъ времени. Ясно, что сразу такое продолжительное ученіе провести невозможно. Лучше всего это сдѣлать, продолжая ученіе въ теченіе 2-хъ дней на одномъ и томъ же участкѣ мѣстности, съ тѣмъ, чтобы каждое послѣдующее ученіе было продолженіемъ предыдущаго. Между тѣмъ осуществленіе такого порядка встрѣчало часто затрудненія вслѣдствіе привившейся привычки вести ежедневную очередь участкамъ между частями войскъ. Только очень медленно прививалось правильное распредѣленіе участковъ сообразно учебнымъ потребностямъ.

Иногда удаленіе участковъ вызывало непроизводительный расходъ времени на слѣдованіе къ участкамъ и обратно.

Всѣ эти обстоятельства, попутно съ улучшеніемъ порядка пользованія земельными участками для занятій, требовали коренного рѣшенія вопроса объ учебныхъ поляхъ и полигонахъ. Предстояло пріобрѣсти значительные земельные участки, по нѣсколько тысячъ десятинъ на корпусъ. Дѣло это началось передъ войной, но двигалось медленно.

Подводя итогъ всему сказанному, приходится прійти къ заключенію, что отсутствіе хорошаго боевого наставленія, руководителей, учебныхъ полей и надлежащаго порядка пользованія ими не могли не отразиться отрицательно на обученіи русской пѣхоты въ тактическомъ отношеніи. И все же слѣдуетъ признать, что кадры русской пѣхоты вышли на войну удовлетворительно подготовленными. Господствовавшее общее одушевленіе толкало личный составъ на геройскія дѣла, извѣстныя въ очень небольшой части. А, если была воля къ ихъ выполненію, то и средства къ этому находились. Примѣняясь къ встрѣченнымъ боевымъ условіямъ, пользуясь свѣдѣніями и привычками, добытыми при

обученіи, наконецъ, руководясь здравымъ смысломъ, кадровые солдаты сплошь и рядомъ показывали прекрасныя качества солдата и воина. Россія была вправѣ гордиться многими изъ нихъ.

Слѣдуетъ дополнить этотъ очеркъ, что въ общемъ составѣ особенно хорошо были подготовлены и отличались прекраснымъ воинскимъ духомъ команды пулеметныя и связи. Первыя изъ этихъ командъ неоднократно оказывали своимъ частямъ цѣнную боевую поддержку. Впослѣдствіи вся тяжесть огневого боя лежала въ значительной степени на нихъ. Въ частяхъ войскъ обычно подготавливался второй комплектъ пулеметчиковъ и бывали бои, когда оба комплекта расходовались. И тѣмъ не менѣе эти, казалось, обреченные люди были постоянно бодры и готовы на новыя жертвы...

Средства связи въ началѣ войны были несовершенны. Они и впослѣдствіи не развились въ той степени, какъ на западѣ. Увеличилась собственно только матеріальная часть телефоновъ. Во время боевъ исправленіе ихъ требовалось часто. Чины командъ связи относились къ этому съ удивительнымъ самоотверженіемъ. При тѣхъ средствахъ, которыя были въ наличіи, связь поддерживалась болѣе чѣмъ хорошо. Жертвъ среди этихъ командъ было много и запасъ чиновъ связи въ частяхъ войскъ былъ постоянно необходимъ.

Обученіе командъ развѣдчиковъ въ общемъ было также удовлетворительно, но работа ихъ изо дня въ день требовала неимовѣрныхъ усилій. По существу на нихъ возлагалась работа, которая можетъ быть выполнена съ охотой и доблестью въ единичныхъ случаяхъ, но которая немыслима, ни психологически, ни физически при ея длительномъ повседневномъ выполненіи. Это сказывалось на развѣдческой дѣятельности, которая становилась вялой и формальной. Организація развѣдчиковъ должна быть поставлена на иныхъ началахъ.

Таковы были кадры. При всѣхъ пробѣлахъ обученія они стоили многаго. Кто видалъ въ 1914 г. какъ въ ротахъ относились къ убывающимъ въ бояхъ кадровымъ солдатамъ, тогда исчезавшимъ изъ рядовъ, тотъ понялъ бы значеніе кадроваго личнаго состава. Иногда убыль этихъ людей составляла большое личное горе ихъ начальниковъ.

Но части войскъ состоятъ не только изъ кадровыхъ солдатъ, но также и изъ запасныхъ. Полевыя войска русской арміи, кромѣ войскъ, содержавшихся въ усиленномъ составѣ, едва ли выступили въ составѣ ротъ, имѣвшихъ свыше 25% — 30% кадровыхъ солдатъ. Остальную часть ротъ составляли запасные. Отсюда ясно, до какой степени подготовка арміи зависѣла отъ подготовки запасныхъ. При ненадлежащей подготовкѣ они неизбѣжно понижали качество арміи. Вопросъ этотъ при современныхъ арміяхъ настолько важенъ, что на подготовку запасныхъ слѣдовало бы обратить, по крайней мѣрѣ, столько же вниманія, какъ и на подготовку кадровыхъ солдатъ. Этотъ вопросъ заслуживаетъ нѣкотораго освѣщенія.

Качество арміи военнаго времени зависитъ: а) отъ прочности кадровъ и б) отъ состава запаса. Не говоря про другіе факторы,

однимъ изъ главныхъ условій прочныхъ кадровъ является ихъ надлежащая численностъ. Таковая находится въ прямомъ сооотношеніи съ числомъ возрастовъ запасныхъ, необходимыхъ для пополненія арміи до военнаго состава, ибо чѣмъ кадровый составъ больше, тѣмъ меньше потребуетъ онъ пополненій при мобилизаціи и тѣмъ многочисленнѣе будетъ число людей, обучаемыхъ ежегодно, а слѣдовательно, тѣмъ меньшее число возрастныхъ классовъ потребуется привлечь для доведенія арміи до военнаго состава. Всякій человѣкъ имѣетъ значеніе въ кадрахъ мирнаго времени и огромный вредъ причиняется всему дѣлу подготовки, когда изъ кадровъ дѣлаются различныя отчисленія солдатъ. Ничто не можетъ быть вреднѣе того взгляда, что кадры составляютъ какой то неисчерпаемый резервуаръ, изъ котораго можно черпать по желанію для всякихъ потребностей, признаваемыхъ почему то болѣе настоятельными, чѣмъ потребности строевыя. Погрѣшностей и злоупотребленій въ этомъ отношеніи къ сожалѣнію было слишкомъ много.

Составъ и достоинство запаса зависитъ отъ численности возрастныхъ классовъ, отъ его сбереженія, отъ обученія людей и связи ихъ съ войсками. Численность каждаго возрастнаго класса зависитъ отъ численности кадровъ и сроковъ службы. Очевидно, что при 2-хъ лѣтнемъ срокѣ службы потребуется ежегодно призывать подъ знамена вдвое большее количество людей, чѣмъ при 4-хъ лѣтнемъ срокѣ службы, и въ каждомъ возрастномъ классѣ запаса будетъ въ первомъ случаѣ вдвое большее число людей, чѣмъ во второмъ. Слѣдовательно при мобилизаціи прійдется призвать для пополненія арміи меньшее число возразстныхъ классовъ и составъ арміи будетъ моложе. Этотъ вопросъ еще въ 1893 г. былъ выясненъ Каприви въ германскомъ рейхстагѣ, указавшимъ преимущество въ этомъ отношеніи германской арміи по сравненію съ французской.

Этотъ вопросъ имѣетъ особое значеніе въ настоящее время при формированіи рядомъ съ полевыми резервныхъ войскъ. При большой численности каждаго возрастного класса, для пополненія резервныхъ войскъ потребуется небольшое число возрастныхъ классовъ. При нѣкоторомъ соотношеніи численности кадровъ и численности возрастныхъ классовъ возможно достигнуть, чтобы въ полевыхъ и резервныхъ войскахъ не было людей старше 28-30 лѣтъ. Такія войска дѣйствительно могутъ быть, при соблюденіи нѣкоторыхъ другихъ условій, употреблены наравнѣ съ полевыми войсками. Такими именно были германскія резервныя войска. Ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ Австро-Венгріи подобныхъ условій не существовало. Въ частности въ Россіи на пополненіе резервныхъ войскъ поступалъ запасъ 2-го разряда, состоявшій изъ людей не моложе 31 года. Русскія резервныя войска по существу слѣдуетъ приравнять не къ германскимъ резервнымъ, а къ германскимъ ландвернымъ войскамъ. Названіе часто не соотвѣтствуетъ сущности дѣла.

Но конечно переходъ на короткіе сроки службы требуетъ соотвѣтственной организаціи кадровъ.

Къ сбереженію запаса въ Россіи не относились съ должнымъ

вниманіемъ. Несомнѣнно соціальныя условія могутъ вызвать напрасный расходъ запаса. Переселенецъ, уѣхавшій въ Америку, составляетъ обычно потерю для арміи, и всѣ расходы и труды, понесенные государствомъ на его воспитаніе и обученіе, пропадаютъ непроизводительно. Тоже можно сказать относительно расхода запаса вслѣдствіи преждевременныхъ смертей, болѣзней и т. п. Такая убыль неизбѣжна и учитывается извѣстнымъ % отчисленіемъ. Но кромѣ того убыль можетъ происходить при освобожденіи запасныхъ отъ призыва вслѣдствіи занятія ими соотвѣтственныхъ должностей, привлеченія ихъ къ различнымъ работамъ для военныхъ потребностей, назначенія на нестроевыя должности и т. д. Если въ отношеніи кадроваго состава привился взглядъ о его неисчерпаемости, то въ отношеніи запаса казалось даже страннымъ представлять на этотъ счетъ возраженія. Въ результатѣ запасъ обученныхъ людей, можно сказать, расхищался.

Казалось, слѣдовало-бы ограничить подобныя назначенія ополченцами и запасомъ 2-го разряда, дабы весь запасъ 1-го разряда поступалъ на пополненіе въ войска. Разрѣшеніе этого вопроса несомнѣнно облегчается сокращеніемъ сроковъ службы подъ знаменами, ибо это увеличитъ численность каждаго возрастнаго класса запаса и сократитъ число возрастныхъ классовъ для пополненія полевыхъ и резервныхъ войскъ. Состояніе въ запасѣ 1-го разряда всего въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ дастъ возможность провести извѣстныя ограниченія въ отношеніи личнаго состава этого разряда, обусловливающія его сбереженіе.

Послѣ сказаннаго выгода короткихъ сроковъ службы (до извѣстнаго предѣла) становится ясной. Но кромѣ того получается выгода въ отношеніи обученія. Одно дѣло поставить въ ряды при мобилизаціи солдата, закончившаго кадровое обученіе 5–6 лѣтъ назадъ и отбывшаго за это время 2–3 учебныхъ сбора или солдата, прошедшаго ряды 10—18 лѣтъ назадъ и почти не отбывавшаго за это время учебныхъ сборовъ, позабывшаго чему его обучали и, можетъ быть, не знающаго коренныхъ измѣненій, вызванныхъ развитіемъ техники.

Всѣ эти вопросы до Японской войны настолько мало сознавали, что необходимость дѣленія запаса на разряды по возрастнымъ классамъ не признавалась. Проповѣдывалось, что русская система запаса даетъ Военному Министерству большую свободу въ распредѣленіи запаса, какъ будто правильная организація не требуетъ соотвѣтственнаго подбора личнаго состава и какъ будто этотъ подборъ не стѣсняетъ (для пользы дѣла конечно) свободу располагать запасомъ. Какъ будто пополненіе войскъ людьми разныхъ возрастовъ и разнообразнаго обученія можетъ представлять что либо общее съ правильной организаціей!

Обученіе запасныхъ зависитъ отъ учебныхъ сборовъ и постановки обученія на нихъ. По закону учебныхъ сборовъ полагалось два, по 6 недѣль каждый. До конца 80 годовъ ихъ не производили вовсе. Затѣмъ до Японской войны они производились одинъ разъ въ теченіе 2-хъ недѣль для запасныхъ, прослужившихъ подъ знаме-

нами три года, и два раза по 3 недѣли для запасныхъ, прослужившихъ менѣе трехъ лѣтъ. Во время Японской войны учебныхъ сборовъ не производилось, но съ другой стороны, по крайней мѣрѣ, часть арміи обучалась, будучи призвана по мобилизаціи, а также на самой войнѣ. По окончаніи войны до 1909 г. учебныхъ сборовъ не было и только начиная съ этого года опять начался призывъ, на этотъ разъ на полный 6 недѣльный періодъ. Эти призывы производились въ теченіе ряда лѣтъ до войны 1914 г. На учебные сборы привлекались обычно возрастные классы въ концѣ ихъ состоянія въ запасѣ I-го разряда, почему многіе изъ запасныхъ I-й категоріи, поступившихъ въ 1914 г. на пополненіе полевыхъ войскъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не освѣжали своего обученія. Правда, зато четыре класса запасныхъ съ возобновленными познаніями находились ко времени Великой войны въ запасѣ 2-й категоріи. Тамъ же было много людей, побывавшихъ на предыдущей войнѣ. Для резервныхъ войскъ это было благопріятнымъ условіемъ.

Но все же надлежащей систематичности въ освѣженіи познаній запасныхъ не было. Старшіе классы запаса представляли въ этомъ отношеніи смѣшанный составъ. Въ младшихъ классахъ, поступавшихъ на пополненіе полевыхъ войскъ, повторительное обученіе иногда не было пройдено.

До Японской войны съ запасными проходилось преимущественно элементарное обученіе. Послѣ нея программы были измѣнены значительно и приноровлены къ современнымъ требованіямъ, но характеръ обученія отъ этого измѣнился мало. На полевую подготовку обращалось недостаточно вниманія. Одиночное обученіе, сомкнутый строй и стрѣльба проходились довольно хорошо. Особенно быстро и хорошо усваивали запасные сомкнутый строй. Но остальные отдѣлы обученія оставляли желать многаго. Рутина сказывалась.

Въ послѣдніе годы передъ войной запасные привлекались на подвижные сборы (маневры). Несомнѣнно, что польза отъ этого была, но надо было считаться съ отнятіемъ времени отъ элементарнаго обученія и съ увеличеніемъ расходовъ на подвижные сборы. Достаточныхъ кредитовъ на это не было. Все же это дѣло можно и должно было наладить.

Обученіе запасныхъ, прибывавшихъ на учебный сборъ, производилось въ особыхъ ротахъ и командахъ. Изъ кадровыхъ ротъ выдѣлялся соотвѣтственный составъ учебнаго персонала, который и велъ обученіе въ ротахъ и командахъ запасныхъ. Подготовка запасныхъ не была введена въ циклъ годовыхъ занятій въ ротахъ и отвѣтственность за ихъ подготовку возлагалась не на постоянныя, а на временныя военныя организаціи. Очевидно, что отношеніе временныхъ руководителей, смотрѣвшихъ на эту работу какъ на какую то придаточную, было инымъ, чѣмъ отношеніе постояннаго начальника къ обученію своей части. Высшимъ начальствомъ прощалось многое, что постоянному начальнику никогда не было бы прощено.

Во всѣхъ отношеніяхъ лучше было бы не сводить запасныхъ въ особыя команды, а распредѣлять ихъ между ротами, а въ концѣ

обученія производить смотры не запасныхъ, а ротъ, пополненныхъ запасными. Система привлеченія запасныхъ на подвижные сборы именно и требовала такого ихъ распредѣленія. Это было ея хорошей стороной. Распредѣленіе запасныхъ по ротамъ соотвѣтствовало и тому, что дѣлается при мобилизаціи, слѣдовательно, оно подготовляло командный составъ къ работѣ военнаго времени и заблаговременно знакомило его съ разрѣшеніемъ организаціонныхъ вопросовъ, которые въ войскахъ часто рѣшались сплеча безъ основательнаго размышленія. Руководящія указанія на этотъ счетъ отсутствовали.

Такое обученіе въ ротахъ дало бы всѣ ожидаемые плоды только при установленіи связи запасныхъ со своими частями войскъ. Совершенно ясно, что запасный, поступающій на пополненіе войсковой части, гдѣ онъ проходилъ свое первоначальное обученіе, гдѣ его знаютъ и гдѣ онъ всѣхъ знаетъ, представляетъ совершенно другой элементъ, чѣмъ запасный, прибывающій въ незнакомую войсковую часть. Иначе будутъ относиться къ его обученію на учебныхъ сборахъ, понимая, что это свой же человѣкъ, который поступитъ при мобилизаціи въ свою часть и отъ правильнаго обученія котораго будетъ, можетъ быть, зависѣть военный успѣхъ этой части.

Въ нѣкоторыхъ округахъ были попытки проводить это положеніе, назначать запасныхъ на учебные сборы, сообразуясь съ мобилизаціоннымъ расписаніемъ, съ предупрежденіемъ войскъ, что они обучаютъ людей, которые составятъ ихъ укомплектованіе при мобилизаціи. Это было частичнымъ исправленіемъ господствовавшей неудовлетворительной системы. Практиковалось оно передъ войной всего нѣсколько лѣтъ и по кратковременности дать результатовъ не могло. Поднятіе арміи въ настоящее время на уровень современныхъ требованій потребуетъ цѣлаго ряда лѣтъ настойчивой и систематической работы пока не накопится цѣлый рядъ подготовленныхъ возрастныхъ классовъ. Тѣмъ болѣе причинъ сразу взять вѣрный путь и систематически слѣдовать по немъ.

Разрѣшимы ли были всѣ эти вопросы въ русскихъ условіяхъ жизни? По глубокому убѣжденію составителя очерка это было вполнѣ возможно, но требовало нѣсколько большихъ расходовъ путевыхъ, на учетъ и т. п. Если эти расходы считались излишними, то исключительно вслѣдствіе недостаточно внимательнаго и мало сознательнаго отношенія къ тому положенію, что правильная организація требуетъ соотвѣтственнаго подбора личнаго состава.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что учебные сборы производились для строевыхъ. Между тѣмъ при мобилизаціи требуется пополненіе также и различныхъ другихъ должностей, наприм. санитаровъ, обозныхъ и т. п. Часть такихъ назначалась изъ кадровъ, что едва-ли допустимо. Даже запасъ 1-го разряда слѣдовало бы избавить отъ подобныхъ нарядовъ. Лучше было подготавливать для этого на спеціальныхъ учебныхъ сборахъ, производимыхъ одновременно съ прочими, ополченцевъ и запасныхъ 2-го разряда.

Кромѣ запасныхъ имѣлся еще источникъ пополненія: ополченцы

1-го разряда. Въ этотъ разрядъ ополченія зачислялось ежегодно около 180/т. людей, составлявшихъ избытокъ ежегоднаго контингента новобранцевъ. Въ этомъ разрядѣ ополченія состояли 4 года, въ теченіи коихъ производилось два учебныхъ сбора на мѣстахъ при управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. Обученіе этихъ людей, несмотря на охоту ихъ къ военной службѣ, было слабое, но для пополненія при мобилизаціи запасныхъ баталіоновъ они составляли элементъ вполнѣ подходящій. Составляемыя изъ нихъ ополченскія части, какъ по вооруженію, такъ, главное, отсутствію мало мальски хорошаго офицерскаго состава, представляли незначительную боевую цѣнность. Все-же уже въ теченіи войны изъ нихъ формировались даже крупныя войсковыя соединенія. Будучи снабжены офицерскимъ составомъ и перевооружены (обычно австр. ружьями) они быстро поднимались до общаго уровня арміи, если только попадали въ руки хорошихъ начальниковъ.

Итакъ разбирая вопросъ подготовки запаса, слѣдуетъ признать, что пробѣловъ было, къ сожалѣнію, слишкомъ много. Масса запасныхъ, прибывая при мобилизаціи въ войска, существенно понижала боевое достоинство кадровъ. Если въ мирное время достоинство кавалерійскихъ и пѣхотныхъ кадровъ было въ общемъ равноцѣнно, то стоило сравнить отмобилизованную пѣхотную часть съ кавалерійской частью военнаго времени, не получившей запасныхъ, чтобы видѣть все огромное пониженіе боевого качества пѣхоты. Въ городахъ можно было видѣть послѣ мобилизаціи массы распущенной солдатчины, едва сознававшей свои воинскія обязанности, и на возстановленіе надлежащей дисциплины коей обращалось, къ сожалѣнію, слишкомъ мало вниманія. Нельзя сказать, чтобы настроеніе этой массы было плохое, но всюду были видны слѣды первобытной грубой жизни, видно было какъ эта жизнь наложила свой отпечатокъ на людей, получившихъ первоначальное воинское обученіе и воспитаніе и какъ поверхностный налетъ того и другого стушевывался отъ соприкосновенія со стихіей жазни и поглощался ею. Невольно напрашивалась мысль, какъ безсильна организація, даже такая могущественная, какъ военная, для борьбы съ подобной стихіей и какая трудная задача предстоитъ въ Россіи еще многимъ поколѣніямъ, прежде чѣмъ установится надлежащая гармонія между жизнью и государственной организаціей. Какъ мало еще сдѣлано и какъ мало дѣлается для этого!

Какъ извѣстно, бои вызываютъ въ настоящее время такія большія потери, что вопросъ о правильномъ пополненіи арміи получаетъ особое значеніе. Организаціи, вѣдающія пополненіемъ, должны быть широко развиты и поставлены на правильныхъ началахъ. Вся работа должна начаться одновременно съ мобилизаціей и вестись непрерывно и съ полнымъ напряженіемъ въ теченіи всей войны. Побѣда зависитъ въ такой же степени отъ ихъ работы, какъ и отъ дѣйствія войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Вся ихъ дѣятельность, самое расположеніе, должны преслѣдовать цѣль быстраго пополненіи убыли въ войскахъ, даже организаціонными единицами.

Въ русской арміи первоначально при каждомъ полку формировался запасный баталіонъ, для чего изъ состава войскъ выдѣлялся небольшой кадръ. Послѣ реорганизаціи арміи, т. е. съ 1911 г., число запасныхъ баталіоновъ было уменьшено. Они считались общеармейскнмъ достояніемъ. Укомплектованія посылались изъ разныхъ баталіоновъ въ различныя войсковыя части. Число баталіоновъ, нужныхъ для пополненія потерь, не соотвѣтствовало потребности, хотя въ этомъ отношеніи опытъ Японской войны уже давалъ нужныя укезанія. Баталіоны формировались при посредствѣ незначительнаго личнаго состава, содержавшагося въ числѣ чиновъ скрытаго кадра, и запасныхъ, отчасти ратниковъ 1-го разряда, призывавшихся при мобилизаціи. Подготовка унтеръ-офицеровъ и различныхъ спеціалистовъ пѣхотной службы (пулеметчики, гренадеры и т. п.) не была предусмотрѣна. Баталіоны были размѣщены внутри государства, а особыхъ баталіоновъ, приближенныхъ къ театру военныхъ дѣйствій, уже распредѣленныхъ по войсковымъ соединеніямъ и находящихся подъ контролемъ строевого начальства, не было. Надлежащій притокъ личнаго состава въ баталіоны производился несвоевременно и въ недостаточной степени.

Самое обученіе въ запасныхъ баталіонахъ производилось несоотвѣтственно. Это было обусловлено недостаткомъ воооруженія, учебныхъ пособій, но еще въ большей степени отсутствіемъ сознанія важности этого дѣла, недстаткомъ усидчивости и настойчивости со стороны мало отвѣчающаго своему назначенію учебнаго персонала, распущенностью тыла, отсутствіемъ контроля. О постановкѣ дѣла обученія въ запасныхъ баталіонахъ ходили самые нелестные слухи*).

Только нѣсколько позднѣе дѣло обученія въ запасныхъ баталіонахъ улучшилось, но не въ такой степени, чтобы пользоваться обученіемъ какъ средствомъ развить повиновеніе и дисциплину. Быстрое паденіе дисциплины послѣ революціи произошло по различнымъ причинамъ, но не послѣдней было пренебреженіе къ надлежащему обученію солдатъ, какъ въ запасныхъ баталіонахъ, такъ и на фронтѣ.

Такая постановка дѣла отразилась очень скоро на войскахъ. Уже въ концѣ 1914 г. войска были крайне ослаблены. Въ цензурныхъ сообщеніяхъ того времени упоминалось про письмо какого то наивнаго казака, писавшаго: „Пѣхоты у насъ нѣтъ. Остались только мы, артиллерія и обозы". Посылаемыя пополненія были незначительны и потерь пополнить не могли. Пришлось все-таки требовать ихъ присылки, а это вело къ сокращенію сроковъ обученія и прибытію мало чему обученныхъ людей. Почти всѣ войска стояли на позиціяхъ, въ резервѣ войскъ было мало. Обучать при такихъ условіяхъ недообученныхъ людей было затруднительно и въ большинствѣ случаевъ они мало чему учились. Времени на обученіе также было мало. Рус-

*) Одной изъ главныхъ причинъ плохой подготовки и обученія запасныхъ баталіоновъ, былъ недостатокъ командчаго состава; часто на баталіонъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ приходилось 2—3 офицера.

(Прим. Редакціи).

ская армія, вслѣдствіе несвоевременнаго пополненія потерь, неоднократно бывала въ положеніи, когда кадры разстраивались и приходилось ихъ не только пополнять, но и возсоздавать. Но никогда такое положеніе не принимало такого трагическаго характера, какъ къ началу 1915 г. и причина тому ненадлежащая мало продуманная система запасныхъ частей Это обстоятельство, въ связи съ недостатками вооруженія, было одной изъ главныхъ причинъ русскихъ неудачъ въ 1915 г.

Если оцѣнить все сказанное относительно кадровъ и запаса, то необходимо прійти къ заключенію, что теоретически признававшееся положеніе: „Только народы, обладающіе хорошей пѣхотой, могли имѣть длительные успѣхи; только пѣхота можетъ завоевывать и сохранять завоеванное“ — было очень далеко отъ осуществленія на практикѣ. Первоначальный составъ арміи, съ которымъ она выступила на войну, все же представлялъ изъ себя грозную силу. Хотя онъ и имѣлъ слабые, недостаточно обученные кадры, пополненные малообученными запасными, не имѣвшими прочной спайки съ кадрами, но общее одушевленіе охватывало всѣ эти элементы и объединяло ихъ. До конца 1914 г. армія сохранила свой наступательный духъ, но утомленіе уже сказывалось, а впереди еще предстояла упорная и длительная борьба. Обогатились новымъ опытомъ, но первоначальное воодушевленіе пропало. Коренныхъ наслѣдственныхъ чувствъ ненависти къ противнику (особенно къ австро-венгерцамъ) не было, какъ не было яснаго сознанія своихъ племенныхъ и національныхъ задачъ. Стремленіе къ побѣдѣ, слава и народная гордость еще манили лучшихъ людей за собой, но большинство уже тяготилось рискомъ, сопровождавшимъ эти достиженія, а неумолимая дѣйствительность, какъ будто, оправдывала не первыхъ, а послѣднихъ.

При такихъ условіяхъ выступало на первый планъ значеніе военной организаціи. А между тѣмъ всѣ допущенныя несовершенства и ошибки ложились на нее тяжелымъ бременемъ. Она не могла дать нужной опоры. Выяснилось, что пѣхота, а вмѣстѣ съ нею и армія были способны на большое, но кратковременное усиліе. Продолжительное усиліе изо дня въ день, возможное при мощной организаціи, было имъ не по силамъ.

Впослѣдствіи въ 1916 г. послѣ значительныхъ усилій удалось возстановить армію, но и здѣсь старое наслѣдіе и недостаточная послѣдовательность принимаемыхъ мѣръ вели къ новому разстройству. Прежніе грѣхи повторились и Сизифова работа по возстановленію арміи продолжалась...

В. ДРАГОМИРОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу объ офицерскомъ составѣ Старой Русской Арміи къ концу ея существованія.

Разобраться въ вопросѣ о томъ, какъ измѣнялся офицерскій составъ русской арміи въ теченіе міровой войны и изъ какихъ элементовъ онъ состоялъ къ концу ея, было бы очень полезно. Не сдѣлавъ этого трудно понять многія явленія, какъ этой войны, такъ и въ особенности, послѣдующаго періода. Достаточно полное изслѣдованіе вопроса въ настоящее время едва ли возможно. Для такого изслѣдованія необходимы матеріалы, лежащіе въ различныхъ архивахъ. Къ разработкѣ ихъ едва ли скоро будетъ приступлено. Я не ставлю себѣ, поэтому, цѣлью дать въ настоящей статьѣ полную характеристику офицерскаго состава русской арміи къ концу міровой войны. Задача моя значительно уже и ограничивается сводкой ряда данныхъ лишь о строевомъ офицерскомъ составѣ пѣхоты.

Это ограниченіе вызывается прежде всего свойствами имѣющагося въ моемъ распоряженіи матеріала. Съ другой стороны — офицерскій составъ пѣхоты составляетъ большую по численности часть общаго офицерскаго состава арміи и именно эта категорія нашего офицерства за время войны, вслѣдствіе колоссальныхъ потерь совершенно измѣнилась, пріобрѣла совершенно новый обликъ. Въ другихъ родахъ войскъ этого не было.

Примѣчаніе: Наши пѣхотные полки потеряли за міровую войну по нѣсколько комплектовъ командныхъ составовъ. Насколько могу судить по имѣющимся у меня даннымъ, лишь въ немногихъ полкахъ потери офицерскаго состава убитыми и ранеными спускаются до 300%, обыкновенно же достигаютъ 400–500% и болѣе.

Для артиллеріи я не располагаю достаточно полными данными. Свѣдѣнія по ряду артиллерійскихъ бригадъ говорятъ о потеряхъ офицерскаго состава (за всю войну) въ 15—40%. Потери техническихъ войскъ еще меньше. Въ конницѣ потери очень неравномѣрны. Есть части сильно потерпѣвшія, въ другихъ убыль совершенно незначительна. Во всякомъ случаѣ даже потери наиболѣе пострадавшихъ конныхъ частей въ сравненіи съ потерями пѣхоты ничтожны.

Матеріаломъ для настоящей статьи послужили сохранившіяся у меня мои собственныя замѣтки, характеризующія офицерскій составъ

пѣхоты въ разные періоды войны, затѣмъ данныя по этому вопросу, сообщенныя мнѣ другими участниками войны. Особенно цѣнными среди имѣющихся у меня матеріаловъ являются свѣдѣнія, характеризующія состояніе командного состава одной изъ нашихъ армій (6-й арміи, входившей въ составъ Румынскаго фронта) къ осени 1917 года. Эти послѣднія свѣдѣнія были собраны для комиссіи, имѣвшей задачей выработку мѣропріятій по поднятію боеспособности арміи, и характеризовали какъ старшій командный составъ пѣхоты такъ и строевой офицерскій составъ ея.

Свѣдѣнія 6-й арміи даютъ возможность составить представленіе о томъ, чѣмъ было наше офицерство (въ пѣхотѣ) къ концу войны.

Разсмотрѣнію подлежатъ двѣ неравныя группы командного состава: небольшая по численности группа старшаго командного состава (командиры частей) болѣе многочисленная — группа строевого офицерскаго состава пѣхоты.

Что касается до послѣдней группы, то учитывая значительное число офицеровъ, входящихъ въ нее, а также то обстоятельство, что полки, командный составъ которыхъ состоялъ изъ этихъ офицеровъ, принадлежали къ пѣхотнымъ дивизіямъ различныхъ категорій, можно допустить, что выводы изслѣдованія этой группы являются примѣнимыми для офицерскаго состава всей русской пѣхоты послѣдняго періода войны.

Примѣчаніе: Изъ 7 пѣх. дивизій было 4 первоочередныхъ (одна пѣхотная, одна стрѣлковая и двѣ сибирскихъ стрѣлковыя), одна пѣх. дивизія, сформированная въ 1914 году съ объявленіемъ мобилизаціи, одна пѣх. дивизія, сформированная въ 1915 году изъ ополченскихъ дружинъ и, наконецъ, одна стрѣлковая дивизія, сформированная зимой 1916—1917 гг. (при переходѣ корпусовъ отъ 2-дивизіонной къ 3-дивизіонной организаціи).

Старшій командный (командирскій) составъ, взятый въ одной лишь арміи, представляетъ не столь большую по численности группу, чтобы результаты разсмотрѣнія ея можно было бы безъ существенныхъ оговорокъ примѣнить ко всей русской арміи. Все же это разсмотрѣніе приводитъ къ нѣкоторымъ выводамъ, за которыми можетъ быть признано общее значеніе.

Отмѣчу главнѣйшіе изъ нихъ:

Прежде всего при разсмотрѣніи данныхъ о командирскомъ составѣ бросается въ глаза значительный процентъ временно командующихъ: а именно — 11 изъ 32 полковъ, причемъ только объ одномъ было возбуждено ходатайство объ утвержденіи въ должности. Отсутствіе въ пѣхотныхъ полкахъ $^1/_3$ настоящихъ командировъ являлось, конечно, обстоятельствомъ очень неблагопріятно отражавшимся на всѣхъ сторонахъ жизни частей. Объясняется это явленіе условіями тогдашней политической обстановки въ арміи.

По предшествующей до полученія полка службѣ 27 командировъ полковъ (т. е. почти 85% отъ общаго ихъ числа) принадле-

жатъ къ строевому офицерству; остальные пять занимали должности въ различныхъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ военнаго вѣдомства (корпуса, воен. училища и проч.).

Среди 32 командировъ полковъ не оказалось ни одного офицера Генер. Штаба. Несомнѣнно это случайность, но случайность очень характерная, указывающая на значительное уменьшеніе среди командного состава пѣхоты лицъ съ высшимъ военнымъ образованіемъ.

Всѣ командиры полковъ въ чинѣ полковника, но большинство ихъ — молодые полковники, очень недавно произведенные въ этотъ чинъ. Судя по старшинству, представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что многіе изъ командировъ полковъ выступили на войну оберъ офицерами.

Примѣчаніе: Полковниковъ старшинства: 1917 г. — 7; 1916 г. — 11; 1915 г. — 6; 1914 г. — 3; 1913 г. — 1; 1912 г. и ранѣе — 4.

У нѣкотоыхъ старшинство получено за боевую выслугу или раненіе, такъ что фактически они произведены въ чинъ полковника еще позже указанныхъ датъ.

Цензъ командованія полками у большинства очень не великъ:

отъ 1	до	3 мѣс. — у	8	к-ровъ	полковъ,
„ 3	„	6 „ — „	11	„	„
„ 6	„	12 „ — „	8	„	„
„ 1	„	2 лѣтъ — „	3	„	„
болѣе		2 лѣтъ — „	2	„	„

Такимъ образомъ 25% общаго количества командировъ полковъ едва лишь приняли части; менѣе шестой части ихъ (командующіе болѣе года) можетъ считаться болѣе или менѣе опытными командирами частей.

Очень великъ зато боевой опытъ. Лишь одинъ кокандиръ полка пробылъ на войнѣ въ строю 8 мѣсяцевъ; отъ $1^1/_2$ до 2 лѣтъ пробыло 7, отъ 2 до $2^1/_2$ лѣтъ — 6 командировъ полковъ. Боевой цензъ остальныхъ 18 — отъ $2^1/_2$ до 3 лѣтъ.

Примѣчаніе: Повидимому большинство командировъ полковъ находилось въ строю съ самаго начала войны. Разница въ боевомъ цензѣ объясняется эвакуаціей по случаю раненій.

Общее заключеніе о командирскомъ составѣ пѣхоты можетъ быть выражеио слѣдующимъ образомъ: Къ концу войны во главѣ пѣх. полковъ стояли испытанные боевые офицеры, однако достаточнымъ опытомъ въ хозяйственно-административной области и въ области воспитанія своихъ частей большая часть этихъ командировъ частей не обладала.

Переходя къ разсмотрѣнію второй группы командного состава (строевого офицерскаго состава пѣхоты), надо отмѣтить, что представленныя полками вѣдомости отвѣчали на сравнительно ограниченное число вопросовъ. Въ этихъ вѣдомостяхъ было указано:

1) число офицеровъ въ полку, 2) распредѣленіе ихъ по чинамъ, 3) распредѣленіе по должностямъ, 4) продолжительность пребыванія на войнѣ въ строю, 5) общеобразовательный цензъ и 6) спеціально военная подготовка.

На первые два изъ перечисленныхъ вопросовъ отвѣчаетъ таблица № 1.

Примѣчаніе: Будетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о значеніи чиновъ. Значеніе это за время съ 1914 года сильно измѣнилось и въ теченіе разныхъ періодовъ истекшаго десятилѣтія было различно. До міровой войны чинъ подполковника офицеръ армейской пѣхоты получалъ въ возрастѣ 45—50 лѣтъ, прослуживъ уже лѣтъ 25 - 30. Не только капитаны, но и штабсъ-капитаны были уже солидными офицерами.

Къ концу міровой войны чины имѣли приблизительно слѣдующее значеніе: Прапорщики, подпоручики — совсѣмъ молодые офицеры, выпущенные изъ военныхъ училищъ ускореннаго типа не ранѣе 1916 года; въ большихъ бояхъ первой половины участія не принимали. Штабсъ-капитаны и небольшая часть капитановъ тоже офицеры военнаго времени, но уже захватившіе первый періодъ войны. Штабъ-офицеры и большая часть капитановъ — офицеры мирнаго времени. Значительная часть ихъ изъ молодыхъ офицеровъ мирнаго времени, начавшихъ войну младшими офицерами; старые, опытные ротные и баталіонные командиры мирнаго времени среди нихъ могли встрѣтиться лишь въ видѣ исключенія.

ТАБЛИЦА № 1.

ЧАСТИ	Полковн.	Подполк.	Капитан.	Шт. кап.	Поруч.	Подпор.	Прапор.	Итого	Примѣчаніе
160 пѣх. п.*) . . .	1	1	—	15	20	23	75	135	*) 4-хъ бат. полки
36 Сиб. стр. п.*) .	1	1	1	5	8	21	78	115	
40 „ „ „*) .	2	1	1	6	8	16	110	144	
10 стр. п.	—	2	2	7	5	17	50	83	
29 „ „	—	—	1	1	—	10	57	69	
241 пѣх. п.	—	1	4	2	6	25	47	85	
459 „ „	—	1	1	2	16	47	27	94	
	4	7	10	38	63	159	444	725	

При разсмотрѣніи таблицы обращаетъ на себя вниманіе значительное колебаніе численности офицеровъ въ разныхъ полкахъ (отъ 69 до 144). Низшій предѣлъ объясняется участіемъ 29 стр. полка въ наступленіи мѣстнаго характера, сопровождавшемся значительными потерями. Если кромѣ этого обстоятельства учесть, что три полка съ небольшимъ числомъ офицеровъ имѣли по 4 баталіона, а остальные по 3, то разница въ численности офицерскаго состава отдѣльныхъ частей окажется не столь значительной. Во всякомъ случаѣ по количеству — офицеровъ во всѣхъ полкахъ болѣе чѣмъ достаточно (во всѣхъ полкахъ значителькый сверхкомплектъ) и можно, пожалуй, на основаніи этихъ данныхъ говорить о перепроизводствѣ въ нашей арміи офицеровъ къ концу войны.

Весь изслѣдуемый офицерскій составъ можно раздѣлить на 2 неравныя, рѣзко отличныя группы — на офицеровъ кадровыхъ и на офицеровъ военнаго времени.

Къ первой группѣ относятся всѣ штабъ-офицеры, почти всѣ капитаны (9 или 10) и небольшая часть штабсъ-капитановъ (7 изъ 38). Всего кадровыхъ офицеровъ — 27, т. е. не полныхъ 4% отъ общаго количества. Остальные 96% — офицеры военнаго времени.

Примѣчаніе: Слѣдуетъ отмѣтитъ, что въ группѣ кадровыхъ офицеровъ показаны не только тѣ, кто къ моменту объявленія войны состояли въ частяхъ, но и офицеры переведенные во время войны изъ разнаго рода тыловыхъ учрежденій и заведеній въ строевыя части, а также офицеры, выпущенные изъ училищъ при мобилизаціи. Такимъ образомъ, отъ того строевого кадроваго офицерскаго состава, который выступилъ на войну осталось къ концу войны не 4%, а значнтельно менѣе.

Распредѣленіе небольшой, но наиболѣе цѣнной группы кадровыхъ офицеровъ между частями рвномѣрностью не отличается. Въ однихъ полкахъ имѣется (кромѣ командира полка) по 4—5 кадровыхъ офицеровъ, въ другихъ — по 2. Въ одномъ изъ полковъ — всего одинъ кадровый оберъ-офицеръ.

При разсмотрѣніи данныхъ таблицы, касающихся второй категоріи офицерскаго состава офицеровъ военнаго времени, обращаетъ на себя вниманіе огромный процентъ офицеровъ въ чинѣ подпоручика и, въ особенности, въ чинѣ прапорщика.

Прапорщики составляютъ болѣе 60% отъ общаго числа офицеровъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ (40-й стр. сибирскій полкъ) до 75%.

Учитывая, что чинъ съ достаточной степенью точности можетъ считаться показателемъ продолжительности службы офицера, слѣдуетъ признать, что въ группѣ офицеровъ военнаго времени значительное большинство состоитъ изъ лицъ съ минимальнымъ боевымъ и служебнымъ опытомъ.

Примѣчаніе: Во время міровой войны срокъ выслуги на фронтѣ для производства изъ прапорщиковъ въ подпоручики равнялся 4 мѣсяцамъ, тоже самое — для производства изъ подпоручиковъ въ поручики.

Изслѣдованіе полковыхъ вѣдомостей, на основаніи которыхъ составлена таблица № 1, даетъ возможность выдѣлить изъ общей массы офицеровъ военнаго времени небольшую группу, состоящую изъ лицъ, достигшихъ офицерскаго званія безъ прохожденія военной школы (произведенные изъ солдатъ за боевыя отличія). Группа эта не велика, всего — 35 человѣкъ, т. е. менѣе 5% отъ разсматриваемаго офицерскаго состава. Изъ этихъ 35 человѣкъ около $^1/_3$ приходится на офицеровъ въ чинѣ поручика, штабсъ-капитана и капитана, остальные $^2/_3$ — подпоручики и прапорщики.

Первые (въ болѣе старшихъ чинахъ) несомнѣнно попали въ офицеры до революціи. Это бывшіе подпрапорщики, фельдфебеля, сверхсрочные унтеръ-офицеры, словомъ лучшіе изъ солдатъ старой арміи. Огромное большинство нашего кадроваго унтеръ-офицерскаго состава было истреблено въ первый годъ войны вмѣстѣ съ кадровымъ офицерствомъ и достигли офицерскаго званія немногіе.

Остальные $^2/_3$ произведены уже послѣ революціи. Въ это время (съ весны 1917 года) условія производства въ первый офицерскій чинъ были облегчены до крайности. Были отмѣнены фактически всякіе цензы и 4-хъ мѣсячное пребываніе на фронтѣ, т. е. большею частью спокойное и безопасное сидѣніе въ окопахъ, являлось достаточнымъ основаніемъ и давало право на офицерскій чинъ. Какіе офицеры получались при этихъ условіяхъ, понятно. Однако офицерское званіе въ это время ничего заманчиваго не представляло и среди солдатъ, какъ показываютъ приведенныя выше цифры, мало кто его добивался.

ТАБЛИЦА № 2.

ЧАСТИ	К-ры баталіон.					Командиры ротъ				Младш. офиц.		
	Полковн.	Подполк.	Капитан.	Шт.-кап.	Поруч.	Шт.-кап.	Поруч.	Подпор.	Прапор.	Поруч	Подпор.	Прапор.
160 пѣх. п.	—	1	—	3	—	8	8	—	—	8	23	74
36 Сиб. стр. п.	—	1	1	1	1	1	1	8	6	1	10	70
40 „ „ „	1	1	1	1	—	4	5	2	5	1	12	100
10 стр. п. . . .	—	1	1	—	1	4	1	4	3	1	9	47
29 „ „ . . .	—	—	1	1	1	—	—	5	7	—	—	44
241 пѣх. п. . . .	—	1	2	—	—	1	2	6	3	1	14	42
459 „ „ . . .	—	—	1	1	1	—	9	3	—	2	39	27
	1	5	7	7	4	18	26	28	24	14	107	404

Таблица № 1, давая распредѣленіе офицеровъ по чинамъ, не указываетъ, однако, ихъ положенія въ частяхъ, т. е. занимаемыя ими

должности. Эга данная видна изъ таблицы № 2, гдѣ указано соотношеніе между чинами и должностями.

Примѣчаніе: При этомъ взяты лишь основныя строевыя должности: командира баталіона, роты и младшаго офицера роты. Офицеры полковыхъ штабовъ и разныхъ командъ въ эту таблицу не включены.

Изъ таблицы № 2 видно, кто командныя должности въ полкахъ замѣщались офицерами очень различнаго служебнаго ценза. Въ особенности это касается должности баталіоннаго командира, должности крайне отвѣтственной, требующей и солиднаго административно-хозяйственнаго опыта и умѣнья разбираться въ боевой обстановкѣ. Въ этой должности мы видимъ и солидныхъ полковниковъ и молодыхъ поручиковъ. Въ общемъ баталіонныхъ командировъ можно раздѣлить на двѣ, почти равныя группы, одна — изъ офицеровъ кадровыхъ, другая — изъ офицеровъ военнаго времени.

Командиры ротъ за рѣдкими исключеніями — офицеры военнаго времени. Составъ ротныхъ командировъ болѣе однороденъ, чѣмъ составъ командировъ баталіоновъ. Судя по чинамъ, не менѣе половины ротныхъ командировъ состоитъ изъ офицеровъ съ очень незначительнымъ боевымъ и служебнымъ опытомъ (подпоручики, прапорщики).

Категорія младшихъ офицеровъ почти исключительно состоитъ изъ прапорщиковъ и подпоручиковъ. Поручики, т. е. офицеры, имѣющіе за собой нѣкоторый опытъ, въ должности младшихъ офицеровъ — рѣдкія исключенія.

Назначеніе на должности не всегда зависитъ отъ старшинства въ чинѣ. Въ большей степени эта зависимость соблюдена для баталіонныхъ командировъ (всего 2 поручика показаны на должностяхъ баталіонныхъ командировъ при наличіи въ тѣхъ же частяхъ штабсъ-капитановъ на должностяхъ командировъ ротъ). Что же касается до ротныхъ командировъ, то, повидимому, лишь въ одномъ полку изъ семи (160 пѣх.) соблюденъ былъ принципъ назначенія на эту должность въ зависимости отъ старшинства въ чинѣ. Въ общемъ же 23 командировъ ротъ изъ 96 командуютъ ротами при наличіи на должностяхъ младшихъ офицеровъ лицъ, старшихъ по чину.

Примѣчаніе. Надо имѣть въ виду, что въ силу условій производства, видимое старшинство (чинъ) не всегда отвѣчало старшинству, дѣйствительному. Могъ быть, напримѣръ, прапорщикъ, фактически выслужившій право на производство не только въ подпоручики, но и въ поручики и представленный къ производству въ эти чины, но еще не произведенный въ силу медленности прохожденія представленій.

Изъ сопоставленія количества младшихъ офицеровъ съ числомъ ротъ видно, что на роту приходится болѣе чѣмъ по 5 младшихъ офицеровъ. Такого количества мы не имѣли за все время войны

(выступили на войну съ 3 младшими офицерами на роту). Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что боевыхъ потерь съ весны 1917 года было мало, производство же офицеровъ шло прежнимъ усиленнымъ темпомъ и на фронтъ выбрасывались тысячи молодыхъ. очень слабо подготовленныхъ офицеровъ. Боевой силы частей это, конечно, не увеличивало.

Уже таблицы №№ 1 и 2 даютъ возможность составить нѣкоторое представленіе о боевомъ опытѣ разсматриваемаго офицерскаго состава. Болѣе точныя свѣдѣнія по этому вопросу даетъ таблица № 3.

ТАБЛИЦА № 3.

ЧИНЫ	Количество мѣсяцевъ, проведенныхъ на фронтѣ																	
	2	4	6	8	10	12	14	16	18	20	22	24	26	28	30	32	34	36
Полковники	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—
Подполковники . .	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3
Капитаны	1	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—	2
Шт.-капитаны . . .	1	1	—	2	—	3	—	—	1	1	5	8	5	3	2	—	—	6
Поручики	1	—	—	—	4	5	3	8	11	13	7	7	1	1	—	1	1	—
Подпоручики . . .	14	8	13	10	27	38	15	6	15	8	1	—	3	—	1	—	—	—
Прапорщики	155	129	45	45	29	30	9	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
	172	140	59	57	61	79	28	14	27	24	13	16	12	4	3	3	2	11

Въ нѣсколько упрощенномъ видѣ таблица эта сводится къ слѣдующему:

На фронтѣ отъ — до 6 мѣс.	—	371	офиц.	—	51.3%	отъ общ. колич.
„ „ „ 6 „ 12 „	—	197	„	—	27 %	
„ „ „ 12 „ 18 „	—	69	„	—	9,4%	
„ „ „ 18 „ 24 „	—	53	„	—	7,5%	
„ „ „ 24 „ 30 „	—	19	„	—	2,6%	
„ „ „ 30 и болѣе „	—	16	„	—	2,2%	

Данныя таблицы № 3 должны приниматься съ оговоркой. Прежде всего — боевой опытъ зависитъ не только отъ времени пребыванія на фронтѣ. Длительные періоды боевого затишья и сидѣнія въ окопахъ опыта почти не даетъ, а для частей, офицерскій составъ которыхъ разсматривается, время съ конца 1916 года и по осень 1917 года было періодомъ позиціонной войны при очень пассивномъ противникѣ. Слѣдуетъ предполагать сверхъ того, что при исчисленіи въ частяхъ времени пребыванія въ строю не для всѣхъ офицеровъ было точно учтено время отсутствія изъ части (эвакуація и т. д.). Это послѣднее предположеніе основывается на несоотвѣтствіи чиновъ извѣстной части младшихъ офицеровъ съ количествомъ мѣсяцевъ, которое они, якобы, провели на фронтѣ. Даже при очень медленномъ прохожденіи наградныхъ представленій пра-

порщики съ 10-12 мѣсяцами службы въ строю не должны бы встрѣчаться въ частяхъ. Оба указанныя выше обстоятельства приводятъ къ заключенію, что боевой цензъ фактически долженъ быть еще ниже того, который дается таблицей.

Но даже безъ этой оговорки надо признать, что боевой опытъ офицерскаго состава нашей пѣхоты ко времени фактическаго окончанія войны былъ крайне невеликъ. Отъ 50 до 75% разсматриваемаго офицерскаго состава войны въ сущности не знали (имѣли опытъ лишь сидѣнія въ окопахъ).

Отсутствіе достаточнаго боевого опыта офицерскаго состава могло бы быть возмѣщено до извѣстной степени теоретической подготовкой, учитывая при этомъ не только спеціально военную подготовку, но и общее образованіе, какъ показатель интеллигентности и степени развитія.

Общій и спеціально-военный образовательный цензъ изслѣдуемаго офицерскаго состава показанъ въ таблицахъ №№ 4 и 5.

Таблица № 4, а также тѣ данныя, которыя послужили для составленія этой таблицы, свидѣтельствуютъ о значительной неоднородности общеобразовательной подготовки офицерскаго состава.

Примѣчаніе. Въ пяти графахъ этой таблицы, опредѣляющихъ образовательный цензъ, объединено до 20 приблизительно типовъ учебныхъ заведеній (университетъ, различныя высшія техническія учебныя заведенія, коммерческій инстутутъ, межевой институтъ, гимназія, реальное училище, коммерческое училище, духовная семинарія, кадетскій корпусъ, учительская семинарія, купеческое училище, высшее начальное училище, городское училище, церковная школа, театральное училище и др.).

Таблица № 4.

Образовательный цензъ	Штабъ офицеры	Капитаны	Шт.-Капит.	Поручики	Подпоруч.	Прапорщ.	ВСЕГО	% отношеніе къ общему числу
Высшее образованіе	—	—	2	3	6	26	37	5%
Среднее законченное	7	8	12	7	46	78	158	22%
Среднее не полное	4	2	3	20	37	81	147	20%
Низшее	—	—	9	20	43	153	225	31%
Подготовка домашняя и на службѣ	—	—	12	13	27	106	158	22%
Итого	11	10	38	63	159	444	725	100%

Болѣе однородна лишь немногочисленная группа кадровыхъ офицеровъ (учитывая общіе классы военныхъ училищъ, эту группу можно отнести къ категоріи лицъ съ законченнымъ среднимъ обра-

зованіемъ). Что же касается до офицеровъ военнаго времени, то общеобразовательный цензъ ихъ, какъ по объему полученныхъ знаній (отъ примитивной грамотности до законченнаго высшаго образованія) такъ и по типу пройденной школы чрезвычайно разнообразенъ.

Примѣчаніе. Въ полковыхъ свѣдѣніяхъ въ графѣ о полученномъ общемъ образовніи противъ фамилій нѣкоторыхъ, правда, немногочисленныхъ офицеровъ, стоитъ помѣтка— „грамотенъ".

Въ общемъ за время войны образовательный цензъ и интеллигентность офицерскаго состава значительно понизились. Если судить по разсматриваемой группѣ команднаго состава, то свыше 50% офицеровъ обладало лишь низшимъ образованіемъ. Надо отмѣтить, однако, что % офицеровъ, получившихъ вполнѣ достаточное общее образованіе не такъ уже низокъ. Даже офицеры получившіе высшее образованіе составляютъ замѣтную группу, вмѣстѣ съ лицами, получившими полное среднее образованіе, въ офицерскомъ составѣ арміи имѣлось почти 30% вполнѣ интеллигентныхъ офицеровъ.

Значительно менѣе благопріятные выводы должны быть сдѣланы на основаніи данныхъ о военномъ образованіи.

Таблица № 5.

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА.	Штабъ-офицеры	Капитаны	Шт.-Капит.	Поручики	Подпоруч.	Прапорщ.	ВСЕГО	Процентъ
Полный курсъ воен. училища мирн. времени	11	9	7	1	—	—	28	4%
Военное училище военнаго времени	—	—	15	21	85	113	234	32%
Школа прапорщиковъ	—	—	8	37	67	315	428	59%
Не проходили воен. школы (произведены за боевыя отличія)	—	1	7	4	7	16	35	5%
Итого	11	10	38	63	159	444	725	100%

Высшее военное образованіе среди строевого офицерства отсутствуетъ. Очевидно всѣ, кончившіе Военную Академію не по Генеральному Штабу, ушли на штабныя должности. Полный курсъ военнаго училища мирнаго времени прошла лишь ничтожная по численности группа кадроваго офицерства. Въ сущности къ концу войны строевой командный составъ пѣхоты почти сплошь состоялъ изъ офицеровъ ускоренной военной подготовки, причемъ большая часть

его прошла черезъ наименѣе удовлетворительный типъ школы военнаго времени - черезъ школу прапорщиковъ.

Общій выводъ — строевой командный составъ пѣхоты къ концу войны сколько нибудь удовлетворительной теоретической военной подготовкой не обладалъ.

По вопросу о возрастномъ составѣ говорить много не приходится. Крайняя молодость младшаго командного состава пѣхоты во вторую половину войны бросалась въ глаза сразу. Во главѣ ротъ стояли часто еще совершенно незрѣлые юноши, почти мальчики, среди баталіонныхъ командировъ встрѣчались наряду съ очень молодыми офицерами (ихъ было большинство) пожилые люди лѣтъ сорока и болѣе.

Въ вопросѣ о сословномъ составѣ наиболѣе показательнымъ является не соотношеніе сословій въ самомъ корпусѣ офицеровъ, а въ томъ элементѣ, который вливался на пополненіе офицерскаго состава арміи.

Для сужденія объ элементѣ, которымъ комплектовался офицерскій составъ нашей армейской пѣхоты до войны, я могу привести нѣкоторыя свѣдѣнія о составѣ юнкеровъ Виленскаго пѣхотнаго училища за періодъ 1908 – 1914 гг.

Примѣчаніе: Училище это относилось къ категоріи тѣхъ непривиллегированныхъ училищъ, черезъ которыя проходило значительное большинство выпускаемыхъ въ армію офицеровъ.

Не-дворянъ въ училищѣ было болѣе 75% юнкерскаго состава. Мнѣ приходилось просматривать списки лицъ, державшихъ экзаменъ въ училище и списки принятыхъ. Отчетливо помню, что преобладали въ этихъ спискахъ сыновья крестьянъ и мѣщанъ, затѣмъ шли сыновья купцовъ, духовныхъ и т. д. и, наконецъ, дворяне. Не утверждаю, но на основаніи своихъ впечатлѣній высказываю предположеніе, что въ годы предшествующіе войнѣ приливъ въ офицерскій составъ арміи крестьянско-мѣщанскаго элемента усилился. Еще болѣе долженъ былъ онъ усилиться во время войны. Но, если по сословному составу офицерскихъ пополненій пѣхоты передъ войной и во время ея рѣзкой разницы и не было, то въ отношеніи качества этихъ пополненій разница была существенная.

До войны въ военное училище и далѣе въ офицеры пробивались изъ низовъ люди настойчивые, упорные, съ волей, желавшіе и умѣвшіе работать, видѣвшіе въ офицерскомъ званіи заманчивую цѣль. Попасть въ военное училище было очень не легко (большой конкурсъ). Три года училища были годами непрерывнаго, интенсивнаго труда, на счету былъ каждый часъ. Характерно, что юнкера изъ крестьянъ и мѣщанъ, не получившіе до поступленія въ училище законченнаго средняго образованія, шли обыкновенно впереди болѣе, казалось бы, подготовленныхъ и интеллигентныхъ бывшихъ гимназистовъ, реалистовъ, студентовъ. По выходѣ изъ училища они ста-

новились большею частью отличными офицерами. Значительный процентъ ихъ шелъ въ Военную Академію.

Во время войны элементы, шедшіе на пополненіе корпуса офицеровъ еще болѣе „демократизировались“, но качество ихъ значительно понизилось. Никакого отбора не было. Въ виду огромной потребности въ офицерахъ требованія къ поступающимъ въ военныя школы постепенно понижались, а революція фактически отмѣнила всѣ цензы. Результаты получились печальные.

Было бы очень интересно выяснить хотя бы приблизительно составъ офицеровъ военнаго времени по ихъ прежнимъ занятіямъ, отмѣтить болѣе замѣтныя съ точки зрѣнія прежней профессіи группы.

Въ общемъ составъ офицерства въ пѣхотныхъ полкахъ отличался большой пестротой. Повидимому, наиболѣе замѣтная группа состояла изъ мобилизованной учащейся молодежи. Довольно много было б. сельскихъ учителей. Вспоминаются затѣмъ отдѣльные лѣсники, землемѣры, земскіе статистики, учителя средне-учебныхъ заведеній и т. д. Случалось, что прежнее званіе или профессія очень мало подходили къ офицерскому званію. Такъ, два единственные студента въ полку, которымъ я командовалъ, были студентами-медиками. Имъ уже не много оставалось для того, чтобы пойти на войну въ качествѣ врачей; они пошли въ строй и были отличными офицерами. Въ этомъ же полку одной изъ ротъ командовалъ штабсъ-капитанъ М. уроженецъ Хивы, сынъ узбекскаго хана или бея. Младшимъ офицеромъ у него былъ подпоручикъ изъ монастырскихъ послушниковъ, не успѣвшій до войны принять постриженія. Было, конечно, среди офицеровъ военнаго времени, особенно среди тѣхъ изъ нихъ, которые пошли въ армію уже къ концу войны много людей съ очень неяснымъ прошлымъ.

Очень существенной данной съ точки зрѣнія характеристики корпуса офицеровъ періода войны является его физическое состояніе, степень его физической годности. Отчасти эта данная опредѣляется % раненыхъ офицеровъ, находившихся въ строю.

Этотъ послѣдній вопросъ составляетъ лишь часть вопроса болѣе общаго, а именно вопроса о потеряхъ офицерскаго состава нашей арміи въ міровую войну. Было бы чрезвычайно интересно выяснить не только размѣры этихъ потерь, но и ходъ процесса убыли команднаго состава въ теченіе войны. Достаточное полное выясненіе обоихъ этихъ вопросовъ требуетъ тщательной и кропотливой работы надъ сырыми матеріалами, лежащими въ настоящее время въ разныхъ архивахъ. Едва ли въ близкомъ будущемъ эта работа будетъ сдѣлана и, поэтому, я считаю не лишнимъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія, имѣющіяся въ моемъ распоряженіи, правда неполныя, довольно случайныя, не позволяющія сдѣлать детальныхъ выводовъ, но все же дающія общее представленіе о вопросѣ.

Свѣдѣнія эти основаны на опросахъ офицеровъ ряда пѣхотныхъ полковъ и даютъ общую картину состоянія офицерскаго состава

этихъ полковъ въ разные моменты войны, а также приблизительныя потери за тотъ или другой боевой періодъ.

Примѣчаіе: Мнѣ удалось собрать такого рода свѣдѣнія о 26 разныхъ полкахъ.

Прежде, чѣмъ сдѣлать тѣ общія заключенія, къ которымъ я пришелъ на основаніи разсмотрѣнія этихъ опросовъ, я приведу два характерныхъ примѣра, дающихъ картину постепенной гибели во время войны нашего офицерскаго состава:

170 пѣх. Молодеченскій полкъ. Полкъ входилъ въ составъ II армейскаго корпуса.

При выступленіи на войну офицерскій составъ почти цѣликомъ состоялъ изъ кадровыхъ офицеровъ, запасныхъ очень немного (въ I бат. — 1, въ IV — 2; сколько во II и III баталіонахъ — свѣдѣній нѣтъ). Изъ военныхъ училищъ выпущено въ полкъ при мобилизаціи 4 офицера.

При выступленіи въ походъ въ ротахъ по 4 офицера (съ командиромъ роты).

Февраль 1915 года. Въ тяжелыхъ бояхъ осенью 1914 года и зимой 1914 — 1915 гг. (въ В. Пруссіи, подъ Лодзью и на Бзурѣ) офицерскій составъ полка понесъ значительыя потери. Къ концу зимы въ баталіонахъ по 4—6 кадровыхъ офицеровъ. Всѣ командиры баталіоновъ — кадровые офицеры (штабъ-офицеры и капитаны); командиры ротъ кадровые штабсъ-капитаны, поручики, подпоручики; встрѣчаются уже среди командировъ ротъ и офицеры военнаго ввремени.

Примѣчаніе: Такимъ образомъ потери до $^2/_3$ кадроваго офицерскаго состава.

Лѣтній періодъ 1915 года. Въ началѣ весны полкъ понесъ огромныя потери подъ Гродной. Съ мая и до осени боевъ большихъ не было. Полкъ находился сначала на пассивномъ участкѣ фронта, а затѣмъ въ Одессѣ въ составѣ формирующагося десантнаго отряда. Въ теченіе длительнаго отдыха офицерскій составъ пополнился, вернулась часть раненыхъ, прибыли новые офицеры (прапорщики). Тѣмъ не менѣе кадровыхъ офицеровъ на баталіонъ — не болѣе 2 — 3 (считая и командира баталіона). Большинство офицеровъ военнаго времени совершенно не опытны. Изъ этой категоріи обладали боевымъ опытомъ лишь офицеры, произведенные изъ подпрапорщиковъ и фельдфебелей; ихъ имѣлось на баталіонъ по 2 — 3 (командовали ротами).

Начало 1916 года. Съ половины декабря 1915 г. и до половины января 1916 года — исключительно тяжелый періодъ боевъ на Стрыпѣ (Буруканскій лѣсъ). Полкъ страшно потерпѣлъ и въ бояхъ и отъ болѣзней (на позиціи, отрѣзанной отъ тыла пришлось пить воду, зараженную трупами; въ результатѣ дезинтерія и тифъ). Полкъ сведенъ въ 2 баталіона (по 60 — 70 штыковъ въ ротѣ). Потери офицерскаго состава — огромные; выбиты почти цѣликомъ ос-

татки кадровыхъ офицеровъ. Ротами и баталіонами командуютъ офицеры военнаго времени (б. частью прапорщики).

Іюль 1916 года. Полкъ въ Буковинѣ (позиціи у Кирлибабы). Офицерскій составъ: командиръ I баталіона кадровый полковникъ, всѣ остальные офицеры баталіона (командиры ротъ и младшіе офицеры) — военнаго времени. Командиръ II баталіона — кадровый подполковникъ, III баталіона — кадровый штабсъ-капитанъ; командиръ IV баталіона — изъ офицеровъ административной службы. Во II, III и IV баталіонахъ кромѣ командира баталіона — еще по одному кадровому офицеру.

Такимъ образомъ уже къ половинѣ 1916 года изъ вышедшаго на войну офицерскаго состава уцѣлѣло менѣе 10%.

170 пѣх. Молодеченскій полкъ принадлежалъ къ тѣмъ сравнительно немногочисленнымъ полкамъ, которые не приняли участія въ великомъ отходѣ русской арміи лѣтомъ 1915 года. Для полковъ, участвовавшихъ въ этомъ отходѣ, именно лѣто 1915 года даетъ наибольшія потери.

Вотъ данныя для одного изъ такихъ полковъ — 13 лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго:

13 л.-гр. Эриванскій полкъ (Кавказск. гренадерск. дивизіи) выступилъ на войну, имѣя въ ротахъ по 3—4 офицера (съ командиромъ роты), изъ нихъ 2—3 кадровыхъ. Осенью 1914 года (августъ — ноябрь) полкъ участвовалъ въ бояхъ подъ Сувалками и Лодзинскихъ, затѣмъ занималъ позиціи на р. Бзурѣ. Подъ Сувалками потери офицерскаго состава 20—25%; за Лодзинскій періодъ 60—70%. Къ февралю 1915 года на баталіонъ оставалось 4—5 кадровыхъ офицера (изъ 10—12 кадровыхъ офицеровъ, выступившихъ въ походъ).

Весенній и лѣтній періодъ 1915 г. Послѣ боевъ подъ Праснышемъ (потери незначительныя) полкъ былъ переброшенъ въ Галицію; въ апрѣлѣ участвовалъ въ бояхъ подъ Ярославомъ, а затѣмъ въ теченіе іюня и іюля съ непрерывными боями отходилъ мимо Холма на Влодаву—Кобринъ. Потери офицерскаго состава за отходъ огромны; выбыло, учитывая прибывающихъ на пополненіе офицеровъ, не менѣе $1^1/_2$—2 составовъ начальствующихъ лицъ.

Къ концу лѣта кадровые офицеры лишь на должностяхъ баталіонныхъ командировъ.

Весна 1917 года. За зиму часть раненыхъ офицеровъ вернулась. Потери съ осени 1916 года были незначительны (періодъ позиціонной войны). Тѣмъ не менѣе къ началу весны 1917 г. на баталіонъ приходилось всего по 1—2 кадровыхъ офицера, считая съ командиромъ баталіона. Такимъ образомъ 80—90% кадроваго офицерскаго состава выбыли изъ строя окончательно.

Я ограничиваюсь этими двумя примѣрами. Приблизительно ту же картину даютъ и имѣющіяся у меня свѣдѣнія о другихъ полкахъ. Въ общемъ сводка этихъ свѣдѣній можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ:

1. Начало войны: Въ строю почти сплошь кадровые офицеры. Въ ротахъ кромѣ ротнаго командира 2—3 опытныхъ офицера; въ баталіонѣ 14—16 офицеровдъ.

2. Весна 1915 г.: Въ строю осталось отъ $^1/_3$ до $^2/_5$ кадроваго состава. Баталіонные командиры и большая часть ротныхъ — кадровые; младшіе офицеры — военнаго времени.

3. Осень 1915 г.: Въ строю осталось отъ 10 до 20% кадроваго офицерскаго состава. Уже не всѣ баталіонные командиры изъ кадровыхъ, значительное большинство ротныхъ командировъ — офицеры военнаго времени. Такой составъ сохранился безъ существенныхъ перемѣнъ до конца войны.

Располагая достаточно подробными и полными свѣдѣніями о потеряхъ офицерскаго состава нашей пѣхоты, можно было бы попытаться сдѣлать болѣе детальные выводы. Можно было бы попробовать опредѣлить вліяніе разныхъ періодовъ войны и даже отдѣльныхъ крупныхъ операцій на ходъ процесса уничтоженія нашего офицерскаго состава. На основаніи собранныхъ мною данныхъ я считаю возможнымъ отмѣтить лишь, что мы растратили наиболѣе надежную часть нашего команднаго состава, кадровое офицерство, уже въ первые 10—12 мѣсяцевъ войны и что особое значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ отходъ русской арміи лѣтомъ 1915 года. Этотъ отходъ окончательно добилъ командный составъ нашей пѣхоты и возстановить его оказалось уже невозможнымъ.

Приведенныя выше данныя объ убыли офицерскаго состава не даютъ представленія о томъ, какъ распредѣлялись убывающіе, какой процентъ приходился на убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ.

По этому вопросу трудно сдѣлать хотя бы самыя общія заключенія. Имѣющіяся у меня свѣдѣнія о кадровомъ офицерскомъ составѣ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ полковъ даютъ до 50 и даже до 75% убитыхъ и искалѣченныхъ среди этой категоріи офицеровъ. Вотъ нѣкоторыя данныя цо вопросу распредѣленія потерь:

Изъ кадроваго офицерскаго состава Л.-Гв. Семеновскаго полка (около 80 офицеровъ), убито около 20, въ плѣнъ попало 5—6. Оставшіеся почти всѣ переранены. Многіе по нѣскольку разъ. Человѣкъ 15 совершенно искалѣчены. Надо отмѣтить, что Семеновскій полкъ былъ не изъ наиболѣе потерпѣвшихъ гвардейскихъ полковъ. Въ другихъ полкахъ (напр. въ Л.-Гв. Гренадерскомъ) потери были много выше.

Другой примѣръ: Изъ 19 офицеровъ, составлявшихъ въ августѣ 1914 года командный составъ двухъ баталіоновъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ Кіевскаго военнаго Округа, къ началу 1918 г. осталось (въ полку и въ тылу) — 6 человѣкъ, всѣ раненые (одинъ безъ ноги). Изъ остальныхъ — 7 убито, 3 — въ плѣну (изъ нихъ одинъ раненъ); участь трехъ не выяснена.

Лѣтомъ 1918 года я встрѣтился съ однимъ изъ своихъ учениковъ по Виленскому военному училищу, который только что вернулся изъ Полтавы, куда было переведено это училище. Онъ мнѣ сообщилъ данныя о юнкерахъ того отдѣленія, въ составѣ котораго

онъ кончилъ (въ 1912 или 1913 году) курсъ. Всего въ этомъ отдѣленіи было 33 юнкера. Изъ нихъ убито — 17, безъ вѣсти пропало (убитые или въ плѣну) — 5. Изъ остальныхъ одиннадцати только 5 не калѣкъ и только одинъ не раненъ (въ самомъ началѣ войны устроился въ авіацію).

Огромныя потери, понесенныя нашимъ офицерскимъ составомъ, сказывались значительнымъ процентомъ раненыхъ офицеровъ, находившихся въ строю. Многіе изъ этихъ офицеровъ были въ сущности инвалидами, имѣвшими всѣ права на уходъ въ тылъ.

Въ качествѣ нагляднаго примѣра, характеризующаго съ точки зрѣнія физической годности строевой офицерскій составъ пѣхоты во вторую половину войны, я могу привести данныя объ офицерахъ 24-го пѣх. Симбирскаго генерала Невѣровскаго полка, которымъ я командовалъ. Данныя относятся ко второй половинѣ 1916 года.

Изъ кадроваго командн аго состава оставалось въ строю къ этому времени всего 3 офицера. Всѣ баталіонные и всѣ ротные командиры ранены не менѣе, какъ по два раза. Старшій изъ офицеровъ полка, командиръ II-го баталіона, полковникъ К., 49 лѣтъ, раненъ 4 раза; 3 раны тяжелыя, дающія безусловное право на тыловую должность. Командиръ III б-на — подполковн. Б. раненъ 3 раза, признанъ годнымъ лишь на нестроевую должность. Командиръ IV б-на — поручикъ Ф., 24 лѣтъ, 3 раза раненъ. Весной 1916 года врачами признанъ безусловно подлежащимъ эвакуаціи, но категорически отказался уѣхать, мотивируя необходимость остаться приближеніемъ боевого періода и тѣмъ, что его „еще на одинъ бой станетъ“. Послѣдній мѣсяцъ пребыванія въ полку могъ обходить свой участокъ лишь поддерживаемый двумя ординарцами. Слегъ окончательно, былъ эвакуированъ въ Крымъ и черезъ нѣсколько недѣль умеръ отъ скоротечной чахотки. Въ числѣ ротныхъ командировъ полка былъ кадровый поручикъ съ ампутированной выше щиколотки ногой. Пріѣхалъ въ полкъ безъ вѣдома воинскаго начальника, самовольно, и просилъ меня оставить его въ полку, доказывая, что при позиціонной войнѣ, имѣя возможность довольно свободно ходить, благодаря протезу и палкѣ, служить можетъ. При штабѣ полка, какъ я ему предлагалъ, остаться не захотѣлъ. Кромѣ этого полнаго калѣки, былъ еще другой офицеръ (прапорщикъ изъ вольноопредѣляющихся) съ отнятой кистью правой руки. Также несъ отлично службу.

То что сказано выше объ офицерскомъ составѣ 24 пѣх. Симбирскаго полка, въ касается сущности, меньшей по численности части этого состава, приблизительно $^1/_4$ или $^1/_3$ его, или по числу — 25-30 человѣкъ. По должностямъ — это командиры баталіоновъ, ротъ, командъ; по боевому цензу — офицеры, принимавшіе участіе въ бояхъ первой половины войны. Остальныя $^2/_3$ — $^3/_4$ командн аго состава приходились на молодыхъ прапорщиковъ, въ огромномъ большинствѣ еще не раненыхъ и не уставшихъ, но зато безъ всякаго боевого опыта.

24 пѣх. Симбирскій полкъ принадлежалъ къ числу полковъ

сильно потерпѣвшихъ. Возможно, что процентъ раненыхъ офицеровъ въ рядахъ этого полка былъ выше, чѣмъ во многихъ другихъ. Однако, насколько могу судить на основаніи знакомства съ офицерскимъ составомъ ряда пѣхотныхъ полковъ, данная выше картина состоянія офицерскаго состава нашей пѣхоты является типичной для второй половины войны.

Помимо офицеровъ, состоявшихъ на лицо въ частяхъ, въ спискахъ каждаго полка числилось значительное количество офицеровъ, эвакуированныхъ по болѣзни или раненію, а также, находившихся въ длительныхъ командировкахъ (послѣднихъ во вторую половину войны было не много). Возникаетъ вопросъ, что представлялъ собой этотъ тыловой элементъ. Чтобы выяснить это, слѣдовало бы разсмотрѣть составъ разнаго рода тыловыхъ учрежденій, составъ офицеровъ, бывшихъ на учетѣ у воинскихъ начальниковъ и т. п. Данными этого рода я не располагаю, думаю, однако, что изъ строевого офицерскаго состава „укрывавшихся“ было не такъ много.

Примѣчаніе: Мною собраны лишь данныя о кадровомъ составѣ нѣсколькихъ запасныхъ баталіоновъ. Въ качествѣ типичнаго примѣра можетъ быть приведенъ 192-й запасный баталіонъ (Москва). Кадровый составъ баталіона — командиръ баталіона и 4 ротныхъ (всѣ изъ офицеровъ мирнаго времени). Командиръ баталіона раненъ нѣсколько разъ, боленъ туберкулезомъ; командиръ 1-й роты — 2 раза раненъ, разъ контуженъ, командиры 2-й и 3-ей ротъ ранены не менѣе, какъ по 2 раза; командиръ 4-й роты — инвалидъ (безъ руки).

Дѣло въ томъ, что уже послѣ боевъ первыхъ мѣсяцевъ войны, а въ особенности послѣ лѣтняго отхода 1915 года колоссальная убыль офицеровъ заставила принимать самыя энергичныя мѣры къ скорѣйшему возвращенію эвакуированныхъ. Большая часть раненыхъ отправлялась на фронтъ по выздоровленіи воинскими начальниками, многіе же ѣхали сами, даже не долечившись. Была, однако, между эвакуированными извѣстная часть изъ лицъ, признанныхъ по свойству раненій годными лишь для службы на тыловыхъ и административныхъ должностяхъ. Среди такихъ офицеровъ, возвращенію на фронтъ не подлежавшихъ, были люди очень цѣнные для своихъ частей. Имъ, если это не были совсѣмъ ужъ калѣки, писались командирами полковъ письма съ просьбой вернуться въ строй, такъ какъ они нужны полку. Обыкновенно такія просьбы не оставались безрезультатными. Кто только могъ возвращался.

Въ 1916 году, во время командованія полкомъ, я не одинъ вечеръ провелъ за разсмотрѣніемъ совмѣстно съ полковымъ адъютантомъ списка эвакуированныхъ офицеровъ, выискивая еще не окончательно искалѣченныхъ, которыхъ можно было бы попытаться вернуть въ полкъ. Отчетливо помню, что уже весной 1916 года среди находившихся въ тылу кадровыхъ и вообще болѣе опытныхъ офицеровъ полка не было никого, кто бы могъ вернуться въ строй.

Этими неполными и случайными данными о находившейся въ тылу части командного состава я и заканчиваю свое изслѣдованіе.

Недостаточность матеріаловъ, положенныхъ въ основу моей статьи, заставляетъ меня воздержаться, какъ отъ подведенія окончательныхъ итоговъ, такъ и отъ обобщенія или детализированія сдѣланныхъ выше частныхъ выводовъ.

Все же я хотѣлъ бы подчеркнуть одну данную, очень характерную для современной войны, на которую указываютъ приведенные выше цифровые матеріалы.

Одинъ изъ основныхъ выводовъ, который можетъ быть сдѣланъ на основаніи помѣщенныхъ въ статьѣ таблицъ, сводится къ тому, что къ концу войны профессіональная подготовка командного состава нашей пѣхоты въ сильнѣйшей степени упала. Въ этомъ отношеніи минувшая міровая война значительно отличается отъ войнъ предшествовавшихъ, которыя давали накопленіе боевого опыта. Объясняется это явленіе для нашей арміи полнымъ почти выводомъ изъ строя наиболѣе подготовленной (теоретически и практически) части командного состава.

Огромныя потери нашего офицерскаго состава въ значительной степени были слѣдствіемъ принятой у насъ, и по неискусству, а главнымъ образомъ въ силу недостаточности техническихъ средствъ, тактики подавленія противника живой массой, однако основной причиной этихъ потерь, граничащихъ со сплошнымъ уничтоженіемъ, являются свойства современнаго боя, въ которомъ, по выраженію одного французскаго писателя „пѣхота сгораетъ, какъ солома въ огнѣ“. Эта особенность современнаго боя отмѣчена и для Западнаго фронта міровой войны. У насъ она оказалась ярче именно въ силу бѣдности нашей военной техники въ сравненіи съ техникой нашихъ бывшихъ противниковъ.

Направленіе, въ которомъ идетъ въ настоящее время развитіе военно-техническихъ средствъ (въ особенности въ области примѣненія газовъ) говоритъ за то, что въ будущихъ войнахъ эта черта массоваго, сплошного истребленія станетъ еще замѣтнѣе. „Сгорать, какъ солома въ огнѣ“ будетъ не одна лишь пѣхота, но и все, что окажется въ зонѣ дѣйствія новыхъ усовершенствованныхъ средствъ военной техники, и батареи, и штабы, и тылы. Военной теоріи придется серьезно задуматься надъ этимъ вопросомъ и заняться выработкой мѣръ сохраненія арміи, а въ особенности тѣхъ незамѣнимыхъ элементовъ ея, которыми являются кадры мирнаго времени.

Передъ міровой войной у насъ этого вопроса не поднимали и мы быстро растратили офицерскіе кадры основного рода оружія, а потерявши ихъ, мы потеряли и армію.

В. ЧЕРНАВИНЪ.

X Армія въ сентябрѣ 1914 года.

Воспоминанія участника*).

ВВЕДЕНІЕ.

4 августа 1914 г. I русская армія ген.-ад. Ренненкампфа, наступая съ Нѣманскаго фронта, вступила въ предѣлы Восточной Пруссіи. Около этого же времени наша II армія ген. Самсонова перешла въ наступленіе отъ рѣки Нарева, угрожая переходомъ черезъ южную границу Восточной Пруссіи.

Оставленная въ этой провинціи, для обороны германскаго Восточнаго фронта, 8 армія состояла изъ I, XVII, XX полевыхъ и I резервнаго армейскихъ корпусовъ, 3 резервной пѣхотной и 1 кавалерійской дивизій, съ придачей сильныхъ крѣпостныхъ гарнизоновъ, отдѣльныхъ ландверныхъ бригадъ и частей ландштурма; не уступая въ силѣ каждой изъ двухъ русскихъ армій въ отдѣльности, 8 армія была слабѣе ихъ обѣихъ взятыхъ вмѣстѣ. Зато она по отношенію къ противнику занимала выгодное внутреннее положеніе, а театръ войны въ В. Пруссіи и безъ того сильный своими природными свойствами, былъ образцово подготовленъ къ веденію оборонительной войны; главную силу его составляла хорошо развитая сѣть шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, дававшая возможность быстро маневрировать, опираясь на крѣпости и укрѣпленную полосу Большихъ Мазурскихъ озеръ. (Карта раіона дѣйстій X арміи). Тѣмъ не менѣе, послѣ неудачнаго для нѣмцевъ боя 7 августа съ I арміей у Гумбинена и потери линіи р. Ангерапъ, а также ввиду висящей надъ ихъ сообщеніями угрозы съ юга, командующій 8 арміей рѣшилъ отвести ее за укрѣпленную линію рѣки Вислы.

Противъ II арміи, 8 августа своими главными силами перешедшей границу Восточной Пруссіи, нѣмцы на первое время, кромѣ частей второстепеннаго боевого значенія, могли выставить только XX армейскій корпусъ усиленнаго состава.

Какъ смотрѣло въ это время на положеніе въ В. Пруссіи нѣ-

---

*) Настоящая статья, при составленіи которой авторъ, кромѣ нѣкоторыхъ записокъ личнаго характера, никакими другими документами не располагалъ, представляетъ переработку статьи, принятой въ 1917 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ редакціей петроградскаго „Военнаго Сборника“, для напечатанія въ іюльской книжкѣ журнала, которая, однако, ввиду событій того времени въ свѣтъ вовсе не вышла.

мецкое верховное командованіе, видно изъ слѣдующей выдержки изъ письма начальника генеральнаго штаба, ген. ф.-Мольтке, съ которымъ онъ обратился къ ген. Людендорфу, находившемуся въ это время на Западномъ фронтѣ, сообщая ему о назначеніи его начальникомъ штаба 8 арміи, командующимъ коей одновременно назначался ген. ф.-Гинденбургъ, вмѣсто отчисленнаго отъ этой должности ф.-Притвица.

„Можетъ быть Вы еще спасете положеніе на востокѣ. Не сердитесь на меня, что я отзываю Васъ съ поста, на которомъ Вамъ предстояло принять участіе въ рѣшительномъ ударѣ... Съ Вашей энергіей Вы еще можете отвратить худшее*)“.

При личномъ свиданіи Людендорфа съ Мольтке послѣдній заявилъ, что 8 армія имѣетъ намѣреніе очистить территорію къ востоку отъ Вислы; только крѣпости должны сохранить свои гарнизоны и обороняться**). Во время представленія Людендорфа императору Вильгельму, послѣдній выражалъ свою глубокую скорбь, что часть германской земли подверглась вражескому нашествію.

Эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ „Воспоминаній“, въ настоящее время оказывается возможнымъ дополнить нѣкоторыми данными, о которыхъ авторъ умалчиваетъ, но о которыхъ сообщаютъ многіе русскіе, которые были задержаны въ Германіи первое время послѣ разрыва съ нами, а также наши офицеры, вернувшіеся изъ германскаго плѣна, въ который они попали въ самомъ началѣ войны. Эти свидѣтели согласно показываютъ, что наше вторженіе въ Пруссію вызвало въ Германіи страшную панику, захватившую и столицу имперіи. Многіе берлинцы, проживавшіе въ это время на пригородныхъ дачахъ, стали поспѣшно возвращаться въ городъ для укладки своего имущества, ввиду близкой, по ихъ мнѣнію, эвакуаціи столицы. Распространителями паники были, главнымъ образомъ, бѣжавшіе в.-прусскіе помѣщики, представители господствовавшаго въ Прусскомъ королевствѣ, такъ называемаго, юнкерскаго сословія. Эти люди не жалѣли красокъ, чтобы наступленіе русской арміи представить чѣмъ-то въ родѣ нашествія гунновъ, призывая печать и общественное мнѣніе къ оказанію вліянія на государственную власть въ смыслѣ побужденія ея къ принятію срочныхъ мѣръ для спасенія германской культуры отъ „восточныхъ варваровъ“.

Разумѣется, все это было сильно преувеличено, однако впечатлѣніе было произведено и германское командованіе оказалось не въ силахъ осуществить на дѣлѣ, въ чистомъ видѣ, положенный въ основаніе веденія всей войны планъ, сущность котораго сводилась къ тому, чтобы временно пожертвовать кое-чѣмъ на востокѣ, для того, чтобы выиграть все на западѣ. Эта уступка, въ вопросѣ веденія войны, общественному мнѣнію, взбудораженному

*) Ludendorf. Meine Kriegserinnerungen 1914—1918 4-е берлинское изданіе 1919 г., стр. 32.

**) Тамъ-же стр. 35.

в.-прусскими бѣженцами, имѣла непоправимыя для Германіи послѣдствія и показываетъ, что въ данномъ случаѣ германское верховное командованіе было далеко не на высотѣ своего положенія.

Какъ бы то ни было, по собственному ли почину, или вслѣдствіе посторонних вліяній, Людендорфъ, еще не прибывъ къ мѣсту назначенія, проситъ Мольтке распоряженіе объ отходѣ 8 арміи за Вислу отмѣнить*). Просьба была уважена, въ результатѣ чего неизбѣжно долженъ былъ стать на очередь вопросъ объ усиленіи Восточнаго фронта, а это могло совершиться, главнымъ образомъ, конечно только насчетъ Западнаго. Впрочемъ, первоначально въ В. Пруссію была отправлена лишь одна, но повидимому хорошо организованная, ландверная дивизія ген. ф.-деръ-Гольца, снятая съ Датской границы. Эшелонамъ 8 арміи, перевозившейся отъ р. Прегель къ Вислѣ, приказано съ пути свернуть противъ арміи ген. Самсонова. У Людендорфа въ это время уже назрѣваетъ планъ рѣшительнаго наступленія противъ нашей II арміи, чтобы однимъ ударомъ избавиться отъ этого опаснаго противника.

Планъ приводится въ исполненіе съ огромной энергіей, но также и съ рѣдкимъ счастьемъ. Въ результатѣ, — армія ген. Самсонова въ дни съ 13 по 17 августа терпитъ тягчайшее пораженіе, съ уничтоженіемъ половины ея состава, въ то время какъ I армія бездѣйствуетъ на достигнутомъ ею фронтѣ р. Дейме — Аленбургъ — Ангербургъ — Мазурскія озера, имѣя противъ себя ничтожныя силы нѣмцевъ**). Покончивъ съ Самсоновымъ, Гинденбургъ, усилившись двумя корпусами и кавалерійской дивизіей, переброшенными съ Зап. фронта, 25 — 28 августа наноситъ Ренненкампфу, хотя не столь рѣшительное, но все же очень сильное пораженіе. Обойденная нѣмцами слѣва со стороны Мазурскихъ озеръ, I армія, понеся огромныя потери, подъ продолжающимся напоромъ противника, въ безпорядкѣ отступаетъ къ нашимъ предѣламъ.

Пока происходили описанныя событія, въ промежуткѣ между I и II арміями накоплялись, подъ прикрытіемъ оборонительной линіи рѣкъ Бобра и Нарева, нѣкоторые изъ нашихъ, не поспѣвшихъ къ общему стратегическому развертыванію, корпусовъ, изъ которыхъ было рѣшено образовать новую, Х-ю, армію. Къ 29 августа, собрались, за небольшими нехватками, два армейскихъ корпуса —

*) „Воспоминанія" стр. 35 — Изъ полемики разгорѣвшейся въ нѣмецкой печати между Людендорфомъ и извѣстнымъ по переговорамъ о мирѣ съ большевиками въ Брестъ Литовскѣ въ 1918 г. генер. Гофманомъ, занимавшемъ въ 1914 г. должность начальника оперативнаго отдѣленія штаба 8 арміи, видно, что послѣдній приписываетъ себѣ иниціативу въ пріостановкѣ отхода 8 арміи за Вислу, а также и честь первой идеи наступательной операціи противъ арміи ген. Самсонова (Фельетонъ J. M. Bourget въ Journal des Débats отъ 13 августа 1921 г. подъ заглавіемъ „Tannenberg").

**) Одной изъ причинъ бездѣйствія Ренненкампфа и ряда исходившихъ отъ него противорѣчивыхъ распоряженій было то, что противникъ, путемъ ложныхъ радіограммъ которыя перехватывались нами, а также другими способами, сумѣлъ ввести его въ заблужденіе относительно своихъ силъ и намѣреній (Изъ письма къ автору отъ 3 іюля 1921 г. полковника ген. шт. М., состоявшаго въ 1914 г. въ штабѣ I арміи).

III Сибирскій — въ раіонѣ Осовца и XXII — въ раіонѣ Августова; двѣ бригады XXII корпуса, еще до полнаго его сосредоточенія, были, для облегченія положенія I арміи, брошены навстрѣчу наступающему противнику, но въ происшедшемъ 27—28 августа бою въ раіонѣ между Лыкомъ и Бялой потерпѣли довольно чувствительную неудачу.

Къ 31 августа ожидалось прибытіе оперативной части штаба X арміи. Командующій арміей, прибывшій въ крѣп. Осовецъ двумя-тремя днями раньше своего штаба, могъ располагать работой только двухъ офицеровъ генеральнаго штаба, взатыхъ изъ корпусныхъ штабовъ. Между тѣмъ, работа требовалась огромная. Временная потеря II арміей оперативной способности и отходъ I-й могли неготовую еще X армію поставить лицомъ къ лицу со всей побѣдоносной и втрое сильнѣйшей 8 арміей противника. Это, съ одной стороны, обязывало къ осторожности, между тѣмъ какъ съ другой, необходимость выручки I арміи, размѣръ пораженія которой еще въ точности извѣстенъ не былъ, требовала рѣшительныхъ дѣйствій.

Такова была обстановка, при которой командованіе X арміей приступило 29 августа 1914 года къ своей отвѣтственной работѣ.

I. ПОДГОТОВКА КЪ НАСТУПЛЕНІЮ.

Событія, разыгравшіяся въ В. Пруссіи во второй половинѣ августа, создавали для всего Сѣверо-Западнаго фронта крайне тяжелую обстановку. Развитіе нѣмцами ихъ успѣха надъ I арміей и, въ частности, углубленіе прорыва въ промежуткахъ между I и X арміями грозили слабовооруженной и далеко не окоченной постройкой Гродненской крѣпости опастностью ускоренной атаки, успѣхъ которой, принимая во вниманіе опытъ сопротивленія гораздо болѣе совершенныхъ бельгійскихъ и французскихъ крѣпостей, уже перешедшихъ въ руки нѣмцевъ, едва-ли могъ подлежать сомнѣнію и выводилъ противника въ тылъ оборонительныхъ линій Нѣмана и Бобра, съ перерывомъ жел.-дор. магистрали Петроградъ — Варшава. Такой же удачный ударъ по Осовцу, который представлялъ группу устарѣвшихъ укрѣпленій, преграждавшихъ переправу черезъ Бобръ въ важномъ направленіи, Лыкъ — Бѣлостокъ — Брестъ-Литовскъ. являлся серьезной угрозой для тыла правофланговыхъ армій нашего Юго-Западнаго фронта, что могло свести къ нулю одержанныя нами надъ австрійцами побѣды.

Въ составъ X арміи должны были войти XXII, III Сиб., I Туркестанскій (сводный) и II Кавказскій арм. корпуса, но къ концу августа, какъ мы видѣли, на лицо были только первые два, такъ какъ туркестанцы и кавказцы могли собраться не ранѣе 10-15 сен-

тября; раіонами ихъ высадки были соотвѣтственно Ломжа и Кнышинъ*). Настроеніе въ войскахъ XXII корпуса, подъ вліяніемъ испытанной 27-28 августа неудачи, было подавленное, чему способствовало и неустройство административной части корпуса — ввиду неприбытія еще всѣхъ его тыловыхъ учрежденій. Для характеристики этого состоянія привожу слѣдующую выдержку изъ письма, полученнаго около этого времени Командующимъ арміей отъ ген.-л. Гурко (начальника 1 Кавалерійской дивизіи).

„Извиняюсь, что отнимаю у Васъ время этими строками и пишу о дѣлѣ меня не касающемся, но считаю долгомъ сдѣлать это во имя пользы общаго дѣла. Четыре дня я имѣлъ непосредственныя сношенія со штабомъ XXII корпуса и такого безпорядка... такого хаоса — никогда не встрѣчалъ... Четыре дня полки въ движеніи по ночамъ, люди устали; одни офицеры недоумѣваютъ, другіе не бывши въ бою, говорятъ, что съ нѣмецкой артиллеріей ничего не подѣлаешь. Впечатлѣніе такое, что полки подавлены, раньше чѣмъ вступили въ бой... Вся корпусная конница, даже ночуя при штабѣ корпуса, не разсѣдлываетъ всю ночь, ожидая тревоги. И многое другое, всего не передашь"...

Послѣ боя 27-28 августа корпусъ отъ Лыка отошелъ въ направленіи на Августовъ. Въ хорошемъ сравнительно съ XXII корпусомъ состояніи находился III Сибирскій, который заканчивалъ сосредоточеніе въ раіонѣ Граево — Осовецъ. Туда же подвозилась 4 отдѣльная кавалерійская бригада, приданная арміи въ качествѣ армейской конницы. По мѣрѣ прибытія, части бригады высылались въ дальнюю развѣдку, для пополненія имѣвшагося, крайне скуднаго, запаса свѣдѣній о противникѣ. Пока, впрочемъ, ничто не указывало, чтобы у нѣмцевъ на фронтѣ X арміи были сколько-нибудь значительныя силы. Командующій арміей, допущенный къ этой должности приказомъ Главнокомандующаго фронтомъ отъ 29 августа, въ тотъ же день, къ вечеру, прибылъ изъ штаба фронта въ Осовецъ.

На 30 августа, въ соотвѣтствіи съ директивой Главнокомандующаго, сущность которой сводилась къ тому, чтобы наступленіемъ во флангъ противнику, насѣдающему на I армію, облегчить положеніе послѣдней, — было отдано приказаніе корпусамъ арміи наступать: XXII-му — на Маркграбову и далѣе на Гольдапъ; III Сибирскому, держась за финляндцами уступомъ слѣва, — на Лыкъ, обезпечивая XXII к-съ со стороны Мазурскихъ озеръ. Въ развитіе этого приказанія, корпусамъ 30 августа даны слѣдующія, приводимыя въ выдержкахъ инструкціи, также основанныя на указаніяхъ, которыя Командующимъ арміей были получены лично отъ Главнокомандующаго.

„Командиру III Сиб. арм. корпуса. Ген. Радкевичъ. 1. XXII корпусъ, слѣдуя на Маркграбову, совершаетъ фланговый маршъ въ

*) См. карту раіона дѣйствій X арміи.

отношенiи противника, занявшаго линiю Мазурскихъ озеръ; для обезпеченiя этого марша необходимо прочное занятiе и удержанiе Лыка — узла путей ведущихъ къ участку Боржименъ — Калиновенъ— Маркграбова... 2. По имѣющимся свѣдѣнiямъ Лыкъ противникомъ занятъ слабо, но, ввиду возможности перемѣны въ обстановкѣ, слѣдуетъ обратить вниманiе на тщательное развѣдыванiе... 3. При атакѣ дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, дабы нанести противнику сильный ударъ и впечатлѣнiемъ молодецкаго успѣха въ первомъ боевомъ столкновенiи выгодно повлiять на настроенiе людей. 4. По занятiи Лыка укрѣпиться въ немъ... 8. О дальнѣйшемъ наступленiи изъ Лыка послѣдуетъ особое распоряженiе".

„Ком-ру XXII арм. кор са Генералу Барону ф.-д.- Бринкену. Цѣль движенiя Вашего корпуса на Маркграбову и далѣе къ Гольдапу — отвлеченiе на себя части силъ противника, обходящихъ лѣвый флангъ Ренненкампфа. Если во время этого движенiя Вы подвергнетесь атакѣ превосходныхъ силъ, при условiяхъ не дающихъ увѣренности въ успѣхѣ столкновенiя, Вамъ слѣдуетъ медленно отходить на свою базу, увлекая за собой противника и этимъ облегчая положенiе лѣваго фланга Ренненкампфа. Въ рѣшительный бой, жертвуя своимъ корпусомъ. вступать только въ томъ случаѣ, если это окажется необходимымъ для спасенiя I армiи отъ катастрофы. Для согласованiя Вашихъ дѣйствiй съ Ренненкампфомъ, съ которымъ у меня нѣтъ непосредственной связи, Вамъ слѣдуетъ установить такую связь собственными средствами, на что обращаю особенное вниманiе. Ваши сообщенiя съ Августовымъ обезпечиваются Радкевичемъ".

Такъ понимался у насъ вопросъ о взаимной выручкѣ.

Для сравненiя съ тѣмъ, какъ на тотъ-же вопросъ смотрѣлъ нашъ тогдашнiй противникъ, привожу слѣдующую краткую выдержку:... „Во время этого кризиса въ бою (27 августа 1914 г. у Лыка) на боевой наблюдательный пунктъ дивизiи... прибылъ офицеръ ген. штаба штаба армiи. Я (начальникъ дивизiи) ознакомилъ его съ положенiемъ дѣлъ и просилъ доложить Командующему, ...что я во что бы то ни стало воспрепятствую тому, чтобы находящiйся противъ меня непрiятель, силы котораго я оцѣниваю въ 30 баталiоновъ и 15 батарей, могъ принять участiе въ главной развязкѣ у Ангербурга" (противъ нашей I армiи). „Если я буду разбитъ сегодня, то завтра я опять сцѣплюсь съ врагомъ"*).

Сибиряки, слѣдуя отъ Граева, 30 августа завязали бой у Лыка**); командиръ XXII корпуса, слѣдуя съ корпусомъ черезъ Боржименъ и Калиновенъ, въ донесенiяхъ жаловался на крайнее

*) Curt von Morgen „Meiner Truppen Heldenkampfe" стр 19.

**) Изъ „Воспоминанiй" Людендорфа видно, что у Лыка въ это время могла находиться ландверная дивизiя ген. ф.-деръ-Гольца слѣдовавшая уступомъ за прав. флангомъ 8 армiи.

утомленіе войскъ, что будто бы не позволяло развить ноообходимую энергію дѣйствій. Однако наступленіе продолжалось почти безъ помѣхи со стороны противника.

Тѣмъ временемъ нѣмцы, развивая свой успѣхъ надъ Ренненкампфомъ, мѣстами уже перешли русскую границу, а 31 августа, заняли Сувалки безъ сопротивленія съ нашей стороны. При этихъ условіяхъ трудно было расчитывать, чтобы удалось задержать ихъ вторженіе вглубь нашей территоріи, тѣмъ болѣе, что раньше чѣмъ наступленіе двухъ корпусовъ X арміи успѣло оказать свое дѣйствіе, послѣдовала для арміи новая директива отъ 31 августа, коей предписывалось: „Наступленіе прекратить, отведя XXII корп. къ Августову, III Сиб. къ Осовцу и перейдя къ оборонѣ линіи Бобръ — Наревъ до Ломжи включительно, съ цѣлью прикрытія желѣзной дороги Гродно — Бѣлостокъ; въ серьезные бои съ противникомъ, впредь до сосредоточенія всѣхъ корпусовъ арміи, не вступать и ни въ какомъ случаѣ не допускать отдѣльныхъ пораженій частей арміи“.

Въ этой директивѣ, обрекавшей армію на пассивную оборону на фронтѣ около 150 верстъ, явно сквозила навѣянная предыдущими неудачами тревога за судьбу нашей третьей по счету арміи, выставляемой на В. Прусскій фронтъ, которую, отказомъ отъ активныхъ дѣйствій, думали уберечь отъ участи, постигшей первыя двѣ. Такое настроеніе главнаго командованія (С.-З. фр.), объясняемое тѣмъ, что къ этому времени оно уже могло получить довольно точныя свѣдѣнія о размѣрахъ пораженія, понесеннаго I арміей, однако едва-ли соотвѣтствовало обстановкѣ, какъ она тогда складывалась, ибо сколько нибудь значительныхъ силъ у противника собственно на фронтѣ X арміи, очевидно, не было, между тѣмъ бездѣйствіе послѣдней окончательно развязывало нѣмцамъ руки. Словомъ, директива 31 августа повторяла въ отношеніи X арміи ошибку, сдѣланную Ренненкампфомъ въ періодъ Танненбергскаго сраженія.

По этому поводу Командующій арміей 31 августа писалъ ген.-л. Орановскому (начальникъ штаба армій С.-З. фронта) слѣдующее:

„...Простите откровенность, но мнѣ кажется, что мы начинаемъ дѣйствовать „по-маньчжурски“. Катастрофа съ Самсоновымъ произвела, повидимому, настолько сильное впечатлѣніе, что мы хотимъ избѣгать на будущее время всякихъ дѣйствій, сопряженныхъ хотя бы съ маленькимъ рискомъ, забывая, что безъ риска не бываетъ побѣды. Для оправданія своей нерѣшительности мы выставляемъ колоссальныя цифры войскъ, которыми, будто-бы, располагаетъ противникъ, точь въ точь, какъ дѣлалъ Куропаткинъ. Этотъ гипнозъ превосходства непріятеля приводитъ къ тому, что мы добровольно отказываемся отъ всякой иниціативы, производимъ робкія попытки наступленія, но перспектива столкновенія съ нѣмцами заставляетъ тотчасъ же отказаться отъ нихъ, возвращаясь къ излюбленному „прикрытію“ всякихъ линій и направленій... Нѣмцы учитываютъ наше настроеніе послѣ неудачи съ Самсоновымъ и становятся такъ же

дерзки, какъ японцы въ 1905 г. Они, повидимому, совершенно обнажили свои сообщенія съ Вислой и нисколько этимъ не смущаются; думаю, что и прорывъ ихъ къ Сувалкамъ не что иное, какъ повтореніе Кіузана*), и увы! — съ тѣмъ же результатомъ для насъ. Вмѣсто того, чтобы атаковать прорвавшуюся дивизію своимъ корпусомъ и наказать ее за дерзость, мы безъ всякой надобности отводимъ его въ Августовъ, которому пока никто не угрожаетъ. Мало того, бросаемъ и Лыкъ (взятый, можетъ быть, съ боя — свѣдѣній пока не имѣю), хотя и не видно, чтобы выдвинутому туда корпусу грозила какая-нибудь опасность.

Но нѣмцы кажутся намъ всевѣдущими и вездѣсущими... Результатомъ всего этого можетъ быть деморализація войскъ, признаки чего усматриваются, напр., въ томъ, что войска двигаются черепашьимъ шагомъ и послѣ десятиверстнаго перехода жалуются на крайнее утомленіе... Прошу Васъ при случаѣ, когда Главнокомандующему угодно будетъ интересоваться моимъ скромнымъ мнѣніемъ..., доложить Его Высокопрев-ву, что я стою за необходимость болѣе рѣшительныхъ дѣйствій...“

Во исполненіе полученной директивы (отмѣны которой не послѣдовало) III Сиб. корпусъ былъ выведенъ изъ боя, удачно завязаннаго подъ Лыкомъ, и отведенъ за Бобръ (схема № 1); слѣдуя за нимъ, противникъ подходилъ къ Осовцу. XXII корпусъ, для преграждения прорвавшемуся у Сувалокъ противнику путей къ Гроднѣ и къ верхнему Бобру занялъ линію Сопоцкинъ — Августовъ съ резервомъ у Липска. Фронтъ его прикрывался 1 кавал. дивизіей, переданной въ X армію изъ I-й.

Изъ появившихся нѣмецкихъ сочиненій о войнѣ 1914—1918 г. видно, что занявшая 31 августа Сувалки германская колонна состояла изъ 3 резервной пѣх. дивизіи ген. фонъ-Моргена съ временно приданной ей бригадой 1 кав. дивизіи; колонна эта прикрывала правый флангъ 8 арміи; она же 27—28 августа имѣла бой съ частями XXII корпуса къ ю.-з. отъ Лыка (стр. 7). Моргенъ, получивъ по занятіи Сувалокъ свѣдѣнія о нахожденіи значительныхъ русскихъ силъ въ Августовѣ (наступленіе XXII корпуса на Маркграбову, повидимому, осталось для него незамѣченнымъ), а также о вновь завязавшемся у Лыка боѣ (дивизіи Гольца), рѣшаетъ частью силъ поддержать Гольца, а другою — атаковать Августовъ. Отходъ отъ Лыка III Сиб. корпуса позволяетъ ему обратить большую часть своихъ силъ противъ Августова, который онъ и атакуетъ 3 сентября съ сѣверо-западной стороны.

Занимавшая этотъ городъ 4 Финляндская стрѣлковая бригада, предполагая, какъ явствовало изъ полученныхъ потомъ донесеній, что имѣетъ дѣло съ „превосходнымъ въ силахъ“ противникомъ, по оказаніи незначительнаго сопротивленіи, отошла по дорогѣ на Липскъ. Какъ видно, въ дѣйствительности у нѣмцевъ подъ Августовымъ по-

*) Названіе селен'я, близъ котораго японцами, въ незначительныя силахъ, былъ произведенъ прорывъ нашего фронта во время Мукденскаго сраженія.

давляющаго превосходства вовсе не было и 4 Финл. стр. бригада, успѣвшая укрѣпить подступы къ городу, вѣроятно могла бы удержать этотъ важный пунктъ до подхода подкрѣпленій, но директива 31 августа, къ сожалѣнію, ставшая извѣстной войскамъ, уже успѣла оказать свое деморализующее дѣйствіе. Хуже всего было то, что въ своемъ поспѣшномъ отходѣ на Липскъ, бригада упустила обезпечить важное направленіе на д. Штабинъ, которое могло вывести нѣмцевъ къ единственному въ этомъ раіонѣ, доступному для переправы значительныхъ силъ, участку р. Бобра, а слѣдовательно — въ тылъ этой оборонительной линіи, удержаніе которой было поручено X арміи. Это вызвало со стороны штаба арміи рядъ распоряженій экстреннаго характера, которыя, претворяясь въ дѣйствительность, потребовали со стороны войскъ огромнаго напряженія силъ въ видѣ форсированныхъ маршей.

Прежде всего туда направлена 1 кав. дивизія, конные развѣдчики и ближайшія роты III Сиб. корпуса, но чтобы освободить конницу для исполненія ею своей задачи на правомъ флангѣ арміи, а также въ цѣляхъ болѣе прочнаго обезпеченія этой важной переправы, которой противникъ, занимая Августовъ, всегда могъ серьезно угрожать, къ ней пришлось постепенно стянуть и остальныя части сибиряковъ, что произошло въ связи съ общей рокировкой X арміи вправо, произведенной по распоряженію изъ штаба фронта. При этомъ Ломжа отошла ко II арміи, что позволило прибывшія части туркестанцевъ передвинуть въ Осовецъ и его окрестности на смѣну сибирякамъ. Правый флангъ арміи протянулся до Друскеники; Гродненская крѣпость, до сего времени находившаяся въ раіонѣ I арміи, перешла въ подчиненіе Командующему X-й.

Однако нѣмцы, повидимому не отдавая себѣ яснаго отчета въ значеніи Штабинской переправы черезъ Бобръ, ничего въ отношеніи ея не предприняли, ограничившись занятіемъ города Августова и укрѣпленіемъ ближайшихъ къ нему подступовъ. Тѣмъ не менѣе, въ связи съ получавшимися свѣдѣніями о накопленіи противника въ раіонѣ къ востоку отъ Сувалокъ, что могло указывать на его намѣреніе, или переправиться черезъ средній Нѣманъ, или прорваться въ промежутокъ между Гродной и Августовымъ, — начатое съ 5 сентября сгущеніе силъ X арміи къ ея правому флангу продолжалось и далѣе, для чего, между прочимъ, пунктъ выгрузки эшелоновъ II Кавказскаго корпуса изъ Кнышина перенесенъ въ Домброву. Штабъ X арміи перешелъ въ г. Соколку.

Пока происходили эти передвиженія, нѣмцы успѣли постепенно овладѣть сѣверными выходами изъ Августовской пущи, которыхъ конница I арміи не въ состояніи была удержать; послѣдній изъ этихъ выходовъ, у Копціова, обороняемый частями 1 кав. дивизіи, былъ потерянъ 11 сентября, уже по включеніи этой мѣстности въ раіонъ X арміи. Такимъ образомъ правое крыло арміи оказалось запертымъ въ лѣсисто-болотистомъ раіонѣ, простирающемся передъ участкомъ фронта ея Друскеники—Штабинъ.

За это время замѣтно ослабѣлъ напоръ противника на I армію, которая, пользуясь данной ей передышкой, спѣшно реорганизовывалась.

* * *

Сдѣланныя въ первой половинѣ сентября неоднократныя представленія о необходимости, путемъ хотя бы частичнаго перехода въ наступленіе возвратить арміи свободу маневрированія, не встрѣчали сочувствія начальства фронта, которое свое отрицательное отношеніе къ этому вопросу мотивировало неготовностью I арміи и неокончаніемъ сосредоточенія X-й. Такъ, между прочимъ, 6 сентября былъ представленъ Главнокомандующему докладъ за № 249, изъ котораго привожу слѣдующія выдержки:

„Наши I, X и II арміи расположены на фронтѣ около 360 верстъ, изъ коихъ на I армію приходится 100 верстъ, X-ю — 135, а II-ю — 125. Если во всѣхъ трехъ арміяхъ считать 14 корпусовъ, то на каждый приходится по 26 верстъ линіи фронта; въ частности, въ X арміи, по 34 версты. Расположеніе типично кордонное и вездѣ слабое. — Свѣдѣнія о противникѣ сводятся къ тому, что противъ I арміи расположены три германскихъ корпуса, противъ X-й — отъ одного до $1^1/_2$ корпусовъ и столько же противъ II арміи; главныя силы противника, 10–12 корпусовъ, собираются гдѣ-то въ В. Пруссіи, вѣроятно намѣреваясь нанести намъ ударъ въ наиболѣе чувствительномъ направленіи, а именно черезъ нижній Наревъ на Варшаву. Эта группа, повидимому, еще не вполнѣ готова къ наступленію. Неудача, постигшая въ половинѣ августа II армію, а въ концѣ того же мѣсяца I-ю, заставили насъ перейти къ пассивной оборонѣ за линіями Нѣмана, Бобра и Нарева. Съ этимъ расположеніемъ можно до поры до времени помириться, если имѣется въ виду притянуть къ Сѣв.-Зап. фронту значительныя подкрѣпленія изъ состава армій Юго-Зап. фронта, или же начать послѣдними рѣшительное наступленіе въ предѣлы Силезскаго и Познанскаго раіоновъ; въ противномъ случаѣ, стояніе за оборонительными линіями въ ожиданіи ударовъ противника, дѣйствуя угнетающимъ образомъ на войска, въ то же время не даетъ никакихъ стратегическихъ выгодъ, такъ какъ фронтъ нашъ, вездѣ слабый, можетъ быть прорванъ противникомъ въ любомъ мѣстѣ, особенно въ раіонѣ II арміи. Изучая вопросъ объ оказаніи послѣдней помощи въ случаѣ направленія на нее главнаго удара нѣмцевъ, приходится придти къ заключенію, что X армія такое содѣйствіе можетъ оказать лишь въ ничтожной степени, ввиду значительныхъ разстояній къ пунктамъ вѣроятной переправы противника (черезъ Наревъ); оказать же активную поддержку, посредствомъ удара во флангъ противнику, наступающему отъ границъ В. Пруссіи къ переправамъ на Наревѣ, будетъ еще труднѣе, т. к. кромѣ большихъ разстояній затрудненіе будетъ заключаться въ бездорожьи и труднопроходимости мѣстности на правомъ берегу Нарева (въ направленіи съ востока на западъ). Между тѣмъ нѣмцы, пользуясь предоставляемой имъ нами свободой дѣйствій, могутъ

собрать противъ II арміи дѣйствительно подавляющія силы и прорывомъ Нарева на участкѣ Пултускъ—Рожаны поставить насъ въ крайне тяжелое положеніе. Чтобы избѣжать этого, необходимо намъ самимъ перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, чтобы отвлечь часть силъ противника на какое-нибудь другое направленіе и этимъ выиграть необходимое время". Далѣе въ докладѣ приводилось нѣсколько варіантовъ возможныхъ наступательныхъ операцій X и I армій. Заканчивался онъ слѣдующими словами:

„Независимо стратегическихъ выгодъ, предлагаемыя дѣйствія, давая намъ возможность захвата инициативы, помогутъ также разобраться въ обстановкѣ, въ настоящее время совершенно темной, и благотворно повліяютъ на духъ войскъ. — Изложенное представляю на благоусмотрѣніе".

Отмѣчу между прочимъ, что планъ приписываемый докладомъ № 249 противнику, какъ разъ совпадалъ съ его дѣйствительными намѣреніями. А именно, въ „Воспоминаніяхъ" Людендорфа по этому поводу читаемъ слѣдующее: „Я былъ занятъ мыслью, послѣ расчета съ Ренненкампфомъ перейти всѣми силами, которыми можно будетъ располагать. черезъ южную границу*) для наступленія къ Нареву, чтобы такимъ способомъ достигнуть взаимодѣйствія съ императорско-королевской арміей. О постигшихъ послѣднюю тяжкихъ пораженіяхъ я еще не имѣлъ свѣдѣній". — Когда свѣдѣнія эти поступили, наконецъ, въ штабъ Гинденбурга, было рѣшено оперировать къ средней Вислѣ не съ сѣвера, черезъ Наревъ, какъ первоначально предполагалось, а съ запада, для того чтобы, наступая плечомъ къ плечу съ австрвйцами, поддержать ихъ морально**).

11 сентября было снова послано письмо ген. Орановскому, въ которомъ, между прочимъ, значилось слѣдующее (схема № 2):

„Простите меня за назойливость, но я не могу равнодушно видѣть, какъ нѣмцы постепенно опутываютъ насъ со всѣхъ сторонъ своими... проволочными загражденіями, усиленными орудіями и пулеметами, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ совершенно лишить насъ возможности маневрировать, если мы не захотимъ, цѣною десятковъ тысячъ жизней и съ рискомъ неудачи, рвать ихъ укрѣпленныя линіи. То, что было легко недѣлю тому назадъ, съ каждымъ днемъ становится труднѣе. Теперь нельзя уже взять ни Граева, ни Райгрода, ни Августова; скоро невозможно будетъ проникнуть за сѣверную опушку августовскихъ лѣсовъ, которая постепенно занимается и укрѣпляется нѣмцами. Въ сводкѣ за 10-е число Вы сами признаете, что противъ нашихъ трехъ армій нѣмцы имѣютъ четыре корпуса и одну ландверную дивизію; изъ этого числа противъ X арміи — два корпуса съ дивизіей. Главнокомандующій присылалъ ко мнѣ полковника для доклада о свойствахъ мѣстности въ раіонѣ арміи; надо полагать, что Его Высокопрев-во считаетъ этого штабъ-

*) Восточной Пруссіи.
**) „Воспоминанія" стр. 52 и 58.

офицера настолько свѣдущимъ, что на его оцѣнку мѣстныхъ условій можно вполнѣ положиться. Изъ его доклада явствуетъ, что для обороны линіи Бобра отъ Визны до Штабина требуются лишь ничтожныя силы, — съ другой стороны, имъ же разъяснено, что свойства Августовскихъ лѣсовъ въ ихъ восточной части таковы, что не мѣшаютъ дѣйствіямъ крупныхъ силъ изъ всѣхъ родовъ войскъ. На основаніи этихъ данныхъ я считаю, что могу свободно располагать двумя корпусами... для активныхъ предпріятій, нисколько не отступая отъ директивы, данной мнѣ Главнокомандующимъ.

По моему мнѣнію было бы крайне нерасчетливо не воспользоваться этой силой..., чтобы рѣшительно воспрепятствовать противнику утвердиться на сѣверной опушкѣ Авг. лѣсовъ и этимъ окончательно замкнуть заколдованный кругъ, въ который онъ насъ старается запереть... Выбить противника изъ озерныхъ и лѣсныхъ дефиле на линіи Гибы – Берзники... является предпріятіемъ вполнѣ возможнымъ и невлекущимъ за собой никакихъ опасныхъ послѣдствій, если бы даже оно не удалось. Нахожу нужнымъ настаивать, чтобы на это мнѣ дано было разрѣшеніе теперь же. Необходимо это не только въ интересахъ X арміи..., но и для всего фронта, т. к., если я буду запертъ съ сѣвера, то не въ состояніи буду оказать содѣйствія I арміи, въ случаѣ направленія противникомъ удара на Олиту“.

Однако главное командованіе на всѣ эти представленія начальства X арміи почти не реагировало*) и, несмотря на послѣдовавшую въ еще въ началѣ сентября перемѣну лица на посту Главнокомандующаго арміями Сѣв.-З. фронта**), прежнія директивы оставлены въ силѣ.

12 сентября 1914 г. въ дневникѣ Командующаго X арміей отмѣчено: „Имѣются свѣдѣнія, что нѣмцы подвозятъ войска изъ В. Прусскаго раіона въ юго-зап. уголъ Царства Польскаго для дѣйствій противъ нашихъ армій Ю.-З. фронта***); противъ насъ у нихъ, очевидно, совсѣмъ ничтожныя силы. Если при этихъ условіяхъ не считаемъ возможнымъ предпринять противъ нихъ наступленія, то надо хоть снять часть нашихъ армій С.-З. фронта и направить ихъ на Ю.-Западный... Бездѣйствіе становится невыносимымъ...“

Наконецъ, къ половинѣ сентября, сосредоточеніе корпусовъ X арміи закончилось. XXII к-съ собрался въ раіонѣ Сопоцкинъ — Липскъ; во второй линіи, за нимъ, у м. Новый Дворъ и западнѣе Гродны — II Кавказскій; III Сибирскій занималъ участокъ Бобра по обѣ стороны Штабина и прилегающій раіонъ; I Туркестанскій — та-

*) Единственная операція, на которую, въ результатѣ состоявшагося 12 сентября личнаго свиданія Командующаго X арміей съ Главнокомандующимъ послѣдовало разрѣшеніе послѣдняго, была атака Августова, и то лишь при условіи, что по овладѣніи имъ „онъ будетъ укрѣпленъ такъ, чтобы не могъ быть взятъ даже превосходными силами противника“.

**) Ген. Жилинскій замѣненъ ген. Рузскимъ.

***) Какъ извѣстно, свѣдѣніе это подтвердилось: Сформировавъ въ Верхней Силезіи, изъ корпусовъ, переброшенныхъ большею частью изъ В. Пруссіи, новую, 9 армію, нѣмцы 15 сент. перешли въ наступленіе на среднюю Вислу. Наступленіе это нами было обнаружено въ полномъ объемѣ не сразу, а лишь нѣсколько дней спустя.

кимъ же образомъ у Осовца и южнѣе. Составъ арміи, кромѣ того, увеличился придачей Сводной кавалерійской дивизіи ген.-м. Скоропадскаго. Тѣмъ временемъ нѣмцы, по закрѣпленіи въ сѣв. выходахъ изъ лѣсовъ, продолжали наступленіе къ Нѣману, ввязавшись въ бой съ лѣвофланговымъ корпусомъ I арміи у м. Лейпуны и подготовляя переправу въ раіонѣ южнѣе Друскеникъ; отдѣльная группа ихъ подошла къ Осовцу, видимо готовясь атаковать его.

Такимъ образомъ, противникъ главную массу своихъ силъ сосредоточилъ противъ крайняго праваго фланга X арміи (и лѣваго I-й), имѣя на остальномъ фронтѣ X-й только двѣ довольно значительныя группы у Августова и Осовца и небольшіе заслоны у укрѣпленныхъ сѣверныхъ выходовъ изъ лѣсного пространства. Исходя изъ такого положенія противника, было принято рѣшеніе произвести со стороны Сопоцкина ударъ въ тылъ группы, оперирующей въ раіонѣ Друскеники—Лейпуны, сосредоточивъ съ этой цѣлью два корпуса изъ имѣющихся четырехъ.

Въ предвидѣніи этой операціи еще съ 10 сентября были подготовлены средства для быстраго устройства достаточнаго числа переправъ черезъ Августовскій каналъ сѣвернѣе Сопоцкина, а II Кавказскій корпусъ, выгружавшійся на станціяхъ Домброва и Новый Дворъ, передвинутъ еще болѣе на востокъ, въ затылокъ XXII-му. Для того, чтобы отвлечь вниманіе противника отъ точки главнаго удара и связать его на остальномъ фронтѣ, рѣшено, въ связи съ переходомъ въ наступленіе отъ Сопоцкина, атаковать нѣмцевъ у Августова и Осовца.

Для удара на правомъ флангѣ предназначались II Кавказскій и XXII корпуса, объединенные подъ начальствомъ ген.-ад. Мищенко; для овладѣнія Августовымъ — III Сибирскій, усиленный 2 Финляндской стрѣлковой бригадой; для дѣйствій на лѣвомъ флангѣ — гарнизонъ Осовца и 11 Сибирская стр. дивизія Туркестанскаго корпуса. Промежутокъ между правофланговой и Августовской группами долженъ былъ охраняться Сводною и 1 Кав. дивизіями; къ Штабину, на смѣну сибирякамъ, направлялась 2 Турк. стр. бригада; четыремъ баталіонамъ 1 Турк. стр. бригады поручалась охрана труднопроходимаго для большихъ силъ промежутка между Штабиномъ и Осовецкою крѣпостью. Остальные 4 баталіона и 24 легк. орудія 1 Турк. бригады должны были составить резервъ арміи въ Сопоцкинѣ. — Такимъ образомъ, для активныхъ дѣйствій предназначалось около $3^1/_2$ корпусовъ изъ четырехъ.

По соглашенію съ ген. Ренненкампфомъ операція на правомъ флангѣ X арміи должна была быть исполнена одновременно съ наступленіемъ частей I арміи въ тылъ группѣ германцевъ, вступившей въ бой съ XXVI корпусомъ въ раіонѣ Лейпунъ. При удачѣ это могло привести къ окруженію зарвавшагося врага, силы котораго въ раіонѣ Копціово—Лейпуны—Друскеники оцѣнивались въ 3—4 дивизіи пѣхоты. Для противодѣйствія переправѣ у Друскеникъ съ фронта, туда еще раньше было направлено по бригадѣ изъ Гродненскаго гарнизона и I арміи.

II. НАСТУПЛЕНІЕ X АРМІИ.

Всѣ предположенные марши-маневры, предпринятые исключительно по иниціативѣ командованія X арміи*), разыгрались въ общихъ чертахъ такъ, какъ расчитывалось, и увѣнчались успѣхомъ, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ можно было ожидать. (Сх. № 3). А именно, вмѣсто предполагаемаго уничтоженія неосторожно выдвинувшихся къ Нѣману германскихъ дивизій, удалось только принудить ихъ къ быстрому отходу. Произошло это вслѣдствіе крайней медленности наступленія II Кавк. корпуса, который при своемъ громоздкомъ составѣ въ 40 баталіоновъ, терялъ, несмотря на напоминанія изъ штаба арміи, время на развертываніе передъ сравнительно незначительными силами нѣмцевъ, встрѣчаемыми имъ на пути отъ Авг. канала до Копціова, — вмѣсто того, чтобы рѣшительно обходить ихъ фланги. При этихъ условіяхъ на прохожденіе 18 верстнаго разстоянія отъ Сопоцкина до сѣверной опушки лѣсовъ потребовалось двое сутокъ (14 — 15 сентября). На сколько ничтожно было оказанное при этомъ противникомъ сопротивленіе, видно изъ того, что II Сиб. корпусъ за это время, включая и стычку у Копціова, потерялъ всего около 60 чел. убитыми и ранеными. На скорость марша отчасти вліяла и погода, которая въ теченіи почти всего сентября 1914 г. стояла на рѣдкость ненастная и холодная. XXII корпусъ, уже вполнѣ оправившійся отъ частичнаго разстройства, понесеннаго въ августѣ мѣсяцѣ, энергично наступалъ лѣвѣе кавказцевъ, въ составѣ трехъ стрѣлковыхъ бригадъ, но и его движеніе задерживалось бездорожьемъ и испорченными противникомъ переправами. Атмосферныя условія неблагопріятно отразились и на исправности средствъ связи. Такъ, наприм., бурей, свирѣпствовавшей 15—16 сентября, было порвано большинство телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ, почему всѣ распоряженія въ эти дни доходили до войскъ съ большимъ запозданіемъ.

Встрѣтивъ 13 сентябра и послѣдующіе дни на переправѣ выше Друскеникъ энергичный отпоръ съ фронта отъ направленныхъ туда войскъ, не одержавъ также успѣха въ бою къ с.-в. отъ Лейпунъ противъ XXVI корпуса, нѣмцы, угрожаемые обходомъ съ двухъ сторонъ, со свойственной имъ быстрой рѣшимостью тотчасъ-же отказались отъ своего опаснаго предпріятія. Ночнымъ маршемъ, двигаясь частью проселками (достаточно проходимыми, несмотря на дожди, благодаря песчаной почвѣ этого раіона), они ловко ускользнули изъ поставленной имъ западни, отступивъ на Лодзее и Сейны, подъ прикрытіемъ, (со стороны юга) выставленныхъ въ свое время и укрѣпившихся у сѣв. выходовъ изъ лѣсного пространства заслоновъ. Наиболѣе крупный изъ нихъ (по даннымъ развѣдки X арміи— до бригады съ соотвѣтствующей артиллеріей), расположенный въ

*) За исключеніемъ посылки бригады изъ Гродны въ Друскеники. Принятіе начальствомъ арміи этой необходимой мѣры было предупреждено соотвѣтствующимъ распоряженіемъ, послѣдовавшимъ отъ Главнокомандующаго, обезпокоеннаго наступленіемъ противника къ Нѣману.

раіонѣ д. Гибы, задержалъ дебушированіе конницы ген. Скоропадскаго, направленной черезъ Гибы для бокового преслѣдованія отступающаго противника.

Отходъ нѣмцевъ отъ Нѣмана, замаскированный оставленіемъ на мѣстѣ переправы и къ сѣв. отъ Копціова частей кавалеріи съ тяжелой артиллеріей, II Кавказскимъ корпусомъ былъ обнаруженъ не сразу, почему, по выходѣ изъ лѣсовъ, часть корпуса развернулась фронтомъ на сѣв.-востокъ; когда ошибка открылась, на перемѣну фронта въ противоположную сторону потребовался почти цѣлый день, что опять помогло противнику, давъ ему возможность избѣжать преслѣдованія по пятамъ. Тѣмъ не менѣе отступленіе мѣстами принимало безпорядочный характеръ; намъ достались трофеи и брошенное имущество. Кавказцы преслѣдовали нѣмцевъ въ хвостъ, конница и финляндцы — параллельно, съ юга.

Къ вечеру 15 сентября, сибиряки, выполняя свою задачу въ общемъ планѣ наступленія арміи, быстрымъ ударомъ взяли укрѣпленный Августовъ. Для преслѣдованія разбитаго и отошедшаго въ сѣверномъ направленіи противника была выдвинута по шоссе на Сувалки 1 Кав. дивизія, вслѣдъ за нею — приданная III Сиб. корпусу 2 Финл. стр. бригада. Въ такомъ положеніи находился корпусъ, когда опредѣлился отходъ германцевъ отъ Нѣмана. Разстояніе отъ Августова до Сувалокъ — вдвое больше; при этомъ условіи казалось возможнымъ, задерживая наступленіе противника отъ Нѣмана неотступнымъ преслѣдованіемъ, быстрымъ выдвиженіемъ изъ Августова предупредить его въ Сувалкахъ, повторивъ такимъ образомъ съ большимъ успѣхомъ неудавшійся въ раіонѣ Копціова маневръ. Съ этой цѣлью III Сиб. корпусу къ вечеру 16 сентября отдается приказаніе немедленно выступить въ Сувалки.

Предстоявшій корпусу маршъ былъ одновременно фронтальнымъ и фланговымъ, что значительно усложняло задачу, хотя по имѣвшимся въ штабѣ арміи свѣдѣніямъ силы противника, расположенныя къ линіи Сувалки Августовъ, состояли изъ ландверныхъ частей, до этого времени державшихся довольно пассивно.

Не смущаясь сложностью маневра, командиръ кор-са, ген. Радкевичъ, съ утра 17-го выступилъ по назначенію, обезпечивъ маршъ сильнымъ боковымъ авангардомъ, въ составѣ трехъ полковъ 8 Сиб. стр. дивизіи, направленнымъ по дорогѣ на м. Рачки. Вдоль шоссе наступали 7 Сиб. стр. дивизія и 2 Финл. стр. бригада, тылъ корпуса въ Августовѣ обезпечивался 2 Турк. стр. бригадой, которая должна была перейти туда изъ Штабина. Направленіе Райгродъ — Штабинъ, входившее въ раіонъ обороны Августова, было поручено охранѣ небольшихъ заслоновъ, выставленныхъ у Боркинской и Сосновской переправъ.

Въ ночь на 18-е сент. авангардъ корпуса ввязался въ бой у дер. Новинка, верстахъ въ 10-ти сѣвернѣе Августова; противникъ подъ нашимъ напоромъ отходилъ.

Около этого же времени состоялась намѣченная общимъ планомъ дѣйствій деблокада Осовца, осажденнаго ландверной дивизіей

ф.-деръ-Гольца. Эта дивизія, съ которой III Сиб. корпусъ имѣлъ 30—31 августа бой у Лыка, по отходѣ корпуса за Бобръ подошла къ крѣпости, приступивъ съ помощью значительнаго подвезеннаго къ ней осаднаго парка къ операціи, которая могла быть принята за приступъ къ ускоренной атакѣ. Одновременно нѣмцы всевозможными способами пытались внушить намъ увѣренность, что въ этомъ раіонѣ у нихъ дѣйствуютъ силы, раза въ 3-4 превышающія тѣ, которыя дѣйствительно имѣлись на лицо, — съ цѣлью отвлечь вниманіе и силы X арміи отъ ея праваго фланга къ лѣвому.

Осовецъ нѣсколько разъ подвергался сильной бомбардировкѣ. Но попытки нѣмцевъ подойти къ крѣпости на дистанцію атаки встрѣтили со стороны малочисленнаго гарнизона твердый отпоръ на передовыхъ позиціяхъ, а около половины сентября, подъ вліяніемъ нашего комбинированнаго наступленія съ трехъ сторонъ (при участіи сосѣднихъ частей II арміи) противникъ былъ принужденъ къ поспѣшному отступленію, причемъ часть осаднаго матеріала была имъ брошена. Къ 18 сентября дивизія Гольца уже находилась въ раіонѣ Калиновена.

Примѣчаніе: По книгѣ Моргена стр. 27—29. — У Имануэля (Der Weltkrieg 1914 bis 1918 изд. 1920 г. стр. 40) сказано, что бомбардировка Осовца, предпринятая 29 сент. (нов. ст.) „успѣха не имѣла", — изъ чего можно заключить, что атака крѣпости не была только демонстраціей. Въ дѣйствительности обстрѣлъ начался нѣсколькими днями раньше, т. к. еще 14 сентября ст. ст. Командующимъ X арміей была послана коменданту телеграмма съ выраженіемъ благодарности гарнизону „за проявленную во время артиллерійской борьбы стойкость". (Изъ полевой книжки Команд. X арміей).

Всѣ перечисленныя операціи X арміи не встрѣтили одобренія со стороны начальства фронта.

Примѣчаніе: Въ частной корреспонденціи между ген.-м. Джунковскимъ и ген.-ад. Ренненкампфомъ, послѣдній 17 сентября сообщалъ, что съ началомъ движенія X арміи имъ была получена отъ ген. Orановскаго телеграмма № 4070, рекомендовавшая начать дальнѣйшія дѣйствія, по возможности, по взаимному соглашенію Командующихъ I и X арміями. Ген. Ренненкампфъ высказываетъ мнѣніе, что этой директивой штабъ Главнок-щаго, отказавшись отъ прямыхъ указаній, какъ бы упразднилъ себя на время боевъ и обнаружилъ отсутствіе гражданскаго мужества принять на себя отвѣтственность за то или другое рѣшеніе. (Изъ приложеній къ всеподданнѣйшему докладу ген.-ад. Баранова по ВЫСОЧАЙШЕ возложеаному на него разслѣдованію о дѣятельности ген. Ренненкампфа).

На совѣщаніи, состоявшемся у Главнокомандующаго въ Гроднѣ, въ ночь на 18-е сент., на которое были приглашены Командующіе

I и X арміями съ ихъ начальниками штабовъ, ген. Рузскій выразилъ сожалѣніе, что далъ свое согласіе на атаку Августова, т. к. это повидимому, положило начало всѣмъ послѣдующимъ „рискованнымъ" предпріятіямъ X арміи; Командующему послѣдней поставлено на видъ, что „увлекаясь несбыточными утопіями", въ родѣ окруженія и уничтоженія непріятельскихъ корпусовъ, – несбыточными въ силу невозможности для насъ „состязаться съ нѣмцами въ исскуствѣ маневрированія", — арміей упускается изъ виду данная ей задача; наконецъ, начальству арміи ставилось въ вину, что при движеніи III Сиб. корпуса отъ Августова къ Сувалкамъ, помимо „безцѣльности" этой операціи, была, будто бы, обнажена переправа у Штабина, чѣмъ армія могла быть поставлена въ опасное положеніе въ случаѣ, если бы противникъ двинулся туда со стороны Райгрода. — Этотъ послѣдній упрекъ былъ бы справедливъ, если бы лившіе всю первую половину сентября дожди не обратили мѣстность по берегамъ Август. канала и р. Неты въ совершенно непроходимое для сколько нибудь значительныхъ силъ болото, при каковомъ условіи выставленныхъ у Боркинской и Сосновской переправъ небольшихъ заслоновъ было совершенно достаточно для ихъ охраны. О всемъ этомъ было доложено Главнокомандующему, но ген. Рузскимъ было тутъ же отдано коменданту Гродненской крѣпости распоряженіе о чемедленной высылкѣ въ Штабинъ, форсированнымъ маршемъ, бригады изъ состава гарнизона. Туда же приказано свернуть и армейскій резервъ, который 17 сентября выступилъ изъ Сопоцкина, черезъ Липскъ, къ Августову. — Одновременно Главнокомандующимъ было разъяснено, что при предстоящей въ ближайшемъ будущемъ нашей наступательной операціи отъ Варшавы и Ивангорода, задача X арміи, какъ и прочихъ расположенныхъ на Прусскомъ фронтѣ, будетъ заключаться въ обезпеченіи тыла армій Ю.-З. фронта, дѣйствующихъ на средней Вислѣ*).

Полагая, что, наиболѣе вѣрнымъ средствомъ, связать противниика и лишить его иниціативы, является рѣшительное наступленіе, Командующій X арміей, возвратясь съ совѣщанія, послѣ непродолжительнаго колебанія, рѣшилъ начатую операцію продолжать. Въ этомъ мнѣніи онъ былъ энергично поддержанъ своимъ штабомъ, особенно въ лицѣ генералъ-квартирмейстера ген.-м. барона Будберга.

Интересно отмѣтить, что когда, подъ вліяніемъ указанной минутной нерѣшительности. командующій послалъ камандиру III Сиб. корпуса телеграмму съ приказаніеуъ пріостановить наступленіе, ген. Радкевичъ, только что опрокинувшій противника у Новинки, объявилъ эту депешу подложной, подосланной непріятелемъ, о чемъ и сообщилъ въ штабъ арміи съ прибавленіемъ, что продолжаетъ начатое наступленіе. Но еще раньше полученія этого извѣщенія ко-

*) Въ дѣйствительности, вслѣдствіе предупрежденія насъ противникомъ, нашимъ арміямъ въ Царствѣ Польскомъ пришлось во второй половинѣ сентеября 1914 г. обороняться противъ австро германскаго наступленія, но сущность задачи X арміи отъ этого не мѣнялась.

мандующій армiей уже успѣлъ послать ген. Радкевичу другую телегвамму, отмѣняющую первую.

Ген.-ад. Мищенко со II Кавк. корпусомъ тѣснилъ противника, отступающаго отъ Нѣмана на Сейны; III Сибирскій велъ бой у Ольшанки, гдѣ сбитый у Новинки противникъ занялъ сильную позицію; въ промежуткѣ между ними XXII корпусъ, наступая, обходилъ съ юга озеро Вигры. (Схема № 5). Изъ перехваченнаго у противника приказа стало извѣстно, что сводному корпусу ген. фонъ-Моргена, выдвинутому противъ III Сиб. корпуса, было вмѣнено въ обязанность, — ввиду крайней важности удержанія Сувалокъ, — остановить во чтобы то ни стало наступленіе русскихъ отъ Августова*). Пользуясь своимъ охватывающимъ положеніемъ, нѣмцы съ ожесточеніемъ атаковали боковой авангардъ III Сиб корпуса въ раіонѣ м. Рачки и д. Куріянки (см. схему № 4). Былъ моментъ, когда полки 8 Сиб. дивизіи были обойдены съ обоихъ фрлнговъ (при этомъ было потеряно 9 орудій), но стойкость сибиряковъ и самоотверженная помощь, оказанная конницей ген. Гурко, помогли имъ выйти съ честью изъ тяжелаго положенія. Отойдя за р. Щеберку и отбивъ всѣ дальнѣйшія атаки противника, боковой авангардъ въ точности выполнилъ свою задачу по обезпеченію лѣваго фланга корпуса, который въ это время своими главными силами атаковалъ Ольшанку, между тѣмъ какъ правѣе его, XXII корпусъ, угрожая лѣвому флангу нѣмцевъ, преграждавшихъ путь сибирякамъ, съ боемъ наступалъ лѣсами между оз. Вигры и шоссе Августовъ — Сувалки**).

Эта согласованная боевая работа и доблесть сибирскихъ и финляндскихъ стрѣлковъ увѣнчались, наконецъ, желаннымъ успѣхомъ: понеся большія потери, противникъ, всюду сбитый, 19 сентября сталъ поспѣшно отступать, теряя плѣнныхъ, пулеметы и орудія. Такимъ образомъ фронтъ противника въ раіонѣ къ югу отъ Сувалокъ оказался прорваннымъ, а его правый флангъ, въ раіонѣ къ с.-з. отъ Августова, — какъ будетъ видно дальше, — подъ угрозой обхода; это принудило къ отходу также и группу противника, еще ведшую бой на Роспудѣ, а также части его, задержавшіяся въ озерныхъ дефиле къ сѣв. отъ оз. Вигры, очистивъ II Кавк. корпусу путь къ

---

*) Изъ книги Моргена видно, что ввѣренный ему сводный корпусъ былъ составленъ изъ его дивизіи (3 резервной, безъ 49 рез. полка, командированнаго во 2 пѣх. дивизію) и 36 рез дивизіи, I рез. корпуса (также безъ одного полка). 3 рез. дивизія 15 сентября прибыла въ Сувалки съ востока, 36-я притянута изъ Маріамполя Для выполненія возложенной на него задачи, Моргенъ призналъ наиболѣе соотвѣтственнымъ главныя силы своего корпуса развернуть на прав. берегу р. Роспуды, фронтомъ на сѣв.-вост., для атаки сибиряковъ во флангъ (стр. 25 — 26).

**) Судя по схемѣ, приложенной у Моргена къ описанію боя на р. Роспудѣ (см. схему № 4), противъ главныхъ силъ III Сиб. к. дѣйствовали 6 ландв. бригада (отступившая изъ Августова послѣ боя 15 сент.) и прикомандированный ко 2 пѣх дивизіи 49 рез пѣх. полкъ, но изъ текста описанія боя можно заключить что въ бою несомнѣнно приняли участіе и другія части 2 пѣх дивизіи. По свидѣтельству автора бой на Роспудѣ былъ самый ожесточенный изъ всѣхъ, которые ему пришлось до того выдержать (стр. 30).

Сувалкамъ. 20 сентября этотъ важный узелъ путей былъ занятъ войсками ген.-ад. Мищенко. (II Сиб. корпусъ).

Такимъ образомъ X армія, хотя и на этотъ разъ не достигла поставленной себѣ частной цѣли — предупредить противника въ Сувалкахъ, — но зато своимъ маневромъ на его сообщенія принудила его мгновенно очистить 50-ти верстную полосу, простирающуюся къ востоку отъ этого города и вернула себѣ утраченную въ началѣ мѣсяца свободу маневрированія, возстановивъ въ тоже время тѣсную боевую связь съ лѣвымъ флангомъ I арміи.

Естественно возникаетъ вопросъ, не было-ли ошибкой въ общемъ планѣ операціи, что III Сибирскій корпусъ атаковалъ Августовъ не раньше перехода въ наступленіе группы ген. Мищенко и даже не одновременно съ этимъ переходомъ, а сутками позже. На первый взглядъ кажется правдоподобнымъ предположеніе, что, если бы главныя силы сибиряковъ выступили изъ Августова на Сувалки еще 15 августа (вмѣсто 17-го), они успѣли бы занять этотъ послѣдній пунктъ раньше нѣмцевъ, отступившихъ отъ Нѣмана. Это, однако, едва ли такъ. Мы видимъ, какое сопротивленіе было встрѣчено ген. Радкевичемъ на пути къ Сувалкамъ, а также, что въ преодоленіи этого сопротивленія значительную роль сыгралъ подходъ XXII корпуса. Затѣмъ, положеніе III Сиб. корпуса въ случаѣ выступленія его ранѣе другихъ, было бы совершенно изолированное и нѣмцы, принявъ мѣры для задержанія группы ген. Мищенко, могли бы въ этомъ случаѣ обрушиться на сибиряковъ въ превосходныхъ силахъ. Заблаговременное же образованіе противъ Августова болѣе сильной группы, наприм. изъ III Сиб. и II Кавк. корпусовъ, при условіи, что состоявшееся уже сосредоточеніе двухъ корпусовъ на крайнемъ правомъ флангѣ X арміи было вызвано всей предыдущей обстановкой, когда инициатива еще принадлежала противнику — могло вызвать значительную потерю времени, почему казалось болѣе выгоднымъ использовать существующее уже распредѣленіе силъ X арміи и совмѣстно съ I арміей нанести ударъ группѣ противника, зарвавшейся къ Нѣману, — операція, которая казалась обѣщающей рѣшительный успѣхъ. Атака Августова (какъ и наступленіе въ раіонѣ Осовца) только преслѣдовали цѣль, не допустить переброски противникомъ войскъ къ мѣсту предполагаемой главной развязки у Нѣмана. Если бы эти второстепенныя операціи были предприняты ранѣе главной, онѣ могли бы преждевременно всполошить противника и этимъ способствовать уклоненію его отъ главнаго, занесеннаго надъ нимъ, удара.

Во время боевъ 18-19 сентября южнѣе Сувалокъ нѣмцы пытались также угрожать Августову со стороны Боржимена и Райгрода, но ихъ наступательныя попытки*) легко отражались стрѣлками 2 Турк. бригады и конницей; въ направленіи къ Штабину, вопреки опасеніямъ Главнокомандующаго, противникъ ничего серьезнаго не

*) Имѣвшія, по Моргену, характеръ усиленныхъ рекогносцировокъ, т. к. задача заслона, выставленнаго имъ противъ Августова была строго оборонительнаго характера (стр. 28-29).

предпринялъ и у германскаго командованія, повидимому, не возникало и предположенія о наступленіи черезъ р. Нету, такъ что всѣ принятыя по распоряженію ген. Рузскаго экстренныя мѣры для обезпеченія Штабинской переправы оказались совершенно излишними. Бой подъ Августовымъ велся главнымъ образомъ на позиціяхъ верстахъ въ 5-6 къ зап. отъ города; силы противника въ этомъ раіонѣ опредѣлялись нами въ то время въ три ландверныхъ полка, въ дѣйствительности-же нѣмцы, кромѣ двухъ кавалерійскихъ полковъ, имѣли здѣсъ два резервныхъ пѣхот. полка своднаго корпуса Моргена и всю ландверную дивизію Гольца, которая, впрочемъ, держалась пассивно и въ ночь на 19 сент. отошла къ Маркарабовой, обнаживъ правый флангъ Моргена*). Угроза этому флангу съ нашей стороны появилась въ лицѣ трехъ полковъ 4 Кав. дивизіи, подошедшихъ со стороны Граева и въ ночь на 19-е занявшихъ Райгродъ. Прикрывавшая флангъ нѣмецкая конница была оттѣснена въ тылъ своей пѣхоты.

По отходѣ нѣмцевъ, въ раіонъ Райгрода направлены 1-и 2 Турк. стр. бригады, а вся конница брошена впередъ, съ задачей дѣйствовать во флангъ отходящему, по предположенію, на Маркграбову противнику**), а также прервать жел.-дорожное сообщеніе между Маркграбовой и Лыкомъ, къ которому въ это время наступалъ отъ Осовца I Туркестанскій корпусъ***).

Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени менѣе недѣли былъ полностью ликвидированъ прорывъ противника къ Нѣману.

Только теперь, санкціонируя совершившійся фактъ, послѣдовала отъ Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта новая директива (полученная въ штабѣ арміи 22 сентября), коей указывалось, — для выполненнія задачи по обезпеченію тыла нашихъ армій, оперирующихъ въ раіонѣ средней Вислы,— X арм. занять фронтъ Сувалки—Августовъ—Райгродъ—Граево—Щучинъ—Ломжа (фактически уже пройденный ею и сосѣдними частями II арміи); въ составъ X арміи съ 18 сентября включались VI арм. корпусъ и 4 кавалерійская дивизія (изъ состава II-й арміи).

---

*) Моргенъ стр. 27-29.

**) „Воспоминанія бывшаго командира 2 бриг. 4 Кав. дивизіи ген.-м. Мартынова" (рукопись) ч. II стр. 107-117. Конница должна была наступать въ четырехъ коллоннахъ на фронтъ Гросъ-Чимохенъ-Маркграбова: 1) Свод. див. ген.-м. Скоропадскаго; 2) 4 отд. Кав. бригада; 3) 4 кавал. дивизія; 4) 1 Кав. дивизія. Дѣйствія конницы успѣха не имѣли. — 4 кав. дивизія 21 сентября у дер. Домброва (верстъ 5 къ ю.-в. отъ Кл. Олецко) вышла противъ фланга значительной походной колонны нѣмцевъ, слѣдовавшей по дорогѣ Рачки — Маркграбова. (Это былъ, вѣроятно хвостъ корпуса Моргена, отступавшаго послѣ боя на Роспудѣ). 7 и 8 конныя батареи (10 орудій) открыли огонь. До атаки дѣло не дошло, т. к. нѣмцы выставили превосходную артиллерію, которой и отбили 4 Кав. дивизію; не поддержанную сосѣдними колоннами. Въ этомъ бою убитъ командиръ 4 гус. Маріупольскаго полка, полк. Кириловъ.

***) Изъ двухъ жел.-дор. линій, соединяющихъ Лыкъ съ Маркграбовой была прервана (на короткое время) одна.

Отхода Х арміи на указанную ей линію не послѣдовало за несоотвѣтствіемъ такого отхода, создавшейся къ 22 сентября обстановки, т. к., еще до полученія этихъ указаній, II Кавк. корпусъ, развивая свое наступленіе, обнаружилъ противника на подготовленной позиціи верстахъ въ 10-ти къ сѣв.-зап. отъ г. Сувалки и 21 сентября атаковалъ его*). Въ дѣлѣ приняли участіе дивизіи XXVI корпуса I арміи, командиръ котораго подчинился ген. Мищенко; послѣдовательное вступленіе въ бой частей этого корпуса привело къ перемѣшиванію ихъ съ кавказцами, что внесло значительную путаницу въ управленіе. Нѣмцамъ удалось отбиться. На слѣдующій день бой продолжался, причемъ фронтъ его понемногу удлинялся въ обѣ стороны отъ мѣста первоначальной завязки, т. к., слѣдуя правилу идти на выстрѣлы, въ него вступали и сосѣдніе корпуса I и Х армій. Распоряженіемъ штаба арміи къ лѣвому флангу боевого фронта направлены еще изъ раіона Райгрода 1 и 2 Туркестанскія стрѣлковыя бригады, но изъ нихъ въ дѣйствительности къ 23 сентября подошла только 2-я, такъ какъ 1-я командиромъ Туркестанскаго корпуса отъ Боржимена была повернута черезъ Писаниценъ къ Лыку. Роль армейскаго резерва перешла на бригаду Гродненскаго гарнизона, которая, какъ было сказано выше, 18 сентября была притянута къ Штабину.

Отступающій противникъ, ввиду перспективы новаго вторженія непріятеля въ его территорію, рѣшаетъ, передъ границей, дать еще разъ отпоръ. Его отошедшія было до Маркграбовой части, которыя дрались съ нами на р. Роспудѣ), получаютъ приказаніе вновь наступать на Рачки, причемъ вмѣсто 36 рез. дивизіи, возвращенной въ свой корпусъ въ Вержболово, ген. Моргену на время этого наступленія подчиняется 33 ландверная бригада; I арм. корпусу приказано атаковать въ общемъ направленіи на Сувалки; въ промежуткѣ между нимъ и Моргеномъ наступаетъ еще какая-то дивизія.

Примѣчаніе: Въ книгѣ Моргена эта дивизія названа по фамиліи ея начальника (ф.-Эйнемъ), безъ № (стр. 30). — Между прочимъ любопытно отмѣтить, что тотъ-же авторъ указываетъ на занятіе русскими 5 октября (22 сентября ст. ст.) „озерныхъ дефиле“ къ вост. отъ Лыка“, какъ на одно изъ обстоятельствъ, которое, составляя угрозу правому флангу и тылу германскаго боевого фронта, явилось препятствіемъ къ продолженію наступленія и потребовало уклоненія этого фланга назадъ (стр. 31—33). Рѣчь здѣсь, очевидно, идетъ о нашей 1 Турк. бригадѣ, которая вмѣстѣ со 2-й должна была усилить III Сиб. корпусъ, но, по недоразумѣнію, приняла къ исполненію распоряженіе командира своего корпуса, направившаго ее отъ Боржимена на Лыкъ для атаки послѣдняго съ тыла. Изолированное положеніе этой бригады во время ея марша

*) Изъ книги ф.-Моргена видно, что это былъ I арм корпусъ (вѣроятно съ придачей еще какихъ нибудь частей), который, по отходѣ черезъ Сувалки, сталъ на позицію въ раіонѣ дер. Смоленской (стр. 30).

и расположенія у Писаницена, въ свое время вызвало не мало безпокойства въ штабѣ арміи и чуть было не распоряженіе о возвращеніи бригады во что бы то ни стало въ Боржименъ, но опасенія оказались напрасными и этотъ „рискованный“ маневръ намъ ничего кромѣ пользы не принесъ.

Въ результатѣ указанныхъ распоряженій разыгралось большое встрѣчное сраженіе на фронтѣ — считая только одну X армію — до 35 верстъ*). Неуспѣвъ въ своихъ атакахъ 22 и 23 сент., нѣмцы перешли къ оборонѣ, причемъ лѣвый флангъ своего боевого фронта (въ раіонѣ I арміи) уперли въ оз. Ганьча, правый же сначала оставался открытымъ.

Въ Бакаларжевскомъ направленіи противникъ въ результатѣ нашихъ атакъ принужденъ былъ податься назадъ противъ своего исходного положенія; но съ другой стороны, недостаточно умѣло направленное наступленіе III Сиб. Корпуса съ приданной ему 2 Турк. стр. бригадой въ охватъ праваго фланга нѣмцевъ, дало имъ возможность къ 25 сентября убрать его, уперевъ въ заранѣе укрѣпленную озерную линію къ юго-зап. отъ гор. Маркграбова.

Эти неудачные маневры на лѣв. флангѣ X арміи могутъ служить типичнымъ примѣромъ нашего поразительнаго неумѣнія производить глубокіе охваты и обходы, — неумѣнія, зависящаго, главнымъ образомъ, отъ отсутствія рѣшимости произвести перемѣну фронта на достаточно большой уголъ, когда имѣется на лицо хотя бы ничтожная угроза флангу охватывающей или обходящей части**). Въ этомъ отношеніи нѣмцы своей „нечувствительностью“ фланговъ и тыла превосходили насъ въ огромной степени. Можно, какъ примѣръ такого глубокаго охвата съ ихъ стороны, привести вышеупомянутый маневръ Моргена 17 — 18 сентября, который свою роль „заслона“ Сувалокъ понялъ такъ, какъ она едва-ли была бы понята большинствомъ нашихъ командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій.

Въ дальнѣйшемъ у насъ произошла новая путаница: овладѣвъ 24 сент. Лыкомъ, ген. Ерофѣевъ (ком-ръ 1 турк. кор-са) въ похвальномъ стремленіи оказать помощь своему сосѣду, по собственной иниціативѣ шлетъ свою 11 Сиб. стр. дивизію на поддержку III Сиб. корпусу. Однако по причинѣ-ли отсутствія предварительнаго соглашенія между корпусными командирами, или неправильно взятаго 11 ди-дивизіей направленія, или, наконецъ, несвоевременнаго принятія ген. Радкевичемъ дивизіи въ свое подчиненіе, — но оказалось, что вмѣсто помощи, дивизія, выйдя на перерѣзъ преслѣдующимъ противника колоннамъ сибиряковъ, только задержала ихъ развертываніе противъ фланга новой позиціи нѣмцевъ. Охватъ этого фланга къ тому же представлялъ затрудненіе еще въ томъ отношеніи, что ох-

*) Отсутствіе точныхъ данныхъ объ этомъ сраженіи не позволило изобразить его на схемѣ. Схема стр. 32 въ книгѣ Моргена относится только къ дѣйствіямъ его группы.

**) Что бываетъ почти всегда, ибо „кто обходитъ — самъ обойденъ“.

ватывающія части сами подвергались фланговому огню изъ укрѣпленныхъ озерныхъ дефиле, расположенныхъ къ зап. отъ линіи Маркграбова — Кл. Олецко и занятыхъ небольшими ландверными и ландштурменными частями, для уничтоженія которыхъ потребовалась бы особая операція съ участіемъ пѣхоты и артиллеріи. Наблюдавшая за ними 1 кав. дивизія своими собственными силами не въ состояніи была ихъ ликвидировать.

Перейдя къ оборонѣ, нѣмцы на всемъ фронтѣ дрались крайне упорно, стягивая къ полю боя все, что только возможно и мѣстами переходя въ энергичныя контръ-атаки, особенно противъ II Кавк. корпуса, который несъ значительныя потери. Однако въ общемъ успѣхъ склонялся на нашу сторону, особенно на участкѣ XXII корпуса, который подъ начальствомъ своего рѣшительнаго командира генерала ф.-денъ-Бринкена, проявлялъ высокое воодушевленіе, несмотря на утомленіе войскъ, уже недѣлю не выходившихъ изъ боя. Здѣсь, между прочимъ, финляндскими стрѣлками взята непріятельская батарея. Центръ нѣмцевъ у Бакаларжева начиналъ подаваться.

Успѣхъ былъ бы вѣроятно полнѣе, если бы наступленіе не тормозилось вмѣшательствомъ свыше. Такъ, между прочимъ, рано утромъ 24 сентября, на основаніи какихъ то сомнительныхъ свѣдѣній о произведенномъ будто бы нѣмцами прорывѣ фронта II Кавк. корпуса, Главнокомандующій прислалъ телеграмму съ приказаніемъ наступленіе X арміи немедленно пріостановить, закрѣпившись на занятыхъ мѣстахъ и ликвидировать мнимый прорывъ сосредоточеніемъ къ Сувалкамъ резервовъ. Пока принимались мѣры для выясненія истиннаго положенія дѣлъ, которое оказалось несоотвѣтствующимъ свѣдѣніямъ штаба фронта и для насъ вполнѣ благопріятнымъ, потеряно много драгоцѣннаго времени. Наступленіе продолжалось, но въ этотъ день, вмѣсто предположенныхъ 6 час. утра, могло быть начато только послѣ 10-ти. Воспользовавшись пріостановкой дѣйствій, между прочимъ, на самомъ опасномъ для него участкѣ III Сиб. корпуса, (это происходило еще до уклоненія нѣмцами ихъ праваго фланга къ Маркграбовскимъ озерамъ) противникъ тотчасъ же переходитъ въ наступленіе и направляетъ одну за другой бѣшенныя атаки на II Кавк. корпусъ. Это былъ самый критическій моментъ сраженія: ген.-ад. Мищенко оказался вынужденнымъ пустить въ ходъ свой послѣдній резервъ — Лейбъ-Эриванскій полкъ, который блестяще отбилъ сильнѣйшую атаку противника у дер. Тацево, послѣ чего нѣмцы наступленія уже не возобновляли. Утомленіе войскъ и необычная для ген. Радкевича медлительность въ дѣйствіяхъ III Сиб. корпуса не позволили въ тотъ же день использовать одержанный успѣхъ, а въ теченіе ночи противникъ, какъ уже было сказано, уклонился отъ угрожавшаго ему удара, загнувъ свой правый флангъ назадъ.

Пока на фронтѣ оз. Ганьча — Кл. Олецко кипѣлъ ожесточенный бой, правофланговые корпуса I арміи уже перебрасывались на среднюю Вислу. Нѣмцы, напротивъ, усиливались на Восточно-Прусскомъ фронтѣ. Произведенная 26 сентября воздушная развѣдка ука-

зывала на подходъ къ Гольдапу, Маркграбовой и Филиппову сильныхъ подкрѣпленій. Въ это же время развѣдывательное отдѣленіе штаба X арміи установило прибытіе къ противнику новаго корпуса, по № — семнадцатаго. Но такъ какъ полевой корпусъ съ этимъ № въ то же время былъ документально установленъ въ составѣ 9 арміи, наступавшей на Варшаву, а XVII резервный сформированъ позднѣе, то надо полагать, что въ свѣдѣнія развѣд. отдѣленія вкралась ошибка и что подошедшій корпусъ былъ не XVII, а XXV резервный, который, какъ видно изъ нѣмецкихъ сочиненій о Великой войнѣ, около этого времени былъ переброшенъ въ В. Пруссію, гдѣ по мнѣнію нѣмецкихъ авторовъ „положеніе становилось серьезнымъ", ввиду новаго вторженія русскихъ на германскую территорію*).

На остальномъ В. Прусскомъ фронтѣ, германцы, противъ своего обыкновенія, держались пассивно, несмотря на всѣ выгоды, которыя имъ могло дать даже небольшое давленіе на нашъ слабый Наревскій участокъ, прикрывавшій тылъ армій, которыя въ это время встрѣчали наступленіе австро-германцевъ на фронтѣ отъ Варшавы до Перемышля. Есть полное основаніе предполагать, что причина пассивности противника заключалась именно въ томъ, что большая часть силъ, которыми онъ могъ располагать въ В. Пруссіи, въ томъ числѣ лучшіе изъ его корпусовъ — I полевой и I резервный, комплектуемые изъ населенія этой провинціи, были связаны боемъ у Маркграбовой, гдѣ на небольшомъ сравнительно участкѣ ихъ держали „за горло" около $3^1/_2$ корпусовъ X арміи, въ то время какъ весь остальной стоверстный слишкомъ фронтъ занимался только VI корпусомъ, частью Туркестанскаго и конницей. Но и на этомъ второстепенномъ участкѣ, гдѣ слабость силъ, казалось бы, обрекала ихъ на бездѣйствіе, войска арміи не оставались пассивными. Такъ, послѣ энергичнаго преслѣдованія противника, отступившаго изъ подъ Осовца, 24 сентября, по иниціативѣ командира Турк. корпуса, ген. Ерофѣева, взятъ — съ помощью упомянутаго маневра 1 Турк. стр. бригады, направленной отъ Боржимена въ тылъ непріятелю, — сильно укрѣпленный съ фронта Лыкъ; здѣсь нашимъ войскамъ достались огромные запасы продовольствія и фуража. Въ тоже время частями VI корпуса и 4 кав. дивизіи взятъ съ боя г. Бяла и начато наступленіе на важный узелъ путей — гор. Іоганисбургъ. Однако предпіятіе это остановлено распоряженіемъ свыше, а ген. Ерофѣеву „самовольное" наступленіе на Лыкъ „поставлено на видъ" въ приказѣ Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта.

*) „Воспоминанія" Людендорфа, стр. 69, 62. По книгѣ Моргена прибытіе XXV рез. корпуса въ В. Пруссію можно отнести къ 8–9 октября нов. ст. (25—26 сент.) (стр 33). Изъ статьи ген. Бюа (Buat) въ Revue militaire française отъ 1 февр. 1922 г. № 8, составленной по германскимъ источникамъ, можно заключить, что распоряженіе о направленіи XXV рез. корпуса въ В. Пруссію состоялось около 4 окт. (21 сент.) (выноска къ стр. 136). — Людендорфъ говоритъ о вторженіи въ В. Пруссію „Ренненкампфа", который оттѣснилъ германцевъ „къ границѣ, а у Лыка и черезъ границу", очевидно ошибочно считая наши I и X арміи вмѣстѣ одною арміей Ренненкампфа.

Вообще операціи X арміи не встрѣчали сочувствія со стороны начальства фронта. Особенно сильная опозиція оказывалась имъ генералъ-квартирмейстеромъ штаба фронта, генераломъ Бончъ-Бруевичемъ, пользовавшимся особымъ довѣріемъ генерала Рузскаго. Сосредоточеніе силъ арміи къ правому флангу признавалось несоотвѣтствующимъ данной задачѣ, а быстрому ея наступленію приписывалась происшедшая, будто-бы, дезорганизація службы тыловыхъ учрежденій арміи*). 27 сентября вновь послѣдовало категорическое приказаніе наступленіе пріостановить. Распоряженіе это, за нѣсколько часовъ до поступленія его въ штабъ арміи, было предупрежденно приказомъ самого Командующаго арміей о прекращеніи наступленія, вслѣдсттіе необходимости производства перегруппировки силъ арміи. Такая перегруппировка оказывалась необходимой, ввиду вновь полученныхъ свѣдѣній объ усиленіи противника на фронтѣ арміи а также въ соотвѣтствіи съ поступившей около того же времени новой директивой Главнокомандующаго, по которой, при томъ-же составѣ арміи, фронтъ ея растягивался на нѣсколько десятковъ верстъ влѣво (за Остроленку), — 28 сентября корпуса, ведшіе бой на фронтѣ Еленево — Кл. Олецко, заняли указанныя имъ, уже до нѣкоторой степени подготовленныя, позиціи, прикрывавшія линію Сувалки — Августовъ, замаскировавъ отходъ на нихъ оставленіемъ арріергардовъ, которые продолжали вести затяжной бой. 11 Сиб. дивизія была направлена на Писаниценъ и далѣе на Простконъ, въ составъ своего корпуса (I Туркест.).

Ко дню прекращенія наступленія, X армія, несмотря на почти непрерывные бои послѣднихъ десяти дней, оставалась — вопреки опасеніямъ Главнокомандующаго — вполнѣ боеспособной. Еще въ послѣдній день боя, хотя имѣвшаго демонстративный характеръ (27 сентября), были одержаны нѣкоторые успѣхи въ направленіи къ Маркграбовой. Фланги и тылъ главной группы, развернутой на фронтѣ Еленево — 2 версты южнѣе Бакаларджева — Кл. Олецко были надежно обезпечены. Собраны достаточные резервы и перемѣшиваніе частей устранено.

Результатами двухнедѣльной сентябрской операціи X арміи были: 1) Отраженіе противника отъ Нѣмана и принужденіе его къ поспѣшному отходу; 2) деблокада Осовца; 3) овладѣніе Августовымъ и нанесеніе сильному заслону нѣмцевъ пораженія въ Августовскихъ лѣсахъ; 4) очищеніе отъ противника почти всей нашей территоріи къ западу отъ средняго теченія Нѣмана; 5) вторженіе войскъ X арміи въ В. Пруссію съ овладѣніемъ городми Лыкомъ и Бялой; 6) лишеніе противника иниціативы и возможности: а) предпринять что-либо противъ тыла нашихъ армій, дйствующихъ на средней Вислѣ; б) уси-

*) Командированный Главнокомандующимъ для осмотра войскъ арміи ген.-м. Л Л Кондратовичъ, представлялъ докладъ, изъ котораго, будтобы, явствовало, что нѣкоторыя войска истощены недоѣданіемъ. Любопытно отмѣтить, что отъ корпусныхъ командировъ ни одного такого донесенія въ штабъ арміи не поступало.

ливать насчетъ оставленныхъ въ В. Пруссіи войскъ свою армію, назначенную для нанесенія главнаго удара въ Польшѣ*).

Наши потери за всю операцію съ 15 по 27 сентабря доходили до 20.000 чел. убитыми, ранеными и безвѣсти пропавшими. Потери нѣмцевъ были не меньше нашихъ; плѣкыхъ нами было взято болѣе $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ; въ числѣ нашихъ трофеевъ были орудія, пулеметы, нѣсколько десятковъ зарядныхъ ящиковъ, автомобили, повозки обоза и разное другое имущество.

Участники боевъ были щедро награждены. Изъ старшихъ начальниковъ, Главнокомандующій арміями Сѣверо-Западнаго фрота ген. Рузскій, за побѣды надъ австрійцами въ Галиціи уже имѣвшій ордена Св. Георгія 4-й и3-й степени, пожалованъ въ генералъ-адъютанты; командиры III Сибирскаго и XXII корпусовъ и комендантъ Осовецкой крѣпости, по представленію Командующаго арміей, въ изъятіе изъ обычнаго порядка, Высочайше награждны орденомъ Св. Георгія 4-й степени. Сибиряки удостоились отъ Верховнаго Главнокомандующаго лестнаго названія „чудо-богатырей"**).

Командующій X арміей и начальникъ штаба арміи, доблестный ген.-л. С. Д Марковъ, отчислены отъ должностей „въ распоряженіе": первый — Верховнаго Главноюомандующаго, а второй — Главнокомандующаго арміями С.-З. фнонта.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Катастрофическія неудачи, понесенныя нами въ августѣ 1914 г. въ В. Пруссіи, сильно понизили духъ войскъ. Въ общемъ, пессимистическое настроеніе возростало снизу вверхъ и въ штабахъ было, пожалуй, еще подавленнѣе чѣмъ въ войскахъ, — если не считать нѣсколькихъ, особенно сильно пострадавшихъ частей. О технической подготовкѣ нѣмцами театра войны, объ эфектахъ ихъ тяжелой артиллеріи, броневыхъ автомобилей и т. п., передавались изъ устъ въ уста подробности, граничившія съ чудеснымъ. Непріятельскіе летчики вызывали, особенно во второочередныхъ частяхъ, укомплектованныхъ пожилыми людьми, никогда не видавшими этой диковины,

*) Какъ мы видѣли, не только не была усилена германская 9 армія насчетъ 8-й, но напротивъ, потребовалось усиленіе послѣдней новымъ корпусомъ, который при иномъ образѣ дѣйствій X арміи, своимъ нахожденіемъ въ составѣ 9 арміи могъ предотвратить испытанную послѣдней подъ Варшавой неудачу. Такимъ образомъ, сентябрскія операціи X и I армій оказали несомнѣнное вліяніе на положеніе дѣлъ на всемъ фронтѣ, чѣмъ и можно объяснить, что нѣмецкими авторами онѣ разсматриваются какъ составная часть плана Великаго Князя Николая Николаевича (ф. Моргенъ. стр. 25).

**) За бсй 18 19 сонтября у льшан и и на р. Роспудѣ. — Одновременоо съ полученіемъ телеграммы Верховнаго Главнокамандующаго съ объявленіемъ бладодарности сибирякамъ за этотъ бой, прибылъ командированный Главнокомандующимъ фронтомъ генералъ для производства разслѣдованія „объ обстоятельствахъ потери III Сибирскимъ корпусомъ орудій" въ томъ-же бою.

нѣчто въ родѣ суевѣрнаго ужаса. Начальствующими лицами всякое активное предпріятіе съ нашей стороны признавалось „опаснымъ", „рискованнымъ" и т. п., несмотря на то, что ежедневно на нашихъ глазахъ, нѣмцы, съ явнымъ намѣреніемъ бить по нервамъ противника, позволяли себѣ несравненно болѣе дерзкія предпріятія, сходившія имъ съ рукъ совершенно безнаказанно. Словомъ, въ насъ начинало закрадываться пагубное сознаніе превосходства врага — залогъ будущихъ пораженій. Чтобы такое душевное состояніе не передалось вновь прибывающимъ на В.-Прусскій фронтъ войскамъ, казалось необходимымъ придать ихъ дѣйствіямъ, въ предѣлахъ данной стратегической задачи, возможно активный характеръ, пользуясь „нахальствомъ" противника для одержанія надъ нимъ, первоначально, хотя бы небольшихъ успѣховъ*).

Образчикомъ такого болѣе чѣмъ смѣлаго предпріятія нѣмцевъ являлось выдвиженіе ихъ въ первой половинѣ сентября, въ небольшихъ, сравнительно, силахъ, къ Нѣману, въ разрѣзъ между I и X арміями; — операція, имѣвшая, главнымъ образомъ, цѣлью замаскировать ослабленіе ихъ силъ на В.-Прусскомъ фронтѣ. Какъ однако ни старались германцы возмѣстить недостатокъ числа энергіей дѣйствій, тѣмъ не менѣе слабость ихъ на фронтѣ X арміи и ненадежное обезпеченіе тыла Нѣманской операціи были слишкомъ очевидны, чтобы не быть учтенными штабомъ X арміи. И дѣйствительно, оказалось достаточнымъ только начать наступленіе внушительными силами во флангъ непріятелю, чтобы заставить его тотчасъ же отказаться отъ своего предпріятія; рѣшительный ударъ по Августову и наступленіе оттуда на Сувалки уже заставляетъ нѣмцевъ принимать мѣры для спасенія положенія „во что бы то ни стало"; на протяженіи двухъ недѣль времени дерзкій наскокъ врага на нашу территорію обращается въ столь же стремительное ея очищеніе.

Едва ли даже строгая критика могла бы признать, что пассивное стояніе кордономъ за оборонительной линіей Бобра, съ уклоненіемъ отъ „серьезныхъ боевъ", могло бы сопровождаться тѣми послѣдствіями, которыя дали дѣйствія X арміи, основанныя на маневрѣ. И какъ ни серьезны были наши недочеты въ искусствѣ вожденія войскъ и маневрированія, выпукло обнаружившіеся и во время описанныхъ событій, — исправленія ихъ можно было ожидать только исподоволь, учась на своихъ ошибкахъ, а не путемъ книжнаго

*) Такой дерзкій образъ дѣйствій нѣмцевъ, неоднократно и впослѣдствіи поражавшій нашъ командный составъ, не представлялъ въ данномъ случаѣ чего-либо исключительнаго; напротивъ, онъ входилъ въ систему веденія нѣмцами войны, правда, только противъ... русскихъ. Въ трудѣ генерала v. Kuhl „Der deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges" (2-е изданіе) на стр. 64 можно найти слѣдующія довольно обидныя для насъ, строки: „Нѣмецкое командованіе при столкновеніи съ русскими можетъ производить такіе маневры, которыхъ оно не могло бы позволить себѣ при дѣйствіяхъ противъ равноцѣннаго противника". (Изъ резюме Большого ген. штаба о русской арміи 1913 г.). „Въ соотвѣтствіи съ этимъ принципомъ", говоритъ по этому поводу авторъ труда, „поступилъ ген. Людендорфъ" въ проведеніи Танненбергской операціи.

изученія трактатовъ по военному искусству, какъ, повидимому, полагали тогда, да и впослѣдствіи, наши высшіе штабы.

Въ настоящее время можно считать установленнымъ, что продолженіе нѣмцами, послѣ разгрома Реннекампфа, наступленія въ наши предѣлы, было ничѣмъ инымъ, какъ демонстраціей, которая имѣла цѣлью скрыть отъ насъ переброску большей части ихъ силъ въ Верхнюю Силезію, откуда они намѣревались наступать въ Польшу. Но демонстрація на Нѣманѣ должна была вестись крайне энергично и ей была поставлена положительная задача: по переправѣ черезъ рѣку прервать сообщеніе по жел.-дорожной линіи Вильна — Гродна*), — по всей вѣроятности, съ цѣлью затрудненія переброски войскъ изъ I арміи въ Польшу.

Дѣйствительно, въ 8 арміи, въ В. Пруссіи, кромѣ мѣстныхъ формированій, были оставлены только противъ нашихъ I и X армій — главный резервъ Кенигсберга, 1 кавал. дивизія, I полевой и I резервный арм. корпуса, 3 резервная и ландверная (ф.-д.-Гольца) дивизіи и нѣсколько ландверныхъ бригадъ**); противъ II арміи — сводный отрядъ изъ привислянскихъ крѣпостныхъ гарнизновъ (переформированный впослѣдствіи въ XVII рез. арм. корпусъ). Къ концу сентября къ этимъ силамъ прибавился XXV рез. корпусъ и вѣроятно еще какія-нибудь мѣстныя формированія***).

Какъ видно, составъ этотъ довольно близко подходитъ къ оцѣнкѣ силъ противника, приведенной въ докладѣ Командующаго X арміей № 249.

Но тѣмъ болѣе, если вся шумиха, поднятая нѣмцами послѣ перехода нашей границы съ переправой у Друскеникъ включительно, являлась ничѣмъ инымъ, какъ ловко замаскированой демонстраціей, то обязанностью разумнаго управленія съ нашей стороны было, какъ говорится, вывести врага на чистую воду, не дать ему запугать насъ и, пользуясь этимъ, продолжать безъ помѣхи переброску силъ для удара на Варшаву. Достигнуть такого результата путемъ пассивной обороны едва-ли удалось-бы. Болѣе вѣроятно, что при такомъ образѣ дѣйствій съ нашей стороны, нѣмцы, спокойные за неприкосновенность своей территоріи, — а какое значеніе они этому придавали, пояснено въ Введеніи, — постепенно перекинули бы въ Польшу и послѣдніе два корпуса, оставленные въ В. Пруссіи****), и тогда нашъ успѣхъ подъ Варшавой и Ивангородомъ въ октябрѣ 1914 г. могъ легко обратиться въ неудачу.

---

*) Ф.-Моргенъ стр. 25.

**) У ф.-Моргена упоминаются, какъ участвовавшія въ операціяхъ на Нѣманскомъ фронтѣ ландверныя бригады подъ №№ 6 (стр. 25), 33 (стр. 31), 1 (стр. 34).

***) „Воспоминанія" стр. 56, 69, 76. По словамъ автора (Людендорфа) мѣстныя формированія на Вост. фронтѣ дали чрезвычайно успѣшные результаты.

****) Такъ и случилось послѣ пріостановки наступленія X арміи въ октябрѣ когда I рез. и XXV рез. корпуса, а нѣсколько позднѣе и половина I арм. корпуса были переброшены въ германскую 9 армію въ раіонъ Торна.

Но это только матеріальная сторона дѣла, а о моральномъ значеніи образа дѣйствій командованія X арм. въ сентябрѣ 1914 г. можно судить по слѣдующимъ фактамъ: разстроенный августовскими неудачами XXII корпусъ во второй половинѣ сентября уже лихо наступаетъ и блестяще атакуетъ противника, ведя въ теченіе цѣлой недѣли тяжелый бой съ неослабѣвающей энергіей; командиръ III Сиб. корпуса, получивъ 18 сентября несоотвѣтствующее, по его мнѣнію, обстановкѣ приказаніе пріостановить наступленіе, объявляетъ приказаніе подложнымъ и на свой страхъ и рискъ продолжаетъ атаковать, заслуживъ своимъ войскамъ названіе чудо-богатырей; начальникъ 1 кав. дивизіи въ бою у д. Куріянка самоотверженно выручаетъ свою пѣхоту; командиръ II Кавк. корпуса съ занятіемъ Сувалокъ не считаетъ свою задачу выполненной, но, обнаруживъ противника, занятаго укрѣпленіемъ позиціи, атакуетъ его, подчинивъ себѣ подошедшій къ полю боя корпусъ сосѣдней арміи; комендантъ кр. Осовца, не поддаваясь эфекту грозной германской артиллеріи, въ короткое время посылающей ему 50.000 снарядовъ и взрывающей часть его боевого комплекта (который, за недостаткомъ погребовъ, на половину лежитъ открыто на землѣ), доблестно ведетъ неравный бой на передовыхъ позиціяхъ и отражаетъ врага; командиръ I Туркестанскаго корпуса по своему почину атакуетъ и, искусно маневрируя, беретъ укрѣпленный Лыкъ, послѣ чего немедленно посылаетъ половину своего корпуса въ помощь сосѣду; штабъ арміи, несмотря на свѣжесть впечатлѣнія отъ паденія твердынь Льежа, Намюра и Мобежа*), не поддается дѣйствію энергичной демонстраціи нѣмцевъ подъ Осовцомъ, грозящей прорывомъ оборонительной линіи Бобра и крушеніемъ лѣваго фланга арміи, настойчиво и безъ колебаній проводя свой планъ сосредоточенія силъ арміи къ правому флангу.

Всѣ эти проявленія положительныхъ личныхъ качествъ командного состава X арміи, завися отъ случайно удачнаго подбора ихъ, были вызваны къ жизни даннымъ арміи наступательнымъ импульсомъ и тѣмъ успѣхомъ, которымъ онъ съ самаго начала сопровождался. При этихъ условіяхъ, не боясь ошибиться, можно сказать, что будь маневренная способность и техническое снабженіе нашихъ войскъ на томъ же уровнѣ, какъ у противника, размѣры понесеннаго имъ пораженія и стратегическіе результаты нашего наступленія въ сентябрѣ 1914 г. были бы несравненно значительнѣе. Но, какъ видно изъ предыдущаго, техника нашего маневрированія была очень далека отъ совершенства, что же касается снабженія боевыми средствами, то въ этомъ отношеніи непріятель превосходилъ насъ неизмѣримо. X армія не имѣла ни одной тяжелой батареи**), ни одного бронированнаго

*) Всѣ три крѣпости взяты нѣмцами въ теченіи августа ст. ст. 1914 г.

**) „Когда Людендорфъ прибылъ на Вост. фронтъ, онъ превратилъ въ упряжную большую часть крѣпостной артиллеріи Торна, Познани и др. и придалъ ее дѣйствующей арміи въ качествѣ полевой артиллеріи. Это мѣропріятіе блестяще себя оправдало, т. к. обезпечило за германцами артиллерійское превосходство. Оно было тѣмъ болѣе важно, что русская пѣхота весьма

автомобиля; средства связи были до-нельзя скудны, средства воздушной развѣдки — ничтожны. Отсутствовало такое важное, уже испытанное въ японскую войну, оружіе ближней борьбы, какъ ручныя гранаты. Колючей проволоки было далеко недостаточно. Въ снарядахъ легкой артиллеріи уже ощущался недостатокъ; организація снабженія войскъ продуктами людскаго и конскаго довольствія еще не была, какъ слѣдуетъ, налажена.

Къ работѣ нашего генеральнаго штаба въ области стратегіи можно до нѣкоторой степени отнести критическое замѣчаніе Людендорфа по адресу союзницы Германіи: „Импер.-Корол. генеральный штабъ черезчуръ увлекался теоріей... Сверху слишкомъ много приказывали, подавляя всякую готовность къ самостоятельной работѣ"*).

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, результаты сентябрьской операціи X арміи въ послѣдующее время, послѣ перемѣны начальства арміи**), не только не были утрачены, но въ ближайшіе мѣсяцы получили въ томъ же направленіи дальнѣйшее развитіе, завершившееся побѣдоноснымъ наступленіемъ вплоть до Мазурскихъ озеръ.

Этимъ доказывается, какъ правильность идеи, положенной въ основаніе предшествовавшихъ дѣйствій арміи, такъ и фактъ сохраненія ею своей боеспособности.

В. ФЛУГЪ.

высоко стояла въ смыслѣ натиска, презрѣнія къ смерти и дисциплины". (Изъ статьи „Великая война и развитіе артиллеріи". Переводъ съ нѣмецкаго. Журналъ „Война и мир", Берлинъ 1922 г. № 1).

Въ концѣ августа ст. ст. 1914 г. вновь назначенный Командующій X арміей, съ цѣлью хотя бы нѣсколько сравняться съ нѣмцами въ артиллерійскомъ отношеніи рѣшилъ запрячь и придать корпусамъ нѣсколько превосходныхъ 6 дюймовыхъ гаубицъ, находившихся въ Осовцѣ и, по заявленію коменданта послѣдняго, ему совершенно ненужныхъ, ни для вооруженія крѣпости, ни въ качествѣ резерва для замѣны убыли въ орудіяхъ. Когда формированіе полевыхъ батарей изъ этихъ гаубицъ уже находилось въ полномъ ходу, оно было отмѣнено распоряженіемъ Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта. Это распоряженіе лишило армію нѣсколькихъ 6-ти дюймовыхъ гаубичныхъ батарей, которыя могли оказать значительное вліяніе на исходъ послѣдующихъ операцій.

*) „Воспоминанія" стр. 59.

**) Командованіе X арміей перешло къ генералу-отъ-инфантеріи Сиверсу, который, будучи первоначально вызванъ съ Галиційскаго фронта для замѣщенія ген. Ренненкампфа (послѣ пораженія понесеннаго I арміей), оставался, — за несогласіемъ Верховнаго Главнокомандующаго на устраненіе послѣдняго, — при штабѣ С.-З. фронта, откуда и допущенъ Главнокомандующимъ фронта къ командованію X арміей. Въ фактическое исполненіе должности вступилъ 28 сентября.

Гибель XX армейскаго к-са въ Августовскихъ лѣсахъ.

(Изъ дневника начальника дивизіи*).

Общее положеніе. Былъ январь 1915 года. Въ Восточной Пруссіи стояла крѣпкая и снѣжная зима; рѣки и озера замерзли.

Въ эту глухую пору X русская армія ген. Сиверса стояла на линіи р. Ангерапъ — Мазурскія озера**), прикрывая сѣв.-вост. предѣлы государства. Еще въ ноябрѣ вторглась она сюда, оттѣснивъ противника изъ Сувалкской губерніи и загнавъ его за упомянутые рубежи. Ея первоначальное положеніе было довольно прочно. Но постепенно, по мѣрѣ отправленія частей на Польскій театръ, армія сильно сократилось. Къ описываемому времени расположеніе арміи приняло форму растянутой длинной линіи съ необезпеченными флангами и безъ резервовъ. Отъ праваго фланга у лѣсовъ къ сѣв.-зап. отъ Сталупенена, которые занимались 3 кавалерійской дивизіей съ небольшими пѣхотными частями, до лѣваго — у государственной границы недалеко отъ г. Бяла, было 110 120 верстъ, причемъ на дивизію, по фронту приходилось примѣрно верстъ 17.

Противникъ — армія ген. Белова — находился непосредственно впереди, прикрываясь вышеуказанными преградами и занимая сильно командующую укрѣпленную позицію, прикрытую упомянутой рѣкой и озерами и находящуюся въ разстояніи примѣрно артиллерійскаго выстрѣла.

Позиціи, занимаемыя нашими войсками, шли преимущественно по открытымъ, низменнымъ, часто болотистымъ мѣстамъ, хорошо обстрѣливаемымъ со стороны непріятеля. Напримѣръ, большая часть фронта 29 пѣх. дивизіи тянулась по болотамъ, такъ что окопы были въ водѣ а брустверъ изъ рыхлой, болотной почвы пробивался насквозь. Работы могли производиться только ночью, такъ какъ днемъ при малѣйшемъ шевеленіи начинался обстрѣлъ. Да и ночью рѣдко обходилось безъ жертвъ. Командующій арміей требовалъ непрерывнаго продвиженія тихой сапой впередъ. Поэтому не успѣвали вырыть одну траншею и прикрыть ее хоть жидкой проволокой, какъ уже надо было двигаться дальше и рыть ходы сообщенія. Такъ какъ участки были огромные, а смѣны обыкновенно никакой, то войска при полномъ напряженіи не были въ состояніи создать надеж-

*) Въ дневникъ Начальника дивизіи вошли не только его личныя наблюденія, но также запись показаній многихъ участниковъ этого похода.

**) См. схему № 1.

ной преграды, могущей удержать напоръ противника. Общее мнѣніе было таково, что окопы вездѣ слабы и проволочныя загражденія никуда негодны.

Войска, защищавшія эту длинную ненадежную линію обороны, пришли на мѣсто сильно ослабленными потерями въ бояхъ и походахъ. Не хватало до 50—60% личнаго состава. Въ концѣ декабря начали прибывать укомплектованія. Къ сожалѣнію, однако люди были почти не обучены, весьма плохо обмундированы, снаряжены и болѣе половины безъ оружія. Духъ ихъ былъ пониженъ и присутствіе ихъ вносило вредную струю въ тѣ части, куда они попадали.

Во время наступленія въ Восточную Пруссію офицерскій составъ понесъ тоже огромныя потери, кадровыхъ офицеровъ въ частяхъ почти не осталось. Даже молодыхъ подпоручиковъ стали считать опытными. Между тѣмъ на укомплектованіе прибывали прапорщики запаса и юнцы безъ всякой военной подготовки. Штатскій духъ вливался широкой волной. При такихъ условіяхъ комплектованія чувствовалась настоятельная потребность въ организаціи систематическихъ занятій и въ серьезной подготовкѣ. Но для этого времени не давали. Рыли и рыли безъ отдыха и безъ толку. Едва ли только не въ одной 29 дивизіи удалось поставить обученіе на болѣе реальную почву.

Въ это знаменательное время, когда ни одинъ день не долженъ бы былъ пропадать даромъ, штабъ арміи занимался однѣми мелочами. Всѣ распоряженія его дышали кругозоромъ ротнаго командира. То и дѣло объявлялось: о луженіи котловъ, рѣзкѣ порцій, варкѣ каши, устройствѣ наръ, починкѣ сапогъ и пр. Широкой армейской работы не было видно. Войска, которыя ежеминутно могли быть двинуты въ бой, изматывались траншейными работами до изнеможенія и не обучались. Резервовъ не было. Фланги были на вѣсу. Оріентировка о противникѣ отсутствовала. Тыловыхъ путей и этаповъ не существовало. Интендантство арміи не работало и войска должны были сами обо всемъ заботиться. Всѣ это видѣли и знали и поэтому настроеніе въ арміи было тяжелое и неувѣренное.

29 пѣх. дивизія, которой я командовалъ, занимала часть фронта вдоль рѣки Ангераппа противъ г. Даркемена и была растянута на 17 верстъ. Изъ частей XX корпуса вправо была расположена 27 пѣх дивизія подъ начальствомъ ген.-лейт. Джонсона въ составѣ трехъ полковъ съ артиллеріей, влѣво 53 пѣх. дивизія ген.-лейт. Федорова, а южнѣе 53 пѣх. дивизіи стояла 28 дивизія ген.-лейт. Лашкевича. Въ составѣ 29 дивизіи къ концу января находилось три полка пѣхоты, 48 легкихъ орудій, 6 полевыхъ мортиръ, 6 поршневыхъ орудій, 1 саперная рота, 1 сотня Сибирскихъ казаковъ 3-ей очереди, 1 команда конныхъ развѣдчиковъ. Полки имѣли по 3000—3100 штыковъ.

XX корпусомъ командовалъ ген. Булгаковъ.

Вправо отъ XX корпуса былъ расположенъ III арм. корпусъ ген. Епанчина, прикрывавшій направленіе на Вержболово — Ковну, а влѣво стоялъ XXVI арм. корпусъ ген. Гернгросса, протягиваясь вдоль линіи Мазурскихъ озеръ и противъ крѣпости Летценъ.

Приказъ объ отходѣ. Уже съ 24 января въ штабѣ арміи стали получаться тревожныя свѣдѣнія относительно противника. Было извѣстно, что изъ Кенигсберга на Гумбиненъ двигаются безпрерывно поѣзда, нагруженные войсками, и что всѣ населенные пункты къ сѣверо-западу отъ Гумбинена переполнены нѣмецкими солдатами. Затѣмъ 25 января получилось свѣдѣніе, что нѣмцы перешли въ наступленіе противъ нашаго крайняго лѣваго фланга и потѣснили находившуюся тамъ резервную дивизію къ г. Бяла. Спѣшно туда были направлены сборныя части, снятыя со всего фронта, въ томъ числѣ 114 пѣх. Новоторжскій полкъ 29 пѣх. дивизіи. 27 января части нѣмецкой арміи Эйхгорна вступили въ бой съ кавалеріей на нашемъ правомъ флангѣ, обошли ее съ сѣвера и заставили отступать. Одновременно III корпусъ, въ составъ котораго входили резервныя дивизіи. не выдержалъ подхода противника и быстро отошелъ на Вержболово. Такимъ образомъ, уже 27 января правый флангъ XX корпуса былъ обнаженъ. Но распоряженій все еще никакихъ не было и о вышеприведенныхъ свѣдѣніяхъ войскамъ и частнымъ начальникамъ не было ничего извѣстно.

27 января около 2 часовъ дня случайно по телефону въ штабѣ 29 пѣх. дивизіи узнали, что 27 дивизія собирается отступать. Тотчасъ обратились въ штабъ корпуса за провѣркой этого свѣдѣнія и тутъ только узнали, что ген. Епанчинъ уже отошелъ за Вержболово и что 28 января утромъ предполагается отвести и XX корпусъ назадъ на Гольдапскую позицію.

Оффиціально распоряженіе объ отходѣ дивизіи было получено изъ штаба корпуса лишь 28 января около 8 часовъ утра, причемъ приказывалось отходить съ наступленіемъ сумерокъ. Но уже около полудня того же дня послѣдовала отмѣна этого приказанія. Эти противорѣчивыя приказанія, передаваемыя частямъ, вызвали въ тыловыхъ частяхъ неувѣренность и замедленіе и обозы выступили съ большимъ запозданіемъ. Кромѣ того тыловые пути дивизіи были перенесены въ послѣднюю минуту значительно южнѣе, въ полосу совершенно непроходимыхъ проселочныхъ дорогъ.

Отходъ къ Гольдапской позиціи (схема № 1). 28 января, въ день назначенный для отхода, нѣмцы около полудня атаковали 29 дивизію со стороны Даркемена, ведя наступленіе на самые важные въ тактическомъ отношеніи пункты и открывъ по всему фронту сильный артиллерійскіи огонь. Часа въ 4 дня было получено извѣщеніе, что 27 пѣх. дивизія, находившаяся правѣе, собирается отходить немедленно, ввиду угрозы нѣмцевъ съ сѣвера. Одновременно изъ штаба корпуса послѣдовало приказаніе отходить на Гольдапскую позицію. Съ наступленіемъ сумерокъ артиллерійскій огонь противника затихъ и наши части стали стягиваться назадъ. Однако въ нѣкоторыхъ пунктахъ бой продолжался, причемъ 4-й баталіонъ Старорусскаго полка и одинъ баталіонъ Вяземскаго полка понесли значительныя потери, ведя штыковой бой.

Въ этотъ вечеръ пошелъ сильный снѣгъ и началась снѣжная буря со встрѣчнымъ вѣтромъ. Не болѣе какъ въ часъ времени на-

сыпало сугробы полутора аршинной вышины. Направленіе дорогъ можно было обнаружить только потому, что своевременно были воткнуты вдоль путей ели. Движеніе совершалось съ невѣроятными усиліями, артиллерію тащили на рукахъ. Къ счастью всѣ повозки обоза 1-го разряда были отправлены заблаговременно.

29 пѣх. дивизіи приказано было занять и оборонять позицію къ западу отъ Роминтенской пущи. На позиціи этой имѣлись лишь пѣхотные окопы, проволочныхъ загражденій не существовало. Разстояніе до позиціи было 17 — 18 верстъ; шли всю ночь и части стали прибывать на мѣсто въ промежуткѣ между 10 и 14 часами, а Вяземскій полкъ прибылъ только въ 6 часовъ вечера, когда надо было уже выступать дальше. Дивизіи по фронту дано было 18 верстъ, такъ что расхожденіе по позиціи, занятіе окоповъ, расчистка ихъ и, вообще, подготовка для обороны заняли весь день и никакого отдыха не было.

Тотчасъ по прибытіи штаба дивизіи въ Роминтенскую пущу былъ высланъ разъѣздъ для связи съ 27 пѣх. дивизіей и выставлена въ направленіи къ ней летучая почта. Но никакихъ свѣдѣній объ этой дивизіи получить не удалось.

Отходъ къ озеру Ханьча. Около 2 часовъ дня 29 января было получено приказаніе командира корпуса выступить съ наступленіемъ сумерокъ и 30 января утромъ занять позицію на линіи оз. Ханьча. Сѣвернѣе до Вижайны правый флангъ корпуса должна была прикрывать 27 пѣх. дивизія, а южнѣе — стать 53 пѣх. дивизія. Такая задача была явно невыполнима, потому что до указанной позиціи было 33 — 38 верстъ, а состояніе дорогъ не поддавалось описанію. Къ тому же войска были совершенно измучены предыдущимъ переходомъ и въ колонны войскъ попали теперь обозы 2 разряда, которые свевременно не разрѣшили отправить дальше въ тылъ.

Въ 6 часовъ вечера 29 января началось медленное движеніе черезъ Роминтенскую пущу, забитую снѣгомъ и обозами. Дивизія отходила двумя колоннами, каждая со своимъ арьергардомъ. Штабъ дивизіи слѣдовалъ при лѣвой колоннѣ. Шли всю ночь съ большимъ приваломъ у Тербуде внутри пущи, гдѣ находился охотничій замокъ Императора Вильгельма. Пѣхота тащила артиллерію и расчищала дорогу. На разсвѣтѣ вышли изъ лѣсу. Лѣвая колонна подошла къ Блиндгалену, сдѣлавъ за ночь 26 — 28 верстъ, и здѣсь къ ней присоединился Новоторжскій полкъ въ составѣ трехъ баталіоновъ, такъ какъ одинъ баталіонъ его былъ оставленъ Штабомъ арміи на южномъ участкѣ. При движеніи арьергарда правой колонны внутри лѣса уже ходили разъѣзды непріятеля.

Если трудно было итти подъ бураномъ и пробиваться сквозь засыпанную снѣгомъ пущу, то дальнѣйшее движеніе стало еще болѣе тяжелымъ. Настала оттепель, перешли съ шоссейныхъ нѣмецкихъ путей въ бездорожную пограничную полосу Сувалкской губерніи, въ болотистыя низины и на холмы изъ вязкой глины.

Отъ Блиндгалена къ колоннѣ присоединились еще 2 и 3 парки,

направленные сюда крайне некстати инспекторомъ артиллерiи корпуса, и, такимъ образомъ, обозная колонна достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Приходилось прямо надрываться, чтобы тащить артиллерiю и повозки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраивали гати для перехода черезъ болота, а подъемы выкладывали хворостомъ. До позицiи было еще 17 верстъ.

Измѣненiе обстановки вслѣдствiе пораженiя 27 дивизiи. (См. схему № 2).

Около 5 часовъ вечера, когда штабъ дивизiи подошелъ къ высотамъ у оз. Ханьча, послышался въ недалекомъ разстоянiи съ сѣвера сильный ружейный и пулеметный огонь. Высланный казачiй разъѣздъ ничего не выяснилъ. Огонь же затихъ около $6^1/_2$ час. вечера и движенiе продолжалось безостановочно.

Правая колонна дивизiи подъ начальствомъ ген.-м. Чижова прибыла въ д. Оклины въ $12^1/_2$ часовъ ночи, сдѣлавъ послѣднiя 9 верстъ въ теченiе $10^1/_2$ часовъ. Штабъ дивизiи прибылъ въ 12 часовъ ночи въ д. Лиздейки и черезъ два часа послѣ этого получилъ донесенiе ген.-м. Чижова и извѣщенiе ген.-лейт. Джонсона, изъ коихъ стало извѣстно, что 27 пѣх. дивизiя потерпѣла въ теченiе 30 января въ районѣ оз. Выштынецъ сильную неудачу и частью разсѣялась въ Роминтенской пущѣ, такъ что къ колоннѣ ген.-м. Чижова удалось собрать только 2 бат. 108 пѣх. Саратовскаго полка, 27 артил. бригаду и разные обозы. Сообщалось также, что 27 пѣх. дивизiя была обойдена съ востока въ направленiи на м. Вижайны значительными силами противника.

Черезъ $^1/_2$ часа по полученiи этихъ свѣдѣнiй прибылъ разъѣздъ штаба дивизiи и подтвердилъ о занятiи нѣмецкой пѣхотой Вижайнъ и что конница противника двинулась еще дальше на востокъ и напала на наши обозы. Въ теченiе того же дня выяснилось, что противникъ съ тыла насъ не преслѣдовалъ.

Какъ видно, всѣ эти обстоятельства совершенно измѣняли обстановку и дѣлали невозможнымъ выполненiе приказа штаба корпуса о занятiи позицiи у оз. Ханьча. Учитывая обходъ противникомъ нашего лѣваго фланга и неудачу 27 дивизiи у Выштынца, надлежало немедленно принять остатки этой дивизiи на себя, прикрыть правый флангъ корпуса со стороны Вижайнъ и обезпечить дальнѣйшее движенiе 29 пѣх. дивизiи на востокъ по пути примѣрно на ф. Сейвы. Сдѣланныя для сего распоряженiя клонились къ тому, чтобы сосредоточить три полка 29 пѣх. дивизiи съ однимъ дивизiономъ артиллерiи въ районѣ Тартакъ Рудка — Марьянка, а подъ прикрытiемъ четвертаго полка дивизiи провести артиллерiю, парки и обозы на Сидоры и далѣе на большую дорогу въ Сувалки. Всѣ мѣропрiятiя приняты были спѣшнымъ порядкомъ, такъ какъ на развѣтѣ 31 января значительныя нѣмецкiя силы могли уже овладѣть большой дорогой на Сувалки въ тылу 29 пѣх. дивизiи и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать ее отъ путей на востокъ. Обо всемъ было послано четыре донесенiя въ штабъ корпуса, но никакого отвѣта не получилось и,

вообще, о штабѣ корпуса ничего не было извѣстно до 11 часовъ утра 1 февраля.

Бой у Рудка — Тартакъ — Марьянка. Войска, получивши приказъ, не взирая на сильное утомленіе, безсонныя ночи и отсутствіе горячей пищи, выступили съ ночлеговъ около $3^1/_2$ часовъ утра 31 января, какъ разъ въ то время, когда подходилъ хвостъ ихъ походной колонны. Двигались очень медленно, вслѣдствіе непролазныхъ дорогъ, таща артиллерію и пулеметы на рукахъ. Успѣли все-таки къ 10 часамъ утра занять позицію на линіи Рудке—Ровеле—Марьянка. Было своевременно, ибо уже въ $11^1/_2$ часовъ утра обозначилось наступленіе нѣмецкой дивизіи. Весь день шелъ упорный бой, причемъ Вяземскій полкъ понесъ существенныя потери. Однако нѣмцы были задержаны, а артиллерія и обозы успѣли пройти на Сувалкскую дорогу.

Сосредоточеніе къ Сувалкамъ. Какъ видно создавшаяся въ теченіе 30 и 31 января обстановка не позволила выполнить полученной ранѣе дивизіей директивы итти на Слободку и ф. Сейвы черезъ Рудку—Тартакъ. Поэтому было принято рѣшеніе перейти на это направленіе болѣе южными путями.

Когда распоряженія для сего приводились въ исполненіе, а именно въ 11 часовъ утра 1 февраля, было получено первое за все время приказаніе командира корпуса, которое должно было, вѣроятно, служить отвѣтомъ на всѣ донесенія начальника 29 пѣх. дивизіи. Было сказано „немедленно двинуть одну бригаду для смѣны частей 28 пѣх. дивизіи на позиціи къ сѣв.-западу отъ Сувалокъ и одинъ полкъ направить на Августовъ“. Въ 12 часовъ, когда уже было приступлено къ выполненію этого приказанія, получилось второе распоряженіе командира корпуса, отмѣняющее первое: „полка въ Августовъ не отправлять, одну бригаду перевести къ сѣверной окраинѣ г. Сувалокъ близъ казармъ 2-го драгунскаго Псковскаго полка въ резервъ корпуса и самому начальнику 29 пѣх. дивизіи прибыть на совѣщаніе въ домъ Сувалкскаго губернатора“. По прибытіи же на мѣсто въ 1 часъ дня начальникъ 29 пѣх. дивизіи получилъ лично еще третье приказаніе — „всю дивизію собрать къ казармамъ Псковскаго полка“. Такимъ образомъ, рѣшеніе начальника 29 пѣх. дивизіи отходить съ дивизіей, прикрывая съ сѣвера остальныя части корпуса было отмѣнено и всѣ части XX арм. корпуса сосредотачивались въ одну точку — въ г. Сувалки.

Настроеніе въ Сувалкахъ. При проѣздѣ черезъ Сувалки сразу бросалась въ глаза масса обозовъ всевозможныхъ частей, запружавшихъ всѣ улицы и безчисленное число безоружныхъ солдатъ, шнырявшихъ по домамъ. Никто за обозами не смотрѣлъ. Безпорядокъ былъ полный. Большой домъ Сувалкскаго губернатора на главной улицѣ былъ наполненъ чинами штаба корпуса и разными лицами, никакого опредѣленнаго дѣла тутъ не имѣвшими. Полный сумбуръ стоялъ и въ кабинетѣ губернатора, гдѣ никто не стѣснялся присутствіемъ командира корпуса. За двухъ часовое пребываніе въ этой тяжелой атмосферѣ никакихъ указаній получить не удалось и приш-

лось только лишній разъ убѣдиться, что на корпусный штабъ разсчитывать трудно.

Обстановка къ 1 февраля (схема № 3). Изъ суммы всѣхъ свѣдѣній, которыя удалось почерпнуть изъ разныхъ источниковъ, обстановка въ данный моментъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ: — Не считая 29 пѣхотной дивизіи, о которой уже было сказано выше, г. Сувалки былъ окруженъ четырьмя арріергардами, выдвинутыми на позиціи. Въ составъ этихъ арріергардовъ входили наличныя части 27-й*), 28 и 53 пѣх. дивизій. Всего 8 полковъ. Два отдѣльныхъ полка 28 пѣх. дивизіи съ дивизіономъ артиллеріи были направлены въ Августовъ для обезпеченія лѣваго фланга и для поддержки XXVI корпуса. Въ резервѣ у Сувалокъ находился одинъ полкъ 53 пѣх. дивизіи. Если принять во вниманіе указанное выше распоряженіе о сосредоточеніи всей 29 пѣх. дивизіи къ сѣверной окраинѣ г. Сувалокъ, то видно, что общее расположеніе корпуса соотвѣтствовало въ данный моментъ идеѣ обороны г. Сувалокъ. — Кромѣ перечисленныхъ силъ, уже ранѣе входившихъ въ составъ корпуса, командующій арміей подчинилъ ген. Булгакову еще 3 кавал. дивизію ген.-л. Леонтовича, которая по предположеніямъ должна была находиться въ раіонѣ Лоздее.

Но о ней до самаго конца операціи никакихъ свѣдѣній не было и придача ея осталась чисто фиктивнымъ дѣломъ.

Относительно противника удалось составить слѣдующую сводку: одна дивизія нѣмцевъ, та самая, очевидно, которая 31 января вела бой съ частями 29 пѣх. дивизіи, двигалась по дорогѣ Рудка — Тартакъ на Слободку, выдвинувъ по Маріампольскому шоссе на Сувалки сильный боковой авангардъ. Г. Сейны былъ занятъ значительнымъ отрядомъ кавалеріи нѣмцевъ, какъ предполагалось дивизіей. По свѣдѣніямъ отъ жителей большія силы непріятеля двигались отъ Маріамполя на югъ. Съ запада, со стороны Филипова, обнаружены были лишь незначительныя части противника, которыя къ тому же продвигались очень осторожно. Затѣмъ отъ Олецко (Маркграбово) на Рачки ожидались части нашего сосѣдняго XXVI корпуса, отходившаго изъ Восточной Пруссіи.

Изложенное наглядно показывало, что уже къ полудню 1 февраля было совершенно ясно намѣреніе противника отрѣзать XX корпусъ отъ Гродно движеніемъ ему въ тылъ значительныхъ силъ. Переживался, такимъ образомъ, критическій моментъ, когда надо было, не теряя ни минуты, принять цѣлесообразное рѣшеніе и ясно выразить свою волю войскамъ. Однако ничего этого выполнено не было и все продолжало вращаться въ квадратикѣ около Сувалокъ.

Движеніе штаба корпуса къ Сейнамъ. Здѣсь надо вернуться нѣсколько назадъ. 31 января вслѣдъ за отъѣздомъ командующаго арміей изъ Сувалокъ, штабъ корпуса въ сопровожде-

*) Большая часть 27 пѣх. дивизіи, разсѣявшаяся въ Роминтенской пущѣ, постепенно собралась въ Сувалкахъ.

ніи штаба 53 пѣх. дивизіи выѣхалъ по шоссе на г. Сейны, предполагая воспользоваться этой дорогой для своего дальнѣйшаго движенія къ Нѣману. Никакой предварительной развѣдки по обыкновенію произведено не было. Весь путь слѣдованія отъ самыхъ Сувалокъ былъ забитъ несмѣтными обозами, занимавшими шоссе въ нѣсколько рядовъ. Дойдя до озернаго перешейка у Тартака, штабъ корпуса наткнулся внезапно на бѣгущіе обратно въ полномъ безпорядкѣ обозы. Выяснилось, что на наши обозы, прошедшіе уже далеко впередъ, напала близъ Сейнъ нѣмецкая конница, разгромила ихъ и разогнала во всѣ стороны; нѣкоторые изъ нихъ бросились обратно на Сувалки, а другіе забили лѣсныя дороги, ведущія на Махарце. Штабъ корпуса, очутившись въ такой обстановкѣ, не принялъ никакихъ мѣръ и возвратился обратно въ Сувалки.

Высылка бокового авангарда ген.-м. Чижова. Поздно вечеромъ 1 февраля командиръ корпуса послалъ приказаніе генералъ-маіору Чижову (командиру бригады 29 пѣхотной дивизіи) выступить изъ Сувалокъ въ 2 часа ночи со своей бригадой, $^1/_2$ батареей 29 артил. бригады, 209 пѣх. полка (53 пѣх. дивизіи) и 1 взвода 53 артил. бригады и слѣдовать на Тартакъ — Руда къ Гибамъ, гдѣ преградить противнику дорогу на югъ. Указанное приказаніе было отдано помимо начальника 29 пѣх. дивизіи, который узналъ объ этомъ, какъ уже о совершившемся фактѣ. Однако онъ успѣлъ еще отъ себя оріентировать ген.-м. Чижова въ обстановкѣ и командировалъ въ его распоряженіе ген. штаба капитана Мирнаго, $^1/_2$ сотни казаковъ и 15 конныхъ развѣдчиковъ. Ген.-м. Чижовъ выступилъ изъ Сувалокъ только въ 5 часовъ утра 2 февраля, такъ какъ, по его словамъ, не могъ раньше протолкаться сквозь обозы, причемъ онъ пошелъ безъ 209 полка и 1 взвода 53 артил. бригады, ибо послѣдніе не прибыли, а онъ ихъ розыскать не могъ.

Распыленіе частей 29 пѣх. дивизіи. Въ этотъ же достопамятный вечеръ, 1 февраля, командиръ корпуса подчинилъ 115 пѣх. Вяземскій полкъ полковнику Ребенко, который назначенъ былъ командовать арріергардомъ въ составѣ двухъ полковъ 28 пѣх. дивизіи къ югу отъ Сувалокъ у Дубово, а 116 пѣх. Малоярославскому полку приказалъ выступить изъ Сувалокъ въ 12 час. ночи на Бризгель—Махарце—Сопоцкинъ, прикрывая всю лишнюю артиллерію и парки 29 пѣх. дивизіи. Штабу 29 пѣх. дивизіи приказалъ слѣдовать при Малоярославскомъ полку, а штабу корпуса итти въ головѣ этой колонны. Выступленіе назначено было въ 12 часовъ ночи. Какъ видно, вся 29 пѣх. дивизія была уже распылена и, такимъ образомъ, управленіе ею взято изъ рукъ ея начальника.

Дополнительныя распоряженія штаба корпуса на 2 февраля (схема № 4) сводились къ слѣдующему: 1) арріергарду ген.-м. Хольмсена — 6 батал. и 18 ор.. (53 пѣх. див.) и 6 пол. гаубицъ — пройти Сувалки въ $8^1/_2$ час. утра 2 февраля и задерживать непріятеля на линіи Соболево — Дубово. 2) арріергарду полк. Ребенко — 5 батал. 28 пѣх. див. и 4 батал. 29 пѣх. див., 18 орудій — задерживать противника на линіи Дубово Юзефово.

3) общему резерву ген.-лейт. Джонсона — 209, 210 пѣх. полки (53 пѣх. див.) и 27 пѣх. дивизія (13 батал. 48 орудій), сосредоточиться рано утромъ въ Юрыздыкѣ. Всѣ, вообще, распоряженія были исключительно словесныя и передавались непосредственно исполнителямъ, такъ что ни одинъ начальникъ не зналъ, что приказывалось другому. Относительно многочисленныхъ бывшихъ тутъ обозовъ и парковъ 4-хъ дивизій, которые заняли г. Сувалки и всѣ пути, идущіе на востокъ, особенно путь на Махарце, никакихъ распоряженій сдѣлано не было и вся эта масса двигалась куда хотѣла безъ всякаго порядка, задерживая на каждомъ шагу войска и служа убѣжищемъ для всѣхъ уклоняющихся отъ строя.

Командующій арміей передъ своимъ отъѣздомъ изъ Сувалокъ 31 января приказалъ ген. Булгакову задерживать непріятеля близъ Сувалокъ, пока XXVI корпусъ не минуетъ шоссе Сувалки—Августовъ. Какъ видно распоряженія командира корпуса на 2 февраля и клонились именно къ тому, чтобы выполнить это приказаніе. Но для исполненія его не требовалось вовсе сосредоточивать весь корпусъ къ Сувалкамъ и держать его тутъ цѣлый лишній день. Ясно также, что Командующій арміей, отдавая свое приказаніе, могъ не знать еще, что противникъ насъ обходитъ. При данной же, выяснившейся обстановкѣ задерживать всѣ войска у Сувалокъ было непростительной ошибкой. Разсматривая далѣе вышеприведенное распредѣленіе силъ корпуса на 2 февраля, бросается невольно въ глаза, что 24 батал. (27, 28, 29 и 53 пѣх. дивизіи) оставлены были въ тылу для обезпеченія движенія XXVI корпуса и для прикрытія тыла XX корпуса, 7 батал. 29 пѣх. дивизіи выдвинуты для обезпеченія праваго фланга корпуса и 4 батал. 29 пѣх. дивизіи направлены въ прикрытіе къ артиллеріи и паркамъ. Относительно назначенія оставшихся 4 батал. 53 пѣх. дивизіи точныхъ указаній не имѣется, но во всякомъ случаѣ извѣстно, что они были въ тылу при своихъ частяхъ. Такимъ образомъ, изъ общаго состава въ 39 батал., только 7 батал. бокового авангарда ген.-м. Чижова получили назначеніе соотвѣтствующее обстановкѣ. Почти же всѣ остальные прикрывали тылъ, которому никто серьезно не угрожалъ. Если бы въ тылу была оставлена 27 пѣх. дивизія (7 батал,) и полки 28 пѣх. дивизіи (5 батал.), всего 12 баталіоновъ, то задача командующаго арміей при данной обстановкѣ была бы вполнѣ достугнута. Но за то впередъ въ авангарды, для прокладыванія пути могли бы быть двинуты сразу 29 и 53 пѣх. дивизіи въ полномъ составѣ, т. е. 27 батал.

Отдавая всѣ указанныя выше сложныя распоряженія, совершенно не озаботились надлежащею связью съ виновникомъ ихъ XXVI арм. корпусомъ, о которомъ, не взирая на телеграфную линію Сувалки—Августомъ, такъ и не было до самаго конца ничего извѣстно. Какъ однако впослѣдствіи узнали, корпусъ этотъ, дѣйствуя какъ будто въ совершенномъ одиночествѣ, прошелъ въ раіонъ Августова и удалился поспѣшно на Гродно, бросивъ XX корпусъ на полный произволъ судьбы.

Краткое описаніе театра борьбы*). Все пространство между линіями Сувалки — Августовъ и Сопоцкинъ — Липскъ, по которому должны были направиться войска XX корпуса, заполнено такъ называемыми августовскими лѣсами раіона Августовской системы каналовъ, соединяющихъ водныя системы Нѣмана и Вислы. Лѣса эти на сѣверѣ доходятъ перелѣсками до линіи Сувалки — Гибы и далѣе до Нѣмана у Друскеникъ тянутся то сплошнымъ боромъ, то прерывчатыми площадями. На югѣ они ограничиваются линіей р. Бобра. Августовскіе лѣса состоятъ изъ крупныхъ породъ и мѣстами крайне густы. Снѣгъ лежалъ въ нихъ мощнымъ покровомъ и внѣ проторенныхъ дорогъ былъ по колѣно. Внутри встрѣчался рядъ полянъ, изъ которыхъ главнѣйшія находились: къ югу отъ Бризгель, у Тоболово — Копаницы, у Махорце — Сервы, у Грушки и въ раіонѣ Липинъ. Поляны эти опредѣляли собою возможныя мѣста боя. Въ сѣверной части лѣсовъ попадается много большихъ озеръ. Изъ нихъ огромное озеро Вигры и система озеръ Близно — Тоболово разобщали дѣйствія войскъ, оперировавшихъ отъ Сувалокъ на юго-востокъ, а длинное оз. Сервы преграждало ихъ пути въ томъ же направленіи. Середина лѣсовъ была перерѣзана августовской водной системой, состоящей изъ сочетанія небольшихъ рѣчекъ, озеръ и каналовъ, тянущихся отъ гор. Августова на востокъ по параллели вплоть до Нѣмана. Въ данную пору года всѣ рѣки и озера были замерзши, но ледъ былъ мало проченъ и допускалъ проходъ только отдѣльныхъ людей или небольшихъ группъ вразсыпную. Дорогъ и просѣкъ въ лѣсу было очень много, но онѣ разбросаны безъ всякой системы и большинство изъ были не наѣзжены и пропадали въ снѣгахъ. Поперекъ лѣса шли два шоссе: Сувалки — Августовъ и Сейны—Махорце—Августовъ. Оба были съ большими выбоинами, но широки и удобопроходимы. Продольныхъ дорогъ отъ Сувалокъ на Гродно можно было въ общемъ подобрать три. Всѣ онѣ выходили къ переправамъ на нижнемъ теченіи небольшой р. Волькушекъ на фронтѣ 8-9 верстъ и были протяженіемъ въ 52-56 верстъ. Рѣчка Волькушекъ протекала въ болотистой низинѣ съ юго-запада на сѣв.-востокъ и ограничивала здѣсь опушку лѣсовъ. Въ разстояніи 2-3 верстъ восточнѣе ея тянулись господствующія высоты, которыя были оборудованы отличными окопами, какъ передовая позиція Гродненской крѣпости для обстрѣливанія „дебуше“ изъ августовскихъ лѣсовъ. Отъ линіи р. Волкушекъ до гор. Гродны было 17-20 верстъ. Главной задачей для войскъ, дебуширующихъ изъ лѣса, являлся бы захватъ участка шоссе Сопоцкинъ — Голынка — Кончаны, который служилъ для связи между частями противника дѣйствовавшими съ сѣвера отъ Сейнъ и съ юга отъ Липска.

Движеніе корпуса по одной дорогѣ. Тактика отступательнаго марша состоитъ въ движеніи широкимъ фронтомъ, въ обезпеченіи движенія прикрывающими частями, въ направленіи обозовъ по наиболѣе безопаснымъ отъ нападенія путямъ и т. д. Вмѣ-

*) Схема № 4.

стѣ съ тѣмъ она требуетъ развитія огромной дѣятельности для скорѣйшаго вывода войскъ изъ подъ ударовъ противника Въ данномъ случаѣ можно было ожидать нападенія почти со всѣхъ сторонъ, но главнымъ образомъ съ сѣвера и съ востока, если только дать противнику время упредить себя. Съ юга движеніе можно было бы считать обезпеченнымъ XXVI корпусомъ, конечно, если бы держать съ нимъ самую тѣсную связь и двигаться параллельно. Такимъ образомъ, по идеѣ требовалась высылка сильныхъ авангардовъ съ придачей имъ наличной конницы (4 сотни) дабы открыть и обезпечить дорогу на Гродно; высылка на сѣверъ сильнаго, самостоятельнаго бокового авангарда; оставленіе слабыхъ но хорошо скомбинированныхъ арріергардовъ и тѣснѣйшая связь съ XXVI корпусомъ. Затѣмъ обстановка требовала уничтоженія всѣхъ лишнихъ обозовъ и направленіе оставшихся повозокъ по средней или даже по южной дорогѣ.

Ничего этого сдѣлано не было и все безъ исключенія направлено по одной единственной дорогѣ на Махорце.

Движеніе обозовъ и ихъ прикрытія 2 февраля. 2 февраля въ $3^1/_2$ часа утра 116 пѣхотный Малоярославскій полкъ выступилъ изъ Сувалокъ. Штабу 29 пѣхотной дивизіи, какъ уже упомянуто, приказано было двигаться съ этой колонной, т. е. съ прикрытіемъ къ обозу. Ночь была темная, вполнѣ способствующая скрытности движенія. Но обгоняемые по пути обозы, главнымъ образомъ, 53 пѣх. дивизіи, шли съ крикомъ и шумомъ въ полномъ безпорядкѣ, разводили по пути костры, останавливались гдѣ хотѣли, загромождали дорогу. Попадалось много неформенныхъ повозокъ и саней, наполненныхъ спящими людьми. Начальниковъ обозовъ не было видно, а ѣхавшіе тутъ чиновники спали и относились ко всему индиферентно. Пришлось наводить порядокъ, выкидывать все лишнее, разгонять на свои мѣста людей, выпрягать лошадей и припрягать ихъ къ орудіямъ и парковымъ повозкамъ. Малоярославскій полкъ, назначенный прикрывать только лишнюю артиллерію и парки 29 пѣх. дивизіи обратился постепенно въ единственное прикрытіе безчисленныхъ обозовъ, парковъ и артиллеріи 27, 28 и 53 пѣх. дивизій, запрудившихъ здѣсь всю дорогу и стихійно прилипавшихъ къ части, въ которой видѣли свое единственное спасеніе.

Когда 2 февраля въ 10 часовъ утра, пройдя д. Бризгель, подходили къ лѣсу, то услышали со стороны д. Тоболово сильный ружейный, пулеметный и орудійный огонь. Оказалось, что у Тоболово идетъ обстрѣлъ обозовъ, а д. Махорце сильно занята пѣхотой противника съ артиллеріей. Вслѣдствіе этого начальнихъ 29 пѣх. дивизіи рѣшилъ двигать, не теряя времени, всю колонну болѣе южными путями на Сухаржечку и Чарны Бродъ. Однако командиръ корпуса приказалъ отмѣнить это распоряженіе и продолжать движеніе на Махорце.

Движеніе арріергардовъ и штаба корпуса. Въ описываемый же день 2 февраля утромъ началось движеніе арріергардовъ черезъ Сувалки. Вслѣдъ за ихъ уходомъ нѣмцы заняли го-

родъ и направили колонну вдоль Августовскаго шоссе, причемъ весь ударъ направился на правый флангъ Вяземскаго полка. Послѣдній попалъ въ оживленную перестрѣлку, но удержалъ наступленіе противника и въ 1 часъ ночи на 3 февраля отошелъ на Вальне.

2 го же февраля утромъ штабъ корпуса прибылъ въ Вальне, но никакихъ распоряженій не дѣлалъ. Однако поздно вечеромъ этого дня стало извѣстно, что на 3 февраля приказано ген.-лейт. Джонсону съ частями 27 пѣх. дивизіи (7 батал., 48 орудій, 6 пол. гаубицъ) и съ 116 пѣх. полкомъ, который ему теперь подчинили, опрокинуть противника подъ Махорцами и очистить путь для дальнѣйшаго движенія. На время этой операціи всѣмъ остальнымъ частямъ оставаться на мѣстѣ. Ясно стало, такимъ образомъ, что день 2 февраля пропалъ для корпуса даромъ и что все свелось лишь къ тому, что войска продвинулись на маленькій переходъ и теперь при первомъ же встрѣченномъ препятствіи задержаны опять на мѣстѣ. Въ довершеніе неудачъ этого дня получилось донесеніе отъ разъѣзда штаба 29 пѣх. дивизіи, посланнаго для розыска ген.м. Чижова, что никакихъ свѣдѣній о боковомъ авангардѣ получить не удалось.

Бой подъ Махорцами. На слѣдующій день 3 февраля съ самаго утра начался бой подъ Махорцами. Послѣ артиллерійской подготовки части 27 пѣх. дивизіи повели наступленіе съ юга вдоль сѣвернаго берега оз. Сервы и заняли часть д. Махорце. При этомъ нѣмцы понесли большія потери, былъ захваченъ раненый командиръ полка и много плѣнныхъ. Какъ узнали отъ нихъ, нѣмецкая бригада, бывшая въ Махорцахъ, опиралась на полкъ, расположенный въ д. Глембоки Бродъ. Поэтому все время ожидали, что ген.-м. Чижовъ ударитъ имъ въ тылъ. Но такъ до самаго конца ожиданія эти остались тщетными.

Утромъ 3 февраля штабъ корпуса находился еще въ Вальне. Въ маленькой комнатѣ, гдѣ сидѣлъ командиръ корпуса, было набито офицерами и стоялъ невѣроятный шумъ. Вслѣдствіе донесеній начальника 27 пѣх. дивизіи настроеніе было приподнятое и возбужденное. Въ 11 часовъ утра было отдано наличнымъ начальникамъ приказаніе немедленно собирать всю лишнюю артиллерію, парки и обозы и двигать ихъ на Тоболово и Махорце. Однако черезъ часъ спустя всѣ эти приказанія были отмѣнены и вновь насталъ періодъ пассивнаго ожиданія.

Въ 3 часа штабъ корпуса перешелъ въ Копаницу, а въ 6 час. вечера, какъ разъ въ то время, когда ген. Джонсонъ докладывалъ, что противника больше не существуетъ, получилось поразившее всѣхъ донесеніе командира Малоярославскаго полка, что д. Махорце, лежащая на шоссе еще сильно занята противникомъ, такъ что полкъ не въ силахъ ее взять. Саратовскимъ же полкомъ захвачена только та часть означенной деревни, которая находится вдоль восточной опушки Махорцевской поляны. Донесеніе это всѣхъ возмутило и полковнику Вицнудѣ было тотчасъ послано категорическое приказаніе немедленно взять эту деревню и затѣмъ быстро продвинуться на Глембоки Бродъ.

Уже совсѣмъ вечерѣло, когда по западной опушкѣ лѣса противъ Махорце развернулось 3 батал. 116 пѣх. полка. Послѣ небольшой огневой подготовки они пошли впередъ, ворвались въ окопы и взяли 400 плѣнныхъ и 5 орудій. Далѣе бой продолжался внутри деревни, гдѣ многіе нѣмцы заперлись въ домахъ. Въ 8 час. вечера подошелъ 4-й баталіонъ 116 пѣх. полка, находившійся до того въ резервѣ и немедленно былъ двинутъ на Глембоки Бродъ.

Почти одновременно съ концомъ боя у Махорце, нѣмцы потѣснили арріергардъ ген.-м. Хольмсена, находившійся на линіи Бризгель—Вальне и заняли первую изъ этихъ деревень, а также опушку лѣса восточнѣе ея.

Высланные штабомъ 29 п. див. разъѣзды для связи съ колонной ген.-м. Чижова донесли, что д. Червоны Кржижъ къ полудню 3 февраля была занята пѣхотой противника. Вслѣдствіе этого по ходатайству начальника 29 пѣх. дивизіи д. Тоболово была занята однимъ баталіономъ Вяземскаго полка. Самъ же полкъ этотъ перешелъ теперь въ непосредственное подчиненіе ген. Булгакову. Ночью мелкія части непріятеля, выйдя въ разныхъ мѣстахъ изъ опушки лѣса, открыли ружейный огонь по бивакировавшимъ тутъ обозамъ и паркамъ. Нападеніе было отбито Вяземцами и поднявшаяся было паника скоро улеглась. Однако случай этотъ показалъ наглядно, какъ нашъ правый флангъ слабъ и ненадежно охраненъ.

Дальнѣйшее движеніе 4 февраля. (Схема № 5). На 4 февраля было словесное приказаніе всему корпусу продолжать движеніе одной колонной на Серскилясъ, Сервы, Сухаржечку, Горчицу, Микашевку и далѣе вдоль Августовскаго канала на Сопоцкинъ. Ни порядка движенія, ни часа выступленія, ни начальника колонны указано не было; войска, обозы, парки и огромная колонна въ 1200 чел. плѣнныхъ шли, проталкиваясь и занимая мѣста въ колоннѣ совершенно произвольно. Растяжка была невѣроятная. Штабы выступили изъ Копаницы въ 4 часа утра. Въ авангардѣ былъ только одинъ баталіонъ 53 пѣх. дивизіи. Особаго прикрытія къ артиллеріи и паркамъ назначено не было. О ген. Чижовѣ свѣдѣній не поступало и тѣмъ не менѣе на обезпеченіе праваго фланга движенія вниманія не обратили.

Опять главная масса войскъ попала въ арріергарды. Въ тылу на линіи озеръ Близно—Тоболово стоялъ арріергардъ ген.-м. Хольмсена; (6 батал., 18 орудій) ему же былъ подчиненъ и бат. Вяземскаго полка, занимавшій Тоболово. Ген.-лейт. Джонсонъ съ частями 27 пѣх. дивизіи, 116 и 209 пѣх. полками составлялъ арріергардъ въ раіонѣ Сервы—Серкилясъ и, наконецъ, по достиженіи штабомъ корпуса д. Горчицы былъ выдвинутъ еще новый арріергардъ полк. Ребенко (110 и 112 пѣх. полки и 18 орудій). Начиная отъ д. Горчицы до самой Микашевки путь шелъ вдоль канала, на противоположной сторонѣ котораго, находящейся въ рукахъ противника, не было съ нашей стороны ни прикрывающихъ, ни развѣдывательныхъ частей. Штабъ корпуса со штабомъ 53 пѣх. дивизіи заночевали гдѣ то въ дорогѣ, приказавъ всѣмъ частямъ итти безостановочно. Однако

одновременно со штабомъ остановилась и колонна войскъ. Чтобы выяснить причину этого обстоятельства штабъ 29 пѣх. дивизіи прошелъ прямо на Микашевку и здѣсь узналъ, что остановка произошла вслѣдствіе задержанія авангарда въ раіонѣ д. Тартакъ какими то небольшими силами противника. Поддержать авангардъ было не чѣмъ, такъ какъ за нимъ непосредственно двигалась только артиллерія и обозы безъ всякаго прикрытія. Отправивъ въ авангардъ бывшихъ при штабѣ казаковъ, начальникъ 29 пѣх. дивизіи, видя, что создается та же обстановка, что и при подходѣ 2 февраля къ Тоболову, испросилъ разрѣшеніе командира корпуса свернуть немедленно обозы на югъ, на Грушки—Волкушъ. Однако штабъ корпуса оставилъ эту просьбу безъ отвѣта и вся колонна простояла вдоль дороги на Микашевку до полудня 5 февраля, тогда какъ за ночь можно было дойти до р. Волкушекъ.

Бой Малоярославскаго полка у Глембоки Бродъ. Пока въ ночь съ 3 на 4 февраля происходило описываемое безпорядочное движеніе, одинъ бат. Малоярославскаго полка, продвигавшійся лѣсомъ къ д. Глембоки Бродъ, былъ атакованъ превосходными силами и понесъ огромныя потери. Отправленный ему на помощь другой баталіонъ былъ почти уничтоженъ. Однако непріятель все-таки былъ задержанъ на столько, что вечеромъ остальныя части полковъ могли болѣе или менѣе спокойно отойти и присоединиться къ общей колоннѣ у Горчицы.

За бои у Махорце и Глембоки Бродъ Малоярославскій полкъ понесъ огромныя потери, такъ что въ общей сложности въ строю его осталось около 400 человѣкъ.

Дѣло Вяземцевъ подъ Тоболовымъ. Того же 4 февраля, когда всѣ уже отошли на востокъ, на полянѣ у Тоболова остался одинъ батал. Вяземскаго полка. Его подчинили ген.-м. Хольмсену, командовавшему арріергардомъ къ югу отъ линіи озеръ Близно—Тоболово. По отношенію къ этому послѣднему расположеніе баталіона Вяземцевъ представлялось передовымъ пунктомъ. Баталіонъ за ночь окопался и къ разсвѣту занялъ окопы вмѣстѣ со взводомъ пулеметовъ и 2 орудіями 29 артил. бригады. Нѣмцы, пользуясь опушками, охватили его съ трехъ сторонъ и въ 7 часовъ утра открыли огонь. Къ полудню окопы были уже полны убитыми и ранеными. Въ 1 часъ дня команд. баталіона капитанъ Вильчинскій, который не смотря на рану въ голову спокойно управлялъ боемъ, послалъ донесеніе съ просьбой о подкрѣпленіи или о разрѣшеніи отойти. Но отвѣта не послѣдовало. Въ 3 часа дня нѣмцы усилили свой огонь и бросились въ атаку въ охватъ фланговъ. Въ результатѣ доблестный баталіонъ погибъ, сыгравъ роль арріергарда за всѣхъ. Настоящіе же арріергарды въ 6 часовъ вечера отошли почти безъ выстрѣла на Сиркилясъ и далѣе.

Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ бокового авангарда ген.-маіора Чижова*). 5 февраля утромъ въ Микашевкѣ были

*) Схемы №№ 4 и 5.

получены первыя свѣдѣнія о боковомъ авангардѣ ген.-м. Чижова. Оказалось, что онъ находится въ Липинахъ. Цѣлью его движенія, какъ указано, было занятіе дефиле у Гибы. 2 февраля въ 5 часовъ утра онъ выступилъ изъ Сувалокъ въ составѣ 7 баталіоновъ и 4 орудій безъ обоза и безъ кухонъ, по шоссе на Сейны. Дойдя до перешейка между озерами, авангардъ свернулъ съ шоссе на Татарчиско. Здѣсь узнали, что колонны пѣхоты противника направлялись до 2 ч. дня съ сѣвера на Махорце и что д. д. Глембоки Бродъ и Фронцке сильно заняты имъ. На основаніи этихъ свѣдѣній ген.-м. Чижовъ рѣшилъ захватить эти два послѣднихъ пункта съ тѣмъ, чтобы не пропускать дальнѣйшихъ подкрѣпленій нѣмцевъ съ сѣвера. Къ сожалѣнію, однако, столь правильно поставленная задача осталась безъ выпоненія и всѣ дальнѣйшія распоряженія клонились лишь къ тому, чтобы пересѣчь шоссе и занять только Фронцке. Это и было выполнено въ ночь на 3 февраля. Выяснилось, что Фронцке занималъ одинъ баталіонъ и что въ раіонѣ Махорце—Гибы находилась одна дивизія нѣмцевъ, но безъ артиллеріи. Кромѣ того, отъ плѣнныхъ и отъ мѣстныхъ жителей узнали, что нѣмцы двигаются уже по шоссе отъ Сейнъ на Сопоцкинъ. Итакъ Фронцке была занята, но ни малѣйшей попытки къ захвату Глембоки Брода или къ установленію связи съ частями корпуса сдѣлано не было

Между тѣмъ 3 февраля съ ранняго утра шелъ бой подъ Махорцами и гулъ артиллерійскаго огня не могъ не доноситься до Фронцке, куда по прямому направленію было всего 7 — 8 верстъ. Можно себѣ представить каковъ былъ бы результатъ этого боя, если бы ген.-м. Чижовъ захватилъ Глембоки Бродъ. Но онъ объ этомъ не думалъ и уже въ 6 часовъ утра 3 февраля покинулъ Фронцке, отошелъ далѣе на востокъ. Въ 4 часа дня ген. Чижовъ прибылъ въ Грушки, очутившись, такимъ образомъ, передъ фронтомъ отступленія корпуса, вмѣсто того, чтобы прикрывать его правый флангъ. 4 февраля въ 11 час. утра ген.-м. Чижовъ выступилъ на д. Волькушъ, имѣя намѣреніе двигаться дальше на Гродно. По пути было выяснено, что мосты на р. Волькушекъ разрушены и что прилегающія деревни, а также м. м. Сопоцкинъ и Липскъ заняты нѣмцами. Около 2 часовъ части прибыли по назначенію и приступили къ исправленію моста у д. Волкушъ. Работа шла подъ шрапнельнымъ огнемъ противника. Въ 4 часа дня мостъ былъ готовъ и вся колонна съ артиллеріей перешла на тотъ берегъ. Высланная пѣшая развѣдка подтвердила, что ближайшія деревни заняты непріятелемъ, въ виду чего ген.-м. Чижовъ не рискнулъ выполнить своего намѣренія о движеніи на Гродно и занялъ оборонительное расположеніе на правомъ берегу р. Волькушекъ. Вечеромъ онъ узналъ, что корпусъ слѣдуетъ за нимъ и поэтому рѣшилъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Движеніе отъ Микашевки (Схема № 5). 5 февраля утромъ штабъ корпуса прибылъ въ Микашевку и въ 11 часовъ утра направилъ ген.-лейт. Джонсона съ его дивизіей на Рудавку и далѣе вдоль канала съ цѣлью пройти къ Сопоцкину. Въ 1 часъ дня за

нимъ послѣдовали и обозы, а въ 3 часа выступилъ по той же дорогѣ и штабъ корпуса. Пройдя версты двѣ отъ Микашевки этотъ послѣднiй былъ внезапно обстрѣлянъ съ противоположнаго берега канала ружейнымъ огнемъ и тутъ же, измѣнивъ свое первоначальное намѣренiе, повернулъ на югъ и ушелъ на Грушки, куда вслѣдъ за нимъ тотчасъ потянулись безъ всякаго разрѣшенiя многочисленные обозы и колонна военноплѣнныхъ. Этотъ случай вновь показалъ небрежное отношенiе къ охранѣ праваго фланга корпуса.

По мѣрѣ очистки Микашевки отъ разныхъ обозовъ, туда подошелъ аррiергардъ полк. Ребенко, прикрывавшiй въ этотъ день весь корпусъ и притомъ, какъ видно, только въ направленiи отъ Горчицы на Микашевку. Всѣ остальные болѣе южные пути были никѣмъ не прикрыты и даже не наблюдаемы. У Микашевки полк. Ребенко занялъ позицiю въ лѣсу и съ трудомъ удерживался до вечера, такъ какъ былъ сильно атакованъ и обойденъ лѣсомъ.

Вяземскiй полкъ продолжалъ числиться въ резервѣ корпуса и былъ продвинутъ въ Рудавку, гдѣ у него была перестрѣлка съ непрiятелемъ.

Штабъ 29 пѣх. дивизiи изъ Микашевки пошелъ прямо въ Липины, гдѣ засталъ ген.-м. Чижова и командировъ полковъ, въ томъ числѣ и 116-го. Ком-ръ корпуса, одобривъ всѣ дѣйствiя ген.-м. Чижова, велѣлъ оставить его командовать авангардомъ, т. е. теперь уже тремя полками 29 пѣх. дивизiи.

Совѣщанiе въ Рудавкѣ и бои на р. Волькушекъ. Сложившаяся къ 5 февраля обстановка показывала, что противникъ уже отрѣзалъ насъ отъ Гродны и что безъ серьезнаго боя не обойтись. Требовалась громадная дѣятельность и распорядительность ком-ра корпуса и его штаба. Еще вечеромъ этого дня или въ ночь можно было пробиться большею частью войскъ въ южномъ направленiи на Жабицке, такъ какъ единственно въ этомъ направленiи противника еще не было обнаружено. Но управленiя не было, частные начальники, которымъ въ эту критическую минуту ввѣрялась судьба операцiи, были далеко не на высотѣ своего призванiя. Тѣмъ не менѣе, видя безпомощность своего положенiя, они рѣшаютъ сговориться между собою. Ген.-лейт. Джонсонъ приглашаетъ ген.-м. Чижова прiѣхать въ Рудавку. Здѣсь они рѣшаютъ атаковать на слѣдующiй день противника. Для этого: а) дѣлятъ впереди лежащую позицiю противника на участки для овладѣнiя ею; б) распредѣляютъ между собою войска; в) входятъ въ соглашенiе съ подходящими къ полю боя 209 и 211 пѣх. полками о принятiи ими участiя въ дѣйствiяхъ обоихъ авангардовъ и г) уславливаются о времени начала дѣйствiй.

Однако, не взирая на указанное совѣщанiе, никакой подготовки для боя выполнено не было. Такъ ген.-лейт. Джонсонъ размѣстился въ Липинахъ, а не въ Солоевщизнѣ, какъ было условлено; мосты у „дв. Марковскiй мостъ“, какъ и мостъ черезъ р. Волькушекъ, которая была проходима въ бродъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не были построены. Развѣдка не была произведена. Такимъ образомъ,

безъ общаго руководства, безъ обезпеченной связи съ тыломъ, при полной перемѣшанности частей, начался бой 6 февраля.

Ген.-м. Чижовъ приказалъ артиллеріи на своемъ участкѣ открыть огонь въ $8^1/_2$ час. утра сразу распыливъ его по всему фронту. 209 полку приказано было овладѣть д. Богатыри южн. и высотой у этой деревни; 113 пѣх. полку овладѣть д. Бартники и далѣе совмѣстно съ 209 п. п. захватить д. Кончаны; 116 п. п. обезпечить правый флангъ наступленія со стороны д. Старожинце; 114 п. п. оставаться въ общемъ резервѣ. Какъ видно фронтъ атаки для двухъ слабыхъ полковъ былъ $2^1/_2$ — 3 версты. При этомъ атака направлялась одновременно на Богатыри южн. и на Бартники, послѣдняя была значительно дальше первой и не имѣла никакого тактическаго значенія, такъ какъ лежала въ лощинѣ. Надо было сперва захватить д. Богатыри и высоты къ югу отъ нея, тогда Бартники пали бы сами собою.

Ночь на 6 февраля прошла спокойно. Спали на открытомъ воздухѣ. Горячей пищи, чая и, вообще, ѣды почти не было. Около 11 часовъ утра полки начали наступленіе на указанные имъ участки. 209 п. п. три раза наступалъ на д. Богатыри южн. и прилегающіе къ ней окопы, но каждый разъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Задача была непосильная.

Пройдя въ бродъ черезъ р. Волкушекъ, Старорусскій полкъ бодро пошелъ впередъ атакуя Бортники. Мѣстность была ровная и открытая. Несмотря на сильный фронтальный и фланговый огонь противника со стороны д. Старожинце, деревня была взята. При дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ оба головныхъ баталіона растянулись неимовѣрно по фронту и остались безъ резерва. Тутъ получилось приказаніе команд. полка полк. Ольдерогге остановиться и ожидать пока 209 полкъ не возьметъ д. Богатыри. Это приказаніе было гибельно. Порывъ не терпитъ перерыва. Бой замеръ на время и этимъ воспользовался противникъ, чтобы устроиться и подготовиться къ отпору.

Въ то же время Малоярославскій полкъ назначенный для обезпеченія праваго фланга наступленія авангарда ген.-м. Чижова, переправился черезъ р. Волькушекъ, пошелъ по дорогѣ на д. Жабицке, и повернувъ затѣмъ кругомъ на югъ, нацѣлился на высоту, лежащую между Старожинцами и Бартниками. Когда баталіоны выдвинулись впередъ, то было обнаружено, что окопы у Старожинце и на командующихъ высотахъ между Старожинцами и Бартниками заняты противникомъ. Окопы лежали позади глубокой лощины, по дну которой протекалъ ручей простреливаемый фланговымъ огнемъ отъ д. Старожинце. При такой обстановкѣ, казалось бы правильнѣе всего остановиться и выждать. Но командиръ полка два раза присылалъ приказаніе заходить правымъ плечомъ и итти къ Старорусскому полку на Бартники. Это приказаніе явно противорѣчило возложенной на полкъ задачѣ. Однако во исполненіе его, высланные впередъ два баталіона быстро спустились въ лощину и одинъ изъ нихъ перебѣжалъ безъ остановки на противолежащія высоты, на-

шелъ здѣсь готовые окопы и залегъ въ нихъ. Живыхъ осталось человѣкъ 30. Другой баталіонъ залегъ въ лощинѣ и былъ почти цѣликомъ уничтоженъ. Противникъ, занималъ однимъ баталіономъ впереди лежащіе окопы, а д. Старожинце спѣшеннымъ кирасирскимъ полкомъ съ пулеметами. Всѣ эти окопы составляли передовую позицію крѣпости Гродно и были устроены превосходно. Люди, занявшіе окопы на высотѣ, находились подъ перекрестнымъ огнемъ противника. Около $4^1/_2$ час. нѣмцы, усиливъ огонь, обошли окопъ съ фланговъ и захватили его. Тамъ оставались лишь убитые и изувѣченные. Когда раненый капитанъ Надеждинъ скомандовалъ — „часто начинай“, раздались послѣднихъ два выстрѣла. Примѣрно въ это же время нѣмцы зашли въ тылъ баталіону, оставшемуся въ резервѣ на опушкѣ лѣса и открыли по немъ огонь. Здѣсь былъ смертельно раненъ командиръ полка полковникъ Вицнуда вскорѣ скончавшійся. Полковой адъютантъ спасъ знамя, вывезя его изъ поля боя. За нимъ послѣдовало лишь 30 человѣкъ; всѣ остальные легли на мѣстѣ. Такъ погибъ съ своимъ командиромъ славный Малоярославскій полкъ.

Около 3 час. дня противникъ на всемъ фронтѣ перешелъ въ наступленіе въ превосходныхъ силахъ и велъ его съ чрезвычайной энергіей, не взирая на большія потери отъ нашего огня, который былъ доведенъ до полнаго напряженія. Старорусскій полкъ, послѣ отбитія штыкового удара, оставшись безъ патроновъ, отошелъ и былъ принятъ на себя Новоторжскимъ полкомъ, выдвинутымъ изъ резерва. 209 п. п. тоже отбилъ атаку и удержалъ за собою д. Богатыри сѣв. Ген.-лейт. Джонсонъ на своемъ участкѣ ограничился въ теченіе всего дня лишь артиллерійскимъ огнемъ и никакихъ мѣръ къ наступленію не предпринялъ.

Такимъ образомъ, день 6 февраля не только пропалъ даромъ, но и повелъ къ безцѣльнымъ потерямъ. Въ авангардѣ ген.-м. Чижова выбыло болѣе 1100 чел., а 209 п. п. потерялъ $^2/_3$ своего состава. Бой можетъ быть принесъ бы пользу, если бы въ ту же ночь пошли на прорывъ. Но этого сдѣлано не было.

Обстановка 7 февраля. На 7 февраля опять никакихъ распоряженій не послѣдовало. Послѣ неудачнаго боя 6 февраля начальники боевыхъ участковъ сами ни на что не рѣшались, убѣдившись, что наличными силами никакого результата достигнуть нельзя, а на помощь не расчитывали, такъ какъ всѣ части были раздерганы и распылены, или понесли огромныя потери. День прошелъ въ рѣдкой артиллерійской перестрѣлкѣ. Утромъ штабъ корпуса перешелъ въ лѣсъ къ югу отъ Липинъ. Саперы выстроили ему отличные шалаши, снабдивъ ихъ мебелью, вмѣсто того, чтобъ возводить мосты черезъ черезъ р. Волькушекъ.

Около 10 час. утра нѣмцы атаковали аррієргардъ полк. Ребенко у Грушки. Находившійся въ центрѣ 210 п. п. не оказалъ сопротивленія; полк. Ребенко былъ раненъ и части безъ приказаній отошли назадъ на Липины. Начальникомъ аррієргарда послѣ этого былъ назначенъ начальникъ штаба 27 пѣх. дивизіи полк. Дрейеръ, кото-

рому приказано было прикрывать оба направленія на Грушки и на Рудавку. Вся оборона тыла сосредоточилась такимъ образомъ у Липинъ, а огромная поляна, находившаяся къ сѣверу отъ ф. Млынекъ, вся сплошь заставленная артиллеріей, парками и обозами совершенно не охранялась съ запада и со стороны д. Грушки. Между тѣмъ разъѣздъ штаба 29 пѣх. дивизіи выяснилъ, что д. Рубцово съ утра была занята кавалеріей противника, а съ полудня его пѣхотой. Послѣ занятія Грушки нѣмцы стали сильно тѣснить и со стороны Рудавки.

Послѣднее рѣшеніе. Такимъ образомъ положеніе было тяжелое. Около 3 час. дня, узнавъ отъ начальника штаба корпуса, ген.-м. Шемякина, совершавшаго свою гигіеническую прогулку, что никакихъ дальнѣйшихъ предположеній не имѣется, начальникъ 29 пѣх. дивизіи отправился въ штабъ корпуса сдѣлать послѣдній рѣшительный докладъ, а въ случаѣ неудачи, принять самостоятельныя мѣры касательно ввѣренной ему дивизіи. Тамъ въ шалашѣ засталъ онъ начальствующихъ лицъ. Испросивъ слова и очертивъ обстановку, онъ предложилъ принять немедленно рѣшеніе пробиваться, для чего воспользоваться темнотой ночи и внезапностью, такъ какъ для дневного боя не хватитъ силъ. Бросить всѣ обозы, переправиться у д. Волькушъ и у дв. Марковскій Мостъ по мѣстамъ уже знакомымъ и слѣдовать затѣмъ въ общемъ направленіи на Старожинце оврагами, минуя населенные пункты, пользуясь надежными проводниками изъ мѣстныхъ жителей. Въ пунктахъ переправъ построить немедленно еще по одному, хотя бы пѣшеходному мосту. Движеніе для сосредоточенія начинать тотчасъ какъ стемнѣетъ.

Какъ только начальникъ 29 пѣх. дивизіи кончилъ свой докладъ ген.-отъ-артил. Булгаковъ обратился къ ген.-м. Хольмсену, которому онъ болѣе всего довѣрялъ. Послѣдній согласился съ идеей о необходимости прорыва въ ту же ночь, но считалъ лучшимъ направленіе на Жабицке—Курьянки и притомъ движеніе всѣхъ частей одной колонной. Съ нимъ немедленно согласился самъ ген. Булгаковъ, а также генералы Федоровъ и Джонсонъ.

Послѣ этого ген. Булгаковъ началъ при помощи полк. Лилье диктовать приказъ, который несомнѣнно станетъ историческимъ, какъ глубокопечальный для нашей арміи. Начальникъ штаба, ген.-м. Шемякинъ, все время отсутствовалъ. Черезъ нѣкоторое время полк. Лилье вышелъ и командиръ корпуса продолжалъ диктовать самолично, не допуская никакихъ замѣчаній и поправокъ. Приказъ гласилъ слѣдующее:

„1. Войскамъ корпуса прорваться на Гродно.

2. Авангардъ ген.-м. Чижова — 113, 114 и 115 п. п. Частямъ авангарда, находящимся въ соприкосновеніи съ противникомъ оставить на мѣстѣ сторожевое охраненіе, подъ прикрытіемъ котораго стянуться къ ф. Млынекъ, откуда въ 12 час. ночи на 8 февраля выступить на Жабицке-Курьянки и далѣе на Гродно.

3. Главныя силы, ген.-м. Хольмсенъ: а) полп. Бѣлолипскій — оставшіяся части 27 пѣх. дивизіи и 116 п. п. (отъ 116 п. п. осталось 30 человѣкъ со знаменемъ) и б) полк. Миглевскій — 209 п. п.

Оставивъ сторожевое охраненіе къ сторонѣ противника, сосредоточиться къ ф. Млынекъ и слѣдовать вплотную за авангардомъ.

4. Артиллерія и парки, ген.-м. Фолимоновъ, — прикрытіе 2 роты 211 п. п. — вытянуться къ ф. Млынекъ и слѣдовать вплотную за главными силами.

5. Аріаргардъ, полк. Дрейеръ, всѣ оставшіяся части: 110, 112, 210, 211 и 212 п. п. съ находящеюся при нихъ артиллеріей — прикрывать отходъ частей корпуса на ф. Млынекъ.

6. Всѣ повозки обоза и пустые зарядные ящики и патронныя двуколки уничтожить".

Приказъ этотъ съ перваго слова до послѣдняго представляетъ собою пренебреженіе къ основнымъ требованіямъ тактики и полевого устава. Всѣ ошибки его слишкомъ наглядны, но надо все таки отмѣтить главнѣйшія.

а) При тѣхъ исключительныхъ условіяхъ обстановки, при которыхъ находился корпусъ, нельзя было скрывать отъ войскъ о полномъ окруженіи и необходимо было призвать всѣхъ къ послѣднему героическому усилію. б) Всѣ начальники дивизій наиболѣе опытные люди съ ихъ штабами были совершенно устранены отъ активнаго руководства операціей. в) Выборъ направленія на Жабицке-Курьянки для ночного движенія былъ совершенно неправиленъ, ибо онъ былъ наиболѣе кружный, войскамъ совершенно неизвѣстный; у ф. Млынекъ былъ лишь одинъ мостъ и, въ случаѣ его порчи, все движеніе прерывалось бы, такъ какъ брода тутъ не существовало и, наконецъ, было извѣстно, что Липскъ занятъ большими силами нѣмцевъ, прибывшихъ изъ Августова. г) Движеніе одной походной колонной было при наличномъ составѣ войскъ недопустимо. Одна артиллерійская колонна должна была занять въ глубину не менѣе 9 верстъ. д) Сосредоточеніе всѣхъ войскъ къ одной переправѣ въ лѣсу безъ указанія даже порядка и очереди подхода должно было вызвать большой безпорядокъ и нарушеніе всѣхъ предположеній, что и произошло. е) Пути для движенія слѣдовало намѣтить минуя населенные пункты, которые ночью всегда сильно заняты. ж) Въ прикрытіе къ огромной колоннѣ артиллеріи назначено всего 2 роты, что равносильно тому, что вся артиллерія заранѣе обрекалась на вѣрную гибель, что и случилось. з) Ни на кого не была возложена обязанность устанавливать въ извѣстномъ порядкѣ подходящія къ ф. Млынекъ войска, вслѣдствіе чего, еще въ сумерки артиллерія и парки заняли единственную дорогу въ 4 ряда и образовали плотную пробку. Сюда же хлынули и разные повозки обоза, которыя по прежнему никто не хотѣлъ уничтожать. и) Никто не наблюдалъ за порядкомъ на самой переправѣ, и тамъ царилъ хаосъ.

Когда въ Штабѣ корпуса доканчивали писать вышеуказанный приказъ, начинало темнѣть. Вдругъ совершенно внезапно со стороны д. Липинъ раздался сильнѣйшій взрывъ ружейнаго огня. Пули начали свистать надъ головами. Бросившись со своимъ штабомъ навстрѣчу отступавшимъ и задержавши ихъ, начальникъ 29 пѣх. дивизіи не замѣтилъ, какъ штабъ корпуса внезапно исчезъ, не оста-

вивъ даже маяка для указанія своего новаго мѣста нахожденія. Быстро стемнѣло. Невольно пришла въ голову мысль — какое счастье, что успѣли хоть принять рѣшеніе. Отправившись затѣмъ къ своему телефону и передавъ всѣ нужныя приказанія ген.-м. Чижову, начальникъ 29 пѣх. дивизіи прослѣдовалъ на ф. Млынекъ, приводя по дорогѣ въ порядокъ напиравшія со всѣхъ сторонъ артиллерію и парки и выкидывая прочь повозки обоза. Во время этого движенія наступила полная темнота и внезапно на небѣ появился отблескъ лучей сильнаго прожектора, медленно обводившій круги въ направленіи примѣрно отъ Липска. Тутъ вспомнился подслушанный у плѣнныхъ нѣмцевъ разговоръ, что подобный сигналъ будетъ обозначать полное окруженіе русскихъ.

Ночное движеніе отъ фольварка Млынекъ и гибель корпуса. Наступалъ послѣдній актъ кровавой драмы. Десятидневный походъ отъ р. Ангераппа до р. Волкушка при труднопроходимыхъ дорогахъ, почти отсутствіи всякой пищи и крова, ночлегахъ преимущественно на снѣгу и въ грязи съ непросыхающей, постоянно мокрой, обувью и одеждой, въ постоянныхъ бояхъ, ночныхъ движеніяхъ и пр. все это переутомило войска до крайнихъ предѣловъ. Многіе дѣйствовали безсознательно, какъ автоматы, слабовольные же разболтались въ конецъ. И тѣмъ не менѣе почти у всѣхъ сохранилось чувство святости исполняемаго послѣдняго долга.

Согласно приказа командира корпуса, ген.-м. Чижовъ приказалъ полкамъ авангарда прибыть на ф. Млынекъ къ 11 час. 45 мин. веч. и выступить на Жабицке въ 12 час. ночи.

На ф. Млынекъ генералъ Булгаковъ объявилъ, что штабъ корпуса пойдетъ непосредственно за авангардомъ и приказалъ штабу 29 пѣх. дивизіи и прочимъ штабамъ слѣдовать вплотную за нимъ. Никакихъ замѣстителей иазначено не было. Въ 11 час. вечера на ф. Млынекъ появился полк. Ольдерогге и доложилъ, что подходитъ Старорусскій полкъ.

Въ $11^1/_2$ час. вечера ген.-м. Чижовъ приказалъ 114 п. п., находившемуся уже на переправѣ, въ виду страшной тѣсноты на плотинѣ, перейти мостъ и продвинуться на $^1/_2$ версты впередъ, дабы освободить мѣсто. Полкъ ушелъ и исчезъ въ непроглядной тьмѣ. Гдѣ онъ остановился невозможно было опредѣлить, такъ какъ казаки, назначенные для связи, исчезли вмѣстѣ съ нимъ. Въ 11 час. 45 мин. вечера штабы сѣли на коней и перешли мостъ. Пройдя 200 шаговъ, остановились и опять запрудили дорогу. Тутъ розыскали ген.-м. Чижова и начальникъ 29 пѣх. дивизіи приказалъ ему немедленно возстановить связь съ Новоторжскимъ полкомъ и не давать отрываться послѣдующимъ частямъ. Черезъ нѣкоторое время, пробираясь по одному между конными людьми, прошелъ 113 п. п. Около $12^1/_2$ час. ночи подошла къ мельницѣ у фольварка голова колонны 115 п. п., причемъ командиръ полка мотивировалъ запозданіе трудностью вывести въ темнотѣ полкъ изъ боя близъ Липинъ, гдѣ онъ до того находился. При этомъ полку проводника не ока-

залось. По прошествіи нѣкотораго времени, примѣрно въ 1 ч. 30 м. ночи, изъ опроса людей выяснилось. что проходитъ Вяземскій полкъ. Въ это время ген.-м. Чижовъ уѣхалъ, а стоявшій впереди штабъ корпуса тронулся впередъ. Штабъ 29 пѣх. дивизіи прошелъ вплотную за нимъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе, начальникъ развѣдчиковъ, ѣхавшій впереди, доложилъ, что штаба корпуса больше не видно. Полагая, что онъ ушелъ впередъ за авангардомъ, такъ какъ ничего другого не могло быть, штабъ дивизіи продолжалъ движеніе по указанію своего надежнаго и отлично знающаго мѣстность проводника.

Когда подошли къ полянѣ въ лѣсу недалеко отъ д. Жабицке, неожиданно раздался выстрѣлъ и головной развѣдчикъ штаба дивизіи былъ убитъ выстрѣломъ въ упоръ. Вслѣдъ затѣмъ съ фронта и съ фланговъ начался частый огонь съ самыхъ близкихъ дистанцій. Очевидно подошли къ боевому расположенію нѣмцевъ. Неожиданно оказался здѣсь и ген.-м. Чижовъ, который упалъ къ коня и сильно расшибся. Пришлось отойти нѣсколько назадъ до лѣска, гдѣ и пріостановиться. Черезъ нѣкоторое время неожиданно подошелъ Вяземскій полкъ. Оказалось, что связи у него съ 1-ой бригадой не было и поэтому, пройдя около 1 версты, примѣрно, за ней и не видя никого передъ собой, онъ вернулся и наугадъ пошелъ по дорогѣ на Жабицке. Воспользовавшись этой случайностью, начальникъ 29 пѣх. дивизіи приказалъ полку выбить противника. Вяземцы опрокинули нѣмцевъ и двинулись дальше, но дойдя до д. Жабицке, наткнулись на большія силы и послѣ боя отошли назадъ. Обстановка стала разъясняться. Очевидно было, что авангардъ пошелъ по какой то другой дорогѣ и такъ какъ выстрѣловъ нигдѣ не было слышно, можно было предположить, что онъ прошелъ благополучно. Но гдѣ? Нельзя было оставаться среди поля въ темнотѣ и ждать тутъ разсвѣта. Необходимо было пробиться. Поэтому, бросивъ коней, стали пробираться вдоль фронта, чтобы найти выходъ. Но куда ни подходили, всюду освѣщались ракетами и обстрѣливались ружейнымъ и бомбометнымъ огнемъ. Между тѣмъ, надо было торопиться, до разсвѣта оставалось часа полтора. Было принято рѣшеніе пробираться въ лѣсъ, тамъ укрыться въ теченіе дня, а ночью пройти сквозь сторожевое охраненіе нѣмцевъ и выйти къ Гродно. Проводникъ повелъ на извѣстный ему бродъ черезъ р. Волькушекъ. Перешли по поясъ въ ледяной водѣ и двинулись дальше перебѣжками. Въ это время стало свѣтать; нарвались сначала на офицерскій разъѣздъ нѣмцевъ, а затѣмъ шагахъ въ 300 увидѣли наступающія германскія цѣпи... Судьба штаба дивизіи была рѣшена.

Въ эту самую трагическую ночь съ остальными частями произошло слѣдующее. Полки 1-ой бригады 29 пѣх. дивизіи, какъ стало извѣстно потомъ. не пошли на Жабицке. Они направились по знакомому имъ уже пути на Бартники и двинулись болотомъ по лощинѣ, бросивъ коней и повозки. Движеніе ихъ было вполнѣ благополучно и утромъ 8 февраля они прибыли въ Гродно. Остатки Вяземскаго полка собрались на опушкѣ недалеко отъ Жабицке и от-

бивались до 2 час. дня. Недалеко отъ нихъ оказался въ такомъ же положеніи одинъ баталіонъ 211 п. п. Примѣрно въ это же время командиръ Сибирскаго казачьяго полка, полковникъ Власовъ, собравъ сколько могъ казаковъ, пошелъ съ ними на прорывъ, атаковалъ непріятеля, былъ раненъ и умеръ впослѣдствіи въ плѣну. Ночью на единственной переправѣ артиллерія тщетно ожидала подхода главныхъ силъ пѣхоты и, не дождавшись ихъ, стала переходить на тотъ берегъ. Очутившись тутъ безъ прикрытія, она остановилась и не рѣшалась идти дальше. При этихъ обстоятельствахъ наступилъ разсвѣтъ и противникъ со всѣхъ сторонъ открылъ огонь. Тогда артиллерія заняла позицію и открыла огонь во всѣ стороны. Общаго руководства и тутъ не было, хотя инспекторъ артиллеріи и присутствовалъ. Когда разстрѣляны были всѣ патроны, настaлъ критическій моментъ. Кольцо противника сжималось. Тогда, не имѣя другого выхода, перестрѣлявъ лошадей, зарывъ или побросавъ въ р. Волькушекъ замки, панорамы и все, что можно было, артиллеристы большею частью разсыпались и малыми группами пытались прорваться, что нѣкоторымъ и удалось.

Полковникъ Бѣлолипскій съ остатками 27 пѣх. дивизіи прибылъ къ переправѣ передъ разсвѣтомъ, а 209 п. п. около полудня. Ихъ постигла общая участь. Что касается загадочнаго случая со штабомъ корпуса при движеніи отъ переправы у д. ф. Млынка, то оказалось слѣдующее. Командиръ корпуса, ген.-отъ-артил. Булгаковъ, когда перешли мостъ, слѣзъ съ коня и сѣлъ въ находившійся вблизи дороги окопъ. Чины штаба за темнотой не могли его розыскать. Съ разсвѣтомъ же всѣ перебрались дальше и расположились въ другомъ окопѣ. Къ нимъ присоединились прочіе начальники со своими штабами. Около полудня подошедшіе къ этимъ окопамъ нѣмцы взяли командира корпуса и всѣхъ начальниковъ съ ихъ штабами въ плѣнъ. Отъ арріергарда полк. Дрейера къ полудню уже не оставалось ничего, а самъ онъ счастливо пробрался къ Нѣману.

* * *

Такой невѣроятной катастрофой закончилось движеніе XX корпуса изъ Восточной Пруссіи къ Гроднѣ. Брошенный сосѣдями, слишкомъ слабо поддержанный извнѣ, плохо управляемый, онъ погибъ подъ стѣнами собственной крѣпости.

Только чувство врожденной дисциплины и опасеніе расшатать таковую въ столь критическую минуту въ войскахъ, могло сдержать отъ принятія крайнихъ, самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ такого управленія.

„Многочисленные штабы, огромные обозы, маленькія способности, большія пораженія“.

Данныя изъ нѣмецкихъ источниковъ. Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ разбору разсматриваемой операціи, необходимо для полноты картины привести нѣкоторыя свѣдѣнія изъ нѣмецкихъ источниковъ,

Всѣ дѣйствія нѣмцевъ отлично извѣстны изъ сочиненія Ханса Нимана — „Hindenburgs winterschlachtin Masuren“, — вышедшаго еще во время войны. Гинденбургъ почти три мѣсяца подготовлялъ эту операцію и организовалъ ее очень тщательно. Въ виду предстоящей форсировки, требующей полнаго напряженія физическихъ силъ, контингентъ былъ подобранъ почти исключительно изъ молодыхъ, получившихъ заботливую подготовку. Принимая во вниманіе дурное состояніе путей въ приграничной полосѣ и возможную въ февралѣ распутицу, артиллерія была взята преимущественно легкая, чтобы не задерживать движенія войскъ, а обозъ составленъ изъ легкихъ повозокъ, причемъ при каждой повозкѣ везлись полозья для постановки на нихъ въ случаѣ выпаденія снѣга. Личный составъ старшихъ начальниковъ былъ подобранъ изъ людей извѣстныхъ ген. Гинденбургу. Цѣлью наступленія ставилось не только пораженіе, но полное окруженіе X русской арміи или по крайней мѣрѣ большей части ея. Для этого нѣмецкая армія ген. Белова изъ 3-хъ корпусовъ, стоявшая на р. Ангераппѣ и вдоль линіи Мазурскихъ озеръ, должна была приковать къ себѣ все вниманіе, ведя безпрерывно артиллерійскій огонь и воздушную развѣдку надъ нашими позиціями. Тѣмъ временемъ за ея флангами должна была сосредоточиться сильная ударная группа для охвата обоихъ нашихъ фланговъ и обхода въ тылъ. На правомъ своемъ флангѣ они сосредоточили корпуса генераловъ Фалка и Лицмана, а изъ за лѣваго фланга выдвинули армію Эйхгорна изъ 3-хъ корпусовъ. 25, 26, 27 и 28 января, когда эти ударныя группы уже опрокинули наши фланговыя части и двигались безостановочно, заходя концентрически въ охватъ нашей X арміи, армія Белова стояла на мѣстѣ и только 29 января пошла впередъ. Но при этомъ она подвигалась не торопясь, не насѣдала и только старалась иногда задерживать арріергарды, что особенно проявилось въ раіонѣ 29 пѣх. дивизіи у Ведерна и подъ Сувалками. Прилагаемая схема № 5 ясно показываетъ постепенность движенія нѣмцевъ.

Въ томѣ IV журнала „der Volkerkrieg“, C. H. Baer приводится свѣдѣніе изъ записной книжки лѣвофлангового начальника дивизіи арміи Эйхгорна. Эта дивизія въ ночь съ 2 на 3 февраля, т. е. когда XX корпусъ только началъ выступать изъ Сувалокъ, заняла Сопоцкинъ пѣхотными частями, высланными на подводахъ и захватила здѣсь огромные обозы. 3 февраля одна бригада этой дивизіи двинута изъ Сопоцкина для занятія Липска и переправы на Бобрѣ по шоссе изъ Августова. Въ Липскѣ захвачены опять огромные обозы. Дивизія послѣ этого была разбросана малыми частями на фронтѣ 12 верстъ. Въ резервѣ имѣлось всего 6 ротъ. Въ это время со стороны Гродны началось наступленіе русскихъ. Но въ ночь съ 3 на 4 февраля оно было отбито и русскіе отброшены. 5 февраля къ пѣхотной дивизіи присоединилась 1 кавалерійская бригада. Попытки русскихъ со стороны лѣса были отбиты. 6 февраля прибыла изъ Августова еще 1 дивизія пѣхоты и тогда кольцо крѣпко сомкнулось. Въ этотъ день отбита новая попытка русскихъ на прорывъ со стороны лѣса. 8 февраля со стороны Гродно на Голынку двинутъ рус-

скій II арм. корпусъ. Но было поздно. Въ началѣ всѣ силы нѣмецкихъ дивизій были направлены на западъ и въ резервѣ въ Голынкѣ было всего 4 роты. Но успѣли повернуть всю артиллерію фронтомъ на востокъ и затѣмъ двинули туда освободившуюся, вслѣдствіе плѣненія русскаго XX корпуса пѣхоту. Наступленіе русскихъ изъ Гродно было отбито съ большими потерями.

Оцѣнивая вышеприведенныя свѣдѣнія о противникѣ, ясно видно, что въ первоначальной стадіи его наступленія, съ 25 по 29 января, фланговые корпуса нашей X арміи не оказали ему должнаго сопротивленія и движеніе его совершалось съ большой быстротой и безъ выстрѣла. III-й корпусъ ген. Епанчина, бывшій на правомъ флангѣ, быстро отошелъ къ Нѣману, бросивъ XX корпусъ на произволъ судьбы. Послѣдній при лучшемъ управленіи еще 4 февраля вечеромъ могъ быть сосредоточенъ на р. Волкушекъ, имѣя противъ себя на фронтѣ отъ Сопоцкина до Липска всего лишь одну пѣхотную дивизію и одну кавалерійскую бригаду противника и атакуя 5 февраля общими силами могъ съ полными данными на успѣхъ прорваться къ Гроднѣ. Наконецъ, 8 февраля при лучшей огранизаціи марша и при соотвѣтствующемъ управленіи, можно было бы подъ прикрытіемъ I-й бригады 29 пѣх. дивизіи уже ведшей здѣсь бой и знакомой съ мѣстностью, выйти за ночь на Гродненское шоссе и тутъ, развернувъ артиллерію, ударить въ тылъ нѣмецкимъ частямъ, которыя были заняты боемъ съ нашимъ II корпусомъ, вышедшимъ противъ нихъ изъ Гродны. Конечно, потери были бы и тутъ огромныя, но зато многимъ удалось бы прорваться и спастись, нанеся и нѣмцамъ существенный уронъ.

Переходя къ общей оцѣнкѣ дѣятельности нашего высшаго командованія, штаба X арміи необходимо отмѣтить:

а) Въ періодъ до начала отступленія крайнюю растяжку арміи, не взирая на постояннное ея ослабленіе, вслѣдствіе отправки частей на другіе фронты. Необезпеченность фланговъ, отсутствіе резервовъ, что дѣлало ее неустойчивой въ любой точкѣ.

б) Сильнѣйшее и постоянное изнуреніе войскъ, благодаря непрерывнымъ окопнымъ работамъ при крайне тяжелыхъ условіяхъ почвенныхъ и близости противника.

в) ослабленіе вниманія войскъ и ихъ начальниковъ разными мелочными распоряженіями и необращеніе никакого вниманія и даже почти фактическое лишеніе возможности организовать и вести систематическую боевую подготовку прибывающихъ совершенно необученныхъ укомплектованій.

г) Почти полная бездѣятельность интенданства арміи въ смыслѣ организаціи правильнаго подвоза и хлѣбопеченія.

д) Неподготовка тыловыхъ путей и отсутствіе этаповъ, снабженныхъ продовольствіемъ, что при отходѣ арміи гибельно вліяло на ея духъ и подрывало силы.

е) Совершенная неподготовленность тыловыхъ позицій, дѣйствительно перехватывающихъ главныя направленія, особенно же флан-

говыя, которыя дали бы возможность надежно сдержать хоть первый напоръ противника и тѣмъ нарушить его планы.

ж) Упущеніе изъ рукъ руководства операціями III корпуса генерала Епанчина, благодаря чему, между прочимъ, придача XX корпусу 3-ей кавалер. дивизіи оказалось чисто фиктивной мѣрой.

з) Когда III корпусъ обнажилъ флангъ арміи, то упорствованіе въ предвзятой мысли, что не слѣдуетъ отступать, благодаря чему два дня были безвозвратно потеряны (27 и 28 января), — послужило къ гибели XX корпуса.

и) Нерѣшительность въ постановкѣ цѣлей, что повело къ безцѣльному занятію Гольдапской позиціи съ потерею времени, когда флангъ ея уже былъ обойденъ.

і) Упущеніе изъ рукъ руководства операціей, выразившееся въ томъ, что 31 января, находясь въ Сувалкахъ, командующій арміей не взялъ въ свои руки руководства обоихъ остававшихся еще при немъ корпусовъ XX и XXVI, а, бросивъ ихъ, уѣхалъ въ Гродно, благодаря чему оба корпуса дѣйствовали безсвязно, а XXVI корпусъ, кромѣ того, вопреки основнымъ требованіямъ тактики и военной этики, бросилъ XX корпусъ на гибель, не оказавъ ему никакого содѣйствія.

к) Наконецъ, будучи въ Гродно и зная, что XX корпусъ остался совсѣмъ одинокимъ въ Августовскихъ лѣсахъ, командующій арміей не принялъ болѣе энергичныхъ и рѣшительныхъ мѣръ для его выручки и спасенія, для чего между прочимъ не были использованы ни прибывшій уже въ Гродно XXVI корпусъ, ни 1-я бригада 29 пѣх. дивизіи, прорвавшаяся изъ лѣсовъ въ ночь на 3 февраля.

Главнѣйшія ошибки въ управленіи со стороны штаба XX корпуса выразились въ слѣдующемъ:

а) Не было разработано никакого опредѣленнаго плана операціи въ соотвѣтствіи съ создавшейся обстановкой, благодаря чему всѣ распоряженія носили чисто случайный характеръ и не вытекали изъ одной общей основной идеи. При этомъ приказы были исключительно словесные, передаваемые къ тому же прямо исполнителямъ помимо ихъ прямыхъ начальниковъ, вслѣдствіе чего никто не былъ оріентированъ въ обстановкѣ и все узнавалось лишь случайно.

б) Съ момента сосредоточенія корпуса къ Сувалкамъ командиръ корпуса взялъ на себя единоличное управленіе всѣми войсками, командуя ими подчасъ, какъ ротой и при этомъ не допускалъ никакого обсужденія обстановки. Рѣзкими мѣрами и перемѣшиваніемъ частей фактически устранилъ начальниковъ 29 и 53 пѣх. дивизій отъ управленія, такъ что инициатива съ ихъ стороны могла бы проявиться только въ случаѣ явнаго неповиновенія и прямого нарушенія приказовъ.

в) Совершая отступательный маршъ-маневръ, надлежало разсредоточить войска и обозы, направляя ихъ широкимъ фронтомъ по разнымъ дорогамъ, а между тѣмъ весь корпусъ съ его обозами былъ стянутъ въ одну точку въ Сувалки.

г) Дальнѣйшее движеніе черезъ Августовскіе лѣса къ р. Волькушекъ, вопреки основъ военной науки, совершено одной общей колонной въ перемежку войска и обозы, несмотря на то, что на лицо представлялось три пути для каждой дивизіи. Во время слѣдованія лѣсомъ три раза представлялись случаи частичнаго исправленія этой ошибки, а именно 2 февраля подъ Бризгелемъ, 3 февраля во время боя подъ Махорцами и 4 февраля у Микашевки, когда подчиненный начальникъ предлагалъ сворачивать свободныя части на болѣе южные пути.

д) Мысль направить боковой авангардъ на Гибы явилась слишкомъ поздно. Движеніе его могло начаться съ утра 1 февраля, такъ какъ уже 31 января было извѣстно, что Сейны заняты противникомъ и для этого движенія нужно было лишь воспользоваться частями 29 пѣх. дивизіи, шедшими уже въ указанномъ направленіи. Личность начальника бокового авангарда была намѣчена весьма неудачно, къ тому же онъ не получилъ никакой оріентировки и связи съ нимъ организовано не было. Благодаря этому, онъ не пранялъ участія во время боя подъ Махорцами и своимъ быстрымъ уходомъ на востокъ, подвелъ подъ частное пораженіе Малоярославскій полкъ, потерявшій подъ Глембоки-Бродомъ почти цѣликомъ два баталіона. Далѣе, благодаря тому же отсутствію оріентировки, начальникъ бокового авангарда поставилъ себѣ 5 февраля самостоятельную цѣль прорыва къ Гродно, которая только потому не была выполнена, что онъ въ этотъ день не отважился атаковать нѣмцевъ.

е) Создавшаяся и вполнѣ ясная уже къ 1 февраля обстановка повелительно требовала наискорѣйшаго движенія къ Гродно для вывода войскъ изъ подъ ударовъ противника. Противникъ обходилъ и стремился отрѣзать отъ базы. Можно было подойти къ р. Волькушекъ южнымъ путемъ 3 февраля вечеромъ. и двумя болѣе сѣверными путями 4 февраля. Затѣмъ 5 февраля утромъ вступить въ бой съ полной надеждой на успѣхъ. Для этого надо было только выдвигать впередъ сильные авангарды.

ж) Корпусъ былъ перегруженъ черезъ мѣру массою обозовъ всѣхъ разрядовъ. Уже въ Сувалкахъ ясно было, что спасти войска и обозы одновременно невозможно. Необходимо было пожертвовать послѣдними. Но этого никто и знать не хотѣлъ и едва ли не въ одной только 29 пѣх. дивизіи была произведена полная чистка и уничтоженіе обозовъ.

з) Начиная съ 1 февраля не было никакой связи ни съ командующимъ арміей, ни съ сосѣднимъ XXVI корпусомъ, ни тѣмъ болѣе съ III корпусомъ и 3-й кавал. дивизіей, ни, какъ было указано, съ боковымъ авангардомъ ген.-м. Чижова. Такимъ образомъ, корпусъ дѣйствовалъ какъ бы внѣ окружающей обстановки тѣмъ болѣе, что и развѣдки о противникѣ никакой не велось. Между тѣмъ, имѣвшійся при штабѣ корпуса безпроволочный телеграфъ отправленъ былъ впередъ съ обозомъ и попалъ въ руки непріятеля.

и) Движеніе въ теченіе 4 и 5 февраля происходило съ необезпеченными флангами, благодаря чему даже штабъ корпуса 5 фев-

раля близъ Рудавки попалъ внезапно подъ фланговый огонъ изъ-за канала.

і) Въ послѣднюю критическую минуту рѣшеніе пробиться принято только подъ давленіемъ частнаго начальника, причемъ для выполненія этой операціи отданъ ни съ чѣмъ не сообразный приказъ и даже не принято никакихъ мѣръ къ его выполненію. Все дѣлалось только какъ бы для отбытія номера.

Упуская далѣе всѣ болѣе мелкія безчисленныя замѣчанія, которыя сами собою наглядно выяснились при описаніи операціи, нельзя однако въ заключеніе оставить безъ обсужденія ту роль, которую сыгралъ во всемъ этомъ дѣлѣ начальникъ штаба корпуса, ген.-м. Шемякинъ. Какъ видно было, во время всей Сувалкской операціи, ген.-м. Шемякинъ не только совершенно устранилъ себя отъ возложенной на него закономъ обязанности докладчика и ближайшаго совѣтника командира корпуса, но и оставилъ всякое руководство оперативными дѣлами штаба корпуса. Такое отношеніе къ дѣлу нельзя не признать прямо преступнымъ. Если начальникъ штаба корпуса считалъ себя къ этой должности неспособнымъ, то по долгу службы, онъ долженъ былъ себя своевременно устранить. Если же, что тоже возможно, его отношенія къ командиру корпуса были неудовлетворительны, такъ какъ тонъ ген.-отъ-артил. Булгакова рѣдко кто выдерживалъ, то и тутъ долгъ начальника штаба требовалъ принести свое личное самолюбіе въ жертву, ради высокой цѣли защиты родины. Можно почти съ увѣренностью сказать, что ген. Шемякинъ при желаніи могъ бы многое смягчить и даже устранить. Единства духовной связи между начальникомъ штаба и командиромъ корпуса не существовало. Между ними царила рознь и непониманіе другъ друга. Въ этой работѣ мелкаго самолюбія никто не хотѣлъ уступить.

Между тѣмъ только дружными совмѣстными усиліями, полнымъ самоотреченіемъ во имя общаго блага, только напряженіемъ всѣхъ умственныхъ и физическихъ силъ и приложеніемъ къ дѣлу выводовъ военной науки и опыта исторіи, только этимъ и можно было спасти корпусъ.

А. РОЗЕНШИЛЬДЪ-ПАУЛИНЪ.

Краткій очеркъ обороны крѣпости Осовца въ 1915 г.

(Изъ воспоминаній участника обороны).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ самаго начала Великой Европейской войны цѣлый рядъ крѣпостей былъ взятъ нѣмцами въ самый короткій срокъ. Это создало впечатлѣніе невозможности длительнаго сопротивленія крѣпостей при наличіи могущественной осадной артиллеріи, коей располагали нѣмцы.

Въ дальнѣйшемъ, добровольный отказъ отъ обороны нѣкоторыхъ крѣпостей и быстрое паденіе другихъ, нерѣдко вслѣдъ за короткой бомбардировкой, даже безъ предварительнаго обложенія ихъ, утвердило многихъ въ мнѣніи о безполезности крѣпостей. Въ конечномъ итогѣ, въ теченіе войны только двѣ крѣпости по длительности обороны выполнили свое назначеніе: Верденъ на западѣ и Осовецъ на востокѣ. Первая удержалась до конца войны, вторая была полностью эвакуирована и уничтожена спустя $6^1/_2$ мѣсяцевъ послѣ начала боевъ подъ крѣпостью по соображеніямъ оперативнаго характера, причемъ тогда, когда сила сопротивляемости ея значительно возросла вслѣдствіе работъ, произведенныхъ въ крѣпости.

Но Верденъ, по той массѣ войскъ, которыя принимали участіе въ борьбѣ сверхъ состава гарнизона, по характеру борьбы, вылившейся въ рядѣ встрѣчныхъ столкновеній на фронтѣ, на которомъ крѣпость составляла лишь небольшой участокъ и вслѣдствіе примѣненія обороняющимся мощной тяжелой артиллеріи не являетъ собой примѣра для составленія заключеній объ обороноспособности собственно самой крѣпости и ея роли и значеніи въ общемъ ходѣ операцій на направленіи Верденъ — Парижъ.

Между тѣмъ Осовецъ, представлявшій собой крѣпость 3-го класса, незаконченной постройки, боролся самостоятельно, протягивая фронтъ обороны въ обѣ стороны верстъ на 20 — 25.

Правда, составъ гарнизона его мѣнялся, но численность его всегда уступала противнику, равно какъ и снабженіе техническими средствами борьбы, причемъ самымъ крупнымъ калибромъ артиллеріи были 6 дюймовыя пушки; въ то время какъ противникъ располагалъ артиллеріей до $16^1/_2$ дюймоваго калибра включительно и тѣми же техническими средствами борьбы, кои примѣнялись имъ и при осадѣ другихъ первоклассныхъ крѣпостей на нашемъ и на западномъ фронтахъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго мы и считаемъ не безполезнымъ ознакомить читателей съ краткимъ очеркомъ борьбы за Осовецъ на основанiи матерiаловъ штаба крѣпости и личныхъ воспоминанiй, какъ участника этой славной страницы нашей борьбы съ нѣмцами.

ОПИСАНIЕ РАIОНА БОРЬБЫ И САМОЙ КРѢПОСТИ*).

Раiонъ борьбы включалъ въ себя мѣстность по обѣ стороны частью шоссейной, частью разработанной грунтовой дороги, проложенной вдоль желѣзной дороги изъ предѣловъ Восточной Пруссiи черезъ Просткенъ, Граево къ Осовцу. Къ востоку отъ этой дороги мѣстность очень закрытая, болотистая. Къ западу отъ жел. дороги и вдоль нее — холмистая, покрытая лѣсными группами. Удобныхъ позицiй до линiи Пржеходы, Цемношiе, Волька Бржозова, Бѣлашево, Климашевница нѣтъ.

Эта позицiя, протяженiемъ около 12 верстъ, могла быть раздѣлена на 3 участка Рудскимъ каналомъ и непроходимыми въ весеннее время болотами между д. Сойчинекъ и Климашевница. Позицiя не обладала выгодными свойствами, такъ какъ впереди нее имѣлись высоты и закрытыя пространства въ видѣ лѣсовъ, селенiй и обратныхъ склоновъ холмовъ.

Укрѣплена была слабо и только южнѣе д. Цемношiе и у д. Бѣлашево имѣлись болѣе или менѣе сносные окопы съ проволочными загражденiями; на остальномъ фронтѣ окопы преимущественно для стрѣльбы съ колѣна или стоя, но частью обвалившiеся и занесенные снѣгомъ, съ искусственными препятствiями въ видѣ засѣкъ, частью слишкомъ удаленныхъ, частью не обстрѣливаемыхъ съ линiи огня. Убѣжищъ для резевовъ не было, равно какъ и разработанныхъ ходовъ сообщенiя. Изломъ позицiи южнѣе д. Волька Бржозова позволялъ артиллерiи противника обстрѣливать нѣкоторые участки не только продольнымъ, но и тыльнымъ огнемъ.

Подступы къ позицiи могли обстрѣливаться крѣпостной артиллерiей почти съ предѣльныхъ дистанцiй.

Въ тылу этой позицiи имѣлся другой рубежъ, болѣе удобный для обороны, накъ называемая С о с н е н с к а я п о з и ц i я*). Позицiя также была слабо укрѣплена и не на всемъ фронтѣ имѣла хорошiй ружейный и пулеметный обстрѣлъ; со стороны крѣпости она имѣла могущественную артиллерiйскую поддержку. Отходъ съ позицiи въ крѣпость былъ возможенъ только по узкому дефиле болотъ долины Бобра на протяженiи $1^1/_2$ верстъ.

Лѣвый флангъ ея упирался въ болота у д. Сосни, входившей въ составъ позицiи; правый — въ болота восточнѣе д. Бѣлогронды. Позицiя пересѣкалась Рудскимъ каналомъ съ единственной мостовой переправой.

---

*) Схема №№ 1 и 2.
**) Схема № 2.

Раіонъ впереди Сосненской позиціи всхолмленный и въ значительной своей части покрытый лѣсомъ, съ желѣзной дорогой и хорошими грунтовыми дорогами къ д. Цемношіе, Пеніонжки, Бѣлашево, Климашевница представлялъ отличныя условія для размѣщенія осадной артиллеріи.

Р. Бобръ у крѣпости имѣетъ ширину отъ 10 до 25 саж., во многихъ мѣстахъ, особенно въ засуху, проходима въ бродъ, течетъ въ широкой мѣстами до 3–4 верстъ болотистой долинѣ, большею частью открытой, болѣе непроходимой на участкѣ ниже крѣпости. Въ сухую погоду болота сильно пересыхаютъ и по болѣе возвышеннымъ мѣстамъ становятся доступными не только для движенія пѣхоты, но и легкой артиллеріи. Тоже и въ періодъ морозовъ, сковывающихъ ледъ какъ на рѣкѣ, такъ и въ каналахъ и болотахъ.

Мостовыя переправы черезъ Бобръ имѣлись лишь въ раіонѣ самой крѣпости — одна желѣзнодорожная и одна для перевозки тяжестей.

Наиболѣе трудные моменты обороны крѣпости протекли – одинъ въ періодъ морозовъ, доходившихъ до 17 градусовъ, другой — послѣ длительной засухи, когда были утрачены р. Бобромъ и болотами выгодныя свойства серьезнаго препятствія.

Крѣпость представляла систему 4-хъ фортовъ, расположенныхъ на грядѣ преимущественно песчаныхъ холмовъ въ центрѣ поросшихъ крупнымъ сосновымъ лѣсомъ, а на лѣвомъ флангѣ молодымъ и рѣдкимъ. Кромѣ этихъ лѣсовъ въ крѣпости имѣлось много искусственныхъ насажденій, лишь въ лѣтнее время дававшихъ хорошую маскировку. На правомъ берегу Бобра находился фортъ № 2, который образуя вмѣстѣ съ прилегающимъ къ нему валомъ, такъ называемую „Зарѣчную позицію“, прикрывалъ мостовыя переправы черезъ Бобръ и обезпечивалъ обороняющемуся владѣніе обоими берегами рѣки. Отъ нечаяннаго нападенія съ фронта Зарѣчная позиція была обезпечена водянымъ рвомъ, съ фланга болотами. Она не имѣла должной маскировки, закрытій и надежныхъ убѣжищъ для всего гарнизона.

Но зато эта позиція давала до нѣкоторой степени продольную оборону долины Бобра и находясь въ $1^1/_2$—2 верстахъ впереди главной крѣпостной позиціи, отдаляла расположеніе осадной артиллеріи противника.

Ядромъ крѣпости являлись форты № 1 и № 3, которые съ общимъ объединяющимъ ихъ гласисомъ, образовывали маленькій плацдармъ въ $3^1/_2$ верты по фронту и отъ $^3/_4$ до $2^1/_2$ вер. въ глубину. Этотъ плацдармъ, являвшійся главнымъ сосредоточіемъ крѣпостной артиллеріи и всякихъ складовъ, вслѣдствіе небольшой глубины, прострѣливался насквозь.

Южнѣе находился фортъ № 4 и сѣверо-восточнѣе на Гоніондзкихъ высотахъ намѣчался къ возведенію фортъ № 5, но къ его сооруженію не приступали, почему на этихъ важныхъ, командующихъ надъ крѣпостью высотахъ, пришлось ограничиться постройкой полевыхъ укрѣпленій.

Плацдармъ съ фортомъ 4-ымъ и Ломжинскимъ редутомъ временнаго характера восточнѣе его соединялся окопами полевой профили. Роль препятствій выполнями р. Бобръ и водяные рвы.

Помимо стѣсненности внутренняго плацдарма, слабой стороной крѣпости являлось недостаточное обезпеченіе гарнизона надежными убѣжищами, которыхъ едва хватало на 50% бойцовъ.

На высотахъ лѣваго берега Бобра, ниже Осовца, имѣлись лишь слабыя укрѣпленія полевого типа, совершенствовавшіяся уже во время осады крѣпости.

ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНІЕ ОСОВЦА ВЪ СВЯЗИ СЪ НАЛИЧНЫМИ УСЛОВІЯМИ ОБСТАНОВКИ.

Общее значеніе Осовца опредѣлялось тѣмъ, что онъ лежалъ на болотистомъ, лишенномъ другихъ переправъ, участкѣ р. Бобра, пересѣкаемомъ въ раіонѣ крѣпости желѣзной дорогой и разработанной грунтовой дорогой, ведшихъ изъ предѣловъ Восточной Пруссіи черезъ Граево къ важному Бѣлостокскому узлу въ тылъ тѣхъ нашихъ армій, кои оперировали западнѣе линіи Бѣлостокъ — Брестъ Литовскъ. Къ 20-мъ числамъ января 1915 года обстановка складывалась такъ*). Наша X армія занимала позицію Ландсдененъ — Арисъ противъ сильно укрѣпившагося противника, Для обезпеченія лѣваго фланга ея въ раіонъ Іоганисбургъ, Винцента, Кольно, Щучинъ была выдвинута 57 пѣх. дивизія 3-хъ полкового состава съ казачьимъ полкомъ, составившими отрядъ подъ названіемъ „Щучинскаго", державшимъ связь съ конницей и ополченскими частями, занимавшими промежутокъ до I арміи, дѣйствовавшей на Млавскомъ направленіи.

Имѣлись свѣдѣнія о сосредоточеніи противникомъ значительныхъ силъ въ Восточной Пруссіи, почему было приступлено къ формированію новой, XII арміи. для дѣйствій въ промежуткѣ между X и I арміями.

На возможность X арміи удержаться на занятомъ ею рубежѣ, видимо, Командованіе не надѣялось, такъ какъ откомандированная въ ея распоряженіе крѣпостная артиллерія Гродны, Ковны и Осовца была снята съ позицій и отправлена по своимъ крѣпостямъ.

Къ 24 января обнаружился нажимъ значительныхъ силъ нѣмцевъ на фланги X арміи и на Щучинскій отрядъ. Съ утра 25 противникъ обрушился почти $1^1/_2$ корпусами на фронтъ Винцента — Іоганисбургъ, занятый Щучинскимъ отрядомъ. Въ теченіе 25 января шелъ бой, доходившій до штыковыхъ схватокъ и дѣйствія артиллеріи съ установкой на картечь; Щучинскій отрядъ, потерявъ болѣе 50% пѣхоты и 12 орудій, вынужденъ былъ къ отходу: большая часть отошла на Осовецъ черезъ Щучинъ, остальныя кружнымъ путемъ черезъ Ломжу.

X армія также была принуждена противникомъ къ отходу за Нѣманъ и за верхній Бобръ.

---

*) Схема № 1.

Тѣмъ временемъ началось сосредоточеніе XII арміи въ Ломжинскомъ раіонѣ, а на гарнизонъ Осовца, до прибытія потрепанныхъ частей 57 пѣх. дивизіи, состоявшій изъ запасныхъ, ополченскихъ и пограничныхъ частей была возложена задача оборонять весь почти 50 верстный интервалъ между X и XII арміями.

При такихъ условіяхъ роль Осовца была пассивнаго характера; однако, сохраненіе свободы дѣйствій на обоихъ берегахъ Бобра являлось чрезвычайно важнымъ въ цѣляхъ развитія активныхъ дѣйствій въ направленіи такихъ важныхъ узловъ путей какъ Лыкъ и Іоганнисбургъ.

Въ слѣдующій затѣмъ періодъ наступательныхъ операцій X и XII армій и перехода ихъ вновь къ оборонѣ, Осовецъ связывалъ эти арміи, обороняя 50 верстный фронтъ съ сравнительно ничтожными силами, причемъ, благодаря удержанію передовой позиціи, поддерживалъ съ противникомъ тѣсное соприкосновеніе, создавая ему постоянную угрозу перехода въ наступленіе.

При новомъ лѣтнемъ нажимѣ противника по всему нашему фронту, когда онъ, пользуясь нашимъ недостаткомъ въ вооруженіи и въ боевыхъ припасахъ, вынудилъ насъ оставить Привислянскій Край и начать глубокій отходъ на востокъ, роль Осовца до крайности возросла, такъ какъ прорывъ у него грозилъ катастрофой нашимъ арміямъ, дѣйствовавшимъ въ раіонѣ къ западу отъ линіи Осовецъ — Бѣлостокъ — Брестъ.

Съ выходомъ же отходящихъ частей на эту линію для дальнѣйшаго движенія на востокъ, удержаніе Осовца утрачивало свое значеніе, такъ какъ съ южной стороны онъ могъ быть взятъ въ самое короткое время, между тѣмъ, какъ его вооруженіе, запасы и гарнизонъ представляли большую цѣнность для нашихъ армій.

О томъ значеніи, которое придавалось германскимъ командованіемъ взятію Осовца, по тому „почтенію", которое они питали къ его силѣ сопротивляемости, свидѣтельствуетъ многократное упоминаніе о немъ генераломъ Людендорфомъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", къ сожалѣнію, однако не всегда ясныхъ и правдивыхъ, почему во многихъ мѣстахъ его труда, касающихся вопроса борьбы за Осовецъ, чувствуется натяжка и стремленіе затушевать непріятную для себя истину.

Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не безинтереснымъ для читателей отмѣтить слѣдующія выдержки изъ его труда. Касаясь январьскаго перехода въ наступленіе, генералъ Людендорфъ говоритъ: „Въ основѣ операціи лежалъ планъ атаки Осовца самыми тяжелыми калибрами" и далѣе: „8-ая армія продолжала выполнять свою задачу — готовиться къ штурму Осовца". Затѣмъ онъ говоритъ: „Наступленіе на Осовецъ тоже пока не дало никакихъ положительныхъ результатовъ". Дальше имъ дѣлается указаніе, что пришлось отдать распоряженіе о пріостановкѣ наступленія на Осовецъ по топографическимъ и климатическимъ условіямъ, приводя аргументы, не отвѣчающіе дѣйствительности. Такъ онъ говоритъ, что командующія высоты южнаго берега Бобра не позволили размѣстить нѣмецкую артиллерію

такъ, чтобы крѣпостныя сооруженія вошли въ сферу досягаемости этой артиллеріи. Это не вѣрно: нѣмецкая артиллерія прострѣливала крѣпость и снаряды ложились часто въ 4 – 5 версахъ за крѣпостью.

Переходя къ части его „Воспоминаній", касающихся лѣтняго наступленія, отмѣтимъ его фразу „Выгоднѣе всего было наступать на линію Осовецъ—Гродно, а можетъ быть и Ломжу; мы изслѣдовали болотистую почву по обѣ стороны Осовца, ища переправъ, результаты были отрицательные". Здѣсь опять передержка: во-первыхъ, необыкновенно жаркое лѣто высушило болота и мы имѣли возможность „на болотахъ" протянуть нашу передовую позицію на востокъ почти на 10 верстъ, а во-вторыхъ, почему же они тѣмъ не менѣе произвели 24 іюля газовый штурмъ съ такой увѣренностью въ успѣхъ, что приказано было имѣть обозы запряженными, о которомъ однако ген. Людендорфъ умалчиваетъ въ своемъ трудѣ. Далѣе онъ говоритъ: „8-ая армія вдвинулась въ узкое пространство между Наревомъ и Бѣлостокомъ для взятія съ юга Осовца, который и палъ 22 августа: мы хотѣли брать его съ востока и съ сѣвера, а взяли съ юга: такова война".

Хотя въ этой фразѣ существенная неточность, такъ какъ взятъ былъ не Осовецъ, а его развалины, почему и нельзя сказать, что „онъ палъ", но зато, во-первыхъ, ею удѣляется Осовцу много чести, а именно, взятія его, хотя бы и на бумагѣ, „цѣлой 8-ой арміей", а во-вторыхъ, она лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильна была у германскаго командованія жажда овладѣнія крѣпостью.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРЕДОВОГО ОТРЯДА*).

Сбивъ нашу X армію, противникъ, наступая своимъ правымъ флангомъ по пограничному шоссе, пролегавшему черезъ м. Простскенъ, вынудилъ ее къ отступленію за Нѣманъ и Верхній Бобръ.

Между тѣмъ, къ 28 января еще не закончилась полностью эвакуація станціи Граево, а въ крѣпости Осовецъ не были окончены нѣкоторыя работы по приведенію ее въ оборонительное состояніе и по установкѣ крѣпостной артиллеріи, до того времени находившейся на позиціяхъ X арміи.

Между тѣмъ, чрезвычайно важно было установить тѣсное соприкосновеніе съ противникомъ и оттянуть часть силъ его, преслѣдовавшихъ X армію въ направленіи на Райгородъ, держа его подъ угрозой наступленія отъ Граева на Простскенъ и Лыкъ во флангъ и въ тылъ.

Съ этой цѣлью изъ частей гарнизона былъ сформированъ передовой отрядъ ген.-м. Омельяновича, въ составѣ запаснаго баталіона, нѣсколькихъ ротъ ратниковъ ополченія, 8 сотенъ казаковъ и Землянскаго полка 57 пѣх. дивизіи съ батареей.

Для несенія собственно гарнизонной службы и производства крѣпостныхъ работъ были оставлены Задонскій полкъ 57 пѣхотной

*) Схема № 1.

дивизіи, вышедшій изъ боя подъ Іоганнисбургомъ въ составѣ всего 400—450 штыковъ, саперная полурота и 5—6 ротъ пограничниковъ и ратниковъ ополченія.

Третій полкъ 57 пѣх. дивизіи, Епифанскій, съ 2-мя батареями, только что прибывшій изъ Кольно черезъ Ломжу, долженъ былъ присоединиться къ передовому отряду, выступивъ на слѣдующій день.

Передовой отрядъ прибылъ въ Граево рано утромъ 29 января и повелъ наступленіе на Простkенъ, но встрѣтивъ сильное сопротивленіе противника, пріостановился и окопался въ $1^1/_2$—2 верстахъ сѣвернѣе города.

Артиллерія взяла подъ обстрѣлъ пограничное шоссе черезъ Простkенъ, по которому наблюдалось безпрерывное движеніе войскъ и обозовъ противника на востокъ. Противникъ, выдѣливъ часть силъ противъ Граевскаго отряда, стремился обойти его съ обоихъ фланговъ и хотя подошедшій Епифанскій полкъ усилилъ лѣвый флангъ отряда, тѣмъ не менѣе послѣ ряда попытокъ отбросить противника, ему, обойденному съ обоихъ фланговъ, пришлось въ ночь на 2 февраля отойти къ с. Руды. Въ теченіе дня 2 февраля противникъ сталъ обтекать лѣвый флангъ позиціи и къ вечеру накопилъ здѣсь значительныя силы; такъ какъ ночной атакой онъ могъ поставить отрядъ въ крайне опасное положеніе вслѣдствіе того, что восточнѣе жел. дороги и сопровождавшей ее большой грунтовой дороги простиралось болотистое бездорожное пространство, начальникъ отряда рѣшилъ въ теченіе ночи отвести отрядъ на передовую позицію Капице, Цемношіе, Бѣлашево, Климашевница (схема № 2).

Отрядъ спокойно отошелъ на эту позицію.

Въ теченіе дня 3 февраля противникъ приблизился къ сторожевому охраненію, пытаясь мѣстами оттѣснить его.

Наши части устраивались на новой позиціи и вели работы по очисткѣ окоповъ частью заплывшихъ, частью совершенно засыпанныхъ смерзшимся снѣгомъ.

При изслѣдованіи дальнѣйшихъ дѣйствій передового отряда надо учитывать то обстоятельство, что во первыхъ сама позиція совершенно не отвѣчала силѣ отряда, будучи растянута на 10 – 12 вер., а во вторыхъ, что Землянскій и Епифанскій полки 57 пѣх. дивизіи, артиллерія и казаки находились уже въ бояхъ и передвиженіяхъ безъ всякаго почти отдыха въ теченіе 10 дней, остальныя части 5-6 дн., причемъ безъ возможности регулярнаго полученія горячей пищи и отдыха подъ крышей. Между тѣмъ, все время стояла отвратительная погода — то снѣгъ, то дождь и производство саперныхъ работъ крайне затруднялось промерзлостью грунта и заполненіемъ углубленій водой.

4 февраля противникъ оттѣснивъ сторожевое охраненіе, пытался мѣстами дебушировать изъ впереди лежащихъ рощъ и селеній, но былъ повсемѣстно отброшенъ въ исходное положеніе артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Передовой отрядъ усилился вновь прибывшимъ 101-мъ Пермскимъ пѣхотнымъ полкомъ 3-хъ баталіоннаго состава, что доводило его численность до 8.000 штыковъ, 24 орудій и 600 сабель*).

Ночь на 5-ое прошла въ ружейной перестрѣлкѣ.

Съ утра противникъ сталъ накапливаться впереди д. Цемношіе, Волька Бржозова и Бѣлашево, а затѣмъ двукратно атаковалъ наши части у с. Цемношіе, но былъ отбитъ. Тѣмъ не менѣе продолжать занимать выдвинутое положеніе у д. Цемношіе стало рискованнымъ и части здѣсь находившіяся были ночью отведены нѣсколько назадъ.

Въ теченіи ночи на 6-ое нѣмцы вели атаки у д. Цемношіе, Волька Бржозова и Климашевница, но всѣ онѣ были отбиты.

Съ утра 6-го нѣмцы приступили къ энергичному обстрѣлу позиціи тяжелой и легкой артиллеріей, занимавшей въ отношеніи позиціи охватывающее расположеніе, почему нѣкоторые участки позиціи поражались не только фланговымъ, но и тыльнымъ огнемъ. Деревня Бѣлашево была зажжена и, такъ какъ окопы были возведены въ непосредственной близости отъ загорѣвшихся домовъ, то части занимавшіе ихъ пришлось отвести назадъ за деревню. Это повело къ тому, что сосѣднія части тоже отошли нѣсколько назадъ; дальнѣйшія попытки противника въ теченіе этого дня сбить ихъ съ новой линіи въ этомъ раіонѣ и у д. Пржеходы на крайнемъ правомъ флангѣ успѣха не имѣли.

Подъ вечеръ къ отряду прибылъ Ширванскій полкъ. Приходъ этого доблестнаго полка былъ весьма своевременъ, такъ какъ остальныя части передового отряда, кромѣ Пермскаго полка совершенно выбились изъ силъ.

Рѣшено было смѣнить Землянцевъ на Цемношенскомъ направленіи, усилить фланги и попытаться переходомъ въ наступленіе возстановить положеніе на линіи по обѣ стороны д. Бѣлашево, причемъ командирамъ полковъ было приказано не упорствовать борьбой на линіи окоповъ, мѣстами совершенно сметенныхъ артиллерійскимъ огнемъ противника, а дѣйствовать по возможности контръ-атаками.

Ночь на 7-е прошла въ ружейной перестрѣлкѣ и періодическомъ обстрѣлѣ тяжелой артиллеріей противника фронта позиціи, внутренняго пространства ее и зарѣчной позиціи. Съ утра противникъ велъ наступленіе на д. Пржеходы и со стороны Цемношіе, причемъ, несмотря на большія потери, доходилъ до линіи нашихъ окоповъ, откуда выбивался контръ-атаками доблестныхъ Ширванцевъ.

Попытка съ нашей стороны возстановить положеніе у д. Бѣлашево имѣла лишь временный успѣхъ: Пермцы, взявъ д. Бѣлашево были контръ-атакованы подошедшими къ противнику подкрѣпленіями и отброшены въ исходное положеніе; наступленіе сѣвернѣе и южнѣе

*) Но на слѣдующій день онъ былъ вновь ослабленъ выдѣленіемъ І-го баталіона Епифанцевъ съ 2-мя орудіями направленнымъ для прикрытія промежутка между д. Гоніондзъ и лѣвымъ флангомъ X арміи, а затѣмъ изъ состава отряда еще были изъяты запасный баталіонъ и казачій полкъ.

деревни захлебнулось въ виду встрѣченнаго сильнаго огневого сопротивленія.

Ночь на 8 февраля прошла тревожно: противникъ пытался приблизиться и накопиться по близости отъ фронта позиціи, а его артиллерія продолжала поражать окопы и внутреннее пространство. Крѣпостная артиллерія по временамъ открывала частый огонь по квадратамъ, на коихъ наблюдалось скопленіе противника.

Утомленіе войскъ, какъ моральное, такъ и физическое, достигло крайняго напряженія. Вполнѣ боеспособными оставались только три баталіона Ширванцевъ, занимавшихъ фронтъ въ 7-8 вер. и сильно ослабленныхъ потерями.

Такъ какъ надо было выиграть еще по крайней мѣрѣ день, другой для окончанія работъ въ крѣпости и взрыва льда на Бобрѣ и въ водяныхъ рвахъ, Комендантъ крѣпости ген.-м. Бржозовскій приказалъ продолжать оборону занятой позиціи. Съ утра 8 февраля противникъ повелъ рядъ яростныхъ атакъ на Цемношинскомъ направленіи, онѣ всѣ были отбиты. Тогда онъ накопивъ силы въ промежуткѣ между д. Цемношіе и Волька Бржозова, направилъ ударъ на не занятый промежутокъ между Ширванцами и Пермцами. Стремительной контръ-атакой 3-хъ ротъ Ширванцевъ и послѣднихъ 3-хъ ротъ резерва отряда противникъ былъ отброшенъ.

На остальномъ участкѣ фронта противникъ медленно и успѣшно продвигился впередъ; не выдерживая его огня, наши части стали отходить назадъ; для парализованія опаснаго для насъ наступленія со стороны д. Сойчинека на д. Сосню пришлось полностью израсходовать участковый резервъ.

Въ роли „послѣдняго резерва“ къ войскамъ отправились комендантъ крѣпости, начальникъ отряда, чины штаба. Однако и личное воздѣйствіе ихъ и командировъ полковъ не могло уже влить въ ряды совершенно переутомленныхъ бойцовъ наступательнаго порыва и всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы удержать части по крайней мѣрѣ на линіи по опушкѣ лѣса въ 2–3 верстахъ западнѣе желѣзной дороги. Между тѣмъ Ширванцы продолжали занимать выдвинутое положеніе, почему надо было приложить всѣ усилія къ тому, чтобы удержаться до темноты, тѣмъ болѣе, что путь отхода въ крѣпость пролегалъ почти на протяженіи 1½ верстъ по узкому дефиле между болотами и по единственному мосту у входа въ крѣпость, обстрѣливавшемуся тяжелой артиллеріей противника.

Но тутъ возникалъ вопросъ, слѣдуетъ ли отойти подъ защиту крѣпостныхъ верковъ или постараться удержаться частью силъ на Сосненской передовой позиціи, получавшей могучую поддержку крѣпостной артиллеріи.

Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ комендантомъ крѣпости вполнѣ правильно въ смыслѣ необходимости напречь всѣ усилія къ удержанію этой позиціи за собой: дѣйствительно, удержаніемъ ее сохранялось непосредственное соприкосновеніе съ противникомъ, отодвигалась отъ крѣпости линія обложенія и размѣщенія его осадной артиллеріи и предоставлялась возможность, если въ этомъ встрѣти-

лась бы надобность, перехода въ наступленіе въ опасныхъ для противника направленіяхъ на Лыкъ и Іоганнисбургъ.

Для занятія Сосненской позиціи предназначался Ширванскій полкъ съ 2-мя ротами Епифанцевъ.

Операція отхода на эту позицію, а остальныхъ силъ въ крѣпость была произведена настолько скрытно, что противникъ на слѣдующій день до 9—10 часовъ продолжалъ обстрѣливать оставленную позицію.

Гарнизонъ крѣпости усилился прибытіемъ Апшеронскаго полка, но зато части 57-й пѣх. дивизіи пришлось направить къ д. Тростяны, въ виду попытокъ противника къ переправѣ черезъ Бобръ ниже крѣпости.

Въ теченіе 9 и 10-го противникъ пытался оттѣснить насъ съ Сосненской позиціи, но безуспѣшно. Слѣдующіе дни и ночи прошли въ производствѣ нашими частями ряда вылазокъ; результатомъ ихъ было то, что противникъ пріостановился въ 1 — 2 верстахъ отъ фронта позиціи и затѣмъ уже сталъ медленно приближаться къ ней, примѣняя саперныя работы.

Съ нашей стороны въ то же время производились работы по усовершенствованію и расширенію Сосненской позиціи, снабженію ея техническими средствами борьбы и выдвиженію впередъ контръапрошами; производились и междуокопные поиски.

БОМБАРДИРОВКА И ОСАДА КРѢПОСТИ.

Уже съ 9 февраля противникъ началъ обстрѣливать тяжелой артиллеріей сперва Зарѣчную позицію и фортъ № 2, а въ слѣдующіе дни также и крѣпостной плацдармъ.

10 февраля воздушныя наблюдательныя станціи обнаружили движеніе поѣздовъ противника съ платформами, нагруженными орудіями отъ Граево къ полустанку Подлѣсокъ. Замѣчено было и движеніе артиллеріи по дорогамъ къ д. д. Пеніонжки и Бѣлашево.

Плѣнные показывали, что предстоитъ 4-хъ дневная бомбардировка, а затѣмъ штурмъ. 10-го февраля впереди крѣпости былъ захваченъ переодѣтый въ штатское платье нѣмецкій солдатъ, долго жившій въ Россіи и по мобилизаціи призванный въ 147 эрзацъ резервный баталіонъ, вызванный въ началѣ февраля въ Лыкъ въ развѣдывательное бюро армейскаго штаба, гдѣ ему было предложено всѣми средствами постараться добиться свиданія съ комендантомъ и предложить ему 500.000 марокъ за сдачу крѣпости. Онъ заявилъ, что командующій осаднымъ корпусомъ, въ случаѣ отказа приказалъ пригрозить, что иначе въ трехдневный срокъ смететъ съ лица земли такой „курятникъ“, какимъ, по его мнѣнію, являлся Осовецъ.

Видимо, 13 февраля была установлена осадная артиллерія самыхъ крупныхъ калибровъ и насколько можно судить по сопоставленію данныхъ развѣдки съ привязныхъ шаровъ и съ наблюдательныхъ пунктовъ, съ свѣдѣніями полученными отъ плѣнныхъ, против-

никъ располагалъ примѣрно 68 осадными орудіями — 42 линейн., 6 дюйм., 8 дюйм.. 12 дюйм. и 42 сантиметровыми ($16^1/_2$ дюймовыми).

Число полевыхъ орудій и гаубицъ исчислялось примѣрно въ 32 - 48; установить точно число ихъ тоже не было возможности по характеру мѣстности и частой перемѣны ими позицій.

Этой артиллеріи крѣпость могла противопоставить всего 68 тяжелыхъ орудій 42, 48 линейнаго и 6 дюймоваго калибра въ томъ числѣ одного въ броневой скрывающейся башнѣ. Для отраженія штурма имѣлась легкая и траншейная артиллерія, но зато изъ тяжелой артиллеріи далеко не всѣ орудія по мѣсту своего расположенія могли принять въ этомъ участіе.

Наиболѣе интенсивная бомбардировка совпала съ наступленіемъ морозовъ, вновь сковавшихъ льдомъ болота, рѣки, водяные рвы, но не погасивъ огня нашей артиллеріи и не будучи въ силахъ сбить насъ съ Сосненской позиціи, получавшей могучую артиллерійскую поддержку, противникъ не рѣшился на штурмъ.

Борьба крѣпостной артиллеріи съ осадной затруднялась не столько малыми калибрами, сколько незначительной дальнобойностью нашей артиллеріи, почему чуть ли не половина осадной артиллеріи противника находилась внѣ дальности огня большей части артиллеріи крѣпости.

Предѣла напряженія огонь осадной артиллеріи достигъ въ дни 14, 15 и 16 февраля, когда въ бомбардировкѣ участвовали 42 сантиметровыя орудія со снарядомъ около 60 пудовъ. Такихъ снарядовъ было выпушено штукъ около 30, но удачныхъ попаданій было мало.

Снаряды ложились въ земляные постройки, валы, образуя колоссальныя оползни и сдвиги грунта, въ водяные рвы, на крѣпостныя шоссе. Вороки получались діаметромъ до 5 саженъ и глубиной около 3-хъ, такъ что приходилось черезъ нихъ устраивать мосты. Значительной разрушительной силой обладали также и снаряды 12 дюймовыхъ орудій—такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ попалъ въ фундаментъ крѣпостного собора, пробилъ его и привелъ въ наклонное положеніе весь каменный полъ собора, а въ сводахъ его осколки образовали массу пробоинъ; 6 и 8 дюймовые снаряды разрушали кирпичныя и деревяныя постройки; въ бетонныхъ же убѣжищахъ образовывали лишь небольшія выбоины.

Одновременно съ орудійной бомбардировкой, съ аэроплановъ бросались бомбы и металлическія стрѣлы.

Противникомъ за эти три дня было выпущено до 120.000 тяжелыхъ снарядовъ.

Ужасное было впечатлѣніе при взглядѣ на крѣпость съ высотъ южнѣе ея во время бомбардировки: она вся была охвачена дымомъ, сквозь который то здѣсь, то тамъ вспыхивало пламя разрывовъ, поднимавшихъ высоко вверхъ фонтаны земли, деревья, бревна, а мѣстами воды, причемъ вся земля содрогалась и отъ крѣпости шелъ сплошной гулъ по временамъ прерываемый грохотомъ разрывовъ 12 и $16^1/_2$ дюймовыхъ орудій, почему и казалось, что ничто не въ состояніи устоять интенсивности и разрушительности бомбардировки.

Почти такой же силы достигала бомбардировка въ слѣдующіе 3 дня, хотя въ ней не принимали уже участія 16½ дюймовыя орудія и вообще число орудій противника замѣтно сократилось. Трудно сказать было ли это слѣдствіемъ огня нашей артиллеріи или отправкой тяжелыхъ орудій по другому назначенію, но слѣдуетъ замѣтить, что часто батареи, по коимъ сосредотачивала огонь наша артиллерія, уже больше не открывали огня съ того же мѣста. Въ ночное время противникъ велъ огонь лишь батареями, находившимися внѣ досягаемости огня нашей артиллеріи, видимо боясь возможности для насъ опредѣлить мѣсто положенія ихъ засѣчками.

Въ сосѣдней XII арміи были обезпокоены судьбой крѣпости, и армія развивала энергичныя операціи вдоль праваго берега Бобра съ цѣлью освобожденія отъ осады Осовца. Между тѣмъ о прочности положенія крѣпости послѣ 3-хъ дней такой ужасной бомбардировки лучше всего свидѣтельствуетъ отправленный въ 10 ч. утра 17 февраля рапортъ коменданта командующему XII-ой арміи, заканчивавшійся слѣдующими словами: „Имѣя ввиду, что на флангахъ крѣпости спокойно, что верки крѣпости, артиллерія и гарнизонъ вполнѣ сохранили обороноспособность и на то, что нами удерживается Сосненская позиція, прошу не приносить лишнихъ жертвъ для ускореннаго освобожденія крѣпости отъ осаждающаго ее непріятеля".

Не предпринявъ штурма въ ближайшую недѣлю пока были замерзши рѣка, болота и каналы, видимо сомнѣваясь въ результатахъ его въ послѣдующіе дни уменьшенія шансовъ на успѣхъ, вслѣдствіе оттепелей, противникъ сталъ постепенно ослаблять бомбардировку и съ начала марта сталъ вести ее лишь съ явной цѣлью тревожить крѣпость, поражать тыловыя войска и учрежденія, мѣшать производству работъ и удерживать въ составѣ гарнизона возможно большія силы, что ему однако не удалось, такъ какъ гарнизонъ не только не усиливался, а сперва былъ ослабленъ на 3 первоочередныхъ полка — Ширванскій, Апшеронскій и Пермскій, а затѣмъ еще на 2 второочередныхъ — Задонскій и Епифанскій, на смѣну коимъ прибылъ Ливенскій полкъ 57 пѣх. дивизір.

За эти три недѣли, по примѣрному подсчету попаданій, противникомъ было выпущено до 250.000 тяжелыхъ снарядовъ, а всего за время осады до 400.000 Мѣстами попаданія были такъ густы, что большія площади были взрыты слившимися воронками. Крупный сосновый лѣсъ внутри центральной ограды, заслонявшій убѣжище крѣпостной артиллеріи и начальника I-го отдѣла обороны, а такъ же центральный складъ огнестрѣльныхъ припасовъ, былъ буквально сметенъ какъ послѣ страшнаго урагана.

Однако всѣ разрушенія и опустошенія, произведенныя бомбардировкой, не привели къ сколько нибудь значительиому ослабленію оборонительныхъ сооруженій, тѣмъ болѣе, что непрестанно шло возстановленіе разрушеннаго и постройка земляныхъ убѣжищъ для частей гарнизона и противоштурмовой артиллеріи, лишившихся таковыхъ, равно какъ и шла постройка батарей и ходовъ сообщеній.

Правда, во многихъ мѣстахъ были сметены козырьки и блиндажи и засыпаны гнѣзда капонировъ, но вѣдь это не мѣшало дѣйствовать огнемъ, занявъ необходимыя мѣста лишь тогда, когда артиллерія противника, вынуждена была бы прекратить огонь изъ опасенія поражать свои же части. Расчистка же капонирныхъ гнѣздъ не требовала много времени.

Къ серединѣ марта противникъ снялъ большую часть осадной артеллеріи и на позиціяхъ оставались лишь 8″, 6″, и 42 линейныя орудія. Осадный корпусъ его также былъ сокращенъ и доведенъ до состава 11-й ландверной дивизіи съ 2-мя эрзацъ-резервными баталіонами и 2 — 3 эскадронами конницы.

Въ періодъ наступившей съ іюня сильной засухи противникомъ примѣнялся обстрѣлъ крѣпости зажигательными снарядами.

Пѣхота его постоянно усиливала свои позиціи, медленно продвигаясь мѣстами впередъ саперными работами, всюду оплетаясь проволокой и проявляя крайнюю бдительность.

Пѣшая развѣдка примѣнялась имъ слабо; аэропланы налетали часто, стараясь повредить наши привязные шары, но безуспѣшно.

Дѣятельность гарнизона крѣпости заключалась въ несеніи сторожевой и развѣдывательной службъ, производствѣ работъ по усиленію позицій и въ совершенствованіи своей боевой подготовки.

Велись развѣдки и дальнія, сопряженныя съ переправой на лодкахъ черезъ Бобръ, причемъ, силами до роты. Онѣ давали благопріятные результаты и являлись хорошей школой для вновь прибывавшихъ офицеровъ и солдатъ.

Въ дневное время въ крѣпости оставлялось минимальное количество войскъ, а остальныя уводились на отдыхъ въ тылъ. Періодически производилась смѣна частей на Сосненской передовой позиціи, черезъ которую ежедневно для пріученія къ боевой работѣ проводились части, сформированныя изъ ратниковъ ополченія.

Кромѣ инженерныхъ работъ внутри крѣпости, когда болота стали пересыхать, было приступлено къ продолженію Сосненской позиціи вправо на Плохово — Волька Пясечна — р. Лекъ, причемъ къ концу лѣта общее протяженіе ея фронта достигло почти 13 верстъ.

На правомъ флангѣ усиленныя работы велись на Гоніонздскихъ высотахъ, а на лѣвомъ противъ д. Мцихи и на Гончаровской гати, причемъ сюда изъ крѣпости были доставлены и установлены восемь 42 линейныхъ орудій, дѣйствовавшимъ по тыламъ противника, занимавшаго д. Моцаржо.

Крѣпостная артиллерія не вступала въ безнадежное состязаніе съ осадной артиллеріей, а набрасывалась сосредоточеннымъ огнемъ по обнаружившимъ себя батареямъ противника. Кромѣ немногихъ батарей, привязанныхъ къ своимъ бетонированнымъ убѣжищамъ, остальныя отнюдь не считали себя прикованными къ мѣсту, а періодически мѣняли свои позиціи.

Для поддержанія духа гарнизона на требуемой высотѣ комендантомъ крѣпости требовалось отъ начальниковъ всѣхъ степеней

жизнедѣятельности, бодрости и несенія всѣми своихъ обязанностей, не считаясь съ личной опасностью.

Онъ требовалъ развитія въ солдатахъ чувства увѣренности въ несукрушимости крѣпости и гордости принадлежности къ составу ея гарнизона.

ГАЗОВАЯ АТАКА КРѢПОСТИ.

Къ концу этого періода вновь было обнаружено нѣкоторое усиленіе состава осаждающихъ и количества его тяжелой артиллеріи. Оно и понятно, если учесть создавшуюся къ этому времени обстановку. Дѣйствительно, съ конца лѣта противникъ сильными нажимами на флангахъ вынудилъ насъ, не имѣвшихъ къ этому времени сколько нибудь достаточнаго количества боевыхъ припасовъ для упорной обороны, начать отходъ въ глубь страны. Но по мѣрѣ выравниванія и сокращенія фронта, противнику приходилось нажимать на нашу армію уже главнымъ образомъ въ фронтальномъ направленіи и она такимъ образомъ ускользала отъ нанесенія ей рѣшительнаго пораженія.

Между тѣмъ, если бы нѣмцамъ удалось прорваться у Осовца на Бѣлостокъ, а съ юга на Брестъ-Литовскъ, то всѣ наши части, находившіяся западнѣе этой линіи, вынуждены были бы во первыхъ отступать по узкому корридору, а во вторыхъ не только подъ ударами во флангъ, но и въ тылъ. Имѣя въ виду утомленіе войскъ, отсутствіе боевыхъ припасовъ и запруженность тыла обозами и артиллеріей, внѣ сомнѣнія такое положеніе дѣлъ могло бы обратиться въ катастрофу для нашихъ 3—4 армій.

Противникъ оцѣнилъ это и рѣшилъ попытаться взять крѣпость атакой, съ примѣненіемъ газовъ, противъ которыхъ имѣвшіяся у насъ еще неусовершенствованныя маски являлись недѣйствительными.

Съ нашей стороны возможность газовой атаки предусматривалась и мѣры принимались, но они оказались мало дѣйствительными.

Къ этому времени Сосненская позиція отъ д. Бѣлогронды до д. Сосня занималась ночью 13 ротами, а днемъ 9 ротами.

Противникъ, по показаніямъ плѣнныхъ, еще съ 13 іюля приступилъ къ установкѣ нѣсколькихъ тысячъ баллоновъ съ газами, сведя ихъ въ 30 газовыхъ батарей, размѣщенныхъ въ 4-хъ мѣстахъ, по 7—8 батарей въ каждомъ, въ разстояніи $^1/_2$—1 версты отъ нашей позиціи. Составъ его войскъ, предназначенныхъ для производства штурма, опредѣлялся въ 12 баталіоновъ II-ой ландверной дивизіи, 2-хъ баталіоновъ эрзацъ резерва и нѣкотораго количества баталіоновъ ландштурма, составлявшихъ резервъ. Въ первой линіи находилось 11 баталіоновъ, наступавшихъ на фронтѣ отъ канавы до д. Сосни. Во второй, вдоль полотна жел. дороги наступало 3 баталіона.

Въ ночь на 24 іюля передъ разсвѣтомъ, баталіонъ Землянскаго полка, какъ всегда, отошелъ въ Зарѣчный фортъ и на позиціи остались 9 ротъ (около 1.500 штыковъ).

Утро было холодное, туманное; дулъ средней силы сѣверный вѣтеръ.

Въ 4 часа утра, какъ только начинало свѣтать, нѣмцы выпустили газы темно-зеленоватой окраски. Въ какіе нибудь 5—10 минутъ газы достигли окоповъ Сосненской позиціи, а затѣмъ и крѣпости, гдѣ боковой вѣтеръ долины Бобра сталъ относить часть газовъ въ сторону д. Сосня и къ западу отъ нея. Въ раіонъ крѣпости газы достигли уже въ разрѣженномъ состояніи. Дѣйствіе газовъ, несмотря на принятыя мѣры, на Сосненской позиціи и въ тылу ея было ужасно — около $^1/_2$ бойцовъ были отравлены на смерть. Полуотравленные брели назадъ и, томимые жаждой, нагибались къ источникамъ воды, но тутъ на низкихъ мѣстахъ газы задерживались и вторичное отравленіе вело къ смерти. Въ общемъ ко времени подхода нѣмцевъ къ позиціи число защитниковъ ея опредѣлялось въ какихъ нибудь 160—200 человѣкъ, способныхъ дѣйствовать оружіемъ. Выдвинутыя изъ Зарѣчнаго форта для контръ-атаки 3 роты Землянцевъ также по пути потеряли до 30% одними отравившимися газами.

Спустя нѣкоторое время по выпускѣ газовъ, нѣмцы пустили одновременно по всему фронту красныя ракеты и открыли ураганный огонь, распространивъ его до д. Осовецъ включительно.

Затѣмъ двинулась впередъ и ихъ пѣхота, сперва развѣдчики и рѣзчики проволоки, числомъ около 200 человѣкъ на каждомъ полковомъ участкѣ, а затѣмъ двѣ линіи густыхъ цѣпей пѣхоты, за коими слѣдовали резервы.

Центральные участки, по обѣ стороны желѣзной дороги и участокъ у д. Сосня были взяты нѣмцами быстро, такъ какъ почти всѣ защитники ихъ погибли. Участокъ у д. Бѣлогронды и правѣе д. Сосни удержались, отбивъ рядъ атакъ. Въ центрѣ нѣмцы успѣли дойти до окоповъ резервовъ, но въ тотъ моментъ, когда они лѣзли на проволоку, открыла огонь почти одновременно вся крѣпостная артиллерія. Попытка нѣмцевъ обойти д. Бѣлогронды съ востока была парализована появленіемъ у нихъ на флангѣ развѣдчиковъ Ливенскаго полка, а выходъ отъ д. Сосня во флангъ и въ тылъ сосѣднему участку, огнемъ артиллеріи и тѣмъ, что наступавшіе здѣсь нѣмцы сами сташно пострадали отъ повернувшихъ въ эту сторону газовъ.

Огонь артиллеріи отрѣзалъ нѣмецкіе резервы отъ ихъ штурмовавшихъ частей, кои въ свою очередь мѣстами залегли на занятой позиціи, а мѣстами бросились назадъ.

Высланные изъ Зарѣчнаго форта 3 роты, поддержанныя ротой резерва, перешли въ энергичное наступленіе и хотя съ большими потерями, но выбили противника изъ занятыхъ имъ участковъ позиціи. Только на участкѣ у г. д. Леонова противникъ, прочно утвердившись, успѣшно отражалъ наши контръ-атаки. Тогда крѣпостная артиллерія сосредоточила огонь 9 тяжелыхъ и 2-хъ легкихъ батарей и нѣмцы около 10 час. утра вынуждены были оставить этотъ участокъ.

Потери противника были очень велики, но и намъ обошелся этотъ день не дешево.

Плѣнные нѣмцы показывали, что отъ старшихъ начальниковъ и до рядовыхъ бойцовъ всѣ были увѣрены, что на этотъ разъ не можетъ быть спасенія для гарнизона, причемъ увѣренность въ вступленіи въ крѣпость была такъ велика, что всѣ обозы ихъ и передки были запряжены для движенія впередъ и сдѣланъ былъ нарядъ для похоронъ отравленныхъ газами въ крѣпости. Поэтому то на нихъ и произвели столь ошеломляющее впечатлѣніе встрѣченное на нѣкоторыхъ участкахъ сильное сопротивленіе, открытіе нашей артиллеріей ураганнаго огня и, наконецъ, стремительныя контръ-атаки свѣжихъ частей.

ЭВАКУАЦІЯ КРѢПОСТИ.

Въ началѣ августѣ наши арміи, отступавшія съ Бобра, Нарева и Вислы, продолжали отходъ къ линіи Бѣлостокъ — Брестъ-Литовскъ и въ ближайшіе дни должны были, во исполненіе общаго плана дальнѣйшаго отступленія на востокъ, миновать ее.

При такихъ условіяхъ дальнѣйшее удержаніе въ нашихъ рукахъ Осовца утрачивало свое значеніе, между тѣмъ какъ его гарнизонъ, и главнымъ образомъ, тяжелая артиллерія и боевые запасы имѣли огромную цѣнность для арміи и Верховнымъ Главнокомандующимъ было приказано подготовиться къ эвакуаціи и къ возможно полному разрушенію укрѣпленій.

Съ 4 по 8 августа производилась вывозка имущества и огнестрѣльныхъ припасовъ, были исполнены всѣ подготовительныя работы къ основательному взрыву укрѣпленій и разработанъ планъ эвакуаціи крѣпости въ кратчайшій срокъ.

Въ ночь съ 8 на 9 августа была произведена полная очистка крѣпости отъ вооруженія, были оставлены только 4 орудія, которыя своимъ огнемъ должны были вводить противника въ заблужденіе.

9 августа съ наступленіемъ темноты гарнизонъ сталъ покидать крѣпость и когда хвостъ колонны войскъ миновалъ южные крѣпостные ворота, были подорваны пироксилиномъ оставшіеся 4 орудія и взорваны всѣ кирпичныя, каменныя и бетонныя сооруженія и подожжены деревянныя постройки.

Спохватившійся противникъ открылъ запоздалый сильный огонь, причинившій гарнизону ничтожныя потери.

На слѣдующій день гарнизонъ уже занялъ участокъ армейской позиціи и комендантъ крѣпости ген. Бржозовскій, принявшій корпусъ, послалъ рапортъ Верховному Главнокомандующему о ходѣ обороны, на коемъ была наложена Государемъ Императоромъ слѣдующая резолюція: „Выражаю самую горячую благодарность всему составу доблестнаго гарнизона Осовца“.

Комендантъ крѣпости въ своемъ приказѣ отмѣтилъ между прочимъ совершившееся событіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ раз-

валинахъ взрывовъ и пеплѣ пожаровъ гордо упокоилась сказочная твердыня и мертвая она стала еще страшнѣе врагу, всечасно говоря ему о доблести защиты. Спи же мирно, незнавшая пораженія, и внуши всему русскому народу жажду мести врагу до полнаго его уничтоженія. Славное, высокое и чистое имя твое перейдетъ въ поученіе будущимъ поколѣніямъ.

Пройдетъ недолгое время, залечитъ Мать Родина свои раны и въ небываломъ величіи явитъ міру свою славянскую силу; поминая героевъ Великой Освободительной войны, не на послѣднемъ мѣстѣ поставитъ она и насъ зашитниковъ Осовца".

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Осовецъ поколебалъ незаслуженную славу сокрушительности нѣмецкой техники и доказалъ возможность успѣшной, длительной защиты даже такой небольшой и въ значительной своей части, далеко не современной крѣпости, какой она была.

Теперь уже не секретъ, что наши первоклассныя крѣпости Новогеоргіевскъ и Ковно сдались не потому, чтобы произведенныя разрушенія въ оборонительныхъ сооруженіяхъ и потери въ бойцахъ лишали бы возможности дальнѣйшаго сопротивленія, а потому что въ головѣ и сердцѣ комендантовъ ихъ и въ массѣ бойцовъ не оставалось вѣры въ успѣхъ дальнѣйшей борьбы. Человѣкъ всегда былъ и будетъ главнымъ орудіемъ борьбы, все равно происходитъ ли она въ открытомъ полѣ, въ окопахъ или за верками крѣпостныхъ сооруженій — вѣдь и въ основательно разрушенной крѣпости найдутся и стрѣлковыя и пулеметныя позиціи и благопріятныя условія для штыковыхъ контръ-атакъ. Надо установить лишь взглядъ, что сама крѣпость и форты являются позиціями ближняго боя и если еще артиллерія крѣпостныхъ плацдармовъ должна вести дальній бой, то фортовая, если таковая имѣется сверхъ капонирной, отнюдь не должна служить дѣлу дальняго боя.

А при такихъ условіяхъ никакія разрушенія, если потери гарнизона не превышаютъ общій % нормы боевой упругости войскъ, не даютъ права на признаніе безполезности дальнѣйшаго сопротивленія и оставленія крѣпостныхъ верковъ. А потому главное въ дѣлѣ обороны крѣпости — это во первыхъ надлежащее возглавленіе гарнизона и всего его аппарата управленія, а во вторыхъ первоначальныя высокія качества его гарнизона и мѣропріятія для поддержанія ихъ на должной высотѣ.

По вопросу же о методѣ или вѣрнѣе тактикѣ борьбы обороняющагося можно по опыту Осовца сдѣлать слѣдующія краткія заключенія.

Крайне желательно истощать силы противника на подступахъ къ крѣпости, дабы заранѣе ослабить его наступательный порывъ. Съ этой цѣлью необходимо имѣть подготовленныя впереди крѣпости позиціи; на таковыхъ, не получающихъ огневой поддержки крѣпостной артиллеріи, бои не должны доводиться до кризиса.

Ближайшая передовая позиція должна получать сильнѣйшую огневую поддержку крѣпостной артиллеріи и ее слѣдуетъ имѣть на такомъ рубежѣ и конфигураціи мѣстности, чтобы противникъ для своей артиллеріи не находилъ позицій, позволяющихъ съ одинаковымъ удобствомъ, безъ риска обнаруженія своего мѣстонахожденія, дѣйствовать какъ по передовой позиціи, такъ и по крѣпости.

Оборона передовой позиціи должна носить активный характеръ, особенно въ періодъ установки осадной артиллеріи и подготовки штурма бомбардировкой, это во первыхъ, для того чтобы препятствовать его приближенію линіей обложенія и размѣщенію артиллеріи на болѣе близкихъ дистанціяхъ, а во вторыхъ, дабы разстраивать его разсчеты по приведенію въ исполненіе плана штурма.

Если огонь артиллеріи обороняющагося не сломленъ, передовая позиція должна держаться до предѣла сопротивленія.

Характеръ укрѣпленія передовыхъ позицій долженъ носить типъ укрѣпленныхъ полосъ, но если нѣтъ времени и средствъ для надлежащаго оборудованія ихъ, то главное вниманіе должно быть обращено на устройство надежныхъ убѣжищъ, особенно для резервовъ, отлично маскированныхъ. Роль искусственныхъ препятствій можетъ выполнять заградительный огонь крѣпостной артиллеріи. При наличіи таковыхъ оборона съ успѣхомъ можетъ основываться на штыковыхъ контръ-атакахъ.

Войска, назначаемыя для борьбы на подступахъ къ крѣпости, въ случаѣ затяжного характера ее, должны имѣть смѣну.

Гарнизонъ ближайшей къ крѣпости передовой позиціи долженъ состоять изъ особо надежныхъ войскъ, періодически смѣняемыхъ, причемъ въ ночное время долженъ усиливаться.

Приведеніе крѣпости въ оборочительное состояніе помимо совершенствованія стрѣлковыхъ позицій оборудованіемъ ихъ блиндажами, легкими козырьками, поперечными, и что особенно важно, тыльными траверсами, должно заключаться въ устройствѣ возможно большаго количества убѣжищъ, такъ какъ разрушительная сила современной осадной артиллеріи такова, что однимъ снарядомъ можетъ быть разрушенъ цѣлый казематъ или казарма на сотни бойцовъ и въ такомъ случаѣ они рискуютъ очутиться подъ открытымъ небомъ.

Это обстоятельство вообще указываетъ на желательность разсредоточеннаго расположенія бойцовъ и сооруженія въ крѣпостяхъ большого количества бетонныхъ убѣжищъ, но каждое на меньшее количество бойцовъ. Должны быть разсредоточены и склады боевыхъ припасовъ.

Въ составъ крѣпостной артиллеріи обязательно должна быть включена дальнобойная артиллерія, хотя и небольшихъ калибровъ.

Размѣщеніе крѣпостной артиллеріи должно быть возможно разсредоточеннымъ, причемъ должно быть намѣчено и подготовлено значительное количество запасныхъ позицій съ удобными сообщеніями между ними, убѣжищами для прислуги и запаса боевыхъ припасовъ. Слѣдуетъ имѣть и запасные наблюдательные пункты.

Крѣпостная артиллерія не должна вступать въ состязаніе съ артиллеріей атаки, но обрушиваться сосредоточеннымѣ огнемъ по обнаружившимъ себя батареямъ противника. Стрѣльба по вѣроятнымъ раіонамъ нахожденія осадныхъ бттарей, допустима лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда такія батареи ведутъ особенно вредный для крѣпости огонь. Часть батарей съ своими наблюдателями должны быть все время на готовѣ для дѣйствій по пѣхотѣ противника. Эти батареи должны имѣть двойной комплектъ наблюдателей — одинъ въ крѣпости, другой на передовой позиціи. Употребленіе ихъ для иныхъ цѣлей должно допускаться не иначе, какъ съ разрѣшенія коменданта.

Гарнизонъ крѣпости долженъ періодически практиковаться въ занятіи противоштурмового положенія.

Въ періоды, свободные отъ нарядовъ на службу или работы, гарнизонъ долженъ совершенствоваться въ своей боевой подготовкѣ, а въ часы отдыха бойцы должны получать возможность удовлетворять свои духовные запросы.

Всѣ начальствующія лица должны всегда подавать примѣръ исполнительности, бодрости, неутомимости, заботливости о подчиненныхъ, не считаясь съ опасностями жизни, дабы войсковыя части не могли бы считать себя „обреченными", а начальниковъ „скрывающимися" отъ опасности.

Вся жизнь въ крѣпости должна быть проникнута строгой регулярностью и порядкомъ во всемъ и близкимъ общеніемъ всѣхъ другъ съ другомъ.

В. БУНЯКОВСКІЙ.

Въ Штабѣ Сѣверо-Западнаго фронта*).

(Окончаніе).

30 іюня. Разбираясь въ происшедшемъ у ген. Эверта, не могу отдать себѣ еще отчеча, слѣдовало ли, или не слѣдовало атаковать австрійцевъ? Соотвѣтственъ ли результатъ потерямъ въ людяхъ и потраченныхъ снарядахъ?

Успѣхъ поглотилъ, кромѣ другихъ потерь, 6 Сибирскій корпусъ и 27 дивизію. Обѣ части составляли резервъ главнокомандующаго, а теперь онѣ въ боевыхъ линіяхъ. Взамѣнъ 3 свѣжихъ дивизій, оттянуты 2 потрепанныя, направленныя въ XI армію (Ковель) для пополненія.

Наступленіе 25, 15, 9 и 6 Сибирскаго корпусовъ дало намъ выигрышъ во времени, какъ будто упрочило здѣсь положеніе и выяснило направленіе и силы противника. Это цѣнно, но стоило не дешево.

Если на правомъ флангѣ южнаго нашего расположенія стало временно прочнѣе, то указанія о томъ, что дѣлать, мы вѣдь будемъ получать съ восточной части расположенія.

XIII армія устраивается; къ Бѣлостоку тоже направляются части; XXI корпусъ направленъ въ Островскій раіонъ. Опасенія за сѣверъ остаются въ силѣ. Если удастся придвинуть 12 и 13 Сибирскія дивизіи изъ Риги, укомплектовать 63 дивизію, то въ сторонѣ Бѣлостока будетъ крѣпче. Укомплектованія идутъ медленно, а пополненіе ружьями и того хуже.

Фронту нашему удалось нѣсколько пополнить III и XIII арміи и сдѣлано это было искусно и скоро.

Врагъ знаетъ, что у насъ нѣтъ патроновъ и можетъ предпринимать то, что при другихъ условіяхъ ему и въ голову не могло бы прійти.

Имѣя подъ рукой 7 армій (не считая V-й), мы можемъ отбиться; думать о нанесеніи ударовъ не приходится, не чѣмъ. Арміи ю.-з. фронта можетъ быть въ худшемъ положеніи и содѣйствіе ими намъ оказываемое не велико. Австрійцы и нѣмцы то и дѣло снимаютъ оттуда дивизіи и уводятъ ихъ въ неизвѣстномъ намъ направленіи.

У насъ всюду недостатокъ въ инженерахъ и инженерныхъ войскахъ, а инженерныя работы необъятны.

---

*) См. № 3 и № 4 „Военный Сборникъ“.

Усиливается желѣзнодорожное движенiе — узлы оказываются несоотвѣтственными. На дняхъ Брестскiй узелъ оказался забитымъ очень основательно. На юго-западной линiи стоитъ вереница санитарныхъ и иныхъ поѣздовъ. За 11 мѣсяцевъ войны Брестъ-Литовскiй узелъ не былъ должнымъ образомъ расширенъ; говорятъ, что у Ковеля двухколейный путь перешитъ на одну, дабы размѣстить галицiйскiй подвижной составъ.

1 iюля. По телеграммѣ ген. Литвинова, 30 iюня 9 час. вечера, I Сибирскiй корпусъ уступилъ свои передовыя позицiи и отошелъ на послѣдующую. Линiя Единорожецъ—Грудускъ была атакована въ сущности съ 29 iюня. Разсчитывали на недѣли, продержались сутки, а корпусъ изъ лучшихъ и закаленный. Нѣмцы сосредоточили съ сосѣднихъ и съ участка Бзуры превосходныя силы. Не менѣе 5-6, а можетъ быть и болѣе дивизiй. На сосѣднихъ участкахъ также развиваются бои. Не сразу это создалось. Главнокомандующiй это подозрѣвалъ, хотя объ этомъ и не говорилъ.

Со вчерашняго числа въ раiонъ I армiи прибываетъ 21 корпусъ, передвигаются туда части изъ II армiи; вѣроятно въ раiонъ I армiи войдетъ туркестанская дивизiя. Все это подготовлялось въ мое отсутствiе и стало извѣстно мнѣ 28 iюня.

Быстрый отходъ I Сибирскаго корпуса произвелъ свой эффектъ въ штабѣ, главнымъ образомъ скоротечностью боя. Вѣрили, что, какъ бывало прежде, можно продержаться долго. Иллюзiя эта подорвана.

Вчера имѣлъ бесѣду съ начальникомъ штаба. Онъ находилъ, что положенiе отличное. Я былъ иного мнѣнiя, но спорить съ людьми боевого опыта задача не легкая.

Отстояться, можетъ быть, и можемъ, но намъ приходится бороться не короткiй срокъ, а вѣроятно годы. Этому же наше положенiе ни въ коемъ случаѣ не отвѣчаетъ. Слѣдовательно, нужно стремиться къ чему то другому, а создать это другое съ каждымъ днемъ дѣлается все труднѣе. Исходъ боевъ на сѣверѣ дастъ намъ указанiя для этого вынужденнаго рѣшенiя. Когда двѣ недѣли тому назадъ я сказалъ начальнику штаба, что высшiе органы снабженiя надо бы изъ Сѣдлеца перевести на востокъ, это его очень удивило.

О необходимости оттянуть отъ войскъ ихъ обозы и разныя учрежденiя Михаилъ Васильевичъ думаетъ, но не знаю получило ли оно реальное осуществленiе; думаю, что во II армiи это дѣлается. Вѣдь мы ужасно любимъ, чтобы все у насъ было подъ рукой и загромождаемъ боевые тылы разною разностью.

Не ясно однако, почему нѣмцы насъ атакуютъ на Наревѣ и притомъ въ западномъ его участкѣ. Для демонстрацiи силы велики; со стороны Бобра и Ломжи нѣтъ тревожныхъ указанiй. Можетъ быть это прелюдiя, чтобы скопить побольше нашихъ силъ поближе къ Вислѣ. Необходимо обождать и не терять изъ виду возможности измѣненiя ихъ дѣйствiй восточнѣе.

У Михаила Васильевича проявляются страстныя нотки, когда вечеркомъ бродимъ по полямъ. Онъ разсчитываетъ удержать натискъ

нѣмцевъ. Рядъ принятыхъ имъ мѣръ даетъ ему полное право такъ относиться къ завязавшимся на Наревѣ дѣйствіямъ; но, вѣдь, исполнять будутъ другіе.

А съ другой стороны, не успѣлъ начаться бой, уже прибываютъ телеграммы: нѣтъ патроновъ, нѣтъ снарядовъ...

Кругомъ толкуютъ о борьбѣ на изморъ и истощеніе противника, а на самомъ дѣлѣ наши дѣйствія этому противорѣчатъ.

Вѣроятно нѣмцамъ не сладко, но роты ихъ, въ противоположность нашимъ, большого состава, въ патронахъ и снарядахъ недостатка нѣтъ и дирижирую҃ъ они, а не мы.

3 іюля. Вчера нѣмцы бѣшенно атаковали 1 Сибирскій, 4 Сибирскій (XII армія) и Туркестанскій корпуса. Отражены ли ихъ атаки или мы отошли — неизвѣстно, но вѣроятно бои сложились для насъ неблагопріятно, такъ какъ I армія отходитъ на Красносельцы—Цѣхановъ—Плонскъ (Сохоцинъ) и южнѣе къ Вислѣ. Нѣмцы усилили свой сѣверный фронтъ частями XVII, XI и гвард. рез. корпусовъ. Въ раіонѣ дѣйствій превосходство надъ нами въ числѣ, а о превосходствѣ въ артиллеріи и въ тяжелой въ особенности и говорить не приходится.

1 іюля вечеромъ Михаилъ Васильевичъ поѣхалъ къ ген. Литвинову въ Яблонна и хорошо сдѣлалъ.

Газеты описываютъ чудеса храбрости и доблести, но это единичныя проявленія, масса, сидѣвшая въ окопахъ и теперь вынужденная отступать, устала духомъ. Удивительно, что на лицо еще такъ много этихъ добрыхъ качествъ.

Подкрѣпленія подходятъ. 30 дивизія, вѣроятно, подошла, за нею тянется 40 дивизія; 21 корпусъ пришелъ, 68 дивизія подходитъ. Въ умѣніи своевременно подтянуть подкрѣпленія Михаилъ Васильевичъ великій мастеръ.

На югѣ вчера было сравнительно тихо; противникъ накапливалъ средства. Странную форму начинаетъ принимать наше положеніе съ сокращеніемъ разстояній. Боремся въ сущности безъ сообщеній и въ самой чувствительной точкѣ почти пусто. Михаилъ Васильевичъ уступилъ настояніямъ Плеве*) и возвратилъ ему 12 сибирскую дивизію, которая шла въ Гродно. Плеве предпринимаетъ какое то наступательное движеніе съ 13 сибирской дивизіей и кавказскими стрѣлками. Жаль, что Михаилъ Васильевичъ уступаетъ просьбамъ командующихъ арміями. У него все всегда соображено и согласовано съ общимъ; и правильно; командующіе же арміями отвлекаются своими частностями. Слабая сторона въ томъ, что послѣдніе пріучаются не исполнять предначертаній главнокомандующаго и я предпочелъ бы, чтобы разъ отданное распоряженіе не измѣнялось бы. Въ данныхъ условіяхъ отданныя приказанія были соотвѣтственны; просьбами же снизу они расшатывались.

Послѣдующее будетъ теперь зависѣть отъ того, удержимся ли мы. Люди боевого опыта говорятъ, что удержимся. Мнѣ представ-

*) Ком-щій 5 арміей.

ляется, что люди опыта судятъ по фактамъ, когда была другая армія, было снабженіе и положеніе было иное. И противникъ былъ другой. Моя мысль, въ сопоставленіи съ мыслями другихъ, болѣе малодушна.

Послѣ Горлицкаго несчастія и послѣдующаго развитія военныхъ событій, при бѣдственномъ состояніи нашего снабженія, уже въ маѣ, скажу даже въ началѣ мая, по моему мнѣнію руководящая мысль должна была бы быть занята вопросомъ, какъ коренным образомъ отвести наши арміи въ такое положеніе, при которомъ, не рискуя своимъ существованіемъ, онѣ могли бы продолжать служить Россіи. Недостатокъ въ боевомъ снабженіи сковывалъ насъ чрезмѣрно. Предпринять что либо серьезное и въ широкомъ масштабѣ, чтобы выиграть себѣ положеніе, мы не могли. Намъ осталось: упорно держаться (безъ расчета на успѣхъ), противъ противника богато снабженнаго и свободнаго въ своихъ рѣшеніяхъ, или же маневрировать, чтобы выиграть время. Однако послѣднее требовало наличія снабженія для боевъ, безъ которыхъ маневръ терялъ всякое значеніе и пользу. Пассивная же оборона, хотя бы за окопами, въ нашихъ условіяхъ, съ короткими выпадами, сулили бѣду, а с.-з. арміямъ, при малѣйшей неустойкѣ, гибелью. Была надежда на улучшеніе нашего снабженія, но она не поддается учету, по крайней мѣрѣ, боевые дѣятели лишены были возможности опредѣлить, когда это улучшеніе начнется и въ какихъ размѣрахъ. Я считалъ, что разбирая наше положеніе только съ точки зрѣнія оперативной, оно уже въ іюнѣ было таково, что разсчитывать на возможность отхода с.-з. армій не было никакой возможности. Но вѣдь это только одна сторона дѣла, характеризующая лишь положеніе и указывающая на мѣры, которыя необходимо было принять, чтобы избѣгнуть это несчастіе. Теперь мы въ началѣ этой фазы, когда должно опредѣлиться, вырвемся ли мы изъ объятій нажимающаго на насъ врага?

На югѣ, въ раіонѣ X корпуса, нѣмцы пробились сѣверо-западнѣе Горшкова, къ Оржехову, доминирующему надъ всею мѣстностью. На нашемъ сѣверномъ фронтѣ, съ большими потерями, отходимъ къ Рожанскимъ позиціямъ. Разстроены туркестанскія части и подошедшая 30 дивизія, хотя послѣдней временно удалось внести тамъ нѣкоторую устойчивость. Можетъ быть на югѣ Радко-Дмитріеву съ 2 Сибирскимъ корпусомъ удастся стабилизировать положеніе въ III арміи. Винить войска въ недостаточной стойкости нельзя. I Сибирскій корпусъ дрался геройски и остальные жертвовали собой, но сила и губительность непріятельской артиллеріи повсюду скашивала нашихъ храбрецовъ.

Если въ управленіи на мѣстѣ и были дефекты, то не слѣдуетъ забывать, что положеніе войскъ было до нельзя растянутое, а управленіе въ большинствѣ случаевъ проходило по телефонамъ и имъ злоупотребляли. Такимъ образомъ, распоряженія даже частныхъ начальниковъ воспринимали впечатлѣнія младшихъ начальниковъ, подверженныхъ непосредственному вліянію современнаго боя. Но бывало и обратное.

Тяжелое наслѣдство получилъ ген. Алексѣевъ. Онъ все это видѣлъ, но какъ всѣ — надѣялся. Имѣлъ ли онъ въ виду очистить крѣпости.

Съ появленіемъ на театрѣ войны такихъ крупныхъ калибровъ, о которыхъ раньше для полевой и осадной войны не думали въ мирное время, послѣ быстраго паденія Бельгійскихъ крѣпостей, Мобежа и другихъ сооруженій, у насъ закралось также сомнѣніе въ пригодности крѣпостей, а нашихъ слабо бетонированныхъ и не готовыхъ, въ особенности. Но Михаилъ Васильевичъ этому скороспѣлому настроенію не поддался и очищеніе нѣкоторыхъ крѣпостей вызвано было не этими, а болѣе серьезными соображеніями. Новогеоргіевскъ онъ бросать не желалъ, хотя по устройству, ослабленному значенію одинокой крѣпости, онъ былъ не сильнѣе остальныхъ. Посылая меня 24 іюня къ ген. Бобырю, чтобы разобраться, можно ли оттуда скоро вывезти все цѣнное, онъ, по моему, желалъ лишь успокоить себя, ибо оба мы отлично были ознакомлены съ нею и знали, что по устройству ея и по состоянію желѣзныхъ дорогъ вывезти оттуда имущество быстро нельзя было.

Сегодня данъ приказъ XXVII корпусу войти въ составъ гарнизона и о подвозѣ винтовочныхъ патроновъ.

Нѣмцы бьютъ на Цѣхановъ — Прасн.ышъ — Оржицъ. Дорога открыта на Варшаву и Остроленку. Путь ихъ, по моему, не на Варшаву, куда подтягиваются части I арміи. Съ хорошимъ армейскимъ управленіемъ это еще не велика бѣда, но опасаюсь, что тамъ онѣ и застынутъ.

Почему Гинденбургъ направилъ ударъ на Наревъ? Онъ въ большой связи съ остальными дѣйствіями, хинтерландъ понадежнѣе, чѣмъ въ направленіи отъ Бобра — это вѣрно. Направленіе дѣйствій, послѣ пораженія нашей X арміи въ началѣ года не дало должныхъ результатовъ и не очень поколебало общее наше положеніе, но разница между теперешнимъ и недалекимъ прошлымъ большая. Для нанесенія намъ удара отъ Бобра существующій хинтерландъ достаточенъ, да и къ сѣверу отъ него и къ сѣверу отъ Нѣмана — нѣмцы. Съ точки зрѣнія обезпеченія операціи, она, на мой взглядъ, была бы обезпеченная. Учитывая, что произошло за эти пять дней, трудно допустить, что мы стоимъ передъ демонстраціей. Слишкомъ далеко зашла въ своемъ развитіи операція, чтобы технически перейти теперь къ атакѣ насъ главными силами на Бобрѣ. Силы нѣмцевъ не безграничны. Однако быть совершенно спокойнымъ за Бобръ нельзя, даже при томъ условіи, что оттуда тревожныхъ свѣдѣній о скопленіи тамъ нѣмецкихъ силъ сюда еще не поступали.

4 іюля. Въ положеніи, гдѣ все благополучіе сосредоточено въ томъ чтобы отбиться, ожидать хорошаго трудно. Это не пессимизмъ, а простое опредѣленіе положенія.

Если вѣрить нашимъ развѣдкамъ, то почти вездѣ противъ насъ приблизительно равныя силы, а противъ I арміи и юго-восточной части южнаго участка, непріятельскихъ силъ больше. Противникъ вездѣ можетъ наступать, а мы только отбиваться. Въ Курлянскомъ

и Шавельскомъ раіонѣ мы сильнѣе, но и тамъ обороняемся. Плеве организуетъ тамъ съ помощью 13 Сибирской дивизіи и Кавказскихъ стрѣлковъ наступленіе. но оно странное. А нѣмцы со слабыми силами наступаютъ отъ Венты къ Митавѣ и держатъ насъ оборонительно въ раіонѣ Шавель. Не будетъ ли ударъ Плеве по воздуху, даже въ случаѣ удачи? Но это частность, главное здѣсь.

Раньше обстановку окружающая сфера дурной не находила, теперь же, когда войсковое положеніе на Наревѣ скомпрометировано, проявляется опасеніе.

II армія получила приказаніе отходить на Блонскія позиціи. Какъ это ей удастся выполнить? Вообще какъ, подъ напоромъ противника, намъ удастся занять это положеніе, когда противникъ, если не повсюду, но все таки диктуетъ намъ свою волю? Гдѣ это болѣе выгодное положеніе? Численно войска слабы, много невооруженныхъ, патроновъ мало, офицеровъ ничтожное число, артиллерія сократилась. Съ арміей начала войны мы въ теперешнихъ условіяхъ не только бы удержались, но могли бы разбить врага. Говорятъ врагъ борется изъ послѣднихъ силъ, но я этого не вижу. Дирижируетъ во всякомъ случаѣ онъ.

Намъ даже отойти опасно, ибо какъ только двинемся назадъ, противникъ ринется на насъ и тогда, съ каждымъ шагомъ будетъ труднѣе. Приходится биться тамъ, гдѣ стоимъ. Удержимся, истощимъ его, тогда отведемъ наши войска на востокъ и не сразу, а постепенно. Подготовлено ли это? Оперативная часть говоритъ, что подготавливается и даже какъ будто подготовлено, а по моему не подготовлено. Въ маѣ на меня широко раскрыли глаза, „Ваше Высокопревосходительство хотите отхдить на З. Бугъ“. Мостовъ вновь построенныхъ на З. Будѣ не было. Теперь приступаютъ къ ихъ постройкѣ.

Въ апрѣлѣ когда на с.-з. фронтѣ было лишнихъ 20 дивизій, можно было думать о какихъ то дѣйствіяхъ, хотя снабженія тоже не было, но эти 20 дивизій ушли. Когда пріѣхалъ М. В. Алексѣевъ, въ арміяхъ былъ некомплектъ въ 320 т. Онъ его отчасти пополнилъ.

7 іюля. Вчера, по просьбѣ Михаила Васильевича въ Сѣдлецъ пріѣхалъ Верховный Главнокомандующій. Ген. Алексѣевъ доложилъ Его Высочеству положеніе, какъ онъ мнѣ сказалъ вечеромъ.

Настроеніе Верховнаго бодрое. Онъ разсчитываетъ на Михаила Васильевича. Больше не на кого.

Вотъ вопросъ какъ вывести арміи и спасти ихъ? Все обставлено случайностями и изъ нихъ главнѣйшая, воля противника. Что возможно, Михаилъ Васильевичъ сдѣлаетъ и съ задачей справится, но остальные?

Ю.-з. фронтъ отходитъ передъ противникомъ, который въ сущности сторожитъ его. Сознаетъ это и Великій Князь, но помочь горю не можетъ.

Ген. Литвиновъ настоялъ на перемѣщеніи 27 корпуса къ Вышкову, гдѣ онъ безполезенъ. Вчера вечеромъ, прощаясь съ Михаиломъ Васильевичемъ, я сказалъ ему объ этомъ. Онъ отвѣтилъ, что вѣрно

и корпусъ будетъ переведенъ въ Островъ. III и IV арміи отходятъ. Какъ мы выведемъ II?

Затишье у Литвинова меня смущаетъ тѣмъ, что все-таки опасаюсь переброски нѣмцевъ къ Бобру, хотя съ другой стороны они достаточно сильно втянулись къ сторонѣ Нарева.

Новогеоргіевскъ получитъ гарнизонъ и, если окажется возможнымъ, ему подвезутъ и патроны. Бобырь нервничаетъ, что видно изъ его просьбъ. А. И. Литвиновъ, а можетъ быть ген. Одишелидзе, фантазируетъ.

I армія едва убрала хвосты, а они проектируютъ наступленіе всей арміей, назначая его черезъ два дня, а начало съ 10 час. утра. Но вѣдь это для публики. Хотѣли, молъ, наступать, а намъ не разрѣшили. И понятно не разрѣшатъ, что имъ и собщено. В. М. Безобразовъ, минуя командующаго арміей, шлетъ главнокомандующему жалобу, что ему не позволили наступать; а въ то же время тяжелая гвардейская артиллерія отправляется назадъ.

Какъ будто нормально; грозно, но нормально.

Нѣкоторыя дивизіи на южномъ участкѣ сократились до 1.800 штыковъ; въ Сѣдлецѣ нѣкоторыя вліятельныя лица находятъ, что на этомъ участкѣ наши силы равны нѣмцамъ.

Однако начальникъ штаба думаетъ объ отводѣ штаба и комендантъ нашъ выѣхалъ въ Волковыскъ.

Мы, какъ вчера говорилъ Великому Князю Петру Николаевичу, переходимъ изъ области разсчета къ азарту, когда карта можетъ быть или выиграна или бита. Съ такими большими арміями переходить въ такую область опасно.

Михаилъ Васильевичъ полагаетъ, что II армію можно будетъ оттянуть раньше, чѣмъ думаю я. Но все въ такой связи, что неустойка въ одномъ, двухъ мѣстахъ и разсчеты могутъ разстроиться.

9 і ю л я. Большое нравственное огорченіе доставило нашему главнокомандующему распоряженіе начальника снабженій ю.-з. фронта о сгонѣ населенія при отступленіи и сопряженномъ съ этимъ уничтоженіемъ имущества. Что то подобное было сдѣлано и у насъ, по частной инициативѣ, въ Плонскомъ уѣздѣ. Такія мѣры только во вредъ намъ, не говоря о страданіяхъ, причиняемыхъ ни въ чемъ неповинному населенію.

Эвертъ на правомъ берегу р. Вислы, ген. Смирновъ еще на лѣвомъ. Что дѣлается у Литвинова и между Островомъ и Новоградомъ пока не совсѣмъ ясно. Кавалерію, казалось, слѣдовало отвести отъ Нарева, ибо 6 и 8 кавалерійскія дивизіи бьются тамъ, какъ пѣхота.

II арміи, пожалуй, слѣдовало въ ночь на завтра начать переходъ на правый берегъ, а VI корпусъ отвести къ фортамъ Варшавы. Оттуда легче будетъ отодвинуть ихъ къ меридіану Н. Минска, затѣмъ Малкинъ—Сѣдлецъ—Луковъ и далѣе за Бугъ. Если мы удержимся у Мазовецка—Замброва и на Бобрѣ, армію отведемъ почти въ полномъ составѣ.

10 іюля. Относительное затишье на сѣверѣ, но его продолжительность меня безпокоитъ. Съ Наревскаго направленія, на которомъ накопилось много нашихъ войскъ, нѣмцамъ выгодно перебросить хотя бы 4—5 дивизій на Бобрское направленіе. Это внесло бы большое осложненіе и въ безъ того сложное положеніе. Впрочемъ Михаилъ Васильевичъ объ этомъ думаетъ. 8 іюля онъ приказалъ подготовить быстрый перебросъ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ отъ Вышкова къ Бѣлостоку. Вмѣсто подготовки перешли къ исполненію. Къ счастью, Михаилу Васильевичу удалось остановить это. „Вотъ почему я работаю самъ", сказалъ онъ мнѣ вчера, „по крайней мѣрѣ нѣтъ недоразумѣній".

Не время теперь соваться съ совѣтами, но наши вечерніе разговоры всѣ подходятъ къ одному, къ возможности вывести наши войска изъ котла.

Вечеромъ. Въ I арміи, въ Пултускомъ раіонѣ, нѣмцы прорвали наши позиціи. Утромъ они перешли Наревъ восточнѣе Пултуска, въ раіонѣ Лохскихъ болотъ; сильно повреждены Рожанскія укрѣпленія. Устойчивость нашего положенія будетъ зависѣть отъ выдержки командующаго I арміей.

Однако не вижу этой устойчивости, ибо войска разбрасываются по всѣмъ румбамъ, вмѣсто того, чтобы, выдержавъ и собравъ что возможно дѣйствовать, гдѣ нужно. Не ладно и у ген. Плеве. Все читаемъ „наступать и наступать". Штабъ переѣхалъ въ Крейцбургъ. Что съ 19 корпусомъ — неизвѣстно. 3 и 37 корпуса съ 1-й гвардейской и 15-й кавалерійскими дивизіями сбились въ кучу.

И на югѣ не ладно. Стоитъ противнику отстать, сейчасъ идутъ крики (больше на бумагѣ) о наступленіи.

Эти крошки войска, что дерутся на югѣ, выказали столько самоотверженія, что диву даешься откуда оно взялось въ этихъ людяхъ, истомленныхъ мѣсячными боями и непрерывнымъ отступленіемъ.

Настаетъ серьезнѣйшая минута для Русской Арміи.

Сегодня главнокомандуюшій, въ 8 часовъ вечера, приказалъ ген. Данилову очищать Варшаву отъ гражданскихъ властей. Это конецъ похороннаго звона, который начатъ былъ въ 1910 году уничтоженіемъ свыше полувѣковой работы Царей, Арміи и Русской военной мысли. Теперь надо спасать армію, спокойно, не смущаясь жертвами. Мы считаемъ, что Михаилъ Васильевичъ дастъ все, что можетъ дать сильный и проникнутый любовью къ Отечеству человѣкъ.

11 іюля. Только теперь для нѣкоторыхъ начинается вырисовываться затруднительное положеніе частей арміи. Многіе считали и считаютъ наше положеніе еще прочнымъ, а потому всякая мѣра, хотя бы частная, указывающая на очищеніе Польши и возможности ея очищенія, принимаются неохотно и отдаются поздно. Въ этомъ кроется большая опасность.

Но масса въ своемъ отходѣ тронулась и задержать ее нельзя, ибо въ распоряженіи главнокомандующаго для этого нѣтъ средствъ.

Вся суть — оберечь массу въ ближайшемъ будущемъ отъ безпорядка и дать теченію приличный характеръ, поддающійся управленію.

О возможности отхода какъ будто не думали или не хотѣли думать, а между тѣмъ фактически мы это дѣлаемъ, но въ этомъ не хотимъ признаться, Вліяніе опыта первыхъ мѣсяцевъ продолжаетъ тяготѣть надъ нами въ то время, когда составъ арміи иной, офицерство тоже измѣнилось и армія вообще лишена снабженія.

Михаилъ Васильевичъ измученъ. Онъ одинъ. Нѣкоторую помощь оказываетъ ему Борисовъ, живущій съ нимъ.

Лозунгъ: „армію, когда нужно, выведите, но Варшаву держите до крайности", связываетъ главнокомандующаго. Одно противорѣчитъ другому и это противорѣчіе создаетъ рѣшеніямъ главнокомандующаго большія затрудненія.

Вчера онъ мнѣ разсказывалъ, что утромъ ему настоятельно, но безъ разумныхъ доводовъ, указывали на необходимость перехода всѣмъ фронтомъ въ наступленіе, ибо нѣмцы истощены. Что сказать на это? Или полное непониманіе, или какой то маневръ. Зная предлагавшихъ, считаю, что первое.

Ген. Лешъ*) предпринимаетъ частное наступленіе. Можетъ быть такъ и нужно. Къ всякому проявленію энергіи надо относиться съ сочувствіемъ, но предпринимая наступленіе съ 4 корпусами, нельзя пятому, т. е. гвардейскому, предоставлять или стоять, или наступать, чтобы только не ссориться съ В. М. Безобразовымъ.

Меня все таки удивляетъ развитіе нѣмецкой операціи отъ Нарева. Они одержали рядъ серьезныхъ успѣховъ, но, вопреки ихъ манерѣ, не развили ихъ неудержимо. Или не могли, или хотятъ что-то другое. Но гдѣ? На Наревѣ, или на Бобрѣ? А можетъ быть и силъ недостаточно?

Получилъ увѣдомленіе, что Государственный Совѣтъ собирается къ 19 іюля. Очень интересно было бы проникнуть въ настроеніе высокаго Собранія; хотя у меня никакого опредѣленнаго дѣла здѣсь нѣтъ, но такъ какъ съ каждымъ днемъ дѣлается не легче, то оставлять Михаила Васильевича не могу. Онъ временами такъ измученъ, что спокойное слово можетъ быть полезно. Стараюсь отвлечь его отъ мелочей. Вижу его разъ въ день, когда прихожу, чтобы вытащить его, теперь уже на $^1/_2$ часовую прогулку. Просто страшно думать, какъ такое громадное дѣло воплотилось въ одномъ человѣкѣ, и нѣтъ у него организованной помощи. Много офицеровъ генеральнаго штаба вокругъ него, а толку мало. Боюсь, какъ бы не лопнула перетянутая струна.

13 іюля. Вчера вечеромъ, гуляя съ Михаиломъ Васильевичемъ, я коснулся необходимости усиленія праваго фланга I арміи насчетъ ея лѣваго и сбора ихъ къ Малкину. Михаилъ Васильевичъ съ этимъ не согласился и въ силу того соображенія, что I армія со всѣми влитыми въ нее частями сильнѣе нѣмцевъ. У него нѣтъ опасеній за XII армію и въ особенности за ея лѣвый флангъ, поддержанный

*) Командующій III арміей.

68 дивизiей. Меня это успокоило. Михалъ Васильевичъ не сомнѣвается, что ему удастся полностью вывести II и IV арміи, а постепенно и остальныя. Учрежденія и обозы отведены, и далеко. Противникъ сильно пострадалъ и, хотя искуссно усиливаетъ свои войска, но и къ намъ должны подойти подкрѣпленія. Правда, послѣднія въ сыромъ видѣ.

Колебать эту увѣренность я, понятно, не могъ, тѣмъ болѣе, что многое мнѣ неизвѣстно. Многое приходится узнавать изъ телеграммъ командующихъ армій, имѣющихъ манеру повторять подробности полученныхъ приказаній въ своихъ телеграммахъ, что въ большинствѣ случаевъ непрактично.

Вчера сюда пріѣхалъ князь П. Е. Енгалычевъ съ просьбой дать Варшавѣ 2.000 вагоновъ для вывоза машинъ. Обѣщали, но что онъ получитъ? Дороги загромождены, узлы забиты.

Забивка желѣзныхъ дорогъ вызвана неподготовленностью узловъ, предъявляемымъ имъ чрезмѣрнымъ требованіямъ, да и вѣроятно въ работѣ военныхъ и желѣзнодорожныхъ агентовъ нѣтъ должнаго согласія. Личный составъ дорогъ выбился изъ силъ и истощенъ.

Теперь потоки грузовъ съ запада идутъ и пойдутъ отовсюду и узламъ къ востоку отъ Западнаго Буга предстоятъ большія напряженія, съ которыми они не въ силахъ будутъ справиться.

Я думаю, что въ Россіи не совсѣмъ ясно понимаютъ наше положеніе. По спискамъ у насъ громадная армія, но дай Богъ, чтобы борящихся было 40%. Борящаяся масса таетъ, рабочая въ тылу растетъ и окажется, взявъ 1 милліонъ ртовъ, борется можетъ быть 400 тысячъ. Въ этомъ сказывается не столько складъ нашихъ привычекъ, но и вліяніе нашей территоріи и отсутствіе власти, ограничивающей это организаціонное безобразіе. Можетъ быть я накладываю слишкомъ густыя краски, но если сократить %, то и тогда значеніе этого явленія останется печальнымъ.

2 августа. 13 іюля Верховный Главнокомандующій вызвалъ меня телеграммой въ Ставку. Въ 2 часа дня я выѣхалъ изъ Сѣдлеца въ автомобилѣ, ибо желѣзная дорога была забита. Въ Брестѣ повидалъ коменданта ген. Лайминга; переговорилъ съ нимъ о работахъ на западномъ его фронтѣ, о передовыхъ позиціяхъ и вечеромъ выѣхалъ въ Барановичи.

14-го узналъ, что меня посылаютъ для осмотра инженерныхъ работъ въ раіонѣ Финскаго залива. Миссію считали деликатной, ибо на этихъ работахъ скрещивались вліянія морского и сухопутнаго вѣдомствъ.

16 іюля утромъ переговорилъ въ Петроградѣ съ Рузскимъ, вечеромъ было совѣщаніе въ штабѣ, на слѣдующій день повидалъ Поливанова и Григоровича, а вечеромъ выѣхалъ въ Ревель, гдѣ работалъ до вечера 20-го. Послѣдовательно осмотрѣны работы въ Вайварѣ, у Парголова, въ Выборгѣ и наконецъ въ Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ, съ окружающими ихъ раіонами. 1 августа прибылъ въ Ставку.

Много возни было съ Ревельской крѣпостью, гдѣ главнымъ строителемъ былъ почтенный инженеръ ген. В. И. Щегловъ, съ которымъ много работалъ раньше. Заданія, которымъ должна была удовлетворять эта крѣпость, были двухсторонняго характера и уложить ее въ одномъ цѣльномъ твореніи, скажемъ приличнаго вида, оказалось совершенно невозможнымъ.

Обезпеченіе флота и его учрежденій (Ревельскій плесъ о. Вульфъ-портъ) требовало одно, обезпеченіе города съ его магазинами и заводами, лежащими къ западу — другое. Требовалось созданіе такой крѣпости-монстръ, которая въ первоначальныя предположенія не входила. Рядъ мѣстныхъ особенностей и неудобствъ усиливали трудности работъ. Часть долговременныхъ построекъ вчернѣ была закончена, другія въ ходу, а впереди море работъ, чтобы приспособиться къ выяснившимся уже новымъ условіямъ артиллерійскаго боя. При этомъ слабая надежда, что для этого инженернаго чудища, когда придетъ время его защищать, найдется гарнизонъ. Пересоздавать, понятно, ничего нельзя было, а приходилось приспособляться, что Щегловъ и очень энергичный и дѣятельный комендантъ, адмиралъ Герасимовъ, и дѣлали.

Работы въ Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ близились къ концу; второй въ артиллерійскомъ, а первый только въ инженерномъ отношеніи. Много проявлено было въ оборонительныхъ постройкахъ Гельсингфорса инженернаго таланта при возведеніи въ гранитѣ укрѣпленій, но, къ сожалѣнію, и въ этомъ строителямъ пришлось сознаться, отверстія окоповъ были широки.

Морскія сооруженія на Наргенѣ и Перкалаудѣ еще ожидали прибытія своихъ чудовищъ пушекъ, разсчитывая, что къ концу года они ихъ получатъ. Очень въ этомъ сомнѣвался.

Надъ Выборгомъ усердно и съ энергіей работалъ ген. Петровъ, ея комендантъ, но работъ тамъ была уйма, въ особенности для созданія фортовъ долговременнаго типа. Большія трудности представлялъ скалистый грунтъ. Работы на такъ называемыхъ Вайварскихъ позиціяхъ, въ сущности, по моему взгляду, излишнихъ, производились усердно. Давъ необходимыя указанія, просилъ отнюдь не трогать Петровскихъ шанцевъ, идеально заложенныхъ и хорошо до сихъ поръ сохранившихся, къ улучшенію коихъ, вѣрнѣе къ порчѣ, хотѣли приступить и кое что тронули.

Подробное донесеніе, выводы и все, что въ подобныхъ случаяхъ полагается, представилъ кому слѣдуетъ.

Меня хотятъ сдѣлать главнымъ руководителемъ инженерныхъ работъ всей арміи и поручить мнѣ надзоръ за ними. Пока ищутъ, что укрѣплять. Я сказалъ, что долженъ раньше ознакомиться съ общими соображеніями, съ современными частностями, выяснить себѣ потребности, связать ихъ съ оперативными требованіями и, поработавъ, буду въ состояніи сказать, что надо сдѣлать и что для этого нужно.

У генералъ-квартирмейстерской части уже есть какія то свои

соображенія по инженерной подготовкѣ, которыя сегодня будутъ доложены Великому Князю.

Я собирался ѣхать въ Волковыскъ, гдѣ находился штабъ главнокомандующаго, но Великій Князь приказалъ мнѣ остаться. Вечеротъ бесѣдовалъ съ Его Высочествомъ о разныхъ дѣлахъ. Я ему сказалъ, что въ Петербургѣ толкуютъ, что штабъ его въ сущности смѣненъ и что инициатива этого исходитъ отъ Думы. Дѣйствительно, по этому вопросу Великій Князь, не знаю только отъ кого, получилъ что то вродѣ запроса и князь Щербатовъ сегодня уѣхалъ въ Петроградъ съ отвѣтомъ.

Великій Князь стоитъ на слѣдующей точкѣ: начальника штаба и генералъ-квартирмейстера онъ не выбиралъ, а они ему были въ началѣ войны назначены. Быть ими недовольнымъ не имѣетъ основаній, но если общественное мнѣніе и законодательныя палаты (Государственный Совѣтъ ничего не возбуждалъ) считаютъ, что въ теперешнихъ условіяхъ лучше ихъ замѣнить ген. Алексѣевымъ, а Государь Императоръ, который ихъ назначилъ, пожелаетъ, то Его Высочество возражать не будетъ. Много говорили о Михаилѣ Васильевичѣ, потомъ о Пустовойтенкѣ и Борисовѣ.

Великій Князь ничего не имѣетъ ни противъ Янушкевича, ни противъ Ю. Н. Данилова. Онъ цѣнитъ ихъ, но общаго между имъ и ними мало и близости нѣтъ. Такъ мнѣ казалось, и В. Князь Петръ Николаевичъ, очень наблюдательный, мнѣ это подтвердилъ. Очень жаль; въ такой работѣ близость и сродство между людьми, дѣлающими одно дѣло, необходимы.

4 августа — Волковыскъ. 2 августа ген. Янушкевичъ демонстрировалъ мнѣ 40 верстную карту, на которой проведены были длинныя черты. Онѣ обозначали полосы, которыя предполагали укрѣпить. „Чья это голова нашла эти линіи"? спросилъ я его. Къ этимъ изображеніямъ, если они вообще нужны, можно было притти, предварительно исполнивъ довольно сложную работу. Въ настоящемъ же видѣ онѣ для разрѣшенія вопроса объ инженерной подготовкѣ служить не могли. Высказалъ я это генералу; потомъ говорилъ съ Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ. Ему и военная и обстановка Ставки были ясны. Между Верховнымъ и штабомъ единенія нѣтъ и кривая отношеній и довѣрія была колеблющаяся. По благородству и гордости Великій Князь сваливать вину на штабъ не будетъ, хотя чувствуетъ, что главные дѣятели ему чужіе, что у нихъ не прерывалась связь съ бывшимъ военнымъ министромъ, и что то сглаживалось.

Временемъ Великій Князь пріобщался къ ихъ работѣ. Къ тяжелому положенію всѣ попривыкли и причина всѣхъ золъ найдена въ бѣдности снабженія. Напряженная жизнь всѣхъ утомила. Наружно бодры, но внутри точетъ червь.

Верховный многое желалъ бы измѣнить, но въ той обстановкѣ въ которой онъ жилъ, это было чрезвычайно трудно.

Его Высочество хотѣлъ бы, чтобы я остался въ Ставкѣ и работа какъ будто намѣчена. Сказано мнѣ это было 1 августа, а вчера,

послѣ совѣщанія, когда я пришелъ къ нему спросить, оставаться ли въ Ставкѣ или ѣхать въ Волковыскъ, Его Высочество опредѣленно не отвѣтилъ: когда же я доложилъ, что поѣду въ Волковыскъ, переговорю съ Алексѣевымъ, а, если надо будетъ то меня могутъ вызвать, то на этомъ и остановились.

Вчера въ Волковыскѣ совѣщаніе пришло къ рѣшенію раздѣлить нашъ фронтъ и образовать изъ него Западный и Сѣверный фронты, подчинивъ послѣдній ген. Рузскому. Къ этому раздѣленію генералъ-квартирмейстерская часть приспособила админнстративное устройство тыловъ. Это послѣднее однако не то, что говорилъ мнѣ Верховный Главнокомандующій 2 августа въ Ставкѣ. Новое устройство введено будетъ съ 17 августа.

Нашъ начальникъ снабженія, Н. А. Даниловъ кратко объяснялъ М. В. Алексѣеву подробности, когда пили дообѣденный чай. Мое мнѣніе было, что изъ всего этого должна выйти чепуха. Н. А. Данилову это не понравилось. Но это не такъ важно, въ настоящее время важнѣе происходящее на желѣзныхъ дорогахъ.

Пріѣхавъ въ поѣздѣ Верховнаго 3 августа въ Волковыскъ, я обратился къ полк. Гамбургеру, чтобы узнать, что дѣлается на жезѣзныхъ дорогахъ. Дороги забиты, а имперскія дороги не принимаютъ составовъ съ запада.

Прощаясь съ Великимъ Князеиъ, доложилъ ему это бѣдственное обстоятельство, прося протелеграфировать предсѣдателю министровъ и Рухлову о прекращеніи безобразія.

Лѣвобережная часть Ковно, вѣроятно, вчера пала.

Еще въ іюнѣ мнѣ казалось, что мы можемъ стать прочно въ урочищахъ Бѣлостока — Брестъ, сохранивъ за нами Нѣманъ. Съ паденіемъ Ковно, это не осуществимо.

Но арміи выведены и это величайшая заслуга дѣло нашего главнокомандующаго Михаила Васильевича Алексѣева. Поклонились ли ему до земли? Не думаю.

Пылкіе стратеги опасаются теперь за Петроградъ и Москву. Но взоры нашихъ враговъ направлены не на нихъ, а на нашу многострадальную армію, которую имъ надо уничтожить.

Ихъ военная мысль вышколена въ разумной школѣ старика графа Мольтке. Умъ ихъ дисциплинированъ и имъ чуждо увлеченіе. Ихъ движеніе къ З. Двинѣ, обезпеченіе ихъ дѣйствій противъ нашей арміи, а направленіе дѣйствій указано природой. Война для нихъ встугаетъ въ серьезнѣйшую стадію и не время имъ, отвлекаясь отъ главнаго, выступать на экспедиціи, лишенныя реальнаго значенія. Имъ нужна наша армія.

Усиленно прошу снять съ передовыхъ позицій наши инженерныя организаціи, гдѣ съ ихъ составомъ, онѣ могутъ работать только урывками.

14 августа. Между Лидой и Барановичами. Вчера вечеромъ кончилъ рекогносцировку Лидскихъ позицій и рѣшены детали ихъ укрѣпленія и приступъ къ работамъ. Строителемъ инже-

неръ Таранъ-Бѣлозеровъ, котораго почти насильно вырвалъ изъ Волковыска.

Въ Волковыскѣ, 3 августа, принялся за работу, порученную мнѣ главнокомандующимъ. 4 августа онъ ихъ утвердилъ; сообщивъ объ этомъ начальнику штаба и ген. Пустовойтенко, я просилъ ихъ снять съ передовыхъ позицій строительства и направить ихъ для работъ въ тылъ.

4 августа переговорилъ съ дорожнымъ строительствомъ и отъ него узналъ. что оно строитъ. Строили и чинили нужныя, безполезныя и совсѣмъ вредныя дороги.

Дѣло это не можетъ оставаться дальше безъ руководства начальника штаба. Очень серьезно поговорилъ съ ген. Гулевичемъ.

Въ результатѣ получился приказъ № 366.

Согласно приказа, который получилъ 8 августа, мнѣ, въ числѣ другихъ, поручены были два строительства для работъ въ раіонахъ Лиды, Пинска и Слуцка. 9 августа выѣхалъ изъ Волковыска и по 13 августа, съ полк. Таранъ-Бѣлозеровымъ и Зубчевскимъ мы были заняты Лидою. 12 августа отправилъ для такихъ же работъ въ Молодечно полковника Зубчевскаго и сообщилъ командующему I арміей о работахъ и что до вечера 15 августа схему работъ слѣдуетъ получить въ Лидѣ отъ полк. Таранъ-Бѣлозерова.

Пріѣхавъ 14 въ Барановичи, я узналъ, что штабъ главнокомандующаго тамъ.

16 августа. Лунинецъ. Не доѣзжая Лунинца верстъ 20 мы попали въ вереницу поѣздовъ, стоявшихъ на мѣстѣ, и простояли часа четыре. Лунинецъ очень забитъ.

Все, что дѣлается кругомъ, — странно. Силимся вывезти, что возможно, т. е. гроши, а изъ-за этого можемъ потерять Царство (польское).

Въ тылу масса невооруженныхъ солдатъ. Все это сидитъ въ вагонахъ днями и распускается, а изъ внутри страны двигаются свѣжія пополненія, все мальчики. Хорошая для нихъ школа для начала!

Мнѣ представляется, что россійскія учрежденія самымъ добросовѣстнымъ образомъ увеличиваютъ хаосъ, посылая арміи пополненія, выздоравливающихъ, запасы и т. п., когда обстановка требуетъ временно это ослабить и дать желѣзнымъ дорогамъ разобраться. Когда заявляешь, то говорятъ — „что же мы можемъ сдѣлать, мы написали, мы протелеграфировали“.

„Должны побѣдить“. Что пишетъ теперь все знающій М. О. Меньшиковъ?

„Должны побѣдить“. Надо умѣть побѣждать. А чтобы побѣждать, надо умѣть жить, умѣть трудиться, любить и соблюдать порядокъ во всемъ. Нельзя побѣждать въ безпорядкѣ. Война — хозяйственное дѣло. Надо вести ее рачительно и экономно. Добрый рачительный хозяинъ не остановится передъ большими расходами, и на войнѣ передъ ними нельзя останавливаться. Но нельзя расточать.

Все блуждаю въ послѣдніе дни по тыловымъ желѣзнымъ дорогамъ и сколько на нихъ безоружнаго народа, пока тихаго, но уже затронутаго распущенностью!

Мы не пускаемъ противника къ себѣ. Михаилъ Васильевичъ все дѣлаетъ, чтобы это достигнуть, но врагъ будетъ ломиться въ другомъ направленіи и если его пустимъ, всѣ откатимся назадъ.

Въ Пинскѣ закончилъ свой осмотръ и тамъ же встрѣтился съ рядомъ сюрпризовъ. Мастерскія Привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ и очень большое количество мѣди свезено туда съ запада, частью сложено, частью стоитъ на путяхъ. Тамъ же большія пинскія мастерскія. И все это придется теперь снова куда-то перевозить.

Населеніе принуждаютъ покидать свои мѣста и это большое бѣдствіе для населенія и для арміи.

Знаменитыя Пинскія болота въ этомъ году сильно подсохли и потеряли свое значеніе.

18 августа. Сегодня вернулся въ Барановичи.

14 августа М. В. Алексѣевъ передалъ мнѣ, что предстоятъ перемѣны въ Высшемъ Командованіи и что Его Величество приметъ на себя Верховное Командованіе, а онъ избранъ начальникомъ штаба. Осуществленіемъ этого торопятся. Михаилъ Васильевичъ просилъ Поливанова, пріѣхавшаго передать волю Государя, что необходимо дать операціямъ опредѣлиться и тогда осуществить перемѣну, но съ этимъ не согласились и торопятъ. Михаимъ Васильевичъ просилъ меня ѣхать съ нимъ въ Ставку. Съ нимъ я буду работать на какой угодно должности; оставаться же здѣсь съ людьми, съ которыми расхожусь во взглядахъ и въ методахъ работы, не могу. Однако, ѣхать прямо въ Ставку тоже нельзя. Нужно, чтобы Государь Императоръ раньше выразилъ на то свое согласіе.

Теперь поѣду вмѣстѣ съ М. В. въ Ставку, повидаю Великаго Князя и временно уѣду въ деревню, откуда пріѣду по первому требованію. Если мой призывъ не состоится, то попрошу отчислить меня въ Государственный Совѣтъ.

Завтра вечеромъ уѣзжаемъ въ Ставку.

Почти 4-хъ мѣсячное пребываніе „состоящимъ при" убѣдили меня въ безполезности пребыванія въ такомъ положеніи. Я просилъ Михаила Васильевича подумать какъ, если я буду призванъ, обставлена будетъ моя помощь. Просилъ не думать ни о титулѣ, ни о штатѣ, ни объ окладѣ. Все это лишнее.

Лично полагалъ, что кругъ моей дѣятельности могъ бы выразиться въ помощи будущему начальнику штаба во всѣхъ важнѣйшихъ хозяйственныхъ и административныхъ вопросахъ, въ связи съ оперативными. Несмотря на мое пристрастіе къ оперативнымъ работамъ, претендовать на нихъ не могъ. Эту работу должна была дѣлать одна голова, а именно Михаила Васильевича и вмѣшательство въ эту область другого, принесло бы вредъ. Но считалъ необходимымъ, предъявивъ кругъ обязанностей, дать мнѣ, буде это окажется нужнымъ, право распоряженій именемъ начальника штаба и право прослѣдить за исполненіемъ. Разговоры же, съ которыми,

теперь, соглашаются, а дѣлаютъ по своему, надо бросить какъ вредное времяпрепровожденіе.

19 августа. Отмѣчаю явленія протекающія передъ моими глазами, стараюсь опредѣлить причины по разспросамъ у лицъ непосредственно стоящихъ у дѣлъ, и на основаніи всего дѣлаю свои выводы.

Стоя въ сторонѣ, присматриваясь какъ течетъ жизнь и служба, какъ и кѣмъ она руководится и какъ проникаетъ въ жизнь, разсматривая законоположенія, коими руководствуются, никого не обвиняя, скажу, что оперативная дѣятельность не вполнѣ согласована съ хозяйственной и административной. Послѣдняя въ силу присущаго ей канцелярскаго характера продолжаетъ жить прежнимъ тогда, когда оперативныя требованія уже другія. Хозяйственная и административная работа менѣе гибка чѣмъ оперативная. Къ тому же „Положеніе" наградило ея старшаго начальника громадной властью. Теоретически это превосходно, въ жизни оно оказалось далеко не хорошимъ. Если бы у насъ начальникъ оказался менѣе умнымъ, но болѣе практичнымъ, ближе стоялъ бы къ жизни, тогда дефекты „Положенія" сказались бы менѣе сильно.

Когда Михаилъ Васильевичъ вступилъ въ командованіе с.-з. фронтомъ всѣ его заботы направлены были на армію и операціи. Рядомъ дѣйствовалъ административный аппаратъ. Онъ былъ имъ недоволенъ. 26 или 27 апрѣля онъ мнѣ сказалъ, что Н. А. Даниловъ необыкновенно доволенъ своей дѣятельностью, но что онъ не раздѣляетъ это. Войти же ближе въ дѣло онъ не могъ. „Да, не родился еще такой человѣкъ", сказалъ онъ мнѣ, „который могъ бы успѣшно справиться съ этимъ дѣломъ".

21 августа. Смоленскъ. Вчера въ 5 часовъ М. В. Алексѣевъ, Борисовъ, Пустовойтенко и я прибыли въ Могилевъ. Послѣ сравнительно короткаго разговора съ Михаиломъ Васильевичемъ, Великій Князь призвалъ меня и мы вмѣстѣ съ В. Кн. Петромъ Николаевичемъ просидѣли до 10 часовъ.

О многомъ было переговорено. Надо было помочь Алексѣеву и такъ его оставить въ Ставкѣ, чтобы онъ могъ съ удобствомъ работать, если Его Величество будетъ во главѣ, или если останется Великій Князь.

Есть масса мелочей, которыя мѣшаютъ работѣ и которыя будутъ нестись безропотно Михаиломъ Васильевичемъ, но которыя будутъ отнимать у него время (парады, завтраки, обѣды и т. п.) и ихъ надо устранить.

Говорили о возможной перемѣнѣ. Его Высочество бодрится и говорить, что благодаритъ Бога, что съ него снята ужасная обуза. „Вы не имѣете даже право радоваться этому", возразилъ я Его Высочеству; „я увѣренъ, что Вы не рады, такъ какъ Вы преданы и любите Государя и Россію и желаете имъ служить всѣми силами въ настоящее тяжелое время".

Что будетъ впереди мы не знаемъ, но время для перемѣны выбрано неудачно.

Къ вечеру явились какіе то признаки, что пріѣздъ Государя, намѣченный на 23 августа, будетъ краткосрочный: дворцовая полиція не принимаетъ регистраціи, пріѣхавшіе охранники говорятъ, что они пріѣхали на нѣсколько дней и пребываніе Государя продолжится также нѣсколько дней.

Я напомнилъ Великому Князю мой всеподданнѣйшій докладъ въ 1908 году, согласно которому, въ случаѣ пріѣзда Императора къ войскамъ для руководства операціями, главнокомандующій вступалъ въ должность Его Начальника Штаба. Великій Князь говорилъ объ этомъ раньше съ Государемъ, но съ той разницей, что Великій Князь полагалъ вступить не Начальникомъ Штаба, а Помощникомъ.

Въ свое время мѣра эта была предусмотрѣна, чтобы не нарушать хода управленія.

Говорили о тайныхъ побужденіяхъ этой перемѣны, но это не важно.

Важенъ фактъ. По моему, не было на то побудительныхъ причинъ, она несвоевременна, она можетъ усложнить положеніе Ставки. Есть выгоды: органы государства, надо думать, будутъ работать иначе, но это предположеніе. Зная людей и жизнь, этого не предвижу.

Личное присутствіе Государя при арміи, можетъ принести только добро и пользу, но необходимо устранить все придаточное. Однако, это не устранятъ.

Развернулъ передъ Великимъ Княземъ неурядицы на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, указалъ на причины и насколько могъ на мѣры къ устраненію нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Его Высочество хотѣлъ послать меня къ Рухлову, но я упросилъ послать инженера Шуберскаго. Онъ лучше меня это сдѣлаетъ. Надо разгружать зады.

Направленіе личныхъ моихъ дѣлъ Великій Князь одобрилъ, но думаетъ, что если во главѣ будетъ Государь, меня не примутъ. Возможно, однако, если моя помощь Алексѣеву должна быть производительна, то мнѣ надо стоять на какой то законной почвѣ.

Послѣ благоволенія ко мнѣ Государя Императора съ 1905-1909 гг., что то измѣнилось въ послѣдующіе годы. Почему — не знаю. Согласится ли Государь, чтобы я работалъ съ Алексѣевымъ? Великій Князь находитъ, что Его Величество не согласится по той причинѣ, что я близокъ къ М. В. Но это не причина. Одному Михаилу Васильевичу трудно будетъ свести возъ. Кромѣ меня будутъ: Борисовъ, Пустовойтенко и возможно П. П. Лебедевъ. Насъ будетъ пятеро единомышленниковъ въ родномъ дѣлѣ, думающихъ лишь о томъ, чтобы быть полезнымъ, а это все таки сила.

26 августа. Травино. Вчера послалъ М. В. Алексѣеву телеграмму: состоится ли о мнѣ рѣшеніе? Остался ли въ Ставкѣ Великій Князь, или Государь Императоръ принялъ командованіе?

27 августа. Травино. Къ какимъ рубежамъ отошла армія, въ какомъ направленіи развиваетъ врагъ свои усилія; успѣли ли наши

строительства что либо сдѣлать? Ясно одно: противникъ остановиться не можетъ. Его усилія, на лѣвомъ его флангѣ, должны быть направлены въ кратчайшемъ для него, по отношеніи нашей арміи, направленіи, т. е. на Ораны Гродно—Нѣманъ - Лида. Послѣдняя директива въ началѣ августа не поставила цѣль ясно и опредѣленно. Ею были довольны и только небольшой кружокъ около Михаила Васильевича, и азъ въ томъ числѣ, ею были неудовлетворены.

Врага надо удержать, такъ какъ разбить его мы не можемъ, а мы цѣлью ставимъ защиту Москвы и Петрограда, одинъ въ 1000, а другой въ 700 верстахъ и въ данное время аппетита у нѣмцевъ на нихъ не можетъ быть.

30 августа. Травино. У Тарнополя и Трембовли одержанъ значительный тактическій успѣхъ, хотя на главномъ направленіи на Ровно мы отходимъ. Если бы успѣхъ этотъ могъ быть въ дальнѣйшемъ развитъ къ сѣверу, т. е. противъ праваго фланга группы Макензена, то это могло бы остановить поступательное движеніе врага къ Полѣсью. Но развивать мѣстные успѣхи намъ трудно. Численный составъ армій не великъ, снабженіе слабо.

На сѣверѣ, надо думать, направленіе дѣйствій враговъ противъ нашихъ армій идетъ отъ Нѣмана на востокъ и юго-востокъ.

Въ случаѣ успѣха нѣмцевъ, Слонимскія позиціи его не удержатъ, а Барановичскія не успѣютъ подготовить. Но не думаю, чтобы они могли тѣснить насъ очень съ фронта, работа ихъ будетъ на флангѣ и мы будемъ отходить подъ давленіемъ ихъ тамъ.

Въ распоряженіи М. В. Алексѣева нѣтъ желѣныхъ дорогъ, чтобы парировать своевременно дѣйствія врага. Онѣ забиты и теперь забиваются еще болѣе.

Въ Ставку вызванъ инженеръ Паукеръ. Дай Богъ, чтобы ему удалось улучшить ихъ положеніе.

Въ часъ дня получилъ изъ Ставки слѣдующую телеграмму М. В. Алексѣева: „Моя первая просьба потерпѣла пока неудачу и осталась неисполненной“. Государю Императору не благоугодно было соизволить на мое назначеніе въ помощь Алексѣеву. Его воля. Вернусь въ Петроградъ въ составъ Государственнаго Совѣта.

Ф. ПАЛИЦЫНЪ.

Письмо въ Редакцію.

М. Г., Г-нъ Редакторъ!

Въ № 4 „Военнаго Сборника“ помѣщена статья Ю. Н. Данилова „Наше стратегическое развертываніе“. Эта статья почти тождественна съ очерками, нѣсколько ранѣе помѣщенными въ №№ 23 и 24 „Revue Militaire Française“, разобранными мною въ № 70—73 „Информаціоннаго Еженедѣльника“ отъ 25 ноября до 25 декабря прошлаго года. Не буду поэтому повторять высказаннаго мною, а ограничусь только возраженіемъ на одно изъ указаній Ю. Н. Данилова, отсутствующее въ „Revue Militaire Française“.

На стр. 93, кн. 4 „Военнаго Сборника“ Ю. Н. Даниловъ говоритъ: „Но главное управленіе генеральнаго штаба считало болѣе вѣроятнымъ наступленіе австрійцевъ въ сѣверномъ направленіи въ предѣлы русской Польши и на сближеніе съ восточнымъ фронтомъ германцевъ; штабъ-же Кіевскаго военнаго округа отстаивалъ преимущества для австрійцевъ восточнаго операціоннаго направленія, указывая, что наступленіе на сѣверъ явится возможнымъ для нашего противника лишь послѣ успѣха надъ нашими арміями на Кіевскомъ фронтѣ“.

Слова эти совершенно неправильно передаютъ мнѣнія и взгляды штаба Кіевскаго военнаго округа.

Мнѣніе штаба Кіевскаго военнаго округа было таково:

а) Для наступленія въ предѣлы Россіи нужно предварительно овладѣть Привислинскимъ краемъ. Слѣдовательно, туда прежде всего будетъ направлена операція противника.

б) Эту операцію нужно обезпечить со стороны Кіевскаго военнаго округа. Это обезпеченіе достигается, если арміи, собираемыя въ предѣлахъ Кіевскаго военнаго округа, будутъ отброшены отъ Австро-Венгерской границы на разстояніе примѣрно равное глубинѣ вторженія въ Привислинскій край.

Практически это выразится стремленіемъ противника занять Дубно-Ровненскій раіонъ. Операція противъ него возможна фронтальная, но, въ виду трудныхъ мѣстныхъ условій, возможна и обходная,

въ направленіи на Острогъ и Заславъ, чему благопріятствуетъ положеніе Дубно-Ровненскаго раіона и направленіе желѣзныхъ дорогъ.

Въ крайности противникъ приметъ всѣ возможныя мѣры къ овладѣнію р. Иквой и р. Стырью.

в) Это требуетъ наступленія противника, которое будетъ одновременно развиваться по двумъ направленіямъ въ сторону Привислинскаго края и въ сторону Кіевскаго военнаго округа, преимущественно въ сѣверной его части.

Такимъ образомъ штабъ Кіевскаго военнаго округа не отрицалъ вѣроятности наступленія противника въ Привислинскія край и не противопоставлялъ направленія на Привислинскій край, направленію на Кіевскій военный округъ и обратно. То и другое имѣло свое значеніе въ общей операціи.

Имѣвшіяся свѣдѣнія о сосредоточеніи противника подтверждали возможность такого наступленія. Какъ небезызвѣстно Ю. Н. Данилову оно послужило темой для военной игры старшихъ начальствующихъ лицъ въ Кіевѣ, въ мартѣ 1914 г.

Въ дѣйствительности сосредоточеніе Австро-Венгерской арміи было инымъ. Причины этого еще не выяснены въ литературѣ. Возможно, что на это повліяло отвлеченіе части силъ въ сторону Сербіи. Возможно, что общій недостатокъ силъ заставилъ отказаться отъ наступленія въ предѣлы Кіевскаго военнаго округа съ относомъ болѣе къ западу мѣста сбора войскъ, предназначенныхъ къ наступленію въ Привислинскій край. Но эта перемѣна въ обстановкѣ была выгоднѣе, чѣмъ обстановка, положенная въ основу первоначальныхъ стратегическихъ соображеній. Она не вызывала измѣненія общей идеи плана наступательныхъ дѣйствій, который легко былъ къ ней приноровленъ.

Затѣмъ ниже на той-же страницѣ Ю. Н. Даниловъ говоритъ, что разница во взглядахъ на обстановку порождала и разницу во взглядахъ на собственныя дѣйствія. Главное управленіе генеральнаго штаба настаивало на скорѣйшемъ переходѣ въ наступленіе въ Восточную Галицію, „хотя-бы съ нѣкоторымъ рискомъ для себя". Начальство же Кіевскаго округа „склонялось болѣе къ оттяжкѣ своего наступленія, разсчитывая на болѣе обезпеченный успѣхъ общаго наступленія всѣхъ четырехъ армій, по окончательномъ ихъ изготовленіи".

Все здѣсь высказанное страдаетъ полною неопредѣленностью. На какой срокъ начальство Кіевскаго военнаго округа считало нужнымъ оттянуть свое наступленіе? Въ какихъ предѣлахъ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба считало возможнымъ и нужнымъ рисковать?

На первый вопросъ могу отвѣтить вполнѣ утвердительно: начальство Кіевскаго военнаго округа не желало начинать наступленія до окончанія сосредоточенія своихъ войскъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ войскъ, прибывавшихъ изъ дальнихъ округовъ и запаздывавшихъ сосредоточеніемъ, т. е. примѣрно до 20—21 дня мобилизаціи. Всякія предварительныя операціи, по мнѣнію начальства Кіевскаго

военнаго округа, имѣли-бы частное значеніе. Они привели-бы къ разрозненнымъ дѣйствіямъ, можетъ быть повели-бы къ частнымъ успѣхамъ, можетъ быть къ частнымъ неудачамъ, но рисковали разстроить общее наступленіе. Они не дали-бы крупныхъ результатовъ. Начальство Кіевскаго военнаго округа предпочитало придерживаться основного рѣшенія, дѣйствовать сразу всѣми собранными силами, можетъ быть, крупно рисковать, но зато имѣть и шансы крупно выиграть. Уже при самомъ сосредоточеніи эти взгляды были повторены командующимъ арміей въ письмѣ на имя командира XI корпуса, являвшагося сторонникомъ частныхъ предпріятій.

Только указаннаго срока и ждало начальство Кіевскаго военнаго округа для перехода въ наступленіе.

На второй вопросъ, въ какихъ предѣлахъ главное управленіе генеральнаго штаба считало возможнымъ и нужнымъ рисковать, ничего положительнаго сказать не могу. Въ дѣлахъ штаба Кіевскаго военнаго округа было-бы безполезно искать указаній свыше на этотъ счетъ. Могу привести только эпизодъ изъ посѣщенія ген. Сухомлиновымъ штаба Кіевскаго военнаго округа зимою 1910 1911 г.

Ген. Сухомлиновъ пріѣхалъ съ отчетной работой штаба Кіевскаго военнаго округа и собралъ утромъ въ залѣ военно-окружнаго совѣта командующаго войсками, начальнка штаба и меня (ген. квартирмейстеръ). Цѣль его посѣщенія сводилась, по его словамъ, къ выясненію недоразумѣній въ оперативномъ отношеніи, т. к. на войска Кіевскаго военнаго округа была возложена активная задача, а они придерживаются пассивнаго образа дѣйствій и, якобы, наступать не предполагаютъ. Ген. Сухомлинову былъ доложенъ приведенный выше взглядъ начальства Кіевскаго военнаго округа, на что онъ отвѣтилъ, что послѣ сдѣланнаго доклада уразумѣлъ точку зрѣнія начальства. Но тѣмъ не менѣе, почти тотчасъ-же, онъ заговорилъ о частичныхъ операціяхъ пограничныхъ корпусовъ и первыхъ прибывшхъ войскъ. Послѣ возраженій ген. Сухомлиновымъ былъ поднятъ вопросъ о вторженіи въ Галицію кавалеріи, на что въ отвѣтъ были приведены мотивы, изложенные на стр. 183 кн. 2 „Военнаго Сборника". Ген. Сухомлиновъ отвѣтилъ, что какъ-бы то ни было и, хотя операціи пограничныхъ корпусовъ, наиболѣе быстро прибывающихъ войскъ и кавалеріи рѣшающаго значенія имѣть не могутъ, но все-же, въ видахъ удовлетворенія общественнаго мнѣнія, ожидающаго активныхъ дѣйствій, ихъ предпринять желательно. Тогда ген. Сухомлинову было доложено, что это явится повтореніемъ Саарбрюкена, 2-го августа 1870 г.. На этомъ обужденіе и закончилось и ген. Сухомлиновъ, если и не согласился со взглядами штаба Кіевскаго военнаго округа, то, видимо, только впервые узналъ ихъ безъ кривотолковъ и недоговоренностей.

Я, конечно, не могу указать насколько ген. Сухомлиновъ являлся точнымъ истолкователемъ взглядовъ главнаго управленія генеральнаго штаба. Если „рискъ" послѣдняго соотвѣтствовалъ изложенному выше, то дѣйствительно таковой начальствомъ Кіевскаго военнаго округа никогда не раздѣлялся и впослѣдствіи ничего не

произошло, что могло бы его оправдать. Если-же считать, что взляды гл. упр. ген. шт. соотвѣтствовали тому, что произошло на самомъ дѣлѣ, т. е. началу наступленія 5-6 Августа (на 19-20 дн. мобилизаціи), то легко видѣть, что взгляды главнаго управленія генеральнаго штаба и начальства Кіевскаго военнаго округа въ значительной степени совпадали и кажущуюся разницу во взглядахъ можно объяснить развѣ только частностями, недоговоренностями, а на дѣлѣ — фактической обстановкой развертывавшихся событій, вынуждавшихъ къ скорѣйшему наступленію.

В. ДРАГОМИРОВЪ.

10 февраля 1924 г.

Земунъ.

МОРСКОЙ ОТДѢЛЪ.

Погружающійся флотъ.

Погружающійся флотъ открываетъ передъ Россіей тѣ неограниченныя возможности, какія кажутся навѣки утраченными нами вмѣстѣ съ гибелью славныхъ эскадръ адмирала Сенявина.

Я долженъ оговориться: погружающійся флотъ не только открываетъ и дѣлаетъ достижимыми перспективы эпохъ адмирала Сенявина, но и расширяетъ эти послѣднія въ значительной степени.

Безъ всякихъ преувеличеній, безъ праздныхъ мечтаній, въ обстановкѣ настоящей суровой дѣйствительности мы опредѣленно можемъ утверждать, что погружающійся флотъ дастъ намъ возможность снова выступить на міровой сценѣ. И если адмиралъ Сенявинъ владѣлъ морями Европы,— въ частности Средиземнымъ моремъ, то погружающійся флотъ явится не флотомъ открытаго моря, а флотомъ открытаго океана.

Это необходимо всегда помнить, это истина и притомъ легко достижимая: если личный составъ флота проявитъ настойчивость въ ея осуществленіи. Это заповѣдь не только нашей морской проблемы, но и основа всей будущей иностранной политики.

Уже въ настоящее время погружающійся флотъ (къ сожалѣнію не русскій) вышелъ на океанскіе пути. Въ данный моментъ каждая изъ современныхъ морскихъ державъ обладаетъ военнымъ погружающимся флотомъ 2-хъ основныхъ категорій:

А) Погружающійся флотъ закрытыхъ морей — защита береговъ и

Б) Погружающійся флотъ открытаго океана — наступательная сила.

Въ предыдущей фразѣ мною употребленъ терминъ „военный погружающійся флотъ", т. к. каждой изъ категорій погружающагося флота (оборонительный и наступательный) соотвѣтствуетъ наличіе нѣкотораго количества погружающагося не боевого флота, т. е. коммерческаго. Еще одно положеніе, на которомъ я хочу остановить вниманіе читателя. Я прошу его забыть и выбросить изъ головы то представленіе, которое у него создалось съ понятіемъ подводная лодка, представленіе о незначительномъ во всѣхъ отношеніяхъ суднѣ 200 — 300 тоннъ, вооруженномъ парой минныхъ аппаритовъ. Это весьма важно, ибо очень часто, все, что касается погружающагося флота, его любого представителя, невольно, авто-

матически, награждается въ понятіи многихъ специфическими свойствами указанной выше подводной лодки.

Необходимо установить тотъ фактъ, что погружающійся флотъ въ данное время имѣетъ въ своей средѣ почти всѣхъ представителей типовъ и классовъ судовъ надводнаго, непогружающагося флота.

А посему понятіе надводнаго флота: минный крейсеръ, крейсеръ, миноносецъ, минный заградитель, транспортъ и т. д. совершенно ясны и соотвѣтствуетъ опредѣленію типа того или иного погружающагося корабля.

И такъ — кратко — погружающійся флотъ доросъ уже до классификацій надводнаго флота. Развитіе его колоссально двинулось въ послѣдніе годы и на этомъ развитіи я хочу нѣсколько остановиться.

За нѣсколько минутъ до начала міровой войны (9 іюля 1914 г.) въ штабъ дивизіона подводныхъ лодокъ Балтійскаго моря прибылъ изъ штаба командующаго морскими силами Балтійскаго моря адмиралъ А. В. Колчакъ. Этотъ пріѣздъ и послужилъ импульсомъ, сдвинувшимъ подводное судостроеніе въ Россіи съ мертвой точки. Адмиралъ Колчакъ, какъ глубоко военный человѣкъ, понималъ силу погружающагося флота. Подъ его предсѣдательствомъ командиры и флагманскіе специалисты дивизіи пришли къ заключенію, что мощь нашего флота можетъ быть наиболѣе быстро усилена постройкой нѣсколькихъ серій погружающихся судовъ (30 шт.). Черезъ недѣлю по принятіи этого рѣшенія война была объявлена. Программа постройки измѣнилась, но ея смыслъ остался въ неприкосновенности. Мы, подводники, вступили, наконецъ, на путь, на которомъ намъ уже не пришлось задерживаться. Уже въ декабрѣ 1914 года личный составъ дивизіи подводныхъ лодокъ Балтійскаго моря обсуждалъ и составлялъ заданія для постройки автономныхъ погружающихся миноносцевъ для нашихъ морей (Балтійскаго, Чернаго, Бѣлаго и Японскаго). Таковая же работа шла и въ Черномъ морѣ и при дѣятельной помощи морского генеральнаго штаба, вскорѣ по согласованіи и одобреніи всѣхъ заданій, былъ объявленъ конкурсъ на составленіе проектовъ погружающихся миноносцевъ. На конкурсъ отозвалось много заводовъ и отдѣльныхъ конструкторовъ.

Послѣ ознакомленія съ представленными проектами почти единогласно были признаны первыми по достоинству:

1) Holland 950 тоннъ на поверхности,
2) Fiat 920 тоннъ на поверхности.

и послѣ добавочныхъ обсужденій признано было желательнымъ заказать погружающіеся миноносцы еще по проекту, представленному корабельнымъ инженеромъ ген.-маіромъ Бубновымъ.

3) Бубновъ 930 тоннъ на поверхности.

Работа эта была закончена въ 1915 году и заказъ, данный въ томъ же году пяти крупнѣйшимъ заводамъ Россіи, положилъ осуществленіе „Подводной судостроительной программы 1915 года“. Заказано было около 70 штукъ указанныхъ выше типовъ погружаю-

щихся судовъ, кои должны были вступить въ строй, частью въ концѣ 1917 года, частью въ началѣ 1918 года.

Необходимо отмѣтить то огромное сочувствіе, ту дѣятельную помощь, которую встрѣчало проведеніе въ жизнь этой программы въ средѣ личнаго состава дѣйствующаго погружающагося флота. Многіе изъ офицеровъ проявили огромную иниціативу и интересъ; и этотъ интересъ и иниціатива находили глубокій откликъ въ отдѣлѣ подводнаго плаванія и въ морскомъ генеральномъ штабѣ, начальникъ коего адмиралъ Русинъ часто давалъ примѣръ предупредительности, заботливости и поддержки съ своей стороны всѣхъ начинаній, кои возбуждались составомъ дѣйствующаго флота.

Основные элементы погружающагося миноносца типа „Holland", принятаго для Балтійскаго и Бѣлаго морей (и вообще сѣверныхъ водъ) были слѣдующія:

Главные размѣры:

Водоизмѣщеніе на поверх. Д. 950 тоннъ,
„ „ подъ вод. Д. 1.200 „
Длина 250 футъ,
Ширина 24 „
Скор. на поверхн. 16 узл.
„ подъ вод. 9 „

Механизмы: 4 дизель-мотора по 550 силъ каждый — мзъ нихъ два непосредственно на гребномъ валу, а два работаютъ черезъ электро-передачу, посылая токъ отъ динамо, съ которыми они непосредственно связаны, въ главные электро-моторы на гребномъ валу.

Необходимо отмѣтить, что раіонъ подводнаго хода на этихъ корабляхъ и ихъ подводная скорость опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: было поставлено требованіе, чтобы 5 узловымъ подводнымъ ходомъ раіонъ судна былъ не меньше 100 миль. И изъ этого требованія вытекали остальные его элементы.

Скорость погруженія была одна минута. Причемъ системы главнаго балласта были сконструированы такимъ образомъ, что могли быть заполнены частью, и корабль въ это время могъ идти подъ двумя моторами.

Вооруженіе этихъ судовъ было:

4 носовыхъ трубочныхъ аппарата для минъ;
2 траверзныхъ трубчатыхъ;
2 кормовыхъ трубчатыхъ;
4 откидныхъ аппарата системы Леснеръ-Левицкій;
2 орудія 100 м./м., 60 калибровъ;
1 орудіе 57 м./м. противъ аэроплановъ;
Перископовъ 3 штуки.

На кораблѣ были примѣнены всѣ усовершенствованія.

Выработанныя практикой войны въ смыслѣ защиты судна отъ запутыванія въ сѣтяхъ, для безопаснаго прохожденія подъ минными

загражденіями, установкѣ радіо, работающаго при совершенно погруженной сѣти, установкѣ подводной сигнализаціи и т. д.

Корпусъ расчитанъ былъ на рабочее (безопасное) плаваніе на глубинѣ 150 футъ, въ соотвѣтствіе чему и были сдѣланы всѣ необходимые расчеты частей корпуса. Были приняты мѣры къ предоставленію составу наибольшихъ жизненныхъ удобствъ при нахожденіи судна въ морѣ.

Таковы были данныя основного типа программы погружающагося миноносца.

По проведеніи въ жизнь заказа на вышеуказанные корабли подводная судостроительная программа продолжала интенсивно развиваться.

Въ ближайшее время въ теченіе 1916 г. такимъ путемъ и по той же схемѣ составлены заданія, объявленъ конкурсъ, разсмотрѣны и выбраны проэкты погружающихся крейсеровъ въ 3000 тоннъ водоизмѣщенія подъ водой.

Идеи, которыя были вложены въ созданіе такого крейсера, слѣдующіе: необходимо было создать новый типъ погружающагося корабля, который бы:

1) представилъ бы собой прототипъ океанскаго крейсера и показалъ бы на практикѣ возможность перехода къ таковому путемъ простого увеличенія тоннажа;

2) создать корабль, могущій держаться свободно въ самыя свѣжія погоды, съ хорошимъ ходомъ и снабженный при этомъ артиллеріей, позволявшей ему быть всегда въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ любой изъ миноносцевъ, или даже быть сильнѣе легкихъ крейсеровъ непріятеля.

Первая и вторая премія конкурса были раздѣлены поровну между двумя заводами, представившими лучшими проэкты: 1) заводъ „Ноблесснеръ" въ Ревелѣ и 2) Балтійскій заводъ въ Петроградѣ.

Оба проэкта были очень хороши, но имѣли существенныя различія и рѣшено въ виду испытательнаго ихъ назначенія построить оба (какъ опытные), а уже по выясненіи результатовъ испытаній начать постройку серій лучшаго типа.

При составленіи своего проэкта фирма Ноблесснеръ воплотила въ немъ опытъ и указанія плавающаго личнаго состава, въ весьма большомъ масштабѣ. Въ Ревелѣ очень быстро передавалось на заводы все, что давалъ опытъ почти каждаго боевого похода.

Поэтому комиссіей, по разсмотрѣніи проэктовъ, было поставлено, какъ обязательное условіе, Балтійскому заводу ввести въ свой проэктъ рядъ имѣвшихся въ проэктѣ завода „Ноблесснеръ" устройствъ и конструкцій, навѣянныхъ нашимъ боевымъ составомъ подводнаго флота.

Основные элементы крейсеровъ заказа 1916 года были:

Длина 100 метр. 328 футъ.
Ширина 9,5 метр. 31 фуръ.
Углубленіе 4 метр. 13 футъ.
Водоизмѣщеніе на поверхности 2000 тоннъ.

Водоизмѣщеніе подъ водой 3000 тоннъ.
Скорость хода на поверхности 20 узловъ.
Скорость хода подъ водой 10 узловъ.

На гребныхъ (двухъ) валахъ стояли два дизель-мотора по 2000 силъ каждый, кромѣ того два дизель-мотора въ 1350 силъ каждый стояли внѣ гребного вала и работали черезъ электропередачи, посылая токъ отъ динамо, съ которыми они непосредственно связаны, въ главные электро-моторы, находящіеся на гребномъ валу. Такимъ образомъ общая мощность установки на валу выражается 2000 + 980 = 3000 силъ. Или на двухъ валахъ 6000.

Электромоторы имѣютъ мощность около 800 силъ каждый.

Мощность аккомуляторной батареи давала возможность имѣть: 150 миль подводнаго хода со скоростью въ 5 узловъ, или около 300 миль подводнаго хода со скоростью въ 3 узла, или около 100 часовъ подводнаго хода.

Скорость полной зарядки батареи аккомуляторовъ достигалась въ теченіе шести часовъ.

Запасъ нефти въ нефтяной цистернѣ 150 тоннъ. Кромѣ того, двѣ изъ цистернъ главнаго балласта были приспособлены для пріема нефти около 170 тоннъ. Такимъ образомъ надводный раіонъ плаванія имѣлъ предѣлы отъ 6000 до 12000 миль.

Вооруженіе этихъ судовъ было:

Минные аппараты:	Носовыхъ	4
	Траверсныхъ по три съ борта	6
	Кормовыхъ	3
	Откидныхъ Леснеръ-Левицкій по 3 съ борта	6
	Итого	19 шт.

4 орудія 100 м./м., установленныя по парно въ барбетахъ непосредственно вблизи рубки (къ носу и въ кормѣ), 2 орудія 57 м./м. противоаэропланныя.

Скорость погруженія крейсера должна была быть одна минута. Предусмотрѣна возможность имѣть заполненными цистерны главнаго балласта только частью и идти на поверхности подъ дизель-моторами. При этомъ переходъ изъ такого положенія въ подводное можетъ быть совершенъ въ промежуткѣ отъ 15 до 20 секундъ.

Параллельно съ постройкой вышеописанныхъ типовъ погружающихся кораблей шла интенсивная работа по созданію типа минныхъ заградителей.

Въ 1915 1916 гг., было приступлено къ созданію большихъ заградителей, обладающихъ слѣдующими боевыми элементами:

Длина 300 футъ.
Ширина 30 футъ.

Углубленіе 12 футъ.
Водоизмѣщеніе на поверхности около 1700 тоннъ.
Водоизмѣщеніе подъ водой около 2600 тоннъ.
Скорость хода на поверхности 14-15 узловъ.
Скорость хода подъ водой 9 узловъ.

Раіонъ плаванія на поверхности около 7000 миль.

При желаніи этотъ раіонъ увелечивается вдвое путемъ пріема соляраваго масла въ спеціально приспособленныя цистерны главнаго балласта.

Раіонъ плаванія подъ водой: 5 узловымъ ходомъ 150 м.; 3 узловымъ ходомъ 300 м.

Вооруженіе заградителя было:

150 минъ загражденія расположенныхъ внутри прочнаго корпуса и доступныхъ контролю передъ постановкой.

Минные трубчатые аппараты (носовые) 2 шт., (кормовые) 2 шт.

Артиллерія 2 — 100 м./м. орудій и 1 — 57 м./м. противоаэропланное.

Особенное вниманіе конструкторовъ было обращено на оборудованія заградителя возможно лучшей системой огражденій и отводовъ, приспособленіями для разрѣзанія сѣтей и минреповъ при прохожденіи подъ сѣтевыми и минныли полями.

Итакъ изъ краткаго очерка, даннаго выше, видно, насколько далеко шагнулъ погружающійся флотъ въ своемъ развитіи за время войны до начала 1917 года.

Я хочу напомнить читателю то обстоятельство, что программа только что изложенная не есть что нибудь фантастическое, а является нашей дѣйствительностью. Въ дальнѣйшемъ изложеніе я хочу указать приблизительно, что можетъ дать въ данное время техника для погружающагося флота.

Прежде всего необходимо запомнить одно изъ основныхъ положеній: погружающійся флотъ не есть минный флотъ.

Погружающемуся флоту присуіци всѣ достоинства и возможности въ вооруженіи, коими обладаетъ въ настоящее время не погружающійся флотъ.

Выражаясь болѣе категорически можно сказать: погружающееся боевое судно по своимъ боевымъ элементамъ будетъ всегда сильнѣе не погружающагося боевого судна, равнаго съ нимъ по водоизмѣщенію.

Въ подтвержденіе этого укажу на слѣдующее: современные линейные корабли огромный процентъ своего водоизмѣщенія отдаютъ не на средства наступленія, а на средства самообороны.

Къ этой послѣдней категоріи необходимо отнести безусловно почти всю броню и отчасти вѣсъ механизмовъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія наибольшей скорости, для маневрированія или уклоненія отъ боя.

Если же мы обратимся къ сравненію между кораблями, не погружающимися и погружающимися, то явная выгода остается за послѣдними. Прежде всего, погружающееся судно въ любой точкѣ

своего нахожденія, погрузившись, пріобрѣтаетъ всѣ преимущества наиболѣе хорошо бронированнаго корабля,

Кромѣ того, погружающемуся кораблю нѣтъ необходимости безпокоиться о преимуществѣ въ ходѣ при встрѣчѣ съ сильнѣйшимъ непріятелемъ.

Разсмотримъ теперь величину этихъ преимуществъ погружающагося флота, выразивъ ихъ числами.

Въ настоящее время установленъ болѣе или менѣе постоянный процентъ водоизмѣщенія, который расходуется на бронированіе современнаго непогружающагося корабля.

Этотъ процентъ приблизительно выражается 33% съ незначительными отклоненіями.

Такимъ образомъ броня линейнаго корабля „Генералъ Алексѣевъ“ вѣситъ около 7500 тоннъ. Вотъ какую экономію вѣса даетъ погружающееся судно, не учитывая при этомъ того, что вода бронируетъ судно неизмѣримо лучшей любой брони.

Пусть поэтому не являются неожиданными, тѣ высокіе боевые элементы, коими обладаютъ современные погружающіеся корабли.

Капитанъ Корп. Кораб. инж: ВОХАНОВСКІЙ.

О постройкѣ подводныхъ судовъ большого водоизмѣщенія.

За послѣднее время въ военно-морской литературѣ разбирался вопросъ относительно постройки большихъ подводныхъ кораблей и мнѣнія многихъ на этотъ счетъ сводились къ тому, что постройка хотя и осуществима, но управленіе подобнымъ кораблемъ крайне затруднительно. Въ настоящее время большинство склонно думать, что предѣломъ подводнаго корабля является 1.000 — 1.200 т., свыше котораго подводный корабль, какъ бы теряетъ свои свойства, и имъ управлять становится почти невозможномъ. Надо полагать, что неудачи съ англійскими лодками типа К съ одной стороны, а съ другой такія статьи, какъ статья кап.-лейт. Фехтера (Марине Рундшау. Декабрь 1922 г.) имѣли большое вліяніе на рѣшеніе вопроса не въ пользу подводныхъ кораблей большого тоннажа. Причины неудачъ съ подв. лодками типа К точно намъ неизвѣстны и поэтому говорить объ этомъ нельзя, но относительно доводовъ кап.-лейт. Фехтера, видимо опытнаго командира, нѣсколько словъ сказать должно. Нельзя согласиться съ доводами, которые приводитъ авторъ въ оправданіе своего взгляда. Дѣло въ томъ, что по его мнѣнію управленіе подводной лодкой малаго тоннажа гораздо легче, главнымъ образомъ потому, что командиръ имѣетъ возможность всегда самъ провѣрять исполненіе приказанія, касающагося погруженія, маневрированія и пр. Но въ дѣйствительности это вѣрно только отчасти и существеннаго значенія не имѣетъ. Дѣйствительно,

если взять, напримѣръ, подвод. лодку типа „Голландъ“ или „Бубнова“, то тотъ, кто плавалъ и командовалъ ею долженъ сказать, что управленіе такой лодкой гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ тѣмъ же типомъ въ 650 тоннъ. Несмотря на то, что все находится передъ глазами командира (эти лодки безъ переборокъ) и каждое движеніе подчиненнаго онъ можетъ провѣрить, управленіе ею очень трудно изъ-за крайней чувствительности малой лодки. Такъ напр., послѣ того какъ заполнены цистерны главнаго балласта и остается урегулировать необходимую плавучесть пріемомъ нѣсколькихъ литровъ воды, какъ лишніе 3—4 литра могутъ придать лодкѣ отрицательную плавучесть и она камнемъ идетъ на глубину. Въ этомъ случаѣ нужно немедленно продувать сжатымъ воздухомъ цистерну высокаго давленія, чтобы не допустить лодку до предѣльной для ея корпуса глубины. Ходъ и дѣйствіе горизонтальными рулями далеко не всегда могутъ удержать лодку малаго тоннажа. Отъ командира маленькой лодки требуется много опыта и умѣнія, чтобы справляться съ успѣхомъ съ ввѣреннымъ ему судномъ. Что же касается команды, то она должна быть натренирована до предѣла. Въ лодкѣ малаго тоннажа особенно велика тенденція выскакивать на поверхность послѣ выстрѣла, когда грузъ около тонны выбрасывается изъ ея корпуса; и чтобы удержать ее нужно приложить много усилій.

Иначе обстоитъ дѣло съ лодками того же наприм. типа „Голландъ“ съ водоизмѣщеніемъ въ 650 тоннъ. На этихъ лодкахъ въ смыслѣ непосредственнаго наблюденія командира обстановка хуже, т. к. лодка раздѣлена на 4 водонепроницаемыхъ отсѣка. Командиръ, находясь въ центральномъ посту, можетъ видѣть только то, что происходитъ на носу у минныхъ аппаратовъ; въ кормѣ же онъ видѣть уже ничего не можетъ, т. к. передъ нимъ 2 переборки. Кромѣ того, во время работы помпъ, электрическаго привода рулей, сжатаго воздуха и пр. манипуляцій, самъ командиръ не въ состояніи слышать доклада и все дѣлается черезъ посредство старшаго офицера. Еще меньше непосредственнаго вниманія командиръ можетъ удѣлить происходящему въ лодкѣ во время атаки. Въ этотъ моментъ, строго говоря, всѣмъ организмомъ лодки управляетъ старш. офицеръ, исполняя приказанія командира. Командиръ не отрывается отъ перископа и наблюдаетъ только за вертикальнымъ и горизонтальными рулевыми. Кромѣ того, размѣры такой лодки уже не позволяютъ вести переговоры просто голосомъ, а нужно пользоваться переговорными трубами. Тѣмъ не менѣе управленіе такой лодкой гораздо легче. Благодаря ея меньшей чувствительности, во время погруженія можно болѣе перебрать воды безъ риска пойти на дно, можно скорѣе и съ меньшимъ затрудненіемъ удержать ее послѣ выстрѣла и она лучше слушаетъ рули. На такой лодкѣ у командира есть увѣренность въ томъ, что ходъ и рули всегда ему помогутъ, тогда какъ на маленькой — совершенно этой увѣренности нѣтъ.

Что же касается большихъ лодокъ въ 1000 тоннъ подъ водой какъ типъ „Кашалотъ“ или „Барсъ“ (послѣдній типъ около 900 тон.),

то управленіе ими еще легче, благодаря малой чувствительности къ перемѣщенію грузовъ, но конечно не въ 2-3 тонны.

Даже при залповой стрѣльбѣ минами, лодки этихъ типовъ мало реагируетъ и ихъ совершенно легко удержать на нужной глубинѣ, не прибѣгая къ какимъ либо сложнымъ маневрамъ. Опытъ войны даетъ возможность утверждать, что на большихъ лодкахъ нѣтъ крайней необходимости производить дифферентовку (предварительное погруженіе въ порту) безъ чего не мыслимо управиться на маленькой лодкѣ. Вслѣдствіе малой чувствительности большихъ лодокъ и возможности примѣнять болѣе грубыя мѣры погруженіе легче и скорѣе, чѣмъ на малыхъ. Изъ опыта можно сказать, что погруженіе на большой лодкѣ въ 8-10 разъ быстрѣе; при чемъ длина большихъ лодокъ въ 3-4 раза больше, а водоизмѣщеніе въ 8 10 разъ. Что же касается личнаго состава, то нервная система какъ командира, такъ и команды большого подводнаго корабля напряжена гораздо менѣе чѣмъ на маломъ, гдѣ вниманіе состава должно быть доведено до предѣла.

Говорить о централизаціи средствъ погруженія и вообще управленія подводнаго корабля не приходиться — это очень полезно. Несмотря на то, что на большихъ лодкахъ централизація достигнута неполностью, а въ малыхъ наоборотъ — все въ рукахъ командира, управленіе послѣдними, какъ указано выше, всетаки значительно труднѣе. Слѣдовательно этотъ доводъ автора не выдерживаетъ критики.

Теперь, что касается средствъ связи, то на лодкахъ въ 650-700 т., таковыми были главнымъ образомъ переговорныя трубы, которыя вполнѣ удовлетворяли необходимымъ требованіямъ и главное были надежны, хотя длина лодки была около 230 футъ. При этой связи командиръ всегда прекрасно зналъ исправно ли дѣйствуютъ механизмы или нѣтъ. Единственно что является желательнымъ это по возможности уменьшеніе шума работающихъ при погруженіи или всплываніи помпъ, которые мѣшаютъ переговорамъ.

Выше было указано каково различіе въ размѣрахъ между лодкой въ 100 и 1000 тоннъ. Скачокъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ огромный, но результаты были великолѣпные. Переходъ отъ 1000 тон. лодки къ подводному кораблю въ 6000-7000 тоннъ будетъ менѣе рѣзкій, и нѣтъ основанія предполагать, что подобное увеличеніе трудноосуществимо. Непонятнымъ кажется также и тотъ доводъ автора, что на подводномъ крейсерѣ командиръ не можетъ быть увѣренъ въ дѣйствіи, напр. помпъ, приводъ которыхъ находится въ центральномъ посту. Для этой цѣли имѣется амперметръ, который показываетъ нагрузку или просто пробный кранъ. Наконецъ глубомѣръ и дифферентометръ всегда является главнымъ средствомъ распознанія положенія, въ которомъ находится корабль, по крайней мѣрѣ и по настоящее время. Что же касается повѣрки передъ погруженіемъ, то срокъ въ полтора часа, указанный авторомъ, надо считать слишкомъ большимъ. Во время войны полное погруженіе 1000 тон. лодки занимало полторы-двѣ минуты, безъ особой тороп-

ливости, а если принять во вниманіе уже заполненный главный балластъ, какъ это обычно и было во время войны, то срокъ погруженія былъ менѣе минуты. У насъ бывали случаи, напр. при внезапной атакѣ гидроплана, лодки погружались въ 45 секундъ. Конечно это возможно только въ томъ случаѣ, когда всѣ люки за исключеніемъ рубочнаго, задраены и на мостикѣ одинъ, два человѣка, какъ это и должно быть въ морѣ.

Всякій подводный корабль во время войны долженъ быть всегда готовъ къ погруженію и никакихъ предварительныхъ дѣйствій и повѣрокъ быть не должно. Неудачи съ подводными крейсерами у нѣмцевъ надо отнести нетолько къ ихъ конструктивнымъ недостаткамъ, сколько къ личному составу этихъ крейсеровъ. Старый кадровый и опытный составъ погибъ въ своей большей части, а новый былъ мало опытенъ и тренированъ. Любой корабль въ настоящее время можно построить гораздо скорѣе, чѣмъ получить опытный личный составъ, который требуетъ годы обученія и пребыванія въ морѣ, особенно для подводныхъ лодокъ. Статья капитанъ-лейтенанта Фехтера, сущность которой сводится къ тому, что: „построить подводный линейный корабль можно, но не имѣетъ смысла", имѣетъ совершенно другое значеніе — повліять на умы и пріостановить вообще дальнѣйшее развитіе подводнаго корабля. Конечно это въ интересахъ Германіи, которая надолго лишена возможности строить подв. корабли, и Англіи, для которой міровое господство на морѣ, при хорошемъ подводномъ флотѣ другихъ державъ, будетъ пріятнымъ воспоминаніемъ славнаго прошлаго.

Не лишнимъ считаю напомнить сейчасъ, что всего только въ 1907-10 годахъ въ нашей морской литературѣ, людьми нелишенными авторитета въ военно-морскомъ дѣлѣ, писалось, что подводная лодка неспособна будетъ даже самостоятельно плавать и поэтому особеннаго вниманія на нее обращать не слѣдуетъ. Прошло 6-7 лѣтъ только и подводная лодка оказалась гораздо автономнѣе въ морѣ любого изъ типовъ надводныхъ кораблей. Опытъ послѣдней войны даетъ право утверждать и настойчиво, что типъ подводнаго корабля долженъ совершенствоваться во что бы то не стало.

Кап. 2 р. МОНАСТЫРЕВЪ.

Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій на Черномъ морѣ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Съ объявленіемъ войны въ августѣ 1914 г. обстановка на Черномъ морѣ сложилась слѣдующимъ образомъ. Турція еще не была врагомъ, но были признаки того, что она можетъ стать на сторону нашихъ противниковъ, поэтому командующій флотомъ, вице-адмиралъ Эбергардъ, подготовлялъ флотъ, который къ этому времени состоялъ изъ слѣдующихъ кораблей: бригада линейныхъ кораблей

„Евстафій“ (4—12″, 4—8″ и 12-6″), „Іоаннъ Златоустъ“ (Д), „Пантелеймонъ“ (4-12″, 16—6″), резервная бригада „Три Святителя“ (4—12″, 8—6″) и „Ростиславъ“ 4—10″, бригада крейсеровъ „Кагулъ“ (16—6″), „Память Меркурія“ и вспомогательный крейсеръ „Алмазъ“ (4—6″), четыре миноносца по 1100 т. (только что вступившихъ въ строй) съ 100 м./м. орудіями, четыре миноносца по 650 т., 8 миноносцевъ по 350 т. и 4 — по 300 т., 4 подводныхъ лодки стараго типа съ водоизмѣщеніемъ въ 125—150 тоннъ, не имѣющихъ военнаго значенія, 4 канонерскихъ лодки, вспомогательныя суда и гидропланы въ ограниченномъ количествѣ.

У нашего вѣроятнаго противника къ этому времени флотъ состоялъ изъ слѣдующихъ кораблей: „Мессудіе“ (2—9.2″), „Барбаросса“ (6—11″), „Тургутъ-Рейсъ“ (4—11″, 8—4.1″), крейсера „Гамидіе“ (2—6″), „Меджидіе“ (2-6″), 4 миноносца по 650 тоннъ типа „Милетъ“, малые миноносцы, канонеркія лодки и другія вспомогательныя суда.

Изъ сравненія двухъ флотовъ русскаго и турецкаго ясно, что первый былъ сильнѣе, а если принять еще во вниманіе личный составъ, то командующій русскимъ флотомъ могъ совершенно спокойно ожидать начала военныхъ дѣйствій.

Кромѣ того постройка новыхъ судовъ въ Николаевѣ шла усиленнымъ темпомъ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ можно было ждать прихода одного дредноута, 5 большихъ миноносцевъ и 4 большихъ подводныхъ лодки.

Дипломатическіе разговоры союзныхъ державъ съ Турціей не имѣли видимо большого успѣха и рѣшительность дѣйствій со стороны Германіи сразу положила конецъ всѣмъ колебаніямъ. 3 августа вечеромъ объявляется война. Германскіе крейсера „Гебенъ“ и „Бреслау“, несмотря на подавляющее количество судовъ союзниковъ въ Средиземномъ морѣ, прорываются въ Дарданеллы, въ которые входятъ 10 числа утромъ. Съ появленіемъ ихъ воля турецкаго правительства подавлена совершенно, но Турція еще колеблется. Между тѣмъ германскій посолъ и адм. Сушонъ рѣшаютъ вопросъ о войнѣ безъ вѣдома турецкаго правительства и высылаютъ свои и турецкіе крейсера для обстрѣла русскаго побережья. Къ этому времени соотношеніе силъ флотовъ на Черномъ морѣ въ сравненіи съ вышеуказаннымъ измѣнилось и давало нѣкоторыя тактическія преимущества нашему противнику, т. к. появленіе быстроходнаго крейсера въ 28 узловъ и крупной 11″ арт. лишало возможности раздѣлить нашъ флотъ на отряды для охраны всего моря, а принуждало всѣ корабли ходить вмѣстѣ. Максимальная 14 узловая скорость нашихъ кораблей въ сравненіи съ двойной скоростью противника давала ему возможность держать иниціативу маневра въ своихъ рукахъ. Поэтому совершенно не представлялось возможнымъ раздѣлить нашъ флотъ хотя бы только на два отряда, потому что въ этомъ случаѣ одинъ крейсеръ „Гебенъ“ становился сильнѣе нашихъ устарѣвшихъ линейныхъ кораблей. Учитывая всѣ элементы современнаго боя: скорость, централизованный огонь и маневрированіе, съ появленіемъ этихъ

крейсеровъ, мы уже не могли расчитывать на господство въ морѣ, а должны были его отвоевывать. Это съ точки зрѣнія тактической, но гораздо хуже обстояло дѣло съ стратегической точки зрѣнія, т. к. Россія съ закрытіемъ проливовъ сразу отрѣзалась отъ своихъ союзниковъ и сношенія могли вестись только черезъ крайне отдаленныя отъ театра военныхъ дѣйствій порты Владивостокъ и Архангельскъ. Такимъ образомъ ошибка морского командованія на Средиземномъ морѣ привела къ послѣдствіямъ, благодаря которымъ война, это можно теперь сказать съ увѣренностью, стала продолжительнѣе и стоила много лишнихъ человѣческихъ жизней.

Итакъ, вопреки всѣмъ дипломатическимъ разговорамъ и нотамъ, какъ и слѣдовало ожидать, непріятельскіе крейсера появились утромъ 17/30 октября передъ нашими берегами и обстрѣляли ихъ. Въ этомъ краткомъ очеркѣ военныхъ дѣйствій мы намѣрены лишь дать ихъ хронологическій порядокъ и нѣкоторую оцѣнку ихъ, ввиду того, что полное отсутствіе данныхъ, оставшихся въ Россіи, не позволяетъ намъ дать болѣе подробное описаніе событій.

Передъ началомъ объявленія военныхъ дѣйствій, т. е. въ ночь 17/30 октября суда Черноморскаго флота находились въ слѣдующихъ портахъ: линейные корабли и крейсера только что вернулись отъ береговъ Анатоліи и стояли на Сѣверномъ рейдѣ Севастополя, тамъ же стоялъ дивизіонъ заградителей съ минами на палубахъ (мобилизованные пароходы РОПИТ) и часть вспомогательныхъ судовъ, остал. суда стояли въ Южн. бухтѣ. 1 дивизіонъ миноносцевъ (въ 1.200, 35 узловъ) находился въ Евпаторіи и къ разсвѣту подошелъ къ Севастополю. 4 дивиз. минон. (въ 350 т.) находился въ дозорѣ. Изъ Ялты въ Севастополь шелъ мин. заградитель „Прутъ", который утромъ долженъ былъ подходить къ Севастополю. Въ Одессѣ стояли 2 канон. лодки. Въ Батумѣ посыльное судно „Березань", вооруженное 75 m/m. орудіями. Около 7 часовъ утра крейс. „Гебенъ" подошелъ къ Севастополю и открылъ огонь по крѣпости и судамъ, стоящимъ на рейдѣ. Крѣпость немедленно отвѣтила и непріятельскій крейсеръ получилъ нѣсколько попаданій. Стрѣльба продолжалась въ теченіи приблизительно 15–20 мин. Снаряды „Гебена" ложились очень хорошо, все время между стоящими на рейдѣ судами, но ни одинъ изъ нихъ не повредилъ кораблей и единственное удачное попаданіе было въ морск. госпиталь, гдѣ было убито и ранено нѣсколько больныхъ. Другой снарядъ упалъ около доковъ, обсыпавъ ихъ осколками безъ всякаго вреда, остальные всѣ падали въ воду и многіе не разрывались.

Въ это время къ Севастополю съ моря подходилъ 4 дивизіонъ миноносцевъ „Лейт. Пущинъ", „Жаркій" и „Жуткій" подъ командой кап. 1 ранг. князя Трубецкого. „Гебенъ", замѣтивъ миноносцы, пошелъ на нихъ съ цѣлью отрѣзать дивизіонъ отъ порта и открылъ по нему огонь изъ противоминной артиллеріи.

Кап. 1 ранга князь Трубецкой рѣшилъ атаковать крейсеръ и, мѣняя все время курсы, пытался приблизиться на минный выстрѣлъ. Но сильный огонь непріятельскаго крейсера не позволилъ это сдѣ-

лать. Дистанція между крейсеромъ и миноносцами мѣнялась въ предѣлахъ 50 — 60 каб.. Въ свою очередь миноноцы обстрѣливали крейсеръ изъ своихъ 75 m/m. орудій, но снаряды, за дальностью разстоянія, ложились на недолетахъ. Наконецъ одинъ снарядъ „Гебена“ попалъ въ носовую часть э. м. „Лейт. Пущинъ“ (бр. вым.), пробивъ бортъ въ командномъ отдѣленіи. Миноносецъ началъ садиться носомъ, но продолжалъ идти, ведя дивизіонъ въ атаку. Положеніе дивизіона становилось критическимъ, тѣмъ болѣе, что изъ за поврежденія пришлось уменьшить ходъ, который и такъ былъ ниже хода непріятельскаго крейсера.

На миноносцѣ были убитые и раненные. Какъ вдругъ „Гебенъ“ перестаетъ стрѣлять и полнымъ ходомъ идетъ къ тр. „Прутъ“, въ этотъ моментъ появившимся на горизонтѣ. „Гебенъ бросаетъ миноносцы и его огонь обрушивается на беззащитный старый транспортъ. „Прутъ“ былъ нагруженъ минами загражденія. Видя безысходность положенія, командиръ приказываетъ затопить транспортъ, не отвѣчая на предложеніе сдачи. Старш. оф. лейтен. Рагузскій открываетъ кингстоны и гибнетъ вмѣстѣ съ кораблемъ. Ту-же участь раздѣляетъ старикъ священникъ, не пожелавшій покинуть корабля, на которомъ онъ долго плавалъ. Экипажъ транспорта попадаетъ въ плѣнъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ подобранныхъ изъ воды спустя нѣкоторое время нашими катерами. Пока „Гебенъ„ топитъ беззащитный транспортъ, дивизіонъ миноносцевъ прорывается въ Севастополь. Поврежденный э. м. „Лейт. Пущинъ“ черезъ нѣсколько дней вступаетъ снова въ строй.

Въ это же утро крейсеръ „Бреслау“ съ транспортомъ ставитъ мины въ Керченскомъ проливѣ, на которыхъ гибнетъ пар. РОПИТ „Ялта“. Крейсеръ „Гамидіе“ обстрѣливаетъ Ѳеодосію, крейсеръ „Берки-Cеветъ“—Новороссійскъ, оба безъ особаго вреда. Въ эту же ночь два миноносца типа „Милетъ“ входятъ въ Одесскій портъ, топятъ миной кан. лодку „Донецъ“ и съ открытіемъ огня съ другой кан. лодки уходятъ. Кан. л. „Донецъ“ черезъ мѣсяцъ была поднята и снова вступила въ строй. Такимъ образомъ планъ внезапной атаки былъ осуществленъ хорошо, но его выполненіе не принесло тѣхъ результатовъ, которые хотѣлъ получить адм. Сушонъ.

Послѣ полдня, какъ только были разведены пары на корабляхъ, адм. Эбергардъ снялся съ якоря между 15 - 16 ч. и вышелъ въ море на поиски непріятеля. На слѣдующій день эскадра подошла къ Зангулдаку (угольный центръ Турціи на Анатолійскомъ берегу) и обстрѣляла его изъ крупныхъ орудій, имѣя намѣреніе уничтожить портовыя сооруженія и подъѣздные пути къ шахтамъ. Пробывъ нѣсколько дней въ морѣ и не встрѣтивъ непріятеля, эскадра вернулась для пополненія угля и запасовъ въ Севастополь. По окончаніи погрузки угля она снова вышла, направляясь къ Босфору. Недалеко отъ пролива адмиралъ встрѣтилъ въ туманѣ отрядъ судовъ, идущихъ на Остъ и приказалъ открыть по нему огонь. Это оказались транспорты, нагруженные амуниціей, изъ которыхъ одинъ „Мидхатъ-Паша“ былъ подъ военнымъ флагомъ. Всѣ транспорты были утоплены

артиллерiйскимъ огнемъ и взято въ плѣнъ всего 248 человѣкъ, изъ которыхъ было нѣсколько германскихъ офицеровъ. Транспорты шли въ Унiе съ военнымъ грузомъ, автомобилями и пр. Послѣ этой встрѣчи эскадра провела нѣсколько дней въ морѣ и опять вернулась въ Севастополь для погрузки угля. 24/5 октября крейсера „Бреслау“ и „Гамидiе“ обстрѣляли портъ Поти, не причинивъ большихъ разрушенiй. Въ ночь на 2/15 ноября флотъ вышелъ изъ Севастополя. Въ морѣ адмиралъ получилъ по радiо извѣстiе, что непрiятель находится въ Трапезундѣ, повернулъ на Трапезундъ, куда и пришелъ на разсвѣтѣ 4/17 ноября. При подходѣ къ берегу, скрытому предразсвѣтнымъ туманомъ, трудно было распознать стоитъ ли непрiятель на рейдѣ или нѣтъ. Эскадра увеличила ходъ до полнаго и подошла къ берегу. Разсѣившiйся туманъ позволилъ убѣдиться, что непрiятельскаго флота на рейдѣ нѣтъ. Тогда адмиралъ повернулъ на Вестъ и пошелъ по берегу, отдѣливъ л. к. „Ростиславъ“ и 4 й див. миноносцевъ для обслѣдованiя порта и обстрѣла его. Дивизiонъ вошелъ на рейдъ и своимъ огнемъ уничтожилъ всѣ плавучiя средства, а „Ростиславъ“ крупной артиллерiей разрушилъ казармы и др. сооруженiя, имѣющiя военное значенiе. Непрiятель на огонь не отвѣтилъ и отрядъ, окончивъ порученiе, присоединился къ эскадрѣ.

Обойдя часть Анатолiйскаго побережья и не встрѣтивъ никого, адмиралъ повернулъ на Севастополь. Къ утру 5/18 числа эскадра подошла къ Крымскимъ берегамъ. Утро было туманное и временами находилъ густой туманъ, скрывавшiй впереди идущiе корабли.

Погода была тихая; вѣтеръ 2 балла отъ ЮВ.

Впереди эскадры, строемъ фронта, шли крейсера-развѣдчики: „Кагулъ“, „Алмазъ“ и „Память Меркурiя“. Въ 30 каб. отъ нихъ въ кильватеръ „Алмазу“ шли лин. корабли „Евстафiй“ (флагъ командующаго), „I. Златоустъ“, „Пантелеймонъ“ (флагъ), „Три Святителя“ и „Ростиславъ“ и позади въ кильватеръ миноносцы.

Около полдня вспом. крейс. „Алмазъ“ открылъ въ туманѣ крейсера „Гебенъ“ и „Бреслау“, стоявшими съ застопоренными машинами, въ разстоянiи три мили, по своему курсу. Сдѣлавъ сигналъ „вижу непрiятеля“, „Алмазъ“ повернулъ, не открывая огня, къ эскадрѣ. Непрiятель, открывъ въ свою очередь „Алмазъ“, бросился его преслѣдовать и встрѣтился съ главными силами. Адмиралъ, получивъ извѣщенiе о непрiятелѣ, продолжалъ идти тѣмъ же курсомъ. Какъ только въ туманѣ открылись непрiятельскiе крейсера, адмиралъ поднялъ сигналъ о поворотѣ послѣдовательно на 90° влѣво. Въ это же время „Гебенъ“ подъ флагомъ адм. Сушона повернулъ вправо и легъ на параллельный курсъ съ л. к. „Евстафiй“. Въ 12 ч. 19 мин., когда успѣли повернуть только 2 нашихъ корабля, „Евстафiй“ первый открылъ огонь съ разстоянiя въ 40 каб. до непрiятеля и первый его залпъ попалъ въ среднюю часть „Гебена“. Попаданiе было ясно видно невооруженнымъ глазомъ. „Гебенъ“ немедленно отвѣтилъ, но его залпъ далъ перелетъ и легъ въ трехъ кабельтовыхъ отъ „Евстафiя“, между нимъ и 4-мъ дивизiономъ миноносцевъ. „Iоаннъ Златоустъ“ къ началу боя уже вышелъ на курсъ и открылъ огонь

вслѣдъ за „Евстафіемъ". Л. к. „Пантелеймонъ" въ это время еще не легъ на курсъ и за туманомъ только промежутками видѣлъ непріятеля. Кр. „Бреслау" слѣдовалъ за „Гебеномъ" въ нѣкоторомъ отдаленіи. Такимъ образомъ бой происходилъ между „Гебеномъ" и нашими двумя первыми кораблями. Туманъ и дымъ нашихъ кораблей, относимый вѣтромъ въ сторону непріятеля, крайне мѣшалъ стрѣльбѣ, но тѣмъ не менѣе она была вполнѣ удачна.

Бой длился всего 14 минутъ, въ теченіи которыхъ было сдѣлано понѣскольку залповъ съ обѣихъ сторонъ. Четвертый залпъ „Гебена" попадаетъ въ носовую часть „Евстафія" не причинивъ серьезныхъ разрушеній. Въ 12 ч. 33 мин. „Гебенъ" повернулъ на 8 румбовъ вправо и скрылся въ туманѣ, давъ на циркуляціи безвредный залпъ по „І. Златоусту" и „Пантелеймону". Кр. „Бреслау" шелъ сзади „Гебена" и не принималъ участія въ бою. I дивизіонъ миноносцевъ „Гнѣвный", „Дерзкій", „Безпокойный" и „Пронзительный" получили приказаніе во время боя атаковать непріятеля, но въ туманѣ его не нашелъ и вернулся къ эскадрѣ, ввиду недостатка нефти, израсходованной за время похода. Адмиралъ Эбергардъ, въ теченіи нѣкотораго времени продолжалъ идти тѣмъ же курсомъ но не найдя непріятеля, повернулъ на Севастополь и къ вечеру вошелъ на рейдъ. На л к „Евстафій" было убито 4 офицера и 29 матросовъ, ранено 1 офицеръ (умеръ отъ раны) и 24 матроса. Поврежденія были исправлены черезъ три дня. На „Гебенѣ" были подбиты двѣ 11″ башни и нѣсколько 6″ ор. въ казематѣ, повреждены механизмы и два отсѣка залиты водой. Убито 7 офицеровъ и 42 матроса и нѣсколько десятковъ ранено.

——

Вскорѣ послѣ боя 18/5 ноября Черноморская эскадра снова была готова къ выходу въ море. Въ теченіи болѣе чѣмъ 2 недѣль непріятельскія суда въ морѣ не появлялись. Батумскій отрядъ судовъ, несмотря на свою малочисленность и крайнюю слабость, выполнялъ свое заданіе по охранѣ Батумскаго раіона.

24/6 ноября подъ Севастополемъ появился кр. „Бреслау", но былъ обнаруженъ нашими гидропланами, и скрылся при появленіи нашихъ крейсеровъ, не причинивъ никакого вреда.

27/9 ноября около 2 ч. пополудни кр. „Гебенъ" въ сопровожденіи одного изъ вспомогательныхъ судовъ приблизился къ Батуму. Его появленіе было замѣчено своевременно. Отрядъ судовъ находящихся въ Батумѣ въ этотъ моментъ состоялъ изъ совершенно не боевыхъ судовъ (п. с. „Береванъ" съ 75 м/м пушками и 2 вооруженныхъ парохода) конечно не могъ состязаться съ нимъ и поэтому остался въ порту. „Гебенъ" выйдя на курсъ открылъ огонь по городу и крѣпости, выпустивъ всего 11 снарядовъ, изъ которыхъ ни одинъ не попалъ въ суда и крѣпость. Какъ только крѣпость открыла огонь „Гебенъ" прекратилъ обстрѣлъ и ушелъ.

Касаясь сухопутныхъ операцій на прибрежномъ фронтѣ, нужно отмѣтить, что непрестанная дѣятельность Черноморскаго флота,

уничтоженіе транспортныхъ средствъ непріятеля не дала возможности для быстраго наступленія турецкой арміи въ Закавказье, что и было использовано нашей арміей для усиленія ея на этомъ фронтѣ. Такимъ образомъ германо-турецкій флотъ, несмотря на удачное первое нападеніе, не выполнилъ своей задачи въ первый моментъ войны и не помогъ своей арміи.

Нѣсколько ранѣе, а именно 24/6 ноября, небольшой турецкій пароходъ „Заферъ", конвоируемый кр. „Бреслау", высадилъ на нашъ берегъ въ 65 верст. отъ границы съ Румыніей небольшой кавалерійскій разъѣздъ въ 24 человѣка, (который былъ захваченъ въ плѣнъ нами 26 числа). Турецкій пароходъ подошелъ къ берегу подъ русскимъ флагомъ. Эта высадка не имѣла, конечно, никакого военнаго значенія и являлась лишь необдуманной демонстраціей со стороны непріятеля, а намъ дала поводъ къ усиленному наблюденію всего раіона, во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ

Въ послѣднихъ числахъ ноября Батумскій отрядъ былъ усиленъ приходомъ э. м. „Жаркій", съ прибытіемъ котораго блокада турецкаго побережья выполнялась болѣе тщательно и подвозъ аммуниціи при посредствѣ парусныхъ судовъ для турецкой арміи, сдѣлался болѣе затруднительнымъ.

Въ то-же время Черноморская эскадра снова вышла въ море въ надеждѣ встрѣтить непріятеля. Эскадра состояла изъ всѣхъ боевыхъ кораблей, находящихся въ это время въ строю. По тактическимъ соображеніямъ не было возможности раздѣлять эскадру на отряды ввиду того, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности былъ слабѣе непріятельскаго крейсера. Подойдя къ кавказскимъ берегамъ и не встрѣтивъ непріятеля, эскадра повернула на вестъ и пошла по анатолійскому берегу. Въ ночь на 1/13 декабря одно изъ нашихъ судовъ обнаружило, шедшій безъ огней, германскій пароходъ „Деринтье" въ 3.500 т. Съ него было взято въ плѣнъ 2 турецк. офицера и 12 солдатъ. Пароходъ былъ утопленъ артиллерійскимъ огнемъ, причемъ при обстрѣлѣ на немъ начались взрывы, что указывало на то, что онъ былъ груженъ боевыми припасами.

Въ теченіе первой трети декабря въ морѣ не произошло особыхъ событій. Эскадра готовилась къ выходу въ море и только суда Батумскаго отряда непрерывно обстрѣливали турецкое побережье южнѣе Батума и топили парусныя суда непріятеля.

10/24 числа эскадра вышла въ море, имѣя намѣреніе прикрыть операцію по загражденію входа въ Зангулдакъ, являющимся угольной базой для германо-турецкаго флота. Для этой цѣли были предназначены два старыхъ парохода „Олегъ" и „Атосъ", нагруженные камнями. Операція эта не имѣла успѣха, такъ какъ во мглѣ, при подходѣ къ берегу, оба парохода были открыты непріятельскимъ крейсеромъ и утоплены, не дойдя до порта. 12/25 декабря крейс. „Бреслау", наблюдающій за нашимъ флотомъ, появился на разсвѣтѣ подъ Севастополемъ и настигъ дивизіонъ малыхъ миноносцевъ, которыхъ и обстрѣлялъ, но безрезультатно и затѣмъ повернулъ въ море. Онъ былъ усмотрѣнъ нашими судами, которыя начали его

отрѣзать. Но „Бреслау", пользуясь огромнымъ преимуществомъ хода, скрылся какъ только по немъ былъ открытъ огонь съ судовъ эскадры*).

22/2 числа близъ Синопа однимъ изъ нашихъ крейсеровъ былъ обнаруженъ турецк. крейс. „Меджидіе", конвоирующій транспортъ. Между крейсерами произошелъ бой. Хотя въ непріятельскій крейсеръ и были попаданія, но „Меджиеіе" успѣлъ уйти, бросивъ на произволъ судьбы транспортъ, который и былъ утопленъ. Транспортъ „Марія Ризотто" оказался груженымъ нефтью, предназначенной для Трапезунда.

Въ серединѣ декабря Батумскій отрядъ усилился прибытіемъ э. м. „Живой", а къ Рождству пришли „Свирѣпый„ и „Смѣтливый".

24/6 декабря въ очень темную ночь эскадра встрѣтила въ морѣ крейсера „Бреслау" и „Гамидіе", которые оказались очень близко отъ нашихъ судовъ. Непріятельскіе крейсера открыли прожекторы и начали стрѣльбу. Но огнемъ съ нашихъ судовъ прожекторы были сбиты и вскорѣ стрѣльба прекратилась, потому что непріятельскіе крейсера скрылись въ темнотѣ. Одинъ снарядъ попалъ въ башню л. к. „Евстафій", не причинивъ особаго вреда. Темнота ночи не позволила преслѣдовать непріятеля и противники разошлись. Послѣ этой встрѣчи эскадра подошла къ анатолійскимъ берегамъ. Миноносцы осматривали бухты Сурмене и Ризе, гдѣ было уничтожено болѣе 50 парусныхъ судовъ. Въ Сурменѣ турки обстрѣляли ружейнымъ огнемъ наши суда, но послѣ открытія огня съ миноносцевъ они разбѣжались. Приблизительно въ то же время отрядъ миноносцевъ обстрѣлялъ портъ Хопу, базу снабженія турецкой арміи, дѣйствующей на Кавказскомъ фронтѣ. Дѣйствія Черноморскаго флота вызывали безпокойство у непріятеля, которое проявлялось нѣкоторой нервностью съ его стороны. Единственный миноносецъ Батумскаго отряда наносилъ достаточно много вреда турецкой арміи, но попытка обезвредить его дѣйствія со стороны крейсера „Бреслау" оказалась неудачной. Желая помочь своей арміи кр. „Бреслау" подошелъ къ нашимъ позиціямъ у Лимана, имѣя намѣреніе ихъ обстрѣлять. Высланный изъ Батума э. м. „Жаркій" не могъ состязаться съ крейсеромъ и дѣло ограничилось только наблюденіемъ за нимъ. Наши войска, предупрежденныя о подходѣ непріятеля, оставили свои окопы, которые немедленно были заняты непріятелемъ. „Бреслау", не зная объ этомъ, обстрѣлялъ свои же войска и ушелъ. Сейчасъ же позиціи снова были заняты нашими частями и въ нихъ было обнаружено много непріятельскихъ труповъ.

Въ концѣ декабря въ Севастополь пришла первая подводная лодка „Нерпа", построенная въ Николаевѣ (650 т.). Съ приходомъ ея Черноморскій флотъ обогатился подводнымъ судномъ, могущимъ

*) Въ темную ночь на 11 — 24 декабря неизвѣстный непріятельскій корабль обстрѣлялъ Батумъ, но снаряды его ложились далеко за городомъ въ долинѣ рѣки Чорохъ. Не желая показывать мѣста батарей, крѣпость на огонь не отвѣтила и непріятель, видя, что стрѣляетъ въ пустое мѣсто, прекратилъ огонь и скрылся въ морѣ.

продолжительно держаться въ морѣ и блокировать проливъ. 5 января отрядъ миноносцевъ, блокируя побережье, вошелъ въ Синопскую бухту и потопилъ пароходъ „Гергіосъ". Въ тотъ же день наши миноносцы уничтожили у Архавѣ 12 парусныхъ судовъ. 6 и 7 числа миноносцы между Батумомъ и Трапезундомъ уничтожили 26 парусныхъ судовъ съ аммуницiей и припасами для анатолiйской арміи, разрушили мостъ въ Атинѣ и казармы въ Ризѣ. Въ среднихъ числахъ января черноморская эскадра снова вышла въ море и, крейсеруя у анатолійскихъ береговъ, установила, что подвозъ для турецкой арміи фактически прекратился. Кромѣ небольшого числа парусныхъ судовъ, немедленно уничтожаемыхъ, не встрѣчались никакія суда. Только 14 января, вблизи Самсуна, были встрѣчены крейсера „Бреслау" и „Меджидіе", за которыми погнались наши крейсера. Погоня продолжалась до темноты, но непріятель, обладая преимуществомъ въ ходѣ, ушелъ отъ преслѣдованія. Въ это же время э. м. „Живой", принадлежащій къ Батумскому отряду судовъ, обстрѣливалъ Трапезундъ, разсѣялъ турецкія войска и поджогъ провіантскіе склады въ порту и казармы на берегу. Возвращаясь, „Живой" подошелъ къ Ризе и вступилъ въ бой съ береговой 3" артиллеріей непріятеля. Огнемъ миноносца батарея была приведена къ молчанію и всѣ парусныя суда утоплены.

Смѣлыя дѣйствія миноносцевъ вынудили кр. „Бреслау" снова появиться у береговъ Кавказа. 24 января отрядъ миноносцевъ, оперирующій у непріятельскаго берега въ раіонѣ Хопы, былъ настигнутъ кр. „Бреслау", внезапно появившимся съ моря. Подъ огнемъ „Бреслау" миноносцы начали уходить къ Батуму и заманили его подъ батареи крѣпости. Непріятельскій крейсеръ выпустилъ безрезультатно по миноносцамъ 46 снарядовъ, но, попавъ подъ огонь крѣпости, повернулъ, уйдя въ море, не причинивъ никакого вреда. На слѣдующій день „Бреслау" появился у Ялты и обстрѣлялъ ее, повредивъ нѣсколько магазиновъ на набережной города. Въ тотъ же день наши крейсера обстрѣливали береговыя батареи у Трапезунда и потопили пароходъ, груженный провіантомъ для арміи. Того же числа у мыса Іоросъ миноносцами были утоплены пароходъ и нѣсколько парусныхъ судовъ. Батумскій отрядъ миноносцевъ продолжалъ неуклонно уничтожать всѣ плавающія средства непріятеля, которыми онъ пользовался для подвоза амуниціи и боевыхъ припасовъ изъ Трапезунда въ Хопу. Дѣйствія флота много способствовали операціямъ на берегу, обстрѣливая съ тыла окопы непріятеля. Л. к. „Ростиславъ", присланный изъ Севастополя подготовить артиллерійскимъ огнемъ взятіе Хопы, которая и была занята 15 февраля.

Въ теченіе этого мѣсяца въ Севастополь прибыла изъ Николаева только что построенная подводная лодка „Тюлень".

Конецъ февраля прошелъ безъ особыхъ событій. Въ мартѣ мѣсяцѣ впервые появились гидропланы, назначеніе которыхъ очевидно сводилось главн. обр. за наблюденіемъ надъ нашими судами и развѣдка въ морѣ. Непріятельскіе корабли очень рѣдко появлялись въ морѣ, ничѣмъ себя не проявляя. Блокада побережья производилась

болѣе усиленно и охватывала большій раіонъ, т. к количество судовъ увеличивалось. Но все же ихъ было недостаточно для полной блокады.

Въ ночь подъ Пасху 21/6 марта турецкіе крейсера „Меджидіе“ и „Гамидіе“ въ сопровожденіи двухъ миноносцевъ типа „Милетъ“ подошли къ городу, проникнувъ за наши минныя загражденія. „Меджидіе“ долженъ былъ пройти немного чтобы начать обстрѣлъ Одессы и взорвался на одной изъ нашихъ минъ. Видя невозможность его спасти, непріятель рѣшилъ уничтожить крейсеръ совершенно и взорвалъ минами съ миноносцевъ. „Меджидіе“ погибъ на очень малой глубинѣ, такъ что, сѣвши на дно, его орудія и продольный мостикъ оставались надъ водой.

Миноносцы, взявъ уцѣлѣвшую команду, ушли, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Средствами одесскаго порта черезъ два мѣсяца „Меджидіе“ былъ поднятъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вступилъ въ строй нашего флота.

Что касается постановки минныхъ загражденій, то эта отвѣтственная и сложная задача была выполнена нашими судами прекрасно. Особенно, если принять во вниманіе, что заградителями служили пароходы РОПИТ „В. К. Алексѣй“, „В. К. Константинъ“, „Цесаревичъ Георгій“, „В. К. Ксенія“ и миноносцы. Результаты этой работы были слѣдующіе: въ ноябрѣ подорвался тур. кр. „Гамидіе“ (?), въ то же время взорвалась и погибла кан. лодка „Исса Рейсъ“. Въ декабрѣ взорвались два парохода и погибли. 13 декабря подорвался крейсеръ „Гебенъ“. 8 января погибла кан. лодка типа „Рейсъ“.

12—19 и 20 апрѣля эскадра обстрѣляла своей крупной артиллеріей фортъ Кара-Бурну въ раіонѣ Теркова на правомъ флангѣ Чаталджи. Причемъ корректировка стрѣльбы производилась летчиками, которые, несмотря на неблагопріятныя условія погоды, вполнѣ удовлетворительно выполняли свою задачу. На форту были уничтожены казармы. Кромѣ того судами эскадры были захвачены недалеко отъ Босфора два парусныхъ судна съ грузомъ керосина.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ флотомъ обстрѣливались укрѣпленія Босфора, какъ то: Финеръ, Керидже, Килъ-Бурну, Бункъ-Лиманъ, Верхн. и Нижн. Каваки, Килія и Эльмасъ. Орудія фортовъ отвѣчали, фортъ Маджаръ — мортирнымъ, но безрезультатно. 19 числа былъ взорванъ фортъ Эльмасъ, на которомъ отъ нашихъ попаданій начался пожаръ. При обстрѣлѣ флотомъ укрѣпленій Босфора миноносцы производили осмотръ Анатолійскаго побережья. Въ 30 миляхъ отъ пролива былъ захваченъ итальянскій пароходъ „Амалія“, шедшій изъ Констанцы въ Кон-ль съ грузомъ керосина. Наши летчики летали надъ Конст-лемъ въ теченіи трехъ дней и за этотъ промежутокъ времени продержались надъ городомъ 18 час., производя наблюденія и развѣдку. Германо-турецкій флотъ не выходилъ во время обстрѣла и только лишь 25 апрѣля кр. „Гебенъ“ появился подъ Севастополемъ у мыса Сарычъ. Только что вернувшійся отъ береговъ Босфора нашъ флотъ немедленно вышелъ ему на встрѣчу. Не встрѣтивъ „Гебена“, эскадра направилась къ Зунгулдаку. Коман-

дующій флотомъ послалъ миноносцы для осмотра берега, которые въ раіонѣ Козлу-Эрегли 26 числа потопили 3 парохода.

Эскадра 27 апрѣля снова подошла къ Босфору, имѣя намѣреніе обстрѣлять его укрѣпленія.

Для атаки фортовъ Босфора были выдѣлены два корабля „Пантелеймонъ“ и „Три Святителя“, которые и начали обстрѣлъ укрѣпленій пролива. Въ это время съ Оста показался кр. „Гебенъ“. Вице. адм. Эбергардтъ принялъ бой. имѣя въ этотъ моментъ только л. к. „Евстафій“ (флагъ) и л. к. „Іоаннъ Златоустъ“. Въ 7 ч. 58 м. „Евстафій“ открылъ огонь, на который „Гебенъ“ сейчасъ же отвѣтилъ и сосредоточилъ весь огонь на „Евстафіи“. Черезъ нѣкоторое время подошли, посланные къ проливу „Пантелеймонъ“ и „Три Святителя“. Сначала корабли шли на сближеніе, потомъ непріят. крейсеръ, на дистанціи 70 каб. прекратилъ огонь. Бой продолжался въ теченіе 30 мин., непріятельскій крейсеръ получивъ 4 попаданія, увеличилъ ходъ, и маневрируя, пользуясь своей болѣе чѣмъ двойной скоростью, ушелъ въ проливъ. За время боя „Гебеномъ“ было выпущено до 200 снарядовъ, изъ которыхъ ни одинъ не попалъ въ наши корабли.

Довольно частыя бомбардировки угольнаго раіона вынуждали германское командованіе принимать всѣ возможныя мѣры для отвлеченія нашего флота отъ Зунгулдака и вообще угольнаго раіона, который являлся единственнымъ мѣстомъ, откуда Турція могла получать уголь. Но, зная это, Черном. флотъ съ своей стороны старался уничтожить эту базу, достаточно хорошо защищенный крупной артиллеріей, портъ.

Каждая бомбардировка наносила большія разрушенія въ этомъ порту. Тѣмъ не менѣе непріятелю все-таки удавалось грузить транспорты углемъ и отправлять ихъ въ Конст-поль. Несмотря на постоянную, поскольку позволяли намъ средства, блокаду, имъ все-таки удавалось ночью перевозить уголь, такъ какъ разстояніе отъ Зунгулдака до Босфора могло быть пройдено за ночь. Поэтому необходимо было уничтожать непріятельскій транспортъ. За время съ ноября по апрѣль у турокъ было потоплено нашимъ флотомъ 38 большихъ пароходовъ и 200 парусныхъ судовъ, не считая фелюгъ и пр. малыхъ судовъ.

2 мая суда Черноморскаго флота гл. об. миноносцы, блокируя тотъ же угольный раіонъ Зангулдакъ — Эрегли – Сакарія — Кефкенъ потопили 4 парохода съ углемъ, 20 парусныхъ судовъ и 2 буксирныхъ парохода. При этомъ выяснилось, что турки избѣгали сдаваться въ плѣнъ, п. ч. нѣмцы видимо имъ внушили, что русскіе вѣшаютъ плѣнныхъ. Кромѣ того миноносцы обстрѣляли все побережье, причинивъ большія разрушенія постройкамъ имѣющимъ военное значеніе, какъ-то пристани, пакгаузы и пр. 4 мая всѣ портовые средства были уничтожены въ Козлу. 7 мая въ Эрегли былъ высаженъ небольшой дессантъ для уничтоженіе пристани и погрузочныхъ средствъ, ввиду того, что этотъ портъ оказался передаточнымъ для перевозки угля. Дессантъ уничтожилъ все, что могло этому со-

дѣйствовать, разрушилъ подъѣздные пути къ шахтамъ, динамо-машины и склады угля и керосина. 18-го у Зунгулдака выбросился на берегъ большой непріятельскій пароходъ, какъ только замѣтилъ преслѣдованіе нашего миноносца. Неизвѣстно по какой причинѣ германскія радіотелеграммы возвѣстили, что у Мидіи возлѣ Босфора русскій л. к. „Пантелеймонъ былъ взорванъ и погибъ со всей командой въ числѣ 1.400 чел. Между тѣмъ этотъ корабль даже и не былъ въ этотъ день въ морѣ. И не только онъ, но и вообще никакой изъ русскихъ кораблей не былъ даже поврежденъ.

Таково было официальное сообщеніе со стороны нашего непріятеля. Весь остатокъ мѣсяца отряды нашихъ судовъ несли непрерывную блокаду побережья. Въ ночь на 29/9 мая два нашихъ миноносца 1 дивизіона (1000 т.) встрѣтили въ морѣ кр. „Бреслау", съ которымъ и вступили въ бой, продолжавшійся всего нѣсколько минутъ. Непріят. к-ръ открылъ прожекторы, что облегчило повидимому нашимъ командорамъ найти цѣль. „Бреслау" получивъ нѣсколько попаданій закрылъ прожекторы и скрылся въ темнотѣ. У насъ на одномъ миноносцѣ были ранены 1 офицеръ и 6 матросовъ. На „Бреслау" по полученнымъ свѣдѣніямъ было убито 12 чел. и ранено 40.

20/2 іюня подв. лодка „Моржъ" утопила миной пароходъ въ 2.500 тон., около острова Кефкена. Потомъ встрѣтила и потопила парусное судно въ 1.500 тон. и пароходъ въ 400 тон., всѣ груженные углемъ и провизіей. На слѣдующій день она обстрѣляла и вынудила выброситься на берегъ небольшой пароходъ, буксировавшій баржи съ углемъ. Около Босфора лодка встрѣтила парусное судно вооруженное небольшой пушкой, съ которымъ вступила въ перестрѣлку и заставила его выброситься на берегъ, а также и два другихъ, слѣдовавшихъ съ нимъ.

21 и 22/4 іюня суда эскадры бомбардировали Зунгулдакъ, которому были нанесены серьезныя поврежденія. Батареи и стоявшее въ порту военное судно отвѣчали на огонь, но безрезультатно для нашихъ судовъ. 24/6 іюня наши миноносцы были атакованы непріятельской подводной лодкой, но неуспѣшно для нея.

27/10 іюня подводный минный заградитель „Крабъ" въ 550 тон., еще не закончивъ пріемныя испытанія, былъ посланъ для постановки минъ загражденія въ Босфорѣ, каковая и была выполнена въ проливѣ южнѣе входныхъ маяковъ Анатоліи и Румели-Фенаръ. Черезъ три дня на этомъ загражденіи подорвался кр. „Бреслау".

За промежутокъ времени съ декабря 1914 г. по іюль въ строй вступили четыре подв. лодки: „Нерпа", „Тюлень", „Моржъ" и „Крабъ", 5 миноносцевъ 2-го дивизіона и затѣмъ перевезены изъ Владивостока 4 лодки малаго водоизмѣщенія: „Скатъ", „Налимъ", „Сомъ" и „Щука". При посредствѣ большихъ лодокъ явилась возможность нести блокаду непріятельскаго побережья тѣснѣе, что еще болѣе тяжело отразилось на доставленіи угля и припасовъ для турецкой арміи.

28/11 іюня изъ Николаева пришелъ первый дреднаутъ „Императрица Марія", съ прибытіемъ котораго соотношеніе въ силахъ рѣзко измѣнилось въ нашу пользу.

Оканчивая этотъ краткій очеркъ военныхъ дѣйствій въ Черномъ морѣ въ первый періодъ войны, нужно указать, что дѣйствія нашего противника, какъ и въ самомъ началѣ военныхъ операцій, не отличались рѣшительностью и использованіемъ обстановки.

Если взять появленіе кр. „Гебенъ" передъ Батумомъ и обстрѣлъ имъ послѣдняго, совершенно становится непонятнымъ почему онъ, имѣя дальнобойную артиллерію, не уничтожилъ тѣсно стоявшій въ маленькомъ порту отрядъ нашихъ судовъ. Обстановка для него была во всѣхъ отношеніяхъ благопріятная. Онъ находился внѣ досягаемости орудій крѣпости и могъ уничтожить свободно всѣ суда и сильно повредить крѣпость.

Что касается нашего миннаго загражденія, то дѣйствительно оно было поставлено, но разъ крейсеръ уже прошелъ и его снаряды попадали въ городъ, то слѣдовательно его позиція для обстрѣла для него была безопасна.

Затѣмъ второй случай — это бой 27 апрѣля. Черноморская эскадра въ этотъ день была раздѣлена на двѣ части: въ одной были л. к. „Евстафій" и „І. Златоустъ", въ другой „Три Святителя" и „Пантелеймонъ". Крейсеръ „Гебенъ", появившись въ тотъ моментъ, когда отряды находились въ достаточномъ разстояніи другъ отъ друга, могъ отрѣзать одинъ отъ другого и если не утопить, то во всякомъ случаѣ сильно повредить наши корабли. Между тѣмъ въ дѣйствіяхъ командира „Гебена" можно наблюдать нѣкоторую нерѣшительность. Онъ даетъ возможность соединиться отрядамъ и тѣмъ лишаетъ самъ себя выгодности положенія, несмотря на полную возможность это сдѣлать съ такими тактическими преимуществами, какія были у него. Его стрѣльба, сосредоточенная на „Евстафіи" совершенно неудачна — ни одного попаданія въ теченіе 30 мин. боя. Между тѣмъ, подойдя съ востока раннимъ утромъ, солнце освѣщало ему цѣль, а нашимъ комендорамъ приходилось стрѣлять противъ солнца, что несомнѣнно мѣшало стрѣльбѣ. Затѣмъ совершенно не поддается пониманію встрѣча, происшедшая въ ночь на 29 мая. Быстроходный крейсеръ встрѣчается съ двумя миноносцами, вооруженными 100 m/m. орудіями. Происходитъ бой, въ результатѣ котораго крейсеръ отступаетъ, т. к. иначе никакъ нельзя понять отсутствіе даже попытки преслѣдовать миноносцы. „Бреслау" не могъ не видѣть, что онъ имѣетъ дѣло только съ двумя миноносцами, т. к. самъ освѣтилъ ихъ прожекторами. Почему же онъ не преслѣдуетъ ихъ съ тѣмъ, чтобы, отрѣзавъ отъ Севастополя, принудить ихъ къ бою еще до того момента, когда къ нимъ подойдетъ подкрѣпленіе.

Всѣ указанные въ этомъ очеркѣ случаи даютъ возможность намъ сказать, что Черноморскій флотъ, несмотря на отсутствіе сильныхъ быстроходныхъ кораблей, не только отражалъ нападенія непріятеля, но самъ проявлялъ инициативу и фактически владѣлъ моремъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Возможно, что имѣющее скоро появится оффиціальное описаніе герм. штаба войны въ Черномъ морѣ, дастъ намъ объясненіе вышеуказанныхъ случаевъ, но едва ли оно признаетъ правильность дѣйствій адм. Сушона и командировъ „Гебена" и „Бреслау".

Кап. 2 ранга МОНАСТЫРЕВЪ.

МОРСКАЯ ХРОНИКА

ФРАНЦІЯ.

Въ концѣ прошлаго года въ Ламаншѣ происходили маневры французскаго флота. Сущность маневровъ заключалась въ слѣдующемъ: одинъ флотъ былъ заблокированъ въ Шербургѣ. Его задача была прорвать блокаду и выйти въ море. Для этой цѣли ему были приданы воздушныя флотиліи и дирижабль, на обязанности которыхъ было нести развѣдку и всячески препятствовать блокадѣ непріятельскаго флота. Заданіе это отрядами гидро выполнялись вполнѣ удовлетворительно, даже въ очень свѣжую погоду, когда блокада непріятельскими подводными лодками была ослаблена. Всего было произведено 20 воздушныхъ атакъ; воздушная охрана не была ослаблена и въ плохую погоду, что даетъ основаніе предполагать, что авіація свою роль выполнила. Что же касается того, что удалось ли заблокированному флоту прорваться, то это остается повидимому невыясненнымъ.

Приблизительно въ это же время происходило воздушное крейсерство дирижабля „Диксмюдъ“, который съ юга Франціи полетѣлъ въ Сѣверную Африку. Онъ продержался въ воздухѣ 118 ч. 50 м. и прошелъ разстояніе въ 7100 километровъ. Полетъ „Диксмюда“ установилъ (вопреки утвержденію нѣмцевъ), что въ Сахарѣ есть воздушное теченіе, затрудняющее полетъ, и наоборотъ, что надъ дюнами есть спокойная зона, гдѣ дирижабль могъ снизиться на 1000 метровъ. Но этотъ полетъ, конечно, не могъ установить условій полета надъ Сахарой.

Въ декабрѣ „Диксмюдъ“ совершалъ свой второй полетъ надъ Тунисомъ и по возвращеніи во Францію былъ застигнутъ штормомъ съ грозой въ то время, когда онъ, повидимому, находился надъ моремъ приблизительно на широтѣ Сициліи. Послѣдняя полученная отъ него радіотелеграмма станціей Бизерта не была расшифрована. Неприбытіе его въ предполагаемое время возбудило тревоги морского командованія и начались поиски, которые въ теченіе недѣли не дали никакихъ результатовъ. „Диксмюдъ“ искали и въ морѣ и на сушѣ. Цѣлые отряды судовъ обслѣдовали море въ раіонѣ Туниса и Триполи; посылались автомобили и авіаціонные аппараты къ Сахарѣ. Спустя недѣлю, случайно, итальянскіе рыбаки въ нѣсколькихъ миляхъ отъ западнаго берега Сициліи вытащили сѣтями трупъ командира дирижабля лейтенанта де Плессисъ. Послѣ этого не могло быть сомнѣнія, что дирижабль погибъ. Надо полагать, что причиной гибели былъ взрывъ, причиненный ударомъ молніи.

На немъ погибло нѣсколько выдающихся летчиковъ Франціи, которые находились на борту въ качествѣ пассажировъ. „Диксмюдъ“ бывшій германскій воздушный корабль, былъ самымъ большимъ во французскомъ воздушномъ флотѣ. Въ германскомъ флотѣ онъ носилъ названіе Л-72.

АНГЛІЯ.

Въ концѣ прошлаго года имѣла мѣсто конференція, на которой разбирался вопросъ о защитѣ государства. Работы этой конференціи не были оглашены. Одинъ изъ членовъ конференціи, котораго усиленно поддерживалъ премьеръ Австраліи, настаивалъ на согласованіи усилій Англіи и колоній. Обсужденію подвергались вопросы общей стратегіи и совмѣстнаго обученія флотовъ метрополіи и колоній. Много вниманія было удѣлено постройкѣ легкихъ крейсеровъ, которыхъ въ настоящее время у Англіи — 5, Америки — 10 и Японіи — 23. Англіей рѣшено построить нѣсколько такихъ крейсеровъ для замѣны устарѣвшихъ, типа „Каунтри“.

Новые линейн. крейсера „Родней“ и „Нельсонъ“ будутъ имѣть орудія въ 40.63 с/м. Орудіе предполагается въ 45 калибровъ. Вѣсъ снаряда въ 1042 кило съ зарядомъ въ 131 кило. Такая артиллерія потребуетъ 20% отъ водоизмѣщенія корабля, тогда какъ артиллерія въ 38 с/м. требовала всего 15%.

Авіо-матка „Пегасусъ“ (3070 тон.), находящаяся въ Средиземномъ морѣ, замѣняется „Егль“ въ 22.790 т. На этомъ театрѣ англійское адмиралтейство дѣлаетъ большія усилія въ пользу воздушнаго флота.

Не лишены интереса слѣд. цифры стоимости современнаго воен. корабля. Линейный корабль 7.000.000 фунтовъ стерлинговъ, линейный крейсеръ 6.450.000 фунт. ст., легкій крейсеръ 1.770.000 ф. ст., дестроеръ 800.000 ф. ст., подводн. лодка 430.000 ф. ст.

АМЕРИКА.

Капит. 1 ранг. Нами, американскаго флота, написалъ статью, въ которой говоритъ, что авіація не сможетъ замѣстить полностью надводный корабль и что подобный взглядъ со стороны многихъ является опаснымъ увлеченіемъ. Кромѣ того онъ говоритъ, что защита отъ аэро и гидро-плановъ всегда возможна и будетъ двоякая: оборонительная и наступательная. Первая будетъ заключаться въ томъ, что по борту корабля, въ самыхъ его жизненныхъ частяхъ располагаются цистерны и дополнительныя броневыя плиты и затѣмъ, при встрѣчѣ съ воздушнымъ врагомъ, постоянное измѣненіе курса корабля. Вторая—летательные аппараты самого корабля и кромѣ того спеціально авіаціонные корабли. Авторъ указываетъ на то, что одинъ воздушный флотъ не въ состояніи будетъ защитить отдаленныя колоніи Америки.

На легкихъ крейсерахъ въ 8.000 тоннъ типа „Детроитъ“ постройки 1922 г. имѣется 2 летательныхъ аппарата, которые нахо-

дятся на спардекѣ по одному аппарату на борту. Для ихъ подъема и спуска имѣются специальныя стрѣлы. Устройство подобнаго приспособленія не является сложнымъ и позволяетъ спустить аппаратъ въ тихую погоду и на стопѣ.

Въ послѣднее время въ Америкѣ строятся аппараты спеціальнаго типа, которые будутъ находиться на борту подводн. лодки.

Въ настоящее время въ американскомъ флотѣ имѣется спеціальный корабль для летательныхъ аппаратовъ „Ланглей", который устроенъ такъ, что аппараты могутъ взлетать съ него, не садясь предварительно на воду.

ЯПОНІЯ.

Имѣвшее мѣсто въ сентябрѣ прошлаго года землетрясеніе въ Японіи причинило много разрушеній флоту. Нѣсколько старыхъ кораблей и новыхъ, находящихся въ постройкѣ крейсеровъ, было совершенно уничтожено. Большая половина запаса нефти для флота сгорѣло и нѣсколько доковъ совершенно разрушено. Матеріальныя потери флота оцѣниваются въ 1.000.000.000 іенъ. Всѣ воздушные аппараты въ базѣ Якогамы уничтожены.

Произведенное изслѣдованіе морского дна показало, что оно не измѣнилось.

Морское вѣдомство рѣшило уничтожить слѣд. суда: Тоза, Сетсу, Ибуки, Аки, Сатсума, Асахи и Миказа. Причемъ относительно Миказа было много протестовъ, но морское вѣдомство рѣшило таки его уничтожить, сохранивъ только мостикъ для музея. Съ этого корабля адмиралъ Того командовалъ флотомъ въ Цусимскомъ бою.

ИТАЛІЯ.

Въ Фіумѣ заложены 2 дестроера стоимостью въ 25 милліоновъ лиръ. Эта закладка была вызвана отсутствіемъ работъ на заводахъ Фіуме. Послѣднее время въ Италіи проектируются легкіе крейсера приблизительно въ 10.000 тон., но съ артиллеріей, превосходящей по силѣ легкихъ крейсеровъ другихъ морскихъ державъ.

ИНФОРМАЦІОННЫЙ ОТДѢЛЪ.

АНГЛІЯ.

Военный бюджетъ на 1923/24 г. утвержденъ въ размѣрѣ — 189.000.000 фунтовъ стерлинговъ; изъ нихъ на армію — 52.000.000, на морской флотъ — 58.000.000 и на воздушный флотъ — 18.500.000. Остальная сумма — 60.500.000 приходится на армію и флоты доминіоновъ.

Замѣна конной тяги механической.

Въ дивизіонныхъ обозахъ конная тяга замѣнена механической. Производятся опыты примѣненія механической тяги и въ полевой артиллеріи.

Сравненіе англійскаго и французскаго авіафлотовъ.

Въ ноябрѣ 1918 г. Франція имѣла 3.600 военныхъ аэроплановъ, нынѣ — 1.200, т. е. число ихъ сократилось на $^2/_3$, въ то время какъ въ Англіи воздушный флотъ сокращенъ на $^9/_{10}$.

Въ настоящее время въ Англіи 5 авіаротъ (1 истребителей и 4 бомбометательныхъ); во Франціи 64 авіароты (32 истребителей и 32 бомбометательныхъ).

По даннымъ строительныхъ программъ Франція въ 1925 году будетъ имѣть 2.180 аэроплановъ, Англія — 575.

Въ 1922 г. въ Англіи изготовлено 200 военныхъ и гражданскихъ аэроплановъ, во Франціи 300 гражданскихъ и 300 военныхъ.

Въ Англіи постройкой воздухоплавательныхъ аппаратовъ занято 2.500 рабочихъ; во Франціи — 9.250.

Процентное отношеніе армій къ населенію. По этому вопросу Военное Министерство опубликовало слѣдующія данныя:

1.	Франція	1.24%.
2.	Англія	1.23%.
3.	Чехо-Словакія	1.11%.
4.	Бельгія	1.06%.
5.	Польша	1.01%.
6.	Юго-Славія	0.90%.
7.	Румынія	0.75%.
8.	Россія	0.62%.
9.	Японія	0.60%.

ФРАНЦІЯ.

Военный бюджетъ на 1923/24 г. утвержденъ въ размѣрѣ — 4.595.002.335 франковъ; изъ нихъ на армію — 3.566.785.327 франковъ и на флотъ — 1.028.287.008 франковъ.

Гигантскій аэропланъ для бомбардировки.

Техническое воздухоплавательное отдѣленіе поручило заводу Шнейдера изготовить большой аэропланъ для ночныхъ бомбардировокъ.

Корпусъ его весь металлическій; вѣсъ 10 тоннъ; 4 мотора по 400 лошадиныхъ силъ, дающихъ аэроплану скорость болѣе 150 километровъ въ часъ. Ширина 30 метровъ, длина 20 метровъ, высота 6 метровъ. Держащая поверхность равна 220 кв. метрамъ.

Численный составъ французской арміи на 1924 г.:

Офицеровъ 33.000 чел.; унтеръ офицеровъ 70.000 чел.; рядовыхъ 625.000 чел. и лошадей 177.000.

Кромѣ того 3.100 офицеровъ резерва, несущихъ дѣйствительную службу въ чинѣ лейтенанта, 50.000 колоніальной арміи и 532.470 чел. цвѣтныхъ войскъ.

Тенденція въ танковомъ дѣлѣ.

Къ концу міровой войны Франція располагала 4.000 легкихъ танковъ, сведенныхъ въ 9 полковъ 2 батал. состава и 100 тяжелыхъ танковъ, сведенныхъ въ 1 полкъ изъ 3 баталіоновъ.

Тяжелые танки во многихъ отношеніяхъ оказались неудовлетворительными.

Легкіе танки типа Рено также имѣютъ недостатки — они недостаточно прикрыты броней въ своей нижней части и моторы ихъ быстро охлаждаются.

Заводъ Рено въ настоящее время разрабатываетъ типъ полутяжелаго танка съ болѣе тяжелой чѣмъ въ легкомъ танкѣ броней, вооруженнаго однимъ 75 мил. орудіемъ и болѣе приспособленнаго къ преодолѣнію препятствій.

Въ организаціонномъ отношеніи предположено сформировать 22 легкихъ танковыхъ полка 2-хъ батал. состава, 1 отд. легкій танковый полкъ и 1 полкъ тяжелыхъ танковъ 3-хъ батал. состава.

Личный составъ всѣхъ танковыхъ частей мирнаго времени — 1.000 офицеровъ и 20.000 солдатъ.

Танковыя части органически не входятъ въ составъ войсковыхъ соединеній, а придаются имъ въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій.

Дѣятельность военной промышленности въ теченіе міровой войны.

По докладу ген. Гаскуэна въ обществѣ гражданскихъ инженеровъ стоимость выдѣланнаго военнаго матеріала = 143 милліардамъ франковъ изъ нихъ сырья на 60 милліардовъ фр. На вооруженіе пошло матеріаловъ на 43 милліарда фр. изъ нихъ на изготовленія орудій 2 милліарда фр., на снаряды, патроны и взрывчатыя вещества — 25 милліардовъ фр., на химическіе матеріалы 12 милліардовъ, на автомобили, желѣзнодорожный матеріалъ 600 милліоновъ.

Такимъ образомъ наибольшій расходъ вызвало изготовленіе снарядовъ и патроновъ.

Практика показала, что орудіе до изнашиванія выбрасывало матеріала въ 15-20 разъ болѣе стоимости самого орудія и въ 200 разъ тяжелѣе его самого.

Вѣсъ выдѣланныхъ огнестрѣльныхъ припасовъ = 6 милліардамъ тоннъ. Доставлено было стали — 5 милліоновъ тоннъ, стале-желѣза 2-3 милліона тоннъ, взрывчатыхъ веществъ 1 милліонъ тоннъ.

Работа военно-санитарнаго отдѣла во время войны.

Чтобы правильно оцѣнить работу этого учрежденія во время войны, нужно прежде всего знать численный составъ арміи съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло: французская армія наканунѣ войны насчитывавшая 800.000 человѣкъ спустя двѣ недѣли по объявленіи мобилизаціи 3.704.000 чел.; къ моменту перемирія число мобилизованныхъ дошло до 8.882.000 человѣкъ.

Потери, достигшія цифры въ 1.325.000 человѣкъ, распредѣляются приблизительно слѣдующимъ образомъ:

674.700 убитыхъ, 225.300 безъ вѣсти пропавшихъ, 250.000 умершихъ отъ ранъ и 175.000 умершихъ отъ болѣзней. Потери эти представляютъ 37,5 чел. на 1000 жителей*). Англія потеряла лишь 15,1 на 1000, Италія 12,6 на 1000 и Сѣверо-Американскія Соединенныя Штаты 0,5 на 1000, Германія 28 на 1000.

Общее число раненыхъ за всю войну колеблется между 2 и 3 милліонами.

Устанавливая различіе въ пораненіяхъ, причиненныхъ артиллерійскими снарядами, пораненіями ружейными пулями, пораненіями причиненными другими огнеприпасами, а также газами, можно констатировать, что минувшая война въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ войнъ. Въ то время какъ въ Крымскую войну, въ Итальянскую, въ войну 1870-71 г. пораненія причиненныя пѣхотнымъ огнемъ много превосходили количествомъ пораненія отъ артиллерійскихъ снарядовъ, въ послѣднюю войну пораненія причиненныя артиллеріей постоянно увеличивались по отношенію къ пораненіямъ отъ пуль и доходили до $^3/_4$ общаго числа пораненій. Число пораненій удушливыми газами, могло быть подсчитано съ нѣкоторой точностью лишь въ 1918 г.: въ теченіи сего періода оно достигало пятидесяти приблизительно на каждый снарядъ.

Что касается до заболѣваній, то лишь двѣ эпидеміи отмѣтили войну: а) въ 1914 и 1915 г.г. тифозныя заболѣванія, съ которыми французы справились въ нѣсколько мѣсяцевъ посредствомъ прививокъ, и б) гриппъ (инфлуенція), которая была повсюду распространена въ 1918 г. Строгая гигіена, введенная въ арміи, дала блестящіе результаты; количество простыхъ заболѣваній всегда было весьма низкимъ, рѣдко достигая 1 на 1000. Этимъ послѣдняя война

*) Прим. редакціи. Потери по родамъ войскъ во французской арміи въ проц. отношеніи; въ пѣхотѣ — 1 на 4, въ кавалеріи 1 на 13, артиллеріи 1 на 17, инженерныхъ войскъ 1 иа 16, авіаціи 1 на 28.

рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ войнъ, въ теченіе коихъ потери отъ болѣзней превышали потери отъ огня. На основаніи этихъ численныхъ данныхъ можно дать себѣ отчетъ о важномъ значеніи, которое пріобрѣтаютъ эвакуаціи, въ особенности, если принять во вниманіе, что кромѣ эпидемій и боевъ, происходитъ ежедневная неизбѣжная убыль, вслѣдствіе незначительныхъ заболѣваній и случайностей, колеблящаяся между 3 и 6 на 1000. Какъ бы то ни было, число эвакуированныхъ во французской арміи, значительное въ началѣ войны, быстро сократилось по мѣрѣ перехода къ позиціонной войнѣ, а затѣмъ сразу поднялось въ періоды большихъ сраженій. Общій итогъ эвакуированныхъ за все время войны превзошелъ 3 милліона, между которыми раненые составляютъ $^2/_3$.

Санитарные поѣзда перевезли около 5 милліоновъ эвакуированныхъ, а санитарные автомобили около 10 милліоновъ; большое число эвакуированныхъ было перевозимо по нѣсколько разъ.

Эвакуированные размѣщались по госпиталямъ. Число кроватей въ госпиталяхъ въ моментъ мобилизаціи исчислялось въ 235.000; начиная съ 1915 г. число ихъ достигаетъ 400.000, цифра эта сохраняется вплоть до перемирія. Кроватей, организованныхъ въ арміяхъ, было въ среднемъ 20-25 на 100 общаго числа. Общій итогъ поступленій во всѣ санитарныя учрежденія исчисляется въ 9 милліоновъ. Учрежденіями Краснаго Креста и добровольными содержалось 143.000 кроватей.

Санитарный персоналъ Военно Медицинскаго Отдѣла ко дню перемирія состоялъ изъ 21.181 врачей, 3.828 аптекарей, 5.238 административныхъ чиновъ, 120.350 санитаровъ и 10.100 сестеръ милосердія; это составляетъ приблизительно число лицъ равное болѣе чѣмъ 13 пѣхотнымъ дивизіямъ.

Изъ общаго числа 21.181 врачей на дѣйствительной службѣ было лишь 1707, остальные 19474 дополнительные на военное время (число мобилизованныхъ врачей было приблизительно 80 на 100 изъ общаго числа врачей практикующихъ во Франціи).

Никогда въ предшествовавшихъ войнахъ проблема возвращенія на фронтъ выздоровѣвшихъ раненыхъ и больныхъ не была столь исключительно важна, какъ въ войнѣ 1914 1918 г.г. Проблема эта была разрѣшена во Франціи болѣе чѣмъ удовлетворительно: среднее мѣсячное число эвакуированныхъ возвращающихся на фронтъ исчислялось приблизительно въ 55.000; такъ какъ убыль, происходящая отъ эвакуаціи, исчислялась въ среднемъ въ 60.000 человѣкъ ежемѣсячно, пропорція возвращающихся на фронтъ является нѣсколько большей 90 на 100

(La Croix 11 февр. 24 г.).

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Военный бюджетъ на 1923/24 г. утвержденъ въ размѣрѣ 708.970.654 долларовъ; изъ нихъ на армію — 336.347.204 доллар. - на флотъ — 359.997.250 долл. и на авіацію — 12.626.200 долл.

Потери за время Міровой Войны по оффиціальнымъ даннымъ: офицеровъ 9.164, солдатъ 200.554; убито: офицеровъ — 2.141, солдатъ — 47.307; ранено: офицеровъ — 6.707; солдатъ — 198.983; взято въ плѣнъ: офицеровъ — 316, солдатъ — 4.164 человѣка.

Телефонъ и телеграфъ на танкахъ.

Производятся опыты съ новыми радіо-телефонными и телеграфными аппаратами, установленными на танкахъ.

Переговоры могутъ итти на ходу на слѣдующихъ дистанціяхъ: танкъ съ танкомъ на разстояніи 10 миль, танкъ со штабомъ — 15—20 миль. Телеграфировать танкъ танку можетъ на разстояніи 15—20 миль. Танкъ штабу и обратно на разстояніи 30 миль. Длина волнъ — 750 миль.

Гигантскій аэропланъ (трипланъ) для бомбометанія.

Построенъ аэропланъ, снабженный 6 моторами въ 450 лошадиныхъ силъ каждый. Вѣсъ — 20 тоннъ. Поднимаетъ 2 тонны бомбъ. Вооруженъ 7 пулеметами. Продолжительность полета — 12 часовъ, скорость — 140 километровъ въ часъ.

ЧЕХО-СЛОВАКІЯ.

Численный составъ арміи:

Офицерскій составъ: генераловъ — 111, полковниковъ — 308, подполковникомъ — 824, маіоровъ — 585, капитановъ I класса — 3.256, капитановъ II класса — 2.671, поручиковъ — 1.265, подпоручиковъ — 1 126.

Солдаты: развѣдчиковъ — 17.868, ст. унтеръ-офицеровъ — 11.740, младшихъ унтеръ-офицеровъ — 5.105, капраловъ — 12.763 и рядовыхъ — 91.644.

Количество населенія по послѣднимъ даннымъ равно 13.600.000 чел., изъ нихъ чеховъ — 8.700.000, т. е. 64% всего населенія. Въ арміи 72,5% славянъ (68,5% чеховъ), 18,75% нѣмцевъ, 7% венгерцевъ и 1,75% прочихъ народностей.

Воздушный флотъ чехо-словацкой арміи состоитъ изъ 3 авіа-полковъ и 1 воздухоплавательнаго отдѣленія. Аппаратовъ — 120. Численность обслуживающаго воздушный флотъ персонала — 3.000.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

„МОБИЛИЗАЦІЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССІИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ВОЙНЫ 1914 — 1917 г.".

Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена статья въ „Le Temps" отъ 4 марта с. г. Ввиду того, что эта статья представляетъ значительный интересъ по цифровымъ даннымъ въ ней приводимымъ, а также излагаемымъ въ ней взглядамъ автора о причинахъ плохого состоянія артиллерійскаго снабженія русской арміи, мы приводимъ наиболѣе существенныя изъ нея выдержки.

„Обзоръ мобилизаціи промышленности въ Россіи въ теченіи войны 1914-1917 г.г. интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ намъ на серію ошибокъ, коихъ слѣдуетъ избѣгать. Это въ сущности обзоръ отрицательныхъ опытовъ. Онъ намъ показываетъ, какъ нація, обладавшая неисчерпаемыми рессурсами, вслѣдствіе отсутствія организаціи, недостатка предусмотрительности, ложныхъ расчетовъ, можетъ быть приведена къ безсилію.

Главная ошибка въ обслуживаніи тыла дѣйствующей арміи въ Россіи заключалась въ отсутствіи предусмотрительности въ дѣлѣ общей организаціи и въ отсутствіи плана мобилизаціи промышленности*) Въ Петроградѣ никогда не существовало централизующей власти для выработки общаго плана для удовлетворенія всѣхъ нуждъ арміи. Каждое вѣдомство (отдѣлъ) работало всегда самостоятельно, не заботясь о своихъ сосѣдяхъ.

Въ февралѣ 1915 года русская металлургія могла бы вырабатывать большое количество гранатныхъ стакановъ, чѣмъ она то дѣлала. Такъ какъ не представлялось возможнымъ всѣхъ ихъ наполнить взрывчатымъ веществомъ, артиллерійское вѣдомство умышленно сократило производство стакановъ. Когда же рессурсы во взрывчатыхъ веществахъ увеличились, вслѣдствіе усиленія производства химическихъ фабрикъ и прибытія взрывчатыхъ веществъ изъ заграницы, началъ ощущаться недостатокъ въ гранатныхъ стаканахъ.

Зимой 1915 1916 г.г., дабы позволить арміи увеличить свои запасы снарядовъ, русскій флотъ, имѣвшій большіе запасы, отдалъ въ распоряженіе сухопутной артиллеріи весь свой порохъ и взрывчатыя вещества имъ фабрикуемыя. Армія въ то время не воспользовалась этимъ. Когда же она хотѣла къ нимъ прибѣгнуть лѣтомъ

---

*) Разработаннаго въ мирное время плана мобилизаціи промышленности не имѣла и Франція. Прим. редакціи.

1916 года, всѣ эти запасы исчезли ибо флотъ ихъ использовалъ самъ.

Далѣе ошибка русскихъ учрежденій, обслуживающихъ армію, заключалась еще и въ томъ, что довѣріемъ пользовались лишь организаціи, существовавшія еще въ мирное время. Они игнорировали вначалѣ всякія другія организаціи и прибѣгли къ ихъ использованію въ военномъ отношеніи лишь позднѣе и какъ бы нехотя, будучи вынуждены къ тому настояніемъ французской военной миссіи и Государственной Думой. Металлургическое производство и химическая индустрія были, однако, болѣе развиты въ Россіи, чѣмъ то думалось. Они обѣ могли бы служить огромной помощью для снабженія русской арміи оружіемъ и огнеприпасами. Однако они были использованы лишь въ 1916 г.

Третья ошибка заключалась въ слишкомъ большомъ довѣріи русскихъ къ самимъ себѣ, ихъ оптимизмъ, отсутствіе всякаго рода серьезной предусмотрительности со стороны ихъ органовъ производства. Артиллерійское вѣдомство расчитывало, что будетъ въ состояніи съ 1 января по 1 мая 1915 года изготовлять и снаряжать 1.500.000 снарядовъ ежемѣсячно, на самомъ же дѣлѣ, оно съ большимъ трудомъ могло сфабриковать это количество въ продолженіи лишь четырехъ мѣсяцевъ; притомъ она не имѣла возможности полностью снарядить ихъ. Ея предвидѣнія были дѣйствительно слишкомъ фантастичны и Главное Командованіе не могло придавать никакой вѣры свѣдѣніямъ, которыя ему доставлялись въ подобныхъ условіяхъ.

Россія, наконецъ, слишкомъ разсчитывала на своихъ союзниковъ въ дѣлѣ снабженія ее военнымъ матеріаломъ. Вмѣсто того, чтобы усилить работу на своихъ заводахъ, она требовала отъ Франціи, Англіи, Италіи и Японіи артиллерійскаго матеріала, снарядовъ, ручного оружія, патроновъ, аэроплановъ и т. п. Русское Правительство, имѣя огромное населеніе, располагало изобильнымъ количествомъ рабочихъ рукъ для фабрикъ, тогда какъ Франція и Англія встрѣчали почти непреодолимыя затрудненія въ вербованіи рабочихъ на военные заводы. Сельско-хозяйственныя, ископаемыя и индустріальныя богатства могли бы позволить Россіи ограничиться своими собственными рессурсами, не прибѣгая къ рессурсамъ своихъ союзниковъ*).

Въ августѣ 1914 г. русская армія располагала недостаточнымъ количествомъ полевыхъ и горныхъ орудій, всего 6.700 ш. Во Франціи имѣлось 5.000 при численномъ составѣ арміи равной половинѣ русской.

Въ началѣ октября 1914 года русское командованіе ощущало необходимость увеличить свою полевую артиллерію; оно пустило въ ходъ въ ноябрѣ всѣ военные заводы. Однако производство совершается медленно. Чтобы представить точную картину, мы воспроизводимъ ниже нѣсколько цифръ, характеризующихъ изготовленіе

*) Это могло быть только въ томъ случаѣ, если бы фабрично-заводская промышленность и агрикультура Россіи еще въ мирное время были бы, широко развиты, какъ это было въ Германіи или Франціи.

орудій 76 мм. (3 дюймовыхъ) главнаго полевого русскаго орудія, ставнительно съ производствомъ во Франціи 75 мм. орудія:

Производство въ 3 мѣсяца (Новыя орудія и исправл.).	Россія	Франція	Соотношеніе русскаго производства къ французскому;
Три мѣсяца 1915 г.	68	175	38%
„ „ 1916 г.	993	1.500	66%
„ „ 1917 г.	1.068	2.600	41%

Положеніе Россіи въ отношеніи снарядовъ въ теченіе всей войны было еще болѣе затруднительнымъ. Въ началѣ, въ августѣ 1914 года, она располагала лишь по 800 снарядовъ на орудіе, а Франція по 1.400 снарядовъ. Русскіе артиллеристы въ первыхъ сраженіяхъ израсходовали такъ много снарядовъ, что общій запасъ ихъ въ Русской арміи дошелъ въ октябрѣ 1914 г. до 300 на орудіе, а нѣкоторыя арміи не располагали болѣе 150 снарядами на орудіе. Производство снарядовъ въ Россіи для 3 дюймоваго орудія оставалось весьма недостаточнымъ, и затраты на фронтѣ были сокращены до минимума.

Сравнительная таблица ежемѣсячнаго производства снарядовъ.

	3 дюйм. изготовляемыхъ Въ Россіи	За-границей для Россіи	75 мм. орудія изгот. во Франціи
Январь 1915 г.	360.000	—	1.100.000
Августъ 1015 г.	970.000	30.000	2.200.000
Январь 1916 г.	1.400.000	250.000	3.000.000
Августъ 1916 г.	1.700.000	1.400.000	5.200.000
Январь 1917 г.	1.600.000	800.000	6.100.000

Дабы экономить снаряды русское командованіе предписало избѣгать по возможности открытія огня. Дача снарядовъ была сокращена на спокойныхъ фронтахъ до десяти на дивизію въ день, т. е. примѣрно по полъ выстрѣла въ день на орудіе.

* * *

Россія была плохо подготовлена для производства тяжелой артиллеріи; союзникамъ приходилось снабжать ее орудіями и гаубицами крупнаго калибра. До мая 1916 года ее снабжали орудіями 105 мм. калибра. Въ іюнѣ 1916 года ей было послано около 200 орудій 120 мм. и 220.000 снарядовъ къ нимъ.

Въ теченіе войны Франція дала Россіи:

100	орудій	въ	106 мм.
180	"	"	120 мм.
50	гаубицъ	въ	155 мм.
16	"	"	220 мм.,

не считая снарядовъ и ракетъ. Въ нѣкоторые мѣсяцы ей отправляли до 500.000 ракетъ, ибо русскія фабрики, за отсутствіемъ рабочихъ, привычныхъ къ работамъ, требующимъ точности, не были въ состояніи изготовлять необходимаго количества.

Въ свою очередь Англія снабжала Россію скорострѣльными 152 м/м., 113 м/м. и 228 м/м. гаубицами. Японія доставляла Россіи большое число тяжелыхъ орудій и стараго военнаго матеріала. Къ концу 1916 года русская артиллерія состояла изъ типовъ многочисленныхъ родовъ, стрѣлявшихъ самыми разнообразными снарядами; переснабженіе снарядами представляло невѣроятныя затрудненія.

Несмотря на это, русская армія, въ началѣ 1917 года, когда начались безпорядки въ ея рядахъ, была хорошо снабжена артиллеріей и снарядами.

Она располагала на фронтѣ:

6 000 полевыми орудіями, съ запасами по 4.000 снарядовъ на орудіе,

1.000 полевыми гаубицами, съ запасами по 2.500 снарядовъ на гаубицу,

500 орудіями типа 105м/м., съ запасами по 1.300 снарядовъ на орудіе,

500 тяжелыми орудіями, съ запасами по 500 снарядовъ на орудіе,

150 тяжелыми гаубицами, съ запасами по 2.000 снарядовъ на гаубицу,

75 мортирами, съ запасами по 800 снарядовъ на мортиру.

* * *

Въ августѣ 1914 года Россія располагала отъ 4.000.000 до 4.200.000 ружей. Это количество не было достаточнымъ для вооруженія русскихъ массъ. Во Франціи, мы имѣли 2.800.000 ружей для арміи меньшей болѣе чѣмъ на половину, и однако мы ощущали недостатокъ уже въ сентябрѣ 1914 года.

Въ январѣ 1915 года Россія пробуетъ увеличить производство своихъ военныхъ фабрикъ, изготовлявшихъ лишь отъ 30.000 до 35.000 ружей въ мѣсяцъ, считая новыя и исправленныя; она дѣлаетъ большіе заказы заграницей. Въ Винчестерѣ она заказываетъ 1.200.000 ружей, въ Ремингтонѣ 1.200.000, Вестингаузу 1.000.000, въ Японіи 1.000.000; въ Италіи она покупаетъ старыя ружья; она выкупаетъ въ Японіи ружья, собранныя Японіей на Манчжурскихъ поляхъ сраженій. Нѣкоторыя изъ своихъ частей она вооружаетъ исключительно австрійскими ружьями. Несмотря на сказанныя мѣропріятія, лѣтомъ 1915 года, въ нѣкоторыхъ арміяхъ третья часть пѣхотинцев передовой линіи не имѣетъ ружей. Они ожидаютъ ружья раненыхъ или

убитыхъ. Производство русскихъ фабрикъ никогда не превышало 100.000 ружей въ мѣсяцъ.

Ниженаходящаяся таблица показываетъ количество ружей, полученныхъ изъ собственныхъ заводовъ и изъ заграницы.

	ПРОИЗВОДСТВА	
	Русское	Заграничн.
Второе полугодіе 1913 г. . .	170.000	110.000
„ „ 1915 г. . .	700.000	600.000
„ „ 1916 г. . .	1.200.000	1.300.000
Съ августа 1914 г. по январь 1917 г.	2.070.090	2.010.000

Помощь Антанты была не менѣе значительна и по снабженію пулеметами, въ особенности въ концѣ 1916 года, когда союзники доставили Россіи въ три мѣсяца болѣе 15.000 пулеметовъ.

Въ началѣ войны русская армія имѣла ихъ весьма мало — 4 на 4-хъ баталіонный полкъ, во Франціи 6 на 3-хъ баталіонный полкъ. Фабрикація пулеметовъ наладилась въ Россіи довольно быстро. Ежемѣсячное производство достигло: 200 въ январѣ 1915 г., до 350 въ іюлѣ 1915 г., до 550 въ январѣ 1916 г., до 1.000 въ іюлѣ 1916 г. и до 1.200 въ январѣ 1917 года.

Къ 1 января 1917 г. русская армія получила 15.000 пулеметовъ изъ своихъ фабрикъ и 20.500 изъ заграницы.

Только въ вопросѣ патроновъ для пѣхоты Россія смогла, въ болѣе широкой мѣрѣ, удовлетворить нужды своихъ армій своими собственными рессурсами. Въ періодъ отъ августа 1914 г. по январь 1917 г. она сфабриковала 2.800 милліоновъ и получила изъ заграницы лишь 1 милліардъ.

Вотъ послѣдствія плохо задуманной индустріальной организаціи.

Дабы организовать въ періодъ кризиса фабрикацію военнаго матеріала въ какой бы то ни было странѣ, необходимо дѣло это сосредоточить въ одномъ учрежденіи (комитетъ или лицо*) и возложить на него отвѣтственность за результатъ.

Необходимо установить общій планъ мобилизаціи промышленности согласно требованіямъ армій и распредѣлить работу между различными исполнителями, смотря по подробностямъ производства.

Это учрежденіе должно ежедневно наблюдать за выполненіемъ своихъ предписаній. Однако подобная организація возможна лишь тогда, когда всѣ индустріальные рессурсы до войны еще состояли на учетѣ. Предусматриваемое производство должно быть весьма точно расчитано, дабы командованіе могло располагать имъ. Оно часто будетъ базировать приведеніе въ дѣйствіе всѣхъ своихъ средствъ въ цѣломъ на сихъ свѣдѣніяхъ. Каждая нація, предпринимая войну, должна стараться единолично удовлетворить всѣ нужды своей арміи".

*) Еще въ мирное время. (Прим редакціи).

„ТИХООКЕАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В XX СТОЛЕТИИ“. Ген. Н. Головин и адм. А. Бубнов.

Изданіе Книгоиздательства „Пламя“, Прага, 1924 г., 292 стр. 6 схемъ.

Книга представляетъ большой интересъ: 1) по исторіи своего появленія въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, 2) по затронутому вопросу и способу его разработки.

Трудъ впервые появился въ свѣтъ на англійскомъ языкѣ еще въ 1922 году и встрѣтилъ самую сочувственную и доброжелательную оцѣнку англо-американской прессы.

Отсутствіе средствъ у авторовъ не позволило имъ тогда же выпустить свой трудъ на русскомъ языкѣ.

Книгоиздательство „Пламя“, пожелавшее издать этотъ трудъ, выпустило его въ видѣ перевода съ англійскаго и признало необходимымъ отпечатать по новой орфографіи, испортивъ этимъ первое внѣшнее впечатлѣніе.

Эта краткая исторія лишній разъ подчеркиваетъ чрезвычайную трудность изданія русской книги при нынѣшнихъ матеріальныхъ условіяхъ. Но тѣмъ болѣе цѣнно появленіе всякой новой серьезной и дѣльной книги, каковою является и данный трудъ.

Названіе труда „Тихоокеанская проблема въ XX столѣтіи“ опредѣляетъ его содержаніе.

Совмѣстною работою обоихъ авторовъ, обладающихъ компетентностью въ стратегическихъ вопросахъ, какъ сухопутной, такъ и морской стратегіи, съ исчерпывающей полнотой разобраны условія при которыхъ авторамъ представляется неизбѣжное разрѣшеніе въ сравнительно недалекомъ будущемъ одного изъ фазисовъ борьбы желтой и бѣлой расъ.

Анализируя условія роста и разселенія населенія Японіи, ея экономическаго развитія, политическихъ тенденцій, базирующихся на психологіи японцевъ и ихъ руководителей, а также разсматривая современную политическую работу Японіи на азіатскомъ материкѣ, ген. Головинъ, на основаніи ряда трудовъ англо-американской, французской и японской литературы, а также и по личнымъ наблюденіямъ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Предѣломъ разселенія японцевъ на сѣверъ является 45 параллель сѣверной широты, поэтому весь потокъ эмиграціи неизбѣжно направляется въ болѣе теплыя мѣста на югъ и вдоль побережья, такъ какъ японцы не могутъ жить вдали отъ моря.

2) При дальнѣйшемъ своемъ движеніи къ югу и юго-западу японцы неизбѣжно должны будутъ столкнуться съ С.-А.-С. Штатами, экономическіе интересы которыхъ въ Юго-Восточной Азіи будутъ сильно стѣснены и, вѣроятно, вытѣснены японцами. При этомъ Японія неизбѣжно должна будетъ завладѣть Филиппинскими островами для упроченія своего положенія въ Китайскомъ морѣ.

3) Нынѣшнія мѣры ограниченія эмиграціи японцевъ въ С.-А.-С. Штатахъ только разжигаютъ страсти и способствуютъ моральной подготовкѣ будущаго столкновенія въ средѣ японскаго народа,

уже и такъ достаточно проникнутаго идеей „Великодержавности Японіи въ Азіи".

4) Не имѣя возможности по экономическимъ причинамъ состязаться въ вооруженіяхъ съ С.-А.-С.-Штатами, Японія заинтересована во что бы то ни стало въ пріостановкѣ ихъ темпа, съ тѣмъ, чтобы использовать этотъ періодъ для выполненія экономической и особенно металлургической подготовки; когда же эта подготовка будетъ закончена, тогда начать „предупредительную войну" съ цѣлью воспользоваться неподготовленностью своихъ соперниковъ.

5) Психологически Японія стоитъ на сознаніи, что — „сила выше права". При подобной психологіи, всякое соглашеніе, подписанное японскими дипломатами, въ томъ случаѣ, если за этимъ соглашеніемъ не находится реальной силы, достаточной, чтобы заставить исполнять заключенное соглашеніе, является фактически лишь „клочкомъ бумаги".

6) Политика Японіи въ Кореѣ и въ Китаѣ сводится къ подготовкѣ вполнѣ прочной базы на случай будущихъ столкновеній и по мнѣнію японцевъ (Мотоно) ко времени такихъ столкновеній Японія будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи средства болѣе дѣйствительныя чѣмъ тѣ, которыя будутъ у Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Политически Корея уже давно не существуетъ, обратившись въ японскую провинцію. Что же касается Китая, то и на его суверенныя права ведется такое энергичное наступленіе, которое, при внутреннемъ распадѣ Китая, можетъ закончиться полнымъ успѣхомъ для Японіи.

7) Подходя къ разсмотрѣнію вопроса о будущей борьбѣ на Тихомъ Океанѣ, ген. Головинъ напоминаетъ, что событія на Дал. Востокѣ въ видѣ войнъ Японіи съ Китаемъ въ 1874-1894 и въ 1900 годахъ, съ Россіей въ 1904-1905 г. и съ Германіей (Цзинъ-Тао-Кіаочао) въ 1914-1918 г., представляютъ собой цѣпь событій, аналогичныхъ войнамъ Германіи, начиная съ 1864 г., въ борьбѣ за „Deutschland über alles".

Въ будущемъ, за выходомъ изъ дѣйствія Россіи, остаются два возможныхъ противника Японіи: Великобританія и С.-А. Соед. Штаты.

Но Великобританія, не смотря на крупные интересы въ Китаѣ, больше связана на Западѣ въ Атлантическомъ Океанѣ и, опасаясь кромѣ того за Австралію, будетъ уклоняться отъ прямой борьбы съ Японіей. Такимъ образомъ непосредственное столкновеніе представляется возможнымъ лишь между Японіей и С.-А.-С. Штатами.

Въ этомъ столкновеніи передъ дипломатами и генеральными штабами Японіи и С.-А.-С. Штатовъ будутъ стоять слѣдующія главныя задачи:

I. У Японіи: 1) оградить свободу рукъ Японіи въ Сѣв. Китаѣ, въ Кореѣ и въ Русскихъ дальневосточныхъ владѣніяхъ; 2) обезпечитъ возможность господства надъ всѣмъ Китаемъ и открыть путь для японскаго разселенія въ южномъ направленіи, 3) обезпечить себѣ прочную базу по всему восточному и юго-восточному побережью Азіи до Гонконга включительно.

Для этихъ цѣлей Японіи необходимы: 1) слабость Россіи и Китая и 2) время для подготовки базы.

II. Передъ С.-А.-С. Шт. стоятъ задачи: 1) принудить Японію измѣнить не на словахъ, а на дѣлѣ ея агрессивную политику въ Китаѣ, 2) защита Филиппинъ или ихъ обратное завоеваніе, если бы японцамъ удалось захватить эти острова въ началѣ войны.

Для первой изъ этихъ цѣлей для Америки важно существованіе сильной Россіи, ибо только при ея помощи С.-А. С. Шт. могутъ побѣдить Японію.

При нынѣшнихъ же условіяхъ Японія находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ нежели С.-А.-С. Штаты, ибо вооружонныхъ силъ С.-А.-С. Шт. не хватитъ для достиженія этихъ цѣлей и даже наиболѣе опасное для Японіи средство борьбы — блокада, не можетъ быть осуществлена С.-А.-С. Шт., пока Японія связана съ Азіатскимъ материкомъ и не угрожаема тамъ мощной сухопутной силой.

Главы VII, VIII, IX и X разсматриваемаго труда принадлежатъ перу адм. А. Бубнова и представляютъ собою полный захватывающаго интереса сравнительный очеркъ морскихъ возможностей Японіи и С.-А.-С. Штатовъ въ данное время и перспективы ближайшаго періода. Только непосредственное прочтеніе этихъ главъ дастъ полное представленіе этихъ перспективъ, такъ какъ, будучи построено на анализѣ цифръ и схемъ, изложеніе этихъ главъ не поддается сжатому изложенію безъ утраты ясности.

Конечный же выводъ этой части „Тихоокеанской проблемы въ XX столѣтіи“ заключается въ томъ, что, при отсутствіи Россіи, единственнымъ способомъ разрѣшенія борьбы между Японіей и С.-А.-С. Штатами остается дальняя морская блокада, съ обоснованіемъ при этомъ части Американскаго блокирующаго флота въ Китайскомъ морѣ, что особенно возможно при участіи Англіи въ войнѣ противъ Японіи, каковое участіе придаетъ и блокадѣ болѣе дѣйствительный характеръ. Кромѣ того, можно думать, что при участіи въ войнѣ и Англіи, Японія не рѣшится на захватъ Филиппинъ.

XI глава, посвященная выясненію значенія Россіи и ея дальневосточныхъ владѣній въ Тихоокеанской проблемѣ, даетъ выводъ, что наличіе и участіе въ этомъ конфликтѣ сильной Россіи лишило бы Японію большей части базы на Азіатскомъ материкѣ и, при одновременной морской блокадѣ, привело бы къ полной блокадѣ, т. е. къ проигрышу Японіей войны. Логическій выводъ изъ этого уже указанъ выше — С.-А.-С. Шт. заинтересованы въ существованіи силь- Россіи, Японія же наоборотъ въ отсутствіи этого сосѣда. Но съ другой стороны, въ виду обнаружившейся соціальной болѣзни въ Японіи, японцамъ крайне нежелательно распространеніе большевизма къ востоку отъ оз. Байкалъ, а кромѣ того, Японія не вѣритъ въ устойчивость революціонной власти въ Россіи и потому не хочетъ связываться съ нею изъ опасенія вызвать недружелюбное чувство въ будущей Россіи. Этимъ ясно опредѣляется характеръ всего поведенія Японіи по отношенію къ Россіи.

Разсмотрѣвъ въ XII главѣ результаты и значенiе Вашингтонской конференцiи (1921 г.) объ ограниченiи морскихъ вооруженiй, авторы въ послѣсловiи указываютъ, какъ свой заключительный выводъ, что Вашингтонская конференцiя, не посмѣвшая коснуться основного вопроса Тихоокеанской проблемы, не предупредившая возможностей войны на Тихомъ океанѣ, является лишь слабымъ компромиссомъ и что единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ возстановленiя стратегическаго равновѣсiя на берегахъ Тихаго океана является только возрожденiе России.

Да будетъ такъ.

В. ВЯЗЬМИТИНОВЪ.

КРОВЬ СЛАВЯНСТВА. (Въ память десятилѣтiя Великой войны).

Книга эта (132 стр.) издана въ Бѣлградѣ на сербскомъ языкѣ и заключаетъ „Воспоминанiя героевъ, которые пролили кровь и отдали жизнь свою за Славянство". Всего 9 статей и 16 портретовъ извѣстныхъ дѣятелей и участниковъ войны.

На обложкѣ символическое изображенiе — Двухглавый русскiй орелъ, крылья котораго не вмѣщаются въ рамки листа, со скипетромъ, заслоняетъ собою сербскаго двухглаваго орла съ короной. Корона русскаго орла закрыта тучами свирѣпствующей бури, а сзади ея блескъ молнiй.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, заслуживаютъ вниманiя:

1) После Видова дня 1914 г. — Воспоминанiя Л. Iовановича.

Маститый предсѣдатель Скупщины и предсѣдатель Державной Комиссiи по оказанiю помощи русскимъ бѣженцамъ былъ въ 1914 г. министромъ Народнаго Просвѣщенiя въ кабинетѣ Пашича.

О томъ, что готовится покушенiе на австрiйскаго престолонаслѣдника, Сербское Правительство знало, но не могло предупредить событiй, такъ какъ организацiя молодежи работала главнымъ образомъ въ Боснiи, въ Сараевѣ. Когда стало извѣстно о результатахъ покушенiя, въ сербскихъ отвѣтственныхъ кругахъ это вызвало большое волненiе и озабоченность. Вплоть до начала войны правительство переживало тяжелое состоянiе неувѣренности и безпокойства въ связи съ извѣстiями о военныхъ приготовленiяхъ Австрiи. Наконецъ, 10 iюля австрiйскiй посланникъ, бар. Гизи, передалъ ультиматумъ Сербiи, срокъ выполненiя котораго наступалъ 12-го въ 6 час. вечера.

Въ заключенiе авторъ указываетъ, что онъ далъ только печальныя воспоминанiя, ибо они истинны. Хотя все окончилось общей радостью и побѣдой, но не нужно забывать и дней горя и тяжелыхъ переживанiй.

2) Е. Егоровъ, вспоминая десятую годовщину великихъ событiй, рѣшившихъ судьбу Славянства, излагаетъ нѣкоторыя причины войны: австро-славянская идея столкнулась съ независимостью и крѣпкимъ нацiональнымъ чувствомъ Сербiи. Отсюда Сараевское покушенiе и

извѣстный ультиматумъ, упраздняющій независимость маленькой Сербіи. Но одна Сербія не въ состояніи была бороться и погибла бы. Сущность вопроса сводилась къ тому, какъ отнесется къ этому Россія. 11—14 іюля Престолонаслѣдникъ Александръ и русскій Императоръ обмѣнялись телеграммами. Первый писалъ: „Мы готовы принять всѣ требоваія Австро-Венгріи, которыя не грозятъ независимости государства, а также и тѣ, которыя намъ Ваше Величество посовѣтуетъ принять".

Отвѣтъ Русскаго Императора гласилъ: „Еще есть надежда избѣгнуть кровопролитія и всѣ наши стремленія сводятся къ этому. Если же противъ нашихъ искреннихъ желаній мы не успѣемъ въ томъ, то Ваше Высочество можете быть увѣрены, что Россія ни въ какомъ случаѣ не останется равнодушна къ судьбѣ Сербіи".

Прочитавъ этотъ отвѣтъ, Пашичъ перекрестился и сказалъ: „Господи! Великъ и милостивъ русскій Царь"!

3) Отецъ и сынъ. М. Павловича.

Авторъ приводитъ краткій очеркъ дѣятельности послѣднихъ двухъ королей — покойнаго Петра и нынѣшняго Александра.

Король Петръ началъ новую эру въ исторіи Сербіи. Съ нимъ кончились непрерывные кризисы и борьба правительства съ династіей. Наступили дни внутренняго мира и творчества. Впереди же стояла идея освобожденія отъ иностранной зависимости и объединеніе сербовъ, хорватовъ и словенцевъ. Въ дни минувшей гигантской борьбы король Петръ и королевичъ Александръ являлись не только вождями, но подлинной душой свего народа. Они воодушевляли его на подвиги, поддерживали въ дни сомнѣній и разочарованій и вели къ побѣдамъ. Пройдя черезъ горнило страданій, старый король дожилъ до осуществленія той идеи, ради которой былъ призванъ судьбой. Свое наслѣдство онъ передалъ своему героическому сыну для дальнѣйшаго преуспѣянія и совершенства.

4) Наше отступленіе въ 1915 г. Генерала Жив. Павловича.

Авторъ былъ н-комъ оперативнаго отдѣленія сербскаго Верховнаго Командованія. Онъ даетъ сводку сербскихъ и непріятельскихъ силъ (нѣмецко-австрійскихъ и болгарскихъ), которая указываетъ, что въ сентябрѣ 1915 г. на всѣхъ фронтахъ противникъ былъ сильнѣе въ 2, а иногда въ 3 раза.

Результатомъ такого соотношенія явилось отступленіе сербской арміи (съ 12 ноября 1915 г.) черезъ Албанію на Адріатическое побережье, гдѣ армія перенесла ужасныя страданія отъ голода и болѣзней, пока не была перевезена (добавимъ отъ себя — по настоянію Русскаго Императора) на Корфу, гдѣ отдохнула и вновь реорганизована для будущихъ побѣдъ.

6) Изъ мемуаровъ покойнаго воеводы Мишича.

Непосредственнаго отношенія къ войнѣ мемуары не имѣютъ.

Они касаются дѣтства и войны 1876 г. Въ этой второй части приводится интересный эпизодъ о дѣйствіяхъ и геройской смерти русскаго маіора Кирѣева, у котораго покойный Мишичъ былъ адъютантомъ. Пронзенный тремя пулями, маіоръ успѣлъ крикнуть: „Держитесь, братья“ и испустилъ духъ.

7) Петроградъ въ началѣ Великой войны. Воспоминанія Мил. Вукачевича.

Авторъ отмѣчаетъ общее воодушевленіе русскаго народа и приводитъ обмѣнъ телеграммами между Вильгельмомъ II и Императоромъ Николаемъ II. На требованіе перваго предоставить Сербію и Австрію самимъ себѣ, русскій Царь отвѣтилъ: „Оставить Сербію одну не могу. Этого мнѣ не позволитъ русское общественное мнѣніе.

8) Россія въ войнѣ 1914 — 18 гг. А. Ксюнина.

Авторъ приводитъ краткій обзоръ хода войны на Восточномъ фронтѣ въ теченіе 1914 — 16 гг.

Въ заключеніе онъ приводитъ мнѣніе Гинденбурга о томъ, что „побѣдитъ тотъ, у кого крѣпче нервы“. Русскій же народъ научился терпѣть; такова наша славянская судьба.

Въ книгѣ приведены портреты: Императора Николая II, Велик. Князя Николая Николаевича, и генерала М. В. Алексѣева, медаль — король Петръ и королевичъ Александръ, портреты сербскихъ дѣятелей времени войны: Н. Пашича, Л. Іовановича, воеводы Путника, воеводы Мишича, ген. Пешича и др.

Номеръ выпущенъ 29-го іюля 1924 г.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИ:
Королевство
Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ
БѢЛГРАДЪ, Проте-Матеіе, 51.

Редакторы генеральн. штаба
Полковники: В. М. ПРОНИНЪ
И. Ф. ПАТРОНОВЪ
Адмиралъ: А. Д. БУБНОВЪ.
Секретарь редакціи
Ген. шт. Полковникъ БАЛЬЦАРЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Русская Типографія“, Бѣлградъ, Космайская, 20,
во дворѣ (въ помѣщеніи „Штампарија Савеза
Проф. Зан. Удружење“).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ АРМІИ.

Временная Инструкція

ДЛЯ ТАКТИЧЕСКАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ КРУПНЫХЪ СОЕДИНЕНІЙ.

INSTRUCTION PROVISOIRE SUR L'EMPLOI TACTIQUE DES GRANDS UNITÉS.

Перевелъ Генеральнаго Штаба Ген.-Лейт.

В. Е. ВЯЗЬМИТИНОВЪ.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.

БѢЛГРАДЪ
Королевство Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ
1924 г.

Нѣсколько словъ о французской временной инструкціи 1921 г. для тактическаго употребленія крупныхъ соединеній.

Предлагаемый вниманію читателей переводъ „Временной инструкціи для тактическаго употребленія крупныхъ соединеній“ представляетъ собою дословный переводъ французской инструкціи „L'instruction provisoire sur l'emploi tactique de grands unites“, составленной на основаніи опыта минувшей Великой Европейской войны и утвержденной Французскимъ Военнымъ Министромъ 6 октября 1921 года.

Инструкція была разработана особой комиссіей изъ высшихъ военныхъ чиновъ, подъ предсѣдательствомъ маршала Петэна. Объяснительная записка, сопровождающая уставъ, въ видѣ рапорта комиссіи на имя Военнаго Министра, съ достаточною полнотою опредѣляетъ основные мотивы принциповъ, положенныхъ въ основу инструкціи.

Устанавливая все возрастающее значеніе огня всякаго рода, непрерывно растущее стремленіе къ автоматическому оружію и къ средствамъ укрытія отъ дѣйствія огня, съ одной стороны, въ видѣ окоповъ, а съ другой, въ видѣ брони всякаго рода (танки, авіація, огневое движущееся прикрытіе), инструкція проводитъ красною нитью во всѣхъ своихъ положеніяхъ одну мысль: сбереженіе человѣческаго матеріала путемъ самой тщательной матеріальной подготовки самыми мощными и многочисленными средствами, заботливо комбинируя свойства мѣстности, огня, умѣнія и воли къ побѣдѣ.

Удѣляя значительное вниманіе матеріальной сторонѣ дѣла, „Инструкція“ ни на минуту не упускаетъ изъ виду значенія живой силы, выдѣляя на главное мѣсто моральный элементъ вообще, а въ немъ оттѣняя, кромѣ общеобязательныхъ для всѣхъ воиновъ чувствъ долга, мужества, дисциплины, патріотизма, духа самопожертвованія и воли къ побѣдѣ, еще особенно возросшее значеніе начальника вообще и высшихъ начальниковъ въ особенности.

Отъ этихъ лицъ „Инструкція“ требуетъ, кромѣ высокихъ качествъ профессіональной подготовки, еще болѣе высокихъ моральныхъ и умственныхъ качествъ, въ числѣ которыхъ умѣніе предвидѣть должно быть тѣмъ больше, чѣмъ болѣе высокій постъ занимаетъ начальникъ, а „вкусъ“ къ отвѣтственности опре-

дѣляется не какъ тяжелая обязанность начальника, а какъ высшее его право.

Значеніе командного состава всѣхъ степеней наиболѣе ярко и сильно выражено въ трехъ §§ инструкціи, касающихся веденія боя, именно: § 103 — „На войнѣ качество войскъ измѣряется способностью ихъ къ атакѣ и къ сопротивленію. Оно зависитъ отъ степени ихъ обученія, отъ ихъ моральнаго состоянія, и, выше всего этого — отъ качествъ командованія и отъ прочности командного состава („encadrements")"... § 117, говоря о трудностяхъ веденія атаки по мѣрѣ углубленія въ непріятельское расположеніе, отмѣчаетъ слѣдующими словами роль младшихъ начальниковъ: „Вотъ тогда то вмѣшивается всею полнотой своей дѣйствительности иниціатива младшихъ начальниковъ, хорошо оріентированныхъ о намѣреніяхъ командованія и вдохновляемыхъ задачею, предназначенною ихъ части". § 118, говоря объ общемъ характерѣ руководства армейскимъ сраженіемъ со стороны командующаго арміей, заканчивается слѣдующими словами: „Такъ онъ ведетъ сраженіе, обезпечивая постоянно согласованіе воль и иниціативъ своихъ подчиненныхъ, которыхъ онъ всѣхъ направляетъ къ общей цѣли. Такъ онъ не только даетъ этому сраженію характеръ единства, необходимый для успѣха, но онъ отпечатываетъ на немъ глубоко печать своей личности одинаково въ исполненіи, какъ и въ замыслѣ".

Это же повышеніе требованій, предъявляемыхъ къ высшимъ начальникамъ, привело къ установленію новаго понятія въ отношеніи лицъ, назначаемыхъ на должности начальниковъ крупныхъ соединеній, начиная съ дивизіи. Параграфомъ первымъ инструкціи устанавливается, что „въ принципѣ крупными соединеніями командуютъ „Общіе офицеры" (Les officiers generaux) т. е. такіе офицеры, которые, являются не узкими спеціалистами одного какого либо рода войскъ, а основательно знающими всѣ роды войскъ, входящихъ въ составъ ихъ Кр. С.; а по французской организаціи нынѣ въ составъ пѣхотной дивизіи входятъ: пѣхота, кавалерія, артиллерія, инженерныя части и авіація, кромѣ соотвѣтствующихъ службъ.

Въ инструкціи рѣзко сказалось вліяніе позиціоннаго характера войны Западнаго фронта. Въ частности особенно рѣзко сказалось это въ отношеніи конницы, роль которой инструкція опредѣляетъ какъ подвижной пѣхоты: до боя какъ орудія ближней развѣдки, а въ бою, главнымъ образомъ, какъ подвижного огневого резерва; инструкція совершенно исключаетъ возможность боевого дѣйствія крупныхъ конныхъ массъ на конѣ, оставляя рѣдкую возможность дѣйствія холоднымъ оружіемъ на конѣ лишь въ „удѣлъ малыхъ частей при спеціальныхъ обстоятельствахъ".

Подробное содержаніе „Инструкціи" указано въ оглавленіи. Инструкція даетъ ясное представленіе объ основныхъ чертахъ новой, послѣ войны, организаціи французской арміи; объ органахъ ея об-

служиванія и объ основахъ ея тактико-стратегическаго обученія и дѣйствій.

Принимая во вниманіе тѣ обстоятельства, что нынѣшній курсъ тактики Французской Военной Академіи цѣликомъ базируется на предлагаемой вниманію читателя „инструкціи“, и что нынѣшніе слушатели академіи, продвигаясь въ дальнѣйшемъ по служебной лѣстницѣ, будутъ нести съ собою и идеи, привитыя имъ въ академіи, и проводить ихъ въ жизнь 15-20 лѣтъ спустя; что все тактическое обученіе Французской Арміи ведется въ духѣ этой инструкціи и что слѣды этого обученія также надолго останутся въ сознаніи обучаемыхъ, можно сказать, не опасаясь впасть въ преувеличеніе, что „инструкціи“ этой будетъ принадлежать весьма большое значеніе въ будущемъ. Французской Арміи въ теченіе длительнаго срока и, если въ это время не случится новыхъ кровавыхъ опытовъ, то только къ болѣе позднему боевому столкновенію Франціи съ кѣмъ либо выяснится практически на сколько вѣрны намѣчаемые „инструкціей“ методы и основанія.

Для насъ же, лишенныхъ возможности использовать опыты своего боевого прошлаго, эта „инструкція“ представляетъ несомнѣнный интересъ какъ матеріалъ для сравненій и размышленій, особенно при сопоставленіи ея съ Германскимъ Полевымъ Уставомъ 1 сентября 1921 года, (часть его имѣется въ русскомъ переводѣ ген. штаба генералъ-лейтенанта В. М. Драгомирова, подъ названіемъ „Управленіе и бой всѣхъ родовъ войскъ, дѣйствующихъ совмѣстно“).

Ген.-Шт. Ген.-Лейт. В. Е. ВЯЗЬМИТИНОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

*) Французское наименованіе этого новаго средства войны „les chars de combat“ — „боевыя повозки“ переведено болѣе короткимъ и привившимся англійскимъ названіемъ „танкъ“.

Прим. переводчика.

Часть III.

ТАКТИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ КРУПНЫХЪ СОЕДИНЕНІЙ.

Раздѣлъ I.

НАЧАЛЬНИКЪ. ПЛАНЫ. ПРИКАЗЫ.

Глава 1. Начальникъ.
„ 2. Планы.
„ 3. Инструкціи и приказы.
„ 4. Связь.
„ 5. Тайна операціи.

Раздѣлъ II.

БЕЗОПАСНОСТЬ.

Глава 1. Элементы безопасности.
„ 2. Органы развѣдки.
„ 3. Безопасность на походѣ.
„ 4. Безопасность при расположеніи.
„ 5. Защита противъ авіаціи.

Раздѣлъ III.

ПЕРЕВОЗКИ. МАРШИ. РАСПОЛОЖЕНІЕ.

Глава 1. Перевозки.
„ 2. Марши.
„ 3. Расположеніе.

Раздѣлъ IV.

БОЙ*).

Глава 1. Общія положенія.
„ 2. Характеръ боя.
„ 3. Элементы боя.

Раздѣлъ V.

АРМІЯ ВЪ БОЮ.

I. Наступленіе.

Глава 1. Подготовка.
„ 2. Установленіе соприкосновенія и завязка боя.
„ 3. Веденіе боя.
„ 4. Использованіе успѣховъ боя.

---

*) Во французскомъ текстѣ инструкціи это понятіе обозначено словомъ „la bataille“ — дословное значеніе котораго на русскомъ языкѣ можно передать словами — сраженіе, битва, бой (въ широкомъ значеніи); это послѣднее значеніе и взято для перевода.

Прим переводчика.

II. Оборона.

Глава 1. Организація обороны.
„ 2. Веденіе боя.
„ 3. Смѣна въ бою.
„ 4. Отступательный маневръ.
„ 5. Закрѣпленіе (позиціонное положеніе).

Раздѣлъ VI.

АРМЕЙСКІЙ КОРПУСЪ ВЪ БОЮ.

I. Наступленіе.

Глава 1. Маршъ сближенія.
„ 2. Установленіе соприкосновенія и завязка боя.
„ 3. Веденіе боя.
„ 4. Случай встрѣчнаго боя (одинъ изъ противниковъ въ движеніи).

II. Оборона.

Глава 1. Организація обороны.
„ 2. Веденіе боя.

Раздѣлъ VII.

ДИВИЗІЯ ВЪ БОЮ.

I. Бой наступательный.

Глава 1. Маршъ сближенія.
„ 2. Установленіе соприкосновенія и завязка боя.
„ 3. Атака.
„ 4. Использованіе успѣховъ боя. Случай неуспѣха.
„ 5. Комбинаціи огня.
„ 6. Командованіе.
„ 7. Случай встрѣчнаго боя (одинъ изъ противниковъ въ движеніи).

II. Бой оборонительный.

Глава 1. Организація обороны.
„ 2. Веденіе боя.
„ 3. Отступленіе.
„ 4. Отступательный маневръ.

Раздѣлъ VIII.

ВЛІЯНІЕ МѢСТНОСТИ НА ОПЕРАЦІИ.

Раздѣлъ IX.

ОПЕРАЦІИ ВЪ ГОРНОЙ МѢСТНОСТИ.

Раздѣлъ X.

НОЧНЫЯ ОПЕРАЦІИ.

Часть IV.

ДѢЙСТВІЯ СЛУЖБЪ.

Раздѣлъ I.

ГЛАВНЫЕ ПРИНЦИПЫ.

Раздѣлъ II.

СЛУЖБА СВЯЗИ.

Глава 1. Принципъ организаціи и дѣйствія службы связи.
„ 2. Дѣйствіе службы связи въ различныхъ положеніяхъ войны.

Раздѣлъ III.

СЛУЖБЫ СНАБЖЕНІЯ И РЕМОНТА.

Глава 1. Общія положенія.
„ 2. Служба артиллерійскаго снабженія.
„ 3. Служба инженернаго снабженія.
„ 4. Служба санитарнаго снабженія.
„ 5. Служба авіо снабженія.
„ 6. Служба ветеринарнаго снабженія.
„ 7. Служба кавалерійскаго ремонта.
„ 8. Служба почты.
„ 9. Служба казначейская.
„ 10. Служба этаповъ.

Раздѣлъ IV.

СЛУЖБА ПЕРЕВОЗОКЪ.

Глава 1. Роль директора перевозокъ.
„ 2. Служба узкоколейныхъ путей.
„ 3. Служба авто-перевозокъ.
„ 4. Служба конныхъ перевозокъ.
„ 5. Служба путей.

Раздѣлъ V.

СЛУЖБА ПОРЯДКА.

Глава 1. Служба военносудная.
„ 2. Служба жандармеріи.

Часть V.

МЕТОДЫ ОБУЧЕНІЯ КРУПНЫХЪ СОЕДИНЕНІЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Уважая международныя обязательства, подписанныя Франціей, Французское правительство будетъ пытаться, въ началѣ войны и въ согласіи съ союзниками, получить отъ правительства непріятеля обязательство не примѣнять газовъ въ бою какъ оружія войны. Если это обязательство не будетъ получено, то оно (Французское Правительство) сохраняетъ свободу дѣйствій, смотря по обстоятельствамъ.

РАПОРТЪ МИНИСТРУ*).

Вооруженіе.

Достовѣрнымъ фактомъ, вытекающимъ изъ войны, является прогрессъ, осуществленный въ вооруженіи войскъ; послѣдствія этого дали себя почувствовать непосредственно, одинаково какъ въ области стратегіи, такъ и въ области тактики.

Усовершенствована прежняя пушка, созданы новыя орудія всякихъ видовъ и всѣ, прежнія и новыя, оказались подвержимыми быстрому изнашиванію и вызывающими значительные расходы. Они требуютъ такихъ индустріальнаго и экономическаго производствъ, такого количества рабочихъ рукъ, что все ближе и ближе всѣ живыя силы страны будутъ оказываться принужденными къ общей повинности. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что даже жизнь населенія связалась тѣснѣйшимъ образомъ съ жизнью арміи и что формула „вооруженный народъ" осуществилась во всей своей полнотѣ. И отнынѣ весь народъ ведетъ войну, страдаетъ отъ нея, и это представленіе призвано существенно вліять на случайности войны и, слѣдовательно, на формы стратегіи.

Въ области тактики появленіе на поляхъ боя этого усовершенствованнаго оружія произвело эволюцію, еще болѣе быструю, въ способахъ употребленія войскъ; кажется даже, что современное состояніе этой эволюціи обозначаетъ просто время какого то рѣшенія, которое не можетъ быть очень длительнымъ, такъ уже общепризнаны успѣхи наукъ, примѣненныхъ къ вооруженію войскъ.

---

*) Объяснительная записка. Прим. переводчика.

Комиссія поставила своею задачей опредѣлить условія употребленія крупныхъ соединеній такими, какими они вытекаютъ изъ опытовъ войны, отмѣчая, что эти условія должны быть предметомъ новаго изученія какъ только вооруженіе подвергнется важнымъ измѣненіямъ.

Во всякомъ случаѣ, комиссія утверждаетъ, что извѣстные принципы остались неизмѣнными.

Опытъ войны подтвердилъ лишній разъ необходимость обученія, тѣмъ болѣе тщательнаго, чѣмъ болѣе совершенно оружіе; равнымъ образомъ, онъ показалъ преимущественную важность моральныхъ факторовъ: храбрость, дисциплина, патріотизмъ остаются существеннѣйшими силами; духъ самопожертвованія и воля къ побѣдѣ всегда будутъ обезпеченіемъ окончательнаго успѣха.

Составъ различныхъ родовъ войскъ.

Прежде всего прогрессъ вооруженія выдвинулъ вопросъ о самомъ составѣ различныхъ родовъ войскъ. Пѣхотный полкъ не представляетъ уже собою только извѣстнаго числа стрѣлковъ или ружей: онъ заключаетъ въ себѣ также пулеметныя части, орудія сопровожденія, службы передачи и связи, — всѣ необходимыя для лучшаго использованія новѣйшей пѣхоты.

Артиллерійскія части содержатъ, наряду съ батареями, органы наблюденія, передачи, связи, снабженія, безъ которыхъ этотъ родъ войскъ неспособенъ выполнить свои задачи.

Тоже и въ кавалеріи, въ которую пулеметныя части, автопушки и автопулеметы вносятъ существенный элементъ ея боевой цѣнности.

Кромѣ того, роды войскъ совершенно новые были созданы на поляхъ боя: танки, предназначенные для поддержанія наступательнаго могущества пѣхоты; авіація, которая дѣйствуетъ не только своей подвижностью, но также пулеметами и бомбою, и которая — позже — используетъ и пушку.

Могущество огня.

Дѣйствительность этого оружія, тщательно использованнаго, признана единодушно и должна служить основаніемъ правилъ употребленія войскъ.

Могущество огня утвердилось какъ возрастающее. Фронтъ, образованный автоматическимъ оружіемъ, хорошо расположеннымъ, и поддерживаемый снабженной артиллеріей, можетъ быть преодоленъ не иначе, какъ войсками, также располагающими орудіями, по меньшей мѣрѣ столь же мощными. Обратнымъ образомъ, сосредоточеніе на ограниченномъ секторѣ средствъ огня всякаго рода допускаетъ эффекты разрушенія, всегда дѣйствительнаго и иногда неодолимаго.

Въ терминѣ „огонь" надо понимать не только пулю и гранату, но также газовый снарядъ, употребленіе котораго стало общимъ къ концу войны; нужно отмѣтить также, что эти снаряды всякаго рода

были выбрасываемы такъ же хорошо оружіемъ носимымъ, какъ и пушками, аэропланами, танками и траншейными орудіями; кромѣ того, нельзя терять изъ вида, что при скорострѣльномъ оружіи снабженіе снарядами является существеннымъ элементомъ качества огня.

Могущество огня глубоко повліяло на форму операцій.

Прежде всего оно дало силу исключительнаго сопротивленія импровизированной фортификаціи, и тѣмъ позволило малочисленнымъ войскамъ надежно занимать значительные фронты. За этими прочными фронтами, войска, имѣющіяся въ распоряженіи, могутъ производить походныя движенія большой скорости по желѣзнымъ дорогамъ и въ автомобиляхъ; эти широкіе маневры одинаково благопріятны какъ въ цѣляхъ наступательныхъ, такъ и оборонительныхъ. Даже въ операціяхъ движенія употребленіе автоматическаго оружія и артиллеріи всякой дальности позволяетъ обороняющемуся создать огневыя завѣсы большого протяженія, которыя не могутъ быть разсѣяны иначе, какъ организованными атаками; установленіе соприкосновенія и развѣдка позицій, гдѣ обороняющійся подготовилъ свое главное сопротивленіе, становятся теперь крайне сложными.

Каковъ бы впрочемъ не былъ способъ установленія соприкосновенія, вытекаетъ ли онъ изъ періода длительной остановки или изъ поиска въ теченіе наступательныхъ операцій, атака не можетъ быть произведена въ хорошихъ условіяхъ иначе, какъ послѣ собранія могущественныхъ матеріальныхъ средствъ, артиллеріи, танковъ, артиллерійскихъ припасовъ и пр. Итакъ, атакѣ предшествуетъ періодъ подготовки, болѣе или менѣе длительной, предназначенной для собранія этого матеріала и для пуска его въ дѣло; хорошее обученіе, стремленіе къ внезапности и, особенно, точное предвидѣніе командованія должны стремиться къ сокращенію этого періода, но необходимость подобныхъ періодовъ не можетъ быть устранена совершенно, и она даетъ наступательнымъ операціямъ неправильный, грубый ходъ, характеризующійся употребленіемъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ.

Наконецъ, жестокость огня на боевой линіи, глубина обстрѣливаемыхъ зонъ въ тылу при дальности современной артиллеріи, увеличенная еще бомбардированіемъ съ аэроплановъ, постоянная воздушная угроза, — дѣлаютъ существованіе дерущихся или просто соприкоснувшихся войскъ настолько тяжелымъ, что неизбѣжно быстрое истощеніе и что возстановленіе этихъ войскъ возможно лишь послѣ извѣстнаго срока. Игра возстановленій стала однимъ изъ элементовъ, съ которымъ надо считаться при веденіи операцій.

Новыя орудія.

Въ то время, какъ могущество огня усилило напряженность борьбы, авіація въ ней расширила глубину, открывъ путь воздушнымъ операціямъ.

Днемъ авіація держитъ войска на расположеніи, на походѣ или въ бою подъ развѣдкой, которая предаетъ ихъ артиллеріи всякой

дальности; ночью она ихъ давитъ своимъ собственнымъ огнемъ. Какъ днемъ, такъ и ночью она бодрствуетъ и виситъ въ воздухѣ подавляющей угрозой.

Поэтому, одновременно съ наступательнымъ употребленіемъ авіаціи, командованіе должно организовать прикрытіе извѣстныхъ зонъ пространства и защиту войскъ отъ непріятельской авіаціи.

Все заставляетъ предвидѣть, что роль авіаціи расширится, въ то же самое время, какъ и ея развѣдывательныя и боевыя способности станутъ все болѣе и болѣе дѣйствительными; уже авіація превзошла кавалерію въ задачахъ дальняго развѣдыванія; въ томъ, что касается боя, она все болѣе и болѣе будетъ въ состояніи направлять свои удары не только противъ сражающихся, но также противъ тыловъ и цѣлой страны. Необходимо при вожденіи крупныхъ соединеній считаться не только съ тѣмъ, что уже извѣстно объ авіаціи, но и съ ея близкими возможностями, которыя уменьшатъ трудности спуска-посадки и позволятъ ей перевозить войска.

Танки облегчаютъ продвиженіе пѣхоты, разрушая пассивныя препятствія и активное сопротивленіе, противопоставляемыя непріятелемъ.

Командованіе.

Тактическія понятія согласуются съ новымъ оружіемъ и его дѣйствіемъ, обнаруженнымъ боемъ.

Они требуютъ отъ командованія точнаго познанія возможностей, примѣнимыхъ въ каждый моментъ и къ каждому роду войскъ; они требуютъ, кромѣ того, настолько болѣе быстрыхъ оцѣнокъ положеній, насколько отнынѣ рѣшенія командованія будутъ влечь за собою болѣе длительныя и сложныя движенія матеріальныхъ средствъ; планъ начальника долженъ задолго до начала предвидѣть, чтобы мѣры осуществленія заканчивались во время.

Никогда болѣе, какъ нынѣ, не были такъ необходимы мысль яснопровидящая и послѣдовательная, воля твердая и энергичная: роль начальника еще болѣе выросла.

Война вновь справедливо возродила главное значеніе духа командованія въ планѣ маневра.

Въ то же время изготовленіе длинныхъ и сложныхъ плановъ употребленія было иногда вызываемо необходимостью ознакомить всѣ іерархическіе эшелоны (инстанціи) съ новыми пріемами, вызванными расположеніемъ и употребленіемъ новыхъ орудій и средствъ. Но форма плана становилась болѣе общей по мѣрѣ того, какъ кадры просвѣщались опытомъ. Въ настоящее время она должна ограничиваться самымъ существеннымъ.

Нужно однако ясно различать необходимое для Командованія, отъ того, что было способомъ обученія.

Примѣненія плановъ употребленія законно при нѣкоторыхъ спеціальныхъ обстоятельствахъ; ихъ число и ихъ развертываніе должно быть тогда сокращено до тѣсной необходимости; самымъ суще-

ственнымъ будетъ ясно найти въ нихъ мысль начальника и оттуда почувствовать его волю.

Планы впрочемъ обезпечиваютъ только начало и направленіе данной операціи. Въ теченіе же ея только одни приказы дѣйственны и помогаютъ начальнику выявлять свою волю во все теченіе дѣйствія.

Физіономія (характеристика) операцій.

Огромныя массы, приведенныя въ дѣйствіе всеобщею службой и коалиціями, могли во время послѣдней войны создать фронты, тянущіеся на такомъ протяженіи, что крылья ихъ достигали непроходимыхъ препятствій и упирались въ нихъ. Такъ какъ мощь огня, а съ нею и качества оборонительныхъ сооруженій, только усиливались, то можно предполагать, что подобныя же положенія могутъ повториться и въ будущемъ.

Но современное военное состояніе Европы позволяетъ предвидѣть, что въ началѣ кампаніи наличныя силы будутъ просто состоять изъ армій ограниченной численности, предназначенныхъ прикрывать подъемъ своихъ массъ или препятствовать этому подъему у противника. Эти арміи будутъ призваны къ маневрированію, используя свободныя пространства. Одинаково можетъ представиться подобное положеніе, когда истощеніе силъ позволитъ разрушать сплошной фронтъ и создавать интервалы. Къ концу послѣдней войны такое положеніе обозначилось въ Бельгіи и произошло въ Македоніи.

Всѣми способами необходимо, значитъ, указывать, съ точки зрѣнія вожденія крупныхъ соединеній, методы и способы не только для случая сплошныхъ фронтовъ, но также и для маневра въ свободныхъ пространствахъ.

Комиссія считала безполезнымъ отыскивать формулировки принциповъ, способныя обобщить положенія, такъ глубоко различныя; она опасалась придти при этомъ лишь къ туманнымъ формуламъ, слишкомъ удаленнымъ отъ осуществленій, и, во всѣхъ случаяхъ, когда это было необходимо, она различала положенія.

Въ томъ же порядкѣ идей, она обязуется напомнить, что инструкція разсматриваетъ операціи только противъ противника, обладающаго средствами, подобными нашимъ, и воодушевленнаго такимъ же желаніемъ драться; операціи противъ противника, котораго вооруженіе и военное обученіе были бы несомнѣнно ниже нашихъ, составятъ предметъ другого устава.

Составъ Комиссіи:

Маршалъ Петэнъ (Pétain), Вице Президентъ Высшаго Военнаго Совѣта.

Генералъ Дебеней (Debeney) Членъ В. В. С. Начальникъ высшей военной школы, Директоръ Центра Высшихъ Военныхъ Наукъ.

Генералъ Бердула (Berdulat), Военный Губернаторъ Парижа.
Генералъ Габо (Gabaud), Начальникъ 36 пѣх. дивизіи.
Генералъ Брекаръ (Brekard), Начальникъ 6 кав. дивизіи.
Генералъ Барескю (Baresqut), Нач. 42 пѣх. дивизіи.
Генералъ Нолэнъ (Naulin), Нач. 6 пѣх. дивизіи
Генералъ Газалисъ (Gazalis), Помощн. Дир. Ц. Высш. В. Наукъ
Генералъ Партуно (Partouneaux), Командиръ 4 драг. бригады.

Полковникъ де Биго дю Гранрю (de Bigault du Granrut), К-ръ 1-го полка Алжирскихъ стрѣлковъ.

Подполковникъ Мойранъ (Moyrand) Профессоръ Высшей Воен. Школы.

Подполковникъ Годфруа (Dodfroy) Штаба Ген. Дир. Центра В. В. Наукъ.

Подполковникъ Фэканъ (Fequant) Управленія Аэронавтики.

ВРЕМЕННАЯ ИНСТРУКЦІЯ ДЛЯ ТАКТИЧЕСКАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ КРУПНЫХЪ СОЕДИНЕНІЙ.

Общія опредѣленія.

„Крупными соединеніями"*) называются собранія подъ командою одного и того же начальника войскъ всѣхъ родовъ и службъ, имъ необходимыхъ.

Крупныя соединенія суть:

Пѣхотная дивизія,
Армейскій корпусъ,
Армейская группа,
Армія,
Кавалерійская дивизія,
Кавалерійскій корпусъ.

Войска всѣхъ родовъ имѣютъ задачею веденіе боя.

Различные роды войскъ суть:

Пѣхота и танки,
Артиллерія,
Кавалерія,
Инженерныя,
Аэронавтика.

Службы обязаны удовлетворять во всѣхъ обстоятельствахъ нужды войскъ; ихъ существенная роль заключается въ обезпеченіи войскамъ возможности жить и драться.

Основными элементами крупнаго соединенія являются:

Командующій и его штабъ,
Войска различныхъ родовъ,
Службы.

---

*) Прим. Ред.: Въ видахъ экономіи мѣста въ дальнѣйшемъ текстѣ часто повторяемыя слова. „Крупныя Соединенія" — будутъ обозначаться буквами: „Кр—С".

ЧАСТЬ I.

Командованіе.

Глава 1.

Организація командованія.

Въ принципѣ Кр. С. командуютъ „Общіе офицеры"*), имѣющіе степень начальника дивизіи, но чинъ и права которыхъ разнообразятся смотря по осуществляемому командованію.

При отсутствіи Командующаго Кр. С. онъ временно замѣщается въ исполненіи его обязанностей старшимъ въ должности и въ чинѣ офицеромъ этого Кр. С.; однако, и другое лицо заранѣе можетъ быть назначено для временнаго командованія; въ этомъ случаѣ долженъ быть отданъ приказъ.

Роль Командующаго Кр. С. состоитъ въ замыслѣ, подготовкѣ и проведеніи операцій своего Кр. С., въ рамкахъ задачи, назначенной ему высшимъ начальникомъ.

2. Замыселъ выявляется въ рѣшеніяхъ, являющихся основою всякой военной операціи. Рѣшеніе Начальника объявляетъ всѣмъ его волю и приказываетъ каждому его задачу. Во всякомъ эшелонѣ (инстанціи) только одинъ Начальникъ имѣетъ право рѣшенія; это право налагаетъ на Начальника отвѣтственность, принадлежащую ему и составляющую одну изъ наивысшихъ его прерогативъ.

Въ своемъ рѣшеніи Начальникъ Кр. С. вдохновляется прежде всего инструкціями или приказами, полученными отъ высшаго начальника; онъ къ нимъ приспособляется полностью и проводитъ до конца выполненіе порученной ему задачи.

Онъ долженъ въ высокой степени обладать чувствомъ тактическихъ возможностей и во всякое мгновеніе считаться съ моральнымъ состояніемъ своихъ войскъ, хорошее поведеніе которыхъ часто увѣнчиваетъ самое смѣлое рѣшеніе.

Онъ заботится, чтобы не запутать своихъ подчиненныхъ въ мелочныхъ предписаніяхъ, способныхъ подавить при исполненіи ихъ животворную инициативу.

3. Подготовка операцій состоитъ изъ моральной и матеріальной.

---

*) Понятіе „общіе офицеры" — „les officiers generaux" — является новымъ въ терминологіи военнаго дѣла. Оно имѣетъ тотъ смыслъ, что лица, командующія Кр С., должны удовлетворять условіямъ широкой военной подготовки, а не быть только узкими спеціалистами. Пр. переводчика.

Подготовка моральная достигается: твердой и предвидящей дисциплиной, равно какъ и такимъ же довѣріемъ, и настолько скорыми, насколько это возможно, поощреніями и наказаніями. Она возбуждаетъ у бойца честь, патріотизмъ и всѣ чувства, способныя возвысить его духъ и его сердце. Постоянная забота о хорошемъ состояніи войскъ и забота объ устраненіи безполезнаго утомленія позволятъ требовать отъ нихъ въ необходимую минуту наивысшаго напряженія.

Подготовка матеріальная существенно выражается инструкціями и приказами, общими или частными, которые Начальникъ отдаетъ какъ войскамъ, такъ и службамъ.

Начальникъ заблаговременно ставитъ въ извѣстность начальниковъ службъ въ ходъ задуманныхъ операцій; такимъ образомъ онъ имъ позволяетъ создать предвидѣнія, необходимыя для хорошаго дѣйствія ихъ службы.

4. Веденіе операцій состоитъ для Начальника въ обезпеченіи ея развертыванія соотвѣтственно основному плану, имъ задуманному. Твердо во всемъ проводя общія распоряженія этого плана, Начальникъ стремится примѣнить его къ обстоятельствамъ и довести свой маневръ до цѣли, которую онъ себѣ назначилъ.

Глава 2.

Органы Командованія. Штабъ.

5. Командованіе Кр. С. обладаетъ Штабомъ.

Своими работами и своими развѣдками Штабъ подготовляетъ рѣшенія Начальника въ томъ, что касается операцій, управленія живымъ и матеріальнымъ составомъ, организацій перевозокъ, снабженія и эвакуаціи.

На него возлагается редакція приказовъ, предназначаемыхъ для дѣйствія войскъ и службъ.

Онъ слѣдитъ за исполненіемъ этихъ приказовъ и обезпечиваетъ необходимыя связи для освѣдомленія Командованія о положеніи и нуждахъ войскъ и службъ.

Высокая задача Штабовъ требуетъ отъ составляющихъ ихъ офицеровъ высшихъ качествъ общаго и профессіональнаго образованія, такта, самопожертвованія и самоотреченія.

Штабъ есть помощникъ Командованія; органъ безличный, онъ не имѣетъ собственнаго авторитета надъ войсками или надъ службами; въ Кр. С. органами, отвѣтственными за исполненіе, являются: начальники подчиненныхъ Кр. С., Командиры войскъ и Начальники службъ.

6. Во всякомъ Штабѣ совокупность его службы направляется Начальникомъ Штаба, которому въ высшихъ эшелонахъ (инстанціяхъ) Кр. С. — въ арміи и въ корпусѣ — придается помощникъ.

Начальникъ Штаба является непосредственнымъ помощникомъ своего Генерала; онъ долженъ заслужить и обладать его довѣріемъ.

Будучи довѣреннымъ намѣреній своего начальника, онъ имѣетъ возможность заблаговременно предвидѣть и подготовлять элементы его рѣшеній.

Какъ только рѣшеніе принято, онъ изучаетъ и предлагаетъ мѣры исполненія.

Начальникъ Штаба имѣетъ право подписывать приказы; въ извѣстныхъ частяхъ онъ можетъ, на свою отвѣтственность, передовѣрять право подписи избраннымъ офицерамъ своего штаба въ предѣлахъ, которые онъ обязанъ тогда опредѣлить.

На Начальникѣ Штаба лежитъ, по довѣрію Командованія, направленіе дѣйствій различныхъ службъ.

Онъ направляетъ работу Штаба и спеціально непрерывно контролируетъ изученіе и анализъ развѣдокъ.

Командованіе войсками и Управленіе службами.

7. Чтобы облегчить работу своего командованія, Начальникъ Кр. С. обыкновенно сохраняетъ возлѣ себя, кромѣ своего Штаба, Командующихъ нѣкоторыми родами войскъ, а также Директоровъ (Начальниковъ Управленій*) или начальниковъ службъ.

8. Личный составъ, оставляемыхъ при Начальникѣ командующихъ родами войскъ, состоитъ въ принципѣ изъ Командующихъ Артиллеріей, Инженерными войсками, Аэронавтикой и, иногда, Командующихъ танками; въ Кр. С. типа дивизіи къ этому прибавляется командующій пѣхотой**).

9. Личный составъ Управленія службъ состоитъ изъ Начальниковъ различныхъ службъ, состоящихъ въ Кр. С.

Начальники службъ подчиняются Командованію, которому они могутъ представлять предположенія и отъ котораго они получаютъ приказы по части употребленія ихъ службъ.

Кромѣ того, они могутъ получать отъ Начальника службы Кр. С. высшей инстанціи (эшелона) техническія инструкціи, касающіяся дѣятельности ихъ службъ.

Командующіе войсками извѣстныхъ родовъ оружія (артиллеріи, инженерныхъ и пр.) выполняютъ въ то же время и обязанности Начальника Службы.

Составъ Главной Квартиры.

10. Соединеніе Штаба, Личнаго состава Командующихъ родами войскъ и личнаго состава Управленія службами въ Кр. С. образуетъ Главную Квартиру этого Кр. С.

---

*) Вставлено переводчикомъ.

**) Изъ этого § слѣдуетъ, что по французской организаціи между Начальникомъ дивизіи и Командирами полковъ имѣется промежуточная командная инстанція въ лицѣ „Командующаго пѣхотой" т. е. помощника н-ка дивизіи по управленію пѣхотой. Пр. переводчика.

При Главной Квартирѣ слѣдуютъ обыкновенно и нѣкоторые элементы, присутствіе которыхъ необходимо для ея дѣйствій (войска передачи и наблюденія, конвой, отдѣленіе обоза и пр.).

Главныя Квартиры могутъ въ операціи раздѣляться на двѣ группы: группа командованія (1-ая группа) и группа службъ (2-ая группа).

ЧАСТЬ 2.

Средства дѣйствій.

Раздѣлъ I.

Характеристики и общая организація.

Роды войскъ и службы.

Роды войскъ.

Глава 1.

Пѣхота и танки*).

11. На пѣхотѣ лежитъ главная задача въ бою.

Предшествуемая, обезпечиваемая и сопровождаемая огнемъ артиллеріи, иногда сопутствуемая танками и авіацией. она завладѣваетъ пространствомъ, закрѣпляетъ его, организуетъ и удерживаетъ его.

Ея задача на полѣ боя исключительно тяжелая, но славнѣйшая изъ всѣхъ.

Въ бою она страдаетъ и теряетъ больше всѣхъ; всѣ усилія командованія передъ атакой должны слѣдовательно стремиться къ ея сохраненію, къ избѣжанію безполезныхъ усилій, къ поддержанію и повышенію ея моральнаго состоянія.

12. Пѣхота снабжена вооруженіемъ и орудіями, которыя позволяютъ ей осуществить различныя боевыя нужды на полѣ боя.

Она располагаетъ автоматическимъ оружіемъ и орудіями сопровожденія, которыя обезпечиваютъ ей очень большое могущество огня; она вооружена ружьями, гранатами и штыкомъ для рукопашной схватки, шанцевымъ инструментомъ для внѣдренія въ землю; снабжена масками для защиты отъ газа; владѣетъ средствами передачи для обезпеченія въ бою дѣйствій командованія.

Пѣхота дѣйствуетъ огнемъ и движеніемъ.

Огонь разрушаетъ войска противника или вынуждаетъ ихъ укрываться.

Движеніе продвигаетъ все ближе и ближе къ противнику мощный огонь, ломающій его сопротивленіе.

13. Во время предшествующаго атакѣ сближенія пѣхота стремится избѣгнуть ударовъ артиллеріи и авіаціи противника, либо рас-

*) Французское названіе „Les chars de combat“ — „боевыя повозки“ — замѣнено болѣе привившимся у насъ англійскимъ названіемъ „танки“.

Пр. переводчика.

полагаясь подъ покровомъ темноты, либо примѣняя разрѣженныя построенія и выбирая скрытые подступы.

Во время атаки она комбинируетъ свои огонь и движенія, постоянно подготовляя и поддерживая свое продвиженіе усиленнымъ употребленіемъ всѣхъ огневыхъ орудій, которыми располагаетъ, стремясь сжать противника возможно ближе и вытѣснить его изъ послѣдовательныхъ его позицій. Войдя въ прямое столкновеніе съ противникомъ, если послѣдній не уступаетъ пространства, она дѣйствуетъ холоднымъ оружіемъ и гранатой.

Маневрирующая пѣхота обладаетъ сама по себѣ цѣннымъ наступательнымъ могуществомъ противъ прерывчатой обороны или противъ противника, огонь котораго не организованъ; напротивъ, передъ непрерывной обороной, представляющей систему хорошо поставленнаго огня, или передъ укрѣпленными сооруженіями, пѣхота не можетъ достичь успѣха, иначе какъ при дѣйствительной помощи артиллеріи.

Въ оборонѣ пѣхота до максимума используетъ всѣ естественныя особенности мѣстности и могущество своего вооруженія; она устраиваетъ также заградительный огонь, дѣйствительность котораго тѣмъ болѣе опредѣлечна, чѣмъ болѣе заботливо и точно подготовлена стрѣльба и чѣмъ лучше она согласована съ артиллерійской; пѣхота заботится усилить свое сопротивленіе тщательной комбинаціей препятствій и огня; она обезпечиваетъ себя отъ непріятельскихъ снарядовъ или убѣжищами или укрытіями.

14. Органическою ячейкою въ пѣхотѣ является боевая группа, характеризующаяся наличіемъ автоматическаго оружія.

Нѣсколько боевыхъ группъ образуютъ роту; соединеніе нѣсколькихъ ротъ и одной роты пулеметовъ составляетъ баталіонъ.

Полкъ образуется соединеніемъ нѣсколькихъ баталіоновъ и одной роты внѣ ранга, которая преимущественно заключаетъ органы огня и средства передачи и наблюденія, общія для полка.

Въ принципѣ, вся пѣхота сведена въ полки.

15. Танки суть блиндированные автомобили, способные двигаться на исковерканныхъ поляхъ боевъ.

Имѣя задачей повысить наступательное могущество пѣхоты, облегчая ея продвиженіе въ бою, они представляютъ собою нѣчто въ родѣ блиндированной пѣхоты, способной принимать участіе въ различныхъ фазисахъ боя, начиная отъ соприкосновенія и вплоть до эксплоатаціи успѣховъ боя.

Танки имѣютъ автоматическое оружіе и пушки, позволяющія имъ нейтрализовать или ломать сопротивленіе, задерживающее пѣхоту; ихъ блиндажъ даетъ имъ укрытіе отъ пѣхотныхъ снарядовъ и отъ осколковъ артиллерійскихъ, гусеничныя приспособленія обезпечиваютъ имъ возможность продвиженія на всякой мѣстности.

16. Танки сводятся въ различные типы частей, соотвѣтственно различнымъ способамъ употребленія.

Въ настоящее время существуютъ:

Части изъ легкихъ танковъ, роль которыхъ сопровождать

пѣхоту и драться въ тѣсной связи съ нею; гибкость и подвижность ихъ характеристика.

Части изъ тяжелыхъ танковъ, предназначенныхъ для очищенія дороги для пѣхоты и легкихъ танковъ, разрушая своею массою и огнемъ сопротивленіе опорныхъ пунктовъ прочно удерживаемыхъ.

17. Танки представляютъ собою разновидность пѣхоты. Они организованы въ роты, баталіоны, полки; они включаютъ въ себя отдѣленія ремонтныя, снабженія и мелкаго путевого ремонта*), отдѣленія перевозокъ.

Глава 2.

Артиллерія.

18. Артиллерія преимущественно оружіе огня; огонь единственное ея средство дѣйствій.

Существенною задачею артиллеріи въ бою является поддержаніе своими снарядами пѣхоты; она подготовляетъ ея атаки; она ихъ прикрываетъ и ихъ сопровождаетъ; она помогаетъ пѣхотѣ отражать атаки противника.

Артиллерійскій огонь характеризуется мощностью своего разрушенія и нейтрализаціи и своими дальностью и подвижностью, облегчающими сосредоточеніе огня.

19. Артиллерія вооружена разными орудіями, позволяющими ей дѣйствительно выполнять всѣ задачи, предстоящія въ бою.

Эти орудія образуютъ различныя категоріи, различающіяся ихъ баллистическими свойствами.

Съ этой точки зрѣнія можно различать артиллерію:

— Легкую, характеризующуюся ея малыми калибрами, скорострѣльностью, настильностью траэкторіи и дальностью, могущею достигать 11 километровъ; ея снаряды, вѣсъ которыхъ колеблется въ предѣлахъ 4—7 килограммъ, суть: разрывные или ударные, шрапнельные, взрывчатые, дымовые и газовые.

— Тяжелую короткую, калибры которой болѣе мощны, стрѣльба достаточно скорая и въ общемъ навѣсная, съ дальностью колеблющеюся между 10—15 километрами, и которая примѣняетъ наиболѣе часто взрывчатые ударные снаряды.

— Тяжелую длинную, характеризующуюся большою дальностью, колеблющеюся отъ 12—20 километровъ, настильностью своихъ траэкторій и достаточно быстрой стрѣльбой.

— Тяжелую большой мощности, которая, вообще, соединяетъ высшіе калибры; она состоитъ либо изъ длинныхъ пушекъ, съ дальностью превосходящею 20 километровъ, либо изъ короткихъ пушекъ, стрѣляющихъ на среднія дистанціи, исключительно мощными

*) „De depannages“ — путевого ремонта и помощи автомобилямъ при загрузкѣ. Пр. переводчика.

снарядами, достигающими до 1500 килограммъ*) вѣсомъ; ея скорость вообще слаба.

— Траншейную, снаряды которой характеризуются ихъ большой способностью ко взрыванію, но дальность которой мала, а скорость очень ограничена; она представляетъ типъ артиллеріи ограниченнаго употребленія.

Кромѣ своихъ пушекъ артиллерія вооружена пулеметами и различнымъ оружіемъ для ближней обороны; она также снабжена средствами обезпеченія противъ газовъ.

20. Въ бою требуется абсолютнымъ образомъ самое тѣсное и постоянное содѣйствіе артиллеріи и пѣхоты.

Передъ атакой, артиллерія въ теченіе болѣе или менѣе длительной подготовки разрушаетъ, въ мѣрѣ указанной командованіемъ, матеріальныя препятствія, противопоставленныя движенію пѣхоты, и стремится уменьшить дѣйствительность огня проти вника.

Во время атаки она прикрываетъ пѣхоту, бросая свои снаряды въ пункты, откуда противникъ можетъ наблюдать или дѣйствовать по мѣсту боя; она сопровождаетъ пѣхоту огнемъ, нейтрализующимъ противника въ моментъ выхода къ атакѣ; она противодѣйствуетъ батареямъ противника и ставитъ ихъ внѣ возможности препятствовать продвиженію пѣхоты.

Въ оборонѣ вмѣшательство артиллеріи можетъ произойти либо въ формѣ контръ-подготовки, во время которой она стремится разсѣять расположеніе атаки, либо въ видѣ заградительной стрѣльбы, стремящейся разрушить или распылить атаку противника послѣ выхода. Контръ-подготовка, во время расклинившая, и заградительныя стрѣльбы, точно веденныя, иногда однѣ могутъ разсѣять атаку противника.

При атакѣ, какъ и при оборонѣ, артиллерія примѣняетъ дѣйствія (стрѣльбы) запрещенія и истощенія по сообщеніямъ и чувствительнымъ пунктамъ противника.

Артиллерія въ бою будетъ имѣть тѣмъ большую возможность сосредотачивать свой огонь, чѣмъ болѣе управленіе ею будетъ сосредоточено въ рукахъ артиллерійскихъ начальниковъ. Эти послѣдніе раздѣляютъ ее на группы, предназначенныя для выполненія хорошо опредѣленныхъ задачъ: прямая поддержка пѣхоты, прикрытіе, противобатарейная борьба, запрещеніе и т. д. Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ отдѣленія артиллеріи могутъ быть временно придаваемы пѣхотнымъ частямъ.

21. Общая организація артиллеріи стремится къ достиженію максимальной дѣйствительности огня.

Органическими единицами суть батарея, группа, полкъ; каждый изъ этихъ элементовъ имѣетъ съ точки зрѣнія употребленія, вполнѣ опредѣленную роль предназначенія; можно кромѣ того формировать группировки, путемъ временнаго соединенія подъ управленіемъ одного начальника и въ цѣляхъ достиженія общей задачи, извѣстнаго

---

*) Около 95 пудовъ. Прим. переводчика.

числа группъ; группировка въ принципѣ включаетъ присутствіе полкового штаба.

Артиллерія обладаетъ также органами снабженія — колоннами обоза, парковыми отдѣленіями, конными и автомобильными перевозочными отдѣленіями, позволяющими удовлетвореніе ея первыхъ нуждъ на полѣ боя.

Наконецъ, она располагаетъ органами развѣдки и наблюденія, отдѣленіями засѣчекъ, наземнаго наблюденія, телеметрическими (угломѣрными) отдѣленіями, отдѣленіями звуковыхъ засѣчекъ, тяжелыми артиллерійскими эскадрильями,— равно какъ средствами передачи, что, въ совокупности, позволяютъ ей использовать особенности ея орудій.

Глава 3.

Кавалерія.

22. Кавалерія развѣдываетъ, прикрываетъ, дерется въ связи съ другими родами войскъ.

Она отыскиваетъ противника, опредѣляетъ положеніе его выдвинутыхъ элементовъ и снабжаетъ командованіе развѣдками, какихъ оно отъ нея требуетъ. Вообще же развѣдка можетъ быть достигнута только боемъ.

Въ то же время кавалерія прикрываетъ, либо впереди фронта и на флангахъ, либо просто впереди фронта, смотря по тому какъ Кр. С., для котораго она дѣйствуетъ, изолировано или расположено въ ряду другихъ Кр. С.

Когда кавалерія дерется для развѣдки, для обезпеченія прикрытія или для дѣйствій въ связи съ другими родами войскъ,— бой въ пѣшемъ строю огнемъ является нормальнымъ способомъ ея дѣйствій; конный бой холоднымъ оружіемъ остался возможнымъ лишь для малыхъ частей и въ особыхъ обстоятельствахъ.

23. Кавалерія снабжена автоматическимъ оружіемъ, дающимъ ей большое могущество огня; ея крупныя единицы располагаютъ авто-пулеметами, пушками и циклетной пѣхотой, усиливающими ея боевую способность; она владѣетъ карабинами со штыкомъ для рукопашнаго боя; она снабжена, какъ и пѣхота, шанцевымъ инструментомъ и масками.

Кромѣ того кавалерія вооружена саблями въ виду случаевъ конныхъ дѣйствій (въ подлинникѣ собственно сказано рѣзче, именно: „въ виду ея случайнаго дѣйствія на конѣ“.*)

24. Употребленіе кавалеріи разнообразится въ связи съ ея органическимъ назначеніемъ.

Кавалерія дивизій**) и армейскихъ корпусовъ — преимущественно кавалерія безопасности; кавалерійскія дивизіи образуютъ собою

*) Примѣчаніе переводчика.

**) Подразумѣвается „пѣхотныхъ“. Примѣчаніе переводчика.

органы развѣдки и подвижные огневые резервы; кавалерійскіе корпуса являются крупными боевыми единицами, способными изолировано вести дѣйствіе и его развивать.

Подвижность и прочность состава кавалеріи позволяютъ ей схватываться на значительныхъ фронтахъ и развертывать сразу все могущество ея огня, этотъ маневръ благопріятствуетъ проявленію внезапности.

25. Организація кавалеріи соотвѣтствуетъ двойной необходимости: ея пѣшаго боя и ея конныхъ перемѣщеній.

Элементарной ячейкой кавалеріи, дерущейся въ пѣшемъ строю, является боевая группа, характеризующаяся, какъ и въ пѣхотѣ, присутствіемъ автоматическаго оружія. Основною единицею является эскадронъ: онъ состоитъ изъ извѣстнаго числа боевыхъ группъ и можетъ имѣть и пулеметы.

Другими единицами въ кавалеріи являются полкъ и бригада.

Кромѣ того, кавалерія имѣетъ отдѣленія и группы автопулеметопушекъ.

Глава 4.

Инженерныя войска.

26. Инженерныя войска имѣютъ существенной задачей созданіе, устройство и возстановленіе сообщеній. Кромѣ того, на нихъ лежатъ работы по установкамъ всякаго рода.

Войска, выполняющія службу передачи, принадлежатъ къ роду инженерныхъ.

Инженерныя войска снабжены шанцевымъ инструментомъ, орудіями и различнымъ матеріаломъ для выполненія своихъ техническихъ работъ, а также и необходимымъ для своей непосредственной обороны оружіемъ.

27. На полѣ боя инженерныя войска дѣйствуютъ въ сотрудничествѣ съ другими родами войскъ.

Въ наступленіи они возстанавливаютъ въ срочномъ порядкѣ, указываемомъ Командованіемъ, пути сообщенія и мѣста переходовъ всякаго рода; быстрота ихъ работы позволяетъ оживлять продвиженіе войскъ атаки и благопріятствуетъ маневрамъ эксплоатаціи успѣха. Въ оборонѣ они создаютъ или улучшаютъ сообщенія поля боя, подготовляютъ разрушенія, предназначенныя для замедленія продвиженія противника, и могутъ принимать участіе въ устройствѣ позицій въ томъ, что касается нѣкоторыхъ спеціальныхъ работъ.

Въ періодъ позиціонной устойчивости они могутъ быть призваны къ веденію минной войны.

Работы инженерныхъ войскъ на полѣ боя вообще производятся подъ прикрытіемъ пѣхоты.

Инженерныя войска работаютъ всегда отдѣленіями, состоящими подъ командою ихъ начальниковъ; они направляютъ работу вспомогательныхъ рабочихъ частей, даваемыхъ въ ихъ распоряженіе.

28. Инженерныя войска представляютъ большое разнообразіе частей.

Однѣ находятся въ исключительномъ распоряженіи Главнокомандующаго для работъ общаго значенія; другія временно придаются арміямъ, смотря по ихъ нуждамъ даннаго момента; третьи, наконецъ, принадлежатъ органически Кр. С. и преимущественно состоятъ изъ ротъ саперъ-минеровъ, ротъ инженерныхъ парковъ, ротъ понтонныхъ.

Глава 5.

Аэронавтика.

Аэронавтика состоитъ изъ авіаціи, аэростатовъ и защиты противъ аэрофлота.

29. Авіація пользуется аппаратами тяжелѣе воздуха. Она наблюдаетъ, бомбардируетъ и ведетъ воздушный бой. Авіація дѣйствуетъ своей подвижностью и своимъ огнемъ. Ея подвижность въ настоящее время еще остается ограниченною нѣкоторыми атмосферическими обстоятельствами и особенно зависимостью отъ спуска на землю.

Ея огонь характеризуется дальностью, которая, за исключеніемъ указанныхъ неблагопріятныхъ противодѣйствій атмосферы, не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ раіона дѣйствій примѣняемыхъ аппаратовъ.

Авіація вооружена бомбами для атаки земныхъ цѣлей, пулеметами и пушками малаго калибра для воздушнаго боя и атакъ нѣкоторыхъ земныхъ цѣлей. Она обезпечиваетъ свою связь съ землею безпроволочнымъ телеграфомъ, привѣсными флагами, разноцвѣтными ракетами и сигналами.

30. Различныя задачи, выпадающія на авіацію, приводятъ къ спеціализаціи ея частей въ авіацію наблюденія и въ боевую авіацію, понимая подъ этой и авіацію бомбометанія и авіацію преслѣдованія.

Авіація наблюденія дѣйствуетъ въ интересахъ Командованія, артиллеріи и пѣхоты. Она обезпечиваетъ дальнія открытія, развѣдываетъ противника, его размѣщенія, его сооруженія, днемъ и ночью, глазомъ и фотографіей. Она содѣйствуетъ въ розыскѣ артиллерійскихъ цѣлей, въ наблюденіи и корректированіи стрѣльбы. Сопровождаетъ пѣхоту въ бою, освѣщаетъ ея продвиженіе и участвуетъ въ связи ея съ тылами.

Авіація бомбардированія атакуетъ цѣли поля боя, продолжая дѣйствія артиллеріи и врывается на сообщенія и сооруженія противника до предѣловъ своей дальности. Она дѣйствуетъ какъ днемъ, такъ и ночью, стремясь къ дѣйствіямъ массою, какъ единственно способнымъ произвести существенные результаты.

Авіація преслѣдованія обезпечиваетъ воздухоплаванію наблюденія и авіаціи бомбардированія ихъ свободу дѣйствій на полѣ боя, прикрывая ихъ отъ предпріятій авіаціи противника; она розыскиваетъ аэронавтику противника для боя и уничтоженія.

Авіація бомбардированія и авіація преслѣдованія вмѣшиваются въ наземную борьбу огнемъ своего автоматическаго оружія.

31. Авіація наблюденія, въ принципѣ, органически раздѣлена между различными Кр. С. и полками тяжелой артиллеріи общаго резерва.

Во всѣхъ случаяхъ эскадрилья есть элементарная единица. Она состоитъ изъ нѣкотораго числа аэроплановъ, каміоновъ, тракторовъ и легкихъ повозокъ.

Эскадрильи бомбардированія и эскадрильи преслѣдованія образуютъ группы и полки, нѣкоторое число которыхъ соединено въ воздушныя бригады и дивизіи.

32. Воздухоплаваніе употребляетъ аппараты легче воздуха, привязные шары и иногда дирижабли.

Привязные шары составляютъ воздушныя обсерваторіи, характеристикой которыхъ является длительность ихъ наблюденія, легкая и постоянная связь съ землею; и, наоборотъ, они представляютъ собою крайне уязвимыя цѣли.

Воздухоплаваніе вооружено пулеметами для защиты противъ атакъ непріятельской авіаціи.

Какъ и авіація наблюденія, съ которой воздухоплаваніе согласуетъ свои дѣйствія, оно работаетъ въ интересахъ Командованія, артиллеріи и пѣхоты; какъ и авіація наблюденія, воздухоплаваніе получаетъ задачи общаго наблюденія за стрѣльбою и связью, но главная его роль—наблюдать стрѣльбу артиллеріи.

Тактическою единицею является аэростатная рота, состоящая изъ одного привязного шара, техническихъ повозокъ и средствъ автоперевозки.

Приведеніе въ дѣйствіе аэростата требуетъ техническаго питанія, обезпеченіе котораго производится спеціальными частями.

33. Защита противъ аэрофлота имѣетъ своею задачею, совмѣстно съ авіацією, противодѣйствовать налетамъ непріятельскихъ аэроплановъ наблюдательной службой и службой передачи.

Защита противъ аэрофлота вооружена противоаэропланными пушками, для дѣйствій на большія и среднія высоты, и автоматическими пушками малаго калибра, дѣйствіе которыхъ примѣняется для малыхъ высотъ. Она располагаетъ прожекторами, слуховыми инструментами и маскировочными матеріалами; она снабжена аэростатами прикрытія для воспрепятствованія ночнымъ полетамъ на извѣстныхъ высотахъ.

Защита противъ аэрофлота комбинируетъ при выполненіи своихъ задачъ различныя средства, которыми она располагаетъ; она дѣйствуетъ особенно своимъ огнемъ, примѣненіе котораго стало возможнымъ во всѣхъ обстоятельствахъ, благодаря ея прожекторамъ и слуховымъ средствамъ.

Съ другой стороны, она дѣйствуетъ въ связи съ авіацією, приносящей ей содѣйствіе своимъ воздушнымъ преслѣдованіемъ и дѣйствіе которой осуществляется ночью въ связи съ прожекторами противоаэрофлотской защиты.

Части противоаэрофлотской защиты состоятъ: изъ батарей, группъ и группировокъ противовоздушной артиллерiи; изъ частей автоматическаго оружiя малаго калибра; изъ прожекторовъ; аэростатовъ прикрытiя; маскировочныхъ отдѣленiй и парковъ снабженiя.

Части противоаэрофлотской защиты придаются въ различномъ числѣ разнымъ Кр. С., смотря по ихъ нуждамъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ уменьшенномъ составѣ, противофлотскiя организацiи могутъ быть придаваемы къ малымъ частямъ для ихъ собственной защиты.

СЛУЖБЫ.

Глава 6.

Общiе принципы.

34. Службы должны удовлетворять нужды войскъ. Ихъ главная роль состоитъ въ добычѣ необходимыхъ матерiаловъ и продуктовъ, въ ихъ храненiи и въ обезпеченiи распредѣленiя войскамъ.

Начальники службъ получаютъ приказы Командованiя по предмету употребленiя своихъ службъ; обезпечиваютъ выполненiе этихъ приказовъ и несутъ за это отвѣтственность; они могутъ представлять Командованiю предположенiя въ томъ, что касается этого употребленiя.

Сверхъ того, они направляютъ дѣятельность ихъ службъ, согласуясь съ техническими инструкцiями, даваемыми имъ ихъ начальниками службъ высшихъ инстанцiй.

Въ случаяхъ спецiальныхъ техническихъ трудностей Командованiю принадлежитъ право оцѣнки въ какой мѣрѣ возможно въ томъ, что касается употребленiя службъ, считаться съ требованiями ихъ дѣятельности.

Исполнительные органы службъ получаютъ припасы, обслуживаютъ ихъ храненiе и передачу войскамъ. Они состоятъ изъ частей личнаго техническаго состава, различныхъ учрежденiй и временныхъ средствъ спецiальныхъ перевозокъ.

35. Въ совокупности, службы образуютъ четыре категорiи, различающiяся по ихъ предметамъ:

— Служба передачъ, которая позволяетъ различнымъ начальникамъ легкiй и быстрый способъ обмѣна сношенiй — существенное условiе выполненiя задачъ Командованiя.

— Служба снабженiя и ремонтовъ, которыя питаютъ двойное теченiе обмѣна между тылами и фронтомъ и, наоборотъ, между фронтомъ и тыломъ, базою жизни войскъ.

— Службы перевозокъ, которыя снабжаютъ средствами для созданiя этого теченiя.

— Служба порядка, на которой лежитъ обязанность охраненiя и поддержанiя порядка и суднаго дѣйствiя въ армiяхъ.

Глава 7.

Служба передачъ.

36. Служба передачъ обезпечиваетъ приведенiе въ дѣйствiе необходимыхъ матерiальныхъ средствъ для сообщенiя приказовъ, развѣдокъ и докладовъ.

Различные элементы, входящiе въ компетенцiю этой службы, во всякомъ Кр. С. сгруппированы подъ командою одного начальника передачъ, роль котораго направлять и согласовать ихъ употребленiе.

Части передачъ являются боевыми войсками.

Глава 8.

Службы снабженiя и ремонтовъ.

Главныя службы снабженiя и ремонтовъ суть: службы артиллерiйская, инженерная, интендантская и санитарная.

37. Служба артиллерiйская питаетъ войска боевыми припасами, замѣняетъ и исправляетъ оружiе, снабжаетъ и исправляетъ матерiальную часть артиллерiи, снабжаетъ противогазовыми средствами, упряжью и подковнымъ матерiаломъ.

Командующiй артиллерiей Кр. С. является начальникомъ артиллерiйской службы этого Кр. С.

Главные исполнительные органы состоятъ изъ парковыхъ батарей и отдѣленiй, изъ складовъ орудiй и боевыхъ припасовъ и изъ ремонтныхъ мастерскихъ. Они образуютъ артиллерiйскiе парки.

38. Инженерная служба снабжаетъ войска всѣхъ родовъ шанцевымъ инструментомъ, оборонительнымъ матерiаломъ и матерiалами для устройства на мѣстности.

Въ армiи къ инженерной службѣ придаются три подчиненныхъ ей службы: лѣсная, водная и лагерей и стоянокъ.

Инженерная служба управляется въ каждомъ Кр. С. начальникомъ инженерныхъ войскъ этого Кр. С.

Исполнительные органы состоятъ изъ большого числа спецiальныхъ частей, парковъ и матерiальныхъ депо.

39. Интендантская служба обезпечиваетъ питанiе жизненными припасами, фуражемъ, горючими матерiалами и снабжаетъ войска обмундированiемъ и казарменнымъ имуществомъ; кромѣ того она распоряжается казною, повѣряетъ счета войскъ, контролируетъ службу казначействъ въ предѣлахъ, указанныхъ уставами.

Она управляется въ каждомъ Кр. С. Интендантомъ.

Исполнительные органы состоятъ изъ отдѣленiй служащихъ и рабочихъ административныхъ, хлѣбопекаренъ, магазиновъ, кооперативовъ, гуртовъ скота и автомобильныхъ отдѣленiй снабженiя свѣжимъ мясомъ.

40. Санитарная служба несетъ обязанности по обезпеченiю всѣми мѣрами, относящимися къ гигiенѣ и профилактикѣ, содержанiю больныхъ, возстановленiю, отбору, госпитальному леченiю и эвакуацiи раненыхъ и отравленныхъ газами; она обезпечиваетъ питанiе

различныхъ учрежденій личнымъ составомъ и санитарнымъ матеріаломъ.

Санитарная служба управляется въ каждомъ Кр. С. врачемъ, начальникомъ санитарной службы этого Кр. С.

Главные органы исполненія состоятъ изъ амбулансовъ, эвакуаціонныхъ госпиталей, госпитальныхъ центровъ и авто-санитарныхъ отдѣленій.

41. Другія службы снабженія и ремонтовъ суть: служба аэронавтная, танковая (эти службы состоятъ, если они имѣются, изъ спеціальныхъ частей, равно какъ и изъ органовъ ремонта и храненія), ветеринарная, ремонтовъ, казначейская, почтъ, этаповъ.

Глава 9.

Службы перевозокъ.

42. Службы перевозокъ заключаютъ совокупность средствъ, имѣющихъ цѣлью устройство, содержаніе и эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ, водныхъ путей и грунтовыхъ путей.

Службы перевозокъ состоятъ: изъ службы желѣзныхъ дорогъ, навигаціонной, узкоколейныхъ дорогъ, автомобильныхъ транспортовъ, конныхъ транспортовъ и службы грунтовыхъ путей.

Желѣзнодорожная и навигаціонная службы являются органами, зависящими исключительно отъ Главнаго Командованія; служба узкоколейныхъ путей и служба грунтовыхъ путей существуютъ только въ армейской инстанціи; службы автотранспортовъ и конныхъ транспортовъ имѣются во всѣхъ Кр. С.

Во всякой арміи исполненіе всѣхъ перевозокъ, необходимыхъ арміи, управляется Директоромъ транспортовъ (или перевозокъ); для этой цѣли ему подчинены: Начальникъ службы узкоколеекъ, Начальникъ службы автотранспортовъ и Начальникъ службы конныхъ транспортовъ арміи. Директоръ транспортовъ (перевозокъ) Арміи располагаетъ, кромѣ того, Начальникомъ службы грунтовыхъ путей, для содержанія и постройки путей въ подчиненной ему зонѣ.

Глава 10.

Главными службами порядка являются службы жандармская и военносудная.

43. Жандармская служба имѣетъ задачею обезпечить арміямъ обще-полицейскую, судебно-полицейскую и комендантскую службы.

44. Служба военносудная имѣетъ задачею розыскъ, преданіе суду и сужденіе виновныхъ въ совершеніи проступковъ и преступленій, относящихся къ компетенціи военныхъ судовъ въ армейской зонѣ.

Глава 11.

Службы безопасности, контръ-шпіонства, прессы и пропаганды.

44 bis. Служба безопасности, служба контръ-шпіонства, служба прессы и пропаганды дѣйствуютъ только въ нѣкоторыхъ инстанціяхъ командованія.

Раздѣлъ II.

Характеристики и общая организація Кр. С.

Глава 1.

Пѣхотная дивизія.

45. Пѣхотная дивизія является первою единицею, способною вести своими собственными средствами атаку извѣстной важности, но она владѣетъ узкимъ полемъ дѣйствій и ограниченною возможностью длительности боя.

П. Д. образуетъ кромѣ того элементарное Кр. С. такое, внутри котораго комбинируются дѣйствія разныхъ родовъ войскъ; она составляетъ совокупность, заинтересованную въ томъ, чтобы никогда не раздѣляться; вообще же ея рамки не позволяютъ ей принимать многочисленныхъ элементовъ усиленія.

Командованіе.

46. Генералъ, командующій дивизіей (Н. Д.), отдаетъ свои приказы командующимъ разными родами войскъ и начальникамъ службъ дивизіи.

Въ бою Н. Д. наиболѣе часто бываетъ вынужденъ подраздѣлять свою дивизію на три составныхъ элемента: боевую часть, артиллерію и дивизіонный резервъ. Онъ ведетъ бой, отдавая свои приказы командующимъ этими различными элементами.

Боевая часть состоитъ изъ ведущей бой пѣхоты и, иногда, танковъ и отдѣленій артиллеріи. Н. Д. назначаетъ начальника боевой линіи, задачею котораго является руководство боемъ частей, составляющихъ эту линію; обыкновенно начальствованіе боевой линіей ввѣряется командующему дивизіонной пѣхотой.

Вся совокупность артиллеріи дивизіи, за исключеніемъ отдѣленій, временно переданныхъ въ распоряженіе пѣхоты, отдается въ распоряженіе Командующаго артиллеріей дивизіи. Командующій артиллеріей дивизіи ведетъ артиллерійскій бой въ рамкахъ задачи, предписанной ему Н. Д.

Резервы дивизіи состоятъ преимущественно изъ пѣхоты и не ведущихъ боя танковъ; Н. Д. указываетъ условія, которыми обезпечивается командованіе этими элементами.

Боевыя войска:

47. Пѣхота дивизіи состоитъ изъ 3 или 4 полковъ, органически зависящихъ отъ Командующаго дивизіонной пѣхотой.

Кавалерія дивизіи состоитъ изъ 1 эскадрона.

Артиллерія дивизіи состоитъ изъ 2 полковъ, конныхъ, изъ которыхъ 1 полкъ легкой артиллеріи и 1 полкъ тяжелой короткой (гаубицы).

Командующій артиллеріей дивизіи командуетъ этими двумя полками и, временно, артиллеріей усиленія, придаваемой дивизіи.

Инженерныя войска въ дивизіи состоятъ изъ 2 ротъ саперъ-минеровъ.

Аэронавтика дивизіи въ принципѣ состоитъ изъ эскадрильи наблюденія и аэростата, обслуживаемаго аэростатной ротой.

Дивизія обладаетъ, кромѣ того, піонернымъ баталіономъ и центромъ дивизіоннаго обученія;*) эти элементы находятся подъ прямымъ командованіемъ Н. Д.

Дивизія, наконецъ, располагаетъ войсками передачи и элементами наблюденія.

Службы.

48. Пѣхотная дивизія обладаетъ службами, необходимыми для удовлетворенія ея непосредственныхъ нуждъ.

Артиллерійская служба состоитъ изъ 1 артиллерійскаго парка, который собственно составляетъ первое снабженіе боевыми припасами.

Инженерная служба состоитъ изъ одной роты инженернаго парка, образующей первый этапъ шанцеваго инструмента и матеріаловъ.

Интендантская служба обладаетъ одной эксплоатаціонной группой, однимъ гуртомъ скота и однимъ отдѣленіемъ снабженія свѣжимъ мясомъ.

Санитарная служба состоитъ изъ санитарной группы и одного автосанитарнаго отдѣленія.

Ветеринарная служба обладаетъ однимъ подвижнымъ эвакуаціоннымъ отдѣленіемъ.

Дивизія, кромѣ того, имѣетъ казначейскую службу, почтовую службу, жандармскую службу и постоянные элементы военнаго суда.

Какъ органами неспеціализованнаго транспорта дивизія располагаетъ только коннымъ обозомъ.

Глава 2.

Армейскій корпусъ.

49. А. К. является единицею, способною завязывать бой на широкомъ фронтѣ и доводить бой до рѣшенія.

Командиръ А. К. располагаетъ нѣсколькими дивизіями и элементами внѣ дивизій; онъ комбинируетъ и ведетъ бой своихъ диви-

---

*) Дивизіонныя учебныя команды. Примѣчаніе переводчика.

зій и вмѣшивается прямо въ борьбу, ослабляя или усиливая дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нихъ при посредствѣ внѣ дивизіонныхъ элементовъ.

Располагая прочными органами Командованія, А. К. способенъ принять и обслужить значительное число элементовъ усиленія, отдѣльныя дивизіи или войска разныхъ родовъ и обезпечить ихъ введеніе въ бой; онъ можетъ также легко приспособляться къ довѣряемымъ ему задачамъ.

Командованіе.

50. К. А. К. отдаетъ свои приказы Н. Д., Командующимъ различными внѣ дивизіонными элементами и Начальникамъ Службъ Корпуса.

Въ бою К. А. К. направляетъ и согласуетъ дѣйствія завязавшихъ бой дивизій, управляетъ употребленіемъ артиллеріи, маневрируетъ своими резервами. Кромѣ того, онъ обезпечиваетъ сотрудничество всѣхъ аэронавтныхъ частей наблюденія внутри Армейскаго Корпуса.

Его непосредственнымъ помощникомъ по организаціи и веденію артиллерійской борьбы является Командующій артиллеріей А. К.

Въ томъ, что касается употребленія аэронавтики, онъ располагаетъ Командующимъ аэронавтикой.

Командующій артиллеріей А. К. органически командуетъ тяжелой артиллеріей, постоянно принадлежащей А. К.; онъ распредѣляетъ соотвѣтственно инструкціямъ К. А. К. артиллерію усиленія, приданную А. К., между дивизіонными артиллеріями и на ту часть артиллеріи, которую К. А. К. сохраняетъ въ своемъ распоряженіи; онъ обезпечиваетъ управленіе огнемъ внутри корпуса и, въ частности, согласуетъ дѣйствія дивизіонныхъ артиллерій между ними и съ корпусной артиллеріей.

Онъ отвѣтственъ за снабженіе боевыми припасами въ А. К.

Командующій аэронавтикой А. К. органически командуетъ аэронавтными частями, постоянно принадлежащими корпусу; онъ согласуетъ дѣйствія этихъ частей съ дѣйствіями аэронавтики, принадлежащей дивизіямъ и тяжелой артиллеріи, согласно инструкціямъ К. А. К.

Боевыя войска.

51. А. К. состоитъ органически изъ 2 дивизій и изъ внѣ дивизіонныхъ элементовъ.

Въ бою число дивизій А. К. можетъ быть увеличиваемо до 3 и даже до 4-хъ.

Внѣ дивизіонные элементы состоятъ органически изъ опредѣленнаго числа войскъ разныхъ родовъ; въ бою эти элементы могутъ быть усилены, особенно въ артиллеріи, въ аэронавтикѣ и въ танкахъ.

Внѣ дивизіонные элементы, органически входящіе въ составъ А. К., суть слѣдующіе:

Т а н к и: Въ принципѣ 1 двухъ баталіонный легко-танковый полкъ.

Кавалерія: 1 полкъ, къ которому могутъ быть прикомандированы эскадроны отъ пѣхотныхъ дивизій, органически входящихъ въ составъ А. К.

Артиллерія: 1 полкъ тяжелой, длинной, конно-упряжной артиллеріи.

Инженерныя: 2 роты саперъ минеръ.

Аэронавтика: 1 или 2 эскадрильи наблюденія и 1 аэростатъ, обслуживаемый аэростатной ротой.

Кромѣ того А. К. имѣетъ 1 полкъ піонеровъ и располагаетъ частями передачи и частями наблюденія.

Службы.

52. Службы А. К., имѣя особенную роль управленія и согласованія по отношенію къ службамъ, къ дивизіямъ относящимся, состоятъ преимущественно изъ органовъ управленія.

Исполнительные органы соотвѣтствуютъ особенно частнымъ нуждамъ внѣ дивизіонныхъ элементовъ.

Артиллерійская служба состоитъ изъ 1 артиллерійскаго парка, заключающаго въ себѣ ремонтное отдѣленіе и временно депо боевыхъ припасовъ.

Инженерная служба располагаетъ одною понтонною ротою и временно депо матеріаловъ.

Интендантская служба состоитъ изъ органовъ, подобныхъ таковымъ же въ дивизіяхъ, и изъ резерва административныхъ служащихъ и рабочихъ.

Главными органами санитарной службы являются медицинскій госпиталь и легкій хирургическій госпиталь, 1 санитарная группа снабженія и автосанитарныя отдѣленія.

Ветеринарная служба располагаетъ 1 эвакогоспиталемъ.

Неспеціализованными транспортными средствами являются отдѣленія матеріальныхъ перевозокъ и конный обозъ.

А. К. располагаетъ, кромѣ того, службой казначейской, почтовой и жандармской.

Глава 3.

Армейская группа.

53. А. Г. является временною группировкою, создаваемою въ виду какого-либо специальнаго положенія.

Она составляется изъ разныхъ силъ, смотря по задачѣ.

Ея штабъ и ея службы организуются по рѣшеніямъ момента.

Глава 4.

Армія.

54. Армія — единица стратегическая.

Команд. Арм. комбинируетъ и управляетъ маневромъ нѣсколь-

кихъ А. К., КР. С., кавалеріи и аэронавтныхъ частей въ предѣлахъ одной и той же общей задачи.

Армія исключительно органъ командованія и обрамленія. Въ принципѣ она располагаетъ, какъ органическими элементами, только Штабомъ, специальными войсками и службами; но она можетъ получать армейскіе корпуса, пѣхотныя дивизіи, кавалерійскіе корпуса или дивизіи, артиллерійскія части, инженерныя, аэронавтныя, танки, въ измѣняющемся числѣ, смотря по задачѣ.

Армія зависитъ отъ Главнокомандующаго либо непосредственно, либо черезъ посредство Командующаго Группой Армій.

Командованіе.

55. Команд. Арм. ведетъ операціи, давая приказы К. А. К. и другихъ Кр. С., находящихся подъ прямой его командой, Командующимъ Артиллеріей, Инженерными войсками, Аэронавтикой и Танками Арміи.

Командующій Артиллеріей обезпечиваетъ, согласно инструкціямъ Командарма распредѣленіе между А. К. артиллеріи общаго резерва, приданной арміи, и осуществляетъ командованіе артиллеріей, находящейся въ прямомъ распоряженіи арміи. Онъ согласуетъ дѣйствіе артиллерій А. К. между ними и артиллеріей арміи. Онъ осуществляетъ, наконецъ, высшее управленіе снабженія боевыми припасами.

Командующій Инж. войсками Арміи обезпечиваетъ исполненіе спеціальныхъ работъ, необходимыхъ для Арміи, и предлагаетъ свое содѣйствіе Директору Армейскихъ перевозокъ въ томъ, что касается улучшеній сообщеній.

Командующій Аэронавтикой Арміи командуетъ совокупностью аэронавтныхъ частей и группировкой противоаэропланной защиты. Онъ регулируетъ ихъ употребленіе, согласно инструкціямъ Командарма, связывая ихъ дѣйствіе съ таковымъ же аэронавтныхъ частей А. К.; онъ обезпечиваетъ, въ частности, прикрытіе этихъ частей отъ предпріятій непріятельской авіаціи и выполненіе дальнихъ развѣдокъ.

Командующій танками Арміи обезпечиваетъ, согласно инструкціямъ Командарма, распредѣленіе танковыхъ частей, данныхъ въ распоряженіе А. К., и осушествляетъ командованіе танковыми частями, оставленными Командармомъ въ резервѣ. Онъ обезпечиваетъ дѣйствіе спеціальнаго танковаго снабженія (матеріальнаго и боевыми припасами) равно, какъ и эвакуацію и ремонтъ.

Службы и спеціальныя войска.

56. Армія, обязанная снабжать въ различныхъ нуждахъ войска, данныя въ ея распоряженіе, органически владѣетъ многочисленными и мощными органами службъ, которымъ Командармъ даетъ его приказы.

Большая часть службъ представлена при арміи

Органы управленія въ ней сильно и прочно созданы.

Органы исполненія заключаютъ значительныя средства, способныя быть усиленными, когда положеніе арміи этого требуетъ.

Главные органы исполненія созданы:

— въ видѣ депо и учрежденій (разныхъ складовъ, парковъ, магазиновъ, мастерскихъ, госпиталей и пр.), относящихся къ разнымъ службамъ.

— въ видѣ мощныхъ неспеціализованныхъ средствъ перевозокъ (узкоколейки, группы матеріальныхъ транспортовъ, конныхъ обозовъ).

— въ видѣ техническихъ частей, постоянно принадлежащихъ разнымъ службамъ, и въ видѣ обще рабочихъ частей.

Различные элементы службъ, органически входящихъ въ составъ арміи, — разсматриваются болѣе подробно въ другомъ документѣ (уставѣ).

Глава 5.

Кавалерійская дивизія.

57. К. Д. есть Кр. С., въ которомъ кавалерія располагаетъ авто-пулемето-пушками и усилена артиллеріей, циклетной пѣхотой, циклистами-саперами и авіаціей; все это составляетъ совокупность, снабженную средствами мощнаго огня.

К. Д. характеризуется ея подвижностью на всякой мѣстности.

Какъ оружіе боя она имѣетъ свой огонь, а какъ оружіе маневра быстроту своихъ лошадей.

Передъ боемъ она развѣдываетъ противника на разстояніи и снабжаетъ командованіе необходимыми развѣдками.

Во время боя, если пространство это позволяетъ, она обыкновенно находитъ себѣ примѣненіе на одномъ изъ фланговъ расположенія; въ тылу непрерывнаго фронта она образуетъ исключительно подвижной огневой резервъ.

Начальникъ К. Д. отдаетъ свои приказы командирамъ кавалерійскихъ бригадъ, командующему своей артиллеріей и Командующимъ различными родами войскъ, входящихъ въ составъ его Кр. С.

К. Д. состоитъ въ принципѣ изъ 3 бригадъ кавалеріи, одной группы авто-пулемето-пушекъ, одного отдѣленія саперъ-циклистовъ, иногда одной эскадрильи наблюденія.

Какъ и П. Д. она снабжена службами, необходимыми для удовлетворенія ея непосредственныхъ нуждъ.

К. Дивизіи составляютъ часть резервовъ Главнаго Командованія; онѣ могутъ быть придаваемы арміямъ или входятъ въ составъ Кавалерійскихъ Корпусовъ.

Глава 6.

Кавалерійскій корпусъ.

58. К. К. является крупнымъ соединеніемъ, состоящимъ изъ разнаго числа К. Д., къ которымъ, въ принципѣ, присоединяются другіе боевые элементы: пѣхотныя части, танки, легкая и тяжелая артиллерія, аэронавтика, инженерныя части.

К. К. обладаетъ придатками, аналогичными таковымъ же К. Д., но съ болѣе значительными органами командованія, съ большимъ могуществомъ огня и съ болѣе выраженною способностью къ бою.

Составъ К. К. только временный; это позволяетъ ставить подъ одно и тоже командованіе, когда въ этомъ ощущается надобность, части одного и того же рода, употребляемыя на одной и той же мѣстности въ видахъ одной и той же задачи.

К. К. командуется однимъ изъ дивизіонныхъ генераловъ, при наличіи Штаба.

Въ бою К. К. К. согласуетъ дѣйствія своихъ кав. дивизій, назначаетъ задачи своей пѣхотѣ, артиллеріи и различнымъ внѣ дивизіонным элементамъ и маневрируетъ элементами своихъ резервовъ.

Когда созданіе К. К. оправдывается обстоятельствами, то Командованіе, его примѣняющее, должно избѣгать его дробленія.

Глава 7.

Воздушная дивизія.

59. Воздушная Дивизія хотя и не является крупнымъ соединеніемъ въ строгомъ смыслѣ слова, но представляетъ собою большое авіаціонное формированіе, способное могущественно вмѣшиваться своимъ огнемъ въ бой.

В. Д. состоитъ исключительно изъ одной бригады дневного бомбометанія и формированій истребительной авіаціи, необходимыхъ для прикрытія этой бригады отъ дѣйствій непріятельской авіаціи во время исполненія бригадою ея задачъ. Она обладаетъ, кромѣ того, телеграфнымъ отдѣленіемъ и радіотелеграфнымъ отдѣленіемъ, нѣкоторыми службами и средствами автоперевозки.

В. Д. органически составляетъ часть Общихъ Резервовъ Главнаго Командованія; онѣ являются въ его рукахъ силою, способною осуществлять быстрыя перемѣщенія большого напряженія, при условіи обладанія достаточными пространствами для посадки. Высшее Командованіе использует воздушныя дивизіи, бросая ихъ въ расроряженіе нѣкоторыхъ армій, соотвѣтственно своему плану маневра.

60. В. Д. дерется въ составѣ арміи.

Она представляетъ для Командарма огневой органъ, бомбардировка котораго можетъ имѣть значительное матеріальное и моральное дѣйствіе и дальность котораго, въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не имѣетъ другого ограниченія кромѣ раіона дѣйствій аппаратовъ; она является для Командованія маневреннымъ элементомъ, почти внезапное вторженіе котораго можетъ, въ нѣкоторые моменты борьбы, обезпечить важные разультаты.

Въ теченіе нѣкоторыхъ критическихъ періодовъ, ея части могутъ быть призваны къ дѣйствію по земнымъ цѣлямъ огнемъ своихъ пулеметовъ съ малыхъ высотъ.

В. Д. обыкновенно употребляется въ массѣ; однако ея истребительныя отдѣленія часто могутъ быть привлекаемы для содѣйст-

вія воздушному прикрытію фронта, въ мѣрѣ и согласно способа, указанныхъ Командармомъ.

В. Д. можетъ быть, кромѣ того, использована для содѣйствія нѣкоторымъ развѣдкамъ, необходимымъ арміи.

Если армія, къ которой она придана, располагаетъ отдѣленіями ночного бомбардированія, то представляется выгоднымъ придавать ихъ для употребленія къ В. Д., чтобы обезпечить такимъ образомъ согласованіе въ исполненіи дѣйствій дневныхъ и ночныхъ бомбардированій.

Такъ какъ употребленіе В. Д. зависитъ отъ атмосферическихъ обстоятельствъ, то для Главнаго Командованія часто будетъ невозможно задолго впередъ точно опредѣлить моментъ ея вторженія въ дѣйствіе. Слѣдовательно, необходимо чтобы Начальникъ В. Д. былъ ясно освѣдомленъ о проектахъ Командарма; тогда онъ сможетъ изучить и подготовить тщательно свои экспедиціи и быть готовымъ вклинить ихъ во всякій моментъ. Кромѣ того, необходимо, чтобы онъ постоянно держался въ курсѣ положенія для того, чтобы имѣть возможность проводить исполненіе въ наилучшихъ условіяхъ.

Глава 8.

Общіе резервы.

61. Резервы, которыми располагаетъ Главное Командованіе, состоятъ:

— въ одной части изъ Армейскихъ Корпусовъ и пѣхотныхъ дивизій въ различномъ числѣ, смотря по обстоятельствамъ;

— въ другой части, изъ частей различныхъ родовъ войскъ и элементовъ нѣкоторыхъ службъ, образующихъ органически Общіе резервы родовъ войскъ и Общіе резервы службъ.

Общіе резервы позволяютъ Главному Командованію быстро снабжать или усиливать Кр. С. средствами всякаго рода.

Общіе резервы родовъ войскъ.

62. Главные общіе резервы родовъ войскъ имѣютъ слѣдующій составъ:

Пѣхота: Общій резервъ пѣхоты состоитъ только изъ этапныхъ баталіоновъ и пулеметныхъ частей.

Танки: Нѣкоторое число легкотанковыхъ и всѣ тяжелотанковыя части принадлежатъ къ Общимъ резервамъ.

Кавалерія: Всѣ кавалерійскія дивизіи органически составляютъ часть Общихъ резервовъ; кромѣ того въ О. Р. состоятъ группы авто-пулемето-пушекъ.

Артиллерія: Общій резервъ артиллеріи образуется изъ всей артиллеріи, органически не входящей въ составъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій и армейскихъ корпусовъ.

Въ принципѣ онъ состоитъ:

— изъ подвижныхъ полковъ легкой артиллеріи,

— изъ подвижныхъ полковъ короткой тяжелой артиллеріи,

— изъ подвижныхъ полковъ длинной тяжелой артиллеріи,

— изъ полковъ тяжелой артиллерiи большой мощности, тракторной и желѣзнодорожной,

— изъ полковъ траншейной артиллерiи, горной, позицiонной и пр.

Общiй Резервъ Артиллерiи равнымъ образомъ состоитъ изъ отдѣленiй слуховыхъ засѣчекъ или наземнаго наблюденiя и изъ телеметрическихъ (угломѣрныхъ) отдѣленiй.

Инженерныя войска. О. Р. Инженерныхъ войскъ образуется изъ баталiоновъ саперъ-минеръ, ротъ спецiалистовъ всякаго рода (минеры, понтонеры, электрики и пр.) и изъ частей рабочихъ.

Аэронавтика. О. Р. Аэронавтики состоитъ изъ Воздушныхъ дивизiй и полковъ ночного бомбардированiя, эскадрилiй ночныхъ истребителей и изъ резервовъ эскадрилiй истребителей и наблюденiя.

Онъ можетъ также состоять изъ спецiальныхъ частей, обслуживающихъ дирижабли.

Кромѣ того, части противовоздушной артиллерiи, прожекторныя, аэростатовъ прикрытiя и маскировочныя части входятъ въ его составъ.

Общiе резервы службъ.

63. Главные Общiе Резервы Службъ включаютъ спецiально: службу передачъ, службу перевозокъ, службу интендантскую и службу санитарную.

Служба передачъ располагаетъ резервными частями, телеграфными, радiотелеграфными и голубиной почты.

Службы перевозокъ обладаютъ резервами спецiализованныхъ войскъ (части постройки и эксплоатацiи узкихъ путей, авточасти, дорожныя формированiя и пр.) и изъ резервовъ дорожныхъ и эксплоатацiонныхъ матерiаловъ (узкоколейный матерiалъ, автомобильный, матерiалъ для тяжелыхъ мостовъ и пр.).

Интендантская служба располагаетъ резервомъ административныхъ служащихъ и рабочихъ, а также запасами жизненныхъ продуктовъ и обмундированiя.

Санитарная служба располагаетъ резервами личнаго состава, медицинскихъ и хирургическихъ госпиталей, автосанитарныхъ отдѣленiй и медицинскаго снабженiя.

ЧАСТЬ III.

Тактическое употребленіе Крупныхъ Соединеній.

Раздѣлъ I.

Начальникъ. Планы. Приказы.

Глава 1.

Начальникъ.

64. Начальникъ Кр. С. создаетъ свой авторитетъ у подчиненныхъ довѣріемъ, которое онъ имъ внушаетъ твердостью своего характера, своею профессіональною и моральною цѣнностью и своимъ вкусомъ къ отвѣтственности.

Необходимо, чтобы онъ зналъ свои войска и былъ бы извѣстенъ имъ, чтобы онъ видѣлъ ихъ возможно чаще, чтобы лично убѣждаться въ ихъ матеріальныхъ условіяхъ и бодрствовать надъ ихъ моральнымъ состояніемъ.

Главнѣйшая роль Начальника состоитъ въ принятіи рѣшеній.

Кромѣ того, онъ долженъ предвидѣть; его предвидѣнія должны быть тѣмъ болѣе широки и тѣмъ болѣе заблаговременны, чѣмъ болѣе высокій іерархическій постъ онъ занимаетъ.

Дѣйствительно, рѣшеніе не имѣетъ цѣны, если оно приходитъ очень поздно, а части, обязанныя его исполнить, не имѣютъ времени сдѣлать необходимыя подготовки.

65. Рѣшеніе. Рѣшеніе опредѣляетъ цѣль достиженія.

Главныя данныя, служащія основаніемъ рѣшенія суть:

— задача, поставленная высшимъ начальникомъ,

— силы, назначенныя для дѣйствій (наличность и качество войскъ, характеръ и способность начальниковъ подчиненныхъ частей и матеріальныя средства, которыми располагаетъ начальникъ),

— положеніе по отношенію къ противнику и по отношенію къ наиболѣе близкимъ своимъ Кр. С.,

— совокупность другихъ обстоятельствъ (свойства мѣстности, состояніе сообщеній, климатъ, время года и др.).

Глава 2.

Планы.

Планъ Маневра.

66. Маневръ имѣетъ цѣлью комбинацію употребленія силъ для выполненія задачи, предписанной планомъ Командованія.

Прежде всякой операціи Начальникъ Кр. С. опредѣляетъ свой маневръ; онъ изучаетъ безъ предвзятаго мнѣнія различныя предположенія возможныхъ проектовъ своего противника и, не теряя ни на минуту изъ виду предписанной ему цѣли, предвидитъ мѣры необходимыя для принятія, въ подходящемъ случаѣ, чтобы разрушить эти проекты и достичь, вопреки волѣ противника, выполненія своей задачи.

Онъ взвѣшиваетъ свой замыселъ и выражаетъ его въ планѣ маневра.

Этотъ планъ указываетъ общую цѣль операціи и намѣчаетъ главныя черты маневра. Онъ опредѣляетъ первое направленіе къ исполненію, первоначальныя мѣста для занятія или первыя цѣли достиженія и упорядочиваетъ впослѣдствіи первоначальное расположеніе силъ. Необходимо, чтобы это расположеніе было гибко и способно подвергаться видоизмѣненіямъ, которыя по обстоятельствамъ будутъ необходимы.

Разъ операціи начались, то развѣдки, доставляемыя органами развѣдыванія и боемъ, позволятъ съ большою точность разсмотрѣть намѣренія противника; въ то же время положеніе будетъ испытывать постоянныя измѣненія.

Роль Командованія состоитъ въ сохраненіи основныхъ линій своего плана маневра и въ примѣненіи къ нему случайныхъ обстоятельствъ; онъ обезпечиваетъ такимъ образомъ послѣдовательныя поправки развитія манерва къ намѣченной цѣли.

Успѣхи на войнѣ зависятъ еще болѣе отъ настойчивости и твердости въ исполненіи, чѣмъ отъ ловкости въ замыслѣ.

Планъ развѣдокъ.

67. Знаніе противника есть одинъ изъ важныхъ факторовъ замысловъ и рѣшеній Начальника. Онъ тѣмъ болѣе будетъ умственно свободенъ для замысла и тѣмъ увѣреннѣе морально для того, чтобы рѣшиться, чѣмъ лучше будетъ освѣдомленъ. Поэтому выгодно, прежде всякой операціи, опредѣлить въ достиженіи предстоящей цѣли, въ какомъ смыслѣ должны быть направлены развѣдки, намѣтить пункты, которые полезно знать, чтобы помочь развитію маневра, избѣгнуть внезапностей и увеличить шансы успѣха.

Эти данныя составляютъ планъ развѣдки.

Этотъ планъ, производная первоначальнаго положенія, видоизмѣняется въ теченіе операціи вслѣдствіе обстоятельствъ и развитія маневра.

Планъ употребленія службъ.

68. Важность снабженія и эвакуаціи изъ боя, значительное наводненіе матеріала всякаго рода, вызываемое боемъ, обязываетъ Командованіе заблаговременно и заботливо упорядочивать условія употребленія различныхъ службъ, распредѣленіе установокъ и использованія средствъ перевозокъ. Кромѣ того, по причинѣ непрерывныхъ движеній, вызываемыхъ передвиженіемъ войскъ и переброскою службъ, весьма важно, чтобы содержаніе и эксплоатація путей сообщенія были предметомъ точныхъ предписаній. Рѣшенія, принятыя по этому вопросу, составятъ предметъ плана употребленія, данныя котораго должны быть заблаговременно сообщены службамъ.

Планъ употребленія службъ долженъ разсматривать не только первоначальную организацію, но и видоизмѣненія, которымъ онѣ будутъ подвергаться по всякому предвидѣнію.

Глава 3.

Инструкціи и приказы.

69. Рѣшенія начальника выражаются въ инструкціяхъ и въ приказахъ.

Инструкція имѣетъ цѣлью оріентировать подчиненныхъ начальниковъ, снабжая ихъ необходимыми указаніями для дѣйствій во всѣхъ обстоятельствахъ согласно видамъ Командованія. Она указываетъ общую идею маневра и излагаетъ намѣренія начальника; она опредѣляетъ первую цѣль достиженія, или послѣдовательно намѣчаемыя цѣли, и предвидитъ случайности; она можетъ быть пригодною для болѣе или менѣе долгаго періода. Инструкція преимущественно предназначается для Командующихъ Арміями или для Командировъ Армейскихъ Корпусовъ.

Приказъ содержитъ точныя предписанія, прилагаемыя въ точно опредѣленныхъ условіяхъ.

Приказъ бываетъ Общій или Частный, смотря по тому — адресуется ли онъ совокупности элементовъ даннаго Кр. С., или только нѣкоторымъ изъ нихъ.

Приказъ подготовительный предназначается для дачи войскамъ указаній, необходимыхъ для того, чтобы они могли во время занять свои первоначальныя расположенія.

Инструкціи и приказы должны быть кратки, но однако содержать все, что необходимо для того, чтобы дать хорошо понять намѣренія начальника.

Глава 4.

Связи.

70. Связь помогаетъ Начальнику обезпечить во всѣхъ инстанціяхъ (эшелонахъ) соприкосновеніе, необходимое для хорошаго исполненія его рѣшеній. Для этого результата Начальникъ Кр. С. долженъ держаться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ высшимъ начальникомъ, со своими подчиненными начальниками и съ начальниками сосѣдними.

Связь заключается:

— со стороны Начальника: въ наблюденіи, самомъ близкомъ, за операціями подчиненныхъ инстанцій (эшелоновъ), обращаясь всякій разъ, когда признаетъ необходимымъ, къ подчиненнымъ начальникамъ Кр. С. и часто посылая офицеровъ своего штаба съ временными порученіями, чтобы убѣдиться въ чемъ-либо или оцѣнить положеніе,

— со стороны подчиненныхъ инстанцій: въ донесеніяхъ высшему начальнику объ ихъ операціяхъ и объ ихъ положеніи,

— со стороны Начальника всякой части: въ держаніи сношеній съ Начальниками сосѣднихъ частей.

Благодаря связямъ всякаго рода, Командованіе воодушевляетъ исполненіе и согласуетъ усилія всѣхъ въ единый актъ, мощный и постоянно управляемый.

Глава 5.

Тайна операцій.

71. Тайна операцій составляетъ одно изъ существенныхъ обезпеченій выполненія рѣшенія Начальника.

Сохраненіе тайны вопросъ чести всѣхъ, кто, по причинѣ ихъ обязанностей, посвящены въ знаніе проекта операціи.

Въ подготовкѣ нѣкоторыхъ операцій, часто будетъ полезно принимать спеціальныя предосторожности для облегченія сохраненія тайны; тогда будетъ выгодно ограничить число офицеровъ, привлекаемыхъ къ изученію проекта операціи, давать знать имъ объ этихъ проектахъ только въ мѣрѣ необходимости для выполненія его работы; наконецъ, ставить Начальниковъ подчиненныхъ частей и Начальниковъ службъ въ курсъ намѣреній Командованія только въ границахъ и въ деталяхъ, строго необходимыхъ для хорошаго исполненія.

Вообще нужно избѣгать, чтобы оперативные приказы, адресуемые подчиненнымъ Начальникамъ, воспроизводили совокупность предписаній высшаго начальства; иногда указанія, относящіяся къ общему замыслу маневра и намѣреніямъ Командованія, могутъ быть сообщаемы только словесно.

Раздѣлъ II.

Безопасность. (Охраненіе).

Глава 1.

Элементы безопасности.

72. Безопасность имѣетъ цѣлью позволить Командованію принять его рѣшенія, то есть, соединить его средства и поставить ихъ въ дѣло въ цѣляхъ боя.

Она должна также обезпечить прикрытіе войскъ отъ неожиданностей на землѣ и отъ опасностей сверху.

Безопасность покоится на развѣдкѣ и на расположеніи войскъ.

Развѣдка требуется отъ авіаціи, отъ кавалеріи, отъ войскъ, находящихся въ соприкосновеніи съ противникомъ и отъ спеціальныхъ органовъ. Во время боя, самъ бой доставляетъ наиболѣе цѣнныя и наиболѣе вѣрныя развѣдки.

Когда арміи имѣютъ свободу движенія, расположеніе Кр. С. эшелонируется въ глубину; главныя силы прикрываются органами при-

крытія, обязанными обезпечить безопасность на маршѣ и на расположеніи; составъ и задача этихъ органовъ назначаются Командованіемъ.

Когда арміи расположены на непрерывномъ фронтѣ, Кр. С. эшелонируются на оборонительныхъ позиціяхъ и на путяхъ сообщенія, что допускаетъ маневръ; онѣ прикрываются авангардными позиціями.

Во всѣхъ обстоятельствахъ, безопасность отъ воздушныхъ предпріятій требуется одновременно и отъ противоаэронавтной защиты и отъ мѣръ всякаго рода, которыя войска должны нормально принимать противъ воздушныхъ угрозъ.

Господство въ воздухѣ, достигаемое боемъ, — лучшее обезпеченіе безопасности.

Глава 2.

Органы развѣдки.

Авіація.

73. На авіаціи лежитъ обязанность освѣдомлять Командованіе о движеніяхъ и расположеніи противника въ опредѣленной зонѣ.

Она замѣняетъ кавалерію въ задачахъ дальняго освѣщенія; быстротою и раіономъ дѣйствій своихъ аппаратовъ, придачею безпроволочнаго телеграфа (T. S. F.), обезпечивающаго немедленную и непосредственную передачу извѣщеній, — она представляетъ исключительное оружіе развѣдки большой дальности. Кромѣ того, фотографическіе документы неоспоримой точности даютъ вообще ея сообщеніямъ необыкновенную цѣнность.

Однако, авіація можетъ располагать числомъ аппаратовъ, недостаточнымъ для дѣйствій каждый день и часъ; съ другой стороны, дождь и туманъ часто дѣлаютъ полетъ труднымъ, а видимость плохою; присутствіе войскъ въ лѣсахъ почти полностью ускользаетъ отъ авіаціи, особенно днемъ; наконецъ, авіація вообще не способна для точнаго опредѣленія видимаго непріятельскаго контура. Развѣдки, которыми можетъ снабжать авіація, слѣдовательно, ограничены и должны быть точно закончены.

Кавалерія.

74. Кавалерійскія дивизіи привлекаются для обезпеченія безопасности близкой развѣдкой; онѣ производятъ развѣдку на меньшихъ, нежели авіація, дистанціяхъ, и входятъ въ соприкосновеніе.

Производство развѣдки поручается легкимъ элементамъ (отрядамъ или развѣдчикамъ), посылаемымъ къ нѣкоторымъ пунктамъ и въ опредѣленныхъ направленіяхъ; совокупность этихъ элементовъ образуетъ развѣдываніе.

Установленіе соприкосновенія позволяетъ опредѣлить фронтъ занятый противникомъ; во время установленія соприкосновенія Кав. Д производитъ развѣдывательные поиски настолько глубоко, насколько позволяютъ имѣющіяся средства огня.

Кавалерія, органически приданная къ дивизіямъ (пѣх.) и къ армейскимъ корпусамъ обезпечиваетъ производство развѣдокъ впереди ихъ фронта и поддержаніе соприкосновенія; она принадлежитъ къ непосредственному прикрытію войскъ.

Наступательныя развѣдки, набѣги.

(Coup de main).

75. Когда установлено соприкосновеніе, то до завязки боя, Командованіе можетъ имѣть интересъ въ развѣдываніи силъ и расположенія противника въ какомъ либо опредѣленномъ пунктѣ. Оно поручаетъ эту задачу отрядамъ, точнымъ образомъ опредѣляя цѣль и глубину операціи.

Когда фронты неподвижны, эти усиленныя развѣдки вообще болѣе часты. Онѣ, въ частности, стремятся провѣрить силы противника, открыть его подготовку къ атакѣ и т. д. Онѣ наиболѣе часто производятся въ формѣ набѣговъ (coup de main).

Глава 3.

Безопасность на маршѣ.

76. Безопасность на маршѣ покоится на употребленіи отрядовъ всѣхъ родовъ войскъ, держащихся въ тѣсной зависимости отъ главныхъ силъ, какъ во времени, такъ и въ разстояніи. Смотря по мѣсту, какое они занимаютъ по отношенію къ главнымъ силамъ, они обозначаются подъ именемъ авангардовъ, арріергардовъ или боковыхъ отрядовъ (боковыхъ авангардовъ).

Авангарды.

77. Авангарды суть органы прикрытія, выдѣляемые отъ частей впередъ въ направленіи ихъ движенія. Ихъ дѣйствіе всегда подчинено дѣйствію главныхъ силъ, которымъ они должны обезпечить выполненіе ихъ задачъ; при близости противника они обезпечиваютъ Начальника временемъ и пространствомъ, необходимыми для приведенія въ дѣйствіе его средствъ; во время марша они даютъ своимъ частямъ защиту отъ близкихъ внезапностей.

Ихъ составъ измѣняется смотря по обстоятельствамъ.

Передъ непріятелемъ на позиціи къ авангардамъ присоединяется кавалерія, остановленная соприкосновеніемъ; дѣйствуя осторожно, они проталкиваютъ свое продвиженіе съ цѣлью точно опредѣлить линію, на которой непріятель предлагаетъ крѣпкое и длительное сопротивленіе; затѣмъ они закрѣпляются, чтобы прикрыть развертываніе главныхъ силъ.

Передъ непріятелемъ въ движеніи, авангарды выпускаютъ впередъ послѣдовательные щупальцы, прикрывающіе продвиженіе колоннъ; они обтекаютъ мѣстныя сопротивленія, которыхъ кавалерія не имѣла нужды брать, и овладѣваютъ опорными пунктами, облада-

ніе которыми благопріятствуетъ существенно развертыванію главныхъ силъ. Если противникъ производитъ на нихъ энергичное давленіе, они цѣпляются за мѣстность и, усиливаемые въ случаѣ нужды, создаютъ фронтъ, достаточно солидный, чтобы позволить командованію принять свое боевое расположеніе, согласно его плану.

При расположеніи на мѣстѣ авангарды обезпечиваются сторожевымъ охраненіемъ (аванпостами).

Арріергарды.

78. При отступательномъ маршѣ, арріергарды имѣютъ своею задачею позволить главнымъ силамъ избѣгнуть боя.

Ихъ составъ и ихъ способъ дѣйствій особенно зависятъ отъ времени, въ теченіи котораго они должны задерживать непріятеля, отъ свойствъ мѣстности и отъ пространства, которымъ они располагаютъ для маневрированія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, они сопротивляются на опредѣленной позиціи, защищаемой до послѣдней крайности; въ другихъ — они маневрируютъ, отступая, эшелонируя заранѣе свои силы и, особенно артиллерію, назадъ, на послѣдовательныя позиціи, которыя они имѣютъ намѣреніе оборонять.

Боковые авангарды.

79. Боковые авангарды имѣютъ цѣлью прикрыть открытые фланги войскъ на маршѣ или на мѣстѣ. Они держатся отъ главныхъ силъ на дистанціи, достаточной, чтобы заблаговременно помѣшать противнику въ опасномъ направленіи.

Глава 4.

Безопасность при расположеніи на мѣстѣ.

80. При расположеніи на мѣстѣ, внѣ соприкосновенія съ противникомъ, прикрытіе главныхъ силъ обезпечивается отрядами безопасности, располагаемыми на главныхъ направленіяхъ, ведущихъ отъ противника, и выдвигающими впередъ элементы, обозначаемые именемъ аванпостовъ (сторожевое охраненіе).

Вблизи отъ противника или при соприкосновеніи съ нимъ, Начальникъ Кр. С. обозначаетъ позицію сопротивленія, на которой, въ случаѣ атаки, онъ имѣетъ намѣреніе принять бой. Онъ ставитъ аванпосты на позиціи, предназначенной чтобы дать главнымъ силамъ время изготовиться и занять оборонительную позицію. Задача аванпостныхъ войскъ зависитъ отъ обстоятельствъ. Вообще, эти войска имѣютъ только охранительную роль и присоединяются къ главнымъ силамъ въ случаѣ атаки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они могутъ принимать участіе въ маневрѣ, сопротивляясь на выбранныхъ мѣстахъ и жертвуя собою, для разсѣянія атаки и удержанія подъ огнемъ позиціи главной обороны.

Задача аванпостовъ должна быть, во всѣхъ случаяхъ, точно обозначена и извѣстна всѣмъ.

Глава 5.

Защита противъ аэрофлота.

81. Защита противъ аэрофлота состоитъ вообще изъ двухъ частей:

— защита противъ аэрофлота 1-ой линіи, образующей по всей длинѣ угрожаемаго фронта заградительный огонь, большей или меньшей плотности и большей или меньшей глубины,

— защита противъ аэрофлота 2-ой линіи, сосредоточенной вокругъ жизненныхъ пунктовъ тыловой зоны.

Во время марша защита противъ аэрофлота I-ой линіи, перемѣщается послѣдовательными скачками [и эшелонами, чтобы такимъ образомъ обезпечить возможно лучше длительность фронтальнаго заградительнаго огня.

Раздѣлъ III.

Перевозка, Марши, Расположеніе на мѣстѣ.

Глава 1.

Перевозки.

Общее.

82. Во время операцій Кр. С. часто бываютъ вынуждаемы къ быстрымъ переброскамъ, либо съ одного театра дѣйствій на другой, либо изъ одного пункта въ другой того же самаго театра дѣйствій.

Смотря по предстоящему разстоянію и по имѣющимся средствамъ перевозки, войска перевозятся или по желѣзнымъ дорогамъ или въ автомобиляхъ; они могутъ быть перевозимы также и по воднымъ путямъ.

При современномъ положеніи, перевозки воздушными путями могутъ быть разсматриваемы лишь какъ случайныя, малыми отдѣленіями, или для спѣшнаго снабженія.

Какой бы способъ перевозки ни былъ примѣненъ въ высшей степени важно оградить отъ развѣдыванія и отъ шпіонства всякое производимое движеніе войскъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Дисциплина „маскировки отъ наблюденій“ должна быть слѣдовательно одной изъ существеннѣйшихъ заботъ Командованія; при наличіи развитія воздушныхъ средствъ, усовершенствованія способовъ развѣдыванія и увеличенія дальности орудій, она создаетъ существенную гарантію безопасности войскъ и возможности осуществить внезапность.

Перевозка по желѣзнымъ дорогамъ.

83. Перевозка по желѣзнымъ дорогамъ примѣнима для всѣхъ родовъ войскъ. Она имѣетъ значительную провозоспособность и даетъ выгоды сохраненія частей сгрупированными около всѣхъ ихъ средствъ; однако, она нуждается въ подготовкѣ и требуетъ почти

всегда маршей и сбора къ посадкѣ и высадкѣ; ея осуществленіе требуетъ вообще значительныхъ сроковъ, рѣдко менѣе 2 или 3 дней для дивизіи или 5—6 дней для Армейскаго Корпуса.

Желѣзнодорожная перевозка Кр. С. допустима только для довольно значительныхъ перемѣщеній (по крайней мѣрѣ 100 километровъ для А. К., 75 километровъ для Дивизіи); она обязательна для далекихъ разстояній.

При жел. дор. перевозкѣ войска должны быть обезпечиваемы ихъ собственными средствами прикрытія противъ непріятельской авіаціи.

Перевозки на автокаміонахъ.

84. Перевозки на автокаміонахъ характеризуются большой гибкостью, но они въ общемъ требуютъ очень точнаго установленія обращенія и ихъ провозоспособность ограничена матеріальнымъ истощеніемъ и утомленіемъ персонала; кромѣ того, при примѣненіи для значительныхъ пробѣговъ они представляютъ неудобство для размѣщенія Кр. С.

Въ принципѣ — автоперевозки продолжаютъ перевозки желѣзнодорожныя; онѣ замѣняютъ ихъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и для краткихъ пробѣговъ.

Эти перевозки болѣе спеціально примѣнимы для пѣхоты съ ея боевымъ матеріаломъ и къ легкотанковымъ частямъ.

Равнымъ образомъ онѣ могутъ примѣняться для артиллеріи; но тогда перевозятъ только грузы, только ограниченное число упряжекъ. Полковые же обозы производятъ всегда передвиженіе по дорогамъ.

Вообще не выгодно примѣнять автоперевозки на разстоянія менѣе 10 километровъ для легкихъ танковъ, менѣе 20 километровъ для пѣшихъ частей и менѣе 60 километровъ для артиллеріи.

Водныя перевозки.

85. Водныя перевозки могутъ быть выполняемы по каналамъ, по рѣкамъ или морю отъ одного пункта или берега до другого.

Будучи очень медленными въ каналахъ, вслѣдствіе большого числа проходимыхъ шлюзовъ, онѣ могутъ дать очень большую продуктивность на морѣ или на большихъ рѣкахъ, особенно если располагаютъ судами, приспособленными для перевозокъ значительныхъ частей, напримѣръ баталіона.

Глава 2.

Марши.

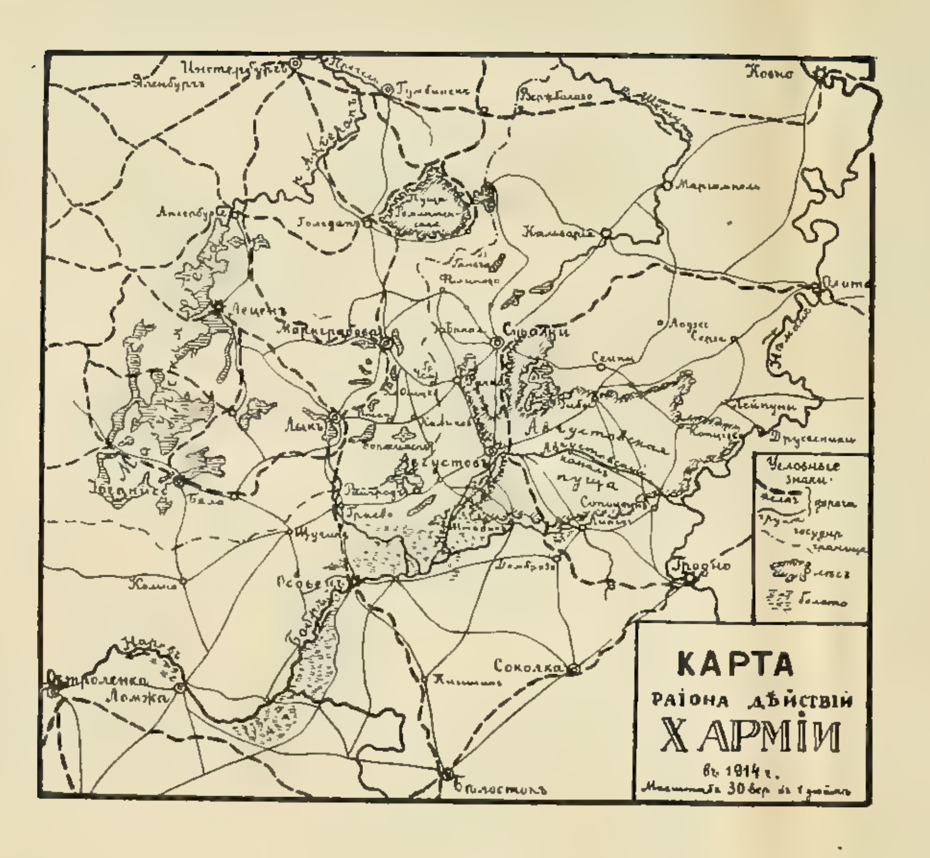
Общее.

86. Сухопутныя движенія всегда являются для производящихъ ихъ войскъ причиной большаго или меньшаго утомленія; слѣдова-

„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ" О. Р. В. З. № 5.

Къ статьѣ В. Е. Флуга

„Х-ая Армія въ сентябрѣ 1914 г.".



Условные знаки:

N.N. корпусовъ обозначены римскими цифр.

N.N. дивизій и бригадъ " арабскими.

Русскіе:

Нѣмцы:

Схема № 1.

3-4 сентября 1914 г.

Масштабъ 1: 1.260.000

Схема № 2.

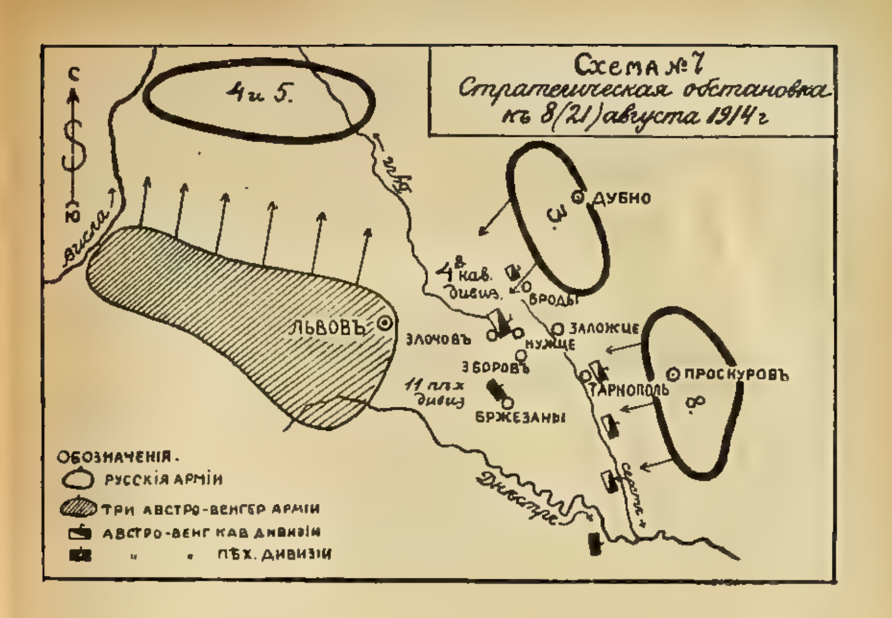
12-13 сентября 1914 г.

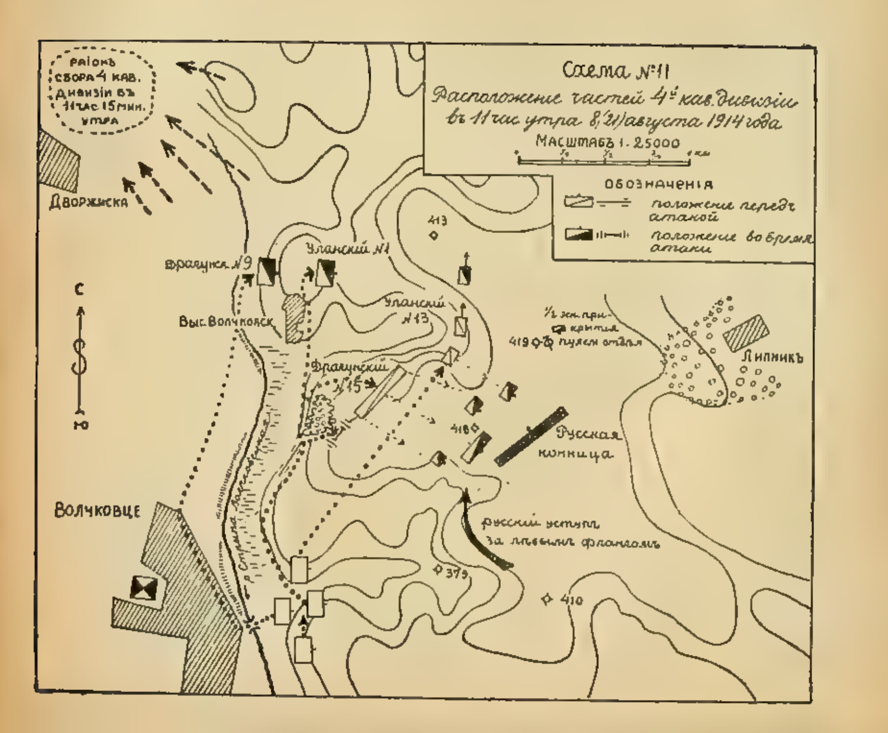
Масштабъ 30 верстъ въ 1 дюймѣ

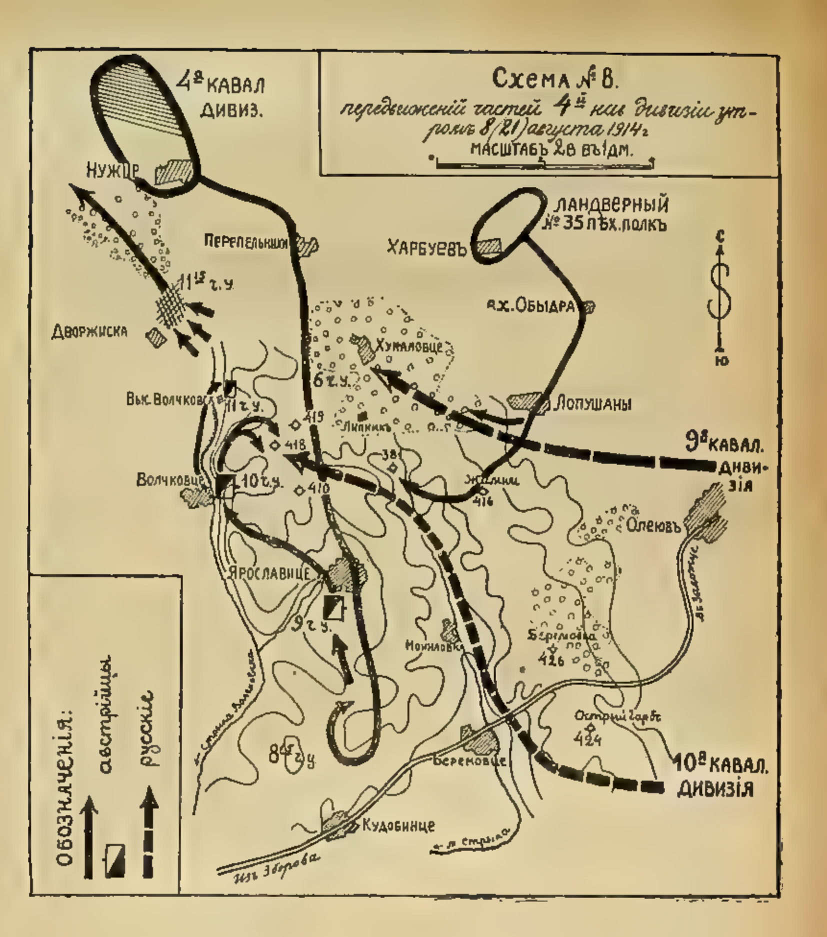
„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ" О. Р. В. З. № 5.

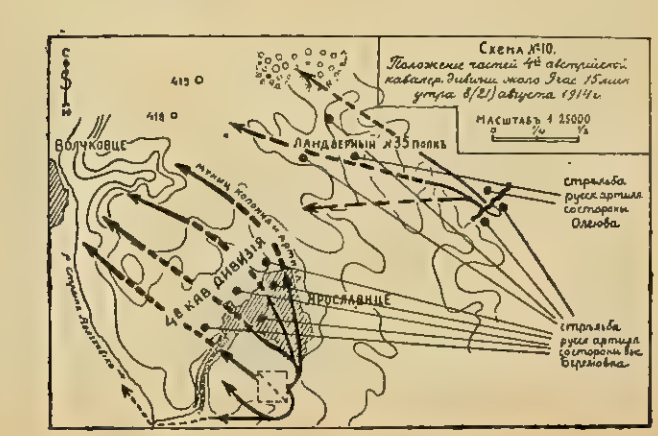
Къ статьѣ Н. Головина

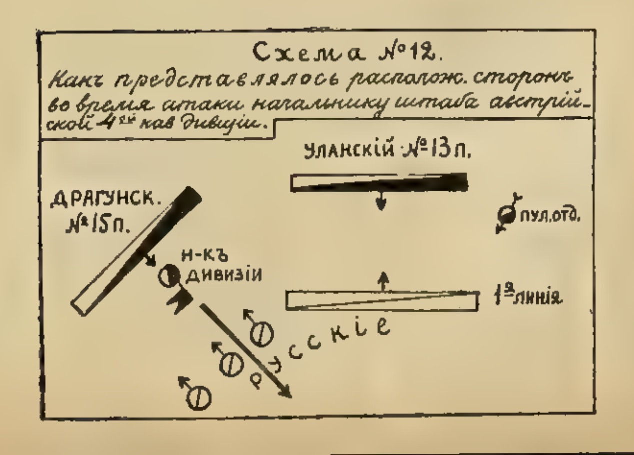
„СОВРЕМЕННАЯ КОННИЦА".







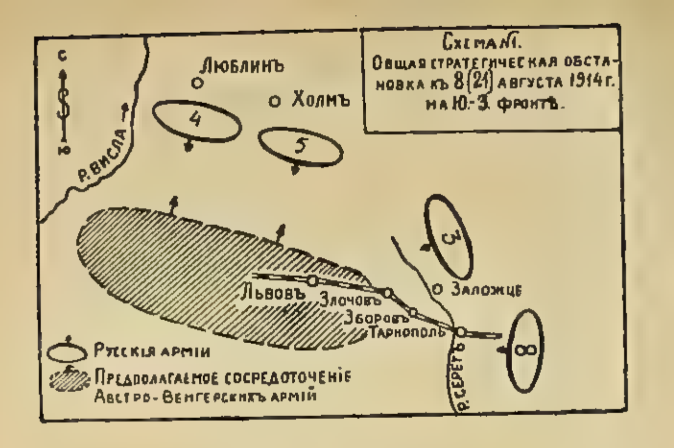


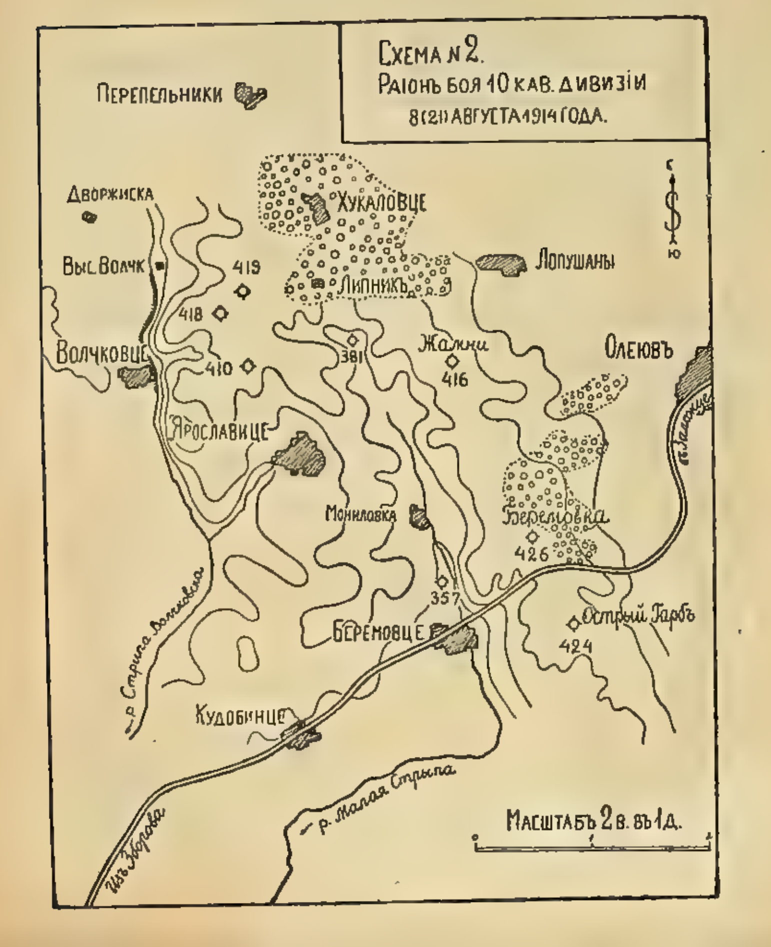


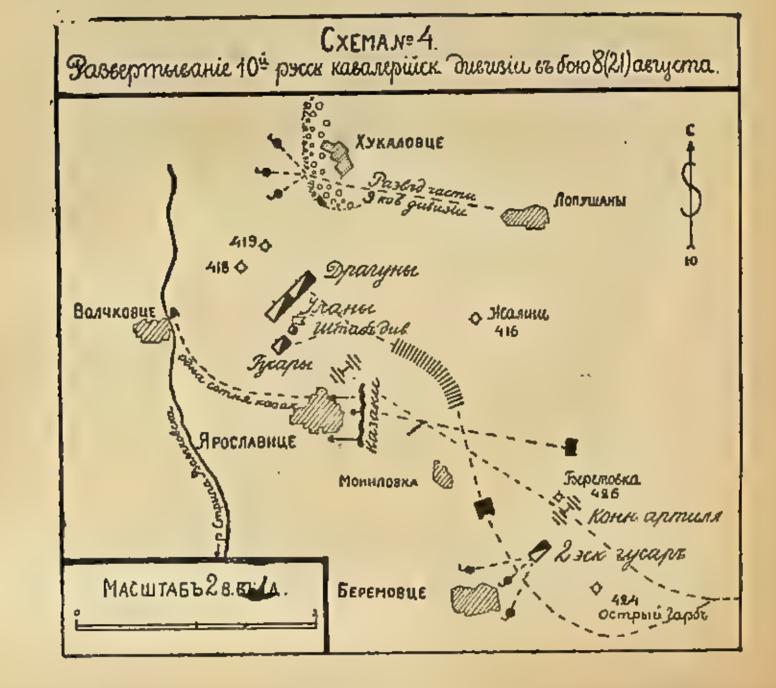
„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ" О. Р. В. З. № 5.

Къ статьѣ Н. Головина

„СОВРЕМЕННАЯ КОННИЦА".

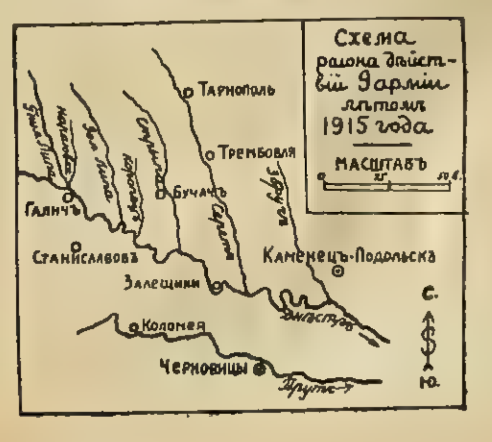






Къ статьѣ Н. Головина

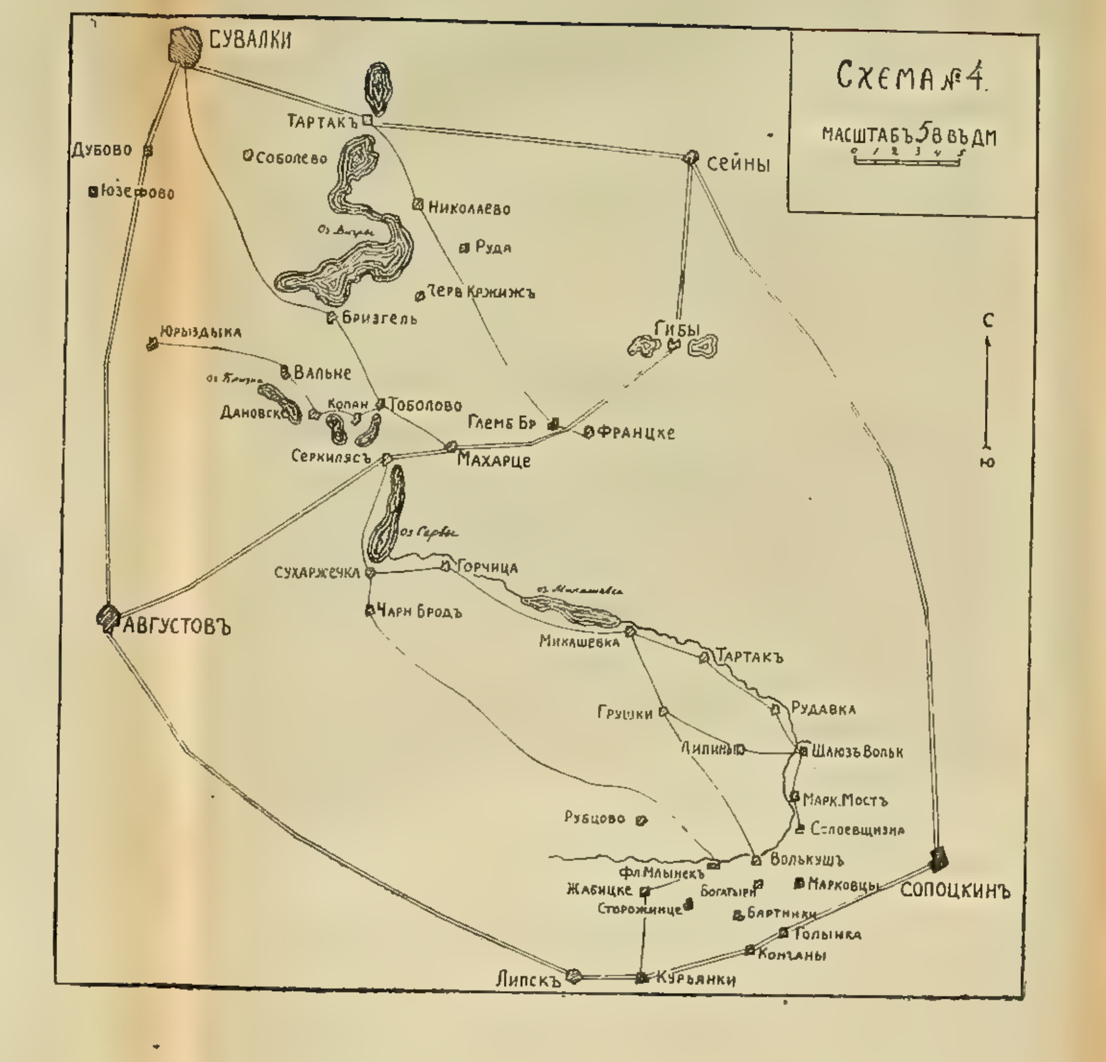
„РАЗВИТІЕ ОСНОВНЫХЪ ИДЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ТАКТИКИ".

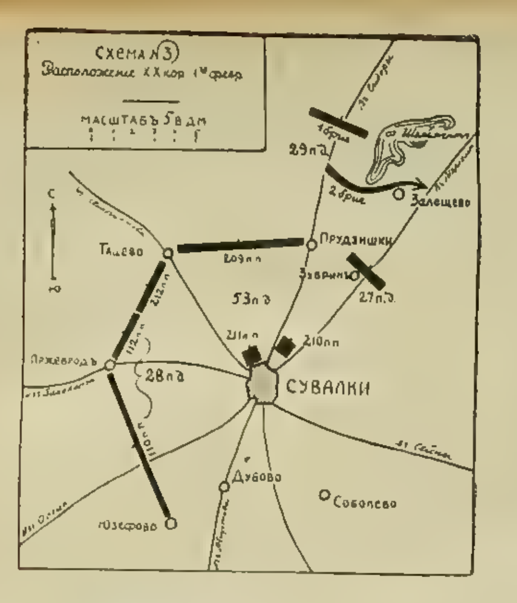


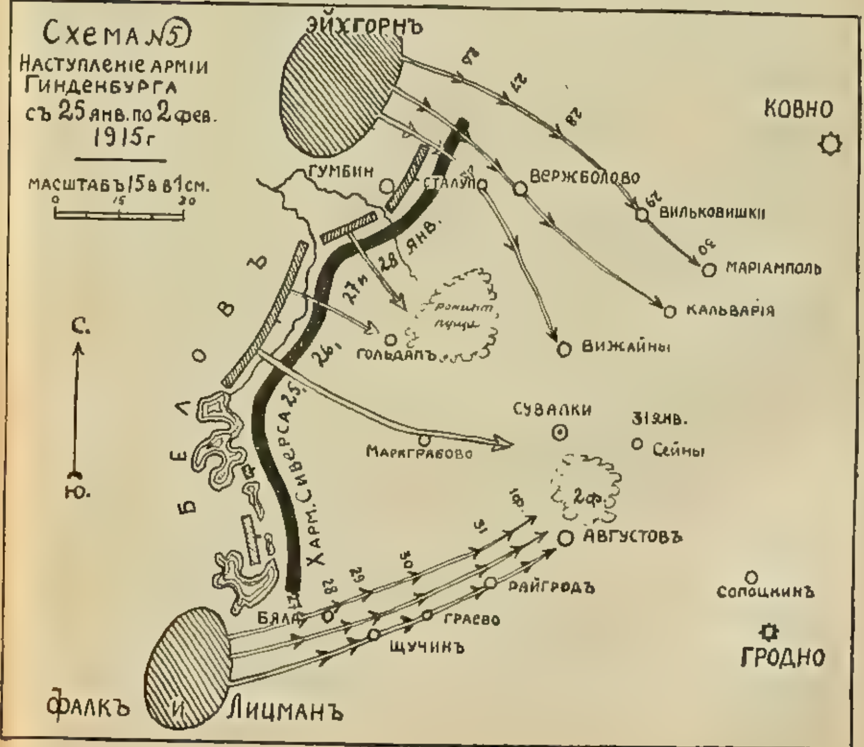
„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ" О. Р. В. 3. № 5.

Къ статьѣ А. Розеншильдъ-Паулина

„Гибель XX Армейск. Корпуса въ Августовскихъ лѣсахъ въ февралѣ 1915 года".







„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“ О. Р. В. З. № 5.

Къ статьѣ В. Буняковскаго

„Краткій очеркъ обороны крѣпости Осовца

въ 1915 году.

Схема N 1

Положеніе сторонъ къ 23 Января 1915 г.

Схема N 2

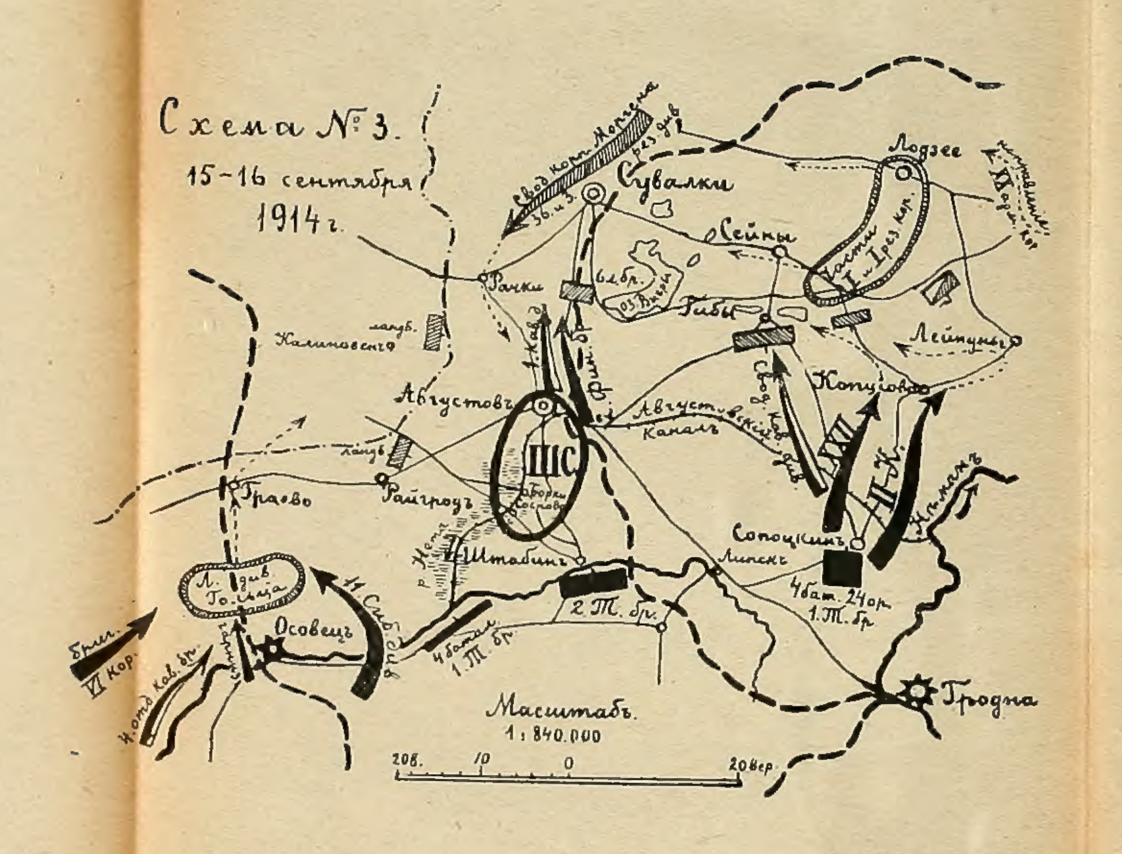
Общій видъ крѣпости Осовецъ и расположенія осадныхъ батарей съ 13 Февраля по 7 Марта

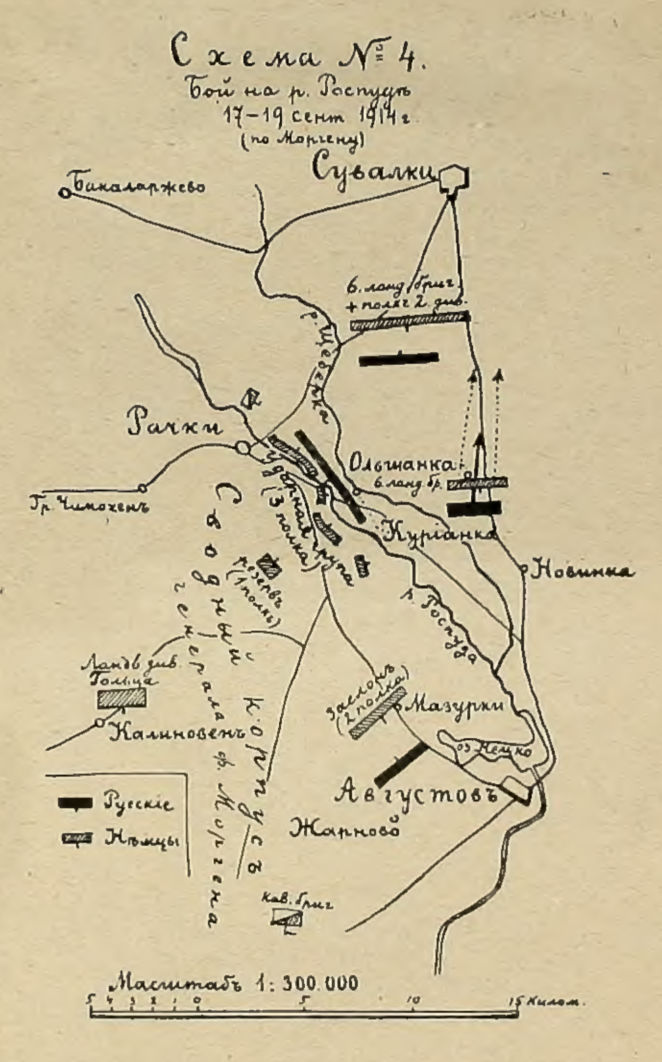
Масштабъ 1 верста въ 1 дюймѣ

„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ" О. Р. В. З. № 5.

Къ статьѣ В. Е. Флуга

„X-ая Армія въ сентябрѣ 1914 г."





„Военный Сборникъ“ ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

Revue publiée par la societe des etudes militaires

подъ редакціей Генеральнаго Штаба

Полк. В. М. ПРОНИНА и И. Ф. ПАТРОНОВА и адм. А. Д. БУБНОВА.

№ 1. В. М. ПРОНИНА. — Генералъ Л. В. Корниловъ. В. М. ДРАГОМИРОВА. — Скрытая военная подготовка Германіи (1918 1921). И. Ф. ПАТРОНОВА. — Причины и слѣдствія Великой войны. С. К. ДОБРОРОЛЬСКАГО. — О мобилизаціи русской арміи въ 1914 г. Н. В. НАГАЕВА. — Нѣкоторыя особенности гражданской войны на Югѣ Россіи въ 1918 - 19 гг. Ѣздящая пѣхота. Г. ТКАЧЕВА. — Вопросы тактическаго примѣненія авіаціи въ маневренной войнѣ. С. А. ЖУКОВА. — Операціи въ Сѣверной Тавріи въ 1920 году. В. ДОБРЫНИНА. — Современная кавалерія. (О новомъ французскомъ кавалерійскомъ уставѣ). С. Д. — Боевая подготовка французской пѣхоты по новому уставу. В. М. ПРОНИНА. — Изъ эпохи великаго развала русской арміи въ 1917 г. Библіографическій отдѣлъ. (Распроданъ).

№ 2. В. Б. — Генералъ М. В. Алексѣевъ. С. ДОБРОРОЛЬСКАГО. — Стратегическіе планы сторонъ къ началу міровой войны. В. ДОБРЫНИНА. — Донъ въ борьбѣ съ коммуной. На Донцѣ и Манычѣ (февраль май 1919 г.). В. ДРАГОМИРОВА. — Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій русскихъ армій въ Галиціи и Привислинскомъ краѣ въ августѣ 1914 г. Профессора Н. Н. ГОЛОВИНА. — Авіація въ минувшую войну и въ будущую. В. БОРИСОВА. — Два основныя измѣненія въ теоріи военнаго искусства по опыту войны 1914 – 1916 гг. Профессора А. КЕЛЬЧЕВСКАГО. — Односторонній опытъ. И. ПАТРОНОВА. — Старая и новая дисциплина. С. ДОБРОРОЛЬСКАГО. — Статья В. Сб. № 1 О мобилизаціи русской арміи въ 1914 году“ — въ нѣмецкомъ толкованіи. Военно-морской отдѣлъ подъ редакціей адм. А. Д. БУБНОВА. Информаціон. и библіографич. отдѣлы. Прилож. „Новое франц. наставл. для обуч. стрѣльбѣ“. Переводъ В. Ф. и Е. Н., редакція и коммент. Е. Н.

№ 3. Современная война и красная вооруженная сила. — Проф. Н. Н. ГОЛОВИНА. Новое устройство французской арміи. — С. ДОБРОРОЛЬСКАГО. Отъ Седана къ Марнѣ. — В. КРЕЙТЕРА. Война и психологія. — В. ВЯЗЬМИТИНОВА. Краткій стратегическій очеркъ вооруженной борьбы на франко-германскомъ фронтѣ въ 1918 г. — Р. ДРЕЙЛИНГА. Въ Штабѣ Сѣверо-Западнаго фронта. — Ф. Ф. ПАЛИЦЫНА. Боевая подготовка французской пѣхоты по новому уставу. — С. ДОБРОРОЛЬСКАГО. Кризисъ пѣхоты. — Ген. ECOCHARD. Переводъ съ французскаго. Логистика. — В. БѢЛЯЕВА. Къ вопросу объ основныхъ измѣненіяхъ въ теоріи военнаго искусства по опыту войны 1914-1918 гг. — В. БОРИСОВА. Военно-морской отд. подъ редакціей адм. А. Д. БУБНОВА. О подводныхъ крейсерахъ. — Кап. II ранга МОНАСТЫРЕВА. Вопросъ надводный или подводный флотъ послѣ всемірной войны. — Проф. А. Д. БУБНОВА. Информац. и библіограф. отд. Прилож. „Новое франц. наставл. для обуч. стрѣльбѣ“. Переводъ В. Ф. и Е. Н., редакція и комент. Е. Н.

№ 4.

Н. Н. ГОЛОВИНЪ. — Современная конница (изъ записокъ бывшаго профессора). Ю Н. ДАНИЛОВЪ.— Наше стратегическое развертываніе въ 1914 году и идеи положенныя въ основу его. В. М. ДРАГОМИРОВЪ. — Подготовка русской арміи къ Великой войнѣ. Подготовка командтнаго состава В. ФУКСЪ. — Краткій очеркъ операцій Наревской арміи Ген. Самсонова въ Восточной Пруссіи въ Августѣ 1914 г. А. Р. — Причины неудачъ II арм. Ген. Самсонова въ Вост. Пруссіи въ Августѣ 1914 г. (по запискѣ ген. Клюева). И. ПАТРОНОВЪ.— Дѣйствія VI арм. корпуса и главныя причины неудачъ II арміи въ Вост. Пруссіи. А. ЛУКОМСКІЙ. — Опытъ войны какъ матеріалъ для подготовки войскъ. В. ПОЛЯНСКІЙ. — Эволюція укрѣпленныхъ позицій въ міровой войнѣ и нѣкоторые выводы для будущаго". Р. ДРЕЙЛИНГЪ. — Краткій стратегическій очеркъ вооруженной борьбы на франко-германскомъ фронтѣ въ 1918 году (окончаніе). Ф. Ф. ПАЛИЦЫНЪ.— Въ Штабѣ Сѣв.-Западнаго фронта (продолж.). ШАВРОВЪ. — Полковая артиллерія, ея значеніе и примѣненіе. А. РОЗЕНШИЛЬДЪ-ПАУЛИНЪ. — Спортъ какъ связь арміи съ народомъ. В. ДРАГОМИРОВА. — Письмо въ редакцію. Морской отдѣлъ. — Кап. II г. МОНАСТЫРЕВЪ. Наши подводныя лодки во время войны. БУРКОВЪ. — Авіаціонные корабли, какъ базы въ морской войнѣ А. БУБНОВЪ. — Морская хроника. Информаціонный отдѣлъ Библіографическій отдѣлъ

Приложеніе: Портретъ Генералъ-отъ-Инфантеріи Ф Ф. Палицына.

№ 5.

Н. Н ГОЛОВИНЪ. — Современная конница (продолженіе) А. К. БАЮВЪ. — Нѣсколько мыслей по вопросу о военной доктринѣ. Н. Н. ГОЛОВИНЪ. — Развитіе основныхъ идей современной тактики. А. ПОПОВЪ. — Понятіе о воинской дисциплинѣ. В Н. БОЛДЫРЕВЪ. — Удушливые газы и защита отъ нихъ. В. М. ДРАГОМИРОВЪ. — Подготовка Русской Арміи къ Великой войнѣ (продолженіе). В. ЧЕРНАВИНЪ. — Къ вопросу объ офицерскомъ составѣ старой русской арміи къ концу ея существованія. В. Е. ФЛУГЪ. — X-ая Армія въ сентябрѣ 1914 г. А. РОЗЕНШИЛЬДЪ-ПАУЛИНЪ. — Гибель XX Армейскаго Корпуса въ Августовскихъ лѣсахъ въ февралѣ 1915 года В. БУНЯКОВСКІЙ. — Краткій очеркъ обороны крѣпости Осовца въ 1915 г. Ф. Ф. ПАЛИЦЫНЪ. — Въ Штабѣ Сѣверо-Западнаго фронта (окончаніе). Морской отдѣлъ. Информаціонный отдѣлъ Библіографическій отдѣлъ

Приложеніе Временная инструкція для тактическаго употребленія крупныхъ соединеній. Переводъ съ франц. Ген. Штаба Ген.-Лейт. В. С. ВЯЗЬМИТИНОВА.